А.С. МАКАРЕНКО

избранные произведения

3

А. МАКАРЕНКО

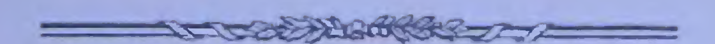
ЛЕКЦІЇ ПРО ВИХОВАННЯ ДІТЕЙ

Під редакцією

Г. Макаренко і В. Колбановського

ВИДАВНИЦТВО
„РАДЯНСЬКА ШКОЛА"
КИЇВ—1941

Титульный лист первого наиболее полного издания на украинском языке собрания сочинений А.С. Макаренко (К.: Рад. школа, [illegible])

А.С. МАКАРЕНКО

ТВОРИ

В СЕМИ ТОМАХ

ДЕРЖАВНЕ
УЧБОВО-ПЕДАГОГІЧНЕ ВИДАВНИЦТВО
«РАДЯНСЬКА ШКОЛА»
КИЇВ — 1953

А. Макаренко

А.С. МАКАРЕНКО

Избранные произведения в трех томах

А.С. МАКАРЕНКО

Том третий

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ

Издание второе,
исправленное и дополненное

КИЕВ «РАДЯНСЬКА ШКОЛА» 1985

74
М15

МАКАРЕНКО А. С. Избранные произведения: В 3-х т. / Редкол.: Н. Д. Ярмаченко (председатель) и др.— Изд. 2-е, испр. и доп.— К.: Рад. шк., 1985 — (Пед. б-ка).

Т. 3 — 592 с. 2 р. 40 к. 65 000 экз.

В третий том вошли работы А. С. Макаренко по общим проблемам педагогики, теории и методики коммунистического воспитания детей и подростков, лекции и выступления по вопросам воспитания в семье, а также его переписка с А. М. Горьким, публицистические статьи, выступления.

Составитель, автор комментариев и примечаний *Н. Д. Ярмаченко,* действительный член АПН СССР

М $\frac{4302000000-329}{М210(04)-85}$ БЗ—19—12—85

СОВЕТСКОЕ ШКОЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНОГО СОВЕТСКОГО ВОСПИТАНИЯ

(тезисы)

1

Проблемы школьного советского воспитания не могут быть выведены из положений, стоящих вне советской общественной жизни и советской политической истории. Безнадежной является попытка построить воспитательную технику при помощи дедуктивных выводов из какой угодно науки: психологии, биологии и т. д. Это вовсе не значит, что положения этих наук не должны участвовать в деле построения советской воспитательной техники. Однако роль их должна быть чисто служебная, вполне подчиненная тем целям, которые диктуются политическими (практическими) обстоятельствами в жизни советского общества.

В настоящее время педагогическое значение таких наук, как психология и биология, очень слабо разработано. Очень вероятно, что в ближайшее время мы будем свидетелями самых широких открытий в этих областях, которые позволят нам более осмотрительно и более точно пользоваться показаниями этих наук для наших политических целей.

Но и в настоящее время, и в будущем одно не подлежит сомнению: никакое педагогическое средство не может быть выведено (силлогистически) из положений какой бы то ни было науки. Такой вывод в лучшем случае будет выводом аполитичным, очень часто будет выводом политически вредным. Лучшим доказательством этого является практика педологии. В настоящее время вполне уместно всякую тенденцию дедуктивного логического вывода педагогического средства из положения какой бы то ни было науки считать тенденцией педологической.

2

Отношение средства и цели должно быть той пробной областью, на которой проверяется правильность педагогической логики. Наша логика должна быть логикой марксистской, логикой диалектической.

С точки зрения этой логики, мы не можем допустить никакого средства, которое не вело бы к поставленной нами цели. Это первое положение. Второе, совершенно естественно, заключается в том, что никакое средство не может быть объявлено постоянным, всегда полезным и действующим всегда одинаково точно. Педагогика — наука диалектическая, абсолютно не допускающая догмы.

Целесообразность и диалектичность воспитательного средства — вот основные положения, которые должны лечь в основу советской воспитательной системы.

3

Целесообразность. Не всякая логика целесообразности нас может удовлетворить. В двадцатилетней практике нашей педагогической науки было много ошибок, и почти все они заключались в искривлении идеи целесообразности.

Главные типы таких искривлений следующие:

а) тип дедуктивного предсказания,

б) тип этического фетишизма,

в) тип уединенного средства.

Тип дедуктивного предсказания характеризуется тем, что в нем преобладает вывод из допущенной посылки. При этом самая посылка никогда не контролируется и считается непогрешимой; непогрешимым, следовательно, считается и вывод В таком случае обыкновенно утверждают: данное средство должно обязательно привести к таким-то и таким-то результатам. Эти результаты выражаются, например, в положительных терминах. Их положительность выведена из данного средства как логический вывод, но в то же время и самая положительность результата считается доказательством правильности самого средства. Получающийся таким образом логический круг почти не поддается ударам дедуктивной критики, другая же критика, проверка действительных результатов, в таком случае вообще считается принципиально порочной. Вера в средство настолько велика, что неожиданно плохие результаты всегда относятся к якобы неправильному применению средства или к причинам посторонним, которые нужно только найти.

Ошибка *типа этического фетишизма* заключается в том, что и средство и метод ставятся рядом с понятием, этическое содержание которого не вызывает сомнения. Вот это самое стояние рядом и считается аргументом достаточным и не подлежащим контролю. Такие ошибки совершаются нашей педагогической мыслью. Сюда нужно отнести многие попытки организовать так называемое трудовое воспитание. Соседство такого понятия, как труд, оказывалось достаточным, чтобы быть уверенным в спасительности многих средств, собственно говоря, никакого отношения к труду не имеющих. В этой же области находятся все ошибки самоорганизации и самоуправления.

Наконец, целесообразность очень часто утверждалась применительно к *уединенному средству,* разумеется, также без практической проверки. Диалектичность педагогического действия настолько велика, что никакое средство не может проектироваться как положительное, если его действие не контролируется всеми другими средствами, применяемыми одновременно с ним. Человек не воспитывается по частям, он создается синтетически всей суммой влияний, которым он подвергается. Поэтому отдельное средство всегда может быть и положительным и отрицательным, решающим моментом является не его прямая логика, а логика и действие всей системы средств, гармонически организованных.

4

Целесообразность и диалектичность педагогического действия в советской педагогике могут быть организованы только опытным путем. В нашей школе достаточно оснований для индуктивно-опытного вывода. Но истинная логика педагогического средства и системы средств заключается даже не в узкой школьной области, а в широкой общественной жизни Союза, в области тех принципов и традиций, которые уже совершенно ясно отличают наше общество от всякого другого.

Прежде всего значение этой широкой области звучит в самой постановке целей воспитания.

Цели воспитательного процесса должны всегда ясно ощущаться воспитательной организацией и каждым воспитателем в отдельности. Они должны составлять основной фон педагогической работы, и без ощущения развернутой цели никакая воспитательная деятельность невозможна. Эти цели и должны выражаться в проектируемых качествах личности, в картинах характеров и в тех линиях развития их, которые определенно намечаются для каждого отдельного человека.

Эти качества личности, проектируемые нами в каждом воспитаннике, могут быть общие и частные, индивидуальные. Советский человек должен в среднем отличаться как типичный характер. Воспитание этого типичного характера советского человека и должно составить одну из важнейших целей педагогической работы. К сожалению, нет ни одного исследования о качествах этого типичного характера, хотя интуитивно мы уже знаем, какими качествами отличается на деле советский гражданин. Это знание является знанием реалистическим. В нем важны не самые формы, а тенденции, и советская педагогика, отталкиваясь от этих тенденций, обязана далеко вперед проектировать качества нового типичного советского человека, должна даже обгонять общество в его человеческом творчестве.

К этим общим типичным качествам мы относим следующие стороны личности: самочувствие человека в коллективе, характер его коллективных связей и реакций, его дисциплинированность, готовность к действию и торможению, способность такта и ориентировки, принципиальность и эмоциональное перспективное устремление. Все это синтезируется в том комплексе черт, которые обращают нашего воспитанника в политически деятельную и ответственную фигуру.

К этому же общему комплексу мы относим ту систему знаний и представлений, которые должны составить у него образовательный запас к моменту выхода из школы.

Особой общей задачей является гармонирование этих знаний с указанными чертами характера, приведение их к одному советскому синтезу.

5

Цели индивидуального воспитания заключаются в определении и развитии личных способностей и направленностей в области не только знания, но и характера. В этом отделе должны разрешаться вопросы о полезности или вредности так называемой ломки. Чрезвычайно важным вопросом

является, например, такой: мягкий, податливый, пассивный характер, склонный к созерцанию, отражающий мир в форме внутренней неяркой и неагрессивной работы анализа, подлежит ли ломке и перестройке или подлежит нашему советскому усовершенствованию? На этом примере видно, какой нежности и тонкости могут стоять перед педагогом задачи индивидуального воспитания.

6

Общие и индивидуальные цели, поставленные перед советским воспитанием, должны быть целями обязательными, и к ним мы должны стремиться в прямом и энергичном действии. В воспитательной работе требуется решительная и активная энергия устремления к цели. Наше воспитание должно быть обязательно настойчивым и требовательным, прежде всего по отношению к самим себе. Мы должны знать, чего мы добиваемся, и никогда не забывать об этом. Ни одно действие педагога не должно стоять в стороне от поставленных целей. Никакая параллельная или боковая цель не должна отстранять нас от главной цели. Поэтому, если, например, такая боковая цель возникнет, мы должны прежде всего проверить ее возможность с точки зрения соответствия с главной целью.

7

Указанная выше диалектичность педагогического процесса необходимо требует от педагога большого охватывающего внимания, относящегося к целой системе средств. Самая система средств никогда не может быть мертвой и застывшей нормой, она всегда изменяется и развивается, хотя бы уже потому, что растет и ребенок, входит в новые стадии общественного и личного развития, растет и изменяется и наша страна.

Поэтому никакая система воспитательных средств не может быть установлена навсегда Но кто должен ее изменять, кому можно дать право вносить в нее поправки и коррективы? Она должна быть так поставлена, чтобы отражать необходимость движения и отбрасывать устаревшие и ненужные средства.

Указанные выше принципы должны быть реализованы в следующих отделах и деталях воспитательной работы: а) коллектив и его организация, б) общее движение коллектива и его законы, в) общий тон и стиль работы, г) коллектив педагогов и их центр, д) система режима и дисциплины, е) эстетика коллектива, ж) связь коллектива с другими коллективами, з) индивидуальные особенности коллектива, и) преемственность поколений в коллективе.

ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНОГО СОВЕТСКОГО ВОСПИТАНИЯ

(лекции)

Лекция первая

МЕТОДЫ ВОСПИТАНИЯ

Мы будем говорить на тему о воспитании. Имейте только в виду, товарищи, что я работник практического фронта, и поэтому такой уклон, несколько практический, в моих словах, конечно, будет. Но я считаю, что мы живем в эпоху, когда практические работники вносят замечательные коррективы в положения наук. Эти работники у нас в Советском Союзе называются стахановцами. Мы знаем, как много изменений внесено стахановцами, работниками практического фронта, во многие положения, даже более точные, чем наши науки, как много новых рекордов в деле производительности труда, в деле трудовой рабочей и специальной ухватки внесено стахановцами. Эта производительность труда повышается не простым увеличением расхода рабочей энергии, а при помощи нового подхода к работе, новой логики, новой расстановки элементов труда. Следовательно, производительность труда повышается при помощи метода изобретений, открытий, находок.

Область нашего производства — область воспитания — никоим образом не может быть исключена из этого общего советского движения. И в нашей области — я в этом глубоко убежден был всю жизнь — также необходимы изобретения, даже изобретения в отдельных деталях, даже в мелочах, а тем более в группах деталей, в системе, в частях системы. И такие изобретения могут идти, конечно, не только от работников теоретического фронта, но от обычных, рядовых работников, вот таких, как я. Поэтому я без особого смущения позволяю себе рассказывать о своем опыте и о выводах из этого опыта, считая, что его значение должно находиться также в плоскости такого корректива, который вносит практический работник в определенные достижения теории.

Каким багажом я обладаю, чтобы говорить с вами?

Многие считают меня специалистом по работе с беспризорными. Это неправда. Я всего работал 32 года, из них 16 лет в школе и 16 лет с беспризорными. Правда, в школе всю свою жизнь я работал в особых условиях — в заводской школе, находящейся под постоянным влиянием рабочей общественности, общественности партийной...

Точно так же и моя работа с беспризорными отнюдь не была специальной работой с беспризорными детьми. Во-первых, в качестве рабочей гипотезы я с первых дней своей работы с беспризорными установил, что никаких особых методов по отношению к беспризорным употреблять не нужно; во-вторых, мне удалось в очень короткое время довести беспризорных до состояния нормы и дальнейшую работу с ними вести как с нормальными детьми.

Последний период моей работы в коммуне НКВД им. Дзержинского под Харьковом я уже имел нормальный коллектив, вооруженный десяти-

леткой и стремящийся к тем обычным целям, к каким стремится наша обычная школа. Дети в этом коллективе, бывшие беспризорные, в сущности, ничем не отличались от нормальных детей. А если отличались, то, пожалуй, в лучшую сторону, поскольку жизнь в трудовом коллективе коммуны им. Дзержинского давала чрезвычайно много добавочных воспитательных влияний, даже в сравнении с семьей. Поэтому мои практические выводы могут быть отнесены не только к беспризорным трудным детям, а и ко всякому детскому коллективу, и, следовательно, ко всякому работнику на фронте воспитания.

Вот это первое замечание, которое я прошу вас принять во внимание.

Теперь несколько слов о самом характере моей практической педагогической логики. Я пришел к некоторым убеждениям, пришел не безболезненно и не быстро, а пройдя через несколько стадий довольно мучительных сомнений и ошибок, пришел к некоторым выводам, которые покажутся некоторым из вас странными, но относительно которых у меня есть достаточно доказательств, чтобы, не стесняясь, их доложить. Из этих выводов некоторые имеют теоретический характер. Я кратко перечислю их перед тем, как начать изложение своего собственного опыта.

Прежде всего интересен вопрос о самом характере науки о воспитании. У нас среди педагогических мыслителей нашего времени и отдельных организаторов нашей педагогической работы есть убеждение, что никакой особенной, отдельной методики воспитательной работы не нужно, что методика преподавания, методика учебного предмета должна заключать в себе и всю воспитательную мысль. Я с этим не согласен. Я считаю, что воспитательная область — область чистого воспитания — есть в некоторых случаях отдельная область, отличная от методики преподавания.

Что меня в этом особенно убеждает? Убеждает следующее. В Советской стране воспитанию подвергается не только ребенок, не только школьник, а каждый гражданин на каждом шагу. Подвергается воспитанию либо в специально организованных формах, либо в формах широкого общественного воздействия. Каждое наше дело, каждая кампания, каждый процесс в нашей стране всегда сопровождаются не только специальными задачами, но и задачами воспитания. Достаточно вспомнить недавно пережитые нами выборы в Верховный Совет: здесь была огромная воспитательная работа, затронувшая десятки миллионов людей, даже тех людей, которые как будто были в стороне от воспитательной работы, она выдвинула даже самых пассивных и втянула их в активную деятельность. Подчеркну особенно успешную воспитательную работу Красной Армии: вы прекрасно знаете, что каждый человек, побывавший в Красной Армии, выходит оттуда новым человеком, не только с новыми военными знаниями, с новыми политическими знаниями, а с новым характером, с новыми ухватками, с новым типом поведения. Все это огромная советская социалистическая воспитательная работа, конечно, единая в своем тоне, в своем стиле, в своих стремлениях и, конечно, вооруженная определенным воспитательным методом. Этот метод, осуществляемый на протяжении двадцати лет Советской власти, уже можно подытожить. А если к нему прибавить огромный опыт воспитательных успехов нашей школы, наших вузов, наших организаций другого типа: детских садов, детских домов,— то мы имеем громадный опыт воспитательной работы.

Если мы возьмем давно проверенный, установленный, точно формулированный состав воспитательных приемов, утверждений, положений нашей партии, комсомола, то мы действительно в настоящее время, собственно говоря, имеем полную возможность составить настоящий большой кодекс всех теорем и аксиом воспитательного дела в СССР.

Лично мне и на практике пришлось воспитательную цель иметь как главную: поскольку мне поручалось перевоспитание так называемых правонарушителей, передо мной ставилась прежде всего задача воспитать. Никто даже не ставил передо мной задачи образовать Мне давали мальчиков и девочек — правонарушителей, по-старому — преступников, мальчиков и девочек со слишком яркими и опасными особенностями характера, и прежде всего передо мной ставилась цель — этот характер переделать.

Сначала казалось, что главное — это какая-то отдельная воспитательная работа, в особенности трудовое воспитание. На такой крайней позиции я стоял недолго, но другие мои коллеги по коммуне стояли довольно долго. В некоторых коммунах, даже НКВД (при старом его руководстве), эта линия преобладала.

Проводилась она при помощи как будто вполне допустимого утверждения: кто хочет — может заниматься в школе, кто не хочет — может не заниматься. Практически это кончалось тем, что никто всерьез не занимался. Стоило человеку потерпеть какую-нибудь неудачу в классе, и он мог реализовать свое право — не хотеть заниматься

Я скоро пришел к убеждению, что в системе трудовых колоний школа является могучим воспитательным средством. В последние годы я подвергался гонениям за этот принцип утверждения школы как воспитательного средства со стороны отдельных работников отдела трудовых колоний. За последние годы я опирался на полную школу-десятилетку и твердо убежден, что перевоспитание настоящее, полное перевоспитание, гарантирующее от рецидивов, возможно только при полной средней школе,— все-таки я и теперь остаюсь при убеждении, что методика воспитательной работы имеет свою логику, сравнительно независимую от логики работы образовательной И то и другое — методика воспитания и методика образования,— по моему мнению, составляют два отдела, более или менее самостоятельных отдела педагогической науки. Разумеется, эти отделы органически должны быть связаны. Разумеется, всякая работа в классе есть всегда работа воспитательная, но сводить воспитательную работу к образованию я считаю невозможным. В дальнейшем я коснусь этого вопроса более подробно.

Теперь несколько слов о том, что может быть взято за основу методики воспитания.

Я прежде всего убежден в том, что методику воспитательной работы нельзя выводить из предложений соседних наук, как бы ни были разработаны такие науки, как психология и биология, в особенности последняя, после работ Павлова [1]. Я убежден, что сделать из данных этих наук прямой вывод к воспитательному средству мы права не имеем. Эти науки должны иметь огромное значение в воспитательной работе, но вовсе не как предпосылка для вывода, а как контрольные положения для проверки наших практических достижений.

Кроме того, я считаю, что воспитательное средство может быть выведено только из опыта (и проверено и утверждено положениями таких наук, как психология, биология и др.) [2].

Это мое утверждение происходит из следующего: педагогика, в особенности теория воспитания, есть прежде всего наука практически целесообразная. Мы не можем просто воспитывать человека, мы не имеем права проводить работу воспитания, не ставя перед собой определенную политическую цель Работа воспитания, не вооруженная ясной, развернутой, детально известной целью будет работой аполитичного воспитания, и в нашей общественной советской жизни мы на каждом шагу встречаем доказательства в подтверждение этого положения. Большой, огромный, исключительный даже в мировой истории успех имеет в воспитательной работе Красная Армия. Потому такой большой, огромный успех, что воспитательная работа Красной Армии всегда до конца целесообразна и воспитатели Красной Армии всегда знают, кого они хотят воспитать, чего они хотят добиться. А лучшим примером нецелеустремленной педагогической теории является почившая недавно педология. В этом смысле педология может рассматриваться как полная противоположность советского воспитательного устремления. Это была воспитательная работа, не снабженная целью.

Откуда же может вытекать цель воспитательной работы? Конечно, она вытекает из наших общественных нужд, из стремлений советского народа, из целей и задач нашей революции, из целей и задач нашей борьбы. И поэтому формулировка целей, конечно, не может быть выведена ни из биологии, ни из психологии, а может быть выведена только из нашей общественной истории, из нашей общественной жизни.

При этом я думаю, что вообще установить такое отношение к биологии и психологии в подтверждение воспитательного метода сейчас невозможно. Эти науки развиваются, и, вероятно, в ближайшее десятилетие и психология и биология дадут точные положения о поведении человеческой личности, и тогда мы сможем больше опираться на эти науки. Отношение наших общественных нужд, наших общественных целей социалистического воспитания к целям и данным теорий психологии и биологии должно всегда изменяться, и, может быть, даже оно будет изменяться в сторону постоянного участия психологии и биологии в нашей воспитательной работе. Но в чем я убежден твердо — это в том, что ни из психологии, ни из биологии не может быть выведено дедуктивным путем, путем просто силлогистическим, путем формальной логики, не может быть выведено педагогическое средство. Я уже сказал, что педагогическое средство должно выводиться первоначально из нашей общественной и политической цели

Вот в области цели, в области целесообразности я убежден, что педагогическая теория погрешила прежде всего. Все ошибки, все уклоны в нашей педагогической работе происходили всегда в области ломки целесообразности. Условно будем называть это ошибками.

Я вижу в педагогической теории три типа этих ошибок: это тип дедуктивного высказывания, тип этического фетишизма и тип уединенного средства.

Я в своей практике очень много страдал от борьбы с такими ошибками. Берется какое-нибудь средство и утверждается, что следствие из него будет вот такое; к примеру возьмем известную вам всем историю комплекса. Рекомендуется средство — комплексный метод преподавания; из этого средства спекулятивно, логическим путем выводится утверждение, что этот способ преподавания приводит к хорошим результатам.

Вот это следствие, что комплексный способ приводит к хорошим результатам, утвердилось до проверки опытом; но утвердилось, что результат обязательно будет хороший; в каких-то тайниках психики, где-то будет спрятан хороший результат.

Когда скромные работники-практики требовали· покажите нам этот хороший результат,— нам возражали: как мы можем открыть человеческую душу, там должен быть хороший результат, это — комплексная гармония, связь частей. Связь отдельных частей урока — она обязательно в психике человека должна отложиться положительным результатом.

Значит, проверка опытом здесь и логически не допускалась. И получался такой круг: средство хорошее — должен быть хороший результат, а раз хороший результат,— значит, хорошее средство

Таких ошибок, проистекающих из преобладания дедуктивной логики, не опытной логики, было много.

Много было ошибок и так называемого этического фетишизма. Вот вам, например, трудовое воспитание.

И я в том числе тоже погрешил такой ошибкой. В самом слове «труд» столько приятного, столько для нас священного и столько оправданного, что и трудовое воспитание нам казалось совершенно точным, определенным и правильным. А потом оказалось, что в самом слове «труд» не заключается какой-либо единственно правильной, законченной логики. Труд сначала понимался как труд простой, как труд самообслуживания, потом труд как трудовой процесс бесцельный, непроизводственный — упражнение в трате мускульной энергии. И слово «труд» так освещало логику, что казалась она непогрешимой, хотя на каждом шагу обнаруживалось, что непогрешимости настоящей нет. Но настолько верили в этическую силу самого термина, что и логика казалась священной. А между тем мой опыт и многих школьных товарищей показал, что вывод какого-либо средства из этической окраски самого термина невозможен, что и труд в применении к воспитанию может быть организован разнообразно и в каждом отдельном случае может дать различный результат. Во всяком случае, труд без идущего рядом образования, без идущего рядом политического и общественного воспитания не приносит воспитательной пользы, оказывается нейтральным процессом. Вы можете заставить человека трудиться сколько угодно, но если одновременно с этим вы не будете его воспитывать политически и нравственно, если он не будет участвовать в общественной и политической жизни, то этот труд будет просто нейтральным процессом, не дающим положительного результата.

Труд как воспитательное средство возможен только как часть общей системы.

И наконец, еще одна ошибка — это тип уединенного средства. Очень часто говорят, что такое-то средство обязательно приводит к таким-то результатам. Одно средство. Возьмем как будто бы на первый взгляд

самое несомненное утверждение, которое часто высказывалось на страницах педагогической печати,— вопрос о наказании. Наказание воспитывает раба — это точная аксиома, которая не подвергалась никакому сомнению. В этом утверждении, конечно, были и все три ошибки. Тут была ошибка и дедуктивного предсказания, и ошибка этического фетишизма. В наказании логика начиналась от самой окраски этого слова. И наконец, была ошибка уединенного средства — наказание воспитывает раба. А между тем я убежден, что никакое средство нельзя рассматривать отдельно взятым от системы. Никакое средство вообще, какое бы ни взяли, не может быть признано ни хорошим, ни плохим, если мы рассматриваем его отдельно от других средств, от целой системы, от целого комплекса влияний. Наказание может воспитывать раба, а иногда может воспитывать и очень хорошего человека, и очень свободного и гордого человека. Представьте себе, что в моей практике, когда стояла задача воспитывать человеческое достоинство и гордость, то я этого достигал и через наказание.

Потом я расскажу, в каких случаях наказание приводит к воспитанию человеческого достоинства. Конечно, такое следствие может быть только в определенной обстановке, т. е. в определенном окружении других средств и на определенном этапе развития. Никакое средство педагогическое, даже общепринятое, каким обычно у нас считается и внушение, и объяснение, и беседа, и общественное воздействие, не может быть признано всегда абсолютно полезным. Самое хорошее средство в некоторых случаях обязательно будет самым плохим. Возьмите даже такое средство, как коллективное воздействие, воздействие коллектива на личность. Иногда оно будет хорошо, иногда плохо. Возьмите индивидуальное воздействие, беседу воспитателя с глаза на глаз с воспитанником. Иногда это будет полезно, а иногда вредно. Никакое средство нельзя рассматривать с точки зрения полезности или вредности, взятое уединенно от всей системы средств. И наконец, никакая система средств не может быть рекомендована как система постоянная.

Вот я вспоминаю историю коллектива коммуны им. Дзержинского. Он рос, он начинался с 28-го г. коллективом мальчиков и девочек в пределах восьмого класса. Это был здоровый, веселый коллектив, но это не был коллектив 1935 г., когда он состоял из молодежи до 20 лет и имел большую комсомольскую организацию. Конечно, такой коллектив требовал совершенно иной системы воспитания.

Я лично убежден в следующем: если мы возьмем обычную советскую школу, дадим ее в руки хороших педагогов, организаторов, воспитателей и эта школа будет жить 20 лет, то в течение этих 20 лет в хороших педагогических руках она должна пройти такой замечательный путь, что система воспитания в начале и в конце должна сильно отличаться одна от другой.

В общем, педагогика есть самая диалектическая, подвижная, самая сложная и разнообразная наука. Вот это утверждение и является основным символом моей педагогической веры. Я не говорю, что так уже я все проверил на опыте, вовсе нет, и для меня есть еще очень много неясностей, неточностей, но я это утверждаю как рабочую гипотезу, которую, во всяком случае, надо проверить. Для меня лично она доказана моим опы-

том, но, конечно, ее надо проверить большим советским общественным опытом.

Между прочим, я убежден, что логика того, что я сказал, не противоречит и опыту наших лучших советских школ и очень многих наших лучших детских и недетских коллективов.

Вот это общие предварительные замечания, на которых я хотел остановиться.

Теперь перейдем к самому главному вопросу, к вопросу об установке целей воспитания. Кем, как и когда могут быть установлены цели воспитания и что такое цели воспитания?

Я под целью воспитания понимаю программу человеческой личности, программу человеческого характера, причем в понятие характера я вкладываю все содержание личности, т. е. и характер внешних проявлений и внутренней убежденности, и политическое воспитание, и знания — решительно всю картину человеческой личности; я считаю, что мы, педагоги, должны иметь такую программу человеческой личности, к которой должны стремиться.

В своей практической работе я не мог без такой программы обойтись. Ничто так человека не учит, как опыт. Когда-то мне дали в той же коммуне им. Дзержинского несколько сотен человек, и в каждом из них я видел глубокие и опасные стремления характера, глубокие привычки, я должен был подумать: а каким должен быть их характер, к чему я должен стремиться, чтобы из этого мальчика, девочки воспитать гражданина? И когда я задумался, то увидел, что на этот вопрос нельзя ответить в двух словах. Воспитать хорошего советского гражданина — это мне не указывало пути. Я должен был прийти к более развернутой программе человеческой личности. И, подходя к программе личности, я встретился с таким вопросом: что́ — эта программа личности должна быть одинакова для всех? Что же, я должен вгонять каждую индивидуальность в единую программу, в стандарт и этого стандарта добиваться? Тогда я должен пожертвовать индивидуальной прелестью, своеобразием, особой красотой личности, а если не пожертвовать, то какая же у меня может быть программа! И я не мог этого вопроса так просто, отвлеченно разрешить, но он у меня был разрешен практически в течение десяти лет.

Я увидел в своей воспитательной работе, что да, должна быть и общая программа, «стандартная», и индивидуальный корректив к ней. Для меня не возникал вопрос: должен ли мой воспитанник выйти смелым человеком, или я должен воспитать труса? Тут я допускал «стандарт», что каждый должен быть смелым, мужественным, честным, трудолюбивым, патриотом. Но как поступать, когда подходишь к таким нежным отделам личности, как талант? Вот иногда по отношению к таланту, когда стоишь перед ним, приходится переживать чрезвычайные сомнения. У меня был такой случай, когда мальчик окончил десятилетку. Его фамилия Терентюк. Он очень хорошо учился — на пятерках (у нас в школе была пятибальная система), потом пожелал пойти в технологический вуз. Я в нем открыл большой артистический талант раньше этого, причем талант очень редкой наполненности комика, чрезвычайно тонкого, остроумного, обладающего прекрасными голосовыми связками, богатейшей мимикой, умного такого комика. Я видел, что именно в области актерской

работы он может дать большой результат, а в технологическом училище он будет средним студентом. Но тогда было такое увлечение, что все мои «пацаны» хотели быть инженерами. А уж если заведешь речь о том, чтобы идти в педагоги, так прямо в глаза смеялись: «Как это, сознательно, нарочно идти в педагоги?» — «Ну, иди в актеры» — «Да что вы, какая это работа у актера?» И вот он ушел в технологический институт при моем глубочайшем убеждении, что мы теряем прекрасного актера. Я сдался, я не имею права, в конце концов, совершать такую ломку...

Но здесь я не удержался. Он проучился полгода, участвовал в нашем драматическом кружке. Я подумал-подумал и решился — вызвал его на собрание коммунаров, говорю, что вношу жалобу на Терентюка: он не подчинился дисциплине и ушел в технологический вуз. На общем собрании говорят «Как тебе не стыдно, тебе говорят, а ты не подчиняешься». Постановили «Отчислить его из технологического института и определить в театральный техникум». Он ходит очень грустный, но не подчиниться коллективу не мог — он получал стипендию, общежитие в коллективе. И сейчас он прекрасный актер, уже играет в одном из лучших дальневосточных театров, в два года он проделал путь, который люди делают в 10 лет. И сейчас он мне очень благодарен.

Но все-таки, если бы теперь передо мной стояла такая задача, я бы боялся ее решить,— кто его знает, какое я имею право произвести насилие? Вот право производить такую ломку — вопрос для меня не решенный. Но я глубоко убежден, что перед каждым педагогом такой вопрос будет вставать — имеет ли право педагог вмешиваться в движение характера и направлять туда, куда надо, или он должен пассивно следовать за этим характером? Я считаю, что вопрос должен быть решен так: имеет право. Но как это сделать? В каждом отдельном случае это надо решать индивидуально, потому что одно дело иметь право, а другое дело — уметь это сделать Это две различные проблемы. И очень возможно, что в дальнейшем подготовка наших кадров будет заключаться в том, чтобы учить людей, как производить такую ломку. Ведь учат врача, как производить трепанацию черепа. В наших условиях, может быть, будут учить педагога, как такую «трепанацию» производить,— может быть, более тактично, более успешно, чем я это сделал, но как, следуя за качествами личности, за ее наклонностями и способностями, направить эту личность в наиболее нужную для нее сторону

Перейдем к изложению тех практических форм, которые в моем опыте и в опыте других моих коллег, я считаю, наиболее удачно воплощались в воспитательной работе. Главнейшей формой воспитательной работы я считаю коллектив О коллективе как будто бы и много писалось в педагогической литературе, но писалось как-то маловразумительно.

Что такое коллектив и где границы нашего вмешательства в коллектив? Я сейчас наблюдаю очень много школ — и здесь в Москве, и в Киеве приходится бывать и бывал,— и я не всегда вижу коллектив учеников. Иногда удается видеть коллектив классный, но мне почти никогда не приходилось видеть коллектив школы.

Я вам расскажу сейчас простыми словами о моем коллективе, воспитанном мною и моими товарищами. Имейте в виду, что я был в иных условиях, чем школа, потому что у меня ребята жили в общежитии, ра-

ботали на производстве, в подавляющем большинстве не имели семьи, т. е. не имели другого коллектива. И естественно, в моем распоряжении были бо́льшие средства коллективного воспитания, чем в школе. Но я не склонен к уступкам только на том основании, что были лучшие условия. В свое время у меня была школа, школа заводская — вагонного завода, и я все-таки там имел коллектив школьников[3].

В школьной практике, направляемой в свое время старым руководством Наркомпроса, я вижу очень странные явления, для моей педагогической души совершенно непонятные. К примеру. Вчера я был в одном парке культуры и отдыха, где есть районный пионерский городок. В этом же районе есть дом, отдельный дом им. Павлика Морозова. И в этом же районе есть 13 школ. И я вчера видел, как эти три учреждения — школа, пионерский дворец и специальный дом им. Павлика Морозова — растаскивают детей по разным коллективам. У детей нет коллектива. В школе он в одном коллективе, в семье — в другом, в пионергородке — в третьем, в доме Павлика Морозова — в четвертом. Он бродит между коллективами и может выбрать утром один, вечером другой, в обед — третий. Я вчера был свидетелем такого события: в пионерском городке — танцевальный кружок, называется он несколько по-старому — ритмический: ну, просто танцуют. Комсорг одной школы заявил: «Мы не будем пускать наших девочек в ритмический кружок». Директор школы бьет себя в грудь: «Вы подумайте! Комсорг заявил, что он не будет пускать!» Директор вытащил комсорга на общественный суд. «Вот так и так, смотрите, что он делает». А комсорг на своем: «Не пущу!» Конфликт. А я вспомнил другой конфликт, у себя в коммуне, такого же типа. Были у нас самые разнообразные кружки, и очень серьезные, были свои настоящие планеры, кавалерийская секция... И вот один мальчик, очень хороший мальчик, пионер, через пионерскую организацию вошел в Харьковский Дворец пионеров и там участвовал в арктических исследованиях, проявил там себя хорошо, и его пионерский дворец премировал командировкой в Мурманск вместе с другими ребятами. Этот мальчик, Мишка Пекер, в коммуне говорит:

— Вот я еду в Мурманск.

Кто-то из старших спрашивает:

— Куда ты едешь?

— В Мурманск.

— Кто тебя отпускает?

— А меня командирует Дворец!

На общем собрании старшие коммунары заявили:

— Пусть Миша Пекер даст объяснения, кто его командирует и куда он едет.

Тот сказал:

— Да, я еду в Мурманск исследовать Арктику, и меня командирует пионерский дворец.

Крик общий:

— Как смеет пионерский дворец тебя командировать! А, может быть, мы тебя завтра в Африку командируем. Во-первых, у нас поход по Волге, а ты у нас играешь на кларнете, а, во-вторых, если бы даже ты не играл, что ты латаешься? Ты и тут служишь, и там служишь. Нет, никуда ты не

поедешь. Раньше должен был у нас на общем собрании спросить, можно ли тебе там премии всякие получать или нет!

Миша подчинился собранию. Но узнали об этом пионерская и комсомольская организации, пионерский дворец: «Что такое в коммуне им. Дзержинского делается? Мы командируем человека в Арктику, а тут говорят: ты будешь играть на кларнете, потому что будет поход по Волге». Дело дошло до ЦК украинского комсомола. Но все было решено, собственно говоря, практически, потому что комсомольская организация коммуны заявила: если Миша должен ехать, мы его, конечно, за полы держать не будем, мы ему выдадим стипендию и т. д., пожалуйста, переходи в пионерский дворец и будь членом дворца... А если нам нужно будет, мы и сами пошлем в Арктику кого нужно произвести нужные исследования и поможем завоеванию Северного полюса. На данном отрезке времени, в данную эпоху это не входит в нашу программу. А что вы говорите Шмидт, Шмидт, но мало ли что — Шмидт ездит на Север, но весь Союз не ездит на Север, и поэтому доказывать, что каждый человек должен ехать в Арктику, нельзя. Очевидно, Миша хотел спорить, но ему сказали, что довольно, «пошумел и перестань». И Миша сказал. «Я и сам не хочу».

Вот другой вопрос. Я был в нескольких лагерях под Москвой. Это хорошие лагеря, в них приятно побывать, и, конечно, это прекрасные оздоровительные учреждения. Но я удивился, что в этих лагерях собираются дети разных школ, а я этого не понимаю. Я считаю, что тут нарушена какая-то гармония воспитания. Мальчик состоит в определенном школьном коллективе, а лето он проводит в сборном коллективе. Значит, его школьный коллектив никакого участия в организации его летнего отдыха не принимает. И как видите, в пионерском дворце и других местах, как я вам говорил, чувствуются трения, скрип. Я понимаю, отчего этот скрип происходит.

Правильное, советское воспитание должно быть организовано путем создания единых, сильных, влиятельных коллективов. Школа должна быть единым коллективом, в котором организованы все воспитательные процессы, и отдельный член этого коллектива должен чувствовать свою зависимость от него — от коллектива, должен быть предан интересам коллектива, отстаивать эти интересы и в первую очередь дорожить этими интересами. Такое же положение, когда каждому отдельному члену предоставляется выбор искать себе более удобных и более полезных людей, не пользуясь для этого силами и средствами своего коллектива,— такое положение я считаю неправильным. А это приводит к каким результатам? Пионерские дворцы во всех городах работают прекрасно, в Москве особенно хорошо. Можно аплодировать очень многим работникам и методам работы пионерского дворца. Несмотря на то что они так хорошо работают и наше общество помогает им так хорошо работать, это дает возможность некоторым школам уклоняться от всякой дополнительной работы. Во многих школах нет таких кружков, которые есть в пионерских дворцах. В общем, внешкольная работа действительно делается «внешкольной» и школа считает себя вправе отказаться от нее. А предлоги, безусловно, найдутся: у нас зала нет, у нас ассигнований нет, у нас специалиста-работника нет и т. д. Я являюсь сторонником такого коллек-

тива, в котором весь воспитательный процесс должен быть организованным.

Я лично представляю себе систему таких мощных, сильных, оборудованных, прекрасно вооруженных школьных коллективов. Но это только внешние рамки организации коллектива ..

Этот же пионерский дворец, детский клуб, так сказать, может работать наряду со школой, но организация работы в нем должна принадлежать все-таки школе. Школы должны отвечать за эту работу, они там должны объединяться в работе. Комсорг, который возражает против участия девочек в ритмическом кружке, прав. Если комсорг отвечает за воспитание детей своего коллектива, то он должен интересоваться и отвечать за то, что делают его дети в пионерском дворце. Такое разбивание воспитательного процесса между различными учреждениями и лицами, не связанными взаимной ответственностью и единоначалием, не может принести пользы.

Я понимаю, что единый детский коллектив, прекрасно оборудованный и вооруженный, конечно, будет стоить дороже, но очень возможно, что более стройная организация детских коллективов тоже приведет к некоторой экономии средств.

Это все касается самой сетки коллективов. Я, одним словом, склонен настаивать, что единым детским коллективом, руководящим воспитанием детей, должна быть школа. И все остальные учреждения должны быть подчинены школе...

Я убежден, что если перед коллективом нет цели, то нельзя найти способа его организации. Перед каждым коллективом должна быть поставлена общая, коллективная цель — не перед отдельным классом, а обязательно перед целой школой.

Мой коллектив был 500 человек. Там были дети от 8 до 18 лет, значит, ученики первых и десятых классов. Они, конечно, отличались друг от друга очень многими особенностями. Во-первых, старшие были более образованны, более производственно квалифицированны и более культурны. Младшие были ближе к беспризорности, неграмотны, конечно. И наконец, они были просто дети. Тем не менее все эти 500 человек в последние годы моей работы составляли действительно единый коллектив. Я ни разу не позволил себе лишить права члена коллектива и голоса ни одного коммунара, вне зависимости от его возраста или развития. Общее собрание членов коммуны было действительно реальным, правящим органом.

Вот это общее собрание, как правящий орган коллектива, вызвало со стороны моих критиков и начальников протесты, сомнения. Говорили. нельзя позволять такому большому собранию решать вопросы, нельзя доверять толпе детей руководство коллективом. Это, конечно, правильно Но в этом-то и дело — надо добиться такого положения, когда это была бы не толпа детей, а общее собрание членов коллектива.

Чрезвычайно много путей и средств для того, чтобы толпу обратить в общее собрание. Это нельзя делать как-нибудь искусственно, и это нельзя сделать в один месяц. Вообще погоня за скороспелыми результатами в этом случае всегда будет печальна. Если мы возьмем школу, где нет никакого коллектива, где все разрозненно, где в лучшем случае каждый класс живет обособленной жизнью и встречается с другими классами, как

мы на улице встречаемся с обычной публикой, то, чтобы из такого аморфного собрания детей сделать коллектив, конечно, нужна длительная (не год и не два), настойчивая и терпеливая работа. Но зато коллектив один раз создали, и если его беречь, если за ним, за его движением внимательно следить, то такой коллектив может сохраняться века. И такой коллектив, особенно в школе, где ребенок находится 8—10 лет, должен быть драгоценным, богатейшим инструментом воспитания. Но такой коллектив, конечно, легко и развалить. Вот когда вместе объединяется, с одной стороны, такая могучая сила детского коллектива, могущества почти непревзойденного, и, с другой стороны, ряд ошибок, ряд смен руководителей — очень скоро можно тоже коллектив обратить в толпу. Но чем больше коллектив живет, чем крепче он становится, тем более он склонен продолжать свою жизнь.

Здесь мы подходим к одной важной детали, на которой я хотел бы особенно настаивать. Это — традиция. Ничто так не скрепляет коллектив, как традиция. Воспитать традиции, сохранить их — чрезвычайно важная задача воспитательной работы. Школа, в которой нет традиций, советская школа, конечно, не может быть хорошей школой, и лучшие школы, которые я наблюдал, кстати и в Москве,— это школы, которые накопили традиции.

Что такое традиция? Я возражения встречал и против традиций. Старые наши педагогические деятели говорили: всякий закон, всякое правило должны быть разумны, логически понятны. А вы допускаете традицию, разум и логика которой уже исчезли. Совершенно верно, я допускал традицию. Пример. Когда я был моложе и у меня было меньше работы, я каждый день вставал в коммуне в 6 часов утра и каждый день совершал поверку, т. е. ходил в спальню вместе с дежурным командиром отряда, и меня встречали салютом, командой «Отряд, смирно!». Я совершал поверку состава и состояния отряда на начало дня. В это время меня принимали как начальника коммуны, и, как начальник, я в таких случаях мог производить всякие разговоры и налагать взыскания. Кроме меня, никто в коммуне правом наложения взысканий не пользовался, конечно кроме общих собраний. Но вот я потерял возможность бывать каждый день на поверке. Первый раз я уведомил, что я завтра быть не могу и поверку примет дежурный командир.

Постепенно эта форма стала обыкновенной. И вот установилась традиция: дежурный командир в момент поверки встречался как начальник. В первое время это было понятно, а потом это утерялось. И новенькие знали, что командир имеет право налагать взыскания, а почему —не понимали. Старые-то это помнили. Командир говорил: «Получи два наряда!» И ему отвечали: «Есть, два наряда». А если бы в другое время дня или ночи этот командир предъявил такие права, ему бы сказали: «Ты кто такой?» А эта традиция сохранилась и очень крепила коллектив.

Другая традиция, тоже потерявшая свою логику. Когда-то давно был конфликт. Дежурный командир вечером, отдавая рапорт, заявил: «А Иванов нарушил дисциплину за обедом». А Иванов сказал: «Ничего подобного, я не нарушал». Я, проверив дело, сказал, что, по моему мнению, он не нарушал. И другие были за это. А дежурный командир настаивал на своем. Я оставил дело без последствий. Дежурный командир обжало-

вал мое решение в общем собрании. Он заявил: «Антон Семенович не имел права проверять мои слова: я не просто сказал ему на ушко, я ему отдавал рапорт, стоял «смирно», с салютом, в присутствии всех других командиров. В таком случае, раз он не доверяет моему рапорту, он не должен доверять и дежурство. Если он каждый мой рапорт будет проверять следственными показаниями, тогда к чему дежурить?»

Общее собрание постановило: Антон Семенович не прав, рапорт дежурного командира не проверяется. Вот если шепчут на ухо, тогда, пожалуйста, можно проверить. И в течение 10 лет это было законом Что угодно можно было говорить в течение дня, а когда отдается рапорт, то это уже действительно верно: он же, салютуя, поднял руку, значит, это верно, это правда, а если ты в самом деле ни в чем не был виноват, то считай про себя, что командир ошибся.

И эта прекрасная традиция так въелась, что стало легко работать Во-первых, ни один дежурный командир не позволяет себе соврать, потому что он знает, что ему должны верить, а во-вторых, не надо тратить время и энергию на проверку. Может быть, дежурный командир действительно ошибся, но несчастный потерпевший должен подчиниться. И когда один комсомолец поднял разговор — что это за правило такое, надо его отменить, потому что я действительно на работу не опаздывал, а дежурный в рапорте заявил, что я опоздал на 10 минут, и мне сказал, что проверки не может быть,— ему объяснили, что, может быть, ты и прав, ты действительно ходил за резцами, но для нас и для тебя дороже твоей правоты дисциплина и доверие к дежурному командиру, так что ты своей правотой пожертвуй; если мы будем каждого дежурного проверять, что он говорит, так это будет не дежурный, а холуй, а нам нужен дежурный командир. Таких традиций в моем коллективе было очень много, просто сотни. И я их не знал всех, но ребята их знали. И ребята знали их незаписанными, узнавали какими-то щупальцами, усиками. Так надо делать. Почему так? Так старшие делают Этот опыт старших, уважение к логике старших, уважение к их труду по созданию коммуны и, самое главное, уважение к правам коллектива и его уполномоченных — это чрезвычайно важные достоинства коллектива, и, конечно, они поддерживаются традициями. Такие традиции украшают жизнь ребят. Живя в такой сетке традиций, ребята чувствуют себя в обстановке своего особенного коллективного закона, гордятся им и стараются его улучшать Без таких традиций я считаю невозможным правильное советское воспитание. Почему? Потому что невозможно правильное воспитание без могучего коллектива, уважающего свое достоинство и чувствующего свое коллективное лицо.

Я мог бы назвать очень много интересных традиций и примерно назову несколько. Вот тоже традиция, и тоже смешная. Дежурный член санкома каждый день дежурит, носит красный крест на руке и имеет большие права, права диктатора, он может любому из комсомольцев или членов коллектива предложить встать из-за стола и пойти помыть руки, и тот должен подчиниться; он может зайти в любую квартиру инженера, сотрудника, педагога, доложить на общем собрании, что в квартире такого-то педагога грязь. Причем постановили — никогда не разбираться, какая грязь: у того — вода налита, у того — пыль на подоконнике, у того —

пыль на спинке стула Постановили никогда не рапортовать подробно, не описывать беспорядка, а просто одно слово — грязь. Этого было совершенно достаточно для того, чтобы возбудить преследование против нее. И вот по традиции этот «диктатор» — я даже не помню, откуда это взялось,— выбирался обязательно из девочек, обязательно девочка, обязательно младшая и обязательно чистюлька. Например, предлагают такую-то, говорят: «Да что вы, ведь ей уже 17 лет». И никто не понимает, почему семнадцатилетнюю нельзя выбрать в члены ДЧСК. «Да она прошлый раз выходила, у нее чулок спустился — поэтому нельзя». Почему обязательно девочка? Говорят, что хлопец не всегда сам может убрать как следует, а, во-вторых, логика говорит, что девчата злей. Уж если девочка скажет, то она никому — ни другу, ни недругу не спустит. Я боролся против этого: «Как не стыдно, почему вы лишаете мужчин такого права, что значит чистюлька она или не чистюлька». Все равно, со мной согласны, но как выборы — выдвинешь кандидатуру комсомолки,— нет — все против, давай пионерку. Пионерку выдвинут такую, что совсем ребенок, куда уж ей доверять такую работу. «Нет,— говорят,— подходящая». И эти самые ДЧСК были варварами, житья от них не было, от такой двенадцатилетней девочки не было покоя в течение дня никому —и за обедом, и на работе, и в спальне, и везде. И ругают ее: «Жить невозможно. Ищет-ищет она пыль в спальне, никакой пыли нет,— так она перевернет стул и говорит.

— А что это?

— Волосок прицепился».

И она пишет в рапорте, что в 15-й спальне грязь. И нельзя ничего сказать, потому что это правда. А эта Нина — ребенок, она говорит: «Ты вот причесывался, волосы у тебя летели, так что́, я должна тебя прикрывать?»

Отчитывается такой ребенок, взрослые парни смотрят на нее. Она говорит, что было столько-то обходов квартир, столько-то сообщений и т. д. «Хорошая работа?» — «Хорошая». И опять ее выбирают, забыв, что сами от нее страдали.

Это традиция. Коллектив чувствовал, что именно таким маленьким девочкам, наиболее педантичным, наиболее чистым, честным, не склонным ни к каким увлечениям — ни сердечным, ни иным,— именно им надо поручать такую работу. И эта традиция была такой глубокой, что и на комсомольском бюро говорили: «Нет, этот не подойдет, вот такую Клаву давайте, она маленькая, чистенькая, будет работать».

И дети — удивительные мастера создавать такие традиции.

Надо признать, что в создании традиций нужно использовать какой-то маленький инстинктивный консерватизм, но консерватизм хорошего типа, т. е. доверие к вчерашнему дню, к нашим товарищам, создавшим какую-то ценность и не желающим эту ценность разрушать сегодняшним моим капризом.

Среди таких традиций особенно я ценю традицию военизации — игры. Меня в свое время за это часто поносили, называли жандармом, Аракчеевым и другими генеральскими фамилиями. И я в последнее время, настаивая на этом, всегда краснел и чувствовал, что я совершаю безнравственный поступок. Но в прошлом году здесь, в Москве, была полу-

чена 2-я часть 16-го тома Маркса и Энгельса, и я с огромным наслаждением, после 16 лет мучений, прочитал, что и Энгельс настаивал на такой военизации. У него есть прекрасная статья о необходимости военизации в школе[4]. Это не должно быть повторением закона военной части. Ни в коем случае не должно быть подражания, копировки

Я являюсь противником того, чем увлекаются некоторые молодые педагоги,— это постоянным маршем: в столовую идут — маршируют, на работу идут — маршируют, всегда маршируют. Это некрасиво и ненужно. Но в военном быту, особенно в быту Красной Армии, есть много красивого, увлекающего людей, и в своей работе я все более и более убеждался в полезности этой эстетики. Ребята умеют еще больше украсить эту «военизацию», сделать ее более детской и более приятной. Мой коллектив был военизирован до некоторой степени Во-первых, терминология несколько военная, например «командир отряда». Терминология имеет важное значение. Я, например, не совсем согласен, что можно школу называть неполной средней школой[5]. Мне кажется, что об этом нужно подумать. Что значит: ученик учится в школе, а его школа называется неполная средняя школа? Такое усеченное иазвание. Само название должно быть для него привлекательным. Я обращал виимание на эту терминологию И когда я предлагал назвать — бригадир бригады, то ребята говорили, что это не то. Что такое бригадир бригады — бригадир на производстве, а у нас в отряде должен быть командир. Но ведь ты то же самое будешь делать. Нет, как сказать, я могу и приказать, а бригадир прикажет, ему скажут: ты не командир, а бригадир. В детском коллективе чрезвычайно красиво организуется единоначалие.

Такой термин, как рапортовать. Конечно, можно было бы и просто получить отчет мальчика, но я считаю, что их очень увлекает некоторая законность этого отчета. Законность такая: командир на отчет должен прийти в форме, не в спецовке, не в том платье, в котором он может пробегать целый день. На отчете, когда один командир отдает рапорт, он должен салютовать, и я не имею права принимать рапорт сидя, и все присутствующие должны салютовать. И все прекрасно знают, что, поднимая руку, все отдают привет работе отряда, всего коллектива...

Потом многое можно ввести из военного быта в самый быт коллектива, в движение его. Например, в коммуне была прекрасная традиция начала общих собраний. Общее собрание должно было всегда открываться только дежурным командиром. Причем удивительно, эта традиция была так велика, что когда в коммуну приезжало большое начальство, нарком включительно, то все равно никому не позволяли открывать общее собрание, только дежурному командиру. Причем собрание все десять лет по традиции обязательно имело определенный регламент Сигнал для сбора общего собрания давался на трубе. После этого оркестр, который помещался на балконе, играет три марша. Один марш для слуха, можно было сидеть, разговаривать, приходить, уходить. Когда заканчивался третий марш, я обязан был быть в зале, и я чувствовал, что я не мог не явиться; если бы я не явился, меня бы обвинили, что я нарушаю порядок. Когда кончается марш, я обязан скомандовать: «Встать под знамя! Смирно!» — причем я не вижу, где знамя, но я уверен, что оно близко и что, когда я скомандую, его внесут. И когда вносят знамя, все обязательно

встают, и оркестр играет специальный знаменный салют; когда знамя поставлено на сцену, собрание считается открытым; входит немедленно дежурный и говорит: «Собрание открыто».

И в течение 10 лет ни одно собрание иначе не открывалось, и если бы оно открылось иначе, стали бы говорить, что у нас беспорядок, что у нас черт знает что происходит и т. д.

Вот эта традиция украшает коллектив, она создает для коллектива тот внешний каркас, в котором красиво можно жить и который поэтому увлекает. Красное знамя — это прекрасное содержание для такой традиции

По той же традиции знаменщик и ассистенты знамени выбирались общим собранием из самых лучших и достойных коммунаров и выбирались «до конца жизни», как говорили, т. е. пока ты живешь в коммуне. Знаменщика нельзя было наказать никакими наказаниями, знаменщики имели отдельную комнату, они имели лишний парадный костюм, и нельзя было, когда он стоял со знаменем, называть его «на ты».

Откуда взялась эта традиция, я тоже не знаю; но то, что знаменщик — самое почетное лицо в коммуне, доказывается тем, что у меня только один из коммунаров получил орден за заслуги военного характера, и это был знаменщик [6].

Почет знамени в школе — богатейшее воспитательное средство. В коммуне им. Дзержинского этот почет выражался и в том, что если в комнате стоит знамя, которое по случаю ремонта надо вынести в другое помещение, то нельзя было сделать иначе, как построить весь коллектив, вызвать оркестр и торжественно перенести знамя в другое помещение.

Мы прошли почти всю Украину, Волгу, Кавказ, Крым, и красное знамя ни одной минуты не оставалось без караула. Когда об этом узнавали мои приятели-педагоги, они говорили: «Что вы делаете? Ночью мальчикам надо спать У вас оздоровительная кампания, поход, а они стоят у вас ночами у знамени».

Мы говорили на разных языках. А я не понимал, как это можно в походной обстановке оставить знамя без караула.

При входе в коммуну всегда стоял часовой с исправной винтовкой. Я даже боюсь об этом говорить. Патронов у него, конечно, не было, но он имел большую власть. Часто стоял тринадцати-четырнадцатилетний мальчик. Стояли по очереди. Он каждого постороннего проверял при входе — кто он такой, что ему нужно, зачем он идет — и имел право преградить ему путь винтовкой. Ночью двери в коммуну не запирались, он стоял тоже на часах, иногда трусил и боялся, но все равно стоял свои два часа И вот один раз приехала из Украинского Наркомпроса одна из педологичек с чекистом. Между ними произошел интересный разговор: «Что же, он так и стоит?» — «Так и стоит».— «Ему скучно. Книжку дали бы ему почитать» Он говорит: «Как часовому книжку читать?» — «Но как же, нужно время использовать и развитие получать». Разные люди: она поражена тем, что часовой ничего не делает, а чекист поражен предположением, что часовой может читать на посту книжку. По-разному поражены И эта организация — это необходимая функция, и воспитывающая функция коллектива...

Было правило, тоже традиция: нельзя сходить по лестнице, держась за перила. Я знаю, откуда это пошло. Лестница хорошего дома, лестницу начали вытаптывать, там, где перила,— там и вытаптывают, и постановили ребята: чтобы сберечь лестницу, не нужно ходить возле перил. Но забыли об этом. Пришли новенькие. «Почему нельзя держаться?» Им говорят: «Ты должен надеяться на свой позвоночный столб, а не на перила». А вначале имели в виду не укрепление позвоночного столба, а сбережение лестницы.

Должна быть эстетика военного быта, подтянутость, четкость, но ни в коем случае не просто шагистика.

Что касается военной подготовки, то она идет, не вполне совпадая с этой эстетикой. Это стрелковый спорт, кавалерийский спорт и военное дело. А это — четкость, эстетика, и в детском обществе она совершенно необходима. В особенности она хороша потому, что сохраняет силы коллектива, сохраняет от неразборчивых, неладных движений, от разболтанности движений, от разбросанности их. В этом смысле чрезвычайно важное значение имеет форма. Вы это лучше меня знаете, и на этот счет есть определенная точка зрения и Наркомпроса, и партии, и об этом я говорить не буду. Но форма хороша только тогда, когда она красива, когда она удобна. Мне пришлось в связи с формой очень много пережить разных неприятностей и неудач, пока я пришел к более или менее удобной и красивой форме.

Но что касается формы — я готов идти дальше. Я считаю, что дети должны быть так красиво, так красочно одеты, чтобы они вызывали удивление. В старые века красиво одевались войска Это было пышностью привилегированных классов. У нас таким привилегированным слоем общества, который имеет право красиво одеваться, должны быть дети. Я не остановился бы ни перед чем, я бы дал каждой школе очень красивую форму. Это очень хороший клей для коллектива В известной мере я шел по этому направлению, но меня подстригали. У меня были вензели золотые и серебряные, расшитые тюбетейки, отглаженные белые пикейные воротники и т. д. Коллектив, который вы хорошо одеваете, на 50 % у вас в руках.

Лекция вторая

ДИСЦИПЛИНА, РЕЖИМ, НАКАЗАНИЯ И ПООЩРЕНИЯ

Сегодня я предложу тему — дисциплина, режим, наказания и поощрения. Еще раз я вам хочу напомнить, что мои положения вытекают исключительно из моего личного опыта, который проходил в несколько особых условиях, главным образом в колониях и коммунах для правонарушителей. Но я убежден, что не только отдельные выводы, но общая система моих находок может быть применена и к нормальному детскому коллективу. В частности, логика здесь такая.

Из моих 16 лет работы во главе учреждения правонарушительского я последние 10, а может быть и 12 лет, считаю работой нормальной. Все дело в том, что, по моему глубокому убеждению, мальчики и девочки становятся правонарушителями или «ненормальными» благодаря «право-

нарушительской» или «ненормальной» педагогике. Нормальная педагогика, педагогика активная и целеустремленная, очень быстро обращает детский коллектив в коллектив совершенно нормальный. Никаких прирожденных преступников, никаких прирожденных трудных характеров нет; у меня лично, в моем опыте, это положение достигло выражения стопроцентной убедительности.

В последние годы в коммуне им. Дзержинского я вообще решительно протестовал против какой-либо мысли о том, что у меня коллектив ненормальный, коллектив правонарушителей, и поэтому те выводы и те приемы, которые я вам сегодня предложу, мне лично представляются применимыми к нормальному детству.

Что такое дисциплина? В нашей практике у некоторых учителей и у некоторых педагогов-мыслителей дисциплина иногда рисуется как средство воспитания Я считаю, что дисциплина является не средством воспитания, а результатом воспитания и как средство воспитания должна отличаться от режима. Режим — это есть определенная система средств и методов, которые помогают воспитывать. Результатом же воспитания является именно дисциплина.

Я при этом предлагаю дисциплину понимать несколько шире, чем она понималась до революции,— в дореволюционной школе и в дореволюционном обществе дисциплина была внешним явлением. Это была форма властвования, форма подавления личности, личной воли и личных стремлений, наконец, в известной мере это был метод властвования, метод приведения личности к покорности по отношению к элементам власти. Так рассматривалась дисциплина и всеми нами, кто пережил старый режим, кто был в школе, в гимназии, в реальном училище, и все знают, что и мы и учителя также смотрели на дисциплину одинаково — дисциплина — это кодекс некоторых обязательных положений, которые необходимы для удобства, для порядка, для какого-то благополучия, чисто внешнего благополучия, скорее типа связи, чем типа нравственного.

Дисциплина в нашем обществе — это явление нравственное и политическое. Вместе с тем я наблюдаю некоторых учителей, которые и теперь не могут отвыкнуть от старого взгляда на дисциплину. Человек недисциплинированный в старом обществе не рассматривался как человек безнравственный, как человек, нарушающий какую-то общественную мораль. Вы помните, что в старой школе такая недисциплинированность рассматривалась нами и товарищами как некоторое геройство, как некоторый подвиг или, во всяком случае, как некоторое остроумное веселящее представление. Всякая проказливость не только учениками, но даже и самими учителями не рассматривалась иначе, как проявление какой-то живости характера или проявление какого-то революционного порядка.

В нашем обществе недисциплинированность, недисциплинированный человек — это человек, выступающий против общества, и такого человека мы рассматриваем не только с точки зрения внешнего технического удобства, но с точки зрения политической и нравственной. Иметь такую точку зрения на дисциплину необходимо каждому педагогу, но это только тогда, когда дисциплина рассматривается как результат воспитания.

Прежде всего, как нам уже известно, наша дисциплина всегда должна быть дисциплиной сознательной. Как раз в 20-х гг., когда такой широкой

популярностью пользовалась теория свободного воспитания, по крайней мере тенденция свободного воспитания [7], тогда эту формулу о сознательной дисциплине расширяли, считали, что дисциплина должна вытекать из сознания. Уже в своем раннем опыте я видел, что такая формулировка может привести только к катастрофе, т. е. убедить человека в том, что он должен соблюдать дисциплину, и надеяться, что при помощи такого убеждения можно добиться дисциплины, это значит рисковать 50—60 % успеха.

Определяться сознанием дисциплина не может, так как она является результатом всего воспитательного процесса, а не отдельных специальных мер. Думать, что дисциплины можно добиться при помощи каких-то специальных методов, направленных на создание дисциплины,— ошибка. Дисциплина является продуктом всей суммы воспитательного воздействия, включая сюда и образовательный процесс, и процесс политического образования, и процесс организации характера, и процесс столкновения, конфликтов, и разрешение конфликтов в коллективе, в процессе дружбы, и доверия, и всего решительно воспитательного процесса, считая здесь также такие процессы, как процесс физкультурного воспитания, физического развития и т. д.

Рассчитывать, что дисциплину можно создать только одной проповедью, одними разъяснениями,— это значит рассчитывать на результат чрезвычайно слабый.

Как раз в области рассуждений мне приходилось сталкиваться с очень упорными противниками дисциплины [среди воспитанников], и если доказывать им необходимость дисциплины словесно, то можно встретить такие же яркие слова и выражения.

Таким образом, воспитание дисциплины при помощи рассуждений и убеждений может обратиться только в бесконечные споры. Тем не менее я первый настаиваю, что наша дисциплина, в отличие от старой дисциплины, как явление нравственное и политическое должна сопровождаться сознанием, т. е. полным пониманием того, что такое дисциплина и для чего она нужна.

Каким способом можно достигать этой сознательной дисциплины? Необходимо сказать, что в наших школах ученики и учителя поставлены в более худшие условия, чем учителя и ученики в старой школе с этой точки зрения, и вот почему.

В нашей школе нет теории морали, нет такого предмета, нет такого лица, которое бы эту теорию морали преподавало или было бы обязано по известной программе сообщать детям.

В старой школе был закон божий, отрицаемый не только учениками, но сплошь и рядом и самими батюшками, которые относились к нему, как к чему-то не заслуживающему уважения, но вместе с тем в нем было много моральных проблем, которых так или иначе касались на занятиях. Другой вопрос, имела эта теория положительный результат или нет, но в известной мере проблематика моральная проходила перед учениками в теоретическом изложении, т. е. говорилось: «нельзя красть, нельзя убивать, нельзя оскорблять, нужно уважать старших, уважать родителей»,— и такие отделы морали, христианской морали, которая рассчитывала на веру и на религиозное убеждение, вскрывались

в теоретическом изложении, и моральные требования, хотя бы в старомодной религиозной форме, перед учениками проходили.

В своей практике я пришел к убеждению, что и для нас необходимо изложение теории морали. В наших современных школах такого предмета нет. Есть воспитательский коллектив, есть комсорги, пионервожатые, которые имеют возможность при желании систематическую теорию морали, теорию поведения ученикам преподнести.

Я уверен, что в развитии нашей школы в будущем мы необходимо придем к такой форме. В своей практике я принужден был теорию морали в определенном виде, в программном виде своим ученикам предлагать. Я сам не имел права ввести такой предмет — мораль, но я имел перед собой программу, мною лично составленную, которую я излагал моим воспитанникам на общих собраниях, пользуясь различными поводами

Я в своем опыте даже имел уже разработанные конспекты таких бесед теоретического морального типа, имел время несколько совершенствовать свою работу в этом направлении, и я видел очень хорошие, большие результаты такой теории морали, конечно, несравненно бо́льшие, чем могли быть результаты в старой школе в руках какого-нибудь, хотя бы и просвещенного, батюшки.

Возьмем вопрос о воровстве. Мы имеем возможность теорию честности, теорию отношения к вещам чужим, своим и государственным развить с бесконечной убедительностью, с очень строгой логикой, с большой внушаемостью, и вся конкретная теория поступков по отношению к вещам, теория запрещения воровства по своей убедительности и силе не имеет сравнения со старыми разглагольствованиями о том, что нельзя украсть, так как старая логика, что нельзя красть, а то бог накажет, мало кого убеждала Она могла сотрясать представление о воровстве, но не действовать как торможение.

Сдержанность, уважение к женщине, к ребенку, к старику, уважение к себе — вся теория поступков, которые относятся к целому обществу или к коллективу, может быть предложена нашим ученикам в чрезвычайно убедительной и сильной форме

Я считаю, что такая теория поведения, теория советского поведения, имеет настолько много данных в общественной жизни, в нашей общественной практике, в истории нашей гражданской войны, в истории нашей советской борьбы и в особенности в истории Коммунистической партии, что немного нужно усилий, чтобы такой предмет, как теория поступков, мораль, мог быть легко, красиво, убедительно предложен нашим ученикам.

Я могу утверждать, что коллектив, перед которым такая теория морали излагается, несомненно воспримет все это, и в каждом отдельном случае каждый отдельный ученик и воспитанник сам для себя найдет какие-то обязательные формы и формулы морали...

Я помню, как быстро и радостно возрождался мой коллектив в отдельных случаях и проблемах после единственной беседы на такую моральную тему Целый ряд бесед, целый цикл таких бесед производил просто большое философское оздоровление в моем коллективе.

Какие общие положения могут служить доводом в такой теории морали?

Я пришел к следующему списку общих моральных положений. Прежде всего дисциплина как форма нашего политического и нравственного благополучия, дисциплина должна требоваться от коллектива. Нельзя рассчитывать, что дисциплина придет сама благодаря внешним мерам, приемам или отдельным разговорчикам. Нет, перед коллективом задачу дисциплины, цель дисциплины нужно поставить прямо, ясно и определенно.

Эти доводы, требования дисциплины подсказывают такие моменты. Прежде всего каждый ученик должен быть убежден, что дисциплина является формой для наилучшего достижения цели коллектива. Та логика достижения цели всего коллектива, утверждающая, что без дисциплины коллектив своей цели добиться не может, если она излагается четко и горячо (я против холодных рассуждений о дисциплине), такая логика будет первым камнем, положенным в основание определенной теории поступка, т. е. определенной теории морали.

Во-вторых, логика нашей дисциплины утверждает, что дисциплина ставит каждую отдельную личность, каждого отдельного человека в более защищенное, более свободное положение. Представьте себе, что это парадоксальное утверждение, что дисциплина есть свобода, понимается самими ребятами очень легко и на практике ребята вспоминают это утверждение, на каждом шагу получают подтверждение, что оно верно, и в своих активных выступлениях за дисциплину многие говорят, что дисциплина — это свобода.

Дисциплина в коллективе — это полная защищенность, полная уверенность в своем праве, путях и возможностях именно для каждой отдельной личности.

Конечно, в нашей общественной жизни, в нашей советской истории очень много можно найти доказательств этого положения, и сама наша революция, само наше общество являются подтверждением этого закона. Мы для того и сделали революцию, чтобы личность была свободна, но форма нашего общества — это дисциплина.

Это второй тип общеморальных требований, который нужно предложить детскому коллективу, и такой тип требования помогает потом воспитателю разрешать каждый отдельный конфликт. В каждом отдельном случае нарушитель дисциплины обвиняется не только мною, но и всем коллективом в том, что он нарушает интересы других членов коллектива, лишает их той свободы, на которую они имеют право.

Между прочим, это происходит, может быть, оттого, что как раз беспризорные и правонарушители, бывшие у меня, в значительном числе случаев побывали в таком детском коллективе, где нет дисциплины, и они на своей шкуре испытали всю страшную тяжесть такой бездисциплинированной жизни. Это — власть отдельных вожаков, так называемых глотов, более старших, сильных беспризорных, которые посылали малышей на воровство и хулиганство, которые эксплуатировали этих детей, и дисциплина для этих детей, страдавших от бездисциплинированного состояния, являлась действительным спасением, действительным условием человеческого расцвета.

Я, если было бы время, рассказал бы вам об очень ярких случаях почти мгновенного человеческого возрождения благодаря тому, что

мальчик попадал в дисциплинированную среду. Но я расскажу сейчас один случай.

В 1932 г. я взял на вокзале в Харькове по распоряжению НКВД со всех проходящих через Харьков скорых поездов 50 беспризорных.. Я взял их в очень тяжелом состоянии. Прежде всего, что меня поразило,— они все друг друга знали, хотя я взял их с разных поездов, главным образом идущих с Кавказа и из Крыма, но они все были знакомы. Это было «курортное общество», которое разъезжало, встречалось, пересекалось и имело какие-то внутренние отношения.

Эти 50 человек, когда я их привел, помыл, постриг и так далее, на другой день передрались между собой. Оказывается, у них очень много счетов. Тот у того-то украл, тот оскорбил, тот не выполнил слова, и я сразу увидел, что в этой группе из 50 человек есть вожаки, есть эксплуататоры, есть власть имущие и есть эксплуатируемые, подавленные. Это увидел не только я, но и мои коммунары, и мы увидели, что допустили ошибку, слив эти 50 человек, пытаясь создать из них отдельный маленький коллектив.

На другой день вечером мы их распределили между остальными 400 коммунарами, причем распределили, придерживаясь правила, кто позлее — в сильный коллектив, а тот, кто помягче,— в более слабый.

Мы в течение недели наблюдали, как при встречах они старались еще сводить прежние счеты. Под давлением коллектива эти счеты были прекращены, но несколько человек убежали из коммуны, не будучи в состоянии перенести свои расчеты с врагами более сильными, чем они.

В комсомольской организации мы этот вопрос крепко продискутировали и выяснили очень многие обстоятельства этой недисциплинированной жизни, этого страдания отдельной личности от отсутствия дисциплины, причем, в конце концов, воспользовавшись случаем, мы провели целую кампанию по разъяснению этого морального принципа, что дисциплина является свободой отдельной личности, и кто с наибольшей страстью, убедительностью и наибольшей слезой выступал за утверждение этого принципа, это как раз новенькие, которых я подобрал на Харьковском вокзале.. Они рассказывали, как трудно жить, когда нет дисциплины, они поняли за две недели новой жизни на своем примере, что́ такое дисциплина.

Это произошло потому, что мы подняли эту кампанию, провели дискуссию. Если бы мы об этом не говорили, они могли бы ощущать всю тяжесть бездисциплинированной жизни, но понять этого они не могли бы.

Из таких детей, пострадавших от анархии беспризорного общества, у меня вырастали наибольшие сторонники дисциплины, наиболее горячие ее защитники, наиболее преданные ее проповедники. И если я вспомню всех юношей, которые были у меня правой рукой в педагогическом коллективе, то это как раз те дети, которые в своей жизни больше всего претерпели от анархии недисциплинированного общества.

Третий пункт морального теоретического утверждения, который должен быть предложен коллективу и всегда быть ему известен и всегда направлять его на борьбу за дисциплинированность, это такой: интересы коллектива выше интересов личности. Казалось бы, вполне понятная для нас, советских граждан, теорема. Однако на практике она далеко не

понятна очень многим интеллигентным, образованным, культурным и даже социально культурным людям.

Мы утверждаем, что интересы коллектива стоят выше интересов личности там, где личность выступает против коллектива.

Но когда дело приходит к практическому случаю, оно решается часто как раз наоборот.

В моей жизни был такой сложный случай. В коммуне им. Дзержинского в последние годы не было воспитателей, работали педагоги-учителя, а в самом коллективе отдельных воспитателей у нас не было и вся воспитательная работа велась старшими коммунарами, главным образом комсомольцами, причем этому помогала структура коллектива. Коллектив делился на отряды, во главе которых стояли командиры. Один из командиров отвечал за всю работу коллектива в течение дня — уборка, обед, прием гостей, порядок, чистота, вся работа школы, прием пищи и производство. Назывался он дежурный командир, носил красную повязку и имел очень большую власть, которая была ему необходима для единоличного руководства порядком дня. Власть заключалась в том, что его приказы должны были выполняться беспрекословно, и только вечером он мог дать отчет о всех своих приказаниях. Никто не имел права разговаривать с ним сидя, а должен был стоять, и никто не имел права возражать ему в какой-либо форме. Обычно дежурным командиром был уважаемый, заслуженный товарищ, и никаких конфликтов с ним не происходило.

Однажды дежурным командиром был мальчик, которого условно назовем Ивановым. Он был комсомолец, один из видных культурных работников, член драмкружка, хороший производственник, пользовался полным уважением всех, в том числе и моим, один из старых беспризорников, имевший большой стаж правонарушений и бродяжничества, которого я лично подобрал в Симферополе.

Этот дежурный командир вечером, во время рапорта, доложил мне, что у мальчика Мезяка украден только что купленный им радиоприемник. Это был первый радиоприемник в коммуне. Мезяк заплатил за него 70 рублей, которые собирал в течение полугода из своего заработка. Радиоприемник стоял около кровати в спальне и оттуда исчез. Спальня не запиралась, так как замки в коммуне были запрещены, но в течение дня вход туда был не разрешен, и коммунары не могли войти туда, так как были на работе.

По моему предложению было созвано общее собрание, на котором дежурный командир разобрал вопрос, куда мог деваться радиоприемник. Он очень тактично вел разговор, указал, кто мог бы войти в спальню за инструментом и т. д., высказал несколько подозрений, предложил избрать комиссию, уговаривал общее собрание выяснить до конца это дело, так как было жалко Мезяка и затем тревожил поступок — кража вещи, на которую человек полгода собирал деньги из своего заработка.

Но ничего не удалось открыть; с тем и легли спать. Мезяк — мальчик лет 12.

Наутро ко мне пришли несколько пионеров-малышей и сообщили, что они встали в 5 часов, обследовали всю коммуну и нашли в театре под

сценой радиоприемник. Они попросили освободить их от работы, чтобы понаблюдать, что там происходит.

Они стояли весь день, потом пришли ко мне и сказали прямо — радиоприемник украл Иванов, так как они видели, как он один подходил несколько раз к суфлерской будке, стоял там и что-то слушал. Больше никаких доказательств они не имели. Только то, что он стоял, не будучи дежурным командиром, у суфлерской будки и слушал.

Я сыграл ва-банк. Я позвал Иванова и говорю:

— Ты украл радиоприемник, и баста!

Он побледнел, сел на стул и говорит:

— Да, я украл.

Этот случай сделался предметом обсуждения общего собрания. Комсомол исключил его и передал дело на общее собрание коммунаров. Общее собрание происходило под председательством мальчика, которого называли Робеспьер, он всегда предлагал одно — выгнать из коммуны. На этот раз также постановили выгнать, но постановили выгнать буквально — открыть дверь и спустить Иванова с лестницы

Я возражал против изгнания, вспоминал всякие случаи, что и тебя хотели выгнать и тебя хотели выгнать, но ничего не добился.

Позвонил в НКВД и сообщил, что есть такое постановление общего собрания — выгнать, и выгнать символически таким-то образом. Они мне ответили, что этого постановления не утвердят и что я должен добиться отмены его.

Я обладал очень большим авторитетом у коммунаров и мог добиться, чего хотел, иногда очень трудных вещей. Тут я ничего не мог сделать — они меня лишили слова в первый раз за всю жизнь коммуны.

— Антон Семенович, мы вас лишаем слова!

И кончено. Я все-таки им сказал, что они не имеют права выгнать, пока они не получат утверждения НКВД. Тут они со мной согласились и перенесли вопрос на завтра с тем, что прибудут представители НКВД, а они при них подтвердят свое решение.

Я имел неприятности, меня упрекали в том, что я не добился отмены постановления. На другой день несколько видных чекистов приехали в коммуну. Их встретили так:

— Вы чего приехали? Защищать Иванова?

— Нет, добиться справедливости.

И тут произошел между коммунарами и чекистами диспут о дисциплине, который может и теперь служить для меня каркасом для разработки этой важнейшей проблемы

На общем собрании чекисты так говорили:

— Что вы хотите показать вашим постановлением? Иванов ваш передовик, ваш активист, вы его вооружили доверием, вы ему доверяли коммуну, вы подчинялись его распоряжениям беспрекословно. А теперь, когда он один раз украл, вы его выгоняете. И затем, куда он пойдет? Он пойдет на улицу, а это значит — бандит! Неужели вы так слабы, что не можете перевоспитать Иванова?

Причем сам Иванов, «бандит», в истерике бьется целый день.

С ним больше доктора возятся, чем комсомольцы.

Показывают на него:

— Вот человек болен. Вы, такой сильный коллектив, вы перековали столько человек, неужели вы боитесь, что он плохо на вас повлияет? Ведь вас 456 человек! А он один.

Это убийственные доводы, это убийственная логика.

И вот что отвечали им коммунары, не такие опытные люди, но люди, отвечающие за свой коллектив, тот же Робеспьер и другие. Они говорили:

— Если Иванов пропадет — правильно. Пусть пропадает. Если бы он украл что-нибудь — одно дело. Но он был дежурным командиром, мы ему доверили коммуну, он председательствовал на общем собрании и упрашивал нас — говорите то, что знаете. Тут не воровство. Это он один нахально, цинично, нагло пошел против всех, соблазнившись 70 рублями, пошел против нас, против Мезяка, который несколько месяцев собирал по 10 рублей из своего заработка. Если он пропадет, нам не жалко его!

И, во-вторых, мы с ним, конечно, справимся. Мы не боимся, но нас не это интересует. Мы потому и справимся с ним, что мы можем его выгнать. И если мы его не выгоним и другого не выгоним, тогда наш коллектив потеряет свою силу и ни с кем не справится. Мы его выгоним, а таких, как он, у нас 70 человек, и мы с ними справимся, именно потому, что мы его выгоним!

Чекисты возражали, что вы все-таки теряете члена коллектива, у вас пятно на коллективе, он пропадет. Им возражали коммунары: посмотрите на такую-то колонию, на такую-то колонию, где нет дисциплины, сколько она теряет в год. Там бежит в год 50 %. Значит, если мы настаиваем так резко на дисциплине, то потеря будет меньше, мы согласны его потерять, но зато справимся с другими.

Спор шел долго, целый вечер. Наконец коммунары перестали возражать и даже аплодировали хорошим речам чекистов. Но когда дело доходило до голосования и председатель говорил: «Кто за то, чтобы выгнать Иванова?» — все сразу поднимали руки. Опять брали чекисты слово, опять убеждали, и я видел по их лицам, что они улыбаются, потому что знают, что все равно Иванова выгонят. И в 12 часов ночи постановили: выгнать именно так, как постановили вчера, — открыть дверь и спустить с лестницы. Единственно, чего мы добились, что не физически выгнать, а взять под стражу и отправить в Харьков.

Так и выгнали. Конечно, потом я и другие приняли меры, чтобы Иванова отправить в другую колонию, но чтобы никто не знал, так как когда через год узнали об этом, то меня спрашивали, как это я нарушил постановление общего собрания, — мы постановили выгнать, а он ходил и хлопотал.

Этот случай явился для меня толчком, после которого я долго думал, до каких пор интересы коллектива должны стоять впереди интересов отдельной личности. И сейчас я склонен думать, что предпочтение интересов коллектива должно быть доведено до конца, даже до беспощадного конца — и в этом случае будет настоящее воспитание коллектива и отдельной личности.

На эту тему я еще буду говорить. Сейчас только скажу, что этот беспощадный конец на самом деле должен быть беспощаден только в логике, т. е. физически беспощадным он может и не быть, т. е. нужно так организовать технику беспощадности, чтобы интересы коллектива стояли

впереди интересов личности, но и чтобы личность не оказалась в тяжелом, катастрофическом положении.

Наконец, четвертая теорема, которая должна быть внушаема и предлагаться детям как чистая теория: дисциплина украшает коллектив. Эта сторона дисциплины — красота дисциплины, эстетика дисциплины — является очень значительной. Как раз в наших детских коллективах, насколько я знаю, делается очень мало в этом отношении. У нас порой бывает дисциплина, выражаясь беспризорным языком, «занудная», скучная дисциплина разглагольствования, понукания, надоедания болтовней. Вопрос о том, как сделать дисциплину приятной, увлекающей, задевающей за живое, является вопросом просто педагогической техники.

Я в своей истории не так скоро пришел к окончательной форме такой красивой дисциплины, причем, конечно, здесь есть опасность, чтобы дисциплина не была просто внешним украшением. Нужно, чтобы красота дисциплины вытекала из ее сущности.

Во всяком случае, в последнее время я имел уже у себя довольно сложную распланировку такой эстетической стороны дисциплины. Для примера приведу несколько приемов, которыми я пользовался уже не для воспитания дисциплины, а для проверки и поддержания эстетичности.

Например, опоздал завтрак. Дали сигнал на завтрак по вине кухни, или по вине дежурного, или по вине кого-нибудь из воспитанников, которые проспали, на 10 минут позднее. Возникает вопрос: как же поступить дальше — задержать ли сигнал на работу на 10 минут, задержать ли работу или поступиться завтраком? Вопрос на практике бывает очень тяжелый.

У меня было много наемного персонала: инженеры, мастера, инструкторы — до 200 человек персонала, который также дорожит своим временем [8]. Они пришли в 8 часов на работу, и в 8 часов я должен дать гудок А тут завтрак запоздал на 10 минут, коммунары не выходят, и получается, что я должен задержать рабочих, инженеров. Многие живут за городом, опаздывают на поезд и т. д. И вообще тут закон точности.

Я не сомневался ни разу за последние годы, как поступить, и у ребят также не было сомнения Опоздал завтрак. Я даю гудок ровно в 8 часов. Многие ребята бегут, некоторые еще только начинают завтракать. Я прихожу в столовую и говорю: «Завтрак окончен». Я прекрасно понимаю, что я их оставляю без завтрака, и прекрасно знаю, что и физически это нехорошо, и как хотите. Но тем не менее у меня ни разу сомнения не было. Если бы я поступил так с коллективом, не чувствующим красоты дисциплины, мне бы кто-нибудь сказал:

— Что́ же, мы голодные будем?

Мне никто никогда не говорил таких вещей. Все прекрасно понимают, что нужно так поступить, и то, что я могу войти и потребовать, показывает, что я доверяю коллективу, требуя, чтобы он не завтракал

Как-то стали обращаться ко мне дежурные, говоря, что ребята задерживаются в спальне и не спешат приходить в столовую, опаздывают на завтрак. Я никогда не поднимал по этому поводу никаких теоретических рассуждений и никому ничего не говорил. Я просто подходил к столовой на другой день и начинал разговаривать с кем-нибудь, рядом стоящим, по совершенно другому делу, и все опаздывавшие 100—150 человек, обыч-

но старшие воспитанники, спускаясь с лестницы, не заворачивали в столовую, а прямо на завод. «Здравствуйте, Антон Семенович!» И никто не покажет вида, что опоздал на завтрак. А вечером только иногда скажет:

— Ну и проморили вы нас сегодня!

На этой основе я мог проделывать такие упражнения. Ждут картину «Броненосец Потемкин». Привезли картину, все расселись в зале. Идет третья часть. Я говорю:

— Четвертый, второй, третий отряды, выйдите из зала.

— Что такое?

— Я получил сведения, что какие-то подозрительные личности ходят вокруг коммуны. Проверьте.

— Есть, проверить.

Они не знают, ходят или не ходят подозрительные личности, допускают, что это проба, но если кто-нибудь скажет, что это проба, то другие его взгреют. Пойдут, проверят, возвратятся; пропустили часть любимой картины, и никто ничего не скажет, что пропустили любимую картину, а идут и смотрят дальше.

Это такое упражнение. Таких упражнений может быть много. Всегда, в частности, известно, какой отряд в коллективе лучший. У нас была традиция: лучшему отряду поручать самую тяжелую и неприятную работу при распределении уборки. А уборка — это довольно напряженное дело, так как в коммуне каждый день несколько делегаций бывало и коммуну нужно было держать в лоске, доводить до полного блеска.

— Какой лучший у нас отряд?

— Шестой.

Значит, самую неприятную уборку производит шестой отряд за то, что он самый лучший. За это ты и совершай самую неприятную работу. И это было у нас вполне естественной логикой. Это самый лучший отряд, и ему поручается самая тяжелая работа.

Или в походах очень часто бывало тяжелое положение, требующее физического напряжения, быстроты, энергии. Какой отряд посылается? Самый лучший, и этот лучший отряд гордился этим. Трудно представить, что это лучший отряд, и я бы постеснялся поручить ему лишнюю нагрузку, внеочередное задание. Но именно ему я это поручаю без всякого сомнения, без всяких слов потому, что он лучший, и он это доверие чувствует. Он чувствует в этом особую красоту, эстетичность.

Эта эстетичность будет последней филигранной работой дисциплинированности. И не каждый коллектив придет к ней, но если коллектив пришел к ней, и если логика такова, что чем выше ты стоишь, тем больше от тебя требуется, если эта логика делается настоящей, живой логикой, это значит, вопросы дисциплинированности и воспитания доведены до известного удовлетворительного предела.

Наконец, последнее теоретическое общее положение о дисциплине, которое я считал необходимым своим воспитанникам предлагать как можно чаще в простой форме, доступной для детского понимания: если человеку нужно сделать что-нибудь для себя приятное, он всегда сделает это и без дисциплины; дисциплина именно тогда, когда человек делает и неприятное для себя с удовольствием. Это очень важное дисциплинарное положение. Его также нужно отметить и подчеркивать как можно

чаще, при всяком случае. Вот коротко та общая теория поведения, мораль, которую необходимо детям предъявлять как определенное знание, о котором нужно всегда говорить, подчеркивать и добиваться понимания этих теорем и положений. Только таким образом, при таком общем теоретизировании дисциплина будет получаться сознательной.

Во всех этих теоремах и аксиомах дисциплины нужно всегда подчеркивать главное и основное — это политическое значение дисциплины. Здесь наша советская действительность даст очень много блестящих примеров. Наибольшие достижения, самые славные страницы нашей истории связаны с великолепным блеском дисциплины. Вспомните наши арктические походы, папанинскую группу, все подвиги Героев Советского Союза, возьмите историю колхозного движения, возьмите историю нашей индустриализации — здесь и в художественной литературе вы увидите блестящие примеры, которые вы можете предъявить нашим воспитанникам как пример советской дисциплины, основанной именно на этих принципах дисциплины.

Все-таки я уже сказал, что такая сознательность, такая теория поведения должны сопровождать дисциплину, должны идти параллельно с дисциплиной, а не быть основанием дисциплины.

Что же является основанием дисциплины?

Говоря просто, чтобы не зарываться в глубь психологических изысканий, основанием дисциплины является требование без теории. Если бы кто-нибудь спросил, как бы я мог в краткой формуле определить сущность моего педагогического опыта, я бы ответил, что как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему. Я убежден, что эта формула есть формула вообще советской дисциплины, есть формула вообще нашего общества. От буржуазного общества наше общество отличается именно тем, что мы к человеку предъявляем гораздо большие требования, чем буржуазное общество, и наши требования шире по объему. В буржуазном обществе можно открыть лавочку, можно эксплуатировать, спекулировать, быть рантье и жить на проценты. Там предъявляется гораздо меньше требований, чем у нас.

У нас к личности предъявляются глубокие, основательные и общие требования, но с другой стороны, мы оказываем личности необыкновенно большое, принципиально отличное уважение. Это соединение требований к личности и уважения к ней не две разные вещи, а одно и то же. И наши требования, предъявляемые к личности, выражают и уважение к ее силам и возможностям, и в нашем уважении предъявляются в то же самое время и требования наши к личности. Это уважение не к чему-то внешнему, вне общества стоящему, к приятному и красивому. Это уважение к товарищам, участвовавшим в нашем общем труде, в нашей общей работе, это уважение к деятелю.

Не может быть, конечно, ни создан коллектив, ни создана дисциплина коллектива, если не будет требований к личности. Я являюсь сторонником требования последовательного, крайнего, определенного, без поправок и без смягчения.

Кто из вас читал мою книгу «Педагогическая поэма», тот знает, что я начал с таких требований, тот знает историю с побоями воспитанника Задорова. Эти побои показали, во-первых, плохую мою подготовленность

как воспитателя, плохую мою вооруженность педагогической техникой и плохое состояние нервов, отчаяние. Но это не было наказание. Это также было требование.

В первые годы моей работы я доводил требования до предела, до насилия, но никогда не наказывал моих воспитанников за проступки, никогда не наказывал так жестоко и таким крайним образом То мое преступление, которое я описал, было не наказанием, а требованием

Я не рекомендую вам повторять мой опыт, потому что сейчас не 1920, а 1938 год и потому что едва ли кто-нибудь из вас, из товарищей, которыми вы руководите, окажется в таком тяжелейшем, одиноком, затрудненном положении, в каком оказался я. Но я утверждаю, что не может быть воспитания, если нет требования. Требование не может быть половинчатым. Оно должно быть большевистски предельным, доведенным до возможного предела

Эта организация требования, конечно, очень трудная вещь, но она вовсе не требует воли, как многие думают. Я лично человек вовсе не волевой, и никогда не отличался такими достоинствами сильной личности. Вовсе нет. Обыкновенный интеллигент, обыкновенный учитель. Я был только убежден в том, что играть и кокетничать моей интеллигентностью я не имею права, и кокетничание своей интеллигентностью у воспитателя часто происходит от незнания той линии, которую нужно утвердить Я убежден, что эта линия, которую нужно утвердить, есть требование.

Конечно, это требование должно развиваться. Но я уверен, что пути тут всегда одинаковы Если вы хотите взять коллектив детей недисциплинированных или дисциплинированных только с внешней стороны, не начинайте никаких споров. Вам нужно будет начинать с ваших индивидуальных единоличных требований.

Очень часто бывает, и в большинстве случаев даже бывает так, что достаточно просто выразить решительное, неломающееся, негнущееся требование, чтобы дети вам уступили и поступили так, как вы хотите. Тут есть некоторая доля внушаемости и некоторая доля сознания того, что вы правы. Все в дальнейшем будет зависеть от вашего интеллекта Нельзя предъявлять грубые требования, нелогические, смешные, не связанные с требованиями коллектива.

Я боюсь, что я буду не логичен. Для себя лично я создал такую теорему. Там, где я не уверен, можно ли потребовать чего-либо, правильно или неправильно, я делал вид, что я ничего не вижу. Я ожидал случая, когда и для меня становилось очевидным, и для всякого человека со здравым смыслом становилось ясно, что я прав. В таком случае я и предъявлял до конца диктаторские требования, и так как они казались лучше от такой очевидной правды, я действовал смелее, и ребята понимали, что я прав, и легко мне уступали.

Я считаю, что такая логика требований на первых порах должна быть законом. Тот воспитатель, который дает простор своей воле и обращается в самодура в глазах коллектива, требует того, чего коллектив не понимает, тот победы не одержит.

Я от своего первого коллектива не требовал, чтобы они не крали. Я понимал, что на первых порах не могу убедить их ни в чем. Но я требовал,

чтобы они вставали, когда нужно, выполняли то, что нужно. Но они воровали, и на это воровство я смотрел до поры до времени сквозь пальцы.

Во всяком случае, без искреннего, открытого, убежденного, горячего и решительного требования нельзя начинать воспитание коллектива, и тот, кто думает начать с колеблющихся, подмазывающихся уговариваний, тот делает ошибку.

Наряду с требованием должно идти и развитие теории морали, но оно ни в коем случае не должно подменять требования. Там, где вы нашли случай теоретизировать, рассказать детям, что нужно сделать, там вы должны это сделать. Но там, где вы должны потребовать, вы никаких теорий не должны разводить, а должны требовать и добиваться выполнения ваших требований.

В частности, я был во многих школах, большей частью киевских. Что меня поражало в детских школьных коллективах, так это страшная крикливость, егозливость, несерьезность, истеричность детей, беготня по лестницам, разбивание стекол, носов, голов и т. д.

Я не выношу этого крика. У меня нервы здоровые настолько, что я мог писать «Педагогическую поэму» в окружении ребят, в толпе. Разговоры мне не мешали. Но я считаю, что крик и визг, беготня не нужны детям.

А вместе с тем я встречал такие рассуждения педагогов: ребенок должен бегать, должен кричать, в этом проявляется его натура.

Я возражаю против этой теории. Ребенку это совсем не нужно. Как раз этот общий крик в школе только расстраивал все время нервы, больше никакой пользы не приносил. Наоборот, я на своем опыте убедился, что в детском коллективе можно с успехом проводить движение упорядоченное, с торможением, с уважением к соседу, к имуществу, к дверям, к окнам и т. д.

В коммуне вы не могли бы встретить такой галдеж. Я добился полного порядка в движении на улице, на площадке, в здании. Я требовал полного упорядочения движения.

Потребовать такую вещь в наших школах совсем не трудно. Если бы я получил сейчас школу, я поставил бы себя в положение организатора. Я всех собрал бы, сказал, чтобы больше этого я не видел. Никаких доказательств, никаких теорий! Потом я поднес бы им теорию, а тут теория могла бы только повредить. Я бы приступил в решительной форме — чтобы я больше этого не видел! Чтобы я не видел ни одного кричащего ученика в школе.

Такое требование, высказанное в форме, не допускающей возражений, необходимо на первых порах в каждом коллективе. Я не представляю себе, чтобы можно было дисциплинировать разболтанный, изнервничавшийся коллектив без такого холодного тона требования отдельного организатора. А дальше это идет гораздо легче.

Вторая стадия развития этого требования, когда на вашу сторону перешли первый, второй, третий, четвертый активисты, когда около вас организуется группа мальчиков или девочек, которые сознательно хотят поддержать дисциплину.

Я спешил с этим. Я не глядел на то, что эти мальчики или девочки имеют также много недостатков, старался скорее набрать такую группу

активистов, которые поддерживали мои требования своими требованиями, высказываемыми на общих собраниях, в своей группе, своим мнением Это вторая стадия развития требования, когда около меня образовалось такое ядро.

И наконец, третья стадия развития этого требования, когда требует коллектив. Это — тот результат, который вознаграждает вас за нервный труд первого периода. Когда требует коллектив, когда коллектив сбился в известном тоне и стиле, работа воспитателя становится математически точной, организованной работой.

В последние 5 лет в коммуне им. Дзержинского я уже ничего не требовал. Напротив, я выступал уже как тормоз для требований коллектива, так как обычно коллектив разгоняется и требует часто очень многого от отдельной личности.

Вот тут-то, когда уже требует коллектив, тут для вас и будет простор для развертывания теории морали. Тут каждый понимает, что требования морали, политической морали и нравственной — основные, и общий итог требований, когда каждый воспитанник требует от себя и больше всего интересуется своим поведением.

Этот путь от диктаторского требования организатора до свободного требования каждой личности от себя на фоне требований коллектива, этот путь я считаю основным путем в развитии советского детского коллектива. Я убежден, что тут не может быть постоянных форм. Один коллектив может стоять на первой стадии развития, и там нужно иметь фигуру диктатора-воспитателя, и как можно скорее этот коллектив должен переходить к форме свободного коллективного требования и к требованию свободной личности к самой себе.

Конечно, нельзя ограничиваться только одним требованием. Требование — необходимый элемент дисциплинирования коллектива, но не единственный. Впрочем, все остальные элементы здесь также по существу будут требованиями, но высказанными не в такой решительной форме. Кроме требования, есть привлечение и понуждение. Эти две формы есть выражение как бы в слабой форме требования. И наконец, более сильная форма, чем обыкновенное требование, это угроза

Я считаю, что эти формы должны употребляться в нашей практике.

Что такое привлечение? Оно тоже должно испытывать некоторое развитие. Одно дело — привлечение подарком, наградой, премией или какими-нибудь благами для отдельной личности, и другое дело — привлечение эстетикой поступка, его красивой внутренней сущностью.

То же самое понуждение. В первом случае понуждение может быть высказано в более примитивной форме, в форме доказательства или убеждения. В более совершенном случае понуждение высказывается намеком, улыбкой, юмором. Оно — что-то ценное и видное для детей.

То же самое угроза. Если в начале развития коллектива вы можете угрожать наказаниями, неприятностью, то в конце развития коллектива — это уже не нужно. Такой угрозы в развитом коллективе нельзя допускать, и в коммуне им. Дзержинского я не позволял себе угрожать: я то-то сделаю с тобой! Это было бы ошибочным с моей стороны. Я угрожал осуждением, что поставлю вопрос на общем собрании, причем на общем собрании самым страшным являлось это осуждение.

Понуждение, привлечение и угроза могут иметь самые различные формы в развитии коллектива. В коммуне им. Дзержинского в последние годы, когда премировались воспитанники за отдельные достижения на производственном, нравственном или бытовом участке, была такая лестница в премиях — подарок, денежная премия и самая высокая награда — благодарность в приказе перед строем, и за эту благодарность в приказе перед строем, которая не сопровождалась никакими подарками, никакими материальными удовольствиями, за нее дрались самые лучшие отряды. За что дрались? За то, что специально в этот день все по приказу надевали парадные костюмы с белыми воротниками и вензелями и по приказу на площадке строилась вся коммуна в военно-строевом порядке. Выходит оркестр, приходят все преподаватели, инженеры, инструкторы, становятся отдельной шеренгой. Дается команда: «Смирно!» Выносится знамя, оркестр играет салют, и после этого выхожу я и тот, кому выносится благодарность, и читается приказ:

«На основе постановления общего собрания коммуны за то-то и за то-то такому-то выражается благодарность».

Это высшая награда. И такая благодарность записывалась в дневник отряда, в дневник коммуны и на красную доску, что такой-то отряд или такое-то лицо в строю такого-то числа получили благодарность.

Это высшая награда, которая возможна в богатом чувствами, нравственными достоинствами и уважением к себе коллективе. Но к этому нужно стремиться, а начинать с этого нельзя. Начинать нужно с привлечения более примитивного типа, с некоторых материальных и других удовольствий в каждом отдельном случае, например театр и т. д. Хороший воспитатель, конечно, для каждого случая найдет очень много нюансов, мелких движений, когда он сможет применить и привлечение, и понуждение, и угрозу, и требование.

Вопрос — что требовать? Здесь я предложил бы такую формулу, которая даже, пожалуй, не развивается, а должна быть всегда одна и та же. Прежде всего, единственное, чего нужно требовать,— это подчинения коллективу. Коммунары меня этому научили. Они, развивая свой коллектив, пришли к очень интересной форме.

В последние годы мы не наказывали за воровство. Для меня это явилось также несколько неожиданным. Я натолкнулся вдруг на такой случай. Один из коммунаров, молодой еще парень, лет 16, украл у товарища 5 рублей из шкафчика.

Его пригласили на общее собрание. Он должен был стать на середину. Среди многих коммунарских традиций у нас была такая старейшая традиция. Зал вроде этого, только больше, и он имеет бесконечный диван под стеной. На этом диване все сидят, а середина свободная, и всякий, кто должен делать отчет перед общим собранием, должен выйти на середину, стать точно под люстрой. Было определенно установлено, существовал такой определенный кодекс, кто должен выходить и кто не должен выходить на середину. Например, если спрашивали кого-нибудь как свидетеля, то он не выходил. Если командир отвечает за отряд, он не выходит на середину, но когда он отвечает лично за себя, он должен выйти на середину, причем я не помню, чтобы разбирались поступки иначе. Отказ выйти на середину рассматривался как отказ подчиниться

коллективу. Он мог бы совершить какое-нибудь мелкое преступление и его отпустили бы с маленьким наказанием, но, если он отказался выйти на середину, его судили бы как нарушителя высшей степени — восставшего против коллектива.

Этот парень вышел на середину. Его спрашивают:

— Крал ты?

— Крал.

— Кто желает высказаться?

На середине полагалось стоять смирно.

Один берет слово. Это тот самый Робеспьер, который всегда требовал выгнать. Берет слово, и вдруг он говорит:

— Что нам с ним делать? Он дикарь. Как же он может не украсть? Слушай, ты еще два раза украдешь!

Всем это понравилось. Все говорят:

— Правильно, он еще два раза украдет. Пустите его с середины

Тот обиделся:

— Как это я еще два раза украду? Честное слово, не украду!

Робеспьер говорит:

— Ты слушай, что тебе говорят. Ты еще два раза украдешь.

Тот ушел. Приходит ко мне вечером и говорит:

— Черт знает что такое! Даже не наказали, издеваются, говорят, что я еще два раза украду!

Я говорю:

— Ты докажи, что над тобой издевались.

Представьте себе, что прошла неделя и он украл резец из шкафчика соседа, даже не для продажи, замок свинтил и т. д. И вот он опять стоит на середине, и когда председатель ему говорит: «Украл резец?» — все хохочут.

Встает Робеспьер и говорит:

— Я тебе говорил, что ты еще два раза украдешь, ты и украл. Зачем же ты по коммуне ходил и обижался? Ты еще раз украдешь!

Тот ушел. Месяц он держался, а через месяц зашел на кухню и украл пирожок

Когда он опять стоял на середине, то на него смотрели сочувствующими глазами, радостно. И Робеспьер говорит:

— Ну, в последний раз?

Тот просит слова и говорит:

— Теперь я вижу, что в последний раз.

И его отпустили и оказались правы, больше он не крал.

Так всем понравилась эта история, что сделалось обычаем, когда воровство, так у нас сакраментальная фраза:

— Ты еще два раза украдешь.

Я говорю:

— Что вы придумали! Говорите, что еще два раза украдешь! Ведь у нас в коммуне 450 человек, и каждый по три раза украдет — во что вы коммуну превратите?

Они говорят.

— Не бойтесь.

И действительно, не нужно было бояться, так как это было так убийственно,— такая сила убеждения коллектива, что... прекратилось всякое воровство, и когда один украл, то он на коленях просил не ставить его на середину, никогда не будет больше красть, а то будут говорить, что он еще два раза украдет, а оказывается, что он сам раньше эти слова говорил.

За такое преступление, как мелкое воровство, мы не наказывали. Считалось, что это человек больной, что у него старые привычки, он никак не отвыкнет...

И затем мы не наказывали за грубость, за некоторые хулиганские наклонности, если они проявляются у новенького, недавно к нам пришедшего.

А наказывали вот за что. Например, такой случай. Девочка, старая коммунарка, командир отряда, комсомолка, хорошенькая, живая, одна из ведущих девочек в коммуне, пользующаяся всеобщим уважением, отправилась в отпуск и не вернулась обратно ночевать, а ее подруга позвонила по телефону, что Шура заболела и осталась у нее ночевать.

Дежурный командир, приняв по телефону это сообщение, пришел ко мне и доложил, что вот Шура заболела и осталась ночевать там-то и там-то.

Я испугался. Я сказал бывшему воспитаннику Вершневу, врачу коммуны, поехать туда и посмотреть, в чем дело. Он поехал и никого не застал, ни Шуры, ни ее подруги. А на другой день Шура стала на середину.

С одной стороны, это было девичье смущение, а с другой, было что-то другое. Она говорит:

— Мне захотелось пойти в театр, а я боялась, что мне не разрешат.

И при этом такая застенчивая и приятная улыбка.

Но я вижу — нет. И все коммунары видят — нет. Улыбкой тут не пахнет. Робеспьер, как всегда, предложил ее выгнать из коммуны, так как если каждый командир отряда будет уезжать в город и «заболевать», а мы будем посылать докторов и т. д , и т. п.

Я посмотрел — ну, как...

— Нужно голосовать,— говорит председатель.

Я говорю:

— Вы обалдели. Ведь она у нас столько лет в коммуне, а вы будете ее выгонять .

Робеспьер говорит:

— Да, мы немного перехватили, но нужно дать ей 10 часов ареста.

Так и решили — 10 часов ареста, а затем комсомольская организация за нее взялась Вечером ее на комсомольском собрании «парили», и партийная организация должна была вмешаться, чтоб ее не выгнали из комсомола, так как говорили, что лучше бы она украла, а то ты комсомолка, командир отряда — и вдруг по телефону звонишь дежурному, что ты заболела, а на самом деле ты не заболела, а куда-то отправилась, ты же солгала; это — преступление.

Такая логика приходит не сразу, а постепенно и развертывается по мере развития коллектива.

Наибольшие требования должны предъявляться в том случае, когда человек выступает против коллектива более или менее сознательно. Там, где поступок происходит от натуры, от характера, от несдержанности, от темноты политической и нравственной, там требование может предъявляться не такое резкое. Там можно рассчитывать на положительное влияние опыта, на постепенное накопление привычек. Но там, где личность сознательно выступает против коллектива, отрицая его требование и его власть, там требования должны быть предъявлены решительные до конца, до тех пор пока личность не признает, что нужно подчиниться коллективу.

Теперь несколько слов о наказаниях. У нас по отношению к наказаниям выходит не совсем хорошо. С одной стороны, мы уже признали, что наказания бывают и нужными и полезными. Наказание можно допустить, но, с другой стороны, у нас есть такая установка, чисто наша, интеллигентская, главным образом, конечно, педагогов, что наказание допустимо, но лучше обойтись без наказания. Все-таки наказывать можно, но если ты наказываешь, то ты плохой педагог. Тот педагог хорош, который не наказывает.

Я уверен, что такая логика дезорганизует педагога. Нужно установить точно, что такое наказание. Я лично убежден, что наказание не такое большое благо. Но я убежден в следующем: там, где нужно наказывать, там педагог не имеет права не наказывать. Наказание — это не только право, но и обязанность в тех случаях, когда наказание необходимо, т. е. я утверждаю, что педагог может наказывать или не наказывать, но если его совесть, его техническая квалификация, его убеждение говорят, что он должен наказать, он не имеет права отказаться от наказания. Наказание должно быть объявлено такой же естественной, простой и логически вместимой мерой, как и всякая другая мера.

Нужно решительно забыть о христианском отношении к наказанию, наказание — допустимое зло. Взгляд на наказание как на зло, которое допустимо почему-то, в известной мере, я считаю, не соответствует ни логическим, ни теоретическим взглядам. Там, где наказание должно принести пользу, там, где другие меры нельзя применить, там педагог никаких разговоров о зле иметь не должен, а должен чувствовать своим долгом применить наказание. Такое убеждение, такая вера, что наказание есть допустимое зло, превращают педагога в объект упражнения в ханжестве. Никакого ханжества не должно быть. Никакой педагог не должен кокетничать, что вот я — святой человек, обхожусь без наказания.

А что делать тому человеку, который искренне видит, что нужно наказать? Он сидит и тужит: вот какой-то педагог обходится без наказания, и что же скажут обо мне? Скажут, что я педагог второго сорта.

Такое ханжество я считаю нужным отбросить. Там, где наказание должно быть применено, где оно может быть применено с пользой, там педагог должен его применить.

Однако это вовсе не значит, что мы утверждаем желательность наказания во всех случаях и всегда.

Что такое наказание? В области наказания я считаю, что как раз советская педагогика имеет возможность найти очень много нового. Все

наше общество так устроено, так много уважения у нас к человеку, так много гуманности, что мы имеем возможность прийти к той счастливой норме, какая может быть по вопросу о наказаниях. И эта счастливая норма должна быть такой: наказание должно разрешить и уничтожить отдельный конфликт и не создавать новых конфликтов.

Все зло старого наказания было в том, что наказание, уничтожая один конфликт, создавало другой конфликт, который приходилось разрешать еще более сложным путем. Я утверждаю, что не выработано еще наказание, уничтожающее до конца конфликт. Ясно, что наказание в одном случае имеет смысл, а в другом случае не имеет смысла.

Каковы же отличия советского наказания от других? Во-первых, ни в коем случае оно не должно иметь в виду причинение страдания. Обычная логика говорит, что я тебя накажу, ты будешь страдать, а другие будут смотреть и думать: «Вот ты страдаешь, и нам нужно воздержаться от этого поступка».

Никакого физического и нравственного страдания не должно быть. В чем же сущность наказания? Сущность наказания в том, что человек переживает то, что он осужден коллективом, зная, что он поступил неправильно, т. е. в наказании нет подавленности, а есть переживание ошибки, есть переживание отрешения от коллектива, хотя бы минимального.

Поэтому и к наказанию нужно прибегать только в том случае, когда вопрос логически ясен, и только в том случае, когда общественное мнение стоит на стороне наказания. Там, где коллектив не на вашей стороне, там, где коллектив вы не перетянули на свою сторону, наказывать нельзя. Там, где ваше решение будет решением, отрицаемым всеми, там наказание производит не полезное, а вредное впечатление; только когда вы чувствуете, что коллектив за вашими плечами и коллектив думает так же, как вы, и осуждает так же, как вы, тогда только можно наказывать.

Это то, что касается сущности наказания.

Теперь, что такое форма наказания?

Я противник каких бы то ни было регламентированных форм. Наказание должно быть чрезвычайно индивидуальным, чрезвычайно приспособленным к отдельной личности, тем не менее и в области наказания могут быть определенные законы и формы, ограничивающие право наказания.

Я в своей практике считал, что прежде всего наказывать может либо весь коллектив, его общее собрание, либо один человек, уполномоченный коллектива. Я не представляю себе здорового коллектива, где могут наказывать, иметь право наказывать 10 человек.

В коммуне им. Дзержинского, где я руководил и производством, и бытом, и школой, только я один мог наказывать [9]. Это необходимо. Необходимо, чтобы была единая логика наказания и чтобы наказание не было частым.

Во-вторых, в наказании должны быть также известные традиции и норма для того, кто применяет наказание.

В коммуне им. Дзержинского был такой закон. Каждый новенький имел звание воспитанника. Когда он становился всем известным и когда все видели, что он идет вместе с коллективом, не возражая ему, он

получал звание коммунара и значок с надписью ФЭД. Этот значок утверждал, что он коммунар.

Воспитанника я мог наказать так — наряд. Это получасовая работа, главным образом на кухне, по уборке, в оранжерее, но не на производстве. Затем лишение отпуска в выходной день, лишение карманных денег, т. е. заработанные карманные деньги не выдавались, а шли в сберкассу на его имя, а получить из сберкассы деньги он не мог без моей подписи. И самое страшное наказание, которое можно было применить,— это увольнение с производства и перевод на хозяйственные работы.

Вот наказания, которые я мог применить и имел право применить только по отношению к воспитанникам.

По отношению к коммунарам я не имел права применять эти наказания. Там было только одно наказание — арест. Воспитанник же не мог быть арестован. Арест — это единственная форма наказания, которую я мог применить к коммунару. Но если он коммунар, он имел значок и потерял значок, то я не имел права его арестовать. Я никогда всех на память не знал. Ведь у меня было 500 человек. Но говорили так:

«Потерял значок,— не теряй».

Обычно старших воспитанников я знал всех. Так вот по отношению к коммунару арест — это единственная форма.

Эта система имела огромное значение. Каждый старался как можно скорее получить звание коммунара. Тогда он получал такую привилегию — быть арестованным. А я арестами не стеснялся. За мелочь, за маленький проступок, за то, что пуговица не застегнута,— час ареста. Я не имел права садиться или сидеть, наказывая коммунара. Я должен был встать и сказать:

— Такой-то, получай час ареста.

И он говорил:

— Есть, час ареста.

И я мог до 10 часов наказывать. Что это значит?

В выходной день он обязательно отдает пояс дежурному командиру, приходит ко мне в кабинет и говорит:

— Я прибыл под арест.

А раз он прибыл, я не мог его отпустить, так как в 1933 г. меня общее собрание лишило права прощать. Сегодня я прощу, а завтра накажу, какой же порядок. Поэтому я прощать не мог, и он имел право сидеть и заниматься в моем кабинете. Разговаривать с ним мог только я, больше никто не имел права с ним говорить, причем тут нельзя было говорить о его проступке. Это считалось дурным тоном, это считалось вульгарным, если бы я заговорил с ним о его проступке. Он сидит под арестом, он «отдувается», и разговаривать об этом было в высшей степени неприлично.

Обычно мы разговаривали о коммунарских делах, о производстве и т. д. Я не имел права напоминать ему, что он арестован, и не имел права смотреть на часы, сколько он просидел, и считалось, что он сам должен был организовать свой арест. И то, что это поручалось ему самому, меня очень устраивало.

Вы не знаете, что это такое — арест. Просидеть в течение целого выходного дня у меня в кабинете, разговаривать со мной.

Попробуйте-ка даром наказать. Никто ни за что не сядет, а ведь это приятный арест. На общее собрание пойдет, обжалует. Считалось, что это нарушение его личного права.

Девочки относились к аресту с каким-то ужасом, сесть под арест — это значило быть опозоренной перед всей коммуной. Поэтому девочки-коммунарки, имеющие значок, обычно никогда не попадали под арест. Не допускалось такого случая, чтобы девочка попала под арест.

Когда я одну хорошенькую, умненькую девочку, командира отряда, посадил под арест на 2 часа, она все 2 часа плакала у меня в кабинете: как теперь появится перед общим собранием. Теперь она драматическая актриса харьковского театра.

Арест — это применение той теоремы, о которой я говорил: как можно больше требования к человеку и как можно больше к нему уважения, и арест был делом священным.

Когда я был срочно, в течение одного часа, откомандирован по телеграмме из Киева из коммуны им. Дзержинского и должен был уехать в Киев, я имел только полчаса в своем распоряжении, чтобы проститься с коллективом, с которым я провел 8 лет. Конечно, говорить тут было невозможно, и мне, и им было трудно. Девочки плакали, состояние было нервного потрясения, и все же рефлекс сыграл свою роль. Я прервал прощальную речь, увидев, что рояль в пыли, и говорю:

— Кто дежурит по театру?

— Первый отряд.

— Командиру первого отряда пять часов ареста.

Командир первого отряда — мой давний соратник. Все 8 лет мы с ним вместе провели. Но почему пыль? Он недосмотрел — и вот получай 5 часов ареста.

Я уехал, а через 2 месяца приехал с ревизией, и командир первого отряда является в кабинет:

— Прибыл под арест.

— Почему?

— За пыль на рояле.

— А почему ты не отсидел до сих пор?

— А я хотел отсидеть, когда вы приедете.

И я должен был сидеть из-за него 5 часов, пока он кончит арест.

Это то, что относится к форме наказания.

Там, где коллектив объединен в общем тоне, в стиле доверия, там наказание может быть очень оригинальным и интересным, если накладывается общим собранием.

На общем собрании коммунаров был такой случай: старший комсомолец выругал инструктора. Он был прав, но выругал неприлично. Общее собрание постановило: «Пионеру Киренко (самому маленькому) объяснить комсомольцу такому-то, как нужно поступать в таких случаях».

Серьезное постановление. И после этого дежурный командир приглашает Киренко и этого комсомольца и говорит:

— Садись и слушай.

И тот объяснил, причем пионер сознательно выполнил свои обязанности, а тот сознательно слушал.

На собрании дежурный командир доложил:

— Постановление общего собрания Киренко выполнил.
— Ты понял, что тебе говорил Киренко?
— Понял.
— Иди.
И все кончено.

Другое постановление: гулял с девочкой-коммунаркой один коммунар, увидел, что в публике драка. Он не удержался и также вступил в драку. Дело кончилось скандалом.

Постановили:

«В следующий выходной день такого-то числа в 3 часа 5 минут такому-то подумать над своим поступком и доложить об этом командиру».

Поневоле будешь думать. Ведь нужно же будет сказать, что надумал. И вот заставили человека целую неделю думать. И в конце концов он придумал, пришел и доложил.

Такое наказание является не наказанием, а толчком, где коллектив шутя, играючи показывает свои силы. Но, конечно, главным в моей практике было не наказание, а беседы индивидуального характера.

Лекция третья

ПЕДАГОГИКА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Сегодня я рассчитывал предложить вам вопрос об индивидуальном влиянии, о педагогике индивидуального действия. Переход от коллективного воздействия, от организации коллектива к личности, к организации личности особым способом мною в первые годы моего опыта был понят ошибочно. Я полагал, что нужно иметь в виду воздействие на целый коллектив, во-первых, и воздействие на отдельную личность как корректив к развитию коллектива, во-вторых.

В развитии моего опыта я пришел к глубокому убеждению, которое было подтверждено потом практикой, что непосредственного перехода от целого коллектива к личности нет, а есть только переход через посредство первичного коллектива, специально организованного в педагогических целях.

Мне кажется, что будущая теория педагогики особое внимание уделит теории первичного коллектива. Что же нужно разуметь под этим первичным коллективом?

Первичным коллективом нужно называть такой коллектив, в котором отдельные его члены оказываются в постоянном деловом, дружеском, бытовом и идеологическом объединении. Это тот коллектив, который одно время наша педагогическая теория предлагала назвать контактным коллективом.

В школах наших такие коллективы, естественно, существуют: это класс, и недостаток его в нашей школе, пожалуй, заключается только в том, что он не играет роли первичного коллектива, т. е. связующего звена между личностью и целым коллективом, а очень часто является и последним коллективом. В некоторых школах мне приходилось наблюдать, что класс завершает коллектив школы, и целого коллектива школы иногда и не наблюдается.

У меня были условия более благоприятные, так как у меня была коммуна с общежитием, с производством, и мои коммунары имели много логических и практических оснований интересоваться делами общего коллектива и жить интересами общего коллектива. Но зато у меня не было такого естественного первичного коллектива, каким является класс. Я его должен был создать. В дальнейшем у меня развернулась десятилетка, и я бы мог основываться на первичном коллективе типа класса. Но я не пошел по этому пути вот почему. Класс объединяет детей в постоянной дневной работе, и соблазн воспользоваться этим обстоятельством приводил к тому, что такой первичный коллектив отходил от интересов общего коллектива. Слишком много, слишком солидные основания для того, чтобы уединиться от общего коллектива в границах отдельных классных интересов. Поэтому в последние годы я отказался от построения первичного коллектива по признаку класса и даже от построения первичного коллектива по признаку производственной бригады. Моя попытка организовать коммуну в виде таких первичных коллективов, объединенных такими сильными скрепами, как скрепы класса и производства, приводила к печальным результатам. Такой первичный коллектив, объединенный в своих границах, всегда имеет тенденцию отойти от интересов общего коллектива, уединиться в своих интересах первичного коллектива. В таких случаях первичный коллектив теряет свою ценность как первичный коллектив и становится поглощающим интересы общего коллектива, и переход к интересам общего коллектива оказывается затруднительным.

Я пришел к этому через ошибки, и ошибки эти сказывались на моей воспитательной работе. Я поэтому имею право говорить, что и многие школы, слишком ограничивающие свои интересы интересами первичного коллектива, приходят к тем же воспитательным результатам.

Коллективное воспитание не может проводиться только через первичный (контактный) коллектив, ибо в таком коллективе, в котором дети объединены постоянным бытовым содружеством, когда они в течение дня видят друг друга, появляется семейственность и получается тот род воспитания, который нельзя назвать вполне советским воспитанием. Только через большой коллектив, интересы которого вытекают не из простого общения, а из более глубокого социального синтеза, возможен переход к широкому политическому воспитанию, когда под коллективом подразумевается целое советское общество.

Опасность замыкания ребят в коллектив дружеский есть опасность группового, а не широкого политического воспитания...

В моем опыте я пришел к такой организации, что первичный коллектив не покрывал ни классных, школьных интересов, ни производственных интересов, а являлся такой ячейкой, в которой и школьные и производственные интересы приходили от разных групп. Вот почему я в последнее время остановился на отряде, в который входили и школьники разных классов, и работники разных производственных бригад.

Я очень хорошо понимаю, что для вас логика такого строения недостаточно убедительна. Я не имею времени развивать ее подробно, но вкратце укажу на некоторые обстоятельства. Например, меня интересовало практически, и я исследовал в статистике, в движении, в поведении такой вопрос. Возьмем вопрос возраста. Я в первое время работы тоже

был сторонником строения первичного коллектива по возрастному принципу. Это вытекало отчасти из школьных интересов. Но потом я увидел, что это ошибка.

Малыши, обособленные от старшего возраста, попадают, казалось бы, в наиболее правильное и естественное положение. В таком возрасте (ребята 11—12 лет) должны находиться в одном коллективе, иметь свои интересы, свои органы, и мне казалось, что это наиболее правильная педагогическая точка зрения. К этому меня приводило и некоторое влияние педагогической литературы, которая считала, что возраст является одним из определяющих начал в воспитании.

Но я увидел, что малыши, обособленные от других возрастов, попадают в искусственное состояние. В таком коллективе не было постоянного влияния более старшего возраста, не получалось преемственности поколений, не получалось морального и эстетического импульса, который исходит от старших братьев, от людей более опытных и организованных и, главное, от людей, которые в известном смысле составляют образец для малышей.

Когда я попробовал в качестве опыта объединить разные возрасты, малышей и более взрослых, у меня получилось лучше. Я на этой форме и остановился. Мой отряд в последние 7—8 лет состоял обязательно из самых старших, наиболее опытных, политически развитых и грамотных комсомольцев и из самых маленьких моих коммунаров, включая и некоторые средние возрасты. Такой коллектив, составленный по типу различных возрастов, приносил мне гораздо больший воспитательный эффект, это во-первых, а во-вторых, в моих руках получался коллектив более подвижный и точный, которым я мог легко руководить.

Коллектив, составленный из ребят одного возраста, всегда имеет тенденцию замыкаться в интересах данного возраста и уходить и от меня, руководителя, и от общего коллектива. Если все малыши увлекаются, допустим, коньками в зимнее время, то это коньковое увлечение, естественно, их замыкает в чем-то отдельном, обособленном. Но если у меня составлен коллектив из разных возрастов, то там типы увлечений разные, жизнь первичного коллектива организуется более сложно, требует больше усилий от отдельных его членов, и старших, и молодых, предъявляет к тем и другим большие требования, следовательно, и дает больший воспитательный эффект.

Такой коллектив, составленный из разных возрастов, я организовывал в последнее время по принципу «кто с кем хочет». Сначала я сам испугался этого принципа, а потом увидел, что это наиболее естественная и здоровая постановка, при том условии, что в таком естественном первичном коллективе у меня будут представители разных групп и разных школьных бригад.

В последние годы я окончательно пришел к такой именно организации первичного коллектива.

В отряде 10—12 человек, добровольно объединившихся. Это объединение складывалось, конечно, постепенно. Но всегда в общекоммунарском коллективе оставались мальчики, с которыми никто не хотел добровольно объединиться. Для меня это было удобно, я сразу видел, кто является элементом, с трудом втягивающимся в общий коллектив. На 500 чело-

век таких мальчиков набиралось 15—20, которых ни один отряд в своем составе иметь не желал по добровольному принципу. Девочек, с которыми не желали объединяться в первичном коллективе, бывало меньше. Их приходилось на 150 человек три-четыре, несмотря на то, что обычно у девочек отношения менее дружественные, чем у мальчиков. Происходила такая разница потому, что мальчики были как-то принципиальнее девочек и иногда поэтому впадали в различные загибы, не желая брать такого-то: «Он нам будет портить коньки, обижать малышей». Девочки были более оптимистичны в своих надеждах на воспитание, более ласковы и скорее соглашались принять в свой коллектив лицо, относительно которого есть некоторые сомнения.

Что я делал в таких случаях? Я приводил их на общее собрание и говорил:

— Вот вам 15 человек, которых ни один отряд не хочет брать. Вот Земляной Он хотел быть в первом отряде, первый отряд от него отказался. Он хотел быть во втором отряде, второй отряд отказался. Он хотел быть в пятнадцатом отряде, пятнадцатый отряд отказался. Как поступить?

Обычно прения идут по такому пути. Поднимается представитель какого-нибудь отряда и говорит:

— С какой стати первый отряд отказывается его брать, второй также, пятнадцатый также. Почему они не берут? Они должны дать объяснение.

Объяснение дается кратко

— Если вы так говорите, то возьмите в свой четырнадцатый отряд. Отвечайте за него и возитесь с ним.

В таком случае находятся аргументы такого порядка:

— Мы с ним дела не имели. Он был у вас. Он корешок такого-то. Ты хвастался, что с ним что-то сделаешь!

И выясняется, что ни один отряд не желает его брать.

Это был мой педагогический «хлеб». Что я с ними делал? Естественно, что и отряд, который не желает его брать, переживает положение трудное и неприятное, тем более что никто никаких обвинений не предъявляет, а просто говорят — пусть другой отряд возьмет, а он стоит как человек, которого коллектив не принимает.

Он начинает убеждать и клясться, обещать всякие блага и подвиги в дальнейшем Но нужно как-то кончать И тогда обычно руководящие лица, члены комсомольского бюро, командиры начинают высказываться, в какой отряд его лучше всего поместить. Обычно такие разговоры кончаются ничем

Переходят к Иванову, Романченко, Петренко и стараются распределить 15 человек между всеми отрядами по одному

И тогда начинается другой процесс Каждый из 15 отрядов хочет из этих 15 получить более сносного. Тогда делается перерыв, и после перерыва командир какого-нибудь отряда говорит:

— Я возьму такого-то.

Самый сносный является уже приманкой для остальных, и получается, что тот самый Земляной, которого никто не хотел брать, сейчас делается объектом аппетита всех отрядов, так как есть еще Петренко и Шаповалов, которые хуже Земляного...

Получает первый отряд. Тогда мы говорим:

— Вы за него ручаетесь. Вы его выпросили, вы за него отвечаете.

Затем переходим ко второму. Второй является также лучшим из оставшихся 14, и за него снова идет борьба. И так идет дальше, пока не остаются двое: Воскобойников и Шаповалов. Из этих двух каждый отряд старается схватить наименее вредного.

Этот процесс распределения давал возможность мне видеть всех. Они образовывали для меня особое общество, которое я заносил на особый лист, и этот лист у меня был под рукой каждый день, и я знал, что эти 15 составляют мой наиболее опасный состав. Хотя преступлений за ними не водилось, но для меня важно было указание коллектива, что таких-то не хотят брать в коллектив.

Ребята, составляя отряд, очень хорошо чувствуют глубинную сущность Петренко, и если они не желают его брать, значит, он заслуживает моего особого внимания.

Затем я выигрывал в том отношении, что отряд, выбравший Петренко, естественно, за него отвечает.

Так составлялся первичный коллектив. Тут, конечно, нужна была еще очень сложная инструментовка, чтобы такой первичный коллектив приносил наибольшую пользу. Она заключалась в тоне и стиле организации отряда.

Что такое первичный коллектив — отряд? В нашей практике в колонии им. Горького и в коммуне им. Дзержинского мы пришли к такому положению. Я, как центр коммуны, и все коммунарские органы, и комсомольское бюро, и совет командиров, и общее собрание обычно старались дела с отдельными личностями не иметь. Это формально. Мне очень трудно вам эту логику доказывать. Я называю эту логику логикой параллельного педагогического действия [10]. Мне очень трудно объяснить, так как я никогда не писал об этом, поэтому не искал и не находил формулировок.

Что такое параллельное педагогическое действие?

Мы имеем дело только с отрядом. Мы с личностью не имеем дела. Такова официальная формулировка. В сущности, это есть форма воздействия именно на личность, но формулировка идет параллельно сущности. На самом деле мы имеем дело с личностью, но утверждаем, что до личности нам нет никакого дела.

Каким образом это получается? Мы не хотели, чтобы каждая отдельная личность чувствовала себя объектом воспитания. Я исходил из тех соображений, что человек 12—15 лет живет, он живет, наслаждается жизнью, получает какую-то радость жизни, у него есть какие-то жизненные впечатления.

Для нас он объект воспитания, а для себя он живой человек, и убеждать его в том, что ты не человек, а только будущий человек, что ты явление педагогическое, а не жизненное, было бы мне невыгодно. Я старался убедить, что я не столько педагог, сколько я тебя учу, чтобы ты был грамотным, чтобы ты работал на производстве, что ты участник производственного процесса, ты гражданин, а я старший, который руководит жизнью при твоей же помощи, при твоем же участии. Меньше всего я старался убедить его, что он только воспитанник, т. е. явление только

педагогическое, а не общественное и не личное. На самом деле для меня он явление педагогическое.

Так же и отряд. Мы утверждали, что отряд есть маленькая советская ячейка, которая имеет большие общественные задачи. Она имеет общественные задачи, она старается привести коммуну к возможно лучшему состоянию Она помогает бывшим коммунарам, она помогает бывшим беспризорным, которые в коммуну приходят и нуждаются в помощи. Отряд — общественный деятель и первичная ячейка общественной работы, жизни.

Чтобы ребенок себя чувствовал прежде всего гражданином, чтобы он чувствовал себя прежде всего человеком, мы с моими сотрудниками-педагогами пришли к убеждению, что прикасаться к личности нужно с особо сложной инструментовкой. В дальнейшей нашей работе это сделалось традицией.

Петренко опоздал на завод. Вечером я получаю об этом рапорт. Я вызываю командира того отряда, в котором находится Петренко, и говорю:

— У тебя опоздание на заводе.

— Да, Петренко опоздал.

— Чтобы этого больше не было.

— Есть, больше не будет.

На второй раз Петренко опять опоздал. Я собираю отряд.

— У вас Петренко опаздывает второй раз на завод.

Я делаю замечание всему отряду. Они говорят, этого не будет.

— Можете идти.

Затем я слежу, что делается Отряд сам будет воспитывать Петренко и говорить ему.

— Ты опоздал на завод, значит, наш отряд опаздывает!

Отряд будет предъявлять огромные требования к Петренко как к члену своего отряда, как к члену всего коллектива.

Мы довели это требование к отряду до совершенного вида Например, совет командиров. Туда приходили командиры, избранные общим собранием люди, лица, уполномоченные советом. Но у нас был такой закон: сидят ли в совете командиров командиры или кто-нибудь другой из отряда — это все равно. Мы проверяли, представлены ли в совете все отряды. Есть первый отряд? Есть, но не командир, а другое лицо, так как командир занят, и это лицо имело право участвовать в собрании и иметь голос как командир отряда

Затем, например. Волков украл, с Волковым ведется и отдельная работа в этом случае, но замечания, известные минусы ставятся не Волкову, а отряду Отряд отвечает целиком за то, что Волков что-то украл.

И дальше. В отряде в большинстве отличники. Из 12 человек 10 отличников. Отряд выдвигается на первое место. Отряд получает известные преимущества, премию или наслаждение, например несколько походов в оперный театр. Мы имели каждый день несколько билетов в театр. Все равно, идет весь отряд И отличники идут, и те, которые не имели «отлично», а имели даже плохие отметки. Они пользуются тем, что получил отряд.

Казалось бы, несправедливо, а на самом деле чрезвычайно полезно, так как такой Петя, который среди 10 отличников идет в театр, чувству-

ет себя неловко. Он не заработал, а пользуется и получает то, что заработали его товарищи, и это является для него молчаливым нравственным обязательством. На следующий месяц он из кожи вылезает, а выйдет в отличники.

Иногда такой Петя приходит и говорит:

— Переведите в другой отряд. Там все отличники, а я не хочу. Они все в театр идут и мне говорят: «Вот билет, что он пропадать, что ли, будет, иди».

Такое авансирование личности через отряд нам очень помогает.

Если в отряде 12 человек, из них 5 хорошо, нормально работают, а 7 тянут отряд вниз до того, что отряд занимает последнее место, то весь отряд отвечает за это.

У нас было 35—45 отрядов. Каждый месяц отряд, получивший по всем показателям лучшее место, объявлялся первым. Каждый месяц отряд, получивший наихудшие показатели, объявляется последним На диаграмме это известным образом показывалось Второго числа каждого месяца устраивалось собрание, на котором лучший отряд прошлого месяца в присутствии всего собрания под команду «Встать — смирно!» передавал знамя лучшему отряду этого месяца как победителю Это специально сделанное, богатое, прекрасное знамя, которое отряд держал у себя в спальне. Или, например, заключалось соревнование по бытовому порядку, или по дисциплине, или еще по чему-нибудь. Итоги подводились каждую шестидневку. Первые лучшие 7 отрядов получали билеты в театр. Мы имели в театры 31 место каждый день. Распределяли так, что лучший отряд получал 7 билетов, следующий 6 билетов, затем 5, затем 4, затем 3, 2 и 1. Значит, первый отряд в течение шестидневки каждый день получал по 7 билетов, второй отряд получал по 6 билетов и т. д Мы не следили за тем, кому эти билеты даются, ходят ли те, которые тянут отряд вперед или которые тянут отряд назад. Это дело не наше — отряда Ходили все. Каждый день подавался автобус, и все, имевшие билеты, подходили к автобусу, а дежурный командир проверял: имеет ли он билет, одет ли по форме и имеет ли он рубль, чтобы воспользоваться буфетом. Вот три требования, которые предъявлялись к идущим в театр: билет, костюм и рубль, и никто не спрашивал — ты в отряде последний или первый.

Такое значение имел отряд и во всех других случаях. Например, при распределении уборки. В коммуне не было уборщиков, а здание нужно было содержать в чистоте, так как оно было на большой дороге и у нас бывало много наших и иностранных делегаций. В 1935 г. только «Интурист» чествовал нас за двухсотую делегацию. Это помогало держать коммуну в блестящем виде, но, чтобы держать в чистоте, натирать полы, чистить медные ручки, зеркала, иметь всегда свежие цветы, нужно было производить огромную работу, и эта работа выполнялась не отдельными лицами, не уборщиками, а всеми вместе. Все 500 человек с четверти седьмого до без четверти семь выходили на работу.

Такую работу, чтобы она протекала хорошо, было трудно организовать. Нужно было иметь известный опыт в работе. Организация достигалась тем, что работа распределялась на полгода вперед между отрядами

Менять работу часто нельзя. Один отряд получал щетку, ведро, тряпку, другой получал все, что нужно для чистки и натирки полов, для уборной он получал другие приспособления, для уборки театрального зала он получал все, что нужно для чистки и натирки полов и уборки пыли. И затем при распределении обязанностей принималось во внимание, какой отряд — хороший или плохой. Например, лучший отряд получал задание привести уборную в порядок, на это требовалось 12 минут, а худший отряд получал театральный зал, который нужно убирать очень долго, и чтобы привести в порядок, надо было всем потеть. Обычно самый плохой отряд получал работу самую чистую, но самую объемистую, причем за плохо произведенную уборку садился под арест только командир отряда. Мы не интересовались, кто не вытер пыль на батарее. Получает арест командир, он получал наказание за то, что делалось в отряде.

Во всех случаях жизни отряд является тем местом, с которым я как старший в коммуне имел тесное соприкосновение. Но для меня было трудным делом проверить внимательную психику отряда. И здесь выступает на первый план личность воспитателя, прикрепленного к этому отряду [11]. Об этом мы будем говорить потом.

Я мог бы долго говорить о значении первичного коллектива, но не имею времени. Еще хочу вот что сказать. В школе у нас меньшая возможность звучания такого первичного коллектива. Там должна быть какая-то другая методика. Но тем не менее я убежден в следующем. Во-первых, первичный коллектив не должен оттеснять общий коллектив и заменять его и, во-вторых, первичный коллектив должен быть основным путем прикосновения к отдельной личности. Это общая моя теорема, а более детальный метод — для коммуны один, а для школы должен быть совершенно другой.

Только через такой первичный коллектив официально мы прикасались к индивидуальности. Такова была инструментовка, и на деле мы всегда имели в виду прежде всего отдельного воспитанника.

Как организовал я и мои коллеги работу с отдельными воспитанниками, с отдельной личностью?

Для того чтобы работать с отдельной личностью, нужно ее знать и ее культивировать. Если в моем представлении отдельные личности будут насыпаны, как отдельные горошины, без коллективного масштаба, если я буду подходить к ним без этой коллективной мерки, я с ними не справлюсь.

У меня было 500 личностей. Тут было такое важное обстоятельство. В первый год я как начинающий педагог совершил обычную ошибку. Я обращал внимание на личность, выпадающую из коллектива. У меня был неправильный взгляд, направленный в самые опасные места, и я этими опасными местами занимался. Естественно, моим особым вниманием пользовался тот, кто украл, тот, кто хулиганил, кто идет против коллектива, кто хочет убежать, т. е. то, что выбрасывалось из коллектива, выпадающее. Естественно, что я на этих людей направлял свое особое внимание. Так я делал как человек, убежденный, что он педагог и умеет работать с отдельной личностью, т. е. я каждого вызывал, с каждым разговаривал, убеждал и т. д.

В последние годы я изменил такой тон. Я увидел, что наиболее опас-

ным элементом в моей работе является не тот, который обращает на себя особое внимание, а тот, кто от меня прячется.

Почему я пришел к мысли об этом? Потому, что уже сделал 15 выпусков, и я следил за этими выпущенными и видел, что многие из тех, которых я считал самыми опасными и плохими, в жизни идут активно, по-советски, иногда совершают и ошибки, но в общем они удовлетворяли меня вполне как продукт воспитания. А те, которые прятались от меня и были незаметны в коллективе, в жизни иногда идут совсем как мещане: рано женятся, заводят «семейку», пристраиваются при помощи всяких лазеек на работу, из комсомола выходят, теряют всякую общественную связь, обращаются в сереньких существ, относительно которых нельзя сказать, что они такое или «чем они пахнут». А в некоторых случаях я замечал даже медленное глубокое гниение Кто хату начинал ставить, кто свиней начинает разводить, на собраниях не бывает, газет не читает, а тот, глядишь, и в мелкую спекуляцию пустился

Наблюдая такие случаи в первые свои годы своей работы, я пришел к глубокому убеждению, что именно тот, кто от меня прячется и старается не попадаться на глаза, тот является самым опасным объектом, на того я должен обратить внимание.

Между прочим, натолкнули меня на это сами коммунары В некоторых случаях они прямо утверждали, что тот, кто сидит в своем отряде, зубрит, но на собраниях не выступает, не высказывается, в случае пожара также сидит и зубрит или свой радиоприемник чинит, это самый вредный, так как он достаточно умен, достаточно «дипломатичен», чтобы не попадаться на глаза и вести свою тихую линию и выйти в жизнь нетронутым и невоспитанным.

Когда я пришел к известному успеху, когда меня перестали потрясать воровство и хулиганство, я понял, что цель моей воспитательной работы не заключалась в том, чтобы привести в порядок двух-трех воров и хулиганов, а положительная цель моей работы в том, чтобы воспитать определенный тип гражданина, выпустить боевой, активный, жизненный характер, и эта цель может быть достигнута только в том случае, если я воспитаю каждого, а не только приведу в порядок отдельную личность.

Такую ошибку совершают и некоторые педагоги в школе Есть педагоги в школе, которые считают своей обязанностью возиться с теми, кто либо протестует, либо отстает, а так называемая норма сама идет. Но куда она идет и куда она выходит — это вопрос.

Мне помогли коммунары даже в терминологии. Постоянный анализ коллектива, записанный на листе бумаги, известный всей коммуне, производился не мною, а советом командиров. Все коммунары в моих глазах делились на такие группы: 1) действующий актив, 2) резерв актива.

Действующий актив — это те, которые явно для всех ведут коммуну, которые на каждый вопрос отзываются с чувством, со страстью, с убеждением, с требованиями. В обычном смысле — они коммуну ведут. Но в случае опасности, большой кампании или реагирования на какой-нибудь скандал у них всегда есть резерв, который еще не актив, не командиры, не имеют еще формально официального места, но который приходит к ним на помощь немедленно. Это тот резерв актива, который всегда сменяет действующий актив.

Затем у меня была отмечена группа здорового пассива. Это те, которые не доросли, но в кружках участвуют, и в физкультурной работе, и в фотокружке, и в стенной газете, но которые идут послушно за более старшими.

У меня было несколько человек гниющего актива. Это получалось так. Он командир, он член комиссии, он член бюро комсомола, но мы видим, я и ребята видим просто по глазам, по походке — и для них, и для меня даже не нужны были факты,— мы видим некоторую тонкую дипломатию — там интрига, там клевета, уклонился от работы, там станок не убрал, а за него убирает какой-нибудь малыш, назавтра опять то же самое; и гниение начинается с пользования привилегиями, с уклонений, с барского тона. Иногда такое гниение доходит до более солидной величины Смотришь, от него пахнет вином, а к вину у нас было беспощадное отношение. В коммуне был такой закон: за первый случай пьянства — на все четыре стороны! Спросишь его, почему пахнет вином.

— Я был в городе, выпил стакан пива.

Стакан пива — это не страшно, но является подозрение — пиво ли это?

Таков гниющий актив. Мы туда формально не заносили людей, но секретарь комсомольского бюро и два-три человека из комсомольцев знали, что тут начинается какое-то гниение.

Наконец, была группа, которую некоторые коммунары называли красочно — «шпана» Это значит — держи карманы, и все внимание нужно остановить на них. Эти могут и кассу взломать, и залезть на завод, и детали украсть. Обычно это новенькие более старшего возраста. Таких бывало человек 15—20. Они ничего не делали, но все знали, что это «шпана» и если ее выпустить из глаз, то обязательно что-нибудь устроит.

И наконец, термин, подсказанный французской революцией,— «болото». Здесь человек 50, которые кое-как бредут, кое-как выполняют нормы, а чем они живут, что у них в голове и на душе, как они относятся к коммуне, не узнаешь.

Было особенно радостным и приятным наблюдение за этим составом, наблюдение за их движением Мы видим, что такой то Петров был у нас в болоте, причем мы говорили ему, что ты у нас в болоте, ты ничего не делаешь, ничем не болеешь, ничем не интересуешься, ты скучный, вялый, тебя ничего не волнует, а отряд дальше его активизирует. Смотришь, он чем-то себя проявил, чем-то заинтересовался, еще раз себя проявил, и вот уже переходит в резерв актива или в здоровый пассив.

Вся наша задача в том и заключается, чтобы совершенно уничтожить этот элемент «болота» и элемент «шпаны».

Со «шпаной» шел бой в лоб. Там никаких прикрытий не было. «Шпану» брали прямо лобовой атакой С ней говорили по каждому пустяку, вызывали на общее собрание. Это была работа настойчивости и требований.

Что касается более трудных элементов, т е. «болота» и гниющего актива, то приходилось вести тут разнообразную индивидуальную работу.

Переходим к индивидуальной работе. Здесь-то и является важнейшим институтом педагогический коллектив Очень трудно определить работу педагогического коллектива в каких-нибудь точных выражениях. Это, может быть, самый трудный вопрос в нашей педагогике — работа педагогического коллектива У нас сплошь и рядом и в педагогической литературе

слово «воспитатель» появляется в единственном числе: «воспитатель должен быть таким-то», «воспитатель должен так-то действовать», «воспитатель должен так-то разговаривать».

Я не представляю себе, чтобы педагогика могла рассчитывать на обособленного воспитателя. Конечно, без талантливого воспитателя, способного руководить, обладающего зорким глазом, настойчивостью, обладающего умом, опытом, одним словом, хорошего воспитателя нам трудно. Но в воспитании 35 миллионов наших детей и юношей можем ли мы делать ставку на случайную картину таких воспитателей?

Если делать ставку на отдельного воспитателя, то, значит, идти сознательно на то, что хороший воспитатель будет воспитывать хорошо, а плохой — плохо. Кто подсчитывал, сколько талантливых воспитателей и сколько бесталанных? И затем давайте решим вопрос — воспитатель должен быть сам воспитан. Как он должен быть воспитан, что у него за характер, чем он руководствуется, чем живет? Сколько таких воспитателей, против которых нужно ставить минус, никто не подсчитал ..

А мы делаем ставку на воспитателя в единственном числе

Так как мне в своей жизни приходилось делать ставку главным образом на воспитательные цели и проблемы, я очень страдал от этого вопроса, когда ко мне попадали воспитатели, сами невоспитанные. Я потратил несколько лет жизни и работы, так как в высшей степени глупо надеяться, что этот невоспитанный воспитатель будет нам кого-то воспитывать Потом я пришел к глубокому убеждению, что лучше совсем не иметь воспитателя, чем иметь воспитателя, который сам не воспитан. Я считал, что лучше иметь в коллективе 4 талантливых воспитателей, чем 40 бесталанных и невоспитанных. Я видел сам примеры, когда такие бесталанные, невоспитанные люди работали в коллективе. Какие результаты могли быть от такой работы? Только разложение коллектива. Других результатов не могло быть.

Значит, чрезвычайно важным является вопрос о выборе воспитателя Как же выбирать, по каким признакам? У нас почему-то на этот вопрос обращают мало внимания. У нас считают, что любой человек, любой, кто угодно, стоит его только назначить на должность воспитателя и заплатить воспитательское жалованье, он может воспитывать. А между тем эта работа самая трудная, в итоге, возможно, работа самая ответственная и требующая от личности не только наибольшего напряжения, но и больших сил, больших способностей.

Никто так не вредил, никто так не портил моей работы, никто так не сбивал в сторону налаженной годами работы, как плохой воспитатель Поэтому я в последние годы пришел к твердой линии — работать без воспитателей совсем и пользоваться только теми воспитателями, которые действительно могут воспитывать. Это была неожиданная прибавка к моему плану.

Потом я совсем отказался от отдельных воспитателей [12]. Я обычно пользовался помощью одних школьных учителей, но и с ними нужно было вести большую работу, чтобы научить их воспитывать. Я убежден, что научить воспитывать так же легко, может быть, как научить математике, как научить читать, как научить быть хорошим фрезеровщиком или токарем, и я учил.

В чем заключалась такая учеба? Прежде всего в организации характера педагога, воспитании его поведения, а затем в организации его специальных знаний и навыков, без которых ни один воспитатель не может быть хорошим воспитателем, не может работать, так как у него не поставлен голос, он не умеет разговаривать с ребенком и не знает, в каких случаях как нужно говорить. Без этих умений не может быть хорошего воспитателя. Не может быть хорошим воспитатель, который не владеет мимикой, который не может придать своему лицу необходимого выражения или сдержать свое настроение. Воспитатель должен уметь организовывать, ходить, шутить, быть веселым, сердитым. Воспитатель должен себя так вести, чтобы каждое движение его воспитывало, и всегда должен знать, чего он хочет в данный момент и чего он не хочет. Если воспитатель не знает этого, кого он может воспитывать?

Я убежден, что в будущем в педагогических вузах обязательно будет преподаваться и постановка голоса, и поза, и владение своим организмом, и владение своим лицом, и без такой работы я не представляю себе работы воспитателя. Конечно, постановка голоса имеет значение не только для того, чтобы красиво петь или разговаривать, а чтобы уметь наиболее точно, внушительно, повелительно выражать свои мысли и чувства. Все это вопросы воспитательной техники.

Например, относительно голоса, как нужно делать выговор, в каких границах вы имеете право показать свой гнев или негодование, имеете ли право показать или не имеете права, и если имеете право, то как вы должны показать. Это постоянное действие воспитателя и есть воспитание. Воспитанник воспринимает вашу душу и ваши мысли не потому, что знает, что у вас в душе происходит, а потому, что видит вас, слушает вас. Если мы идем в театр и любуемся актерами, которые играют прекрасно, то там эта игра — наше эстетическое наслаждение, а здесь воспитанник имеет перед собой такой же живой организм, но не играющий, а воспитывающий.

Я не могу долго останавливаться на этом вопросе. Важно, что воспитатель должен быть активно действующим организмом, сознательно направленным на воспитательную работу.

Во-вторых, ни один воспитатель не имеет права действовать в одиночку, на свой собственный риск и на свою собственную ответственность. Должен быть коллектив воспитателей, и там, где воспитатели не соединены в коллектив и коллектив не имеет единого плана работы, единого тона, единого точного подхода к ребенку, там не может быть никакого воспитательного процесса. Поэтому лучше иметь 5 слабых воспитателей, объединенных в коллектив, воодушевленных одной мыслью, одним принципом, одним стилем и работающих едино, чем 10 хороших воспитателей, которые работают все в одиночку, как кто хочет.

Здесь может быть очень много всяких искривлений. Вы, наверно, знаете такое явление, как явление любимого учителя. Я учитель в школе, и я воображаю, что я любимый учитель, а все мои коллеги — нелюбимые. Незаметно для самого себя я веду определенную линию. Меня любят, я стараюсь заслужить любовь, я стараюсь понравиться воспитанникам. Вообще, я любимый, а те — нелюбимые.

Какой это воспитательный процесс? Человек уже выбил себя из коллектива. Человек вообразил, что его любят, и поэтому он может работать как ему нравится и как он хочет.

Я уважал своих помощников, а у меня были просто гении в воспитательной работе, но я их убеждал, что меньше всего нужно быть любимым воспитателем. Я лично никогда не добивался детской любви и считаю, что эта любовь, организуемая педагогом для собственного удовольствия, является преступлением. Может быть, некоторые коммунары меня и любят, но я полагал, что 500 человек, которых я воспитываю, должны выйти гражданами и настоящими людьми, зачем же к этому еще прибавлять какую-то припадочную любовь ко мне дополнительно к моему плану.

Это кокетничанье, эта погоня за любовью, эта хвастливость любовью приносят большой вред воспитателю и воспитанию. Я убедил себя и своих товарищей, что этого привеска... не должно быть в нашей жизни.

Пусть любовь придет незаметно, без ваших усилий. Но если человек видит цель в любви, то это только вред... Если он любви воспитанников не добивается, то он может быть требовательным и справедливым и по отношению к воспитанникам, и по отношению к самому себе.

Такой коллектив воспитателей, объединенный общим мнением, убеждением, помощью друг друга, свободный от зависти друг другу, свободный от индивидуальной и личной погони за любовью воспитанников, только такой коллектив и может воспитывать детей. Поэтому я горячо приветствую напечатанное в газетах сообщение, что у вас в Наркомпросе сейчас серьезно поставлен вопрос об увеличении влияния и власти директоров школ и заведующих учебной частью. Это будет способствовать увеличению коллективности в работе педагогов.

Недавно мне прислали из редакции издательства «Советский писатель» рукопись, написанную одним московским педагогом. В этой рукописи изображается учительница, работающая в школе, изображается учебный год, педагогический состав, ученики и она. Книга написана от первого лица.

В «Советском писателе» мнения по поводу этой рукописи разделились. Одни сказали, что это пошлость, а другие сказали, что это замечательная книга. меня выбрали арбитром.

Если книгу и следовало бы издать, то только с одной целью. Там выведена такая отвратительная фигура учительницы, что, собственно говоря, очень полезно, чтобы люди читали и видели, какой не должна быть учительница. Но автор в восторге от этой учительницы.

Это педагогическая бестия, которая только и занимается тем, что гоняется за «любовью» воспитанников. И родители там все ужасные, она их не называет иначе, как «папаши» и «мамаши», с глубоким презрением,— «родители — это серая семья», а она, видите ли, педагог. Все учителя также отрицательные: один задавлен своей гордостью, другой ничем не интересуется, третий — интриган, четвертый — ленив; директор бездеятелен и туп. Одна она гениальна.

При этом все написано в самом мерзком вульгарном тоне. Даны такие учителя, «у которых развязности много и есть работоспособность, а таланта мало». И на каждом шагу нежные вздыхания в стиле Вербицкой [13]. Погоня за любовью, и такое описание учеников: вот эта девочка

«наводит тень на ясный день». И затем особенное внимание, нездоровое внимание к половым вопросам.

Пожалуй, в этом и заключается все содержание: какой мальчик поглядел на какую девочку, какая девочка написала записочку, и как она, педагог, гениально разбила эти попытки влюбленности, и как ей были все благодарны

Такие педагогические бестии, которые кокетничают в одиночку и перед учениками, и перед обществом, они никого воспитывать не могут. И чтобы из педагогического персонала получились ответственные, серьезные воспитатели, есть только один путь — объединение их в коллектив, объединение вокруг определенной фигуры, центра педагогического коллектива — директора. Это тоже очень серьезная проблема, на которую наши педагоги также должны обратить большое внимание.

Если так много нужно потребовать от воспитателя, то еще больше нужно потребовать от того лица, которое объединяет воспитателей в коллектив

Чрезвычайно важным является такое обстоятельство — длительность педагогического коллектива, и я считаю, что наши педагоги уделяют этому вопросу мало внимания [14]. Если у нас в коммуне живет энное количество коммунаров и средний срок пребывания их в коммуне 5 лет, то и средний срок пребывания одного воспитателя в коммуне не может быть меньше 5 лет. Это закон, так как если коллектив живет и сбит по-настоящему, то каждый новенький является новеньким — не только воспитанник, но и педагог. И воображать, что сегодня пришедший педагог может воспитывать, это ошибка. Успех воспитателя зависит от того, насколько он старый член коллектива, сколько им заложено в прошлом сил и энергии, чтобы вести коллектив, и если коллектив педагогов будет моложе коллектива воспитанников, естественно, что он будет слаб. Но это не значит, что в коллективе нужно собирать только стариков. Тут наши педагоги должны заняться вопросом об особенностях звучания старого педагога и начинающего педагога. Коллектив педагогов должен быть собран не случайно, а составлен разумно. Должно быть определенное количество стариков, опытных педагогов, и обязательно должна быть одна девочка, только что окончившая педагогический вуз, которая еще и ступить не может. Но она должна быть обязательно, потому что тут совершается мистерия педагогики, так как когда такая девочка приходит и попадает в старый коллектив и педагогов и воспитанников, то начинается неуловимо тонкая мистерия, которая определяет успех педагогический. Такая девочка будет учиться и у старых педагогов, и у старых учеников, и то, что она будет учиться у старых педагогов, сообщает и им ответственность за ее нормальную работу.

Нужно разрешить вопрос, сколько должно быть женщин и сколько мужчин в педагогическом коллективе. Об этом нужно серьезно подумать, так как бывает преобладание мужчин и это создает нехороший тон. Слишком много женщин — также какое-то однобокое развитие.

Я бы сказал, что очень большое значение имеет еще и просто внешний вид педагога. Конечно, желательно, чтобы все педагоги были красивы, но, во всяком случае, хоть один красивый молодой педагог, одна красивая молодая женщина обязательно должны быть.

Я так делал. У меня 22 педагога и есть одна вакансия. И я вижу, что остались все такие, как я, а нужно, чтобы ребят увлекла еще эстетика, красота в коллективе. Пусть они будут немного влюблены. Эта влюбленность будет самого хорошего типа, причем не полового типа, а приятная для глаз, некоторая эстетика.

Нужно обсудить вопрос, сколько должно быть из педагогов людей веселых и сколько угрюмых. Я не представляю себе коллектива, составленного из угрюмых людей. Должен быть хоть один весельчак, хоть один остроумец. По законам построения педагогического коллектива в будущей педагогике должен быть составлен целый том.

У меня был педагог Терский. Я дрожал, как бы его у меня не сманили. Он был удивительно веселый человек. Он меня заражал и воспитанников заражал своим буйным весельем. Он был несобран, но я добился, что он стал хорошим, настоящим педагогом. Иногда он был возмутителен. Он был семейным. Например, идем в театр, он тащит годовалого ребенка на руках. Я говорю: «Зачем ребенка тащить в театр?» — «А нужно, чтобы он с году привыкал слушать музыку».

Я говорю: «Носи, когда коммунаров не будет...»

Но потом получился из него замечательный человек. Он без веселья и минуты не мог ничего делать, причем он оказался удивительным мастером на всякие выдумки, ребусники и т. д. Например, ребусник — это большой плакат на полстены. Я даже удивлялся гению этого человека, как можно так много придумать задач. Плакат забит разными вопросами: и короткими, и длинными, и с рисунками, и с чертежами, и вопросами типа шуток. И не он один придумывает эти вопросы, а у него человек 150 работает, целая коллегия редакционная, находят в журналах — тащат, сами придумывают и т. д. И там целая система была. Висит задача — за нее тысяча очков. Решит задачу один человек — тысяча очков тому, кто решил, и тысяча тому, кто ее предложил. Решат задачу 100 человек,— значит, по 10 очков на каждого, потому что задача более легкая.

Вокруг этих ребусников он сумел объединить всех коммунаров, и сюда он не мог не внести своей огневой бодрости

Например, наклеена такая задача: «Я буду в выходной день на северо-восток от коммуны на расстоянии 4 км, и у меня в правом кармане будет интересная вещь. Кто меня найдет, тот получит тысячу очков».

И вот в выходной день вся коммуна отправляется за 4 км на северо-восток от коммуны и ищет Терского. Ребята запасаются компасами, завтраками, но он исчез. Я отменяю обед.

— Где ребята?

Оказывается, ищут Терского на северо-восток от коммуны.

А сколько там было интересного, и перечислить невозможно! Кончилась эта серия, он объявляет. «Такого-то числа в таком-то часу у заведующего производством Соломона Борисовича Когана нужно развязать шнурок на ботинке. Кто это сделает, тот получит столько-то очков».

Соломон Борисович Коган — с брюшком, солидная фигура. Он уже знает и возмущается. Но в три часа Соломон Борисович уже окружен всеми коммунарами. Он говорит:

— Что, вы будете класть меня на лопатки? Это не годится!

И действительно, не годится... нужно с хитростью развязывать. И как-то один раз удалось.

Терский — человек, наполненный бодростью, он умеет занять ребят на каждом шагу.

Или вдруг Терский объявляет коммунарам и всей коммуне:

— Собственно говоря, перпетуум-мобиле можно сделать. Наверно, можно сделать такую машину, которая всегда будет двигаться.

И он так убежден и так сумеет сыграть, что, смотришь, и инженеры находятся под его влиянием, инструкторы, все начинают делать перпетуум-мобиле. Я ему говорю:

— Зачем это вы? Ведь всем же известно, что нельзя сделать перпетуум-мобиле.

А он отвечает:

— Ну пускай попробуют, а может быть, кто-нибудь и сделает.

И я сам чуть ли не начинаю верить, что можно сделать перпетуум-мобиле.

А с другой стороны, нужен человек, который никогда не улыбнется, весьма суровый человек, который никому не прощает и которого не послушаться невозможно.

Я бывало наслаждался. Дежурит сегодня девочка, которая вчера только кончила педагогический институт. Мобилизуется вся коммуна, так как всегда найдутся воспитанники, которые готовы ее надуть, и ей надо помочь.

— Лидия Петровна, я опоздал на работу, так как у меня ботинок нет!

И готово, она уже растерялась. И немедленно тут же кто-нибудь:

— А ну, ты врешь!

И это мобилизует весь коллектив.

Завтра дежурит суровый. Он ровно в 6 часов появляется, не дает никому проспать, откроет дверь и только усом поведет, и все знают, что он не спустит.

В моей практике я был убежден, что педагог, воспитатель или учитель не должен иметь права наказания, и я никогда не давал ему права наказания, даже выговора. Во-первых, это очень трудная вещь. Во-вторых, я считал, что право наказания должно быть сосредоточено у одного лица, чтобы не путать и не мешать друг другу. От этого работа педагогов делалась труднее, ибо они должны были иметь авторитет.

Говоря об авторитете, многие педагоги убеждены, что авторитет либо дается от бога — родился человек с авторитетом, все смотрят и видят, что он авторитетен, либо должен быть искусственно организован. Поэтому многие говорят:

— Что это вы при воспитанниках сделали замечание учителю. Вы подрываете его авторитет.

По-моему, авторитет проистекает только от ответственности. Если человек должен отвечать за свое дело и отвечает, то вот его авторитет. На этой базе он и должен строить свое поведение достаточно авторитетно.

Работа педагога должна заключаться в наибольшем приближении к первичному коллективу, в наибольшей дружбе с ним, в товарищеском воспитании. Инструментовка педагогическая вообще сложная и длитель-

ная история. Например, если один член коллектива нарушил дисциплину, показал себя не с хорошей стороны, я требовал, чтобы педагог добивался прежде всего, чтобы отряд занялся этим вопросом. Его работа должна заключаться в возбуждении активности отряда, в возбуждении требований коллектива к отдельной личности.

Я не могу останавливаться на методике работы отдельных преподавателей, это потребовало бы много времени, но я скажу, как я сам с воспитанниками, с отдельными личностями работал как воспитатель.

По отношению к отдельной личности я предпочитал и рекомендовал другим предпочесть все-таки атаку в лоб. Это значит, если мальчик совершил плохой поступок, отвратительный, я ему и говорю.

— Ты совершил отвратительный поступок.

Тот знаменитый педагогический такт, о котором так много пишут, должен заключаться в искренности вашего мнения. Я не позволю себе ничего скрывать, маслить, я говорю то, что я на самом деле думаю. Это наиболее искренне, просто, легко и наиболее эффективно, но как раз не всегда можно говорить.

Я считаю, что разговор меньше всего помогает. Поэтому, когда я раз увидел, что мои разговоры не нужны, я уже ничего не говорил.

Например, мальчик оскорбил девочку. Я об этом узнал. Нужно об этом говорить? Для меня важно, чтобы и без разговора он понял, в чем дело. Я ему пишу записочку и отсылаю в конверте[15].

Нужно сказать, что у меня были такие «связисты». Это 10-летние мальчики с глазами сложными, как у мухи: они всегда знают, где кого можно найти. Обычно такой связист — хорошенький мальчик, имеет большое значение. Я передаю ему конверт. В конверте написано: «Тов. Евстигнеев, прошу тебя зайти сегодня в 11 вечера».

Мой связист прекрасно знает, о чем написана записка, что случилось, почему я его зову и т. д., всю подноготную знает, но и виду не подает. Я ему говорю:

— Отдай записку.

И больше ничего не говорю. Я знаю, как это делается. Он придет в столовую:

— Вам письмо.

— Что такое?

— Вас Антон Семенович зовет.

— Почему?

— Я сейчас тебе объясню. А помнишь, как ты вчера обидел такую-то?

А в половине 11-го этот связист придет.

— Ты готов?

— Готов.

— Тебя ждут.

Иногда этот Евстигнеев не вытерпит и зайдет ко мне не в 11 часов вечера, а в 3 часа дня.

— Антон Семенович, вы меня звали?

— Нет, не сейчас, а в 11 часов вечера.

Он идет в отряд. А там уже спрашивают:

— Что такое? Отдуваться?

— Отдуваться.

— А за что?

И до 11 вечера его разделают в отряде под орех. В 11 он приходит ко мне бледный, взволнованный всем сегодняшним днем. Я его спрашиваю:

— Ты понял?

— Понял.

— Иди.

И больше ничего не нужно.

В других случаях я поступал иначе. Я говорил связисту:

— Немедленно явиться!

И когда вызванный приходит, я говорю все, что я думаю. Если же это человек трудный, который мне не верит, против меня настроен, недоверчиво ко мне относится, я с тем разговаривать не буду. Я соберу старших, вызову его и в самом официальном, приветливом тоне буду с ним говорить. Для меня важно не то, что я говорю, а как другие на него смотрят. Он на меня поднимает глаза, а на товарищей боится смотреть.

Я говорю:

— А дальше товарищи тебе расскажут.

И товарищи расскажут ему то, чему я их раньше научил, а он будет воображать, что это они сами придумали.

Иногда требуется особая система. Были случаи, когда я приглашал весь отряд, но чтобы не показать виду, что я приглашаю весь отряд для того, чтобы разделаться с одним, я приглашаю весь отряд на чашку чая, т. е. ставлю на стол чай, пирожные, ситро. Обычно каждую неделю какой-нибудь отряд бывал у меня. И обычно отряд не знает, в чем дело, и страшно интересуется. И тут в беседе, за чашкой чая, за шутками, коммунары думают, кто же виноват. И иногда даже виду не покажешь, кто виноват. А если они сами в разговоре расскажут, кто в чем виноват, то тут же над ним и пошутят. После чая все с хорошими чувствами, настроениями идут в спальню.

— Все было прекрасно, но вот видишь, как ты нас подвел.

И на следующую шестидневку я опять приглашаю этот же отряд чай пить. Они понимают, что это проверка, проверочное чаепитие. И они сами рассказывают мне, как они с ним поговорили, что он дал обещание, что назначили ему шефа:

— Не беспокойтесь! Все будет благополучно!

Иногда на такое чаепитие я приглашал класс.

И так как обычно отряд не знает, когда будет чай и кто будет приглашен, то они готовятся все. Стараются быть хорошо одетыми и т. д. (Был у них и одеколон.) И обычно такой отряд и отдельные лица стеснялись, что вдруг они будут приглашены к чаю, а у них какие-то неполадки в отряде

И один раз был такой случай, что началось чаепитие, и вдруг обнаружился такой проступок, что дежурный командир предложил прекратить чай. И это было заслуженно И весь коллектив страдал на другое утро, так как его встречали вопросом:

— Ну, были в гостях? Пили чай?

— Нет...

Это все формы индивидуальной обработки. Особенно важны такие формы, которые приходят от самого воспитанника. Обычно мальчик или девочка приходят и говорят:

— Мне нужно поговорить с вами по секрету.

Это самая дружеская и лучшая форма.

Но в некоторых случаях я позволял себе изменить фронтальную атаку и заняться обходным движением. Это тогда, когда против личности восстановлен весь коллектив. Тогда бить фронтально человека нельзя, он остается без защиты. Коллектив против него, я против него, и человек может сломаться.

Был такой случай. Была девочка, милая, хорошая, но побывавшая на улице. Далась нам она очень трудно, но через год начала выправляться, и вдруг пропали 50 рублей из тумбочки у ее подруги. Все сказали, что их взяла Лена. Я дал разрешение на обыск. Произвели обыск. Не нашли. Я предложил историю считать исчерпанной.

Но через несколько дней в клубе, в читальне, эти деньги были найдены под гардиной, спрятанные в особые приспособления для закрывания окон, и ребята сказали, что они видели, как Лена вертелась около этих окон и даже в руках что-то держала.

Совет командиров вызвал ее, и все ребята сказали:

— Ты украла!

Я вижу, что ребята действительно убеждены. Они требуют увольнения за кражу. Я вижу, что ни один человек не склонен стоять за нее, даже девочки, которые обычно в таких случаях защищают свою подругу, и те настаивают на увольнении, и я вижу, что действительно она украла. Это вне всяких сомнений.

В таких случаях приходится применять обходное движение. Я говорю:

— Нет, вы не доказали, что она украла. Я не могу разрешить уволить.

Они смотрят на меня дикими глазами. Я говорю:

— Я убежден, что украла не она.

И пока они доказывают, что украла она, я доказываю, что украла не она.

— Почему вы убеждены?

— По глазам вижу.

А они знают, что я действительно часто узнаю по глазам.

Она приходит ко мне на другой день.

— Спасибо вам, вы меня защитили, они напрасно на меня нападали.

Я говорю:

— Как это так? Ведь ты украла.

Тут я ее взял этим неожиданным поворотом. Она расплакалась и призналась. Но этот секрет мы только знаем, она и я, что я на общем собрании «лгал», чтобы ее защитить, зная, что она украла, отдал ее в мое полное педагогическое распоряжение.

Это ложь. Но я видел гнев коллектива. Ее могли выгнать, и, чтобы этого избежать, надо было пойти на такую штуку. Я противник таких обходных движений. Это опасная вещь, но в данном случае девочка поняла, что я обманул общее собрание для нее, что у нас есть общий

секрет, и это отдает ее целиком мне как педагогический объект. Но эти обходные движения очень трудны и сложны. И на них можно решаться только в редких случаях.

Лекция четвертая

ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ, ОТНОШЕНИЯ, СТИЛЬ, ТОН В КОЛЛЕКТИВЕ

Я хочу остановиться недолго на вопросе о трудовом воспитании, чтобы потом перейти к заключительному отделу — к отделу о стиле и тоне.

Как вы помните, с начала нашей революции наша школа называлась трудовой и все мы, педагоги, находились под впечатлением не столько трудового метода, сколько под обаянием самого слова «труд» и под обаянием трудового принципа. В колонии возможности труда были, конечно, больше, чем в школе, но за 16 лет моей работы в колониях им. Горького, им. Ф. Э. Дзержинского мне пришлось пережить очень сложную историю развития и моего отношения к воспитывающей роли труда, и организации трудовых процессов, и даже понимания самого трудового метода.

В 1920 г. я никак не мог представить себе ту трудовую обстановку, которая была в коммуне им. Дзержинского в 1935—1936 гг.

Я не могу сказать уверенно, что путь трудовой организации, ее развития, который я прошел, был путем правильным, так как я не был самостоятельным в этой области и находился в зависимости от многих мнений и точек зрения людей, временно прикасавшихся к моей работе, вносивших в нее свою точку зрения, свои изменения и формы. В течение всех 16 лет мне приходилось идти рядом и приспосабливаться к тем обстоятельствам, в которых я находился. В колонии им. Горького мне приходилось приспосабливаться главным образом к нужде и выводить трудовой принцип из необходимости, из обстановки нужды. В коммуне им. Дзержинского мне приходилось приспосабливаться и даже бороться с отдельными течениями, исходящими от моего начальства [16].

Я считаю, что были некоторые периоды в истории моего коллектива, которые я с известным правом могу назвать вполне идеальными. В коммуне им Дзержинского это было приблизительно в 1930—1931 гг.

Почему я называю этот период идеальным? Это был период, когда все мои коммунары работали уже на настоящем производстве, т. е. была такая организация, в которой был промфинплан, стройный порядок, в которой присутствовали все формы серьезного завода — планово-производственный отдел, нормировочный отдел, точнее — нормы для каждого дела, стройная зависимость между всеми рабочими местами, очень строго разработанный перечень деталей, снабженный не только количеством выпускаемых деталей, но и нормами выпуска, и нормами качества.

Тогда производство было у нас вполне рентабельно, окупало не только себя, но и коммунарский коллектив в его бытовой жизни и приводило к накоплению, т. е. у нас было настоящее производство. И в то же время коммунары не получали заработной платы. Это, конечно, спорный вопрос, и он остается спорным вопросом до сих пор. Я не знаю других учреждений, которые проводили бы такой опыт.

Я был в то время противником заработной платы. Поднятие производительности труда, исходящее из интересов коллектива, поднятие трудового энтузиазма постоянного наполнения, не энтузиазма штурма и не энтузиазма ближайших целей этой шестидневки или этого месяца, а энтузиазма спокойного, ровного, видящего далекие перспективы коллектива, и под влиянием этого энтузиазма совершение огромной работы, требующей от педагога мобилизации психической, физической и идеологической... Я считал такой энтузиазм наиболее ценным воспитанием, и я глубоко был уверен, что заработная плата эту картину нравственного благополучия должна несколько испортить и расколоть.

Я не могу сказать, чтобы введение заработной платы привело к каким-либо дополнительным достижениям, и потому я продолжал отстаивать свою точку зрения. Я указывал на то, что работали без заработной платы и делали все, что нужно, превышая норму и превышая план, и находились в полном благополучии с материальной стороны.

Но я был окружен настолько влиятельными противниками, отнюдь не заинтересованными в моих педагогических устремлениях, но уверенными в том, что заработная плата повысит интенсивность труда и заинтересованность воспитанников в труде, и настолько эта точка зрения поддерживалась моим руководством, что я не имел возможности и сил бороться с этой тенденцией, и поэтому последние годы я прожил в обстановке заработной платы.

Поэтому я сейчас могу отбросить другие положения и считать, пожалуй, их негативными положениями трудового воспитания. Это такие положения, когда нет производства, когда нет коллективного труда, а когда есть отдельные усилия, т. е. трудовой процесс, имеющий целью дать якобы трудовое воспитание.

Я не представляю сейчас себе трудового воспитания коммунаров вне условий производства. Вероятно, что такое воспитание также возможно, т. е. воспитание в труде, не имеющем производственного характера. Такое воспитание я пережил сравнительно недолго, в первые годы в колонии им. Горького, когда поневоле из-за отсутствия производственной арены, производственного оборудования мне пришлось довольствоваться, так сказать, производственным самообслуживанием и так называемым производственным процессом. Правда, я никогда не имел хорошо оборудованного учебного производства. Когда я его стал иметь, оно не играло самостоятельной роли, а было подспорьем по отношению к коллективному производству. Во всяком случае, я уверен, что труд, не имеющий в виду создания ценностей, не является положительным элементом воспитания, так что труд, так называемый учебный, и тот должен исходить из представления о ценностях, которые труд может создать.

В колонии им. Горького просто из-за нужды я торопился перейти к производству. Это было производство сельскохозяйственное. В условиях детских коммун сельское хозяйство почти всегда является убыточным. Мне удалось в течение двух лет, и только благодаря исключительным знаниям и умению агронома Н. Э. Фере, перейти к рентабельному хозяйству, и не к зерновому, а к животноводческому. Главной ареной у меня была свинарня. В последние годы мы имели до 200 маток и производителей и несколько сотен молодняка. Это хозяйство было оборудовано по послед-

нему слову техники. Была специально выстроенная свинарня, в которой чистота была, пожалуй, не меньше, чем в коммунарских спальнях, которая промывалась при помощи солидной системы водопроводов и сливов, стоков и кранов, где даже не было запаха, свинари имели вид франтов. Вот такое хозяйство, оборудованное по последнему слову техники, снабженное кормовой базой, уже приносило нам большой доход и позволяло жить более или менее зажиточно. Мы уже имели возможность не только хорошо есть и одеваться, но и усиленно пополнять наше школьное хозяйство, библиотеку, имели возможность построить и оборудовать хорошую сцену; мы за эти деньги приобрели инструменты для духового оркестра, киноаппарат, все то, что в 20-х гг. мы не могли иметь ни по какой смете.

Кроме того, мы помогали бывшим воспитанникам, которых становилось все больше и больше, студентам, бывшим воспитанникам, оказавшимся в нужде, помогали очень многим, вступающим в брак Предпринимать путешествия, принимать гостей — тоже дорогая очень штука. Мы бывали очень часто в театрах,— в общем, имели все те блага, которые и должен иметь советский гражданин, выполняющий свои трудовые обязанности.

Вот все эти блага, которые я перечислил, они были настолько убедительным импульсом для повышения производительности труда, что я даже не вспоминал тогда о заработной плате.

Правда, я признавал необходимость для воспитанников иметь карманные деньги и вообще являюсь большим сторонником карманных денег .[17] Человек, вышедший в свет, должен иметь некоторый опыт личного бюджета и должен уметь тратить деньги. Он не должен выходить в жизнь такой институткой, которая не знакома с тем, что такое деньги. Но тогда Украинский наркомпрос категорически возражал против выдачи карманных денег воспитанникам колонии, считая, что таким образом я буду воспитывать меркантильность[18] Поэтому я мог выдавать карманные деньги, только предварительно договорившись с воспитанниками, что они никому не будут об этом говорить, и должен был проводить эти карманные деньги тоже более или менее мошенническим образом.

Но эти карманные деньги я выдавал не в зависимости от произведенного труда в каждом отдельном случае, а в зависимости от общих заслуг воспитанника по отношению к коллективу.

В таком же положении я находился в коммуне им. Дзержинского, где было не сельское хозяйство, а производство. Там зависимость коммунаров от производства была еще больше. Колония им. Горького получала деньги по смете, а коммуна им Дзержинского не получала ни копейки, и, мне кажется, за все время своего существования она не взяла от государства ничего. Поэтому не только дополнительные блага в коллективе, но и нормальная пища, простая сытость коммунаров исключительно зависела от их труда в коллективе.

Мне пришлось начинать в очень тяжелой обстановке в коммуне им Дзержинского, в гораздо более тяжелой, чем в колонии им. Горького, где все-таки была смета. Коммуну им. Дзержинского построили очень шикарно. Она была организована в несколько благотворительном стиле в первые годы. Хотели увековечить память Ф. Э. Дзержинского и выстроили дом, очень красивое здание, одно из прекраснейших произведений архитектуры известнейшего архитектора в Советском Союзе, где и теперь нельзя найти

никакой дисгармонии ни в плане, ни в рисунке фасада, ни в украшениях дома, ни в рисунке окон и т. д. Там были прекрасные спальни, был великолепный вестибюль, ванны, души, прекрасные классные комнаты, широкие и красивые. Коммунаров одели в богатые суконные костюмы и запас дали достаточный. Но не поставили ни одного порядочного станка Не было у нас ни огорода, никакого участка земли, и сметы также не было Предполагалось, что как-нибудь устроится

В первые годы коммуна жила на отчисления, которые производили чекисты Украины из своего жалованья в размере ½ процента [19]. Это давало в месяц около 2000 рублей. А мне нужно было 4000—5000 рублей в месяц, только чтобы покрыть наши текущие расходы, считая школу Остальные 2000—3000 рублей мне достать было негде, так как и работать было негде. Были по недоразумению те мастерские, на которые еще от Адама и Евы Наркомпрос возлагал свои надежды,— это сапожная, швейная и столярная. Эти мастерские — сапожная, швейная и ручная столярная,— как вы знаете, считались альфой и омегой педагогического трудового процесса, причем сапожная мастерская состояла в том, что в ней было несколько пар колодок, несколько табуреток, были шилья, молотки и не было ни одного станка, не было кожи, и предполагалось, что мы будем выращивать ручных сапожников, т. е тот тип мастерового, который нам сейчас абсолютно не нужен.

Такое же было оборудование и в столярной мастерской, где было несколько фуганков, рубанков, и считалось, что мы будем выпускать хороших столяров, делая все вручную.

Швейная мастерская тоже была построена по дореволюционным нормам, и предполагалось, что мы будем воспитывать хороших домашних хозяек, которые смогут в случае чего подрубить пеленки, положить заплату и сшить себе кофту

Все эти мастерские вызывали у меня отвращение еще в колонии им. Горького, а здесь я совсем не понимал, для чего они устроены Поэтому я со своим советом командиров закрыл их через неделю, кое-что оставив для наших собственных нужд.

В первые три года коммуне им. Дзержинского пришлось пережить очень большую нужду. Были моменты, когда мы в течение дня ели один хлеб. Насколько велика была нужда, можно было судить по тому, что я первые 8 месяцев не получал жалованья, должен был кормиться тем самым хлебом, которым кормилась и коммуна... Были моменты, когда в коммуне не было ни копейки и когда надо было ходить «позычать», как говорят украинцы. Представьте себе, эта нужда, несмотря на то, что мы переживали ее тяжело и с обидой,— она-то и была прекрасным стимулом для развития труда. Чекисты — и я им за это очень благодарен — никогда не соглашались перейти на смету и просить помощи у Наркомпроса: дайте нам денег на содержание воспитанников. И действительно, было стыдно: построили коммуну, а содержать детей не на что. И поэтому все наши усилия направились к тому, чтобы заработать самим — самое неприкрытое стремление заработать на жизнь.

Первый год мы очень много работали в своих столярных, мы делали все то, что требуется для домашнего обихода,— стулья, шкафчики. И были заказчики. Делали очень плохо, заказчики обижались, и обычно мы

были в убытке. Стоимость материалов, электроэнергии, гвоздей, клея — все это только-только совпадало с той ценой, которую мы назначали заказчикам, а труд наш не оплачивался.

Помогло нам одно счастливое обстоятельство. Мы пригласили заведующего производством Соломона Борисовича Когана, человека весьма беспринципного по отношению к педагогике, но чрезвычайно энергичного. Я очень благодарен этому товарищу и считаю, что мне когда-нибудь надо специально поблагодарить его за те совершенно новые педагогические принципы, которые он внес в мое дело, несмотря на полную свою педагогическую беспринципность.

Прежде всего он поразил меня своими первыми словами. Это толстый такой человек, с животиком, с одышкой, очень напористый.

Придя в коммуну, он сказал:

— Как? 150 коммунаров, 300 рук не могут себе заработать на суп! Как это может быть? Они должны уметь зарабатывать себе на жизнь, и не может быть иначе.

Это был принцип, в котором я раньше сомневался. Он доказал мне через месяц, что он прав. Правда, мне пришлось уступить ему во многих моих педагогических тезисах.

Прежде всего он начал с некоторой авантюры. Он отправился в Управление строительством строительного института и предложил:

— Я вам сделаю мебель для института.

Он никаких оснований не имел для такого предложения. Мы не умели делать мебели, и для производства мебели у нас не было оборудования, не было станков, не было материала. У нас был только Соломон Борисович Коган и 150 коммунаров.

К счастью, люди оказались доверчивые и наивные и говорят:

— Пожалуйста, сделайте.

— Давайте напишем заказ.

Написали заказ — столько-то тысяч разных предметов для аудиторий, столько-то столов, столько-то стульев, шкафов и т. д. Когда я посмотрел этот список на 200 000 рублей, я подумал, не позвонить ли врачу и не смерить ли температуру у Соломона Борисовича. Я говорю:

— Как это вы взяли?

Он говорит:

— Сделаем.

— А все-таки, с чего мы начнем? Ведь нам нужны деньги, а денег нет.

Он говорит:

— Всегда бывает так, что, когда у человека не бывает денег, он говорит — нет денег. А потом откуда-то достает, и мы достанем.

— Откуда достанем? Кто же даст?

— А разве нет на свете «дураков», которые дадут?..

И представьте себе, он нашел. В том же институте оказался, простите за выражение, «дурак», который пошел на его предложение. Соломон Борисович говорит:

— Мы мебель сделаем, а куда ее складывать? У вас только фундамент роют. Хорошо, мебель у нас скоро будет готова, но куда ее сложить?

Тот отвечает:

— Да, действительно, некуда складывать.

Соломон Борисович говорит:

— Ну, мы можем ее у себя сложить.

— А у вас есть куда сложить?

— Нет, но мы можем построить складское помещение. На это надо 50 000 рублей.

— Получайте 50 000 рублей.

Получили 50 000 рублей, но и я, и коммунары, и Соломон Борисович решили, что мы складского помещения строить не будем. На эти деньги мы купили станки деревообделочные, купили материал. Соломон Борисович взял еще аванс и стал производить отнюдь не оборудование для строительного института, а всякие вещи, которые могли быть проданы на рынке. Он стал делать обыкновенные стулья для продажи на рынке, причем сначала делал стулья корявые, никуда не годные, но Соломон Борисович говорил, что, пока коммунар стул делать не умеет, он будет делать проножку. И он ввел разделение труда. Я очень сомневался.

Он ввел такое разделение — один строгал, другой пилил, третий чистил, четвертый шлифовал, пятый брал на контроль и т. д. Но никакого учебного процесса не получалось, и мои коммунары обратили внимание и говорят: мы тут ничего не научимся. На общем собрании говорили, что нужное дело, что для коммуны нужно поработать, но нужно, чтобы и польза была, и учение было, а на этих планках и проножках научиться нельзя.

Соломон Борисович оказался действительно знающим в своей области. Он разбил производство стула на десятки операций, и каждый коммунар выполнял одну-единственную операцию. Но благодаря этому мы стали выпускать стульев видимо-невидимо.

Скоро весь наш двор был завален стульями, правда очень плохого качества. Сначала Соломон Борисович больше полагался на всякие поправки: когда стулья были сделаны, он изобрел специальную замазку из клея и опилок, и этой замазкой он замазывал все дырочки, шлифовал и т. д. Во всяком случае, через полгода он 50 тыс. основного капитала превратил в 200 тыс. Тогда он купил еще станки и лесу и перешел на производство театральной мебели...

В дальнейшем Соломон Борисович отошел на второй план и сделался начальником снабжения — должность, наиболее соответствующая его специальности и таланту; пришел новый инженер, и все-таки я убедился, что такое строгое разделение труда по отдельным мельчайшим процессам — полезная вещь. Когда смотришь на него в лоб расширенными зрачками, оно производит угнетающее впечатление, а когда рассматриваешь его во времени, оно ничего страшного не представляет. Конечно, каждый отдельный мальчик или девочка в каждый данный момент производит только одну операцию, которая, казалось бы, не дает никакой квалификации, но в течение нескольких лет, которые коммунар проводит в коммуне, он проходит через такое большое количество различных операций, переходя наконец к сложнейшим операциям — сборке и др., что он действительно делается очень квалифицированным работником, необходимым для широкого общественного производства, а не для кустарного.

Конечно, если бы я так и остался сидеть на деревообделочном деле, то мои коммунары могли бы выходить только производственниками для

деревообделочной фабрики, и то только для фабрики с большим разделением труда. Но именно успех коммерческий, успех в смысле производительности позволил нам настолько основательно удовлетворить наши потребности, что мы уже через год после пришествия Соломона Борисовича поблагодарили чекистов и просили их прекратить отчисление своих процентов, а еще через год мы уже имели накоплений 600 тыс. чистых в банке.

Вот что нам дало наше производство. А имея 600 тыс. рублей, мы уже имели лицо не благотворительного учреждения, а серьезного предприятия, которому можно верить.

И банк нам доверил ссуды на строительство. В 1931 г. мы построили первый завод, уже основательный завод металлообрабатывающей промышленности, производящей сверлилки — очень сложные машинки, до того времени импортные. Очень быстро освоили, несмотря на то что эта машинка имела свой мотор, 150 деталей, много всяких шестеренок, так что требовались и фрезерные, и зуборезные станки, очень сложная сборка, литье, и все-таки мы имели возможность, пользуясь опытом разделения труда на дереве, очень быстро освоить производство на металле. Эта психология человека, работающего на одной детали, но доводящего этот процесс до совершенства,— она пригодилась на металле. Нам понадобилось месяца полтора, чтобы освоить очень сложные станки, причем на станках стояли коммунары 13—14 лет.

Работа на металлообрабатывающем заводе была настолько успешной, что мы начали строить завод фотоаппаратов. Этот очень сложный завод был построен на собственном оборудовании. Нынешний завод фотоаппаратов коммуны является своим заводом. Там вы можете встретить станки, которые не на всех заводах имеются, причем там очень сложный процесс точности —до микрона, т. е. требующий очень сложных инструментов, подбора инструментария, научно оборудованной и придирчивой техники контроля, вообще сложнейшее производство.

Я убежден, что мы не могли прийти к нему, если бы не начали с производства стульев, с разделения труда. Я понимал, что суть не в том, с чего начинать, а в логике производства, основанного на последних данных, а таковыми являются разделение труда и план.

Для непроизводственника трудно понять, что такое план на производстве. План заключается не только в том, сколько надо сделать столов и стульев. План — это тонкое кружево норм и отношений. Это кружево всяких деталей, это кружево всяких частей, движение от станка к станку. Нужно предусмотреть и приспособление качества материала, подачу материала, выдачу инструмента, его заточку, его пополнение и, наконец, контрольные требования, а в хорошем производстве контроль — это также набор всяких приспособлений, норм и условий. Это сложнейшее «оборудование» человеческой деятельности. И на таком «оборудовании» нужно воспитывать наших граждан, поскольку они участвуют не в кустарном производстве, а в производстве большого государственного масштаба, организованном по последнему слову техники.

Конечно, после этого оборудования в коммуне им. Дзержинского я не могу представить себе не только сапожной или швейной мастерской, но и деревообделочной на ручном станке...

Трудовое воспитание постепенно у нас перешло в производственное воспитание, я не ожидал сам, к чему оно может привести. Но в последние годы я не удивлялся, когда у меня мальчики 13—14 лет управляли группой фрезерных станков, где нужны и математика, и очень тонкое соображение.

Я уже не говорю, что здесь надо знать и качество материала, и качество резца, уметь читать чертежи и т. д. Рядом с мальчиком 14—15 лет, который уже сам прекрасный фрезеровщик и руководит группой фрезеровщиков, вы видите мальчика лет 16—17 — начальника цеха, правда, может быть, цеха более простого, а уже в 19 лет юноша руководит сложным цехом. Вот Володька Козырь, бывший мой связист, который умел только побежать и найти товарища, руководил сложным механическим цехом.

Этот путь, который для взрослого человека, может быть, потребует 10 лет, для мальчика на производстве потребует 1—2 года. Этот путь, к которому я перешел, не так легок, и сразу трудно поверить, что мальчики и девочки на своем производстве достигают такой большой квалификации. По отношению к девочкам надо сделать такую поправку: они также быстро достигают стахановских норм выработки, только не в металлообрабатывающем производстве, а в процессе сборки, монтажа, в производстве с легкой физической работой, в особенности в производстве оптическом: в производстве линз, где больше требуется чистоты и внешней точности; в части точных движений и внимательности они мальчиков обгоняли. Мальчики преобладали своими способностями конструкторов, а девочки — своими способностями к точности и организованности в сложных и ответственных процессах. Мальчики не могли справиться с производством линз, и все это производство было передано девочкам. В процессе сборки тончайших узлов, где нужны не только точность движения рук и точность глаза, но еще очень строгое точное расположение частей на столе, там тоже девочки мальчиков обгоняли не только в производстве, но и в организации производства.

Мальчики вообще были убежденными металлистами, девочки — нет, металл у них не вызывал таких эмоций. У мальчиков железо, медь, никель сотрясение души производят всегда. Девочки отдалялись от станков фрезерных, револьверных, в особенности от станков, где работа связана с эмульсией, с брызгами, грязью.

Девочки коммунарки никогда не пробовали работать в литейном цехе.

Вот виды труда, к которым перешел мой коллектив к последнему своему году.

Если рассматривать этот труд с точки зрения обычного понимания педагогического процесса, т. е. вот отдельный человек — воспитанник, а вот его воспитатель, то, пожалуй, производство может показаться неправильно оборудованным педагогическим процессом, но если его рассматривать в коллективе и во времени, то оно окажется очень притягательным.

Всякое сложное производство уже тем хорошо, что оно дает простор для удовлетворения вкусов и наклонностей.

В таком производстве, как производство ФЭДов, у нас большой чертежный цех, где работает несколько десятков чертежников, и плановый отдел, и контрольный отдел, и большой инструментальный цех, коммер-

ческий отдел, и поэтому каждый воспитанник мог иметь выход для своих наклонностей. Конструкторское бюро (конструкторы, чертежники) целиком обслуживалось коммунарами. Значит, туда шли те, у кого к этой работе были наклонности и способности.

Наибольшую квалификацию дает инструментальный цех, т. е. мальчик пройдет все цехи и отделы и увенчает свое производственное образование в инструментальном цехе, откуда он может выйти лекальщиком, т. е. добиться наивысшей квалификации инструментальщика.

Я вижу полезность этого процесса производства в каждом отдельном его пункте для воспитания характера человека, вышедшего из коммуны. У меня бывают часто коммунары, вышедшие из коммуны, учащиеся в вузах и приезжающие из города меня навестить. Это все люди, получающие или получившие высшее образование. Там есть и историки, и геологи, и врачи, и инженеры, и конструкторы и т. д. Но у всех в характере есть особая черта широты и разносторонности взглядов, привычек, точек зрения и т. д.

Недавно приезжал ко мне врач. Я помню, что он у нас работал шлифовальщиком на большом шлифовальном станке, где деталь доводится до последней степени точности, до сотой миллиметра. Он работал так. Ему мастер говорит:

— Пожалуйста, сними на сотую миллиметра — на «сотку».

Он устанавливает на станке деталь и, не производя никакой проверки, не работая никакими измерительными приборами, говорит:

— Пожалуйста, вот «сотка».

Глаз, рука и станок у него были так сработаны, что он работал не проверяя. Чуткость его к станку была совершенна. Этот прекрасный шлифовальщик теперь врач, но в его философии и сейчас я чувствую страшное уважение к точности. И, наблюдая коммунаров, я вижу сейчас отражение тех навыков, которые приобрели они на всяких пройденных ими организационных и производственных работах.

Коллектив, имеющий у себя завод и отвечающий за завод, много приобретает навыков организаторских, т. е. тех навыков, которые, может быть, наиболее нужны для гражданина Советского Союза. На каждом общем собрании, на каждом производственном совещании командиров, просто на сборах и группах, в цехе, во время будничного разговора всегда упражняется эта организаторская способность, и всегда коллектив привыкает требовать ответственности не только от каждого отдельного рабочего, но и от каждого коммунара как организатора. Если вы должны представлять себе всю сложность производства, то вы должны представить и всю сложность отношений человека к производству. На общем собрании, где сидят ученики и механического цеха, и оптического, и сборочного одного, и сборочного другого, и инструментального, кто-нибудь поднимает вопрос о недостаче какой-нибудь детали, и высказывается сборочный цех, прося высказаться людей, которые никакого отношения к сборочному цеху не имеют, и эти люди высказываются, т. е. они понимают, чего там не хватает, они высказываются как организаторы.

Еще большее упражнение организаторских способностей происходит в самом цехе во время работы. То же самое руководство группой фрезерных станков требует умения организатора-единоначальника.

Я понимаю, что не так легко организовать такое производство, но нельзя же говорить только о легких вещах. И для меня организовать такое производство стоило 16 лет труда, 16 лет нужды и борьбы. Ну что же, я уверен, что и любой детский коллектив, если бы он захотел перейти на серьезное производство, тоже истратит не меньше 10 лет и, конечно, первые поколения, которые будут бороться за это производство, уйдут, не испытав еще всех благ. Следующие испытают.

Не надо думать, что первые поколения уйдут обиженные. Ведь бороться за цели, поставленные на будущие годы,— это уже стоит многого в смысле квалификации и воспитания. Может быть, во всем этом процессе главным является эта коллективная борьба, это устремление вперед, марш к ясно поставленным целям.

Я счастлив, что мой коллектив всегда имел перед собой ясно поставленные трудные цели и шел к ним, и не просто передвигался в пространстве, но преодолевал трудности, даже нищету и трения внутри своего коллектива. И когда есть марш к ясно поставленным целям, если поставить эти слова сознательно, именно «движение к ясно поставленным целям», тогда вопрос о заработной плате не имеет уже такого принципиального значения. В хозяйственном коллективе, где слишком явны достижения труда, где слишком явное благополучие, где каждый рубль накопления сулит что-то на завтра, там уже не нужно стимулировать каждого человека его личной заработной платой.

Заработная плата у меня была потом введена, но мне удалось сохранить и коллективный тон, и нивелировать тот вред, который могла бы принести заработная плата в младшем возрасте. Зарплата у взрослого человека, у которого есть семья, ответственность перед семьей, детьми,— это одно. В детском коллективе я разорвусь на части, чтобы он был одет. Я отвечаю за то, чтобы он был одет, за то, чтобы он был в тепле, за его школу. Поэтому зарплата все-таки является некоторым дополнительным удовлетворением, а это достигается и без заработной платы в хорошем коллективе. Я добился того, что вся заработная плата поступала в мое распоряжение. Это — постановление общего собрания. И коммунары интересовались не столько получением денег на руки, сколько уже накоплением их в сберкассе на будущую жизнь.

Последние нормы в этом отношении были такие. Во-первых, каждый коммунар из своего заработка 10 процентов отчислял в фонд совета командиров. Это не пустяки: 10 процентов заработной платы — это очень большая сумма.

И таким образом у нас образовался большой фонд очень быстро. Этим фондом распоряжался уже совет командиров, фонд не считался принадлежащим отдельным коммунарам. Фонд предназначался главным образом на усиление культурной работы, на помощь бывшим коммунарам.

Вы себе представить не можете, что это такое, когда совет командиров постановляет:

— Вот Ваня Волченко обладает большими музыкальными способностями — командировать его в консерваторию и выдавать дополнительно, до окончания консерватории, 100 рублей в месяц.

И таких стипендиатов в коммуне им. Дзержинского несколько десятков. В тот год, когда я оставил коммуну, до 100 человек получали стипендии.

Стипендия, получаемая студентом в вузе, вполне достаточна, если человек связан с семьей, с отцом, с матерью. Но если он одиночка, она не удовлетворяет всех его потребностей. В коммуне, давая 50—100 рублей в месяц стипендии в зависимости от успеваемости и от курса, совершали большое полезное человеческое дело.

Из этого же фонда дается помощь также оказавшимся в нужде коммунарам, если видно, что эта нужда произошла из действительных причин, а не из простой лени. И такой фонд позволяет коммуне держать в своих руках судьбу всех своих воспитанников до того момента, пока они окончательно не вступят в жизнь

А это заработок коммунаров. Ни один коммунар за все годы, проведенные мною с ним, ни разу не выразил неудовольствия ни в скрытой, ни в явной форме, что 10 процентов его заработка идут в фонд командиров. Имейте в виду что из этого фонда каждому коммунару, выпускаемому из коммуны, дается «приданое» — кровать, одеяло, пальто, полдюжины белья, костюм, то, что дает каждая семья своему сыну, когда он уходит от нее.

Этот фонд позволял руководить жизнью коммунаров, а такой фонд дороже стоит, чем тысяча наших педагогических аргументов, не проверенных в опыте.

Остальная часть заработной платы коммунаров обычно шла в сберегательную кассу, и считалось, что каждый коммунар, выходя из коммуны, должен иметь в сберегательной кассе не меньше тысячи рублей. Этих денег он не мог получить в коммуне, и вообще они не могли быть выданы ему без моей подписи. Были коммунары, которые получали по 2000—2500 рублей,— это те накопления, которые производились за 5—6 лет жизни в коммуне; и наконец, небольшая часть денег выдавалась на руки как карманные деньги. Мы каждый год совершали походы Я им придавал большое значение, и не просто походы, а очень большие мероприятия. В коммуне мы совершили 6 походов. Эти походы мы совершали так. Под походом разумелось: поездка по железной дороге, обязательно пеший марш на расстояние не меньше 80—100 км, лагерь, обратный марш и снова железная дорога. Такие походы назначались с осени. Для меня этот поход был важен как летняя перспектива, та же самая, которую вы имеете перед собой, думая, куда вы поедете в отпуск летом, мечтаете и готовитесь. Так и коллектив готовился к походам. Когда заводы останавливались, мы знали, как мы проведем эти летние каникулы.

Для меня этот поход имел огромное значение, потому что в течение всего года я мобилизовал вокруг похода и каждого человека, и весь коллектив, и материальные условия, и вел культурную и всякую другую подготовку Например, чтобы совершить поход по Кавказу — на Владикавказ, Тбилиси, Батуми, надо было целую зиму готовиться, надо было посылать разведчика, чтобы знать, где можно ночевать, кормиться, с кем можно договориться. В разведку посылался коммунар. В последние годы мы дошли до такой тонкости подготовки походов, что, например, мы знали, выходя из Харькова коллективом в 500 человек, на каком километре, возле какого километрового столба коммунар Иванов передаст коммунару Петрову бас, который надо было нести по всей Военно-Грузинской дороге. Он не может нести его на расстоянии 400 км, он играет, когда это надо, а несут этот бас все воспитанники, каждый по 10 км.

И точно было известно, возле какого километрового столба какому коммунару должен быть передан бас.

Даже такие мелочи надо предусмотреть для того, чтобы поход не превратился в каторгу. А уже более серьезные вещи — посадка в поезда, остановки на ночлег и т. д. — так, чтобы была крыша, рядом вода, люди, с которыми можно переговорить и устроить митинг,— все это тоже требует предварительной поездки и разведки.

Самый наш большой поход был Харьков, Нижний Новгород, Сталинград, Сочи, Одесса, Харьков Он занял полтора месяца и потребовал очень большой подготовки. По Волге мы плыли 15 дней, и каждый день капитан спрашивал коммунаров:

— Плыть или стоять?

Ему отвечали:

— Жарь на Каму, возвращайся на Оку!

Капитан даже водку пил только с нашего разрешения. Страшный был пьяница, и мы его вызвали на общее собрание после того, как он посадил на мель пароход около Самары. Хотя всем это дало большое наслаждение, конечно, но мы просили его больше водки до конца похода не пить

Каждый коммунар собирал себе на поход, откладывал карманные деньги, потому что предполагалось, что в походе много других драгоценностей, которые можно будет купить. Обычно получалось так, что никаких особых драгоценностей не было, покупали бумажники, кошельки, пили ситро, ели конфеты — все то, что можно было купить и в Харькове. Но конфеты, съеденные в Ульяновске, кажутся вкуснее, чем те, которые можно съесть в Харькове.

И каждый коммунар откладывал деньги не у себя, а у меня в кассе И я всегда в поход возил целый чемодан денег: 50—60 тысяч.

Так что все эти приспособления позволяли уменьшить ту жадность на деньги, на заработок, которая в коллективе, совершенно обеспеченном, могла бы быть очень тяжелой, неприятной прибавкой в воспитательном процессе.

Я забыл сказать вам, что в вопросе об отношении школы к производству и производства к школе я был постоянным противником какой бы то ни было увязки и за это я подвергался немалым гонениям[20] Таким противником я остался и теперь и глубоко убежден, что, если у нас в районе или в колонии есть десятилетка со всеми требованиями Наркомпроса к десятилетке,— а эти требования увеличиваются у нас каждый день,— я считаю, что не нужно не только никакой увязки с производством, но даже полезно не иметь никакой увязки.

Я глубоко убежден, что те проповеди, увязки, которые высказываются, есть остатки веры в комплекс, а я к комплексу всегда имел отвращение, так как считаю, что некоторую роль надо предоставить и свободному образованию ассоциаций, и только такое свободное образование может дать широту, самобытность личности, и там, где мы стараемся активизировать личность по ассоциативным отношениям, мы можем создать только скучную, неинтересную личность.

Поэтому в моей практике я допустил единственное отклонение от своих убеждений — это то, что прибавил в школе в каждом классе два урока черчения, а в остальном наша школа руководилась педагогическим

советом, как и всякая школа, и никакого отношения к производству не имела. В каждой области знания, учения и обучения у нас имеются свои законы, свои требования, свои цели, и эти требования должны удовлетворять каждого равно.

В результате получалась самая здоровая и самая естественная увязка. Выходил человек, знающий производство, знающий организацию производства, процессы производства, и, кроме того, образованный человек, получивший среднее образование.

И когда мне возражали представители теоретической мысли, я им говорил, что среднее образование и квалификация фрезеровщика VII разряда — это прекрасная комбинация, и никаких дополнений к этой комбинации не надо. Нельзя пожаловаться, если человек умеет обращаться со станком.

Вообще я считаю, что перековка характера и перевоспитание правонарушителя возможны только при условии полного среднего образования. Я вам говорил, что неполное среднее образование не дает такой уверенности, как полное.

Теперь перехожу к заключительной части моего доклада — это об основном виде и характере личности, которая должна выработаться в воспитательном коллективе. Я считаю, что в этом пункте мы, педагоги, еще не всё додумали до конца. Я глубоко убежден, что качества нашей советской личности принципиально отличаются от качеств личности в буржуазном обществе, и поэтому и наше воспитание должно быть также принципиально отличным.

Воспитание в буржуазном обществе — это воспитание отдельной личности, приспособление ее к борьбе за существование. И совершенно естественно, что такой личности должны сообщаться качества, необходимые в такой борьбе: качество хитроумия и жизненной дипломатии и качество обособленной борьбы, обособленного борца за самого себя.

И совершенно естественно, в старой школе и во всякой буржуазной школе и воспитывается этот комплекс зависимостей человека, которые необходимы в буржуазном обществе. Человек в этом обществе находится в совершенно иной цепи зависимостей, чем у нас.

Вы вспомните, как мы, старики, учились. Нам на каждом шагу не говорили, что ты будешь зависеть от богатого класса, от царского чиновничества, но это пропитывало всю суть нашего воспитания. И даже когда говорили, что богатый должен помогать бедным, то в этом, казалось бы, таком прекрасном, даже красивом требовании, в сущности, заключалось определенное указание на ту зависимость, какая существует в жизни между богатым и бедным. То, что богатый будет мне, бедному, помогать, означало, что богатый имеет богатство, что он в силе мне помочь, а я могу только рассчитывать на его помощь, его подачки, на помощь богатого человека. Я, бедняк, являюсь объектом его благотворительности. В этом и заключалось глубокое внушение той системы зависимостей, которая должна была меня встретить в жизни. Зависимость от состояния, от доброй воли, от богатства, от милостыни и жестокости — вот та цепь зависимостей, к которой готовился человек.

Наш воспитанник тоже готовится к определенной системе зависимостей. Страшное заблуждение полагать, что, освободившись от системы

зависимостей буржуазного общества, т. е. от эксплуатации и неравномерного распределения жизненных благ, воспитанник вообще свободен от всякой цепи зависимостей. В советском обществе существует иная цепь зависимостей, это зависимость членов общества, находящихся не в простой толпе, а в организованной жизни, стремящихся к определенной цели. И в этой нашей организованности есть процессы и явления, которые определяют и нравственность нашего советского человека, и его поведение.

И все мы по мере того, как живем в советском обществе, растем, мы растем как члены коллектива, т. е. как люди, находящиеся в определенной системе зависимостей. Я не знаю, до конца ли я дошел в своей работе в этом отношении, но эта суть воспитания меня всегда интересовала больше всего. Я уже говорил немного об этом, когда вспоминал о дисциплине.

Для того чтобы яснее представить себе эту проблему, посмотрим коллектив в действии, именно коллектив, а не толпу, т. е. коллектив, имеющий перед собой определенные общие цели. В этом коллективе зависимости очень сложные, каждая отдельная личность должна согласовать свои личные стремления со стремлениями других: во-первых, целого коллектива, во-вторых, своего первичного коллектива — ближайшей группы, должна согласовать так, чтобы личные цели не делались антагонистичными по отношению к общим целям. Следовательно, общие цели должны определять и мои личные цели. Эта гармония общих и личных целей является характером советского общества. Для меня общие цели являются не только главными, доминирующими, но и связанными с моими личными целями. Очевидно, детский коллектив только так может быть построен. Если он построен не так, я утверждаю — это не советское воспитание.

В практике коллектива на каждом шагу возникают вопросы противоположения личных и коллективных целей и вопросы гармонизирования этих целей. Если в коллективе чувствуется это противоречие между целями общими и частными, личными, значит, коллектив не советский, значит, он организован неправильно. И только там, где личные и общие цели совпадают, где нет никакой дисгармонии, там коллектив советский.

Но разрешить этот вопрос нельзя, если отойти от практических будничных деталей каждого сегодняшнего дня. Этот вопрос может разрешаться только на практике каждого отдельного коммунара и каждого отдельного коллектива. Практика — это то, что я называю стилем работы. Я считаю, что вопрос о стиле педагогической работы должен быть сочтен достойным иметь отдельные монографии, настолько важен этот вопрос.

Возьмем такую деталь, как отношения коммунаров между собой, отношения товарища к товарищу. Как будто вопрос не новый, а между тем он слабо у нас разрешается в нашей педагогической теории. Этот вопрос почти не мог существовать в дореволюционной педагогике. В дореволюционной педагогике, как и в дореволюционном обществе, отношения человека к человеку разрешались как отношения индивида к индивиду, т. е. отношения двух свободных самостоятельных миров, и можно было говорить о воспитании хорошего человека, о воспитании доброго человека, о воспитании такого-сякого человека.

В нашей педагогике можно говорить о воспитании товарища, об отношении члена одного коллектива к члену другого коллектива, которые не свободны, которые не вращаются в пустом пространстве, а которые связаны своими обязательствами или отношениями с коллективом, своим долгом по отношению к коллективу, своей честью по отношению к коллективу, своими движениями по отношению к коллективу. Это организованное отношение членов одного коллектива к членам другого коллектива должно являться решающим в постановке воспитания.

Что такое коллектив? Это не просто собрание, не просто группа взаимодействующих индивидов, как учили педологи. Коллектив — это есть целеустремленный комплекс личностей, организованных, обладающих органами коллектива. А там, где есть организация коллектива, там есть органы коллектива, там есть организация уполномоченных лиц, доверенных коллектива, и вопрос отношения товарища к товарищу — это не вопрос дружбы, не вопрос любви, не вопрос соседства, а это вопрос ответственной зависимости. Даже если товарищи находятся в равных условиях, идут рядом в одной шеренге, исполняя приблизительно одинаковые функции, связываются не просто дружбой, а связываются общей ответственностью в работе, общим участием в работе коллектива.

А в особенности интересными являются отношения таких товарищей, которые идут не рядом в одной шеренге, а в разных шеренгах, и особенно интересны отношения тех товарищей, где зависимость не равная, где один товарищ подчиняется другому товарищу. В этом наибольшая хитрость в детском коллективе, наибольшая трудность — создать отношения подчинения, а не равностояния. Это то, чего больше всего боятся наши педагоги. Товарищ должен уметь подчиняться товарищу, не просто подчиняться, а уметь подчиняться.

И товарищ должен уметь приказать товарищу, т. е. поручить ему и потребовать от него определенных функций и ответственности.

Такое умение подчиняться товарищу, причем это не подчинение богатству, и не подчинение силе, и не подчинение в порядке милостыни или подачки, а подчинение равноправных членов коллектива,— это чрезвычайно трудная задача не только для детского общества, но и для взрослых. Если еще остались пережитки старого, то все они умещаются в этом самом месте. И в особенности трудно приказать равному себе только потому, что меня уполномочил коллектив. Здесь чрезвычайно сложный комплекс. Я только тогда сумею приказать товарищу, поручить ему, пробудить его к действию, отвечать за него, когда я чувствую ответственность перед коллективом и когда я знаю, что, приказывая, я выполняю волю коллектива. Если я этого не чувствую, то у меня остается только простор для личного преобладания, для властолюбия, для честолюбия, для всех иных чувств и тенденций не нашего порядка.

Я в особенности много обращал внимания на эту сторону дела. Я поэтому шел на очень сложный принцип зависимостей и подчинений в коллективе. К примеру, вот этот самый мальчик дежурный командир, который сегодня руководит коллективом, а завтра уже подчиняется новому руководителю, он как раз является прекрасным примером такого воспитания.

Я уходил еще дальше в этом отношении, я старался как можно больше переплести зависимости отдельных уполномоченных коллектива друг с другом, так чтобы подчинения и приказания как можно чаще встречались.

Вот почему я так настаивал на некоторой военизации и строил систему первичных коллективов, причем на правах единоначалия, которые я давал своему командиру. Я старался дробить коллектив на отряды по 10 человек, чтобы число уполномоченных было как можно больше, я старался создавать как можно больше разных комиссий, а в последнее время пришел к такой форме — поручения отдельному лицу.

Я не пропускал ни одного случая, чтобы не использовать этой формы. Беру первое, что я вспоминаю. Вот нужно перевести ребят из одной спальни в другую, перегруппировка по спальням в зависимости от прибытия новых ребят и т. д. А новенькие всегда вкраплялись в старые отряды. Совет командиров постановляет переселиться из спальни в таком-то часу, разрешается брать с собой только постели, не разрешается брать с собой ни кроватей, ни столов, ни портретов, ни шкафов; ответственным за правильность переселения назначается, скажем, Козырь. И вот первое время это было не так легко. Этому Козырю не подчинялись, махали руками, он сам не знал, как ему 400 человек подчинить.

В последнее время я добился не только того, что это удавалось, но и того, что Козырь и остальные были на своих местах и Козырь стоял в коридоре, одним движением пальца, бровей, глаз делал то, что было нужно, и все прекрасно понимали. Козырь отвечает за успех; если такой-то унес лучший портрет в свою спальню, отвечать будет Козырь, если он прозевал, не заметил.

Скажем, мне нужно взять 20 беспризорных с вечернего поезда. Всегда совет командиров выделял специальную свободную бригаду в 5—6 человек. Командиром бригады назначался, допустим, Землянский. И он прекрасно понимал, что он командир бригады, и все 5—6 человек из отряда подчинялись немедленно всем его распоряжениям. В этом для них какое-то удовольствие, и они видят, что у них есть центр, который руководит ими и отвечает за них.

И такой Землянский понял, что всю операцию возложили на его плечи, и бригада также поняла, и на вокзалах, где нужно снимать и с крыш, с поездов, где нужно было выбирать хороших пацанов, т. е. боевых, на которых можно было бы положиться, а не слюнявых и сопливых, они и выбирали таких боевых пацанов. Землянский выполнял эти обязанности. Я не мог следить. Он должен был выполнить поручение, и за такое поручение Землянский должен был отчитаться.

Я не имел времени, но как ни поздно, как ни трудно, но я не упускал возможности выслушать отчет и признать работу удовлетворительной, хорошей или неудовлетворительной. Больше никакого решения не выносилось. Не было такого дня в коммуне, чтобы для определенного случая, возникшего сегодня, не нашелся ответственный человек и ему в помощь несколько мальчиков из разных отрядов. Поссорились хлопцы и не мирятся. Немедленно назначается товарищ, который должен выяснить всю сущность спора, помирить их и отчитаться в поручении.

Серьезная ответственность являлась таким воспитательным средством для разрешения многих проблем. Само собой разумеется, что все это было

дополнительно по отношению к общей системе отряда. Это был действительно штаб, отвечающий за работу, а не только показывающий.

Я наблюдал, как в некоторых детских домах заботятся о такой организации работы, но не позаботятся о точности и строгой ответственности. А без ответственности не может быть настоящей работы. В то же самое время очень важно, чтобы ответственность требовалась и на производстве, и в классе, и в школе, в сводной бригаде. Даже в таком случае, как баня,— значит, сегодня должен быть ответственный по бане. Эта ответственность должна сливаться с единством ответственности всего коллектива. Если такого единства ответственности нет, если нет полной гармонии ответственных лиц, то может получиться игра, а не серьезное дело.

Из всех этих поручений, из всех этих приемов и создается стиль работы, стиль коллектива. Я уже сказал, что об этом стиле нужно писать монографии.

Отличительными признаками стиля советского детского коллектива я считаю следующие.

Во-первых, мажор. Я ставлю во главу угла это качество. Постоянная бодрость, никаких сумрачных лиц, никаких кислых выражений, постоянная готовность к действию, радужное настроение, именно мажорное, веселое, бодрое настроение, но вовсе не истеричность. Готовность к полезным действиям, к действиям интересным, к действиям с содержанием, со смыслом, но ни в коем случае не к бестолочи, визгу, крику, не к бестолковым зоологическим действиям.

Такие зоологические действия — крик, визг, беготню — я решительно отрицаю. И в коммуне им. Дзержинского, где жило 500 мальчиков и девочек, вы никогда не услышали бы визга и крика. И в то же время вы видите постоянно бодрость и уверенность в своей жизни, в своем настроении.

Этот мажор не может, конечно, создаваться специальными методами, это результат всей работы коллектива, всего того, о чем я говорил.

Следующий признак стиля — ощущение собственного достоинства. Это, конечно, нельзя сделать в один день. Эта уверенность в своем собственном лице вытекает из представления о ценности своего коллектива, из гордости за свой коллектив.

Если вы приезжаете в коммуну, вас очень вежливо, очень приветливо встретят, никогда не бывало, чтобы прошли и вас не заметили. Первый, кого вы встретили, обязательно вам поклонится, скажет:

— Здравствуйте! Пожалуйста, что вы хотите?

И каждый насторожен.

— А кто вы такой, а что вам угодно?

Никто не станет вам жаловаться на коммуну. Я наблюдал поразительное явление среди коммунаров. Вот его только что взгрели, человек расстроен до последней степени. И вдруг он оказался лицом к лицу с приехавшим, посторонним человеком. Он весь изменился, он приветлив, радостен, он проводит вас, куда можно; если нельзя, он скажет:

— Пойдемте, возьмем разрешение.

Он занят своим несчастьем, своей ошибкой, но он бросит все и ни за что не покажет, что он только что пережил что-то. А если его спросят:

— Как живете?

Он скажет:

— Прекрасно живем.

Он это делает вовсе не потому, что он хочет кому-то понравиться, а потому, что он чувствует свою ответственность за коллектив, гордится своим коллективом, даже наказанный.

Вот какого-нибудь пацана за вредные действия только что взгрели, вот приехала экскурсия:

— Какой хороший мальчик! Как он у вас?

Никто ни слова не скажет, что он нагрешил и наказан. Это считается дурным тоном, это дело наше, а по отношению к другому мы его не выдадим.

Вот этот тон достоинства очень трудно воспитывается, для него нужны, конечно, годы. Вежливость к каждому гостю, к каждому товарищу должна быть доведена, конечно, до совершенства. Но эта вежливость должна сопровождаться постоянным сопротивлением проникновению в коммуну, в коллектив каких-то посторонних, праздно шатающихся элементов, а тем более врагов. И поэтому в коммуне очень вежливо встретят и проводят, но первым долгом спросят:

— Кто вы такой? Зачем пришли?

И если увидят, что, собственно, никакого дела нет, то очень вежливо скажут:

— Нет, мы не можем вас принять; если у вас будет дело какое-нибудь,— пожалуйста.

А охотников пошляться, поглазеть на коммуну было всегда очень много. Вот эта вежливость вытекает из очень важной способности, которую надо воспитывать нам у каждого гражданина. Эта способность — ориентировка. Вы, наверное, видели, как очень часто в детском коллективе или в толпе нет этой способности ориентироваться. Человек видит то, что у него перед глазами, а то, что за затылком, не видит.

Эта способность чувствовать, что находится вокруг тебя, кем ты окружен, эта способность чувствовать также все то, чего ты не видишь, что делается в других комнатах, чувствовать тон жизни, тон дня — это способность ориентироваться — она воспитывается с очень большим трудом.

И нужно прилагать очень большие усилия и постоянно помнить, чтобы эту способность к ориентировке воспитать. Тот визг и крик, который часто бывает в детском коллективе,— это прежде всего полное отсутствие ориентировки, ощущение только себя и своего движения. Нет ощущения окружающего. А настоящий советский гражданин должен всеми своими нервами почти бессознательно ощущать, что кругом происходит. Одно дело, когда ты находишься среди своих друзей. Тогда ты можешь себя вести таким-то образом. Другое дело, когда ты находишься среди новичков-коммунаров, когда ты видишь, что тут есть пацаны, которые только вчера прибыли. Если коммунар видит это, он не скажет того, что не должен услышать такой пацан. Одно дело, когда он видит, что женщина или девочка проходит мимо. Она ему не нужна, но он должен изменить поведение. Если я нахожусь около, он должен и обязан знать и ощущать, что я — центр коллектива — нахожусь близко. Или если это другой педагог, инструктор, инженер, представитель центра, по отношению к каждому человеку должна быть ориентировка.

Это не значит приспособляться и подделываться. Это значит — ощущать, в каком месте коллектива ты находишься и какие твои обязанности по отношению к поведению из этого вытекают.

Мне приходилось видеть, что большей частью воспитанники детских домов и колоний очень несимпатичный тон принимают по отношению к тем, кто к ним приезжает. Они, кто бы ни вошел, начинают жаловаться и на воспитателей, и на завхоза, и друг на друга, не зная, кто я такой. Я добивался, чтобы коммунары с такими жалобами к посторонним лицам не обращались. Самокритика — это одно дело, а «слезливость», способность, как говорят коммунары, «канючить», «пищать» в присутствии кого угодно, это недопустимо.

Очень часто коммунары были недовольны то одним, то другим, то третьим. Об этом они говорили на совете командиров, но никогда не позволяли себе жаловаться и «пищать» в присутствии других лиц, по отношению к которым коллектив являлся целым. Стремление жаловаться — это не самокритика. Это состояние лица, чувствующего себя несчастным в коллективе, это слезливость коллектива и слезливость отдельных лиц. Идея защищенности должна особенно присутствовать в коллективе и украшать его стиль. Она должна быть создана там, где есть гордость коллектива, где есть требование к каждой личности, т. е. где каждая личность чувствует себя защищенной от насилия и самодурства, от издевательства.

И эта защищенность вытекает из опыта. Я добился, что самые маленькие, самые нежные мальчики и девочки 10—12 лет не чувствовали себя младшими членами коллектива. В работе — да, в деле — да, но в самочувствии, в уверенности в себе они чувствовали себя прекрасно защищенными, так как они чувствовали, что никто не сможет их обидеть, так как каждый обиженный будет защищен не только своим отрядом, бригадой, мною, а более того — первым встречным товарищем.

Очевидно, что такая идея защищенности все же сама не придет, ее тоже надо создавать и над ней работать. Создавая в этом стиле постоянный мажор, способность к движению, энергии, к действию, надо одновременно создавать и способность к торможению. Как раз это то, что сравнительно редко удается обычному воспитателю. Тормозить себя—это очень трудное дело, особенно в детстве, оно не приходит от простой биологии, оно может быть только воспитано И если воспитатель не позаботился о воспитании торможения, то оно не получается. Тормозить себя нужно на каждом шагу, и это должно превратиться в привычку. И коммунары прекрасно знают, что человек без тормоза — это испорченная машина. Это торможение выражается в каждом физическом и психическом движении, в особенности оно проявляется в спорах и ссорах. Как часто ссорятся дети потому, что у них нет способности торможения.

Воспитать привычку уступить товарищу — это очень трудное дело. Я добился этой уступчивости исключительно из соображений коллективной пользы Я добился того, что раньше, чем дети перессорятся,— стоп, тормоз, и уже ссора не происходит. Поэтому я добился того, что в коммуне, по целым месяцам не было ссор между товарищами, а тем более драк, сплетен, интриг друг против друга. И я добился этого не упором на то, кто прав, кто виноват, а исключительно умением тормозить себя.

Каждый из вас понимает прекрасно, каких случаев жизни это касается и к чему это может привести. Конечно, все эти признаки стиля, его особенности воспитываются во всех решительно отделах жизни коллектива, но они воспитываются и в правилах и нормах внешнего поведения — то, над чем многие смеялись, рассматривая мою работу, и не могли помириться, это внешние нормы поведения.

Я до сих пор считаю чрезвычайно важным условием то, что коммунар не должен держаться за перила лестницы, не должен прислоняться к стене, вот так со мной и другими разговаривать (показывает), то, что он всегда должен надеяться на свою талию, и для этого она крепко стянута у него ремнем; то, что он мне, командиру, обязан на всякое приказание ответить: «Есть», и пока он этого не сказал, считается, что он не понял приказания.

Все это имеет очень большое значение. Так у нас было принято. Сегодня Землянский назначен командиром домашних работ. И он говорит.

— Николай, пойди принеси мне бумагу и карандаш.

И если тот побежал, он скажет:

— Ты как идешь?

— Есть, принести бумагу!

Эта внешняя подтянутость, чувство формы, оно определяет и внутреннее содержание поведения. Тот же Землянский и Николаи могли потом целый день играть в лапту, в футбол, но здесь он командир над своим товарищем. И должна быть определенная внешняя форма их отношений.

И если я накладываю взыскание, я не считаю, что его приняли, если мне не скажут:

— Есть!

Эта установленная форма вежливости в деловых отношениях чрезвычайно полезна, она мобилизует волю, она заставляет человека себя чувствовать собранным, она подчеркивает тип деловых отношений, она учит человека различать: это дружба, это соседство, это любовь, это приятельство, а вот это — дела. И это вызывает особое уважение к делу.

Я считаю, что, может быть, без этого можно обойтись, конечно, но это наиболее экономная форма делового воспитания, внешняя форма деловых отношений. А внешняя форма часто определяет и самую сущность.

Потом в коммуне это сделалось настолько повседневным, естественным совершенно явлением, что иначе и быть не могло. У самых маленьких пацанов рефлекс салюта так точно выработался, что никто никогда в конце концов не сказал бы: это вы шутите, играете,— а как только он становится в деловые отношения, у него это естественно вытекает, этот рефлекс делового отношения.

Мальчик играет на площадке, увлечен, разгорячен. И случайно, проскальзывая мимо своего дежурного командира, слышит какое-то небольшое распоряжение. Он обязательно сразу вытянется. И я считаю, что это очень важно и полезно.

Вот эти нормы внешнего поведения не имеют смысла, если нет и не воспитывается общий определенный стиль. И там, где захотели бы ввести такую внешность, не воспитывая ни способности ориентироваться, ни способности торможения, ни ответственности, ни четкости в работе, ни единоначальной ответственности, ни идеи защищенности,— там, конечно,

такой внешней формы не будет, иначе говоря, она будет работать впустую. И только там, где есть общий стиль, стиль, построенный на постоянном коллективном движении и содержании, там, конечно, форма внешней вежливости, может быть, несколько напоминающая военизацию, но в общем не выходящая даже за принцип пионерского движения, там она необходима, полезна и чрезвычайно украшает коллектив. А украшая коллектив, она уже производит повторное, обратное действие, она уже делает коллектив притягательным и с эстетической стороны.

Я не представляю себе коллектива, в котором ребенку хотелось бы жить, которым он гордился бы, не представляю себе такого коллектива некрасивым с внешней стороны. Нельзя пренебрегать эстетическими сторонами жизни. А как раз мы, педагоги, очень часто страдаем некоторым нигилизмом по отношению к эстетике.

Эстетика костюма, комнаты, лестницы, станка имеет нисколько не меньшее значение, чем эстетика поведения. А что такое эстетика поведения? Это именно поведение оформленное, получившее какую-то форму. Форма сама является признаком более высокой культуры.

Поэтому здесь еще один отдел забот: приходя к эстетике как к результату стиля, как показателю стиля, мы эту эстетику потом начинаем рассматривать и как фактор, сам по себе воспитывающий.

Я не могу вам перечислить всех норм красивой жизни, но эта красивая жизнь должна быть обязательной. И красивая жизнь детей — это не то, что красивая жизнь взрослых. Дети имеют свой тип эмоциональности, свою степень выразительности духовных движений. И красота в детском коллективе не вполне может повторять красоту коллектива взрослых

Вот хотя бы игра. Игра обязательно должна присутствовать в детском коллективе. Детский коллектив неиграющий не будет настоящим детским коллективом. Игра должна заключаться не только в том, что мальчик бегает по площадке и играет в футбол, а в том, что каждую минуту своей жизни он немного играет, он приближается к какой-то лишь ступеньке воображения, фантазии, он что-то из себя немного изображает, он чем-то более высоким себя чувствует, играя. Воображение развивается только в коллективе, обязательно играющем. И я, как педагог, должен с ним немножко играть. Если я буду только приучать, требовать, настаивать, я буду посторонней силой, может быть, полезной, но не близкой. Я должен обязательно немного играть, и я этого требовал от всех своих коллег.

Конечно, разговаривая сейчас с вами, я совсем иной человек, но когда я с ребятами, я должен добавить немного этого мажора, и остроумия, и улыбки, не какой-нибудь подыгрывающей улыбки, но приветливой улыбки, достаточно наполненной воображением. Я должен быть таким членом коллектива, который не только довлел бы над коллективом, но который также радовал коллектив. Я должен быть эстетически выразителен, поэтому я ни разу не вышел с непочищенными сапогами или без пояса. Я тоже должен иметь какой-то блеск, по силе и возможности, конечно. Я тоже должен быть таким же радостным, как коллектив. Я никогда не позволял себе иметь печальную физиономию, грустное лицо. Даже если у меня были неприятности, если я болен, я должен уметь не выкладывать всего этого перед детьми.

С другой стороны, я должен уметь разразиться. В прошлом году я читал в вашем педагогическом журнале, каким тоном надо разговаривать с воспитанниками. Там сказано: педагог должен разговаривать с воспитанниками ровным голосом. С какой стати? Почему ровным голосом? Я считаю, что это такой нудный получится педагог, что его просто все возненавидят. Нет, я считаю, что педагог должен быть весел, бодр, а когда не то делается, должен и прикрикнуть, чтобы чувствовали, что если я сердит, так сердит по-настоящему, а не так что — не то сердится, не то педагогическую мораль разводит.

Это требование относится ко всем педагогическим работникам. Я без жалости увольнял прекрасных педагогических работников только потому, что постоянно такую грусть они разводили. Взрослый человек в детском коллективе должен уметь тормозить, скрывать свои неприятности.

Коллектив надо украшать и внешним образом. Поэтому я даже тогда, когда коллектив наш был очень беден, первым долгом всегда строил оранжерею, и не как-нибудь, а с расчетом на гектар цветов, как бы дорого это ни стоило. И обязательно розы, не какие-нибудь дрянные цветочки, а хризантемы, розы. И я, и мои ребята кохались * в этих цветах до предела. У нас был действительно гектар цветов, и не каких-нибудь, а настоящих. Не только в спальнях, столовых, классах, кабинетах стояли цветы, но даже на лестницах. Мы делали из жести специальные корзинки и все бордюры лестницы уставляли цветами. Это очень важно. Причем каждый отряд вовсе не получал цветы по какому-нибудь наряду, а просто — завял цветок, он идет в оранжерею и берет себе следующий горшок или два.

Вот эти цветы, костюмы, чистота комнат, чистота обуви — это должно быть в детском коллективе. Ботинки должны быть всегда почищены, без этого какое может быть воспитание? Не только зубы, но и ботинки. На костюме не должно быть никакой пыли. И требование прически. Пожалуйста, носи какую угодно прическу, но прическа должна быть действительно прической. Поэтому раз в месяц ДЧСК брал машинку и шел по спальням. Чуть не причесан — провел машинкой, иди в парикмахерскую. Поэтому всегда все ходили причесанные.

Вот это требование чистоты должно очень строго проводиться. Через полгода после того, как я оставил коммуну им. Дзержинского, я приехал туда с ревизией из Киева. Конечно, все выбежали, пожимали мне руки, было милое отношение и т. д. Я пошел по спальням. Вижу, что-то не то. пыль, там носовой платок валяется у самого лучшего моего командира Яновского, открыл шкаф — оттуда целую кучу грязи можно вывезти. Я тут ровным голосом ничего не говорил, а настоящим голосом сказал: «Десять часов ареста, а больше я никуда не иду, завтра утром буду принимать уборку сам». И вот они присылают за мной в половине пятого машину в Харьков, и когда я приехал, я не мог найти ни пылинки. Я спрашиваю: «Когда же вы успели?» Говорят: «Спать не ложились». Я же понимаю, что у меня требования такие, а у другого требования другие. Чуть уменьшил требования — нет тона, нет стиля. Все это надо помнить.

---

* Кохались — любовно заботились.

в классе во время урока ДЧСК прежде всего обращается к учителю: «Вы довольны чистотой в нашем классе?»

Вот положение учителя —скажет: «Доволен»,— а ДЧСК найдет тысячу недостатков. Учитель доволен, а там грязь, у того ногти не стрижены, парта изрезана. Так что поневоле каждый учитель требовал в классе чистоты.

Я не допускал к уроку учителя, неряшливо одетого. Поэтому у нас вошло в обыкновение ходить на работу в лучшем костюме. И я сам выходил на работу в лучшем своем костюме, который у меня был. Так что все наши педагоги, инженер и архитектор ходили франтами.

Все это очень важно. Вот стол. Можно положить клеенку — хорошо, гигиенично, можно что угодно положить, а потом вымыл, и чисто. Нет, только белая скатерть, только белая скатерть может научить есть аккуратно, а клеенка — развращение. Скатерть в первые дни всегда будет грязная, вся в пятнах, а через полгода она станет чистая. Невозможно воспитать умение аккуратно есть, если вы не дадите белой скатерти.

Так что серьезные требования надо предъявлять ко всякому пустяку, на каждом шагу — к учебнику, к ручке, к карандашу. Объеденный карандаш — что это такое? Карандаш должен быть очинен прекрасно. Что такое заржавевшее перо, которое не пишет, что такое муха в чернильнице и т д.? Ко всем педагогическим устремлениям, которые у вас есть, прибавьте миллиарды этих мелочей. Конечно, одиночка за ними не уследит, а когда коллектив за этим следит и знает цену этим мелочам, с этим вполне можно справиться.

В дверях стоит человек с винтовкой. Он стоит в парадном костюме. Он должен следить, чтобы каждый вытирал ноги. Все равно — сухо на дворе или грязно — ни один человек не может войти в комнату, не вытерев ноги И этот коммунар, который следит за этим, стоя на часах, прекрасно понимает, почему он должен следить,— потому что он каждый день вытирает пыль, а если вытирать ноги, пыли не будет в коммуне совсем. Поэтому напоминать коммунарам об этом не приходится. А посторонние часто удивляются:

— Зачем мне вытирать ноги, я прошел по чистому тротуару.

И мальчик должен ему объяснить.

«Да, но вы приносите нам два грамма пыли».

Или такая мелочь, как носовой платок. Как это не дать человеку чистого платка и не менять его каждый день! Я видел детские дома, где носовые платки меняют раз в месяц, т. е. специально приучают человека вытирать нос грязной тряпкой. А ведь это же пустяк, это стоит гроши.

Плевательница. Казалось бы, какое достижение санитарии — в каждом углу поставить плевательницы. Для чего люди должны ходить и плевать? Ребята так и говорят:

— Ты хочешь плевать? В больницу ложись, ты болен, ты заболел какой-то верблюжьей болезнью, а здоровый человек никогда не плюется.

— Я курю

— Какой же ты курильщик, бросай курить, хороший курильщик никогда не плюет.

И если человек продолжает плевать, его тащили к врачу.

— Что такое? Плюет и плюет.

И врач обычно помогал, убеждал, что это лишь рефлекс.

А я видел детские дома, где стоят плевательницы. И они обозначают только то место, которое можно заплевать. И вся стена около действительно заплевана.

Вот таких мелочей в жизни коллектива очень много, из них и составляется та эстетика поведения, которая должна быть в коллективе. Мальчик, который не плюет, который не вычищает нос при помощи двух пальцев,— это уже воспитанный мальчик. И эти принципиальные мелочи должны быть не только доведены до конца, но должны быть строго продуманы и сгармонированы с какими-то общими принципами. Сюда относятся многие мелочи, которые нельзя здесь перечислить, но все они могут исполняться красиво, здорово и в связи с общим движением коллектива

На этом я заканчиваю. Я считаю, что то, что делал я и мои сотрудники, это делалось очень многими людьми в Советском Союзе. Я от них отличаюсь только тем, что я чувствую потребность требовать этого от всех, т. е. чувствую потребность проповедовать вот такие обычные положения, не мои личные положения, а имеющиеся у очень многих педагогов Советского Союза.

Я чувствую также потребность их систематизировать. Я сам наблюдал очень красивый опыт во многих наших школах, у нас есть прекрасные коллективы, очень хорошо организованные, с центром, со стилем, с красотой. Я думаю, что этот опыт требует систематизации. Жалко, если этот опыт, большой советский педагогический двадцатилетний опыт, будет потерян. Только поэтому я и считаю себя обязанным как можно больше писать. Причем я очень часто, может быть, путаю, ошибаюсь Но это дело надо двигать, дело пропаганды советского педагогического опыта.

Я считаю, что в особенности ваша обязанность, деятелей Наркомпроса, принять какие-то меры по подытоживанию этого опыта и пропаганде лучших педагогических советских учреждений.

НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Первого сентября мы начинаем 21-й советский учебный год. Раньше, чем кто-нибудь другой в Союзе, мы, педагоги, можем подвести итоги нашей двадцатилетней работы.

Вместе со всем советским народом учительство за истекшие два десятка лет прошло боевой путь. От старого мира мы получили жалкое наследие — и материальное и духовное. Ни в какой другой области не было такого «чистого» места, как в области педагогической организации и работы. Буржуазное наследие в большей своей части оказалось вредным. До самых последних лет его удушливые газы отравляли воздух, а мы не всегда умели разобрать, чем пахнет. Наше дело — одно из самых тонких и нежных человеческих дел, и здесь легче всего прививаются бактерии враждебных и чуждых влияний.

Обидно теперь вспоминать, какие искренние и горячие наши взлеты, какие высокие педагогические мечты были отравлены сначала убийственным формализмом «комплекса»[1], потом «лабораторно-бригадным мето-

дом»[2]. Обидно вспомнить потому, что ведь не так много нужно было с нашей стороны бдительности и чувства ответственности, чтобы разглядеть истинное лицо этих «методов». Точно так же можно было почувствовать фальшивое ханжество «свободного» воспитания и знахарскую возню педологии. То, что мы так долго терпели рядом со своей героической работой эту шарлатанскую, беспринципную, чуждую галиматью, указывает на главное «препятствие» из всех тех, которые мешали нашей работе. Это препятствие — в нас самих. Мы очень медленно освобождались от интеллигентской бесхарактерности, от непротивленчества, от боязни самокритики. Долгое время у нас не было настоящего, зоркого, большевистского глаза, обходились мы все тем же мирным прекраснодушием и бесхребетной уступчивостью. Мы терпели нахальство разных псевдоученых и трусливо встречали каждое живое, настоящее педагогическое слово. Мы малодушно смотрели, как педологи на наших глазах душили свежие, самые нежные ростки нашего дела.

Не менее сильные препятствия мы должны были преодолеть и в материальной обстановке нашей работы. Школьные здания были запущены Наново пришлось создавать весь строй учебников — тот строй, который обыкновенно создается и проверяется десятилетиями. И в этом деле наши усилия регулярно отравлялись все теми же болтающими, безответственными лжеучеными, все той же средой дешевых фокусников. Из года в год мы переживали тетрадный голод· ведь в старой Росии даже сравнительно ничтожное количество школ вынуждено было прокармливаться бумагой, привозимой из-за границы. В нашем развороте всеобщего образования пришлось с самого первого дня революции считаться с нищенской бумажной промышленностью, полученной от старой России.

Страдали мы и от недостатка учительских кадров. Учителя составляли одну из самых многочисленных и самых демократических прослоек дореволюционной интеллигенции. Совершенно естественно, что во время грандиозной борьбы с контрреволюцией и при стройке новой, Советской страны, когда сразу потребовалась большая мобилизация интеллигентских сил, значительная часть учительства ушла в другие области работы. Некоторая часть учительства из средней школы просто отпала как враждебно настроенная. Пришлось почти наново создавать учительские кадры для широко развернувшейся, действительно народной всеобщей школы.

И, несмотря на все эти препятствия, мы заканчиваем наш двадцатилетний путь с грандиозными достижениями в сознании исполненного долга. Конечно, мы еще не раз задумаемся над путями улучшения нашего дела. Но сейчас мы с гордостью говорим: наше дело не отстало от общего движения страны.

Партия создала учительские кадры социалистической страны. Они работают преданно и самоотверженно и последовательно идут за Коммунистической партией. Советская учительская армия таит в себе богатейшие силы и возможности.

Мы успеваем удовлетворить колоссальные потребности счастливой советской молодежи в высшем образовании. У нас невиданный в мире размах в строительстве высших школ, разветвленных на множество отраслей, в большинстве новых.

Мы реально проводим программу всеобщего обучения детей и взрослых. В истории не было примера, чтобы в такое короткое время страна, потрясенная войной империалистической и войной гражданской, окруженная со всех сторон врагами, пришла от колоссальной безграмотности и темноты к почти поголовной грамотности.

Создавая советскую школу в тяжелой идеологической борьбе и среди материальных трудностей, мы сумели развить до невиданных пределов гуманистические, высокочеловеческие принципы воспитания. Мы не уступили ни разболтанному, анархическому «свободному» индивидуализму, ни формалистическим соблазнам внешней муштровки. Мы сохранили настоящую, глубокую любовь к нашим детям. Социалистическая страна создала для них действительно счастливое детство, свободное в своем развитии и единое в преданности социалистической революции.

Мы можем, наконец, гордиться и материальными достижениями в деле народного образования и коммунистического воспитания. Благодаря особой заботе партии и правительства наша работа в подавляющей части проходит теперь в новых, светлых, приспособленных и уютных школьных зданиях. Ученики обеспечены учебниками и пособиями. Учителя Советской страны относятся к категории высокооплачиваемых работников, составляя в этом отношении завидное исключение среди мирового учительства.

Мы гордимся нашими успехами и участием в социалистическом строительстве. И именно эта гордость не позволяет нам сказать, что все уже сделано, что теперь остается только добросовестно следить, чтобы не снизилось качество работы. Нет, впереди еще много дела! Еще много нужно построить зданий, богаче нужно обеспечить школу всем необходимым, настойчиво воспитывать учительские кадры. Необходимо максимально поднять успеваемость наших учеников, решительно устранить основания для жалоб вузов на слабую подготовку выпускников средней школы.

Но самый отсталый наш участок — воспитательная работа школы. Тут требуется от нас настойчивое и длительное напряжение. Надо до конца освободиться от привычек педологии. Надо по-настоящему обратить педагогику в активную, целеустремленную, политическую науку. Учитель должен обладать необходимой смелостью и для того, чтобы более действенно ковать молодые большевистские характеры, и для того, чтобы не привыкать к шаблонам, чтобы с большей отвагой и ответственностью искать лучших методов влияния, не отказываясь от изобретательности.

В методике воспитательной работы есть еще много нерешенного. Не оформился по-настоящему ученический коллектив: не найдены еще в нем гармонические линии свободы и дисциплины. Не установился общий стиль и тон нашего педагогического коллектива.

Нельзя сомневаться в том, что стоящие перед советской педагогикой ответственные и трудные задачи она решит с таким же успехом, глубиной и блеском, с каким разрешены другие задачи советской жизни. Залог тому — советский патриотизм учительства и замечательные условия нашей социалистической страны.

ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ

Обычно, если какой-нибудь школьник огорчит семью, учителей, а то и органы милиции каким-либо неблаговидным поступком, начинаются неизменные пререкания:

— Ну конечно, комсомол плохо помогает школе.

— А пионерская организация? Не умеет работать...

— Позвольте, а чем занимается директор? Он ведь только старший завхоз. Хозяйственные заботы — финансы, отопление, ремонт — целиком поглощают его день. Кто же отвечает за дисциплину?

— Родители тоже хороши! Ничем не помогают.

— Помилуйте, а педагоги разве помогают? Уткнулись носом в тетрадки и совершенно не занимаются воспитанием.

Необходимо, однако, реабилитировать советскую школу, освободить ее от совершенно незаслуженных обвинений в немощи.

Без всякого преувеличения можно сказать, что вопросы воспитания всплывают обычно на поверхность только при каких-нибудь досадных происшествиях, когда на «помощь» привлекается Уголовный кодекс. Если же происшествий нет — школьник не сорвался с подножки трамвая под колеса, стрелок из рогатки не вышиб глаз товарищу,— о проблемах воспитания не вспоминают. Ни один раздел школьной педагогики так слабо не разработан, как методика нормальной воспитательной работы. Теоретики видят в воспитательных мероприятиях лишь подсобное вспомогательное средство к повышению успеваемости — и только.

Практики-педагоги теряются среди множества эмпирических приемов, не связанных в стройную воспитательную систему. Лучшие наши учителя знают чрезвычайно ценные приемы воспитания воли, выработки внутреннего кодекса поведения советского ребенка, предлагают в этой области своеобразные изобретения, интересные начинания. Но такое опытничество слабо поощряется органами народного образования и крайне слабо изучается.

Неопределенность воспитательного процесса в школе, распыленность педагогических сил, боязнь смелого почина снижают эффективность труда даже талантливых учителей. Тем хуже дела у тех классных руководителей,— а их у нас сотни тысяч,— которые, не обладая выдающимся педагогическим мастерством, работая в одиночку, не находят нужной линии, не овладевают своими воспитанниками. А неповоротливые молчальники-теоретики, с постной миной «изживающие» педологические ошибки, покаянно выгребающие псевдонаучный мусор из педагогической литературы, до сих пор не оплодотворили школьную практику положительными мыслями, несмотря на то что общие педагогические идеи марксизма-ленинизма, высказывания Ленина дают в области воспитания совершенно ясную установку и открывают большой простор педагогическому творчеству. Учителям до сих пор не помогли понять, что нормальная работа школы немыслима без сплоченного педагогического коллектива, придерживающегося единой методики и коллективно отвечающего не только за «свой» класс, а за всю школу в целом.

Наша школьная сеть, которой вправе гордится страна, представляет собой в педагогическом секторе распыленную массу одиночек-учителей и в ученическом — массу разрозненных классов, лишь механически связанных соседством в общем школьном здании. Школы как единого коллектива, как целостного учреждения не знают у нас ни педагоги, ни дети, ни семья, ни советская общественность. И именно в этом таится корень многих бед.

Если, например, ребенок учится в московской школе № 575, то этот астрономический номер без индивидуального названия не рождает в нем никаких эмоций. Учащийся теряется в огромной толпе сверстников (ведь вместе с ним в школе часто учится до двух тысяч детей). Ученик знает только свой класс. Между классным коллективом и советским обществом нет связующего звена — более широкого коллектива, нет самой школы как единого общественного организма.

Педагогическая теория, размениваясь на мелочи, не удосужилась заняться этим кардинальным вопросом. Между тем совершенно очевидно, что каждый ученик должен жить не только интересами своего маленького классного кружка, а должен воодушевляться общими школьными целями, переживать общие школьные радости.

Как правило, коллектив учащихся школы не должен превышать тысячи. Школы-гиганты следовало бы разукрупнить, чтобы каждая имела свое лицо, чтобы дети были знакомы друг с другом, чтобы учителя узнавали в коридоре тех, кого они воспитывают, чтобы весь школьный коллектив дружески общался на школьных праздниках, на литературно-художественных вечерах, в кружках, чтобы крепли дружба и уважение друг к другу в совместной творческой работе всего коллектива. Только создав единый школьный коллектив, можно разбудить в детском сознании могущественную силу общественного мнения как регулирующего и дисциплинирующего воспитательного фактора.

Индивидуальный подход к детям не означает возню с уединенной капризничающей личностью. Под флагом индивидуального подхода не следует протаскивать мещанское индивидуалистическое воспитание. Беспомощен тот педагог, который потворствует недостаткам ученика, слепо следует его капризу, подыгрывается и сюсюкает вместо того, чтобы воспитывать и переделывать его характер. Надо уметь предъявлять бескомпромиссные требования к личности ребенка, имеющего определенные обязанности перед обществом и отвечающего за свои поступки. Индивидуальный подход к ребенку в том и заключается, чтобы применительно к его индивидуальным особенностям сделать его преданным и достойным членом своего коллектива, гражданином Советского государства.

Вздыхая по хорошей дисциплине, у нас боятся процесса дисциплинирования. По сути дела, мы недалеко ушли от веры в пресловутую самодисциплину. Школа должна с первого же дня предъявлять к ученику твердые, непререкаемые требования советского общества, вооружать ребенка нормами поведения, чтобы он знал, что можно и чего нельзя, что похвально и что наказуемо.

Контроль общественного мнения большого авторитетного и любимого школьного коллектива закаляет характер ученика, воспитывает волю, прививает общественно полезные навыки личного поведения, гордость за школу и за себя как члена этого славного содружества. И тогда ребенок

ведет себя не в зависимости от внешней обстановки,— в обществе хороших ребят он хорош, а среди драчунов и сам хулиган,— он знает, как себя вести: за что его одобрит уважаемый им коллектив и за что осудит. Так рождается в ребенке твердость, несгибаемость закаленного характера, так воспитывается чувство гражданской чести, долга, сознание обязанности по отношению к другим людям.

Сила общественного мнения в детском коллективе — совершенно материальный реально осязаемый фактор воспитания. Когда я руководил коммуной НКВД, то не побоялся, например, послать пятьдесят воспитанников — бывших воришек и беспризорников — на праздник открытия Краматорского завода. Я знал, что они не уронят достоинства коммуны, оказавшей им доверие и честь. Наши коммунары приняли за правило в трамвае не садиться, потому что всегда найдется в вагоне человек, которому следует уступить место. И каждый коммунар просто провалился бы от стыда сквозь землю, если бы его уличили в том, что он нарушил этот пункт этической заповеди коммуны — вежливость к старшим, помощь слабым.

Только отсутствием в школе организованного общественного мнения можно объяснить беспомощность воспитателей, позорящих себя подобными, например, характеристиками непослушных питомцев:

«Мешает, сорит, бьет стекла, выражается, мажет краской лица товарищам, своим хулиганским поведением разлагает не только учащихся, но и учащих...»

Такие аттестации звучат клеветнически. Школьник, изображенный драматическим злодеем, разлагает даже учителей.

Воспитатели, по существу, пишут приговор себе, расписываясь в своей никчемности. А теоретическая педагогика не осмеливается разработать проблему взаимодействия в школьном обиходе воспитательных мер и репрессий, имеющих при должном применении не менее воспитательное значение.

Странная вещь, педагоги боятся даже самого слова «наказание». У нас в школе не знают даже выговора. Маниловы от педагогики мечтают о таком идеальном положении: вот хорошо бы было, если бы дисциплину поднять и никаких мер воздействия для этого не требовалось!

Подобный ложный гуманизм считается до сих пор у теоретиков хорошим тоном. А школе это беспринципное сюсюканье наносит большой вред. Страх педагогов перед наказанием истекает из боязни возродить нравы старой школы. Но кто сказал, что разумно применяемое разумное наказание грозит нам ужасами царской школы? Ведь у нас нет социальной пропасти, антагонизма между учителями и учениками, между школьниками и школьным начальством. Если в старой школе наказание превращалось в насилие и не разрешало конфликта, а только усиливало его, загоняя язвы внутрь, то у нас система наказаний, по характеру своему отличная от жестокого и унизительного оскорбления человеческого достоинства школьника, несомненно, сыграет положительную воспитательную роль.

Разумная система взысканий не только законна, но и необходима. Она помогает оформиться крепкому человеческому характеру, воспитывает чувство ответственности, тренирует волю, человеческое достоинство, умение сопротивляться соблазнам и преодолевать их.

Активизация общественных начал школьного коллектива и сочетание воспитательных мер и системы взысканий требуют обязательного усиления воспитательного центра в школе. Таким центром может быть только директор, как самое ответственное в школе лицо, как уполномоченный государством руководитель. Наши директора непомерно много уделяют внимания хозяйству, а между тем директор должен прежде всего быть единоличным и абсолютно правомочным воспитателем школы. Все остальные школьные работники должны действовать под его непосредственным руководством и по его прямым указаниям.

Но педагогическое мастерство директора школы не может заключаться в простом администрировании. Мастерство в том именно и состоит, чтобы, сохраняя строгое соподчинение, ответственность, дать широкий простор общественным силам школы, общественному мнению, педагогическому коллективу, школьной печати, инициативе отдельных лиц и развернутой системе школьного самоуправления.

Имеющиеся сейчас — и то лишь в старших классах — старостаты не могут обеспечить действенного участия школьников в организации школьного быта. Между тем самоуправление может сделаться самым эффективным воспитательным средством.

При наличии школьного общественного мнения, общешкольной дисциплины, поддерживаемой общешкольными органами самоуправления, воспитательная работа педагогов существенно облегчается.

Руководство органами школьного самоуправления должно составить главную заботу директора. Нужно отбросить старую педагогическую хмурость, излишнюю «взрослую» серьезность. Это тем легче сделать, что наши пионерские организации давно уже придумали много хорошего, общественно целеустремленного и отвечающего естественной потребности детей украшать жизнь элементами игры, внешними атрибутами парадности — значками, знаменами, музыкой. Для изобретательного воспитателя здесь большое и благодарное поприще.

Наша Родина вправе требовать от советской школы больших усилий к закреплению сознательной дисциплины среди миллионов учащихся.

ВОСПИТАНИЕ ХАРАКТЕРА В ШКОЛЕ

Статья «Проблемы воспитания в советской школе», напечатанная «Правдой» 23 марта в порядке обсуждения, вызвала множество откликов. Письма и статьи продолжают еще поступать. Пишут главным образом родители и учителя, партийные работники, директора школ. Только профессора педагогики, те люди, которые в первую очередь должны интересоваться вопросами воспитания, не прислали ни одного отзыва. Чем можно объяснить это весьма странное молчание, само по себе заслуживающее пристального внимания? Трудно представить себе, чтобы в какой угодно области принципиальные вопросы, поднятые в центральном органе, не вызвали отклика прежде всего со стороны самых высоких специалистов в данной области. Полбеды, если это молчание объясняется презрительным высокомерием ученых-олимпийцев, не желающих проблемы своей науки отдавать на растерзание толпе родителей и учителей. Не

так страшно, если молчание есть результат трусости, непривычки к смелой мысли и к искренности. Но очень печально, если молчат просто потому, что ничего не понимают в вопросе, так далеко отошли от жизни, что она уже перестала быть областью, доступной их разумению. Последнее допущение, между прочим, очень вероятно. Не отозвалась на статью и «Учительская газета». О причинах тоже гадать не будем, но вот что пишет об «Учительской газете» преподаватель химии в средней школе № 40 в г. Иванове тов. Ильин...

«Для Учительской газеты» характерно замалчивание недостатков в школе и описывание однообразных чудес по одному и тому же плану: ученик X. хулиганил, срывал уроки, бил учеников, разрушал имущество, оскорблял учителей. Учительница познакомила его с лейтенантом, когда узнала, что он любит военное дело. Мгновенно ученик превратился в отличника и по успеваемости и по поведению. Бедная редакция. Она и не замечает, что такие сообщения с удовольствием и с раскрытыми ртами могут слушать только незадачливые газетные работники и работники Наркомпроса...»

Нужно порадоваться тому, что люди, для которых дороги судьбы нашей школы и наших детей, откликнулись на статью «Проблемы воспитания в советской школе». В этих откликах нужно прежде всего отметить глубокое понимание воспитательных вопросов, знание нашей школьной действительности и умение в ней разобраться. В тех замечаниях, которые высказывают авторы многочисленных писем, больше здравого смысла и советской мудрости, чем во многих литературных упражнениях педагогических журналов.

Судя по этим письмам, можно прямо утверждать: в нашем обществе нет двух мнений по вопросам школьного воспитания. Все единодушно признают, что нашей школе предоставлены все возможности для отличной работы, что наши дети представляют благодарный материал для педагогов, но что, несмотря на эти счастливые условия, в нашей школе воспитательная работа часто поставлена очень плохо.

Будучи столь единодушны в оценке положения, все авторы согласны с теми требованиями, которые они предъявляют к школьному воспитанию: единый школьный коллектив преподавателей и учеников, разукрупнение школ-гигантов, усиление воспитательного центра, бескомпромиссное требование к ученику, воспитание воли и ответственности, твердый режим и дисциплина, система наказаний, активизирование общественного мнения в школе, большая связь школы с общественной жизнью страны.

В письмах находится очень много ценнейших мыслей по отдельным деталям школьной работы, привести которые полностью в настоящей статье мы не имеем возможности. В частности, некоторые авторы указывают на явные перегибы в деле борьбы за успеваемость. Перегибы эти заключаются в бюрократическом омертвлении идеи соревнования, в увлечении цифровыми результатами и сводками, создающими почву для развития очковтирательства, для глубокого развращения ученика и целых классных групп.

Другие обращают внимание на то, что боязнь педологии иногда принимает нелепую форму: отрицают возможность лени у ребенка, боятся говорить об изучении ребенка, игнорируют действительно средние или

небольшие способности у того или у другого ученика, не допуская даже мысли о том, что в некоторых случаях полезно и необходимо оставить ребенка на второй год.

Эти замечания совершенно справедливы. Никакое дело не требует от работника такой оперативной гибкости, как работа учителя. Какие бы то ни было шаблоны по отношению к отдельному ученику совершенно недопустимы. Это, конечно, вовсе не обозначает, что школа должна обратиться в распыленное собрание «индивидуальных подходов», ничем не объединенных, как это часто наблюдается в настояшее время. Борьба за образцовую советскую школу должна быть борьбой не за шаблонный «неукоснительный метод», а за настоящий советский стиль в нашей школе...

В согласии со всеми многочисленными лицами, отозвавшимися на статью в «Правде», мы утверждаем: полная, последовательная реализация в каждом нашем педагогическом движении, в каждом нашем организационном мероприятии этого программного положения позволит нам поставить нашу школу на высоту, совершенно недосягаемую, в сравнение с которой не может идти никакое буржуазное школьное новаторство. ...Русский революционный размах должен отличать нашу школу от всякой другой. Наше отношение к человеку, великие цели, которые обязана ставить перед собой воспитательная работа, социалистический гуманизм, воспитание активного деятеля социалистического общества, воспитание целых поколений закаленных, преданных революции, радостных и суровых деятелей, разве этого можно достигнуть без революционного размаха?

В воспитательной работе не хватает серьезности, солидности, основательности, прямой, энергичной целеустремленности, логики в деталях. Именно поэтому в свое время в порядке «фантастического сочинительства» была придумана пустая и вредная формула: «Наказание воспитывает раба». И никто не потрудился проверить ее на деле. Рабов воспитывает как раз не наказание, а самодурство, не ограниченная ничем беспардонность, позволяющая у нас некоторым педагогам воспитывать хулиганов [1].

Вопрос о наказании — самый трудный вопрос в представлении многих педагогов. Трудным он кажется потому, что вспоминается старая школа, а нового опыта в области педагогической репрессии мы не знаем...

Надо решительно отбросить, с одной стороны, всякую трусость в вопросе о наказаниях, с другой стороны, всякую попытку в той или иной форме протащить старый стиль царской школы... Стоит заговорить о наказании, как у слушателей дыбом встают волосы, холодеет кровь.

В лучшем случае соглашаются с тем, что наказание уместно в школе, но тут же наговорят столько примечаний, что, в сущности, все остается по-прежнему: наказывать нужно в исключительных случаях, 99 % учеников нельзя наказывать, настолько они хороши, и, наконец, у нас и сейчас есть наказания, например замечание, выговор, вызов родителей.

Последнее утверждение правильно, но иногда в неожиданном смысле. Вот несколько отрывков из писем читателей.

«Вызываются в срочном порядке родители и начинается:

— Ваш сын хулиган, играет в перышки, дергает девочек за косы, придется исключить.

Несчастный родитель уходит домой с зловещим видом.

Через несколько дней:

— Ну, как мой сын?

— Ничего, знаете, притих.

Родитель наклоняется к уху учителя и сообщает о «внушении». Педагог виновато улыбается. Все в порядке» (Л. Блащик, Омск).

«Откровенно говоря, система безнаказанности существует только для нарушителей порядка из среды учеников. Лучшую часть учеников руками отсталых мы без стеснения наказываем слишком грубо (плевки, толчки, оскорбления, создание невозможных условий для нормальных занятий, шум, крики, ругань за уроками), и притом без всякого повода, без всякой вины. Этого не хотят видеть педагогические Маниловы» (В. Ильин, г. Иваново).

«Моя дочь четвертый год из четверти в четверть идет отлично. А в текущем году ее изводят ученики и периодами проявляют «дружеские рукоприкладства», чем я и заинтересовался. Разговаривал с педагогом и зав. учебной частью, которые... заявили мне, что напрасно я беспокоюсь, раз дочь у меня отличница» (Тимохин, станция Янаул Казанской железной дороги).

Другими словами, безнаказанность в школе обязательно обращается в беззащитность части учеников. Неужели это положение составляет такую непосильную мудрость?

А между тем можно составить ряд мер воздействия, которые, впрочем, и представляют собой наказание: замечание наедине, замечание перед классом, замечание перед общим собранием школы, выговор в приказе по школе, лишение школьного билета [2].

Наказание — настолько тонкое дело, что оно не может быть поручено каждому педагогу. Поэтому право наказания должно принадлежать только директору. Разумеется, это очень большая нагрузка, но самая авторитетность такого правила, несомненно, чрезвычайно полезна. Вообще, наказанию должно предшествовать нерепрессивное воздействие — беседа наедине, беседа в присутствии товарищей, требование объяснений на общем собрании, причем общее собрание может ограничиться постановлением — виноват или не виноват товарищ.

Основной принцип, который должен определять всю систему наказаний: как можно больше уважения к человеку, как можно больше требования к нему [3].

Не приходится, конечно, доказывать, что никакая система наказаний не принесет пользы, если не обеспечена правильная организация коллектива — точное взаимоотношение частей, воля директора, общественное мнение, активная работа органов самоуправления, внешкольная работа,— если ученики не гордятся своей школой и не дорожат ее добрым именем. Не в наказании, а именно в этом заключается секрет успеха, но в наказании проявляется стиль самого требования.

Соблюдение всех этих условий только и может дать простор тому содержанию нашей работы, которое называется: деятельное, целеустремленное воспитание характера.

Помочь педагогам по-большевистски заняться становлением характера миллионов советских школьников обязаны наркомпросы, и в первую очередь Наркомат просвещения РСФСР, и ЦК ВЛКСМ, которые все еще очень плохо занимаются вопросами воспитания детей и юношества.

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О ШКОЛЕ И НАШИХ ДЕТЯХ

Я считаю главным недостатком нашей школы вовсе не плохую дисциплину и не плохую успеваемость, а отсутствие определенного тона и стиля, отсутствие традиций и неясность вопроса о нормах. [Плохая] дисциплина и успеваемость являются только результатом этих недостатков.

Старая школа (царская) была очень выдержанна в отношении стиля. В средней школе учительство было крепко организовано как определенная ветвь чиновничества, связано табелью о рангах, движением по службе, ясным положением в обществе и очень твердой системой представлений об ученике, его обязанностях, его перспективах и, конечно, такой же твердой шкалой норм, касающихся ученика, его успеваемости, поведения и пр. Этой определенности соответствовали многие внешние формы и процедуры, начиная, скажем, от ритуала экзаменов и кончая формой классных журналов.

Этой определенности соответствовала такая же определенность детского общества средней школы. Как бы часто теперь ни отмечались многие недостатки старой школы, ее казенный формализм, ее бездушность, это не исключает в общем того обстоятельства, что детское и юношеское общество средней школы находилось всегда в очень точной сфере различных норм, подчинялось этим нормам и приспособилось к ним, хотя часть и вырабатывала своеобразные формы оппозиции. Партия учителей и партия учеников в средней школе часто противостояли друг другу, но даже это противостояние проходило в определенных традиционных формах, т. е. в некоторой степени признавалось как некоторая дополнительная форма, нисколько не разрушающая общую систему.

В начальной старой школе, земской и городской, учительство не было чиновным, здесь не было бездушности и формализма, но и в этой школе работа и жизнь были сильно нормированы.

Наконец, в старое время совершенно определенной была позиция ребенка в семье. Власть родителей не вызывала никаких сомнений и простиралась очень далеко «количественно и качественно». Не только замужество дочери, но и жизненный путь сына находились в значительной мере в сфере отцовской власти. Это не вызывало даже особенных протестов младшего поколения, ибо семья как «первый педагогический коллектив» была почти государственным учреждением, авторитет которого был обеспечен и вековой традицией, и реальными интересами членов семьи.

Дисциплинарное благополучие старой школы и выдержанность ее стиля были тем более возможны, что школа впитывала в себя только верхний слой общества, во всяком случае, настоящие низы там, где не было ни крепкой семьи, ни традиций, ни материальной обеспеченности,

в большинстве случаев не имели никакого отношения к школе и не вливали в нее ничего принципиально отличного.

Советская школа... еще не выработала своего стиля, своих традиций, своего тона. В таком же положении находится и семья. Возвращение к старому стилю невозможно, потому что исчезла старая структура общества, исчезли старые традиции, их никто не может возродить, даже если бы хотели. И поэтому, если в порядке некоторой растерянности мы иногда пытаемся восстановить что-нибудь старое (например, экзамены), у нас получается не то. Мы сами собственными руками на другой же день после первого энергичного решения начинаем вносить уничтожающие решение поправки.

Я не представляю себе, чтобы нашу школу можно было наладить при помощи только общих идей или случайных паллиативов. А сейчас как раз мы этим и занимаемся. Общие идеи до сих пор имеют характер расплывчатый и идут неизвестно откуда: это идеи некоторой «демократии», некоторого отрицания «внешних» мер [воздействия], некоторой излишней веры в «развитие ребенка», некоторой «политехнизации» и т. д.

А рядом с этим некоторые паллиативы, настолько неуверенные, что даже они не доводятся до конца. Эти паллиативы у нас принимают характер закона, не поддержанного характером самого школьного общества. Например, был издан закон, что за хулиганство в школе нужно увольнять без права поступления в другую школу[1]. Едва ли этот закон был применен где-нибудь, потому что наша школа просто не способна его применить. В нашей школе нет фундамента для такой репрессии.

Наша школа должна быть построена на фундаменте, отличном от фундамента старой школы. Там фундаментом было чиновное учительство и авторитарная семья. Нашим фундаментом должны быть педагогические коллективы, коллективы учеников и новая семья, которая тоже должна принять форму трудового коллектива. Ни того, ни другого, ни третьего у нас пока что нет, и их нужно создать...

Что нужно делать с педагогами? Я бы считал необходимым следующее:

а) В каждой школе должен складываться коллектив педагогов. Для этого необходимо решительное запрещение для учителя работать больше, чем в одной школе. Кроме того, нужны специальные меры, чтобы работа учителя в данной школе была как можно более длительной. Увольнение учителя или перевод его в другую школу должны быть затруднены.

б) В школе не должно быть слишком много учителей, т. е. не должно быть учителей, имеющих два-три урока в неделю. В самих педагогических вузах дело должно быть так поставлено, чтобы из них выходили преподаватели определенных циклов в средней или неполной средней школе. Каждый цикл предметов должен составлять в практике школы совершенно определенную норму нагрузки на одного преподавателя. Эта норма классной нагрузки плюс определенный объем собственно воспитательной работы в ученическом коллективе и должны составить среднюю рабочую долю для каждого учителя. Уклонения от нее в сторону уменьшения или увеличения должны быть очень незначительны и даже не отражаться на жалованье.

в) Жалованье учителя не должно исчисляться почасно. Каждый учитель в зависимости от своего образования и типа школы, в которой он работает, должен получать определенную ставку, удовлетворяющую не только его материальные, но и культурные потребности.

г) Так как для учителя очень сокращены возможности какой бы то ни было карьеры, движения по службе, повышения и т. д., то необходимо разработать систему пятилетних или трехлетних прибавок с таким расчетом, чтобы учитель, проработавший, скажем, 15—20 лет в одной школе, получал жалованье, превышающее жалованье новичка раза в три.

д) Наряду с этим необходимо разработать систему иных поощрений, отмечая работу лучших учителей при помощи присвоения им различных званий («старший учитель», «заслуженный учитель», «народный учитель»); конечно, это нужно хорошо обдумать.

е) Очень желательно, чтобы большинство учителей данной школы имели квартиры при самой школе. У нас сейчас очень часто школы помещаются в жилых дворах, но там живут не учителя, а посторонние. Учительский коллектив, живущий при школе, сильно содействовал бы и «коллективизации» учеников при помощи вечерних работ, устройства игр и вечеров, праздников и просто живого общения.

ж) Необходимо пересмотреть программы педагогических вузов и техникумов как со стороны подготовки к преподаванию, так и со стороны специальной подготовки к воспитательной работе учителя.

Эту последнюю нужно организовать в двух направлениях:

а) Необходимо, чтобы из педагогических вузов выходили люди более широко образованные независимо от избираемого для преподавания цикла предметов. Программа такого широкого образования должна быть построена параллельно всей сумме вопросов нашего строительства. Выпускники вузов должны знать, как строится производство, какие богатства и перспективы в нашей стране. Они должны знать, как добывается нефть и что получается из нефти. Что такое апатит, должны знать историю Арктики, особенности Сибири, Кавказа, вообще они должны знать все, что может помочь их воспитанникам избрать себе путь и специальность.

б) Во время пребывания в вузе студенты должны получить не только специальное образование, но и специальное воспитание, они должны быть организованны, подтянуты, воспитать волю и сдержанность, получить физкультурную подготовку, вообще они должны быть культурны во всех отношениях, вежливы, чистоплотны, знакомы с литературой, искусством, музыкой.

в) Особенным вопросом в педвузах должен стоять вопрос о семье, структуре семьи, методике воспитания в семье и о средствах педагогической помощи семье.

Ученики должны быть организованы в коллектив, иметь органы самоуправления, построенные не по принципу «демократии», а по принципу уполномочия и единоначалия с усилением элементов. хозяйственной заботы, личной и коллективной ответственности за успех, дисциплинарных и бытовых активных действий.

Школьный коллектив должен накоплять традиции, внутренние нормы [жизни и деятельности], может быть, даже отличающие данную школу от другой.

Желательно в школе ввести некоторые внешние формы [организации] полувоенного типа: строй, оркестр, салют, некоторые обязательные формы выражения вежливости.

Все школьное общество должно быть мобилизовано на выработку норм поведения и на наблюдение за выполнением этих норм. Старшие ученики должны получить некоторую власть над младшими.

Школьный коллектив должен иметь право контролировать семью со стороны ее воспитательной деятельности, помогать семье методическим советом, прямой воспитательной помощью отдельным лицам... Школа должна иметь право репрессий по отношению к семье, не выполняющей своих воспитательных функций. Это право должно принадлежать не милиции, а именно школе.

Для этого необходимо подчеркнуть территориальное прикрепление определенных частей города к той или иной школе. Нужно уничтожить право родителей выбирать школу, тем более уничтожить погоню их за «лучшей» школой. Все школы должны быть лучшими, и родительское общество должно за это бороться.

Помощь семье должна быть оказана в самых разнообразных формах, а именно:

а) выпуском специальной литературы,

б) краткосрочными обязательными курсами для родителей,

в) материальной помощью «на воспитание»,

г) постоянным наблюдением,

д) мерами воздействия и поощрениями,

е) организацией родителей по большим домам, по квартирам, их инструктированием, постоянной работой (система дежурств) и ответственностью.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СВОБОДНОЙ МАСТЕРСКОЙ

В составе производственной части трудовой коммуны им Ф. Э. Дзержинского состоит сапожная мастерская. Когда строилась и организовывалась трудкоммуна, мы только с трудом могли представить себе реальные условия работы в ней, ибо мы привыкли к другой обстановке работы. После месячного функционирования трудкоммуны оказалось:

1. Сапожная мастерская в ряду других мастерских коммуны оказывается слишком непривлекательной для воспитанников, слишком кустарной по сравнению с серьезно поставленными, электрифицированными деревообделочной и слесарно-механической мастерскими. Коммунары 1-го отряда (сапожники) представляются поэтому поставленными в слишком узкие производственные условия: несложный сапожный инструмент, однообразная и простая работа составляют чересчур большой контраст с другими мастерскими. Этот контраст не только кажущийся: и в действительности комплекс воспитывающих и организующих влияний в сапожной мастерской слишком беден среди других влияний коммуны.

2. Так как средний возраст коммунаров невелик и так как все население коммуны на 100% охватывается мастерскими, то получается, что весь

средний и старший возраст поглощается деревообделочной и слесарной мастерскими и на долю сапожной остается младший возраст, совершенно к ней не подходящий.

Между тем ясно, что в составе наших мастерских должна быть одна мастерская легкого типа для возраста 11—12—13 лет. Проблема такой мастерской появляется впервые в практическом соцвосе именно в нашей коммуне, благодаря ее идеальной обстановке.

В решении вопроса, какую именно легкую мастерскую открыть вместо сапожной, для меня подсказывалось несколько решений (картонажная, переплетная), но ни одно из них не представляется вполне решающим. Я было совсем остановился на переплетно-портфельной мастерской, но при более глубоком анализе отказался от нее.

Наконец я пришел к заключению, что наилучшим решением вопроса будет универсальная свободная мастерская, основные черты которой должны быть следующие:

а) она назначается для регулярных занятий младшего возраста и свободных занятий в клубные часы всех коммунаров;

б) в ней сосредоточены материалы и первичные инструменты по всем видам работы: по дереву, металлу, коже, гипсу, картону, электричеству и пр.;

в) она имеет целью подойти к ребенку со стороны его вкусов и способностей и дать ему возможность проявить себя в свободном трудовом усилии;

г) она не может иметь никакого производственного уклона, но в ней могут изготовляться интересные вещи, как-то: игрушки, модели, мелкие вещи комфорта, детали;

д) она вначале может быть бедная, но с течением времени обогащаться новыми видами работы и инструмента;

е) будучи свободной мастерской, она должна все же обязательно приучать воспитанника к серьезному отношению к работе, к ответственности;

ж) вокруг нее может проводиться изыскание в направлении: «Что из чего делается».

Такая мастерская потребует единовременного расхода до 700 рублей и ежемесячного до 100 рублей.

Мастерская эта будет «новеллой» в области трудового воспитания, и поэтому окончательные ее формы могут быть найдены только в процессе работы.

Прошу об утверждении этого предложения.

А. Макаренко

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К ПРОЕКТУ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДОВОГО ДЕТСКОГО КОРПУСА

Есть у меня небольшая надежда, что Вы прочтете эту записку — более обстоятельный список аргументов, чем представленный проект. Тема сама по себе настолько важна, настолько и назрела, что требует внимания самых ответственных лиц.

Главной причиной всех происходящих недоразумений с этой темой я считаю ничем не объяснимое суживание вопроса. А суживается вопрос от простой причины — от нашего закрывания глаз на действительное существо беспризорщины. И в Ваших многих словах это проскальзывало. Нам все кажется, что беспризорность — это явление случайное или пережиток прошлого, что она скоро, вот-вот через один-два года, исчезнет.

Во всем Союзе я, кажется, единственный человек, который с начала Советской власти на Украине не изменил этому делу, не ушел от него, я, таким образом, могу себя считать самым высоким специалистом по беспризорным И вот за 15 лет своей работы я регулярно наблюдаю одни и те же надежды: беспризорность вот-вот прекратится.

Если она не прекращается, мы это относим за счет специальных явлений, а не за счет органических процессов. За нашими надеждами мы не заметили очень многих вещей, мы не производили никакого анализа, не увидели явлений гораздо более широких, чем беспризорность. Эта ошибка уже принесла много вреда, и этот вред увеличивается.

А между тем нужно обратить внимание на следующее:

1. Беспризорные 1921—1924 гг. уже давно исчезли. Писательская романтика еще до сих пор культивирует этот старый тип беспризорного анархиста, блатняка и в то же время гениально способного индивида. На самом деле сейчас ничего такого нет. И раньше беспризорный не был так ужасен, как рисовали его наши, а еще более западные писаки, но раньше он действительно был сыном уголовного общества и в значительной мере или по крайней мере воспитывался им. В лучшем случае он был выходцем из отвратительного мещанского моря городской кустарщины.

Сейчас у нас ни этого кустарного мещанства, ни тем более специально уголовного мира нет. Вор теперь больше руководится нуждой, чем какой-либо философией. И современный беспризорный — это вовсе не то, что раньше. Даже если он вор, то все же он больше всего хочет перестать быть вором. Сейчас увлекает не романтика блатного индивидуализма, а зависть к металлистам, к футболистам, к летчикам, шоферам, морякам. Дайте вору в руки инструмент — и он доволен.

Наш теперешний беспризорный — это не продукт классового распада... Теперешний беспризорный — это прежде всего ребенок, потерявший семью.

Причин этому много: более свободна форма семьи, отсутствие принудительного сожительства, более напряженное движение человека в обществе, бóльшая загруженность отца и матери работой, отход женщины от семейной ограниченности, материальные и прочие формы противоречий. А в то же время остались и действуют и ранее существовавшие формы потери семьи: смерть одного из родителей, измены, мачехи, болезни и инвалидность.

Если ребенок раньше был собственностью своего отца и до конца подчинялся не только его авторитету, но и его палке, то теперешний ребенок, в особенности мальчик, абсолютно не склонен к собственному обезличиванию Он считает себя вправе отказаться от принадлежности к семье и уходит. Отцы и дети в наше время стоят почти на равноправных позициях, нет уже того, что раньше держало семью связанной,— деспотической власти отца, освященной всей моралью общества... Отцы тоже не очень церемонятся с детьми. Я знаю почти анекдотический случай такого типа:

родители отправляют сына на два дня погостить к тете, а когда сын возвращается в отчий дом, он не находит ни родителей, ни вещей, никаких следов — семья выехала неизвестно куда.

Мы можем сколько угодно штрафовать родителей или принудительно возвращать детей к ним — это совершенно безнадежное и бесполезное занятие.

Сами дети это очень хорошо понимают. Понимают это и родители. В настоящее время я принимаю ежедневно несколько десятков просителей. Из них очень немного беспризорных. Большинство же — дети из семьи или родители.

Я встречал очень мало ребят, для которых не являлось бы мечтой поступление в коммуну им. Дзержинского. Здесь привлекает отнюдь не хорошее обеспечение. Во-первых, коммунары не так уже и обеспечены, во всяком случае, они ходят еще в бумажных костюмах. Во-вторых, такое же явление я наблюдал и по отношению к колонии им. Горького, которой заведовал восемь лет, хотя колонисты всегда жили бедно. Ребят привлекает прежде всего интересная и богатая перспективами и содержанием жизнь коллектива. Ребята инстинктивно видят в жизни такого коллектива что-то настоящее.

Если проверить состав детей в детских домах, то прежде всего поражает то, что почти у всех детей есть или родители, или родственники. Это происходит и от того, что детские дома в очень большой мере заполняются прямо из семьи при помощи разных просьб, протекций, ходатайств и пр. А также и оттого, что многие беспризорные скрывают свое семейное положение; оно выясняется только к концу пребывания мальчика в колонии.

2. Борьба с беспризорщиной, отданная во владение интеллигентщины, по совести говоря, не была по существу большевистской. Подходят к беспризорному с самым нежным сердцем и даже с разнообразными чувствами, вокруг беспризорного нагородили непроходимые ворохи всякого идеалистического словесного хлама, вплоть до свободного воспитания и гармонической личности, рассматривали его не как гражданина и будущего работника, а как биологическую игрушку для нашего этого самого сердца или как хороший прибор для упражнений в разных логических трюках. Остатками старой российской интеллигентщины заражены многие... Мы и легкомысленны, как интеллигенты. Мы ничего не жалеем, отдаем на беспризорных огромные деньги, но за разными делами забываем проверить, как истрачены эти деньги и что получается.

А что получается? Этому самому ребенку на линиях политической грамотности рассказываем об индустриализации, о Днепрострое, об автомобильных заводах. Даем ему газету, в которой он читает о технике, о рационализации, о стройках. А работать заставляем его в сапожной мастерской или в столярной, при этом работать так, как работали только сапожники в старой России, заставляем «сучить дратву» и строгать рубанком. А этот самый беспризорный прекрасно знает, что на обувных и деревообделочных фабриках вовсе не так работают. Этого не знают только его педагоги. Он стремится на завод, он хочет быть металлистом, шофером, механиком, радистом, летчиком, станковым или электромонтером, а мы ему в руки даем архаическое сапожное шило или заставляем делать вручную табуретки, которых теперь уже никто вручную не делает.

И это в лучшем случае. А бывает гораздо хуже: мы заставляем его собирать лекарственные растения, или заниматься картонажным делом, или просто ничем не заниматься. В детских домах обвиняют беспризорного в лени, обвиняют только потому, что тот не хочет сучить дратву. Так же ленивы были и «мальчики» у старых сапожников, но старые сапожники могли по крайней мере заставить «мальчика», а мы и этого сделать не в состоянии. И тогда мы начинаем кричать о проблеме дисциплины, когда на самом деле у нас такой проблемы вовсе нет, а есть только одна проблема: здравого смысла по отношению к детям.

И поэтому стремление ребенка в детский дом оказывается стремлением неудовлетворенным. Если мальчишка бежит из детского дома, то вовсе не потому, что там плохо кормят, а потому, что такой детский дом ему просто не нужен, да вообще он и никому не нужен. Он бежит потому, что рассчитывает хоть на что-нибудь: на удачу, на новый дом, на случай, а здесь ему, во всяком случае, рассчитывать не на что.

С удивительной настойчивостью приняли меры, чтобы детские дома отвращали от себя. Их организовали в случайных местах, наименее социалистического типа: в старых монастырях и помещичьих гнездах, далеко от города, без водопровода, без канализации, без электричества. Их сделали карликовыми, т. е. обрекли на кустарное или примитивное хозяйство, лишили общества техников и инженеров и всех признаков серьезного советского хозяйства: промфинплана, рентабельности, цельности, полезности, качества, хозрасчета. Такие детские дома — это форменные белые вороны в Советском Союзе. Это ничем не объяснимое утверждение кустарщины, уравниловки, мелкобуржуазного ханжества. И на эти по меньшей мере чуждые нам учреждения ежегодно тратим миллионы рублей.

3. Из таких детских домов должны бежать — это непреложный закон. Он вытекает из самых общих наблюдений. А если коснуться педагогической и организационной техники ближе, то мы найдем очень много причин... Возьмем наудачу одну техническую деталь. В детские дома дети идут не по собственному выбору, а по случайным обстоятельствам. И тем не менее мы предлагаем всем воспитанникам данного детского дома одну и ту же работу... Наробразы только и знают, что «реорганизуют детские дома», т. е. беззастенчиво перебрасывают из одного детского дома в другой по разным поводам и просто без поводов целые группы, закрывают, открывают, укрупняют, разукрупняют... У меня и сейчас есть воспитанники, которые ни разу ниоткуда не бежали, но которые тем не менее перешли через в о с е м н а д ц а т ь детских домов.

Беглецы из детских домов должны представлять для нас интерес не только потому, что их снова нужно «подбирать», а скорее по другой причине. Беспризорные на улице — это настоящая социальная зараза. Возле таких беспризорных на улицах обязательно начинает организовываться группа будущих беспризорных. Вопль всех родителей сейчас выражается буквально в одних и тех же выражениях:

— Мальчик от дому отбился, шляется с беспризорными...

4. И вот при такой конъюнктуре мы повторяем одну и ту же ошибку. Мы вдруг ассигнуем на подбор беспризорных большие суммы и действительно в течение трех-четырех дней очищаем улицы, запихиваем этих опытных беглецов из детских домов в эти же самые детские дома... Я участво-

вал не меньше как в десятке таких массовых подборов и давно пришел к такому заключению, что это самое большое зло, какое у нас есть.

Нет ничего вреднее такого массового подбора. Самый характер этого подбора определяет и его неудачу. Это очень несолидно, хотя и стóит солидных денег. Все эти ребята очень хорошо знают, чем кончаются такие подборы, а зная это, они и других научат — новеньких, первичных беспризорных.

Конечно, нужно убрать беспризорных с улицы и нужно их прежде всего накормить, но наконец нужно же когда-нибудь задуматься: до каких же пор будет продолжаться эта игра? Не лучше ли организовать детские дома так, чтобы больше массовых подборов не было?

А для этого нужно:

1. Иметь все-таки какой-то план, исходящий из реальных данных, в том числе из данных о потере семьи или по крайней мере о числе физических сирот.

2. Организовать детские учреждения так, чтобы дети из них не бежали.

3. Поставить перед детскими учреждениями серьезный вопрос о подготовке кадров, а не сапожников, о воспитании нужных для страны людей. Этот вопрос тоже запланировать, в том числе запланировать и вопрос о выпусках и о назначении выпусков. Совершенно же очевидно, что по окончании детского дома воспитанник должен куда-нибудь командироваться на работу и ему должны быть предоставлены все условия, чтобы он эту командировку мог выполнить.

4. Принять все меры, чтобы детские дома перестали быть потребительскими учреждениями, а сделались учреждениями трудового советского социалистического воспитания, чтобы на них не нужно было выбрасывать десятки миллионов рублей совершенно непроизводительно.

5. И совершенно ясен путь правильной работы детских домов — это тот самый путь, который мы предлагаем. Путь следующий:

А. Детские колонии должны быть настолько крупными, чтобы в них можно было организовать серьезное производство, обставленное станками, обладающее строгим технологическим процессом, дающее подготовку по разным разрезам и специальностям, руководимое инженерным и техническим персоналом, достаточно квалифицированным.

Б. Подготовка кадров в колониях должна равняться не на кустарную квалификацию для кустарной мастерской, а на квалификацию современного рабочего в большом производстве с разделением труда и со стандартной продукцией.

В. Само собой разумеется, что в более крупном производстве всегда найдутся отделы, где будет получаться не стандартная квалификация. Только крупное производство может подготовить, с одной стороны, и токаря и револьверщика массовой продукции, но, с другой стороны, и высокой квалификации слесаря-инструментальщика, или лекальщика, или модельщика.

Такая колония должна обладать и школой на разные вкусы и способности. Беспризорная масса дает очень разнообразный букет личных качеств. Многим нужно будет дать в прибавку к квалификации только обычную грамотность — не больше, как за четыре группы, другим грамотность

семилетки или фабзавуча, третьим знания специального техникума, четвертым общее среднее образование, может быть, даже без всякой квалификации, с установкой на вуз.

Это все чрезвычайно серьезные вещи, и все это требует соответствующих организационных выводов. Ясно, что в маленькой колонии нельзя удовлетворить все эти наклонности и вкусы случайно собранных ребят. Это порождает не только побеги, а гораздо более тяжелые последствия — конфликты, разочарования, гибель характеров, подавленность, подозрительность, скрытые и открытые протесты, воровство, пьянство, хулиганство.

Г. Трезво глядя в глаза жизни, нужно подчеркнуть, что интерес к квалификации и к учебе сам по себе далеко не всегда определяет движение колониста вперед. Есть много слабых характеров, для которых необходимы более простые стимулировки, дисциплина и в особенности материальная заинтересованность.

Впрочем, вопрос о зарплате имеет гораздо более широкое значение, чем только стремление (материальной) заинтересованности На получаемой зарплате колонист воспитывается координировать личные и коллективные интересы, приучается к личному бюджету, попадает в сложнейшее море советского промфинплана, хозрасчета и рентабельности, изучает всю систему советского заводского хозяйства и принципиально входит в класс пролетариата, становясь на совершенно общие позиции со всяким другим рабочим. Наконец, приучается просто ценить заработок и уже не выходит из детского дома в образе своеобразной беспризорной институтки, не умеющей жить, а обладающей только «идеалами».

Кроме того, зарплата позволяет каждому колонисту к моменту выпуска иметь сбережения в сберкассе и выходить в жизнь довольно хорошо обеспеченным

Д И наконец, самое главное. Пора детским колониям сделаться очагами коммунистического воспитания. А это значит, что мы должны воспитывать не только рабочих, но и ударников, знающих по опыту, что такое соцсоревнование, комсомольцев, людей, преданных своему классу и революции А это мы можем сделать только в атмосфере серьезного советского производства.

Можно сказать: а как же наша школа? Неужели и для нее необходимо производство? Я давно говорю: да, совершенно необходимо, но в школе мальчик или девочка не так оторваны от общества. Отец или мать, братья, сестры, дяди и родственники — они очень много вносят в психику мальчика от того производства, на котором они работают. А воспитанник детской колонии, если в колонии нет производства, оторван от советской жизни, он живет и воспитывается в искусственно созданных несоветских условиях.

6 Все это совершенно необходимо аргументирует крупную детскую колонию Собственно говоря, я вовсе не настаиваю на этой логике — 12 тысячах детей в одном месте. Достаточно, если в колонии будет тысяча детей. Важно, чтобы она была оборудована и организована правильно.

Мое предложение о единой колонии на 12 тысяч детей вытекает из других соображений.

Если нужно подобрать сейчас 12 тысяч детей, то, собственно говоря, в воспитательном отношении безразлично, будет ли организовано 12 коло-

ний на расстоянии нескольких сот верст одна от другой, или будут эти самые 12 колоний, расположенные одна от другой на расстоянии полукилометра. Воспитательный успех будет решен не расстоянием между колониями, а их организацией. Конечно, в одном коллективе не должно быть больше тысячи детей. Здесь критерием является контактность коллектива необходимо, чтобы члены одного коллектива друг друга знали, чтобы они могли вместе собраться на общее собрание, чтобы они знали своих руководителей и все свои дела. И поэтому, на каком бы расстоянии ни были расположены колонии одна от другой, каждая из них должна быть самостоятельной единицей, управляемой в порядке единоначалия и в порядке единства коллектива и его интересов, на отдельном хозрасчете, с отдельным промфинпланом. Это совершенно необходимо.

Но очень много приносится полезного и общением между колониями, и соревнованием между ними. Вот сейчас коммуна им. Дзержинского имеет постоянную живую связь с Прилукской коммуной, с Дергачевской и Гиевской колониями, с колонией им. Горького, с 82-й и 55-й школами, со школой слепых в Харькове и с другими детскими организациями.

Если эта связь и общение будут не случайно и сложно налажены, как теперь, а организованы в одном федеративном союзе на базе участия в одном производственном, бытовом и культурном комбинате, то от этого будет огромная и, пожалуй, даже не виданная до сих пор польза.

Ибо одним из недостатков детских домов и колоний является именно их все определяющая контактность. Своими дети считают только тех, кто с ними живет в одном доме и кого они знают в лицо. Необходимо, чтобы признак «свой» определялся не интернатом, а общим делом — единственно правильный классовый подход.

Но допустим даже, что все эти выгоды несущественны. В таком случае, какие могут быть названы воспитательные убытки? Я не знаю никаких.

Значит, можно считать, что в воспитательном отношении расстояние между колониями безразлично.

Но оно не безразлично во многих других отношениях. Прежде всего одна колония на 12 тысяч человек будет стоить раза в три дешевле, чем 12 колоний на тысячу человек каждая. Будет стоить и в строительстве, и в функционировании.

Во-вторых, и это очень важно: для 12 колоний потребуется персонал в шесть тысяч человек, а для одной колонии, большой,— в три тысячи человек. А самое главное: мы настолько бедны опытом удачных детских колоний, что в настоящее время можно сказать уверенно: для 12 колоний нет людей, нет их и для четырех. Поэтому выгоднее создать кулак организаторов в одном месте, чем разбрасывать кадры по всей республике.

В-третьих, все равно нужно центральное управление этими колониями как хозяйственно-производственным трестом. Но гораздо удобнее это управление иметь в самой колонии, чем заставить его разъезжать по всей Украине или ограничиваться бумажными директивами.

В-четвертых, наконец, наибольшая выгода заключается в солидности дела. Это во всех отношениях облегчит и получение фондов, и снабжение, и сбыт и предохранит колонию от каких бы то ни было партизанских наскоков случайных реорганизаторов на местах, от ненужных и вредных опытов.

Можно строить одну колонию, можно строить двенадцать или шесть, в последнем счете, если есть лишние деньги, отчего не строить.

Но не могу без глубочайшего оскорбления представить себе, что большие миллионы будут вложены на расширение и организацию существующих колоний. Сколько же есть таких колоний, которые не жалко развалить? Ведь в колонии им. Горького все здания давно нужно взорвать. И сколько уже совершали таких ошибок: найдем какой-нибудь трехсотлетний монастырь, которому прямо грош цена, соблазнимся его дырявыми крышами, начинаем организовывать там колонию. Постепенно вкладываем большие капиталы — миллионы. А потом сами себя ругаем: монастырь стоит десять тысяч, а вся колония — двадцать миллионов, но благодаря тому что привязались к монастырю, колония отстоит от железной дороги на 18 километров, на каждом шагу мешают все эти холодные и теплые церкви, и мы еще должны их бесконечно ремонтировать, ибо неосмотрительно расположили в них столовую или клуб. Далеко не нужно ходить — в подобном положении находится и Прилукская коммуна ГПУ УССР, и вторая коммуна ОГПУ под Москвой, в Николо-Угрешском монастыре. Здесь я привожу названия крупных единиц, а что уж говорить о мелких колониях, которые по своим материальным данным просто ничего не стоят.

ИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОПЫТА

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ ИЗ МОЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОПЫТА

Дорогие товарищи и коллеги!

Я немножко боюсь вас. (С м е х.) Боюсь не за «Книгу для родителей». Там, я думаю, нет таких моментов, где бы мы с вами слишком категорически расходились. Например, по вопросу об алиментщиках. Я получал очень много писем от этих алиментщиков, и очень ругательных, где так и пишут: «Вы идете против любви». (С м е х.) Я оправдываюсь в некоторых случаях, если вижу, что алиментщиков много. Но всем известно, что среди педагогов наименьший процент алиментщиков. (С м е х.)

Так что с этой стороны я не боюсь вас.

А, во-вторых, я рассчитываю, что в случае нужды вы будете на моей стороне. Ибо почему у нас, педагогов, меньше алиментщиков? Да потому, что мы привыкли относиться к детям с определенным уважением, а если мы с определенным уважением относимся к чужим детям, то с тем большим уважением мы относимся к своим.

Что касается единственного ребенка, то у педагогов это тоже редкое явление (с м е х), и если даже он единственный, то опасность плохого воспитания не так велика, ибо отец и мать — педагоги.

Значит, со стороны «Книги для родителей» я если и боюсь вас, то не очень, а вот со стороны «Педагогической поэмы» и других моих писаний я боюсь, что вы будете меня ругать. А потому, чтобы предупредить тех товарищей, которые на меня нападут (с м е х), я бы предпочел сам подставить свой лоб под нападение, и поэтому думаю, что мы будем сегодня вести разговор не о литературных достоинствах «Педагогической поэмы», а только по вопросам педагогической тематики.

Если вы на это согласны, то я не буду ничего читать и позволю себе в очень кратком слове сделать некоторые чисто педагогические выводы из моего опыта и предложить его вашему вниманию как специалистов и моих коллег.

Согласны вы на это? (С м е с т. Пожалуйста.)

В течение всей своей жизни и работы я прежде всего был всегда убежден, что я вовсе никакой не педагогический талант, что я не белая ворона и что со мной вместе более или менее одинаково думает все наше советское учительство. В этом я продолжаю быть убежденным и на сегодня. И поэтому я никогда не считал себя ни новатором в педагогической

области, ни реформатором, ни чудаком, ни тем более еретиком. Сколько мне ни приходилось встречаться с учителями, я не помню, чтобы между мною и ими были какие-нибудь принципиальные расхождения. Бывали учителя ленивые, и были неленивые. И ленивые со мной иногда ссорились, но не принципиально. Точно так же, встречаясь очень часто и на Украине, и в Москве с учительским обществом, я не помню еще ни одного случая какого-нибудь категорического расхождения с моими взглядами, высказанными в «Педагогической поэме».

Однако до сих пор мне не приходилось видеть такой школы, десятилетки или семилетки, где бы мои педагогические убеждения были претворены и понимались так же глубоко, как они претворены в детских колониях и в коммунах, в особенности в тех коммунах, которыми мне приходилось руководить.

Очень возможно, что методика работы с бывшими безнадзорными чем-то должна отличаться от работы с нормальными детьми [1]. Но это только возможно, в этом я до сих пор не убежден, и у меня самого есть такая задирка — попробовать, а может быть, можно применить те методы, которые я применял к правонарушителям, и к нормальным детям. Потому что в самой логике моей работы я никогда не исходил из элемента правонарушения или беспризорности и считал, что если бы я вырабатывал свои методы по логике, где большой посылкой являлось бы преступление или, более того, преступный характер, то тем самым я уходил бы от нашей советской идеологии и приближался бы к ломброзовской идеологии [2]. И поэтому такого соблазна решить, что благодаря совершенному преступлению происходит искривление детского характера в сторону преступления, исходя из чего и надо было бы вывести метод, у меня никогда не было. Это происткает из моей доверчивости к человеку или, скорее, из любви к нему.

Меня некоторые критики упрекают, заявляя: «Почему у вас все молодые люди и девушки и все люди вообще красивые?» А я такие упреки встречаю с широко раскрытыми глазами, в свою очередь спрашивая: «А разве вообще все люди не красивы?» Действительно, по крайней мере, молодежь мне всегда кажется красивой. Трудно представить себе юношу или девушку, чтобы они казались безобразными... Молодежь всегда красива, если она правильно воспитывается, правильно живет, правильно работает, правильно радуется. И вот, может быть, мой оптимизм и подвинул меня на то, что с самого первого дня, с самого несчастного дня, когда я ударил Задорова, я считал, что Задоров прекрасный человек и должен поступать, как всякий человек, настолько должен, что считал себя вправе требовать от него правильного поступка, а не готовить его к правильному поступку.

Вот в этой формуле, если хотите, может быть, и заключается ересь. Но какая же?

Я считаю, что каждый советский педагог, каждый советский человек от каждого советского нормального гражданина и ребенка должен требовать нормального поступка, а ненормальными мы считаем только тех, которые физически или психически ущемлены.

В своей практике я такое вполне развернутое, без всяких скидок, требование и предъявил к моим воспитанникам и считаю, что это должно быть

законом правильной советской педагогики: непреклонное, ясное, прямое, категорическое требование.

Мне кажется при этом, что в этом требовании иногда (а может быть, и всегда) мерещится риск, и поэтому страшновато предъявить такое категорическое требование. а вдруг личность «побежит вешаться»? И вот именно на фоне этого страха у нас и развернулись педология и педологические тенденции [3]. В чем они заключаются? В том, чтобы никакого рискованного требования не предъявлять, а приспособить такую серию средств, чтобы никто не разобрал, к чему эти средства ведут, и чтобы потом нельзя было установить, а кто же в случившемся виноват. Воспитывал человека, учил-учил, а вышло не то. Можно предъявить требование к профессору педагогики, создавшему такую систему? Нельзя. А к учителю? Тоже нельзя, потому что нет никакого действия, а есть только рассуждения о действиях и аргументация [4].

Так вот, раз мы откажемся от логики, вытекающей из каких-то наших гражданских требований, мы тем самым откажемся и от воспитательной работы

Моим основным принципом (а я считал, что это принцип не только мой, но и всех советских педагогов) всегда было: как можно больше требования к человеку, но вместе с тем и как можно больше уважения к нему. В нашей диалектике это, собственно говоря, одно и то же: нельзя требовать большего от человека, которого мы не уважаем. Когда мы от человека много требуем, то в этом самом и заключается наше уважение, именно потому, что мы требуем, именно потому, что это требование выполняется, мы и уважаем человека.

Если это положение провести по всем линиям воспитательной работы, то мы увидим, как воспитательная работа начнет принимать строгие и четкие организационные формы. Еще раз повторяю — всегда при этом будет присутствовать некоторый страх риска.

Вы обратили, вероятно, внимание на то, что недавно в «Правде» появилось несколько статей о производственном риске. Нужно сказать, что у педагогов эта проблема выглядит, конечно, страшнее.

Можно рисковать материальными ценностями, можно рисковать продукцией, хотя преступно рисковать и там, где дело касается материальных ценностей (разве можно рисковать, когда мы делаем самолеты или танки?). Но мы признаем риск, если в нем заложено стремление к правильной, советской цели.

Возможен ли такой риск в педагогическом процессе?

Если мы спросим об этом человека, сидящего в кабинете за книжками, то он скажет: «Рисковать человеком в педагогической работе нельзя». А если вы спросите меня, человека, работающего практически, у которого несколько десятков этих живых людей, то я скажу: «Обязательно, потому что отказаться от риска — значит отказаться от творчества». А мы имеем право отказаться от творчества в нашей воспитательной работе? Нет. Поэтому я утверждаю, что в педагогической работе педагог имеет такое же право на смелость и даже на риск, как и всякий другой работник

Возьмем простой обыкновенный средний случай. Да, пожалуй, даже не нужно брать никакого случая: возьмем одну из консультаций, которая

была напечатана (правда, года три назад) в педагогическом журнале. Педагог задает вопрос: «Каким тоном нужно разговаривать с учеником, который нарушил дисциплину?» И консультант «всем, всем, всем», на весь Союз отвечает: «Надо разговаривать с ним ровным голосом, чтобы ученик понял, что вы делаете ему замечание не потому, что вы на него гневаетесь или сердитесь, а потому, что вы так должны поступить». Конечно, при таком способе, применяемом в отношении ученика, нарушившего дисциплину, нет никакого риска. Какой же тут риск? Что бы ни случилось (если ученик потом опять будет нарушать дисциплину: бить стекла, оскорблять учителя, товарищей, бросит школу, станет хулиганом), спросим этого учителя, который последует совету консультанта: «Почему у тебя вышел такой хулиган?» И он ответит: «Не знаю, я применял правильные приемы: я с ним разговаривал ровным голосом, я ему показывал, что у меня нет гнева, что я сделал все, что я обязан делать». А если бы он разгневался (потому что бывают такие поступки учеников, которые должны вызвать негодование), показал бы ученику, что негодует и не может быть ровного голоса, раз есть нарушение дисциплины и интересов коллектива, это остановило бы ученика и дурное поведение больше не повторилось бы. Но тут будет риск. Какой риск? Риск, вызванный отсутствием так называемого педагогического такта. Вот вы разгневались, показали ученику, что вы гневаетесь, а у него произошли какие-то такие трансформации, что-то у него в душе начало переворачиваться...

Но, по моему глубокому убеждению, ни вопрос о риске, ни вопрос о такте не может быть разрешен на одной паре... когда, с одной стороны, стоит воспитатель, а с другой — воспитанник. Все споры, которые были у меня с педологами и со старыми наркомпросовскими работниками, и протекали из такого представления о паре — учитель плюс ученик. Повторяю, такой пары нет. А что есть? Есть школа, организация, коллектив, общий стиль всей работы. И если у вас в школе будет правильный стиль, правильный тон, правильный коллектив, то никакой риск не делается страшным, и всякий риск необходим и возможен.

Это второе положение моей теории: никакой метод не может быть выведен из представления о паре: учитель плюс ученик, а может быть выведен только из общего представления об организации школы и коллектива.

В таком случае вопросы воспитательной работы никогда не могут быть разрешены порядком рекомендации метода каждому отдельному учителю по отношению к отдельному ученику, а могут быть разрешены рекомендацией формы, стиля и тона для всей организации.

И первой такой формой, необходимой у нас, в советском воспитании, является коллектив. Задача нашего воспитания сводится к тому, чтобы воспитать коллективиста. Какие мы отсюда сделали выводы? До сих пор многими делаются только такие выводы, что с учеником нужно говорить о коллективе, воспитывать его в смысле политических представлений и идей. Но они будут правильно усвоены только тогда, когда и на практике вы будете следовать этим идеям и принципам. А для того, чтобы наше политическое воспитание и на практике немедленно претворялось в жизнь наших учеников и учителей, нельзя обойтись без коллектива. Наша совет-

ская педагогическая логика не сможет выдержать никакой критики, если мы вычеркнем в логическом построении коллектив.

Тогда мы поставим вопрос: а что такое коллектив? Нельзя представить себе коллектив, если взять попросту сумму отдельных лиц. Коллектив — это социальный живой организм, который потому и организм, что он имеет органы, что там есть полномочия, ответственность, соотношение частей, взаимозависимость, а если ничего этого нет, то нет и коллектива, а есть просто толпа или сборище. И вот я все свои 16 лет советской педагогической работы главные свои силы потратил на решение вопроса о строении коллектива, его органов, о системе полномочий и о системе ответственности.

При этом я сделал еще один вывод — я не представлял и не представляю себе, можно ли воспитать коллектив или, по крайней мере, детский коллектив, если не будет коллектива педагогов. Совершенно несомненно, что нельзя воспитать коллектива, если 15 педагогов будут каждый воспитывать кто как умеет и как кто хочет. Понятно поэтому, что должен быть и коллектив педагогов.

А что у нас написано о коллективе педагогов? Что мы, я и вы, знаем о нем? Если нас спросить с научной точки зрения о коллективе педагогов, то мы не знаем ни одного слова, хотя нам прекрасно известно, что там, где есть коллектив, там работа идет успешнее, там и вопрос о дисциплине не ставится, пожалуй.

Я иду еще дальше: я готов разобрать и такие вопросы, как вопрос о длительности педагогического коллектива, как вопрос о стаже педагогической работы отдельных членов коллектива, потому что если вы построите весь коллектив из педагогов с одногодичным стажем работы, то, несомненно, это будет слабый коллектив. И вопрос о соответствии, о том, сколько должно быть старых и новых педагогов,— тоже научно-педагогический вопрос.

Я переживал в своей работе напряжения следующего порядка: вот у меня имеется одно вакантное место педагога. Кого пригласить? И очень часто организации, от которых это зависело, мне рекомендовали: «Используйте человека, которого мы вам прислали». Я спрашивал: «А почему именно этого человека вы прислали?» — «Да подвернулся под руку». Этот случайный принцип комплектования педагогического коллектива бывает иногда удачен, иногда нет. Я помню — иногда я знал, что мне обязательно нужно пригласить молодого человека (стариков у меня достаточно), а иногда я втайне грешил (это я побоялся написать даже в «Педагогической поэме») — я считал, что мне нужна хорошая девушка в коллективе. Почему? Да потому, что собрались все такие вот вроде меня и у учеников глазам отдохнуть не на чем. (Общий смех.) Эта хорошенькая девушка внесет и молодость, и свежесть, и известный задор. Пусть даже пойдут разговоры, что в нее вот такой-то педагог влюбился. Это только оживит общий тонус коллектива. А кто подсчитал — какое значение имеет общий тонус? У нас еще не успели этого подсчитать за двадцать лет, в Западной Европе тоже ничего в этой части не имеется.

Надо, чтобы в коллективе был и сердитый, строгий дед, который никому ничего не прощает, который никому не делает никаких уступок.

Нужно, чтобы была и «мягкая душа» — человек несколько слабовольный, который всех любит, всем все прощает, всем ставит пятерки. (Смех.) Такой, честное слово, нужен. Теперь это смешно, а я не смеялся и искал такого старика. Я знал, что такой человек уменьшит трения, возникающие иногда в коллективе.

Я говорю с вами, товарищи, как с коллегами, потому что обо всех этих вещах нужно долго и писать, и говорить, и подсчитывать, но в практической работе полезно иногда, положившись на собственную интуицию, не взять опытного педагога, а взять молодую девушку, и всякий ответственный директор это прекрасно знает.

Так вот, коллектив учителей и коллектив детей — это не два коллектива, а один коллектив, и, кроме того, коллектив педагогический. Причем я не считаю, что нужно воспитывать отдельного человека, я считаю, что нужно воспитывать целый коллектив[5]. Это единственный путь правильного воспитания. Я сам стал учителем с семнадцати лет и сам долго думал, что лучше организовать одного ученика, воспитать его, воспитать второго, третьего, десятого, и когда все будут воспитаны, то будет хороший коллектив. А потом я пришел к выводу, что нужно иногда не говорить с отдельным учеником, а сказать всем, построить такие формы, чтобы каждый был вынужден находиться в общем движении. Вот при этом мы воспитываем коллектив, сбиваем его, придаем ему крепость, после чего он сам становится большой воспитательной силой. В этом я глубоко убежден. И меня убедила в этом не колония им. Горького ...а коммуна им. Дзержинского. В коммуне я добился того, что коллектив сам стал замечательной творящей, строгой, точной и знающей силой. Этого нельзя сделать приказом, такой коллектив нельзя создать и за два, и за три года, такой коллектив создастся за несколько лет. Это дорогая, исключительно дорогая вещь. Но когда такой коллектив создан, тогда нужно его беречь, и тогда весь воспитательный процесс проходит очень легко.

Но тут встает вопрос, наш педагогический вопрос: а как же беречь коллектив? Представьте себе, что вы, группа учителей, воспитали коллектив, создали традиции, создали законы, которым все верят, добились того, что каждый в каждую минуту своей жизни физически чувствует, что за ним стоит коллектив. И вот перед вами задача — как это не потерять. Коллектив — чрезвычайно нежная, чрезвычайно сильная вещь. А развалить его, испортить, перемешать части может первый попавшийся самодур. Как спасти коллектив от самодура? А ведь он может выскочить из-за любого угла, предъявить вам мандат и сказать: «Делайте так, делайте так, делайте так». И вот тут-то необходимы наши общие формы, наши общие советские традиции, и у нас они нарастают. Сейчас это еще во многих случаях принимает форму болезненного явления, но я убежден, что через самый короткий промежуток времени у нас будут такие традиции воспитательной работы, которые не скоро поломаешь. Их немного, но у нас они уже есть, и они делают свое дело. Вот то, что я хотел сказать о коллективе. Отсюда вытекает и вопрос о дисциплине, самый больной вопрос нашего педагогического сегодня.

Как раз по вопросу о дисциплине я переболел больше вас всех и раньше вас начал болеть. Я начал с преступления. Если вы читали «Педагогическую поэму» — вы знаете. Это был удар, это было избиение воспитанни-

ка. Это было очень тяжелое переживание, тяжелое во всех отношениях Я уже не говорю о том, что это было уголовное преступление против нашего советского уголовного закона и что я имел все шансы на то, что меня могут на три года посадить. Не это меня мучило, а другое — я испугался самой мысли, что, может быть, это — педагогический закон: не ударишь — не поедешь. Причем я находился в таком положении, когда я не мог мучиться, запершись в комнате, я должен был работать. Таким образом, для меня стояла ясная проблема — быть дальше или, испугавшись, отступить? Что делать? Вот такой вид приняла для меня проблема дисциплины — вид отчаяния, позора и преступления. И я, дав слово Алексею Максимовичу писать только правду, написал без всяких утаек, как было дело; я написал: да, ударил и все-таки махнул рукой и сказал — пойдем дальше! И я только через три или четыре года понял, что и мой удар, и моя растерянность, и все мои мучения проистекали оттого, что у меня в руках ничего не было: ни знания, ни навыков, ни привычек, ни мастерства.

Вот рядом с коллективом и нужно поставить мастерство Даю вам честное слово, я себя не считал и не считаю сколько-нибудь талантливым педагогом. Говорю вам это попросту. Но я много работал, считал себя и считаю работоспособным, я добивался освоения этого мастерства, сначала даже не верил, да есть ли такое мастерство, или нужно говорить о так называемом педагогическом таланте. Но разве мы можем положиться на случайное распределение талантов? Сколько у нас таких особенно талантливых воспитателей? И почему должен страдать ребенок, который попал неталантливому педагогу? И можем ли мы строить воспитание всего нашего советского детства и юношества в расчете на талант? Нет. Нужно говорить только о мастерстве, т. е. о действительном знании воспитательного процесса, о воспитательном умении. Я на опыте пришел к убеждению, что решает вопрос мастерство, основанное на умении, на квалификации.

Но и здесь я пришел к некоторым, если хотите, новым убеждениям Я считаю, что наших педагогов в вузах, где они учатся, нужно по-иному воспитывать. Для меня в моей практике, как и для вас, многих опытных учителей, такие «пустяки» стали решающими: как стоять, как сидеть, как подняться со стула из-за стола, как повысить голос, улыбнуться, как посмотреть. Нас этому никто не учил, а этому можно и нужно учить, и в этом есть и должно быть большое мастерство. Здесь мы сталкиваемся с той областью, которая всем известна в драматическом или даже в балетном искусстве: это искусство постановки голоса, искусство тона, взгляда, поворота. Все это нужно, и без этого не может быть хорошего воспитателя. И есть много таких признаков мастерства, прямых привычек, средств, которые каждый педагог, каждый воспитатель должен знать.

У нас в школах — вы сами знаете — иногда у одного учителя хорошо сидят на уроках, а у другого — плохо. И это вовсе не потому, что один талантлив, а другой нет, а просто потому, что один мастер, а другой нет.

И нужно воспитывать педагогов, а не только образовывать. Какое бы образование мы ни давали педагогу, но если мы его не воспитываем, то, естественно, мы можем рассчитывать только на его талант.

Кроме мастерства здесь требуется еще и большое знание самой организации. Поднимается ли у нас в нашей педагогической теории вопрос о таком «пустяке», как школьный центр? Нет, а между тем функционирование школьного центра, зависимость отдельных элементов этого центра во многом решают вопрос о дисциплине.

Я не знаю, как это можно сделать в школе, но у меня в коммуне был центр, во-первых, на определенном, самом лучшем месте, во-вторых, он никогда не оставался без ответственного лица. Каждый коммунар знал, что в мое отсутствие на моем месте сидит лицо, которое отвечает за учреждение, все мои коммунары знали, что есть центр, который не прекращает работу, и что всегда есть кого позвать, к кому обратиться. А от этого центра идут уполномоченные лица. Таким уполномоченным лицом у меня в коммуне был дежурный командир. Это мальчик, самый обыкновенный, который дежурит два раза в месяц. Вообще он не имеет никаких прав, но, когда он надевает повязку, он получает очень большие права. И если у вас в коллективе создана традиция, утверждающая, что эта «магистратура» нужна и что эти права идут на пользу коллективу, если вы воспитали в коллективе уважение к своему уполномоченному, тогда ваш дежурный командир делает очень большое дело. Это лицо, отвечающее за рабочий день, за каждый случай в течение рабочего дня. И уже одно то, что среди воспитанников или школьников этот мальчик умеет провести свою власть как власть коллектива, не поступившись этой властью, не оскорбивши ее, не позволив её никому оскорбить,— уже одно это делает колоссальные повороты.

Этот мальчик в коммуне имел права приказа, и приказа безапелляционного. Мы не побоялись на это пойти. Вот такой пятнадцатилетний дежурный командир может приказать старшему комсомольцу: «Убери тряпку». Потом его могли «проветрить» в комсомольском бюро, но отказаться выполнить приказ было нельзя.

Мы пошли дальше. Полномочия этого мальчика были настолько почетными, что общее собрание постановило: рапорт дежурного командира проверять нельзя, полное доверие его рапорту. Если ко мне дежурный командир или бригадир придет и за столом скажет что-нибудь, я могу проверить, но, если он мне рапортует в определенной торжественной обстановке, подчеркивающей, что он говорит не просто как живая личность, а как уполномоченный коллектива, считалось, что в этом случае командир соврать не может, и, правильно, не может, как бы он ни хотел соврать. И вот эта идея уполномоченного с большими функциями и строгой ответственностью — разве это не та самая идея, на которой дальше сбивается коллектив! Это все относится к вопросу организации центра.

Я не стану вас затруднять такими моментами, которые, может быть, для школы не подойдут. Я обращаю ваше внимание на то, что вопрос о том, кто у вас в центре и в какой зависимости эти уполномоченные стоят, вовсе не простой вопрос.

Имейте в виду, что функции этого центра затрагивают другую очень важную область педагогики, которую мы все давно признаем и уважаем, но в серьезной государственной школьной организации не всегда применяем,— это наши взгляды на детскую игру. Мы считаем, что ребенок должен поиграть, и игрушек у нас сколько угодно, но в то же время мы

почему-то убеждены, что для игры должно быть какое-то отдельное место, и этим все участие игры в воспитании ограничивается. А я утверждаю, что детская организация должна быть пропитана игрой. Учтите, что речь идет о детском возрасте, у него есть потребность в игре и ее нужно удовлетворить, и не потому, что делу время, потехе час, а потому, что как ребенок играет, так он будет и работать. И я был сторонником того, что вся организация детского коллектива должна быть проникнута этой игрой, а мы, педагоги, должны в этой игре принимать участие.

Когда ко мне приезжали наркомпросовские комиссии, наблюдали систему моих рапортов, конечно, в душе я увядал, потому что прекрасно представлял себе, что они смотрели на меня и думали: «Как будто бы и взрослый человек, как будто бы и не дурак, а посмотрите, что он выделывает!» А я говорил: «Есть! Есть! Есть! Есть! Есть!» И так я «играл» шестнадцать лет, и не только в этом случае, а во многих случаях, в ту самую пресловутую военизацию, за которую меня в свое время «ели»,— в командиров, в салюты и т. д. Настоящая военизация была в стрелковых кружках, а это была игра, в которой я принимал участие, принимал участие потому, что я пришел к убеждению, что без такой игры труднее создать настоящий веселый и бодрый коллектив. Причем я с удовлетворением отмечаю, что эта «игра» постепенно внедряется. Возьмите, например, школы подготовки артиллеристов. Там уже ввели немножко эту игру. Это не специальные учебные упражнения, это специальная эстетика, которая в детском коллективе необходима.

А вы думаете, что мы с вами не играем? Играем! Возьмите все эти галстучки, булавочки, кошечки, собачки! Это тоже игра. Как будто бы это принято, а на самом деле мы играем — иногда играем в важность в своем кабинете, иногда играем в книжность, когда мы обставимся книжками и думаем — у нас есть библиотека. Ведь играем же мы в библиотеку? Играем. Разложим книжки, а очередной номер журнала держим под подушкой. А в гостиную разве мы не играем? Играем. И в столовый прибор, и в ножички для разрезания лимона и апельсина играем, хотя никогда никакого лимона и апельсина этим ножом не разрежешь! А почему, как только дети — так сплошная серьезность, сплошная мораль, мораль, учеба и учеба? А поиграть? «Он на перемене поиграет»,— говорит педагог. «Пойди побегай, но только смотри, чтобы стекло не разбил, грязи не нанес, чобы нос не разбил!»

И вот я считаю, что это привлечение игры в детский коллектив совершенно необходимо...

Между прочим, когда меня спросили в НКВД, какую форму для коммунаров выдумать, то я постеснялся сказать, но вам скажу по доверию, в расчете, что вы никому не расскажете. Я считал, почему женщины носят страусовые перья, почему только им это можно? А по-моему, нужно отобрать у них страусовые перья и оставить их для школьников. Во всяком случае, в костюме, может быть, не в перьях, но в какой-то пуговице, в какой-то выпушке, в каком-то покрое должна быть игра. Мы знаем, что в нее играют не только маленькие, но и взрослые: многие носят форму, а многие мечтают, что будут когда-нибудь носить. В этом есть что-то приятное. Скажем, человек одет в форму железнодорожника. А для ученика это еще важнее. И совсем не нужно для этого никаких дорогих

материй, и разговоры о том, что у нас нет сукна, совершенно излишни. Но вот, наконец, еще два важных обстоятельства, на которых я хотел остановиться,— это наказание и труд.

Если вы помните, я написал для «Правды» о наказании две статьи[6]. Одна из них первоначально так и называлась «Наказание». Но как-то так случилось, что, пока эта статья писалась и оформлялась, вопрос о наказании из нее понемногу исчезал. Я не скажу, насколько это нужно в школе, и, пожалуйста, прошу не принимать моего слова как рекомендацию какого-то наказания. Я скажу, какие наказания я применял и какая от этого была польза, а по секрету вам скажу: я лично убежден, что это было бы полезно и в школе.

Все мои коммунары делились на два отдела: огромное, подавляющее большинство — коммунары, а те, кто не получил такого звания,— воспитанники. «Мы тебя воспитываем, а коммунары уже воспитаны». И вот воспитанника я имел право наказывать — «греть», как у нас говорили: я мог дать ему вне очереди наряд.

Что такое «наряд»? Наряд — это самая разнообразная работа, которая от меня даже не зависела. Я имел право назначить наряд. Дежурные командиры всегда записывали: такой-то имеет, скажем, два наряда, такой-то — один наряд. Причем никто никогда не гонялся за имеющим наряды, а было так: нет работы — «нарядные» находятся в запасе, а пошел, скажем, дождь, нужно поставить бочки — пожалуйста, ставь бочки; или нужно поехать в город получить деньги — отправляйся в город; или уборка на кухне — помогай на кухне.

Воспитанника я мог оставить без отпуска, в выходной день он не мог никуда уйти, я мог удержать воспитаннику выдачу карманных денег, т. е. не дать ему денег на руки из его заработка, а положить в сберкассу, откуда он без моей подписи ничего получить не мог.

Накладывать такие наказания на коммунаров я не мог, не имел права. Для коммунаров было одно наказание — арест, а на воспитанника я не мог наложить арест, он еще до этого не дорос. Коммунар мог ходить в отпуск без разрешения, доложив только, до какого часа; он мог быть избран уполномоченным, а воспитанник — нет

И еще одним правом пользовались коммунары: коммунару я обязан верить нá слово: если он сказал, что он дал слово, то неудобно, неприлично не верить на слово.

Значит, коммунар мог быть наказан только арестом. Что такое арест? Так же как и в случае с нарядами, я мог только наложить арест, причем считалось законом, что я должен в это время встать т. е. не мог сидя, развалившись в кресле, сказать: «Два часа ареста!», а коммунар должен был мне ответить обязательно салютом: «Есть, два часа ареста!» Если коммунар не сказал, значит, он не принял моего наказания, значит, он не согласен, и тогда я имею право передать вопрос на общее собрание. Но должен вам сказать, что я не помню такого случая. Наказывать нужно очень редко. Получив арест, коммунар уходил, и никто никогда это не записывал: наряды дежурный командир записывал и следил, чтобы они были выполнены, а арест — нет. Сам коммунар должен помнить, сам должен выбрать для себя удобное время, чтобы отбыть наказание. Вот тогда он приходил и говорил: «Прибыл под арест!» Арест заключался в том,

что он приходил и должен был сидеть положенное время в моем кабинете. Арест — это внешняя инструментовка, а главное — это то, что кабинет — центр, где протекает вся жизнь колонии: где звонит телефон, куда приходят заказчики и т. д. И вот сидящий следит, как проходит жизнь. Причем мне заказывается очень важная методика: я все разговоры веду так, что то и дело вверну что-нибудь специально для отбывающего арест коммунара. Если он, скажем, разбил стекло, то я в разговоре с кем-нибудь скажу: «Если будете ехать в город, купите, пожалуйста, ящик стекла, а то вот у нас стекла стали бить. Вы говорите, денег нет? Как же так, что же мы будем делать?» и т. д. Если он девочку затронул или оскорбил, то на эту тему нужно несколько раз пройтись. Но я никогда не позволял себе допекать провинившегося прямо в глаза: вот, ты сделал то-то и то-то, как это нехорошо! В коммуне было такое правило: раз наказан и сказано: «Есть!» — больше о проступке говорить нельзя, это считалось неприличным. Пока наказание не наложено, тут мы и собрания устраиваем, и чего только ни говорим, но как только есть постановление, как только наложено определенное наказание,— кончено, считалось совершенно неприличным, неэтикетным говорить о том проступке, за который уже наложено наказание. Это весьма важная традиция, она спасает наказанного от каких бы то ни было издевательств над ним.

Это то, что касается наказания.

Но тут я бы внес такой корректив. Я считаю совершенно неправильной такую постановку вопроса: «Наказывать, конечно, надо, но...» Эти «но» сводятся к тому, что, во-первых, надо стараться не наказывать, а, во-вторых, хороший учитель никогда не будет наказывать. Старайтесь сделать без наказания, «педагогическим тактом», а в крайнем случае (значит, в скобках,— если вы никуда не годный учитель) — наказывайте. Дело обстоит совсем не так. Во-первых, плохой учитель не должен наказывать ни в коем случае. Право наказания у меня в колонии имел только один человек, право наказания должно быть сосредоточено в одном геометрическом центре, чтобы было какое-то единство, а во-вторых, наказывать необходимо всегда, когда нужно наказывать, ни в коем случае нельзя заменять наказание простым разговором.

Логика такая: если нужно наказание, если наказание в данном случае полезно, значит, оно и должно быть применено. Ибо что такое «педагогический такт» в том понимании, в каком это у нас употребляется, т. е. в кавычках? Педагогический такт часто — это особый способ увильнуть от воспитательной работы и от ответственности, и только. А учитель не имеет права отворачиваться ни от работы, ни от ответственности.

Я лично тем не менее считаю, что много наказаний быть не должно, но по другой логике: наказания не должны оглушать весь коллектив и делаться бытом в коллективе, наказания должны быть настолько редки, чтобы весь коллектив обратил на наложенное наказание внимание. Только поэтому наказания необходимо применять не часто. Если же у меня случался такой отрезок времени, когда что-то в коллективе расстроилось,— я бил наказанием просто без остановки, пока не наступало изменение.

Наказание накладывал, как правило, я как старший уполномоченный коллектива. Но самое строгое и жестокое наказание, такое наказание,

как исключение из коллектива, я всегда считал необходимым проводить через общее собрание.

Тут мы подошли к очень интересному вопросу — общее собрание. Я не знаю, насколько это в школе возможно. На практике я этого не испробовал и сомневаюсь, потому что в школе слишком большая разница в возрастах, кроме того, там слишком недостаточное общение между старшими и младшими возрастами, и не знаю, какой вид могло бы иметь общее собрание в школе, но я уверен, что если бы в школе был единый сплоченный коллектив, то это было бы возможно.

Я имел право в колонии исключить воспитанника, но я никогда этим без общего собрания не воспользовался. Конечно, вы понимаете, что на общем собрании вы должны добиться такого постановления, какое вы считаете необходимым, а если коллектив вас уважает и понимает вас, то общее собрание всегда будет на вашей стороне. Для чего же тогда нужно общее собрание? Я считаю, что общее собрание нужно не столько для того, чтобы наложить правильное наказание, сколько для того, чтобы каждый член общего собрания считал себя ответственным за решение. Вот это переживание ответственности воспитывается в коллективе с наибольшим трудом, но зато, когда оно воспитано, оно творит чудеса. А это переживание ответственности вырабатывается очень большой точностью работы и четкостью.

В коммуне на общих собраниях был установлен такой регламент: речь могла продолжаться одну-две минуты. И вот даже в этом пустяке воспитывалась ответственность.

Ее можно воспитывать еще при помощи главным образом персональных поручений. В школе мне не приходилось наблюдать такие персональные поручения, а я их практиковал очень часто. Это значит — в каждом случае поручается кому-нибудь что-нибудь сделать с обязательным отчетом на общем собрании и с обязательной проверкой; не сделал — получай взыскание. Не стану затруднять вас слишком детальным описанием таких поручений — я уверен, что каждый директор школы и каждый коллектив педагогов всегда найдет, что поручить.

Наконец, я хочу обратить ваше внимание еще на один момент — на значение единоличного центра. Я лично убежден в том, что во главе школьного педагогического коллектива должен стоять полномочный педагог-директор. В своей практике (а я 16 лет работал в больших колониях с большим хозяйством) я имел право пригласить заведующего педагогической частью, и никогда его не приглашал, и считаю, что всю воспитательную и хозяйственную власть необходимо объединить в одних руках, как бы трудно, как бы тяжело это ни было. Через год такой работы директору станет гораздо легче: он все держит в своих руках, он все знает. Вообще в педагогическом детском и учительском коллективе я не могу понять логики, по которой центр разбивают на несколько ответственных лиц. Я считаю, что и воспитателем и хозяйственником должно быть одно лицо. Это нелегко, я тоже вставал в 6 часов утра и ложился в 1 час ночи и не имел выходных дней (я думаю, что такая доля готовится и директору школы),— но... Но как это ни трудно, все-таки лучше истратить время и силы, а сохранить качество детского коллектива.

Вот, товарищи, все, что я хотел сказать по основным, главным вопросам...

Прошу вас, ни в какой мере не смотрите на то, что я сказал, как на какие-то советы или как на какую-то рекомендацию. Это то, что делал я в исключительных условиях и в исключительном коллективе, воспитывая правонарушителей, беспризорных или детей, выбывших из семьи.

Кроме того, учтите одно важное примечание: для того чтобы создать все эти формы, нужно несколько лет. Ни в коем случае нельзя думать, что можно прийти, изобрести и осуществить это в течение нескольких дней. Но если бы меня спросили, с чего бы я начал в нормальной школе, я сказал бы: я начал бы не с формы и не с создания традиций, а начал бы с хорошего общего собрания, где так, от души, в лоб сказал бы ребятам: во-первых, чего я от них хочу, во-вторых, чего я от них требую, и, в-третьих, я предсказал бы им, что́ у них будет через два года. Я убежден, что хорошо сказанное детям деловое, крепкое слово имеет громадное значение, и, может быть, у нас так много еще ошибок в организационных формах, потому что мы еще и говорить часто с ребятами по-настоящему не умеем. А нужно уметь сказать так, чтобы они в вашем слове почувствовали вашу волю, вашу культуру, вашу личность. Этому нужно учиться.

Заканчивая, я от души желаю вам в вашей работе успеха. Уверен, что у вас не меньше всяких мыслей и изобретений, чем, скажем, у меня, только я отличаюсь многословием — пишу книги, а вы, может быть, помалкиваете, хотя у каждого из вас есть очень интересные новеллы.

Заключительное слово

Я думаю, что не нужно никакого заключительного слова, а я просто отвечу на вопросы и записки.

Вот одна записка, касающаяся очень важного вопроса, вопроса о риске: *«В Ленинграде был случай, когда ученик, получив плохую отметку, пытался покончить самоубийством. Как быть в таких случаях?»*

Совершенно правильно поставленный вопрос. Но в самом вопросе заключается ответ. Какой риск был в том, что ученику была поставлена плохая отметка? Это совершенно узаконенная, нормальная, средняя мера.

Никто же не думает, что как только ставишь отметку, так и отнимай у ученика нож или смотри, чтобы он не выбросился из окна. Это самая нерискованная мера, а все-таки ученик ненормально реагировал на эту отметку. Что это значит? Это именно и значит, что́ какие-то другие меры, еще менее рискованные, в общей сумме привели к тому, что маленькая плохая отметка оказалась только лишь последней каплей. Вот это есть самый безобразный риск, который часто имеет место. Мы накапливаем в своей работе мелкие, совершенно нерискованные влияния, будучи уверены, что в каждом из них нет риска. Мы гладим мальчика по голове, мы портим ему нервы хотя бы тем, что в школе содом и визг. Может быть, мы своим «ровным» голосом вызываем у него отвращение к жизни, и потом ко всему этому прибавляется еще совершенно нерискованная мера — плохая отметка,— и мальчик бурно реагирует! Я и думаю, что гораздо больший риск, по сути дела, часто заключается в нашем непротивленче-

стве, чем в прямой, искренней и открытой борьбе с некоторыми тенденциями в развитии ребенка.

...Учтите следующее важнейшее обстоятельство: если ваши ученики знают, что вы, директор, и все ваши помощники, учителя, весь педагогический коллектив — люди с открытой душой, люди справедливые, прямые, то в таком школьном коллективе не может возникнуть мысль о самоубийстве. Как бы вы ни поступали, у учеников всегда будет ясное представление, что это сделали вы — человек, известный каждому ученику как открытая личность, и всегда у него возникает мысль о том, что вы правы, и именно к вам он пойдет за советом, поговорить, подумать о том, что ему делать. А вот когда вы прячетесь от ученика за ровным голосом, он никогда к вам не пойдет, он самое тайное, самое опасное переживание обязательно от вас спрячет. Да и кого же потянет к человеку с ровным голосом!

Я в своей жизни из коммуны им Дзержинского за 8 лет выгнал безжалостно на все четыре стороны, наверное, человек 10, причем выгнал, не замазывая ничем. Им было сказано: «Выгоняем на все четыре стороны, потому что ты негоден, ты оскорбляешь и обижаешь нас своим существованием. Мы прямо говорим, что ты низко стоишь как человек». И что вы думаете, я не дрожал несколько ночей, думая, чем все это кончится? Дрожал, но я чувствовал внутреннюю потребность так поступить, мой поступок был поддержан моей совестью. И вы знаете, что все эти выгнанные, потом, через 5—6—7 лет, присылали мне письма. Совсем недавно, например, перед отъездом сюда получаю письмо. Пытаюсь вспомнить, кто же это. Вспоминаю: я его выгнал несколько лет тому назад. Он пишет: я участвовал в боях на озере Хасан и поэтому должен сейчас написать письмо. Спасибо вам, что вы меня тогда выгнали. Если бы вы меня не выгнали, я бы так и остался никуда не годным человеком. А когда вы меня выгнали, я понял, как я низко пал, и решил доказать, что я могу быть человеком. Через 8 лет я потерял из виду этого человека, и вот он написал, когда он оказался победителем у озера Хасан; именно в этот момент он вспомнил обо мне как об одной из причин его сегодняшнего блеска.

Попробуйте поэтому предсказать — куда ведет каждый поступок!

Конечно, если коллектив слаб, то каждый нарывчик мешает, и в таком коллективе приходится выгонять с ласковой физиономией, но без достаточных поводов, а из сильного коллектива вы выгоните тогда, когда человек действительно пошел против коллектива, и тогда ваш поступок и на того, кого вы выгоняете, подействует в высокой степени отрезвляюще.

Кроме того, говоря о риске, я сказал с самого начала, что чем сильнее коллектив, чем правильнее он организован, тем сильнее вы можете его поворачивать и тем меньше будет риска, а в слабом, плохо организованном коллективе я сказал бы так: каждое ваше движение рискованно. Вы не можете отвечать ни за что, если нет общей системы, вы не можете сказать, где у вас риск и где у вас его нет.

Затем одно мое возражение. Я не говорил, что у меня нет мастерства Я говорил, что у меня нет таланта, а мастерства я добился. Мастерство — это то, чего можно добиться, и как может быть известный мастер-токарь, прекрасный мастер-врач, так должен и может быть прекрасным мастером педагог

А что такое педагогический талант? Чего стоит педагогический талант, если нет мастерства? Ничего не стоит. Я, конечно, говорю о воспитательном таланте, в отличие, скажем, от талантов преподавательских. А мастерство это очень достижимая вещь.

У меня был такой помощник — Тимофей Денисович Татаринов. Он со мной долго работал. Это было нежнейшее существо, иначе он ни к кому не обращался, как «хлопятки» (хлопец), «девчатки». Это была полная мне противоположность. Хороший учитель. Я взял его из сельской школы Причем человек замечательной работоспособности, исключительной ловкости, многое умеющий изготовить, над многим умеющий подумать. Его многие любили, но в его мягкости видели какое-то противоречие. Потом он постепенно вырос и стал моим заместителем. И вот что удивительно. Я часто уезжал по делам, а он был на моем месте. По нашим законам и традициям — пока я в колонии, я имею все права, а я уезжаю — все права переходят к нему. И вот Тимофей Денисович научился у меня целому ряду приемов. Я имел, надо сказать, грешные непедагогические приемы, любил иногда сказать — черт бы вас забрал! Так что же вы думаете? И он стал так говорить, но он говорил так: «Черт бы вас забрал» (тихим, мягким, добрым тоном). (Общий смех.) И что удивительно — это производило свое действие. В его характере это было негодование, и все понимали, что он «годует». (Смех.) Это было мастерство. Я потом его спрашиваю — тут вот говорят, ты кулаком стучал по столу и кричать не кричал, а «черные» слова говорил. А он мне отвечает. «Да, я цэ нарочно робив». То есть человек по своей натуре приспособил к себе внешние формы гнева. (Смех.) И все говорили: «Он сердитый, Тимофей Денисович!» А это значит нехорошо.

Так что я уверен, что все мы с вами — люди одинаковые. Я проработал 32 года, и всякий учитель, который проработал более или менее длительно,— мастер, если он не лентяй. И каждый из вас, молодых педагогов, будет обязательно мастером, если не бросит нашего дела, а насколько он овладевает мастерством — зависит от собственного напора.

Теперь о педагогическом гневе. Не подумайте, пожалуйста, что я вас призываю вместо ровного голоса к громовому стуку кулаками по столу, крику и т. д. Это не может произвести полезного действия...

Что же такое гнев? Все надо понимать диалектически. При мастерстве гнев звучит иначе. Если вы мастер, то вы будете переживать негодование, но у вас это не примет никаких антипедагогических форм. Это будет искреннее проявление вашего настоящего человеческого чувства, но не вообще человека, а мастера-педагога.

Не только гнев противополагается ровному голосу, ровному голосу я противополагаю вообще живое переживание человека. Надо представить себе всю лестницу: от простого недовольства до гнева. Я должен сказать, что я тут научился поневоле, и я знал, что значит сказать: «Здравствуй» — сухим, сдержанным тоном и «Зравствуй» — спокойным, добрым тоном, или: «Всё. Можешь идти» — суровым, холодным тоном; или: «Все. Можешь идти» — сдержанным, но мягким тоном. Всё это практика. И если вы поставите перед собой несколько таких интересных задач и поупражняетесь, то это будет очень неплохо. Я неоднократно заставлял упражняться своих сотрудников в подобного рода вещах. Я говорил иногда:

— Я — директор, ты — ученик, ты совершил проступок. Вот я буду с тобой разговаривать, а остальные слушайте, как я с ним разговариваю.

— Задавайте мне вопросы. Как вы будете спрашивать: «Скажи, ты это сделал?» Или: «Это ты сделал. Я знаю!» Вот попробуйте. Ведь пустяковая задача, а встречается на каждом шагу. И без постановки голоса, без мимики здесь ничего не выйдет.

Это разворачивание вашего мастерского тона проявляется не только в крайних категориях гнева или радости.

Вот вам иллюстрация [7]. Рыжиков спрашивает Ножика:

— Чего ты стараешься?

— А мне понравилось...

— И Захаров понравился?

— О! Захаров очень понравился!

— За что ж он тебе так понравился?

— А за то... за одно дело.

Хитрые большие глаза Ножика обратились в щелочки, когда он рассказывал, чуть-чуть помагивая круглой головой:

— Одно такое было дело, прямо чудо, а не дело. Он мне тогда и понравился. У нас свет потух, во всей колонии потух, во всем городе даже, там что-то такое на станции случилось. А мы пришли в кабинет и сидим — много пацанов, на всех диванах и на полу сидели. И все рассказывали про войну. Захаров рассказывал, и еще был тот... Маленький, тоже рассказывал. А потом Алексей Степанович и говорит:

— До чего это надоело! Работать нужно, а тут света нет! Что это за такое безобразие!

А потом посидел, посидел и говорит:

— Мне нужен свет, черт побери!

А мы смеемся. А он взял и сказал, громко так:

— Сейчас будет свет! Ну! Раз, два, три!

И как только сказал «три», так сразу свет! Кругом засветилось! Ой, мы тогда и смеялись, и хлопали, и Захаров смеялся и говорил:

— Это нужно уметь, а вы, пацаны, не умеете!

Ножик это рассказал с хитрым выражением, а потом прибавил, открыв глаза во всю ширь:

— Видишь?

— Что ж тут видеть? — спросил пренебрежительно Рыжиков.— Что ж, по-твоему, он может светом командовать?

— Нет,— протянул весело Ножик...— Зачем командовать? Это просто так сошлось. А только... другой бы так не сделал.

— И другой бы так сделал.

— Нет, не сделал. Другой бы побоялся. Он так подумал бы: я скажу — раз, два, три, а света не будет. Что тогда? И пацаны будут смеяться. А видишь, он сказал. И еще... как тебе сказать: он везучий! Ему повезло — и свет сразу. А я люблю, если человеку везет.

Рыжиков с удивлением прислушивался к этому хитрому лепетанию и не мог разобрать, шутит Ножик или серьезно говорит. И Рыжиков остался недоволен этой беседой:

— Подумаешь, везет! А тебе какое дело?

— А мне такое дело: ему везет, и мне с ним тоже везет. Хорошо! Это я люблю.

В чем тут дело? Дело в простом совпадении: нет света, человек говорит: «Сейчас будет свет», и вдруг свет появляется. И вот такой случайный пустяк создает вам авторитет на многие годы. Прошло уже три года, а об этом факте продолжают рассказывать. В чем аргумент? В тоне, в этом сильном напряжении вашей энергии.

Вот почему не нужно ровного голоса. А негодование, если вы мастер, вы знаете, когда потушить, а когда дать ему ход. И, когда нужно, негодование может делать больше, чем даже ласка, потому что в негодовании вы проявляете себя как гражданин, как человек и представитель учреждения, как представитель идеи, как представитель права, вы отстаиваете что-то большое. А что вы представляете собой, когда вы гладите по головке? «Педагогическую идею», и притом вам не известную.

Теперь вопрос: коллектив и семья — чрезвычайно важный вопрос..

У меня было тоже много детей из семьи. И не я придумал теорему, которую я вам предложу, а сама жизнь. Приходят родители — отец и мать: «Нельзя ли как-нибудь нашего сына взять?» — «Почему вы хотите его к нам поместить?» — «Да, знаете, не ночует дома, матери грубит, украл радиоаппарат, продал облигации...» и т. д. И вот, когда я беру ребенка, я говорю: «Я возьму, но раз вы мальчика довели до того, что он вас обокрал дочиста, то вы уже больше не участвуете в воспитании. Давайте так и условимся: я воспитываю, а вы дожидаетесь продукции».

Мне дают мальчика, доведенного до известной степени «совершенства». И вот, я подводил его к такой идее: он должен был нести в семью мою государственную идею. Таким образом, я не ожидал, что мне семья принесет какую-то свою идею, а был уверен, что мой воспитанник, мой мальчик понесет государственную идею в семью. Когда он уходил в отпуск, я говорил ему: «Отцу — полное уважение, матери — полное уважение, ручку целуй. Обязательно помогай! Завтра встанешь, спросишь: «Может быть, что-нибудь сделать?» Ты должен произвести на своих родителей сильное впечатление, понимаешь?» — «Понимаю». И вот мальчик приходит к родителям и спрашивает: «Ну, что вам тут сделать? Может, помыть что-нибудь?» И вот тогда родители понимают, что будущего своего сына, если он у них родится, нужно воспитывать иначе.

И я пришел к такому убеждению, что мы, учителя, представляем государственное социалистическое учреждение, социалистический сектор, а естественно, что наши воспитанники — тоже члены этого сектора, и они должны вносить в семью нашу правильную культурную и моральную идею. Если семья достаточно культурна, она всегда пойдет навстречу и у нас будет одна идея; если семья малокультурна, она подчинится влиянию не своего ребенка, а влиянию вашего коллектива, вашей организации.

Теперь вопрос о том, а как же так устроить, чтобы ребенок нес эти государственные идеи в семью? А это дело вашего мастерства и всех остальных методов и приемов. Но иногда для этого бывает достаточно просто сказать детям: вы должны вести себя так-то и так-то, потому что я не представляю себе, что может серьезно стоять вопрос о детях-дезорганизаторах. Нет, дезорганизаторов не может быть!

Я говорю об этом вот в связи с каким фактом. Я был недавно в детском суде[8]. Сидят пятеро из пятых классов. Говорят, магазин ограбили, апельсины где-то рассыпали, украли и съели, и вот попали на скамью подсудимых. Приходит завуч. Судья спрашивает его: «Можете характеризовать вот этого?» Завуч говорит: «Ужасный мальчик, дезорганизатор! Он опаздывает на занятия, курит и других учит. Веревки какие-то в класс приносит». Вот «веревки»меня сразу заставили насторожиться: что за «изверг» такой, с веревками в класс ходит. И вот судья вызывает: «Семенов». Он встает Судья — женщина, прекрасного стиля большевичка — спрашивает

— Отчего у тебя уши покраснели?

— Неловко как-то,— говорит он со слезами.

— А ты пионер?

— Пионер (Жмется.)

— А галстук где?

— В кармане.

— Почему?

— Стыдно ..

— Садись...

— Все понятно! — говорит она

А вот завучу не было понятно, что у мальчика уши от стыда краснеют, что он жмется, что у него на глазах выступают слезы. Какой же он дезорганизатор? Такому «дезорганизатору» вы, учитель, можете сказать: «Чтобы этого больше не было! Понял?» Можете быть уверены, что этого не будет. А, конечно, когда вы веревку увидели у него в руках и — руки вверх, то он папиросу после этого закурит и вам дым в глаза пустит! Вот такие «дезорганизаторы» — очень удобный материал, чотбы вносить в семью ваши правильные моральные идеи: вы позовите его и скажите: «Ты ученик такой-то нашей славной школы, семья — это твоя близкая родня, так вот покажи ей, как нужно себя вести!» Это очень нетрудно. Но опять при двух условиях — когда есть коллектив и когда есть мастерство.

«Что я предлагаю применять в школе?»

Я ничего не предлагаю и не имею права предлагать. Но если бы я был в школе, я и аресты применял бы, но у меня в кабинете, и арестовывал бы только лучших (смех) Да, товарищи, наказывать вообще нужно не худших, а лучших, а худших нужно прощать, но чтобы все знали, что такой-то самый лучший, и я ему пустяка не простил. Попробуйте наказывать не за самые тяжелые проступки, а за самые мелкие...

Конечно, такая система наказания с первого раза не пойдет; нужно, чтобы коллектив знал, что в наказании тоже проявляется уважение. Это, безусловно, трудная и сложная философия, и ее не стоило бы даже сегодня затрагивать.

Затем мне задан такой вопрос: *«Какая у вас связь с десятилеткой?»*

У нас была собственная десятилетка, и я был директором[9].

Следующий вопрос «Детская колония есть, на мой взгляд, эксперимент».

Какой же эксперимент? Там были живые люди. И рисковать мы можем, но эксперименты производить — едва ли[10].

«Как сохранить созданный коллектив?»

Очень просто: во-первых, сохраняйте его живое ядро, следите, чтобы всегда поколение сменялось при наличии подготовленного поколения, т. е. чтобы всегда было несколько слоев все повышающихся членов коллектива, и учителей и учеников[11], а во-вторых, сберегите правила, традиции.

Вы знаете, у нас когда-то было в приказе написано: «С утра по нарядам командиров на работу». Давно уже стали ходить на работу без нарядов, а в приказе все писалось: «С утра по нарядам командиров на работу».

Другая традиция: приказ читается — встать. Может быть, никакой пользы нет, а сохраняется по традиции. И это сохранение традиции — очень важная логика.

Следующий вопрос: *«Какие у вас творческие планы?»*

Само слово «творческие» мне не нравится. Творческие планы могут быть, если мы с ребятами, а сейчас у меня — писанина. Я думаю кончить II и III том «Книги для родителей» и потом заняться большим трудом, на который мне дадут, кажется, средства. Года три я думаю писать большую книгу о коммунистическом воспитании, уже не художественную книгу, а самую настоящую учительскую.

«Как поступить в том случае, если уполномоченные, или, как вы называете, командиры, нарушают порядок?»

Также в первую очередь «греть», а самое главное — ответственность перед общим собранием и еще более главное — у них должна быть честь, гордость коллектива.

Затем один товарищ упрекает меня в том, что мои мысли часто прячутся за устаревшими терминами. Это правильно. Действительно, наказание — это старый, опороченный термин. Но что же делать, не могу же я выдумывать термины.

«Как быть с семьей, с друзьями, мамашами и папашами?»

На этот вопрос я ответил бы так. Очень многие учителя присылали мне свои произведения — рассказы, повести, причем иногда даже неплохие. И вот что удивительно — откуда у них такой тон: никто не пишет «отец», «мать», а все пишут «папаша», «мамаша». Чувствуется какое-то отчуждение в этих словах. Я думаю, что с отцами и матерями нужно разговаривать очень много и хорошо, но главное — это действовать на них через детей.

Очень вам, товарищи, благодарен за внимание. Простите, если у меня плохо формулировались некоторые положения. Это потому, что в один вечер всего, конечно, не скажешь. Хорошо бы еще и вас послушать, потому что у вас, я уверен, есть что рассказать, и я бы поучился, ибо в опыте у каждого столько ценного, что если бы каждый из вас был бы так же упрям, как я, и сел бы писать книгу, то получилась бы прекрасная, интересная книга.

Желаю вам успеха, товарищи.

О МОЕМ ОПЫТЕ

Я думаю, что едва ли в том, что я могу вам сказать, я сообщу какие-нибудь ценные для вас вещи. Я думаю, что и у вас есть чему учиться, так же как и у меня и у всех других товарищей. У вас самих имеется прекрасный опыт работы, имеются прекрасные учреждения.

Я думаю, что из того, что я вам расскажу, вы можете получить пользу исключительно в порядке толчка, отталкивания, даже, может быть, отталкивания сопротивления, так как мой опыт довольно своеобразен и, пожалуй, имеет мало общего с вашим. Может быть, мне больше посчастливилось, чем вам.

Поэтому я прошу мои слова считать не рецептом, не законом, не выводами. Несмотря на то что мне пришлось 16 лет подряд проработать исключительно в детском доме, я не могу сказать, что я пришел к каким-то окончательным выводам. Я нахожусь еще в процессе становления, так же, вероятно, как и вы.

При решении многих вопросов мне надо прибегать, может быть, к вашей помощи или к помощи других товарищей.

Поэтому то, что я вам скажу,— это не выводы; выводы могут быть сделаны в большом труде, в монографии, в трудах, подкрепленных марксистским анализом. У меня нет выводов в отношении воспитания, и поэтому позвольте мне говорить с вами, как товарищу с товарищами, о тех гипотезах-предчувствиях, которые у меня есть, ибо то, что я скажу,— это скорее предчувствие, чем выводы.

Я прекрасно понимаю, что мои мысли определяются моим педагогическим опытом, понимаю, что возможен другой опыт, и, если бы я его испытал, может быть, я думал бы иначе.

Мой опыт очень узок. Я 8 лет заведовал колонией для правонарушителей им. Горького и 8 лет трудовой коммуной им. Дзержинского. Коммуна им. Дзержинского уже не была учреждением для правонарушителей. В первое время я получал обыкновенных беспризорных детей, а в последние 4 года я получал почти исключительно детей из семьи, большей частью из семей ответственных работников, где неблагополучие выражалось не в материальной обстановке, а исключительно в обстановке педагогической, бытовой.

Кто труднее из этих трех категорий: правонарушители, беспризорные или дети из семьи,— сказать трудно, но я думаю, что труднее всего дети из семьи. По крайней мере, по извилистости характеров, по их яркости и сопротивляемости эти дети кажутся мне в моем опыте наиболее трудными.

Но я к этому времени был лучше вооружен техникой своего мастерства, а самое главное — у меня был коллектив ребят, имеющий шестнадцатилетние традиции и шестнадцатилетнюю историю.

Только поэтому работа с детьми из семьи для меня была более легкой, чем работа с моими первыми воспитанниками-правонарушителями, с которыми я еще работать не умел.

На основании работы со всеми этими тремя категориями я в последние годы своей работы пришел к следующему выводу, для меня самому важному. Этот вывод даже в настоящее время звучит для меня не-

сколько парадоксально. Он утверждает, что трудных детей совершенно нет. Причем это утверждение вовсе не имеет у меня характера простого отрицания.

Вообще мне хочется сказать, что расстояние между моральной социальной нормой и моральными социальными искривлениями очень незначительно, почти ничтожно.

Отсюда мне представляется еще один вывод, в котором я не уверен, что так называемая перековка, выправление характера, не должна происходить эволюционно, на протяжении длительного времени.

Я прихожу к такому убеждению, что так как это расстояние между антисоциальными привычками, между каким-то опытом, имеющим неприемлемый для нашего общества характер, и нормальным опытом очень незначительно, то это расстояние надо пройти как можно быстрее.

Я это говорю, будучи очень слабо уверен, что этот вывод надо формулировать именно в таких словах. Я не очень уверен, что такая теория возможна, но я уверен в своем опыте.

За последние 5 лет, работая в коммуне им. Дзержинского, где было много ярких и трудных характеров, я не наблюдал уже процессов эволюции характера. Я наблюдал эволюцию в том обычном смысле, в каком мы всегда понимаем рост, развитие: мальчик учится в III, IV классе, потом переходит в V класс. Его кругозор расширяется, знаний и навыков у него больше. Он работает на заводе, повышает свою квалификацию, приобретает навыки общественного характера.

Но это обыкновенный рост, а не какая-то эволюция от испорченного, искривленного характера к норме.

Это вовсе не значит, что нет никакого различия между искривленным характером и нормой, но это значит, что выправление характера гораздо лучше производить методом, если хотите, взрыва [1].

Под взрывом я вовсе не понимаю такого положения, чтобы под человека подложить динамит, поджечь и самому удирать, не дожидаясь, пока человек взорвется.

Я имею в виду мгновенное воздействие, персворачивающее все желания человека, все его стремления.

Я так был изумлен внешним видом этих изменений, что впоследствии занялся вопросом методологии этих взрывов и эволюции в области искривленного характера и постепенно приходил все к большему убеждению, что метод взрывов — я не нахожу другого слова — может быть учтен педагогами как один из удачных. Может быть, найдут более удачное педагогическое слово для определения этого метода, я искал, но не нашел.

Я расскажу вам о некоторых своих впечатлениях, которые заставили меня не только думать так, как я думаю, но и продолжать дальше свою работу этим методом.

Еще в 1931 г. я должен был пополнить свою коммуну, где было 150 человек, новыми 150 ребятами, многих я должен был принять в течение двух недель.

У меня уже была очень хорошая организация коммунаров. Из 150 человек 90 человек были комсомольцами в возрасте от 14 до 18 лет, остальные были пионерами.

Все были крепко связаны, были очень дружны, обладали очень красивой, точной, бодрой дисциплиной, прекрасно умели работать, гордились своей коммуной и своей дисциплиной. Им можно было поручать довольно ответственные задания, даже физически трудные, даже трудные психологически.

Вот какой метод я применял для того, чтобы произвести наиболее сильное впечатление на мое новое пополнение.

Конечно, этот прием был многообразен, он заключался и в самой подготовке помещения: спальни, рабочих мест, класса, в подготовке внешней обстановки, в виде цветов, зеркал.

Коммуна жила очень богато, потому что была на хозрасчете.

Мы так принимали детей. Мы их собирали всегда в скорых поездах. Это было в Харькове. Ребята, ехавшие в скорых поездах,— это был наш контингент; мы имели право на этот контингент. Скорые поезда Москва — Минеральные Воды, Москва — Сочи, Москва — Кисловодск перевозили кандидатов в мою коммуну.

Все эти скорые поезда проходят через Харьков ночью, и мы этих ребят тоже собирали ночью.

Семь-восемь коммунаров, один из которых назначался временным командиром на одну ночь, отправлялись для того, чтобы собрать этих ребят. Этот временный командир всегда отвечал за работу отряда и всегда сдавал рапорт после окончания задания.

Временный отряд в течение 2—3 часов собирал беспризорных с крыш, из уборных, вытаскивал из-под вагонов. Они умели собирать этих «пассажиров». Я никогда не сумел бы их найти.

Сотрудники НКВД, стрелки отводили мне комнату на вокзале. В этой комнате происходил первый митинг.

Этот митинг заключался не в уговаривании ребят идти в коммуну, а носил такую форму. Наши коммунары обращались к ребятам с такими словами: «Дорогие товарищи, наша коммуна испытывает сильные затруднения в рабочей силе. Мы строим новый завод, мы пришли к вам с просьбой помочь нам».

И беспризорные были уверены, что это так.

Им говорили: «Кто не хочет,— может ехать дальше скорым поездом».

И дальше начинался тот метод удивления, который я хочу назвать методом взрыва.

Обычно ребята всегда соглашались помочь нам в нашем строительстве. В этой комнате они оставались ночевать. А на другой день в 12 часов вся коммуна с оркестром — у нас был очень хороший большой оркестр, 60 белых труб,— со знаменем, в парадных костюмах с белыми воротниками, с наивысшим шиком, с вензелями и т. д. выстраивалась в шеренгу у вокзала, и, когда этот отряд, запахивая свои кафтаны, семеня босыми ногами, выходил на площадь, сразу раздавалась музыка, и они видели перед собой фронт. Мы их встречали звуками оркестра, салютом как наших лучших товарищей.

Потом впереди выстраивались наши комсомольцы, девочки, следом за ними шли эти беспризорные ребята, а потом еще шел взвод.

И вся эта группа шествовала очень торжественно по восемь человек в ряд.

Граждане плакали от умиления, но мы видели, что это только техника и ничего сентиментального.

Когда их приводили в коммуну, они отправлялись в баню и выходили оттуда подстриженные, вымытые, одетые в такие же парадные костюмы с белыми воротниками.

Затем на тачке привозилась их прежняя одежда, поливалась бензином и торжественно сжигалась.

Приходили двое дежурных по двору с метлами и сметали весь пепел в ведро

Многим моим сотрудникам это казалось шуткой, но на самом деле это производило потрясающее материальное, если не символическое впечатление.

Из этих беспризорных, которых я собирал с поездов, я мог бы назвать только двух-трех человек, которые не стали на надлежащие рельсы.

Но эти ребята никогда не забудут их приема на вокзале, этого костра, новые спальни, новое обращение, новую дисциплину, и навсегда у них останутся сильные впечатления.

Я привел один из примеров того метода, который я называю методом взрыва.

Этот метод продолжается и развертывается дальше во всей моей системе.

Эта система прежде всего заключалась в коллективе.

К сожалению, у нас ни в каких книгах не описано, что такое коллектив и, особенно, что такое детский воспитательный коллектив

Об этом надо писать и надо производить большие исследования такого коллектива.

Первым признаком коллектива является то, что это не толпа, а целесообразно устроенный, действующий орган, орган, способный действовать.

Организация коллектива была такой, что коллектив обращался в социальный организм; он всегда оставался коллективом, никогда не превращался в толпу.

Это, пожалуй, самое трудное дело в нашей педагогической работе, и я не видал больше таких коллективов, какой был у меня.

Я это говорю не в похвальбу себе, а просто констатирую факт.

И я не один создавал этот коллектив. Об этом говорить очень долго, и я едва ли все сумею сказать.

Но сама организация коллектива должна начинаться с решения вопроса о первичном коллективе. Я над этим вопросом много думал, много возникало у меня разных способов организации коллектива, и я пришел к следующим выводам.

Первичный коллектив, т. е. коллектив, который уже не должен делиться дальше на более мелкие коллективы, образования, не может быть меньше 7 и больше 15 человек. Я не знаю, почему это так, я этого не учитывал. Я только знаю, что, если первичный коллектив меньше 7 человек, он начинает обращаться в дружеский коллектив, в замкнутую группу друзей и приятелей.

Первичный коллектив больше 15 человек всегда стремится к разделению на два коллектива, всегда есть линия разделения.

Я считаю идеальным первичным коллективом только такой коллектив, который одновременно ощущает и свое единство, спаянность, крепость и в то же время ощущает, что это не компания друзей, которые договорились, а это явление социального порядка, коллектив, организация, имеющая какие-то обязанности, какой-то долг, какую-то ответственность. Все это можно изложить на бумаге. В коротких словах трудно изложить.

Особенно меня занимала фигура того лица, которое должно руководить этим первичным коллективом и отвечать за него.

Я все 16 лет своей работы употребил на решение этого труднейшего вопроса и пришел к такому убеждению, что во главе первичного коллектива должен быть обязательно единоначальник, одно лицо, которое по типу своей власти как единоначальник все-таки не является диктатором, но которое в то же время является уполномоченным этого коллектива.

Для меня потом стало важным еще одно обстоятельство — длительность такого первичного коллектива.

Мне удалось сохранить такой первичный коллектив без изменения в течение 7—8 лет. Десять — пятнадцать мальчиков или девочек сохраняли качество первичного коллектива в течение 7—8 лет, причем производились изменения не больше, как в размере 25%: из двенадцати человек в течение 8 лет переменились трое: трое ушли и трое пришли.

Я заранее предчувствовал и видел на деле, что получается очень интересный коллектив, интересный в том смысле, что его можно было рассматривать как чудо по характеру движения, по характеру развития этого коллектива, по характеру тона, тона уверенности, бодрости, тенденции к сохранению первичного коллектива. Этот коллектив имел у себя единоначальную власть командира и потом бригадира.

Сначала была тенденция выдвигать во главу такого первичного коллектива наиболее способного, наиболее «блатного», наиболее волевого мальчика или девочку, атамана, способного держать всех в руках: командовать, настаивать, нажимать.

И вот в течение 16 лет я наблюдал, как эта тенденция выбора в качестве командира наиболее сильной личности, способной командовать, постепенно изменялась и как под конец во главе такого первичного коллектива, отряда (у меня обычно этот коллектив назывался отрядом) становился очередной старший, ничем не отличающийся от всякого другого.

В течение этих 16 лет, почти незаметно для меня и почти независимо от моих целей воспитания, такое изменение произошло, когда во главе отряда становился очередной старший.

В последние годы я достиг такого педагогического счастья, что мог любого коммунара в любом коллективе назначать старшим и мог быть уверен, что он будет блестяще руководить.

Я не имею сейчас возможности рассказывать вам подробно о характере этой интересной детской магистратуры, детского выборного лица, которое не только способно играть в старшего, но на самом деле руководить, вести за собой коллектив, не будучи для этого ни самым сильным, ни самым талантливым, ни самым волевым, а имея только одно отличие от

всех остальных — полномочие и ответственность, как будто чисто формальное отличие.

Мне пришлось в 1933 г. выделить около 100 коммунаров на очень тяжелую, трудную, нервную, специальную работу по поручению правительства Украины, когда мои коммунары работали в течение нескольких месяцев в труднейших условиях вне коммуны.

Я не мог взять из коллектива самых лучших коммунаров, так как они обычно были в IX—X классе и, кроме того, это были наиболее квалифицированные мастера, а я жил на хозрасчете и был заинтересован в рабочей силе. Эти квалифицированные мастера были начальниками цехов этого завода.

Я выделил середняков, выделил из них командиров, разбил людей на отряды. Я рискнул: сам с ними не поехал и никого старшего не послал, кроме одного завхоза, который их кормил.

И надо сказать, что они прекрасно справились со своей работой, и особенно вновь выделенные командиры, выделенные буквально по алфавиту. Они прекрасно поняли, до какой границы доходят их полномочия и до какой границы доходит их ответственность

Для того чтобы воспитать это чувство границы, до которой доходят полномочия и серьезная ответственность, требуется, конечно, долгое время. Я думаю, что в течение года или двух ни в каком коллективе нельзя этого воспитать.

Потребуются 4—5 лет, чтобы воспитать эту интересную, нормальную магистратуру в детском коллективе.

Здесь требуется большая работа, большое напряжение.

В той же логической связи стоит не только организация первичных коллективов, но и организация общественных зависимостей внутри большого коллектива.

У меня первичным коллективом был отряд.

Сначала я организовывал отряды по такому принципу: кто с кем учится, кто с кем работает, тех я объединяю в один отряд.

Потом я решил, что нужно младших отделять от старших. Затем пришел к выводу, что это вредно, и потом уже в каждом таком отряде были и малыши, и взрослые юноши 17—18 лет.

Я решил, что такой коллектив, наиболее напоминающий семью, будет самым выгодным в воспитательном отношении. Там создается забота о младших, уважение к старшим, самые нежные нюансы товарищеских отношений.

Там малыши не будут замкнуты в отдельную группу, которая варится в собственном соку, а старшие никогда не будут рассказывать скабрезные анекдоты, так как у них есть забота о младших.

Очень важным вопросом являлся вопрос о временных уполномоченных. Казалось бы, пустячный вопрос, но я на этой теме, на постоянном, неуклонном ежедневном подборе поручений, на разбрасывании этих поручений по отдельным лицам, на строгих отчетах о коротких заданиях подготовил очень много интересных кадров своих коммунаров.

Наконец, в порядке той же коллективной логики, для меня было особенно интересно общее самоуправление большого коллектива.

У меня всегда, все 16 лет, были выделенные командиры, которые несли ответственность за отряд. Был совет командиров.

Этот мой орган управления всегда вызывал возражение со стороны не только педагогов, профессуры, но журналистов и писателей. Все считали, что это нечто казарменное, что это муштровка.

К сожалению, мало кто вникал в сущность этого явления.

Совет командиров как орган управления чрезвычайно выгоден вот в каком отношении

В колонии у меня было 28 отрядов, надо было иметь 28 командиров.

Потом мы пришли к такому обычаю: совет командиров собирался только по сигналу.

Даже если совет командиров был назначен по расписанию, обязательно давался сигнал сбора. Обычно мы собирали командиров без расписания.

Я был против составления плана работы совета командиров. И как на меня ни нажимали вышестоящие организации, я никогда не представил ни одного плана работы совета командиров. Совет командиров — это был орган управления, который должен был работать по тем задачам и темам, которые возникают каждый день, которые нельзя пересказать в плане.

В последние 8—10 лет это было очень подвижное учреждение.

По любому вопросу, возникшему у меня, я мог собрать совет командиров в течение двух минут.

Давался трубный сигнал для сбора совета командиров, очень коротких три звука. Трубный сигнал давался только один раз, запрещалось давать его второй раз, чтобы никто из командиров не приучался волынить, чтобы немедленно шли на совет.

Услышав трубный звук, командир, где бы он ни находился: в классе, на работе, в бане,— все равно, должен был привести себя в порядок и спешить на совет командиров.

Сначала было трудно это сделать, а потом это стало привычкой, настоящим коллективным рефлексом.

И если кто-нибудь из моих заместителей созывал совет командиров, я, услышав сигнал, бежал, как конь.

Это был условный рефлекс. Я должен был спешить к исполнению своих обязанностей.

Был у нас один интересный закон: говорить можно было только одну минуту Говоривший больше одной минуты считался трепачом, и его не хотели слушать.

Мы должны были иногда провести сбор в течение перемены 5—10 минут.

Один остроумный председатель совета командиров где-то достал песочные минутные часы, причем он уверял, что, пока падает одна песчинка, ты можешь сказать одно слово, а тут 2000 песчинок,— значит ты можешь в одну минуту сказать 2000 слов. Что, тебе нужно больше 2000 слов в минуту? И этот регламент был необходим.

У нас была полная десятилетка со всеми качествами десятилетки.

Кроме того, у нас был завод, где каждый работал по 4 часа в день. Надо было 4 часа поработать на заводе, 5 часов поработать в десятилетке. Итого 9 часов.

Кроме того, мы никогда не имели уборщицы, а каждое утро натирали полы. У нас не могло быть пыли; бывали дни, когда к нам являлись 3—4 делегации. Все должно было блестеть.

При этом проходили производственные совещания, комсомольские собрания, пионерские собрания, физкультурные и др. Мы не могли тратить ни одной лишней минуты. Может быть, другие будут в лучших условиях и им не нужен будет такой минутный регламент.

Когда мы собирали совет командиров, то часть командиров могла быть в отсутствии или не могла бросить работу у какого-нибудь важного станка. Поэтому вошло в обычай — и это стало даже законом. если нет командира, идет помощник, а если нет помощника, идет любой член отряда.

Обычно в каждом отряде знали, что, если сегодня будут играть сбор, пойдет такой-то. Постепенно создалось такое положение, что когда собрался совет командиров, мы не спрашивали, есть ли Иванов или Петров, а спрашивали: представлен ли 1-й отряд, 2, 3, 4-й.

Важно, чтобы был представлен отряд.

Постепенно совет командиров сделался советом отрядов. Нам было не важно, кто пришел из отряда, важно было, что это был человек, имеющий звание коммунара.

Если на совете разрешался важный вопрос, мы требовали, чтобы обязательно был командир, так как сам командир выбирался у нас не отрядом, а общим собранием коммуны.

Мы пришли к такой формуле именно для того, чтобы совет командиров не только в коммуне, но и в каждом отряде имел вид совета уполномоченных, чтобы это были не только уполномоченные данного отряда, но уполномоченные всей коммуны. Этот совет стоял над отрядом.

Совет командиров помогал мне работать в течение 16 лет, и я теперь чувствую благодарность и испытываю серьезное и большое уважение к этому органу, который постепенно изменялся, но всегда оставался только с каким-то одним тоном, одним лицом, одним движением.

Я хочу обратить ваше внимание на следующее.

Мы, взрослые, чувствуем себя страшно умными, всегда много знаем, всегда во всем разбираемся и все понимаем, и, когда приходим в новое учреждение, когда нам дают новое дело, мы всегда пытаемся все поломать и сделать все по-новому.

Благодаря этому наше молодое советское педагогическое дело, которому мы не можем насчитать даже 20 лет, страдает быстрой текучестью форм, страшной изменчивостью, отсутствием традиций.

Я только к концу 16-го года своей работы понял, в чем дело. Традиции, т. е. опыт взрослых поколений, ушедших 4—5—6 лет назад, что-то сделавших, что-то решивших, надо настолько уважать, чтобы этот опыт предшествующих поколений не так легко можно было бы менять

В конце концов, в той же коммуне было так много интересных, оригинальных, точных правил, что какому-нибудь дежурному ничего не стоило вести коммуну за собой.

Казалось бы, некоторые из этих правил даже потеряли свой смысл. И я помню, что любой педагогический реформатор, в особенности из таких «революционных» педагогов, мог сломать любую традицию.

Когда-то, когда мы были окружены в колонии им. Горького ворами и бандитами, у нас стоял в дверях часовой с винтовкой. Он так и остался стоять в 1936 г. Это была традиция. Я не хотел ее ломать, и мне было трудно ее поломать, так как все были убеждены, что это нужно.

Когда я анализировал это явление, я пришел к выводу, что это нужно, во-первых, потому что когда ночью 600 человек спят и мальчик 13—14 лет стоит с винтовкой у незапертой двери на охране своей коммуны, ему и страшновато и жутко немного, он испытывает по сути этот страх и жуть, но это заставляет его поверить в себя.

Стояли на часах и девочки. Если стояла маленькая девочка, то я сверху поглядывал на нее одним глазом, но девочка об этом не знала.

И винтовка была не простая винтовка, из которой можно было бы выстрелить, винтовка была без патронов, это была символическая винтовка. И держать ее — значило чувствовать к себе уважение, особенно когда винтовка почищена.

В 1929 г. я перевел из моего кабинета денежный ящик поближе к часовому. Это было сделано по предложению коллектива. Говорили, что не стоит держать денежный ящик в кабинете. Лучше его поставить там, где стоит часовой. А что может сделать 13-летний мальчик с винтовкой в руках, об этом не рассуждали. Денежный ящик стоял около часового, и мы были спокойны, потому что тринадцатилетний мальчик, в случае нападения, принял бы все меры, чтобы отстоять этот ящик.

Здесь мы подходим к ряду тем, которые входят в тему коллектива. Только стройный, хорошо организованный коллектив может почувствовать свои мускулы, а плохо организованный коллектив никогда этих мускулов не почувствует.

Перехожу к вопросу о дисциплине.

Если вы читали мою книгу «Педагогическая поэма», то вы помните, что я начал с вопроса о дисциплине. Я начал с того, что ударил своего воспитанника.

В «Педагогической поэме» все это описано более или менее пространно, и я был очень удивлен, когда на меня посыпались обвинения, что я рекомендую побои.

Как раз в «Педагогической поэме» этого не видно. Наоборот, это событие носило для меня печальный характер не в том смысле, что я дошел до такого отчаяния, а в том смысле, что выход нашел не я, а тот мальчик, которого я ударил,— Задоров.

Он нашел в себе страшную силу и бодрость понять, до какого отчаяния я дошел, и протянул мне руку.

Успех этого случая проистекал не из моего метода, а находился в зависимости от случайного человеческого объекта моего физического воздействия. Не всякому удастся натолкнуться на такого человека, которого ударишь, а он протянет тебе руку и скажет: я тебе помогу — и действительно поможет. А мне посчастливилось, и я тогда это понял.

В своей практике я не мог основываться на такой дисциплине, на насилии. Я пришел к той дисциплине, истинную форму которой и хотел показать в моем последнем романе «Флаги на башнях».

В этом романе говорится о железной, строгой, крепкой дисциплине, которая способна привести к идиллии. Это возможно только в Совет-

кой стране. Создать такую дисциплину очень трудно. Для того чтобы ее создать, требуется большое творчество, требуется душа, личность. В это дело надо вложить вашу собственную личность.

Это трудное дело еще и потому, что здесь успехи достигаются очень медленно, постепенно, почти невозможно заметить движения вперед. Здесь нужно уметь больше видеть впереди, надо уметь видеть больше того, что есть сегодня.

Цель такой дисциплины мы прекрасно понимаем. Это полное соединение глубокой сознательности с очень строгой и как будто даже механической нормой.

Я не представляю себе хорошей дисциплины, если в ней будет одно сознание. Такой дисциплины быть не может, и такая дисциплина всегда будет иметь склонность обратиться в ригоризм [2]. Она будет рассудочной, постоянно будет ставиться вопрос в отношении того или другого поступка, будет постоянное раздвоение, как поступить: так или не так.

Дисциплина, которая хочет опираться только на одно сознание, всегда сделается рассудочной. Она изменит нормы в любом коллективе и всегда в конечном счете будет представлять цепочку споров, проблем и нажимов.

Но, с другой стороны, дисциплина, основанная на технической норме, догме, приказе, всегда имеет склонность обратиться в слепое повиновение, механическое подчинение одному управляющему лицу.

Это не наша дисциплина. Наша дисциплина — это соединение полной сознательности, ясности, полного понимания, общего для всех понимания, как надо поступать, с ясной, совершенно точной внешней формой, которая не допускает споров, разногласий, возражений, проволочек, болтовни. Эта гармония двух идей в дисциплине — самая трудная вещь.

Этой гармонии удалось добиться моему коллективу благодаря не только мне, а многим счастливым обстоятельствам и многим лицам.

Каким же образом произошло объединение этой сознательности с точной дисциплинарной формой?

Здесь было очень много способов. В конце концов, все способы, все методы вели именно к этому. Дисциплина в этом случае не являлась условием благополучной работы. У нас обычно думают, что для хорошей работы в качестве необходимого условия нужна подобная дисциплина, а я не так давно понял, что настоящая дисциплина не может быть условием работы, она может быть только результатом всей работы и всех методов.

Дисциплина не есть метод и не может быть методом. Как только дисциплину начинают рассматривать как метод, она обязательно обращается в проклятие. Она может быть только последним итогом всей работы.

Дисциплина — это лицо коллектива, его голос, его красота, его подвижность, его мимика, его убежденность. Все, что есть в коллективе, в конечном счете принимает форму дисциплины.

Дисциплина — это глубоко политическое явление, это то, что можно назвать самочувствием гражданина Советского Союза. Я сейчас это очень хорошо понимаю.

Уверяю вас, что в течение всех 16 лет я никак не мог понять, где

поймать этот хвостик, где найти эту формулу, чтобы все разобрать и понять.

Поэтому нельзя говорить о дисциплине как средстве воспитания. Я могу говорить о дисциплине как о результате воспитания [3]. Этот результат воспитания проявляется не только в том, чтобы кто-то что-то предписал и кто-то что-то выслушал. Этот результат проявляется даже тогда, когда человек, оставаясь наедине, должен знать, как поступить.

Мои коммунары говорили: мы будем судить о твоей дисциплине не по тому, как ты поступил на виду у других, и не по тому, как ты исполнил приказание или выполнил работу, а по тому, как ты поступил, не зная, что другим известно, как ты поступил.

Например, ты проходишь по паркетному полу и видишь, что на полу грязная бумажка. Никто тебя не видит, и ты никого не видишь, и тут важно: поднимешь ты эту бумажку или нет. Если ты поднимешь и выбросишь эту бумажку и никто этого не увидит,— значит, у тебя есть дисциплина.

Последняя форма дисциплины особенно проявлялась в фигуре дежурного бригадира или дежурного командира.

Это один из бригадиров, мальчиков или девочек, обычно даже не самый старший, так как самые старшие комсомольцы, наиболее заслуженные члены бюро, несли уже более ответственную работу: то редактора газеты, то начальника цеха, то начальника конструкторского бюро, то комсорга или секретаря комсомольского коллектива, а командир бригады или командир отряда — это был мальчик 15—16—17 лет или девушка.

Они обычно не имели права наказывать, не имели других особых прав в коммуне, но дежурный бригадир в течение дня ведет коммуну.

Воспитателей у нас в коммуне уже не было. Я всех их снял еще в 1930 г. Они просто перешли в школу как учителя, а от воспитателей мы отказались. Все восемь лет коллектив жил без единого воспитателя.

Такой дежурный бригадир с 6 часов утра до 12 часов ночи или с ночи до утра должен был отвечать за все, что происходит в коммуне, за точность и порядок в расписании, порядок в уборке, должен был отчитаться за прием гостей, за хороший обед, если был поход — то за поход, если была какая-нибудь дополнительная работа — за работу. Ночью он имел право спать.

Ему одному общее собрание дало право приказа. Постепенно это право развилось в очень сложную традицию, которой все очень гордились и которой неуклонно следовали.

Такой пятнадцатилетний мальчик мог потом, не оглядываясь, сказать самому старшему комсомольцу, самому заслуженному члену коммуны: возьми тряпку и вытри эту лужу здесь на полу.

Он не имел права, обычно, повторять приказания, но кто бы ни услышал его приказание, должен был сказать: «Есть, товарищ бригадир».

Если он даже вытер лужу, но не сказал: «Есть, товарищ бригадир»,— считалось, что он не выполнил приказания.

С этим дежурным нельзя было разговаривать сидя, а надо было разговаривать вытянувшись.

Нельзя было ему возражать. Можно было спорить со мной, с любым командиром, с бригадиром, а с дежурным нельзя было спорить, так как

говорили, что у него очень много дела и если каждый будет с ним спорить, то ему, бедному, и не выжить.

Если даже дежурный бригадир неправильно решал тот или другой вопрос, то тебе предлагалось. выполни и забудь, что это неправильно.

Рапорт дежурного бригадира я не имел права проверять.

Он говорит, что в таком-то отряде сегодня случилось то-то и то-то. Свой рапорт он отдает в присутствии всех, с салютом. Все должны стоять.

И если я в чем-нибудь сомневался, я не мог сказать: позови мне этого коммунара, я у него спрошу.

Это было бы сильнейшим оскорблением.

Создалась такая традиция потом, на другой день, тот, о ком он докладывал, может сказать, что дежурный «набрехал», но так, чтобы я не услышал, ибо за такие разговоры я отправлял под арест. Если даже «набрехал», не смей говорить. Это наш уполномоченный, мы ему подчиняемся, его слушаемся.

Завтра ты можешь сказать, что он слаб, и мы его снимем, а в момент рапорта нельзя было ничего говорить. Этим мы избавились от бесконечных склок

Особенно важным было то, что рапорт дежурного не проверяется. Дежурный бригадир докладывал мне вечером решительно обо всех, и я не помню, чтобы мне кто-нибудь соврал. Он не мог соврать.

Если бы этот дежурный встретил меня на прогулке и что-нибудь о ком-нибудь мне сказал бы, то это можно было бы проверять на сборе, но если он говорил в присутствии всех, проверять было нельзя. Коммунары заявляли: «Ведь он Антону Семеновичу не на ухо сказал, ведь они не в саду сидели, он сказал в присутствии всех, с рапортом, с салютом, как он мог соврать. Человек не может соврать в таком положении»

Коммунары были убеждены, что вся обстановка, все положение дежурного не дают ему возможности соврать.

Это был моральный закон, и проверять было не нужно.

Вот общая результативная картина, которую можно назвать дисциплиной.

Какие методы должны вести к такой результативной картине? Устройство коллектива как определенной организации и педагогическое мастерство.

Педагогическое мастерство — совсем не пустое дело В педагогических вузах этим педагогическим мастерством и не пахнет. Там и не знают, что такое педагогическое мастерство. Мы имеем такое положение, когда это мастерство каждый имеет право назвать кустарным, и правильно

Я тоже много мучился с этим вопросом, и тем более мучился, что никогда не считал себя талантливым воспитателем и, по совести говорю, что не считаю сейчас, так как иначе мне не пришлось бы так много работать, ошибаться и страдать.

Я и теперь глубоко убежден, что я скорее обыкновенный, средний педагог. Это очень похоже на правду. Но я добился педагогического мастерства, а это важная вещь

Мастерство воспитателя не является каким-то особым искусством, требующим таланта, но это специальность, которой надо учить, как надо учить врача его мастерству, как надо учить музыканта. Каждый человек,

если он не урод, может быть врачом и лечить людей, и каждый человек, если он не урод, может быть музыкантом. Один — лучше, другой — хуже. Это будет зависеть от качества инструмента, учебы и т. п. А у педагога такой учебы нет.

Что такое мастерство? Я имею склонность отделять процесс воспитания от процесса образования. Я знаю, что против этого возразит каждый специалист-педагог. Но я считаю, что процесс воспитания может быть логически выделен и может быть выделено мастерство воспитателя.

Можно и нужно развивать зрение, просто физическое зрение. Это необходимо для воспитателя. Нужно уметь читать на человеческом лице, на лице ребенка, и это чтение может быть даже описано в специальном курсе. Ничего хитрого, ничего мистического нет в том, чтобы по лицу узнавать о некоторых признаках душевных движений.

Педагогическое мастерство заключается и в постановке голоса воспитателя, и в управлении своим лицом.

Сегодня ваш уважаемый директор в моем присутствии разговаривал с одним мальчиком. Не каждый сможет так разговаривать. Я не буду льстить и говорить, что здесь большой талант, но здесь имело место мастерство Он сердито разговаривал с мальчиком, и мальчик видел гнев, негодование, именно то, что было нужно в данном случае. А для меня это было мастерство. Я видел, что директор великолепно играет.

Педагог не может не играть. Не может быть педагога, который не умел бы играть. Нельзя же допустить, чтобы наши нервы были педагогическим инструментом, нельзя допустить, что мы можем воспитывать детей при помощи наших сердечных мучений, мучений нашей души. Ведь мы же люди. И если во всякой другой специальности можно обойтись без душевных страданий, то надо и у нас это сделать.

Но ученику надо иногда продемонстрировать мучение души, а для этого нужно уметь играть.

Но нельзя просто играть сценически, внешне. Есть какой-то приводной ремень, который должен соединять с этой игрой вашу прекрасную личность. Это не мертвая игра, техника, а настоящее отражение тех процессов, которые имеются в нашей душе. А для ученика эти душевные процессы передаются как гнев, негодование и т. д.

Я сделался настоящим мастером только тогда, когда научился говорить «иди сюда» с 15—20 оттенками, когда научился давать 20 нюансов в постановке лица, фигуры, голоса. И тогда я не боялся, что кто-то ко мне не пойдет или не почувствует того, что нужно.

А у воспитателя это мастерство проявляется на каждом шагу. И оно проявляется вовсе не в парном положении, когда я — воспитатель и ты — мой ученик. Парное положение не так важно, как то, что вас окружает.

Ваше воспитательское отношение имеет значение даже в том случае, когда на вас никто не смотрит. И это не мистика.

Я сижу в кабинете один. Все коммунары на работе и в школе. Я на кого-то рассердился, мне что-то нужно сделать. Я принимаю определенное выражение лица, и это на всех отразится. Забежит один, посмотрит на меня, шепнет другому, даже между делом, и что-то станет на свое место.

Это не значит, что от настроения одного лица зависит настроение всех детей, но надо уметь управлять своим настроением.

Если вы будете в этом же кабинете плакать и рыдать, это тоже будет всем известно и произведет известное впечатление.

Это сказывается во всех мелочах. Бреетесь вы каждый день или нет. Чистите вы ботинки каждый день или нет.

Воспитатель, который вытаскивает из кармана черный скомканный платок,— это уже не воспитатель. Лучше пусть он пойдет в уголок и высморкается там, чтобы никто не видел.

Но это мастерство имеет значение для организации каких-то специальных методических движений.

Например, я очень часто практиковал такие вещи. Я мог бы призвать к себе того, кто согрешил, и сделать ему выговор. Но я так не делал. Я пишу ему записку с просьбой прийти обязательно вечером, обязательно в 11 часов. Я даже ничего особенного не буду ему говорить, но до 11 часов вечера он будет ходить в ожидании моего разговора. Он сам себе многое скажет, ему скажут товарищи, и он придет ко мне уже готовый. Мне ничего уже не нужно с ним делать. Я ему только скажу: «Хорошо, иди». И у этого мальчика или девочки будет происходить обязательно какой-то внутренний процесс.

Я представляю себе, что в педагогическом учебном заведении нужно проделать кое-какие упражнения. Мы — студенты: вы, вы и т. д.

Мне говорят: «Вы, т. Макаренко, будете сейчас проводить практику. Предположим, мальчик украл три рубля, разговаривайте с ним. Мы будем слушать, как вы будете разговаривать, а потом мы обсудим, как вы разговариваете: хорошо или плохо».

У нас такие упражнения не производятся, а ведь это очень трудное дело — говорить с мальчиком, который подозревается в том, что он украл, и неизвестно еще, украл он или нет. Тут, конечно, нужно мастерство не только в постановке взгляда или голоса, а даже в постановке логики. А мы, воспитатели, знаем географию, историю, литературу, но мы не знаем, что такое детское воровство. Кто знает, что это такое: случай, преступление или необходимость?

Если бы все люди были очень искренни, то многие сказали бы, что у них в детстве был хоть один случай воровства. А они совсем не были ворами. Очевидно, нам нужно подумать, что такое детское воровство и как на него реагировать.

Я узнал сегодня, что ваш директор товарищ Данюшевский[4] поймал мальчика, который украл мыло, чтобы передать домой. Товарищ Данюшевский взял мыло, передал этому же мальчику и сказал: вот тебе мыло уже не краденое, а настоящее. Зачем было красть, когда можно и так тебе дать? Он даже премировал вора.

В таком же положении был и я как педагог...

Во время рапорта дежурный говорит: Грищенко украл кошелечек у товарища.

— Грищенко, выходи на середину.

Грищенко выходит. Все на него смотрят. Он краснеет. Ему говорят: ты еще новенький, ты привык воровать, у тебя такая привычка. Ты еще один-два раза украдешь.

— Как это я украду? Я больше не украду.

— Нет, увидишь, что еще раз-два украдешь.

Проходят две недели. Опять Грищенко стоит.

— Опять украл?

— Да, украл у товарища.

— А ты задавался, говорил, не украдешь, мы же тебе говорили. А вот теперь ты больше не украдешь, у тебя есть опыт.

Мальчик уверен, что все «предсказания» сбываются, и действительно больше не крадет.

За воровство мы перестали наказывать. Новенький что-нибудь возьмет, и все на него смотрят и говорят: это у тебя не уголовщина, а привычка, которая пройдет. Но вот приходит старший, который пробыл два года в коммуне. Он докладывает, что такой-то не заплатил в трамвае за проезд.

— Как?!

Все вытягивают шеи.

— И что же, ты говорил, что ты беспризорный? Таких надо выгонять из коммуны.

— Может быть, ты снимешь свое предложение?

— Нет, я своего предложения не снимаю.

— Кто за это предложение?

Подымается рук двадцать.

Конечно, его не выгонят; он сидит и переживает.

Знаем ли мы, что такое детское воровство? То, что мы знаем из опыта, мало. Надо, чтобы это было написано в книге. Надо, чтобы люди прочитали, проверили, тогда они будут знать.

А что такое детское хулиганство?

Есть такой педагогический «закон», что детям надо больше драться и кричать. В результате во время перемены наши коридоры превращаются в отделения ада. И все это потому, что ребенок должен бегать, кричать. Что кричать? Просто открыть рот и кричать? Должен или не должен так кричать?

В некоторых книгах написано, что должен, а я в своем педагогическом опыте считал, что ребенок не должен ни бегать, ни кричать без толку. Я думал, что совершаю педагогическое преступление, так как педагогический закон утверждает, что он должен кричать и бегать, но все-таки поступал по-своему.

У меня только что окрашены стены. Я из последних средств пригласил мастеров, и они произвели хороший ремонт. Я не могу допустить, чтобы ребенок проявлял здесь свои способности в области рисования.

Я как педагог и как хозяйственник поступаю правильно.

А потом я убедился, что педагог и хозяйственник не должны расходиться.

Я добьюсь того, что ученик будет так же заботиться о чистоте стен, как и хозяйственник. И он ничего не потерял от того, что не нарисовал на стене. Он ничего не потеряет от того, что не покричал и что-то у него там не развилось.

Мы должны приучать воспитанников к упорядоченным, целесообразным движениям. Извольте двигаться целесообразно. Вы идете по коридору, чтобы выйти на улицу. Никакой скидки на ваши какие-то детские особые аппетиты к движению. Проходи спокойно по коридору, спокойно выходи

на улицу, а когда выйдешь во двор, там можешь удовлетворить свои аппетиты.

И оказалось, что никаких особых аппетитов у ребят нет. И потом, может быть, торможение этих аппетитов даже полезнее, чем их удовлетворение.

Мы мало об этом знаем, а все это нужно знать, чтобы быть мастером-педагогом. Такое мастерство совершенно необходимо, его надо воспитывать.

Я с моими коллегами, товарищами, сотрудниками всегда работал над этим мастерством. Мы собирались, обсуждали этот вопрос, но ничего не записывали

Есть еще один важный метод — игра Я думаю, что несколько ошибочно считать игру одним из занятий ребенка. В детском возрасте игра — это норма, и ребенок должен всегда играть, даже когда делает серьезное дело. У нас, взрослых, тоже бывает эта склонность к игре. Почему одной нравится кружевной воротничок, а другой не кружевной? Почему надо вдруг надевать крепдешиновое платье, а не ситцевое? Почему хочется надеть форму? Я думаю, что каждый из нас с удовольствием надел бы форму полковника. Почему привлекает форма? Потому что в этом есть какая-то игра.

Почему мы ставим у себя в книжном шкафу красивые книги с золотыми корешками наверх, а другие, похуже — вниз? Мы играем в людей интеллигентных, культурных, имеющих библиотеку.

У ребенка есть страсть к игре, и надо ее удовлетворять.

Надо не только дать ему время поиграть, но надо пропитать этой игрой всю его жизнь. Вся его жизнь — это игра.

У нас был завод с первоклассным оборудованием Делали фотоаппараты «Лейка» с точностью до одного микрона, и все-таки это была игра.

На меня многие педагоги смотрели, как на чудака, что я занимаюсь игрой в рапорт.

Надо играть с ребятами, надо стоять во фронт, а потом можно рычать на них. Тот командир, который минута в минуту является ко мне сдавать рапорт, прекрасно играет, и я с ним играю. Я отвечаю за них за всех, а они думают, что они отвечают.

Когда Эррио был у нас, он спросил у коммунаров: кто же это делает?

— Мы.

— А заведующий?

— Мы все делаем вместе. Мы ему помогаем.

В некоторых случаях надо эту игру поддерживать.

Мы ездили на экскурсию, причем нужно было решить: ехать ли в Ленинград или в Крым Большинство было за Крым, я тоже был за Крым. Но я начинаю бешено с ними спорить. Я им говорю: «Что вы увидите в Крыму? Только солнышко, и будете валяться на песке, а в Ленинграде — Путиловский завод, Зимний дворец». Они бешено со мною спорят. Потом все поднимают руки и смотрят на меня. Я хорошо с ними играл. Они играют победителей, а я — побежденного.

Через три дня они говорят друг другу: «А ведь Антон Семенович заливал, он тоже за Крым». А тогда они играли и прекрасно это понимали.

Дальше вопрос о педагогическом риске. Тоже вопрос неразрешенный. Можно рисковать или нет?

Года два назад в одном педагогическом журнале была напечатана консультация. Один педагог поставил вопрос: как быть с ребенком, который хулиганит в школе?

Ответ: надо с таким ребенком поговорить. Педагог должен говорить ровным голосом, не повышая тона, чтобы ученик понял, что учитель говорит с ним не потому, что он раздражен, а потому, что в этом его долг...

Как идеальный педагог, вы должны говорить ровным голосом, и тогда у вас ничего не получится. Он уйдет таким же хулиганом, каким и пришел.

Я позволял себе риск и видел, что, как только я позволял себе рискнуть, вокруг меня собирались все макбетовские ведьмы[5]: а ну, как ты рискнешь, а ну, как ты рискнешь?

Я повышенным голосом говорил: «Что это такое?!»

И у нас получалось.

В Ленинграде, когда я говорил о риске, я получил такую записку: вы говорите о риске, а у нас в школе был такой случай: мальчику поставили плохой балл, а он повесился. Так вот, по-вашему, нужно допустить необходимые издержки?

Я был очень удивлен. Это же не против меня, а против вас. Мальчик повесился не в результате какого-нибудь рискованного действия педагога. Если и это риск, то не ставьте плохих отметок, а то все перевешаются. Можно бояться поставить плохой балл, так как и здесь есть какой-то риск, а ведь это же пустяк.

Плохой балл — не рискованное действие. Погладить по головке — нет никакого риска.

Говорить ровным голосом — тоже нет никакого риска.

А может быть, мальчик, избалованный постоянно такими нерискованными действиями, и получил склонность к самоубийству. И всякий человек, если с ним несколько лет подряд говорить ровным голосом, возымеет желание повеситься. Если бы все педагоги говорили с ребенком ровным голосом, я не знаю, до какого состояния они могли бы довести ребенка.

Но, к счастью, не все говорят ровным голосом. Некоторые рискуют, требуют, ставят плохие баллы, а главное — требуют. И только поэтому получается живое настроение в жизни.

Эта тема риска должна быть рассмотрена в педагогической практике.

Я как педагог открыто смеюсь, радуюсь, шучу, сержусь.

Хочется мне шутить — я шучу. Хочется мне потихоньку уколоть человека — я это делаю.

Такой риск не страшен. Мне приходилось рисковать больше, чем другим педагогам.

Например, иногда общее собрание выносило постановление: выгнать из коммуны. И как я ни боролся, как я ни грозил, они смотрят на меня, смотрят, а потом опять поднимают руки: выгнать. И я выгонял. За восемь лет я выгнал человек десять. Открываю дверь: иди на все четыре стороны, куда хочешь, иди в белый свет.

Страшный риск, но благодаря этому риску я добился постоянного искреннего, требовательного тона, и каждый знал, что такой тон встретит его в первый же день, и ни для кого это не было неожиданностью.

Но особенно удивительно, что все эти выгнанные писали мне письма.

Недавно я получил письмо от человека, которого выгнал шесть лет назад и потерял его из виду.

Он пишет: я, старший лейтенант такой-то, отличился в боях у озера Хасан и по этому случаю решил написать вам письмо. Если бы вы знали, как я вам благодарен за то, что вы тогда меня выгнали. Как я куражился над вами, над всем коллективом. А когда меня выгнали, я задумался: неужели же я такой плохой, что 500 человек не согласились со мною жить? Я хотел к вам идти проситься обратно, а потом решил, что надо самому пробивать дорогу. И вот я теперь лейтенант, я отличился и считаю долгом вам об этом сообщить, чтобы вы не беспокоились, что выгнали меня тогда.

Это — чтобы я не беспокоился через 6 лет. Я потерял из виду этого человека, и вот теперь он написал, написал, когда оказался победителем у озера Хасан, именно в этот момент он вспомнил обо мне как об одной из причин своего сегодняшнего блеска.

Попробуйте поэтому предсказать, куда ведет каждый поступок.

Надо поставить вопрос о риске, ибо так называемый такт начинает сидеть в печенках не только у педагога, но и у воспитанников.

В то время, как мне еще приходилось спорить с украинским Наркомпросом, меня спросили на педагогической конференции: вы знаете, что такое такт?

— Знаю.

— А что это такое?

— Предположим, вы обедаете с каким-нибудь человеком, и он плюнул вам в тарелку, и вы можете ему сказать: что вы делаете, это нетактично.

А можно поступить и так: взять тарелку и разбить у него на голове. И никакого риска не будет.

Иногда нужно разбивать тарелку на голове, доводить человеческий поступок до логического предела, а не замазывать его.

Разве такт иногда не является уклонением от ответственности?

Передо мной мальчик или девочка, с которыми надо что-то сделать, а я не хочу ничего делать, боюсь риска и начинаю тактично поступать. Тактично отъезжать от данного случая в какой-то закоулок.

Может быть, я и ошибаюсь, но результаты были у меня хорошие.

Я у себя не знаю случаев рецидивов, за исключением одного, когда девушка, выданная мною замуж, опять сделалась проституткой.

Я уверен, что я в своем опыте подошел к какой-то правде так же, как и вы.

Я настаиваю на том, что основным принципом в нашей педагогической работе, школьной, внешкольной, дошкольной, является как можно большее уважение к человеку.

Я даже восьмилетнего человека называл товарищ Комаров. Так он — Петька, Васька и т. д., а когда я прихожу в коллектив, я называю его товарищ Комаров.

Как можно больше уважения и настойчивого, ясного, открытого требования: веди себя так-то и так-то.

Эти чудеса каждому доступны.

Меня одолевали родители, говорили, что я совершаю чудеса. Приезжают на автомобиле отец и мать и говорят: «Мы больше не можем с ним жить:

грубит, требует, давай деньги, давай билеты, не хочет за собой убрать и т. д. Возьмите его ради бога!» Посмотришь на мальчика: вполне нормальное лицо, никакой умственной отсталости нет, здоровый мальчик, учится в VIII классе, что же над ним работать?

«Хорошо, пусть остается, но чтобы вашего духа здесь не было два года, чтобы бензином вашим здесь не пахло».

Главные жалобы, что не хочет почистить себе костюм, не хочет постелить себе постель, не хочет в магазин пойти за покупками. А здесь его командиры немного протрут с песочком, и он начинает меняться. Через полгода отпускаешь его первый раз в отпуск. И говоришь: смотри, Сергей, ты идешь в первый раз, посмотри, как на тебе все одето. Когда придешь домой, смотри, чтобы ты отдал салют, и смотри, чтобы ты нашел себе дома работу, чтобы все время провел в работе.

— Слушаю.

Приходит домой: что прикажете сделать, за водой сходить или пол помыть?

Родители думают, что сделали чудеса. Никаких чудес и никаких чудотворцев нет. А так надо потребовать, чтобы мальчик не сомневался. И мальчик находит в этом удовольствие. Он доволен тем, что может показать родителям, что он тоже способен работать. От педагога требуется уверенность в своей правоте. Если вы уверены, что можете требовать до конца, ребенок всегда сделает все, что нужно.

Я еще раз прошу меня извинить, если в моем рассказе было что-нибудь назидательное. Я ни на какую назидательность не претендую, а просто рассказываю то, чему я в жизни был свидетелем...

МОИ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ

Товарищи, я не докладчик, потому что я не ученый, у меня нет научных трудов по педагогике[1]. Я чувствую себя просто как человек, которому доводится перед вами отчитываться, сделать маленький авторский отчет. и педагогический и литературный. Поэтому прошу вас иметь в виду, что никаких твердых выводов я сам еще не имею. То, что сделано в жизни мною и моими коллегами-коммунарами,— это еще только опыт. И очевидно, для того чтобы из этого опыта можно было сделать какие-либо определенные выводы, надо еще проверить его не раз и не два. Поэтому единственная форма внимания, которую я у вас прошу,— это такая.

У меня свой опыт, своя жизнь, у вас свой опыт, свои мысли. И сегодня произойдет некоторое столкновение наших мыслей. Может быть, они пойдут параллельно, может быть, пересекутся, может быть, при встрече рассекут друг друга, но от этого столкновения всегда будет польза.

Наше дело, дело коммунистического воспитания,— это новое дело в мировом масштабе. Если мы возьмем такие области, как техника, литература и другие, то там всегда вы что-то получаете от прошлого поколения. В области коммунистического воспитания дело обстоит сложнее, потому что 20 лет назад эти два слова почти не сочетались: коммунистическое воспитание. И нам совсем не стыдно сказать, что во многих деталях нашей работы мы еще плаваем, и будем еще плавать, и не можем не

плавать. И было бы просто зазнайством утверждать, что за 20 лет мы могли создать, довершить, закончить, оформить большую, новейшую педагогическую школу, школу коммунистического воспитания. Мы с вами именно пионеры в этом деле, а пионерам свойственно ошибаться. И самое главное — не бояться ошибок, дерзать.

Вот коротко о значении нашей сегодняшней встречи.

Мне очень трудно перед вами отчитываться, потому что у вас есть литературный факультет, там преобладают интересы литературные. Я немножко литератор,— значит, я должен отчитываться и в литературных моих делах. Но я чувствую себя педагогом не только прежде всего, а везде и всюду педагогом. Моя литературная работа — только форма педагогической работы. Поэтому говорить о литературе я буду очень немного.

Коротко я вам расскажу о своей биографии, педагогической и литературной, чтобы не было недоразумений. Потому что и сейчас многие думают, будто я бывший полковник. Я не только не был полковником, а и военным никогда не был. Я сын рабочего, маляра, железнодорожника, который на вагонном заводе проработал более сорока лет. На этом заводе работал и я, уже в качестве учителя, с 1905 г., получив самое низкое педагогическое образование. я закончил одногодичные педагогические курсы при начальном училище. Теперь такого низкого образования, кажется, даже и в помине нет. Это было такое низкое образование, что мне могли доверить только должность учителя в низшей начальной школе, с жалованьем 25 рублей в месяц. (Голос. Церковноприходской?) Нет, извините, не церковноприходской. Нет, в заводской школе. Эта школа была прекрасной школой в том смысле, что там было единое рабочее общество. Я сам был членом этого общества как сын рабочего этого завода. И в этой школе я работал девять лет, и этот опыт имел для меня большое значение. Потом, уже в 1914 г., я поступил в учительский институт, даже не педагогический вуз, который закончил с золотой медалью. И после того я получил колонию для правонарушителей им. Горького.

Шестнадцать лет, с 1920 по 1935 г., я вел один коллектив: колонию им. Горького и коммуну им. Дзержинского. Это один коллектив. Если вы читали «Педагогическую поэму», вы помните, что когда меня Наркомпрос Украины «ушел» из колонии им. Горького, то я перешел в коммуну, здесь, у вас, в Харькове. И там уже было пятьдесят моих горьковцев. А вслед за мной еще сотня горьковцев перешла в коммуну им. Дзержинского. Так что фактически коммуна им. Дзержинского продолжала не только опыт колонии им. Горького, но и историю одного человеческого коллектива. Это имеет очень большое значение для меня и для дела, потому что продолжались и накапливались традиции, созданные в колонии им. Горького.

Вот тогда, в коммуне им. Дзержинского, я и написал первую свою книгу «Марш тридцатого года». Она вышла, но я не видел и не читал — не было ни одного учительского письма по поводу этой книги, ни одной критической заметки. Она так и провалилась, куда-то исчезла. И только один учитель на эту книгу отозвался и похвалил ее. Этот учитель, самый неутомимый учитель — Алексей Максимович Горький, который, живя в Сорренто, ухитрился получить ее (я ему не посылал этой книги), прочитать и написать мне письмо [2].

А после того я написал «Педагогическую поэму», которая вышла частями в 1933, 1934 и 1935 гг. Потом еще написан был роман «Честь». «Флаги на башнях» — последняя книга, имевшая для меня и для истории моих взглядов очень большое значение. Многие утверждают, что она лучше «Педагогической поэмы», другие — что никуда не годится. (Смех.) Я склоняюсь, конечно, к серединке: это и не лучше «Педагогической поэмы», но и не такая уж плохая книга. Во всяком случае, есть в ней что-то и хорошее.

Я еще написал первый том «Книги для родителей». Почему я решил написать эту книгу? Последние два года я работал в управлении НКВД УССР, в отделе трудовых колоний, и организовывал трудовые колонии. Мне уже пришлось меньше возиться с беспризорными, чем с «семейными» детьми. Если в колонии им. Горького были беспризорные правонарушители, то в последние годы пришлось больше собирать детей «семейных»...

Я должен был присмотреться, заинтересоваться семьей, и мне показалось нужным написать такую книгу для родителей. Я выпустил первый том, в котором касался вопроса семьи как коллектива. Сейчас я пишу второй том, который говорит о нравственном и политическом воспитании в семье главным образом, но приходится касаться и школы. Третий том будет посвящен вопросам трудового воспитания и выбора профессии. И четвертый том, самый для меня важный, на такую тему: как нужно воспитывать человека, чтобы он, хочешь — не хочешь, был счастливым человеком. Правда, интересно?

За «Книгу для родителей» меня ругали и критики и педагоги. Критики ругали за то, что эта книга слишком поучительна, а педагоги — за то, что она слишком литературна и никого не поучает. Но больше всего педагоги обрушились за то, что я ничего не говорил о школе.

Это недоразумение. Я и не собирался говорить о школе, я хотел говорить о родителях, для родителей, для семьи. Я пришел в Наркомпрос РСФСР и сказал: «Вот мною написана книжка для родителей; может быть, я ошибаюсь или выступаю как еретик. Посмотрите». А они говорят: «Не хотим, потому что у нас нет такого отдела семейного воспитания». Я спрашиваю: «А какие отделы у вас есть?» Мне отвечают: «Есть школьный отдел, есть отдел дошкольного воспитания и т. д.». Я говорю: «До свидания!» Я решил, что мы поделили функции: у них отдел школьного воспитания, у меня будет отдел родительского воспитания. Чувствуя за собой такой авторитет, как школьный отдел Наркомпроса, который обладает глубокой эрудицией, я думал, что мне не надо касаться тех вопросов, которые обслуживает Наркомпрос, а я коснусь тех вопросов, которые никакого отдела не имеют и которыми никто не заведует.

Вот почему получилось, что я больше писал о семейном воспитании и нарочно назвал этот том «Книгой для родителей». И все-таки не помогло. В одном московском журнале была напечатана статья «Вредные советы родителям» [3].

Вообще я не люблю читать критических статей о моих произведениях, но эту я прочел. Что там вредного, думаю. Может быть, плохо написано? Оказывается, что она вредна именно потому, что там ничего не говорится о школе; следовательно, книжка вредная.

Я решил, что этот упрек не так большой руки, и продолжаю писать «Книгу для родителей». А о школе я не буду писать. Кто меня может заставить писать на все темы? И вообще писателю рекомендуется выбрать одну тему, а не двадцать.

А о школе должны писать вы — педагоги... У вас много мыслей, много чувств. Пишите!

Вот мой краткий отчет. Ну, что же еще сказать о литературных достоинствах и недостатках моих книг? Есть один вопрос, который вас как литературоведов, возможно, интересует. Говорят, в книге «Педагогическая поэма» нет выдумки — это фактография. Один критик даже так написал: «Была у человека интересная жизнь, он ее описал. Всякий, у кого есть интересная жизнь, может написать такую книгу, и поэтому Макаренко не литератор и не художник, а мастер фактограф».

Я обиделся, конечно Как это так: я не литератор, а написал книгу? Спрашиваю на одном диспуте: «Почему вы говорите, что это фактография?» А критик мне отвечает. «Потому что у вас написано все то, что было. Нет выдумки, нет синтетических образов»[4].

Я тогда сделал серьезное лицо и говорю «Позвольте, откуда вы знаете, что там нет выдумки? Какие у вас доказательства, что это все правда?» А мне отвечают: «Так это же видно Вот по Задорову вашему видно, что он был и вы его ударили».— «Ничего подобного! — говорю.— Задорова не было, и я его не бил; это все выдумка».

Он мог мне поверить, мог не поверить — это его дело. Но доказать мне, что я неправ, он не мог. Я имею право выдумывать? Имею. И потому никто не может ко мне придраться: это выдумка или не выдумка. Никто не имеет права требовать от меня отчета об этом. А вам так, по дружбе, говорю, что ни в «Педагогической поэме», ни в «Флагах на башнях» нет выдумки, за исключением отдельных фамилий и отдельных ситуаций...

Вот единственный литературный вопрос, который я считал нужным осветить вам.

Теперь, товарищи, перейдем к педагогике. Я хочу говорить очень коротко, потому что мне задали много вопросов, и в ответах на эти вопросы, думаю, все и придется сказать.

Какое право я имею говорить с вами сегодня? Единственное право: я работал 32 года педагогом — раз, и старался размышлять над своей педагогической работой — два, и у меня была некоторая своя, как бы это сказать, манера педагогической работы. Эта манера пришла ко мне не от моих талантов. Она пришла от необходимости, от характера того дела, которое мне поручили.

Мне повезло в том отношении, что я был шестнадцать лет в одном коллективе, в том отношении, что там были прекрасные товарищи, сотрудники, коллеги. Благодаря этому самые трудные и большие задачи у нас постепенно выкристаллизовались в некоторое подобие системы. И у меня самого по мере размышления над опытом выработалась некоторая система взглядов, может быть, отличных от общеизвестной, общеупотребительной системы взглядов. И вот об этих моих отличиях я и хочу говорить. Отличия эти оправдываются тем, что я работал не в обычной школе, а в особом учреждении, и повезло мне больше, чем кому-нибудь другому.

Если охарактеризовать мою удачу, то она была очень большой. Достаточно вам сказать о такой удаче. Последние годы коммуна им. Дзержинского жила на хозрасчете. Это совсем не пустяк. Вы представляете себе детский коллектив, который живет на хозрасчете? Это очень важное обстоятельство: он окупал расходы не только по школе, на жалованье учителям, на содержание кабинетов и прочие, но и все расходы на содержание ребят. Кроме того, коммуна давала несколько миллионов рублей чистой прибыли государству. Это удача огромная, потому что хозрасчет — замечательный педагог. Как будто он закончил три педагогических вуза. Он очень хорошо воспитывает.

И кроме того, хозрасчет гораздо добрее бюджета, богаче бюджета. Я мог тратить в год 200 тыс. рублей на летние походы, 40 тыс. рублей заплатить за билеты в харьковские театры. Я мог купить автобус, легковую машину, другую легковую машину, грузовую машину. Разве школа может это купить?

Хозрасчет — это результат хозяйственной деятельности. Но он дает еще и другие результаты. Я совсем недавно встретился с одной коммунаркой, которая заканчивает исторический факультет, но она, кроме этого, имеет квалификацию пятого разряда фрезеровщика и пятого разряда по оптической специальности и, кроме того, будет иметь квалификацию историка. Вот прекрасный букет квалификаций, а марш к нему еще приятнее и организует сильные пучки влияния.

Мне повезло, и вот в результате этого я не стесняюсь высказать некоторые мысли, которые сейчас могут показаться вам странными, но через несколько лет, я уверен, вы будете со мной согласны.

Главнейшие особенности моих воззрений заключаются в следующем. В нашей школьной практике (я хорошо знаком сейчас со школами; нет того дня, когда бы я не был в школе) можно наблюдать то, что я называю гипертрофией индивидуального подхода. В медицине вы слышали термин «гипертрофия сердца», т. е. увеличение сердца. Ну, так вот, вследствие такой гипертрофии мы в работе с нашими ребятами надеемся на чудеса индивидуального подхода и до сих пор увлекаемся верой в спасительность такой педагогики. Я не против индивидуального подхода, но я считаю, что решающим в деле воспитания (собственно воспитания, я не касаюсь вопросов образования) является не метод отдельного учителя и даже не метод целой школы, а организация школы, коллектива и организация воспитательного процесса.

Вот, к примеру, сегодня мне пришлось слушать реферат одного студента педагогического института на тему «Как нужно воспитывать советский патриотизм». Реферат интересный; видно, что студент хорошо поработал. В нем описывается опыт одной хорошей школы и доказывается, что советский патриотизм воспитывается, во-первых, на уроке, во-вторых, во внешкольной работе. Приводятся примеры хороших уроков, воспитывающих советский патриотизм, хорошей внешкольной работы. А вторая часть рассказывает о результатах этой работы с учениками школы, о разговорах с ними. Референт только по этим разговорам судит о советском патриотизме как о результате воспитания, доказывающем правильность метода.

Я прослушал реферат и задал такой вопрос референту: «Ну хорошо, методы прекрасные и результаты налицо. Но пытались ли вы проверить те детские слова, которые у вас приведены? Вот такой-то школьник говорит, что пограничники должны быть смелыми и что он тоже хочет быть смелым и считает, что нужно быть смелым. Проверили вы, смел он или труслив? И если при проверке окажется, что этот мальчик трус, то я имею право сомневаться в том, что в нем достаточно воспитан советский патриотизм». Я допускаю, что может быть такое положение, когда у школьника будут правильные, советские патриотические представления, но не воспитана правильная советская привычка.

Это особенно важно, когда речь идет о воспитании таких качеств, как терпение, умение преодолевать длительные затруднения, брать препятствия не рывком, а давлением. Сколько бы вы ни создавали правильных представлений о том, что нужно делать, но если вы не воспитаете привычки преодолевать длительные трудности, я имею право сказать, что вы ничего не воспитали. Одним словом, я требую, чтобы детская жизнь была организована как опыт, воспитывающий определенную группу привычек...

Я настаиваю на том, что в наших школах вопросу организации детского опыта, жизненного опыта, коммунистического опыта не уделяется достаточно внимания.

Я потом этого референта смутил еще одним вопросом. Я спросил его: «Те дети, которых вы считаете правильно воспитанными, как они ведут себя в известном вопросе, который называется не выдавать товарища педагогу?» (Есть такая проблема, такой трудный вопрос.)

Бывает так, что дети считаются прекрасно, коммунистически воспитанными, но если один товарищ сделал что-нибудь нехорошее, то класс его педагогу не выдаст. Если уж такое противоречие может иметь место, то я имею право усомниться в правильной линии воспитателя.

Я настаиваю на усилении внимания к формам организации детского коллектива. Я не буду долго говорить об этом: вероятно, придется отвечать на вопросы на эту тему.

Перечислю только детали проблемы, на которые надо обратить внимание. Это, во-первых, вопрос о центре коллектива. У нас четыре центра плюс N центров неучтенных: директор, завуч, комсорг, старший вожатый. Это проблема очень важная. Я в своей работе организации центра уделил очень много сил и не так скоро решил этот вопрос. Для меня это чрезвычайно важно. Центр — это капитанский мостик, откуда идет все управление учениками, а не центр административный.

Вопрос центра, его влияния не разрешен совершенно ни теоретически, ни практически. Сколько я видел школ, и все по-разному. В одной школе директор ведает всем, даже покраской полов, потолка. В другой школе завуч всем ведает. В третьей школе, говорят, комсорг решает вопросы, а в четвертой школе — старший вожатый. Эта одна деталь проблемы.

Второй важнейший вопрос — устройство коллектива, то, что я называю сечением коллектива. Я различаю первичный коллектив классов и общий коллектив школы. Какие принципы руководят нами в организации коллектива? Пока, можно сказать, у нас в этом деле почти нет никаких принципов. Просто есть классы, они существуют — и все. Каждый класс живет

отдельно: X класс не знает, что делается в IX, а что делается во II и III классах и знать не хочет! Как относятся II и III классы к старшим? С уважением, с почтением, с влюбленностью? Совсем нет: вторые классы не замечают, что есть старшие, и знать их не хотят. Полное разобщение первичных коллективов.

Следующий чрезвычайно важный вопрос — дисциплина. Этот вопрос всех беспокоит, всех волнует. И, несмотря на это, до сих пор в нашей школьной практике говорят о дисциплине как о дисциплине торможения [5].

Разве в этом суть советской дисциплины? Дисциплина торможения говорит: этого не делай, того не делай, не опаздывай в школу, не бросай чернильниц в стены, не оскорбляй учителя; можно прибавить еще несколько подобных правил с частицей «не». Это не советская дисциплина. Советская дисциплина — это дисциплина преодоления, дисциплина борьбы и движения вперед, дисциплина стремления к чему-то, борьба за это что-то — вот такая борьба нам нужна действительно.

А решен ли вопрос о целях и задачах воспитания? Этот вопрос тоже требует уточнения. Мы говорим, что мальчик должен быть прилежным, развитым, аккуратным, дисциплинированным, смелым, честным, волевым и еще много хороших слов. А в английской школе разве не добиваются, чтобы мальчик был волевым, честным, аккуратным? Тоже говорят. Нет, такая формулировка еще не определяет наших целей. Наши цели особые: мы должны воспитать коммунистическое поведение. Иначе говоря, наши цели могут быть выражены только в качествах характера, определяющих коммунистическую личность, и эти качества должны быть выражены очень подробно, точно.

И вот давайте подумаем, что́ мы знаем о качестве характера коллективиста, человека коммунистического поведения. Какие наши представления об этом человеке? Ведь если скажем, что он честен, что у него должна быть воля, что он энергичен, то это еще ничего не говорит. Это качества не только наши.

Честность коммуниста должна отличаться от честности так называемого хорошего англичанина. Ведь и в Библии есть указание на честность.

Наша честность требует положительного единства между трудящимися, уважения к каждому трудящемуся, уважения к своему маленькому коллективу и к коллективу всего советского общества, уважения к трудящимся всех стран. Вот только на этом фоне мы говорим о честности. Любое нравственное качество у нас приобретает другое содержание, чем у буржуазии. У нас требуется особая инструментовка нравственных качеств, вовсе не такая, как, скажем, в Англии. И вот эти особые качества нравственной личности мы должны воспитать. К примеру, возьмем такую важную способность, как деловитость.

Ведь и в буржуазном представлении деловитость — это хорошее качество. Но как понимается деловитость в буржуазном мире? «Ты должен быть деловитым, потому что много есть шляп неделовитых, и ты должен быть сильнее их». Буржуазная деловитость — это качество для того, чтобы победить неделовитых, взять над ними верх, обратить их в рабов, в эксплуатируемых. Такая деловитость — орудие эксплуатации. А у нас каждый советский человек должен быть деловитым, деловитость одного человека не может мешать деловитости другого человека. Значит, у нас

деловитость — нравственное качество, и требование деловитости — моральное требование. И воспитывать деловитость мы должны в каждом человеке.

Возьмите такое понятие, как точность... В нашей воспитательной работе точность как качество настоящего коммунистического характера должна быть такой точностью, когда точность начальника и точность подчиненного являются одинаковым моральным качеством.

Возьмите такое качество характера, как способность ориентировки, умение в самой сложной обстановке ориентироваться очень быстро, очень точно, очень спокойно, уверенно, без крика, без истерики, без паники, без визга, такое умение мы обязаны воспитывать.

Наконец, возьмем такое важное качество характера, чисто коммунистическое качество, как умение подчиняться товарищу — не богатому человеку, не хозяину, а товарищу,— умение приказывать товарищу. Мы с тобой товарищи, друзья, но наступает какой-то момент, и я получаю право приказывать. Тогда я должен уметь приказать, а ты должен уметь подчиниться, забыть о том, что минуту назад мы были товарищами. Это качество характера может быть развито только в нашей стране, где нет эксплуататорских классов, где нет власти, вытекающей из экономической силы, из собственности, из хозяйничанья... Все эти качества мы должны воспитывать в нашем молодом человеке.

Я назвал очень немногие из очень многих качеств.

Теперь спросят: какими средствами мы обладаем для развития этих качеств? Ведь для того, чтобы научиться приказывать товарищу, нет других путей, как упражнения в этом приказании, и упражнения не в порядке баловства, шутки, а так, что невыполнение приказания влечет за собой прорыв, когда товарищ несет ответственность перед коллективом.

Вот, товарищи, то основное, о чем я хотел сказать. Надо организовать коллектив так, чтобы воспитывались действительные, не воображаемые, а настоящие, реальные качества личности Вот что мы обязаны сделать, и тогда, при этих условиях, индивидуальный подход будет действовать значительно сильнее, красивее и целесообразнее. Потому что если коллектива и коллективного воспитания не будет, то при индивидуальном подходе возникает риск воспитать индивидов, и только.

Я не буду вас утруждать другими деталями этого вопроса. Уверен, что в ответах на вопросы придется об этом говорить.

Теперь только в заключение моего вступительного слова скажу, что все это вопросы чрезвычайно трудные. Трудные потому, что хорошие качества создаются годами. Нельзя создать характер каким-нибудь особым, быстродействующим приемом или методом.

Создать характер можно только очень длительным участием человека в жизни правильно организованного, дисциплинированного, выдержанного, гордого коллектива. Но организовать такого рода опыт — это значит обязательно рисковать.

Вопрос о риске — самый трудный вопрос. Первый риск, первая опасность заключаются в том, что, если вы решили так вести работу с коллективом, вы обязательно через четыре месяца встретитесь с контролером, который вас спросит: «А что вы сделали? А покажите готовые коммунистические характеры, которые вы создали». А вы не можете показать:

они у вас будут созданы через пять лет. Как через пять лет?! Сейчас в отчете показать нужно, что вы создали. (Смех.)

Это очень большая опасность, так как часто погоня за отчетными данными приводит буквально к анекдотам. Вот я сегодня был в одной школе и застал там учителей в панике. Говорят: облоно принял обязательство добиться стопроцентной успеваемости, гороно принял такое же обязательство, и наша школа, и наш класс обязались добиться стопроцентной успеваемости. А у нас сидит в IX классе ученик Балмесов, который не может получить других оценок, кроме «плохо». Это его специальность: он получает только «плохо». Ничего с ним не можем поделать, и не может быть стопроцентной успеваемости. Мы не можем выполнить данные обязательства и окажемся обманщиками перед всем советским обществом. Мы обязались, дети обязались. Дали обязательства, заранее зная, что есть Балмесов. Придет такой момент, когда учитель скажет. «Да поставлю уже ему тройку». И все об этом будут знать, и Балмесов будет знать, и все ученики, и все ученики других классов. Но все будут думать: «Не обманешь — не продашь». Это и называется стопроцентная успеваемость! Говорят. для отчета нужно. Я им и говорю. «Неправильно поступаете» — «А как же поступить?» — «Так должны поступить: не можем взять на себя таких обязательств, не можем выполнить».

Вам скажут, что это ссылка на объективные причины? Да нет, не объективные причины, а этот самый субъект Балмесов. Нужно пожалеть человека, пожалеть Балмесова. Больше «плохо» он получить не может.

Его насилуют, ему измочалили нервы, его ненавидят, потому что он мешает целому классу, он сделался отщепенцем коллектива, предметом ненависти учителей, учеников, родителей, предметом собственной ненависти к самому себе.

Какой смысл это имеет? Зачем вы держите его в IX классе, заведомо зная, что он программы не сможет освоить? Несите ответственность, не обманывайте ни учеников, ни себя.

Вот такая опасность ждет и нас.

Вторая опасность — очень серьезная. У нас часто любят говорить: «Создадим людей закаленных!»

Ну, давайте создавать. Что такое закалка?

Можно ли закалить человека, если его обмотать ватой, чтобы он не простудился? Сознательно надо рисковать (я говорю, конечно, в переносном смысле). Нельзя закалить человека, если не ставить перед ним трудных задач, на которых иногда можно и сорваться. Если вы будете бояться, что он сорвется, не поставите трудных задач,— значит, он сорвется обязательно.

Директору одной школы, которому я помогаю по-товарищески и которого люблю как человека, я говорю: «Заведи ты сторожевой отряд, чтобы охранять школу, конечно, с пустыми винтовками. Составь его из старших учеников X класса, VIII, VI, IV и потом из вторых классов. И пусть этот отряд с 8—9 часов вечера занимает свои посты, пусть дежурят по два часа поочередно. Одни дежурят, другие ожидают в караульном помещении»

А директор возражает: «Но таких маленьких ведь мать не пустит». А я беседовал с маленьким, и он говорит: «Пусть только мать не пустит,

я убегу!» Правильно, он убежит! Он будет воодушевлен мыслью о том, что он охраняет свою школу, да еще под командой десятиклассника, с которым он волей-неволей должен будет подружиться. Конечно, мальчик будет стоять на посту. Тут ночь, жутко, собаки бегают, помещение далеко. Пусть подрожит, испугается, в крайнем случае переполох будет.

Во всяком случае, я не знаю, до сих пор я не встречал еще иного способа закалки, как закалка. Это единственный способ, и на такую закалку надо идти. И знайте, что у ребят аппетит к этой закалке страшно большой, и никакого сопротивления со стороны ребят вы не встретите. Наоборот, встретите полную поддержку Тот мальчик, который будет стоять на посту и побаиваться, никогда не скажет, что он трусил. Придет, ты его спрашиваешь: «Что, боялся?»

А он отвечает: «Нет! Чего там бояться!»

Храбрый — это не тот мальчик, который не боится, а храбрый тот, который умеет свою трусость подавить. Другой храбрости и быть не может. Вы думаете, идти на смерть под пули, под снаряды — это значит ничего не испытывать, ничего не бояться? Нет, это именно значит и бояться, и испытывать, и подавить боязнь. А вы мне говорите: «А если он будет бояться?» Так он и должен бояться, и пускай боится, чтобы было что преодолевать.

Но директор, конечно, не согласился поставить сторожевой отряд.

Другой пример из той же школы. Прекрасная школа, новостройка, односменная, паркет в коридорах, широкие коридоры. Паркет грязный, т. е. цвета грязи.

«Почему,— спрашиваю,— такой грязный паркет? Ведь паркет здесь не для того укладывали паркетчики, чтобы его сверху покрыть грязью. Ведь паркет для того укладывали, чтобы он блестел». Говорят: «Ну что же мы можем сделать? Натираем два раза в месяц, но его же нельзя натереть, его нужно мыть, а потом натереть. Что же делать?» Я говорю: «Пускай ученики натирают» — «Как ученики?» — «Обыкновенно. Вот по утрам, перед занятиями, приходит какая-то очередная группа во главе со старшими, становится на щетки и натирает паркет».

Вы думаете, это детям не понравится? Мало того, что надо натирать, надо, чтобы за десять минут до звонка приходил другой какой-нибудь товарищ из какого-нибудь V класса, с каким-нибудь краснокрестовским знаком, знаком санитарии, и говорил старшему десятикласснику: «Сдавай паркет. Как ты натер? Что это? А вот это — что? Не принимаю работы!» И с рапортом к директору: «Такая-то группа под руководством такого-то десятиклассника паркет не натерла». Вы вызываете десятиклассника и говорите ему: «Как же так?» И начинается уже последующая педагогическая работа.

Это что — закалка или нет? Закалка. Для этого нужно на час раньше встать и проделать другую работу. И это полезно знать. Очень полезно уметь натирать паркет.

Вот та самая девушка, о которой я говорил, что она заканчивает исторический факультет, рассказывает мне: «Я живу с четырьмя девушками в студенческом общежитии. Только одна беда — они не умеют натирать паркет, а я умею. Коммунары все умеют. Так они меня заставляют

натирать паркет, чтобы было чисто».— «Что же ты сделала?» — спрашиваю — «Я их уговорила, что нужно натирать паркет».

У коммунаров натирали паркет каждый день и принимали его очень строго, и блестел он как зеркало. Но такая натирка паркета есть закалка. И трудно на такой паркет плюнуть, как и в московском метро, где никто не стоит и не смотрит. Нельзя плюнуть на пол, нельзя бросить окурок. Физически нельзя: мускулы не действуют для этого! Так же точно, если все школьники знают по опыту своей школы, что они каждый день натирают свой паркет, то никто уж не сможет на него ни плюнуть, ни бросить бумажку. И я знаю, что без такой закалки не может быть настоящего коммунистического воспитания. Тот ученик V класса, который придет принимать от ученика X класса проделанную работу, будет учиться приказывать товарищу, а десятиклассник будет уметь подчиняться. Я на этом заканчиваю, товарищи. Теперь приступлю к ответам на вопросы.

Товарищи, здесь есть такие вопросы, которые устанавливают взгляды на меня как на оракула... На такие вопросы я отвечать не буду, отвечу на вопросы посильные.

Есть такой вопрос: «В ваших произведениях показывается процесс перевоспитания детей. Почему же не показана ведущая роль учителя в этом процессе»?

В «Педагогической поэме» я показал свою ведущую роль — я учитель или нет? Я педагог или не так надо понимать? Или вы хотите, чтобы я показал ведущую роль в классе?

Видите, я не описал школы, я описал колонию, жизнь коллектива, жизнь товарищей, в том числе и учителя.

Нам не нужно обязательно чваниться. Ведь когда молодой человек оканчивает инженерный вуз, он идет в конструкторское бюро самым рядовым работником и выполняет простые задачи — разрабатывает конструкцию какого-нибудь маленького узла. А когда мы оканчиваем педагогический вуз и идем работать в школу, то мы говорим — я играю ведущую роль. Кого мы можем вести? Нас вести еще нужно, и еще довольно долгое время.

Надо быть скромным по отношению к себе, и я настаиваю на том, что учитель — это рядовой работник. Если он не сумеет быть хорошим рядовым работником, он никогда не сможет быть хорошим руководителем. Ведущая же роль в коллективе должна принадлежать руководителю коллектива, опытному педагогу, которому весь коллектив должен быть предан.

Вот, например, если бы мне поручили сейчас взять школу, что я прежде всего сделал бы? Я собрал бы всех учителей и сказал: «Вот план, согласны или не согласны? Вы талантливый педагог, опытный человек, не согласны с планом, очень вас прошу, уйдите от нас. Вы молодой педагог, только что окончили вуз, еще мало знаете, оставайтесь с нами, если вы согласны с нашим планом».

Единство педагогического коллектива — совершенно определяющая вещь, и самый молодой, самый неопытный педагог в едином спаянном коллективе, возглавляемом хорошим мастером-руководителем, больше сделает, чем какой угодно опытный и талантливый педагог, который идет вразрез с педагогическим коллективом. Нет ничего опаснее индивидуализ-

ма и склоки в педагогическом коллективе, нет ничего отвратительнее, нет ничего вреднее.

В едином педагогическом коллективе не нужно гнаться за тем, чтобы блеснуть своими собственными достижениями, нужно гоняться за тем, чтобы блеснуть достижениями целого коллектива, и тогда и вас будут любить, получится советский стиль, самый важный и самый нужный. Такую роль я именно и пытался изобразить и не хотел выпячивать отдельного педагога, потому что я хотел писать о коллективе и о влиянии коллектива.

Вопрос: «Ваше мнение, как необходимо построить курс педагогики, чтобы вооружить студентов — будущих учителей — необходимыми знаниями?»

Дорогие товарищи, не думал над этим и сейчас быстро не сумею сообразить. Но над некоторыми отдельными вопросами думал. Я, например, считаю, что у нас в педагогических институтах нужно кое-что добавить для того, чтобы воспитательная работа учителя была все-таки подготовлена в вузе. Так, например, я бы ввел у вас как обязательный предмет постановку голоса. Пригласил бы хорошего артиста, и он поставил бы всем голос. Без постановки голоса очень трудно, это ведь инструмент нашей работы, надо его отточить...

Вы прекрасно знаете, чем поддерживается дисциплина в классе. Можно послать самого боевого, самого «свирепого» человека в класс; он войдет и скажет: «Тише, не кричите!» Но над ним будут хохотать. А можно послать в класс нежнейшее существо, почти не обладающее никакой властью, которое так скажет: «Иванов, сядь на место»,— что и он сядет, и все остальные сядут, довольные тем, что заметили Иванова, а не его.

Кроме того, я ввел бы еще такие практические занятия в педагогическом институте. Вот группа. Вас 25 человек. Вы собираетесь, усаживаетесь где-нибудь у стенки. Один из вас занимает директорское кресло, а другой изображает провинившегося ученика, который обвиняется в том, что он сказал неправду. Пожалуйста, разговаривайте с ним, а мы будем смотреть, как вы будете с ним разговаривать. Это очень интересное упражнение, потому что товарищи обсудят, как он разговаривал. Только таким путем можно научиться разговаривать, а с родителями тоже нужно учиться разговаривать.

Я видел много педагогов, знающих советских патриотов, которые, однако, разговаривать ни с родителями, ни с учениками не умеют. Это надо поставить в программу педагогики. Кроме того, пора поставить вопрос о том, что такое коллектив, о сечении коллектива, о функциях коллектива, об органах коллектива, о стиле коллектива и много всяких других вопросов.

Вопрос: «Каковы основные пути воспитания сознательной дисциплины в школах?»

Товарищи, я понимаю дисциплину как результат воспитания, так что основной путь воспитания дисциплины — это весь воспитательный процесс. Дисциплина — это прежде всего не средство воспитания, а результат, и уже потом она становится средством. Я считаю, что главные средства воспитания — это хороший коллектив педагогов и хорошо организованный, единый коллектив учеников. Требований — вот чего мы не умеем

предъявлять. После «Флагов на башнях» группа учеников 379-й московской школы пишет мне: «Мы читали «Флаги на башнях». Нам нравится, но мы недовольны. Отчего у ваших ребят так мало недостатков? На самом деле у человека бывают и достоинства и недостатки, и вы должны были описать и достоинства и недостатки». И критики говорят: «Что это за беспризорные. никого не режут, никому не плюют в физиономию, ничего не крадут, ничего не разбивают». Я ответил десятиклассникам, что то, что они проповедуют, я называю моральным оппортунизмом. Почему должны быть недостатки? Кто это придумал: «Вот мои недостатки, вот мои достоинства». Актив — пассив, и все довольны: недостатки есть, достоинства есть — все в порядке... Я считаю, что педагог не должен допускать никаких недостатков, и наши ученики не должны думать, что они имеют право на недостатки. Мы должны требовать от человека идеального поведения (другое дело, что мы не всегда его достигаем). И тогда будет какое-то приближение к идеалу.

Представьте, я в трагическом положении: мне не верят критики Ну, ничего не поделаешь, но коммуне не верят!.. За восемь лет в коммуне не было ни одного дня прорыва, какой-нибудь паники, каких-нибудь страшных случаев. И так только и должно быть. Иначе быть не может в советском детском коллективе. Мы не имеем права допускать иных порядков. Но ко мне приезжали люди, делегации, экскурсии и в глаза мне говорили, осмотрев коммуну. «Нет, не может быть! Тут что-то подстроено». Я написал книжку, и мне возражают: «Это сказка, это мечта». А я утверждаю, что это не только советская действительность, а это та действительность, которая должна быть на каждом шагу.

Детские коллективы должны быть счастливыми коллективами, и поэтому к ним должны быть предъявлены большие требования. Я, например, в системе своих наказаний настаивал на таком принципе: в первую очередь наказывать лучших, а худших в последнюю очередь или совсем не наказывать Это наш, советский принцип. Мы от членов партии требуем больше и наказываем сильнее, чем беспартийных. И поэтому лучшие коммунары, мои друзья, которым я могу доверить что угодно, за пустяк часто сидели под домашним арестом Вот есть в Москве мой друг Вася Клюшник, который командовал три года первым комсомольским взводом. А что такое комсомольский взвод, можете судить по тому, что когда мы ехали в один поход и у меня был чемодан, в котором было 55 тыс. рублей, я сказал: «Не хочу носить двухпудовый чемодан в походе .. Не могу носить его — я не носильщик, кто будет носить?» Подумали, постановили: «Действительно, одному человеку все время носить такой чемодан невозможно. Пусть носит первый комсомольский взвод». Этот незапертый чемодан с 55 тыс. болтался всегда у кого-то в первом взводе, и ни одна трешка из него, конечно, не пропала.

Такой был комсомольский взвод. И вот его командир Вася Клюшник, прекрасный человек, он у меня под арестом сидел чаще других. Почему? Вот он говорит, что он имеет право уходить без отпуска. Он не просил отпуска, а докладывал мне: «Антон Семенович, я ухожу до семи часов в отпуск».

Есть, записал Я не имел права возразить. Он не нуждался в разрешении, он сам отвечал за себя. Раз уходит в отпуск,— значит, знает, что

делает. Но пришел в десять минут восьмого. Дал обещание, назначил срок и опоздал. Садись под арест! Тебя никто не тянул говорить, что вернешься в семь, а пришел в восьмом часу. Дал обещание, назначил срок — исполни. А опоздал — садись под арест!

От таких, как Вася Клюшник, я особенно требовал, ничего не прощал. И Вася знал, что ему никакой пустяк не будет прощен.

Я прощался с коммунарами.. Вы понимаете, что для меня это был один из трагических моментов моей жизни. Я получил телеграмму — немедленно прибыть к месту назначения в Киев. Неожиданная телеграмма. Я работал в НКВД и должен был уехать с первым поездом. Телеграмму я получил утром, а поезд отходил в пять часов. И я должен был немедленно проститься.

Я работал шестнадцать лет в коллективе. И кто понежнее, тот слезу пустил. И мне трудно было говорить. На что уж заведующий хозяйством: такой хитрый был, что к нему на козе не подъедешь, и тот стоит — плачет.

Вдруг вижу: в большом зале на рояле пыль. Я продолжаю речь и тут же спрашиваю: «Кто сегодня убирает?» Мне называют. «На пять часов под арест этого коммунара!»

А он говорит: «Антон Семенович, ведь вы прощаетесь». Но я и тут его наказал, и тут не простил.

И когда коллектив знает, что его лучшие получают в первую очередь, тогда наказание приобретает настоящий советский оттенок. Новенький придет, украдет, ну, «попарят» его, но не наказывают. Если украдет во второй, в третий раз, его опять-таки не наказывают... И новичок начинает мечтать о том времени, когда его начнут наказывать, так как в этом заключается доверие к его человеческой личности.

Вот условия дисциплины.

Следующий вопрос — о значении поощрений.

Я противник излишних поощрений. У нас в коммуне лучшим поощрением считалась благодарность в приказе, объявленная по коммуне. А приказ слушали все стоя. Приказ — это выражение воли коллектива, это коллективное поощрение. Так у нас велось непрекращающееся, постоянное соревнование отрядов по всем показателям. Кстати, для дисциплины огромное значение имеет учет, а я ни у одного директора в кабинете не нашел картотеки. Как можно руководить тысячей двумястами детей, если нет картотеки! Это некультурно.. У нас должны быть карточки, учет [6].

Я достиг больших результатов благодаря придирчивости, благодаря учету. Скажем, мальчик ходил по классу. В его карточке будет отмечено, что такого-то числа он ходил по классу. Разговоров по этому поводу не ведется: это не кондуит, тут другие традиции, поддерживающие порядок. Мальчик совершил проступок — записали: ты в апреле, в марте сделал то-то. Человек «отдувается» за то, что он сделал, и после этого он опять прекрасный товарищ. Никаких разговоров не ведется; тем не менее учет продолжается. Каждый знает, что, если он сказал учителю грубость, он за это получит. Но упрекать его за это потом всю жизнь никто не будет. Однако в карточке это будет отмечено.

Тут много всяких способов, чисто даже механических, которые укрепляют дисциплину. Вот одним из таких способов является ежедневный рапорт. Мне вечером иногда рапортовали человек шестьдесят. Это коман

диры отрядов, взводов, классов, производственных бригад. Но это делалось торжественно. Они выстраивались в две-три линии. Давалась команда: «Смирно!» И я должен был приходить подтянутый, как нужно. И рапорту бригадира или командира отдавался салют.

Все присутствующие, и учителя в том числе, стоят с салютом. И в таком рапорте указания о проступке ученика звучат на весь коллектив очень серьезно. И рапортам этим мы придавали такое большое значение, что у нас даже было правило: рапорт не проверяется. Если мальчик пришел ко мне в кабинет и рассказал о плохом поведении товарища, то я могу его проверить; если мальчик заявит на общем собрании о плохом поведении товарища, то его тоже можно проверить, можно расспросить свидетелей, можно установить, правду или неправду он сказал. Но если это сказано во время рапорта — проверять нельзя. Почему? Во время рапорта человек соврать не может, потому что ему же салютует вся коммуна, его рапорту, его работе, его отчету отдают салют 70—80 человек. Как он может соврать?! И знаете, не было случая, чтобы в рапорте была ложь. Такой рапорт должен был устанавливать дисциплину. Командир должен отметить в рапорте то, что произошло, он не имеет права скрывать. Если он что-то скрыл,— значит, он соврал; получается, что рапорт нужно проверять. И тут вопрос, выдавать или не выдавать товарища, отпадает. Это один из путей воспитания принципиальности и честности.

Одним из важнейших путей воспитания я считаю игру. В жизни детского коллектива серьезная, ответственная и деловая игра должна занимать большое место. И вы, педагоги, обязаны уметь играть. Я вот немолодой человек, а я играл. Вот, например, пришел ко мне командир, дает рапорт. Я должен встать перед ним. Я не имел права принять рапорт сидя.

И другие подобные правила поведения были у нас широко распространены...

Такой вопрос еще: «Пути полового воспитания в школе».

Очень трудный вопрос! Разрешите мне не отвечать, честное слово, голоса не хватит.

Дело в том, что я был в более трудных условиях, чем вы, или, может быть, в более легких. С одной стороны, дети жили день и ночь со мной, они не знали родителей, я был для них все, но, с другой стороны, это были люди, повидавшие свет и многое испытавшие.. Так что в половом отношении они были очень развиты, и воспитывать их было трудно.

У меня были тяжелые случаи, я не сразу нашел способы правильного полового воспитания (правда, я считаю, что в общем-то мы выбрались благополучно). Особенных скандалов не было, но влюблялись.

Я решил сейчас обязательно написать книжку о любви, потому что я поневоле сделался специалистом в этом вопросе (в зале смех), хотя я пришел к этому убеждению в самое недавнее время, что любовь — это вовсе не наитие, и не случайность, и не несчастная случайность, а это обыкновенное дело, которое нужно организовать. (В зале смех) Поэтому, воспитывая хороших организаторов, вы тем самым (простите меня за тривиальность) воспитываете хороших влюбленных; способность к организации поведения проявится и в этом. Ответственность за работу коллектива, привычка к этой ответственности, привычка отвечать за коллектив — эта привычка к ответственности скажется и в любовном отноше-

нии. Главные драмы проистекают от ощущения безответственности. При этом в области морального воспитания, как вы знаете, самая трудная цель вот какая.

Надо, чтобы человек поступил правильно не тогда, когда на него смотрят, его слышат, могут похвалить... Очень трудно поступить правильно тогда, когда никто не видит, никто не слышит, не увидит, не услышит никогда, навечно не узнает, а надо поступить правильно для себя, для правды, для своего долга перед самим собой. Если такую цель, не имеющую отношения к половому воспитанию, поставить перед воспитателем,— тогда и половое воспитание облегчается.

Само собою разумеется, что любовь в семнадцать лет — это, конечно, чепуха, в особенности у мужчины, который развивается позднее женщины. С влюбленным семнадцатилетним мальчишкой женщина даже не должна разговаривать. Но и у девушки в семнадцать лет тоже знаете, какая любовь... Если дать ей ход, она может окончиться несчастьем. Я, по крайней мере, не знаю случая, чтобы ранняя любовь, приведшая к браку, не кончилась какой-то «драмой»...

Я так говорю тем девушкам, которые влюбились в семнадцать лет: хотите замуж, а потом приходите и плачете — убитые глаза, похудевшее лицо, горе. Человек уехал, даже адреса нет. (С м е х.)

А я таким девушкам говорю: выбралась ты хорошо из этого дела. Радуйся, что все благополучно кончилось и что тебе не нужно подавать заявление об алиментах куда-нибудь. (С м е х.) Но еще лучше обойтись даже и без такого конца.

Поэтому я сейчас, когда встречаю своих бывших коммунаров, а встречаю я их очень часто во всех городах, я просто беру за плечи — дорогой, милый, хороший друг, не женись, подожди немножко, тебе двадцать лет, ну подожди, для меня подожди.

Девушки в таких случаях меня обычно успокаивают: «Да нет, вы не беспокойтесь, ничего такого нет. Там есть один, но кто его знает, он так только, смотрит, а ничего не говорит».

Значит, если скажет,— все равно дело пропащее!

Тем не менее я в своей практике добивался торможением того, что задерживал эти любовные истории. Иногда приходилось стучать кулаком — брось, все равно знаю... И пугливые натуры бросали (с м е х), а более экспансивные, конечно, не могли бросить. И приходилось женить, даже приданое покупать, всякие цветы, швейную машину, квартиру, гардеробные шкафы и т. д. Ранние браки противоречат моим педагогическим убеждениям, и тем не менее я должен был это делать.

Факты женитьбы в 1932—1933 гг. показали коммунарам все «счастье» преждевременной брачной жизни. Во-первых, нужно жить на маленький бюджет. Какой заработок в девятнадцать лет? Во-вторых, появляются дети, начинаются тайные исчезновения на вечерние заседания... А потом — сакраментальная формула: не сошлись характерами.

Так одна, другая неудачи сделались одним из наших важнейших козырей.

Обычно, если вижу где-нибудь парочку возле батареи, когда все спят, спрашиваю, нежно даже спрашиваю: говорят, что вы влюблены? Женитесь! Они говорят: честное слово, нет!

Полгода назад ответили бы да, влюблены, хотим жениться... А теперь? Скажи: женись, вот приданое, квартира и т. д., пожалуйста. Нет, не хотят. Все прекрасно поняли, что квартира и приданое — небольшое такое счастье.

В общем удалось задержать некоторые любви в большинстве случаев, удалось создать такой институт, знаете, верховный. Запретительным актом, естественно, никто не запрещает, нельзя запретить, но затягивать, оттягивать нужно.

Кроме того, я считаю, что в таких случаях полезен прямой разговор о любви с юношей отдельно, с девушкой отдельно. Прямые разговоры, без всяких прикрас с молодежью 17 и 18 лет — это не только можно, а нужно, нужно учить любви. Как это ни странно звучит, а есть такая наука.. Девушек нужно учить большему уважению к себе, к своей женской гордости. Девушку надо учить, чтобы она даже приятных ей молодых людей встречала с некоторым перцем. (В зале смех, аплодисменты.)

И девушкам и мальчикам нужно рассказывать об ответственности за каждый прожитый день, за каждый кусок чувства, потому что за все приходится платить жизнью, причем надо рассказывать не два-три раза, а воспитывать каждый день.

Буржуазные педагоги считают, что никаких «любвей» не может быть в юношеском возрасте, что в школах человек до 18 лет любить не может, потому что он в школе, а после школы любите с алиментами или без алиментов, с драмами или без драм. Иногда и мы с разгона тоже берем такую ошибочную позицию— это «шкрабья» позиция [7].

Мы, советские педагоги, не можем снять с себя ответственности, мы обязаны воспитывать будущих отцов, будущих матерей... У педагогов есть все, чтобы преподать юношеству хорошие советы...[8]

Мне задан еще такой вопрос: «Как вы понимаете отношение между педагогической теорией и педагогической практикой?»

Я чрезвычайно уважаю педагогическую теорию, не могу жить без нее, люблю педагогическую теорию. Не знаю, удовлетворил ли мой ответ того, кто спросил, но я сказал правду.

Маленькое замечание. Я люблю именно педагогическую теорию, а не педагогическую болтовню, а иногда всякую болтовню называют педагогической теорией. Я хочу, чтобы педагогическая теория была настоящая.

Нужна маленькая монография на такую тему, как влияние костюма учителя на характер учащихся, влияние мимики учителя на воспитание характера ученика. Все это мельчайшие детали, которые требуют внимания. Ведь даже Гоголь в своем «Ревизоре» обратил внимание на то, что иной учитель такую рожу скорчит, что хоть святых выноси

Очень многое зависит от того, как учитель умеет оживить свой урок, как он умеет смотреть на класс. Нужно изучить вопрос о воспитании способности ориентировки. Об этом можно написать целый том. Такую теорию я очень люблю и уважаю ..

Вопрос: «Как вы советуете поступать в тех случаях, когда дети в переходном возрасте увлекаются книгами, не подходящими для них, хотя и высокохудожественными,— Куприна, Мопассана, Цвейга? Следует ли запрещать такое чтение и каким образом?»

Что из того, что я отвечу — следует запрещать? А кто будет запрещать, вы? А вы сумеете запретить? Нет. Попробуйте запретить мальчикам читать эти книги. Все равно будут читать. Попробуйте запретить курить в школе. Будут курить Я вообще особенно не верю в запрещение. Тут что-то другое нужно Вот вы боитесь, что школьник взял Куприна, Мопассана. Я знаю, чего боитесь: там есть такие сценки, которые не всегда вслух при женщине прочтешь, и ребенок уже интересуется подобными сценками и читает эти книги. Так что совершенно ясно, что его привлекает. И как вы думаете: вашим запрещением вы сможете повлиять на характер его чтения? Нет, не сможете. Вы запретили читать Мопассана — он будет слушать всякие анекдоты какого-нибудь старшего товарища. Это хуже Мопассана или лучше? Хуже! Едва ли можно при помощи одного наблюдения и запрещения руководить всем этим процессом, когда у подростка в пятнадцать лет возникают такие интересы. И вы знаете, что я думаю? Я не знаю детей, мальчиков пятнадцати лет (ни во время своего детства, ни потом не встречал), у которых бы этот острый половой интерес не возникал. Этот интерес имеет форму вовсе не развратного стремления к женщине. Стремления к женщине еще нет, оно не сознается, напротив, такой мальчик боится женщин, стесняется, и, может быть, платонически влюблен в кого-нибудь, и даже где-нибудь плачет втихомолку от любви, чтобы никто не видел ..

И знаете, что я думаю? Пусть он переживет эту болезнь без вашей помощи и без вашего вмешательства. Это, конечно, какое-то заболевание, и, вероятно, его нужно так же перенести в пятнадцать лет, как иногда нужно перенести корь, скарлатину в детстве. Он не может пройти мимо этого вопроса, и, конечно, он не будет о нем разговаривать с вами, с учителем. Вот в чем я убедился: это проходит по каким-то верхним коркам души и вовсе не развращает и не превращает в дальнейшем человека в развратника. Смотришь, из этого самого мальчика вырастает чистейшая, хорошая мужская душа.

Мы не имеем точных данных, но если обратиться просто к нашим жизненным впечатлениям, то я знаю очень многих мальчиков, моих товарищей, которые только тем и занимались, что, бывало, на перемене собирали нас в кружок и рассказывали нам (эти пятнадцатилетние ребята) такие невероятные вещи, что у меня теперь волосы дыбом встают, когда о них вспоминаю. А потом из них вышли прекрасные работники, чистейшие люди, нравственно чистые люди. К женщинам они относились прекрасно.

В то же время я наблюдал мальчиков, которые не хотели слушать таких разговоров, удалялись, которые вели себя, как тихони, а из них вышли развратники, насильники, беспринципные животные. Могут быть и такие случаи.

Это закономерный мальчишеский взрыв острого интереса к половому натурализму. Поэтому пусть лучше он прочитает Мопассана. Тогда у него вся эта область предстанет хотя в волнующем оформлении, но все-таки в искусстве, в антураже человеческих страстей, несчастий, радостей. Поэтому я никогда никому не запрещал читать книг, кроме книг контрреволюционных, вредных своей проповедью, идеями. И думаю, что дети от этого ничего не теряют.

Я не знаю ни одной системы чтения, предложенной кем-нибудь, которая бы меня удовлетворила.

Вопрос: «Меня интересует вопрос о самолюбии человека и как можно воспитать у человека самолюбие?»

Если у ребенка нет самолюбия — надо воспитать его, конечно. Но я не знаю, как его воспитать, если ребенок не находится в коллективе. Видите ли, в хорошем коллективе самолюбие очень легко воспитать. Я бы предложил в школе делать то, что я делал в коммуне. В коммуну мальчики приходили как воспитанники, а через четыре месяца они получали звание коммунара и нарукавный значок ФД. Это удовлетворяло, но это и обязывало.

Во всяком случае, надо воспитывать так, чтобы человек знал, какой коллектив за его спиной, каким коллективом он должен гордиться. Человек всегда должен выступать от имени коллектива.

Я в Москве был в одной школе, которая называется школой им. Ворошилова, я там был несколько дней, но я не слышал, чтобы кто-нибудь вспоминал Ворошилова, я не слышал гордости за то, что школа носит имя Ворошилова.

Я спросил. «Вы называете себя ворошиловцами?» Они ответили: «Нет». Я спросил: «А как же?» Они ответили: «Мы называем себя учащимися». Я спросил. «А вы видели Ворошилова?» Они ответили: «Нет». Я спросил: «А что бы вы сделали, если бы он приехал?» Они ответили: «Ничего».

Школа не находит в этом ничего для воспитания гордости своего коллектива потому, что самое главное — это коллектив, а не название школы.

Я думаю, каждая школа наша, кроме того, что должна быть единым типом советской школы, должна иметь свое лицо и гордиться этим лицом. Тогда каждый школьник будет гордиться своей принадлежностью к данному коллективу.

Вопрос: «Чем вы объясняете такое быстрое перерождение Короткова из произведения «Педагогическая поэма»?

Я, товарищи, вообще не верю в медленное перерождение. Воспитание, рост человека протекают медленно, а так называемая перековка всегда совершается взрывно...

Вопрос «Каким способом можно сломить упрямство, если ребенку уже семь лет?»

На такие вопросы трудно отвечать в общей форме. Смотря какой ребенок, какой папа и какая мама, кого там ломать в первую очередь нужно и кто ломает. Вопрос слишком абстрактный, совершенно невозможно дать на него ответ.

Вопрос· «Какие лучшие конкретные способы преодоления лени?»

Если вы говорите о преодолении лени в детском коллективе, там много способов, специальная методика может быть предложена, и прежде всего ответственность перед коллективом. Если же вы пишете: даже в нашей студенческой среде есть ленивые люди, значит, тут не лень. Преодолеть можно самовнушением, самовоспитанием. Для этого есть единственный, вернейший способ — это заставить себя делать то дело, которое нужно делать. Другого способа нет.

Вопрос «Не считаете ли вы, что ликвидация мастерских по школам, отсутствие трудовых процессов ведут к воспитанию барчуков, людей, пренебрежительно относящихся к труду взрослых?»

Я вообще сторонник не только трудового воспитания. но и производственного воспитания. Маркс прямо говорит, что все дети с десяти лет должны принимать участие в производстве...[9]

Я являюсь сторонником производственных процессов в школе, даже самых простых, самых дешевых, самых скучных. Потому что только в производственном процессе вырастает настоящий характер человека, члена производственного коллектива, там именно человек учится чувствовать свою ответственность за деталь, когда нужно выполнить весь промфинплан.

Я думаю, что такая производственная школа у нас со временем будет. Сейчас у нас просто средств не хватает для такой школы.

Вопрос: «Если можно, скажите, пожалуйста, кого вы считаете лучшим писателем современности?»

Я больше всего люблю Шолохова. Я даже считаю, что он писатель мирового масштаба.

Следующий вопрос: «Связаны ли вы с педагогической практикой и в какой форме?»

Связан, очень часто принимаю у себя на дому клиентов по разным вопросам, хотя на моих дверях не висит дощечка «прием от такого-то до такого-то».

Недавно пришла ко мне женщина лет 45 (думаю, что моей книги не читала) и говорит: «Сын продал мои ботинки, юбку, облигации, не работает, требует денег, по ночам гуляет, ударил меня кулаком в лицо. Мне посоветовали прийти к вам за советом».

Я решил, что же мне обижать женщину, которая нуждается в совете? Я спрашиваю: «А сколько сыну лет?» Она говорит: «Восемнадцать». Я говорю: «Могу вам дать единственно возможный совет: если можете, удирайте тайно от этого сына в другой город». Она говорит: «Хорошо, спасибо за совет, а сколько вам за совет?» (В руках у нее пятерка.) Я считаю, что я честно заработал пятерку, но все-таки не приходится брать. (В зале смех.) Вы знаете, что еще? Иногда приходят ко мне влюбленные и просят совета — чи покинути, чи любити? И вы знаете, нельзя прогнать, пошел разговор, и хотя не специалист в этом вопросе, а поневоле начинаешь расспрашивать, говорить, потом влюбленный начинает плакать, начинаешь утешать — и смотришь, даешь какой-то совет и даже сам не знаешь, к чему это может привести.

Так что, видите, приходится и нехорошими педагогическими делами заниматься.

А раз пришла ко мне мать в очень трагическом положении, приехала из Ленинграда: у нее сын пропал, прекрасный мальчик, ученик IX класса. Вытопил печь и исчез. Мать пришла в теплую комнату с работы, а сына нет. Дело в том, что мальчика обвинили в краже каких-то физических приборов в школе, и вот он исчез. Единственный сын. Мать приехала ко мне, привезла карточку и спрашивает: «Скажите, может ли он покончить с собой?»

Разве я могу сказать, что я не знаю, не понимаю? Я взял карточку, посмотрел и сказал. «Ни в коем случае не может покончить с собой». (В зале смех, аплодисменты)

Следующий вопрос: «Нам очень хочется быть счастливыми. Скажите, пожалуйста, что вы собираетесь написать по этому вопросу в вашей последней книге, а то придется долго ждать другой книги, а человек создан для счастья, как птица для полета,— поэтому нельзя терять ни одной минуты».

Я отвечу товарищам.

Буду писать такую книгу, и первым правилом такой мудрости — как быть счастливым — я рассчитываю поставить: не спеши быть счастливым, а то вы торопитесь...

Нужно очень осмотрительно к этому подходить...

Один товарищ пишет, что наши школы забросили физическое воспитание.

Конечно, забросили, так не надо забрасывать. Что я могу сказать по этому поводу? Его очень легко восстановить.

Какое физическое воспитание? Спартанское воспитание, например, тоже неплохое воспитание, но я всегда настаиваю на том, что наше воспитание должно направляться интересами коллектива, сопровождаться воспитанием сознательности. У спартанцев воспитание закаленных людей не сопровождалось таким сознательным оформлением, как у нас, такой философией жизни.

Вопрос: «Вы предлагаете ученикам натирать паркет. Но ведь, утомляясь натиранием, ученики не смогут продуктивно учиться».

Вот видите, вот уже испугались! А как же мои коммунары учились? Ведь они заканчивали полную десятилетку и четыре часа выполняли на заводе серьезную работу, с нормой, и с самообслуживанием, и с самоуправлением, и с физкультурой, и иностранные делегации принимали, и в походы ездили. Нет, товарищи, мы слишком балуем наших ребят. Натирать полы в течение часа — это им нисколько не повредит.

Вопрос: «Расскажите коротко о вашей встрече с Горьким, его влиянии на вашу деятельность как писателя».

Я с ним встретился основательно один раз, когда он приехал ко мне в колонию им. Горького. Жил у меня три дня. Ну, тогда меня интересовали больше вопросы педагогические, а не литературные. Я с ним о литературе совершенно не разговаривал. Потом, когда я написал «Педагогическую поэму», встречался с ним по этому вопросу раза четыре. Два раза был у него. Один раз в поезде ехал вместе с ним и еще раз в Одессе видел, когда он возвращался из Италии через Турцию. Самое важное, что я нашел в нем,— это большая вера в человека и большая требовательность к человеку.

Я считаю, что в этом смысле Горький — один из лучших педагогов, ибо он предъявляет максимальные требования к человеку, в этом проявляется максимальное уважение.

Кроме того, меня увлек оптимизм в горьковских произведениях. Горький — большой оптимист; он умеет проектировать лучшее в человеке [10].

Когда вы видите перед собой воспитанника — мальчика или девочку, вы должны уметь проектировать больше, чем кажется для глаза. И это

всегда правильно. Как хороший охотник, давая выстрел по движущейся цели, берет далеко вперед, так и педагог в своем воспитательном деле должен брать далеко вперед, много требовать от человека и страшно уважать его, хотя по внешним признакам, может быть, этот человек и не заслуживает уважения.

Вопрос: «Встречали ли вы в своей практике неисправимых нарушителей?»

Встречал, но я глубоко убежден, что через десять — пятнадцать лет наша педагогика и вы со своими свежими силами и мыслями признаете, что неисправимых быть не может ..

Мне могут задать вопрос. вы говорите, что коммуна может всех исправить, а были случаи, когда с одним человеком не могли справиться — исключали из коммуны. .

Я отвечу словами комсомольца Сопина, сказанными, когда мы во время похода исключили за драку одного коммунара: «. .Он совершил большое преступление: в походе у нас военная дисциплина, на пароходе в присутствии представителей всего Советского Союза он оскорбил коммуну: ударил более слабого товарища. Мы его ссадили, а сейчас он нам неинтересен, пусть его кто угодно исправляет, да он и так на всю жизнь не забудет этого урока. Он уже исправился, но мы желаем, чтобы в коммуне, когда мы уйдем, все помнили этот случай». И действительно, знаете, ушло одно поколение, жили уже новые ребята, а мои, чуть вопрос о драке зайдет, говорили: «А помните, ссадили с парохода в Ялте?»...

Откажитесь, товарищи, от индивидуальной логики... Здесь воспитывается не один человек, исключенный, а весь коллектив. Весь коллектив закалялся в борьбе за свое качество. Как вы думаете, разве поднять руку за исключение товарища — это не значит взять на себя очень большие обязательства, большую ответственность?

Исключение было высшей мерой наказания в коммуне Когда мы применяем высшую меру наказания, нас прежде всего интересует коллективный гнев, коллективное требование, коллективный опыт .. Применяя высшую меру наказания, мы усиливаем наши требования к человеку, и наше уважение к коллективу, и наши надежды на совершенство человека, и нашу ненависть к врагам.

Вопрос: «Если вызван ученик к доске, а он слабоват в математике, и преподаватель начинает его конфузить, хорошо ли это или нет?»

Иногда хорошо, честное слово, хорошо. Иногда самый легкий способ иронии хорош и на общем собрании.

Мне пишут, что в вопросе о «балмесовых» я ошибаюсь, потому что у нас нет навечно плохих, обреченных. Вам кажется так, мне кажется так. Я говорил на основании рассказов учителей. Я в своей жизни наблюдал людей, которые в известном классе учатся плохо. Нельзя насильно заставить хорошо учиться; это может привести к трагическим последствиям. Иногда лучше дать человеку отдых, передышку. Но это не значит, что он обреченный.

Мне пишут: «Приведите пример, где бы закалка наша отличалась от закалки в Англии».

Я говорил, что наша закалка должна направляться интересами коллектива, не быть персональной, личной тренировкой и каждый ребенок

должен это понимать, а в Англии закалка делается для собственной личной силы.

Меня спрашивают: «Дайте короткую характеристику вашу, какими должны быть здоровые отношения между юношей и девушкой».

Искренние отношения, т. е. такие, которые ничего не преувеличивают и не преуменьшают. Когда не обманывают друг друга, когда есть уважение к себе и другому, тогда отношения будут здоровые, независимо от того, какие это отношения: дружеские, любовные и т. д.

Во всяком случае, если есть забота о жизни и счастье другого,— такие отношения всегда будут прекрасны.

Следующий вопрос: «Скажите, типичным ли является тот профессор педагогики, о котором вы пишете в «Книге для родителей»?»

В свое время он был типичным как лицо, у которого собственная педагогическая эрудиция противоречит его собственной домашней практике, а такое противоречие, в известной мере, может быть типичным.

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

Товарищи, я думаю, что у нас будет беседа, может быть, и вы скажете что-нибудь, потому что мой опыт, а я основываюсь на опыте, отличается от вашего. Но я тоже учитель — железнодорожный учитель и сын железнодорожника, так что должен педагогически мыслить так же, как и вы, хотя мне, пожалуй, повезло больше, чем вам.

В 1920 г. Советская власть дала мне колонию правонарушителей. Я пошел туда вовсе не потому, что считал себя сильным воспитателем. После революции я работал в Полтавской школе, и мне предложили заниматься в здании губсовнархоза. Приходя туда, я всегда находил там грязные канцелярские столы, окурки на полу и, как правило, воздух, состоящий главным образом из никотина и дыма. Заниматься с детьми в таких условиях было очень трудно, и, разумеется, я готов был удрать куда угодно. Так начался мой опыт работы в колонии. Он продолжался 16 лет, и тут мне повезло. Мало людей, которым посчастливилось руководить одним и тем же коллективом 16 лет.

Вот в 1935 г. этот мой опыт закончился не по моему желанию, не по моей вине [1].

Все эти годы я работал с одним коллективом, в котором, правда, менялись люди, но менялись постепенно, сохраняя традиции, преемственность между поколениями. Работа в этом коллективе привела меня к некоторым убеждениям, которые я имею склонность распространять и на обычную школу. Почему я так подошел к общешкольному вопросу? Потому, что последние 8 лет коммуна им. Дзержинского НКВД Украины мало отличалась по характеру детского общества от обычной школы.

В коммуне была полная средняя школа, и дети очень быстро, приблизительно через 3—4 месяца, становились нормальными детьми или даже сверхнормальными, если нормальным считать нашего среднего школьника. Так что я не имею оснований полагать, что у меня был особенно трудный состав. Состав у меня был более легкий, чем в некоторых школах. Я настолько мог позволить себе свободу действий, что, напри-

мер, с третьего года работы в коммуне отказался от штатных воспитателей. В быту моим воспитанникам уже не нужна была специальная надзирательская помощь.

Школа у меня была труднее, чем у вас, потому что я получал детей, более или менее отставших: в 10—12 лет кое-как читает, кое-как пишет, а иногда совсем не пишет. Так что закончить курс десятилетки к 18 годам им было труднее [2].

Был такой старый интеллигентский предрассудок, что беспризорный всегда способный, гений, а на самом деле он в некоторых отношениях слабее, чем нормальный ребенок, он менее подготовлен к систематической школьной работе. Это затрудняло прохождение курса средней школы, но у беспризорных было нечто, что позволяло мне и им преодолевать большие трудности. Они не могли рассчитывать на помощь родителей, а должны были рассчитывать только на себя. Это они понимали. Скоро стали они также понимать, что школа — это дорога в вуз. Особенно ясно им это стало, когда появились первые студенты-коммунары и студенты приезжали в коммуну.

Тогда коммунары поняли, что дорога в вуз — самая богатая, самая интересная дорога. Привлекало их также и то, что вуз давал общежитие, стипендию.

У моих коммунаров страсть к учебе была сильнее, чем у среднего школьника. И с помощью этой страсти они преодолевали лень и все трудности на этом пути.

Воспитательная работа в коммуне у меня была обставлена лучшими условиями, чем у вас, потому что коммунары находились в моих руках полные сутки в течение 5—6—7 лет. У вас есть такая терминология: это средство воспитательное, а это средство невоспитательное. Причем у вас воспитательное средство не то, которое ведет к цели, а то, при котором меньше скандалов, меньше крика (смех), когда и волки сыты и овцы целы. А к каким результатам ведет это средство — не проверяется, не имеет особого значения.

А я считал воспитательным средством то средство, которое ведет к цели. Если даже поднимается крик, скандал, пожалуйста, иду на какой угодно скандал. Я был поставлен в этом отношении в более выгодные условия и был оперативным. Наконец, легкость работы обусловливалась еще одним обстоятельством: в коммуне было производство.

Я был когда-то сторонником трудовых процессов. Мы все считали, что в трудовых процессах ребенок дает выход своим трудовым инстинктам. Я тоже думал, что трудовой процесс нужен для придания ребенку трудового колорита. В дальнейшем я понял, что ребенок должен учиться какому-то производительному труду, добиваться какой-то квалификации.

Мы, педагоги, теоретически залетали очень высоко, а практически были очень низко. Думали, что дадим нашему ребенку хорошую квалификацию, а на самом деле давали такую, при помощи которой ребенок мог сделать плохую табуретку, готовили швею, которая могла сшить только трусики. Я сам переживал даже чувство некоторого пафоса, когда мне хорошо чинили ботинки, шили трусики и плохо делали табуретку. Потом я избавился от этого педагогического предрассудка. Вы помните,

наверное, предрассудок, что трудовой процесс должен быть «увязан» с учебной программой. Сколько мы ломали голову над этим проклятым вопросом? Вот дети делают табуретку, а надо, чтобы это было связано с географией и с математикой. (Смех.) Я очень плохо себя чувствовал, когда приезжала комиссия и не находила согласованности между табуреткой и русским языком. (Смех.) Потом махнул рукой и прямо стал утверждать, что не должно быть связи.

Сейчас я это могу аргументировать, когда в коммуне развернулся прекрасный завод, сработанный нашими руками, завод, производящий «Лейки». Очень богатый завод. «Лейка» имеет 300 деталей с точностью до 0,001 мм, точную оптику, где сложнейшие процессы, каких в старой России никогда не знали

Когда я наблюдал работу такого завода, а такой завод — это значит точный план, нормы допуска, нормы качества, когда такой завод обслуживается десятками инженеров, конструкторским бюро и т. д. и т. д.,— только тогда я увидел, что значит такое производство. И как жалок был лепет об увязке школьной программы с трудовыми процессами. Оказалось, что процесс обучения в школе и производство продукции крепко определяют личность потому, что они уничтожают ту грань, которая лежит между физическим и умственным трудом, и выходят высококвалифицированные люди.

В Харькове я встретил девочку, которая оканчивает институт. Но она имеет 6-й разряд полировщицы линз. Она учится в вузе, а между тем этот 6-й разряд у нее сохраняется в руках, она все помнит. И вот когда выходили из коммуны люди с полным средним образованием и квалификацией 6—7-го разряда, то я видел, что им учеба принесла пользу. Условия производства, производства серьезного,— это и были те условия, которые облегчили педагогическую работу. Я теперь буду бороться за то, чтобы в нашей, советской школе было производство. Тем более буду бороться, что труд детей на производстве открывает многие воспитательные пути.

И наконец, еще одна сторона, совсем не презренная,— это выгодность такого дела. Коммуна им. Дзержинского существовала восемь лет и только один год была на бюджете. Остальные семь лет она была снята с бюджета, и последние семь лет она покрывала содержание завода, общежития, всего быта, пищи, одежды, школы целиком и 5 млн. рублей давала государству чистой прибыли. При этом только потому, что была на хозрасчете

Вы представляете, какой силы инструментовка была в руках педагогов. Мы решаем: едем 500 человек по Волге, на Кавказ. Для этого нужно 200 тыс. рублей. Постановили: в течение месяца работать полчаса лишних, и в результате получаем 200 тыс. рублей.

Мы могли одевать мальчиков в суконные костюмы, девочек — в шелковые и шерстяные платья. Мы могли 40 тыс. рублей тратить на театр. А когда это делается в порядке трудовой дисциплины, в порядке завоевания богатства, когда весь коллектив за это борется, то что можно сравнить с этой новой педагогической силой?

Я уже не говорю о других, мелких достоинствах такой системы. Хотя бы зарплата. Зарплата не потому совершенна, что дает деньги ученику,

она совершенна потому, что ставит его в условия собственного бюджета, она дает возможность воспитать будущего хозяина. Ведь у нас каждый коммунар-выпускник имел в сберкассе по 2 тыс. рублей.

Я убежден, что цель нашего воспитания заключается не только в том, чтобы воспитать человека-творца, человека-гражданина, способного с наибольшим эффектом участвовать в строительстве государства. Мы должны воспитать человека, который обязан быть счастливым. Деньги в Советской стране могут быть прекрасным воспитателем, прекрасным педагогом. Говорить о педагогических вопросах я могу, основываясь на своем опыте, а он был обставлен лучше, чем у вас.

Я настаиваю и буду настаивать на том, что такие условия должны быть созданы в школе. Сначала это кажется очень страшным, а на деле это не так страшно. Если бы мне сейчас дали школу, я бы на педагогическом собрании говорил, какие идеи я буду осуществлять, и в то же время думал: где бы достать необходимые средства? В коммуне им. Дзержинского я стал искать человека, который умеет все купить, все продать, все умеет делать. И нашел такого человека. Он говорит: «У вас 200 рабочих рук, чего же вы плачете?» — «А что мы будем делать?» — спрашиваю. Он отвечает: «Знаете что, мы будем делать нитки».— «А где средства?» — «А зачем средства? Мы заключим договор, купим кустарные деревянные станочки». Действительно, купили такие старые станочки и начали делать нитки, а через шесть лет имели лучший в Союзе оптический завод, который стоил несколько миллионов рублей.

Вот мы и начали с ниток и табуреток. А как табуретки надо делать? Говорят, для того чтобы сделать стул, один ученик должен сделать все части, тогда он будет хорошим мастером. Другие говорят: нет, один делает вот эту часть, второй — другую часть, третий полирует и т. д. И это верно. А вот когда «душевный педагог» видел такую работу, он бледнел, падал в обморок: как можно так издеваться над мальчиком: мальчик отрезает только эту штуку, просто ужас. Да, мальчик имеет дело только с этой штукой, но он отрезает 200 штук за несколько минут, он работает на коллектив.

Разделение труда нам необходимо. Сейчас не так нужен мастер, который умеет сделать стул целиком, как нужен столяр, умеющий работать на циркулярном и фрезерном станках. Такой коллектив, такое производство были в моем опыте.

То, что я говорил вам, вовсе не значит, что я только хозяйственник. Нет, я всегда оставался педагогом, всегда меня интересовали вопросы воспитания, и я пришел к некоторым выводам, которые, может быть, противоречат ходячим теоретическим убеждениям. Я всегда был противник такого взгляда, который говорит, что педагогика — это теоретическая наука, которая строится на изучении ребенка и на изучении отдельно взятых, абстрактно мыслимых воспитательных методов. Я представляю, что педагогика есть политическое искусство воспитания и что это есть проявление политического кредо, а вовсе не его теоретических знаний, теоретические знания являются только подсобным в этом воспитании. Сколько хотите накачивайте меня методическими средствами, а я белогвардейца воспитать не сумею И вы не сумеете. Это смог бы сделать тот, у кого нутро белогвардейское.

Педагогическое мастерство может быть доведено до большой степени совершенства, почти до степени техники. В это я верю и всей своей жизнью искал доказательства этой веры. Я настаиваю на том, что вопросы воспитания, методику воспитания нельзя ограничивать вопросами преподавания, тем более нельзя, что воспитательный процесс совершается не только в классе, а буквально на каждом квадратном метре нашей земли. И надо, чтобы педагогика овладела средствами влияния, которые были бы настолько универсальными и могучими, что, когда наш воспитанник встретит любые влияния вредные, даже самые мощные, они бы нивелировались и ликвидировались нашим влиянием. Значит, ни в коем случае нельзя представить, что эта воспитательная работа может быть только в классе. Воспитательная работа руководит всей жизнью ученика.

Второе, на чем я настаиваю,— я сторонник активного воспитания, т. е. хочу воспитать человека определенных качеств и все делаю, весь интеллект, все усилия свои направляю на то, чтобы достигнуть этой цели. Я должен найти средства, чтобы этого достигнуть, и всегда должен видеть перед собой цель, должен видеть тот образец, идеал, к которому стремлюсь. Не беспокоиться о том, что «личность запищала», пускай пищит, но я буду добиваться своей цели. Это вовсе не значит, что я являюсь сторонником страданий, напротив, я убежден, что многие недостатки, особенно дисциплины, тона и стиля, происходят оттого, что мы не придаем значения весьма важному обстоятельству. С беспризорными это обстоятельство я видел лучше: это испорченные детские нервы. Я думал, этот — дезорганизатор, этот — вор, лентяй, а в большинстве случаев это просто дети с потрепанными нервами. Они каждое ваше слово, каждое движение встречают с сопротивлением, у них нервы болят, когда вы подходите. И иногда самые хитроумные наши педагогические измышления являются для них трепкой нервов.

Говорят: ребенок должен после урока покричать (у вас в школе этого нет), иногда ему хочется поколотить стекла, говорят: натура ребенка этого требует. Думают, что для того, чтобы ребенок не бил стекол, надо его отвлечь чем-то, раздражать нервы в другом направлении. Надо, чтобы он пел, танцевал или радио для него завести.

Я бываю во многих школах, у меня закаленные нервы, нервы-тросы, и вот, когда я захожу в такую шумную школу, у меня начинается нервный тик. А ведь дети в течение десяти лет находятся в школе.

Но мы должны быть «педагогичны» и своих чувств не обнаруживать. У нас иногда только губы дрожат, по ночам не спим, или это накопившееся раздражение обрушивается дома на близких. Было даже такое глубокое убеждение, что учительская работа — нервная работа и учитель должен быть обязательно неврастеником.

Я над этим задумывался очень давно. И потом увидел, какое благо — полный порядок: никакого крика, никакого бега. Хочешь побегать — вот во дворе площадка, а если хотите кричать — не кричите! Надо поберечь и нас, ведь мы, учителя,— государственная ценность, и нас, ребята, поберегите.

Насчет окон единственное решение: не смей бить стекол, я не буду тебе заводить радио, музыку и не позволю уничтожать государственное имущество. Я тебя ничем отвлекать не буду, а ты не бей.

И вот когда коллектив сознательно относится к такому порядку, действительно, в коллективе получается тот покой, та строгость, грань и точность обозначений, где можно бегать, где нельзя, которые необходимы для успокоения нервов. Я сам к этому выводу пришел не так скоро. Но коммуну вы могли посетить в любое время и никогда не увидели бы, чтобы ребята толкали друг друга, били стекла и т. д. Коллектив бодрый, жизнерадостный, никто никого не бьет. Я глубоко убежден, что стремление ребенка беспорядочно бегать, кричать прекрасно может быть переведено на внутренний покой. Ведь очень часто может выдаваться за педагогическую мудрость то, что на самом деле должно подвергаться сомнению: мудрость ли это педагогическая и мудрость ли это вообще.

Поэтому такое требовательное, активное воспитание, которое руководствуется только целью дать ребенку политическое воспитание, вовсе не значит, что приведет к страданию ребенка. Что такое страдание? Вас, вероятно, занимает вопрос о риске. В Ленинграде на одном из совещаний, когда я рассказывал о риске, мне такой вопрос задали: да, на производстве можно требовать риска, и чем больше риска, чем больше дерзаний, тем более возможны успехи. Но когда вы имеете дело с живым человеком, как вы можете рисковать, и вопрошающе дополнили так: у нас был случай, когда девочка повесилась потому, что ей поставили плохой балл по немецкому языку. И вспомнил я, как у нас в одном московском педагогическом журнале был отдел консультации и там консультант отвечает на вопрос читателю, как надо разговаривать с мальчиком, который хулиганит в классе, нарушает внутренний распорядок. С таким мальчиком воспитатель должен поговорить ровным голосом, ни в коем случае не повышая тона, так, чтобы ученик видел, что учитель говорит с ним не потому, что он негодует, а потому, что это его долг, долг учителя поговорить.

Вот я считаю, что такой ровный голос с хулиганом и вот то, что учитель боится показать свое негодование, а показывает свою боязнь,— это есть самое рискованное действие. И если бы со мной все люди говорили только ровным голосом, я повесился бы через год. Разговаривать ровным голосом — это значит: мне безразлично, как ты себя ведешь, но я разговариваю с тобой потому, что я исполняю свои обязанности.

Например: «Иванов, не смей ничего плохого делать.. » — и таким спокойным монотонным голосом. А про себя думает, а что если бы тебя по голове как следует стукнуть кулаком. Что это, не риск?

Почему девочка повесилась? Ведь плохая отметка не рискованная отметка. Нет, потому что там были действия нерискованные, человеку тошно стало жить на свете, он повесился. Тот человек, который живет в живом коллективе, где есть риск, живет интересно, там люди бодро живут. Нерискованное действие — самый страшный риск.

Я поэтому открыто говорю: в действиях педагога, в действиях педагогического коллектива должна быть предельная требовательность.

Это вовсе не значит, что вы должны кричать, нет, вы должны так говорить, чтобы виновный видел, что вы негодуете, чтобы он видел, что вы решили сопротивляться нарушению требований, что это приводит вас в гнев. Не всегда надо кричать, можно иногда прошипеть (смех), но

в вашем голосе должна быть эмоция, чувство, и тут не надо уступать никакому консультанту.

Пришел ко мне один директор и говорит. как бы вы поступили? Выгнал я ученика, и он принес записку из гороно, чтобы я его обратно взял. Этот мальчик натыкал несколько кусочков лезвия бритвы в перила, чтобы ученики себе руки порезали. Спрашиваю: «Как вы поступили?» — «Принял»,— говорит... «А надо было с запиской его выгнать».— «Да ведь я места лишусь»,— отвечает он. Испугался записки, принял хулигана обратно. Это неверно. Когда вы чувствуете себя правым, вы обязаны не уступать, даже если рискуете быть выгнанным со службы. И наконец, директора никто не выгонит. Не так уж легко выгнать советского директора, и он должен на своем поставить.

Еще о риске. Когда общий тон требования, целеустремленность действия воспитаны в коллективе на самом деле, тогда и детский коллектив вас поддерживает, и рисковать вам почти не приходится. Когда я установил право наказания как совершенно недвусмысленное право, от которого не откажусь, то ученик прекрасно понимал, что так и будет. Чем ярче, определеннее право требования, тем менее приходится требовать, тем естественнее возникает общий стиль.

Требовательное воспитание кажется трудным делом до тех пор, пока мы по-настоящему не решились его проводить, а когда решились — оно становится легким.

Я подчеркиваю, что мы обязаны требовать должного поведения, не оглядываясь, не боясь, что «личность запищит» или какой-нибудь бюрократ будет угрожать вам увольнением.

Вот, товарищи, общие положения. Я могу развивать их подробно. К ним необходимы некоторые дополнения весьма важного свойства. Это вопросы стиля и тона. Вопрос стиля совершенно не разработан в педагогике. А между тем стиль очень много решает. Сколько я видел школ, столько я видел стилей.

Вы сами знаете, что стиль детского коллектива бывает просто возбужденный, наглый, крикливый, страдающий, пониженный, пессимистический, мажорный. Можно без конца называть стили. Здоровый советский стиль создастся путем воспитания уважения к себе и коллективу. Это то, что необходимо каждой нашей школе. Стиль создается очень медленно потому, что он немыслим без накопления традиций.

Я был в 899-й школе. Конечно, такое название звучит очень ровно, ничем не выделяется. Но эта самая 899-я школа носит имя Кирова. Это уже многое значит. Сплошь и рядом педагоги не умеют пользоваться таким счастливым обстоятельством. В этой школе день рождения товарища Кирова должен быть большим праздником, каждый ученик должен знать биографию товарища Кирова. Так у меня и было. В горьковской колонии были горьковцы. Дзержинцы знали, что товарищ Дзержинский — образ настоящего человека, их вдохновитель.

В одном педагогическом журнале обсуждался вопрос, как называть учеников: «ребята», «товарищи» или просто «Ваня», «Коля». А почему не понимают того, что ребенок в школе обязательно гражданин? Я десятилетнего ребенка называл товарищем, особенно когда к нему обращался по делу. Гуляя в парке, я мог назвать его Петей. А когда он провинился,

я говорил. товарищ Федоренко, получите два часа ареста. Это не значит, что при других обстоятельствах вы не можете назвать его Петей, а такой стиль подчеркивает, что это не игра, что это государственное дело. Главнейший метод, в котором меня обвиняли всегда,— это военизация. Меня называли жандармом, Аракчеевым и т. д. Все же я 16 лет не отказывался от «военизации». Только на 16-м году я нашел у Энгельса место, где было написано, что в школе должна быть проведена правильная военизация. И когда я показал это людям, которые называли меня жандармом, они просто онемели [3].

Я противник муштровки. Вот иногда водят детей в раздевалку парами. Это совсем лишнее. Когда у вас дисциплинированный коллектив, в приказе пишется: одеваться по порядку такому-то классу за таким-то классом, наблюдение поручается такому-то. И каждый знает, когда ему идти одеваться. При таком порядке вовсе не надо ходить в гардеробную парами...

Я в Кисловодске 7 Ноября 1938 г. наблюдал, как одна школа беспорядочно строилась на демонстрацию, причем это не было злым умыслом, просто они не могли построиться. А когда построились, учителя стояли и смотрели, чтобы не разбежались Это не «военизация». Вот так называемая военизация: марш, стройся, минута — равняйсь, справа по 6. Построились. Спрашивают: «Долго будем здесь стоять?» — «2 часа».— «Разойдись». Ребята расходятся, покупают конфеты, мороженое. Но вот трубач дал сигнал, прибежали — строятся.

Это свобода для учителя и учеников, а вовсе не муштровка.

Я не знаю, как у вас собираются общие собрания. Я знаю, как собираются писатели. Прямо скажу: никакой военизации нет. Получают повестку, собрание назначено на 6 часов. Это значит, надо сесть и долго размышлять, когда же начнется общее собрание. Все прекрасно знают, если написано в 6 часов, то оно начнется в 7. Но все опаздывают на час и придут к 8 часам. Следовательно, надо на собрание идти к 8 часам. В повестке написано в 7, собрание начнется в 9 с половиной. «Почему вы пришли в 9 с половиной?» — спрашивают писателя. «Потому что я знал, как все наши запаздывают»,— отвечает он. Время здесь перестает действовать. Шесть часов превращается в пустой звук. И если так будет продолжаться дальше, то, чтобы собрать собрание в 7 часов, надо будет писать, что собрание назначается в 12 часов дня.

А вон «военизация» позволяет приучить коллектив учителей собираться точно. Я 16 лет каждый день принимал рапорт командиров, а рапорт отдавался обычно в 9 часов. Кончился день — дежурный командир дает сигнал. И я, начальник учреждения, ни разу не опоздал. Ни одного раза не позволил себе опоздать. И все командиры всегда вовремя были на месте

«Военизация» позволяет воспитать движение. А движение — это не такой пустяк. Уметь ходить, уметь стоять, говорить, уметь быть вежливым — это не пустяк. Можно не сомневаться, что такой коллектив производит сам на себя впечатление коллектива обещающего.

Вот в коммуне им. Дзержинского запрещалось держаться за перила. Стало обычаем не ходить возле перил. Командир говорит новеньким. отвечайте так-то, ведите себя так-то. А теперь запомните: за перила не

держитесь. И я видел, как люди уже пожилые и менее пожилые пробовали сходить по лестнице, не держась за перила, и как они от этого молодели, становились грациознее. Попробуйте вы так сделать, и вы станете грациознее.

И такая организация не муштровка. В коммуне было правило: дежурным командиром назначить обыкновенного мальчика 15—16 лет, он отличался от других только шелковой повязкой. И вот сделался обычай отвечать на его распоряжение: «Есть, товарищ командир». И в этом была своя логика. Дежурный командир ни с кем не разговаривал, ему некогда было долго разговаривать; выслушал... и уходи.

Умение встать тоже много значит. Если воспитанник пришел к убеждению, что перед директором надо стоять смирно,— значит, он признал закон коллектива.

Я допускал некоторые особые приемы, напоминающие игру в «военизацию». Для своего кабинета я выделил самую большую комнату, обставил ее диванами, и любой коммунар мог присутствовать здесь, мог читать, мог слушать, что говорят. Имел полное право делать это. И тут не нужно было никому ни перед кем тянуться. А когда я его призывал, он стоял передо мной так, как нужно.

И наконец, последнее — о стиле. Это внешняя игра. Ведь мы все, взрослые, в жизни играем. Тот — особенный воротничок сделает, особенные очки наденет, в которых ему кажется, что он походит на профессора. У другого — прическа, как у поэта. А когда вам подадут на экскурсию ЗИС, вы воображаете себя несколько «обуржуазненным». А дети? Как ребенок играет, так и будет работать. Сама детская жизнь должна быть игрой, а вы с ними должны играть, и я 16 лет играл. Эта игра педагога — серьезная, настоящая деловая игра; она делает жизнь красивой. Что такое красивая жизнь? Жизнь, связанная с эстетикой. Детский коллектив должен жить красиво, игра должна наполнять каждую минуту. «Военизация» в детском учреждении — это один из видов игры. Когда-то мои ребята ходили на работу в поле, огород, в цехи и каждую неделю совет командиров издавал приказ, который начинался одной и той же фразой [4]. Каждый воспитанник знал свое рабочее место, за которое отвечал, на котором квалифицировался. Каждый слышал каждое утро эту фразу приказа. И так было в течение многих лет.

Это игра. И такие элементы игры надо беречь. Изобретать надо так, чтобы детям казалось, что они изобретают. Такая же игра — сторожевой отряд. Вы думаете, что коммуну надо было охранять? Коммуна была НКВД, кто посмел бы ее ограбить. А мы нарочно денежный ящик, сейф, держали в вестибюле при входе, и часовой с винтовкой дежурил день и ночь. Когда я говорил об этом учителям, они удивленно спрашивали: «И девочки стояли, и маленькие стояли?»

Да, и ночью стояли. Вся коммуна спит, а он один стоит с винтовкой, и дверь не заперта. Я говорю одному директору в Москве: «Неплохо было бы, если бы у вас сами дети охраняли школу». Он говорит: «Да они же будут бояться, мать не пустит». А детишки, которые слышали слова директора, как закричат: «Пусть попробует не пустить!».

Что такое храбрость? Человек боится, но делает то, что нужно делать. Я прихожу в 12 часов ночи в вестибюль, стоит мальчик с винтовкой. Спра-

шиваю его: «Боишься?» — «Нет». Да и бояться нечего, потому что вблизи есть старшие коммунары. Это игра, но ответственная игра. Человек учится преодолевать страх [5].

Некоторые так рассуждают: надо закалить ребенка. Это очень полезно, но только чтобы без закалки, чтобы само собой выходило. Уговаривают: вы, ребята, должны быть закалены, вы ничего не должны бояться. А как дойдет до дела, когда можно закаливать ребенка, заявляют: он испугается, мать не пустит и т. д.

Я уже рассказывал как-то такой совершенно необычный случай, когда ученик выстрелил в учительницу. Меня в этой тяжелой истории заинтересовал не ученик, он, может быть, был шизофреник, может быть, подослан врагами. Меня заинтересовал класс. Класс испугался, не смог помешать ему.

Пусть бы кто-нибудь попробовал в коммуне войти в класс с винтовкой. Кто мог разрешить ему стрелять? А вот там испугались

Заботиться о воспитании смелости педагог обязан. И чувство страха надо преодолевать при помощи игры. Другой большой вопрос: в школе должна быть высокая требовательность. Я благодарен коммунарам: они понимали значение требовательности и меня во многих отношениях воспитали.

Вот, скажем, соревнование. Я требовал много, и требовал весь коллектив. Соревнование было поставлено без договоров парных, а было общее постановление всех классов, отрядов по всем показателям: быть вежливым, вести себя хорошо и т. д. Я имел картотеку и учет, и лучший отряд, победитель месячного соревнования, получал премию: 6 билетов в театр, каждый день на весь отряд, на 30 человек, и право убирать места общего пользования.

Дело в том, что развитие логики требования привело к очень своеобразным формам: выполнение наиболее неприятной работы поручалось в порядке особого предпочтения. Был прекрасный 4-й отряд. Ему выпало по жребию убирать уборную в течение месяца. Он мыл уборную щелочью и кислотой, а потом поливал одеколоном. Все знали, как он возится с уборной, какая здесь чистота. Отряд получил первенство по уборке. Прошел месяц, отряд заявил: мы за собой оставляем уборку уборной. На третий месяц тоже оставил за собой. И наконец, на следующий месяц получил первенство тоже неплохой 3-й отряд и заявил: нет, теперь получили первенство мы и уборную должны убирать тоже мы.

Сейчас мне смешно, когда я вспоминаю это. Сначала уборка уборной, так же как и остальные обязанности по уборке, поручались по жребию, потом стали распределять по справедливости [6].

Товарищи, эта логика не моя выдумка, это естественная логика, вытекающая из требований.

Нельзя никаких требований предъявлять, если нет единого, сбитого по-настоящему коллектива. Если бы мне дали школу сейчас, я прежде всего сделал бы следующее. Я собрал бы учителей и сказал им: дорогие друзья, предлагаю делать так. Если учитель не согласен, то, несмотря на его высокую квалификацию, я бы сказал: уходите в другую школу. Девушке же восемнадцатилетней, если бы я видел, что она согласна со

мьой, сказал: вы еще неопытная, но у вас так горят глаза, я вижу, что вы хотите работать, оставайтесь и работайте, а мы вам покажем.

Настоящий коллектив — это очень трудная вещь. Потому что прав человек или не прав — эти вопросы должны разрешаться не для собственного гонора, не в личных интересах, а в интересах коллектива. Всегда соблюдать дисциплину, выполнять то, что неприятно, но нужно делать,— это и есть высокая дисциплинированность.

Я считаю, что учителя одной школы должны быть в хороших отношениях между собой не только в школе, но и быть друзьями.

Последний раздел — это отношение к родителям. Здесь мой старый опыт в железнодорожной школе пополняется работой в коммуне. Последние пять лет мне присылали школьников, от которых учителя отказывались как от дезорганизаторов.

Эти дети, конечно, труднее беспризорных. У беспризорного все дороги сходятся на коммуне, на мне и на учительском коллективе. У этого — папа и мама. А у папы иногда автомобиль, ромб, патефон и деньги. Попробуйте взять в обработку такого. Это труднее. И я пришел к необходимости крепкого контакта с родителями.

Средняя, старая и шаблонная норма вам прекрасно известна: вызывают родителей и говорят: вот ваш мальчик то-то и то-то сделал. Смотрят в глаза и думают: что родители с ним сделают? А у вас добродетельное выражение лица и вы говорите: конечно, бить не надо. Отец уходит, вы никому ничего не скажете, а в глубоких тайниках, скрытых даже от жены, думаете: вот хорошо, если бы он все-таки постегал мальчишку. У нас это нетерпимо, как всякое ханжество.

Другая форма обращения к родителям. Для классного руководителя и директора ясно, что данная семья своего ребенка воспитывать не может. И тогда классный руководитель и директор что делают? Обычно они, хотя и пришли к убеждению, что семья воспитывать не может, идут в семью и начинают учить родителей, как надо воспитывать. Семья, испортившая ребенка, в большинстве случаев не поймет ваших поучений. Перевоспитание — дело очень трудное, и, если вы начнете натаскивать такую семью на педагогических действиях, можете еще больше испортить дело.

Но это вовсе не значит, что нельзя воздействовать на семью. Наконец, мы обязаны ей помочь. И лучший способ воздействия — через ребенка...

Действие на семью через учеников можно усилить... Я работал в Крюковской железнодорожной школе. Ученики жили в семьях. Я организовал бригады учащихся по территориальному признаку. Все руководители бригад каждое утро отдавали рапорт о том, что делается во дворах, как ведут себя ученики, члены бригад. Приказом я периодически назначал смотр, на смотре присутствовали, кроме меня, старосты классов. Я приходил во двор, бригада была выстроена, и я с членами бригады обходил квартиры, где жили ученики моей школы.

Вот такие бригады, ответственные через бригадиров перед директором, отдающие отчет на общих собраниях,— прекрасный метод воздействия на семью. Думаю, что вопрос о формах влияния на семью нужно решать по такой логике: школа — это государственная организация, а семья — бытовая организация, и воздействовать на семью лучше всего через ученика.

ПЕДАГОГИ ПОЖИМАЮТ ПЛЕЧАМИ

Педагоги — самые уважаемые работники у нас в Союзе. Задача педагогов самая почетная — создавать людские кадры для всех отраслей нашей жизни. Нашей педагогикой, советской педагогикой, мы уже можем гордиться.

И все-таки пожимали плечами по поводу работы нашей коммуны, представьте себе, педагоги!

Пожимали плечами не все педагоги. О, нет! В подавляющем своем большинстве это народ смелый, чуткий, интересующийся всяким хорошим почином. В таком же подавляющем большинстве это народ героический, во всяком случае, работу он проделывает трудную и большую, и поэтому пожимать плечами по случаю нашего хорошего дела они никогда бы не стали.

Пожимала плечами небольшая кучка, самая маленькая. Эта кучка обитает на Олимпе. Эта кучка состоит из людей, которые, может быть, не воспитали ни одного живого, даже собственного ребенка, но которые зато сочинили много педагогических принципов

Практика невозможна без теории, теория невозможна без практики. Но пожимавшие плечами педагоги на существующую практику смотрели с презрением и осуждением и поэтому старались завести свою собственную, так сказать, клиническую практику. С другой стороны, и презираемая педагогическая практика волей-неволей должна была теоретизировать как-то свой опыт и выводы, должна была таким образом создаваться особая, так сказать, партизанская теория.

И недаром ЦК партии пришлось взять на себя и теоретическую и практическую заботу о нашем деле [1].

У нас в теории дошло, например, до того, что, с одной стороны, отрицали всякую биологическую предрасположенность моральной сферы, считали, что все от среды и воспитания, и одновременно с этим, с другой стороны, все воспитание человека хотели подпереть рефлексологией и рассчитывали дать нового человека исключительно на основании изучения условных рефлексов. У одного из подобных теоретиков коллектив, например, определяется так: «Коллектив есть группа взаимодействующих лиц, совокупно реагирующих на те или иные раздражения» [2]. Для всякого непредубежденного человека очевидно, что это определение коллектива лягушек, обезьян, моллюсков, полипов, кого хотите, но только не коллектива людей.

Но и практика не всегда была лучше. Пролетарская педагогическая установка с боями прокладывала себе дорогу, пробивалась в жизнь, откликаясь на живые требования и потребности нашей промышленности нашей новой культурой. Разве не характерно, что лучшей школой воспитания является комсомол, производство, армия? Здесь пролегают пути подлинного классового воспитания — здесь и в школе; так были созданы фабзавучи и рабфаки, многочисленные и разнообразные курсы. Здесь дело делалось самыми быстрыми темпами, часто без специально разработанного теоретического фундамента, без практических кадров, ощупью, со многими ошибками, но спасали классовое чутье и живые требования жизни. Но в области собственно воспитания не было такой

сильной живой струи. Кроме того, воспитательная область, так сказать, нежнее и неуловимее. А в нашей рабочей, комсомольской и партийной интеллигенции много еще существует воспитательных предрассудков, на веру воспринятых от старой педагогической теории и просто от бродячей интеллигентской мысли, от литературных образов и идеалов. Путь нового ленинского воспитания, путь воспитания коммунистического — это путь напряженной борьбы со многими врагами. Враги эти: осколки старой российско-интеллигентской идеологии, сильные толщи буржуазного индивидуализма. Эти враги на каждом шагу окружали нас, новых работников просвещения, стремящихся воплотить требования, предъявленные к нам нашей эпохой и революцией, в живом, настоящем деле.

Самым удобным местом для борьбы был детский дом. Во-первых, это был действительно новый тип детского учреждения, где меньше всего можно было бояться остатков старой практики; во-вторых, здесь не вмешивалась родительская власть. Это были выгодные стороны детского дома. Но были и неудобства. Первое: именно в детском доме оторванная от жизни, начетническая теория старалась организовать свою собственную «новую практику»; во-вторых, детский дом предлагал невероятно трудный состав детей, почти сплошь воспитанный улицей. Поэтому работа в детском доме всегда обращалась в боевой фронт.

В дни начала коммуны им. Дзержинского было уже много товарищей, знающих цену новой воспитательной пролетарской практике, много было людей, на опыте убедившихся в возможности большого прямого опыта,— поэтому коммуна начинала жить смелее, чем ее предшественники. Но бороться приходилось и тогда, а больше всего пришлось наблюдать недоверие и вот этого самого пожимания плечами.

Сейчас коммуна победоносно закончила пятилетие. Теперь нужно говорить о принципах нашего воспитательного опыта. Это именно те принципы, по поводу которых были пожимания плечами.

В 1927 г. мы явились перед педагогическим Олимпом со своим скромным идеалом культурного советского рабочего. Нам ответили:

— Культурного рабочего?.. А как?

Самое главное: как? Мы изложили свои взгляды на педагогическую технику, которую уже нам удалось испробовать в одном из медвежьих углов, далеком от больших педагогических дорог [3].

— Мы желаем воспитать культурного советского рабочего. Следовательно, мы должны дать ему образование, желательно среднее, мы должны дать ему квалификацию, мы должны его дисциплинировать, он должен быть политически развитым и преданным членом рабочего класса, комсомольцем, большевиком. Мы должны воспитать у него чувство долга и понятие чести, иначе говоря — он должен ощущать достоинство свое и своего класса и гордиться им, он должен ощущать свои обязательства перед классом. Он должен уметь подчиниться товарищу и должен уметь приказать товарищу. Он должен уметь быть вежливым, суровым, добрым и беспощадным — в зависимости от условий его жизни и борьбы. Он должен быть активным организатором. Он должен быть настойчив и закален, он должен владеть собой и влиять на других; если его накажет коллектив, он должен уважать и коллектив и наказание. Он должен быть веселым, бодрым, подтянутым, способным бороться и строить, способным

жить и любить жизнь, он должен быть счастлив. И таким он должен быть не только в будущем, но и в каждый свой нынешний день [4].

«Олимпийцы» ужаснулись:

— Наказание? Наказание воспитывает раба!

— Долг — буржуазная категория!

— Честь — офицерская привилегия!!

— Это — *не советское воспитание*!!!

Это происходило действительно так: у нас сохранился стенографический отчет.

Мы работали пять лет. Вместе с нами почти не работали педагоги, но с нами работали коммунары-дзержинцы. Они делали стулья, арматуру, сверлилки, новую свою жизнь, нового человека,— и они еще делали новую, советскую педагогику. На нашем небольшом участке мы были не в состоянии сделать много, и с нашим небольшим «участковым» опытом нас не пускали на страницы педагогических журналов. Но то, что мы сделали,— уже не страница журнала.

Коммуна им. Дзержинского за пятилетие «отточила» свои методы до достаточной точности. Только еще небольшие остатки идеализма и индивидуалистической педагогики до сих пор отравляют наше торжество. Но и с ними мы рассчитываем справиться в кратчайшее время.

Коммуна им. Дзержинского не знает пропасти между умственным и физическим трудом. Рабфак машиностроительного института подводит нашего коммунара непосредственно к втузу, но он входит в него не только подготовленным студентом — он уже и мастер высокой квалификации.

Поэтому вступление во втуз для коммунара может быть и необязательным. Уже сейчас на коммунарском заводе работает несколько инструкторов-коммунаров, путь которых, очевидно, путь младшего комсостава промышленности. Давая коммунарам высокую квалификацию, связанную со средним образованием, мы в то же время сообщаем ему многие и разнообразные качества *хозяина и организатора*. Нужно побывать на коммунарском общем собрании, чтобы в этом убедиться. Вопросы промфинплана, технологического процесса, снабжения, работы отдельных деталей, приспособлений, рационализации и контроля, норм и расценок, штатов и качества персонала ежедневно проходят перед коммунарами, проходят не как перед зрителями, а как перед распорядителями, которые не могут отмахнуться ни от какого вопроса, иначе их дело на другой же день начнет давать перебои. В решении этих вопросов для коммунаров находится прежде всего место приложения их общественной энергии, но это не энергия людей, отказывающихся от личной жизни, это не жертва подвижников, это разумная общественная деятельность людей, *понимающих, что общественный интерес — это есть и интерес личный*.

В этой общей установке, подчеркнутой во многих деталях нашего дела (например, в сдельной зарплате), мы находим все точки отправления и для принципов нашей педагогической техники.

В чем эти принципы?

Прежде всего мы отстраняем воспитательную работу специально над отдельным лицом, над пресловутым «ребенком», составляющим заботу педагогики. Мы считаем, что влияние отдельной личности на отдельную

личность есть фактор узкий и ограниченный. Объектом нашего воспитания мы считаем целый коллектив и по адресу коллектива направляем организованное педагогическое влияние. Мы при этом уверены, что самой реальной формой работы по отношению к личности является удержание личности в коллективе, такое удержание, чтобы эта личность считала, что она в коллективе находится по своему желанию — добровольно, и, во-вторых, чтобы коллектив добровольно вмещал эту личность.

Коллектив является воспитателем личности. В практике коммуны им. Дзержинского, например, проступки отдельной личности, какие бы они ни были, не должны вызывать реагирования педагога предпочтительно реагированию коллектива. Педагог в коммуне постольку может влиять на отдельную личность, поскольку он сам член коллектива, и не больше, чем всякий другой член коллектива.

Это вовсе не значит, что мы, педагоги и вообще взрослые руководители коллектива, стоим в стороне и только наблюдаем. Как раз нам приходится каждую минуту мобилизовывать нашу мысль и опыт, наш такт и волю, чтобы разобраться в многообразных проявлениях, желаниях, стремлениях коллектива и помочь ему советом, влиянием, мнением, а иногда даже и нашей волей. Это очень сложный комплекс рабочих напряжений. Но как бы много мы ни работали, мы никогда не можем стать педагогическими авгурами[5], изрекающими законы воспитания. Законы эти вытекают из общей жизни Советского Союза[6] и, в частности, из жизни нашего коллектива, и они настолько сами по себе убедительны, что мудрить над ними нам уже не может быть дано.

Таким образом, педагогическая установка коммуны в общем формулируется так: создание правильного коллектива, создание правильного влияния коллектива на личность.

Разрешая вопрос жизни коллектива, мы не можем рассматривать коллектив как «группу взаимодействующих и совокупно реагирующих индивидов». Мы видим не «совокупность» и не отвлеченный коллектив, а конкретный живой коллектив мальчиков и девочек — часть советского рабочего общества в эпоху строительства социализма, классовой борьбы и перехода нашего к бесклассовому обществу. И мы видим прежде всего, что наш детский коллектив решительно не хочет жить подготовительной жизнью к какой-то будущей жизни, он не хочет быть явлением только педагогическим, он хочет быть полноправным явлением общественной жизни, как и каждый другой коллектив.

Отдельные члены коллектива не рассматривают себя как «зародыш будущих личностей». Естественно и нам стать на такую точку зрения и считать наших воспитанников полноправными гражданами советских республик. Как полноправные граждане, они имеют право на участие в общественном труде — по своим силам. Они и участвуют, и участвуют не в педагогическом порядке, а в рабочем, т. е. не портят материал, а производят нужные вещи не из идеалистических соображений альтруизма и нестяжания, а из стремления к заработку и своего, и коллектива, и за свою работу они отвечают по всей строгости производства — отвечают прежде всего перед коллективом, который является поглотителем и частного вреда, и частной пользы.

Из этого основного нашего взгляда на детский коллектив проистекают и все наши методы. Мы даем детскому или юношескому коллективу рабфак, завод[7], инженеров, промфинплан, зарплату, обязанности, работу и право ответствености.. А это значит — даем дисциплину.

Пожимающие плечами «олимпийцы» могут много говорить о необходимости дисциплины, могут с радостью наблюдать уже готовую дисциплину и даже умиляться по поводу ее красот, но совершенно не в состоянии без истошного крика наблюдать процесс дисциплинирования. Дзержинцы же ничего особенного в самой дисциплине не видят, по их мнению, это естественное и необходимое состояние каждого коллектива. В самом факте дисциплины нет для них никакой проблемы. Они видят только процесс дисциплинирования и считают, что проблема именно в этом процессе.

Если коммунар не убрал станок и он покрылся ржавчиной, коммунарское собрание, пожалуй, даже не подумает о том, что виновника нужно дисциплинировать, но все будут говорить и кричать:

— Ты испортил станок, понимаешь? Ты знаешь, сколько станок этот стоит? А что завтра будем делать, если из-за тебя не хватит детали пятнадцатой? На тебя будем смотреть — какой красивый, да?

И вовсе не решая проблемы наказания, а только оберегая заводское оборудование как общий коллективный интерес, такого коммунара снимут со станка и поставят на простую работу.

Это, может быть, и жестоко, но это жестокость необходимая. И только потому, что коллектив от нее не отказывается, нам почти не приходится ее применять.

Точно так же в коммуне почти не бывает воровства, потому что всем хорошо известен закон коммуны: украсть нельзя, за кражу можно в полчаса очутиться за бортом коммуны. Для коммуны это вовсе не проблема воспитания личности, это проблема жизни каждого коллектива, и иначе жить коллектив не может.

Педагогические теории, доказывающие, что хулигана нельзя выгнать в коридор, а вора нельзя выгнать из коммуны («вы должны его исправлять, а не выгонять»),— это разглагольствования буржуазного индивидуализма, привыкшего к драмам и «переживаниям» личности и не видящего, как из-за этого гибнут сотни коллективов, как будто эти коллективы не состоят из тех же личностей!

Коммуна им. Дзержинского запрещает воровство совершенно категорически, и каждая личность это хорошо знает и не станет рисковать ни интересами коллектива, ни своими собственными. Поэтому в коммуне почти не бывает воровства, во всяком случае, за воровство у нас уже не наказывают. Если случай воровства происходит с новичком, еще не способным ощущать интересы коллектива как свои собственные, новенькому скажут: «Смотри, чтобы это было в последний раз». А если воровство случится еще раз, коллектив обязательно поставит вопрос об увольнении. Эта суровость есть самая большая гуманность, какую можно предъявить к человеку. Эта проблема решается с арифметической точностью. Оставить вора в коллективе — это значит обязательно развить воровство, это значит во много раз увеличить случаи краж, увеличить

бесконечные конфликты, связанные с подозрениями на невинных товарищей, это значит заставить всех членов коллектива запирать свои вещи и подозрительно посматривать на соседа, это значит уничтожить свободу в коллективе, не говоря уже о том, что это означает еще и растаскивание материальных ценностей.

Насколько падает и разлагается коллектив при узаконенном и допущенном воровстве, настолько он крепнет в другом случае, крепнет только от одного общего переживания силы коллектива и его права. Тот мальчик, который хоть один раз голосовал за изгнание товарища за воровство, с большим трудом сам идет на воровство. Обращаем внимание и еще на одно обстоятельство: те, кого коллектив выбросил из своих рядов, испытывают чрезвычайно могучую моральную встряску. Обыкновенно коллектив не выгоняет в буквальном смысле на улицу, а отправляет в коллектор. И мы знаем очень много случаев, когда такой «изгой» приходил к положительным установкам в вопросах социальной нормы [поведения]. Бывали случаи, когда он вторично присылался в коммуну и уже навсегда забывал о своем воровском опыте.

Категорическое требование коллектива применяется не только по отношению к воровству. В коммуне им. Дзержинского такое же категорическое требование предъявляется и к выпивке, и к картежной игре. За выпивку — безусловное изгнание. И именно поэтому, несмотря на то что в коммуне есть много ребят 18 и 19 лет, что большинство из них имеет довольно большие карманные деньги, коммунары никогда не пьют и чрезвычайно нетерпимо относятся к пьянству взрослых.

Такая дисциплина вытекает как осознанная необходимость, из условий всей жизни коллектива, из того основного принципа, что коллектив детей не готовится к будущей жизни, а уже живет. В каждом отдельном случае нарушения дисциплины коллектив только защищает свои интересы. Эта логика совершенно недоступна пониманию «олимпийцев» и вызывает с их стороны наибольший протест. А между тем эта логика больше направлена в защиту интересов личности, чем всякая другая.

Защищая коллектив во всех точках его соприкосновения с эгоизмом личности, коллектив тем самым защищает и каждую личность и обеспечивает для нее наиболее благоприятные условия развития. Требования коллектива являются воспитывающими главным образом по отношению к тем, кто участвует в требовании. Здесь личность выступает в новой позиции воспитания — она не объект воспитательного влияния, а его носитель — субъект[8], но субъектом она становится, только выражая интересы всего коллектива.

Это замечательно выгодная педагогическая конъюнктура. Защищая каждого члена коллектива, общее требование в то же время от каждого члена ожидает посильного участия в общей коллективной борьбе и тем самым воспитывает в нем волю, закаленность, гордость. Уже без всякой специальной педагогической инструментовки в коллективе развивается понятие о ценности коллектива, о его достоинстве. Именно в этом пункте лежит начало политического воспитания. Коллектив дзержинцев осознает себя как часть великого классового пролетарского кол-

лектива, связанную с ним в каждом своем движении. Это и есть политическое воспитание, отличное от политического образования.

В этом же ощущении ценности коллектива заключается и начало понятий чести и долга — категорий, которые «олимпийцами» назывались соответственно «офицерской» и «буржуазной привилегией».

Наше воспитание дает стране квалифицированного культурного рабочего, способного быть командиром в любой отрасли нашей работы, но способного и подчиниться товарищу. Еще не так давно «олимпийцы» описывали ужасы, проистекающие от нашего командира (отряда, группы), который, по их мнению, обязательно душит инициативу, обязательно насильничает. А наш командир только выборный единоначальник, правда, обладающий большой властью и влиянием, но связанный по рукам и ногам во всех тех случаях, когда он начинает представлять [узко] личное начало. Отряд командиров — это тоже коллектив, и командир есть его уполномоченный.

Насчет инициативы коммунары никогда не станут слушать пустую болтовню, какой бы она ни казалась заманчивой, но без лишних слов примут всякое предложение, которое дает путь к решению поставленной общей задачи.

Мы также протестуем против воспитания деятельностью, построенной только на «интересности». Любопытно послушать прения в совете командиров, когда разбирается заявление какого-нибудь новичка:

— Мне в этом цехе работать не интересно, переведите меня в механический.

Такому «ребенку» сурово отвечают:

— Может, собрать оркестр? Может быть, для тебя интересно послушать музыку?

— Где ты был, когда мы строили завод и целый месяц носили землю на носилках? Думаешь, нам было очень интересно?

— Может быть, для тебя и уборные убирать не интересно?

Новый коммунар впрочем, скоро начинает понимать, в чем дело. Он приобщается к «буржуазной категории» долга. Коллектив требует от личности определенного взноса в общую трудовую и жизненную копилку. Рабочий класс, великая Советская страна собирают личности не по договору, не по найму, не по [узколичному] интересу. И коммунары к вопросам долга относятся просто и уверенно — это естественная позиция пролетария по отношению к своему классу.

И если этот класс, и наш коллектив, и сам индивид представляются человеку ценностями, в которых он не сомневается, возникает понятие о классовой пролетарской чести.

Нам остается коснуться одного вопроса, наиболее жгучего в наших педагогических спорах; а как же педагог? Выходит, что все делает коллектив, а педагог для чего? И что может гарантировать, что коллектив будет поступать как раз так, как нужно?

Вопрос уместный. Коммуна им. Дзержинского в 1930 г. вовсе отказалась от воспитателей, но это не значит, что у нас их нет. Только здесь мы будем говорить о коллективе педагогов. Нашим воспитательским коллективом являются учителя, инженеры, мастера и инструкторы, чекисты,

члены нашего правления и в первую очередь и главным образом — партийная и комсомольская ячейки.

И воспитание коммунаров достигается не путем чьей-нибудь проповеди или нравоучений, а исключительно из жизни работы, стремления самого коллектива. Эта работа и стремление определяются тем, чем живет коллектив, т. е. нашей революцией, нашими пятилетками, нашей борьбой за экономическую независимость, нашим стремлением к знаниям, нашим рабфаком, нашим упорядоченным, вымытым, вычищенным коммунарным бытом, нашей дисциплиной, каждой минутой нашего напряженного, полного усилия, смеха, бодрости, мысли дня. И поэтому — пусть педагоги пожимают плечами! Эта «физкультура» уже немного запоздала.

Мы смело глядим в будущее. Образованный, знающий, умеющий мастер-коммунар, сознательный хозяин Советской страны, комсомолец и большевик, организатор и командир, умеющий подчиняться и приказывать, умеющий бороться и строить, умеющий жить и любить жизнь,— вот наше будущее, наш вклад в грядущие кадры, какой вносит коммуна им. Дзержинского.

А если нам еще удастся перевоспитать нескольких педагогов — это уже дополнительная, внеплановая победа. .

ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ СЕКЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ УКРАИНСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ПЕДАГОГИКИ

От имени трудкоммуны был представлен проект основных принципов, какие предполагалось положить в основу работы трудкоммуны, и в развитие этих принципов — внутренняя конституция. При этом должен заметить, что внутренняя конституция предполагалась для детей, чтобы они могли следовать внутренним законам детской трудкоммуны.

Как указывалось научно-исследовательским институтом, в проекте имеется несколько неопределенных мест, что вызывает недоразумения. Отчасти это объясняется спешностью работы, а частью вытекает из сущности нашей проблемы. То, что в коммуну им. Дзержинского послана часть колонии им. Горького и тот уклад, который существует в колонии им. Горького, остался и у коммунаров-дзержинцев,— это и определило характер конституции. Я как основатель колонии им. Горького остался при прежних убеждениях и объясняю недоразумения только указанными обстоятельствами. Причем известное количество неопределенных мест выражает собой законную неясность, так как нужно дать возможность детскому коллективу творить формы своей жизни и быта. Слишком точно определить каждый шаг коммунаров представлялось бы излишним, ибо это значило не оставлять свободы для развития детского общества и общества педагогов, согласно тем условиям, в какие они попали, тем данным, какие имеют на будущее, и тем силам, какими обладают. В настоящее время исходным положением для трудкоммуны нужно признать горьковскую конституцию и оставить ее как исходный пункт для дальнейшего развития.

Это не значит, что коммуна им. Дзержинского должна в какой бы то ни было мере повторять развитие горьковской колонии. Даже за эти три месяца, прошедшие со времени перехода детей из колонии им. Горького в коммуну им. Дзержинского, заметна эволюция этих двух колоний: горьковская колония эволюционирует в другом направлении, и коммуна отличается от нее внутренним планом. Все же, несмотря на эту оговорку, как выяснилось на вчерашнем заседании и в беседе с отдельными членами, представителями научной секции института, можно признать, что основные моменты, выдвинутые в нашем проекте, рассматриваются как основные пункты отправления в отношении коммуны им. Дзержинского.

Эти пункты: воспитание рабочего, единство коллектива в той мере, в какой указывалось, т. е. единство детского коллектива и педагогического и единство самого детского коллектива, меры принуждения в отношении некоторых членов, нарушающих общий порядок коллективной жизни, и главный принцип — производственный отряд, а не спальня и класс как первичный коллектив со всеми вытекающими последствиями — собственным командованием, ответственностью и представительством в совете самоуправления. Наконец, то, что вызвало наибольшую дискуссию,— это воспитание классового долга, общий бодрый тон и незначительное привнесение игры, не выходящей за рамки военной игры пионеров. Эта игра заключает в себе салют, знамя, в торжественных случаях — оркестр.

Наша конституция, мы считаем, в основных моментах является ортодоксальной формой соцвоса, отличающейся от средней линии соцвоса только углублением некоторых деталей, не нарушающих основного соцвосовского направления. Это основная установка моя как педагога и совета колоний им. Горького и им. Дзержинского. Расхождение по некоторым пунктам между моим проектом и позицией института, по-моему, вызывается неточными выражениями, возможно, в проекте о значении права, значении педагогического состава, совета командиров и т. д. Все недоразумения я перечислю и остановлюсь на них более подробно.

Первое недоразумение — указание на отсутствие определенной классовой установки. Как вчера я имел честь объяснить, когда я писал проект, то думал о классовой установке, но поскольку это общепризнано, то не надо было останавливаться на этом, и я, останавливаясь на элементах классовой установки, не употреблял слов «класс» и «классовая установка». Таким элементом является воспитание определенных переживаний коллективных, классовых. Это политическое воспитание. В единстве коллектива мы видим отражение интернационального единства рабочего класса и коммунистического единства; его необходимо проводить в нашем коллективе. Считаю также, что и в праве коллектива на принуждение мы отражаем монолитность классовых явлений, какие существуют в рабочем классе, что и в детском коллективе такая монолитность, право коллектива на принуждение должны существовать.

То, что рабочий класс является не только классом трудящихся, но и классом-организатором, хозяином, я в проекте отразил путем поручения детям не только трудовых функций, но и функций организаторских. Этим я имел возможность доказать, что наша практика пропитана таким функционированием, поскольку прежняя практика показала, что отряды

состоят из мальчиков, прошедших командирский стаж, и только отряд новеньких заключает в себе наибольшее количество не прошедших [такого стажа].

Что касается сознания долга, то оно тоже является проявлением классовой установки. Я имел уже честь докладывать, что классовую установку я положил в основу проекта. Если это не так было понято, тому виной неудачная редакция. Вот первое недоразумение.

Второе. Мне указывают, что в проекте игнорируется детское движение. Это тоже недоразумение. Я считаю, что наш проект должен отразить только те линии, которые являются отходящими от общей линии соцвоса в сторону углубления или варианта. Поскольку детское движение, социальное воспитание являются обязательными, то я не распространялся и указал только, что мы ведем политическое воспитание. Возможно, это пропуск; если бы было больше времени, я остановился бы подробнее, но наш проект основан на том, что все воспитание должно опираться на политическое воспитание. Причем возраст ребят, в среднем превышающий 14 лет, и общий жизненный опыт наших детей-беспризорных заставляют высказывать мнение, что нужно опереться не столько на пионерское движение, сколько на организацию комсомольской ячейки. Я имел дискуссию по этому поводу в органах окркомсомола и в органах наробраза и встречал согласие с моим мнением со стороны многих лиц, что в условиях нашей работы и житейской опытности беспризорных лучше опереться на комсомольскую ячейку. В колонии им. Горького мы имеем одну из сильнейших комсомольских организаций в округе, а пионердвижение слабо, и в колонии им. Дзержинского последнее является также проблематичным.

Следующее недоразумение то, что мы пытаемся основать нашу работу на науке о праве. Это, по-моему, является словесным недоразумением. Я имел в виду представление о праве, т. е. тот комплекс прав, который существует и в нашей советской жизни и Конституции, союзной Конституции, в кодексе законов,— все это должно отразиться на устройстве детского коллектива. Мы вообще считаем, что детский коллектив не только в области изучения, но и в воспитании навыков, рефлексов не может игнорировать законы, по которым строится советское общество. Значит, замечание проекта, что воспитание коллектива должно опереться на явления права, т. е на наши «эмоции права» и т. д., верно. Я имел в виду право на орудия производства, на справедливое распределение в обществе труда и благ и право внутри класса, расширяющее или ограничивающее права личности. То есть только в этом понимании, понимании чисто советских форм права, я говорил, что наше воспитание не может игнорировать всю эту область, тем более что из этой области я выводил идею долга. Исходя из идеи долга, нельзя сказать, что наш воспитанник будет только лояльным человеком. Все воспитание должно развивать чувство долга по отношению к своему классу, тут дело не может ограничиться лояльностью, так что те замечания института, которые касаются этого пункта, очевидно, исходят из словесных недоразумений.

Самый спорный вопрос, спорный не в данном собрании, а в нашем педагогическом совете,— это пункт, по которому я расхожусь с советом: в отношении значения коллектива детского и коллектива воспитателей. Этот пункт затронут также институтом в двух местах, в частности в том, где

говорится о неясности роли детского коллектива и больших функциях командиров. Это недоразумение, так как никто не переводил группу ребят на положение касты командиров, ибо это было бы гибельным. Мне потребовалось бы слишком много времени для того, чтобы описать тот быт совета командиров, который существует на деле. Это дело такта руководящих органов коммуны, который позволяет нам командирский совет в области организации его работы строить так, чтобы в нем участвовал значительный процент детей. Я приводил таблицу двух отрядов — полевого отряда и квалифицированного из колонии им. Горького, работающего на электростанции. Может быть, не обратили внимания на эти таблицы, а может быть, этого недостаточно, чтобы снять с меня обвинение, обвинение старое. Поэтому я привел список того отряда, где стаж не более года, в нем 4 мальчика из 11 имели командирский стаж по основному отряду 2 года и по так называемому сводному отряду [до года]. Что касается отряда ремесленного типа, то он старый, где стаж по колонии был больше года и все 11 мальчиков прошли командирский стаж, причем некоторые были 101 или 46 раз командирами и т. д. Таким образом, мы втягиваем всех в работу организатора и касты командиров появиться не может. Если взять командира коммуны им. Дзержинского, то увидите, что командиры имеют минимальный командирский стаж, т. е. одни командиры уступают свое место другим. Причем я могу доказать, что с командиром не связаны никакие привилегии и каждого командира может заменить в любую минуту любой коммунар и командовать отрядом. Это первое недоразумение.

Что касается второго вопроса о роли воспитателя в нашей работе, то с [педагогическим] советом у меня расхождение чисто принципиального свойства, где бы я уступить не мог. Оно заключается в следующем: я полагаю, что роль воспитателя вытекает не из тех формальных прав, которые ему даются внутри коммуны и являются подкреплением его авторитета. Роль воспитателя должна исходить из его эрудиции, его подготовки, его такта и т. д. Какими бы формальными правами ни награждал педагогический совет воспитателя, если нужного соотношения сил воспитанников и воспитателей не будет, то расхождения углубятся. Причем я считаю, что права отменять постановления органов самоуправления у воспитателей не должно быть. Сообщение таких прав воспитателям грозит тем, что их работа и общий тон подхода к делу пойдут в сторону наименьшего сопротивления, так как они будут стараться пользоваться этими правами, а не своими возможностями педагога-мастера. Поэтому я считаю возможным настаивать на такой форме. Роль воспитателя не обозначается установлением права (т. е. оно есть в общегосударственном масштабе, но не в масштабе коммуны). Воспитатель принимает участие во всех функциях коммуны.

Наш совет трудкоммуны им. Дзержинского настаивает на том, что он должен получить еще значение верховного органа коммуны, т. е. официально должно быть признано право утверждать и отменять постановление органов самоуправления. Для меня это значит разрыв с моими прежними убеждениями в этом вопросе. Поскольку орган самоуправления один, он должен остаться в глазах воспитанников верховным органом коммуны, а если воспитательский персонал не сумеет влиять в этом органе так,

чтобы выносимые постановления были полезны для нашего дела, то поправлять это бессилие применением формальных прав было бы вредно, а само наличие этого права давало бы возможность совету ослабить роль своих педагогических сил. Опыт показал, что при нашей системе устанавливаются хорошие отношения между воспитателями и воспитанниками, получается свободная от насилия установка в положении старших товарищей, имеющих значение благодаря своему опыту, создается хорошее состояние детского и педагогического коллективов. Вопрос этот чисто технический, принципиальным он является только в нашей среде, хотя фактически отношения от этого не меняются. Вот все недоразумения, которые более или менее объяснены или приведены для сведения.

Самое главное, на чем следует особенно остановиться: мы считаем отправным пунктом конституцию колонии им. Горького, из которой мы пришли. Что должно определять наше развитие? Здесь главным направляющим, а может быть, единственным моментом является та целевая установка нашей коммуны, о которой говорилось. Мне кажется, что в этом вопросе возможны самые различные решения и каждое из них может быть более или менее правильно, но в последнем счете достаточно ясно определилось, что у автора проекта и у института [существуют] кардинальные расхождения. Даже, пожалуй, не расхождения, а две возможности. Институт подчеркивает значение школы и образовательного процесса и поэтому ищет такой тип школы, который был бы завершенным, причем в качестве проекта дается семилетка или фабрично-заводская семилетка. Мы сами думали так в первые дни организации коммуны. В последнее время мы пришли к убеждению, что такое решение вопроса возможно, желательно, но нужно тогда сделать все необходимые выводы, какие отсюда вытекают.

Если решим, что трудовая коммуна им. Дзержинского есть ФЗУ или ФЗС с точной регламентацией всех программных движений в среде этого учреждения, то придется сделать такие выводы: прежде всего необходимо в таком случае понизить возраст[ной ценз] воспитанников до нормального школьного возраста для той или иной рубрики, во-вторых, необходим подбор воспитанников по строго школьным признакам. Наконец, необходимо в известной мере отказаться от материального эффекта наших мастерских, тогда нужно мастерским придать учебный характер. Нужно отказаться в значительной мере от функций самообслуживания, поскольку в настоящее время ребята отвлекаются отчасти от школьной работы и в известной мере от учебно-производственной работы мастерских. Наконец, нужно будет совершенно отказаться от работы по сельскому хозяйству на тех пяти десятинах, которые есть. Как ни мизерны эти пять десятин, все-таки если будем развивать огородное дело, то с середины апреля и с начала октября значительная часть ребят направится на эту работу, а если учтем всю работу, которая определяется жизнью коммуны как [трудовой] коммуны, а не как школы, то значительную часть сил мы должны отвлекать от учебного процесса.

Если быть последовательным, то, организуя коммуну на базе серьезной школьной работы, нужно отказаться от всех тех вещей, о которых я говорил, и отказаться от самого термина «трудовая коммуна». Это будет не трудовая коммуна, а ФЗУ с интернатом или детским домом с уклоном к ФЗУ или к фабрично-заводской семилетке. Весь цикл взаимоотношений

в детском коллективе, весь цикл внутреннего быта должен измениться под влиянием строго школьной учебной установки.

Но возможен и другой путь — возможна установка на трудовую детскую коммуну, т. е. трудовой детский коллектив, главной целью которого является воспитание. Эта установка не только возможна, а в настоящий момент наиболее целесообразна. Это проистекает из следующего. у нас самый разнообразный по возрасту детский состав, самая разнообразная школьная подготовка. В трех группах имеются слесари, столяры и т. д., в деревообделочной мастерской есть учащиеся первой, второй, третьей и четвертой групп. Мы имеем три производства, три вида работ, принять школьную программу — значило бы каждую группу делить на три-четыре части. Эти условия страшно затрудняют организацию такой школы.

Дальше мы имеем такой факт: различие целеустремленности наших учебных заведений. В обычное ФЗУ поступают дети, специально интересующиеся этим видом образования. К нам приходят дети без целеустремленности, которых не спрашивают о их желаниях (они имеют различные желания и цели), и быть уверенным, что все дети пожелают быть слесарями или столярами-деревообделочниками, нельзя, так как часть думает быть механиками, часть — пойти на рабфак и т. д. Это объясняется самим фактом беспризорщины: из того, что мы берем детей не по желаниям, которые их толкают к нам, а случайно, причем у нас они должны определить свои интересы и вкусы, а эти интересы настолько разнообразны, что мы их всех удовлетворить не можем. Благодаря этим условиям я лично (педагогический совет я об этом не спрашивал) как специалист по детским трудовым коммунам остановился на коммуне. Я оставил бы детскую трудовую производственную коммуну с усилением даже финансовых прав детского самоуправления, т. е. с предоставлением ему права распоряжаться суммами, какие имеются в распоряжении коммуны, с определенным производственным эффектом, который выразился в известной самоокупаемости, и и с увеличением заработка в мастерских.

В этом случае мы должны допустить известную свободу движения ребят, т. е. после коммуны известная часть [ребят] может уйти на рабфак — часть как хозяйственники, часть как служащие и т. д., и в силу этого для педагогического совета надо установить свободу руководства движением ребят. Эта установка на детскую коммуну была с самого начала организации этой колонии. Я указывал, что ставка на твердую квалификацию не всегда может быть выдержана и в такой коммуне. Мы имеем производственные мастерские, в то же время даем определенную школьную подготовку, чтобы воспитанник мог пойти дальше продолжать свое образование. Это было бы трудовой коммуной.

Возможность такого типа выяснилась в первые дни Я считаю, что организация такой трудовой коммуны была бы прекрасным памятником товарищу Дзержинскому, если бы она была организована с прекрасным средним тоном, с политической установкой и уверенностью в будущем, какая необходима для детей. В детских колониях смешивают все карты. Во-первых, материальная бедность, во-вторых, неуверенность [в том], что воспитанник будет делать при выходе из коммуны. Если у ребят будет

уверенность, что они получат поддержку, то смело пойдут по пути определения своих вкусов, определения себя.

Такая трудовая коммуна как образцовое учреждение для беспризорных должна быть. Мы не можем строить для беспризорных ФЗС, так как ФЗС с интернатом будет чрезвычайно дорогая вещь и для ста человек было бы чрезвычайно невыгодно. Но это мое мнение.

Таким образом, есть два пути: ставка на точную школу, но с отказом от самообслуживания, от сельского хозяйства, приемом ребят по возрасту, либо трудовая коммуна, трудовой коллектив, главной целью которого будет выпуск в жизнь подготовленных людей, хотя без строго [осуществляемой] школьной установки [1].

* * *

Я думаю, что в самую постановку вопроса нужно внести некоторую ясность. Памятник товарищу Дзержинскому можно построить различный: можно построить школу для детей и можно построить бронзовый памятник. Я думаю, что у нас более узкая задача: построить такой памятник, чтобы нашли себе приют беспризорные, приют и воспитание. Поэтому в устройстве памятника мы должны исходить из нужд и из характера нашей беспризорщины.

В нашей беспризорщине два проклятия: материальная бедность в самих учреждениях, не позволяющая серьезно и всех охватить учебно-воспитательной работой, и отсутствие опеки после выхода из детской колонии. Колонист или воспитанник детского городка живет в детском доме, но перспективы он не имеет. Во-первых, не имеет ее потому, что не получил никакой квалификации, и, во-вторых, потому, что, когда уходит из дома, не имеет серьезной опеки каких-либо людей. Таким образом, если говорить о памятнике товарищу Дзержинскому, о помощи беспризорным, то нужно стараться уничтожить эти два проклятия.

У нас в колонии первое проклятие мы уничтожили: воспитанник живет в богатой, в смысле питания, машин и даже эстетики, обстановке. Дальше нужно, чтобы воспитанник был спокоен за свое будущее и естественным путем вошел в жизнь здорового рабочего коллектива. Вот конкретное выражение задач, и думаю, что, решая эти задачи, мы не должны рассчитывать, что обладаем неисчерпаемыми средствами. У нас должны быть обычные средние нормы, возможно несколько более обычных норм потребления детского дома.

Колония [как] памятник товарищу Дзержинскому будет типичным учреждением для беспризорных, по которому будут равняться другие, но ведь среди этих учреждений нет ФЗС. Если мы организуем ФЗС с богатой обстановкой, то такое учреждение для наших детских домов не может являться типичным. Наши колонии-городки по 500—600 человек, может быть, до ФЗС дойдут тогда, когда будет покончено с беспризорщиной. Поэтому вряд ли можно отказываться от образца, по которому будут равняться все детские городки. Отсюда основная задача — это конструирование жизни в детской колонии так, чтобы в области удовлетворения временных детских потребностей, в области удовлетворения естественных стремлений детства и организации жизни все было сделано правильно. Если

мы говорим о школе, то мы не решаем этой задачи, так как школа не будет памятником в смысле борьбы с беспризорностью, будет обычной школой, но не будет типичной колонией для беспризорных.

Заключительное слово

...Скажу, что когда я писал проект, то полагал, что идеологические споры разрешены. «Правильное» идеологическое решение было тогда, когда строился детский дом ВУЦИКа и другие богатые детские дома. И, несмотря на это, дома эти оказались нежизнеспособными. Я считал, что на десятом году революции мне идеологические положения защищать не нужно, и поэтому идеологической установки не указал...

Я хотел в первом разделе (цель воспитания) перечислить отдельные пункты того социального заказа, который нам предъявляют. Я возражал не против цели, а против того, что цели слишком общо выражались, не имея практического значения.

Я говорил, что практического значения одна только общая формула иметь не могла. Мы с таким коротким, слишком общим выражением справиться не могли, и опыт не только Украины, но и РСФСР показывает, что хотя все педагоги были знакомы с этой общей целью, все-таки выразить практически эту цель в близких, понятных формах не могли. Вот почему, выражая эту цель, я перешел к социальному заказу, какой нам дается.

Тут я подошел правильно с точки зрения класса. Товарищи.. недостаточно внимательно прочли мою фразу: «Производственный отряд является хозяином мастерской», так как дальше — такое выражение «Для работ по самообслуживанию, а летом по сельскому хозяйству в производственные отряды выделяют временные (сводные) отряды». Именно в таком понимании основной отряд уподобляется профсоюзу. Поскольку мальчик числился в отряде столяров, а командируется на другую работу, то он относится к столярному отряду как к своему профсоюзу. Это не синдикалистский уклон...

В вопросе о дисциплинарной практике, когда я говорил о кодексе, я указал: «Во всяком случае, такой опыт произвести не мешало бы», но не производил, не думал производить, хотя считаю, что научно-исследовательскому институту вряд ли есть основание отказываться от такого опыта. Конечно, речь идет не об уголовном кодексе, но некоторый кодекс поведения можно было бы провести. Не вижу оснований только из эмоциональных соображений отказываться от постановки такого опыта, так как это будет опытная постановка.

Перехожу к сущности возражений против моего проекта. Что касается принуждения, я, когда употребил это слово, думал, что употребляю его в совершенно научном смысле и что оно будет понято научными работниками так же, потому что, если мальчик отказывается умыться, а я говорю «ты пойди умойся»,— это элемент принуждения, так что элементы принуждения не могут быть отброшены в воспитании, а если их отбросить, то и такой момент, как сказать «иди умойся», не может быть допустим. Либо принуждение не может быть допущено, либо, если это не принуждение, то что? Я называю это принуждением, т. е. каждое принуждение может существовать, если его назвать убеждением.

В более тяжелых случаях есть более тяжелые формы принуждения. Московский съезд детских домов поставил этот вопрос прямо, так же как вопрос о наказаниях, и даже мне, убежденному стороннику принуждения, пришлось возражать против слишком формального подхода в этом вопросе.

Я для себя признаю обязательным, если вы скажете — никакого принуждения и никакого наказания. Значит, мы отказываемся от принуждения. Тогда этот закон может быть применен к коммуне им. Дзержинского, и посмотрим, что получится Я уверен, что получится развал если не будет принуждения и элементарного права наказания.

Я не хотел выступить ханжой и прикидываться, что не буду принуждать никого, а на самом деле буду принуждать, и поэтому должен сказать, что стою за принцип принуждения. Может быть, преодолевая естественную неловкость, считаю себя обязанным сказать, что даже применение физической силы не с целью наказания, а с целью задержки и остановки допустимо. Если два мальчика при вас будут драться, то вы физически их остановите, а не остановите — пожнете все плоды этого.

О правовых эмоциях я говорил. Считаю, что отказаться от этого нельзя. Сплошь и рядом мы получаем детей, у которых есть правовые эмоции, рефлексы, когда мальчик уверен, что его все обязаны кормить, одевать и т. д, а он никаких обязанностей к существующему обществу не имеет. Это обычный тип беспризорника Вы имеете дело с правовым явлением. У некоторых мальчиков переживания нужды переходят в переживания (не знаю точного термина, выражаюсь практически) правовые: если он не имеет сапог, то он это воспринимает как право украсть сапоги, и, поскольку мы соприкасаемся с жизнью детского общества, мы сталкиваемся с постановкой правовых проблем. Если бы наша педагогическая наука содержала определенные термины, определенную трактовку таких проблем и проблемок, то можно было бы отбросить термин «правовой», но поскольку я лично точных указаний, как это назвать, в литературе не встречал, то принужден был сам придумать название — я это называю переживанием правового типа Такие переживания у нас в доме встречаются на каждом шагу: либо ребенок убежден в каком-то своем праве, либо убежден в отсутствии права другого.

Реальная работа рядового педагога проходит все время между этими явлениями и рядовой педагог принужден на деле как-то на это реагировать Возможно, я в своей практике имел дело с правонарушителями, когда эти эмоции особенно проявлялись.

В отношении долга Я старался в первой главе определить, как умел, что переживания чести исходят из сознания о чести класса, его значимости Если я уверен в высокой ценности рабочего класса, то я это называю переживанием чести своего класса, т. е. известное достоинство от того, что принадлежу к этому классу. Конечно, у меня этот термин вытекает не из тех оснований, которые были у офицеров; что касается понятия о долге, я понимаю долг как переживание своих обязанностей по отношению к коллективу. Убежден, что в трудные моменты нашей жизни эта идея долга возникает у каждого комсомольца, у каждого партийца и даже у каждого сознательного рабочего Может быть, нужно придумать другое

слово, а я называю термином «долг» Нельзя из-за того, что я называю таким термином, переворачивать всю установку.

Считаю, что такая установка — переживание своей принадлежности к классу — и есть переживание долга. В том случае это переживание проявляется, когда личность определенным образом привлекается к общей линии поведения класса. Я считаю, что игнорировать этого нельзя Почему игнорируют это явление? Потому что наша педагогическая литература не снисходит до таких деталей Это «мелочи», которые оставляют для практических работников, а наши работники приходят в детские дома и перед такой «мелочью» становятся в тупик.

Я об этом говорю как о деле серьезном, это не вздор, который говорится в разгаре полемического спора Наша трудность в правовых вопросах вытекает из внутренней неосведомленности работника в этом вопросе Неправильно толковать понятие — одно дело, но если вы по существу отбрасываете самую возможность нашего классового рабочего долга, нашей классовой рабочей чести в том толковании, как я трактую, т. е в отношении уверенности в значимости класса, то убежден, что кто бы ни взялся за работу в трудкоммуне, должен будет либо провести в жизнь все эти формулировки, либо погибнет коммуна.

Я считал, что передо мной стоит ответственная задача — составление плана для такого учреждения, как Дом Дзержинского, и прикрывать такие проблемы считал себя не вправе, хотя знал, что меня лично будут ругать

Вопрос о военизации. Тут мне только остается развести руками. Нужно же кому-нибудь за восемь лет хоть раз удосужиться и посидеть в коммуне. Я вам докажу, что это неправильно, что никакой военизации нет. Что такое военизация? С ружьями воспитанники не возятся, строем военным не занимаются, военной науки не проходят; только салютуют — так это формальный пункт. Что делает труба? Дает сигналы Предположим, приходят французы и просят: «Соберите воспитанников». В таком случае труба даже приятно звучит, и это своего рода музыкальные звуки... Когда приезжает новый человек, то это для него странно, но когда проживет шесть-семь лет, то это является обычным звонком, и эта труба во многих случаях жизни дает возможность без лишних уговоров и митингов собрать, когда нужно, коллектив.

Говорят — кругом пропитано военным духом. Сколько бы я ни писал, сколько бы ни говорил, а я говорю не первый год — никого не могу убедить. Предположим, сегодня приехали французы, встретили их с оркестром. Если оркестр играет, то вы говорите, что это военный дух. Поскольку есть оркестр в каждой воинской части, то это военный дух, но поскольку оркестр есть на каждой фабрике, то это не военный дух, а в медной трубе нет никакого военного духа. Что касается слова «есть!», то оно не обязательно, как хочет воспитанник, так и говорит, но эта традиция прекрасная.

Говорят: никакой сознательности — одна эмоциональность и дисциплина, т. е. один товарищ начал, а другой прибавил. Один нашел одну эмоциональность, а вы — никакой сознательности Не буду говорить о коммуне им. Дзержинского — это дело молодое, но возьмем колонию им Горького. Если там 33% комсомольцев и вполне сознательный комсомольский народ, то откуда это берется? Ведь вечно эмоций не может быть. Эмоция

сегодня, эмоция в понедельник, эмоция в четверг, но не семь лет. Это обвинение горьковской системы в постоянной приподнятости, пафосе — положительно недоразумение. Я думаю, что работу ежедневно в течение трех-четырех лет по пять-шесть часов нельзя объяснить наличием эмоций, так как она возможна лишь при длительной, холодной и четкой установке.

В чем эмоции? Известный радужный тон, бодрое настроение. Это следствие точного порядка дня, четкой дисциплины, уверенности в том, что завтра тебя не покинут. Сознание, что принадлежишь к коллективу друзей,— вот что создаст бодрое настроение. Кроме того, я противник всего того, что вызывает избыток эмоции, я сторонник спокойного здорового человека. Единственная возможность убедиться — это посидеть в колонии и посмотреть, какое бодрое, уверенное настроение у воспитанников. Тут не вижу причины для возражений.

Что касается типа школы, то она у нас может быть разная. Можно установить ФЗС с прекрасным преподаванием, с ограниченным самообслуживанием, точной программой, мастерскими — и это, конечно, будет хорошее учреждение. (С места: «Почему нельзя увязать?») Можно это сделать, но увязать нельзя, приступите к конструированию, и вы ни за что не увяжете. (С места: «Приступите и увяжете».) Я не считаю себя неспособным воспитателем, но не увяжу. Здесь сидит заведующий производственными мастерскими, инженер Колеса, и он тоже не сумеет увязать. Можно увязать с самообслуживанием рубку дров, работы в саду и т. д. с точной производственной программой в мастерских, но увязать самообслуживание, мастерские и полную школьную программу невозможно. Я думаю, что средств не хватит, и идеологически [наше учреждение] не будет настоящим памятником товарищу Дзержинскому, как дом для беспризорных. Это будет школа, прекрасная школа с интернатом, которой будут завидовать другие школы, но далеко стоящая от обычного типа детского коллектива, колонии для беспризорных. Доказать это я, может быть, не сумею, но я уверен, поскольку имею дело с коллективом.

Посмотрим на это дело практически, практические мелочи надо уточнить. Первая деталь нужно взять из какой-то колонии мальчиков, окончивших четырехлетки, и привести сюда. Представляю себе этого мальчика — если вы возьмете такого, который прожил в Валках определенное время, и возьмете его сюда как нормального мальчика, то посмотрим, как он вам поможет создать эту нормальную обстановку, причем ему будет лет шестнадцать (С места: «Почему?») Потому что в детских колониях такого возраста дети подходят к пятой группе. Брусиловской колонии мы дали точные указания, кого прислать, и кого они нам прислали — самых серепьких, заурядных: тех, кто им не нужен. Так будут присылать все колонии.

По отдельным деталям — позвольте сказать искренне. Я считаю, что практика наших детских домов настолько не разработана, настолько не определена никакими положениями и даже никакими идеологическими положениями, что трудно установить законы. Ревизия 38 детских домов московских показывает, что правильная идеология, правильная установка недостаточны Важна постановка дела воспитателями, материальные средства и т. д Где есть удачный состав, там, где создана некая своя школа, некий свой уклад, не противоречащий ни соцвосу, ни общим принципам, но нашедший в своей обстановке свои формы, там дело движется успешно,

и я думаю, что в этой трудкоммуне успех будет в том случае, если найдется коллектив, который сумеет создать свою школу.

Дружная работа 5—6 человек, которые сумеют найти применительно к данной обстановке нужные и полезные формы, даст успех в работе, а здесь, сколько бы мы ни определяли, если такого коллектива не будет, то коммуна не будет поставлена хорошо.

Почему на колонию им. Горького нападают? По перманентному недоразумению. Когда нужно говорить о положительных сторонах колонии им. Горького, то она никуда не годится, а когда нужно организовать колонию, то берут воспитанников из колонии им. Горького. Идет речь о Доме Революции — предполагают взять детей из колонии им. Горького, организовалась колония им. Дзержинского — тоже взяли из колонии им. Горького. Нужно какое-то ядро педагогов, а если не найдутся такие педагоги, то никакие программы, никакие операционные планы ничего не спасут. Нужно найти такое крепкое, сбитое, уверенное, что поступает правильно, ядро педагогов. Вот единственное достоинство того коллектива, который работает в колонии им. Горького, так как он действительно спаян и не за месяц, а за годы работы, и он соответствующие формы работы найдет. Пусть он ошибется, но он увидит свою ошибку и исправит ее.

Иных путей нет, а если мы станем на такой формальный путь, то должны написать определенную партитуру и сыграть ее до последнего диеза, из этого ничего не выйдет. (С места: «Значит, играют по слуху, а не по нотам?») Ноты написать можно, но в процессе работы сам коллектив педагогов должен найти те формы, какие нужны.

ПЛАН КНИГИ «ОПЫТ МЕТОДИКИ РАБОТЫ ДЕТСКОЙ ТРУДОВОЙ КОЛОНИИ»

I. Вступление

1. О цели воспитания.
2. Диалектика педагогики.
3. Что такое коллектив.

II. Организационный период

4. Помещение. Приспособление. Постройка. Главные помещения и их размеры. Квартиры. Служебные помещения. Двор. Лес. Вода. Свет.
5. Оборудование. Мебель. Одежда. Хранилища. Посуда. Прачечная.

III. Развитие коллектива

6. Резервы коллектива. Беспризорные, семейные, общие типы.
7. Прием новеньких. Первые дни.
8. Типичные моменты рождения, жизни и смерти коллектива. Ядро и актив. Их смена и сбережение. Типы развития коллектива.
9. Значение личности в коллективе.

IV. Производство

10. Виды производства, их развитие
11. Кустарное.
12. Сельскохозяйственное.
13. Завод.
14. Производственные отношения.
15. Производственное обучение.

V. Строение коллектива

16. Сечение коллектива. Первичный коллектив. Командир. Возрастные отношения.
17. Органы самоуправления. Ядро и актив.
18. Увязка частей. Политорганизация.
19. Рабочий день. Дежурный командир (ДК). Дежурный член санитарной комиссии (ДЧСК). Самообслуживание.
20 Медчасть.

VI. Материальные отношения

21. Значение материальных отношений.
22 Пища.
23 Одежда.
24. Ремонт помещения и оборудование. Транспорт.
25. Баня и прачечная. Санитария.
26. Зарплата. Карманные деньги. Личное и общее.
27. Элементы коммуны. Самоокупаемость.

VII. Дисциплина

28 Общее понятие о дисциплине. Диалектичность вопроса. Сознательность и бессознательность. Поощрение и наказание. Борьба с нарушениями и профилактика. Новые и старые коммунары.

29 Общий вид нарушений и борьба с ними. Диалектика борьбы. Наказание. Воровство. Хулиганство, драка. Насилие. Умственно отсталые. Культурная запущенность. Шум.

30 Рождение дисциплины. Общие замечания. Строение профилактики Общая ее методика

31. Центр. Единоначалие и демократия. Конституция [коллектива]. Надзор Доверие. Охрана. Традиции.

32. Общий тон Уважение и требования. Интерес. Долг. Инициатива и необходимость. Прошлое Точность. Нервность. Ругань и вежливость.

33 Атрибутика. Честь. Соцсоревнование. Военизация. Эстетика. Чистота. Энтузиазм и упадничество

34. Перспектива. Ближняя, средняя, дальняя. Индивидуальная, групповая, коллективная, классовая.

35. Побеги и борьба с ними.

VIII. Внутренние отношения

36. Чистое и практическое влияние. Собственное и постороннее. Персонал, его деятельность и характер. Обеспечение Любовь.

37. Воспитатель как субъект чистого и педагогического влияния. Его работа.

38. Инструктор, мастера, персонал.

39. Заведующий.

Чистое и практическое влияние среди воспитанников Возрастные, половые, личные, групповые влияния.

IX. Внешние отношения

40. Отношения коллектива.

41. Отношения личные.

X. Школа и клуб

42. Общее значение школы. Форма в коммуне.

43. Клубная работа Кружки, библиотека, газеты, журналы. Стенгазеты. Кино. Вечер.

44. Отдых. Летние экскурсии.

45. Оркестр.

46. Спортработа.

XI. Выпуск

47. Характер выпуска.

48. Бывшие воспитанники.

[ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ]

Высказывание мнения
Общее собрание. «Встать»
Тактичность
Слово «преступник»
Отношение к прошлому
» » дракам
» » кражам
Кража у воспитателя
Холод
Выносливость
Сцена
Чистота
Комендант
Отношение к лени
» » нервам
Честь колонии
Отношение к кражам
Ломка приказа
Приказ
Отчетный журнал
Знамя
Тов. суд
Не выдавать товарища
Ругань
Услуги воспитателям
Инициатива
Речи
Дерзости
Рабфаковцы
Газета
Равенство
Карманные деньги
Уют
Игра
Праздники
Благодарность
Место
Новый воспитанник
Чтение
Библиотека
Воскресники
Ответственность
Технический персонал
Проблема мелочей

Девочка
Парубки
Надзирательство
Возвращение
Солидарность
Протесты
Личный авторитет
Воспитатель в администрации
[Разве] нельзя воспитателям...
Величина коллектива
Состав коллектива по полу
» » » возрасту
» » » образованию
» » » характеру
» » » идеологии
Зарплата в трудовом воспитательном коллективе
Натуральное довольствие
Огороды
Отпуски воспитателям
Разделение труда
Спецодежда
Почасовая оплата
Единство работы коллектива
Главное дежурство
Рабочее »
Вечернее »
Клубная работа
Запоры и доверие
Штаты
Вечерние разговоры
Отношение к нужде
Перспектива будущей колонии
Работа на уроках
Строй
Гимнастика
Личная жизнь воспитателей
Прислуга у воспитателей
Рапорт
Выговоры воспитателям
Дисциплина
Трудовые «истерики»
Отношение к гостям
Участие в самоуправлении

ОПЫТ МЕТОДИКИ РАБОТЫ ДЕТСКОЙ ТРУДОВОЙ КОЛОНИИ

(Материалы книги)

1. ПРЕДИСЛОВИЕ

Содержание настоящей книги я хотел бы ограничить узкометодическим материалом, не производя разведок в область теории воспитания...

К сожалению, мне приходится считаться с разрывом между теорией и практикой воспитания. «Теория» живет отдельно от практики, влияние ее в нашем деле ничтожно, а в последнее время она и сама поняла тщету своего существования и потихоньку замерла в одной из запыленных кладовочек великолепного дворца наук. Воспитательная практика, оказавшись не в силах понять теоретические тексты и привязать их к делу, в лучшем случае опирается на здравый смысл, в худшем — на ходячие старенькие педагогические предрассудки... Методика воспитания не может опереться на педагогическую теорию как на нечто действительно существующее в данный момент и надежное. Поэтому мне придется довольно часто задерживаться на теоретических вопросах, чтобы логика того или другого приема сделалась ясной.

Теоретические рассуждения, не опирающиеся на широко поставленную науку, разумеется, рискуют оказаться дилетантскими, но я надеюсь, что нам поможет общая ясность тех принципов, на которых строится советское общество..

Я должен еще сделать несколько замечаний по существу вопроса.

Человек воспитывается целым обществом. Все события в обществе, его работа, движение вперед, его быт, успехи и неудачи — все это настолько могучие и настолько сложные воспитательные факторы, что адекватно

показать их работу можно только в большом специальном исследовании, которое может быть убедительным, только опираясь на большое количество удостоверенных наблюдений. Это уже не методика, а нечто более широкое.

Детское воспитательное учреждение в современной практике руководит ростом человека на очень ограниченном отрезке времени — три года — пять лет. Его работа ограничена во времени, количественно, но она ограничена и в глубину, так как детская колония может овладеть только очень небольшим пучком влияний, идущих от всех элементов общества, природы, наследственности. Правда, влияние детской колонии и в этом случае может быть чрезвычайно могучим, так как оно проводится в специально концентрированных формах действия, но это не уничтожает его ограниченности.

Тема еще более суживается благодаря специфической позиции автора. Я не педагогический мыслитель, не специалист-исследователь детской жизни и жизни детского учреждения. Я — фронтовой работник. Я работал в двух детских учреждениях: в колонии для правонарушителей им. М. Горького с 1920 по 1928 г. и в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского с 1928 по 1932 г. Оба эти учреждения, каждое в свое время, достигли хороших результатов. Это обстоятельство дало повод многим товарищам понуждать меня к изданию книги о работе в детской колонии. Но я никогда не имел досуга ни записывать свои наблюдения, ни подсчитывать результаты отдельных приемов и влияния отдельных событий в коллективе. Все же передо мной прошло за 12 лет около 2500 молодых людей, и я пережил около 70 тысяч часов рабочего педагогического напряжения. Все это «материал» слишком сырой, но я ни на какую особенную «сухость» и не претендую... Далее я работал почти исключительно с беспризорными...

В итоге я предлагаю читателю чрезвычайно мало, но глубоко убежден, что многое из моего опыта и кое-что из моих соображений нашим работникам пригодится

2. ВСТУПЛЕНИЕ

Цели воспитания[1]

Чрезвычайно существенный момент в нашей работе — она должна быть до конца целесообразна. Мы обязаны воспитывать такого человека, который нашему обществу нужен. Иногда эта надобность определяется обществом очень нетерпеливо и требовательно: дайте инженеров, врачей, формовщиков, токарей. Это требует партия, хозяйственники, плановики.

Врачи, инженеры и формовщики требуются не только у нас рабочим классом. На Западе буржуазия предъявляет такие же требования к педагогам. Но кадры, выпускаемые у нас, и кадры для буржуазных стран за пределами своего профессионального единства должны отличаться прямо противоположными личными особенностями. Удается ли буржуазии воспитывать эти необходимые ей особенности — вопрос посторонний, но наше воспитание должно быть удачным. Здесь мы уже выходим за границы понятия «кадры» в том смысле, в каком это слово часто понимается теперь. Мы уже должны говорить не только о профессиональной подготовке

нового поколения, а о воспитании такого типа поведения, таких характеров, таких личных комплексов, которые нужны именно в Советском государстве в эпоху диктатуры пролетариата, в момент нашего перехода к бесклассовому обществу. Цели воспитательной работы могут быть выведены только из общественного требования, из его нужды.

Попытки повозиться с «целями воспитания» у нас, конечно, были.

В начале революции наши педагогические писатели и ораторы, разогнавшись на западноевропейских педагогических трамплинах, прыгали очень высоко и легко «брали» такие идеалы, как «гармоническая личность». Потом они заменили гармоническую личность «человеком-коммунистом», в глубине души успокаивая себя соображением, что это все равно. Иногда они расширяли идеал и [про]возглашали, что мы должны воспитывать «борца, полного инициативы».

С самого начала и проповедникам, и ученикам, и посторонним зрителям было одинаково понятно, что при такой абстрактной постановке вопроса наблюдать достижения подобных целей и таким образом проверить педагогическую работу все равно никому не доведется, а потому и постановка указанных идеалов была делом совершенно безопасным.

Таким же безопасным делом была и дальнейшая работа на педагогическом «турнике»: идеалы эти очень удобно укладывались в какие угодно логические комбинации. Один из авторитетных авторов не так давно без всякого особенного напряжения непосредственно выводил из поставленного идеала педагогическую методику: хулигана нельзя выгнать в коридор из класса, ибо в таком случае из него не выйдет «борец с инициативой», а получится «раб и подхалим».

Нужно удивляться нашему чрезмерному прекраснодушию. Мы читали все это с поразительным спокойствием, выключая и наш опыт, и политическое развитие, и человеческое достоинство, и здравый смысл. Больше того, мы почтительно поражались учености автора, и если на другой день мы все-таки выгоняли хулигана из класса, то делали это с ощущением своей преступности, хотя собственными глазами видели, что ни рабы, ни подхалимы от нашего греха как будто бы не размножались. Очень часто мы убеждались и в том, что оставление хулигана в классе никогда не воспитывало из него «борца с инициативой».

Так сильно действует на впечатлительную душу педагога ловко сделанный трюк с идеалом.

Все же постепенно, по мере того как мы сами развивались в работе и проверяли ее результаты, мы начали сомневаться в ценности предложенных идеалов. Они нам не понравились прежде всего по причине своего чрезмерного совершенства. Это именно идеалы, а нам нужны практические цели, понятные для нас, выполнимые и грамотные, как хорошие чертежи дома в жилищном строительстве: здесь балкон, здесь лестница, кухня.

Потом мы обратили внимание на небольшой «хвостик» индивидуализма, который незаметно торчит у каждого такого автора. Личность, коммунист, борец — все это обязательно в единственном числе. Так и представляется богатый кабинет в богатом доме — уютный, мягкий, затененный. В кабинете личность — сынок хозяйский, а над его душой ученый мастер, который за приличное вознаграждение взялся изготовить из хозяйского

сына «гармоническую личность» в полном соответствии с либеральными убеждениями папаши, тем более что «гармоническая личность» очень идет и к хорошему автомобилю, к замечательной яхте, и к богатому дворцу, и к богатой невесте.

А у нас массовое воспитание, воспитание миллионов, кадры для наших исторических пятилеток. О целях нашего воспитания нужно говорить в каких-то других словах, в каких-то цифрах, с совершенно иным пафосом, деловым, скромным, ответственным.

Цели нашей работы должны быть выражены в реальных качествах людей, которые выйдут из наших педагогических рук. Каждый воспитанный нами человек — это продукт нашего педагогического производства. И мы, и общество должны рассматривать наш продукт очень пристально и подробно, до последнего винтика. Как и во всяком другом производстве, у нас возможен выпуск прекрасной продукции, только удовлетворительной, только терпимой, наконец, условного брака, полного брака. Успех нашей работы зависит от бесчисленного количества обстоятельств педагогической техники, снабжения, качества материала. Наш основной материал — дети — неизмеримо разнообразен Спрашивается, сколько процентов этого материала годится для воспитания «человека, полного инициативы»,— 90? 50? 10? 0,05. А на что пойдет остальной материал? [2]

Если так подходить к вопросу, становится абсолютно недопустимым заменять точное описание нашего продукта общими возгласами, патетическими восклицаниями и «революционными» фразами.

В подобных целевыражениях так разит идеалом, что практическое их использование делается совершенно невозможным. Абстрактный идеал как цель воспитания неудобен для нас не только потому, что идеал вообще недостижим, но и потому, что в сфере поступка очень запутаны «междуидеальные» отношения. Идеальная вежливость, идеальный хозяйственник, идеальный политик, идеальный коммунист — это чрезвычайно сложные комплексы, так сказать, различных совершенств и определенных предрасположений и отвращений. Попытки воплотить выражение цели воспитания в короткой формуле доказывают только полный отрыв от всякой практики, от всякого дела. И поэтому совершенно естественно, что подобные формулы ничего не создали в живой жизни и в живой нашей работе.

Проектировка личности как продукта воспитания должна производиться на основании заказа общества. Это положение сразу снимает с нашего продукта идеальные хитоны Нет ничего вечного и абсолютного в наших задачах. Требования общества действительны только для эпохи, величина которой более или менее ограничена. Мы можем быть совершенно уверены в том, что к следующему поколению будут предъявлены несколько измененные требования, причем изменения эти будут вноситься постепенно, по мере роста и совершенствования всей общественной жизни.

Поэтому в нашей проектировке мы всегда должны быть в высшей степени внимательны и обладать хорошим чутьем, в особенности еще и потому, что развитие требований общества может совершаться в области малозначительных и малых деталей.

И, кроме того, мы всегда должны помнить, каким бы цельным ни представлялся для нас человек при широком обобщении, все же нельзя его считать совершенно однообразным явлением. Люди в известной степени

представляют собой очень разносортный материал для воспитания, и выпускаемый нами «продукт» обязательно будет тоже разнообразен. Так, объединяя многие вещества в одном понятии металла, мы не будем стремиться к производству алюминиевых резцов или ртутных подшипников. Было бы неимоверным верхоглядством игнорировать человеческое разнообразие и вопрос о задачах воспитания стараться втиснуть в общую для всех словесную строчку.

Наше воспитание должно быть коммунистическим, классовым, и каждый воспитанный нами человек должен быть полезен делу рабочего класса. Это обобщающее положение с необходимостью предполагает именно различные формы его реализации в зависимости от различия [человеческого] материала и разнообразия его использования в обществе. Всякое иное положение есть обезличка, которая, к слову сказать, нигде не свила для себя такого крепкого гнезда, как в педагогике.

Общие и индивидуальные черты личности в отдельных живых явлениях образуют бесконечно запутанные узлы, и поэтому проектировка личности становится делом чрезвычайно трудным и требующим осторожности. Самым опасным моментом еще долго будет страх перед человеческим разнообразием, неумение из разнообразных элементов построить уравновешенное целое. Поэтому у нас всегда будут жить попытки остричь всех одним номером, втиснуть человека в стандартный шаблон, воспитать узкую серию человеческих типов — это кажется более легким делом, чем воспитание дифференцированное. Между прочим, такую ошибку совершали спартанцы и иезуиты в свое время.

Преодоление этой проблемы было бы совершенно невозможно, если бы мы разрешили ее силлогистически: разнообразны люди — разнообразен и метод. Приблизительно так рассуждали педологи, когда создавали отдельные учреждения для «трудных» и отдельные — для нормальных. Да и теперь грешат, когда отдельно воспитывают мальчиков от девочек. Если и дальше развивать эту логику по линиям разветвления личных особенностей (половых, возрастных, социальных, моральных), мы придем все к тому же индивидуалистическому, единственному числу, так ярко бьющему в глаза в ультрапедагогическом слове «ребенок».

Достойной нашей эпохи организационной задачей может быть только создание метода, который, будучи общим и единственным, в то же время дает возможность каждой отдельной личности развивать свои способности, сохранять свою индивидуальность, идти вперед по линиям своих наклонностей.

Совершенно очевидно, что, приступая к решению такой задачи, мы не имеем уже возможности возиться только с отдельным «ребенком». Перед нами сразу встает коллектив как объект нашего воспитания. И проектировка личности от этого приобретает новые условия для решения. Мы должны выдать в качестве продукта не просто личность, обладающую такими или иными чертами, а члена коллектива, при этом коллектива определенных признаков.

Конечно, я не имею в виду, да и не имею сил произвести такую проектировку. Мне кажется, что эта тема достойна усилий нескольких больших ученых, и в особенности усилий наших наркомпросов, когда для воспитательного корпуса будет приготовлена папка «чертежей» — личных, типо-

вых, коллективных. Но сейчас у нас не только нет разработанных научных проектов личности, но нет и эскизов, самых первоначальных набросков, рабочих чертежей.

А что у нас есть? Есть в литературе, в журналистике, в газете и еще больше есть в живой жизни. В жизни общественные отзывы, осуждения, одобрения, пожелания рассыпаны щедрой рукой. Если бы можно было собрать мнения людей о своих помощниках (соратниках, сотрудниках, начальниках и соседях, друзьях и врагах, близких и далеких) хотя бы одного учреждения, мы получили бы богатейший черновой материал для нашей проектировки.

И как много таких суждений, так легко и естественно вытекают из них первичные итоги, средние представления о типе нужного для общества человека! Конечно, эти представления неодинаковы в различных социальных группах, в различных бытовых, производственных, культурных слоях нашего общества, но мы, воспитатели, должны знать, на что нужно опереться

Общий средний комплект общественного требования, между прочим, чрезвычайно ясен и общеизвестен. Нам говорят. «Выпускайте здорового, хорошо грамотного, а если можно, то и образованного человека, дисциплинированного, бодрого, обладающего хорошим развитием и инициативой, упорядоченного в гигиене и быте, а самое главное, сознательно участвующего в общей работе коллектива, [рабочего] класса, активного деятеля нашего строительства, в любой момент способного стать в военные ряды для защиты нашего дела в Советской стране от армии буржуазии».

Я глубоко убежден: многие педагоги скажут, что этого мало, настолько мало, что граничит с оппортунизмом, что нужно гораздо больше — гармоническая личность.

А я утверждаю, что если бы мы могли обеспечить массовый выпуск такой «продукции», то это было бы прямо замечательно. И партия, и хозяйственники, и военные в таком случае сказали бы, что это действительно хорошо.

Никаких затруднений в количественной оценке приведенного заказа я не предвижу. Затруднения возникнут тогда, когда начнется толкование на старую тему: что есть истина? Что такое дисциплинированный человек? Что такое сознательное участие, что такое активный деятель? Это все великолепные площадки для теоретических споров.

Но и это не страшно. В конце концов, авторитетный арбитр скажет: «Так держать».

Большие трудности ожидают нас только на практической работе. Здесь на каждом шагу мы встретимся с противниками между отдельными деталями и условиями задачи, с одной стороны, и между коллективным и личным принципом — с другой. Эти противоречия очень многочисленны и могучи. Для разрешения их мы не имеем часто не только метода, но и основных принципов. В итоге это проблема коллектива и личности в коллективе. Проектировке личности поэтому необходимо должен предшествовать анализ внутриколлективных и личных явлений.

Не задерживаясь сейчас на этом вопросе, я рассчитываю коснуться отдельных тем такого анализа в соответствующих главах; таким образом, детали нашей проектировки будут выясняться на протяжении всего изло-

жения. Но, кроме того, необходимо еще предварительно пересмотреть наши представления о коллективе.

Остается сказать несколько слов о затруднениях совсем особого порядка — о затруднениях педагогической логики. Ясность поставленной задачи, определенность проектировки личности — только небольшая часть дела. Исходя из данных проектировки или из других оснований, нам нужно прийти к педагогическому средству. Логические пути к нему в настоящее время находятся в печальном положении: они заросли сорняками, забиты непроходимыми нагромождениями каменистых осколков старого мира и старой идеологии. В третьей, и последней, главе я рассчитываю без больших претензий, но искренне подойти к этому тяжелому вопросу.

Коллектив

Одни говорят: «Коллектив как реальность не существует. Реальна только личность».

Другие говорят: «Индивид как что-то самостоятельное в социальной действительности не существует. Существует только общество».

Третьи ряды, что существует весь этот вздор, и пишут о нем целые тома.

И первые, и вторые, и третьи — «ученые люди».

Мы не будем бросаться в волны подобной болтовни. Примем без доказательства, что личность и коллектив существуют. Не подлежит сомнению, что нам приходится иметь дело и с коллективом, и с личностью.

Что такое коллектив? Были попытки считать коллективом «группу взаимодействующих лиц, совокупно реагирующих на те или иные раздражения».

Приходится считаться с тем, что это определение есть, так сказать, последнее слово педолого-педагогической литературы. Приятно, если наш коллектив подойдет под это определение, тем более что коллектив дзержинцев есть как будто в самом деле коллектив: 330 ребят работают вместе, учатся вместе, обедают, играют, спят. Чего больше?

И все таки коммуна им. Дзержинского не есть коллектив, потому что не удовлетворяет приведенному определению. Во-первых, она не вполне отчетливо выполняет требования взаимодействия. Конечно, можно допустить, что если живут вместе 330 коммунаров, то они как-то взаимодействуют. Но если уточнить этот сложный термин, то получается почему-то неудобно: каждый из коммунаров взаимодействует с 329 товарищами — это пусть будет 329 линий взаимодействия, а во всей коммуне таких линий, следовательно, будет 100 тысяч. Существуют ли все эти 100 тысяч взаимодействий, или только 50 тысяч, или 1 тысяча, имеет ли это какое-нибудь значение или не имеет?

Наш опыт говорит, что число реально существующих в каждый данный момент взаимодействий очень невелико: не более 150—200. Следовательно, каждое взаимодействие неизменно прерывается, а подавляющее большинство возможных взаимодействий все время находится, так сказать, в потенциальном состоянии. Они только возможны, но на деле их нет. И чрезвычайно велико число таких случаев, когда два члена коллектива просто не взаимодействуют, линии их движений не скрещиваются.

Признак взаимодействия делается в известной мере случайным и во всяком случае переменным. Если его считать все же достаточным для определения, то как решается такая задача: «Я прошел несколько кварталов по главной улице города, мне навстречу прошло несколько сот человек. Все мы видели друг друга, слышали шум шагов, иногда друг друга толкнули, извинились, иногда обменялись приветствиями, друг с другом поговорили. Имеем ли мы право сказать, что главная улица города будет коллективом»?

Требуется еще второй признак — «совокупное реагирование на те или иные раздражения». Но такой признак тоже имеется в данном случае. Все эти проходящие по улице люди совокупно реагируют: радуются солнечному дню, сторонятся автомобилей, подчиняются знаку постового милиционера, останавливаются перед интересными витринами, обходят заградительные знаки на тротуаре, вздрагивают при звуке взрыва в автомобильном моторе и т. д.

Одно из двух: либо улица тоже коллектив, либо предлагаемые два признака коллектива случайны, неточны и ничего не определяют. Подравшиеся пьяные не только взаимодействуют, но и совокупно реагируют: удирают от милиционера, отталкивают людей, желающих их примирить, видят одни и те же лица, слышат один и тот же шум. И с другой стороны, в организованной коммуне, несомненно коллективе, случаи действительно совокупного реагирования не так уж часты — коллектив в своем реагировании всегда дифференцирован, этим он и отличается от толпы.

Итак, нам приходится констатировать, что наш реальный коллектив с педагогической литературой не помирился. Пожалуй, он и не мог помириться, ибо эта литература меньше всего интересуется коллективом.

Названное определение коллектива имеет целью систематизировать исключительно логические понятия, связанные с коллективом. В погоне за кажущейся стройностью систематики, за возможностью написать какую-нибудь классификацию авторы почти не замечают живого коллектива и его характернейших признаков. И тот коллектив, который смотрит на нас с книжных страниц,— это что-то в высшей степени невыразительное, расплывчатое и пассивное. Взаимодействие и совокупное реагирование — это что-то даже не человеческое, не социальное, от него на десять верст несет биологией, это стая обезьян или колония полипов, что хотите, но не коллектив людей, не человеческая деятельность.

Эти «достижения», собственно говоря, эта биологическая всеобщность только и позволяют авторам считать коллективом всякое явление среди людей, если это не один человек, а больше:

1. Группа самостоятельно затеявших игру детей.
2. Летучие митинги.
3. Уличные толпы, объединенные каким-либо действием.
4. Компании беспризорных.
5. Собрание верующих, не принадлежащих к организованной религиозной общине.

К коллективам относят и государства, и даже лигу наций. А мы еще рекомендуем прибавить подравшихся пьяных или пассажиров трамвайного вагона.

Если это и систематика, то систематика бесполезная.

Профессор Е. А. Аркин[3] в определении коллектива стоит ближе к действительности, предлагая признаки: «Общность среды и организации и самодеятельность».

Г. Фортунатов подчеркивает «совместное удовлетворение органических или социальных потребностей».

Все эти определения ближе к человеческой природе коллектива. Кроме того, все они сводят коллектив к понятию вида, в то время как определение, приведенное в самом начале, относится к самому широкому родовому явлению. Даже в этом важном вопросе социологической систематики нет договоренности.

Видовые и родовые термины, конечно, условны, но эта условность должна определяться не усмотрением отдельных авторов, а уже существующей человеческой практикой, реальной систематикой. Когда словом «коллектив» именуют и все человечество, и государство, и общество, и компанию беспризорных, это знаменует, собственно говоря, отказ от классификации. Дальнейшие разветвления социальных единств у автора направляются придуманными им самим признаками: сомовозникающие и организованные коллективы, временные и длительные, простые и сложные. Это не классификация реально существующих явлений по реальным признакам, а детская игра с двумя-тремя примитивными терминами, не обладающими ни точностью, ни специфической социальностью признаков. Временные, длительные, простые, сложные — все эти термины могут употребляться в любой области знания.

Нам нужно учиться у великих систематиков естествознания прежде всего их эрудиции, во-вторых, их уважению к реальным явлениям. А спекулятивное мышление возможно, разумеется, без эрудиции. Человечество много десятков веков жило, не ожидая, пока ученые-социологи разделят его на группы. Оно уже давно на них разделилось, давно социализировалось, сложилось по совокупностям, которые обладают естественной группировкой и обозначаются определенными установившимися терминами. И что особенно важно: и в природе и в обществе протекают процессы и эволюционные и революционные, систематика социальных группировок развивается и меняется.

Наша научная мысль должна не дедуцировать случайные комбинации общелогических признаков, а фотографировать действительную схему социальных явлений, на полученных снимках различать принципы разделения и объединения, а самое важное — путем сравнения двух разделенных временем фотографий делать заключение о процессах и тенденциях изменения, роста, падения и пр.

Прежде всего рассмотрим момент становления индивида членом какого-либо объединения. Уже в момент рождения человек становится членом семьи, рода, племени, нации, государства. Это происходит без его воли и ведома, причем основанием для такого становления является естественный признак, родство по крови, а по отношению к государству — определенный закон. И в дальнейшем человек продолжает быть членом указанных объединений, членом кровных единств — на основании естественного права и членом государства — на основании права государственного.

В различных формах объединений мы встречаем признаки принудительности, авторитарности, уполномочия, добровольного вхождения личности в ту или иную совокупность.

Обращаясь к исторической ретроспективе, мы видим вымершие формы принудительного объединения людей, крепостничество. Более новым принципом образования социальной совокупности является принцип мнимой добровольности. Но анализ начала добровольности убеждает в том, что в большинстве случаев эта добровольность меньше всего имеет целью вхождение человека в социальное целое.

Возьмем пример: рабочий поступает на завод к предпринимателю. Им руководит прежде всего стремление к заработку. Социальная совокупность рабочих завода оказалась только необходимым фоном его работы. Ни в какой мере нельзя считать рабочих на капиталистическом предприятии собранием лиц, добровольно объединившихся. Здесь истинным стимулом объединения явился стимул нужды. Нужда толкает человека в определенное социальное единство, каждый член становится им почти случайно, и самое единство организуется волей и распоряжением владельца завода

Мы могли бы этот принцип назвать принципом социальным по преимуществу, таким он и является, если обособленно рассматривать каждый отдельный случай. В группе купцов, объединившихся в компанию, человеческая личность по отношению к другой личности занимает позицию нормального мирного сотрудничества. Но, поскольку деятельность такой группы по отношению к целому человеческому обществу является деятельностью агрессивной и по существу препятствующей объединению человечества, будет правильнее назвать принцип такого добровольного объединения групповым принципом.

Социальным принципом мы можем признать только такой, который определяет объединение людей, исходя из принципиальной позиции мирового единства трудового человечества, единства, практически выраженного не декларативно, а в самых реальных формах человеческого общения и деятельности. Ясно, что под ножом этого критерия многие добровольные объединения людей не могут считаться построенными по принципу социальному, [принципу] социалистическому.

Для иллюстрации рассмотрим два параллельных случая: артель подрядчика и советскую артель. И в том и в другом случае имеются добровольные объединения людей, связанных общей работой, общими интересами и почти всегда предварительным знакомством друг с другом. Но в первом случае члены артели принципиально признают различие и в положении своем и в положении подрядчика, его право на прибавочную стоимость. Вследствие этого у членов артели образуется ограниченное представление о едином коллективе артели, и слово «коллектив» к такой артели, собственно говоря, и не приложимо.

Советская артель, и в том числе артель сельскохозяйственная, позволяет каждому своему члену видеть единое в другом разрезе. Здесь элементы распоряжения, распределения, пользования на каждом шагу утверждают суверенитет не отдельного лица, а социально целого коллектива. И, что особенно важно, положение этого социального целого признается не случайной формой сотрудничества для всех людей. В пределах нашей страны здесь нет принципиального противопоставления одного социального един-

ства другим. В сущности, такое утверждение есть утверждение бесклассового общества. Мы говорим, что в этом случае социальная совокупность построена по принципу социалистическому.

Я ожидаю решительных возражений против такого тезиса. Воспитанные на биологических и рефлексологических профилях теоретики не так легко расстанутся с индивидом. В руках у них ничего нет, кроме этого индивида, препарированного по последнему слову техники. Поэтому социальное явление они не могут представить себе иначе, как механической суммой индивидов, и определяют социальное единство в функциях личности (взаимодействие и реакция).

Мы исходим из того положения, что, во-первых, социальная совокупность есть действительно существующая форма жизни человечества, во-вторых, форма — необходимая (это дано в историческом опыте), в-третьих, это совокупность не полипов и не лягушек, а именно людей, т. е. существ мыслящих, поступки которых направляются не простыми реакциями. Человек стремится к улучшению жизни, он реально уверен в том, что это улучшение возможно только в [определенных] социальных условиях.

Поэтому влечение личности к социальному объединению есть не только влечение особи, но и влечение масс, имеющее свою историю и, самое главное, свое историческое развитие. Развитие это протекало диалектически: примитивные формы общения сменялись новыми формами, представляющими шаг вперед в деле организации человеческого общества.

Но только социальное единство, построенное по социалистическому принципу, может быть названо коллективом. По крайней мере, русский язык точно и определенно это отмечает.

Мы говорим и пишем: «Коллектив ХТЗ должен дать стране сто тракторов».

Но мы никогда не употребляем выражение «коллектив заводов Форда».

Мы говорим «коллектив сотрудников ГПУ», но не скажем «коллектив французского министерства внутренних дел».

И если советская семья, построенная на равном участии ее членов в общественном труде и принципиально утверждающая свободу и равенство своих членов, может быть названа коллективом, то ни в коем случае не будет коллективом семья во главе с отцом-самодуром или дворянская семья, допустим, утверждающая даже равенство членов, но по отношению ко всему обществу занимающая потребительскую групповую позицию.

Таким образом, наш язык, в определении коллектива безошибочен. Нужно еще отметить в нашем языке тенденцию называть коллективом только контактное единство, отличая коллектив от более широкого понятия союза.

По нашему мнению, коллектив есть контактная совокупность, основанная на социалистическом принципе объединения.

По отношению к отдельной личности коллектив утверждает суверенитет целого коллектива.

Утверждая право отдельной личности добровольно состоять в коллективе, коллектив требует от этой личности, пока она состоит в нем, беспрекословного подчинения, как это вытекает из суверенитета коллектива.

Коллектив возможен только при условии, если он объединяет людей на задачах деятельности, явно полезной для всего советского общества.

Советская система воспитания тем и отличается от всякой иной, что она система социалистическая, и поэтому наша воспитательная организация имеет форму коллектива. Мы рассматриваем нашего воспитанника не как материал для дрессировки, но считаем его членом нашего общества, активным его деятелем, создателем общественных ценностей. Коллектив наших воспитанников есть не только собрание молодежи, это прежде всего ячейка социалистического общества, обладающая всеми особенностями, правами и обязанностями всякого другого коллектива в Советской стране.

Все это сообщает нашей педагогической позиции совершенно особые признаки. Развитие нашей педагогической логики, нашей работы должно отправляться от поставленной обществом задачи, а эта задача выражена уже в самой форме нашей воспитательной организации — в коллективе.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

Не может быть вопроса более для нас важного, чем вопрос о логике педагогического средства. Интересно бросить взгляд на историю этого вопроса, тем более что история эта очень коротка.

Нам нечего заглядывать в глубь веков и начинать с Аристотеля. Не только то, что было при Аристотеле, но даже и то, что было при Николае II, можно оставить без рассмотрения. Во всяком случае, никогда еще педагогика эксплуататорского общества не могла похвалиться сколько-нибудь заметным изобретением в области воспитания. Наши предки-педагоги надеялись на одно спасительное обстоятельство: «В жизни хорошего больше, чем плохого, а потому из воспитания всегда что-нибудь да выйдет».

И действительно выходило: выходили и воины, и фабриканты, и рабочие, и крестьяне. Одни были «в меру» своекорыстны, накапливали [добро], богатели, но на улице не хватали людей за горло. Другие были «в меру» послушны, и если иногда и дерзили, то с соблюдением правил демократии. Правда, очень часто происходили и конфузы: честные джентльмены оказывались мошенниками настолько изобретательными, что граница между джентльменом и мошенником начинала казаться чересчур уж эфемерной. Люди религиозные и даже специально для религии предназначенные вдруг оказывались самыми настоящими циниками и низвергателями. Покорные рабы то и дело восставали и обнаруживали настойчивое желание в пух и прах разнести весь «благородный» цивилизаторский мир. Даже самые мирные сельские жители, казалось, идеально вымуштрованные земскими начальниками и церковноприходскими школами, вдруг без всякой застенчивости начинали поджигать дворцы своих «благодетелей», с идеальным хладнокровием игнорируя неизбежно угрожающие им в таком случае загробные застенки. Педагогика господствующего класса, выработанная поколениями воспитателей, оказывалась ни с того, ни с сего ликвидированной.

Слишком хорошо нам известна история таких провалов педагогической теории, и о них можно даже не вспоминать.

Но вот что хорошего сделано у нас после Октябрьской революции?

Много сделано хорошего. Мы имеем и комсомол, и школы, и фабзавучи, и рабфаки.

Но были и провалы. В чем их причины? Кто же в этом виноват?

Во всех неудачах воспитания виноваты, конечно, мы, педагоги, и прежде всего виновата наша педагогическая логика, наша педагогическая теория. В последние дни на нас посмотрели старшие строгим глазом и сказали:

— Ну куда это годится, как вам не стыдно? [4]

К сожалению, трудно говорить о воспитательных приемах как о какой-нибудь системе, как о единой разработанной теории. Если вычеркнуть из досужих педагогических разглагольствований все украшающие революционные фразы, термины и призывы, то в полученном остатке мы найдем конгломерат самых разнообразных идеологий, теорий и систем. Больше всего здесь окажется отрыжек свободного воспитания, толстовства, непротивленчества. На втором месте стоят сентенции так называемой социальной школы Дьюи и Наторпа, потом немного соленой воды бременцев, наконец, так называемая общественно полезная работа [5].

Теория ограничилась декларированием принципов и общих положений, а переход к технике был предоставлен творчеству и находчивости каждого отдельного работника. В этом же видели педагогическую мудрость [6].

То, что «натворили» самодельные творцы-педагоги, и есть практика. В оправдании можно, правда, сказать, что и творить им как следует прожектеры от педагогики тоже не давали. Бывали случаи, когда под руками энергичного человека, смотришь, что-то начинало выходить путное. Но проходит год, другой — все развалилось, и сам энергичный человек исчез, и он уже не педагог, а кооператор. Оказывалось, действовал такой закон: пока дело в детском доме, например, идет плохо — чиновники сидят и скулят с печальной физиономией о том, что дело наше трудное, что нет людей, что нет материальной базы; но как только в каком-нибудь пункте зашевелится настоящая работа — они набрасываются на нее со всей эрудицией, принципами и формулами и по всем правилам доказывают, что дело делается не так, как нужно, что в деле непоправимые провалы, которые должны привести к воспитательной катастрофе.

Нужно обратить внимание читателя особенно на такую форму: это *должно привести* к плохим результатам. За 12 лет своей практики, подвергаясь не раз экзекуции со стороны теории педагогов-олимпийцев, я ни разу не слышал другой формулы: это *обычно приводит к* плохим результатам. Вот это небольшое различие между подчеркнутыми словами наилучшим образом характеризует логику и является истинной первопричиной и теоретической бедности, и практических неудач.

У нас не было педагогической техники прежде всего потому, что и слова «педагогическая техника» никогда не произносились, и самая педагогическая техника не наблюдалась и не исследовалась. И это произошло не потому, что о ней случайно забыли, а потому, что традиционная педагогическая философия вела свою работу по дорогам, необходимо проходящим мимо педагогической техники.

Поэтому, если бы мы хотели подвергнуть критике существующую педагогическую технику, мы не в состоянии это сделать просто за отсутствием объекта.. Например, материальная сфера, едва ли не самый могущественный воспитательный фактор, обходилась полным молчанием. Вопросы производства, вопросы хозяйствования коллектива, его отношения к другим

коллективам, вопросы сохранения коллективных навыков, все вопросы, требующие детального анализа реальных явлений, разрешались «двумя взмахами пера», разрешались при этом исключительно в порядке установления *должного*.

Постановление о средствах, если оно ограничивается утверждением должного и если оно игнорирует существующее, необходимо обречено на омертвение.

Суждение о работе детского дома часто происходило по одному рецепту. Проверялась не действительная работа, не ее результаты, а исключительно номенклатура общих рекомендованных средств. производилась ли общественно полезная работа, не употреблялись ли наказания, имеются ли органы самоуправления, есть ли простор для инициативы, имеется ли самокритика. Если все это налицо, значит, дело поставлено хорошо, если чего-либо нет, значит, плохо.

Такой простой способ измерения, с одной стороны, представляет широкий простор для всяческого очковтирательства, с другой стороны, он очень скоро превращается в догматический шаблон, мертвый список, в содержание которого не способна пробиться жизнь.

Методическая догма представляет собой, разумеется, недопустимое условие для дела воспитания. Но, если она выведена из живых, действенных требований жизни, она еще не так опасна.

Педагогическая догма, выведенная из случайных, непроверенных, легкомысленных утверждений, из убеждений, сложившихся в бездеятельной среде русской интеллигенции в эпоху черной реакции в России, эта педагогическая догма основательно осуждена всей нашей историей. Многие педагогические фасоны, которые пробовали напялить на наше детство и юношество,— фасоны поношенные и сданные в музеи.

Возьмем «общественно полезный труд». В этих трех словах, по существу, не содержится ничего порочного, и мы намерены отстаивать общественно полезный труд, но в педагогической литературе он рекомендовался в формах какого-то «хождения в народ», и от него на сто верст действительно несет народничеством. А взгляды на дисциплину, на положение личности в коллективе охотно списывали из Руссо. «Относитесь к детству с благоговением. Бойтесь помешать природе» — под такими словами подписывались многие педагоги-теоретики и деятели нашего соцвоса. На педагогических конференциях случалось слышать разглагольствования о «правах ребенка», а отвлеченные рассуждения о педагогических идеалах, собственно говоря, держались на «Декларации о правах человека и гражданина» с небольшими добавлениями из Толстого и новейшего европейского индивидуализма.

Странным образом с этим уживалось представление о «среде», взятое из популярно изложенного Дарвина и тем не менее крепко въевшееся в интеллигентские мозги. «Среда» понималась как всесильное начало, простое и элементарное, определяющее положение личности до конца, как фон, на котором нарисована бледная, пассивная личность.

Исходя из этого багажа, при помощи самой нехитрой дедукции выводились постановления о должном педагогическом средстве, в то время когда живая детская жизнь беспомощно увязала в сетке обычных проти-

воречий, разрешить которые очень часто можно было при помощи простого здравого смысла [7].

Какой должна быть логика педагогического процесса?

Прежде всего он должен быть до конца целесообразен, следовательно, невозможно допустить действие каких бы то ни было шаблонов. Нет никаких непогрешимых средств, и нет средств обязательно порочных. В зависимости от обстоятельств, времени, особенностей личности и коллектива, от таланта и подготовки выполнителей, от ближайшей цели, от только что исчерпанной конъюнктуры диапазон применения того или иного средства может увеличиваться до степени полной общности или уменьшаться до положения полного отрицания. Нет более диалектической науки, чем педагогика, и поэтому ни в какой другой области показания опыта не имеют такого большого значения

Эта многоликость педагогического средства, сложная красочность и изменчивость воспитательной картины делают чрезвычайно ответственной позицию педагога-теоретика. Номенклатура педагогического приема в общем едва ли может быть специально дополнена для отдельного воспитательного задания. Свобода выбора и маневрирования в воспитательной сфере должна быть настолько велика, что для воспитания строителя-большевика и убежденного буржуазного деятеля сплошь и рядом может пригодиться один и тот же список приемов, как требуется одинаково кирпич, бетон, железо, дерево и для постройки храма, и для постройки рабочего клуба. Вопрос решается не выбором списка, а сочетанием средств, их расстановкой по отношению друг к другу, их общей гармонированной направленностью и, самое главное, их естественным классовым содержанием, т. е. тем, что происходит не от педагогики, а от политики, но что с педагогикой должно быть органически связано.

И только там, где начинается это комбинирование, эта расстановка, где определяется общая направленность и классовая связанность, только там есть место для установления педагогического закона. Само собой понятно, что этот закон уже не может принимать форму рекомендации или отрицания отдельного средства, которое вообще представляется аполитичным и, если так можно выразиться, апедагогичным.

Какую же форму может принять педагогический закон?

При настоящем положении науки о человеке и о человечестве он ни в каком случае не может полностью дедуцироваться ни от какого общего положения

Основанием для советского педагогического закона должна быть индукция цельного опыта. Только цельный опыт, проверенный и в самом его протекании, и в результатах («проверка на сопротивление»), только сравнение цельных комплексов опыта может предоставить нам данные для выбора и решения.

Очень важно при этом, что здесь возможна одна чрезвычайно опасная ошибка. Я имел возможность наблюдать несколько попыток отбора такого цельного опыта и всегда при этом встречал и указанную опасную ошибку. Она заключается в том, что, принимая опыт в целом, участники отбора обязательно стараются внести в него коррективы, т. е. осуждают отдельные частные приемы или вставляют дополнительные, новые, собственного изобретения.

Нечего и говорить, что эти изменения производятся все по тому же методу дедуцированного средства, иначе говоря, производятся без всяких оснований. А между тем это самодурство приводит к печальным результатам. Нарушенная в своей органической цельности система делается больной системой, и пересадка опыта оканчивается неудачей [8]. С такими ошибками трудно бороться, ибо контролеры и реформаторы орудуют совершенно чужой логикой. Убедить их можно было бы только опытом, но как раз опыт не входит в систему их логики.

Мои утверждения вовсе не значат, что недопустима критика системы и ее исправление. И критика, и исправление возможны, но обязательно в системе индуктивной логики.

Прибавления и купюры в системе могут контролироваться только в работе всей системы на довольно большом отрезке времени, всякие же безответственные пророчества («наказание воспитывает раба») могут быть оставлены без рассмотрения.

Я рекомендую индуктивную логику вовсе не для того, чтобы она применялась в редких случаях, когда такой зуд появится у контролера-охотника. Индуктивная проверка, дополнения, изменения должны быть постоянным явлением в воспитательной системе. Это необходимо и потому, что всякое дело никогда не теряет способности совершенствоваться, и потому, что каждый день приносит и новые условия, и новые оттенки в задаче.

Постоянная работа исправления обычно производится самим коллективом, который, конечно, имеет преимущественное право на авторство в этой области, и к тому же обладает большей утонченностью нервов в привычной области и лучше приспособлен сберегать традиции. Наблюдатель со стороны, хотя бы и официальный, всегда имеет склонность «сказывать на нет», ему нечего терять, и он ни за что не отвечает. Его преимущество заключается только в старороссийском «со стороны виднее». Здоровый коллектив обычно всегда сопротивляется таким реформаторам, тем более что они не оперируют опытной логикой, а безапелляционно заявляют: «Так лучше».

Но и коллективы, и здоровье коллектива бывают разные, и поэтому постороннее вмешательство в постановку цельного опыта вообще возможно, а в некоторых случаях и необходимо.

Отстаивая права цельного опыта, мы ни одной минуты не истратим на отстаивание исключительных прав индукции. Как и во всякой другой области, опыт возникает из дедуктивных положений, и они имеют значение далеко за пределами первого момента опыта, остаются направляющими началами на всем его протяжении.

Дедуктивные положения прежде всего возникают как отражение общей задачи. Если в самой задаче сказано, что мы должны выпустить здорового человека, то на всем протяжении нашего опыта мы будем оперировать измерительными дедукциями из этого требования: мы не будем забывать о форточках и о свежем воздухе, не ожидая опытной проверки.

Вторым основанием для дедукции является положение о коллективе. Наш опыт необходимо будет направляться и положением о суверенитете коллектива, и положением о деятельности коллектива в обществе.

Наконец, третье основание для дедукции составляет накопленный веками социальный и культурный опыт людей, концентрированный в так на-

зываемом здравом смысле. К сожалению, эта штука пользуется наименьшим уважением педагогов. Уж на что, кажется, бесспорно признан сарказм Грибоедова «числом поболее, ценою подешевле» и касается он как раз педагогической деятельности, а ведь не так давно в колониях для правонарушителей полагался один воспитатель на каждые десять воспитанников. И платить им было назначено по сорок рублей в месяц. В колонии им. М. Горького было четыреста воспитанников. Спрашивается, какие чудеса могли отвратить полный развал колонии при соблюдении этого замечательного условия?

Направленный общими дедуктивными положениями, длительный опыт цельной системы должен сам в себе заключать постоянный анализ. Процессы протекания и углубления опыта, конечно, не могут быть свободными от ошибок. Нужно очень осторожное, сугубо диалектическое отношение к ошибкам, потому что очень часто то, что кажется ошибкой, при более терпеливой проверке оказывается полезным фактором. Но такая проверка требует обязательно педагогической техники, широкого педагогического мастерства, высокой квалификации.

Сохранение ценных опытных очагов, уважение к их находкам могут нашу молодую логику воплотить в строгих формах педагогической техники.

Только так мы создадим школу советского воспитания.

И еще одно: наши педагогические вузы должны решительно перестроить свои программы. Они должны давать хорошо подготовленных, грамотных педагогов-техников.

3. ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Общие соображения об организационном периоде

Успешность протекания воспитательной работы детского коллектива (детского дома, колонии, коммуны; в дальнейшем мы будем употреблять термин «колония» как средний между детским домом и коммуной) во многом зависит от первоначальных вкладов в его организацию, от организационного периода.

На практике длительность организационного периода бывает очень различна. Есть колонии, в которых организационный период никогда не заканчивается. Иногда такое положение признается даже нормальным, иногда рассматривается как последнее слово педагогической техники. Предполагается, что дети в таких случаях вырастут хорошими организаторами. С этим, к сожалению, невозможно согласиться, так как опыт доказывает обратное. Иначе быть и не может, ибо организационный период, хотя и носит такое приятное название, предполагает, что многое еще не готово для выполнения основной задачи воспитательного учреждения.

С другой стороны, нужно признать: как бы хорошо ни было поставлено детское учреждение, по самому существу нашей работы предполагается, что оно может и должно расти и улучшаться, и поэтому детский коллектив всегда должен вести именно организационную работу, он не должен остановиться в развитии, замереть в строгом стационаре.

Вопрос сводится к установлению границ. Первая — момент вселения детей в колонию. Что-то должно быть сделано, подготовлено к приходу детей, должен быть обеспечен какой-то организационный минимум. За вычетом этого минимума некоторая часть организационного периода приходится уже на то время, когда дети живут в колонии и принимают участие в организационной работе. Наконец, должен наступить момент, когда и эта часть организационного периода заканчивается и наступает период нормальной постоянной работы колонии. Это и будет вторая граница.

За этой границей могут и должны быть организационные усилия [педагогов и воспитанников] и работа, направленные к расширению и улучшению колонии. [Эта работа] может принимать грандиозные размеры и совершенно изменять «лицо» колоний, но какие-то признаки должны говорить, что это не организационный период, что это нормальная работа, иначе говоря, что основной необходимый комплекс воспитательных средств обеспечен

Расположение указанных двух границ в истории колонии должно быть обязательно правильным, в противном случае мы никогда не придем к успеху, и самое наше развитие, если оно выражается даже в больших материальных цифрах, будет развитием болезненным. Я обращаю внимание читателя на это обстоятельство самым серьезным образом, ибо мне приходилось очень часто, пожалуй даже в большинстве случаев, наблюдать полное нарушение предполагаемого мною правила о двух границах и очень печальные последствия этого нарушения. Печальнее всего то, что это нарушение сплошь и рядом производится не в порядке ошибки или недосмотра, а, так сказать, нарочно, в убеждении, что так и нужно делать, что такой именно способ полезен.

Именно поэтому я хочу подробнее остановиться на анализе этих ошибок и на выяснении наиболее удобных мест, по которым должны проходить обе границы. Для удобства изложения назовем отрезки времени от момента зарождения колонии до первой границы периодом А, а отрезок между первой и второй границей — периодом Б и периодом нормальной работы — периодом В.

Ошибочное определение границ и ошибочное содержание самих периодов принимают в таком случае следующие формы:

1) период А очень короток
2) период А очень велик
3) период Б очень короток
4) период Б очень велик.

Во всех случаях страдающим является третий период В, период нормальной работы, хотя, разумеется, и протекание других периодов делается неправильным и, следовательно, вредным.

1. Период А очень короток.

Это наиболее часто встречающийся случай. Характеризуется он тем, что к приему детей не готовы ни здания, ни оборудование, и детям поэтому приходится переживать все трудности организационного периода.

На протяжении периода А должны быть обеспечены такие условия, чтобы жизнь детей не сделать чересчур тягостной, неудобной, чтобы от них не потребовались усилия, на которые они не способны или которые связаны с безразличным воспитательным эффектом. Установить точно,

что именно должно быть сделано в течение периода А, не представляет особенно трудной задачи. Если бы организаторы-педагоги во время организационного периода задавались скромными практическими целями они эту задачу решали бы, вероятно, всегда правильно. К сожалению, в большинстве случаев задача усложняется такими педагогическими «взлетами», что от практического здравого смысла остаются жалкие клочки

Мне посчастливилось близко наблюдать организационный период двух детских учреждений. В первом — коммуне — в течение периода А был сделан максимум [9]. Были выстроены прекрасные здания, все комнаты до конца оборудованы и даже украшены. В спальнях не только поставлены кровати, но и положены на них матрасы, простыни, одеяла, пододеяльники, подушки На стенах в спальнях и других комнатах повешены портреты, зеркала и лозунги, в «тихом» клубе оборудованы уголки. Такая же картина и в столовой, и на кухне, и в кладовых Все запасено, положено на место, приспособлено до конца. В один прекрасный день с утра затопили на кухне, приступил к работе персонал, тоже подобранный и проверенный и даже одетый в новые спецкостюмы. Новый с иголочки кладовщик еще вчера вечером отправил в какую-то «дружественную страну» шестьдесят комплектов белья, костюмов, поясов, обуви, фуражек. В ту же «страну» отправился парикмахер, врач и другие представители гигиены.

И вот к обеду, точно в назначенное время, прибыли хозяева нового дома, вошли в теплый, уютный и украшенный дворец, без крика и хулиганства рассыпались по спальням и клубам, но уже через полчаса их трубач что-то заиграл, и, повинуясь его приказу, хозяева собрались в столовую и пообедали А после обеда тот же трубач что-то такое наладил в их толпе, и она уже не толпа, а организация, состоящая из шести отрядов с командирами во главе. Все это было выражено в движениях ладных и, очевидно, привычных и простых.

Оказывается, что не только спальни и уголки были организованы до мелочей, но и колонисты пришли уже организованными, они были взяты не с улицы, а из другой колонии, принесли с собой навыки и привычные формы Общая организованность казалась настолько совершенной, что уже излишним были небольшие таблички на стенах с надписями «Соблюдай чистоту», «Не плюйте на пол».

Уже по самому описанию моему должно догадаться, что в организации этой коммуны было все до конца подготовлено, продумано и объединено какими-то общими идеями

Во всяком случае, среди этих идей хорошо «прощупываются» такие:

1. Колония должна быть организована до конца и сдана детям в совершенно готовом виде.

2. Она должна быть организована по возможности комфортабельно, уютно и даже красиво.

3 Первые коммунары должны быть так подобраны, чтобы наименьшим был риск разорения, расхищения, порчи всего собранного добра.

В выражении этих идей чувствуется некоторый запах «антипедагогический». В самом деле, похоже на то, что организаторы построили и оборудовали хорошую коммуну, но за деревьями потеряли лес и больше беспокоились о целости имущества, чем о педагогическом творчестве.

Совсем другое дело во второй колонии [10]. Нашли старый монастырь, положили заплаты на крышу, чтобы не протекало, и привезли триста ребят, собранных в течение двух-трех дней на вокзалах, улицах и даже изъятых из реформаториумов и временных мест изоляции. Конечно, не было не только уголков и гардин, цветов и портретов, но не было и столов, и кроватей, и сами помещения даже не были распределены. Правда, в кладовой нашлось немного продуктов для того, чтобы приготовить обед, нашлась недалеко и баба, которая по линии женского закрепощения давно была приспособлена, чтобы обслуживать человечество на кухне. Но этим ограничен был список приспособлений для человеческой жизни.

Зато все было приспособлено для жизни «педагогической». Организаторы усиленно подчеркивали это немаловажное обстоятельство. Они указывали на тлетворное влияние богатства и изнеженности и предлагали убедиться на деле, что самоорганизация, самообслуживание, самооборудование, инициатива и другие полезные вещи в самое короткое время из распущенной дикой толпы создадут организованный пролетарский коллектив Нет кроватей — сделайте для себя кровати, нет столов — сделайте столы, сделайте стулья, побелите стены, вставьте стекла, исправьте двери. «Путевка в жизнь» — картина, как известно, продолжила эту схему: «Постройте для себя железную дорогу»,— и, кажется никто не осудил «Путевку» за это предложение.

Логика организаторов была неуязвима В самом деле получить все готовое, прийти в оборудованное жилье — это значит ни о чем не заботиться, не бороться с нуждой, это значит расти барчуком, потребителем. И наоборот, получить только стены и крышу, все сделать собственными руками, пусть сначала простое и дешевое, в коллективном напряжении создать «свою» коммуну, добиться благополучия и богатства — разве это не значит воспитать нового человека? В этом рассуждении есть своя логика и «логика сугубо педагогическая». Если бы дело решалось одной логикой, представители второго способа организации были бы, пожалуй, правы. Но дело в том, что необходимы еще некоторые вещи, кроме логики.

Организаторы коммуны тоже оперировали логикой. Они считали, что воспитательное учреждение должно обладать каким-то максимумом материальных условий, они и создавали эти условия, т. е истратили довольно большую энергию на обдумывание каждой детали, каждого уголка в новом доме. Ими была совершена большая работа. Это уже не только логика, это уже нечто реальное, ибо такая первоначальная организация учреждения в общем — *это метод.* Новый воспитанник колонии оказался в определенном материальном комплексе, который определил его жизнь не только в первый день.

Логика организаторов при этом не ограничивала своего собственного развития. Владение оборудованным жилищем не исключало возможности дальнейшего развертывания логики и практики, и это развертывание при удаче могло быть педагогически положительным. Например, хранение всего собранного в коммуне, забота о чистоте, пополнение новыми необходимыми вещами являются категориями педагогическими, хотя и не столь «яркими», как во втором случае.

Но дело как раз в том, что во втором случае яркость только кажущаяся Здесь вообще нет ничего реального, кроме логики. Предложенный проект

организационного периода в сущности не имеет никакого практического содержания. Если в первом случае логически пришли к необходимости поставить кровати и покрыть их одеялами, то эта логика была завершена выбором кроватей и одеял, их покупкой, доставкой, расстановкой и пр.; одним словом, была проделана какая-то работа.

Во втором случае никакой работы нет. Процесс самооборудования, мыслимый только как процесс желательный, не выходит за границы мечты. Детский коллектив оказывается в практической пустоте, его поведение не определяется педагогом, ибо мечта педагога ничего не определяет, кроме его собственной души. Побудить ребят заняться изготовлением мебели могли бы только практические меры, какая-то система приемов, и эта система должна быть детализированной, продуманной до конца и обязательно проверенной. [Но] ничего этого нет, нет практического комплекса, и не доказана даже его возможность, не доказана на опыте, не доказана и в плане. Фантастичность этого проекта нисколько не меньше фантастичности, допустим, такого проекта: не нужно учебников, пусть сами ребята сделают для себя учебники.

Таким представляется проект самооборудования в общем виде. Еще более сумбурным он делается, когда переходим к деталям. Уединенность педагогической логики, ее простодушная самоуверенность, ее непрактичность сказываются в первые же дни колонии. Если при первом способе организации имеется опасность пассивности и изнеженности, то это пока что опасность только в абстрактной логике. Действительность же в этом случае настолько наполнена вещами, что ребячий коллектив, подчиняясь воле организаторов, включается в воспитательный процесс и не замечает никакой логики, он приступает к функции хозяина как к простой и понятной функции. Педагогу остается эту функцию утвердить, упорядочить, развить. Здесь превосходная точка отправления.

При втором способе, где выпячена только логика, ребячий коллектив принуждается тоже занять логическую позицию, и он всегда так и делает. Мечтательной логике педагога он противопоставляет свою логику, имеющую нисколько не меньшую убедительность. Жизнь на улице тоже не оборудована и полна неуюта, но зато наполнена приключениями, чередованиями удач и напряжений, а перспектива — кто ее разберет? При способе «самооборудования» она тоже представляется неразборчивой, но [еще] и не интересной. Педагог видит впереди большие успехи, у него перспектива есть, но другие ее не видят,— это удел всякой перспективы, построенной на мечте. Может быть, и ребята могли бы увлечься такой мечтой-перспективой, но им мешает это сделать слишком тяжелая и неприятная действительность в колонии, благодаря чему далекая перспектива педагога («самооборудования и самоорганизации» детей) легко сбивается с позиции, знакомой беспризорным детям, близкой перспективой «свободной улицы».

Таковы результаты сравнивания описанных двух методов организационного периода. Они не в пользу второго. Кроме того, если в первом все-таки остается некоторая опасность неактивного развития, то во втором присутствует еще один дополнительный порок: если даже предположить, что процесс самооборудования начнется и приведет к каким-либо материаль-

ным результатам, то педагогическая польза его все-таки должна быть поставлена под сомнение.

Решить эту проблему можно было бы только опытным путем. К сожалению, мы не имеем возможности сравнить хотя бы пару цельных опытов. Я не знаю случая, чтобы предпринятая операция второго способа была доведена до конца. Обыкновенно на втором же месяце организационного периода организаторы отказываются его продолжать. Правда, для газетных сотрудников при случае рисуются в розовых тонах захватывающие картины прошлого. Для романтической души такие темы вообще незаменимы. Можно не только делать столы, можно строить и железную дорогу и в порядке уже настоящего гурманства угробить на ней главного героя [11]. На деле бывает не так. На деле бывает дебош, массовые побеги и бесконечное бузотерство ребят, это именно и принуждает организаторов вывесить белый флаг.

Не имея под рукой цельного опыта, мы можем оперировать только отдельными опытными деталями и кое-какими положениями здравого смысла. Предлагаемый метод, обычно выражаемый в хвастливой формуле «дети все сами сделали», не разработан даже в логическом смысле. Он обладает явными пороками уже «в утробе матери». Вот эти пороки:

1. Он весь построен на боклевском положении [12], что цивилизация создается нуждой, положении неверном и понимаемом не диалектически Нужда всеобщая, как известный этап в борьбе человечества с природой, нужда, понимаемая не как бедность, а как неприспособленность всего общества, конечно, является стимулом для усилий, изобретательности, находчивости, поисков всех людей. Это даже не нужда, это потребность, вытекающая из всего предшествовавшего этапа культуры Но эта потребность присутствует не только на первобытной ступени культуры Она в любой общественной организации проявляет себя как главный стимул движения вперед, и тем больше проявляет, чем больше имеется уже завоеванных позиций в борьбе человека с природой, чем больше точек соприкосновения с природой. Поэтому вообще процесс совершенствования материальной обеспеченности человека должен развиваться в порядке прогрессии. Пока, например, человечество не знало электричества, совершенно невозможно было зарождение огромного числа потребностей, которые могут быть удовлетворены только при помощи электричества.

При таком положении какой воспитательный смысл может иметь ввержение группы ребят в нарочито созданную первобытную обстановку? Если такое ввержение имеет смысл, то почему только в области мебели или одежды? Почему в таком случае не отказать ребятам и в крыше, и в пище, вообще поставить их в позицию первобытного дикаря?

Между прочим, какие-то заграничные выдумщики и это предлагали. Говорилось, что ребенок близок к дикарю, и другие подобные глупости Только слабая логика может заблудиться на таком ровном месте — принудить ребенка переживать потребности, которые были бы естественны только на заре человечества. Искусственно направить мысль ребенка на столы, стулья, побелку, одеяло — это значит рассматривать его как вневременное существо, как категорию историко-культурную, а не социальную.

А этот самый ребенок в это самое время ощущает себя категорией временно́й. Он живет не в первобытную эпоху, а в век электричества, он

не вообще человек, а принадлежит к определенному классу, в задачи которого отнюдь не входит повторять на практике историю культуры; он, наконец, уже знает, что существует техника, электричество, автомобили и машинное производство, знает и стремится ко всему этому. Очевидно, что правильное воспитание и должно исходить из этого стремления, которое в то же время выражает сущность общих наших классовых задач. Эта простая и лаконичная идея не оставляет никакого места для каких бы то ни было педагогических фокусов.

2 Вторая порочная линия проекта «самооборудования» заключается в том, что, рассчитывая организовать деятельность ребят на [основе] потребности, мы на деле организуем не потребности, а конфликт. Для колонистов не будет секретом, что необходимые для них вещи отсутствуют нарочно Вещи эти, эту необходимую степень комфорта они будут видеть вокруг себя, у всех людей Отсутствие их в колонии не будет ничем оправдано, таким образом, в центре их внимания становится не борьба с нуждой, а борьба с этой неоправданностью — несправедливостью

Приведенный небольшой анализ метода «самооборудования» заставляет нас рекомендовать полный отказ от его применения, но это вовсе не значит, что мы целиком стоим на стороне способа чрезмерного оборудования.

Середина должна быть найдена при помощи уже известных нам принципов Правда, опыт коммуны им. Дзержинского, оборудованной до полного совершенства и населенной не случайно собранными ребятами, а членами сложившегося коллектива, был опытом очень удачным. Никакой изнеженности, ничего такого, что напоминало бы барчука, в коммуне не получилось. Интересно, между прочим, что в первое время коммунаров во многих местах, в особенности во многих детских домах, называли барчуками и с разгона называли даже тогда, когда коммуна перешла на самоокупаемость и совершенно освободилась от каких бы то ни было дотаций, и называли именно те, которые продолжали жить на государственный счет [13].

Это доказывает, что полное оборудование не приведет к таким последствиям, которые предсказываются, если приняты какие-то специальные меры

Об этих мерах, собственно, и призвана говорить вся эта книга. Логика здесь такая: если есть возможность как можно удобнее и лучше обставить жизнь детей с самого начала и можно так устроить, чтобы развитие детского рабочего коллектива было все-таки правильным, то нет никаких оснований от этого полного оборудования отказываться Основанием может быть только материальная нужда, недостаток средств для полного оборудования. В таком случае необходимо удовлетворять первоочередные потребности.

Так, например, хороший красный уголок, сделанный художником, стоит дорого, и эти средства лучше истратить на другое, а уголок оборудовать силами ребят. При хорошей организации это вполне доступная для них творческая работа, имеющая много положительных сторон. Точно так же приобретение дорогих гардин и портьер можно отложить до более богатого времени, а украсить со вкусом окна и двери при желании всегда найдется возможность с небольшими затратами.

В частности, и в истории коммуны им. Дзержинского такие ошибки были сделаны. Были и гардины, и уголки, и портреты, но не было ледника, не было оборотного капитала. Это, правда, произошло только потому, что никто всерьез не собирался коммуну делать производственной, просто в то время это было не в моде, не было образцов [14].

Таким образом, вопрос о характере оборудования решается не в принципиальной области, а в материально-практической. Все дело в средствах, которыми располагают организаторы. Но так как мы вообще не представляем, что у организаторов имеется монетный двор, то этим самым естественно возникает вопрос о создании шкалы, в которой бы расположились отдельные области оборудования в порядке их важности и очередности.

Какой принцип может руководить нами при создании такой шкалы? Этот принцип классового заказа. Нам нужно воспитать здоровое поколение, способное сознательно, энергично и успешно участвовать в строении социализма и в защите дела пролетарской революции. Три положения этого принципа: здоровье, умение работать и способность к борьбе, идейная вооруженность,— и должны нами руководить.

Под контролем этих положений складывается наша шкала.

1-е: мы должны дать детям крышу, дом, где было бы много солнца, где были бы хорошие уборные, умывальни, души. Дом, в котором было бы много воздуха и где было бы удобно учиться, и работать, и жить.

2-е: для учебы и работы, для еды и сна все должно быть готово и приспособлено к открытию колонии, «и чем лучше, тем лучше». При этом совершенно достаточно, если потребности в пище и в одежде будут удовлетворены нормально, но потребности учебы и работы должны быть удовлетворены как можно лучше. Можно ограничиться в крайнем случае некрашеными столами и деревянными ложками, но зато купить лишнее пособие для школы и поставить лишний станок в мастерских. Деревянные ложки потом всегда можно будет заменить хорошими металлическими.

Эта подробность не относится к зданию. Здание не так скоро заменишь, и в плохом здании страдают все стороны жизни колонии, поэтому здание должно быть как можно лучше построено с самого начала.

3-е: жизнь ребят должна проходить в обстановке уютной и красивой, но на первое время можно ограничиться более скромными условиями, всегда стремясь к максимальной культуре быта, а украшение колонии отложить до лучших времен.

Таким образом, общая шкала последовательного удовлетворения потребности в оборудовании получается такая:

1. Хорошее здание.
2. Необходимый минимум запасов пищи и одежды.
3. Необходимый минимум обстановки.
4. Хорошие школьные условия, мебель, пособия.
5. Библиотека.
6. Хорошие производственные условия: станки, капитал, материалы.
7. Отсутствие безобразных вещей.
8. Хорошая мебель и оборудование.
9. Украшение колонии — эстетика.

8 5-1140

Я предлагаю организаторам детских учреждений по этой шкале проверить любое дело, и они увидят, что шкала правильная. Если уже имеется хорошее школьное и производственное оборудование по выработанному и проведенному плану, необходимо расширять библиотеку, школьные кабинеты, а тогда можно уже приобретать красивую обстановку. Пока всего этого нет, воздержитесь от дорогой одежды и от украшающих вещей домашнего обихода, а когда есть уже хорошая одежда, можете приступить к украшению помещений и здания колонии.

Разумеется, точно указать все отдельные частности подготовительных приобретений мы не в состоянии. Все же нам кажется, что место первой границы организационного периода должно проходить именно через эту шкалу, которая позволяет приспособиться к разным материальным обстоятельствам.

Можно представить себе такое положение, когда даже для соблюдения первой потребности — в хорошем здании — нет средств. Как тогда быть? Отказаться от колонии? Конечно, отказаться от колонии. Но есть и иной выход — передать средства другой крепкой колонии, построить хорошее здание с учетом расширения учреждения.

Я ожидаю и такого ехидного вопроса: значит, если есть средства только на здание, то нужно его построить и отказаться от хорошего завода или мастерских и, пожалуй, даже отказаться от пищи и обстановки? Какая же в таком случае получится колония? Не лучше ли эти средства употребить на хорошие мастерские, на закупку пищи и одежды?

Я думаю, что не лучше. Какое бы значение мы ни придавали производству и школе, на первом месте должна стоять задача — выпустить здоровое поколение. «Дохлые» производственники и строители нам не нужны, неврастеники только испакостят наше дело. Лучше в таком случае отказаться от затеи или построить хорошее здание и подождать, пока у нас отыщутся средства. Во всяком случае, в этой работе мы хотим говорить о советской детской колонии, о воспитательном коммунистическом очаге.

На Западе как раз имеются такие комбинации: для детей есть работа на хороших фабриках, но они живут в плохих лачугах. Я думаю, что для детства и юношества эта комбинация должна быть признана не советской.

Приведенная шкала последовательности оборудования может быть выполнена и вся целиком, но мы не склонны считать это обязательным. Я, наконец, такого случая и не знаю. В приведенной мною в качестве примера истории коммуны им. Дзержинского как раз не была выполнена вся программа, производство было организовано слабо. Это обстоятельство на четыре года задержало производственное развитие коммуны, но оно не привело ни к каким тяжелым воспитательным последствиям.

Я лично думаю, что в реализации полного списка никакой опасности нет. Опасности на наших путях, пожалуй, меньше всего лежат в оборудовании, если в этом деле не переступать границы здравого смысла.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА «ОРГАНИЗАЦИЯ ВОСПИТАНИЯ ТРУДНОГО ДЕТСТВА»

1. В докладе вопрос будет разбираться исключительно по данным опыта колонии им. Горького. Трудность ребенка будет рассматриваться без всякого отношеиия к биологическим дефектам. В колонии нм. Горького прошло более 700 детей, трудность которых более или менее установлена.

2. Типология трудного детства неудовлетворительна. Последние предложения Залкинда и Бельского при частом их остроумии малопригодны для практической работы.

3. Вообще классификация возможна только после предварительного массового наблюдения и записи. В колонии мы наблюдали более 200 случаев действительно трудных.

4. Бельский сводит этически дефективных к учению Петражицкого. Вернее было бы взять за основание не этическую, а правовую эмоцию, ибо как раз в области правовых отношений проходит как содержание нашей работы, так и наши цели воспитания. Оставляя в стороне эмоции Петражицкого, можно все же обратить особенное внимание на правовую сферу.

5. Под таким углом мы склонны отрицать самое понятие дефективности в среде личности, а остановиться на дефективном отношении между личностью и обществом. Дефективность отношения заключается в отношении отпора борьбы за существование в сторону как повышения, так и понижения тона. В итоге конфликт заключается в нарушении общественной дисциплины.

6. Причины конфликтов всегда лежат в обществе, но причины представляются относящимися к личности, поскольку общество не склонно ревизовать свои требования. Поэтому обычно дефективность выражается в мотивации, принимая под мотивацией общую картину побуждений (картину рефлексов).

7. Дефективные отношения проявляются в трех главных областях:

1. Мотивация присвоения	Непосредственное присвоение. Нужда. Попрошайничество. Посредственное присвоение.
2. Мотивация преобладания	Неорганизованное преобладание. Организованное преобладание.
3. Мотивация обособления	Мотивация первоначального эгоизма. Мотнвация свободы личности. Мотивацня эстетическая.

8. Задача воспитателя — восстановление нормального отношения между личностью и обществом. Возбуждение новой системы мотивации (рефлексов). Специальные условия детской коммуны позволяют (решать) положительные задачи уже не правового, а этического воспитания.

9. Признаки детского общества: нет образца, возможны многие варианты. Все они должны как можно дальше стоять как от нынешней практики воспитания потребителей, так и от предрассудков педагогической литературы.

10. Реальная логика колонии — это логика хозяйства. Труд определяется хозяйством, которое должно отличаться развитием, мощностью, прибыльностью, веселым тоном.

Труд определяется хозяйством — знание, точность, учет, умение, «ухватка», план, отчет, ответственность. Квалификация не имеет существенного значения. Логика материала и инструмента...

12. Логика хозяйства и логика труда вместе дают железную логику коммуны. Она требует быстрого экономного совещания, короткого приказа и короткого исполнения. Но она же требует и организации защиты личности.

13. Дисциплина опирается на волю и интерес коммуны. И отсюда право коммуны карать.

14. Проблема наказания: наказание должно разрешать конфликт. Отдельные формы: восстановление дисциплины, демонстрация силы коммуны, максимум обособления, выбрасывание из коллектива.

15. Наказание имеет в виду коллектив, а не личность. Демонстрация стихии коммунальной силы, создающая не только напряжение, но и покой.

16. Значение романтики. Огромное значение символов и игры. Пафос и гордость.

17. Необходимость здорового и красивого выхода из колонии.

18. Возможны большие достижения при изменении внешних условий: финансовых, материальных, юридических.

ПИСЬМО ЗАВЕДУЮЩЕМУ ГЛАВНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ НКП УССР

Глубокоуважаемый Василий Алексеевич!

Я очень благодарен Вам за внимание, которое Вы оказали мне, приехав в колонию 11 июля. Наша беседа помогла и мне окончательно выяснить то, что от меня требуется и как мне нужно поступить. Независимо от того, какие меры могут быть ко мне применены, я продолжаю быть уверенным в правильности моего варианта детской организации. Я считаю и теперь, что в колонии им. М. Горького настоящий советский соцвос, основными моментами которого являются:

1. Организация первичных коллективов по производственному принципу (отряды, а не школьные группы).

2. Самоуправление, основанное не только на выборности, но и на назначении. К этому приводит наличие серьезно-делового трудового процесса, в котором должны принять участие не только выборные представители интересов детей, но и более опытные колонисты-организаторы.

3. Это сложное выборно-назначенное самоуправление (назначенное не заведующим, а органом самоуправления) должно быть не надстройкой над фактическим управлением взрослых (как в Ахтырке), а действительным руководителем колонии, действующим по двум линиям: по линии действия коллективного органа и по линии действия в качестве уполномоченных этого органа отдельных организаторов-колонистов в первичном коллективе (командир).

4. Воспитание не только трудовых, но и организационных навыков, для чего все работы, не требующие специальной инструментальной квалификации, исполняются временными отрядами с временными командирами, меняющимися как можно чаще (система сводных отрядов).

5. Открытое признание права коллектива, как общего, так и первичного, на принуждение, а как последствие этого — существование института наказаний. Считаю вообще, что осуществление какой бы то ни было дисциплины при настоящем моральном состоянии общества невозможно без наказания.

6. Дисциплина, основанная на принуждении от имени коллектива, в то же время должна быть связана с уважением к воспитаннику и к его работе. Это уважение должно быть проявляемо на каждом шагу и заключаться не только в явлениях личной вежливости, но и в создании специальных форм внутриколлективных отношений (особые формы назначения на работу, отчета и контроля, специальные выражения доверия и полномочия).

7. Я считаю совершенно необходимыми организационные оформления эстетического порядка, подчеркивающие значение общеколлективных движений, то, что по отношению к колонии им. Горького почему-то называется военизацией (салют, знамена, оркестр).

8. В работе самоуправления и всего коллектива мы опираемся на комсомол, как это естественно вытекает из более взрослого среднего возраста. Политическое воспитание (именно воспитание, а не политическое образование) заключается в организации постоянных связей между колонией и окружающим миром. Эту связь можно представить в виде двух путей: связь с политическими организациями и деловая (коммерческо-производственная) связь с производственными, потребительными и распределительными организациями.

9. Воспитание классового чувства я представляю себе исключительно как результат приведенных выше начальных моментов. Жизнь детской коммуны, пропитанная действиями хозяина и рабочего и освещенная экономической связью с производственной жизнью республики, и является единственным путем к воспитанию сознательного члена рабочего общества.

10. Переходная ступень преданности своему коллективу не вредна, если коллектив не обособлен в своем успехе и в своей стройности. Выпяченная гордость «горьковцев» имеет нездоровый вид только потому, что по крепости своей организации колония не имела сколько-нибудь заметных конкурентов между другими колониями. Но уже появление коммуны им. Дзержинского, построенной по тому же плану и живущей с горьковцами в постоянном дружном общении, много внесло интересного и нового в жизнь колонии. За полгода одних общеколлективных визитов было около десяти, кроме того, чисто деловая связь между колониями проявляется почти ежедневно. Наблюдение многих деталей этой связи приводит меня к глубокому убеждению, что все детские колонии могут переживать гордость своей организацией на фоне общего развития. Я на это и рассчитывал в своем проекте «Трудового детского корпуса».

Все перечисленное составляет предмет моей педагогической веры. Я уверен, что в колонии им. Горького осуществлен настоящий советский соцвос. Не имею никаких оснований усомниться хотя бы в одной детали. И поэтому по совести не могу ничего изменить, не рискуя делом.

Все это заставляет меня просить Вас привести в исполнение Ваше решение снять меня с работы. Я понимаю, что в дальнейшем будет поставлен вопрос о снятии меня и в коммуне им. Дзержинского, находящейся в таком же цветущем состоянии, как и колония им. Горького. Все же я предпочитаю скорее остаться без работы, чем отказаться от организационных находок, имеющих, по моему мнению, важное значение для советского воспитания.

НА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УХАБАХ

Добросовестная работа была одним из первых достижений колонии имени Горького, к которому мы пришли гораздо раньше, чем к чисто моральным достижениям.

Нужно признать, что труд сам по себе, не сопровождаемый напряжением, общественной и коллективной заботой, оказался маловлиятельным фактором в деле воспитания новых мотиваций поведения. Небольшой выигрыш получался только в той мере, в какой работа отнимала время и вызывала некоторую полезную усталость. Как постоянное правило при этом наблюдалось, что воспитанники наиболее работоспособные в то же время с большим трудом поддавались моральному влиянию. Хорошая работа сплошь и рядом соединялась с грубостью, с полным неуважением к чужой вещи и к другому человеку, сопровождалась глубоким убеждением, что исполненная работа освобождает от каких бы то ни было нравственных обязательств. Обычно такая трудолюбивость завершалась малым развитием, презрением к учебе и полным отсутствием планов и видов на будущее.

Я обратил внимание на обстоятельство, что, вопреки первым моим впечатлениям, колонисты вовсе не ленивы. Большинство из них не имело никакого отвращения к мускульному усилию, очень часто ребята показывали себя как очень ловкие работники, в труде были веселы и заразительно оживлены. Городские воришки в особенности были удачливы во всех трудовых процессах, которые нам приходилось применять. Самые заядлые ленивцы, действительные лежебоки и обжоры, в то же время совершенно были неспособны ни к какому преступлению, были страшно неповоротливы и неинициативны. Один такой, Галатенко, прошел со мной всю историю колонии, никогда не крал и никого ничем не обидел, но пользы от него было всегда мало. Он был ленив классическим образом, мог заснуть с лопатой в руке, отличался поразительной изобретательностью в придумывании поводов и причин к отказу от работы и даже в моменты больших коллективных подъемов, в часы напряженной авральной работы всегда ухитрялся отойти в сторону и незаметно удрать.

Нейтральность трудового процесса очень удивила наш педагогический коллектив. Мы слишком привыкли поклоняться трудовому принципу, становилась необходимой заботой более тщательная проверка нашего старого убеждения.

Мы заметили, что рассматриваемый уединенно трудовой процесс быстро и легко делается автономным механическим действием, не включенным в общий поток психологической жизни, чем-то подобным ходьбе или

дыханию. Он отражается на психике только травматически, но не конструктивно, и поэтому его участие в образовании новых общественных мотиваций совершенно ничтожно.

Такой закон представлялся нам несомненным, во всяком случае по отношению к неквалифицированному труду, какого тогда очень много было в колонии. В то время самообслуживание было очередной педагогической панацеей.

Ничтожное мотивационное значение работ по самообслуживанию, значительная утомляемость, слабое интеллектуальное содержание работы уже в самые первые месяцы разрушили нашу веру в самообслуживание. По своей бедности, правда, наша колония еще долго его практиковала, но наши педагогические взоры уже не обращались на него с надеждой. Мы тогда решили, что очень бедный комплекс побуждений к простому труду прежде всего определяет его моральную нейтральность.

В поисках более сложных побуждений мы обратились к мастерским. К концу первого года в колонии были кузнечная, столярная, сапожная, колесная и корзиночная мастерские. Все они были плохо оборудованы и представляли собою первоначальные кустарные примитивы.

Работа в мастерских оказалась более деятельным фактором в деле образования новых мотиваций поведения. Самый процесс труда в мастерских более ограничен: он составляется из последовательных моментов развития и, стало быть, имеет свою внутреннюю логику. Ремесленный труд, связанный с более заметной ответственностью, в то же время приводит к более очевидным явлениям ценности. В то же время ремесленный труд дает основания для возникновения группы мотиваций, связанных с будущим колонистов.

Однако средний тип мотивационного эффекта в результате ремесленного обучения оказался очень невзрачным. Мы увидели, что узкая область ремесла дает, правда, нечто, заменяющее антисоциальные привычки наших воспитанников, но дает совершенно не то, что нам нужно. Движение воспитанника направлялось к пункту, всем хорошо известному: довольно несимпатичному типу нашего ремесленника. Его атрибуты: большая самоуверенность в суждениях, соединенная с полным невежеством, очень дурной, бедный язык и короткая мысль, мелкобуржуазные идеальчики кустарной мастерской, мелкая зависть и неприязнь к коллеге, привычка потрафлять заказчику, очень слабое ощущение социальных связей, грубое и глупое отношение к детям и к женщине и, наконец, как завершение, чисто религиозное отношение к ритуалу выпивки и к застольному пустословию.

Зачатки всех этих качеств мы очень рано стали наблюдать у наших сапожников, столяров, кузнецов.

Как только мальчик начинал квалифицироваться, как только он основательно прикреплялся к своему верстаку, он уже делался и в меньшей мере коммунаром.

Интересно, что в очень многих колониях, строивших свой мотивационный баланс на ремесле, я всегда наблюдал один и тот же результат. Именно такие ребята, сапожники в душе, винопийцы, украшенные чубами и цыгарками, выходят из этих колоний и вносят мелкобуржуазные, вздорные и невежественные начала в жизнь нашей рабочей молодежи.

Бедный по своему социальному содержанию, ремесленный труд становился в наших глазах плохой дорогой коммунистического воспитания. В начале второго года выяснилось, что воспитанники, не работавшие в мастерских или работавшие в них временами, а исполняющие общие и сельскохозяйственные работы, в социально-моральном отношении стоят впереди «мастеровых». Нужно небольшое усилие с нашей стороны, чтобы увидеть: улучшение морального состояния отдельных групп воспитанников происходит параллельно развитию хозяйства и внедрению коллектива в управление этим хозяйством.

Однако вот это самое небольшое усилие было сделать не так легко. Слишком широкая многообразная стихия хозяйства чрезвычайно трудно поддается анализу со стороны своего педагогического значения. Сначала в хозяйстве мы склонны были видеть сельское хозяйство и слепо подчинились тому старому положению, которое утверждает, что природа облагораживает.

Это положение было выработано в дворянских гнездах, где природа понималась прежде всего как очень красивое и вылощенное место для прогулок и тургеневских переживаний, писания стихов и размышлений о божьем величии.

Природа, которая должна была облагораживать колониста-горьковца, смотрела на него глазами невспаханной земли, зарослей, которые нужно было выполоть, навоза, который нужно было убрать, потом вывезти в поле, потом разбросать, поломанного воза, лошадиной ноги, которую нужно было вылечить. Какое уж тут облагораживание.

Невольно мы обратили внимание на действительно здоровый хозяйственно-рабочий тон во время таких событий.

Вечером в спальне, после всяких культурных и не очень культурных разговоров, нечаянно вспоминаешь:

— Сегодня в городе с колеса скатилась шина. Что это за история?

Разнообразные силы колонии немедленно начинают чувствовать обязанность отчитываться.

— Я воз осматривал в понедельник и говорив конюхам, чтоб подкатили воз к кузнице,— говорит Калина Иванович, и его трубка корчится в агонии в отставленной возмущенной руке.

Гуд поднимается на цыпочки и через головы других горячится:

— Мы кузнецам сказали еще раньше, в субботу сказали...

Где-то на горизонте виднеется весьма заинтересованная положением вытянутая физиономия Антона Братченко. Задоров старается предотвратить конфликт и весело бросает:

— Да сделаем...

Но его перебивает ищущий правды баритон Буруна.

— Ну, так что же, что сказали, а шинное железо где?

Братченко экстренно мобилизуется и задирает голову — Бурун гораздо выше его:

— А вы кому говорили, что у вас шинное железо вышло?

— Как кому говорили? Что ж, на всю колонию кричать?

Вот именно в этот момент вопрос можно снять с обсуждения, даже обязательно нужно снять. Я говорю Братченко:

— Антон, отчего это сегодня у тебя прическа такая сердитая?

Но Братченко грозит сложенным вдвое кнутом кому-то в пространство и демонстрирует прекрасного наполнения бас:

— Тут не в прическе дело.

Без всякого моего участия завтра и послезавтра в хозяйстве, в кузнице, в подкатном сарае произойдет целая куча разговоров, споров, вытаскивания возов, тыканья в нос старым шинным железом, шутливых укоров и серьезных шуток. Колесо, с шиной или без шины, в своем движении захватит множество вопросов, вплоть до самых общих:

— Вы тут сидите возле горна, как господа какие. Вам принеси, да у вас спроси.

— А что? К вам ходить спрашивать: не нужно ли вам починить чего-нибудь. Мы не цыгане...

— Не цыгане? А кто?

— Кто? Колонисты...

— Колонисты. Вы не знаете, что у вас железа нет. Вам нужно няньку...

— Им не няньку, а барина. Барина с палкой...

— Кузнецам барина не нужно, это у конюхов барин бывает, у кузнецов не бывает барина ..

— У таких, как вы, бывает.

— У каких, как мы?

— А вот не знают, есть ли у них железо. А может, у вас и молота нет, барин не купил?

Все рычаги, колесики, гайки и винты хозяйственной машины, каждый в меру своего значения, требуют точного и ясного поведения, точно определяемого интересами коллектива, его честью и красотой. Кузнецы, конечно, обиделись за «барина», но и конюхам в городе было стыдно за свою колонию, ибо по словам тех же кузнецов:

— Хозяева, тоже. Они себе катят, а шина сзади отдельно катится... А они, хозяева, на ободе фасон держат.

Смотришь на этих милых оборванных колонистов, настолько мало «облагороженных», что так и ждешь от них матерного слова, смотришь и думаешь:

«Нет, вы действительно хозяева: слабые, оборванные, бедные, нищие, но вы настоящие, без барина хозяева. Ничего, поживем, будет у нас шинное железо, и говорить научимся без матерного слова, будет у нас кое-что и большее».

Но как мучительно трудно было ухватить вот этот неуловимый завиток новой человеческой ценности. В особенности нам, педагогам, под бдительным оком педагогических ученых.

В то время нужно было иметь много педагогического мужества, нужно было идти на «кощунство», чтобы решиться на исповедывание такого догмата:

— Общее движение хозяйственной массы, снабженное постоянным зарядом напряжения и работы, если это движение вызывается к жизни сознательным стремлением и пафосом коллектива, обязательно определит самое главное, что нужно колонии: нравственно здоровый фон, на котором более определенный нравственный рисунок выполнить будет уже не трудно.

Оказалось, впрочем, что и это не легко: аппетит приходит с едой, и настоящие затруднения начались у нас тогда, когда схема была найдена, а остались детали.

В то самое время, когда мы мучительно искали истину и когда мы уже видели первые взмахи нового здорового хозяина-колониста, худосочный инспектор из наробраза ослепшими от чтения глазами водил по блокноту и, заикаясь, спрашивал колонистов:

— А вам объясняли, как нужно поступать?

И в ответ на молчание смущенных колонистов что-то радостно черкнул в блокноте. И через неделю прислал нам свое беспристрастное заключение: «Воспитанники работают хорошо и интересуются колонией. К сожалению, администрация колонии, уделяя много внимания хозяйству, педагогической работой мало занимается. Воспитательная работа среди воспитанников не ведется».

Ведь это теперь я могу так спокойно вспоминать худосочного инспектора. А тогда приведенное заключение меня очень смутило. А в самом деле, а вдруг я ударился в ложную сторону? Может быть, действительно нужно заняться «воспитательной» работой, т. е. без конца и устали толковать каждому воспитаннику, «как нужно поступать». Ведь если это делать настойчиво и регулярно, то, может быть, до чего-нибудь и дотолкуешься.

Мое смущение поддерживалось еще и постоянными неудачами и срывами в нашем коллективе.

Я снова приступал к раздумью, к пристальным тончайшим наблюдениям, к анализу.

Жизнь нашей колонии представляла очень сложное переплетение двух стихий: с одной стороны, по мере того как развивалась колония и вырастал коллектив колонистов, родились и росли новые общественно-производственные мотивации, постепенно сквозь старую и привычную для нас физиономию урки и анархиста-беспризорного начинало проглядывать новое лицо будущего хозяина жизни, с другой стороны, мы всегда принимали новых людей, иногда чрезвычайно гнилых, иногда даже безнадежно гнилых. Они важны были для нас не только как новый материал, но и как представители новых влияний, иногда мимолетных, слабых, иногда, напротив, очень мощных и заразительных. Благодаря этому нам часто приходилось переживать явления регресса и рецедива среди «обработанных», казалось, колонистов.

Очень нередко эти пагубные влияния захватывали целую группу колонистов, чаще же бывало, что в линию развития того или другого мальчика — линию правильную и желательную — со стороны новых влияний вносились некоторые поправки. Основная линия продолжала свое развитие в прежнем направлении, но она уже не шла четко и спокойно, а все время колебалась и обращалась в сложную ломаную.

Нужно было иметь много терпения и оптимистической перспективы, чтобы продолжать верить в успех найденной схемы, и не падать духом, и не сворачивать в сторону.

Дело еще и в том, что в новой революционной обстановке мы тем не менее находились под постоянным давлением старых привычных выражений так называемого общественного мнения.

И в наробразе, и в городе, и в самой колонии общие разговоры о коллективе и о коллективном воспитании позволяли в частном случае забывать именно о коллективе. На проступок отдельной личности набрасывались, как на совершенно уединенное и прежде всего индивидуальное явление, встречали этот проступок либо в колорите полной истерики, либо в стиле рождественского мальчика.

Найти деловую, настоящую советскую линию, реальную линию было очень трудно. Новая мотивационная природа нашего коллектива создавалась очень медленно, почти незаметно для глаза, а в это время нас разрывали на две стороны цепкие руки старых и новых предрассудков. С одной стороны, нас порабощал старый педагогический ужас перед детским правонарушением, старая привычка приставать к человеку по каждому пустяковому поводу, привычка индивидуального воспитания. С другой стороны, нас поедом ели проповеди свободного воспитания, полного непротивления и какой-то мистической самодисциплины, в последнем счете представлявшие припадки крайнего индивидуализма, который мы так доверчиво пустили в советский педагогический огород.

Нет, я не мог уступить. Я еще не знал, я только отдаленно предчувствовал, что и дисциплинирование отдельной личности, и полная свобода отдельной личности не наша музыка. Советская педагогика должна иметь совершенно новую логику: от коллектива к личности. Объектом советского воспитания может быть только целый коллектив. Только воспитывая коллектив, мы можем рассчитывать, что найдем такую форму его организации, при которой отдельная личность будет и наиболее дисциплинирована, и наиболее свободна.

Я верил, что ни биология, ни логика, ни этика не могут определить нормы поведения. Нормы определяются в каждый данный момент нашей классовой нуждой и нашей борьбой. Нет более диалектической науки, чем педагогика. И создание нужного типа поведения — это прежде всего вопрос опыта, привычки, длительных упражнений в том, что нам нужно. И гимнастическим залом для таких упражнений должен быть наш советский коллектив, наполненный такими трапециями и параллельными брусьями, которые нам сейчас нужны.

И только. Никакой мистики нет. И нет никакой хитрости. Все ясно, все доступно моему здравому смыслу.

Я начал ловить себя на желании, чтобы все проступки колонистов оставались для меня тайной. В проступке для меня становилось важным не столько его содержание, сколько игнорирование требования коллектива. Проступок, самый плохой, если он никому не известен, в своем дальнейшем влиянии все равно умрет, задавленный новыми общественными привычками и навыками. Но проступок обнаруженный должен был вызвать мое сопротивление, должен был приучать коллектив к сопротивлению, это тоже был мой педагогический хлеб.

Только в последнее время, около 1930 года, я узнал о многих преступлениях горьковцев, которые тогда оставались в глубокой тайне. Я теперь испытываю настоящую благодарность к этим замечательным первым горьковцам за то, что они умели так хорошо заметать следы и сохранить мою веру в человеческую ценность нашего коллектива.

Нет, товарищ инспектор, история наша будет продолжаться в прежнем направлении. Будет продолжаться, может быть, мучительно и коряво, но это только оттого, что у нас нет еще педагогической техники. Остановка только за техникой.

ОЧЕРК О РАБОТЕ ПОЛТАВСКОЙ КОЛОНИИ им. М. ГОРЬКОГО

Тридцатого августа Полтавская трудовая колония им. Горького отпраздновала пятилетие своей работы. В самом юбилее этом нет ничего, разумеется, особенно значащего: в конце восьмого года Советской власти любому учреждению ие мудрено иметь за плечами пять лет. Особенное значение имеет в нашем юбилее то обстоятельство, что мы праздновали не только пятилетие учреждения, но и пятилетие работы основного состава коллектива. С основания колонии в 1920 г. этот основной состав (заведующий и три воспитателя) только дополнялся новыми работниками, которые, в свою очередь, остаются в колонии до настоящего времени. Таким образом, мы имеем сейчас коллектив воспитателей в количестве 12 человек, из которых четверо с 5-летним стажем по колонии, один — с 4-летним, трое с 3-летним, двое с 2-летним и только двое с одногодичным. Следовательно, средний стаж одного члена педколлектива — 3,25 года, цифра огромная для стационарного учреждения с правонарушителями.

Это весьма счастливое обстоятельство определило цельность развития педагогической линии колонии. У нас это очень редко бывает: переменные группы педагогов обычно не успевают продумывать и доводить до конца ясную систему организации. Наш соцвос предоставляет достаточно простора для местного творчества, в результате которого каждое детское учреждение должно найти свой тон, систему и стиль, отражающие особенности местных условий и специальных целей. К сожалению, текучесть педколлективов и, в особенности, их негармонированный состав, случайности соединения отдельных членов почти не оставляют возможности для создания цельной системы в каждом учреждении. Колония им. Горького оказалась исключением. Плоха или хороша наша система, судить не нам, но зато мы имели возможность в течение пяти лет: во-первых, тщательно проверить и пересмотреть детали, во-вторых, приобрести почти механические навыки, позволяющие нам совершать довольно большую работу без особенного вреда для наших нервов. В настоящем очерке я не имею возможности подробно описывать работу колонии. Я могу только бегло коснуться отдельных проблем перевоспитания, поскольку в нашей практике заключались попытки того или иного разрешения их.

1. Краткая история

Колония открыта в 1920 г. Полтавким губнаробразом. Для нее отведено было старое имение колонии малолетних преступников, состоявшее из пяти требовавших ремонта каменных флигелей, расположенных на 12

десятинах сыпучего песка. В январе 1921 г. в распоряжение колонии было передано разрушенное имение Трепке. Небольшие средства, отпущенные для ремонта Полтавским губисполкомом, позволяли уже к концу лета 1921 г. поселить в имении братьев Трепке 6 воспитанников. В течение пяти лет колония производила капитальный ремонт имения и закончила его только благодаря помощи ЦКПД [Центральная комиссия помощи детям]. По мере выполнения ремонта колония постепенно перебрасывала из старого имения в новое своих воспитанников и, наконец, оставила старое имение в ноябре 1924 г. Общий рост числа воспитанников был такой: 1921 г.— 30; 1922—50; 1923—70; 1924—100; 1925—130. С 1922 г. колония состоит на госбюджете как опытное учреждение Наркомпроса УССР.

2. Хозяйство

По мысли педколлектива, хозяйство должно было сделаться основным фоном педагогической работы колонии. Именно поэтому колония добивалась получить имение Трепке, так как при нем есть 40 десятин пахотной земли, луг и небольшой сад. В течение пяти лет колония развивала свое хозяйство, в последние годы взяв курс на животноводство. К юбилею мы имеем 8 лошадей, 5 коров, 7 голов молодняка, 30 овец, 80 свиней английской породы. В 1924 г. колония получила в аренду на два года паровую мельницу Трепке, находящуюся в самой усадьбе колонии, и уже второй год вертит ее без особой прибыли благодаря отсутствию оборотного капитала, тяжелым условиям аренды и другим причинам, заключающимся в самом факте краткосрочной аренды.

Если сравнить хозяйство колонии им. Горького с хозяйством других колоний, например Рокавецкой или Будищанской, оно будет представляться почти жалким. Сколько-нибудь сносного чернозема у нас только 27 десятин, на которых разгуляться негде. В то же время мы можем похвастаться тем, что наше хозяйство развивается без всякой опеки: за пять лет колония ни разу не была предметом чьего-либо исключительного внимания.

Может быть, это обстоятельство было одним из самых полезных в воспитательном отношении. Мы имели возможность не зарыться в хозяйстве, не сделаться его рабами. Проблема хозяйства в детском учреждении весьма важная проблема, которую нельзя пока что считать решенной. Во всяком случае, хозяйство должно рассматриваться нами прежде всего как педагогический фактор. Его успешность, конечно, необходима, но не больше всякого другого явления, полезного в воспитательном отношении. Проще говоря, в хозяйстве должны превалировать педагогические задачи, а не узкохозяйственные. Определить хозяйство как педагогическое условие легко только в короткой формуле. На деле нужно всякую хозяйственную деталь, всякий частный хозяйственный процесс ощущать как явление педагогическое. Это требует огромного внимания и осторожности. Превалирование воспитательных задач ведь может иметь место только с точки зрения педагога-организатора. Воспитанник, да, пожалуй, и рядовой воспитатель, должен всерьез переживать хозяйственную заботу, не отвлекаясь никакими посторонними соображениями. Сумма этих переживаний и составляет тот основной фон, на котором пишется чисто педаго-

гический рисунок. Воспитание и перевоспитание, если они должны направляться параллельно общему движению нашего общества, не могут принять иных форм, кроме формы коллективного хозяйствования, формы полной коммуны. Трудовой процесс, с иашей точки зрения, является процессом педагогически нейтральным... Только труд в условиях коллективного хозяйства для нас ценен, но ценен только потому, что в нем в каждый момент присутствует экономическая забота, а не только трудовое усилие.

Хозяйственная (экономическая) забота, с нашей точки зрения, является элементарным объектом воспитания. Я не имею места и времени, чтобы в этом очерке развить эту мысль, она требует, конечно, солидных аргументов. Но и при общем взгляде ясно: только переживание хозяйственной заботы может дать мощный толчок, с одной стороны, для воспитания нужных нам качеств коллектива, с другой — для логического оправдания норм поведения личности в коллективе. А как раз качество коллектива и нормы поведения личности в коллективе являются местом, где располагаются наши цели.

Вышеприведенные краткне формулы не составлялись педколлективом [колонии] им. Горького предварительно: они выведены из пятилетнего опыта, из многих случаев наблюдения воспитательного эффекта. Как на самый яркий пример, укажу на различие между столярной и сапожной мастерскими. Столярная мастерская так у нас и не успела сделаться строго ремесленной, потому что всегда была завалена требованиями хозяйства; сапожная же давно замкнулась в узком трудовом кругу. И вот все воспитанники столярной мастерской всегда являются признанными руководителями колонийской верхушки, в то время как сапожники почти не поддаются влиянию колонии.

Это один из многих примеров, при помощи которых мы могли бы доказать правильность нашей точки зрения. Сделав хозяйственную заботу отправной точкой в процессе воспитания, мы, в полном согласии с теорией исторического материализма, все формы нашей жизни и организации вывели из хозяйства и хозяйствования. Главные формы, о которых я успею упомянуть,— это хозяйственные требования к воспитателю и воспитаннику, организация хозяйственно-активных отрядов, точная днсциплина, труд, осложненный хозяйственной целью, игнорирование узкоиндивидуальных черт колонистов, хозяйственная позиция по отношению к окружающему миру.

3. Воспитатель

Очень часто педагоги, посещающие колонию, задают мне убийственный вопрос: «Почему ваши воспнтатели несут так много хозяйственных обязанностей, ведь у них не остается времени для воспитательной работы?» На вопрос этот мне отвечать очень трудно, потому что нужно начинать с Адама, но вопрос правильно характеризует работу нашего воспитателя.

Главная задача нашего воспитателя отнюдь не воспитывать. Просто противно здравому смыслу рассчитывать, что десяток интеллигентных людей, случайно собранных в колонии им. Горького, может воспитать 130 правонарушителей. Воспитатели — люди обыкновенные. Если они

переженятся и народят детей, то я ручаюсь, что 50 % их потомства будет плохо воспитано, не говоря уже о том, что в их воспитании не будет требуемого стиля. Честные работники-воспитатели это и сами прекрасно понимают. Воспитывает не сам воспитатель, а среда. Последняя в колонии, благодаря усилиям направляющего педколлектива, организуется наиболее выгодным образом вокруг центрального пункта — процесса хозяйствования, но эти усилия отнюдь не имеют сами по себе воспитательного характера. Воспитатель должен участвовать в хозяйстве наравне с воспитанником, и только в меру его знания, работоспособности и ответственности он может иметь некоторое преобладание в деле организации хозяйственных элементов...

Надзор и нравоучение, нравственный пример, волевое давление могут иметь место постольку, поскольку они оправдываются понятной для всякого хозяйственной логикой.

Разумеется, над хозяйством естественно надстраиваются многие явления жизни, в среде которых воспитатель может иметь некоторое значение, но и оно никоим образом не может характеризоваться только как влияние человека на человека.

Говоря коротко, воспитатель только живой деятель, цель которого служить регулятором внешних по отношению к нему и к воспитаннику хозяйственных и бытовых явлений.

4. Воспитанник

В такой же точно мере мы старались выдержать чистоту логического подхода и к воспитаннику. Принимая его в нашу коммуну, мы прежде всего предъявляем к нему общинно-хозяйственные требования. Педагогическая поза, даже в самой малой степени, не должна, по нашему мнению, быть заметна колонисту. Всякое педагогическое устремление должно быть хорошо спрятано в кабинете организатора. В живом быту коммуны воспитанник не должен чувствовать себя объектом воспитания, он должен ощущать только прикосновения точной логики нашего общего хозяйства и требования здравого смысла, которые предъявляются к нему со стороны нашего быта. Разумеется, сама воспитательная роль учреждения не может быть совершенно скрыта. Иногда в интимных вечерних разговорах колонисты говорят: «В колонии хлопцы страшно изменяются, а отчего — кто его знает...»

Часто и воспитатели, особенно из молодых, ищут объяснения этой быстрой перемене. Найти точное объяснение этому можно только после тщательного анализа всего уклада жизни, но я уверен, что в результате этого анализа мы получим элементы, вряд ли выраженные педагогическими терминами.

Свобода от педагогической нарочистости позволяет всему коллективу развиваться в одной плоскости вместо обычной системы параллельного развития, с одной стороны, детского коллектива, с другой — коллектива педагогов. Это двойное развитие обычно приводило в лучшем случае к обособлению коллективов, а иногда и расхождению их. В то же время эта свобода, как показал нам опыт, определяет свободу в самочувствии воспитанника, позволяет ему более просто и радостно переживать свое

детство Это обстоятельство особенно важно, ибо им обусловливаются часто совершенно неожиданные и интересные эффекты в области тона, дисциплины, работы.

В начале нашей работы мы сознательно и принципиально решили не интересоваться прошлым воспитанника в его присутствии, не расспрашивать его о приключениях и подвигах, но все же считали необходимым изучать «дело», приведшее воспитанника в колонию, составлять предварительную его характеристику. В дальнейшем мы убедились, что «дело» только сбивает нас с толку, устанавливает ненужную и предвзятую позу по отношению к новичку. В настоящее время мы совершенно искренне и без всяких усилий игнорируем «вчерашний день», не интересуемся «делами» и в итоге просто ничего не знаем о прошлом воспитанника. Если спросить любого из воспитателей, за что прислали такого-то или такого-то, он просто удивленно откроет глаза, настолько крепко мы привыкли не интересоваться этим вопросом.

Результаты этого метода огромны и прямо неожиданны для нас самих. Несмотря на то что колония почти еженедельно выпускает «стариков» и принимает новых, в ней совершенно отсутствуют разговоры о прошлом. Не сказавши ни одного слова, молчаливо и просто, воспитатели и воспитанники как бы согласились, что прошлого нет и оно не стоит воспоминаний. К новичку никто не обращается с вопросом «за что» или «почему». Зато с чисто деловым интересом поинтересуются «из какого он города, мать — отец живы?». Зато с чисто деловым интересом постараются проникнуть в тайны физиономии и мускулатуры, прощупать товарища и работника. Если новичок начнет хвастливо рассказывать о своих подвигах, его сурово остановят на третьем слове: «Брось чепуху молоть, здесь это никому не нужно!» Но новичок обычно и не начнет рассказывать. Общий хозяйственный рабочий тон, быстрый бег колонийской машины, общая занятость и общая гордость своей трудовой жизнью не позволят ему даже рта раскрыть. Фигурально выражаясь, ему предложат, без лишних речей, вскочить на какую-нибудь подножку и принять участие в общем движении. Большинство новичков с радостью хватаются за первую попавшуюся рукоятку и через месяц уже чувствуют себя колонистами. Некоторые же не находят в себе сил забыть городские рынки и кинематографы и на другой день по прибытии в колонию убегают.

Колония не только никому не препятствует уходить, а, напротив, сама объявляет: «Кто не хочет работать и быть колонистом — проваливай из колонии».

Это необходимо как естественный разультат хозяйственной организации колонии, но это необходимо и для уменьшения числа побегов. Бегут из тюрьмы, колония же — открытая детская коммуна, без заборов и сторожей. Напротив, колония всегда осаждается просьбами желающих вступить в нее, что еще больше удаляет колонию от тюрьмы.

5. Организация

Воспитатели и воспитанники (сейчас у нас серьезно ставится вопрос об уничтожении этих терминов и замене их другими; отчасти они уже заменяются званием колониста и старшего колониста) составляют одну

коммуну, цель которой достижение большей или меньшей культурной высоты...

Труд, дисциплина, быт, образовательная работа, будущее воспитанника и воспитателя — все это должно располагаться по линии экономического прогресса коммуны с учетом центрального основного фактора — экономического прогресса всей страны. При нынешних условиях выдержать эту формулу в точности, разумеется, невозможно. Общие условия составления штатов, нормы зарплаты и финансирования, различные формы работы персонала, регламентированные союзом, неясное юридическое положение колонии как хозяйства — все это затрудняет развитие колонии в определенном направлении, вынуждает искать обходные пути. Этими причинами обусловливается необходимость сложной организации и чрезвычайно затрудняется хозяйственно-административная работа. Но и без этих причин организационная проблема в вопросе о коллективном воспитании всегда будет оставаться самой важной проблемой. Педагогическая литература до последнего дня почти не уделяет внимания вопросу организации воспитательного коллектива, и потому всем детским учреждениям приходится самостоятельно искать организационные формы. Нужно признаться, мы не можем похвастаться особенным успехом в деле создания организационных форм детского учреждения. В последние годы наша беспомощность сказалась в проведении идеи «самоорганизации». Детский коллектив в этой проповеди представляется совершенно обособленным от воспитателя и в то же время способным в порядке инстинктивного... творчества найти организационные формы своей жизни. Это, конечно, ошибка. Детский коллектив, предоставленный самому себе, еще может в особо счастливом случае найти нечто, чтобы не погибнуть, но ведь нам нужно нечто большее. Нам нужны новые формы жизни детского общества, способные дать положительные искомые величины в области воспитания. Только большое напряжение педагогической мысли, только пристальный и стройный анализ, только изобретение и проверка могут привести нас к этим новым формам. До сих пор только в пионерском движении пришли к более или менее оригинальным и живым формам организации... Колония им. Горького в течение пяти лет напряженно искала нужные ей организационные формы жизни. В этих поисках мы не только полагались на изобретение, мы искали и среди существующих типов детских организаций... Но заимствования из чужой практики вже же не имели большого значения в жизни колонии. Мало в ней было места и для изобретений (если под изобретением понимать наперед составленный готовый план). Дело было так.

В конце 1921 г. колония не имела не только топлива, но и обуви, чтобы заготовить топливо в лесу. Требовалось огромное напряжение, чтобы справиться с холодом. С этой целью из числа всех воспитанников (всего их было в то время 30) было выделено 10 человек. Им была передана вся имеющаяся в колонии обувь и было поручено в течение недели заготовить 1 000 пудов дров. Старшим из этих мальчиков был назначен Калабалин. Дело у этой группы пошло блестяще. Не помню, каким образом, но в колонии привилось для этой группы название «отряд Калабалина».

Возможно, что в этом термине сказалось прошлое некоторых наших

воспитанников. «Отряд» — термин чисто партизанский... Когда отряд Калабалина закончил заготовку дров, захотелось использовать его спайку, дисциплину и обувь для другой работы — для набивки ледника. Так отряд Калабалина и остался уже постоянным явлением на зиму 1921 г. К весне мы не расформировали отряд, а наоборот — остальных 20 воспитанников разбили на 2 отряда. Таким образом, у нас получилось 3 отряда. Старшие отрядов сначала пытались называться атаманами (очевидно происхождение и этого термина), но я настоял, чтобы они назывались командирами. Так образовалась у нас система отрядов. В течение четырех лет она очень развилась и усложнилась и в настоящее время составляет основное явление среди организационных форм колонии.

Отрядов в колонии 15. Каждый из них состоит из командира, помкомандира и 8—12 рядовых членов отряда. Отряд представляет основную и главную единицу коллектива колонии. У него своя спальня, свой стол в столовой, свое платье. Только в очень редких случаях колония обращается к тому или другому воспитаннику. Если, например, нужен курьер в город, хотя бы и для ответственного поручения, то дается требование: «такому-то отряду дать курьера в город для серьезного поручения». Конечно, отряд выберет такого мальчика, которому можно довериться. Если в колонию приезжает гость, он зачисляется на довольствие в тот или иной отряд. Служащие колонии тоже довольствуются по отрядам, которые они выбирают по своему вкусу. Я, например, обедал раньше с...[1] отрядом, а потом меня перетянули в сторожевой отряд. Все командиры отрядов составляют совет командиров...

Совет командиров собирается каждую субботу в половине третьего дня. Но обычно он собирается чаще, как только возникает какой-нибудь важный вопрос. Трубачи играют сигнал «сбор командиров», и через две минуты заседание уже открывается. Председательствует всегда заведующий колонией.

Главные функции совета командиров: распределение работ между отрядами, назначение командиров отрядов, назначение других должностных лиц (кладовщика, огородника, коменданта, завхоза и др.), разрешение отпусков, распределение одежды, организационные вопросы.

Распределение работ совершается на неделю вперед, по требованию завов отдельными частями. Обычно работа поручается целому отряду, но очень часто приходится из остатков отрядов составлять сводные отряды только для работы с временным командиром. Система сводных отрядов позволяет нам пропускать через командные функции значительное число колонистов. Командир постоянного или сводного отряда работает наравне со всеми членами отряда, но сверх того на нем лежит забота об орудиях, семенах, порядке во время работы и ответственность за нее. К вечеру каждого дня командир готовит рапорт о дневной работе отряда, который докладывается общему собранию, а если его нет почему-либо, то заведующему колонией.

Общее управление работой колонии в течение дня принадлежит дежурным по колонии — одному воспитателю и одному воспитаннику. Пара эта постоянная и подбирается по взаимной симпатии. На дежурных лежит весь порядок дня, наблюдение за работой всех отрядов, мастерских, конюшни, свинарни и пр., а сверх того — учет дневного прихода колонии — денеж-

ного, материального и продуктового, а также и расхода. Как правило, у нас постановлено, что ни один документ не действителен без подписи одного из дежурных.

Другие воспитатели либо принимают участие в работе одного из отрядов, либо, в вечерние часы, участвуют в клубной работе. Все они подчиняются дежурным по колонии.

Такова в главных чертах организационная система колонии. По своей подвижности она позволяет легко приспособиться к любому требованию хозяйства в течение 2—3 минут. В то же время, при помощи сводных отрядов, она позволяет наибольшему числу воспитанников проходить через хозяйственно-командные должности. Сводные же отряды дают возможность постоянным отрядам не замыкаться в своих границах. Благодаря совету командиров и дежурству по колонии как исполнительному органу мы имеем возможность связывать все отряды в единый коллектив.

6. Дисциплина

Трудно определить понятие дисциплины в условиях коллективного воспитания и тем более трудно организовать дисциплину так, чтобы не было ненужных трений в работе. В нашем обществе к вопросу о дисциплине весьма двойственное отношение. С одной стороны, дисциплина есть один из девизов нашего общества: дисциплинированный человек представляется всем манной небесной. С другой стороны, эта же самая дисциплина, по мнению очень многих, должна быть результатом какого-то вдохновения, коллективного пафоса и доброй воли. В особенности эта добровольная дисциплина, долженствующая все покорить, пленяет представителей нашего соцвоса. В нашей педагогической литературе и в наших торжественных речах еще до сих пор можно услышать страшно увлекательные слова о самодисциплине. Жажда строгого и точного распоряжения и быстрого действия без уговоров и речей — это жажда всеобщая. Но проблема дисциплины в воспитательном учреждении обычно принимает непозволительно упрощенные формы. Вопрос ставится так: должно быть приказание и исполнение, это и будет дисциплина. Приказать вообще нетрудно, но как добиться исполнения и что делать, если исполнения не будет? Нужно найти ту силу, которая делает исполнение необходимым и которая определяет невыгодные последствия нарушения дисциплины.

Обычно эту определяющую силу приказания ищут там, где ее нет, либо в общественном мнении, во всеобщей воле, либо в воле одного лица. Всеобщая воля не так легко проявляется. Если собрать 120 детей на одно общее собрание, они могут принять любое решение, смотря по тому, кто будет влиять на них. Наши педагоги очень часто производят этот фокус: после горячей убедительной речи воспитателя дети принимают то или иное решение. Присутствует ли здесь общая воля? Конечно, нет. Всеобщая воля есть нечто среднее из разумных стремлений всех членов коллектива, воля же толпы есть только среднее из настроений данного момента. Никакое общество, государство, партия не может опираться на волю толпы; всякая здоровая дисциплина строится исключительно по системе полномочий, передаваемых более широкими организациями более узким. Очевидно, так должна быть построена и дисциплина детского учреждения.

В колонии им. Горького мы пытаемся провести этот принцип. Прежде всего мы затратили много энергии на создание конституции колонии, т. е. ряда твердо установленных положений, которые обязательны для всех воспитанников и воспитателей, для всех учреждений колонии. Во-вторых, мы затратили не меньшую энергию на установление таких форм дисциплины, которые меньше всего допускали бы произвол одного лица. В-третьих, наконец, мы старались достигнуть точного соответствия между приказанием и исполнением. Все эти цели достигаются системой полномочий, передаваемых по такой схеме, которая будет приложена (здесь нет места для этого). Всякое полномочие имеет две хорошие стороны: оно может быть легко ограничено и оно дает уполномоченному лицу право действия. К примеру: отпуска дает заведующий колонией, но право получать отпуск устанавливает совет командиров, а фактическая возможность отпуска устанавливается дежурным по колонии. Поэтому у нас правило: пока отпуск не подписан секретарем совета командиров и дежурным по колонии, заведующий подписать отпуск не может. В данном случае полномочие заведующего ограничено. Но в то же время всякий воспитанник, ушедший из колонии без моего отпуска, может быть мною же наказан, хотя право отпуска было ему вообще предоставлено. Я здесь не имею возможности описать всю нашу систему полномочий более или менее подробно.

Нужно было бы детальнее поговорить о наказании. В колонии нам удалось найти кое-что новое в проблеме наказания. Обыкновенно наказание страдает тем, что, разрешая один конфликт, оно в себе самом содержит новый конфликт, в свою очередь требующий разрешения. Нужно было найти такие формы наказания, которые содержали бы в себе окончательное разрешение конфликта. К сожалению, мы не довели еще до конца своего опыта и поэтому воздерживаемся от выводов, но я должен сказать, что есть все основания полагать, что результаты опыта будут хорошие. По крайней мере в колонии с успехом применяется наша система уже в течение двух лет. В заключение о дисциплине нужно сказать, что она, как и все в колонии, направляется логикой хозяйствования. Поэтому, например, распоряжение воспитателя, если он не дежурный по колонии, не должно исполняться: каждый воспитатель подчиняется командиру отряда, в котором он работает, но всякое распоряжение дежурного по колонии и командира отряда должно быть исполнено беспрекословно и немедленно. Воспитатели, как и воспитанники, одинаково подчиняются дисциплине.

Заключение

Я коснулся главных сторон работы колонии в самых кратких чертах. К этому можно много еще прибавить. Трудовые и образовательные процессы, внутренние и внешние затруднения жизни колонии — все это может составить темы для большой работы. Я не считал нужным касаться их в этом очерке, так как принципиально здесь колония не занимает особой позиции.

Удачна ли работа в колонии?

Об окончательных результатах говорить сейчас трудно. Мы еще не наблюдали наших выпускников в жизни в достаточном числе случаев. Но те немногие десятки юношей, которые вышли в жизнь из колонии, пока

что не огорчают нас. В самой же колонии мы имеем все основания особенно духом не падать: все же наши правонарушители, присланные в колонию принудительно, очень часто действительно трудные дети, живут в колонии весело и дружно, гордятся тем, что они колонисты, прекрасно работают и активно и сознательно стремятся к лучшему будущему.

ПРЕКРАСНЫЙ ПАМЯТНИК

Детская трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского в Харькове не только хорошее учреждение, несущее на своем знамени это имя. Во всей деятельности, в каждом дне своей жизни, в сложном кружеве детского коллектива она отражает и оживляет образ Феликса Эдмундовича. Коммуна — живая композиция живых движений прекрасных новых людей. Именно поэтому коммуна прежде всего производит впечатление большой художественной силы, ее жизнь вылеплена с такой же экспрессией таланта, какую мы обычно встречаем и находим в произведениях искусства. И поэтому, говоря о коммуне, нельзя не говорить об ее авторах, о тех людях, которые изваяли этот замечательный памятник. Достаточно только один раз побывать в коммуне, только прикоснуться к жизни дзержинцев, чтобы сразу увидеть, сколько глубокой мысли, сколько внимания, любви и вкуса заложено в каждом кирпиче ее здания, в каждом луче пронизывающего ее солнца, в каждой линии цветника и в особенности в жизни тридцати коммунарских отрядов, в их быте, традициях, законах, в высоком человеческом стиле этого коллектива.

Как прекрасна была жизнь Феликса Эдмундовича, так же прекрасна история коммунаров: в течение всех девяти лет коммуна не знала провалов, не знала разложения или упадка энергии, ни одного дня в ее истории не было такого, когда бы имя Ф. Э. Дзержинского звучало укором. И это случилось вовсе не потому, что в коммуну приходили какие-либо особые дети, здоровые и радостные. В коммуну приходили именно те, о которых Ф. Э. Дзержинский сказал:

«Сколько их искалечено борьбой и нуждой!»

Великая и простая любовь Ф. Э. Дзержинского к детям выражена была им однажды в таком коротком и таком выразительном слове[1]:

«Когда смотришь на детей, так не можешь не думать — всё для них. Плоды революции не нам, а им».

Не призрение, не высокомерную подачку, не ханжеское умиление перед человеческим несчастьем подарили чекисты этим искалеченным детям. Они дали им то, о чем с таким человеческим чувством говорил Феликс Эдмундович,— все дали самое дорогое в нашей стране: плоды революции, плоды своей борьбы и своих страданий. А среди этих плодов не паркет, не цветы, не чудесные солнечные комнаты главное. Главное — новое отношение к человеку, новая позиция человека в коллективе, новая о нем забота и новое внимание. И только поэтому искалеченные дети, пришедшие в коммуну, переставали нести на себе проклятие людей «третьего сорта». Они становились дзержинцами. Об этом хорошо знают коммунары, потому что и самый путь коммунара в коммуне обозначается знаменательным чертежом движения: вот ты пришел в коммуну — ты только воспитанник; ты уже пошел вперед — ты получаешь звание ком-

мунара, наконец, ты ведешь других, ты борешься впереди, ты хорошо знаешь, за что борешься,— ты получаешь звание коммунара-дзержинца. Этот путь не такой уж легкий, ибо на легком пути создаются и легкие люди, а коммунары-дзержинцы справедливо утверждают:

«Человека нужно не лепить, а ковать».

Этот путь не легкий, но всегда неизменно радостный, бодрый путь победителя. Коммуна железного Феликса умеет воспитывать в своих прекрасных дворцах, окруженных цветами, не только улыбку друга, не только хорошее, теплое товарищеское слово, но и суровое слово большевика, железное требование и непоколебимую принципиальность. В ее жизни как в зеркале отражается личность Ф. Э. Дзержинского, личность великого гуманиста, скромного и доброго человека, и в то же время сурового борца, чекиста. И поэтому таким уверенным и таким большевистским всегда был и будет путь коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, и поэтому с тем большим успехом она выполняет одну из основных своих задач — помощь детям.

К сожалению, в нашем обществе мало знают о жизни коммуны и мало людей наблюдали те чудесные операции, которые с таким блеском и с таким спокойствием умеют совершать коммунары. Постановление партии и правительства от 1 июня 1935 г. о полной ликвидации беспризорности застало коммуну в составе 500 коммунаров. В течение нескольких месяцев к ним пришли новые пятьсот, пришли с улицы, из зала суда, из неудачных, деморализованных семей. И в настоящее время только очень опытный глаз способен отличить, где старые испытанные дзержинцы, а где новые, только что налаженные воспитанники. В коммуне давно не существует института воспитателей, и, принимая новых пятьсот, ни один коммунар не предложил в панике: давайте все-таки пригласим воспитателей.

Проделывая эту совершенно невероятной трудности операцию, коммунары не просили помощи, но, и закончив ее, они не возгордились, не кричали о своих успехах, они, кажется, даже и не заметили успеха, потому что у них много забот и много новых дел и новых стремлений. Среди этих стремлений лицо коммунара-хозяина особенно прелестно.

Ф. Э. Дзержинский оставил коммунарам и второй большевистский завет — строительство. И поэтому, выковывая для советского общества сотни новых большевиков, коммунары делают это как будто между делом, а дело у них серьезное, одно из славных дел нашего времени. Кто теперь не знает ФЭД — советской «Лейки»? Кто не мечтает иметь в своих руках эту прекрасную вещь, и ФЭД, пожалуй, даже более известен, чем коммуна Ф. Э. Дзержинского. История ФЭД — сама по себе чудеснейшая история, это история борьбы, страстного стремления к победе и страстного неутомимого терпения. Эта машинка оказалась гораздо более трудной, чем казалось вначале, а дзержинцам пришлось освоить ее без заграничной помощи.

Выполняя многомиллионные промфинпланы, с гневом вгрызаясь в каждое производственное препятствие, с огромным чувством и размахом подхватив стахановское движение, они способны были всегда поставить «Тартюфа» на своей сцене, не пропустить ни одной премьеры в харьковских театрах, танцевать, петь, сотнями считать значки ГТО и требовать от

каждого коммунара, чтобы он был ворошиловским стрелком. И уже совсем как будто нечаянно из последнего класса коммунарской десятилетки ежегодно выходят десятки культурных, образованных людей, а через год приезжают в коммуну в гости и рассказывают простыми словами о своем новом пути: инженера, врача, педагога, летчика, радиста, актера. И пожалуй, никто из них не думает о том, что в своей жизни они выражают лучшие стремления нашего советского стиля, они находят те пути, за которые боролся Ф. Э. Дзержинский.

г. Киев

ОПЕРАЦИОННЫЙ ПЛАН ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ им. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

В основу настоящего плана положен опыт колонии им. Горького в Полтаве, а потом в Харькове с 1920 по 1928 год. Опыт этот протекал в исключительно неблагоприятных условиях, как в материальном отношении, так и в характере детского состава (правонарушители). Трудкоммуна им. Дзержинского по своим условиям значительно отличается от горьковской колонии и в деталях необходимы отступления от горьковской системы, но в основе наш педагогический совет стоит на базе этой системы.

Полезность этой системы и правильность наших взглядов для нас доказана внутренним благополучием горьковского коллектива и удачными пересадками нашего опыта в Будах, Дергачах и в Нежине.

Поскольку же трудкоммуна им. Дзержинского представляет исключительно благоприятные условия для работы с детьми, мы рассчитываем при помощи научных сил Наркомпроса проверить нашу практическую педагогику в отдельных ее моментах, в тех местах, где у нас еще нет уверенности в том, что решение найдено, где есть проблема не нашей только системы, а вообще системы соцвоса.

I. Цель воспитания

В нашем соцвосе, по примеру других педагогических школ, раньше декларировалась цель воспитания. Говорилось, что цель — воспитать гармоническую личность или человека-коммуниста. Для нас, практических работников, эти цели не могли иметь какое-нибудь значение, вследствие того, что они были слишком общо выражены и не давали никаких оснований для практической работы. Кроме того, мы полагаем, что вообще установка вечных идеалов воспитания невозможна. Для каждой эпохи и даже для каждого поколения цель воспитания должна быть установлена диалектически. Подлежит также сомнению, что право устанавливать эту цель принадлежит нам, педагогам. Почему, например, мы задаемся целью воспитать гармоническую личность, если обществу в данное время нужны люди менее гармоничные.

Мы поэтому считаем, что цель воспитания нужно не устанавливать умозрительно, а находить в требованиях общества в данное время.

Обращаясь к нашей непосредственной задаче, мы видим: общество отдает нам для воспитания не всех своих детей, а беспризорных, более или менее социально запущенных. Нашей ближайшей целью является возвратить им качества социально совместимого человека. Положительные стороны задачи, одинаковые и для беспризорных и для семейных детей, мы видим и слышим на каждом шагу вокруг себя в обществе, в печати, в речах, в литературе. Одна дискуссия о новом быте достаточна для того, чтобы знать, чего хочет от нас общество.

Исходя из характера указанных двух сторон нашей задачи, мы можем составить список качеств и навыков, которые в данное время желательно воспитать в нашем юноше или девушке. Это:

1. Ощущение своей принадлежности к коллективу, зависимости своего блага от блага коллектива. На высших ступенях это ощущение переходит в классовое чувство.

2. Уважение к установлениям коллектива (класса), к его богатству, к его законам. Верхняя ступень этого уважения есть понятие о чести, вытекающее из чести, т. е. ценности коллектива.

3. Способность подчиниться коллективной дисциплине, т. е. ограничить себя в любой момент, когда этого потребует коллектив или его уполномоченный. Эта способность должна перейти в постоянное свойство сдержанности, такта, уступчивости.

4. Уверенная готовность вместе со всем коллективом естественно просто стать на его защиту и в каждый момент быть готовым к активной борьбе. Это идея долга.

5. Ощущение своего равенства и взаимной зависимости по отношению к другим членам коллектива и вытекающей отсюда расположенности к ним, уважению, вежливости, доверию.

6. Работоспособность, т. е. стремление быть полезным членом коллектива.

7. Хозяйственность, т. е. способность организовать работу свою и чужую, руководить ею и оценивать ее результаты.

8. Здоровье, т. е. нормальный комплекс физических, физиологических, нервных качеств и проявлений, опрятность, жизнерадостность, половая упорядоченность.

9. Грамотность, т. е. вполне достаточная сумма формальных знаний и навыков в языке, графике, математике, естествоведении и истории.

10. Ясное и уверенное представление о положении своего коллектива (класса, государства) среди других коллективов, дружеских и враждебных — политическое воспитание.

Примечание 1. Степень достижения в каждом из указанных разделов может быть как угодно высока, в зависимости от индивидуальных талантов и наклонностей, но ни в каком случае нельзя воспитывать одно какое-либо качество, например, литературный или художественный талант, совершенно забывая об остальных задачах или закрывая глаза на недостаточную их проработку. Даже больше: совершенно преступно воспитывать этот талант, одновременно допуская наличие антиобщественных навыков или враждебных классовых настроений. В таком случае скорее

нужно решиться задавить талант, но обязательно воспитать классово приемлемого гражданина, если нет других выходов. Я особенно останавливаюсь на этом вопросе, потому что так обычно заблуждается наша соцвосовская практика.

Примечание 2. Я особенно подчеркиваю значение таких терминов, как ощущение, чувство, способность. Я хочу этим сказать, что нужно не приучить выражать или высказывать свое отношение к коллективу или классу, а именно нужно воспитать почти инстинктивное устремление к нему, поскольку оно выражается в ощущении или чувствах. Я говорю это потому, что слишком часто наблюдал полный провал пионерской работы, иногда комсомольской, когда яркие внешние выражения уживались с весьма несимпатичными и антиобщественными инстинктами и навыками.

II. Единство коллектива

Переходя к методу, прежде всего говорю о единстве коллектива. Нет ни одной педагогической книжки или статьи, где бы этому существеннейшему вопросу придавалось достаточное значение. Напротив, многие теоретические положения содержат в себе тенденции, противоречащие этому единству, например, детский коллектив рассматривается как нечто отдельно стоящее, как некоторый материал для воспитания. Тогда также нигде не говорится о педагогическом коллективе, воспитатель рассматривается как индивидуальный деятель и педагогический коллектив рассматривается как простая сумма этих деятелей. В результате наша практика представляет обыкновенно безотрадную картину двух лагерей, в лучшем случае, находящихся в состоянии мира, но никогда не слияния, не дружбы, не единства. В отдельно стоящем детском коллективе организуется самоуправление, которое обращается в пустую игру и бузотерство, могущую умилить корреспондента газеты, но не имеющую абсолютно никакого значения для воспитания. Педагогический персонал ограничивается школьной работой и приносит в этом кое-какую пользу, но никаких, разумеется, воспитывающих процессов, никакой реорганизации личности здесь наблюдать не приходится.

Все это в лучшем случае. Обыкновенно же разрыв между детским коллективом и педагогами принимает характер постоянного недоверия, подозрительности с одной стороны, шпионства и надзирательства — с другой. Результаты как мирного, так и немирного разрыва можно наблюдать на каждом шагу. Беспризорные, лишенные семьи, и в детском доме растут почти вне общества взрослых. Их отрыв от старшего поколения сказывается в образовании многих черт характера, имеющих явно нездоровый вид: это бедность языка, долго сохраняющийся детский способ мышления, самонадеянность, подозрительность. У более развитых это переходит в сознательное противопоставление себя старшему поколению, обычно связанное с моральным анархизмом.

Еще больше зла приносит нарушение коллективного единства в другом отношении. Весь городок или колония разделяются на отдельные спальни или комнаты. Каждая спальня вмещает в себя отдельную школьную группу, к каждой прикреплен отдельный штат воспитателей, каждая себя коммунально обслуживает, имеет свою столовую, свой клуб.

Таким образом, воспитывается социальное обособление, «соседский» коллективизм, мелкое мещанское кружковое объединение. Гибельность этого, впрочем, не в том, что достигается, а в том, что теряется. Упрощенная система комнатных коллективов просто бедна содержанием социальных моментов. Она не приучает к сложной машине общества, со сложной цепью взаимных, не только личных, но и коллективных зависимостей (зависимость между отдельными коллективами), к сложной системе разделения труда, к идее организованного трудового государства.

Избегая этого, наша система вводит:

а) равноправие воспитателей и воспитанников;
б) обязательное участие тех и других во всех функциях коммуны;
в) возможность подчинения воспитателей воспитанникам;
г) отказ педсовета от права законодательства;
д) неразделенность педколлектива по комнатам или по функциям;
е) игнорирование часового распределения труда воспитателей;
ж) единый детский коллектив;
з) самообслуживание коммунальными отрядами;
и) система переменных сводных отрядов;
к) обязательное приветствие;
л) символ единства — знамя;
м) воспитание переживания общеколлективной чести.

III. Диктатура коллектива

В наш соцвос с самого начала привнесены были идеи свободного воспитания, идеи о правах ребенка, о непогрешимости ребенка. Хотя формально у нас и отказались от этой шумихи, в нашем обществе, в особенности в интеллигентной его части, продолжают жить старые педагогические фетиши. У нас готовы признать за благо дисциплину, но решительно не способны без отвращения наблюдать какое угодно дисциплинирование, которое, если и допускается, то обязательно с тем условием, чтобы оно протекало приятно, без конфликтов и насилия.

Хотя главные факторы воспитания мы видим в постоянном функционировании производственного коллектива, все же для детей, выпадающих из него, для нарушающих его законы, мы признаем совершенно необходимым принуждение.

Мы при этом считаем: для того, чтобы это принуждение приходилось применять как можно реже, чтобы оно не было усмотрением, а законом, оно должно быть абсолютным, т. е. применяться с железной необходимостью, как только есть нарушение, без пропусков, без уговаривания, без послабления.

Совершенно безнадежно думать, что это принуждение возможно без конфликтов, без насилия и без неприятностей. Общественное желание, чтобы в детском доме все решительно и всегда напоминало счастливую Аркадию[1], тем более невозможно, что мы имеем детей более или менее запущенных.

В то же время, поскольку мы имеем свободный, живой, реально самоуправляющий коллектив, поскольку у нас не придавлена личность, постольку у нас больше возможностей проявиться и отрицательным сторонам личности.

Поэтому принуждение может иногда принять форму насилия, если без него обойтись невозможно.

Всякое принуждение при этом должно совершаться только уполномоченным для этого лицом или органом и при обязательном одобрении коллектива, и обязательно от его имени.

Опыт показывает: чем прямее, откровеннее и увереннее проводится принуждение, тем реже его приходится применять. В таком случае представление о силе коллектива делается привычным и положительным переживанием.

Кто должен быть уполномочен на принуждение? Это очень трудный, но все же технический вопрос. Правильная и точная политика принуждения должна находиться в руках опытного, знающего и тактичного человека. Это нельзя доверить нескольким людям и следовательно ясно, что только заведующий может быть уполномочен на это. Но именно уполномочен, т. е. настолько пользоваться доверием, чтобы об этом не могло быть двух мнений. Я не возражал бы даже против выборности зав. детским составом.

Внешним выражением принуждения является наказание.

Проблема наказания чрезвычайно трудна, и здесь предстоит еще много поисков. Во всяком случае, во всяком наказании должна быть логика, соответствующая логике поступка. Но в некоторых случаях наиболее уместным является формальное наказание, например, домашний арест. Можно даже допустить и точный кодекс, во всяком случае, такой опыт произвести не мешало бы.

Возражая решительно против физического наказания, мы все же считаем, что в некоторых случаях применение физической силы бывает необходимо, главным образом с целью задержки, остановки.

Говоря о наказании, мы все же должны помнить, что нашей целью, как и целью всего общества является такая организация влияния, когда наказание станет излишним. В настоящий момент до этого еще очень далеко, но наше воспитательное учреждение все же стоит впереди общества.

IV. Первичный коллектив

Вопрос о первичном коллективе тем более важен, чем острее мы ставим вопрос о единстве коллектива. Это единство отнюдь не предполагает аморфности коллектива. Последний должен быть организован, т. е. обладать живыми органами движения и действия. Идея социального воспитания требует, чтобы детский коллектив был построен по законам данного общества. Обращаясь к обществу советскому, мы видим, что оно разделяется на множество первичных коллективов, причем сеть этих первичных коллективов очень сложна: отдельный член общества состоит членом нескольких первичных коллективов (рабочего, партийного, кооперативного, жилищного), но основным коллективом всегда является рабочий.

По этому образцу мы строим систему наших первичных коллективов. Каждый воспитанник должен состоять членом нескольких групп (рабочей, школьной, клубной, партийной) [2]. Наше отличие от обычных систем соцвоса заключается в том, что основным первичным коллективом мы считаем производственный отряд, а не спальню и школьную группу. Этот

момент мы считаем чрезвычайно важным, ибо он определяет основной характер нашего воспитания. Превалирование спальни, как уже было указано, дает очень бледный эффект узкого соседского компанирования личности, превалирование же школьной группы ведет к воспитанию интеллигентских тенденций в развитии, что в нашем обществе представляется прямо гибельным. Обычно у детей в таком случае образуется пренебрежение к производственному труду, развивается чисто индивидуальный комплекс устремлений, иногда чересчур повышенное мнение о своих способностях, дилетантское суждение о вещах. В обществе буржуазном чисто школьное воспитание не шло в разрез с тенденциями общества, поскольку оно, во-первых, гармонировало с интеллигентским бытом семьи, во-вторых, вообще соответствовало задачам командующего класса. Наши рабочие дети, особенно беспризорные, получают совершенно ложную зарядку, которая потом спутывает возможность правильной ориентировки в жизни. Лучшим примером гибельности такой установки является история дома им. ВУЦВКа, разложившегося, несмотря на прекрасные материальные условия.

Производственный отряд у нас является хозяином своей мастерской. Для работ по самообслуживанию, а летом по сельскому хозяйству, производственные отряды выделяют из себя временные (сводные) отряды. В трудкоммуне им. Дзержинского на такую работу зимой расходуется 25 % рабочей силы, летом же больше. Благодаря этому наши производственные отряды приобретают характер профессиональных союзов, а с другой стороны отряды не замыкаются в своем обособлении. Из прилагаемой конституции трудкоммуны видна техника функционирования основных и сводных отрядов. Между прочим, мы и нашим школьным группам придаем характер сводных рабочих отрядов.

V. Самоуправление

Как и положено по соцвосу у нас имеется выборное детское самоуправление. Моменту выборности, впрочем, мы придаем меньшее значение, нежели функционированию. Мы считаем, что каждый воспитанник должен пройти не только через рабочее усилие, но и через усилие организатора и хозяина. Мы решительно стоим против замыкания органа самоуправления в самом себе, его отрыва от массы, как это обычно наблюдается в наших детских учреждениях. Детские исполкомы, избираемые всем детколлективом, обыкновенно представляют чисто бюрократические верхушки в детском коллективе. Рабочие функции этой верхушки особенны. Даже в быте она отделяется от массы. Самый же главный недостаток такого самоуправления состоит в том, что оно заключает в себе очень небольшую часть детей, обычно не более 5 %, действительным же активом является только президиум из нескольких человек.

Система небольших производственных отрядов, усложненная системой недельных рабочих отрядов, школьных сводных отрядов, отдельных индивидуальных задач, позволяет нам достигать следующих выгод:

а) выборные командиры производственных отрядов, составляя орган самоуправления (совет командиров) и работая в этом органе, как члены правительства, каждый в своем отряде является уже организатором быта

и работы, принимающим также одинаковое со всеми участие в работе и несущим ответственность от имени отряда;

б) все решения совета командиров немедленно делаются известными в отрядах и каждый командир таким образом является живой связью между СК и массой. А так как у нас давно есть обычай, по которому в СК права предоставлены не лицу, а представителю отряда, очень часто в нем бывают в качестве таких представителей рядовые члены отряда. В совете командиров поэтому никогда не считаются голоса лиц, а всегда голоса отрядов;

в) в педагогических и некоторых общественных кругах сложилось такое впечатление, что наша система покоится на некотором янычарстве[3]: заведующий, а вокруг него кучка командиров, насилующих детский коллектив. Такое впечатление (могло) сложиться только благодаря простому незнанию нашей жизни.

Мы не отрицаем того, что наши командиры (в сводных отрядах) иногда дерутся. Но это бывает чрезвычайно редко, в среднем один случай в месяц, и по характеру не выходит за пределы обычной детской драчливости. Грешат этим как раз малыши.

Насколько вообще никакое янычарство у нас не может иметь места, видно из следующих стажных списков нескольких производственных отрядов колонии им. Горького.

Вот 21 отряд колонии (обычный полевой отряд).

Фамилия	Время поступления	Сколько раз командовал основным отрядом	Сколько раз был помощником командира	Сколько раз командовал учебным сводным отрядом	Сколько раз командовал рабочим сводным отрядом
Новицкий	1926 V	1	1	—	7
Фесенко	1926 V	1	1	—	8
Вовченко	1926. V	3	1	—	119
Братухин	1926. XI	—	1	—	8
Калинин	1926. V	1	1	1	4
Сахаров	1927. XII	—	—	—	—
Лаврищук	1927. X	—	—	—	—
Чумаченко	1927. X	—	—	—	1
Петухов	1927. XII	—	—	—	—
Марченко	1929. X	1	1	—	16

9 (ремесленный) отряд

Фамилия	Время поступления	Сколько раз командовал основным отрядом	Сколько раз был помощником командира	Сколько раз командовал учебным сводным отрядом	Сколько раз командовал рабочим сводным отрядом
Зелеидинов	1926. II	4	2	2	12
Агеев	1925. IV	5	14	3	34
Стебловский	1921. V	2	2	2	96
Перцовский	1923. IX	7	2	5	121
Кабачный	1924. V	1	7	3	30
Турганинов	1926. V	—	3	—	9
Викторов	1926. V	3	1	—	19
Криницкий	1926. V	3	4	1	32
Халин	1926. V	3	2	—	49
Литвинов	1926. IX	1	3	—	10

Из этих стажных списков видно, что только воспитанники, прибывшие в конце 1927 года, не командовали отрядами или сводными отрядами, а пробывшие в колонии больше года все без исключения участвовали в организаторской работе. В этих стажных списках не учитываются помощники командиров учебных и рабочих сводных отрядов, назначаемые до последнего времени самими командирами.

В трудкоммуне им. Ф. Э. Дзержинского за месяц работы, согласно анкете, произведенной 3.02.28 г., побывали на командирской функции 34 воспитанника из 89.

Пропитывание нашего детского коллектива функциями организатора в действительности еще больше благодаря многим частностям основной традиции, по которой нашим отправным моментом является отряд, а не командир. Эти частности можно видеть из конституции.

Таким образом мы достигаем того, что у нас нет игры в самоуправление, а действительное самоуправление. В согласии с этим и другими принципами, мы совершенно не допускаем никаких конституционных изменений от имени педагогического совета. Педагогам нашим предоставляется только один путь творчества — влияние в совете командиров и на общих собраниях.

VI. Интерес или долг

Мы считаем, что воспитание эмоции долга является нашей наиглавнейшей целью. Когда я выступил в истекшем году на московском съезде[4] и сказал об этом, наши педагоги удивленно открыли глаза. То, что дети из детских домов выходят убежденными потребителями, не только практическая случайность. Наша педагогическая литература достаточно погрешила по этому пункту. Не только эмоция долга, но и необходимейшая правовая эмоция почти не пользовались вниманием педагогики. Между тем, как раз в советском государстве, основанном на гораздо большем вмешательстве государства в мир отдельных интересов, наше воспитание должно было бы опереться на науку о праве. Это еще тем более необходимо, что мы отказались от таких стимулов поступка, как боязнь греха, вера в бога, «любовь к ближнему» и т. д.

И как раз, как-будто в порядке какой-то иронии, в нашей педагогике особенно надеются на значение интереса. Решительно все должно подноситься нашим ребятам в занимательном виде, в образе какого-то вкусного пирога, все должно его заинтересовать, все должно пройти через его психику по специально облегченным путям, без усилия и напряжения с его стороны, без неприятностей.

Не нужно много говорить о гибельности такой воспитательной политики. Жизнь как раз наполнена усилиями и напряжением, она требует от человека регулярной скучной работы, и нужно приготовить наших детей к жизни так, чтобы они могли делать эту работу без страдания и без подавления своей личности.

А это возможно только в том случае, если ценность работы оправдана ясными представлениями о ее значимости для коллектива и, следовательно, для всех членов коллектива. Это и есть переживание долга.

Только воспитывая эмоцию долга, приучая ребят идти не за своим

интересом, не за занимательностью данной минуты, а за идеей создания коллективной ценности, явно полезной и для него, мы воспитываем крепких, волевых людей, способных перенести лишение с бодрым самочувствием, способных не только рвать, но и тянуть, не только ударять, но и терпеливо надавливать. И у нас не выйдут те жалкие, ноющие, жадненькие потребители, всегда чего-либо хотящие и просящие, всегда недовольные и своей работой и своей жизнью, которыми наполнены сейчас дома подростков.

VII. Общий тон

Как бы ни прекрасны были наши воспитательные идеалы, как бы ни полезны были для общества наши будущие педагогические достижения, мы, конечно, не должны забывать, что детство это не только подготовительный период жизни, а это часть жизни, и может даже лучшая часть. Не нарушая интересов воспитания (интересов общества), мы не можем нарушать интересы детства. Дать детство здоровое, жизнерадостное, бодрое — это продолжает оставаться нашей обязанностью. И если это можно сделать в бедности в колонии им. Горького, это тем более возможно в трудкоммуне им. Ф. Э. Дзержинского.

Но это вовсе не значит доставлять детям развлечение и удовольствие и этим ограничиться. Это, конечно, внесло бы в жизнь детей некоторую долю радости, но это было бы чисто механической добавкой к чему-то такому, что этой радости не содержит.

Нужно внести в детскую жизнь струю бодрости и удовлетворения так, чтобы она проникла во все органы коллектива, чтобы она была органически связана со всем укладом его жизни. Нужно создать то, что мы называем общим тоном.

Общий тон зависит от множества самых разнообразных явлений, учесть которые можно только в серьезной монографии. В последнем счете общий тон есть производное всех остальных элементов. Но он возбуждается и специальными приемами. Сюда относится и покрой одежды, и манера говорить со стороны педперсонала, и правила вежливости, и отношение посторонних. Особенно же он организуется такой формой быта, которая идет навстречу постоянному стремлению детей к игре. Дети склонны играть не только тогда, когда у них в руках мяч, а в каждый момент.

Пользуясь этим, мы вокруг игры строим наш быт. Несколько военный характер, который мы придаем этой игре, вполне соответствует той любви к военной внешности, какая всегда есть у ребят. Кроме того, пользуясь этой военной игрой, мы и физически подтягиваем ребят, приучаем их к физической сдержанности. Особенное значение имеет и то, что это позволяет нам выпрямлять позвоночник, положение которого серьезно нарушается как в школе, так и в мастерских.

VIII. Заключение

Чего мы можем достигнуть благодаря нашей системе? Ни в каком случае нельзя утверждать, что мы способны создавать тот тип человека, который нам нужен. Для этого нужно, чтобы под нашим влиянием дети

находились не с 14 лет, а с 3-х. Раннее детство с 3—7 лет, как раз то время, когда определяются основные элементы личности, не находится у нас в руках. Это первое. Второе: от нас дети уходят все же довольно рано, уходят в среду, которая также вне нашего влияния. Таким образом, в наших стенах дети проводят только небольшую часть своего детства — 3—4 года. За это время мы должны настолько реорганизовать личность, чтобы она была вполне пригодна для жизни в нашем обществе по тем десяти линиям, которые были перечислены вначале. Тем более наша ответственность и тем более непростительно, если мы принесем детство в жертву педагогическим предрассудкам.

Зав. трудкоммуной им. Ф. Э. Дзержинского *А. С. Макаренко*

«КОНСТИТУЦИЯ» ТРУДОВОЙ КОММУНЫ им. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

I. Общая часть

1. Членами трудовой коммуны им. Дзержиского состоят все воспитанники, воспитатели и служащие. Все они имеют право участвовать в общих собраниях и быть избираемыми в отдельные комиссии.

2. Члены коммуны не имеют права отказываться ни от какой работы, если она назначается общим собранием или советом командиров.

3. Все члены коммуны (коммунары) в течение рабочего дня беспрекословно обязаны подчиняться распоряжениям рабочего командира, инструктора, учителя в классе, дежурства по коммуне и заведующему коммуной. Внешним выражением этого является ответ «есть».

4. В случае необходимости или невозможности подчиниться явно неправильному распоряжению, об этом необходимо немедленно доложить дежурству по коммуне.

5. Всякое обсуждение распоряжения или наряда может быть только на общем собрании или в совете командиров. Принятое большинством решение обязательно для всех коммунаров.

II. Общее собрание

6. Общее собрание собирается ежедневно после рапортов командиров в 8 ч 30 мин и кроме того может быть собрано всегда по сигналу «Общий сбор» по распоряжению зав. трудкоммуной или секретаря совета командиров (ССК).

7. Общему собранию принадлежит рассмотрение следующих вопросов:

а) Выборы СК и ТС (Товарищеского суда).

б) Выборы отдельных комиссий.

в) Изменения нарядов совета командиров.

г) Изменение конституции трудкоммуны.

д) Рассмотрение объяснений коммунаров по замечаниям, рапортам командиров.

е) Прием в коммуну новых кандидатов, непосредственно обращающихся к общему собранию.

ж) Рассмотрение всех вопросов, выдвигаемых коммунарами на общем собрании.

8. На ОС (общее собрание — *Ред.*) председательствует ЗК (заведующий коммуной — *Ред.*) или его заместитель, а в их отсутствие ССК.

9. ЗК имеет право опротестовать постановление общего собрания и поставить тот же вопрос на новое обсуждение.

10. Все коммунары обязаны быть на общем собрании, за исключением дежурных по сторожевому отряду и по отоплению.

11. На общем собрании все обязаны говорить стоя.

12. Общее собрание ни в коем случае не может накладывать наказаний на провинившихся коммунаров и может принять только постановление об исключении из коммуны, нуждающееся в утверждении педсовета.

III. Совет командиров и отряды

13. Коммунары-воспитанники делятся на отряды по производственному признаку с тем, однако, чтобы в отряде не было более 20 коммунаров.

14. Определение, сколько в каждом отряде коммунаров и какие именно должны быть отряды, принадлежит совету командиров.

15. Перевод из отряда в отряд принадлежит СК по заявлению отдельных коммунаров, а по нужде и без заявлений.

16. Совет командиров избирается ОС сроком на 3 месяца. На избирательном общем собрании каждому отряду от имени отряда предоставляется право выдвигать своего кандидата.

17. На избирательное общее собрание может быть подан список кандидатов в совет командиров с распределением их по отрядам, подписанный или от имени одной из организаций коммуны, или не менее 20 коммунарами.

18 На этом же избирательном общем собрании избирается и ССК (секретарь совета командиров), который ведет все дела совета и председательствует на нем.

19. Совет командиров имеет право до истечения срока своих полномочий изменять свой состав, т. е. смещать, назначать и перемещать командиров, а также заменить секретаря совета командиров.

20. Отрядам предоставляется право протеста и отвода в случаях, предусмотренных § 19. В таком случае конфликт между отрядом и советом командиров разрешается общим собранием.

21. В совете командиров с правом решающего голоса присутствуют: заведующий коммуной, его заместитель и секретарь педагогического совета.

22. В заседание совета командиров может явиться не командир и не помощник, а любой рядовой член отряда, и, если он присутствует от отряда один, он имеет право решающего голоса без представления каких бы то ни было письменных полномочий.

23. Совет командиров собирается в воскресенье в 10 ч утра и кроме того может быть собран в любую минуту сигналом «сбор командиров» по распоряжению ЗК или ССК.

24. В СК председательствует ССК, а в его отсутствие командир 3-го отряда.

25. Каждый командир, услышав сигнал «сбор командиров», должен или сам явиться на собрание, или командировать помощника или одного из членов отряда.

26. ССК на время заседания СК имеет право наказания по отношению к нарушителям порядка в заседании, а также по отношению к опоздавшим членам совета.

27. Каждый коммунар, услышав сигнал «сбор командиров», если он знает, что командир или его помощник отсутствует, должен явиться в СК.

28. Каждый командир и помощник, уходя из помещения коммуны, должен объявить по отряду, кому он передает свои полномочия.

29. Отряд, не представленный в заседании, должен быть отмечен в рапорте ССК, и командир его должен дать объяснение общему собранию.

30. Совету командиров принадлежат:

а) Проекты изменения конституции коммуны;

б) Обязательные постановления по коммуне о порядке текущей работы;

в) Распределение труда между отрядами коммуны;

г) Смещение, назначение и перемещение командиров;

д) Назначение и смещение помкомандиров по представлению командиров;

е) Назначение заведующих отдельными частями;

ж) Перемещение коммунаров из отряда в отряд;

з) Рассмотрение всех хозяйственных вопросов и принятие решений по этим вопросам;

и) Рассмотрение вопросов культурно-бытовых;

к) Прием отчетов от отрядов;

л) Избрание комиссий с временным заданием;

м) Устройство праздников;

н) Установление очередей по потреблению;

о) Решение всех вообще текущих вопросов;

31. Совет командиров назначает заведующих отдельными частями, а именно: завклубом, завбиблиотекой, завканцелярией, завсоветом и др.

32. Все заведующие отдельными частями состоят членами 3-го отряда, также и все, имеющие постоянную индивидуальную работу. В 3-й же отряд входит и ССК, как рядовой его член.

33. Командир 3-го отряда является помощником заведующего хозяйством, на его обязанности лежит контактная работа с завхозом, наблюдение за хранением и исправностью всего имущества коммуны.

34. Все отряды, в том числе и третий, имеют отдельную спальню и отдельный стол в столовой.

35. На обязанности командира и его помощника лежит:

а) Представительство отряда в СК и у ЗК;

б) Наблюдение за порядком в отряде, в спальне и в столовой;

в) Руководство отрядом во время работы;

г) Ответственность за инструменты во время работы;

д) Получение рабочих задач и отчет о их выполнении;

е) Получение белья, одежды, мыла и пр. предметов потребления для отряда и правильное их распределение;

ж) Забота об отряде и о своевременном удовлетворении его нужд;

з) Наблюдение за чистотой тела и одежды в отряде и в мастерской.

IV. Рабочий (сводный) отряд

36. Каждый производственный отряд на работе является рабочим отрядом.

37. Рабочим отрядом на работе командует его командир, а за его отсутствием — помощник.

38. Для выполнения работ по самообслуживанию организуются сводные рабочие отряды сроком на одну неделю из частей производственных отрядов.

39. В воскресном своем заседании СК устанавливает план сводных отрядов и предъявляет требования к производотрядам об откомандировании в тот или иной сводный отряд определенного количества коммунаров.

40. В том же заседании СК устанавливает план производственных совещаний всех отрядов, как основных так и сводных, и назначает представителей этих совещаний из среды воспитателей и старших коммунаров.

41. Если основной отряд разделен по сводным отрядам, он считается не рабочим, не устраивает производственного совещания, и командир его сдает не письменный, а устный рапорт о благополучии в отряде.

42. Производственные совещания рабочих отрядов происходят в воскресенье в 2 и в 4 ч дня.

43. К 12 ч дня в воскресенье каждый командир основного отряда должен представить ССК список своих коммунаров с указанием, в каком рабочем отряде работает каждый.

44. На основании этих списков ССК составляет списки рабочих (сводных) отрядов и передает их лицам, назначенным вести производственные совещания.

45. На производственном совещании устанавливается план работы отряда на неделю, определяются инструменты и производственные нужды отряда. В сводных отрядах сверх того избирается командир сводного и его помощник.

46. Все эти постановления записываются в бланк отрядного рапорта, заготовленного для отчета в течение недели.

47. Сводный отряд считается существующим только на работе, где он и подчиняется своему временному командиру. По окончании рабочего дня отряд считается несуществующим и члены его свободными от подчинения комсводотряда.

48. Исключение из предыдущего составляет Комендантский сводный и все сводные, носящие 17-й номер и работающие без определенных часов, например, 17-й сводный, работающий в больничке, если там много больных, 17-й сводный, работающий по подвозке воды, если испортился водопровод.

49. Каждый сводный отряд имеет номер, характеризующий длительность и часы в дни его работы, и литеру, представляющую первую букву названия работы. Учебные отряды не имеют литеры и называются по порядковому номеру группы «1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й сводный».

50. Комендантский сводный отряд исполняет все работы по чистоте и следит за чистотой тела и костюма воспитанников. Командир Комендантского сводного имеет право удалить из-за стола или из спальни коммунара, если он недостаточно чист.

51. На обязанности комендантского сводного лежит стрижка воспитанников и организация купания.

52. Сводный отряд, обслуживающий отопление, называется Горячим сводным отрядом.

53. Каждый сводный отряд на работе обязан следовать строго своему плану и отмечать в рапорте все отступления от него.

54. Все рабочие отряды, кроме Комендантского, Горячего, Сторожевого и 17-х сводных, выходят на работу по сигналу «на работу» и заканчивают работу по сигналу отбоя.

55. Сторожевой сводный обслуживает в течение времени от сигнала «вставать» до сигнала «спать» вешалку и дневальство в спальне, а ночью только последнее.

56. Сторожевому отряду сдаются на ночь все ключи от входных дверей.

57. Сводный отряд, обслуживающий кухню и столовую, называется «старшая хозяйка».

V. Дежурство

58. В дневное дежурство входит:

Дежурство по коммуне.

Дежурный командир.

Дежурный сигналист.

59. Дежурство по коммуне составляют двое: воспитатель и коммунар, избравшие друг друга по добровольному согласию и утвержденные приказом педагогического совета.

60. Оба дежурные по коммуне пользуются совершенно равными правами и распределяют работу между собой по своему усмотрению, отвечают же за день вместе.

61. Дежурство по коммуне сдается и принимается в 9 ч вечера и считается суточным. Ночью дежурство имеет право спать, но не выходить из здания.

62. Дежурству по коммуне принадлежит ведение всего дня, наблюдение за дисциплиной, работой, сном, приемом пищи и исполнением всех законов коммуны.

63. Дежурство имеет красные повязки и должно быть в фуражках.

64. Дежурный командир не несет никакой особой работы и не освобождается от своей прямой работы. Он считается резервом дежурства по коммуне и может быть затребован на помощь в любой момент.

65. Дежурный воспитатель ведет дежурный журнал.

VI. Законы дня

66. Ночной дневальный в назначенный час должен разбудить дежурство и сводный отряд «старшая хозяйка».

67. Сигнал вставать дается в 6 ч 50 мин утра. В течение 30 мин коммунары должны умыться, привести себя в порядок и убрать постели.

68. В 7 ч 20 мин дается сигнал «общий сбор», по которому все отряды должны выстроиться каждый в своей спальне

69. Утренний обход делает завком или его заместитель, а в их отсутствие ССК, все в сопровождении дежурства. Обход встречается командой командира «Отряд, смирно». Обход и отряд приветствуют друг друга взаимным салютом.

70. Во время утреннего обхода проверяется чистота спальни, правильность постели и аккуратность в костюмах коммунаров.

71. В 7 ч 30 мин дается сигнал на завтрак.

72. За столом все коммунары садятся по отрядам. По окончании еды вставать из-за стола можно только, когда весь отряд поел.

73. Все коммунары обязаны после приема пищи благодарить дежурство салютом.

74. Командир отряда выписывает пищу для отряда своим ордером, на обороте которого должен отметить, кому и по каким причинам нужно оставить пищу.

75. Во время раздачи пищи сводный отряд «старшая хозяйка» должен быть в фуражках.

76. В 8 ч дается сигнал на работу. По этому сигналу 1-я бригада (половина 1-го, 3-го отрядов, 2-й, 4-й и 8-й отряд) отправляются в школу, а вторая бригада (половина 1-го, 3-го, 5-й, 7-й и 6-й отряд) на работу.

77. В 11 ч совершается Комендантский обход. Его проводит один из дежурных по коммуне и командир комендантского сводного. Обход должен установить состояние чистоты в коммуне.

78. В 11 ч 50 мин дается отбой, а в 12 — сигнал на обед.

79. Сигнал на работу и в школу дается в 1 ч 10 мин.

80. В 4 ч дается отбой и сигнал к чаю. После чая бывает один урок в школе.

81. Клубы открываются в 4 ч и закрываются в 10 ч.

82. Сигнал на ужин в 8 ч.

83. В 8 ч 30 мин дается сигнал на рапорта и одновременно на общее собрание.

84. Рапорты сдаются всеми командирами, как основных, так и сводных отрядов, а кроме того, судебным исполнителем, заведующим отдельными частями, ССК и дежурством по коммуне.

85. Рапорты отдаются по форме:

«В № отряда все благополучно, особые замечания...» или «В отряде № не все благополучно ..»

86. Рапорты отдаются при взаимном салюте всех присутствующих.

87. После рапортов открывается общее собрание, на котором разбираются особые замечания в рапортах и все вопросы, поднятые тем или другим коммунаром.

88. Рапорты принимает и председательствует на ОС завком, или его заместитель, а в их отсутствии ССК.

89. В 9 ч дается сигнал «спать», который является разрешением войти в спальни. Немедленно после этого дежурство по коммуне совершает вечерний обход или поверку.

90. Во время вечернего обхода командир каждого отряда докладывает дежурству, что все на местах. Проверять его рапорт дежурству не разрешается.

91. Перед сигналом «спать» на общем собрании ССК зачитывает приказ на следующий день. Приказ, как воля коммуны, заслушивается стоя.

VII. Приказ и отчет

92. Никакое общее распоряжение по коммуне не действительно, если оно не объявлено приказом.

93. Приказ составляется ССК и подписывается им и ЗК.

94. В течение дня экстренные распоряжения делаются дополнительным приказом.

95. Приказ может быть опротестован на общем собрании.

96. Право наказания за неисполнение приказа принадлежит только заведующему, а в его отсутствие заместителю. Наказания за более тяжелые проступки налагаются товарищеским судом.

97. Товарищеский суд избирается общим собранием на 3 месяца в составе 4 воспитанников. Пятым входит воспитатель по очереди. Обвинитель всегда заведующий, защитник один из коммунаров по назначению заведующего.

98. Заседания товарищеского суда происходят гласно при знамени.

99. Наблюдение за выполнением наказаний, наложенных как товарищеским судом, так и завкомом возлагается на судебного исполнителя, выбираемого общим собранием.

100. Приговор товарищеского суда утверждается завкомом.

КОНСТИТУЦИЯ СТРАНЫ ФЭД

На общих собраниях коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, в органах комсомола и самоуправления, в быту и практике в течение пятилетней работы коммуны выработались правила и нормы, которые составляют как бы неписанную нашу конституцию, они определяют весь распорядок и ход жизни в коммуне.

Основные из них состоят в следующем.

Каждый вновь прибывающий в коммуну товарищ впредь до особого постановления совета командиров не имеет звания коммунара и считается воспитанником коммуны. Воспитанник по прибытии в коммуну не может быть допущен в спальни и на работу до осмотра его врачом, купания в бане и получения свежего белья и коммунарской одежды.

Воспитанник вступает в отряд коммунаров, и командир отряда должен немедленно назначить к нему одного из старых коммунаров для ознакомления его с коммуной, правилами коммунарской жизни и для помощи новичку на первое время. Независимо от этого, бюро комсомольского коллектива в свою очередь назначает к новичку товарища для руководства его поведением до получения новичком звания коммунара, для наблюдения за его первоначальным ростом в коммуне и развитием.

Воспитанник, в отличие от коммунара, может уходить из коммуны только с письменным отпуском; он может получать деньги на руки из своего заработка каждый раз только с разрешения совета командиров; он не имеет права заходить в спальни в течение дня без письменного разрешения, он не может быть избран ни в один орган коммунарского самоуправления и не может быть членом сторожевого отряда в коммуне.

Однако в общем собрании коммунаров воспитанник участвует с правом решающего голоса.

Совет командиров или бюро комсомольского коллектива имеет право перевести в воспитанники товарища, уже имеющего звание коммунара, за проступки, лишающие его доверия коммунаров, за грубое нарушение интересов коммуны, за всякий поступок, позорящий коммуну и звание коммунара.

Коммунар имеет право уходить из коммуны в отпуск в свое свободное время, но должен предварительно доложить об этом начальнику коммуны, или его помощнику, или ССК [секретарь совета командиров]. Уход в отпуск без такого доклада считается самовольным оставлением коммуны.

На производстве, в быту, в школе, во всех видах работы и в поручениях начальника коммуны, его помошника, преподавателей, мастеров и начальника завода, ССК, своего командира и его помощника каждый коммунар должен всегда быть исполнительным и точным, он должен всегда строго и точно выполнять правила коммуны и в каждом деле прежде всего отстаивать и наблюдать интересы всей коммуны, а потом уже свои собственные или отдельных товарищей. Всякое приказание, законно изданное, коммунар должен немедленно выполнить, в знак чего, получая приказание, должен салютовать и отвечать «есть».

Получая на заводе зарплату, коммунар обязан вносить ежемесячно определенную часть ее за свое содержание в коммуне, половину остатка вносить в сберкассу на свое имя до окончания коммуны, а оставшиеся деньги, как карманные, он может расходовать по своему усмотрению, исключая покупку вина или покупку одежды, нарушающей коммунарскую форму.

Общее собрание коммунаров собирается каждый вечер, после второго ужина, в клубе коммуны. Присутствие всех коммунаров и воспитанников на собрании обязательно. Председательствует на общем собрании секретарь совета командиров или его заместитель.

Собрание начинается рапортом всех командиров дежурному командиру. Немедленно после рапортов председатель собрания должен предложить слово всем отмеченным в рапорте, как нарушившим дисциплину.

Каждый коммунар может возбудить на общем собрании любой вопрос, но обсуждение его может быть поставлено или не поставлено председателем, передано совету командиров или другой организации.

Ведению общего собрания подлежат все вопросы коммунарской жизни, его решения считаются окончательными и могут быть изменены только правлением коммуны [1].

Общее собрание имеет право накладывать на коммунаров в случае особенно тяжелых поступков взыскания: лишение отпусков, лишение звания коммунара, лишение карманных денег, выговоры, замечания,

дополнительные работы, снятие с работы и с производства, снятие с командирской работы, наконец, ходатайствовать об увольнении из коммуны перед правлением.

Все коммунары делятся на отряды. Число отрядов и число коммунаров в каждом отряде, а также вопрос о принципе подбора коммунаров в отряде решается общим собранием по представлению совета командиров.

Отряду предоставляется несколько или одна спальня с точным по числу членов отряда количеством постелей и шкафов.

Отрядом командует командир отряда, у которого может быть один или несколько помощников. В каждой спальне должен быть один помощник на правах старшего по спальне.

Командир отряда избирается на шесть месяцев на общем собрании коммунаров (на специальном общем собрании). Каждый отряд выдвигает своего кандидата в командиры отряда.

Помощники командиров избираются советом командиров из состава отряда по представлению командира отряда на срок, равный сроку выбора командиров.

В случае надобности совет командиров имеет право отстранить командира от командования отрядом и избрать на его место другого коммунара с последующим утверждением этого на общем собрании коммунаров.

Командир отряда имеет право приказания в отряде в течение рабочего дня в школе, в спальне, в быту. Он отвечает за дисциплину в отряде, за чистоту спален, классов, постелей, одежды, лица, рук, за проветривание помещений и за сохранность оборудования спален и классов.

Он заботится об отряде, следит, чтобы все полагающееся отряду было выдано в срок и нормального качества, представляет все требовательные списки по заказу хозяйственной части.

Он назначает в совете командиров на работу [коммунаров и воспитанников]. Каждый командир состоит членом совета командиров. Каждый день он обязан сдавать рапорт дежурному командиру. В начале месяца командир должен составить распределение труда коммунаров по общей уборке, в течение месяца следить за правильным выполнением этого распределения. Он должен наблюдать за поведением отдельных коммунаров, беседовать с ними в случае их ошибок, следить за успехами их в школе и помогать им не отставать путем личной помощи или назначения отдельных старших товарищей из отряда [для оказания помощи].

Отряд, если он избран по принципу школьной группы, отвечает за определенный класс, его чистоту и сохранность оборудования.

На производстве все коммунары разделяются на бригады согласно производственной растановке коммунаров. Бригада объединяет коммунаров, работающих на определенной группе станков в первую и вторую смену.

Бригада выделяет из своей среды бригадира, согласовывая его избрание с администрацией завода. Бригадир является руководителем бригады на производстве в области порядка и дисциплины.

Группой бригад на определенном производственном участке завода руководит командир группы, избираемый на тех же основаниях, как и командиры отрядов. Он участвует в совете командиров и сдает ежедневные рапорты на общих основаниях.

Командир группы отвечает за работу группы, и прежде всего за выполнение промфинплана.

Командир отряда и командир группы не освобождаются от производственной и школьной работы и несут свои обязанности дополнительно и бесплатно.

На каждый месяц совет командиров избирает сторожевой отряд с отдельным командиром.

В совет командиров кроме избранных командиров входят с правом решающего голоса: начальник коммуны, помначальника коммуны, начальник хозяйственной части, начальник завода, врач, секретарь комсомольского коллектива, члены правления коммуны.

Председательствует в совете командиров секретарь совета (ССК), избираемый общим собранием коммунаров вместе с командирами на шесть месяцев.

Совет командиров является главным руководящим органом коммунарского самоуправления, и все остальные органы обязаны перед советом отчетом и руководятся его указаниями и постановлениями.

Секретарь совета командиров (ССК) освобождается от работы на производстве и получает зарплату, равную его среднему заработку на производстве в момент его выборов

ССК обязан проводить в исполнение все постановления совета командиров, наблюдать за работой дежурных командиров, издавать приказы от имени совета командиров и участвовать в решении всех текущих вопросов вместе с начальником коммуны. [С] СК имеет право единолично накладывать взыскания и давать отпуска коммунарам и воспитанникам, посещать уроки всех курсов, имеет право приказания в течение дня. Все командиры отрядов и бригад дежурят по коммуне по порядку номеров своих отрядов, по двое каждый день. Дежурный командир (ДК) на день своего дежурства освобождается от работы на заводе и получает зарплату в размере среднего дневного за данный месяц. ДК ведет весь рабочий день коммуны. ДК поднимает коммуну в 6 часов утра, принимает рапорт ДЧСК (дежурного члена санитарной комиссии) о проведенной уборке коммуны, проводит проверку коммунаров, дает распоряжение о сигналах «на работу», «кончай работу», «в столовую», «на рапорта», «в клуб» и пр.

Он следит за своевременным приготовлением пищи, в столовой наблюдает за порядком, за правильным распределением пищи и ее подачей на столы.

ДК наблюдает за поведением коммунаров в течение дня, принимает гостей и делегации, наблюдает за порядком вечером в клубах и в классных помещениях, принимает рапорты командиров отряда и отдает рапорт начальнику коммуны или его помощнику о прошедшем дне.

Все распоряжения ДК должны беспрекословно выполняться всеми коммунарами. Он имеет право снять с работы, с классной группы и удалить из столовой, клуба и другого помещения коммунара, нарушающего порядок и не подчиняющегося его приказаниям. ДК должен всегда находиться в парадной форме и иметь на левом рукаве красную повязку.

Санитарная комиссия избирается общим собранием коммунаров одновременно с советом командиров в составе семи членов. Она устанавливает правила поддержания чистоты в коммуне, чистоты одежды и тела ком-

мунаров, порядок уборки, порядок смены белья и пользования баней, делает выводы о санитарном состоянии целых отрядов, отдельных коммунаров и помещений в коммуне. Все члены санкомиссии дежурят по очереди в течение одного рабочего дня. Дежурный член санитарной комиссии свое дежурство проводит вместе с ДК и является главным его помощником.

ДЧСК принимает утреннюю уборку коммуны и классов после конца занятий каждой смены, принимает станки после конца работы, наблюдает за сохранением чистоты в коммуне, в столовой, отдает вечером обычный рапорт ДК. ДЧСК носит повязку на левой руке с красным крестом. Утренняя уборка коммуны распределяется в совете командиров на месяц вперед между отрядами коммунаров; распределение ее между членами отряда производится самим отрядом.

Столовая комиссия избирается общим собранием коммунаров в составе трех коммунаров вместе с советом командиров сроком на шесть месяцев.

Столовая комиссия вместе с начальником хозяйственной части устанавливает сметы расходов на пищу, устанавливает меню на каждый день, следит за его выполнением. Руководство свое столовая комиссия проводит через каждый месяц. Старшая хозяйка освобождается от работы на производстве и получает зарплату по среднему сдельному за прошлый месяц.

На обязанности старшей хозяйки лежит: наблюдать за правильным получением продуктов на кухне, правильным их использованием и за выдачей пищи в столовую.

Каждый коммунар должен приходить в столовую в свою смену и занимать принадлежащее ему место, ожидая, пока ему подадут пищу.

Хозяйственная комиссия избирается общим собранием коммунаров вместе с советом командиров сроком на шесть месяцев в составе трех командиров. Хозкомиссия вместе с начальником хозчасти, комендантом и кастеляншей ведет учет и ведает заготовлением и распределением одежды коммунаров, следит за правильностью ее носки и вынесением в расход. Она ведет учет мебели в коммуне, ведает ее распределением в помещениях коммуны, ее целостью и сохранностью, вовремя отдает ее в ремонт или чистку.

Клубный совет, ведающий всей клубной самодеятельной работой, избирается общим собранием на шесть месяцев в составе пяти коммунаров. На каждый день клубный совет выделяет дежурного члена клубного совета, на обязанности которого лежит наблюдение за дневным течением клубной работы и отдача рапорта вечером ДК.

Оркестр выделен из ведения клубного совета и непосредственно подчиняется совету командиров. В оркестр коммунары входят по своему добровольному желанию, но, один раз записавшись в оркестр, коммунар не имеет права оставить его до своего выхода из коммуны. Во главе оркестра стоит командир оркестра, который отвечает за дисциплину в оркестре, за исправность инструментов, за порядок в музыкальной комнате и помогает капельмейстеру в его учебной и концертной работе.

Штаб соцсоревнования избирается общим собранием коммунаров сроком на шесть месяцев в составе трех лиц. Штаб соцсоревнования вырабатывает нормы измерения успехов соревнования по школе, быту и дис-

циплине и в постоянном согласовании с педагогическим советом, учетным аппаратом производства и советом командиров ведет учет показателей по всем линиям соревнования, отображает их на специальной диаграмме, вырабатывает модусы премирования и список премируемых лиц и представляет их в правление коммуны. Лучшие отряды по быту и школе в порядке премирования получают одно из двух коммунарских знамен. Первого числа каждого месяца заканчивается цикл премирования и передача знамен.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ЧЛЕНУ ПРАВЛЕНИЯ КОММУНЫ им. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

Я Вас прошу считать этот доклад попыткой изложить мои взгляды человеку, который не хочет ограничиваться по отношению ко мне одним нажимом. Я сильно и глубоко убежден, что моя педагогическая работа всегда была и есть настоящая советская работа. Я при этом совершенно не склонен падать ниц перед многими утверждениями и положениями так называемой соцвосовской педагогики только потому, что они высказаны от имени советской доктрины.

Я позволяю себе затруднить Ваше внимание некоторыми общими педагогическими соображениями.

Я убежден (я так себе представляю, что я это ясно вижу, у меня никаких сомнений нет), что такая «педагогика» на самом деле есть в значительной мере безответственная выдумка интеллигентщины. К этому я приходил очень медленно и сам в двадцатом году начинал работу, будучи убежденным ее сторонником. В настоящее время я не только в своем опыте нашел много доказательств правильности моих сомнений, но уже могу наблюдать, как и советское общество и, в особенности, партийная мысль начали разбираться в непроходимом клубке предрассудков, созданных педагогическими писателями и писаками...

Плохие детские дома не оттого таковы, что там плохие работники или что мало денег дают на их содержание, а исключительно потому, что они отравлены дамской педагогикой, в существе своем не имеющей никакого отношения ни к идее социализма, ни к пролетариату, ни к труду, ни к Советской власти, ни просто к здравому смыслу...

...Отдельные интеллигентско-российские идеи настолько живучи... что сейчас многие люди, вопреки фактам и действительной логике нашего развития, продолжают верить в спасительность большинства соцвосовских средств и продолжают настойчиво рекомендовать их употребление.

Интеллигентская педагогика как раз и характеризуется совершенно тупой верой в действительность средства только на том основании, что это средство стройно вытекает из разных идеальных положений. Так, например, среди интеллигентщины искони была вера в полезность и высокую моральную ценность бесплатного труда, в помощь бедному, в милостыню, в непротивление «злому», в спасительность душевных разговоров,

в какое-то особенное значение «любимого» учителя, в сверхъестественное значение интереса и в так называемую доминанту ..

Я с 1920 г. организовал и заведовал колонией им. Горького сначала в Полтаве, затем под Харьковом, сделал ее известной всей Украине и РСФСР, и в значительной мере и за границей [1]; результаты моей работы и работы подобранного [мной] педагогического коллектива были по меньшей мере удовлетворительны, и все-таки это не мешало в течение всех восьми лет травить меня и нашу работу разным совершенно бездельным людям, которые занимались исключительно тем, что выигрывали на высказывании разных похвальных взглядов и педагогических премудростей.

Окончилось все это тем, что меня заставили уйти из колонии и при этом почти сознательно пожертвовали ценностью учреждения Немедленно после моего ухода начали применять в работе разные шаблонные патентованные средства, и в последнем счете сейчас эта колония стоит на границе развала и безусловно через год ли полтора будет расформирована.

Вся эта поучительная история имеет только потому значение, что я никогда не подстраивался под педагогическую интеллигентщину и всегда открыто высказывался против нее н настойчиво и упорно проводил свою систему организации, с моей точки зрения более соответствующую нашей нужде и нашему идеологическому кредо.

Очень многое из того, что было сделано в области метода и что было мишенью для возмущения и травли, потом в общесоветском масштабе было проведено как положительное средство.

К примеру, могу указать на некоторые элементы военизации, которые я предлагал еще с 20-го г. и за которые получал названия Аракчеева, жандарма и пр. Как известно, элементы такой военизации, даже в большей степени, были введены в практике пионерработы, а в настоящее время признаются желательными в детских домах.

.. Даже в коммуне им Дзержинского в прошлом году целая комиссия комсомола, увидев на стене у нас подвижную диаграмму междуотрядного соцсоревнования, изображавшую движение отряда вперед при помощи картинного указания на различные способы передвижения (аэроплан, лошадь, авто, пешком), пришла прямо в ужас и категорически запретила мне употреблять такую диаграмму.

В педагогической области чиновники боятся каждого нового живого слова и, как только оно кем-нибудь сказано, начинают крыть его при помощи различных рацей, введенных в употребление нашими безответственными педагогическими мудрецами. Вот почему для этих юношей, комсомольцев было совершенно ясно, что такая диаграмма принесет обязательно вред и нужно ее непременно и поскорее убрать. А между тем вот на днях в последнем номере «Прожектора» описывается такая же точно диаграмма (даже еще более сильная, ибо в ней едут уже и на коровах), которая употребляется на Нижнегородском автомобильном заводе.

В самом положении о соцсоревновании, поскольку оно намечено в постановлении ЦК партии, прямо рекомендуется давать простор начинаниям на местах и отдельным формам, которые могут быть выбраны на местах. А вот все-таки среди наших педагогических деятелей никакого простора нет: знают все, что должно быть соцсоревнование, но при этом стараются

его вогнать обязательно в те формы, в которые его уже где-то вогнали: признается законной только кривая, изображающая повышение или понижение процентов промфинплана, а самое существо соревнования уже рассматривается только как функция промфинплана.

В коммуну ГПУ я переходил с радостным ощущением той необходимой свободы, которую я буду иметь в области создания нового советского воспитательного метода. И действительно, у нас в коммуне мне такая свобода представлена, и только поэтому наша коммуна может претендовать на одно из первых мест в Союзе. Но и здесь, в коммуне, на каждом шагу на дороге становится все та же логика «педагогической теории», сделавшаяся почему-то достоянием буквально каждого охочего человека.

Я меньше всего хочу сказать, что вот мне одному известны секреты работы, больше их никто не знает и поэтому никто не имеет права рассуждать о моей работе. Я только один из многих людей, находящих новые, советские пути воспитания, и я, как и все остальные, собственно говоря, стою еще в начале дороги О нашей работе обязательно нужно высказывать суждение, иначе мы обязательно заблудимся. Но это высказывание ни в коем случае не должно принимать характера навязывания методов и средств, которые только «кажутся» хорошими и революционными, кажутся потому, что наскоро и совершенно по-дилетантски безответственно выведены из некоторых хороших понятий, а еще чаще даже не понятий, а слов и терминов. Например, сколько совсем пустых слов наговорено вокруг так называемой общественно полезной работы детей. Только потому, что в словах «общественно полезная работа» содержатся признаки положительного содержания, только поэтому с детскими коллективами производят манипуляции, которые ведут прямым путем к развалу коллектива и к полной неудаче воспитания.

Нисколько не претендуя на звание великого изобретателя, я хочу только одного, чтобы о ценности метода судили по его результату, а о ценности системы судили по общему результативному итогу.

Сейчас же получается такая картина: плох там я или хорош, но я работаю с беспризорными больше десяти лет За это время я ни одного дня не болел и никогда не был в отпуске. Мой рабочий день не меньше 15 часов. Это — больше 50 тысяч рабочих часов работы непосредственно в детском коллективе. Я уже не считаю моей работы дореволюционной, которая тоже дала мне некоторый опыт, так как мне посчастливилось все время работать в рабочей школе. Работа моя была все время более или менее успешной. За это время, представьте себе, сколько я передумал, перепробовал, сколько видел чужих опытов, сколько приобрел навыков почти механических. За это время я научился очень многому, и сейчас я отдаю это до конца искренне и воодушевленно советскому воспитанию.

Представлять себе воспитательную работу как простую цепь логических категорий, разумеется, просто неграмотно. Сказать, что вот в этом случае нужно поступить обязательно так, а в этом иначе, просто будет безобразием. Товарищ Б-н, например, без возмущения не может говорить о том, как это можно вычесть из зарплаты коммунара стоимость разбитой чашки 15 копеек. И он глубоко убежден в том, что он орудует с методической логикой, что взять из зарплаты вообще всегда недопу-

стимо. Совершенно понятно, что вся его логика строится на некотором представлении некоторого идеала: ребенок, деньги, насилие. Разве может советская педагогика базироваться на таком идеальничании, ведь это в идеологическом и методическом смысле позорно. Все подобные соображения идут от очень стареньких интеллигентско-буржуазных философских положений о свободе личности, от индивидуалистических убеждений в том, что ребенок безответствен, просто от положений дамского доброго сердца. А чаще всего они идут от случайно пришедшей в голову мысли, что так, дескать, нужно и так будет хорошо.

Вы должны войти в мое положение. Ведь никакой такой простой и короткой логики в моей работе нет. Моя работа состоит из непрерывного ряда многочисленных операций, более или менее длительных, иногда растягивающихся на год, иногда проводимых в течение двух-трех дней, иногда имеющих характер молниеносного действия, иногда имеющих, так сказать, инкубационный период, когда накопляются потенциальные силы для действия, а потом оно вдруг приобретает характер открытый. Всякая такая операция представляет очень сложную картину: прежде всего она должна преследовать главную цель — воспитательное влияние на целый коллектив, во-вторых, она должна иметь в виду влияние на данную личность, а в-третьих, она должна в какое-то гармоническое положение поставить и меня, и коллектив воспитателей, потому что «амортизация» педагогического коллектива — самое ответственное дело, какое у нас есть, и вообще к этому вопросу нужно относиться чрезвычайно осторожно.

Кроме этих трех главных целей в каждой операции присутствуют еще и второстепенные: сохранение материальных ценностей, удешевление воспитательного процесса, влияние на окружающую среду, доброе имя коммуны.

Конечно, идеально проведенной операцией будет считаться только такая, при которой все указанные цели достигаются в наиболее оптимальном виде. Но как раз в большинстве случаев задача принимает характер коллизии, когда нужно бывает решить, какими интересами и в какой степени можно пожертвовать и полезно пожертвовать. Для того чтобы такая коллизия благополучно разрешилась или даже приняла характер гармонии, нужно бывает пережить колоссальное напряжение. В таком случае задача требует от меня прямо какой-то сверхъестественной изворотливости и мудрости, требует широкого развертывания приема и иногда сложной игры с детским коллективом, настоящей сценической игры.

Если уж Вы пошли на то, чтобы истратить на чтение моего письма изрядное количество времени, то разрешите проанализировать случай с Ге-чем.

Кражи, подобные кражам Ге-ча, имеют особенное значение в жизни детского коллектива, и при этом очень сложное. Ге-ч мальчик очень гнилой. Тов. Б-н представил его как продукт несчастного влияния Ярошенко. На самом деле это не так. Ге-ч очень развит, умен, циничен, нахален, своекорыстен, смел и, самое главное, имеет возмутительный моральный опыт: он никого не уважает и ничего не уважает. Это представитель редкого типа, который я называю типом неоправданного действия. Такие люди ставят себя против общества совершенно сознательно, не пытаясь никакими признаками логики как-нибудь оправдать свою позицию.

Я знаю происхождение такого типа и знаю, что перевоспитание их дается очень тяжело. Оно вообще возможно только в том случае, если перед такими людьми поставлена сильная воля, которая на них регулярно давит, которая приучает их к сопротивлению общества. Манипуляции с убеждением приносят только вред, ибо только дают простор для упражнений в циничной логике, что же касается «влияния доброго сердца», то оно производит прямо противоположный эффект по отношению к ожидаемому.

Ге-ч крал в коммуне регулярно. Удалось выяснить только кражу двух шинелей и часов, но с уверенностью можно сказать, что целый цикл краж, прошедший по коммуне в течение полутора месяцев, не обошелся без Ге-ча. В детском коллективе кражи не так страшны своими материальными последствиями.

Пропадают вещи, в коллективе бродят подозрительные соображения по адресу очень многих коммунаров, говорятся укоряющие и обвиняющие речи, заводятся ссоры, создаются целые стихии ненужных разговоров.

Когда обнаружился совершенно неожиданно виновник краж, общее негодование против него явилось естественной реакцией. Это негодование, конечно, не должно было определять характера мер против Ге-ча, но такую или иную уступку общественному мнению нужно было все-таки сделать. Нужно было вообще сделать так, чтобы воспитательное влияние на весь коллектив всей этой истории было наибольшим. С такой точки зрения истории, подобные кражам Ге-ча, бывают сплошь и рядом весьма полезными толчками в развитии всего коллектива, и, если бы подобных историй не было, общий воспитательный процесс мог бы получаться более замедленным. Коллектив выковывается на явлениях, имеющих общественное значение, хотя бы даже и на таких, как кража. Это положение представляется, разумеется, парадоксальным и, пожалуй, может послужить темой для шуток. Однако тем не менее оно остается справедливым в такой степени, в какой здесь говорится о пользе для коллектива предпочтительно перед пользой для отдельной личности. Во всяком случае, гневное напряжение нашего коллектива, высказанное кражами Ге-ча, нужно было переключить в полезные комплексы переживаний для наибольшего числа членов коллектива.

Независимо от этого отдельной задачей стоял вопрос о судьбе самого Ге-ча и о наиболее полезном влиянии наших мероприятий по отношению к нему. Я принужден был в этом вопросе не считаться, конечно, со своим представлением о Ге-че как о мальчике тяжелом и открыто поставленном против коллектива. Если бы я ударился в сторону наименьшего сопротивления, мне как раз не нужно было обращаться к совету командиров для суда над Ге-чем, а нужно было собрать педсовет, который по всем правилам педагогической науки мог бы определить невозможность для Ге-ча оставаться в коммуне, явно для него малоприспособленной как тип учреждения. Ибо по педагогическим правилам для Ге-ча нужно учреждение с более суровым режимом.

Я обратился в совет командиров и потому, что мне нужен был выход для коммунарского гнева, и потому, что только в таком случае можно было рассчитывать на оставление Ге-ча в коммуне. Первое постановление совета командиров меня совершенно удовлетворило, так как после такого

сурового постановления, с одной стороны, разрешались многие комплексы настроений в коммуне, с другой стороны, Ге-ч вводился в сферу суда детколлектива и можно было рассчитывать после недолгого остывания на амнистию по отношению к Ге-чу.

Такая конъюнктура, с моей точки зрения, была одинаково полезна и для коллектива, и для Ге-ча. Коллектив переживал свою «мощь», переживал волну негодования против кражи, должен был пережить и настроение снисхождения и ответственности за самого Ге-ча, все то, что для меня было как раз нужно во всех отношениях. Ге-ч же, так открыто поставивший себя против коллектива и так же нахально и пренебрежительно державшийся на совете командиров, должен был испытать и ту же силу коллектива, и его негодование, и его амнистию. Таким образом, по моему плану достигались обе цели. Подобные операции для меня были далеко не новыми. В моей практике, в особенности по колонии им. Горького, их было много приблизительно такого типа (с индивидуальными уклонениями в ту или другую сторону). Только при помощи таких приемов и создается тот бодрый и дружный тон коллектива, который отличает и нашу коммуну, и отличал колонию им. Горького и который пока что является нашим главным достижением.

И вот в такую сферу моих намерений вдруг вплетаются мысли и приемы, направленные исключительно представлениями о правах человека и гражданина [2], представлениями, разумеется, идеалистическими, но никакого отношения не имеющими к педагогической технике. Тов. Б-н приехал в коммуну как защитник угнетаемого Ге-ча от коммунаров и этим сбил меня со всех позиций. Коммунары остались в положении виноватых, Ге-ч — в положении несчастного страдальца, которого коммунары хотели незаслуженно выгнать, и только защита члена правления позволила ему остаться. Его оставление в коммуне и в глазах коммунаров, и в глазах самого Ге-ча не было актом коммуны, и даже не было суждения о Ге-че, а было суждение о неправильном постановлении совета командиров.

Этот случай сам по себе незначителен. Никаких особенных бед у нас не произошло, несмотря на то что мой план не был проведен. Хуже всего вышло для Ге-ча: он остался в коммуне на прежней позиции аморального стояния против коллектива, и на этой позиции его укрепил приезд товарища Б-на, коллектив пережил неясную напряженность действия, а т. Б-н попал в положение, не выгодное для члена правления,— положение неожиданного тормоза.

Я этот случай разобрал только для того, чтобы характеризовать возможность ненужного и логически чуждого советской педагогике вмешательства случайных соображений и коротких формул. Таких примеров можно из моей практики привести очень много, даже из практики коммуны им. Дзержинского, в которой, как я говорил, мне представлена исключительная свобода педагогического действия по сравнению с другими детскими домами. И в коммуне им. Дзержинского не менее половины моей энергии уходит на преодоление ненужных трений и сопротивлений случайных мыслей и случайных формул.

И благодаря этому в работе нашей коммуны мы никак не можем достигнуть того, на что мы в самом деле способны. Это очень печально: мы не можем достигнуть наибольших успехов только потому, что все

к этому успеху стремимся и все его жаждем. Но в нашей работе нет цельности системы и нет доверия к одному ответственному лицу, и, не будем греха таить, и мы еще не освободились от педагогических предрассудков, раздирающих на части детские дома наробразовского соцвоса.

Очень много соображений, высказанных выше, нужно было бы, конечно, развить и сделать достоянием всех практических работников, но у меня для этого нет времени.

Но я буду считать положительно счастливым, если этот мой доклад хоть в небольшой степени позволит мне познакомить Вас с некоторыми моими планами и мыслями, если благодаря этому Вы меня поддержите своим доверием и позволите произвести последние усилия в нашем опыте.

Те общие положения об условиях работы, которые описаны выше, касаются решительно всех областей работы, комкают всю нашу систему целиком и не позволяют нашей коммуне приобрести настоящее четкое лицо

Я позволю себе в следующем изложении коснуться некоторых проблем, которые, по моему мнению, должны быть разрешены в скором времени и которые отчасти затрагивались на правлении.

ОБЩИЙ ВИД КОММУНЫ

В наших условиях — это тоже проблема. Как-то так получается, что общее представление о коммуне сложилось у многих сотрудников ГПУ и во всем нашем обществе почему-то неблагоприятное. Можно, пожалуй, доказывать, что раз такое представление сложилось, значит, что-то в самом существе коммуны организовано неверно, нужно это неверное искать и искоренить.

Никогда ни одной минутки я не представлял себе, что перед этим общим представлением нужно обязательно преклониться.

Я затрудняюсь назвать ту тенденцию, которая приводит к подобным представлениям о нас, но я ее очень хорошо понимаю. Она ясна и показывает свое существо на каждом шагу. Откуда-то в нашем обществе взялось чисто романтическое отношение к идее детского дома, честное слово, недалеко ушедшее от темы о рождественском мальчике.

[Во-первых], если в коммуне более или менее счастливо живут полтораста ребят, если они получили от общества чистые постели и хороший дом, это всем кажется каким-то прорывом. Необходимо обязательно, чтобы эти дети были педерасты, чтобы они были обязательно изъяты из притонов разврата и преступления, чтобы они предварительно немножко порезались финками. Во-вторых, необходимо, чтобы они жили в условиях первобытной бедности, чтобы в коммуне не было паркета и хорошей мебели, чтобы таким путем они приучались к какой-то специально для них назначенной жизни. Сколько раз мне приходилось слышать упрек по моему адресу, заключающийся в том, что большинство наших детей не было на улице. Уличный стаж в данном случае требуется тоже в порядке романтической настроенности. Как это так? Мальчик не прожил на улице и месяца, а имеет дерзость воспитываться в нашей коммуне и этим самым лишает нас необходимых лавров, лишает нас возможности вокруг нашей работы иметь беспризорно-лирический ореол?

Многие идут еще дальше: ни разу не побывав в коммуне и увидев

ребят только в клубе ГПУ на каком-нибудь празднике в чистом и хорошо сшитом платье, они все-таки довольно громко утверждают, что наши коммунары панычи, белоручки, барчата. Само собой [разумеется], все убеждены, что наши ребята страшно легкие и их даже не нужно воспитывать, никакого труда не стоит с ними возиться, все это замечательно хорошие дети.

Ко всему этому присоединяется откуда-то идущее в нашу работу противопоставление нашей коммуны Прилукской, которая рисуется в самых радужных красках: и ребята там преступные, и живут проще наших, в Харьков приезжают в более или менее неуклюжей одежде, все не только были на улице, но побывали некоторые и в Соловках, а в то же время они все страшные труженики и из них обязательно вырастут настоящие цветы беспризорного воспитания.

Я в Прилуках не был, но были не один раз мои помощники и коммунары, несколько раз были у меня воспитанники-прилучане и очень искренне делились со мной своими жизненными впечатлениями. И поэтому романтические одежды Прилукской коммуны для меня малодействительны. По крайней мере до весны 30-го г. положение в Прилуках было таково, что о педагогических лаврах говорить было, пожалуй, преждевременно. Как теперь — не знаю, но знаю, что упорядочение детского коллектива дело очень сложное и довольно длительное. Кстати сказать, я решительно не верю утверждению, что из Прилукской коммуны за год убежало только сорок человек. У меня почему-то другие сведения.

Между прочим, я считаю педагогическим безобразием вот то культивирование отрыжки прошлого, которое практикуется как в московских коммунах ГПУ, так и в Прилукской коммуне. Сколько я ни видел воспитанников той и другой коммуны, все они носятся со своим прошлым и кокетничают им без отдыха. В торжественных речах они обязательно скажут: вот мы были преступниками, ворами, бандитами, а вот из нас делают людей. Их руководители, в том числе и Погребинский [3], совершенно зачарованы этим самым прошлым и на каждом шагу о нем говорят и воспитанникам, и посетителям, и в литературе. Недавнее письмо ко мне воспитанников Болшевской коммуны с предложением организовать сборник произведений бывших беспризорных тоже говорит, что у них есть много материала, но все это материал из прошлого, преступного прошлого детей.

Прежде всего — это бесчеловечно по отношению к ребятам. Что это за воспитание, которое берет такую дорогую плату с ребят: мы вас воспитываем, но помните, такие-сякие, какие вы были скверные и какими становитесь под нашими руками. Во-вторых, это в последнем счете технически просто безграмотно: зачем тратить человеческую энергию, в данном случае ребяческую, на все эти ненужные переживания, зачем лишать человека той свободы развития, которую на самом деле должна представить ему Советская власть, зачем делать из мальчика надорванное существо, всегда созиающее свою ограниченную человеческую ценность? И именно благодаря этой работе в таких случаях никогда не может получиться сколько-нибудь интересных результатов — продукты работы, в лучшем случае, будут только средними по ценности.

Идеологически это тоже безобразие. Мы давно отказались от представления о прирожденной преступности, и гордиться, что мы из преступника сделали человека,— значит именно утверждать, что мы что-то в нем переделали. Этим гордиться не нужно. Само собой понятно, что одна перемена условий жизни подростка уже и значит, что он перестает быть преступником. Вся эта возня с прошлым воспитанника имеет целью показать в [пре] увеличенном виде так называемые достижения и оправдать некоторые недочеты в общем тоне коллектива и в его жизни.

Для того чтобы успешно состязаться с Прилукской коммуной, мне нужно было бы тоже стать на такую же линию. Поверьте, что это сделать было бы совсем не трудно.

Но мы практикуем другую установку: в нашей коммуне никто никогда не вспоминает своего прошлого, в педколлективе положительно запрещено его касаться как в разговорах, так и в официальных вопросах. Мы совершенно сознательно отказались от всякого учета и всякой регистрации преступных элементов прошлого, и благодаря всему этому оно у нас уничтожено до конца. Его просто нет.

Наши коммунары буквально не тратят на свое прошлое ни одной минуты своей жизни. И я этим горжусь. Я горжусь тем, что в коммуне никогда не произносится слово «беспризорный» и коммунары считают его обидным словом.

Значит ли это, что у наших воспитанников нет прошлого и что они так легки для воспитания?

Для красоты слова еще можно в литературном произведении раскрашивать детские преступления такими яркими красками, какими их описал Погребинский в своей книжке. Но зачем это делать перед такими [реалистическими] людьми, как Вы или, скажем, я? Зачем выдумывать легенды о поголовной преступности нашего беспризорного детства и его трудности? Ведь это значит как раз играть в тон тем западноевропейским болтунам, которые нашу беспризорщину тоже раскрашивают.

«Ужасы» нашей беспризорщины почему-то преувеличивают именно у нас. Не могу понять, для чего это делается. Ведь, пожалуй, так можно убедить все наше общество в том, что наше детство действительно поставлено в такие возмутительные условия.

Прилукская коммуна существует два года. Когда не было этой коммуны, кто воспитывал этих «ужасно преступных» детей? Как же тогда обходились без Прилукской коммуны?

Я восемь лет заведовал колонией им. Горького, специальной колонией для правонарушителей. В этой колонии собирался, собственно говоря, гораздо более трудный элемент, чем в Прилуках, потому что туда мог быть прислан только мальчик, на самом деле совершивший преступление, удостоверенное судебным актом.

И все-таки я скажу: ничего ужасного там не было, все же это были более или менее нормальные люди, с которыми работать было трудно по причинам, пожалуй, от них менее всего зависящим, а зависящим исключительно от наробраза.

И при таких условиях, да еще в условиях большой бедности, процент действительно тяжелых, запущенных ребят едва ли был больше пяти.

И в Прилуках собрано обычное наше беспризорное общество: конечно, запущенное, конечно, состоящее из людей, усвоивших навыки и украсть, и нахальничать, и хулиганить. Но привести это общество в порядок при известном труде далеко не так сложно, как это рисуется. Все эти ребята в подавляющем большинстве вовсе не поклонники беспризорного несчастья, все они хотят учиться, все хотят работать, все хотят спать в чистых спальнях, все хотят быть настоящими людьми. Я утверждаю, что это совершенно нормальные люди, уличные привычки которых ликвидируются довольно быстро при хорошей работе педколлектива...

Наши ребята, побывавшие в Прилуках, также и наши педагоги — все говорят в один голос: ребята там хорошие. И это верно, в этом нет никакого сомнения. Я и сам видел этих ребят и говорил с ними. Такие же ребята и у нас. Откуда это взяли, что у нас ребята более легкие, чем, скажем, в Прилуках? Ведь такие точно дети собраны в других детских колониях (Буды, Валки, Волчанск).

Во всяком случае, у нас более сорока переведенных из колонии им. Горького, т. е. бывших правонарушителей, присланных туда по суду. Утверждение, что у нас легкие, совершенно легкие дети, делается только потому, что в нашем коллективе благополучно,— других оснований нет. А я говорю, что и в Прилукской коммуне может быть так же благополучно, и готов это доказать, и несколько раз предлагал это.

И в нашей коммуне есть очень солидное число достаточно трудных детей, с которыми справляться вообще не так просто. Ведь недаром же я работаю 15 часов в сутки без выходных дней, и вот оканчивается третий год, а я не мог поехать в отпуск. И среди моей работы хозяйственные усилия занимают сравнительно незначительную часть времени. Таких ребят, с которыми менее опытный заведующий не справился бы, у нас человек 25—30, из них с некоторыми и я справляюсь с большим напряжением. Такие, как Ге-ч, могут в Прилуках составить довольно заметную точку.

Сказки о каких-то особенных трудностях в Прилуках и о каких-то особенных «легкостях» у нас — это именно сказки. Все дело в том, что у нас больше сделано в коллективе, и поэтому он в среднем благополучнее. Был же в Харькове ВУЦИКовский детский дом и дом им. Артема, составленный из так называемых нормальных детей. Ведь разнесли и тот и другой дом ребята? И нашу коммуну разнесут, если не работать в ней педагогам как следует.

И получается действительно странно: то именно, что составляет результат нашей работы, вдруг делается основанием для какого-то почти упрека. В Прилуках занимались педерастией, значит это, что в Прилуках лучше? А я утверждаю, что занимались педерастией только потому, что ни к черту не годны те педагоги, которые там были в то время. При правильной работе в детском доме о педерастии никому в голову не придет.

Такие же сказки рассказывают о наших ребятах, как о барчуках. Если считать рабочим человеком только того, кто небрежно одет, или не умеет причесаться, или не умеет обращаться с носовым платком, или матерно выражается, тогда, пожалуй, и такая сказка к месту. Чисто внешняя культура — самое легкое, чего можно достигнуть в детском доме, и она совершенно необходима. Она уже поднимает человека в собственных глазах и помогает ему держаться прямо на ногах. Привычка к чистоте, к аккурат-

ности, к почищенным зубам, к вежливости — это то, с чего в крайнем случае даже можно начинать. Вот о чем приходится говорить А костюм? Да, в коммуне есть суконные парадные хорошо сшитые костюмы, которые коммунары надевают четыре-пять раз в год. Ведь вот в течение трех лет мы их даже не износили, они еще проносятся года три, в таких костюмах нас видят в обществе и на этом основании заключают, что дзержинцы — панычи. А товарищ Элькин до сих пор повторяет старые утверждения: все для внешности. Нужно было привести в клуб ГПУ толпу полудиких, малокультурных ребят, тогда, очевидно, все были бы довольны. И здесь явно результаты нашей работы обращаются в основания для упрека.

И еще сказка: наши ребята только теперь начали работать Простая выдумка, называемая иначе ложью. С первого дня существования коммуны ребята работали четыре часа в день, и никогда ни один коммунар не мог быть без работы. Совсем другой вопрос, к чему приводила эта работа: делали вручную шкафы и кассы. Вручную это делать долго и невыгодно, но все же делали, и половина квартир сотрудников ГПУ обставлена нашей мебелью, за которую до сих пор не заплачено больше 2 тысяч рублей. Самый клуб ГПУ оборудован работой коммунаров, оборудованы клубы союза металлистов в Харькове, союза химиков в Донбассе на 2 тысячи мест, да и многие другие менее заметные учреждения. Повторяю, все это делалось вручную при небольшом участии машин. Никогда я не мог упрекнуть коммунаров в лени или в плохой работе — они свои обязанности исполняли добросовестно, хотя и не получали платы.

А почему говорят, что коммунары дармоедами были? Просто потому, что не отвечают за свои слова. а говорить для чего-то представляется выгодным.

И еще одна сказочная мысль: у ребят малый уличный стаж. Вы даже представить себе не можете, до чего легко было бы для меня сделать этот уличный стаж более солидным: взять и написать, да еще в ярких красках, об уличных подвигах бывших беспризорных. Кто проверит и какими способами? И ведь так и делают: для доброго имени детского дома необходимо, чтобы его воспитанники обязательно имели уличный стаж.

Как будто уличный стаж что-то определяет. Семейные дети нисколько не легче уличных, т. е. совершенно такие же, как и на улице. Количество морально отсталых среди семейных детей вовсе не меньше, чем на улице. Вот наш Ге-ч из семьи. Возьмите статистику комиссий по делам несовершеннолетних, и Вы увидите, что количество преступлений семейных детей до конца подавляет преступления беспризорных, а ведь они живут в гораздо лучших условиях. Среди коммунаров самые тяжелые именно семейные дети. Они тяжелее еще и потому, что меньше дорожат коммуной. Не бывает дня, чтобы в коммуну не приезжал или не приходил какой-нибудь товарищ и не просил как-нибудь устроить его сына или дочку в коммуну, потому что он крадет, хулиганит, пропадает на улице. Бывают дни, когда таких просителей бывает по нескольку. Все это случаи, не зарегистрированные даже статистикой комиссий.

Наконец, что же делать, если количество уличных детей в СССР не так велико, как это нужно для педагогического романтизма? Ведь не даром же столько денег тратится на борьбу с беспризорностью? Того

мальчика или девочку, который, очутившись в нужде, был немедленно отдан в детский дом, не могу же считать бывшим на улице.

Все дети голода [4], которых и сейчас много в коммуне, большей частью не были на улице. Все девочки не были на улице, это общее правило не только для нашей коммуны. Во всех детских домах, в том числе и в Прилукской коммуне, биографии большинства детей не заключают в себе уличного стажа, если не считать двух-трех недель. Обычное правило, что мальчик или девочка, оставшиеся без родителей, кем-либо пристраиваются в ближайший детский дом. В этом и заключается настоящая ценность нашей борьбы с беспризорностью. Если мальчик даже и попадает на улицу, для него представляется очень нетрудным попасть в детский дом, и только заядлые бегуны скоро убегают из детского дома, большинство же в нем остаются. Для меня никогда не представлялось нужным уменьшать значение этих мер в борьбе с беспризорностью и обесценивать в чьих-нибудь глазах нашу борьбу с беспризорностью.

Даже и для увеличения наших достижений это невыгодно делать... Постоянные переводы мальчика из одного детского дома в другой, постоянные расформирования и переформирования детских домов — это настоящее зло... Поэтому мальчик, прошедший через все мытарства педагогической премудрости, бывает нисколько не меньше запущен, чем уличный, да еще снабжен специальной потребительской психологией, которую специально в детских домах воспитывают.

И наконец о побегах. Три случая в год. Это для всякого понятливого человека — рекордная цифра. Я никогда не наблюдал подобной цифры и горжусь ею, тем более что ни один коммунар не убежал на улицу. Нужно нарочно чрезвычайно несправедливо и возмутительно относиться к работе коммуны, чтобы три побега в год сделать базой для каких бы то ни было разговоров. Во всяком случае, это совершенно неприлично. Может быть, и не столько много моей заслуги в том, что у нас так мало побегов, но того, кто добился этого, весь наш коллективный труд, в том числе заботы и труд правления, можно только отметить как заслуживающие положительного отношения.

Я совершенно не понимаю, как может член правления, собственно говоря, так неосторожно и явно нарочито чернить работу собственного детского учреждения? Для меня нет никаких сомнений, что товарищ Элькин враждебно относится к нашей коммуне, и пользы от такого отношения для коммуны не будет никогда.

По существу о побегах. В известной мере число побегов, конечно, определяет положение детского дома, но прямо связывать эти две вещи ни в коем случае нельзя. Я видел детские дома совершенно развалившиеся, в которых педперсонал потерял всякую власть над детьми, и из них мало бежали — привольно жить в таком доме, можно безнаказанно воровать и обкрадывать даже педагогов. Крепкий, дисциплинированный детский коллектив иногда отпугивает мальчиков, привыкших к полной анархической свободе, и, если для такого мальчика представляется случай где-нибудь устроиться, он уходит из дома, а чтобы можно было с собой унести одежду, он уходит тайно. Положение наших мастерских, дающих в известном числе случаев — слабую квалификацию, свободно может по-

вести к побегу тех мальчиков, которым уже по 16 лет и они имеют возможность пристроиться где-нибудь на работе.

При таких условиях три побега в год, даже для непросвещенного внимания,— настоящее чудо. В моей практике это рекордная цифра, и за большие достижения я при настоящих условиях ни в каком случае ручаться на будущее не могу.

При этом я знаю, чтó нужно сделать в коммуне, чтобы уменьшить до последней степени возможность побегов, но пока что это не в моей власти.

Точно так же я совершенно не могу отвечать за возможные рецидивы среди выпущенных воспитанников. Есть ребята, которые могут нас всегда порадовать рецидивом через год или два после выпуска. Это обязательно народ умственно отсталый, а таких в коммуне всегда имеется процентов 10. С интеллектом вообще педагогика до сих пор не знает средства справляться. Если человек глуп, то это надолго. Слабый интеллект, соединенный со слабостью воли,— комплекс настолько ненадежный, что в известной среде рецидив почти неизбежен. Конечно, в редких случаях наш выпускник попадает под дурное влияние, и поэтому в редких случаях возможен и рецидив, но вообще он возможен, и за него я отвечать не могу. И сейчас в коммуне есть несколько человек, судьба которых после выпуска их из коммуны не представляется обеспеченной морально.

А нужно еще заметить, что по отношению к нашим выпускникам правлением решительно ничего не сделано, чтобы жизнь их была хоть на первое время сносной. Вот те девочки, которые работают в «Динамо» и которых т. Э. обвиняет в кражах. Сколько времени они должны были жить на 30 рублей в месяц?

Правление совсем не знает, как мне трудно пришлось с выпускниками без квартир и без каких бы то ни было ассигнований для первоначальной помощи выпускаемым.

При таком положении возможны рецидивы. Правда, что касается девочек с «Динамо», то рецидивы тут едва ли установлены Поскольку я был в силах проверить заявление т. Э., в кражах этих можно основательно сомневаться. По рассказам коммунаров и бывших коммунаров, некоторых девочек подозревали в краже пальто у работницы и даже арестовали и отправили в район[ную] милицию (между прочим, всех). Подозрение на них пало только потому, что они раньше кончают работу и раньше уходят. Разумеется, сыграло роль и то обстоятельство, что они беспризорные. Девочки уверяют меня, что в краже они не участвовали, что из района их скоро выпустили, что пальто украдено уборщицей, которая за это и уволена. Проверить эти данные я не мог, так как местком, к которому я обратился с вопросом, ответил мне через бывшего коммунара Бокова, что с такими вопросами я должен обращаться в угрозыск. О других случаях никто ничего не знает.

ПОЛИТВОСПИТАНИЕ

Признаюсь Вам откровенно: в постановке этого вопроса т. Б-вым я ничего не могу понять. Вопрос ставится в форме по меньшей мере странной. Никто не спрашивает, насколько политически воспитаны наши коммунары, насколько они быстро идут вперед по пути политического развития. Спрашивают о другом: применяются ли вот такие-то и такие-то

политические средства, якобы обеспечивающие политическое воспитание. Б-в глубоко убежден, что политическое воспитание проводит он, а так как он сравнительно мало бывает в коммуне и так как коммунары чрезвычайно заняты, чтобы лишний раз посидеть на заседании, то он и делает вывод, что политическое воспитание поставлено слабо.

Но я имею дерзость думать, что политическое воспитание вовсе не проводится товарищем Б-вым, который, собственно говоря, и не умеет его проводить, ибо для этого тоже нужно иметь и специальные знания, и специальные способности, и подготовку. Я вовсе не склонен уступить товарищу Б-ву честь политического воспитания коммунаров до конца и безраздельно. И если учитывать не только работу товарища Б-ва, а учитывать работы и всего персонала, и мою собственную, а самое главное, всю работу коммуны, весь цикл напряжения и тона, работу всех коммунарских органов, то даже с точки зрения «метода средств» политическое воспитание будет найдено.

По Б-ву, выходит так: начались занятия на рабфаке, не стало хватать времени у коммунаров для заседаний — и исчезло политическое воспитание. Но ведь рабфак существует только с 1 октября? А до 1 октября что было? Ведь коммунары в течение двух месяцев вовсе не работали в школе, а в течение всей зимы работали гораздо с меньшей нагрузкой, чем на рабфаке. Наконец, половина коммунаров не состоит на рабфаке

И во все эти времена политическое воспитание проводилось если не Барбаровым, то кем-нибудь другим.

Если бы я полагался на товарища Б-ва и ожидал только от его работы каких-либо эффектов, я был бы круглым дураком и самым последним заведующим.

Я очень уважаю т. Б-ва, и он хороший работник, но как работник на рабочем фронте, [непосредственно] с ребятами — он уступит многим нашим педагогам. Б-ов, собственно говоря, никогда и не был постоянным работником в коммуне. Для того чтобы с ребятами что-нибудь сделать, нужно проводить с ними все время. Б-ов вовсе не политрук и вовсе не мой заместитель. Он постоянный представитель правления в коммуне, пользующийся доверием правления в большей степени, чем завкоммуной (что вполне естественно). И как представитель правления, как участник общих организационных усилий, он принимал участие и в организации политического воспитания.

Главный процесс политического воспитания в коммуне организован мной, и я за него отвечаю, если судить по результатам, а не по применяемым средствам.

..Я совершенно не могу понять, как можно говорить о воспитании в Советском Союзе, предполагая, что оно поставлено правильно, и думать, что политическое воспитание где-то отсутствует. Каждый воспитательный шаг у нас должен быть проникнут политическим воспитанием, и если это не так, то все наше воспитание просто вредительство и никуда не годится. Политическое воспитание — это не отдельный участок в коммуне, а это именно и есть наше воспитание. Если мне говорят, что у меня все хорошо, но нет политического воспитания, то я должен понимать это так, что вся работа вообще ничего не стоит..

В таком случае спрашивается, о чем же говорят?

Если говорить о политическом образовании, то и сам Б-ов признает, что коммунары очень быстро идут вперед в своем политическом развитии; для этого достаточно, впрочем, прочитать зачетные работы коммунаров по предмету Б-ва на рабфаке. Если говорить о политическом настроении, то оно для всех явно и ясно.

При этом вовсе неправильно было бы думать, что коммунары слабо осведомлены о всех явлениях текущей политики. Они много читают газет и книг, они в курсе событий и очень активно их обсуждают и относятся ко всем вопросам с большой страстью. Если говорить о коммунарах как о будущих членах нашего общества, то я ручаюсь за них, ручаюсь за их первосортность.

О чем же тогда говорят?

Говорят о том, что такие-то и такие-то средства политического воспитания не применяются. Какие средства? .

Вот одно из них: общественно полезная работа. . Самый термин «общественно полезная» работа говорит много, и как будто называется им полезное дело. На практике работу эту сводят к тому, что воспитанники должны потерять огромное количество времени для разного хождения, должны принять участие в работе, которой они не знают, которую им на самом деле с большой (политической) пользой для себя нужно было сделать и можно было сделать.

Никаких методик «общественно полезной работы» нет, технически получается дилетантство или головотяпство.

Мальчик должен ходить в Шишковку и ликвидировать неграмотность. Но он не умеет этого делать, для этого нужна хотя бы небольшая методическая подготовка, он не имеет времени этого делать, эта работа вызывает у него отвращение, потому что он с ней не знаком. При этом этот самый бедный мальчик и так загружен по горло, но он все-таки должен ходить только потому, что кому-то когда-то пришло в голову, что для него эта работа воспитательно полезна.

Или он должен читать лекции в совхозе. Читать он их не умеет, слушатели спят и расходятся, сам он раздражается, но кто-то сказал, что это очень хорошее воспитательное средство. А кто наблюдал результаты применения такого средства? Я сколько ни наблюдал, но результаты всегда получались плачевные. Хорошо еще, если тот же мальчик не научится пьянствовать в Шишковке или просто ухаживать за девицами.

Все такая общественно полезная работа основана почему-то на принципе благотворительности и почти не имеет общественного характера. Это обычные индивидуальные работы, только плохие. Общественное же усилие всей коммуны на таком фронте, конечно, мало возможно по причинам, от нас не зависящим.

Общественная работа политических организаций в коммуне нисколько не страдала от присутствия рабфака. Я сказал бы даже, что здесь недостатки в работе происходили исключительно по причинам, не зависящим ни от коммунаров, ни от организации коммуны в целом. Дело в том, что в самой организации коммуны столько выходов общественной мысли, что они вполне удовлетворяют [наши] потребности вести общественную работу. Разве совет командиров не политическая организация, а ведь у нас, кроме совета командиров, есть еще много органов, направляемых

комсомолом и состоящих из комсомольцев. Закрывать глаза на это обстоятельство — значит видеть в общественной работе исключительно внешнюю сторону вопроса.

Если говорить о времени для собраний бюро или общих собраний комсомола, то они всегда возможны. Вот сейчас я организовал в коммуне литературный кружок, в который записалось так много членов, что пришлось разбить его на три секции и с каждой работать отдельно, и для всех находится время, и все хотят почаще собираться. Значит, при желании всегда можно собрать любое собрание и любой орган. Каких-либо непреоборимых препятствий для этого никогда не было и не может быть.

Вот я подсчитал работу общественных органов коммуны за последние десять дней.

Было.

Общих собраний коммунаров	4	Собрание с Краснофронт[ом][5]	1
Совета командиров	3	Поход в город	1
Собрание комсомольского актива	1	Лекций общих	2
Хозяйственное совещание	1	Квартирная комиссия	1
Контрольная комиссия	2	Штаб соцсоревнования	1
Клубных организаций	24	Бюро	1
Комиссия по празднику	4	Общее комсомольское	1
Спектакль	1	Всего	[48]

В этом списке можно переставить любые цифры, и, следовательно, бюро или комсомольское собрание можно собрать сколько угодно раз. Во всяком случае, общее собрание коммунаров мы собираем всегда, когда появляется хоть одна тема, и никогда из-за этого у нас не было недоразумений.

Общая стихия коммунарского коллектива и без того достаточно общественная. Если идет разговор о необходимых внешних формах, их функционирование всегда в наших руках.

Это вовсе не значит, что нам некуда дальше идти. Мы идем вперед, и мы будем развиваться.

Но заметный шаг вперед мы можем сделать только при том условии, если производство коммуны будет в руках коллектива. Так как с Вашим приходом в правление, очевидно, вопрос о самоокупаемости перестал быть актуальным, то, собственно говоря, ничто не мешает этому переходу. Риск тут небольшой: все равно сейчас в производстве все связано веревками и еле держится. Пусть коммунарский коллектив серьезно станет на путь улучшения производства. Для будущих инженеров это совсем не плохо, а ребята наши для этого достаточно серьезны. Во всяком случае, строить воспитание на одном сдельном заработке далеко не завидно. А мы, кажется, к этому идем.

Только в таком случае можно будет говорить, что у нас не только настоящее политическое воспитание, но и настоящее диалектическое, так как развитие нашей индустриализации требует людей, привыкших к организационным усилиям. Разве мы можем сказать, что наш рабочий класс достаточно воспитан в этом отношении или что воспитано наше инженерство.

Отделываться от этого вопроса при помощи слова «делячество» нельзя Мы вовсе не интересуемся прибылями, если ими не заинтересовано правление.

Простите за длинное письмо. Я еще всего не сказал, у меня очень мало времени...

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЭТИКА И ВОСПИТАНИЕ

ЦЕЛЬ ВОСПИТАНИЯ

В педагогической теории, как это ни странно, цель воспитательной работы обратилась в категорию почти забытую. На последнем Всероссийском научном совещании по педагогическим наукам о цели воспитания не говорилось. Можно думать, что научной педагогике нет никакого дела до этого вопроса.

В специальных педагогических контекстах недопустимо говорить только об идеале воспитания, как это уместно делать в философских высказываниях. От педагога-теоретика требуется решение проблемы не идеала, а путей к этому идеалу. Это значит, что педагогика должна разработать сложнейший вопрос о цели воспитания и о методе приближения к этой цели.

Точно так же мы не можем говорить только о профессиональной подготовке нового поколения. Мы должны думать и о воспитании такого типа поведения, таких характеров, таких личных качеств, которые необходимы Советскому государству в эпоху диктатуры рабочего класса, в момент становления бесклассового общества.

Как же обстоит у нас дело с этой проблемой?

В начале революции наши педагогические писатели и ораторы, разогнавшись на западноевропейских педагогических трамплинах, прыгали очень высоко и легко «брали» такие идеалы, как «гармоническая личность». Потом они заменили гармоническую личность «человеком-коммунистом», в глубине души успокаивая себя дельным соображением, что это «все равно». Еще через год они расширили идеал и возглашали, что мы должны воспитывать «борца, полного инициативы».

С самого начала и проповедникам, и ученым, и посторонним зрителям было одинаково понятно, что при такой абстрактной постановке вопроса об «идеале» проверить педагогическую работу все равно никому не доведется, а потому и проповедь указанных идеалов была делом совершенно безопасным.

Педагогическая арена все более делалась достоянием педологии, и к 1936 г. у педагогов остались самые незначительные «территории», не выходящие за пределы частных методик.

Педология почти не скрывала своего безразличного отношения к нашим целям. Да и какие же цели могли вытекать из «среды и наследственности», кроме фатального следования педолога [1] за биологическими и генетическими капризами?

Педологи сумели сохранять самое жреческое выражение во время подобных манипуляций, а мы, развесив уши, слушали их и даже чуточку удивлялись: откуда у людей такая глубокая ученость? Впрочем, не только удивлялись, но и подражали. А. С. Бубнов [2] в своей статье в «Коммунистическом просвещении» (№ 5—6 за 1936 г.) приводит случай, когда деятели научной педагогики тт. Каменев и Пинкевич в объяснительной записке к программе по общей педагогике писали: «Система расположения материала подчиняется не отдельным отвлеченно взятым «целям», «темам», «вопросам»... а воспитанию и обучению детей определенного возраста».

Если возраст является единственным направляющим началом педагогики, то, разумеется, слово цели можно взять в иронические кавычки. Но мы вправе заинтересоваться: почему вдруг в нашей стране воспитание молодого поколения сделалось игрушкой возрастных, биологических, психологических и других симпатий? Почему такое презрение высказывается по отношению к самой идее целенаправленности?

На эти вопросы можно ответить различно. Может быть, причины заключаются в простом безразличии к нашей жизни и нашим целям. Ну, а если дело в сознательном намерении скомкать нашу воспитательную работу, сделать ее безразличной и пустой дрессировкой личности в пределах тех возможностей, которые сами собой в этой личности открываются: личность способна научиться читать — прекрасно, пусть учится; она проявляет наклонности к спорту — тоже неплохо; она никаких наклонностей не проявляет, и то хлеб для педолога — это «трудная» личность, и можно над ней покуражиться вволю.

Трудно подсчитать раны, нанесенные педологией делу социалистического строительства на самом важнейшем его участке — воспитания молодежи. Дело идет о болезни теории, и даже не теории, а теоретиков, ослепленных педологией настолько, что они потеряли способность видеть истинные источники теории. В этом смысле болезнь имеет вид довольно несимпатичный. Суть этой болезни не только в количестве педологических положений, сохранившихся до сегодняшнего дня, не только в некоторой пустоте, образовавшейся на месте педологического Олимпа, суть в отравлении самого нашего мышления. Научная мысль даже в искренней критике педологических утверждений еще содержит педологические пережитки.

Зараза довольно глубока. Инфекция началась еще до революции в гнездах экспериментальной педагогики [3], для которой характерен был разрыв между изучением ребенка и его воспитанием. Буржуазная педагогика начала XX в., разрываемая на части многочисленными школами и новаторами, бесконечными колебаниями от крайнего индивидуализма до бесформенного и нетворческого биологизма, могла казаться революционной наукой, потому что выступала под знаменем борьбы с казенной школьной муштровкой и официальным ханжеством. Но для чуткого уха уже и тогда были основания весьма подозрительно встретить эту «науку», лишенную прежде всего настоящего научного базиса. Уже и тогда можно было видеть в ней очень сомнительные склонности к биологическим экскурсам, в сущности своей представляющие явную попытку ревизии марксистского представления о человеке.

Биологические тенденции экспериментальной педагогики и потом педологии отталкивают каждого учителя-марксиста. И напрасно думают, что наше учительство заморочено педологией. Если кто и заморочен, то не учительство.

Выполнить призыв партии — «восстановить в правах педагогику и педагогов» — мы способны только при одном условии: решительно порвав с безразличным отношением к нашим государственным и общественно-политическим целям.

На Всероссийском совещании по педагогическим наукам в апреле 1937 г. был поставлен специальный доклад: «Методические принципы воспитательной работы». Что в этом докладе сказано о целях воспитания, каким образом из этих целей вытекает метод?

Доклад имеет такой вид, как будто цели воспитания автору и слушателям давно хорошо известны, нужно говорить только о методах, о средствах их достижения. Только для торжественного финала, отделенного от остального изложения некоторой черточкой, докладчик возглашает:

«В основе их (принципов) лежит принцип коммунистической направленности, который является общим руководящим диалектическим принципом воспитания, поскольку он определяет и содержание, и методы, и организацию всей воспитательной работы».

И в самом конце:

«Принцип этот требует от педагога партийности в работе, политической бдительности, глубокого понимания целей, средств и условий воспитания».

Такие именно финалы и раньше наблюдались в педагогических писаниях. От педагога всегда требовалось высокое совершенство, всегда теоретик любил сказать два слова: «педагог должен». А в чем заключается долг самого теоретика, имеется ли у него самого «глубокое понимание целей, средств и условий»? Может быть, и имеется, но почему в таком случае теоретик держит свои богатства в секрете, почему он не раскрывает перед слушателями глубин своего знания? Почему только «под занавес» он иногда позволяет себе нечто продекламировать о целях и условиях, почему в самом изложении этих целей не видишь и не чувствуешь? И наконец, до каких же пор такой теоретик будет отделываться общеизвестным утверждением, что наше воспитание должно быть коммунистическим?

Когда я в своей книге «Педагогическая поэма» протестовал против слабости педагогической науки, меня на всех перекрестках обвиняли в неуважении к теории, в кустарщине, в отрицании науки, в пренебрежении к культурному наследству. Но вот передо мной специальный доклад о методах воспитания, предложенный на специальном научном совещании. В докладе не упоминается ни одно ученое имя, нет ссылки ни на одно научное положение, нет попытки применить какую-либо научную логику. Доклад в сущности представляет собой обыкновенное домашнее рассуждение, средний навар из житейской мудрости и благих пожеланий. Только в некоторых местах в нем проглядывают уши известного немецкого педагога Гербарта, который, между прочим, почитался и царской официальной педагогикой как автор так называемого воспитывающего обучения [4].

В начале вышеприведенного доклада говорится, что, несмотря на улучшение, у нас имеются и недостатки. Недостатки следующие:

а) нет надежной системы и последовательности в организации воспитательной работы педагога;

б) воспитательная работа протекает от случая к случаю, главным образом в связи с отдельными проступками учащихся;

в) в организации воспитательной работы наблюдается разрыв воспитания;

г) наблюдается разрыв воспитания, обучения и руководства детьми;

д) наблюдаются случаи нечуткого подхода.

Эти, скромно выражаясь, недостатки приобретают весьма выразительный вид, если мы к ним прибавим еще один: неясность вопроса, в каком направлении, к каким целям «протекает» эта воспитательная работа, не имеющая системы и последовательности, живущая от случая к случаю, украшенная разными «разрывами» и «нечуткими подходами».

Автор признает, что «воспитательная работа носит по существу характер оберегающего воздействия и сводится к борьбе с отрицательными проявлениями в поведении учащихся, т. е. на практике осуществляется один из тезисов мелкобуржуазной теории свободного воспитания». «...Воспитательное воздействие педагога начинается в таких случаях лишь после того, как ученики совершили проступок».

Следовательно, мы можем позавидовать только тем детям, которые совершили проступки. Их все-таки воспитывают. Автор как будто не сомневается, что их воспитывают правильно. Мне бы хотелось знать, как их воспитывают, какими целями руководствуются в их воспитании. Что же касается детей без проступков, то их воспитание «протекает» неизвестно куда.

Посвятив недостаткам три четверти доклада, докладчик переходит к своему положительному кредо. Оно имеет вид очень доброжелательный:

«Воспитывать детей — это значит прививать им положительные качества (честность, правдивость, добросовестность, дисциплинированность, любовь к учебе, социалистическое отношение к труду, советский патриотизм и пр.) и на этой основе исправлять имеющиеся у них недостатки».

В этом милом «научном» перечислении меня все приводит в восторг. Больше всего мне нравится «и пр.». Так как перед этим «положительным качеством» стоит «советский патриотизм», то можно надеяться, что «и пр.» будет тоже неплохо. А какая тонкость в понятиях: с одной стороны — честность, с другой — добросовестность, а между ними, обложенная добродетелями, как ватой, помещается «правдивость». Вид замечательно приятный! Какой читатель не прослезится, услышав, что и любовь не забыта, на первое время, конечно, к учебе. А посмотрите, с каким старанием выписано слово «дисциплинированность»! И это ведь всерьез, потому что перед ним стоит «ответственность».

Но одно дело — декларация, а другое дело — будничная работа. В декларациях коммунистическое воспитание, а в частном случае — неразборчивая мешанина досужих находок, отравленных педологическим инертным фатализмом.

Вот отдел «консультации» в № 3 «Коммунистического просвещения» за прошлый год. Ответ товарищу Немченко:

«Когда приходится с ребенком или подростком проводить беседу о нарушении им правил внутреннего распорядка школы, о совершении им недопустимого для школьника поступка,— надо вести эту беседу спокойным, ровным тоном. Ребенок должен чувствовать, что учитель, даже при применении мер воздействия, делает это не из чувства злобы, не рассматривает это как акт мести, а исключительно как обязанность, которую учитель выполняет в интересах ребенка».

Каким целеустремлением направляется подобный совет? Почему учитель должен выступать как бесстрастный ментор, «ровным» голосом изрекающий поучение? Кому неизвестно, что именно такие учителя, у которых ничего нет за душой, кроме «обязанности», вызывают отвращение у ребят, а их «ровный голос» производит самое отталкивающее впечатление? Какие положительные качества личности должны быть воспитаны рекомендуемым бесстрастием?

Еще интереснее ответ товарищу Позднякову. В нем довольно нежными красками описывается случай, когда учитель обнаружил вора, укравшего у товарища три рубля. Учитель никому не сказал о своем открытии, а поговорил с укравшим наедине. «Никто из учащихся класса так и не узнал, кто же украл, в том числе и девочка, у которой были украдены деньги». По словам «консультации», ученик, совершивший этот поступок, с тех пор стал прилежнее заниматься и отлично соблюдать дисциплину.

Консультант приходит в восхищение:

«Вы чутко подошли к нему, не стали позорить его перед всем классом, не сказали его отцу, и мальчик оценил эту чуткость... Ведь учащихся вашего класса и не было надобности воспитывать на поступке мальчика, укравшего деньги, а этому мальчику вы нанесли бы тяжелую внутреннюю рану».

Стоит остановиться на этом «рождественском» случае, чтобы выяснить, как велико его расстояние от коммунистического воспитания. Прежде всего отметим, что подобное «чуткое» мастерство возможно в любой буржуазной школе, в нем нет ничего принципиально нашего. Это обыкновенный случай парного морализирования, когда и воспитатель и воспитанник стоят в позиции tête-a-tête. Консультант уверен, что здесь произошел положительный акт воспитания. Может быть, но какого воспитания?

Давайте присмотримся к мальчику, поступок которого был скрыт от коллектива. По мнению консультанта, весьма важное значение имеет то обстоятельство, что мальчик «оценил эту чуткость». Так ли? Мальчик остался в сознании своей независимости от общественного мнения коллектива, для него решающим явилось христианское всепрощение учителя. Он не пережил своей ответственности перед коллективом, его мораль начинает складываться в формах индивидуальных расчетов с учителем. Это не наша мораль. В своей жизни мальчик будет встречаться с очень многими людьми. Неужели его нравственная личность будет строиться в случайных комбинациях с их воззрениями? А если он встретится с троцкистом, какие у него выработаны способы сопротивления для такой встречи? Мораль уединенного сознания — это в лучшем случае мораль «доброго» человека, а большею частью это мораль двурушника [5].

Но дело не только в мальчике. Есть еще и класс, т. е. коллектив, один из членов которого совершил кражу. По мысли консультанта, «учащихся класса не было надобности воспитывать на поступке мальчика». Странно. Почему же нет надобности?

В коллективе произошла кража, а воспитатель считает возможным обойтись без мобилизации общественного мнения по этому поводу. Он позволяет классу думать что угодно, подозревать в краже кого угодно, в последнем счете он воспитывает в классе полное безразличие к таким случаям; спрашивается, откуда возьмется у наших людей опыт борьбы с врагами коллектива, откуда придет к ним опыт страсти и бдительности, каким образом коллектив научится контролировать личность?

Вот если бы учитель передал случай с кражей на рассмотрение коллектива, а я предлагаю даже большее — на решение коллектива, тогда каждый ученик был бы поставлен перед необходимостью активно участвовать в общественной борьбе, тогда учитель получил бы возможность развернуть перед классом какую-то моральную картину, дать детям и положительные чертежи правильного поступка. И каждый ученик, переживший эмоцию решения и осуждения, тем самым привлекался бы к опыту нравственной жизни. Только в такой коллективной инструментовке возможно настоящее коммунистическое воспитание. Только в этом случае и весь коллектив, и каждый отдельный ученик приходят к ощущению силы коллектива, к уверенности в его правоте, к гордости своей дисциплиной и своей честью. Само собой разумеется, что проведение такой операции требует от воспитателя большой тактичности и большого мастерства.

При самом поверхностном анализе на каждом шагу мы можем убедиться, что наше педагогическое движение в отдельном случае происходит не в направлении коммунистической личности, а куда-то в сторону. Поэтому в формировании личности, личных деталей нового человека мы должны быть в высшей степени внимательны и обладать хорошей политической чуткостью. Эта политическая чуткость является первым признаком нашей педагогической квалификации.

Кроме того, мы всегда должны помнить еще одно обстоятельство, чрезвычайно важное. Каким бы цельным ни представлялся для нас человек в порядке широкого отвлечения, все же люди являются очень разнообразным материалом для воспитания, и выпускаемый нами «продукт» тоже будет разнообразен. Общие и индивидуальные качества личности в нашем проекте образуют очень запутанные узлы.

Самым опасным моментом является страх перед этой сложностью и этим разнообразием. Страх этот может проявляться в двух формах: первая заключается в стремлении остричь всех одним номером, втиснуть человека в стандартный шаблон, воспитать узкую серию человеческих типов. Вторая форма страха — это пассивное следование за каждым индивидуумом, безнадежная попытка справиться с миллионной массой воспитанников при помощи разрозненной возни с каждым человеком в отдельности. Это — гипертрофия «индивидуального» подхода.

И тот и другой страх не советского происхождения, и педагогика, направляемая этими страхами, не наша педагогика: в первом случае она будет приближаться к старым казенным нормам, во втором случае — к педологии.

Достойной нашей эпохи и нашей революции организационной задачей может быть только создание метода, который будучи общим и единым, в то же время дает возможность каждой отдельной личности развивать свои особенности, сохранять свою индивидуальность. Такая задача была бы абсолютно непосильной для педагогики, если бы не марксизм, который давно разрешил проблему личности и коллектива.

Совершенно очевидно, что, приступая к решению нашей частной педагогической задачи, мы не должны мудрствовать лукаво. Мы должны только хорошо понять положение нового человека в новом обществе. Социалистическое общество основано на принципе коллективности. В нем не должно быть уединенной личности, то выпяченной в виде прыща, то размельченной в придорожную пыль, а есть член социалистического коллектива.

В Советском Союзе не может быть личности вне коллектива и поэтому не может быть обособленной личной судьбы и личного пути и счастья, противопоставленных судьбе и счастью коллектива.

В социалистическом обществе много таких коллективов: широкая советская общественность сплошь состоит именно из таких коллективов, но это вовсе не значит, что с педагогов снимается долг искать и находить в своей работе совершенные коллективные формы. Школьный коллектив, ячейка советского детского общества, прежде всего должен сделаться объектом воспитательной работы. Воспитывая отдельную личность, мы должны думать о воспитании всего коллектива. На практике эти две задачи будут решаться только совместно и только в одном общем приеме. В каждый момент нашего воздействия на личность эти воздействия обязательно должны быть и воздействием на коллектив. И наоборот, каждое наше прикосновение к коллективу обязательно будет и воспитанием каждой личности, входящей в коллектив.

Эти положения, в сущности, общеизвестны Но в нашей литературе они не сопровождались точным исследованием проблемы коллектива. О коллективе нужно специальное исследование.

Коллектив, который должен быть первой целью нашего воспитания, должен обладать совершенно определенными качествами, ясно вытекающими из его социалистического характера. В короткой статье, может быть, невозможно перечислить все эти качества, я укажу главные.

А. Коллектив объединяет людей не только в общей цели и в общем труде, но и в общей организации этого труда. Общая цель здесь — не случайное совпадение частных целей, как в вагоне трамвая или в театре, а именно цель всего коллектива. Отношение общей и частной цели у нас не есть отношение противоположностей, а только отношение общего (значит, и моего) к частному, которое, оставаясь только моим, будет итожиться в общее в особом порядке.

Каждое действие отдельного ученика, каждая его удача или неудача должны расцениваться как неудача на фоне общего дела, как удача в общем деле. Такая педагогическая логика должна буквально пропитывать каждый школьный день, каждое движение коллектива.

Б. Коллектив является частью советского общества, органически связанной со всеми другими коллективами. На нем лежит первая ответственность перед обществом, он несет на себе первый долг перед всей

страной, только через коллектив каждый его член входит в общество. Отсюда вытекает идея советской дисциплины. В таком случае каждому школьнику станут понятны и интересы коллектива, и понятия долга и чести. Только в такой инструментовке возможно воспитание гармонии личных и общих интересов, воспитание того чувства чести, которое ни в какой мере не напоминает старого гонора зазнавшегося насильника.

В. Достижение целей коллектива, общий труд, долг и честь коллектива не могут стать игрой случайных капризов отдельных людей. Коллектив — не толпа Коллектив есть социальный организм, следовательно, он обладает органами управления и координирования, уполномоченными в первую очередь представлять интересы коллектива и общества.

Опыт коллективной жизни есть не только опыт соседства с другими людьми, это очень сложный опыт целесообразных коллективных движений, среди которых самое видное место занимают принципы распоряжения, обсуждения, подчинения большинству, подчинения товарища товарищу, ответственности и согласованности.

Для учительской работы в советской школе открываются светлые и широкие перспективы. Учитель призван создать эту образцовую организацию, беречь ее, улучшать, передавать ее новому учительскому составу. Не парное морализирование, а тактичное и мудрое руководство правильным ростом коллектива — вот его призвание.

Г. Советский коллектив стоит на принципиальной позиции мирового единства трудового человечества. Это не просто бытовое объединение людей, это — часть боевого фронта человечества в эпоху мировой революции. Все предыдущие свойства коллектива не будут звучать, если в его жизни не будет жить пафос исторической борьбы, переживаемой нами. В этой идее должны объединяться и воспитываться все прочие качества коллектива. Перед коллективом всегда, буквально на каждом шагу, должны стоять образцы нашей борьбы, он всегда должен чувствовать впереди себя Коммунистическую партию, ведущую его к подлинному счастью.

Из этих положений о коллективе вытекают и все детали развития личности. Мы должны выпускать из наших школ энергичных и идейных членов социалистического общества, способных без колебаний, всегда, в каждый момент своей жизни найти правильный критерий для личного поступка, способных в то же время требовать и от других правильного поведения. Наш воспитанник, кто бы он ни был, никогда не может выступать в жизни как носитель некоего личного совершенства, только как добрый или честный человек. Он всегда должен выступать прежде всего как член своего коллектива, как член общества, отвечающий за поступки не только свои, но и своих товарищей.

В особенности важна область дисциплины, в которой мы, педагоги, больше всего нагрешили. До сих пор у нас существует взгляд на дисциплину как на один из многочисленных атрибутов человека и иногда только как на метод, иногда только как на форму [6]. В социалистическом обществе, свободном от каких бы то ни было потусторонних оснований нравственности, дисциплина становится не технической, а обязательно нравственной категорией. Поэтому для нашего коллектива абсолютно чужда дисциплина торможения, которая сейчас по какому-то недоразумению сдела-

лась альфой и омегой воспитательной премудрости многих педагогов. Дисциплина, выражаемая только в запретительных нормах,— худший вид нравственного воспитания в советской школе.

В нашем школьном обществе должна быть дисциплина, которая есть в нашей партии и во всем нашем обществе, дисциплина движения вперед и преодоления препятствий, в особенности таких препятствий, которые заключаются в людях.

В газетной статье трудно представить развернутую картину деталей в воспитании личности, для этого требуется специальное исследование. Очевидно, что наше общество и наша революция для такого исследования дают самые исчерпывающие данные. Наша педагогика необходимо и быстро придет к формулировке целей, как только оставит приобретенную у педологии инертность по отношению к цели.

И в нашей практике, в каждодневной работе нашей учительской армии уже сейчас, несмотря на все педологические отрыжки, активно выступает идея целесообразности. Каждый хороший, каждый честный учитель видит перед собой большую политическую цель воспитания гражданина и упорно борется за достижение этой цели. Только этим объясняется действительно мировой успех нашей общественно-воспитательной работы, создавшей такое замечательное поколение нашей молодежи.

Тем более уместно будет и теоретической мысли принять участие в этом успехе.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ

Мы сегодня хороним большого деятеля коммунистического воспитания, великого гуманиста нашего времени Надежду Константиновну Крупскую. Это друг Ленина, создавшего большевистскую партию и новую эпоху в человеческом поведении. Я прошу вас почтить память Надежды Константиновны Крупской вставанием. (Все встают.)

Товарищи, я не чувствую себя в особенном праве говорить с вами о коммунистическом воспитании... Я прикоснулся к этим вопросам в таком же порядке, в каком и вы прикасаетесь к ним почти ежедневно, и поэтому не ожидайте от меня никаких формул или истин, не ожидайте от меня никакой мудрости.

Договоримся так, что вопрос этот, для нас всех важный, дорогой, вопрос этот всех нас интересует, и поговорить о нем в меру нашей искренности, нашего настоящего глубокого желания совершенствоваться в области коммунистического поведения всегда уместно.

Мое маленькое право говорить перед вами вытекает из моего жизненного опыта. Я сообщу, в чем заключается это право. Революция, советская жизнь поручили мне дело, дело перевоспитания малолетних правонарушителей. Я работал с ними 16 лет, работал без перерывов, без отпусков, без бюллетеней, без выходных дней. Это, конечно, удача — такая длительная работа в одном коллективе. И когда я начал ее, я считал, что передо

мною стоит миниатюрная задача — выправить души у этих самых правонарушителей, сделать их вместимыми в жизни, т. е. подлечить, наложить заплаты на характеры, не больше, только то, что необходимо, чтобы человек мог как-нибудь вести трудовую жизнь, как-нибудь — я на бóльшие достижения не претендовал. Но по мере того, как я работал, как рос и богател мой коллектив, по мере того как он становился комсомольским коллективом, я постепенно повышал требования к своему делу, к себе, и дело повышало требования ко мне и к моему коллективу, и я уже перестал интересоваться вопросами исправления, меня перестали интересовать так называемые правонарушители, потому что я увидел, что никаких особых «правонарушителей» нет, есть люди, попавшие в тяжелое положение. Я очень ясно понимал, что если бы в детстве попал в такое же положение, я тоже был бы таким, как они. И всякий нормальный ребенок, оказавшийся на улице без помощи, без общества, без коллектива, без друзей, без опыта, с истрепанными нервами, без перспективы,— каждый нормальный ребенок будет себя вести так, как они...

Я пришел к заключению, что нет детей-правонарушителей, а есть люди, не менее богатые, чем я, имеющие право на счастливую жизнь, не менее, чем я, талантливые, способные жить, работать, способные быть счастливыми и способные быть творцами. И тогда, конечно, совершенно ясно, никакие специфические педагогические задачи перевоспитания уже не могли стоять передо мной. Стояла обыкновенная задача — воспитать человека так, чтобы он был настоящим советским человеком, чтобы он мог быть образцом поведения.

Последние годы, таким образом, я никого не исправлял, я просто выполнял обыкновенную советскую работу, воспитывал обыкновенных хороших советских людей. Меня сопровождал успех, и в этом заслуга, конечно, уже не моя, в этом заслуга всей нашей советской жизни — тех целей, которые перед нами стоят, тех путей, которые мы вместе с вами прошли, той энергии, которую мы находим в каждом часе нашей жизни.

Вот почему и моя работа, и усилия моего коллектива имели успех. В результате я пришел к некоторым интересным для меня самого выводам. Первый вывод такой: воспитание — очень легкое дело, воспитание счастливое дело, никакая другая работа по своей легкости, по исключительно ценному, ощутимому, реальному удовлетворению не может сравниться с работой воспитания.

Я это всегда говорю, и многие коллеги, в особенности коллеги-педагоги, посмеиваются, слушая меня. Но они не имеют права улыбаться.

Недавно пригласили меня на юбилей одной школы... [1] Я увидел замечательную школу, одну из лучших московских школ, и я спросил: «Наверно, у вас по 20 лет работают педагоги?» — «Да,— говорят,— директор 20 лет в школе, а этот — 15, а этот — 12». И у них большой успех, потому что 20 лет быть директором в одной школе — значит отдать ей жизнь. А это очень много. Вот и я отдал свою жизнь и так же, как они, работал успешно.

Я имею право утверждать, что работа по воспитанию — очень легкая работа. Легкая не в том смысле, что можно поработать, потом пойти погулять, потом почитать, отдохнуть и т. д. Нет, времени она берет много, но она легкая по типу напряжения.

Последние годы у меня было 600 коммунаров. . и мне было легко работать, настолько легко, что с 1930 г. я работал без обычной в интернатах должности воспитателя. Были учителя в школе, были инженеры на заводе, но детский коллектив в 600 человек жил, в известном смысле, самостоятельно. И утром, когда я слышал сигнал «вставать» и знал, что в моем коллективе нет ни одного взрослого человека, я не беспокоился. Я прекрасно знал, что они достаточно разумны, достаточно опытны, достаточно честны, дисциплинированны и воодушевлены, чтобы над ними не ставить надзирателя. Они могли сами проделать такую простую вещь, как вовремя встать с постели, умыться, вовремя убрать пыль, вытереть полы, выстроиться и встретить своего дежурного командира официальным торжественным приветствием как сегодняшнего руководителя. А после этого они давали сигнал на работу, и к ним приходили взрослые — инженеры, педагоги и я, которые вели день дальше.

Я сначала поражался, зная, как трудно встать вовремя, натереть полы, когда за тобой никто не следит, а потом перестал удивляться и увидел, что это нормальное коллективное действие, нормальный человеческий поступок, а нормальный человеческий поступок и есть самый простой и самый легкий поступок.

Вот я и приношу к вам вывод, который могу вам предложить,— это моя уверенность в том, что коммунистическое воспитание — это счастливый процесс, который сам в себе несет успех, и поэтому дело воспитания — легкое и счастливое дело...

Коммунистическое воспитание мы начинаем не сегодня, оно начато 20 с лишним лет назад, оно начато для всего нашего народа с первого удара Октябрьской революции, а для партии большевиков коммунистическое воспитание начато с первых слов товарища Ленина. Коммунистическое воспитание — это не то, что стоит перед нами, а то, что давно нас воспитывает и в значительной мере уже воспитало нас.

Наш советский человек отличается большими новыми особенностями. Русские, украинцы, белорусы, все иные народности — вообще советский человек приобрел новые качества характера, новые качества личности, новые качества поведения. Среди этих качеств можно отметить некоторые, всем прекрасно известные. Прежде всего, наш человек сделался субъектом мирового масштаба, он мыслит масштабами мира, у него дальний глаз, он видит, следит, интересуется всем тем, что происходит на всем земном шаре, он переживает те несчастья, которые происходят в Испании и в Китае, переживает как гражданин мира. На наших глазах советский человек сделался именно этим гражданином мира, а 22—23—24 года назад он был еще провинциальным человеком Российской империи... Вот это качество сделаться человеком мирового знания, человеком мировых интересов и мировых вопросов — это уже большой шаг вперед в деле коммунистического воспитания.

Во-вторых, этот самый российский человек, советский гражданин, который на 80 процентов был неграмотен и далеко стоял от техники, сейчас сделался прежде всего техником. У нас мальчик в 7—9—12 лет больше техник, чем мы, старики, люди старого поколения. Мы сплошь и рядом не знаем, что такое карбюратор, что такое зажигание и что такое капот, а многие из нас, стариков, серьезно думают, что на револьверных станках

делают револьверы. А наши мальчики знают, что такое капот и что такое зажигание. Мне в особенности посчастливилось близко подойти к этой технической душе советского гражданина, пока этому гражданину 10—14 лет. Я и сам, как все педагоги, думал, что ребенку нужно давать легкую работу, т. е. давать шить трусики или чинить обувь, иногда делать табуретки. Когда мы заставляем ребят делать плохую табуретку, шить плохие ботинки и кое-как сшить рубашку, мы считаем, что это полезный детский труд и детская техника. И я так думал и предлагал своим ребятам такую работу. А поработавши с ними 12 лет, и им предложил заграничные драгоценные станки, сложнейшие, в которых действительно дышит интеграл, предложил делать «Лейки», советские ФЭД. Что такое «Лейка»? Это 300 деталей, точность которых 0,001 миллиметра. Это производство с заменяемостью частей, точное, сложное, трудное дело. Там, наконец, оптика, которую когда-то знали только немцы, а в царской России не умели вообще делать точной оптики.

Я не побоялся предложить это ребятам. И сам удивлялся тому, что четыре часа в день коммунар стоит у автомата, у револьверного, зуборезного, шлифовального станка. Вот он стоит у автомата, у револьверного, зуборезного, шлифовального станка и рядом с ним стоит взрослый наемный рабочий, у которого больше сил и больше как будто здравого смысла. Это человек моего возраста. И казалось мне и всем инженерам, что это все-таки рабочий, а это ребенок, детский труд. И сколько процентов нужно скинуть на эту детскую производительность труда. И оказалось, что этот ребенок в течение четырех часов делает полную норму рабочего восьмичасового рабочего дня. И что самое главное — делает быстро, делает со страстью и делает хорошо. Знаете, что такое станок. Он параден, красив, он дорог. Он весь блестит, у него медные красивые металлические части. Его нужно беречь, холить. И наши советские мальчики именно так к нему относятся. Какой может быть разговор о порче станка! Пятнышка на станке, неубранной стружки не должно быть. И я увидел, что проблема пятнышка на станке — это есть моральный вопрос, это этика. Этика нового человека, еще молодого, но взявшего эту этику от нашего общества, эту новую свою человеческую душу, которая в станке, в работе видит для себя какой-то транспарант для поведения. И у нас молодежь стоит выше какой угодно другой молодежи.

Откуда пошло стахановское движение? Мы, молодые советские граждане, оказались талантливыми техниками, талантливыми покорителями природы, значит, талантливыми борцами за новые богатства, за новую жизнь.

Еще какие качества уже как продукт коммунистического воспитания, которое мы прошли, есть у нас? И некоторые вступают со мной в переписку и доказывают, что коммунистическое поведение здесь ни при чем, напротив, именно человек, коммунист, т. е. не член партии, а человек по характеру коммунист, должен жить счастливо, должен жить свободно, не должен быть рабом ни своих чувств, ни своих действий, ни своей жены. И крыть нечем. Имеет право. Иначе, в самом деле, для чего кровь проливали. Так вот и такой вопрос тоже имеет важное значение. Кое-кто клеветал на нас, говорил, что русский человек по природе раб. Трудно себе представить, чтобы советский гражданин мог допустить когда-нибудь возвращение к рабству. Но это не значит, что он сделался анархистом.

Нет, он нашел в себе большой гений, большой талант. Там было рабство, теперь сознательная дисциплина. В этом заключалось гнусное возражение против всяких реформ и революции, в этом заключалась явная вера ретроградов и тайная вера либералов, что, только оставаясь рабом, человек может работать.

Где же эта пресловутая привычка к рабству? Что осталось от татарщины, крепостного права, самодержавия? Ничего не осталось! Советский гражданин нашел в себе большой гений, большой талант. Когда-то было рабство, теперь сознательная дисциплина. Это новое качество, воспитанное всем процессом нашей борьбы,— это результат коммунистического воспитания.

Теперь тот самый неграмотный человек, который до Октября смотрел на печатную бумагу как на сырье для цигарки, этот самый человек, мало того, что сделался читателем, что никакие тиражи не могут заполнить нашего спроса,— он сделался качественным читателем. Я часто встречаюсь с моими читателями на конференциях, на встречах и беседах, и, по правде вам сказать, когда я первый раз попал на такую конференцию, я про себя тайно думал: ну что? Это — читатель, как-нибудь поговорим. Это же не критик, который в меня и шпагой и иголкой тычет. Это читатель, добрый человек, который то простит, того не разберет. Ничего подобного, пожалуй, критик, журналист, литературовед не может сравниться с нашим советским читателем по вкусу, по умению определить, что хорошо сделано, что плохо сделано, что нужно, что не нужно, что интересно, что неинтересно, что ценно, что неценно. Советский читатель — это человек богатого вкуса, больших требований к литературе и большого умения разбираться в литературе, и еще самое главное, что отличает и что всегда отличало лучшую часть русской интеллигенции,— это подход к книге, как к другу, как к идейной категории, а не как к тому, что должно развлекать. Наш советский читатель — это человек, который в книге ищет мудрости, знания, идею. Это требовательный, высокопринципиальный и высококультурный читатель. Он таким сделался на наших глазах на протяжении двух десятков лет. И таков он в какой хотите аудитории. Я бываю и в московских собраниях, и в деревенских, и в провинции, и трудно сказать, где он выше. То, что он говорит, как он думает, как он умеет анализировать, как он умеет чувствовать, верить,— это человек огромной культуры души, огромной культуры личности. И ничто меня так не радует, как эта культура. Нельзя даже сказать, что это сделала только школа. Это сделала вся наша жизнь, все наше движение. Это тоже результат коммунистического воспитания.

И наконец, главное достоинство, главное качество нашего гражданина, в котором никто не может сомневаться,— это наше единство. До революции казалось, что может быть? 100 народов, 100 языков, русский, якут, грузин, как можно примирить всю эту массу, которую царь держал железным обручем? А у нас обруч — это уважение, это наш гуманизм, подобного история никогда, конечно, не видела.

Вот это наше единство, единство всего народа, единство всех граждан, это наше чудесное уважение, любовь к большевистской партии, это единство, несмотря на то что мы умеем критикнуть, имеем свое мнение, умеем поговорить, что вот это, мол, не нравится, позудить и т. д., несмотря ни

на что, несмотря на то что у нас так много людей — 190 миллионов, эта единая советская душа советского народа — это благо для всех нас и всего будущего человечества. Этот результат коммунистического воспитания уже в наличии, уже готовый.

Значит ли это, что мы уже так коммунистически воспитаны, что дальше нам нечего делать? Я должен сказать, что в общем дело настоящего большого коммунистического воспитания только еще начинается. И вот поэтому уместно сейчас задать себе вопрос: а что такое коммунистическое воспитание, а что такое коммунистическое поведение?

Вы знаете, что в жизни не всегда войдешь в глубину термина, и кажется все очень просто, думаешь, что коммунистическое воспитание — это хорошее воспитание, коммунистическое поведение — это хорошее поведение. Но ведь и до революции было у людей хорошее поведение и плохое. Может быть, и теперь так же: кто не пьянствует, жену не бьет, заботится о своих детях до какого-то нормального предела, не врет, не крадет,— значит, это хорошее поведение, коммунистическое. Так это или не так? Мне приходится часто беседовать по этим вопросам с молодежью и с пожилыми людьми. Приходится встречать такое мнение: это хороший человек, так будем считать, что он коммунистически воспитан. Так это или не так?

Всем нам очень хорошо известны слова Ленина: «...нравственность — это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов» [2].

Все то, что служит этой задаче трудящихся, задачам революции, будет нравственно, а что не служит этой задаче, будет безнравственно. Это общий критерий для положения о коммунистической нравственности. А вот коснемся частного случая, такой мелочи: «Почему ты не сделал того-то?» — «Забыл, выскочило из головы». Третий человек говорит: «Безобразие, что ты забываешь». А четвертый возражает: «Ну чего ты к нему пристал, он не виноват, он забыл». И действительно, человек что-то помнил, помнил, а потом забыл. Ведь естественно, можно же забыть. Это естественный поступок. Имеет это отношение к формуле товарища Ленина? Конечно, имеет. В нашем обществе точное выполнение обязанностей — нравственная категория.

У человека семья, жена, дети, а потом он встретил красивую женщину и влюбился. Бросил жену, бросил детей...

Могут найтись люди, которые скажут: «Какие могут быть разговоры, что такое поведение идет против революции, когда именно революция освободила меня от семейных цепей и я хожу без цепей, в кого хочу, в того влюбляюсь». Я отвечаю: «Нет, не цепей я хочу, я хочу коммунистического поведения». Но некоторые вступают со мной в спор, доказывают, что человек по характеру коммунист, должен жить счастливо, свободно, не должен быть рабом ни своих действий, ни своей жены.

А я спрашиваю: но имел ли он право быть рабом своих чувств?

Формула товарища Ленина нужна нам для того, чтобы в каждом отдельном случае, на каждом шагу, в каждом движении уметь этой формулой проверить свое поведение и узнать — коммунистически я поступаю или некоммунистически. И совершенно ясно, что для того, чтобы эту

формулу расширить до мельчайших деталей наших поступков, нужно большое усилие всех, нужна мысль, нужно искать, анализировать проблемы. Но и этого мало. Еще нужно так привыкнуть к новым требованиям новой нравственности, чтобы соблюдать эти требования, уже не обременяя наше сознание каждый раз отдельными поисками.

Мы идем к коммунизму, к принципу «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Но что значит «каждому по потребностям»?..

Для того чтобы выяснить, что такое потребности и как они будут действительно удовлетворяться, для этого сознательно, умно относиться к своему поведению недостаточно. Необходима привычка правильно поступать.

Наша задача не только воспитывать в себе правильное, разумное отношение к вопросам поведения, но еще и воспитывать правильные привычки, т. е. такие привычки, когда мы поступали бы правильно вовсе не потому, что сели и подумали, а потому, что иначе мы не можем, потому, что мы так привыкли. И воспитание этих привычек — гораздо более трудное дело, чем воспитание сознания.

В моей работе воспитания характеров организовать сознание было очень легко. Все же человек понимает, человек сознает, как нужно поступать. Когда же приходится действовать, то он поступает иначе, в особенности в тех случаях, когда поступок совершается по секрету, без свидетелей. Это очень точная проверка сознания: поступок по секрету. Как человек ведет себя, когда его никто не видит, не слышит и никто не проверяет? И я потом над этим вопросом должен был очень много работать. Я понял, что легко научить человека поступать правильно в моем присутствии, в присутствии коллектива, а вот научить его поступать правильно, когда никто не слышит, не видит и ничего не узнает,— это очень трудно...

Я несколько раз наблюдал, как коммунары вели себя в трамвае. Вот сидит коммунар. Он меня не видит. Смотрю, в трамвай входит человек, коммунар осторожно сдвинулся с места, чтобы никто не заметил, ушел в сторону, и никто не заметил. Вот, товарищи, поступок здоровый, красивый поступок. Сделать для себя, ради идеи, принципа — это уже трудно, и научиться так поступать — трудно, и трудно научить так поступать. Например, вы идете по берегу реки, тонет девочка, вы прыгнули, вытащили девочку и ушли. Что такое, если вас увидят 3—4 человека и будут вам аплодировать? Пустяки. А хочется. Помните случай в Москве, когда был пожар? Какой-то молодой человек проезжал в трамвае, увидел девушку на четвертом этаже, полез, вытащил девушку и скрылся. Никто не знал, как его найти. Вот это идеальный поступок. Поступок для правильной идеи. В каждом случае мне приходилось работать над этой проблемой. Мы натирали полы каждый день. Натерли пол, зал блестит, и кто-то прошел в грязных ботинках по полу. Пустяковый случай. Уверяю вас, никакое воровство, никакое хулиганство не доводило меня так до белого каления, как эти грязные следы. Почему нагрязнил? Потому что никто не видел. Ведь это, может быть, тот самый лучший коммунар, который от других требует правильного поведения, сам прекрасный ударник, идет впереди. И когда он остался один, наедине, когда его никто не видел —

он плюнул на работу своих товарищей, на свой собственный уют, на свою эстетику и красоту потому, что никто не видел Таково противоречие между сознанием, как нужно поступить, и привычным поведением. Между ними есть какая-то маленькая канавка, и нужно эту канавку заполнить опытом. Именно о такой привычке к правильным поступкам говорит товарищ Ленин [3].

Вот общие положения о задачах коммунистического воспитания. Перед нами стоят эти задачи. Мы должны в ближайшие пять лет пройти этот путь коммунистического воспитания. Кто будет нас воспитывать? Конечно, будет воспитывать партия, советская жизнь, школа, советское движение вперед, советские победы, которые и до сих пор нас воспитывали. Мы будем воспитывать сами себя.

Вот что интересно. В книге «Флаги на башнях» я описал коммуну им. Дзержинского. Это была хорошая коммуна, образцовый коллектив. Могу без ложного стыда это утверждать. Первыми не поверили критики. Один сказал: Макаренко рассказывает сказки. Другой критик добавил: это мечта Макаренко. А я подумал: чего от критиков можно ждать? Сидят они в своих кабинетах, ничего не видят, не слышат, пусть пишут...

Но вот я получил письмо от учащихся 379-й школы. Длинное товарищеское письмо. Поздравляют меня и говорят: «Читали вашу книгу «Флаги на башнях», она нам очень нравится. Но только у вас там все какие-то очень хорошие коммунары, а у человека есть достоинства и недостатки, так и нужно людей описывать».

Это — распространенное мнение, что у человека должны быть и достоинства и недостатки. Так думают даже молодые люди, школьники. Как «удобно» становится жить при сознании: достоинства имею, недостатки тоже есть. А дальше идет самоутешение: если бы не было недостатков, то это была бы схема, а не человек Недостатки должны быть для красочности.

Но с какой стати должны быть недостатки? А я говорю: никаких недостатков не должно быть [4]. И если у вас 20 достоинств и 10 недостатков, мы должны к вам пристать, а почему у вас 10 недостатков? Долой 5. Когда 5 останется — долой 2, пусть 3 останется. Вообще, от человека нужно требовать, требовать, требовать! И каждый человек от себя должен требовать. Я бы никогда не пришел к этому убеждению, если бы мне не пришлось в этой области работать. Зачем у человека должны быть недостатки! Я должен совершенствовать коллектив до тех пор, пока не будет недостатков. И что вы думаете? Получается схема? Нет! Получается прекрасный человек, полный своеобразия, с яркой личной жизнью. А разве это человек, если он хороший работник, если он замечательный инженер, но любит солгать, не всегда правду сказать? Что это такое: замечательный инженер, но Хлестаков?

А теперь мы спросим: а какие же недостатки можно оставить?

Вот если вы хотите проводить коммунистическое воспитание активным образом и если при вас будут утверждать, что должны быть у каждого недостатки, вы спросите — а какие? Вы посмотрите, что вам будут отвечать. Какие недостатки могут оставаться? Тайно взять — нельзя, схулиганить — нельзя, украсть — нельзя, нечестно поступить — нельзя. А какие же можно? Можно оставить вспыльчивый характер? С какой стати? Среди

нас будет жить человек со вспыльчивым характером, и он может обругать, а потом скажет: извините, у меня вспыльчивый характер. Вот именно в советской этике должна быть серьезная система требований к человеку, и только это и сможет привести к тому, что у нас будет развиваться в первую очередь требование к себе. Это самая трудная вещь — требование к себе. Моя же «специальность» — правильное поведение, я-то должен был во всяком случае правильно себя вести в первую очередь. С других требовать легко, а от себя — на какую-то резину наталкиваешься, все хочешь себя чем-то извинить. И я очень благодарен моему коммунарскому коллективу им. Горького и им. Дзержинского за то, что в ответ на мои требования к ним они предъявляли требования ко мне.

Например, такой случай. Я наказывал коммунаров, сажал под арест у меня в кабинете. Бывало, посидит полчаса, а я говорю: иди. И думаю, какой я добрый человек, наказал и через полчаса отпустил. Вот меня теперь будут любить Вообще благорастворение души. И вдруг на общем собрании говорят: «У нас есть предложение, Антон Семенович имеет право наказывать, поддерживаем, приветствуем это право. Но предлагаем, чтобы он не имел права прощать и отпускать. Что это такое — Антон Семенович накажет, а потом у него доброе сердце, попросили — и он простил. Какое же он имел право прощать? Иногда Антон Семенович с размаху скажет: под арест на 10 часов, а потом через час отпускает. Неправильно. Вы раньше, чем наказывать, подумайте, на сколько часов. А то вы скажете 10 часов, а потом прощаете. Никуда не годится».

Постановили на общем собрании: «Начальник имет право наказывать, но не имеет права прощать». Так, как судья: вынес приговор и через несколько минут сам ничего поделать не может. Приговор вынесен — и все. И я сказал: «Спасибо не за то, что правильное предложение внесли, а спасибо за то, что вы меня воспитываете». Стремление закрыть глаза — простить или не простить — это распущенность собственного поведения, разболтанность собственного решения.

Я учился у моих коммунаров, как быть требовательным к себе. И каждый может учиться у других людей, но это трудная вещь.

Воспитание себя, коммунистическое воспитание себя — это трудная работа, но не сделать ее может только расслабленный человек, который ищет всего легкого.

Теперь вопрос о борьбе с пережитками капитализма.

Ну, скажем, ревность — это пережиток капитализма или нет? Ко мне недавно пришли три студента первого курса и спрашивают: «Спорим, спорим и никак выспорить не можем. Ревность — это пережиток капитализма или нет? С одной стороны, как будто пережиток капитализма, потому что я люблю ее, а она другого любит. Я как будто собственник и предъявляю свои права собственности. А с другой стороны, как же можно любить без ревности, как это можно любить и не ревновать. Это не настоящая любовь. Какая это любовь, когда тебе все равно, как она на тебя посмотрит, как она на товарища посмотрит». И на самом деле, ревность такое чувство, которое, пожалуй, так легко к капитализму не отнесешь. Во всяком случае, такой вопрос поставить можно. Дальше, допустим, выпить лишнего, пережиток капитализма или нет? Как же пережиток капитализма, если тебе 23 года, ты при капитализме не жил и начал

выпивать вообще при Советской власти? Почему это пережиток? Это как раз тоже наше явление.

Ну, даже возьмем такую очень распространенную штуку, как эгоизм. Опять-таки, есть люди, которые говорят: эгоизм — это пережиток капитализма несомненный. А другие возражают: эгоизм — здоровое явление. Человек, не имеющий эгоизма, это значит, что с ним хочешь, то и делай. И много других таких явлений есть, о которых мы так и не знаем, куда их отнести. ...и обычно сваливаем в одну кучу и говорим — это пережиток капитализма. А на самом деле некоторые вещи порождены нашей советской жизнью. Возьмите вы горячность, излишнюю самоуверенность, даже удальство, оно у нас сплошь и рядом рождается от нас, от нашего советского патриотизма, пафоса, когда человек прет вперед, стремится к цели и часто разрушает на своем пути. Это неосмотрительность, это плохая ориентировка. Это уже, конечно, не пережиток капитализма.

Вообще пережитков много, и они разнообразны. Самых настоящих пережитков (экономических методов) капитализма как раз мы не наблюдаем. Трудно представить себе, чтобы наш гражданин мечтал открыть бакалейную лавочку. Такого явления мы уже не видим, и даже втайне никто об этом не мечтает. Трудно себе представить человека нашего общества, который бы хотел кого-нибудь эксплуатировать, думал бы об этом сознательно. А между тем мы наблюдаем в жизни, как один человек бессознательно «эксплуатирует» другого. В позапрошлом году я поехал с товарищем по Волге. Хороший друг. Но он меня всю дорогу, 20 дней, «эксплуатировал».

Заказать постель — он не мог, пойти на пристань что-нибудь купить — не мог. Пошел купить раз огурцов — купил гнилых. Кипятку достать, билеты купить, машину найти — ничего не мог. И я на него работал все это время. Он «эксплуатировал» меня и спокойно жил моим трудом...

И на каждом шагу мы видим сейчас у нас этот пережиток капитализма. В особенности если спросим женщин — как мы их эксплуатируем. И я раньше думал: ну кого это касается, по-семейному согласились. Я служу, и жена служит, а кроме того, и обед готовит, и носки штопает. И мне в голову не приходило, что я сам должен штопать носки. А в коммуне я понял, что такое атависты со стремлением эксплуатировать женщин. Вот у меня хорошие ребята, комсомольцы, воспитанные ребята и спрашивают: кто будет чинить носки? Носки рвутся, и нельзя же каждый раз новые носки покупать. Правда. А девочки говорят, разве они не могут чинить. Ах, так— говорю. Вот вам инструктор, и вот вам, товарищи мальчики — комсомольцы, каждый день урок, как штопать носки. «Не мужское это дело»,— говорят. И тут я им всласть наговорил. И учились, и научились, и чинили носки, и заплаты делали.

Я бы на месте наших женщин каждый день в работу мужа брал: научись чинить носки. Потому что просто стыдно: мы, мужчины советского героического периода, победившие на всех фронтах всех врагов, и такой пустяк сваливаем на женщин, а для женщины это трудно, это большая работа, и иногда приходится наблюдать наших замечательных женщин, которые работают вместе с нами, несут вместе с нами все наше напряжение и наши радости и печали, где-то там по ночам, когда глава семьи спит, чинят носки. Куда это годится? Никуда не годится. А что такое што-

пать носки? Приятная эта работа. Вы не думайте, что я достиг в этом вопросе совершенства, но я, честно, не ношу носков и ботинок, я ношу сапоги и портянки, но я не эксплуатирую свою жену. И я не дошел еще до того, чтобы купить себе хороший пиджачный костюм, как мне хочется, и чинить носки. Нет, все-таки я еще носков чинить не буду. Я еще не достиг совершенства. Но я ставлю такую задачу.

Мы очень много эксплуатируем женщин. В коммуне я добился, что там не было эксплуатации девушек, а в жизни я вижу, что этого еще нет. В особенности я задумался над этим вопросом недавно, когда ко мне пришла одна женщина. Ко мне иногда приходят разные люди. Но я никак не мог ожидать такого страдания. Она пришла, сидит и плачет. «Чего вы плачете?» — «Не могу выносить, как мужчины эксплуатируют женщин».— «Кого, вас?» — «Нет, я одинокая». Затем я понял, что у нее есть основания страдать. Это человек большой души, которая от революции ждала настоящего женского освобождения. И она видит, что настоящего женского освобождения нет. Тут пережиток капитализма крепко сидит у нас. Мы его всегда видим, все знаем и все благодушно допускаем, пользуясь чем? Предательски пользуясь тем, что женщины нас любят и хорошо к нам относятся. Предательски эксплуатируем не только работницу-женщину, но и любящего нас человека. Вот какая страшная форма эксплуатации. Это пережиток.

Есть пережитки не только буржуазные в самом своем содержании, есть вытекающие из нашего незнания, нашего неумения, из нашего роста — это уже не пережиток, а недожиток.

Но есть один сорт пережитков, о котором мы меньше всего думаем и который составляет настоящую систему пережитков старины. Это старая этика, старая система морали, по которой мы жили, наш народ жил тысячу лет, а человечество 2 тысячи лет или больше. Мы закрываем глаза, мы делаем вид, что мы этой старой системы морали не замечаем, что ее нет, а она есть. Не собрание пережитков, не сумма отдельных атавизмов и пережитков, а система традиций, система взглядов, логика. Это христианская этика. Нам кажется, что мы покончили с этим: храмы, батюшки, мифы. Вся догматика христианства очень легко слетела с нашей территории. А вот этическая система представления о поведении, традиции, представления о нравах, об идеалах, поведении у нас еще очень крепко живет и у самых настоящих советских людей, у членов партии, у настоящих большевиков. Этические представления христианства. Я под христианством вовсе не хочу понимать какое-то ортодоксальное христианство со всеми его положительными утверждениями. Я под христианством понимаю все то, что выросло на христианской почве. Я к христианству отношу всю эту европейскую цивилизацию, эту европейскую этику, которая выявляется не только в православном или католике, а и в еврее и магометанине. Вся накопленная двухтысячной историей этическая жизнь классового общества. Это самая страшная груда пережитков.

Среди коммунаров я сначала по неопытности считал главным и самым трудным объектом своей заботы воров, хулиганов, оскорбителей, насильников, дезорганизаторов. Это характеры, которые ничем не удержишь. Не за что взяться. А потом я понял, как я ошибаюсь. Тот, который грубит, не хочет работать, который стащил у товарища три рубля из-под

подушки,— это не было самой главной трудностью и не из этого вырастали враги в обществе. А тихоня, который всем нравится, который все сделает, лишний раз на глаза не попадется, никакой дурной мысли не выразит,— у себя в спальне среди 15 товарищей имеет сундук и запирает его на замок.

И это тот характер, над которым мне прежде всего нужно работать, потому что этот тихоня так и проскользнет мимо моих рук, и я не могу ручаться ни за мысли его, ни за поступки. Он и выйдет в жизнь, а я всегда буду ждать: а что он сделает. По отношению к таким тихоням я особенно всегда настороже. Я тряс его изо дня в день, чтобы он почувствовал. Со своей подлой душой — и прикидываться хорошим человеком!

И потом мои коммунары научились бороться с таким характером и на серебряном блюде подавать его во всей неприглядности.

И эта корзинка, которую человек запирает на замок,— это страшная вещь. Представьте себе, живут 15 мальчиков. На нашей территории нельзя было ничего запирать, кроме производства. Спальни не имели замков, корзинки не должны были запираться. 90 спален, когда ушли на работу, остаются без охраны. А он один повесил замок. И я знаю, что из такого человека получится, и таких людей ни наказанием, ничем не проберешь. Взорвать нужно его каким-то динамитом. И я 6 лет с таким возился. Все знали, что он «иисусик», что у него добрые глаза, что он по виду как будто очень хороший человек, но ни одному поступку его мы не верили.

И когда он просил, чтобы его командировали в военное училище, нет — говорю. Почему? Потому что ты «иисусик».

И наконец, он понял, что нельзя быть «иисусиком». Старался, старался, но своей природы не мог переделать. Ловили его на всякой гадости: то слушок какой-нибудь пустит, то на девочек потихоньку гадость скажет.

Наконец ушел он в один из южных вузов, и я не мог быть спокойным, что из него выйдет человек. И когда он пришел ко мне прощаться, я изменил своему педагогическому такту и сказал: «Сволочью ты был, сволочь есть, и сволочью ты и останешься».

Он приехал потом ко мне в гости и сказал: «Сколько вы со мной возились и ничего со мной поделать не могли, но вот то, что вы мне сказали: сволочью был, сволочью и будешь,— этого я забыть не могу. И сволочью я не буду». И вот этот взрыв: того, что я ему сказал, он забыть не может.

Он не может допустить, чтобы я был прав; и он приехал и говорит: вы ошиблись, не буду сволочью, вы увидите. Я сказал: посмотрим. Вот ты кончаешь вуз, выходишь инженером, и мы посмотрим. А ребята пишут: «Как там Сергей? Мы слышали, что хорошо учится. Не верим». Из другого города писали: «Что с Сергеем? Что-нибудь он уже выкинет». Но его все-таки удалось удержать. А сколько таких, которые промелькнули между рук, с которыми не работали! Вот эти «иисусики» — самые паскудные люди, это христиане, не в смысле религиозном, а в смысле наследия европейской христианской этики во всем ее объеме.

Сентиментальность, нежная расслабленность, стремление насладиться хорошим поступком, прослезиться от хорошего поступка, не думая, к чему такая сентиментальность,— это самый большой цинизм в практической жизни. И эти пережитки остались. Тот добр, тот все прощает, тот

чересчур уживчив, тот чересчур нежен. Настоящий советский гражданин понимает, что все эти явления расслабленной этики «добра» противоречат нашему революционному делу, и с этими пережитками мы должны бороться.

Но главная борьба должна идти по выработке норм нашего коммунистического поведения. Близость к практической жизни, к простому здравому смыслу составляет силу нашей коммунистической этики.

И не нужно говорить об идеалах, о добре, о совершеннейшей личности, о совершеннейшем поступке, мы должны мыслить всегда прозаически, в пределах практических требований нашего сегодняшнего, завтрашнего дня. И чем ближе мы будем к простой прозаической работе, тем естественнее и совершеннее будут и наши поступки. Я думаю, что не может быть идеального совершенства в вопросах этики. Я переживал очень много сложных коллизий в своей педагогической работе как раз в работе совершенства. Возьмем такой простой вопрос: пить водку можно или нельзя? Христианин обязательно скажет: нельзя Полное воздержание, водка — зло, не пей. И вот этот максимум при всей прочей христианской инструментовке, он кажется даже близкостоящим к какому-то серьезному требованию. И рядом тут же всепрощение, полная нетребовательность к человеку. И максимум висит в воздухе. В нашей этике не может быть такого максимума. Ничего не может быть свято, если это святое не идет навстречу интересам нашей революции.

Ко мне приходили ребята. Редко, когда они приходили без бутылки водки в кармане. Эта беспризорная шпана больше пила, чем ела. Как это он придет в коммуну и не похвастается, что он пьет водку. И были такие люди среди них, которые приходили ко мне в 16—17 лет и они уже привыкли пьянствовать. Что с ними делать? Вот в нашей советской современной школе есть подобный, хотя и более мелкий, вопрос — курение. Курят ученики V, VII, X классов. Что мы — педагоги делаем? Мы говорим с чисто христианским выражением на лице «нельзя курить», а они курят. Что мы дальше должны делать? Выгонять из школы? Нет. Та же наша христианская душа не позволит выгнать из школы за курение, эта же христианская душа запрещает курить и не может выгнать за курение. И естественный результат — курят, только не открыто при вас, а в уборной, в отхожем месте, т. е. в самых вредных условиях. Что делать? Как бороться? Надо же решить, а мы его решить не можем и делаем вид, что все у нас благополучно. Мы запрещаем курить. Ребята курят, получают полное удовольствие, а мы не видим, мы ничего не знаем, все благополучно. Но это еще курение. Ну, а водка? У меня были ребята, которые привыкли пить водку и которые иногда из отпуска приходили пьяные и потом сидели у меня в кабинете и плакали на моем плече. Что, мне легче от того, что он будет каждый выходной день плакать? Выгонять тоже нельзя. Я, конечно, по секрету от педагогического начальства вынужден был заняться этим вопросом с точки зрения коммунистической этики. Что мне делать? Выгонять? Куда же его выгонять? У меня последняя стадия его развития, и я знаю, что если я буду сидеть на этой христианской двурушнической позиции, то он будет у меня жить 5 лет, 5 лет будет пить и будет пьяницей. И мы все знаем, товарищи педагоги, что у нас дети живут до 18 лет, потом выходят в жизнь, а в жизни они будут

пить водку. Мы считаем это нормальным. Пусть он пьет после 18 лет, я за него не отвечаю. А я не мог так поступить Потому что главной задачей было не образование, а воспитание. <...>

Что все это доказывает? Прозаичность нашего этического подхода, близость к жизни, то, что по нашим силам, то и есть наша этика, то, что вы способны сделать. Мы требовать должны, но исключительно посильное требование. Я в особенности считаю, что в нашей коммунистической этике всякое превышение... может только калечить. Я помню спор между двумя студентами, моими воспитанниками. Одному из них 19 лет. Вдруг на него нашла такая мизантропия: «А для чего жить, а какая цель?» У вас это тоже, наверно, бывает. Встает вопрос: а для чего жить. А какая цель жизни? И потом такая сентенция: везде материя. Материя, материя и материя Живем, а потом умрем и сгнием.

Я с ним возился, возился — не за что взять. А тут приехал товарищ и замечательно сказал: «Материя, говоришь?» — «Да».— «Ну что же, с такой же материей и жить можно. Материя хорошая. Никакой другой материи не хочу и духа другого не хочу». И убедил человека. И от всей этики ничего не останется, если говорить высокими выражениями о добре, истине и т. д.. Наша этика должна быть этикой прозаической, деловой, сегодняшней, завтрашней, нашего обыкновенного поведения. Вот поэтому и разделы, которые у нас проходят между добром и злом, между правильным и неправильным, выражаясь по-старому, проходят не по тем линиям, как в христианстве

Какое дело христианской этике до вопросов труда? Никакого. А у нас труд — это этическая категория. Все обязаны трудиться, а раз обязаны все,— значит, это норма морали.

Но возьмем более сомнительные нормы, например, такие нормы, которые не могут значиться в христианстве, например точность. Мы считаем часто, что у людей должны быть недостатки, и сплошь и рядом считаем, что если человек привык опаздывать, то это небольшой недостаток. Я в коммуне известным образом преследовал любовь, т. е. не хотел, чтобы были ранние браки, считая, что это большое зло, поэтому обрабатывал любовные сюжеты всякими и педагогическими и непедагогическими способами, т. е .говорил: «Брось свою любовь». Так что это было объектом моего преследования.

И все-таки был случай, когда одна коммунарка назначила коммунару свидание где-то в парке. А я нарвался на эту историю. Сидит она на скамье, я подсел и говорю: «Ждешь кого-то».— «Нет, так сижу» — «Неправда,— говорю,— ждешь такого-то и такого-то. Давай ждать вместе».

Ждем, ждем. 5 часов — нет, половина шестого — нет, и наконец в половине седьмого пришел. Я на него накинулся: «Что за безобразие. Обещал в 5 часов — и приходи в 5, а то заставил ждать девушку, да и меня к тому же, до половины седьмого».

И вы, товарищи девушки, разлюбляйте его, если он будет опаздывать. Точность в нашей жизни —это моральная норма. Вот, например, у нас, в Союзе писателей, существует такой обычай. Если нужно, чтобы заседание состоялось в 7 часов, то пишут: «Просят прибыть в шесть часов без опоздания». Это значит приходи в семь. Написано в шесть потому, что

хотят, чтобы все собрались в семь. И если это все знают, то еще опоздают и придут в восемь.

Какое циничное отношение к точности!

Мы требовать должны, но предъявлять исключительно посильные требования... Всякое превышение может только калечить...

Наша этика должна быть этикой прозаической, деловой, сегодняшнего, завтрашнего нашего обыкновенного поведения...

Те, кто считает, что у людей могут быть недостатки, иногда думают: если человек привык опаздывать, то это небольшой недостаток.

И вот как-то спокойно опаздывают на 1—2 часа, пренебрегая тем, что его сидят ждут 20 человек. Это точность в простом вопросе, а проверьте нашу точность в данном слове, точность выражений, точность выражения чувств. Сколько есть таких случаев, когда человеку только немного нравится женщина, а он говорит: влюблен, все отдам. Почему так говорят? Уважения к точности нет. Если бы это уважение было, человек как-нибудь проверил бы и сразу увидел — влюблен или не влюблен. И если бы было уважение к точности слова, не говорил бы «я вас люблю», а говорил бы «вы мне понравились». Все-таки это другое, тут надо подумать еще, надолго ли понравилась. Это отсутствие точности, в конце концов, очень близко к тому недостатку, который называется мошенничеством, точность в нашей жизни — это моральная норма, это великое дело в борьбе за наше богатство. Возьмем последний прекрасный закон о точном прибытии на работу[5]. Многим кажется, что этот закон требует напряжения от человека, что это жестоко. А я восхищаюсь, я вижу, как создается традиция точного отношения к времени. (Аплодисменты.) Эта традиция станет привычной, через 10 лет мы научимся уважать ее, сознавать, чувствовать каждым своим нервом, ощущать в каждом своем движении.

Я могу гордиться — в моей коммуне всегда был такой порядок: какое бы заседание ни происходило, полагалось ждать три минуты после сигнала. После этого собрание считалось открытым. Если на заседание кто-нибудь из коммунаров опаздывал на пять минут, председатель говорил: ты опоздал на пять минут — получи пять нарядов. Это значит пять часов дополнительной работы.

Точность. Это производительность труда, это продуктивность, это вещи, это богатство, это уважение к себе и к товарищам. Мы в коммуне не могли жить без точности. Десятиклассники в школах говорят: не хватает времени. А в коммуне была полная десятилетка и завод, который отнимал 4 часа в день. Но у нас хватало времени. И гуляли, и отдыхали, и веселились, и танцевали. И мы дошли до настоящего этического пафоса — за опоздание самое большое наказание. Скажем, коммунар говорил мне: ухожу в отпуск до восьми часов. Он сам назначал себе время. Но если он приходил в пять минут девятого, я его сажал под арест. Кто тебя тянул за язык? Ты мог сказать в девять часов, а сказал в восемь,— значит, и приходи так.

Точность — это большое дело. И когда я вижу, коммунар дожил до точности, я считаю, что хороший человек из него выйдет. В точности проявляется уважение к коллективу, без чего не может быть коммунистической этики...

в точности проявляется основной принцип нашей этики, это постоянная мысль о нашем коллективе.

Вот вопрос об эгоизме и самоотверженности. Маркс говорит: «...как эгоизм, так и самоотверженность есть при определенных обстоятельствах необходимая форма самоутверждения индивидов» [6].

...Я наблюдал в одной колонии, которую ревизовал в прошлом году, такой способ выхода из театра: все друг друга сдавили и выйти не могут. Хотите, говорю, научу, как нужно выходить из театра? Вы сейчас выходили из театра 20 минут, попробуйте выполнить мой совет — и выйдете в течение 5 минут. Очень просто: хочешь выйти — уступи другому дорогу. И действительно — помогло. Оказывается, каждый выиграл. Эгоизм каждого удовлетворен.

Мы в Харькове демонстрировали, как нужно входить в театр: колонна в шестьсот человек проходит к театру, дается сигнал — справа по одному бегом, и шестьсот коммунаров вбегали в течение одной минуты. Это просто разум, просто логика, никакой хитрости нет. И в каждом нашем поступке может быть такая логика. Если бы все граждане при входе в трамвай уступали друг другу дорогу, никто никогда не давил и все вошли бы. Личность выигрывает именно потому, что есть расчет на большие цифры и большие массы. Наша коммунистическая этика должна быть рассчитана на миллионы счастливых, а не на счастье только мое. Логика старая: я хочу быть счастливым человеком, мне нет дела до остальных. Логика новая: я хочу быть счастливым человеком, но самый верный путь, если я так буду поступать, чтобы все остальные были счастливы. Тогда и я буду счастлив. В каждом нашем поступке должна быть мысль о коллективе, о всеобщей победе, о всеобщей удаче. Поэтому противно смотреть на жадного эгоиста, который хочет сейчас ухватить, ухватил, пожирает и забывает, что именно при таком способе действия вместо радости обязательно в каком-то случае схватишь горе...

Всякий поступок, не рассчитанный на интересы коллектива, есть поступок самоубийственный, он вреден для общества, а значит, и для меня. И поэтому в нашей коммунистической этике всегда должен присутствовать разум и здравый смысл. Какой бы вы ни взяли вопрос, даже вопрос любви, он решается тем, чем определяется все наше поведение. Наше поведение должно быть поведением знающих людей, умеющих людей, техников жизни, отдающих себе отчет в каждом поступке. Не может быть у нас этики без знания и умения, без организации. Это относится и к любви. Мы должны уметь любить, знать, как нужно любить. Мы должны к любви подходить как сознательные, здравомыслящие, отвечающие за себя люди, и тогда не может быть любовных драм. Любовь так же нужно организовать, как и все дела. Любовь так же любит организацию, как и всякая работа, а мы до сих пор думали, что любовь — это дело таланта. Ничего подобного.

У меня в коммуне были сотни девушек и юношей, кто влюблялся, был убежден сначала, что это личная симфония, а я поневоле смотрел на них и думал: вот на этого чернобровая произвела определенное влияние, которое в ближайшее время может сказаться в лишних «плохо» в школе, в позднем вставании, испорченных нервах.

Я должен был воспитывать чувства этих людей.

Этическая проблема «полюбил — разлюбил», «обманул — бросил» или проблема «полюбил и буду любить на всю жизнь» не может быть разрешена без применения самой тщательной ориентировки, учета, проверки и обязательно умения планировать свое будущее. И мы должны учиться, как надо любить. Мы обязаны быть сознательными гражданами в любви, и мы поэтому должны бороться со старой привычкой и взглядом на любовь, что любовь — это наитие свыше, налетела вот такая стихия, и у человека только его «предмет» и больше ничего. Я полюбил, поэтому я опаздываю на работу, забываю дома ключи от служебных шкафов, забываю деньги на трамвай. Любовь должна обогащать человека ощущением силы, и она обогащает. Я учил своих коммунаров и в любви проверять себя, думать о том, что будет завтра.

Такая разумная, точная проверка может быть сделана по отношению к каждому поступку. Возьмите такую простую категорию, как несчастье. Ведь по нашей старой привычке говорят: это не его вина, а его беда. Иначе: это несчастный человек, с ним случилось несчастье, надо его пожалеть, поддержать. Правильно — поддерживать, конечно, нужно в несчастье, но гораздо важнее требовать, чтобы не было несчастий. Несчастных людей быть не должно. И я убежден, что при развернутом коммунизме будет так: такой-то привлекается к судебной ответственности по такой-то статье за то, что он несчастлив. Нельзя быть несчастным. Наша этика требует от нас, во-первых, чтобы мы были стахановцами, чтобы мы были прекрасными работниками, чтобы мы были творцами нашей жизни, героями, но она будет требовать, чтобы мы были счастливыми людьми. И счастливым человеком нельзя быть по случаю — выиграть, как в рулетку,— счастливым человеком нужно уметь быть. В нашем обществе, где нет эксплуатации, подавления одного другим, где есть равенство человеческих путей и возможностей, несчастий быть не должно.

Правда, мы еще мало об этом думаем. Но вот я в своем маленьком опыте подошел к этому и говорил коммунарам: что может быть противнее несчастного человека? Ведь один вид несчастного человека убивает всю радость жизни, отравляет существование. Поэтому, если ты чувствуешь себя несчастным, первая твоя нравственная обязанность —никто об этом не должен знать. Найти в себе силы улыбаться, найти силы презирать несчастье. Всякое несчастье всегда преувеличено. Его всегда можно победить. Постарайся, чтобы оно прошло скорей, сейчас. Найди в себе силы думать о завтрашнем дне, о будущем. А как только ты встанешь на этот путь, ты встанешь на путь предупреждения несчастий. Счастье сделается нашим нравственным обязательством, и иначе быть не может при коммунизме. Несчастье может быть только продуктом плохой коммунистической нравственности, т. е. неумения, неточности, отсутствия уважения к себе и другим.

Вот, товарищи, я заканчиваю. Для того чтобы разрешить все вопросы коммунистической этики, нужно много думать, мыслить, писать об этом, к этому стремиться. Нужно себя тренировать в постоянном нравственном поступке. Вся наша жизнь, наша борьба, наше строительство, наше напряжение помогут нам расти в области коммунистического воспитания.

Разрешите закончить.

Вопрос. Англичане очень точны, но можно ли их назвать людьми с коммунистическими задатками?

Ответ. Я не говорил, что точность — единственный признак коммунистически воспитанного человека. Я говорил, что у нас точность должна быть моральной нормой, а у англичан точность существует лишь как норма этикета, норма вежливости. Мы требуем точности не только в быту, а и в работе, в словах, в ответственности за свои обязанности. Наша формула точности глубже захватывает жизнь, но, конечно, не покрывает всего коммунистического воспитания.

Вопрос. Недостатки изменяются. Достоинства с течением времени переходят в свою противоположность. И этот процесс всегда будет. Значит, никогда не может быть человека, который не имел бы недостатков?

Ответ. Но это не значит, что на данном этапе мы не должны требовать уничтожения сегодняшних недостатков. Наши законные требования имеют моральное значение. А, конечно, недостатки всегда будут оставаться в обществе. Но чем больше мы будем требовать, тем меньше их будет.

Вопрос. Очень часто ребята не хотят учиться, а хотят работать, а мы до 17 лет их мучаем и мучаемся сами. Правильно ли это?

Ответ. Маркс считал, что дети с 9 лет должны принимать участие в производительном труде [7]. Труд очень увлекает детей, и я уверен, что наша будущая школа будет применять производительный труд. Мы не справились с трудовым воспитанием в большой мере благодаря отсутствию кадров.

Вопрос. Прошу ответить: вы встречали ваших героев во «Флагах на башнях», работали с ними или вы полагаете, что они должны быть такие?

Ответ. Я восемь лет руководил этой коммуной. Я убежден, что каждый детский коллектив может быть таким, и требую этого. Только, в отличие от некоторых педагогов, моих противников, я говорил: это возможно, если от детей требовать правильного поведения. Кроме требования нужны и другие меры. Я вообще считаю, что у нас сейчас во многих школах главной бедой является дисгармония между бурными, сильными, горячими натурами ребят в 12—14 лет и скукой детского коллектива в школе. Детский коллектив должен быть гораздо более веселый, бодрый.

В книге «Флаги на башнях» нет ничего выдуманного, там описана только правда. И я это сделал, прекрасно понимая, что уменьшаю художественную силу своего произведения. Если бы я прибавил, выдумал, оно было бы интересно. Но я служу интересам коммунистического воспитания и не считал себя вправе описать не так, как было.

Вопрос. Я знаю некоторых студентов, они изучают науки, готовятся быть научными деятелями, а в то же время ходят грязные.

Ответ. Совершенно правильно, не только студенты. Я на внешность обращал первейшее внимание. Внешность имеет большое значение в жизни человека. Трудно представить себе человека грязного, неряшливого, чтобы он мог следить за своими поступками. Мои коммунары были франты, и я требовал не только чистоплотности, но и изящества, чтобы они могли

ходить, стоять, говорить. Они были очень приветливыми, вежливыми, джентльменами. И это совершенно необходимо...

Когда ко мне приехал инспектор Наркомпроса и разговаривал со мной, развалясь на столе, я ему сказал: «Товарищ инспектор, вы не умеете со мной разговаривать в присутствии коммунаров, укладываетесь на мой стол, это не корректно».

Вопрос. Нет ли в книжке «Флаги на башнях» замысла более широкого, чем показать детский коллектив?

Ответ. Я хотел показать, что настоящая педагогика — это та, которая повторяет педагогику всего нашего общества. Требования нашей партии — большие требования к человеку и коллективу.

И я свою педагогику не выдумал. Я знал, что больше требуют от членов партии, чем от беспартийных, и поэтому я от своих старших коммунаров, комсомольцев в первую очередь требовал. И я считаю. наказывать нужно не худших, а лучших

Лучшим ничего прощать нельзя, даже мелочи А худшие за ними тянутся. Они хотят, чтобы от них столько же требовали ..

Вопрос. Можно ли прозаические этические нормы сделать нормами в наших школах?

Ответ. Это насчет курения. Я не имею права отвечать сейчас на такой вопрос. Я думаю, что, если бы я был директором школы, я старшим ребятам разрешил бы курить. Но курить не более 7 папирос в день, и сказал бы им: вы отвечаете за то, если младшие будут курить. Вредно курить в 14—15—16 лет, а в 18 — ничего Я сам курю с 14 лет

Вопрос. Один ученик избил другого. Последствия — увечье. Виновника наказывают так: исключают на несколько лет. Правильно ли это?

Ответ. Я знаю такой случай, когда одна ученица обкрадывала других, и тогда всем синклитом постановили: отправить ее в летний санаторий, она отдохнет и исправится. Но она научилась там танцевать фокстрот и приехала такой же, как была.

Я считаю, что дети даже толкать не должны друг друга Они должны двигаться целесообразно. Никаких бесцельных движений. И я своим коммунарам говорил: хочется побегать — вон площадка, можно там бегать Извольте здесь вести себя прилично.

Вообще воспитание сдержанности, торможение движений — прежде всего А избиение товарища считалось самым страшным преступлением, за которое изгоняли из коммуны.

Вопрос. Как воспитываете своих детей?

Ответ. Я не воспитываю своих детей потому, что у меня их нет Я женился, благодаря моим беспризорным, очень поздно, в 40 лет, и детей уже мне иметь нельзя, не успею их воспитать. Но у меня есть дети моей жены, моего брата, и я их воспитываю как умею.

Вопрос. Необходимо издание журнала «Школа и семья».

Ответ Это правильно. Я вижу, в каком беспомощном положении находятся родители, когда простого совета не от кого получить. Журнал такой нужен [8].

Вопрос. Считаете ли вы правильным сохранение единой школы, когда для всех обязательно семилетнее обучение по единой программе? Согласны ли вы с тем, что при таких условиях воспитание — самое легкое

цело? Вы имели в коллективе правонарушителей, а в обычной школе мы имеем такую смесь, что воспитание становится достаточно трудным.

Согласны ли вы с тем, что следует некоторых ребят изолировать от их родителей, даже если они еще не правонарушители? Я имею в виду советский соответствующий интернат.

Согласны ли вы с тем, что ребята, имеющие неоднократные приводы, должны оставаться в нормальной школе?

Ответ Такой вопрос задал мне Эррио — французский министр, когда приезжал ко мне в коммуну: «Как вы допускаете, что у вас воспитываются вместе правонарушители и нормальные дети?»

Я ему ответил, что в жизни тоже они живут вместе. Именно поэтому воспитывать нужно вместе.

Каждый человек должен входить в жизнь, умея сопротивляться вредному влиянию. Не оберегать человека от вредного влияния, а учить его сопротивляться. Вот это советская педагогика.

Я согласен, что воспитание — легкое дело и, конечно, в школе оно легче, чем в коммуне. Я удивляюсь многим нашим директорам, которые говорят: «У вас было хорошо, у детей не было семьи, они все жили у вас под руками». А я их спрашиваю: «А что вы сделали, чтобы овладеть бытом ваших детей?» — «Мы вызываем родителей».

Вы прекрасно понимаете, что обычно вызывают родителей и говорят: «Ваш мальчик не учится и плохо себя ведет. Примите какие-нибудь меры. Поговорите. Боже сохрани — не бейте».— «Хорошо, до свидания».

Каждый понимает, в чем дело. В глубине души педагог думает: хорошо, если он его побьет.

Иной родитель после такого разговора прямо берется за ремень, а другой просто ничего не делает, и все идет по-прежнему.

Я считаю, что педагогический коллектив школы должен организовать быт школьника. Что бы я сделал на месте директора школы? Я положил бы перед собой карту всех дворов, где живут ученики. Организовал бы бригады. Бригадиры приходили бы каждый день и рапортовали, что делается во дворах. Раз в месяц под руководством бригадира бригада выстраивалась бы, и я приходил бы на смотр. Я премировал бы лучшие бригады в школе. Я прикреплял бы родителей к бригадам. И можно было бы многое сделать. Лиха беда начало. Во всяком случае, влиять на семью нужно через учеников. Самый верный способ. Вы в школе, в государственном воспитательном учреждении, и вы должны руководить воспитанием в семье [9].

Вопрос. Могут ли быть у детей отрицательные черты характера, или могут быть только дурные привычки, связанные с плохой средой?

Ответ Могут быть дурные привычки у ребенка с плохой нервной системой, и часто прежде всякого педагогического вмешательства нужно просто пригласить врача. Иногда советуют переменить коллектив. А я считаю, что нет ничего более вредного, как частая перемена коллектива для детей. Из-за этого вырастает антиколлективная личность Так что действовать в сторону улучшения коллектива лучше, чем менять коллектив.

О КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ЭТИКЕ

Третий пятилетний план, обнародованный... на XVIII съезде ВКП(б), по форме своей есть, прежде всего, план хозяйственной деятельности Союза. Положения плана выражены в количествах, нормах производительности, нормах урожайности, рублях.

Для граждан СССР пятилетний план уже не представляется явлением поразительной новизны. Для нас пятилетка сделалась почти бытовым явлением, необходимым условием нашей деятельности и нашего человеческого самочувствия. Сейчас мы не могли бы чувствовать себя удовлетворительно, если бы не знали, по каким материальным программам развивается наша страна.

Планы первой и второй пятилеток прошли в нашем бытии меньше всего как правительственные предначертания, сообщенные нам для сведения. Во-первых, эти планы были и нашими планами, во-вторых, они были нашей жизнью. <...>

С пятилетними планами у нас уже привычно связаны не только наши политические (гражданские) стремления и перспективы, но и обыкновенная наша личная жизнь — наши желания, надежды и даже наши лишения и недостатки. Мы помним, что первая пятилетка была временем очень больших напряжений, суровых отказов от многих удовлетворений и организованного терпения. Но мы знали, что тогдашние наши недостатки составляли необходимую деталь величественной логики нашего порыва в будущее, нашей борьбы за новое человечество. И сейчас мы с одинаковой благодарной радостью вспоминаем и победы и лишения первой пятилетки. Но мы никогда не были романтиками, аскетами и альтруистами, и поэтому, закончив гигантский подвиг первой пятилетки, мы без кокетства и ложной святости облегченно вздохнули.<...>

Наш гражданин рассматривает сейчас тезисы пятилетнего плана, как опытный плановик с десятилетним стажем, он не ахает, не восторгается идеей, ибо идея пятилетнего плана — идея привычная. Он надевает очки, деловито крякает, придирается и предлагает поправки. С этой стороны третий пятилетний план — замечательные, нормальные советские будни.

Но есть в третьем пятилетнем плане положения, которые останавливают внимание каждого, как новое слово огромного мирового значения. Это слово выходит далеко за границы одного пятилетнего плана, сделавшегося обычной категорией времени и работы. Такие положения пронизывают все содержание доклада, но их общий смысл концентрируется в такой формуле:

«На основе победоносного выполнения второго пятилетнего плана и достигнутых успехов социализма, СССР вступил в третьем пятилетии в новую полосу развития, в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму, когда решающее значение приобретает дело коммунистического воспитания трудящихся, преодоление пережитков капитализма в сознании людей — строителей коммунизма».

Если внимательно прочитать тезисы доклада... и временно отрешиться от частных значений цифр и материальных измерителей плана,— остается вполне законченный и логически завершенный цикл политических, нрав-

ственных требований к человеку в эпоху перехода человеческого общества к высшей форме общежития, к коммунизму.

Эти требования ни в какой мере не являются собранием умозрительных пожеланий, реализация которых может быть вообще хороша, независимо от какой бы то ни было реальности. Коммунистическое воспитание именно теперь становится неотложной и решающей категорией нашего развития. <...>

...Несомненным представляется, что в порядке предупреждения каких бы то ни было неудач в области коммунистического воспитания, во всяком случае более совершенного и качественного яркого успеха широкой воспитательной работы, перед нами стоят две важнейшие задачи.

Первая — огромная, творческая марксистская работа по определению и разрешению всех вопросов теории коммунистического воспитания и коммунистического поведения. Само собой разумеется, что одно перечисление признаков правильного поведения не решает дела. Для нашего общества настоятельно необходима не простая номенклатура нравственных норм, а стройная и практически реализуемая цельная нравственная система, выраженная, с одной стороны, в серьезнейших философских разработках и, с другой стороны, в системе общественных этических традиций. По своей цельности, ясности, убедительности и привлекательности для широких масс, по своему соответствию живым потребностям нашей жизни и нашего развития такая система этики должна оставить далеко за собой решительно все моральные кодексы, когда-либо существовавшие в истории. И эта идейная цельность и чистота коммунистической этики облегчат и ускорят нашу победу над пережитками капитализма.

Вторая важнейшая задача именно и состоит в разрушении этих пережитков. В этой области, в области борьбы с пережитками, у нас сделано очень много. То, что сделано, должно быть отнесено к влиянию сил нашей жизни, Коммунистической партии, к самому факту нашей революции, к нашей двадцатидвухлетней свободной истории, к опыту наших коллективных усилий и наших коллективных побед. К сожалению, этот богатый и ценный опыт недостаточно проанализирован философской и педагогической мыслью.

Специально над вопросами борьбы с пережитками прошлого мы работали очень мало, еще меньше занимались узнаванием и определением этих пережитков, мало занимались их учетом. До сих пор мы пробавляемся слишком общими утверждениями, имеющими характер домашних справок на тот или иной случай жизни. Мы хорошо знаем, например, что ревность есть пережиток прошлого, что жадность, шкурничество, зависть, разврат, пьянство — тоже пережитки капитализма.

И у нас есть тенденция: все, что плохо, все, что портит наши отношения, работу, нервы, искажает наш быт, причиняет страдания,— все это огулом считать пережитками капитализма и на этом заканчивать нашу аналитическую работу.

На самом деле, разумеется, дело обстоит не так легко и не так просто. Некоторые недостатки нашего быта и наших характеров порождены по нашей вине, по вине неразработанности новой этической системы и недостаточного изучения новых нравственных традиций. Многое происходит

вследствие причин совершенно здоровых нашего бурного роста, нашей исторической молодости. Кое-что объясняется еще тем прекрасным пафосом, которого так много в нашей жизни: именно здесь лежит объяснение несколько излишней нашей темпераментности, горячности, увлекаемости, поспешности, задора, иногда удальства, проявляемых во всех тех случаях, когда человеку поразмыслить некогда, а хочется докончить начатое, невзирая на то, что это начатое знаменует некоторую неряшливость ориентировки. Все это недостатки иногда очень досадные, иногда даже печальные, но в общем своем движении они направляются к нулю и рано или поздно исчезнут.

Совсем другое дело — действительные пережитки капитализма и вообще пережитки прошлого. Они еще многочисленны и часто разлиты в обществе предательски незаметно, неощутимо для глаза, таятся в глубоко скрытых мотивациях поступков, намерений, желаний. Иногда они проявляют себя в открытых движениях, явно дисгармонирующих с общим стилем нашей жизни, а часто, наоборот, они хорошо спрятаны в мимикрии советского поведения и даже «марксистской» фразеологии. Они составляют тот невыразительный, но тем не менее ощутимый фон, на котором иногда рисуются и советские — наши события, а большею частью и ничего не рисуется, а спокойно стоит, ровное, молчаливо-безразличное внимание: что будет завтра? Пережитки эти никогда не объединяются в явления сколько-нибудь значительные или бросающиеся в глаза, потому что живые «бациллоносители» — обыкновенно люди, искренне советские и даже не знающие, какого врага они в себе носят. Поэтому бороться с такими пережитками с каждым в одиночку в каждом случае наново просто невозможно и неэкономно. Наша жизнь протекает так энергично, у нас столько забот, впечатлений, стремлений, починов, что часто нельзя обвинить того или другого товарища в том, что он не протестует против происходящего на его глазах мелкого припадка старого. Кроме того, такая одиночная борьба, попытка слабого протеста может принести не пользу, а вред, она усиливает сопротивление, вызывает агрессивное нарастание пережитка.

Еще раз приходится отметить, что пути борьбы с подобными пережитками в быту, в общении часто остаются неясными. Мы не знаем, что применить в том или другом случае: решительное подавление, протест, деликатное убеждение или молчаливую игру игнорирования в надежде на наступающее естественное отмирание пережитка, тем более возможное, чем более сильное воздействие на «бациллоносителя» оказывает вся наша жизнь.

Вероятно, в каждом отдельном случае требуется и отдельное решение этого вопроса, но можно все же утверждать, что настоящая борьба с этими пережитками должна вестись организованно по всему их фронту, с учетом одного важнейшего обстоятельства: все эти остатки старого — вовсе не случайный набор вредных атавизмов. Они образуют систему, в общей своей сложности представляют остаток доживающей, но живучей старой этики. Отдельные детали этой системы не просто соседствуют, они логически связаны, они поддерживают друг друга, и вредное значение всей системы гораздо больше простой математической суммы отдельных пережитков.

Эта старая этическая система, еще до сих пор направляющая довольно широкие потоки поступков, выросла на религиозной почве. Сюда я отношу не только этику православного или католика, а и еврея и магометанина — всю накопленную историей этическую жизнь классового общества. Может казаться, что от этой старой нормы у нас ничего не осталось. На самом же деле остался моральный опыт, вековая традиция поведения. Все это продолжает жить в нашем обществе в качестве сложного и скрытого пережитка, истинная сущность которого не всегда очевидна и иногда кажется даже революционной.

Говоря о системе религиозной морали, нужно разуметь не только официально высказанные ею положения, но и все те исторические формы, которые, естественно, из этих положений выросли. Поэтому нас совершенно не интересует какая-нибудь ортодоксальная догматика. Для нас одинаково важно и то, что религии формально считают положительным, и то, что относится, так сказать, к искривлениям — к сектантству. Искривления эти есть плоть от плоти всей этической системы, они заложены в самой ее сущности. Для нас важен весь мир этого морального опыта, вся его фактическая инструментовка.

Если обратиться к христианству, то и здесь правила поведения выросли в развитии общества, основанного на эксплуатации, и были прежде всего необходимы для более успешного процесса эксплуатации. Именно поэтому христианская мораль внедрялась в сознание трудящихся, в этом сознании она создавала нормы поведения, а самое главное — в историческом опыте она создавала традиции поведения. Нужно при этом отметить, что эта система этики сделана искусно. Если бы она была построена так же грубо, как мифология или догматика, нам сейчас пришлось бы наблюдать гораздо меньше пережитков.

Христианская религия существует около двух тысяч лет, и за это время не так уж много было людей, которые серьезно могли верить в троичность божества, или в непорочное зачатие, или в грехопадение прародителей. А если даже и пытались верить, то едва ли сомневались в настоящей сущности служителей культа в условиях эксплуататорского строя. И в литературе, и в народном творчестве нет , кажется, ни одного образа, изображающего церковников в виде, вполне адекватном их официальной святости.

В историческом развитии эксплуататорского общества церковная иерархия складывалась как аппарат принуждения и классового порабощения. Недаром в эпоху пугачевского восстания, происходившего как будто в довольно религиозное время, народ расправлялся с попами так же, как с помещиками. В этой своей части все религиозные культы сделаны грубо. Совсем иную историю переживают этические религиозные системы, в частности христианская. Нет никакого сомнения в том, что эта система родилась гораздо раньше официальной церкви, родилась при этом, безусловно, в среде подавленных и порабощенных классов в эпоху плачевного отчаяния. Это была попытка утвердить хотя бы самые малые признаки своего человеческого достоинства.

Потеряв всякие надежды на какой бы то ни было суррогат свободной

жизни, люди решились на самоубийственную попытку найти эту свободу в пессимистическом индивидуализме, в полном отказе от борьбы, от сопротивления. Нравственное «совершенство», заключающееся в отказе от счастья, в беспредельной, противоестественной уступчивости, в добровольной отдаче себя в распоряжение первого попавшегося ближнего, было все-таки утверждением личной, «моей» силы — пусть даже эта сила только и проявляется в насилии над собственными страстями.

Эта основная идея обладала чрезвычайно важными особенностями, «счастливо» определившими ее двухтысячелетний успех и живучесть...

Если говорить о классовом лице такой этической системы, то нужно признать ее удивительную универсальность: этический максимализм, заключающийся в максимуме покорности и непротивления порабощенных — плоть от плоти эксплуататорского общества, ничем лучшим заменен быть не мог. Такая этика оказалась очень живучей как привычка, как система нравственных традиций, как закрепленная опытом нравственная логика. И ей обеспечено было длительное существование вплоть... до пролетарской революции, положившей конец классовому обществу. Несмотря на свое смирение, подчеркиваемое на каждом шагу, старая мораль насквозь индивидуалистична. «Праведнику» нет никакого дела до коллектива, общества, до ближнего. Если его ударить в правую щеку, он подставляет левую, беспокоясь в этом случае только о своем совершенстве, о своей заслуге. Его абсолютно не интересует тот изувер, который колотит по щекам своих «ближних». С таким же усердием «праведник» готов разводить клеветников, ибо прямо рекомендуется: если вас преследуют, «ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще» *,— вы не только не должны огорчаться, или жаловаться, или беспокоиться, напротив, вы должны «радоваться и веселиться», так как ваша личная «премия» — «мзда» от такого несчастья значительно повышается — «много на небеси».

Разумеется, на практике немного находилось охотников совершать подобные подвиги, и дело совсем не в этом. Существенным здесь является полное безразличие отдельной личности к интересам общества, решение морального вопроса в пределах узкого, индивидуального устремления. Этическая норма находится, следовательно, в полном, безраздельном владении личности. Эта личность привыкла не всегда подставлять щеку, правую или левую, но она крепко утвердилась в своем праве на личное совершенствование, а отсюда уже пошли многие тенденции индивидуализма. Они еще живут даже в нашем обществе. Иногда это тенденция личного чванства, одинокой слепой гордости своим «совершенством» без всякой мысли об общественной пользе, иногда это личное кокетство, эстетический припадок нравственного эгоизма, для которого собственная слеза дороже общей радости.

Ревнивая, пропитанная личной нравственной жадностью и самолюбованием, этика индивидуалиста на каждом шагу отталкивает человека от общественных явлений. «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким и вас будут судить». Это значит — не обращайте вни-

* Гонят вас и клевещут на вас.

мания на все то, что вокруг вас происходит, не ввязывайтесь в неприятности, руководствуйтесь правилом «моя хата с краю». Полная непротивления по отношению к другим, такая этическая норма не так много требует и от самого субъекта совершенствования. Все совершенствование заключается в пассивности, поэтому одним из главных отличий этики сделалось универсальное положение: ничего ни при каком случае не нужно требовать ни от других, ни от себя. «Грех» — поступок неправильный, противоречащий даже прямым нормам этики,— не такое страшное дело, всегда можно покаяться, пережить новый припадок унижения и после этого можно жить спокойно и даже рассчитывать на царствие небесное...

Нельзя подсчитать, невозможно охватить взглядом этот двухтысячелетний нравственный опыт человечества, основанный на прямом утверждении: тяни как-нибудь свою лямку, думай только о себе, не связывайся с неприятностями, не требуй ничего ни от других, ни от себя, а нагрешишь — всегда успеешь покаяться.

Подобная нравственная система была необходима для того, чтобы классовое подавление, всеобщая и ничем не сдерживаемая эксплуатация могли существовать с «чистой совестью», и с наибольшими успехами...

Коммунистическое поведение, коммунистическая нравственность, коммунистическое воспитание должны иметь иные линии развития, совершенно новые формы и новую терминологию. Линия раздела между «хорошим» и «дурным» должна проходить у нас по абсолютно новым местам. Христианская этика не интересовалась вопросами труда и трудовой честности. «Посмотрите на птиц небесных, они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, а живут». У нас труд есть дело чести, дело доблести, геройства. В нашем обществе труд является не только экономической категорией, но и категорией нравственной. То, что считалось нормальным — нищенство, попрошайничество, беззаботность,— у нас должно считаться прямым преступлением.

Логической осью нашего нравственного закона ни в какой мере не может быть обособленный индивид, безразлично относящийся к общественным явлениям. Наш поступок должен измеряться только интересами коллектива и коллективиста.

Поэтому даже одноименные добродетели, которые как будто признавали прежде и признаем мы, в сущности, совершенно различные явления. Честность «праведника» и честность коммунистическая — принципиально разные вещи.

Честность всегда начиналась со слов «не хочу» — не хочу чужого, не хочу лишнего, не хочу неправильного.

Наша честность всегда должна быть активным требованием к себе и к другим: хочу и требую от себя и от других полного внимания к общим интересам, полного рабочего времени, полной способности отвечать за свое дело, полного развития сил, полного знания, хочу и требую наиболее совершенных, наиболее правильных действий.

Очень многие категории поступков, в старой этике стоявшие вне пределов моральной нормы, у нас делаются моральными категориями. Все то, что усиливает или ослабляет связь между людьми, что, следовательно, объединяет или разрушает коллектив, в нашем обществе не может считаться безразличным по отношению к нравственной норме. В комму-

нистическом обществе, например, точность, способность приходить вовремя, выражаться определенно, требовать ясно и ясно отвечать будут обязательно проверяться с этической точки зрения, а не только с точки зрения деловой...

В старом мире деловитость была преимуществом отдельных людей, в меру этого преимущества они поднимались по общественной лестнице, приобретая более совершенные способности эксплуататоров. Поэтому воспитание деловитости было воспитанием личной, индивидуальной силы, которой противополагалось обязательно известное бессилие в этой области большинства людей. Деловитость становилась преимуществом меньшинства над большинством. С нашей точки зрения, следовательно, такого рода деловитость была явлением, в известной мере безнравственным.

В нашем обществе деловитость становится достоинством, которое должно быть у всех граждан, она делается критерием правильного поведения вообще — деловитость становится, таким образом, явлением нравственного порядка.

Мы не имеем возможности в этой статье сделать просмотр всех направлений человеческого поступка в нашем обществе, для этого требуется, конечно, длительное и специальное исследование. Но мы уже видим, что сами критерии нравственного и безнравственного, правильного и неправильного у нас новые. И коммунистическое воспитание наше отличается от «нравственного» воспитания старого мира не только в перечне нравственных норм, но и в характере самого воспитательного процесса. Так, например, можно указать уже с достаточной уверенностью, что нравственное воспитание коммунистического человека прежде всего базируется на воспитании его способностей, на развитии его сил, его созидательного, творческого актива. Личность в нашем обществе совсем не то, что личность в обществе классовом. Те способности, которые в классовом обществе выращивались по секрету для вящего преимущества одного человека перед другим, которые поэтому не делались объектом научного изучения и исследования, у нас должны сделаться предметом самого широкого педагогического внимания. К таким способностям относятся, например, способности ориентировки, композиции, конструкции, вкуса и многие другие.

Только такой человек, человек, воспитанный в коллективистической этике, человек, гармонично связавший свои интересы с интересами общими, способен очень просто и очень легко понять значение знаменитой формулы: «от каждого по способностям, каждому по потребностям» Индивидуалист никогда этой формулы понять бы не мог. Для него потребности каждого определяются жадностью каждого.

И вместе с ним кое-кто разводит еще руками и удивляется: как же это возможно? Если каждому дать по потребности, каждый и набросится на общественное добро. К счастью, это не так. Уже в настоящее время в нашей стране очень много людей, которые способны жить по этой формуле и ничего не будут расхватывать и тащить в свои дома. Они уже понимают, что нельзя определить мои потребности, если не думать о потребностях всего общества... Мы уже много сделали в области коммунистического воспитания, в особенности много сделали в широком воспитательном процессе, гораздо меньше в воспитательном процессе детского возраста. Перед нами стоят большие трудности, требуется еще

теоретический анализ вопросов коммунистического воспитания, требуется еще создать кадры для этого колоссального дела, но фундамент его уже заложен.

Самое важное, что нам предстоит,— это накопление традиций коммунистического поведения. Мы иногда злоупотребляем словом «сознательный». Наше поведение должно быть сознательным поведением человека бесклассового общества, но это вовсе не значит, что в вопросах поведения мы всегда должны апеллировать к сознанию. Это было бы слишком убыточной нагрузкой на сознание. Настоящая широкая этическая норма становится действительной только тогда, когда ее «сознательный» период переходит в период общего опыта, традиции, привычки, когда эта норма начинает действовать быстро и точно, поддержанная сложившимся общественным мнением и общественным вкусом. В. И. Ленин говорит об этом в «Государстве и революции»: «...уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием... что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*» [1].

ВОЛЯ, МУЖЕСТВО, ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ

Вопрос о коммунистическом воспитании трудящихся поставлен как вопрос решающего значения. Отрадно сейчас видеть волну самого широкого интереса к этому вопросу, которая поднялась в нашем обществе. Вопрос о коммунистическом воспитании назрел не только в порядке политического развития нашей страны, он назрел и в быту, в обыкновенном, будничном самочувствии каждого советского гражданина.

Мы хорошо понимаем, что этот важнейший вопрос является решающим и в области нравственных отношений нашего общества, и в области промышленности, и в проблемах нашего богатства, роста, нашей победы в мировой революции, и, наконец, в проблемах нашего счастья и счастья всего человечества.

Мы знаем все это не только потому, что размышляем, требуем и хотим. Нет, мы знаем еще и потому, что видим: коммунистическое воспитание — не проект, не предвидение, это уже существующая реальность. Советский человек 1939 г., советские народные массы наших дней в очень малой степени напоминают людей перед началом империалистической войны. Наш народ не только вырос в общем богатстве, в знаниях, в развитии, в готовности к действию и к борьбе, он вырос и нравственно, и его нравственный рост настолько велик, что давно определился наш этический переход в «новое качество»

На каждом шагу мы встречаем в нашем обществе совершенно новые требования к человеку и совершенно новые нормы человеческого поступка и поведения. Каждому ребенку нашей страны известны многие имена лучших людей, показавших самые высокие образцы социалистического

героизма, настойчивости, преданности революции и партии. От этих вершин практической советской этики представление о новых законах поведения и требования к человеку распространяются широко и глубоко в народе, создавая новые категории нашей мысли и новые традиции для действия.

Коммунистическое воспитание многомиллионных масс советского народа началось с первого дня революции, с первого слова Ленина, с первых боев на фронтах гражданской войны. И потом, в течение 21 года, коммунистическое воспитание, сплошь и рядом в незаметных и неощутимых выражениях, как будто между делом, как будто в боковых параллельных процессах, а на самом деле сознательно и целеустремленно проводилось на протяжении всего грандиозного опыта социалистической стройки. Буквально можно сказать: нет ни одного акта, ни одного слова, ни одного факта в нашей истории, которые, кроме своего прямого хозяйственного, или военного, или политического значения, не имели бы и значения воспитательного, которые не были бы вкладом в новую этику и не вызывали бы нарастания нового морального опыта.

Этот моральный опыт, эти родившиеся уже нормы поступка еще не сведены в строгую систему, еще не оформлены в точных положениях, в терминах и, самое главное, еще не расширились до общенародных опытных традиций. Мы еще очень часто наблюдаем некоторую борьбу между старой и новой этикой, еще приходится слышать споры и недоуменные высказывания по вопросу о разных деталях поступка. Еще не уравновешены и не сделались нормативными многие положения о любви, дружбе, ревности, верности, чести — эти детали в настоящее время занимают нашу молодежь, и она жадно ищет правильных решений, потому что она требует и хочет коммунистического совершенства поведения.

Среди проблем самой первой степени значимости стоит проблема воспитания воли, мужества и целеустремленности. Несмотря на то что во всемирной истории трудно найти эпоху, которая отличалась бы такими всенародными проявлениями именно этих качеств поступка, несмотря на то что все наши победы являются результатом нашей могучей воли, нашего беззаветного мужества, нашего сознательного и настойчивого стремления к цели,— несмотря на это, а может быть, благодаря этому вопросы воспитания воли сделались самыми важными и волнующими вопросами нашего бытия. Тем более важными они становятся сегодня, когда наша страна переживает новый подъем, когда она стоит на определившихся путях к коммунизму.

Конечно, воспитание воли и мужества на каждом шагу и сегодня совершается в нашей стране, и каждый день прибавляет в этом отношении еще не учтенные новые победы. Но совершенно ясно и другое. Совершенно ясно, что мы обязаны с чисто большевистской искренностью и прямотой сказать, что воспитание воли, мужества и целеустремленности проходит иногда в порядке самотека, что сознательных, организующих и точных начинаний в этом деле недостаточно.

В особенности это нужно сказать в отношении нашей школы. Трудно переоценить важность этого вопроса. В наших школах воспитывается больше 30 миллионов детей и юношей. Это в несколько раз больше любой армии в любом государстве, это больше очень многих самих госу-

дарств. И если мы допустим в этом важнейшем воспитательном деле хотя бы 10 процентов брака, то это значит, что мы прибавим в нашем обществе 3 миллиона плохо воспитанных, а может быть, и вредно воспитанных молодых людей. Народное образование и народное воспитание в нашем государстве сделались таким количественно могучим, что и один процент брака в этой работе грозит нашей стране серьезными прорывами.

Перед лицом этой постоянной политической проблемы уместно спросить: что сделано и что делается в области организации школьного воспитания? И ответить нужно в очень грустных словах. В советской жизни нет другой области, в которой делалось бы наше советское дело так неуверенно, так неразборчиво, так неопределенно.

По совести нужно ответить: никто не знает, что делается, никто об этом не думает, никто за это не отвечает. Несмотря на очень многие угрожающие симптомы, несмотря на самые настойчивые, тревожные сигналы со стороны всего общества, несмотря на неоднократные указания партии на неблагополучие нашего педагогического участка,— наркомпросовский богатырь «не тряхнется, не ворохнется». Воля, мужество, целеустремленность! Эти слова звучат почти дико, когда мы вспоминаем о Наркомпросе. Надо иметь прежде всего мужество, чтобы открыто признать: мы не знаем, кого мы воспитываем, кого мы хотим воспитать, мы не знаем, нужно ли воспитывать мужество. А вдруг это «непедагогично»? А вдруг это опасно для здоровья? А вдруг мамаши будут недовольны?

Кто виноват в этой неразберихе? Позвольте, а где же педагогические ученые, где эти сотни инженеров педагогики, которые обязаны были, давно обязаны подготовить, продумать, разрешить вопросы коммунистического воспитания? Ведь нигде так часто не произносились эти два слова, как в педагогических статьях. А что сказано в этих статьях по вопросу о воспитании воли, мужества и целеустремленности?

Эти вопросы фактически сняты с очереди, как и многие другие вопросы воспитания. Эти вопросы спрятаны в хитром переплете псевдонаучной болтовни, прикрыты устаревшим и совершенно чуждым для нас утверждением, что никаких отдельных вопросов воспитания нет, что воспитание неразрывно связано с образовательным процессом. Честное слово, трудно даже поверить, но такой простой и наивный фокус проделывается на глазах всего советского общества. Вместо того чтобы честно и серьезно работать над вопросами коммунистического воспитания, сделали умное лицо и заявили:

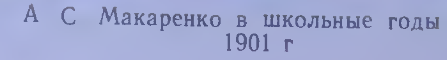
— Воспитание? А зачем? Учитель — он же преподает, вот в это самое время он и воспитывает. История! Вы знаете, одна история сколько может воспитать, вы себе представить не можете!

И хотя никто к этим утверждениям не мог отнестись с уважением, хотя для всех ясно, что ничего, кроме ловкости рук, в этом утверждении нет,— все осталось как было.

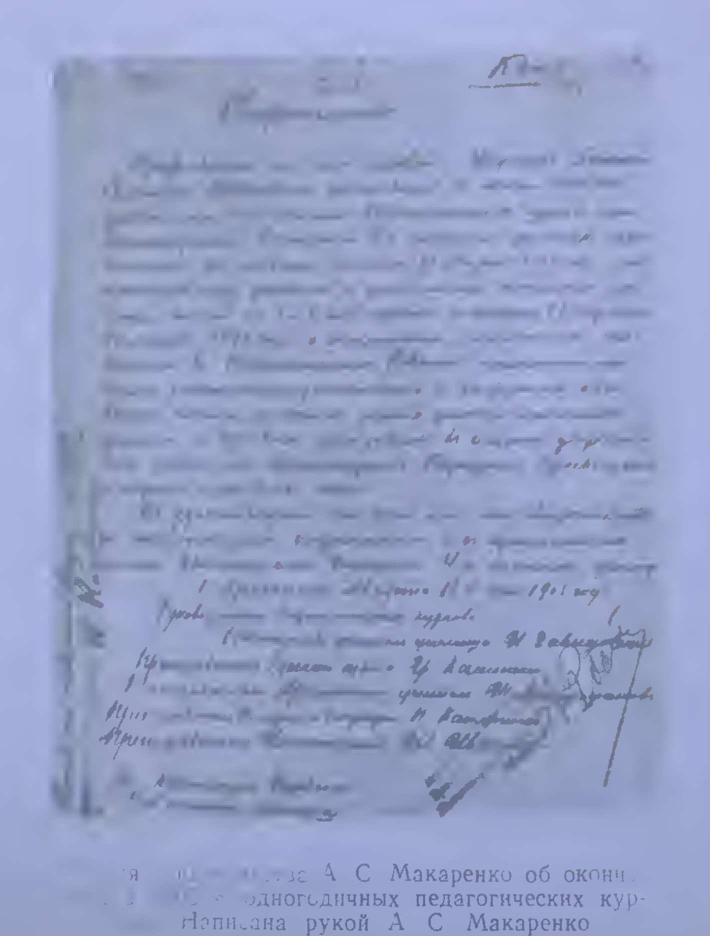
История, конечно, воспитывает. Воспитывает и литература и математика. Но никакого права ограничивать воспитательный процесс классной работой, конечно, никто не имел, как не имеет права инженер-строитель утверждать, что при постройке дома достаточно заняться только вопросами центрального отопления и конструкции крыши.

Родители А С Макаренко — Семен Григорьевич н Татьяна Михайловна 1913 г

А С Макаренко в школьные годы 1901 г

Копия аттестата А С Макаренко об окончании в 1904 г Кременчугского четырехклассного училища Написана рукой А С Макаренко

[illegible] А С Макаренко об оконч[illegible] [illegible] одногодичных педагогических кур[illegible] Написана рукой А С Макаренко

А С Макаренко с учителями и у[illegible] училища 1911 г

А С Макаренко — студент Полтавского учительского института 1914 г.

Подписка

Подписка, которую дал А С Макаренко как казенный стипендиат после принятия его в Полтавский учительский институт

Здание Полтавского учительского института, в котором учился А С Макаренко в 1914—1917 гг

Дом в Полтаве, где в 1915 г жил студент А. С Макаренко.

Аттестат.

[illegible]

Отлично (5)

Отлично (5)

[illegible]

Аттестат А С Макаренко об окончании Полтавского учительского института

Характеристика Воспитанника Полтавскаго Учительскаго Института Макаренка Антона, окончившаго курсъ въ 1917 году, составленная Педагогическимъ Совѣтомъ Института.

МАКАРЕНКО А. – выдающiйся [illegible] по своимъ [illegible], знанiямъ, развитiю и трудолюбiю; особый интересъ проявилъ къ педагогикѣ и гуманитарнымъ наукамъ, по которымъ очень много читалъ и представлялъ прекрасныя сочиненiя. Будетъ весьма хорошимъ преподавателемъ по всѣмъ предметамъ, въ [illegible] же по исторiи и русскому языку.

Председатель Педагогическаго Совѣта
Института Директоръ А. Волнинъ.

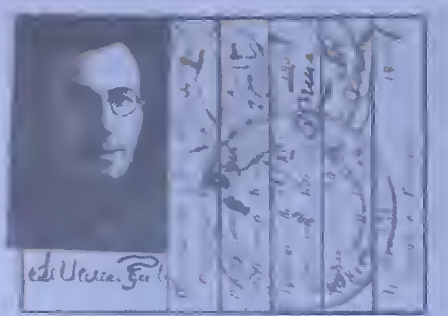
Члены Совѣта: [illegible]. Тарасовъ, [illegible]
[illegible], [illegible]
[illegible]. Тимошенко.
За секретаря Ф. Высогорскiй.

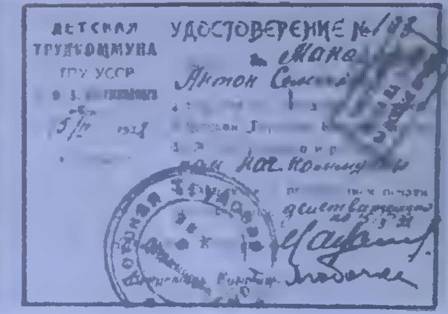
[illegible]

А С Макаренко во дворе колонии им. М. Горького 1925 г

◄ Характеристика, выданная А С Макаренко Полтавским учительским институтом в 1917 г Копия с автографом А. С. Макаренко.

ДЕТСКАЯ ТРУДКОММУНА

ГПУ УССР

УДОСТОВЕРЕНИЕ №

Антон Семенович

Удостоверение А С Макаренко

1917 — 1932

ВЧК — ОДПУ

ГРАМОТА

товаришу МАКАРЕНКО Антон Семеновичу

в тому що він [redacted] за віддану

Грамота о награждении А. С. Макаренко
золотыми часами

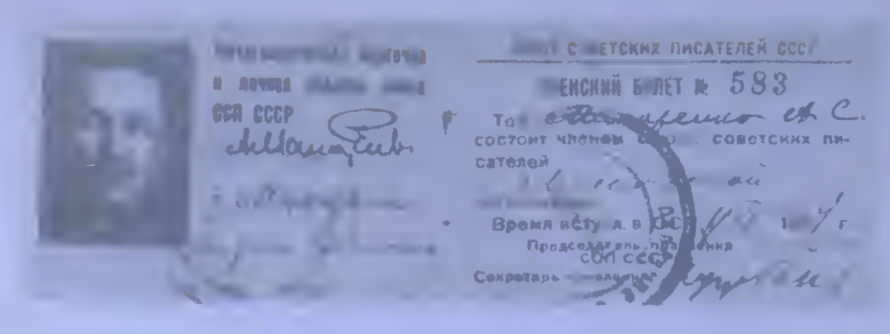

А С Макаренко — помощник начальника отделения трудовых колоний Народного комиссариата внутренних дел УССР 1936 г.

Дом в Киеве, в котором жил А С. Макаренко в 1935—1937 гг Мемориальная доска на доме установлена в 1978 г в дни празднования девяностолетия педагога

ССП СССР

...ЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ССС...

...ЕНСКИЙ Б...ЛЕТ № 583

Тов.

состоит членом ... советских писателей

Время вступ... в ССП ... 19... г

Председатель пр...ения ССП СССР

Секретарь

Членский билет Союза советских писателей, выданный А С Макаренко

А С Макаренко. Москва. 1938 г

Дом в Москве, в котором жил А С Макаренко
в 1937—1939 гг

А С Макаренко в кабинете московской квартиры.

Памятник А С Макаренко на его могиле
Москва, Новодевичье кладбище.

Произведения А. С. Макаренко, изданные за рубежом

Теплоход «Антон Макаренко».

◄ Произведения А. С. Макаренко, изданные в нашей стране.

В музее Рабочий кабинет А. С Макаренко

Программа научного семинара, посвященного вопросам изучения и творческого претворения в жизнь педагогических идей А С Макаренко Киев 1977 г

Памятник А. С. Макаренко в г. Харькове.

Почему организаторы школьного воспитания поступают так непринужденно просто? Исключительно потому, что они сами никакого отношения... к целеустремленности не имеют. Никакие цели их особенно не интересуют, в том числе и цели коммунистического воспитания. А кроме того, есть и такое соображение: как-нибудь обойдется, это же не мост строить, который может рухнуть через месяц. Мы ученика выпустим, кто там разберется, что он за человек. Как-нибудь обойдется: комсомол, семья, пионеры... сделают.

И фактически получилось так, что все дело воспитательной работы, дело огромной государственной важности, передано в руки разрозненных учителей, среди которых много молодых и неопытных, и пионервожатых, среди которых нет ни одного опытного. А чтобы эти разрозненные силы вследствие своего энтузиазма не внесли беспорядка в педагогическое благополучие, их связали по рукам и ногам почти щердинским требованием: все должно быть умеренно и аккуратно.

И нечего удивляться, что наш педагогический обиход характеризуется таким анекдотом: у нас часто повторяются слова: «это воспитательное средство» или «это не воспитательное средство». Непосвященный человек может подумать, что воспитательное средство — это такое, которое преследует определенные педагогические цели. Ошибка! Ничего подобного! Воспитательная мера — это как раз такая, которая преследует единственную цель: чтобы все прошло благополучно, чтобы козы были сыты и сено цело, чтобы никто не обижался и, вообще, чтобы не было неприятностей.

В подавляющем своем большинстве наша школа похожа на любвеобильную мамашу, воспитательный метод которой определяется формулой: «чтобы дитя было сыто и чтобы дитя не простудилось». Она обкармливает детей показной «стопроцентной» успеваемостью и следит, чтобы дитя не простудилось мужеством или, допустим, целеустремленностью. И так же, как этой самой мамаше, ей недосуг подумать: сколько мы теряем и на успеваемости и на здоровье детей по причине близорукой заботливости.

Зато спокойнее живется. Зато можно проставить в процентах проделанную работу и забыть о том, что во всех других советских областях люди ищут, дерзают, находят, иногда рискуют, но всегда создают новое.

Мужество! Попробуйте серьезно, искренне, горячо задаться целью воспитать мужественного человека. Ведь в таком случае уже нельзя будет ограничиться душеспасительными разговорами. Нельзя будет закрыть форточки, обложить ребенка ватой и рассказывать ему о подвиге Папанина. Нельзя будет потому, что результат для вашей чуткой совести в этом случае ясен: вы воспитываете циничного наблюдателя, для которого чужой подвиг — только объект для глазения, развлекательный момент.

Нельзя воспитать мужественного человека, если не поставить его в такие условия, когда бы он мог проявить мужество,— все равно в чем: в сдержанности, в прямом открытом слове, в некотором лишении, в терпеливости, в смелости Нельзя приступить к воспитанию воли, если предварительно не разрешить вопрос, чем советская воля отличается от

воли в буржуазном обществе. Там воля необходима человеку для подавления другого человека, там целеустремленность направлена к лучшему куску общественного пирога. Не рискуем ли мы подставить эти буржуазные категории вместо наших категорий, когда всю педагогику сводим к так называемому индивидуальному подходу?

Коммунистическую волю, коммунистическое мужество, коммунистическую целеустремленность нельзя воспитать без специальных упражнений в коллективе. Не метод парного влияния от случая к случаю, не метод благополучного непротивления, не метод умеренности и тишины, а *организация коллектива,* организация требований к человеку, организация реальных, живых, целевых устремлений человека вместе с коллективом — вот что должно составить содержание нашей воспитательной работы .. То, что происходит в нашей школе, недостойно советской эпохи.

Мы фактически ученика не воспитываем, мы ничего от него не требуем, кроме самых примитивных тормозов, необходимых для нашего удобства. Мы добиваемся (не всегда), чтобы он тихо сидел в классе, но мы не ставим перед собой никаких целей положительного дисциплинирования. У наших школьников иногда еще бывает дисциплина порядка, но не бывает дисциплины борьбы и преодоления. Мы ожидаем, пока ученик совершит тот или иной проступок, и тогда начинаем его «воспитывать». Ученик, не совершающий проступков, нас не занимает,— куда он идет, какой характер развивается в кажущемся его внешнем порядке, мы не знаем и узнавать не умеем. Такие распространенные типы характеров, как «тихони», «иисусики», накопители, приспособленцы, шляпы, разини, кокеты, приживалы, мизантропы, мечтатели, зубрилы, проходят мимо нашей педагогической заботы. Иногда мы замечаем их существование, но, во-первых, они нам не мешают, а во-вторых, мы все равно не знаем, что с ними делать. А на самом деле именно эти характеры вырастают в людей вредоносных, а вовсе не шалуны и дезорганизаторы.

В настоящее время, когда у нас воспитывается больше 30 миллионов детей, не подлежит сомнению, что успех этой грандиозной работы зависит не от разрозненных усилий миллиона учителей, а исключительно от организации школы как целого, от стиля и тона тех требований, которые мы предъявляем к детям, от стиля дисциплины и игры в детском коллективе, от широко организованных регулярных упражнений в волевых напряжениях, в мужестве, в постоянном движении к большим, ясным, желанным целям.

Такая педагогическая работа будет не только гораздо более эффективна, но и гораздо более приятна для педагогов. Наше учительство сейчас очень страдает от серости, скуки и ложной добродетельности собственных приемов. Оно страдает от неисчислимого количества самых диких предрассудков, неизвестно откуда к нам пришедших. Например, до сих пор считается аксиомой, что для детской натуры необходимо пустое, бестолковое, нецелесообразное движение. До сих пор считают «воспитательной» мерой непротивление в классе, хотя бы при этом срывался целый урок. До сих пор наш ребенок даже в течение одного года несколько раз перебрасывается из одного коллектива в другой, а ведь на

самом деле нет ничего вреднее этого настойчивого воспитания «внеколлективного» человека.

Жизнь нашей школы, нашего детского коллектива должна быть гораздо бодрее, гораздо подтянутее, гораздо веселее и гораздо суровее. Только в таком случае школа начнет выполнять свои функции в деле коммунистического воспитания, отказавшись раз навсегда от успокоительного этического самотека.

Конечно, такая работа потребует от учительства большой энергии, большой силы духа, потребует больше искренности и больше смелости. Но в этом заключаются не только тяжести, но и удовлетворения. Нельзя миллионную массу нашего молодого учительства держать на постной пище кабинетных, абстрактных и трусливых рассуждений. Наше детское общество должно отражать жизнь всей Советской страны. Школа должна бороться за коммунизм с такой же волей, с таким же мужеством, с таким же напряжением, как и все наше общество. И с такой же радостью!

РАЗГОВОР О ВОСПИТАНИИ

Вступительное слово

У нас нет еще полноценной методики воспитания, и мы должны ее создать. Критики, разбиравшие «Педагогическую поэму», больше всего меня ругали за недооценку теории педагогики. Но когда я писал свою книгу, то меня занимала не классная жизнь, а проблема воспитания и перевоспитания правонарушителей. Мой опыт воспитательской работы привел меня к тому выводу, что нам нужно создать методику воспитания. Я получил высшее педагогическое образование, перечитал все, что есть в литературе по вопросам воспитания, и все это меня нисколько не удовлетворило. Я не получил метода работы. Я полагаю, что в интересах дела нужно отличать школьную методику учебной классной работы от методики воспитания. Желательно у вас в институте создать специальную кафедру воспитания, которой у вас до сих пор нет.

В начале моей «Педагогической поэмы» я показал свою полную техническую беспомощность. В 20-м году, когда я приступал к перевоспитанию правонарушителей, я не имел ни инструмента, ни метода. Я оказался в лесу с пятилинейной лампочкой и стаей бандитов. Я оказался педагогически беспомощен, и тогда, при тех условиях, я назвал педагогику шарлатанством... Тогда я сделал большую ошибку, что ударил своего воспитанника Задорова. В этом было не только преступление, но и крушение моей педагогической личности. Я тяжело переживал эти минуты и как человек и как педагог.

Всегда я считал подобные факты большим педагогическим преступлением и за это сам отдаю своих подчиненных под суд. Года через два после столкновения с Задоровым я понял и открыто сказал, что нужна педагогическая наука, но не оторванная от жизни, а связанная с ней и помогающая воспитателю в практической работе. Я уверен, что она будет, в этом меня убедил мой шестнадцатилетний опыт. Мне пришлось быть руководителем в трех колониях НКВД.

В нашей прекрасной действительности, способной породить такое величественное движение, как стахановское, в этой действительности есть все, чтобы создать новую науку — педагогику. Мы сейчас крепко бьемся за новую воспитательную технику. И можно быть уверенным, что новая, социалистическая педагогика будет создана сегодня или завтра.

В журнале «Коммунистическое просвещение» (август, 1936 год) дается совет, как бороться с недисциплинированностью учеников, с хулиганством и т. д. Этот вопрос задавался еще в 20-м году, затем повторялся в 23, 25, 27, 29-м годах и сохранился до 36-го года. Когда же, наконец, будет разрешен этот деловой и простой вопрос?

Чистая теория педагогики показала свою полную беспомощность, если до сих пор не смогла разрешить этого вопроса. В консультации журнала «Коммунистическое просвещение» дается совет учителям самим быть дисциплинированными, сплоченными, самим не опаздывать в школу и т. д. Это — отписка, а не совет. Такой «консультацией» ничего не сделаешь для воспитателя. Здесь хотели и совет дать и ничего «страшного» не насоветовать. В седьмом пункте рекомендуется учителю вести беседу с учеником, нарушающим правила внутреннего распорядка, занимающимся воровством и хулиганством, вести беседу спокойным, ровным голосом!.. Наша печать ежедневно сообщает о героических людях, о страстной работе, а учителям этот авторитетный журнал Наркомпроса рекомендует спокойный, ровный голос!

Со своими воспитанниками я могу говорить ласково и нежно, но могу и повысить голос, твердо сказать: «брось!». Без этого нет воспитания.

Я не хочу сказать, что нужно кричать на воспитанников. Нет! Но нужны страсть, любовь, увлечение своим собственным делом в той мере, как это мы наблюдаем у стахановцев. Если я не умею волноваться, то я обязан этому научиться! При совершении воспитанником преступления воспитатель как представитель общества должен показать свое негодование.

Неудивительно, что в указанной консультации ничего не говорится о коллективе, как воспитательном факторе. Учителю Позднякову рекомендуется только лично побеседовать с учеником, который занимался мелкими кражами и дошел до квартирных краж. Рекомендуется взять с ученика слово, что он больше не будет заниматься подобными делами. И только. Не рекомендуют выносить этот поступок на обсуждение коллектива, так как это нанесет ребенку «тяжелую внутреннюю рану», отчего пострадает учеба, а коллектив ничего не выиграет. Это — вредная установка.

Затем в данной консультации ничего не говорится о наказании. Боятся этого слова. А в постановлении ЦК нашей партии это слово называется с большевистской прямотой, и наказание не вуалируется словами «мера воздействия». Я стою за наказание. Только надо уметь его применить, а этому нужно учиться.

Весь отдел консультации журнала «Коммунистическое просвещение» отдает установками левака Шульгина. Консультанты стремятся удивить мир фокусом.

Они подобны покойным педологам, которые любили такие вопросы изучать, изучать, изучать и записывать, чем и путали учителя в вопросе,

как ему быть с наказанием. У нас еще не освоена система наказания. Из старой школы мы не можем взять систему наказаний, чуждую нам, с ее слежкой, кондуитами, привязываниями к каждому пустяку и т. д. Применению наказания я долго учился

Сами коммунары боролись с нарушениями правил внутреннего распорядка и сами управляли всей жизнью коммуны. В коммуне им. Дзержинского наказания принципиально признаны, но именно поэтому на практике они почти не применяются. Такого положения мне удалось добиться при помощи использования всей воспитательной силы коллектива. Воспитание, а следовательно, и наказание должны проходить через крепкий коллектив.

Сознательный крепкий коллектив крайне необходимо создать в каждой школе как живой организм с действующими органами и общими интересами. Снимать ответственность преступника перед коллективом, как советуют в журнале «Коммунистическое просвещение», значит, отказываться от новой педагогики.

Я настаиваю, что и в педагогике нужно изобретать До последнего времени не занимались изобретением в педагогике, так как боялись педологии, которая отнимала это законное право у педагогики. Пусть вновь созданная кафедра воспитания разработает вопросы воспитательного значения коллектива, проблему наказания, стиля, тона и т. д.

Я уверен, что в ближайшие десять лет мы создадим методику коммунистического воспитания

Да здравствует коммунистическая педагогика! <...>

Заключительное слово

Я не отрицаю науку педагогику. Прежнее суждение о педагогике у меня сложилось в рабочем понимании ее. Послезавтра я опять еду в Киев и буду руководить новой колонией НКВД, где придется столкнуться с множеством практических вопросов. Придется опираться не на старую педагогическую систему, а на новую систему завтрашнего дня. Приходится ругаться не из-за отсутствия педагогических идей, а из-за отсутствия педагогической техники, которой не хватает. И сейчас остается спорным вопрос механизации воспитательной работы. Воспитать умение чувствовать себя в рядах с другими, ощущать товарища локтем. Нужна не только индивидуальная обработка, а и обработка при помощи коллектива, через организацию. Такие «детали» личности, как привычка к чистоте, к точности, как способность к быстрой ориентировке, нельзя воспитать при помощи индивидуальной обработки, не хватит сил и времени, а исключительно методом накопления коллективного опыта Я выработал для себя рабочую схему, в которой разбираю четыре типа влияния (чистое и практическое, собственное и постороннее) [1]. Надо уметь организовать и подчинить себе эти влияния, чтобы создать технику и полезный пучок влияний. В социалистическом обществе владеть ими будет легче — без применения наказания. И, наконец, самое главное. Наша коммунистическая работа не может быть бесстрастной. Надо уметь работать с верой в человека, с сердцем, с настоящим гуманизмом.

Без любви к человеку не было бы и Октябрьской революции. Мирюсь с вами и по вопросу о наследстве. Глубоко уважаю старых педагогов. Много их читал и многому научился у них Но нам нужно продолжать дело создания воспитательной методики. Эта ответственная задача лежит на нас. Многому в воспитательской работе учился у чекистов, имеющих доброе сердце и сильно любящих детей. Они ежеминутно чувствуют ответственность за свою работу. Они не проявляют ни лени, ни самоанализа, ни интеллигентщины в подходе к детям, они работают уверенно, хорошо, эффективно. Я учусь у них. Я соглашаюсь, что педагогика должна быть единой наукой, но продолжаю настаивать, что необходимо разработать методику воспитания и уметь ее подчинить воспитательным целям школы.

Прекрасна работа по созданию нового человека! В ней много наслаждения! Я приветствую партию, давшую нам это счастье и радость!

ЧТО ЗНАЧИТ ВОСПИТАТЬ РЕБЕНКА?

Что значит воспитать ребенка? Можно воспитать для счастья, можно воспитать для борьбы. Можно воспитать для индивидуального счастья, можно воспитать для индивидуальной борьбы. И можно воспитать для общего счастья и для общей борьбы. Это все очень важные и очень практические вопросы.

У нас много старых представлений о ценностях человека, о его достоинстве.

Итак, цель воспитания как будто ясна. Каким должен быть советский гражданин? Несколько совершенно ясных признаков: активный, деятельный, осмотрительный, знающий коллективист. Но не только способность к действию, нужна и большая способность к торможению, тоже отличная от старой способности. Очень важная способность к ориентировке, широкий взгляд и широкое чутье.

Пути воспитания. Конечно, на первом плане общая сумма правильных представлений, сумма правильных, марксистски освещенных знаний. Знания приходят из учебы и еще больше из замечательного советского опыта, из газеты, книги, из каждого нашего дня. Многим кажется, что этого достаточно. Это действительно много. Наша жизнь производит самое могучее впечатление на человека и действительно воспитывает его (Примеры).

Но мы не можем останавливаться на этих достижениях, мы прямо должны сказать, что без специальной заботы о человеке, заботы педагогической, мы многое теряем. Правда, получаются хорошие результаты, но мы ими довольны только потому, что не знаем, какими грандиозными они могут быть.

Я — сторонник специальной воспитательной дисциплины, которая еще не создана, но которую именно у нас в Советском Союзе создадут. Основные принципы этого воспитания: 1) уважение и требование; 2) искренность и открытость; 3) принципиальность; 4) забота и внимание, знание; 5) упражнение; 6) закалка; 7) труд; 8) коллектив; 9) семья: первое детство, количество любви и мера суровости; 10) детская радость, игра; 11) наказание и награда.

О ВОСПИТАНИИ

[Воспитание] должно направляться одной системой законов, подобных естественным законам. И если в руках человека приложение этих законов принимает формы разнообразных комбинаций, то единство принципиального подхода от этого не проигрывает, как не проигрывает единство биологических законов оттого, что способы передвижения птицы и каракатицы различны.

Воспитание хороших детей и воспитание правонарушителей не может направляться обособленными группами принципов. Принципы воспитания, если они отражают правильно равновесие законов влияния и социальных требований и задачи эпохи, могут быть только частью единого педагогического кодекса. И, разумеется. поэтому не может быть удовлетворительно решен [вопрос] о дисциплине в колонии, если он не решен вообще.

При этом мне представляется необходимым совершенно оставить арену весьма добродетельных и похвальных упражнений в балансировании прекрасными идеями, якобы освещающими кому-то дорогу. Меня всегда удивляло ни на чем не основанное чванство иных педагогов...

Скажите, пожалуйста, разве это не знакомая всем картина, когда человек в брюках навыпуск и манжетах лезет под руку работающему в огороде мальчику со своими разглагольствованиями о каких-нибудь тычинках и пестиках?

И разве не блестят слезы умиления у этого самого человека в манжетах?

А если мальчик любит пафос работы, разве у него нет желания треснуть этого умиленного нахала лопатой по голове, чтобы не мешал? И скажите по совести, разве не приходило вам в голову, что только подлизы стараются показать умиленному человеку, как страшно они заинтересованы тычинками и пестиками?

Прекрасные прогрессивные педагогические идеи сплошь и рядом прикрывали полную научную пустоту, кое-как замещаемую совершенно домашними и совершенно дикими средствами. И в последнем итоге тон давался вовсе не школой, а семьей, улицей, переменой между уроками, вообще теми минутами, когда нет возле нас педагога.

Хаотическая машина социального целого миллионами тяжей втягивала в себя наше юношество, и вместе с ним трепался на каком-нибудь конце украшенный идеями педагог, далеко отбрасываемый на поворотах. И если все-таки что-то получалось из наших детей, то только потому, что вообще из ребенка что-то должно получиться, и потому, что вообще в жизни больше хорошего, чем плохого.

Пример: возьмите самую новейшую и очень интересную книжку московской работницы Н. И. Поповой «Школа жизни». Человек довольно скромно и честно рассказывает об организации работы в классе, видно, что в школе Поповой много отдано мысли и сил, что-то большое сделано, что-то кажется близким. И вдруг на последней странице: «Далеко не разрешены еще и требуют упорной работы вопросы воспитательные».

В огромном большинстве случаев инспектор, привыкший танцевать от школы, и в детском доме ничего не способен видеть, кроме школьных установок, а все то, что выходит за границы класса, все то, что составляет самую сущность детского дома, просто им не замечается.

Применение школьных критериев к работе детского дома в настоящее время сделалось обычным и, так сказать, определенной модой. В этом сказывается потеря веры в детский дом как в основное дело советского воспитания. Мечтания и планы 1920 года сейчас трезво забыты, и детский дом мыслится необходимым до тех пор, пока будут существовать беспризорные. Насколько я помню, в харьковской пятилетке прямо проектируется уменьшение числа детских домов и их населения. Детский дом в таком аспекте есть нечто вымирающее, и, конечно, никакой особенной педагогики для него не нужно. Через пять лет останется два-три детских дома в больших городах специально для воспитания сирот. Их существование будет определяться только нуждой в призрении, но отнюдь не системой советского воспитания.

Если это действительно так, то вопрос о педагогике детского дома отпадает. Как будто все идет к этому. Уж одно то обстоятельство, что почти принципиально не допускается существование детского дома для детей из семьи, что детский дом есть дом обязательно для беспризорных, уж одно это способно поставить крест над нашими педагогическими вожделениями.

Имеем ли мы право, рассчитывая на то, что этот процесс умирания детского дома приведет его к благополучной кончине, забросить вопрос о его педагогике? В 1920 году начинали с утверждения, что соцвос может быть только в детском доме, что школа временная форма; мы отвоевали детский дом у Собеса, который по прямой житейской логике считал, что сироты и беспризорные его клиенты. В настоящее время детский дом по невыясненности своей педагогики, по заброшенности и своей практики и своего благосостояния, собственно говоря, в значительной мере состоит в Собесе. Можем ли со спокойной совестью утверждать, что этот путь «от Соцвоса к Собесу» нормальный и правильный путь? Или, может быть, у нас есть еще возможность надеяться, что мы пойдем по другому пути: «от Собеса к Соцвосу»? Не рискуем ли мы, забросив педагогику детского дома слишком рано, лет через пять или даже раньше обнаружить, что мы слишком поторопились?

На эти вопросы не может быть двух ответов. Ответ может быть только один именно детскому дому принадлежит советское педагогическое будущее. Вот несколько, вероятно, совершенно очевидных аксиом:

1. Не может быть социалистического общества без общественного воспитания. Совершенно невозможно представить себе, чтобы в государстве, построенном на плане, стихия воспитания не была в руках государства.

2. Современное советское общество в вопросе о воспитании находится в более сложном положении, чем общество дореволюционное. Царская Россия имела все основания считать своим надежным помощником в деле воспитания семью, поскольку семья была основным, признанным

и закрепленным первичным коллективом в обществе. Семья, в особенности семья буржуазная, идеологически всегда должна была стоять в одной плоскости с государственной властью. В этом участии семьи в государственном плане воспитания лежали отчасти и причины ее крепости. Супруги необходимо должны были быть связаны религиозными и юридическими цепями, обязательно на всю жизнь, если они несут ответственность за воспитание детей. Женщина по возможности должна быть нянькой и хозяйкой и необходимо должна «бояться мужа»; крепость семьи приводила к принципу единоначалия, к власти одного над другим. Дисциплина в семье была так же необходима старому обществу, как и гарантия того, что каждый ребенок обеспечен надолго отцом и матерью.

Таким образом вся архитектоника семьи была приспособлена к тем воспитательным задачам, которые на эту семью возлагались

В нашем обществе мы тоже видим семью, но мы стоим на иной позиции по отношению к семье... Женщина в нашей семье уже не нянька и хозяйка, а прежде всего активный и производящий член общества...

3. ...Через пять лет, когда наша промышленность потребует не одну тысячу женщин на производстве, когда в семью войдет матерью нынешняя свободная девушка, воспитанная в презрении к пеленочной и печной квалификации, мы обязательно скажем, что именно воспитание наших детей осталось без необходимых для этого институтов.

4. Детский дом есть будущая форма советского воспитания Он, конечно, не может быть даже подобием детского дома, наполненного искусственно изолированной беспризорщиной. Колония, составленная из брошенных одиноких детей, переживших гораздо больше того, что под силу ребенку, это вне всяких сомнений не вполне здоровое общество, и вполне здоровым даже при геройстве педагогов оно уже и не может быть. Только детский дом, наполненный здоровым детством, знающим, что где-то на фабрике работают отец и мать, имеющим с ними связь и не лишенным ласки матери и заботы отца, только такой детский дом будет настоящим советским соцвосом, потому что в нем объединятся как воспитательные деятели и государство, и новая семья, и совершенно уже новый деятель — ребячий производственный, и образовательный, и коммунистический первичный коллектив.

И такой детский дом не только необходим, но и неизбежен, и самое главное, и вполне возможен. Правильно организованный и оборудованный детский дом, дающий ребенку несравненно больше того, что способна дать самая лучшая семья, в то же время представляет собой производственную организацию. Будущее наше детство будет давать обществу громадную продукцию, занимающую очень важное место в общегосударственном доходе. В самых круглых цифрах можно предвидеть, что, если все детство СССР будет организовано в детских домах, оно будет давать в год продукции на сумму один миллиард рублей. Это обстоятельство должно определить дешевизну содержания ребенка, следовательно, выгодность для семьи помещения ребенка в детский дом. Кроме того, нужно предполагать, что общественное воспитание будет признано настолько серьезным делом, что оно будет строиться, подобно нынешнему соцстраху, на принципах обязательного участия в расходах всех. Ибо, если в социальном страховании должны участвовать все, то тем более все

должны участвовать в расходах по подготовке будущего поколения. Будущее поколение — дело всего общества, а не только тех, кто физически позволил себе роскошь иметь детей.

Во всяком случае, если вопрос о развитии и расширении сети детских домов есть вопрос только о средствах, принципиальная позиция педагогической мысли по отношению к детскому дому не может быть отрицательной. В последнем счете даже вопрос о средствах представляется трудным только в смысле единовременных затрат на постройку новых детских домов, самое же содержание ребенка в детском доме в среднем должно обходиться гораздо дешевле, чем в семье при гораздо лучшем обеспечении всех его потребностей. Кстати, нужно сказать, что это содержание должно обходиться тем дешевле, чем лучше построен и оборудован детский дом Правильное вложение капитала и здесь, как и в иных случаях, приносит и больше экономии и больше прибыли.

Впрочем, вопрос о финансовой стороне детского дома не входит в настоящую тему, об этом можно все же сказать много простых и совершенно очевидных истин когда-нибудь другим разом.

Главное, на что необходимо обратить общее внимание и в особенности внимание педагогической науки,— это совершенно несомненное положение, что советскому детскому дому принадлежит будущее. Замалчивание методики детского дома поэтому должно быть оставлено.

ПОНЯТИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ ВОСПИТАНИЯ

1. Важность вопроса о дисциплине:

а) как наиболее близкого к практике;

б) как наименее обособленного, локализованного.

2. Совпадение в некоторых местах с понятием воспитания.

3. Разделение: воспитание физической природы, воспитание духовной — психической природы, воспитание социальной природы.

4. Последний отдел покрывается вполне тем отделом воспитания, который мы называем дисциплиной.

5. Дисциплина как признак организованного общества. Величина дисциплины прямо пропорциональна организованности.

6. Поэтому дисциплина есть прежде всего воспитание гражданина.

7. Важность дисциплины для воспитания психической и физической стороны личности.

8. Что же такое дисциплина?

9. Прежде всего, это результат процесса: «Точное ощущение своего положения в среде» или «Наиболее нормальное отношение личности и общества». «Разумное подчинение общепризнанному порядку». Вообще же: «Дисциплина — это действие сдерживающих начал в действии личности». В этом понимании нет разногласий.

10. Во-вторых, это процесс. Дисциплина — это совокупность средств, при помощи которых мы стремимся к дисциплинированию личности в обществе.

11. Во втором случае мы имеем чисто педагогическую проблему и только ею могли бы интересоваться.

12. Но такому ясному пониманию вопроса препятствует:

а) неправильное понимание дисциплинированности как исключительно негативного явления. Между тем ясно, что если мы имеем усиленную работу, то [дисциплина] — это сдерживание лени.

13. Допускается, возможно, что личность будет правильно действовать исключительно в силу положительных побуждений. Это абсурд. Положительные (похвальные) импульсы воспитываются не только дисциплинированием, но их положительность не выходит за пределы побуждения. Как только начинается действие, требуется его порядок и завершение, постоянство, хладнокровие и стойкость. Без этого условия остаются только добрые намерения.

Но дисциплина важна и для воспитания импульсов, поскольку они слагаются в результате опыта и поскольку опыт организуется в дисциплине.

б) Дисциплина часто противополагается свободе. Это (неправильно). Свобода не воля. Воля — это уединенная возможность всякого действия. Воля — понятие, противоположное неволе, плену, связанности. Свобода — это социальный институт, это не уединенная позиция в небесах, а часть блага общего. Если я имею свободу, то имеет ее и мой сосед. Иначе говоря, она не результат общественного договора. Свободу нужно противополагать произволу. Дисциплина в обществе, направленная к ограничению произвола, ставит меня в точное отношение ко всем элементам общества и тем самым позволяет мне точно учитывать обстановку и точно выбирать действие. Воля — это ваш бег в пустом пространстве. Свобода — это ваше спокойное движение по Тверской или Невскому, когда вы уверены, что трамвай идет по рельсам, автомобили и рысаки держат правую сторону, а семиэтажные дома выстроены под наблюдением строительных законов и не обрушатся на вашу голову.

Прав Норман Мак Мен: «Свободный ребенок улицы связан больше, нежели дисциплинированный мальчик [1]».

14. Наконец, отметить нужно значение коллективной, массовой дисциплины. Работа, управление собой, своим отдыхом.

ВЫБОР ПРОФЕССИИ

И до революции я работал с детьми [1]. Как и полагалось до революции, в моем ведении находилось очень ограниченное социальное поле. Я сам был сыном рабочего, и мои ученики были такого же сорта. Официальные люди того времени называли нас мастеровыми. Все же у меня были дети мастеровых более высокого ранга — железнодорожников. Родители их были народом квалифицированным: заслуженные деятели паровозных и вагонных парков, машинисты, их помощники, токари, попадались между ними и начальники станций.

Железнодорожники жили лучше других рабочих и даже несколько гордились своей хорошей жизнью. И детей своих учили не в каких-нибудь «начальных» трехлетках и не в церковноприходских школах, а в спе-

циально для них придуманных «пятилетках». Одним словом, мои ученики составляли некоторым образом привилегированное детство.

Оканчивая пятилетку, мои ребята приступали к выбору жизненного пути. Я руководил ими, и тогда мне казалось, что я действительно им помогаю и что без моей помощи трудно было бы ребятам выбрать жизненный путь. А сейчас я вспоминаю это время и думаю насмешливо: собственно говоря, ребятам моя помощь и не требовалась: выбора никакого не было. Я проработал в железнодорожной школе девять лет, выпустил в жизнь человек 500; всем помог выбрать профессию, и все они, за малым исключением . сделались железнодорожниками. То, что я называл выбором профессии, было вариацией на очень малом диапазоне: от паровозного слесаря до паровозного машиниста. Окончив школу, мои ребята поступали в тот или иной цех «учениками» Я годами встречал их в этом завидном звании, и они все были похожи друг на друга: замасленная, заношенная рубашка, измазанная мордочка, в руках неизменные «концы» Учебная работа их заключалась почти исключительно в том, что они целый день ползали в самых грязных местах и вытирали части машин и паровозов Только когда у них начинала сильно отрастать борода, их переводили в помощники слесаря, это было уже большим карьерным достижением. Заработки их выражались в каких-то грошах, и тем не менее при выборе профессии этот заработок был чуть ли не единственным стимулом.

* * *

После революции судьба поручила мне «самый низший отдел человечества» — беспризорных... Вот кто составлял мое обычное общество. До того как попасть в мою колонию, эти маленькие люди, собственно говоря, уже выбрали себе «профессию», были ею очень довольны и мою непрошенную консультацию встречали даже с некоторым сопротивлением.

Но я терпеливо приучал их к труду и к школе, вокруг себя они видели новое, советское общество, новую свободу, новые пути человека. Перед их глазами, как и перед глазами всех советских юношей, открылись широкие дороги. Сначала осторожно, потом все смелей и смелей мои воспитанники вступали на них, захватывали новые области, открывали новые перспективы Скоро закончится 17 лет, как я работаю с ними. Многие мои воспитанники давно стали взрослыми людьми, женились, имеют детей Тысячи разошлось их по Советскому Союзу, и все нашли для себя профессию Что они выбрали?

Вот я вспоминаю их имена, вижу их деятельность и хочу честно перечислить их рабочие пути. Но такое перечисление было бы очень утомительным. Мне трудно сказать, что они выбрали. Гораздо легче сказать, чего они не выбрали И кажется, единственная «профессия», которую они обошли с презрением, это «профессия» вора или мошенника.

И что поразительно: при выборе профессии они меньше всего думали о будущих заработках, о материальных стимулах. Они жадными глазами следили за великим подъемом нашей жизни и видели, куда требуются силы, где не хватает людей, куда призывает их партия. В начале первой пятилетки они все бросились в индустрию. «Инженер» — вот что

выражало в их глазах высшую степень выполнения долга, высшую форму деятельности. И от того времени много осталось на этом пути: инженеры-технологи, инженеры-строители, специалисты по тяжелому машиностроению, по легкому машиностроению, авиаконструкторы. Потом, когда в самом настойчивом порядке дня стали вопросы культурного строительства, дороги моих учеников стали разнообразнее. Многие пошли учиться на исторические, педагогические, медицинские факультеты, многие ушли в такие заманчивые области, как геология, появились первые представители в области искусства — студенты литературных факультетов, музыкальных институтов, театральных студий, художественных школ. Особый отдел составляют военные вузы, и самый любимый отдел — летные школы.

Конечно, выбор профессии в советское время — гораздо более трудное дело, чем до революции. Главное затруднение, если угодно, главный недостаток нашего времени — слишком много путей, слишком широки возможности Чтобы выбрать профессию, теперь не нужно оглядываться ни на классовое или сословное положение, ни на материальную обеспеченность, ни на самодурство родителя. И бывает нередко, когда юноша или девушка растеряется перед этими просторными далями, бросится в одну сторону, увидит нечто более привлекательное. Потом оказывается, что ему вовсе не это нужно, что на самом деле по призванию своему он не летчик, не инженер, а музыкант или медик И поэтому в настоящее время гораздо большее значение имеет помощь родителя и воспитателя.

Конечно, не всем удается осилить учебу и дойти до вуза. Многие так увлекаются характером своей работы, что уже не могут добраться до учебных вершин и остаются на средних пунктах: начальниками цехов, инструкторами, монтерами. Но в своей жизни они все равно пережили настоящие стремления, все равно испытали прелесть свободного выбора дороги, а если выбрали более узкую, то по доброй воле.

О «ВЗРЫВЕ»

...Я никогда не придавал особенного веса эволюционным путям. В опыте своем я убедился, что как бы здорово, радостно и правильно ни жил коллектив, никогда нельзя полагаться только на спасительное значение одной эволюции, на постепенное становление человека. Во всяком случае, самые тяжелые характеры, самые убийственные комплексы привычек никогда эволюционно не разрешаются. В эволюционном порядке собираются, подготовляются какие-то предрасположения, намечаются изменения в духовной структуре, но все равно для реализации их нужны какие-то более острые моменты, взрывы, потрясения

Я не имел никогда возможности нарочито организовать широкий опыт в этом направлении, я не имел права организовывать такие взрывы, но, когда они происходили в естественном порядке, я видел и научился учитывать их великое значение. Я много, очень много думал по этому вопросу, потому что это один из центральных вопросов педагогики перевоспитания. К сожалению, я имел очень ограниченные возможности проверить свои предчувствия лабораторным порядком.

Что такое взрыв? Я представляю себе технику этого явления так. Общая картина запущенного «дефективного» сознания не может быть определена в терминах одного какого-нибудь отдела жизни. И вообще, дефективность сознания — это, конечно, не техническая дефективность личности, это дефективность каких-то социальных явлений, социальных отношений — одним словом, это прежде всего испорченные отношения между личностью и обществом, между требованиями личности и требованиями общества. Как эта дефективность отношений проектируется в самочувствии личности, разумеется, очень сложный вопрос, который здесь неуместно разрешать. Но в общем можно сказать, что это отражение в последнем счете принимает форму пониженного знания, пониженных представлений личности о человеческом обществе. Все это составляет очень глубокую, совершенно непроходимую толщу конфликтных соприкосновений личности и общества, которую почти невозможно раскопать эволюционно. Невозможно потому, что здесь две стороны и обе стороны активные, следовательно, эволюция, в сущности, приводит к эволюции дефективной активности личности. Так это и бывает всегда, когда мы все надежды полагаем на эволюцию. Так как мы имеем дело всегда с отношением, так как именно отношение составляет истинный объект нашей педагогической работы, то перед нами всегда стоит двойной объект — личность и общество

Выключить личность, изолировать ее, вынуть ее из отношения совершенно невозможно, технически невозможно, следовательно, невозможно себе представить и эволюцию отдельной личности, а можно представить себе только эволюцию отношения. Но если отношение в самом начале уже дефективно, если оно в отправной точке уже испорчено, то всегда есть страшная опасность, что эволюционировать и развиваться будет именно эта ненормальность, и это будет тем скорее, чем личность сильнее, т. е. чем более активной стороной она является в общей картине конфликта. Единственным методом является в таком случае не оберегать это дефективное отношение, не позволять ему расти, а уничтожить его, взорвать.

Взрывом я называю доведение конфликта до последнего предела, до такого состояния, когда уже нет возможности ни для какой эволюции, ни для какой тяжбы между личностью и обществом, когда ребром поставлен вопрос — или быть членом общества, или уйти из него. Последний предел, крайний конфликт, может выражаться в самых разнообразных формах: в формах решения коллектива, в формах коллективного гнева, осуждения, бойкота, отвращения, важно, чтобы все эти формы были выразительны, чтобы они создавали впечатление крайнего сопротивления общества Вовсе не обязательно при этом, чтобы это были выражения всего коллектива или общих собраний Вполне даже допустимо, чтобы это были выражения отдельных органов коллектива или даже уполномоченных лиц, если заранее известно, что они безоговорочно поддерживаются общественным мнением. Но чрезвычайно важно, чтобы эти выражения сопровождались проявлениями общественных или личных эмоций, чтобы они не были просто бумажными формулами. Выраженный в ярких, эмоционально насыщениых высказываниях решительный протест коллектива, неотступное его требование является тем самым «кате-

горическим императивом», который так давно разыскивала идеалистическая философия.

Для меня в этой операции очень важным моментом является следующий: в составе коллектива никогда не бывает только одно дефективное отношение, их всегда бывает очень много, разных степеней конфликтности от близких к пределу противоречий до мелких трений и будничных отрыжек (неразборчиво написано слово.— *Ред.*). Было бы физически невозможно разрешить все эти конфликты, возиться с ними, изучать и доводить до взрывов. Конечно, в таком случае вся жизнь коллектива превратилась бы в сплошную трескотню, нервную горячку, и толку от этого было бы очень мало. Меньше всего коллектив нужно нервировать, колебать и утомлять. Но этого и не требуется.

Я всегда выбирал из общей цепи конфликтных отношений самое яркое, выпирающее и убедительное, для всех понятное. Разваливая его вдребезги, разрушая самое его основание, коллективный протест делается такой мощной, такой все сметающей лавиной, что остаться в стороне от нее не может ни один человек. Обрушиваясь на голову одного лица, эта лавина захватывает очень многих компонентов других дефективных отношений. Эти компоненты в порядке детонации переживают одновременно собственные местные взрывы, гнев коллектива бьет и по ним, представляя их взору тот же образ полного разрыва с обществом, угрозу обособления, и перед ними ставит тот же «категорический императив». Уже потрясенные в самой сущности своих отношений к обществу, уже поставленные вплотную перед его силой, они не имеют, собственно говоря, никакого времени выбирать и решать, ибо они несутся в лавине, и лавина их несет без спроса о том, чего они хотят или чего не хотят.

Поставленные перед необходимостью немедленно что-то решить, они не в состоянии заняться анализом и в сотый, может быть, раз копаться в скрупулезных соображениях о своих интересах, капризах, аппетитах, о «несправедливостях» других. Подчиняясь в то же время эмоциональному внушению коллективного движения, они, наконец, действительно взрывают в себе очень многие представления, и не успеют обломки их взлететь на воздух, как на их место уже становятся новые образы, представления о могучей правоте и силе коллектива, ярко ощутимые факты собственного участия в коллективе, в его движении, первые элементы гордости и первые сладкие ощущения собственной победы.

Тот же, кого в особенности имеет в виду весь взрывной момент, находится, конечно, в более тяжелом и опасном положении. Если большинство объектов взрывного влияния несутся в лавине, если они имеют возможность пережить катастрофу внутри себя, главный объект стоит против лавины, его позиция действительно находится на «краю бездны», в которую он необходимо полетит при малейшем неловком движении. В этом обстоятельстве заключается формально опасный момент всей взрывной операции, который должен оттолкнуть от нее всех сторонников эволюции. Но позиция этих сторонников не более удачна, чем позиция врача, отказывающегося от операции язвы желудка в надежде на эволюцию болезни, ибо эволюция болезни есть смерть. Надо прямо сказать, что взрывной маневр — вещь очень болезненная и педагогически трудная...

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

Товарищи, я вас должен предупредить, что в сегодняшнем моем сообщении не могу быть совершенно беспристрастным. Видите ли, тема нашей беседы «Художественная литература о воспитании беспризорных и безнадзорных» для меня очень близка, так как в разработке этой темы я сам участвовал не только литературно, но и педагогически, будучи рядовым работником жизненного фронта. В связи с этой работой у меня сложились определенные взгляды, если хотите, определенные доктрины по вопросу, как должно быть организовано коммунистическое воспитание.

В решении этой задачи комплекс моих мнений, опыта, педагогических убеждений сложился так крепко, что из-за какой бы то ни было деликатности или даже товарищеской уступчивости я не могу поступиться ни одной буквой Поэтому я в таком для меня близком вопросе, в вопросе моей жизни, могу быть только сугубо пристрастным. За это я заранее прошу у вас прощения.

Литература о воспитании у нас в Союзе не так еще велика, художественная литература — в особенности, и, прежде всего, мы должны отметить в ней одно удивительное явление.

У нас написано несколько книг о воспитании трудных детей, воспитании правонарушителей. Вы знаете хорошо нашу литературу, вспомните более или менее замечательные явления в литературе о детях — это почти исключительно книги о работе с правонарушителями. Художественных книг вообще о воспитании, даже о воспитании тех же беспризорных, но не правонарушителей, а так называемых нормальных детей, вы, пожалуй, вспомните очень мало.

Почему у нас такое исключительное внимание к так называемым правонарушителям? Можно было бы подумать, что общество и писатели особенно заинтересовались именно воспитанием правонарушителей. Однако этого на самом деле нет. Мы одинаково интересуемся и воспитанием правонарушителей, и воспитанием нормального детства. Все эти вопросы для нас чрезвычайно важны, чрезвычайно сложны и даже дороги.

Почему же художественная литература особенно сконцентрирована только на теме о правонарушителях? Это произошло по причинам не педагогическим, не связанным с педагогической методикой. Это произошло потому, что как раз в этом пункте наиболее ярко сказалось основное отличие нашего общества от общества буржуазного, дореволюционного. Именно в отношении к несовершеннолетнему человеку, который может считаться врагом общества, в отношении к ребенку, который может стать бандитом, который нарушает право, совершает преступления, ворует, даже убивает,— в отношении к такому ребенку наше общество стоит на диаметрально противоположной позиции, чем общество буржуазное или наше дореволюционное. Здесь сказывается наша основная позиция по отношению вообще к человеку.

Мы знаем, какие основания имеются для преступности в буржуазном мире. Таких оснований у нас в Советском Союзе нет. Поэтому, если человек совершает преступление, то для нас совершенно ясно, что это

зло можно вырвать, победить, ибо этого зла в самом обществе не может быть. Отсюда проистекает совершенно исключительное ярко выраженное наше отношение к правонарушителю только как к объекту воспитания, как к человеку, который должен быть переделан, а не как к преступнику, требующему изоляции. Вот поэтому-то у нас и наблюдается в жизни очень много различных методов воспитания. Одним из таких методов была литература, посвященная правонарушителям.

Но были попытки и не столь положительные. Человеческое отношение к преступнику, уважение личности человека даже в преступнике, уверенность, что из каждого человека можно выработать члена общества, иногда у некоторых людей приобретает характер любования преступником. Это в особенности заметно в так называемой халтурной литературе, или халтурной кинематографии, или в театре, где иногда беспризорный или преступник перестает быть объектом культуры, а становится объектом любопытства и некоторого любования. Автор, призванный искать в беспризорном те черты, которые можно назвать человеческими, перестает их искать. Почему? Потому что он ищет либо отражения в этом романтичности вкуса, либо сентиментальности, отражающей его вкус, чего как раз в фигуре правонарушителя или беспризорника нет. В некоторых наших книгах автор интересуется не серьезным вопросом о характере человека, а только тем, насколько любопытна, насколько необычайна, остроумна эта маленькая фигура преступника.

Я посвятил работе с малолетними преступниками семнадцать лет и знаю, что это не только тяжелый труд, но и труд, который меньше всего может быть связан с удовлетворением каких-то моих вкусов к приключениям или к сентиментам или вкуса к романтизму. Но я так же, как и все другие работники в этой области, знаю, что ничего особенно эстетического, на чем можно было бы остановиться, у беспризорных и у преступников нет.

Каждый правонарушитель представляет собой явление отрицательное, со всеми деталями, присущими отрицательному явлению. И наблюдать беспризорного настоящему, живому человеку, культурному человеку никакого удовольствия доставить не может. Следовательно, с точки зрения эстетики, фигура беспризорника должна быть решительно отброшена. Она может представлять интерес только с точки зрения педагогической, как из беспризорного, из нарушителя воспитать настоящего нового человека.

Прежде всего посмотрим, как этот вопрос разрешается в педагогике, иначе мы не сможем проверить нашу художественную литературу; не будем здесь вдаваться в особенно большие глубины педагогики, скажем только несколько слов.

Волей нашей партии уничтожена педология Педология представляла особое направление, так называемое теоретическое, и педологическая мысль являлась враждебным направлением не только по отношению к нашим нуждам, но и к нашей чести, и к нашей преданной работе.

Что утверждала педология, и не только педология, а вообще педологическое направление? Педологическое направление было не только в самой педологии, оно затягивало очень много умов, которые воображали,

что никакого отношения к педологии не имели. Педология затягивает даже сейчас много умов, когда формально педология не существует.

Основное, что характеризует педологию,— это определенная система логики. Система такая: надо изучать ребенка. Изучая его, мы что-то найдем, а из того, что мы найдем, сделаем выводы. Какие выводы? Выводы о том, что с этим ребенком нужно делать.

Вот основная логика педологического направления.

Здесь метод работы с ребенком, метод воспитания выводится из изучения ребенка, при этом не всего детства в целом, а каждого отдельного ребенка и отдельных типов детей. Таким образом, сделан был вывод, что поскольку это изучение должно привести к разным картинам личности, то и метод воспитания должен быть разный. Один ребенок оказался одним, его нужно так воспитывать, изучили другого — он оказался другим, его нужно воспитывать иначе, третьего — тоже иначе, и так, сколько детей — столько методов.

Педологи нашли очень много групп детей и умственно отсталых, и социально запущенных, и трудных детей, и правонарушителей и т. д.

Отсюда очень недалеко до чисто фашистской теории, утверждающей, что между расами существуют умственные различия, что отдельным расам предопределены и отдельные судьбы. Естественно, что раз отдельные исторические судьбы, то и метод воспитания у немцев должен быть один, у славян — другой, у негров — третий.

Эта теория близка к теории Ломброзо, который утверждал, что люди рождаются с преступными наклонностями. Педология в конце концов только и могла прийти к такому заключению, что в самой человеческой натуре, в самом ребенке, в биологической картине его личности и характера заключаются такие различия, такие особенности, которые должны привести и к особым, отдельным методам для его воспитания.

Повторяю, педологическая логика затягивает не только тех людей, которые себя формально называли педологами, но и очень много людей, считающих совершенно честно, что они не педологи. Вывести педагогический метод из рефлексологии, из психологии, из экспериментальной психологии, вывести данный метод из обстоятельств данной личности — это и есть педологическое направление [1].

Необходима другая логика, которая метод педагогики выводит из наших целей.

Мы знаем, каким должен быть наш гражданин, мы должны прекрасно знать, что такое новый человек, какими чертами этот человек должен отличаться, какой у него должен быть характер, система убеждений, образование, работоспособность, мы должны знать все, чем должен отличаться, гордиться новый, наш, социалистический, коммунистический человек.

Раз мы это знаем, раз мы честные педагоги, мы должны стремиться всех людей, всех детей воспитывать в наибольшем приближении к этому нашему коммунистическому идеалу. Вот откуда должна исходить наша практическая педагогика. Она должна исходить из наших политических нужд и при этом диалектически. Она должна исходить из нужд не только настоящего, а из нужд нашего социалистического строительства, из нужд коммунистического общества.

Предположим, раньше говорили, что нужно воспитывать гармоническую личность[2]. Это тоже была какая-то цель, но цель вне времени и пространства, цель вообще идеального человека, а мы должны воспитывать гражданина Советского Союза. В нашу великую эпоху мы должны воспитывать наиболее полноценного гражданина, достойного этой эпохи.

Вот из этой нашей священнейшей цели, и наиболее простой и практической цели, мы должны выводить метод воспитания. А знание психологии, знание детской души, знание каждого отдельного человека только поможет нам приложить наш метод наиболее удобно в одном случае, несколько отлично — в другом.

Кто из вас читал «Педагогическую поэму», тот знает, что в 3-й части изображен мой последний бой с представителями педологической теории[3]. Я в книге тогда не называл их педологами, но речь идет как раз о педологах. Они мне говорили в этом последнем сражении:

«Товарищ Макаренко хочет педагогический процесс построить на идее долга. Правда, он прибавляет слово «пролетарский», но это не может, товарищи, скрыть от нас истинную сущность идеи. Мы советуем товарищу Макаренко внимательно проследить исторический генезис идеи долга Это идея буржуазных отношений, идея сугубо меркантильного порядка Советская педагогика стремится воспитать в личности свободное проявление творческих сил и наклонностей, инициативу, но ни в коем случае не буржуазную категорию долга».

Что такое свобода проявления?[4] Это и есть настоящая педология. Когда человека изучили, узнали и записали, что у него воля — А, эмоция — Б, инстинкт — В, то потом, что дальше делать с этими величинами, никто не знает. Потому что нет цели, и естественно нам умыть руки. ага, А, Б, В есть, пускай себя свободно проявляют, куда покатятся — там и будут. (Смех в зале.)

Совершенно естественно, что педология была построена на воспитании при отсутствии политических целей. Но на деле это была враждебная нам политика. Педологи рассуждали о нас, советских воспитателях, так: вы теперь являетесь сторонниками пассивного наблюдения за ребенком и бездеятельного присутствия при его жизни и развитии, а ребенок пускай себе свободно развивает свои творческие силы.

Нет, мы не являемся сторонниками такого пассивного наблюдения. Мы — сторонники активной большевистской педагогики, педагогики, создающей личность, создающей тип нового человека.

Я уверен в совершенно беспредельном могуществе воспитательного воздействия. Я уверен, что если человек плохо воспитан, то в этом исключительно виноваты воспитатели. Если ребенок хорош, то этим он тоже обязан воспитанию, своему детству. Никаких компромиссов, никаких середин быть не может, и никакая педагогика не может быть стóль мощной, как наша советская педагогика, потому что у нас нет никаких обстоятельств, препятствующих развитию человека.

Тем более возмутительно и печально, если люди, которым доверено было воспитание детей, не только не захотели воспользоваться этим великим могуществом нашей педагогики, но ограничились простым наблюдением, простым изучением ребенка, разделением всех детей на разряды, на отдельные биологические группы и т. д.

Но тогда спрашивается, откуда же взялись правонарушители? Мы говорим, что всех можно воспитать, что нужно исходить не из качеств данной личности, а только из целей нашей педагогики. А что же такое в таком случае правонарушитель, разве это не отдельная группа, не отдельный сорт людей?

Тут, товарищи, я говорю только от себя лично, только я отвечаю за свои слова — да, товарищи, не отдельный. Вот если бы мне сейчас поручили самых настоящих ангелов с крылышками, херувимов и серафимов, я бы и их воспитывал так же, а не иначе, потому что в этом заключается существо нашего социалистического отношения к человеку.

Человек плох только потому, что он находится в плохой социальной структуре, в плохих условиях. Я был свидетелем многочисленных случаев, когда тяжелейшие мальчики, которых выгоняли из всех школ, считали дезорганизаторами, поставленные в условия нормального педагогического общества, буквально на другой день становились хорошими, очень талантливыми, способными идги быстро вперед. Таких случаев масса.

То, что неправы педологи, настойчиво требовавшие особых методов, практически иллюстрирует лучше всего, к сожалению, мало известный еще и мало изучаемый нашими педагогами опыт колоний НКВД.

Я только что вернулся с Украины, где участвовал последние два года в организации новых трудовых колоний. Нам присылали ребят, осужденных судом, но мы их воспитывали без карцеров, без стражи, без высоких заборов и пропускных будок у ворот...

И это также подтверждает основную нашу мысль, что воспитание правонарушителей не является по существу какой-то особой задачей, отличающейся от воспитания всех остальных ребят.

Где-то в моей книге сказано, что самые лучшие мальчики в условиях плохо организованного коллектива очень быстро становятся дикими зверушками [5]. Это так и есть. Соберите самых лучших детей, поставьте около них плохих педагогов, и через месяц они разнесут и колонию, и детдом, и школу, и этих педагогов.

Таким образом, существует не проблема воспитания правонарушителей, а проблема воспитания вообще. В практике наших колоний очень много найдено таких методов, таких организационных принципов, таких даже художественных находок, которые применяются нашей общей педагогикой

Я сделаю поправку: очень часто для воспитания правонарушителей люди мудрили, хитрили, придумывали разные фокусы. Почему? Только потому, что мало еще опыта, мало людей, знающих, как нужно вести себя с детьми, а не только с правонарушителями

Вот общие положения, в свете которых мы должны рассмотреть нашу литературу о правонарушителях. Во-первых, посмотрим, как писатель расценивает самый материал, беспризорника или правонарушителя, как он его себе представляет, что это за материал? Во-вторых, мы рассмотрим вопрос такой: что писатель думает относительно метода, как писатель изображает метод организации детства и творческое лицо педагога? Наконец, третий вопрос: как автор мыслит, как рисует результаты воспитания, что получается или что должно получиться в результате воспитания нарушителя?

Начнем с классической книжки Сейфуллиной «Правонарушители». Это небольшой рассказ, тем не менее он сыграл очень важную роль, гораздо более важную, чем «Педагогическая поэма»[6]. Почему? Потому, что в этом рассказе впервые, и довольно неожиданно и смело, были высказаны истины о правонарушителях, составляющие аксиому.

Что это за истины? Читая этот рассказ, вы во всем тексте, от первой до последней строчки, чувствуете, как звучит глубокая искренняя вера в человека, вера в то, что не может быть прирожденной преступности, вера в лучшие человеческие качества,— уверенность, которая теперь уже для нас составляет несомненную истину.

Эта вера в человека блестяще звучит у Горького, это то, что можно назвать оптимистической перспективой в подходе к человеку Вот эта вера звучит в произведении Сейфуллиной гораздо сильнее, несравненно сильнее, чем во всех остальных книгах, посвященных правонарушителям.

Основные фигуры в рассказе Сейфуллиной — мальчик, который совершил разные правонарушения, и вторая фигура — педагог.

Следовательно, отвечая на вопрос, как автор подходит к материалу, как он расценивает педагогическую среду, мы должны сказать, что Сейфуллина стоит на наших позициях, она стоит на позициях глубокой веры и надежды в человека, на позициях оптимистического воспитания, на позициях, противоположных педологии.

Как же Сейфуллина рисует метод? Вот здесь уже, не по своей, конечно, вине, Сейфуллина говорит слабо. Метод она видит в совершенно неуловимых влияниях природы и труда. В то время, когда писалась книга, это звучало достаточно убедительно. Для нас это никак не звучит, потому что труд «вообще» не является воспитательным средством. Воспитательным средством может быть такой труд, который организован определенным образом, с определенной целью, труд как часть всего воспитательного процесса.

Что же касается природы, то мы вообще можем сказать, что природа прекрасная вещь, что хорошая погода — лучше плохой, солнечный день — лучше дождливого, но что природа сама по себе есть какое-то особое, мощное средство, которое облагораживает или отвлекает человека от преступности,— мы сказать не можем...

Вот этот пантеизм Сейфуллиной или Мартынова, конечно, не созвучен нашим советским педагогическим воззрениям.

Еще менее созвучна та картина личного творчества, которое приписывается Мартынову-педагогу. Между тем Сейфуллина хотела нарисовать фигуру педагога-мастера

Что это за фигура? Первый раз Мартынов появляется на сцене, когда он приходит в отдел Наробраза. Гришка увидел его впервые

«А в комнату бритый, долгоносый, с губами тонкими вошел. На голове, острой кверху, кепка приплюснута была на самые глаза. Ступал твердо. Точно каждым шагом землю вдавливал. И башмаки, чисто лапы звериные, вытоптались. Как вошел, на стул плюхнулся. И стул тоже в пол вдавливался».

Вы видите чрезвычайно неуклюжего, несобранного и какого-то чудаковатого человека. Дальше это подтверждается:

«Глазки узкие щурил и тонкие губы кривил. Над всем смеялся. Как говорил, руки все тер ладонями одна о другую, ежился, ноги до колен руками разглаживал. Весь трепыхался. Смирно ни минуты не сидел. Каждый сустав у него точно ходу просил».

...Дальше вы увидите какого-то арлекина, на каждом шагу кривляющегося, который имел в своем распоряжении единственное средство — вот это желание заинтересовать, рассмешить, удивить, но удивить только кривлянием, только дерганьем, трепыханьем,— словом, чем-то неестественным.

Ну что ж, может быть в исключительных случаях такое педагогическое поведение и полезно. Очень редко можно рекомендовать педагогу и некоторые «фокусы». Например, в прошлом году мой воспитанник Калабалин [7], ныне начальник Винницкой трудовой колонии НКВД, проделал такой фокус.

Группа беспризорных, присланных к нему из Винницы, не захотела оставаться в колонии, потому что там старые дома, бараки и т. д. Калабалина в то время в колонии не было, и ребята, не долго думая, двинулись по шоссе к городу. Воспитатели растерялись, не знают, как их вернуть. Ездили за ними на машине, а они не хотят возвращаться, да и только. Тут как раз в колонию вернулся Калабалин. Он немедленно сел на коня и поскакал вдогонку. Поровнявшись с беспризорными, спрыгивая с коня, он поскользнулся, упал и разыграл такую сцену:

«Ой, я поломався, мабуть я не встану, несіть мене в колонію».

Беспризорные видят, большой человек в беспомощном состоянии. Ребята небольшие, взвалили его на плечи и несут в колонию, с километр. Понесут, понесут — поменяются, кто несет, кто коня ведет — всем нашлась работа. Из простого сочувствия принесли в колонию, а сами в таком восторге, что спасли человека. Опустили на землю, а он встал на ноги и говорит:

«Вот спасибо, хлопцы, не хотелось идти пешком далеко».

Этим «фокусом» он расположил всех к себе, они сразу в него влюбились.

Такие отдельные фокусы разыгрывать можно, мы их в редчайших случаях рекомендуем. Мне самому приходилось разыгрывать такие «фокусы»; но одно дело разыграть специально, и притом необходимо талантливо задумать и разыграть, а другое — постоянно кривляться. Такой кривляющийся педагог может занять ребят на час, на два, на день, а потом они не будут верить ему, перестанут любить его. Такому педагогу верить нельзя, а так как ни в чем другом творчество Мартынова не проявляется, а только в кривлянии, то, пожалуй, мы должны признать, что Сейфуллина изобразила это творчество неправильно, не так, как нам нужно. Во всяком случае, нашим педагогам рекомендовать такой способ поведения ни в коем случае нельзя

Есть целая школа воспитанных мною педагогов, я им рекомендовал держать себя всегда с достоинством, искренне, весело, бодро, серьезно, но с большим торможением мускулов лица, с таким торможением, которое должно быть у каждого воспитателя

Мы не можем обвинять Сейфуллину в том, что она исчерпала этим мастерство Мартынова, да, собственно говоря, в таком коротком расска-

зе она и не могла подать это творчество как следует. Но она говорит, что Гришка полюбил Мартынова.

...Нечего и говорить — этот рассказ Сейфуллиной, при его весьма симпатичной установке, пахнет несколько педологическим анархизмом. Это особенно проявляется под конец, когда говорится о том, что родители не нужны, родители — это барахло, природа — мать и т. д.[8]. Весь этот педологический анархизм просто вреден, и никакого метода он не показывает; не показаны в рассказе и результаты воспитания... Остается невыясненным, чем кончилась вся затея Мартынова, известно только, что Гришка полюбил Мартынова и стал хорошим человеком.

Но, несмотря на то, что рассказ Сейфуллиной сейчас удовлетворить нас не может, в свое время он сыграл огромную роль, произвел огромное впечатление...

Надо прямо сказать, что почти во всех произведениях о беспризорных чрезвычайно безрадостно выглядят учреждения, в которых эти дети и подростки воспитывались. Организованное там воспитание находилось еще на очень низкой стадии развития, настолько низкой, что оно может явиться только отрицательным примером для наших педагогов и вредным толчком в поведении наших школьников.

И теперь только удивляешься, как это десять лет назад все это могло казаться педагогически интересным. Примитивные методы воспитания: закрытые двери, карцер, вся жизнь детей ограничена в лучшем случае плохой школьной работой — вот и все.

Мастерства у педагогов нет, это почти комические фигуры, не пользующиеся даже уважением. Такой педагогический процесс может привести к чему угодно.

Каковы же результаты воспитания? Характерны стадные картины: разобщенность, равнодушие друг к другу, к имуществу детского дома, к героическому поведению педагогов. Отсутствие организации. Паника, даже взрослых ребят, в моменты опасности, требующей напряжения, например во время пожара. Все это говорит, что воспитание неудачно, что такое воспитание нам не нужно.

Не могу себе представить, чтобы в моем детском коллективе во время пожара я бросился кого-нибудь спасать. Я должен сидеть в центре и спокойно разговаривать по телефону. Все сделают ребята — и спасут, и потушат, и придут доложить, что все кончено. Иначе в советском детском коллективе быть не может.

А такая стадность ассоциируется у меня с чрезвычайно тяжелым случаем, бывшим в Калининской области в селе Давыдово: ученик четырнадцати лет застрелил учительницу. Такие случаи личного болезненного припадка, случаи личного разложения под влиянием дурного окружения возможны. Это индивидуальный припадок, единичный случай, который меня не пугает. Но меня страшно поражает, я не могу понять, как это могло случиться, что двадцать четыре мальчика седьмого класса в панике убежали, увидев ружье в руках своего сверстника. Я не представляю себе таких мальчиков. Не могу понять, как их воспитывали и чего от них можно ожидать в дальнейшем?

Из своей практики и из практики многочисленных моих товарищей в разных колониях я прекрасно знаю, что при пожаре, при несчастном

случае, угрожающем коллективу или отдельному члену коллектива, тем более учителю — руководителю коллектива,— на помощь бросаются все ребята, весь коллектив, без размышления о том, что можно погибнуть, что будет неприятно. Талько такой коллектив может быть назван настоящим нашим советским коллективом.

В описании беспризорных отсутствие педагогической эрудиции часто приводит к совершенно нездоровому стремлению «шикарно подавать сырье» — это не беспризорные, а архибандиты, те, кого беспризорные называют «бандюки». Это в превосходной степени бандиты, какие-то «Джеки-потрошители», а не просто беспризорные. И все, что написано о них, показывает главным образом, какие это квалифицированные бандиты, какие «замечательные» преступники, оригинальные характеры, а во второй части повествуется, каких героев из них сделают. Я имею наибольший стаж работы в Союзе с правонарушителями, через мои руки прошло несколько тысяч, ни одного убийцы я не видел. Может быть, и возможно случайное убийство в драке, в горячке, но в моей практике среди детей и таких убийц не было. Не было и венериков, а сколько было обывательских разговоров о том, что беспризорники — сифилитики. И такого идиотского блатного языка, каким беспризорные разговаривают в книгах, не встретишь на самом деле

Вот это стремление нарисовать общество правонарушителей мрачными красками является самой отвратительной и дешевой формой безответственной бульварщины, не имеющей под собой никакого основания.

На этом разрешите сделать перерыв с тем, чтобы потом остановиться на моей книге, которая, к сожалению, является самой большой из всех, какие написаны о беспризорных.

* * *

Я вас, вероятно, утомил подачей сухого педагогического материала, но что поделаешь, я должен остановиться на своем произведении.

Не могу из ложной скромности кокетничать перед вами, я считаю, что в моей книге педагогическая проблема отражена наиболее полно. Это, конечно, понятно, потому что я сам работал в этой области, состарился на педагогическом поприще и, совершенно естественно, могу подойти к вопросу педагогически более тщательно, чем другие авторы. Но у них есть то преимущество, что они раньше писали, и в их книгах тема пролетарского гуманизма зазвучала раньше.

Книга Сейфуллиной на меня произвела в свое время большое впечатление и заставила остановиться на многих вопросах.

Что вам сказать о моей книге «Педагогическая поэма»? Если вы ее читали, то я мог бы ограничиться сказанным, считая, что я свое дело сделал, а вы, прочтя книгу, тоже сделали свое.

Главнейший недостаток — это мелькание лиц, некоторые начаты и не докончены, воспитательный персонал описан совсем слабо. Почему?

Я никогда не был удовлетворен работой штатных воспитателей. Когда книга писалась, я уже работал без таких воспитателей. Они постепенно растерялись, а последний персонал в коммуне им. Дзержинского я снял в один день. Этот момент был для меня наиболее трагическим, так как

я боялся, что провалился в пропасть без поддержки взрослых людей. Но спасибо комсомольцам-дзержинцам, они в течение восьми лет не только не гробили дело, но подняли его на большую высоту. И даже когда в 1931 году коммуна за одну неделю увеличила свой состав со 150 до 350 человек, комсомольская организация и совет командиров настояли передо мной, чтобы и в этом тяжелом случае не было приглашено ни одного воспитателя.

Для меня эта тема чрезвычайно неприятна, потому что я не могу утверждать, что в детском учреждении не должно быть воспитателей. Я не могу стать на такую позицию, на которой стоят некоторые авторы и практические работники коммун и колоний, утверждающие, что ребята будут сами себя воспитывать, что воспитатели не нужны.

Это, конечно, неправильно. В детском коллективе должны быть авторитетные, культурные, работоспособные, хорошие взрослые люди, только тогда может повыситься культура детского коллектива. Откуда может привиться культура детскому обществу, если ей неоткуда взяться, если нет взрослого общества?

Воспитание в том и заключается, что более взрослое поколение передает свой опыт, свою страсть, свои убеждения младшему поколению. Именно в этом и заключается активная роль педагогов, представителем которых и являюсь я.

Но в коммуне имени Дзержинского было кем заменить штатных воспитателей. Там была школа-десятилетка, квалифицированный педагогический коллектив, было много инженеров, сильная партийная организация на заводе,— словом, общество взрослых достаточно сильное, чтобы оказать влияние на ребят.

Вот именно поэтому я в своей книге отвел такую маленькую роль воспитательскому персоналу.

Другой недостаток моей книги заключается в том, что пришлось говорить о постоянной грызне с Наркомпросом...

Критики уже отмечали эту сторону как несимпатичную Но я должен сказать, что не мог обойтись без этого, потому что для меня это была книга нашей борьбы, и, когда я писал, я меньше всего ощущал себя писателем, я был все-таки педагогом.

Почему же книга вышла в виде поэмы? Только потому, что иначе я писать не умею, как умел — так и написал. Но и в художественной форме отказаться от борьбы, от высказывания своих принципов я не мог. Возможно, что широкого читателя отдельные рассуждения о разных педагогических тонкостях могут утомлять, может быть, в художественном произведении этого не следовало делать .

Есть недостаток конструктивного характера. Многие меня обвиняли в том, что я не описал пребывание Горького в колонии Я просто не решался со своим маленьким талантом описывать такую фигуру, как Горький, не хватило у меня смелости.

Намеревался я в своей книге сказать много, но сказано, как будто, меньше, чем хотелось. Что же я хотел сказать?

Во-первых, что даже те люди, которые считаются «отбросами» в капиталистическом обществе, у нас, в Советском Союзе, складываются в великолепные коллективы. Эти коллективы должны поражать своей

красотой, потому что это новые, свободные трудовые человеческие коллективы. Это — первое.

Во-вторых, хотелось показать этого так называемого правонарушителя в том освещении, в каком я его сам видел, показать его как человека прежде всего, как хорошего человека, милого, простого. Я хотел вызвать симпатию к нему у общества, хотел, чтобы общество так же ему верило, как верил я.

Третье, чего я хотел добиться своей книгой: я хотел поставить ребром вопрос о стиле, о тоне советского воспитания. Я хотел настаивать на правильности формулы, которая существует у коммунаров-дзержинцев. Они утверждают, что человека нужно не лепить, а ковать, ковать — это значит хорошенько разогреть, а потом бить молотом. Не в прямом смысле, а создать такую цепь упражнений, цепь трудностей, которые надо преодолевать и благодаря которым выходит хороший человек.

Я многого добился в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, главным образом благодаря работе чекистов, которые находились рядом со мной, благодаря тому простору для педагогического творчества, который давали чекисты, а в колонии Горького — благодаря завоеванной мною самостоятельности.

Наробразовцы меня немного боялись — сумасшедший человек — он что угодно может придумать! Они боялись и не трогали. На такой свободе многое удавалось сделать. Во всяком случае, когда у меня в комнате случился пожар, то я не должен был вытаскивать кого-нибудь из огня. Однажды ночью в литейной, запертой на замок, вспыхнул пожар. Страсть коммунаров была так велика, что Алешу Землянского, по его настоянию, спустили на тросе в литейную через трубу, чтобы затушить этот пожар. Такое воспитание для меня в последние годы не составляло никакого труда, и не нужно было никаких особых изобретений.

Мальчишеский коллектив, поставленный в здоровые педагогические условия, может развиваться до совершенно непредвиденных высот. Это я говорю с полной ответственностью и легкостью, потому что в этом не моя заслуга, а заслуга Октябрьской революции.

Могущество воспитательного приема у нас, в Советском Союзе, неизмеримо, мы даже представить еще не можем, каким всесильным оно может быть, развиваясь дальше. Многие педагогические проблемы в моей практике разрешались даже для меня, человека, думающего в этой области, увлеченного этой работой, совершенно неожиданно.

Возьмите такой важный вопрос, как вопрос наказания, над которым теперь многие педагоги ломают головы, и не только педагоги, но и семьи.

У нас еще, вероятно, от Карамзина осталось русское интеллигентское прекраснодушие: как же так наказывать, ребенок — и вдруг наказывать! И у меня было такое отвращение к наказанию...

За 16 лет работы в детском коллективе я изменил свой взгляд на наказание. К концу пребывания моего в коммуне Дзержинского наказание приняло совершенно иные, новые формы. Вот здесь присутствуют дзержинцы, они чувствуют это на себе.

Воровство — то преступление, которое повергает в панику даже энергичного педагога. Что делать, когда новичок украл? Когда в коллективе дзержинцев такой мальчик украл в первый раз, его вызывают на сере-

дину комнаты, где проводится общее собрание, и говорят, что он последний человек, что его надо выгнать, что с ним нечего считаться, но фактически его никогда не наказывают. Его хотят «убить», «казнить», но все прекрасно понимают, что никаких результатов этим не добьются.

Наказание за воровство в детском возрасте не приносит никаких результатов.

Чем ограничивались? Ограничивались тем, что говорили: ты украл потому, что ты еще ничего не понимаешь. Ты еще украдешь, раза два украдешь, а потом не будешь... И действительно, у новичка складывалось глубочайшее убеждение, что он украсть больше не сможет. Такое отношение к правонарушению детей может быть только в советском обществе, в советском воспитательном коллективе, уверенном в своих силах и в силах каждого человека.

Но зато если коммунар, проживший в коммуне 3—4 года, командир, по сигналу на сбор командиров приходит с опозданием на две минуты,— то тут уже никто не будет думать — наказывать или нет, обязательно накажут. Опоздал на две минуты — это два наряда, это два часа работы— мыть уборную или еще что-нибудь другое. И тут никто не скажет, что вы делаете с мальчиком, пожалейте. Если бы наказали за воровство новенького, то обязательно ребята сказали бы: что вы делаете с мальчиком, он же ничего не понимает, он же еще «сырой»!

Вы понимаете, вопрос о наказании решается по-новому, потому что по-новому ставится вопрос об ответственности. Тут ты «сырой», у тебя нет социального опыта, нет человеческого опыта, поэтому ты за себя отвечаешь в очень небольшой дозе, а здесь ты коммунар, тебя 27 командиров ждали две минуты, ты сознательно нарушил интересы коллектива, которые коллектив поручил тебе охранять,— ты должен быть наказан.

В этом наказании есть новая логика, и в наказании у дзержинцев вдруг стало звучать следующее. Не имеет никакого значения, что именно, какая нагрузка дается в наказание, а имеет значение символ, что такой-то человек наказан, что он находится под арестом на 10 минут в кабинете заведующего.

А что это за арест? Приходит наказанный в мой кабинет, берет книгу, садится на мягкий диван и спрашивает: Антон Семенович, вы не знаете, завтра будет что-нибудь вечером в клубе или нет? Потом 10 минут прошло, отбыл арест.

Какое это наказание? Однако попробуй наложить арест неправильно. Поднимутся протесты — не виноват. Символ осуждения коллективом составляет очень существенный момент. В самом наказании можно найти элементы особой чести.

У дзержинцев это понятие о чести в лучшем его значении сделалось в последние годы важнейшим моментом воспитания.

Например, человек, проживший в коммуне больше четырех месяцев, завоевавший доверие коллектива, получает звание коммунара, а до этого он называется воспитанником. Среди его привилегий есть такая: ему обязаны верить на слово. Если коммунар сказал — я там был,— то никто не имеет права проверить, был он или не был. Эта привилегия может проистекать из убежденности в честности всего коллектива.

Если дежурный командир или просто дежурный мальчик, дежурный член санкома, а туда выбираются «чистюльки», и у санкома диктаторская власть, если кто-нибудь из них в частном разговоре сказал мне: вот, Антон Семенович, в такой-то спальне сегодня грязновато, — то можно возразить: нет, у нас чисто. Но если вечером в официальном рапорте дежурный поднимет руку и скажет, что в 15-й спальне грязно, то проверять нельзя, здесь уже он ошибиться не может.

Уверенность что в известном положении человек не может сказать неправду, делает то, что никто неправды не говорит.

Это и есть советская педагогика, основанная, с одной стороны, на безграничном доверии к человеку, а с другой стороны, на бесконечном к нему требовании. Соединение огромного доверия с огромным требованием и есть стиль нашего воспитания. На этом построена вся общественная жизнь Советского Союза. Это дает колоссальные результаты.

В коммуне Дзержинского и в колонии Горького в последние годы этот стиль являлся характерной чертой. Он не был моим изобретением, это естественная находка коллектива, и только потому, что коллектив этот — не «коллектив» батраков, не «коллектив» заводов Форда, это советский коллектив, коллектив людей, живущих в свободном государстве, и только тут возможен такой стиль работы.

Этот стиль я и хотел как-нибудь передать в «Педагогической поэме», чтобы заразить им не только педагогов, но и молодежь и вообще читателей.

К сожалению, я не решался еще описать опыт коммуны имени Дзержинского, тоже восьмилетний опыт, а нужно было бы Почему? Потому что там уже можно формулировать и аксиомы и теоремы советского воспитания, формулировать точно и доказывать. Надеюсь, что со временем это удастся сделать, тем более теперь, потому что это не только моя работа, а работа многих людей. .[9]

Вот что я хотел сказать о своей книге, больше прибавить что-нибудь сейчас, пожалуй, не могу

Но если вы не устали, товарищи, то я остановлюсь еще на одном общем вопросе. Я имею в виду вопрос, который я ставил в самом начале,— о том, что наша советская педагогика должна отправляться от политических целей, а в нашем представлении это значит от того, каким должен быть новый человек, человек коммунистического общества

«Педагогическая поэма» открывается разговором с завгубнаробразом, где сразу ставится вопрос о новом человеке, о том, что все надо делать по-новому.

А что же такое новый человек? Мало сказать — новый, надо его знать в подробностях, и вот это в моей книге, вероятно, показано слабо. А между тем я прекрасно знаю, что надо делать, я это делаю на живых людях, я это вижу в моем представлении, а в книге показать не сумел. Это потому, что я увлекся главной целью — показать прекрасный коллектив. В будущей книге я должен показать образец воспитания, образец, к которому мы должны стремиться как к нашей педагогической политической цели.

Три дня назад я получил письмо от бывшего своего воспитанника, которое меня очень растрогало, несмотря на то что я обычно растраги-

ваюсь с трудом[10]. Он пишет, что за один свой подвиг, сущность которого он в письме рассказать не может, но который заключался в том, что он не дрогнул перед смертью, за этот подвиг он получил орден. Он мне об этом сообщает и благодарит. Говорит просто: «Спасибо вам за то, что научили нас не бояться смерти».

Тут для меня проглянуло лицо нового человека в простом выражении Научить не бояться смерти — до такой проблемы не может подняться буржуазное общество. Там может быть случай, что человек не боится смерти, а когда человек благодарит за то, что его научили,— это тема советская. При старом режиме такое качество рассматривалось как данное человеку от рождения. Вот я родился храбрым, это мне присуще. А этот юноша утверждает, что его этому научили.

Может быть, он от природы храбрый человек, но уверенность в том, что это достоинство, которому его научили, благодарность за это — все это качества нашего нового, социалистического общества. Когда он пишет. вы меня научили, то он не меня лично благодарит, а советскую власть, коллектив дзержинцев, которые ему это свойство дали.

Я убежден, что если в будущем кто-нибудь даст в литературе образ идеального человека, то и работа всех нас, педагогов, будет значительно облегчена...

Ответы на вопросы

Товарищей интересует судьба моих героев

Я в книге об этом написал. Мне трудно отвечать на этот вопрос, потому что героев очень много, сколько же времени я займу для того, чтобы их перечислить? О Карабанове я вам говорил. Ужикова[11] я оставил в колонии имени Горького, и куда он девался, я сказать не могу. С Лаптем произошла печальная история, о ней я расскажу.

По-моему, и в книге видно, что это очень некрасивый человек. И вот он женился на писаной красавице, в чем и состояла причина его трагедии. Она ему изменила, а он, конечно, устроил из этого личную трагедию, бросил институт, не кончил высшего учебного заведения и пошел работать в какой-то жилкооп. Были постоянные драмы с женой. Мы узнали два года назад, что он пьет и страдает. У меня был устроен «консилиум»: приехал ко мне Карабанов, приехал Вершнев, и мы в общем заседании решали, что делать с Лаптем. Вершнев поехал к нему в Полтаву и сказал: «По распоряжению Антона Семеновича отправляйся к Карабанову работать, он тебя возьмет». Тот подчинился, поехал к Карабанову и работает завхозом. В прошлом году я был там и видел, что пить он перестал. Работает хорошо, но меня неприятно поразила в нем живая еще память об этой женщине Я не мог себе представить, чтобы в одной женщине заключалось столько отравляющих веществ. А это была настоящая отрава на всю жизнь! Карабанов большой мастер на душевные всякие разговоры, но ничего не помогло. И конечно, помочь тут уговорами нельзя. И я боюсь, что еще пройдет несколько лет, пока эта женщина из Лаптя выветрится. А жаль, потому что это был огневой талант,

это был огневой юмор, человек необычайной коллективности. Очень жаль, что случайная встреча повлияла на него так. Но это произошло именно благодаря его страсти, искренности чувства, преданности какой-то безоглядной. Это его и скрутило.

Братченко работает ветеринарным врачом в кавалерийском полку в Новочеркасске. Он не изменяет лошадям.

В нескольких записках у меня спрашивают мнение о фильме «Путевка в жизнь».

В прошлом году моя книга была переведена на английский язык, издавало ее одно буржуазное издательство в Лондоне. Оно поставило условием, что издаст книгу только под названием «Путевка в жизнь». Они сказали: «Иначе мы не можем, потому что, если будет заглавие «Путевка в жизнь» — книгу раскупят, а если другое название, то — кто его знает». И как я ни вертелся, так ее и издали [12].

Я получил несколько отзывов английских газет, и все они почти написаны так: кто видел «Путевку в жизнь» и перечувствовал то глубокое переживание, которое она вызывает, тот должен прочесть «Педагогическую поэму»,— она дополняет «Путевку в жизнь».

Так избавиться от «Путевки в жизнь» я и не мог, а между тем «Путевку в жизнь» и «Педагогическую поэму» объединяют советские принципы отношения к человеку, а методы воспитания в этих произведениях разные. Я не могу признать уместным разрешать такой важнейший вопрос, как вопрос воспитания, при помощи двух-трех фокусов с ложкой и т. п.

Но ведь это все-таки кинофильм и в свое время он имел огромное значение. Да в кинофильме и нельзя было показать педагогической проблемы, а тот же пролетарский гуманизм, та же вера в человека, та же страсть, какая есть у всех нас, там показаны.

Конечно, когда «Путевку в жизнь» смотрели коммунары-дзержинцы, они только улыбались, потому что приятно поют песенку беспризорные, приятно вспомнить, что и сами певали ее, но когда лучший герой вдруг становится кондуктором, то у коммунаров разочарование: стоило ли из-за этого картину пускать, вот если бы летчиком! И это верно!

В картине много и неудачного, и смерть Мустафы не нужна никому, ни в чем она не убеждает, и воровская «малина», и игрушечный поезд — все это окрашивает картину в искусственный цвет, но основной тон все-таки взят правильно.

Сейчас я пишу сценарий [13]. Хочется взять для картины совсем новую тему. Я считаю, что довольно показывать героику пройденного уже нами в педагогике пути. Не мартыновых надо показывать,— романтизм борьбы человека с беспризорностью кончен. Есть уже прекрасные готовые коллективы, где по неделям не приходится делать ни одного замечания. Надо показывать готовый советский коллектив, где это «сырье» переваривается незаметно для глаза.

Я расскажу вам об одном из пополнений коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. Нам сказали: надо взять сегодня 30 человек с поездов. Раз надо,— следовательно, выполняй.

На вокзал командируется пять человек: командир Алеша Землянский-Робеспьер, в коммуне его называли Робеспьером за то, что он за каждый проступок требовал выгнать из коммуны. Или выгнать, или никакого наказания. Едем: Робеспьер, я и еще 2—3 коммунара. На вокзале знакомимся с дежурным и говорим: «Дайте нам комнату, мы сегодня собираем пополнение в коммуну».

«Пожалуйста, вот вам комната».

Подходит один поезд, другой, третий, четвертый. Поездов много. Эта тройка заглядывает под вагоны, залезает на крыши и приглашает следовать за собой. Кого за ногу вытащили, кому просто сказали. Действуют по-товарищески, но без лишних нежностей. Вводят всех в комнату. У дверей комнаты становится часовой. Собирается 30 человек. Страшно возмущены:

— Кто вы такие, какое ваше дело, что вам надо?

В комнате всего 3 человека против этих 30. Преимущество то, что трое организованны, а 30 — нет. После этого начинается митинг. Митинг самый простой:

— Товарищи, вы тут шатаетесь, по поездам ездите, а у нас рабочих рук не хватает. Куда это годится? Нам рабочие руки нужны. Будьте добры, помогите нам работать.

— А что там такое?

— Завод строим, не хватает рабочих рук.

— Посмотрим...

— Да чего смотреть, решайте сейчас, у нас оркестр, кино, спектакли.

Начинают интересоваться, тогда им говорят:

— Вот вам Алеша, он остается вашим командиром, вот деньги на ужин, без разрешения Алеши никуда не уходить, часового снимаем. Если командир разрешит выйти на 5 минут, выйдешь и через 5 минут не вернешься, лучше совсем не приходи. А мы завтра придем за вами.

Завтра приезжает грузовик и привозит ботинки. Просто неприлично идти по улице без ботинок. Все остальное привезти нельзя, надо их обмыть, остричь и т. д. Они надевают ботинки. Одежда их обычно не застегнута, без пуговиц, кое-как держится на плечах. Тут Алеша строит их в комнате по шесть человек в ряд, пять рядов, командует — равняйся, держите интервал.

— В ногу умеете ходить?

— Пойдем.

Из комнаты Алеша их не пускает. Настроение ироническое: что такое, ботинки привезли, какие-то пять рядов по шести, какой-то командир!

А в этот момент к вокзалу подходит коммуна — пятьсот человек в парадных костюмах. Это значит — белый воротник, золотая тюбетейка, галифе, словом, полный парад. Строй у них очаровательный, свободный, физкультурный, повзводно, оркестр в шестьдесят человек, серебряные трубы и знамена.

Подошли, выстроились в одну линию, заняли всю вокзальную площадь, расчистили интервал для нового взвода.

— Алеша, выводи!

Вы представляете себе, вокзал, народу масса, никто не понимает в чем дело, почему парад. А дзержинцы все сдержанны, серьезны, никто не улыбается.

Выходит Алеша со своим собственным взводом. Команда: «Смирно! Равнение налево!» Салют. Что такое? Коммунары салютуют своим новым членам.

Взвод проходит по всему фронту, все держат руку в салюте, поворачивают головы, оркестр гремит в честь нового пополнения.

У публики нервный шок, слезы, а для беспризорных — это все равно, что хорошая «педагогическая дубинка» по голове. Такая встреча! После этого справа по шести марш, через весь город. Оркестр, знаменщики, особый взвод, все в белых воротниках, мальчики, потом девочки, а в середине — этот новый взвод. Идут серьезно, видят, что дело серьезное.

Без всяких преувеличений — на тротуарах рыдают женщины. Так и надо, нужно потрясение.

Приходят в коммуну, баня, парикмахер — на это час. Через час это общий взвод, они уже входят в общую семью. Попробуйте любого беспризорного остричь, помыть, одеть в парадную форму с вензелем, начищенные ботинки, галифе — и он войдет в общий строй.

И последний акт — это сжигание остатков прошлого. Одежду поливают керосином и поджигают. Приходит дворник, все это выметает, а я говорю: «Вот этот пепел — это все, что осталось от вашей прежней жизни». Прекрасное зрелище, без всякой помпы, а уже с шутками, со смехом.

А вечером, посмотрите на них, какие они нежные, осторожные, вежливые, как боятся кого-нибудь зацепить, с каким они удивлением глазеют на всех коммунаров, и на меня, и на девочек, и на педагогов,— словом, на все.

У этих 30 все будет в порядке. Один какой-нибудь выскочит, что-нибудь проявится, какая-нибудь привычка, его выведут на общее собрание, и обязательно Робеспьер скажет:

— Выгнать!

Он еще раз переболеет душой, и этим кончится. Что он может сделать?

Вы видите, как незаметно для глаза вся эта страшная трагедия разрешается почти без всякого усилия.

Тут спрашивают: *«Есть ли колонии для детей безнадзорных, у некоторых есть родители, но они заняты работой»*.

Такие колонии разрешены уже постановлением ЦК партии от 1935 года, но я ни одной не знаю. Сам мечтаю, как о лучшем конце моей жизни, заведовать такой колонией.

Дело в том, что безнадзорные родительские дети гораздо труднее. Вот в последние месяцы мне поручили организовать новую колонию под Киевом и привезли ко мне исключительно таких семейных детей [14]. Мое положение было очень тяжелым; когда ко мне привозили 15—20 человек беспризорных, было гораздо проще. А тут привозили из тюрьмы партиями 15 человек, конвой подавал истрепанную бумажку и говорил:

— Расписывайтесь.

Я расписывался и ужасался, потому что конвой снимал штыки с винтовок и уезжал, а эти 15 вновь прибывших пацанов и я оставались друг против друга. Беспризорчик у меня в руках, им больше некуда ехать, а этот говорит:

— Я не хочу тут жить, тут плохо кормят, у папы лучше, у папы можно украсть 2 рубля на кино, а тут взять негде.

И кроме того, они избалованы, это почти всегда единственные сыновья. Я надеюсь, что когда-нибудь будет издан такой декрет: у кого родился сын, а через три года не родился второй — штраф.

Мне задают такой вопрос. *«Сколько нужно, по-вашему, времени, чтобы раз и навсегда уже из беспризорного воспитать настоящего человека?»*

Тут решает начальная стадия. Если вы берете мальчика 8 лет, то нельзя быть уверенным, что он совсем воспитан, пока ему не будет 18 лет. Самый лучший мальчик, вытолкнутый в жизнь очень рано, может свихнуться. Для того чтобы ответить, необходимо прежде всего знать лета, затем колоссальное значение имеет образование. Если бывший беспризорный окончил полную среднюю школу — это хорошая гарантия от рецидивов. У малограмотных иногда рецидивы бывают.

Где я теперь работаю и как реагировали на «Педагогическую поэму» мои воспитанники, увидя свои портреты?

Я болен, у меня переутомлены нервы, и мне врачи предложили годок не работать. Поэтому я сижу в Москве, ничего не делаю и пишу книгу.

Герои «Педагогической поэмы» никак не реагировали. У них такой критерий: если написана правда, значит, хорошо. Так как написана правда, то они решили, что это хорошая книга — и все. Причем каждый из них, вероятно, убежден, что если бы он сел писать, то тоже написал бы книгу. Я думаю, что особого преклонения у них предо мной на этот счет не было. Это хорошо...

Тут написано: *«Дзержинцы считают, что летчики важнее кондукторов, верно ли это?»*

Во-первых, не только дзержинцы так думают; а во-вторых, не в важности дело. Дело в том, что у летчиков есть столько притягательных сторон, сколько у кондуктора никогда не будет. Во-первых, мотор, машина, бензин; во-вторых, высота, воздух; в-третьих, опасность; в-четвертых, красивая форма; в-пятых, общий букет советских летчиков. Это и взрослого человека увлекает. Советский летчик, летчик Арктики, сколько славных имен, сколько героев-орденоносцев, что же вы хотите, чтобы мальчика это не привлекало? Кондуктор может прекрасно работать, но все-таки очень хорошо, если мальчик помечтает в юности о том, что он станет летчиком, хотя, может быть, на самом деле он будет прекрасным кондуктором.

В чем заключалась борьба с детской беспризорностью в дореволюционное время?

До революции у безнадзорного была одна дорога — в «мальчики». Я вышел из той социальной среды, в которой большинство моих товарищей уходили в «мальчики» — кто к сапожнику-кустарю, кто к жестянику, маляру и т. п. Почему уходили они в «мальчики», а не на улицу? Потому что иная позиция была мальчика в то время и в семье и вне семьи. Теперь мальчик свободен, он чувствует себя гражданином, он доверяет всей нашей жизни. Он действительно нигде не пропадет.

Я очень хорошо знаю мальчиков, которые не уживаются в детских домах. Что они делают? Обычно передвигаются: Одесса, Винница, Полтава, Киев, Харьков, опять Одесса и т. д. Они смотрят, где лучше. В этих поисках у них очень много возможностей.

До постановления партии о ликвидации беспризорности беспризорники плохо относились к милиционерам. За последние два года это отношение резко изменилось. Если мальчик удрал из детдома, он прямо заявляет милиционеру, что он ушел. Какой расчет? Может быть, в другом детдоме будет лучше. Не понравилось в Киеве, поехал в Харьков, может быть, там лучше? Эта типичная беспризорность, теперь ликвидированная, была страшна не столько числом, сколько движением. Один и тот же беспризорный очень быстро оборачивался по разным городам, а фактически это было немногочисленное войско.

Когда мы принялись за выполнение постановления партии о ликвидации беспризорности, мы боялись: сколько их, тысячи, десятки тысяч? А когда мы их взяли в руки, когда мы их пересчитали, переписали, карточки на каждого завели, то их оказалось немного: у нас в Киеве была картотека с портретами всего этого общества, и мы прекрасно их знаем. Скажем, Павел был сначала в Днепропетровске, потом в Одессе, потом в Харькове и т. д. Мы знаем каждого, кто проходит через наши руки, и делаем все возможное, чтобы он осел, нашел для себя место. Как только ему понравится — помещение ли, управляющий, товарищи,— так он и осядет. Осядет такой Павел, живет-живет месяц, а ему и говорят: ты инструктора оскорбил, мы тебя в другую колонию переведем. И вот если он упадет на колени и начнет кричать, что больше не будет,— кончено: значит, наш.

До революции у таких мальчиков никаких перспектив не было, они работали с утра до вечера, бегали за водкой и знали, что податься им некуда. А теперешний беспризорник — куда хочешь: в инженеры — пожалуйста, в летчики — пожалуйста.

Вот и здесь сейчас сидит один бывший коммунар, он теперь будет летчиком. Когда он пришел в коммуну, я думал, что с таким характером, как у него, то ли выйдет, то ли нет. А теперь он поступает в летную школу. И это очень хорошо, что он туда идет, потому что он мастерски делает «мертвые петли» и в буквальном смысле и в переносном. В свое время он тоже долго искал по свету и, наконец, осел в коммуне.

Какую я получил награду за свою работу?

Во-первых, я получал жалованье, а во-вторых, золотые часы с надписью от Коллегии НКВД [15].

Женаты ли вы?

Вопрос такой, от которого краснеть не приходится. Представьте себе, в колонии Горького мне ребята жениться не позволяли. Как только увидят с какой-нибудь женщиной рядом, так и надулись: что же вы, Антон Семенович, мы, конечно, для вас ничего. Поэтому до 40 лет мне было просто некогда жениться, а сейчас — женат, и гораздо более счастливо, чем Лапоть [16].

Какие наказания я считаю возможным применять в массовой школе?

Я не имею права отвечать на такой вопрос, потому что я скажу вам что-нибудь, а вы потом своему начальству бухнете, и меня обвинят, что я ратую за наказания

Если бы школа была у меня в руках, то я бы никаких мер наказания не применял, кроме двух: выговор и увольнение из школы [17]. Надо только сделать так, чтобы не директор увольнял, а коллектив, тогда другое дело.

Поэтому говорить о наказании я не могу, не говоря вообще о детском коллективе. Увольнять должен коллектив. А уж если провинившийся просит простить,— простите, больше не буду, то отмена решения исключить производит большое впечатление. Никаких других наказаний себе представить в массовой школе не могу.

Дает ли положительные результаты отправка беспризорных в колхозы?

Дает, но если это сельские дети, а не городские, а во-вторых, если в колхозах им уделяют хотя бы маленькое внимание: дают хорошую квартиру, хорошую бригаду, купают своевременно, одевают и т. д. В таких случаях дает большие результаты. Если же в колхозы посылают городских детей, и тем более там, где колхозники относятся к ним небрежно, никаких результатов нет.

Не следует ли из хулиганов создавать отдельные группы и вести с ними работу?

Я бы хулиганов не выделял, это очень опасная вещь. Если у вас есть очень сильный педагог, то он может заняться с этой группой, но самое лучшее воздействие — это воздействие коллектива.

Здесь спрашивают, какова судьба Веры и Наташи [18].

Вера вышла замуж, и в ее жизни произошла интересная история. В один прекрасный день она заявила совету командиров коммуны Дзержинского, что ее ударил муж. Совет командиров постановил развести. Решили: его выгнать с должности, которую он занимал тогда в коммуне, сына числить в коллективе, с уплатой ему из фонда совета командиров

пенсии в размере 100 рублей в месяц до достижения 8 лет, а после 8 лет зачислить в коммуну [19].

Этот муж принужден был уйти, поехал он в Сочи, а в Сочи работали шоферами два бывших воспитанника колонии имени Горького. Они узнали эту историю и сказали ему:

— Ты из Сочи уезжай. Мы тебе здесь не позволим оставаться. Как ты мог ударить Веру и приехать сюда, какое нахальство!

Он ездил так, ездил, снова возвратился в коммуну, и к Вере, на коленях — прости.

Женщина добрая, а возможно тут и любовь, и сын, она в совет командиров.

— Я его прощаю.

— Что ты нам голову морочишь, он тебя ударил, ты пришла жаловаться, а теперь вздумала прощать? Пускай уезжает.

Он пришел сам в совет командиров, буквально земно поклонился и говорит:

— Никогда в жизни не трону.

Простили, восстановили на работе, стипендию ребенку отменили, семья сладилась. Пока живут благополучно и работают.

От Наташи вчера получил письмо, кончает Одесский медицинский институт и просит меня помочь ей. Пишет, что ей предстоит остаться в Одесской области, а она хочет на Дальний Восток, как бы это устроить. Я, может быть, ей помогу уехать в Уссурийский край, как она хочет.

Тут спрашивают насчет пионерорганизации.

В этом отношении у нас всегда было сложно. Ребята 12—13 лет, а интересы уже другие. В 13 лет он токарь 4-го разряда, и, конечно, возражение, какой же я пионер, если я токарь 4-го разряда? А был такой малыш Лапотенко Гриша, он управлял группой фрезерных станков и всегда говорил: какой же я пионер, я хочу быть комсомольцем. Вот он и ждет своего времени. Из коммуны Дзержинского обязательно выходят комсомольцы. Но пионеры есть, и последнее время они наладили свою работу.

Спрашивают о Калине Ивановиче [20].

Представьте себе, мне сказали, что он умер. Я поверил, а в прошлом году получил вдруг от него письмо, где написано: «Я прочел твою книгу, и так как ты обо мне пишешь очень хорошо, то похлопочи, чтобы мне дали персональную пенсию». Я хлопотал, но эти хлопоты не увенчались успехом, хотя ему и прибавили 75 рублей.

ПЛАН ЛЕКЦИИ «РЕЖИМ И ДИСЦИПЛИНА»

1. Дисциплина — результат воспитательного процесса.
   Дисциплиной должно гордиться.
   Дисциплина в старом обществе — техническое удобство подавления.

У нас — нравственно-политическая категория.

2. Сознательная дисциплина:
   а) достижение целей коллектива,
   б) защита и совершенствование отдельного человека,
   в) дисциплина коллектива выше интересов отдельных его членов,
   г) дисциплина украшает коллектив,
   д) дисциплина проявляется не только в приятных вещах
3. Дисциплина сопровождается сознанием, но не вытекает из сознания, вытекает из опыта.
4. Как организуется опыт дисциплины:
   как можно больше требований к человеку, как можно больше уважения к нему.
5. Требования. Развитие требований:
   а) требования организатора,
   б) требования актива,
   в) требования коллектива,
   г) требования к самому себе.
   Непреложность требования.
6. Чего требовать:
   а) подчинения коллективу,
   б) поведения.
7. Форма требований:
   а) привлечение,
   б) разъяснения — теория,
   в) понуждение,
   г) волевое давление,
   д) угроза.
8. Разная степень всех этих методов:
   а) привлечение прямым и внутренним удовлетворением,
   б) разъяснение,
   в) давление приказом и улыбкой,
   г) угроза наказания и угроза осуждения.
9. Уважение. Внутренние формы. Внешние формы:
   незлопамятность,
   доверие,
   искренность,
   поручение,
   вежливость,
   специальные формы,
   всегда и на каждом шагу.
10. Режим, его качества:
   целесообразность,
   точность,
   общность,
   определенность (завтрак),
   непреклонность.
11. Высшие показатели дисциплины:
   специальные упражнения,
   доверие,

коллективное единство.

12. Наказания:
    общий взгляд: наказание — зло. Терпимость,
    обязательность наказания,
    старое и новое наказание,
    значение общественного мнения,
    наказание имеет смысл в некоторых случаях,
    в других не имеет,
    какие наказания,
    кто должен наказывать,
    прощение,
    соревнование и поощрение,
    жестокость в наказании.

ПЛАН ЛЕКЦИИ «КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ»

Тезис о решающем значении коммунистического воспитания трудящихся.

Производительность труда
Поднятие культурного уровня.
Оперативность и деловитость. Правильный подбор кадров.
Развертывание социалистического соревнования.
Сознательное отношение к своим обязанностям. Честный труд.
Помощь отстающим.

Поднять коммунистическое воспитание трудящихся.

Роль интеллигенции.
Постановка вопроса.
Ясны требования.
Знаем ли мы, что такое коммунистическое поведение и коммунистическое воспитание.

Задачи коммунистического воспитания

Что и кем сделано:
Мировой интерес. Длинный глаз.
Техник. Стахановец.
Привычка к рабству.
Культура. Книга. Читатель.
Единство. Союз народностей. Доверие к руководству.
Что нужно сделать.
Положение Ленина.
Необходимость детализации, размышления, проверки и опыта.
Нарастание традиций.

Привычка.

От каждого по способностям, каждому по потребностям.

Кто будет воспитывать...

Борьба с пережитками капитализма

Знаем ли мы, что такое пережитки капитализма.

Мы все относим к капитализму.

Домашние справки на всякий случай жизни.

Ревность, пьянство, эгоизм и жадность.

Пережитки явно экономические. Таких почти нет, они хорошо скрыты

Пережитки, вытекающие из незнания, из слабого мышления, из узости взгляда.

Пережитки, вытекающие якобы из эгоистической природы человека.

Пережитки, вытекающие из недостаточного коллективного опыта

Особый вид пережитков — влияние старой этической системы. Христианство. Его сущность. Его влияние. Другие религии.

Общая средняя моральная норма «цивилизации».

Индивидуализм

Левая и правая щеки.

«И ижденут и рекут всяк зол глагол».

Отношение к труду. Посмотрите на птиц небесных.

Отношение к коллективу.

Не судите, да не судимы будете.

Грех и покаяние.

Цинизм.

Нетребовательность. Моральный оппортунизм.

Сентиментальность.

Этическое кокетство.

Любовь к ближнему. Расслабленность.

Коммунистическое поведение

Новые разрезы измерения.

Прозаический предмет.

Все прозаичнее, ближе к жизни.

Отношение к идеалам: добро, любовь, совершенство, царствие небесное

Материя и дух. (Материя в музыке Чайковского.)

Дело доблести. Точность.

Труд, точность... моральные нормы.

Деловитость.

Все это требует образования, знания, умения.

Только ли на производстве? (А в любви, а на улице, а по отношению к товарищу, а по отношению к самому себе?)

Единство поведения

Основная принципиальность коммунистического поведения. Эгоизм и жертвенность.

Маркс (227).

Посадка в трамваи. Логика старая и логика новая. Паника при пожаре.

Логика разумного существа.

Примеры. Любовь нужно организовать, уметь сделать. Счастливые и несчастные.

Несчастный человек — виновный человек.

Этические нормы нового человечества

Каждому по потребностям.

Потребность как нравственная категория.

Предпосылки.

Уверенность в обеспеченности и защищенности.

Отмирание пережитков накапливания и натаскивания.

Вкус к жизни.

Общественное мнение— не будет судить по количеству вещей и тряпок.

Требовательность к себе и другим.

Нормы определяются коллективной связью и общественным локтем.

Нормы будут вытекать из нашего сознания и нашей традиции. Регулятор — общественное мнение. Ревность. Эстетика. Знание. Помощь...

Сознание победы и высоты нашей истории. Борьба за счастье человечества.

Забота о детях.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ВЫСШЕМ КОММУНИСТИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Благодарю за внимание, которое вы оказали моей «Педагогической поэме», за положительные отзывы Ваши отзывы помогут мне.

А теперь поговорим о педагогической теории, потому что я рассматриваю вас как представителей, посвятивших ей всю свою жизнь. Мы с вами стоим на одной позиции советской педагогики, но расположены по-разному. У нас нет оружия, нападать буду я, вы защищайтесь. Извинить меня может только то, что я один, а вас много. Вы говорите, что теория есть, а я прошу — дайте ее мне! Нет ни одной деловой книги, по которой педагогу можно было бы воспитывать детей. Я работаю во всеукраинском масштабе в отделе трудовых коммун НКВД УССР. Под моим руководством несколько сот педагогов, и я ни одной строчки не могу рекомендовать им к руководству.

Вы говорите учение марксизма-ленинизма. Верно. Но не прячьте педагогику за великими именами гениев марксизма. Ведь они не являются специалистами-профессорами педагогики. Их высказывания в области воспитания — это высокие идеи человечества, а не практическая педагогическая наука Нельзя глубочайшую философию их учения выдавать за педагогическую технику. Не закрывайтесь ими и не снижайте их учения. Они создали методологию и дали задание, а вы пока ничего не сделали, чтобы его выполнить, ничем не ответили на задание

Почему несколько лет царила теория Шульгина? [1]

Пока ЦК партии не сказал об этой антиленинской «теории». А ведь высказывания Маркса и Ленина о воспитании у вас были. Их цитировали и извращали подобные «теоретики». Где же вы были тогда с вашей эрудицией, почему не видели вреднейших ошибок Шульгина?

А многие из нас — практиков — видели и понимали, что это грубейшее извращение марксизма.

Почему медицина ищет, как лечить рак? Ведь медицина не ждет, что скажет ЦК партии об излечении рака. А в любом вопросе педагогики нет рецепта, нет метода, нет делового указания, как в реальной практике должен поступать педагог в том или другом случае. Есть только основные принципы без конкретных планов и разработки деталей. Вы — теоретики — отдали детей на полное усмотрение практиков.

Практики воспитывают, а вы только говорите «не так». А как надо — никто не говорит. Теоретики говорят только — «не так», а доказать ничего не могут. Их утверждения — это «нагорная проповедь», а не научная теория. На какую науку вы сами можете рассчитывать в вашей педагогической практике?

Теория должна разработать педагогическую технику, она должна повернуться лицом к практике. Возьмем школу, хотя бы образцовую школу № 2 им. Ворошилова. Там ведь нет коллектива. Споры, сплетни, педагогические разглагольствования... А горьковцы гордились тем, что их учреждение носит имя Максима Горького... А я работаю тридцать лет. Ко мне приходит молодежь, окончившая советские вузы, она тоже не вооружена педагогически. Они знают и психологию, и физиологию, и педагогику, и другие науки, и даже «премудрости» педологии, а пусти их усмирить двух расшалившихся ребят, и они не знают не только как им поступить, а как подойти к этим ребятам. И в конце концов в работе опираются на ходячий, часто мещанский, так называемый «здравый смысл».

Большая бедность в педагогической методике, в технике и поэтому окончившие педагогические вузы ничего не знают, как надо говорить с учеником, нет умения сидеть, стоять, не знают, как надо пройти по лестнице. Вы скажете, что это пустяк.

Тогда докажите, что это пустяк. А я утверждаю, что в педагогике это не пустяк. Вот у нас, у коммунаров, существуют правила: «сходя по лестнице, не держись за перила, не опирайся на стену». У дзержинцев много законов, которые и не снились теоретикам.

Возьмем вопрос о наказании. В «педагогическом олимпе» говорили, что не должно быть никаких наказаний, и что же получилось в результате, чем особенным можно похвастаться?

«Теория безнаказанности» (ведь это тоже «теория») привела к тому, что когда я объезжал Киевскую область, во многих детских домах мне пришлось снять железные решетки на окнах. Вот до какого ужаса дошла практика. Почему же вы не помогли им, если у вас в руках есть научные методы работы? А у нас в колонии и коммуне с самого начала было единственное наказание: арест в моем кабинете под честное слово, и был полный порядок и дисциплина.

Педагогика помогает получить общее развитие, но наша официальная «педагогическая теория», вернее ее надо еще назвать педагогической, не наука и не педагогическая техника. Мое выражение, которое я употребил

в «Педагогической поэме», что педагогика — «это вековечное шарлатанство», объясняется моим тогдашним состоянием, моими переживаниями, но я и сейчас стою на том, что старая и западная педагогика нам помочь не могут...

А если говорить о прошлом, о так называемой «традиционной педагогике», педагогике «буржуазно-классической», то если бы мне сейчас предложили кандидатуру Песталоцци в качестве воспитателя в коммуне, я бы его, пожалуй, взял, а Руссо не пустил бы и на порог [2].

Труды Ленина я постоянно изучал, а вот у вас я никогда не встречал этих слов Ленина: «В 1921 г гвоздем было отступление в порядке. Вот почему нужна была сугубая дисциплина. «Рабочая оппозиция» говорила: «Вы недооцениваете рабочих, рабочие должны проявлять больше инициативы. Инициатива должна состоять в том, чтобы в порядке отступать и сугубо держать дисциплину» [3].

В системе НКВД, где я сейчас работаю, опираясь только на марксистско-ленинскую теорию, воспитывают прекрасных людей, а педологическую теорию опыт НКВД игнорирует. Поэтому пока только в нашей системе детских домов принцип Маркса о соединении обучения с производственным трудом и физическим развитием проведен в жизнь и продолжен до конца. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского настоящая десятилетка и два первоклассных завода. Полная самоокупаемость, свой клуб, театр, спортзал и даже оранжерея. А в той же школе № 2 в Москве я спрашиваю: «Почему у вас нет цветов?» Отвечают: «Дорого». «А почему нет своей оранжереи?» Ничего не отвечают. Удивлены моим вопросом, потому что даже на организацию оранжереи не хватило трудового усилия в трудовой школе.

Возьмем такой вопрос — отношения между мальчиками и девочками, кем они направляются, регулируются, что говорит ваша теория по этому вопросу?

Вот я был в 25-й образцовой школе. Там на каждом шагу слышишь: «мой папа нарком», «мой папа комкор», «мой папа директор». Знаете вы, чем это искоренить? Конечно, можно послать комсорга, хорошего комсомольца, он двадцать раз ошибется и выправит это как умеет, но где здесь наша помощь?

Или каким методом надо воспитывать энтузиазм, героизм? Проповедью, размахиванием руками или какими-нибудь другими методами? Я утверждаю, что здесь нужна длительная работа детского коллектива, что надо коренным образом пересмотреть принятые сейчас в детских учреждениях методы создания детского коллектива и управления им.

Давайте говорить прямо Давайте создавать методику и методологию педагогической науки. Ее у вас тоже нет, я вам и это докажу. Приезжает ко мне в коммуну инспектор, у дверей стоит часовой-коммунар, в полной парадной форме, с винтовкой. Винтовка, конечно, без патронов. «Зачем часовой? — спрашивает инспектор.— Это вредно». Какая теория привела его к выводу, что этот мой метод плох? Логика простого усмотрения, а иногда и самодурство Все принято на веру: методология, педагогические средства, которые умозрительно принимаются и бросаются, никем не проверенные. А я могу доказать, почему нужен часовой, и обязательно с винтовкой, и докажу это теоретически на основании марксистского уче-

ния логики нашей жизни и развития, становления и борьбы нашего общества.

Еще пример со стахановским движением в школе. Так, как оно проводится сейчас в школах,— это полнейшее извращение прекраснейшего начинания в производстве. И так всегда: вдруг какое-то средство кому-то кажется хорошим, начинают его применять, не проверяя результатов. Возьмем историю советской школы: сначала школа была трудовой, потом стала политехнической, а теперь политехнизм на ущербе. Вы возражаете против этого. Докажите, что не на ущербе.

Такая деталь: ученик хулиганит в классе Удалить его из класса нельзя, а почему — неизвестно, и «теория» ответа не дает.

Что касается совместного воспитания, то я тридцать лет был за него и сейчас думаю, что здесь возможны и нужны коррективы. Очевидно, к этому вопросу надо подходить разно в различных коллективах и проверить методы совместного воспитания не на одном только, а на многих коллективах.

Организацию коллектива в колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского и сейчас еще называют «командирской педагогикой». А чем это плохо — командир? Плохо потому, что сравнивают жизнь колонистов и коммунаров с казармой, но не с казармой Красной Армии, а с царской казармой. И дальше по нелепой некой аналогии идут до аракчеевской казармы. Вот почему с их точки зрения нехороша — недопустима «командирская педагогика».

Мне часто говорили разные теоретики: результаты у вас хорошие, а методы нехороши. И никто не потрудился даже за шестнадцать лет проверить мои методы по результатам работы. В самом деле, как же так: методы плохие, а результат хороший. Где же здесь самая обыкновенная житейская логика, я уже не говорю о научной. Ведь что получается: покажи вам настоящее дело, вы собственным глазам не верите, а где же точные измерители вашей науки? Нет у вас этих точных измерителей. Скажет Шульгин: это средство хорошее, будут его применять, не скажет — не будут.

Нет изобретательности, творческой мысли, нет опытной методологии, нет еще большевистской партийной логики в педагогике, а только старый беспомощный схоластический метод утверждения и проповеди.

Дело создания настоящей материалистической марксистской педагогической теории и техники — наше с вами дело. И мы обязаны по-новому его сделать. Есть великое культурное наследство, которое мы используем, но мысли великих педагогов прошлого — только эстетика и проповедь, а не наука, не методика, не техника педагогики. На основе учения Ленина, его науки и тактики мы обязаны создать и создадим принципиально новую революционную науку и деловую педагогическую технику, не успокаиваясь на том, что сто лет тому назад дал Песталоцци. И в нашем творчестве мы должны брать за образец большевика, а не Песталоцци [4].

(Читает конец 3-й части «Педагогической поэмы», где высказывается уверенность, что через десять лет будет создана педагогическая методика, приглашает всех в коммуну им. Дзержинского).

О СЕМЕЙНОМ ВОСПИТАНИИ

ЛЕКЦИИ О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

Дорогие родители, граждане Советского Союза!

Воспитание детей — самая важная область нашей жизни. Наши дети — это будущие граждане нашей страны и граждане мира. Они будут творить историю. Наши дети — это будущие отцы и матери, они тоже будут воспитателями своих детей. Наши дети должны вырасти прекрасными гражданами, хорошими отцами и матерями. Но и это не все: наши дети — это наша старость. Правильное воспитание — это наша счастливая старость, плохое воспитание — это наше будущее горе, это наши слезы, это наша вина перед другими людьми, перед всей страной.

Дорогие родители, прежде всего вы всегда должны помнить о великой важности этого дела, о вашей большой ответственности за него.

Сегодня мы начинаем целый ряд бесед по вопросам семейного воспитания. В дальнейшем мы будем говорить подробно об отдельных деталях воспитательной работы: о дисциплине и родительском авторитете, об игре, о пище и одежде, о вежливости и т. д.. Все это — очень важные отделы, говорящие о полезных методах воспитательной работы. Но прежде чем говорить о них, обратим ваше внимание на некоторые вопросы, которые имеют общее значение, которые относятся ко всем отделам, ко всем деталям воспитания, которые всегда нужно помнить.

Прежде всего обращаем ваше внимание на следующее: воспитывать ребенка правильно и нормально гораздо легче, чем перевоспитывать. Правильное воспитание с самого раннего детства — это вовсе не такое трудное дело, как многим кажется. По своей трудности это дело по силам каждому человеку, каждому отцу и каждой матери. Хорошо воспитать своего ребенка легко может каждый человек, если только он этого действительно захочет, а кроме того, это дело приятное, радостное, счастливое. Совсем другое — перевоспитание [1]. Если ваш ребенок воспитывался неправильно, если вы что-то прозевали, мало о нем думали, а то, бывает, и поленились, запустили ребенка, тогда уже нужно многое переделывать, поправлять. И вот эта работа поправки, работа перевоспитания — уже не такое легкое дело. Перевоспитание требует и больше сил и больше знаний, больше терпения, а не у каждого родителя все это найдется. Очень часто бывают такие случаи, когда семья уже никак не может справиться с трудностями перевоспитания и приходится отправлять сына или дочку в трудовую колонию. А бывает и так, что и колония ничего поделать не может и выходит в жизнь человек не совсем правильный. Возьмем даже такой случай, когда переделка помогла, вышел человек в жизнь и рабо-

тает. Все смотрят на него, и все довольны, и родители в том числе. Но того никто не хочет подсчитать, сколько все-таки потеряли. Если бы этого человека с самого начала правильно воспитывали, он больше взял бы от жизни, он вышел бы в жизнь еще более сильным, более подготовленным, а значит, и более счастливым. А кроме того, работа перевоспитания, переделки — это работа не только более трудная, но и горестная. Такая работа, даже при полном успехе, причиняет родителям постоянные огорчения, изнашивает нервы, часто портит родительский характер.

Советуем родителям всегда помнить об этом, всегда стараться воспитывать так, чтобы ничего потом не пришлось переделывать, чтобы с самого начала все было сделано правильно.

Очень много ошибок в семейной работе получается от того, что родители как будто забывают, в какое они живут время. Бывает, родители на службе, вообще в жизни, в обществе выступают как хорошие граждане Советского Союза, как члены нового, социалистического общества, а дома, среди детей, живут по старинке. Конечно, нельзя сказать, что в старой, дореволюционной семье все было плохо, многое из старой семьи можно перенять, но нужно всегда помнить, что наша жизнь принципиально отличается от старой жизни. Нужно помнить, что мы живем в бесклассовом обществе, что такое общество существует пока только в СССР, что нам предстоят большие бои с умирающей буржуазией, большое социалистическое строительство. Наши дети должны вырасти активными и сознательными строителями коммунизма.

Родители должны подумать, чем отличается новая, советская семья от старой. В старой семье, например, отец имел больше власти, дети жили в полной его воле и податься им от отцовской власти было некуда. Многие отцы такой властью и злоупотребляли, относились к детям жестоко, как самодуры. Государство и православная церковь такую власть поддерживали: это было выгодно для общества эксплуататоров. В нашей семье иначе. Например, наша девушка не будет ждать, пока ей родители найдут жениха... Но и наша семья должна руководить чувствами своих детей. Очевидно, что наше руководство уже не может пользоваться в этом деле старыми способами, а должно находить новые.

В старом обществе каждая семья принадлежала к какому-нибудь классу и дети этой семьи обыкновенно оставались в том же классе. Сын крестьянина и сам обыкновенно крестьянствовал, сын рабочего тоже становился рабочим. Для наших детей предоставлены очень широкие просторы выбора[2]. В этом выборе решающую роль играют не материальные возможности семьи, а исключительно способности и подготовка ребенка. Наши дети, стало быть, пользуются совершенно несравненным простором. Об этом знают и отцы, об этом знают и дети. При таких условиях становится просто невозможным никакое отцовское усмотрение. Для родителей теперь нужно рекомендовать гораздо более тонкое, осторожное и умелое руководство.

Семья перестала быть отцовской семьей. Наша женщина пользуется такими же правами, как и мужчина, наша мать имеет права, равные правам отца. Наша семья подчиняется не отцовскому единовластию, а представляет собой советский коллектив. В этом коллективе родители обладают известными правами. Откуда берутся эти права?

В старое время считалось, что отцовская власть имеет небесное происхождение: так угодно богу, о почитании родителей существовала особая заповедь. В школах батюшки толковали об этом, рассказывали детям, как бог жестоко наказывал детей за неуважение к родителям. В Советском государстве мы детей не обманываем. Наши родители, однако, тоже отвечают за свою семью перед всем советским обществом и советским законом. Поэтому и наши родители имеют некоторую власть и должны иметь авторитет в своей семье. Хотя каждая семья составляет коллектив равноправных членов общества, все же родители и дети отличаются тем, что первые руководят семьей, а вторые воспитываются в семье.

Обо всем этом каждый родитель должен иметь совершенно ясное представление. Каждый должен понимать, что в семье он не полный, бесконтрольный хозяин, а только старший, ответственный член коллектива. Если эта мысль хорошо будет понята, то правильно пойдет и вся воспитательная работа.

Мы знаем, что эта работа не у всех одинаково успешно протекает. Это зависит от многих причин, и прежде всего от применения правильных методов воспитания. Но очень важной причиной является и самое устройство семьи, ее структура. В известной мере эта структура находится в нашей власти. Можно, например, решительно утверждать, что воспитание единственного сына или единственной дочери гораздо более трудное дело, чем воспитание нескольких детей. Даже в том случае, если семья испытывает некоторые материальные затруднения, нельзя ограничиваться одним ребенком. Единственный ребенок очень скоро становится центром семьи. Заботы отца и матери, сосредоточенные на этом ребенке, обыкновенно превышают полезную норму. Любовь родительская в таком случае отличается известной нервозностью. Болезнь этого ребенка или его смерть переносится такой семьей очень тяжело, и страх такого несчастья всегда стоит перед родителями и лишает их необходимого спокойствия. Очень часто единственный ребенок привыкает к своему исключительному положению и становится настоящим деспотом в семье. Для родителей очень трудно бывает затормозить свою любовь к нему и свои заботы, и волей-неволей они воспитывают эгоиста.

Только в семье, где есть несколько детей, родительская забота может иметь нормальный характер. Она равномерно распределяется между всеми. В большой семье ребенок привыкает с самых малых лет к коллективу, приобретает опыт взаимной связи. Если в семье есть старшие и младшие дети, между ними устанавливается опыт любви и дружбы в самых разнообразных формах. Жизнь такой семьи предоставляет ребенку возможность упражняться в различных видах человеческих отношений. Перед ними проходят такие жизненные задачи, которые единственному ребенку недоступны: любовь к старшему брату и любовь к младшему брату — это совершенно различные чувства, умение поделиться с братом или сестрой, привычка посочувствовать им. Мы уже не говорим, что в большой семье на каждом шагу, даже в игре, ребенок привыкает быть в коллективе. Все это очень важно именно для советского воспитания. В буржуазной семье этот вопрос не имеет такого значения, так как там все общество построено на эгоистическом принципе.

Бывают и другие случаи неполной семьи. Очень болезненно отражается на воспитании ребенка, если родители не живут вместе, если они разошлись. Часто дети становятся предметом распри между родителями, которые открыто друг друга ненавидят и не скрывают этого от детей.

Необходимо рекомендовать тем родителям, которые почему-либо оставляют один другого, чтобы в своей ссоре, в своем расхождении они больше думали о детях. Какие угодно несогласия можно разрешить более деликатно, можно скрыть от детей и свою неприязнь и свою ненависть к бывшему супругу. Трудно, разумеется, мужу, оставившему семью, как-нибудь продолжать воспитание детей. И если он не может благотворно влиять на свою старую семью, то лучше постараться, чтобы она совсем его забыла, это будет более честно. Хотя, разумеется, свои материальные обязательства по отношению к покинутым детям он должен нести по-прежнему.

Вопрос о структуре семьи — вопрос очень важный, и к нему нужно относиться вполне сознательно.

Если родители по-настоящему любят своих детей и хотят их воспитать как можно лучше, они будут стараться и свои взаимные несогласия не доводить до разрыва и тем не ставить детей в самое трудное положение.

Следующий вопрос, на который нужно обратить самое серьезное внимание,— это вопрос о цели воспитания. В некоторых семьях можно наблюдать полное бездумье в этом вопросе: просто живут рядом родители и дети, и родители надеются на то, что все само собой получится. У родителей нет ни ясной цели, ни определенной программы. Конечно, в таком случае и результаты будут всегда случайны, и часто такие родители потом удивляются, почему это у них выросли плохие дети. Никакое дело нельзя хорошо сделать, если неизвестно, чего хотят достигнуть.

Каждый отец и каждая мать должны хорошо знать, что́ они хотят воспитать в своем ребенке. Надо отдавать себе ясный отчет относительно своих собственных родительских желаний. Хотите ли вы воспитать настоящего гражданина Советской страны, человека знающего, энергичного, честного, преданного своему народу, делу революции, трудолюбивого, бодрого и вежливого? Или вы хотите, чтобы из вашего ребенка вышел мещанин, жадный, трусливый, какой-нибудь хитренький и мелкий делец? Дайте себе труд, подумайте хорошо над этим вопросом, подумайте хотя бы втайне, и вы сразу увидите и много сделанных ошибок, и много правильных путей впереди.

И при этом всегда вы должны помнить: вы родили и воспитываете сына или дочь не только для вашей родительской радости. В вашей семье и под вашим руководством растет будущий гражданин, будущий деятель и будущий борец. Если вы напутаете, воспитаете плохого человека, горе от этого будет не только вам, но и многим людям, и всей стране. Не отмахивайтесь от этого вопроса, не считайте его надоедливым резонерством. Ведь на вашем заводе, в вашем учреждении вы стыдитесь выпускать брак вместо хорошей продукции. Еще более стыдно должно быть для вас давать обществу плохих или вредных людей.

Этот вопрос имеет очень важное значение. Стоит только вам серьезно над ним задуматься, и многие беседы о воспитании станут для вас лиш-

ними, вы и сами увидите, что вам нужно делать. А как раз многие родители не думают над таким вопросом. Они любят своих детей; они наслаждаются их обществом, они даже хвастаются ими, наряжают их и совершенно забывают о том, что на их моральной ответственности лежит рост будущего гражданина [3].

Может ли задуматься над всем этим такой отец, который сам является плохим гражданином, который совершенно не интересуется ни жизнью страны, ни ее борьбой, ни ее успехами, которого не тревожат вражеские вылазки? Конечно, не может. Но о таких людях и говорить не стоит, их немного в нашей стране...

Но есть иные люди Они на работе и среди людей чувствуют себя гражданами, а домашние дела проходят независимо от этого: дома они или просто помалкивают, или, напротив, ведут себя так, как не должен вести себя советский гражданин. Раньше, чем вы начнете воспитывать своих детей, проверьте ваше собственное поведение.

Нельзя отделить семейные дела от дел общественных Ваша активность в обществе или на работе должна иметь отражение и в семье, семья ваша должна видеть ваше политическое и гражданское лицо и не отделять его от лица родителя. Все, что совершается в стране, через вашу душу и вашу мысль должно приходить к детям. То, что совершается на вашем заводе, что радует или печалит вас, должно интересовать и ваших детей. Они должны знать, что вы — общественный деятель, и гордиться вами, вашими успехами, вашими заслугами перед обществом. И только в том случае эта гордость будет здоровой гордостью, если ее общественная сущность детям понятна, если они не гордятся просто вашим хорошим костюмом, вашим автомобилем или охотничьим ружьем.

Ваше собственное поведение — самая решающая вещь. Не думайте, что вы воспитываете ребенка только тогда, когда с ним разговариваете, или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома. Как вы одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь или печалитесь, как вы обращаетесь с друзьями и с врагами, как вы смеетесь, читаете газету — все это имеет для ребенка большое значение Малейшие изменения в тоне ребенок видит или чувствует, все повороты вашей мысли доходят до него невидимыми путями, вы их не замечаете. А если дома вы грубы, или хвастливы, или пьянствуете, а еще хуже, если вы оскорбляете мать, вам уже не нужно думать о воспитании: вы уже воспитываете ваших детей, и воспитываете плохо, и никакие самые лучшие советы и методы вам не помогут.

Родительское требование к себе, родительское уважение к своей семье, родительский контроль над каждым своим шагом — вот первый и самый главный метод воспитания!

А между тем приходится иногда встречать таких родителей, которые считают, что нужно найти какой-то хитрейший рецепт воспитания детей, и дело будет сделано По их мнению, если этот рецепт дать в руки самому заядлому лежебоке, он при помощи рецепта воспитает трудолюбивого человека, если его дать мошеннику, рецепт поможет воспитать честного

гражданина; в руках враля он тоже сделает чудо, и ребенок вырастет правдивым.

Таких чудес не бывает. Никакие рецепты не помогут, если в самой личности воспитателя есть большие недостатки.

На эти недостатки и нужно обратить первое внимание. А что касается фокусов, то нужно раз навсегда помнить, что педагогических фокусов просто не существует. К сожалению, иногда можно видеть таких людей, верящих в фокусы. Тот придумает особое наказание, другой вводит какие-нибудь премии, третий всеми силами старается паясничать дома и развлекать детей, четвертый подкупает обещаниями.

Воспитание детей требует самого серьезного тона, самого простого и искреннего. В этих трех качествах должна заключаться предельная правда вашей жизни. Самое незначительное прибавление лживости, искусственности, зубоскальства, легкомыслия делает воспитательную работу обреченной на неудачу. Это вовсе не значит, что вы должны быть всегда надуты, напыщенны,— будьте просто искренни, пусть ваше настроение соответствует моменту и сущности происходящего в вашей семье.

Фокусы мешают людям видеть настоящие задачи, стоящие перед ними, фокусы в первую очередь забавляют самих родителей, фокусы отнимают время.

А многие родители так любят жаловаться на недостаток времени!

Конечно, лучше, если родители чаще бывают с детьми, очень нехорошо, если родители никогда их не видят. Но все же необходимо сказать, что правильное воспитание вовсе не требует, чтобы родители не спускали с детей глаз. Такое воспитание может принести только вред. Оно развивает пассивность характера, такие дети слишком привыкают к обществу взрослых, и духовный рост их идет слишком быстро. Родители любят этим похвастаться, но потом убеждаются, что допустили ошибку.

Вы должны хорошо знать, что делает, где находится, кем окружен ваш ребенок, но вы должны предоставить ему необходимую свободу, чтобы он находился не только под вашим личным влиянием, а под многими разнообразными влияниями жизни. Не думайте при этом, что вы должны трусливо отгораживать его от влияний отрицательных или даже враждебных. Ведь в жизни все равно ему придется столкнуться с различными соблазнами, с чуждыми и вредными людьми и обстоятельствами. Вы должны выработать у него умение разбираться в них, бороться с ними, узнавать их своевременно В парниковом воспитании, в изолированном высиживании нельзя этого выработать. Поэтому, совершенно естественно, вы должны допустить самое разнообразное окружение ваших детей, но никогда не теряйте их из виду.

Детям необходимо вовремя помочь, вовремя остановить их, направить. Таким образом, от вас требуется только постоянный корректив к жизни ребенка, но вовсе не то, что называется вождением за руку. В свое время мы коснемся подробнее этого вопроса, сейчас же мы остановились на нем только потому, что зашел разговор о времени. Для воспитания нужно не большое время, а разумное использование малого времени И еще раз повторяем: воспитание происходит всегда, даже тогда, когда вас нет дома.

Истинная сущность воспитательной работы, вероятно вы и сами уже

догадались об этом, заключается вовсе не в ваших разговорах с ребенком, не в прямом воздействии на ребенка, а в организации вашей семьи, вашей личной и общественной жизни и в организации жизни ребенка. Воспитательная работа есть прежде всего работа организатора. В этом деле поэтому нет мелочей. Вы не имеете права ничего назвать мелочью и забыть о ней. Страшной ошибкой будет думать, что в вашей жизни или в жизни вашего ребенка вы что-нибудь выделите крупное и уделите этому крупному все ваше внимание, а все остальное отбросите в сторону. В воспитательной работе нет пустяков. Какой-нибудь бант, который вы завязываете в волосах девочки, та или иная шапочка, какая-нибудь игрушка — все это такие вещи, которые могут иметь в жизни ребенка самое большое значение. Хорошая организация в том и заключается, что она не выпускает из виду мельчайших подробностей и случаев. Мелочи действуют регулярно, ежедневно, ежечасно, из них и складывается жизнь. Руководить этой жизнью, организовать ее и будет самой ответственной вашей задачей.

В следующих беседах мы рассмотрим отдельные методы воспитательной работы в семье более подробно. Сегодняшняя беседа была вступлением.

Резюмируем кратко сказанное сегодня.

Надо стремиться к правильному воспитанию, чтобы потом не пришлось заниматься перевоспитанием, что гораздо труднее.

Надо помнить, что вы руководите новой советской семьей. По возможности надо добиваться правильной структуры этой семьи.

Необходимо иметь перед собой точную цель и программу воспитательной работы.

Надо всегда помнить, что ребенок не только ваша радость, но и будущий гражданин, что вы отвечаете за него перед страной. Надо прежде всего самому быть хорошим гражданином и вносить свое гражданское самочувствие и в семью.

Надо предъявлять самые строгие требования к своему собственному поведению.

Не нужно надеяться ни на какие рецепты и фокусы. Нужно быть серьезным, простым и искренним.

Не нужно рассчитывать на большую трату времени, нужно уметь руководить ребенком, а не оберегать его от жизни.

Главное в воспитательной работе заключается в организации жизни семьи с пристальным учетом мелочей.

О РОДИТЕЛЬСКОМ АВТОРИТЕТЕ

В прошлой беседе мы говорили о том, что советская семья многим отличается от семьи буржуазной. И прежде всего ее отличие заключается в характере родительской власти. Наш отец и наша мать уполномочены обществом воспитать будущего гражданина нашего Отечества, они отвечают перед обществом. На этом и основывается их родительская власть и их авторитет в глазах детей.

Однако будет просто неудобно в самой семье перед детьми доказывать родительскую власть постоянной ссылкой на такое общественное полномочие. Воспитание детей начинается с того возраста, когда никакие логические доказательства и предъявление общественных прав вообще невозможны, а между тем без авторитета невозможен воспитатель.

Наконец, самый смысл авторитета в том и заключается, что он не требует никаких доказательств, что он принимается как несомненное достоинство старшего, как его сила и ценность, видимая, так сказать, простым детским глазом.

Отец и мать в глазах ребенка должны иметь этот авторитет. Часто приходится слышать вопрос: что делать с ребенком, если он не слушается? Вот это самое «не слушается» и есть признак того, что родители в его глазах не имеют авторитета.

Откуда берется родительский авторитет, как он организуется?

Те родители, у которых дети «не слушаются», склонны иногда думать, что авторитет дается от природы, что это — особый талант. Если таланта нет, то и поделать ничего нельзя, остается только позавидовать тому, у кого такой талант есть. Эти родители ошибаются. Авторитет может быть организован в каждой семье, и это даже не очень трудное дело.

К сожалению, встречаются родители, которые организуют такой авторитет на ложных основаниях. Они стремятся к тому, чтобы дети их слушались, это составляет их цель. А на самом деле это ошибка. Авторитет и послушание не могут быть целью. Цель может быть только одна: правильное воспитание. Только к этой одной цели и нужно стремиться. Детское послушание может быть только одним из путей к этой цели. Как раз те родители, которые о настоящих целях воспитания не думают, добиваются послушания для самого послушания. Если дети послушны, родителям живется спокойнее. Вот это самое спокойствие и является их настоящей целью. На поверку всегда выходит, что ни спокойствие, ни послушание не сохраняются долго Авторитет, построенный на ложных основаниях, только на очень короткое время помогает, скоро все разрушается, не остается ни авторитета, ни послушания. Бывает и так, что родители добиваются послушания, но зато все остальные цели воспитания в загоне: вырастают, правда, послушные, но слабые дети.

Есть много сортов такого ложного авторитета. Мы рассмотрим здесь более или менее подробно десяток этих сортов. Надеемся, что после такого рассмотрения легче будет выяснить, каким должен быть авторитет настоящий. Приступим.

Авторитет подавления. Это самый страшный сорт авторитета, хотя и не самый вредный. Больше всего таким авторитетом страдают отцы. Если отец дома всегда рычит, всегда сердит, за каждый пустяк разражается громом, при всяком удобном и неудобном случае хватается за палку или за ремень, на каждый вопрос отвечает грубостью, каждую вину ребенка отмечает наказанием, то это и есть авторитет подавления. Такой отцовский террор держит в страхе всю семью: не только детей, но и мать. Он приносит вред не только потому, что запугивает детей, но и потому, что делает мать нулевым существом, которое способно быть только прислугой. Не нужно доказывать, как вреден такой авторитет. Он ничего не воспитывает, он только приучает детей подальше держаться от страшного папаши, он вызывает детскую ложь и человеческую трусость, и в то же время он воспитывает в ребенке жестокость. Из забитых и безвольных детей выходят потом либо слякотные, никчемные люди, либо самодуры в течение всей своей жизни мстящие за подавленное детство. Это самый

дикий сорт авторитета бывает только у некультурных родителей и в последнее время, к счастью, вымирает.

Авторитет расстояния. Есть такие отцы, да и матери, которые серьезно убеждены: чтобы дети слушались, нужно поменьше с ними разговаривать, подальше держаться, изредка только выступать в виде начальства. Особенно любили этот вид в некоторых старых интеллигентских семьях. Здесь сплошь и рядом у отца какой-нибудь отдельный кабинет, из которого он показывается изредка как первосвященник. Обедает он отдельно, развлекается отдельно, даже свои распоряжения по вверенной ему семье он передает через мать. Бывают и такие матери: у них своя жизнь, свои интересы, свои мысли. Дети находятся в ведении бабушки или даже домработницы.

Нечего и говорить, что такой авторитет не приносит никакой пользы и такая семья не может быть названа советской семьей.

Авторитет чванства. Это особый вид авторитета расстояния, но, пожалуй, более вредный. У каждого гражданина Советского государства есть свои заслуги. Но некоторые люди считают, что они самые заслуженные, самые важные деятели, и показывают эту важность на каждом шагу, показывают своим детям. Дома они даже больше пыжатся и надуваются, чем на работе, они только и делают, что толкуют о своих достоинствах, они высокомерно относятся к остальным людям. Бывает очень часто, что, пораженные таким видом отца, начинают чваниться и дети. Перед товарищами они тоже выступают не иначе, как с хвастливым словом, на каждом шагу повторяя: мой папа — начальник, мой папа — писатель, мой папа — командир, мой папа — знаменитость. В этой атмосфере высокомерия важный папа уже не может разобрать, куда идут его дети и кого он воспитывает. Встречается такой авторитет и у матерей: какое-нибудь особенное платье, важное знакомство, поездка на курорт — все это дает им основание для чванства, для отделения от остальных людей и от своих собственных детей.

Авторитет педантизма. В этом случае родители больше обращают внимания на детей, больше работают, но работают как бюрократы. Они уверены в том, что дети должны каждое родительское слово выслушивать с трепетом, что слово их — это святыня. Свои распоряжения они отдают холодным тоном, и раз оно отдано, то немедленно становится законом. Такие родители больше всего боятся, как бы дети не подумали, что папа ошибся, что папа человек нетвердый. Если такой папа сказал: «Завтра будет дождь, гулять нельзя», то хотя бы завтра была и хорошая погода, все же считается, что гулять нельзя. Папе не понравилась какая-нибудь кинокартина, он вообще запретил детям ходить в кино, в том числе и на хорошие картины. Папа наказал ребенка, потом обнаружилось, что ребенок не так виноват, как казалось сначала, папа ни за что не отменит своего наказания: раз я сказал, так и должно быть. На каждый день хватает для такого папы дела, в каждом движении ребенка он видит нарушение порядка и законности и пристает к нему с новыми законами и распоряжениями. Жизнь ребенка, его интересы, его рост проходят мимо такого папы незаметно; он ничего не видит, кроме своего бюрократического начальствования в семье.

Авторитет резонерства. В этом случае родители буквально

заедают детскую жизнь бесконечными поучениями и назидательными разговорами. Вместо того чтобы сказать ребенку несколько слов, может быть даже в шутливом тоне, родитель усаживает его против себя и начинает скучную и надоедливую речь. Такие родители уверены, что в поучениях заключается главная педагогическая мудрость. В такой семье всегда мало радости и улыбки. Родители изо всех сил стараются быть добродетельными, они хотят в глазах детей быть непогрешимыми. Но они забывают, что дети — это не взрослые, что у детей своя жизнь и что нужно эту жизнь уважать. Ребенок живет более эмоционально, более страстно, чем взрослый, он меньше всего умеет заниматься рассуждениями. Привычка мыслить должна приходить к нему постепенно и довольно медленно, а постоянные разглагольствования родителей, постоянное их зудение и болтливость проходят почти бесследно в их сознании. В резонерстве родителей дети не могут увидеть никакого авторитета.

Авторитет любви. Это у нас самый распространенный вид ложного авторитета. Многие родители убеждены: чтобы дети слушались, нужно, чтобы они любили родителей, а чтобы заслужить эту любовь, необходимо на каждом шагу показывать детям свою родительскую любовь. Нежные слова, бесконечные лобзания, ласки, признания сыплются на детей в совершенно избыточном количестве. Если ребенок не слушается, у него немедленно спрашивают: «Значит, ты папу не любишь?» Родители ревниво следят за выражением детских глаз и требуют нежности и любви. Часто мать при детях рассказывает знакомым: «Он страшно любит папу и страшно любит меня, он такой нежный ребенок...»

Такая семья настолько погружается в море сентиментальности и нежных чувств, что уже ничего другого не замечает. Мимо внимания родителей проходят многие важные мелочи семейного воспитания. Ребенок все должен делать из любви к родителям.

В этой линии много опасных мест. Здесь вырастает семейный эгоизм. У детей, конечно, не хватает сил на такую любовь. Очень скоро они замечают, что папу и маму можно как угодно обмануть, только нужно это делать с нежным выражением. Папу и маму можно даже запугать, стоит только надуться и показать, что любовь начинает проходить. С малых лет ребенок начинает понимать, что к людям можно подыгрываться. А так как он не может любить так же сильно и других людей, то подыгрывается к ним уже без всякой любви, с холодным и циническим расчетом. Иногда бывает, что любовь к родителям сохраняется надолго, но все остальные люди рассматриваются как посторонние и чуждые, к ним нет симпатии, нет чувства товарищества.

Это очень опасный вид авторитета. Он выращивает неискренних и лживых эгоистов. И очень часто первыми жертвами такого эгоизма становятся сами родители.

Авторитет доброты. Это самый неумный вид авторитета. В этом случае детское послушание также организуется через детскую любовь, но она вызывается не поцелуями и излияниями, а уступчивостью, мягкостью, добротой родителей. Папа или мама выступает перед ребенком в образе доброго ангела. Они все разрешают, им ничего не жаль, они не скупые, они замечательные родители. Они боятся всяких конфликтов, они предпочитают семейный мир, они готовы чем угодно пожертвовать, толь-

ко бы все было благополучно. Очень скоро в такой семье дети начинают просто командовать родителями, родительское непротивление открывает самый широкий простор для детских желаний, капризов, требований. Иногда родители позволяют себе небольшое сопротивление, но уже поздно, в семье уже образовался вредный опыт.

Авторитет дружбы. Довольно часто еще и дети не родились, а между родителями есть уже договор: наши дети будут нашими друзьями. В общем, это, конечно, хорошо. Отец и сын, мать и дочь могут быть друзьями и должны быть друзьями, но все же родители остаются старшими членами семейного коллектива и дети все же остаются воспитанниками. Если дружба достигнет крайних пределов, воспитание прекращается или начинается противоположный процесс: дети начинают воспитывать родителей. Такие семьи приходится иногда наблюдать среди интеллигенции. В этих семьях дети называют родителей Петькой или Маруськой, потешаются над ними, грубо обрывают, поучают на каждом шагу, ни о каком послушании не может быть и речи. Но здесь нет и дружбы, так как никакая дружба невозможна без взаимного уважения.

Авторитет подкупа — самый безнравственный вид авторитета, когда послушание просто покупается подарками и обещаниями. Родители, не стесняясь, так и говорят: будешь слушаться — куплю тебе лошадку, будешь слушаться — пойдем в цирк.

Разумеется, в семье тоже возможно некоторое поощрение, нечто похожее на премирование; но ни в каком случае нельзя детей премировать за послушание, за хорошее отношение к родителям. Можно премировать за хорошую учебу, за выполнение действительно какой-нибудь трудной работы. Но и в этом случае никогда нельзя заранее объявлять ставку и подстегивать детей в их школьной или иной работе соблазнительными обещаниями[4].

Мы рассмотрели несколько видов ложного авторитета. Кроме них, есть еще много сортов. Есть авторитет веселости, авторитет учености, авторитет «рубахи-парня», авторитет красоты. Но бывает часто и так, что родители вообще не думают ни о каком авторитете, живут как-нибудь, как попало и как-нибудь тянут волынку воспитания детей. Сегодня родитель нагремел и за пустяк наказал мальчика, завтра он признается ему в любви, послезавтра что-нибудь ему обещает в порядке подкупа, а на следующий день снова наказал, да еще и упрекнул за все свои добрые дела. Такие родители всегда мечутся, как угорелые кошки, в полном бессилии, в полном непонимании того, что они делают. Бывает и так, что отец придерживается одного вида авторитета, а мать — другого. Детям в таком случае приходится быть прежде всего дипломатами и научиться лавировать между папой и мамой. Наконец, бывает и так, что родители просто не обращают внимания на детей и думают только о своем спокойствии.

В чем же должен состоять настоящий родительский авторитет в советской семье?

Главным основанием родительского авторитета только и может быть жизнь и работа родителей, их гражданское лицо, их поведение. Семья есть большое и ответственное дело, родители руководят этим делом и отвечают за него перед обществом, перед своим счастьем и перед жизнью

детей. Если родители это дело делают честно, разумно, если перед ними поставлены значительные и прекрасные цели, если они сами всегда дают себе полный отчет в своих действиях и поступках, это значит, что у них есть и родительский авторитет, и не нужно искать никаких иных оснований, и тем более не нужно придумывать ничего искусственного

Как только дети начинают подрастать, они всегда интересуются, где работает отец или мать, каково их общественное положение. Как можно раньше они должны узнать, чем живут, чем интересуются, с кем рядом стоят их родители. Дело отца или матери должно выступать перед ребенком как серьезное, заслуживающее уважения дело. Заслуги родителей в глазах детей должны быть прежде всего заслугами перед обществом, действительной ценностью, а не только внешностью. Очень важно, если эти заслуги дети видят не изолированно, а на фоне достижений нашей страны. Не чванство, а хорошая советская гордость должна быть у детей, но в то же время необходимо, чтобы дети гордились не только своим отцом или матерью, чтобы они знали имена великих и знатных людей нашего Отечества, чтобы отец или мать в их представлении выступали как участники этого большого ряда деятелей.

При этом нужно всегда помнить, что в каждой человеческой деятельности есть свои напряжения и свое достоинство. Ни в коем случае родители не должны представляться детям как рекордсмены в своей области, как ни с чем не сравнимые гении. Дети должны видеть и заслуги других людей, и обязательно заслуги ближайших товарищей отца и матери. Гражданский авторитет родителей только тогда станет на настоящую высоту, если это не авторитет выскочки или хвастуна, а авторитет члена коллектива. Если вам удастся воспитать своего сына так, что он будет гордиться целым заводом, на котором отец работает, если его будут радовать успехи этого завода,— значит, вы воспитали его правильно.

Но родители должны выступать не только как деятели ограниченного фронта своего коллектива. Наша жизнь есть жизнь социалистического общества. Перед своими детьми отец и мать должны выступать как участники этой жизни. События международной жизни, достижения литературы — все должно отражаться в мыслях отца, в его чувствах, в его стремлениях. Только такие родители, живущие полной жизнью,— граждане нашей страны, будут иметь у детей настоящий авторитет. При этом не думайте, пожалуйста, что такой жизнью вы должны жить «нарочно», чтобы дети видели, чтобы поразить их вашими качествами. Это — порочная установка. Вы должны искренне, на самом деле жить такой жизнью, вы не должны стараться особо демонстрировать ее перед детьми. Будьте покойны, они сами все увидят, что нужно.

Но вы не только гражданин. Вы еще и отец. И родительское ваше дело вы должны выполнять как можно лучше, и в этом заключаются корни вашего авторитета. И прежде всего вы должны знать, чем живет, интересуется, что любит, чего не любит, чего хочет и чего не хочет ваш ребенок. Вы должны знать, с кем он дружит, с кем играет и во что играет, что читает, как воспринимает прочитанное. Когда он учится в школе, вам должно быть известно, как он относится к школе и к учителям, какие у него затруднения, как он ведет себя в классе. Это все вы

должны знать всегда, с самых малых лет вашего ребенка. Вы не должны неожиданно узнавать о разных неприятностях и конфликтах, вы должны их предугадывать и предупреждать.

Все это нужно знать, но это вовсе не значит, что вы можете преследовать вашего сына постоянными и надоедливыми расспросами, дешевым и назойливым шпионством. С самого начала вы должны так поставить дело, чтобы дети сами вам рассказывали о своих делах, чтобы им хотелось вам рассказать, чтобы они были заинтересованы в вашем знании. Иногда вы должны пригласить к себе товарищей сына, даже угостить их чем-нибудь, иногда вы сами должны побывать в той семье, где есть эти товарищи, вы должны при первой возможности познакомиться с этой семьей.

Для всего этого не требуется много времени, для этого нужно только внимание к детям и к их жизни.

И если у вас будет такое знание и такое внимание, это не пройдет незамеченным для ваших детей. Дети любят такое знание и уважают родителей за это.

Авторитет знания необходимо приведет и к авторитету помощи. В жизни каждого ребенка бывает много случаев, когда он не знает, как нужно поступить, когда он нуждается в совете и в помощи. Может быть, он не попросит вас о помощи, потому что не умеет это сделать, вы сами должны прийти с помощью.

Часто эта помощь может быть оказана в прямом совете, иногда в шутке, иногда в распоряжении, иногда даже в приказе. Если вы знаете жизнь вашего ребенка, вы сами увидите, как поступить наилучшим образом. Часто бывает, что эту помощь нужно оказать особым способом. Нужно бывает либо принять участие в детской игре, либо познакомиться с товарищами детей, либо побывать в школе и поговорить с учителем. Если в вашей семье несколько детей, а это — самый счастливый случай, к делу такой помощи могут быть привлечены старшие братья и сестры.

Родительская помощь не должна быть навязчива, надоедлива, утомительна. В некоторых случаях совершенно необходимо предоставить ребенку самому выбраться из затруднения, нужно, чтобы он привыкал преодолевать препятствия и разрешать более сложные вопросы. Но нужно всегда видеть, как ребенок совершает эту операцию, нельзя допускать, чтобы он запутался и пришел в отчаяние. Иногда даже нужно, чтобы ребенок видел вашу настороженность, внимание и доверие к его силам.

Авторитет помощи, осторожного и внимательного руководства счастливо дополнится авторитетом знания. Ребенок будет чувствовать ваше присутствие рядом с ним, вашу разумную заботу о нем, вашу страховку, но в то же время он будет знать, что вы от него кое-что требуете, что вы и не собираетесь все делать за него, снять с него ответственность.

Вот именно линия ответственности является следующей важной линией родительского авторитета. Ни в каком случае ребенок не должен думать, что ваше руководство семьей и им самим есть ваше удовольствие или развлечение. Он должен знать, что вы отвечаете не только за себя, но и за него перед советским обществом. Не нужно бояться открыто и твердо сказать сыну или дочери, что они воспитываются, что им нужно еще многому учиться, что они должны вырасти хорошими гражданами

и хорошими людьми, что родители отвечают за достижение этой цели что они не боятся этой ответственности. В этой линии ответственности лежат начала не только помощи, но и требования. В некоторых случаях это требование должно быть выражено в самой суровой форме, не допускающей возражений. Между прочим, нужно сказать, что такое требование только и может быть сделано с пользой, если авторитет ответственности уже создан в представлении ребенка Даже в самом малом возрасте он должен чувствовать, что его родители не живут вместе с ним на необитаемом острове.

Заканчивая нашу беседу, кратко резюмируем сказанное.

Авторитет необходим в семье.

Надо отличать настоящий авторитет от авторитета ложного, основанного на искусственных принципах и стремящегося создать послушание любыми средствами.

Действительный авторитет основывается на вашей гражданской деятельности, на вашем гражданском чувстве, на вашем знании жизни ребенка, на вашей помощи ему и на вашей ответственности за его воспитание.

ИГРА

Игра имеет важное значение в жизни ребенка, и имеет то же значение, какое у взрослого имеет деятельность, работа, служба. Каков ребенок в игре, таков во многом он будет в работе, когда вырастет. Поэтому воспитание будущего деятеля происходит прежде всего в игре. И вся история отдельного человека как деятеля и работника может быть представлена в развитии игры и в постепенном переходе ее в работу. Этот переход совершается очень медленно. В самом младшем возрасте ребенок преимущественно играет, его рабочие функции очень незначительны и не выходят за пределы самого простого самообслуживания: он начинает самостоятельно есть, укрываться одеялом, надевать штанишки. Но даже и в эту работу он еще вносит много игры. В хорошо организованной семье эти рабочие функции постепенно усложняются, ребенку поручаются все более сложные работы, сначала исключительно в целях самообслуживания, потом и такие работы, которые имеют значение для всей семьи Но игра в это время составляет главное занятие ребенка, наиболее его увлекает, интересует. В школьном возрасте работа уже занимает очень важное место, она связана с более серьезной ответственностью, она связана и с более определенными и ясными представлениями о будущей жизни ребенка, это уже работа такого сорта, которая близко стоит к общественной деятельности. Но и в это время ребенок еще очень много играет, любит игру, ему даже приходится переживать довольно сложные коллизии, когда игра кажется настолько симпатичнее работы, что хочется отложить работу и поиграть. Если такие коллизии происходят, это значит, что воспитание ребенка в игре и в рабочих функциях происходило неправильно, что родители допустили какие-то перегибы. Отсюда уже видно, какое важное значение имеет руководство игрой ребенка. В жизни мы встречаем много взрослых людей, давно окончивших школу, у которых любовь к игре преобладает над любовью к работе. Сюда нужно отнести

всех людей, которые слишком активно гоняются за удовольствиями, которые забывают о работе ради хорошей, веселой компании. К этому сорту людей нужно отнести и тех, которые позируют, важничают, фиглярничают, лгут без всякой цели. Они принесли из детства в серьезную жизнь игровые установки, у них эти установки не были правильно преобразованы в рабочие установки,— это значит, что они плохо воспитаны, и это плохое воспитание происходило преимущественно в неправильно организованной игре.

Все сказанное вовсе не означает, что нужно как можно раньше отвлекать ребенка от игры и переводить на рабочее усилие и на рабочую заботу. Такой перевод не принесет пользы, он явится насилием над ребенком, он вызовет у него отвращение к работе и усилит стремление к игре. Воспитание будущего деятеля должно заключаться не в устранении игры, а в такой организации ее, когда игра остается игрой, но в игре воспитываются качества будущего работника и гражданина.

Для того чтобы руководить игрой ребенка и воспитывать его в игре, родители должны хорошо подумать над вопросом о том, что такое игра и чем она отличается от работы. Если родители не подумают над этим вопросом, не разберутся в нем как следует, они не смогут руководить ребенком и будут теряться в каждом отдельном случае, будут скорее портить ребенка, чем воспитывать.

Нужно прежде всего сказать, что между игрой и работой нет такой большой разницы, как многие думают. Хорошая игра похожа на хорошую работу, плохая игра похожа на плохую работу. Это сходство очень велико, можно прямо сказать: плохая работа больше похожа на плохую игру, чем на хорошую работу.

В каждой хорошей игре есть прежде всего рабочее усилие и усилие мысли. Если вы купите ребенку заводную мышку, целый день будете заводить ее и пускать, а ребенок будет целый день смотреть на эту мышку и радоваться — в этой игре не будет ничего хорошего. Ребенок в этой игре остается пассивным, все его участие заключается в том, что он глазеет. Если ваш ребенок будет заниматься только такими играми, из него и вырастет пассивный человек, привыкший глазеть на чужую работу, лишенный почина и не привыкший творить в работе новое, не привыкший преодолевать трудности. Игра без усилия, игра без активной деятельности — всегда плохая игра. Как видите, в этом пункте игра очень похожа на работу.

Игра доставляет ребенку радость. Это будет или радость творчества, или радость победы, или радость эстетическая — радость качества. Такую же радость приносит и хорошая работа. И здесь полное сходство.

Некоторые думают, что работа отличается от игры тем, что в работе есть ответственнось, а в игре ее нет. Это неправильно: в игре есть такая же большая ответственность, как в работе,— конечно, в игре хорошей, правильной, об этом ниже будет сказано подробнее.

Чем же все-таки отличается игра от работы? Это отличие лежит только в одном: работа есть участие человека в общественном производстве или в руководстве этим производством, в создании материальных, культурных, иначе говоря, социальных ценностей. Игра не преследует таких целей, к общественным целям она не имеет прямого отношения, но имеет

к ним отношение косвенное она приучает человека к тем физическим и психическим усилиям, которые необходимы для работы.

Теперь уже ясно, что мы должны потребовать от родителей в деле руководства детской игрой. Первое — это следить, чтобы игра не делалась единственным стремлением ребенка, чтобы не отвлекала его целиком от общественных целей. Второе — чтобы в игре воспитывались те психические и физические навыки, которые необходимы для работы.

Первая цель достигается, как уже было сказано, постепенным вовлечением ребенка в область труда, который медленно, но неуклонно приходит на смену игре. Вторая цель достигается правильным руководством самой игрой: выбором игры, помощью ребенку в игре.

В настоящей беседе мы будем говорить только о второй цели, вопросу же о трудовом воспитании будет посвящена отдельная беседа.

Приходится очень часто наблюдать неправильные действия родителей в деле руководства игрой. Эта неправильность бывает трех видов. Некоторые родители просто не интересуются игрой своих детей и думают, что дети и сами знают, как лучше играть. У таких родителей дети играют как хотят и когда хотят, сами выбирают себе игрушки и сами организуют игру. Другие родители много внимания уделяют игре, даже слишком много, все время вмешиваются в игру детей, показывают, рассказывают, дают игровые задачи, часто решают их раньше, чем решит ребенок, и радуются. У таких родителей ребенку ничего не остается, как слушаться родителей и подражать им; здесь, в сущности, играют больше родители, чем ребенок. Если у таких родителей ребенок что-нибудь строит и затрудняется в постройке, отец или мать присаживается рядом с ним и говорит:

— Ты не так делаешь, смотри, как надо делать.

Если ребенок вырезывает что-нибудь из бумаги, отец или мать некоторое время смотрит на его усилия, а потом отбирает у него ножницы и говорит:

— Давай я тебе вырежу. Видишь, как хорошо вышло?

Ребенок смотрит и видит, что у отца вышло действительно лучше. Он протягивает отцу второй листок бумаги и просит еще что-нибудь вырезать, и отец охотно это делает, довольный своими успехами. У таких родителей дети повторяют только то, что делают родители, они не привыкают преодолевать затруднения, самостоятельно добиваться повышения качества и очень рано привыкают к мысли, что только взрослые все умеют делать хорошо. У таких детей развивается неуверенность в своих силах, страх перед неудачей.

Третьи родители считают, что самое главное заключается в количестве игрушек. Они расходуют большие деньги на игрушки, забрасывают детей самыми разнообразными игрушками и гордятся этим. Детский уголок у таких родителей похож на игрушечный магазин. Такие родители как раз очень любят механические хитрые игрушки и заполняют ими жизнь своего ребенка. Дети у таких родителей в лучшем случае становятся коллекционерами игрушек, а в худшем случае — наиболее частом — без всякого интереса переходят от игрушки к игрушке, играют без увлечения, портят и ломают игрушки и требуют новых.

Правильное руководство игрой требует от родителей более вдумчивого и более осторожного отношения к игре детей.

Детская игра проходит несколько стадий развития, и в каждой стадии требуется особый метод руководства. Первая стадия — это время комнатной игры, время игрушки. Она начинает переходить во вторую стадию в возрасте пяти-шести лет [5]. Первая стадия характеризуется тем, что ребенок предпочитает играть один, редко допускает участие одного, двух товарищей. В эти годы ребенок любит играть своими игрушками и неохотно играет игрушками чужими. В этой стадии как раз развиваются личные способности ребенка. Не нужно бояться, что, играя один, ребенок вырастет эгоистом, нужно предоставить ему возможность играть в одиночестве, но нужно следить, чтобы эта первая стадия не затянулась, чтобы она вовремя перешла во вторую стадию. В первой стадии ребенок не способен играть в группе, он часто ссорится с товарищами, не умеет найти с ними коллективный интерес. Нужно дать ему свободу в этой индивидуальной игре, не нужно навязывать ему компаньонов, потому что такое навязывание приводит только к разрушению игрового настроения, к привычкам нервничать и скандалить. Можно прямо утверждать: чем лучше ребенок играет в младшем возрасте в одиночку, тем лучшим товарищем он будет в дальнейшем. В этом возрасте ребенок отличается очень большой агрессивностью, он в известном смысле «собственник». Самый лучший метод заключается в том, что не нужно давать ребенку упражняться в этой агрессивности и в развитии «собственнических» побуждений. Если ребенок играет один, он развивает свои способности: воображение, конструктивные навыки, навыки материальной организации. Это полезно. Если же вы против его воли посадите его играть в группе, то этим самым не избавите его от агрессивности, себялюбия.

У некоторых детей раньше, у других позже это предпочтение одинокой игры начинает перерастать в интерес к товарищам, к групповой игре. Надо помочь ребенку с наибольшей выгодой совершить этот довольно трудный переход. Нужно, чтобы расширение круга товарищей происходило в обстановке наиболее благоприятной. Обыкновенно этот переход происходит в виде повышения интереса ребенка к подвижным играм на свежем воздухе, к играм во дворе. Мы считаем наиболее выгодным такое положение, когда в группе детей во дворе есть один более старший, который пользуется общим авторитетом и выступает как организатор более молодых.

Вторая стадия детской игры труднее для руководства, так как в этой стадии дети уже не играют на глазах у родителей, а выходят на более широкую общественную арену. Вторая стадия продолжается до 11—12 лет, захватывая часть школьного времени.

Школа приносит более широкую компанию товарищей, более широкий круг интересов и более трудную арену, в частности для игровой деятельности, но зато она приносит и готовую, более четкую организацию, определенный и более точный режим и, самое главное, помощь квалифицированных педагогов. Во второй стадии ребенок выступает уже как член общества, но общества еще детского, не обладающего ни строгой дисциплиной, ни общественным контролем. Школа приносит и то и другое, школа и является формой перехода к третьей стадии игры.

На этой третьей стадии ребенок уже выступает как член коллектива, при этом коллектива не только игрового, но и делового, учебного. По-

этому и игра в этом возрасте принимает более строгие коллективные формы и постепенно становится игрой спортивной, т. е. связанной с определенными физкультурными целями, правилами, а самое главное — с понятиями коллективного интереса и коллективной дисциплины

На всех трех стадиях развития игры влияние родителей имеет огромное значение. Конечно, на первом месте по значению этого влияния нужно поставить первую стадию, когда ребенок не состоит еще членом другого коллектива, кроме семейного, когда, кроме родителей, часто и нет других руководителей. Но и на других стадиях влияние родителей может быть очень велико и полезно.

В первой стадии материальным центром игры является игрушка. Игрушки бывают следующих типов:

игрушка готовая, механическая или простая. Это разные автомобили, пароходы, лошадки, куклы, мышки и ваньки-встаньки и пр.;

игрушка полуготовая, требующая от ребенка некоторой доделки: разные картинки с вопросами, картинки разрезные, кубики, ящики-конструкторы, разборные модели;

игрушка-материал: глина, песок, куски картона, слюды, дерева, бумаги, растения, проволока, гвозди.

У каждого из этих типов есть свои достоинства и недостатки. Готовая игрушка хороша тем, что она знакомит ребенка со сложными идеями и вещами, она подводит ребенка к вопросам техники и сложного человеческого хозяйства. Поэтому такая игрушка вызывает более широкую деятельность воображения. Паровоз в руках мальчика настраивает его воображение на определенный транспортный лад, лошадь вызывает представление о жизни животного, заботу о кормлении и использовании. Родители и должны следить, чтобы эти хорошие стороны такой игрушки действительно были заметны для ребенка, чтобы он не увлекался только одной стороной игрушки, ее механичностью и легкостью для игры. И в особенности важно добиваться, чтобы ребенок не гордился тем, что вот папа или мама купили для него такую хигрую игрушку, да еще не одну, а много, а у других детей нет таких хороших игрушек. Вообще эти механические игрушки полезны только тогда, когда ребенок действительно с ними играет, а не только бережет для того, чтобы похвастаться перед соседями, и играет при этом не просто наблюдая движение игрушки, а организуя это движение в каком-нибудь сложном предприятии. Автомобили должны что-нибудь перевозить, ванька-встанька должен куда-нибудь переезжать или что-нибудь делать, куклы должны спать и бодрствовать, одеваться и раздеваться, ходить в гости и совершать какую-нибудь полезную работу в игрушечном царстве. Для детской фантазии в этих игрушках заключается большой простор, и чем шире и серьезнее развертывается эта фантазия с такими игрушками, тем лучше. Если мишка просто перебрасывается с места на место, если его только тормошат и потрошат, это очень плохо. Но если мишка живет в определенном месте, специально для его жизни оборудованном, если он кого-то пугает или с кем-то дружит, это уже хорошо.

Второй тип игрушки хорош тем, что здесь ставится перед ребенком какая-нибудь задача — обыкновенно такая, которую нужно решить с извест-

ным напряжением, которую сам ребенок никогда бы поставить не мог. В разрешении этих задач уже требуется заметная дисциплина мышления, требуется логика, понятие о законном отношении частей, а не простая вольная фантазия. А недостаток этих игрушек в том, что задачи эти всегда одни и те же, однообразны и надоедают своими повторениями.

Игрушки третьего сорта — различные материалы — представляют самый дешевый и самый благодарный игровой элемент. Эти игрушки ближе всего стоят к нормальной человеческой деятельности: из материалов человек создает ценности и культуру. Если ребенок умеет играть с такими игрушками, это значит, что у него уже есть высокая культура игры и зарождается высокая культура деятельности. В игрушке-материале есть много хорошего реализма, но в то же время есть простор и для фантазии, не простого воображения, а большой творческой рабочей фантазии. Если есть кусочки стекла или слюды, из них можно сделать окна, а для этого нужно придумать рамы, следовательно возбуждается вопрос о постройке дома Если есть глина и стебли растений, возникает вопрос о саде.

Какой тип игрушек самый лучший? Мы считаем, что наилучший способ комбинировать все три типа, но ни в коем случае не в избыточном количестве. Если у мальчика или девочки есть одна-две механические игрушки, не нужно покупать больше. Прибавьте к этому какую-нибудь разборную игрушку и побольше прибавьте всяких материалов, и вот уже игрушечное царство организовано. Не нужно, чтобы в нем было все, чтобы у ребенка разбегались глаза, чтобы он терялся в обилии игрушек. Дайте ему немного, но постарайтесь, чтобы из этого немногого он организовал игру. А потом наблюдайте за ним, прислушивайтесь незаметно к его игре, постарайтесь, чтобы он самостоятельно почувствовал какой-либо определенный недостаток и захотел его пополнить. Если вы купили ребенку маленькую лошадку и он увлекся задачей перевозки, естественно, что у него будет ощущаться недостаток в подводе или экипаже. Не спешите покупать ему эту подводу. Постарайтесь, чтобы он сам ее сделал из каких-нибудь коробок, катушек или картона. Если он такую подводу сделает, прекрасно — цель достигнута. Но если ему требуется много подвод и самодельных уже не хватает, не нужно, чтобы он обязательно сделал и вторую подводу, вторую можно и купить.

Самое главное в этой детской игре добиться следующего:

1. Чтобы ребенок действительно играл, сочинял, строил, комбинировал.

2. Чтобы не бросался от одной задачи к другой, не окончив первой, чтобы доводил свою деятельность до конца.

3. Чтобы в каждой игрушке видел определенную, нужную для будущего ценность, хранил ее, берег. В игрушечном царстве всегда должен быть полный порядок, должна производиться уборка. Игрушки не должны ломаться, а в случае поломок должен производиться ремонт; если он труден, то с помощью родителей.

Особенное внимание должны обратить родители на отношение ребенка к игрушке. Ребенок не должен ломать игрушку, должен любить ее, но не должен и бесконечно страдать, если она испортилась или поломалась. Эта цель будет достигнута, если ребенок действительно привык считать себя хорошим хозяином, если он не боится отдельных ущербов

и чувствует себя в силах поправить беду. Задачей отца и матери является всегда прийти на помощь ребенку в подобных случаях, поддержать его в отчаянии, доказать ему, что человеческая находчивость и труд всегда могут поправить положение. Исходя из этого, мы рекомендуем родителям всегда принимать меры к починке поломанной игрушки, никогда не выбрасывать ее раньше времени. В процессе самой игры родители должны по возможности предоставить ребенку полную свободу действий, но только до той минуты, пока игра идет правильно. Если ребенок затруднился в каком-либо положении, если игра пошла слишком просто, неинтересно, нужно помочь ребенку: подсказать, поставить какой-либо интересный вопрос, добавить какой-либо новый, интересный материал, иногда даже и поиграть с ним.

Таковы общие формы метода на первой стадии игры.

На второй стадии от родителей требуется прежде всего внимание. Ваш ребенок вышел во двор, попал в группу мальчиков. Вы должны внимательно изучить, что это за мальчики. Ваша девочка тянется к подругам во дворе, вы должны хорошо знать этих девочек. Вы должны знать, чем увлекаются дети, окружающие вашего ребенка, чего у них не хватает, что плохо в их играх. Бывает очень часто, что внимание и инициатива одного отца или одной матери помогают изменить к лучшему жизнь целой группы детей в том или другом месте. Вы заметили, что дети зимой спускаются, как с горки, с обледеневшей мусорной кучи. Сговоритесь с другими родителями, а если не сговоритесь, то и одни помогите ребятам насыпать горку. Сделайте своему мальчику простые деревянные санки, и вы увидите, и у других ребят появится что-то подобное. В этой стадии игры чрезвычайно важным и полезным будет общение родителей между собой, к сожалению, очень незначительное среди родителей. Бывает, что каждый родитель недоволен жизнью детей во дворе, но не поговорит с другим родителем, не придумают они вместе что-нибудь для улучшения этой жизни, а между тем это совсем не такое трудное дело и каждому оно по силам. На этой стадии дети уже организуются в некоторое подобие коллектива; будет очень полезно, если и их родители так же организованно будут руководить ими.

Очень часто бывает на этой стадии, что дети ссорятся, дерутся, жалуются друг на друга. Родители поступают ошибочно, если немедленно принимают сторону своего сына или дочери и сами ввязываются в ссору с отцом или матерью обидчика. Если ваш ребенок пришел в слезах, если он обижен, если он страдает и уже озлоблен, не спешите раздражаться и бросаться в атаку на обидчика и на его родителей. Прежде всего расспросите спокойно вашего сына или вашу девочку, постарайтесь представить себе точную картину события. Редко бывает, что виновата какая-нибудь одна сторона. Наверное, и ваш ребенок в чем-либо погорячился; растолкуйте ему, что в игре не всегда нужно быть неуступчивым, что нужно по возможности искать мирные выходы из конфликтов. Постарайтесь во что бы то ни стало помирить вашего ребенка с противником, пригласите этого противника в гости и с ним поговорите, познакомьтесь с его отцом, выясните положение до конца. В этом деле самое главное заключается в том, что вы не должны уже видеть перед собой только вашего ребенка, но должны видеть перед собой всю группу детей и воспитывать

ее вместе с другими родителями. Только в таком случае вы принесете наибольшую пользу и вашему ребенку. Он заметит, что вы не увлекаетесь семейным патриотизмом, что вы совершаете общественную работу, и будет видеть в этом пример для своего поведения. Нет ничего вреднее горячей агрессивности отца или матери по отношению к семье соседей; такая агрессивность как раз и воспитывает злобность характера у ребенка, подозрительность, дикий и слепой семейный эгоизм.

На третьей стадии руководство игрой уже не находится в руках родителей, оно передано школьной или спортивной организации, но у родителей остаются большие возможности для правильного влияния на характер ребенка. Во-первых, нужно внимательно следить, чтобы увлечение спортом не принимало характера всепоглощающей страсти, нужно указывать ребенку и на другие стороны деятельности. Во-вторых, нужно вызывать у мальчика или девочки гордость не только своим личным успехом, главным же образом гордость успехом команды или организации. Нужно также умерять всякую хвастливость, воспитывать уважение к силе противника, обращать внимание на организованность, тренировку, дисциплину в команде. Нужно, наконец, добиваться спокойного отношения к удачам и неудачам. И на этой стадии будет очень хорошо, если родители ближе познакомятся с товарищами по команде сына или дочери.

И на всех трех стадиях родители должны зорко наблюдать, чтобы игра не поглощала всю духовную жизнь ребенка, чтобы параллельно развивались и трудовые навыки.

В игре на всех трех стадиях вы должны воспитывать стремление к более ценным удовлетворениям, чем простое глазение, простое удовольствие, воспитывать мужественное преодоление трудностей, воспитывать воображение и размах мысли. А на второй и третьей стадиях вы должны всегда иметь в виду, что здесь уже ваш ребенок вступил в общество, что от него уже требуется умение не только играть, но и правильно относиться к людям

Резюмируем то, что сказано в сегодняшней беседе.

Игра имеет важное значение в жизни человека, она является подготовкой к труду и должна постепенно заменяться трудом. Многие родители не обращают достаточного внимания на дело руководства игрой и либо предоставляют ребенка самому себе, либо окружают его игру излишней заботой и излишними игрушками. Родители должны применять различные методы на разных стадиях игры, но всегда должны предоставить ребенку возможность самодеятельности и правильного развития его способностей, не отказывая в то же время в помощи ему в трудных случаях. На второй и третьей стадиях нужно уже руководить не столько игрой, сколько отношением ребенка к другим людям и к своему коллективу.

ДИСЦИПЛИНА

Слово «дисциплина» имеет несколько значений. Одни под дисциплиной понимают собрание правил поведения. Другие называют дисциплиной уже сложившиеся, воспитанные привычки человека, третьи видят в дисциплине только послушание. Все эти отдельные мнения в большей или меньшей степени приближаются к истине, но для правильной работы воспитателя

необходимо иметь более точное представление о самом понятии «дисциплина».

Иногда дисциплинированным называют человека, отличающегося послушанием. Конечно, в подавляющем большинстве случаев от каждого человека требуется точное и быстрое выполнение приказаний и распоряжений вышестоящих органов и лиц, и все же в советском обществе так называемое послушание является совершенно недостаточным признаком человека дисциплинированного — простое послушание нас удовлетворить не может, тем более не может удовлетворить слепое послушание, которое обыкновенно требовалось в старой, дореволюционной школе.

От советского гражданина мы требуем гораздо более сложной дисциплинированности. Мы требуем, чтобы он не только понимал, для чего и почему нужно выполнить тот или другой приказ, но чтобы он и сам активно стремился выполнить его как можно лучше. Мало этого. Мы требуем от нашего гражданина, чтобы он в каждую минуту своей жизни был готов выполнить свой долг, не ожидая распоряжения или приказания, чтобы он обладал инициативой и творческой волей. Мы надеемся при этом, что он будет делать только то, что действительно полезно и нужно для нашего общества, для нашей страны, что в этом деле он не остановится ни перед какими трудностями и препятствиями. Наоборот, мы требуем от советского человека умения воздержаться от таких поступков или действий, которые принесут пользу или удовольствие только ему одному, а другим людям или всему обществу могут принести вред. Кроме того, мы всегда требуем от нашего гражданина, чтобы он никогда не ограничивался только узким кругом своего дела, своего участка, своего станка, своей семьи, а умел видеть и дела окружающих людей, их жизнь, их поведение; умел прийти на помощь не только словом, но и делом, даже если для этого нужно пожертвовать частью личного покоя. Но по отношению к нашим общим врагам мы от каждого человека требуем решительного противодействия, постоянной бдительности, несмотря ни на какую неприятность или опасность.

Одним словом, в советском обществе дисциплинированным человеком мы имеем право назвать только такого, который всегда, при всяких условиях сумеет выбрать правильное поведение, наиболее полезное для общества, и найдет в себе твердость продолжать такое поведение до конца, несмотря на какие бы то ни было трудности и неприятности.

Само собой понятно, что нельзя воспитать такого дисциплинированного человека только при помощи одной дисциплины, т. е. упражнений в послушании. Советский дисциплинированный гражданин может быть воспитан только всей суммой правильных влияний, среди которых самое видное место должны занимать: широкое политическое воспитание, общее образование, книга, газета, труд. общественная работа и даже такие как будто второстепенные вещи, как игра, развлечение, отдых. Только в совместном действии всех этих влияний может быть проведено правильное воспитание, и только в результате его может получиться настоящий дисциплинированный гражданин социалистического общества.

Мы в особенности рекомендуем родителям помнить всегда это важное положение: дисциплина создается не отдельными какими-нибудь «дисциплинарными» мерами, а всей системой воспитания, всей обстановкой

жизни, всеми влияниями, которым подвергаются дети. В таком понимании дисциплина есть не причина, не метод, не способ правильного воспитания, а результат его. Правильная дисциплина — это тот хороший конец, к которому должен стремиться воспитатель всеми своими силами и при помощи всех средств, имеющихся в его распоряжении. Поэтому каждый родитель должен знать, что, давая сыну или дочери книгу для чтения, знакомя его с новым товарищем, беседуя с ребенком о международном положении, о делах на своем заводе или о своих стахановских успехах, он вместе с другими делами добивается и цели большего или меньшего дисциплинирования.

Таким образом, под дисциплиной мы будем понимать широкий общий результат всей воспитательной работы [6].

Но есть и более узкий отдел воспитательной работы, который ближе всего стоит к воспитанию дисциплины и который часто смешивают с дисциплиной: это режим. Если дисциплина есть результат всей воспитательной работы, то режим есть только средство, только способ воспитания. Отличия режима от дисциплины — очень важные отличия, родители должны в них хорошо разбираться. Дисциплина, например, относится к числу тех явлений, от которых мы всегда требуем совершенства. Мы всегда желаем, чтобы в нашей семье, в нашей работе была самая лучшая, самая строгая дисциплина. И иначе быть не может: дисциплина — это результат, а во всяком деле мы привыкли бороться за самые лучшие результаты. Трудно представить себе человека, который сказал бы: «У нас дисциплина так себе, но нам лучшей и не надо...»

Такой человек или глупец, или настоящий враг. Всякий нормальный человек должен добиваться самой высокой дисциплины, т. е. самого лучшего результата.

Совсем другое дело режим. Режим, как мы уже говорили,— это только средство, а мы вообще знаем, что всякое средство в какой угодно области жизни нужно употреблять только тогда, когда оно соответствует цели, когда оно уместно. Поэтому можно представить себе самую лучшую дисциплину, и к ней мы всегда стремимся, но нельзя представить себе какой-нибудь идеальный, самый лучший режим. В одних случаях один режим будет самым подходящим, в других случаях — другой.

Семейный режим не может быть и не должен быть одинаковым при различных условиях. Возраст детей, их способности, окружающая обстановка, соседи, величина квартиры, ее удобства, дорога в школу, оживленность улиц и многие другие обстоятельства определяют и изменяют характер режима. Один режим должен быть в большой семье, где много детей, и совершенно иной в такой семье, где один ребенок. Режим, полезный по отношению к малым детям, может принести большой вред, если его применять к взрослым детям. Точно так же свои особенности имеет режим для девочек, в особенности в старшем возрасте.

Таким образом, под режимом нельзя понимать что-то постоянное, неизменное. В некоторых семьях часто делают такую ошибку, свято верят в целебность раз принятого режима, берегут его неприкосновенность в ущерб интересам детей и своим собственным. Такой неподвижный режим скоро становится мертвым приспособлением, которое не может принести пользы, а приносит только вред.

Режим не может быть постоянным по своему характеру именно потому, что является только средством воспитания. Каждое воспитание преследует определенные цели, причем цели всегда изменяются и усложняются. В раннем детстве, например, перед родителями стоит серьезная задача — приучить детей к чистоте. Стремясь к этой цели, родители устанавливают для детей особый режим, т. е. правила умывания, пользования ванной, душем или баней, правила уборки, правила соблюдения чистоты комнаты, постели, стола. Такой режим должен регулярно поддерживаться, родители никогда не должны забывать о нем, следить за его выполнением, помогать детям в тех случаях, когда они сами не могут что-либо сделать, требовать от детей хорошего качества работы. Если весь этот порядок организован хорошо, он приносит большую пользу, и наконец наступает такое время, когда у детей образуются привычки к чистоте, когда сам ребенок уже не может сесть за стол с грязными руками. Значит, можно уже говорить о том, что цель достигнута. Тот режим, который был нужен для достижения этой цели, теперь становится излишним. Конечно, это вовсе не значит, что его можно отменить в течение одного дня. Постепенно этот режим должен заменяться другим режимом, который преследует цель закрепить образовавшуюся привычку к чистоте, а когда эта привычка закреплена, перед родителями возникают новые цели, более сложные и более важные. Продолжать и в это время возиться только с чистотой будет не только излишней тратой родительской энергии, но и вредной тратой: таким именно образом воспитываются бездушные чистюльки, у которых за душой ничего нет, кроме привычки к чистоте, и которые способны иногда кое-как выполнить работу, только бы не запачкать руки.

На этом примере с режимом чистоты мы видим, что правильность режима — явление временное и преходящее; так это бывает и со всяким другим средством, а режим есть только средство.

Следовательно, нельзя рекомендовать родителям какой-нибудь один режим. Режимов есть много, а нужно из них выбрать один, самый подходящий в данной обстановке.

Несмотря на такое разнообразие возможных режимов, нужно все-таки сказать, что режим в советской семье должен всегда отличаться определенными свойствами, обязательными при всякой обстановке. В настоящей лекции мы и должны выяснить эти общие свойства.

Первое, на что мы обращаем внимание родителей,— это следующее: какой бы вы ни выбрали режим для вашей семьи, он должен быть прежде всего целесообразен. Любое правило жизни должно быть введено в семье не потому, что кто-то другой его завел у себя, и не потому, что с таким правилом жить приятнее, а исключительно потому, что это необходимо для достижения поставленной вами разумной цели. Эту цель вы и сами должны хорошо знать, и в подавляющем большинстве случаев должны знать ее и дети. Во всяком случае, и в ваших глазах, и в глазах детей режим должен иметь характер разумного правила. Если вы требуете, чтобы дети в определенный час сходились к обеду и садились за стол вместе с другими, то дети должны понимать, что такой порядок необходим для того, чтобы облегчить работу матери или домашней работницы, а также и для того, чтобы несколько раз в день собраться всей семьей,

побыть вместе, поделиться своими мыслями или чувствами. Если вы требуете, чтобы дети не оставляли недоеденных кусков, то дети должны понимать, что это необходимо и из уважения к труду людей, производящих пищевые продукты, и из уважения к труду родителей, и из соображений семейной экономии. Мы знаем и такой случай, когда родители требовали, чтобы дети за столом молчали. Дети, конечно, подчинялись этому требованию, но ни они, ни родители не знали, для чего введено такое правило. Когда родителей спросили об этом, они объяснили, что если за обедом разговаривать, то можно из-за этого подавиться. Такое правило, конечно, бессмысленно: у всех людей принято за столом беседовать, и от этого никаких несчастных случаев не происходит.

Рекомендуя родителям добиваться того, чтобы семейный режим имел разумный и целесообразный характер, мы в то же время должны предостеречь родителей, что вовсе не следует на каждом шагу объяснять детям значение того или другого правила, нельзя надоедать им такими объяснениями и толкованиями. По возможности нужно стараться, чтобы дети сами поняли, для чего это нужно. Только в крайнем случае нужно подсказать им правильную мысль. Вообще нужно стремиться к тому, чтобы у детей как можно крепче складывались хорошие привычки, а для этой цели наиболее важным является постоянное упражнение в правильном поступке. Постоянные же рассуждения и разглагольствования о правильном поведении могут испортить какой угодно хороший опыт.

Вторым важным свойством каждого режима является его определенность. Если сегодня нужно чистить зубы, то нужно их чистить и завтра; если сегодня нужно убрать после себя постель, то нужно это сделать и завтра. Не должно быть так, что сегодня мать потребовала уборки постели, а завтра не потребовала и сама убрала. Такая неопределенность лишает режим всякого значения и обращает его в набор случайных, не связанных между собой распоряжений. Правильный режим должен отличаться определенностью, точностью и не допускать исключений, кроме таких случаев, когда исключения действительно необходимы и вызываются важными обстоятельствами. Как правило же, в каждой семье должен существовать такой порядок, чтобы малейшее нарушение режима было обязательно отмечено. Это нужно делать с самого малого возраста ребенка, и чем родители строже будут следить за выполнением режима, тем все меньше будет нарушений и тем реже впоследствии придется прибегать к наказаниям.

Мы обращаем особенное внимание родителей на это обстоятельство. Многие ошибочно полагают так: мальчик утром не убрал свою постель, стоит ли из-за этого поднимать скандал? Во-первых, он это сделал первый раз, во-вторых, неубранная постель — вообще пустяк, не стоит из-за нее портить мальчику нервы. Такое рассуждение целиком неправильно. В деле воспитания нет пустяков. Неубранная постель обозначает не только возникшую неряшливость, но и возникающее пренебрежение к установленному режиму, начало такого опыта, который потом может принять формы прямой враждебности по отношению к родителям.

Определенность режима, его точность и обязательность подвергаются большой опасности, если родители сами относятся к режиму неискренне, если они требуют его выполнения от детей, а в то же время сами живут

беспорядочно, не подчиняясь никакому режиму. Конечно, вполне естественно, что режим самих родителей будет отличаться от режима детей, но эти отличия не должны быть принципиальными. Если вы требуете, чтобы дети за обедом не читали книгу, то и сами этого не должны делать. Настаивая, чтобы дети мыли руки перед обедом, не забывайте и от себя требовать того же. Старайтесь сами убирать свою постель, это вовсе не трудная и не позорная работа. Во всех этих пустяках гораздо больше значения, чем обыкновенно думают.

Режим в самой семье, дома, обязательно должен касаться следующих частностей: точно должно быть установлено время вставания и время отхода ко сну — одно и то же как в рабочие дни, так и в дни отдыха; правила аккуратности и соблюдения чистоты, сроки и правила смены белья, одежды, правила их носки, чистки; дети должны приучаться к тому, что все вещи имеют свое место, должны после работы или игры оставлять все в порядке; с самого раннего возраста дети должны уметь пользоваться уборной, умывальником, ванной; должны следить за электрическим светом, включать и выключать его, когда нужно. Особый режим должен быть установлен за столом. Каждый ребенок должен знать свое место за столом, приходить к столу вовремя, должен уметь вести себя за столом, пользоваться ножом и вилкой, не пачкать скатерти, не набрасывать кусков на столе, съедать все, положенное на тарелку, и поэтому не просить себе лишнего.

Строгому режиму должно подчиняться распределение рабочего времени ребенка, что особенно важно, когда он начинает ходить в школу. Но уже и раньше желательно точное распределение сроков принятия пищи, игры, прогулки и т. п. Большое внимание нужно оказывать вопросам движения. Некоторые думают, что детям необходимо много бегать, кричать, вообще буйно проявлять свою энергию. Что у детей есть потребность в движении в большей степени, чем у взрослых, не подлежит сомнению, но нельзя и слепо следовать за этой потребностью. Необходимо воспитывать у детей привычку к целесообразному движению, к умению тормозить его, когда это нужно. Во всяком случае, в комнате не нужно допускать ни бега, ни прыжков, для этого более подходит площадка во дворе, сад. Точно так же необходимо приучать детей к умению сдерживать свои голоса. крик, визг, громкий плач — все это явления одного порядка; они свидетельствуют больше о нездоровых нервах ребенка, чем о какой-либо действительной потребности. Родители сами бывают виноваты в такой нервной крикливости детей. Они иногда сами повышают голос до крика, сами нервничают, вместо того чтобы вносить в атмосферу семьи тон уверенного спокойствия.

Режим внутри семьи, в квартире, занимаемой семьей, находится почти в полной власти родителей. Этого нельзя сказать о режиме вне дома. Известную часть времени ребенок проводит с товарищами во дворе, а часто вне двора, на прогулках, на площадках, катках, иногда на улице. Чем старше становятся дети, тем товарищеское окружение играет все большую и большую роль. Взять на себя полное руководство этим товарищеским влиянием родители, конечно, не могут, но за ними остается полная возможность наблюдать за этим товарищеским влиянием, а этого в большинстве случаев бывает совершенно достаточно, если в семье уже

образовался опыт коллективной связи, доверия, правдивости, если правильно создан родительский авторитет. В таком случае для родителей нужно только одно: более или менее основательно знать, что окружает вашего сына или вашу дочь. Многие случаи дурного поведения детей, а тем более многие явления детской распущенности не имели бы места, если бы родители ближе знакомились с товарищами сына, с родителями этих товарищей, смотрели иногда на игру детей, даже приняли в ней участие, вместе с ними совершили бы прогулку, пошли в кино, в цирк и т д. Такое активное приближение родителей к жизни детей вовсе не трудное дело и доставляет даже удовольствие. Оно позволяет отцу или матери ближе узнать сущность товарищеских отношений, позволяет родителям помогать друг другу, и, самое главное, оно дает возможность поделиться впечатлениями с детьми и во время такой беседы высказать свое мнение о товарищах, об их поведении, о правильности или неправильности того или иного поступка, о полезности или вредности той или иной детской затеи.

Такова общая методика организации режима в семье. Пользуясь этими общими указаниями, каждый родитель сможет выработать такое устройство семейного быта, которое наиболее соответствует особенностям его семьи. Чрезвычайно важным является вопрос о форме режимных отношений между родителями и детьми. В этой области можно встретить самые разнообразные преувеличения и загибы, приносящие большой вред воспитанию. Некоторые злоупотребляют уговорами, другие — разными разъяснительными беседами, третьи злоупотребляют лаской, четвертые — приказом, пятые — поощрениями, шестые — наказаниями, седьмые — уступчивостью, восьмые — твердостью. В течение семейной жизни, конечно, много бывает случаев, когда уместна и ласка, и беседа, и твердость, и даже уступчивость. Но там, где дело касается режима, все эти формы должны уступить место одной главной, и эта единственная и лучшая форма — распоряжение.

Семья — очень важное, очень ответственное дело человека. Семья приносит полноту жизни, семья приносит счастье, но каждая семья, в особенности в жизни социалистического общества, является прежде всего большим делом, имеющим государственное значение. Семейный режим поэтому должен строиться, развиваться и действовать прежде всего как деловое установление. Делового тона родители не должны бояться. Они не должны думать, что деловой тон противоречит любовному чувству отца или матери, что он может привести к сухости отношений, к их холодности. Мы утверждаем, что только настоящий, серьезный деловой тон может создать ту спокойную атмосферу в семье, которая необходима и для правильного воспитания детей, и для развития взаимного уважения и любви между членами семьи.

Родители как можно раньше должны усвоить спокойный, уравновешенный, приветливый, но всегда решительный тон в своем деловом распоряжении, а дети с самого малого возраста должны привыкнуть к такому тону, привыкнуть подчиняться распоряжению и выполнять его охотно. Можно быть как угодно ласковым с ребенком, шутить с ним, играть, но, когда возникает надобность, надо уметь распорядиться коротко, один раз, распорядиться с таким видом и в таком тоне, чтобы ни у вас, ни у ребенка

не было сомнений в правильности распоряжения, в неизбежности его выполнения.

Родители должны научиться отдавать такие распоряжения очень рано, когда первому ребенку полтора-два года. Дело это совсем нетрудное. Нужно только следить за тем, чтобы ваше распоряжение удовлетворяло следующим требованиям:

1. Оно не должно отдаваться со злостью, с криком, с раздражением, но оно не должно быть похоже и на упрашивание.

2. Оно должно быть посильным для ребенка, не требовать от него слишком трудного напряжения.

3. Оно должно быть разумным, т. е. не должно противоречить здравому смыслу.

4. Оно не должно противоречить другому распоряжению вашему или другого родителя.

Если распоряжение отдано, оно должно быть обязательно выполнено. Очень плохо, если вы распорядились, а потом и сами забыли о своем распоряжении. В семье, как и во всяком другом деле, необходимы постоянный, неусыпный контроль и проверка. Конечно, родители должны стараться производить этот контроль большей частью незаметно для ребенка; ребенок вообще не должен сомневаться в том, что распоряжение должно быть выполнено. Но иногда, когда ребенку поручается более сложное дело, в котором большое значение имеет качество выполнения, вполне уместен и открытый контроль.

Как поступить, если ребенок не выполнил распоряжения? Надо прежде всегда стараться, чтобы такого случая не было. Но если уж так случилось, что ребенок в первый раз не послушался вас, следует повторить распоряжение, но уже в более официальном, в более холодном тоне, приблизительно так:

— Я тебе сказал сделать так, а ты не сделал. Немедленно сделай, и чтобы больше таких случаев не было.

Давая такое повторное распоряжение и обязательно добиваясь его выполнения, нужно в то же время присмотреться и задуматься, почему в данном случае возникло сопротивление вашему распоряжению. Вы обязательно увидите, что в чем-то вы сами были виноваты, что-то сделали неправильно, что-либо упустили из виду. Постарайтесь избегать таких ошибок.

Самое важное в этой области — следить, чтобы у детей не накоплялся опыт непослушания, чтобы не нарушался семейный режим. Очень плохо, если вы допустили такой опыт, если вы позволили детям смотреть на ваши распоряжения как на нечто необязательное.

Если вы этого не допустите с самого начала, вам никогда не придется впоследствии прибегать к наказаниям.

Если режим развивается правильно с самого начала, если родители внимательно следят за его развитием, наказания не будут нужны. В хорошей семье наказаний никогда не бывает, и это — самый правильный путь семейного воспитания.

Но бывают семьи, где воспитание настолько уже запущено, что без наказаний обойтись нельзя. В таком случае родители прибегают к

наказаниям обычно очень неумело и часто больше портят дело, чем поправляют.

Наказание — очень трудная вещь; оно требует от воспитателя огромного такта и осторожности. Поэтому мы рекомендуем родителям по возможности избегать применения наказаний, а стараться прежде всего восстановить правильный режим. Для этого, конечно, потребуется много времени, но нужно быть терпеливым и спокойно ожидать результатов.

В самом крайнем случае можно допустить некоторые виды наказаний, а именно: задержка удовольствия или развлечения (если было назначено посещение кино или цирка, отложить его); задержка карманных денег, если они выдаются; запрещение выхода к товарищам.

Еще раз обращаем внимание родителей, что сами по себе наказания не принесут никакой пользы, если нет правильного режима. А если есть правильный режим, свободно можно обойтись без наказаний, нужно только больше терпения. Во всяком случае, в семейном быту гораздо важнее и полезнее наладить правильный опыт, чем исправлять неправильный.

Точно так же нужно быть осторожным и с поощрением. Никогда не нужно объявлять вперед какие-либо премии или награды. Лучше всего ограничиться простой похвалой и одобрением. Детская радость, удовольствие, развлечение должны предоставляться детям не в качестве награды за хорошие поступки, а в естественном порядке удовлетворения правильных потребностей. То, что ребенку необходимо, нужно дать ему при всех условиях, независимо от его заслуг, а то, что для него не нужно или вредно, нельзя давать ему в виде награды.

Резюмируем содержание беседы.

Дисциплину нужно отличать от режима. Дисциплина — это результат воспитания, режим — это средство воспитания. Поэтому режим может иметь различный характер в зависимости от обстоятельств. Каждый режим должен отличаться целесообразностью, определенностью, точностью. Он должен касаться как внутренней жизни семьи, так и внешней. Выражением режима в деловой обстановке семьи должны быть распоряжение и контроль за его выполнением. Главная цель режима — накопление правильного дисциплинарного опыта, и больше всего нужно бояться неправильного опыта. При правильном режиме не нужны наказания, и вообще их нужно избегать, как и излишних поощрений. Лучше во всех случаях надеяться на правильный режим и терпеливо ждать его результатов [7].

СЕМЕЙНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Каждая семья имеет свое хозяйство. В отличие от буржуазного общества наша семья имеет только трудовое хозяйство, которое не может преследовать цели эксплуатации людей. Это хозяйство может расти и увеличиваться, но не потому, что члены семьи получают какие-нибудь прибыли, а исключительно вследствие повышения заработков членов семьи и семейной экономии. Хозяйство нашей семьи состоит только из вещей личного пользования, в его состав не могут входить средства производства, которые в нашей стране принадлежат всему обществу.

В буржуазной семье всегда бывает так: богатая семья обращает часть своего имущества в средства производства, чтобы эксплуатировать наемную рабочую силу и таким способом еще больше богатеть и расширять производство. В нашей семье, семье трудовой, такое богатство невозможно. Значит, если наша семья богатеет, то это обозначает только одно: она лучше и счастливее живет, приобретает больше вещей личного пользования, удовлетворяет большее количество своих потребностей. Совершенно естественно, что каждая семья стремится улучшить свою жизнь при помощи улучшения своего хозяйства, но это она делает не в порядке грабительской эксплуатации других людей, а исключительно в порядке трудового участия членов в общей жизни и общей работе всего советского народа. Богатство нашей семьи зависит не столько от усилий этой семьи, сколько от успехов всей Советской страны, от ее побед и достижений на хозяйственном и культурном фронте.

Каждый ребенок есть член семьи и, следовательно, участник семейного хозяйства, а следовательно, в известной степени и участник всего советского хозяйства. Хозяйственное воспитание наших детей и должно заключаться в воспитании не только хозяйственного члена семьи, но и хозяина-гражданина. В буржуазном обществе перед воспитателем такая цель не стоит. Там каждый человек заинтересован только в развитии собственного хозяйства, государственное хозяйство занимает слишком незаметное место в массе хозяйственных частных единиц.

У нас каждому человеку предстоит в жизни обязательно участвовать в общем государственном хозяйстве, и чем лучше он будет подготовлен к этому делу, тем больше он принесет пользы и всему советскому обществу, и самому себе.

Все это должны знать и хорошо понимать все родители, должны чаще размышлять над этими вопросами и всегда проверять свои воспитательные методы при помощи ясного политического представления о целях воспитания.

Многие родители думают, что воспитательная работа происходит только во время бесед и разговоров с детьми, во время руководства их игрой или их отношением к людям. Во всех этих областях действительно много можно сделать педагогически полезного, но эта польза будет незначительна, если ребенок не воспитывается и в хозяйственной области. Ведь из вашего ребенка должен вырасти не только хороший, честный человек, но и хороший, честный советский хозяин.

Семейное хозяйство представляет собой очень удобное поле для воспитания многих очень важных особенностей характера будущего гражданина-хозяина. В настоящей короткой беседе даже невозможно перечислить все эти особенности. Мы коснемся только главных.

При помощи правильного руководства в области семейного хозяйства воспитываются: коллективизм, честность, заботливость, бережливость, ответственность, способность ориентировки, оперативная способность.

Мы рассмотрим в отдельности каждое из этих важных достоинств характера.

К о л л е к т и в и з м. В простейшем определении коллективизм озиачает солидарность человека с обществом. Противоположностью коллективизма является индивидуализм. В некоторых семьях по причине плохого

внимания родителей к этим вопросам воспитываются такие индивидуалисты. Если ребенок до самого юношества не знает, откуда берутся средства семьи, если он привыкает только удовлетворять свои потребности, а не замечает потребностей других членов семьи, если он не связывает свою семью со всем советским обществом, если он растет жадным потребителем — это и есть воспитание индивидуалиста, который потом может принести много вреда и всему обществу, и самому себе.

Некоторые матери и отцы незаметно для себя воспитывают таких индивидуалистов.

Часто они заботятся только о том, чтобы у ребенка все было, чтобы он был хорошо накормлен, хорошо одет, снабжен игрушками и удовольствиями. Все это они делают по безграничной своей доброте и любви, отказывают себе во многом, даже в самом необходимом, а ребенок даже не знает об этом и постепенно привыкает думать, что он лучше всех, что его желание для родителей закон. В такой семье дети часто ничего не знают о работе отца или матери, не знают, насколько она трудна и насколько она важна и полезна для общества. Тем более они ничего не знают о работе других людей. Они знают только свои желания и их удовлетворение.

Это очень неправильный и вредный путь воспитания, и больше всего и скорее всего от этой неправильности будут страдать родители. Только воспитание коллективиста может быть правильным воспитанием в нашей стране, и родители должны регулярно проводить это воспитание. Для этого мы рекомендуем следующее:

1. Как можно раньше ребенок должен узнать, где работает отец и мать, в чем состоит эта работа, насколько она трудна, какие в ней напряжения, какие достижения. Он должен знать, что производит его отец или мать, какое значение это производство имеет для всего общества. При первом случае родители должны познакомить ребенка с некоторыми коллегами и сотрудниками по работе, рассказать о значении их работы. Если даже отец или мать неодобрительно думает о каком-либо человеке, не нужно надоедать ребенку младшего возраста такими неодобрительными отзывами.

Вообще как можно раньше ребенок должен хорошо понять, что те деньги, которые родители приносят домой, составляют не только удобную вещь, которую можно истратить, но и заработок на основе большого и полезного общественного труда Родители всегда должны найти время и простые слова, чтобы рассказать ребенку обо всем этом. Когда ребенок подрастет, нужно в таких же простых словах рассказать ему побольше о других подобных же предприятиях по всему Союзу, об их работе и достижениях. Если есть возможность, нужно ребятам показать самый завод, объяснить производственный процесс.

Если мать не работает в учреждении, на производстве, а работает дома по хозяйству, ребенок должен и эту работу знать, относиться к ней с уважением и понимать, что эта работа требует усилий и напряжений.

2. Как можно раньше ребенок должен познакомиться с семейным бюджетом. Он должен знать заработок отца и матери. От него не нужно скрывать финансовый семейный план, а, напротив, постепенно привлекать его к обсуждению семейных финансовых наметок. Он должен знать, в чем

нуждается отец или мать, насколько эта нужда велика и неотложна, и должен научиться отказываться от удовлетворения некоторых своих потребностей, чтобы лучше удовлетворять потребности других членов семьи. В особенности он должен привлекаться к обсуждению таких вопросов, которые касаются общих семейных потребностей: приобретения посуды, мебели, радио, книг, газет и т. п.

3. Если семья находится в очень хороших материальных условиях, нельзя допускать, чтобы ребенок гордился этими условиями перед другими семьями, чтобы он привыкал хвастать своим костюмом, своей квартирой Он должен понять, что в семейном богатстве нет никаких оснований для чванства. В такой семье, где есть несколько избыточный достаток, меньше всего нужно удовлетворять дополнительные потребности самого ребенка, а лучше расходовать деньги на удовлетворение общих семейных потребностей, лучше купить книги, чем лишний костюм.

Но если семья по разным причинам с трудом удовлетворяет свои потребности, нужно добиваться, чтобы ребенок не завидовал другим семьям и не хотел из своей семьи перейти в другую. Ребенок должен знать, что в настойчивой борьбе за улучшение жизни больше гордости, чем в лишней копейке. Именно в такой семье нужно воспитывать терпение, стремление к лучшему будущему, осуществимому в нашей стране, взаимную уступчивость и веселую готовность поделиться с товарищем. Родители никогда не должны ныть и жаловаться в присутствии ребенка, должны по возможности быть бодрыми и веселыми и всегда надеяться на лучшее, стремясь к нему в улучшении семейного хозяйства и повышении своего заработка. Каждое действительное улучшение в такой семье должно быть обязательно отмечено и подчеркнуто.

Честность. Честность не падает с неба, она воспитывается в семье. В семье можно воспитать и бесчестность: все зависит от правильного воспитательного метода родителей. Что такое честность. Честность есть открытое, искреннее отношение. Нечестность есть тайное, спрятанное отношение. Если ребенок хочет яблока и открыто это заявляет, это будет честно. Если он это желание оставляет втайне, но не отказывается от яблока, а старается взять его, чтобы никто не видел, это уже будет нечестно. Если мать дает ребенку это яблоко тайно от других детей, допустим даже чужих, она уже воспитывает в нем тайное отношение к вещи, следовательно, воспитывает нечестность. Тайное отношение к вещам в пределах семейного обихода, хозяйственный личный секрет, кормление по углам, прятание отдельных сладких кусков — все это вызывает зарождение нечестности. Только в более старшем возрасте ребенок должен научиться различить полезный секрет, т. е. то, что нужно скрывать от врагов и недругов, или то, что вообще должно составлять личное переживание каждого человека. В младшем же возрасте чем откровеннее ребенок и чем меньше у него каких бы то ни было секретов, тем лучше для его воспитания.

Родители должны внимательно следить за развитием честности у ребенка. Они ничего не должны нарочито прятать от ребенка, но и должны приучать ребенка ничего не брать без спросу, даже если это лежит на виду, не заперто, не закрыто. Можно специально оставлять на виду всякие соблазнительные вещи и приучать ребенка относиться к ним спокойно, без жадного желания. Эту черту спокойного отношения к тому, что плохо

лежит, нужно воспитать в самом младшем возрасте. В то же время в семье не должно быть такого порядка, когда все лежит плохо, нет никакого учета, никто не помнит, где что положено. В таком беспорядке, конечно, и развивается своевольное отношение ребенка к вещам, и он делает с ними что хочет, никому об этом не говорит и таким образом приучается к неоткрытому хозяйничанью.

Если ребенку вы дали поручение что-нибудь купить, обязательно проверяйте покупки и сдачу, делайте это до тех пор, пока у ребенка не выработаются твердые правила честности. Такую проверку нужно делать очень деликатно, чтобы ребенок не подумал, что вы его в чем-либо подозреваете.

Еще раз обращаем внимание родителей на то, что честность нужно воспитывать с самого раннего возраста. Если вы к пяти годам это дело запустили, будет очень трудно исправлять запущенное.

Заботливость. Вещи, составляющие хозяйство семьи, приходят постепенно в ветхость и должны заменяться новыми. Новые вещи нужно купить, следовательно, истратить некоторое количество заработанных родителями или другими членами семьи денег. Ребенок видит, как постоянно одни вещи ветшают, а другие приобретаются. Нужно, чтобы ребенок с малых лет приучался разумно пользоваться вещами, не допускать, чтобы вещи руководили им. Хороший хозяин должен всегда видеть заранее, что у него начинает стареть, не допускать слишком быстрого обветшания вещей, вовремя их ремонтировать, а покупать только те вещи, которые действительно нужны, а не те, которые случайно он увидел на рынке или у другого человека. Все это составляет тот отдел человеческой деятельности, который называется заботливостью. Не всякая заботливость хороша. Бывают люди, которые до краев наполнены заботой, которые за этой заботой забывают все остальное. Такая забота имеет характер страдания. Она не должна быть у советского хозяина. Заботливость нашего гражданина должна отличаться спокойствием, разумным расчетом надолго вперед, умением спокойно выбрать то, что нужно, и отвергнуть то, что не нужно. И самая главная черта советской заботливости: она не похожа на жадность. Надо, чтобы ребенок проявлял эту заботливость скорее по отношению к другим членам семьи, чем по отношению к себе, а в особенности, чтобы он проявлял заботливость по отношению к общим вещам семьи. В заботливости лежит важнейшее начало планирования, предвидения. Этим советская заботливость отличается от накопительской жадности буржуазной семьи. Родители с раннего возраста должны приучать ребенка к такой плановости. Они должны время от времени обсуждать в семье различные назревшие потребности и намечать пути их удовлетворения. Если ребенок будет знать, что, допустим, такая вещь, как диван, приходит в ветхость, что требуется его ремонт или замена, если эта потребность для всех очевидна, ребенок уже и свои личные потребности будет заранее сообразовывать с этой общей потребностью и даже сам напоминать о ней родителям. Важно при этом воспитать у ребенка внимание к важным мелочам, к их взаимной зависимости. Бывает, что какая-нибудь ценная вещь только потому портится, что не хватает какого-нибудь пустяка для ее сохранения, на этот пустяк и должно быть обращено внимание хозяина.

Бережливость. Бережливость есть особая сторона заботливости, только заботливость проявляется больше в мыслях, в соображениях человека, а бережливость проявляется в привычках. Можно быть очень заботливым хозяином и в то же время совершенно не иметь привычек бережливости. Эти привычки должны воспитываться как можно раньше. С самого малого возраста ребенок должен уметь есть, не пачкая скатерти или костюма, он должен уметь пользоваться вещами, не пачкая их и не ломая. Эти привычки даются с некоторым трудом, и все же нужно стараться во что бы то ни стало, чтобы эти привычки образовались. Никакие поучения не помогут в этом деле, если нет привычки. Привычка образуется благодаря многократному упражнению Поэтому нужно заботиться о правильном упражнении. Если мальчик, пробегая по комнате, повалил стул, не нужно говорить ему целую речь о бережливом отношении к стулу, а нужно ему сказать:

— Может быть, ты сможешь так пройти, чтобы стул не упал? А ну, попробуй. Прекрасно! Ты это хорошо умеешь делать.

Если, допустим, семилетний ребенок испачкал или изорвал костюм, нужно дать ему целый костюм и сказать:

— Вот тебе костюм. Он чистый. Даю тебе неделю срока и посмотрю, какой он будет.

Нужно возбуждать у ребенка постоянное желание упражняться в бережливости, нужно, чтобы он так привык к чистым ботинкам, чтобы грязные ботинки он уже не мог надеть.

Бережливость должна распространяться на вещи не только своей семьи, но и других людей, и в особенности на предметы общественного пользования. Поэтому никогда не позволяйте ребенку небрежно относиться к вещам на улице, в парке, в театре.

Ответственность. Ответственность заключается не только в том, что человек боится наказания, а в том еще, что человек и без наказания чувствует себя неловко, если по его вине испортилась или уничтожена вещь. Именно такую ответственность нужно воспитывать у советского гражданина, и именно поэтому не нужно наказывать за порчу вещей или грозить наказанием, а нужно, чтобы ребенок сам увидел тот вред, который он принес небрежным обращением с вещью, и пожалел о своей небрежности. Об этом ребенку нужно, конечно, сказать, нужно объяснить ему все результаты небрежности, но еще полезнее будет, если ребенок на собственном опыте почувствует эти результаты. Если ребенок, к примеру, поломал игрушку, не нужно спешить покупать новую, не нужно и выбрасывать ее, а необходимо, чтобы некоторое время эта игрушка была на глазах у ребенка и требовала ремонта. Нужно, чтобы отец или мать говорили и совещались о ремонте этой игрушки, чтобы ребенок видел, что он причинил лишнюю заботу родителям, что они относятся к игрушке более внимательно и заботливо, чем он. А когда игрушка будет отремонтирована, полезно будет, если отец или мать шутя скажут:

— Она теперь хороша, только что ж, давать ли ее тебе или не давать? Ведь ты небрежно будешь с ней обращаться и снова поломаешь?

В таких случаях ребенок начинает понимать, что его поступки приводят к некоторым неприятным последствиям, у него появится ощущение естественной ответственности. Но чем ребенок старше, тем эта естествен-

ная ответственность должна быть для него обязательнее и привычнее. Если и теперь он проявляет недопустимую небрежность, уже не нужно шутить с ним и вызывать чувство ответственности, а нужно самым серьезным тоном потребовать большего порядка, допуская даже и такое выражение:

— Это безобразие. Постарайтесь, чтобы таких случаев больше не было.

В особенности важно воспитывать ответственность в тех случаях, когда затрагиваются интересы других членов семьи или даже интересы общественные. Если в семье есть правильный коллективный тон, это воспитание проводить очень нетрудно.

Способность ориентировки. Это та важнейшая способность, без которой не может быть хорошего хозяйственника. В чем она заключается? Она заключается в умении видеть и понимать все подробности, окружающие данный случай. Если человек что-то делает, он не должен забывать и о том, что сзади него и сбоку тоже находятся люди и тоже чем-то заняты. Ориентировка невозможна, если человек привык видеть только то, что перед глазами, а что совершается вокруг, не видит и не чувствует. В хозяйственной деятельности способность ориентировки имеет громадное значение. Делая одно дело, ребенок не должен забывать и все другие свои дела и дела окружающих людей. Играя в какую-нибудь игру, ребенок не должен забывать, что он окружен вещами, о которых тоже должен заботиться. Исполняя поручение родителей по покупке чего-нибудь в магазине, ребенок должен помнить, что он должен возвратиться домой вовремя, что должен после этого поручения сделать что-либо для себя или для семьи.

Для выработки такой способности полезно давать ребенку не одно поручение, а два или три, давать условное поручение или комбинированное. Вот самые простые примеры таких поручений:

— Убери в книжном шкафу, а кстати и подбери книги по авторам. Купи сельдей, но если будет в магазине хорошая вобла, то не покупай сельдей, а купи воблу. Способность ориентировки воспитывается постоянными упражнениями в хозяйственной заботе, в знании всех подробностей и частностей хозяйства.

Оперативная способность. Такая способность необходима для выполнения более длительных хозяйственных работ, выходящих за пределы одного короткого поручения. Уже с семи-восьми лет, а часто и раньше нужно давать ребенку такие более длительные задачи, например: поливать цветы, держать в порядке книги, кормить кошку, следить за младшим братом. В особенности важной является область денежных расходов. Здесь мы настойчиво рекомендуем каждой семье предоставить ребенку некоторую самостоятельность в расходовании денег для удовлетворения его личных, а в некоторых случаях и общих семейных потребностей. Для этого нужно один раз или несколько раз в месяц выдавать ему определенную сумму денег с точным обозначением, на что эти деньги должны расходоваться. Список таких расходов может быть различным в зависимости от возраста ребенка, от достатков семьи. Например, для мальчика 14 лет можно составить такой список: покупка тетрадей, расходы на трамвай, покупка мыла и зубного порошка для всей семьи, расходы на кино для него и младшего брата. Чем старше ребенок, тем ответственнее и сложнее должен быть такой список.

Необходимо при этом следить за тем, как выполняет мальчик или девочка порученные задачи, не злоупотребляет ли свободой расходования, не преобладают ли в тратах расходы на удовольствия, а не на дело. Иногда такие ошибки происходят от неправильно назначенной суммы, но бывает и так, что мальчик просто недостаточно серьезно относится к своему праву и своим возможностям. В таком случае достаточно просто поговорить с ним, обратить внимание на его ошибки и посоветовать исправить их. Во всяком случае, не нужно надоедать ребенку постоянными проверками, а тем более постоянным недоверием. Нужно просто уметь видеть его поведение в порученной ему области.

Мы закончили рассмотрение главных особенностей семейного хозяйства. Сами родители найдут в своем опыте много разнообразных упражнений для правильного хозяйственного воспитания детей. Они при этом должны помнить, что, воспитывая хорошего и честного хозяина, они тем самым воспитывают и хорошего гражданина. Важно, чтобы семейное хозяйство было организовано в коллективном, спокойном и в то же время дисциплинированном порядке, чтобы в нем не было излишней нервности, нытья, а чтобы больше было бодрости и дружного стремления улучшить жизнь семьи.

Резюмируем содержание сегодняшней беседы.

Хозяйственная деятельность семьи представляет собой важнейшую арену для воспитательной работы. Именно в семейном хозяйстве воспитываются:

коллективизм, т. е. реальная солидарность человека с работой и интересами других людей, с интересами всего общества. Коллективизм воспитывается методом приближения ребенка к условиям деятельности родителей, методом участия ребенка в семейном бюджете, скромностью во время избытка и достоинством во время недостатка в семье;

честность, т. е. открытое, искреннее отношение к людям и вещам;

заботливость, т. е. постоянное внимание к семейным нуждам и плану их удовлетворения;

бережливость, т. е. привычка сохранять вещи;

ответственность, т. е. чувство вины и неловкости в случае порчи или уничтожения вещи;

способность ориентировки, иначе говоря, умение охватить вниманием целую группу вещей и вопросов;

оперативная способность, т. е. умение распорядится временем и работой.

Все семейное хозяйство должно быть хозяйством коллектива и вестись в спокойных тонах, без нервности.

ВОСПИТАНИЕ В ТРУДЕ

Правильное советское воспитание невозможно себе представить как воспитание нетрудовое. Труд всегда был основанием для человеческой жизни, для создания благополучия человеческой жизни и культуры. В нашей стране труд перестал быть предметом эксплуатации, он сделался делом чести, славы, доблести и геройства. Наше государство есть государство трудящихся, в нашей Конституции написано: «Кто не работает, тот не ест».

Поэтому и в воспитательной работе труд должен быть одним из самых основных элементов.

Попробуем подробнее проанализировать смысл и значение трудового воспитания в семье.

Первое, о чем в особенности должны помнить родители,— это следующее. Ваш ребенок будет членом трудового общества, следовательно, его значение в этом обществе, ценность его как гражданина будут зависеть исключительно от того, насколько он в состоянии будет принимать участие в общественном труде, насколько он к этому труду будет подготовлен. Но от этого будет зависеть и его благосостояние, материальный уровень его жизни, ибо в нашей Конституции также сказано: «От каждого по способностям, каждому по труду». Мы хорошо знаем, что от природы все люди обладают приблизительно одинаковыми трудовыми данными, но в жизни одни люди умеют работать лучше, другие — хуже, одни способны только к самому простому труду, другие — к труду более сложному и, следовательно, более ценному. Эти различные трудовые качества не даются человеку от природы, они воспитываются в нем в течение его жизни, и в особенности в молодости.

Следовательно, трудовая подготовка, воспитание трудового качества человека — это подготовка и воспитание не только будущего хорошего или плохого гражданина, но и воспитание его будущего жизненного уровня, его благосостояния.

Второе: трудиться можно из нужды, из жизненной необходимости. В человеческой истории в большинстве случаев труд всегда имел такой характер принудительного тяжелого действия, необходимого для того, чтобы не умереть с голода. Но уже и в старое время люди старались быть не только рабочей силой, но и творческой силой. Только им не всегда удавалось достигнуть этого в условиях классового неравенства и эксплуатации. В Советской стране каждый труд должен быть творческим трудом, ибо он целиком идет на создание общественного богатства и культуры страны трудящихся. Научить творческому труду — особая задача воспитателя.

Творческий труд возможен только тогда, когда человек относится к работе с любовью, когда он сознательно видит в ней радость, понимает пользу и необходимость труда, когда труд делается для него основной формой проявления личности и таланта.

Такое отношение к труду возможно только тогда, когда образовалась глубокая привычка к трудовому усилию, когда никакая работа не кажется неприятной, если в ней есть какой-нибудь смысл.

Творческий труд совершенно невозможен у тех людей, которые к работе подходят со страхом, которые боятся ощущения усилия, боятся, так сказать, трудового пота, которые на каждом шагу только и делают, что соображают, как бы поскорее отделаться от работы и начать что-нибудь другое Это другое кажется им симпатичным до тех пор, пока они за него не взялись.

Третье: в трудовом усилии воспитывается не только рабочая подготовка человека, но и подготовка товарища, т. е. воспитывается правильное отношение к другим людям,— это уже будет нравственная подготовка. Человек, который старается на каждом шагу от работы увильнуть, кото-

рый спокойно смотрит, как другие работают, пользуется плодами их трудов, такой человек — самый безнравственный человек в советском обществе. И наоборот, совместное трудовое усилие, работа в коллективе, трудовая помощь людей и постоянная их взаимная трудовая зависимость только и могут создать правильное отношение человека друг к другу. Это правильное отношение состоит не только в том, что каждый человек отдает свои силы обществу, но и в том, что он и от других требует того же, что он не хочет рядом с собой переносить жизнь дармоеда. Только участие в коллективном труде позволяет человеку выработать правильное, нравственное отношение к другим людям — родственную любовь и дружбу по отношению ко всякому трудящемуся, возмущение и осуждение по отношению к лентяю, к человеку, уклоняющемуся от труда.

Четвертое: неправильно думать, что в трудовом воспитании развиваются только мускулы или внешние качества — зрение, осязание, развиваются пальцы и т. д. Физическое развитие в труде, конечно, тоже имеет большое значение, являясь важным и совершенно необходимым элементом физической культуры. Но главная польза труда сказывается в психическом, духовном развитии человека. Это духовное развитие и должно составить главную особенность человека.

Пятое: необходимо указать еще на одно обстоятельство, которому у нас придают, к сожалению, небольшое значение. Труд имеет не только значение общественно-производственное, но имеет большое значение и в личной жизни. Мы хорошо знаем, насколько веселее и счастливее живут люди, которые многое умеют делать, у которых все удается и спорится, которые не потеряются ни при каких обстоятельствах, которые умеют владеть вещами и командовать ими И наоборот, всегда вызывают нашу жалость те люди, которые перед каждым пустяком становятся в тупик, которые не умеют обслуживать сами себя, а всегда нуждаются то в няньках, то в дружеской услуге, то в помощи, а если им никто не поможет, живут в неудобной обстановке, неряшливо, грязно, растерянно.

Родители должны хорошо подумать над каждым из указанных обстоятельств. В своей жизни и в жизни своих знакомых они на каждом шагу увидят подтверждение важнейшего значения трудового воспитания. И в работе по воспитанию своих детей родители никогда не должны забывать о трудовом принципе.

Конечно, в границах семьи трудно дать ребенку такое трудовое воспитание, которое обычно называется квалификацией. Для образования хорошей специальной квалификации семья не приспособлена: квалификацию мальчик или девочка получит в какой-либо общественной организации: в школе, на заводе, в учреждении, на курсах. Семья ни в коем случае и не должна гоняться за квалификацией в той или другой специальности. Это в старое время бывало обычно так, что если отец сапожник, то он и сына учил своему ремеслу; если он столяр, то и сын «приучался» к столярному делу. А девочки, как известно, всегда получали квалификацию домашней хозяйки, на большее они и не рассчитывали. В советское время о квалификации будущих граждан заботится государство, которое имеет в своем распоряжении много мощных и хорошо оборудованных институтов.

Но родители вовсе не должны думать, что семейное воспитание не имеет никакого отношения к получению квалификации. Именно семейная тру-

довая подготовка имеет самое важное значение для будущей квалификации человека. Тот ребенок, который получил в семье правильное трудовое воспитание, тот в дальнейшем с большим успехом будет проходить и свою специальную подготовку. А те дети, которые не прошли в семье никакого трудового опыта, те и квалификации не могут получить хорошей, их постигают различные неудачи, они выходят плохими работниками, несмотря на все усилия государственных учреждений.

Точно так же родители не должны думать, что под трудом мы понимаем только физический труд, мускульную работу. С развитием машинного производства физический труд постепенно теряет свое былое значение в человеческой общественной жизни. Советское государство старается совершенно уничтожить тяжелый физический труд. Мы уже видим, что на постройках домов кирпичи подаются машинами, носилки имеют все меньшее и меньшее значение в нашем строительстве. На наших заводах, в особенности на тех, которые построены после революции, совершенно уничтожен тяжелый физический труд. Человек становится все больше и больше владетелем больших, организованных механических сил, от него теперь все больше и больше требуются не физические, а умственные силы: распорядительность, внимание, расчет, изобретательность, находчивость, ухватка. Наше стахановское движение, одно из замечательных явлений нашей страны, вовсе не представляет собой мобилизацию физических сил рабочего класса, а как раз творческую мобилизацию его духовных сил, освобожденных от насилия великой социалистической революцией. Настоящий стахановец меньше всего надеется на свои мускулы, он организует свой успех, применяя новые методы расстановки материала, инструмента, новые приспособления, новые приемы работы. Об этом родители также всегда должны помнить. В своей семье они должны воспитывать не ломовую рабочую силу, а стахановцев, людей социалистического труда и социалистических успехов.

Поэтому мы не должны думать, что в советском воспитании есть какая-либо существенная разница между трудом физическим и трудом умственным. В том и в другом труде важной стороной является прежде всего организация трудового усилия, его настоящая человеческая сторона.

Если мы будем поручать мальчику или девочке всегда одно и то же дело, одну и ту же физическую работу, требующую от него только расхода мускульной энергии, воспитательное значение такого труда будет весьма ограниченно, хотя и нельзя сказать, что такой труд совершенно бесполезен. Ребенок будет приучаться к трудовому усилию, будет принимать участие в общественном труде, будет нравственно воспитываться в трудовом равенстве с другими людьми, но все же это не будет настоящее трудовое стахановское воспитание, если мы не прибавим к трудовому упражнению интересных организационных задач.

В трудовом воспитании важным является следующая сторона метода. Перед ребенком должна быть поставлена некоторая задача, которую он может разрешить, применяя то или другое трудовое средство. Эта задача не обязательно должна стоять на короткий отрезок времени, на один или на два дня. Она может иметь длительный характер, даже продолжаться месяцами и годами. Важно то, что ребенку должна быть предоставлена

некоторая свобода в выборе средств и он должен нести некоторую ответственность за выполнение работы и за ее качество. Меньше будет пользы, если вы скажете ребенку:

— Вот тебе веник, подмети эту комнату, сделай это так или так.

Лучше будет, если вы на долгое время поручите ребенку поддержание чистоты в определенной комнате, а как он будет это делать — предоставьте решать и отвечать за решение ему самому. В первом случае вы поставили перед ребенком только мускульную задачу, во втором случае вы поставили перед ним задачу организационную; последняя гораздо выше и полезнее. Следовательно, чем сложнее и самостоятельнее будет трудовая задача, тем лучше она будет в педагогическом отношении. Многие родители не учитывают этого обстоятельства. Они поручают детям сделать то или другое дело, но разбрасываются в слишком мелких трудовых задачах. Они посылают мальчика или девочку в магазин купить какой-нибудь предмет, а гораздо лучше будет, если они возложат на него постоянную, определенную заботу, например всегда заботиться о том, чтобы в семье было мыло или зубной порошок.

Трудовое участие детей в жизни семьи должно начинаться очень рано. Начинаться оно должно в игре. Ребенку должно быть указано, что он отвечает за целость игрушек, за чистоту и порядок в том месте, где стоят игрушки и где он играет. И эту работу нужно поставить перед ним в самых общих чертах: должно быть чисто, не должно быть набросано, налито, на игрушках не должно быть пыли. Конечно, некоторые приемы уборки можно ему и показать, но вообще хорошо, если он сам догадается, что для вытирания пыли нужно иметь чистую тряпку, если эту тряпку он сам выпросит у матери, если он к этой тряпке предъявит определенные санитарные требования, если он потребует лучшую тряпку и т. д. Точно так же и починка изломанных игрушек должна быть предоставлена ему самому в той мере, в какой это ему по силам, разумеется, с предоставлением в его распоряжение определенных материалов.

С возрастом трудовые поручения должны быть усложнены и отделены от игры. Мы перечислим несколько видов детской работы, рассчитывая, что каждая семья в зависимости от условий своей жизни и возраста детей сможет исправить и дополнить этот список.

1. Поливать цветы в комнате или во всей квартире.
2. Вытирать пыль на подоконниках.
3. Накрывать на стол перед обедом.
4. Следить за солонками, горчичницами.
5. Следить за письменным столом отца.
6. Отвечать за книжную полку или за книжный шкаф и держать их в порядке.
7. Получать газеты и складывать их в определенном месте, отделяя новые от прочитанных.
8. Кормить котенка или щенка.
9. Держать в порядке умывальник, покупать мыло, зубной порошок, бритвенные ножи для отца.
10. Производить полную уборку в отдельной комнате или отдельной части комнаты.

11. Пришивать на своем платье оторвавшиеся пуговицы, иметь всегда в полном порядке приспособления для этого.

12 Отвечать за порядок в буфетном шкафу.

13. Чистить платье свое или младшего брата или одного из родителей.

14. Заботиться об украшении комнаты портретами, открытками, репродукциями.

15. Если в семье есть огород или цветник, отвечать за определенный его участок как в плане посева, так и ухода за ним и сбора плодов.

16. Заботиться о том, чтобы в квартире были цветы, для этого иногда поехать и за город (это для более старшего возраста).

17. Если в квартире есть телефон, первому подходить на звонок, вести домашний телефонный справочник.

18 Вести справочник трамвайных маршрутов с учетом тех мест, куда членам семьи приходится наиболее часто ездить.

19 В более старшем возрасте самостоятельно планировать и обслуживать посещение семьей театров и кино, узнавать программу, доставать билеты, хранить их и т. д

20. Вести в полном порядке домашнюю аптеку и отвечать за своевременное ее пополнение.

21. Следить за тем, чтобы в квартире не появлялись паразиты: клопы, блохи и т. д., принимать энергичные меры к их уничтожению.

22 Помогать матери или сестре в определенных хозяйственных функциях.

Каждая семья найдет у себя очень много подобных работ, более или менее интересных и посильных. Конечно, нельзя ребенка загружать чрезмерным количеством работы, но во всяком случае необходимо, чтобы не бросалась в глаза разница в трудовой нагрузке родителей и в трудовых нагрузках детей. Если отцу или матери приходится очень трудно в домашнем хозяйстве, дети должны привлекаться к помощи им. Бывает и иначе: если в семье есть домашняя работница, дети сплошь и рядом привыкают надеяться на ее труд в таких случаях, когда они и сами могли бы себя обслужить. Родители должны хорошенько проверить эту область и добиться такого положения, чтобы по возможности домработница не делала таких работ, которые могут и должны сделать дети.

Нужно при этом всегда помнить: когда дети учатся в школе, последняя довольно сильно нагружает их домашней работой. Разумеется, эта работа должна считаться самой главной и первоочередной. Дети должны хорошо понимать, что в школьной работе они выполняют функцию не только личную, но и общественную, что за успех школьной работы отвечают они не только перед родителями, но и перед государством. С другой стороны, неправильно, если только школьная работа пользуется уважением, а все остальные трудовые задачи отбрасываются. Такое обособление школьной работы очень опасно, так как вызывает у детей полное пренебрежение к жизни и работе своего семейного коллектива. В семье должна всегда чувствоваться атмосфера коллективизма, как можно чаще проявляться помощь одних членов семьи по отношению к другим.

Спрашивается: какими мерами можно и должно вызывать у ребенка то или другое трудовое усилие? Меры эти могут быть самые разнообразные. В раннем детстве, конечно, многое ребенку нужно и подсказать и по-

казать, но вообще необходимо считать идеальной формой, когда ребенок сам замечает необходимость той или другой работы, видит, что матери или отцу некогда ее сделать, когда он по собственной инициативе приходит на помощь своему семейному коллективу. Воспитать такую готовность к труду, такую внимательность к нуждам своего коллектива — значит воспитать настоящего советского гражданина.

Очень часто бывает, что ребенок по своей неопытности, по слабости ориентировки не может самостоятельно заметить потребности в той или другой работе. Родители должны в таких случаях осторожно подсказать, помочь ребенку выяснить свое отношение к этой задаче и принять участие в ее разрешении. Это часто лучше всего делать, вызывая простой технический интерес к работе, но и злоупотреблять этим способом нельзя. Ребенок должен уметь выполнять и такие работы, которые не вызывают у него особого интереса, которые кажутся в первый момент работами скучными. Вообще он должен воспитываться так, чтобы решающим моментом в трудовом усилии была не его занимательность, а его польза, его необходимость. Родители должны воспитывать у ребенка способность терпеливо и без хныканья выполнять работы неприятные. Потом, по мере развития ребенка, даже самая неприятная работа будет приносить ему радость, если общественная ценность работы будет для него очевидна.

В том случае, если необходимость или интерес недостаточны, чтобы вызвать у ребенка желание потрудиться, можно применить способ просьбы. Просьба тем отличается от других видов обращения, что она предоставляет ребенку полную свободу выбора. Просьба и должна быть такова Ее так нужно произнести, чтобы ребенку казалось, что он исполняет просьбу по собственному доброму желанию, не побуждаемый к этому никакими принуждениями. Нужно говорить:

— У меня к тебе просьба. Хоть это и трудно, и у тебя всякие другие дела...

Просьба — самый лучший и мягкий способ обращения, но и злоупотреблять просьбой не следует. Форму просьбы лучше всего употреблять в тех случаях, когда вы хорошо знаете, что ребенок с удовольствием просьбу вашу выполнит. Если же у вас есть какое-нибудь сомнение в этом, применяйте форму обыкновенного поручения, спокойного, уверенного, делового. Если с самого малого возраста вашего ребенка вы будете правильно чередовать просьбу и поручение и, в особенности, если вы будете возбуждать личную инициативу ребенка, будете учить его видеть необходимость работы самому и по собственному почину выполнять ее, в вашем поручении не будет уже никаких прорывов. Только, если вы запустили дело воспитания, вам придется иногда прибегнуть к принуждению.

Принуждение может быть различное — от простого повторения поручения до повторения резкого и требовательного. Во всяком случае, никогда не нужно прибегать к физическому принуждению, так как оно меньше всего приносит пользы и вызывает у ребенка отвращение к трудовой задаче.

Больше всего затрудняет родителей вопрос, как нужно обращаться с так называемыми ленивыми детьми. Нужно при этом сказать, что лень, т. е. отвращение к трудовому усилию, только в очень редких случаях объясняется плохим состоянием здоровья, физической слабостью, вялостью духа. В этом случае, конечно, лучше всего обратиться к врачу. Большей же

частью лень у ребенка развивается благодаря неправильному воспитанию, когда с самого малого возраста родители не воспитывают у ребенка энергии, не приучают его преодолевать препятствия, не возбуждают у него интереса к семейному хозяйству, не воспитывают у него привычки к труду и привычки к тем удовольствиям, которые труд всегда доставляет.

Способ борьбы с ленью единственный: постепенное втягивание ребенка в область труда, медленное возбуждение у него трудового интереса.

Но, борясь с ленью, нужно бороться и с другим недостатком. Есть дети, которые охотно выполняют любую работу, но делают ее без увлечения, без интереса, без мысли, без радости. Они работают только потому, что хотят избежать неприятностей, чтобы отделаться от упреков и т. д. Такая работа часто очень напоминает усилия рабочей лошади. Такие работники могут совершенно потерять контроль над своим трудом, приучаются относиться к нему некритически. Из них вырастают люди, которые очень легко поддаются эксплуатации, которые всегда, всю жизнь только и знают, что всех обслуживают, всем помогают, даже тем, которые сами ничего не делают. В Советском государстве нельзя воспитывать такую лошадиную покорность, ибо у этих людей нет нравственного требования ни к своей работе, ни к работе других людей.

Правда, в нашем государстве невозможна эксплуатация человека человеком на производстве, но есть еще очень много охотников, которые могут пользоваться чужим трудом в домашней обстановке, в быту, в семье.

Воспитание наших детей должно проходить таким образом, чтобы в нашем обществе не было готовых объектов для эксплуатации, чтобы никакие эксплуататорские аппетиты у нас не могли развиваться даже в домашней обстановке.

Поэтому родители в особенности должны внимательно следить, чтобы старшие братья не пользовались трудом младших иначе, как в порядке взаимной помощи, чтобы в семье не было никакого трудового неравенства.

Нам остается сказать несколько слов о качестве труда. Качество труда должно иметь самое решающее значение: высокого качества нужно требовать всегда и требовать серьезно. Конечно, ребенок еще неопытен, часто он физически неспособен выполнить работу во всех отношениях идеально. От него и нужно требовать такого качества, которое для него совершенно посильно, которое доступно и его силам, и его пониманию.

Не нужно при этом поносить ребенка за плохую работу, стыдить его, упрекать. Нужно просто и спокойно сказать, что работа сделана неудовлетворительно, что она должна быть переделана, или исправлена, или сделана заново. При этом никогда не нужно производить работу за ребенка силами самих родителей, только в редких случаях можно проделать такую часть работы, которая явно не по силам ребенку, поправляя в этом случае допущенную нами ошибку в самом назначении работы.

Мы решительно не рекомендуем применять в области труда какие-либо поощрения или наказания. Трудовая задача и ее решение должны сами по себе доставлять ребенку такое удовлетворение, чтобы он испытывал радость. Признание его работы хорошей работой должно быть лучшей наградой за его труд. Такой же наградой будет для него ваше одобрение его изобретательности, его находчивости, его способов работы. Но даже и таким словесным одобрением никогда не нужно злоупотреблять, в особен-

ности не следует хвалить ребенка за произведенную работу в присутствии знакомых ваших и друзей. Тем более не нужно ребенка наказывать за плохую работу или за работу непроизведенную. Самое важное в этом случае — добиться того, чтобы работа была все-таки выполнена.

ПОЛОВОЕ ВОСПИТАНИЕ

Вопрос о половом воспитании считается одним из самых трудных педагогических вопросов. И действительно, ни в каком вопросе не было столько напутано и столько высказано неправильных мнений. А между тем практически этот вопрос вовсе не так труден и во многих семьях он разрешается очень просто и без мучительных колебаний. Он становится трудным только тогда, когда его рассматривают отдельно и когда ему придают слишком большое значение, выделяя из общей массы других воспитательных вопросов.

Вопрос о половом воспитании в семье может быть разрешен правильно только тогда, когда родители хорошо себе представят самую цель, которую они должны преследовать в половом воспитании своих детей. Если эта цель будет для родителей ясна, ясными станут и пути к ее достижению.

Каждый человек по достижении известного возраста живет половой жизнью, но половой жизнью живет не только человек, она составляет необходимый отдел жизни большинства живых существ.

Половая жизнь человека должна существенно отличаться от половой жизни животного, в этом отличии и заключаются цели полового воспитания. Но бывает, что половая жизнь человека отличается от половой жизни животного не в лучшую, а в худшую сторону. Животное имеет потребность в половой жизни постольку, поскольку оно стремится иметь потомство, у животных почти не бывает разврата. Человек сплошь и рядом стремится к половому наслаждению независимо от желания иметь детей, и это стремление иногда приобретает такие беспорядочные и нравственно не оправданные формы, что приносит несчастье и ему самому, и другим людям. Человек прошел длинную историю развития, и развивался он не только как зоологический вид, но и как общественное существо. В истории этого развития давно выработаны человеческие идеалы для многих сторон нравственности, и в том числе выработаны идеалы половых отношений человека. В классовом обществе эти идеалы сплошь и рядом нарушаются в угоду интересам правящих классов. Такие нарушения мы знаем и в форме семьи, и в положении женщины, и в деспотической власти мужчины. Мы хорошо знаем, что в некоторых странах происходит настоящая продажа и покупка женщин; знаем многие исторические формы многоженства, когда женщина рассматривается только как предмет наслаждения мужчины; знаем о существовании такого безобразного явления, как проституция, когда мужчина просто на короткое время покупал ласку женщины; знаем, наконец, принудительные рамки семьи, когда мужчина и женщина принуждаемы были жить вместе независимо от того, хотят они этого или не хотят.

Октябрьская социалистическая революция уничтожила все эти безобразные пережитки классового общества. Она освободила семью от сход-

ства с цепями, она освободила женщину от многих видов оскорбительного отношения к ней со стороны мужчины. Только после Октябрьской революции половая жизнь людей вплотную приблизилась к тем идеалам, о которых давно мечтало человечество. Но некоторые люди неправильно поняли эту новую свободу, они решили, что половая жизнь человека может проходить в беспорядочной смене супружеских пар, в так называемой свободной любви. В строго организованном человеческом обществе, в социалистическом обществе, такая практика половой жизни обязательно приводит к недостойной человека простоте отношений, к их вульгаризации, к тяжелым переживаниям личности, к несчастьям, к разрушению семьи, к сиротству детей.

Как и во всей своей жизни, так и в жизни половой человек не может забыть о том, что он есть член общества, что он — гражданин своей страны, что он — участник нашего социалистического строительства. Поэтому и в своем отношении к женщине или в своем отношении к мужчине советский человек не может игнорировать требования общественной нравственности, которая всегда стоит на страже интересов всего общества. И в половой сфере эта общественная нравственность предъявляет каждому гражданину определенные требования.

Родители должны воспитывать своих детей так, чтобы из них не вышли люди, в своем поведении идущие против общественной нравственности.

Что требует общественная нравственность в вопросах половой жизни? Она требует, чтобы половая жизнь человека, каждого мужчины и каждой женщины находилась в постоянном гармоническом отношении к двум областям жизни: к семье и к любви. Она признает нормальной и оправданной нравственно только такую половую жизнь, которая основывается на взаимной любви и которая проявляется в семье, т. е. в открытом гражданском союзе мужчины и женщины, союзе, который преследует две цели: человеческое счастье и рождение и воспитание детей.

Отсюда ясны и цели полового воспитания. Мы должны так воспитывать наших детей, чтобы они только по любви могли наслаждаться половой жизнью и чтобы свое наслаждение, свою любовь и свое счастье они реализовали в семье.

Говоря о воспитании будущего полового чувства нашего ребенка, мы должны, собственно, говорить о воспитании его будущей любви и о воспитании его как будущего семьянина. Всякое иное половое воспитание будет обязательно вредным и противообщественным. Каждый родитель, каждый отец и каждая мать должны поставить перед собой такую цель, чтобы будущий гражданин или будущая гражданка, которых они воспитывают, могли быть счастливы только в семейной любви и чтобы только в этой форме они могли искать и радостей половой жизни. Если родители такой цели перед собой не поставят, если они ее не достигнут, их дети будут жить беспорядочной жизнью пола, следовательно, будут жить жизнью, полной всяких драм, несчастья, всякой грязи и общественного вреда.

Поставив перед собой такую цель, родители должны подумать о средствах к ее достижению. Относительно этих средств они могут и в литературе специальной, и в литературе художественной встретить самые разнообразные мнения и рецепты, самые противоречивые точки зрения и советы. Родители должны научиться хорошо разбираться в этих мнениях и счи-

тать правильными только такие, которые помогут им в ответственной работе воспитания и в достижении поставленных ими целей.

Правильное половое воспитание, как и всякое воспитание человеческого характера, достигается, конечно, на каждом шагу, если вообще правильно организована жизнь семьи, если под руководством родителей растет настоящий советский человек.

В вопросах любви и семейной жизни решающими всегда будут общие способности человека, его политическое и нравственное лицо, его развитие, его работоспособность, его честность, его преданность своей стране, его любовь к обществу. Поэтому совершенно правильным является утверждение, что половая жизнь будущего человека воспитывается всегда, на каждом шагу, когда родители или воспитатели даже и не думают о половом воспитании. Старая поговорка «Лень — мать всех пороков» очень правильно отражает этот общий закон, но у пороков — не одна мать. Не только лень, а всякое уклонение человека от правильного общественного поведения обязательно приводит к порочному поведению его в обществе, в том числе и к беспорядочной половой жизни.

Поэтому, разумеется, в вопросах полового воспитания решающими являются не какие-либо отдельные способы, специально предназначенные для полового воспитания, а весь общий вид воспитательной работы, вся его картина в целом.

Поэтому, воспитывая в ребенке честность, работоспособность, искренность, прямоту, привычку к чистоте, привычку говорить правду, уважение к другому человеку, к его переживаниям и интересам, любовь к своей Родине, преданность идеям социалистической революции, мы тем самым воспитываем его и в половом отношении. Среди этих общих методов воспитания есть такие, которые к половому воспитанию имеют большее отношение, есть такие, которые имеют меньшее отношение, но все они, вместе взятые, в значительной мере определяют и наш успех в воспитании будущего семьянина, будущего мужа или будущей жены.

Но есть и отдельные воспитательные методы и приемы, которые специально как будто назначены, чтобы быть полезными именно в вопросах полового воспитания. И есть люди, которые на эти отдельные приемы и методы возлагают особенные надежды и считают их наиболее мудрым выражением педагогического творчества.

Необходимо указать, что как раз в этих особых специальных советах и заложены наиболее вредные пути полового воспитания и к ним нужно относиться с исключительной осторожностью.

Очень много внимания половому воспитанию было уделено в старое время. Тогда многие думали, что половая сфера есть самая главная, решающая сфера в физической и психической конституции человека, что все человеческое поведение зависит от половой сферы Сторонники таких «теоретических» положений старались доказать, что все воспитание юноши или девушки есть, в сущности, половое воспитание.

Многие из этих «теорий» так и остались погребенными в книгах, даже не дойдя до широкого читателя, но многие просочились в широкое общество и породили самые вредные и самые опасные мнения.

Больше всего беспокоились о том, чтобы ребенок был как-то по-особенному разумно подготовлен к половой жизни, чтобы он не видел в ней ни-

чего «стыдного», ничего тайного. Стремясь к этому, старались как можно раньше посвятить ребенка во все тайны половой жизни, объяснить ему тайну деторождения. Конечно, с настоящим «ужасом» показывали на тех «простаков», которые обманывали детей и рассказывали им сказки об аистах и других фиктивных виновниках деторождения. Полагали при этом, что если ребенку все разъяснить и растолковать, если в его представлении о половой любви не останется ничего стыдного, то этим будет достигнуто и правильное половое воспитание.

Надо с очень большой осторожностью относиться к таким советам. К вопросам полового воспитания надо относиться с гораздо большим спокойствием и не делать из него непоправимых фокусов. Правда, ребенок часто спрашивает о том, откуда берутся дети, но из того, что ребенок заинтересован этим вопросом, не вытекает, что в раннем возрасте ему все нужно до конца объяснить. Ведь ребенок не только в половом вопросе кое-чего не знает. Многого он не знает и в других вопросах жизни, однако мы не спешим нагружать его непосильными знаниями раньше времени. Мы ведь не объясняем ребенку в три года, отчего бывает тепло или холодно, отчего увеличивается или уменьшается день. Так же точно мы не объясняем ему в семь лет устройства аэропланного мотора, хотя и этим вопросом он может заинтересоваться. Для всякого знания приходит свое время, и нет никакой опасности в том, если вы ответите ему:

— Ты еще мал, подрастешь — узнаешь.

Нужно при этом отметить, что никакого особенно настойчивого интереса к половым вопросам у ребенка нет и не может быть. Такой интерес наступает только в период полового созревания, но к этому времени обыкновенно ничего таинственного в половой жизни для ребенка уже нет.

Поэтому нет никакой срочной надобности торопиться с открыванием «тайны деторождения», пользуясь для этого случайным вопросом ребенка. В этих вопросах не содержится еще никакого особенного полового любопытства, сокрытие тайны никаких переживаний и страданий ребенку не приносит. Если вы более или менее тактично отведете вопрос ребенка, отделаетесь шуткой или улыбкой, ребенок забудет о своем вопросе и займется чем-либо другим. Но если вы начнете с ним толковать о самых секретных подробностях в отношениях между мужчиной и женщиной, вы обязательно поддержите в нем любопытство к половой сфере, а потом поддержите и слишком рано взбудораженное воображение. То знание, которое вы ему сообщите, для него совершенно не нужно и бесполезно, но та игра воображения, которую вы у него возбудите, может положить начало половым переживаниям, для которых еще не наступило время.

Совершенно не нужно бояться того, что ребенок узнает о тайне деторождения от своих товарищей и подруг и будет держать свое знание в секрете. Секрет в этом случае вовсе не страшен. Ребенок должен приучаться к тому, что многие стороны жизни человека составляют интимную, секретную область, о которой не нужно делиться со всеми, которую не нужно выставлять напоказ всему обществу. И только тогда, когда у ребенка уже воспитано это отношение к интимной жизни людей, когда у него есть большая привычка к целомудренному умолчанию о некоторых вещах, только тогда, следовательно в более позднем возрасте, можно говорить с ребенком о половой жизни. Эти беседы должны происходить строго по

секрету между отцом и сыном или между матерью и дочерью. Они оправданы действительной и прямой пользой, так как будут соответствовать естественному пробуждению половой жизни у юноши или девушки. В это время такие беседы уже не могут принести вреда, так как и родители и дети уже понимают, что они касаются важной и секретной темы, что обсуждение этой темы необходимо по соображениям пользы, что эта польза, оставаясь интимной, будет в то же время и реальной. Такие беседы должны касаться как вопросов половой гигиены, так и в особенности вопросов половой нравственности.

Признавая необходимость таких бесед в период полового созревания, не нужно все же преувеличивать их значения. Собственно говоря, будет гораздо лучше, если эти беседы проведет врач, если они будут организованы в школе. Между родителями и детьми желательна всегда атмосфера доверия и деликатности, атмосфера целомудрия, которая иногда нарушается слишком откровенными разговорами на такие трудные темы.

Против слишком ранних обсуждений полового вопроса с детьми нужно возражать и по другим соображениям: открытое и слишком преждевременное обсуждение половых вопросов приводит ребенка к грубо рационалистическому взгляду на половую сферу, кладет начало тому цинизму, с которым иногда взрослый человек так легко делится с другими самыми сокровенными своими половыми переживаниями.

Такие беседы с детьми ставят перед ребенком половую тему в узком физиологическом оформлении. Половые темы в этом случае не будут облагорожены темами любви, т. е. более высокого и общественно ценного отношения к женщине.

В каких словах можно малому ребенку сказать, что половые отношения оправдываются любовью, если и о любви ребенок не имеет еще никакого представления? Волей-неволей такие беседы будут беседами узкофизиологическими.

Говоря с сыном или дочерью в более позднем их возрасте о половой жизни, вы уже имеете возможность ставить ее в зависимость от любви и воспитывать у юноши или у девушки глубокое уважение ко всем этим вопросам, уважение гражданское, эстетическое и человеческое. С темами любви наши юноши и девушки знакомятся открыто по литературе, из окружающего опыта людей, из общественных наблюдений. Родители и должны опираться на эти уже имеющиеся у молодых людей знания и представления.

Половое воспитание и должно быть воспитанием именно любви, т. е. большого и глубокого чувства — чувства, украшенного единством жизни, стремлений и надежд. Но такое половое воспитание должно проводиться без слишком открытого и, в сущности, циничного разбора узкофизиологических вопросов.

Как проводить такое половое воспитание? В этом деле самое главное место имеет пример. Настоящая любовь между отцом и матерью, их уважение друг к другу, помощь и забота, открыто допустимые проявления нежности и ласки, если все это происходит на глазах у детей с первого года их жизни, являются самым могучим воспитательным фактором, необходимо возбуждают у детей внимание к таким серьезным и красивым отношениям между мужчиной и женщиной.

Вторым важнейшим фактором является вообще воспитание чувства любви у ребенка. Если, вырастая, ребенок не научился любить родителей, братьев и сестер, свою школу, свою Родину, если в его характере воспитаны начала грубого эгоизма, очень трудно рассчитывать, что он способен глубоко полюбить избранную им женщину. Такие люди проявляют очень часто самые сильные половые чувства, но всегда склонны не уважать ту, которая их привлекает, не дорожить ее духовной жизнью и даже не интересоваться ею. Они поэтому легко меняют привязанности и очень недалеко стоят от обыкновенного разврата. Конечно, это бывает не только с мужчинами, но и с женщинами.

Любовь неполовая — дружба, опыт этой любви-дружбы, переживаемый в детстве, опыт длительных привязанностей к отдельным людям, любовь к Родине, воспитанная с детства,— все это самый лучший метод и воспитания будущего высокообщественного отношения к женщине-другу. А без такого отношения дисциплинировать и обуздать половую сферу вообще очень трудно.

И поэтому мы советуем родителям чрезвычайно внимательно относиться к вопросу о чувствах ребенка к людям и к обществу. Необходимо заботиться, чтобы у ребенка были друзья (родители, братья, товарищи), чтобы его отношение к этим друзьям не было случайным и эгоистичным, чтобы интересы друзей занимали ребенка. Как можно раньше нужно пробуждать интерес у ребенка к своему селу или городу, к заводу, на котором работает отец, а потом и ко всей нашей стране, к ее истории, к ее выдающимся деятелям. Конечно, для такой цели мало одних разговоров. Надо, чтобы ребенок много видел, о многом думал, чтобы он переживал художественное впечатление. Этим целям замечательно хорошо соответствует художественная литература, кино, театр.

Вот такое воспитание будет уже положительным воспитанием и в половом отношении. Оно будет создавать те черты личности и характера, которые необходимы человеку-коллективисту, а такой человек и в половой сфере будет вести себя нравственно.

В том же направлении будет полезно действовать и правильный режим, установленный в семье. Мальчик или девочка, с детства привыкшие к порядку, не имеющие опыта беспорядочной и безответственной жизни, эту свою привычку потом перенесут и на отношение к мужчине или к женщине.

Правильный режим имеет и другое, более частное значение. Беспорядочный опыт половой жизни очень часто начинается в условиях случайных, беспорядочных встреч мальчиков и девочек, безделья, скуки, бесконтрольного пустого времяпрепровождения. Родители должны хорошо знать, с кем встречается ребенок и какие интересы преследуют эти встречи. Наконец, правильный режим способствует просто правильному физическому самочувствию ребенка, при котором никогда не возникнет никакое слишком раннее половое переживание. Вовремя лечь спать и вовремя встать, не валяться в постели без нужды — это уже хорошая нравственная, а следовательно, и половая закалка.

Следующим важным условием полового воспитания является нормальная загруженность ребенка заботой и работой. Об этом говорилось в других беседах, но этот вопрос имеет большое значение и в половом воспитании. Некоторая нормальная приятная усталость к вечеру, представление об

обязанностях и работах в течение дня, по утрам — все это создает очень важные предпосылки для правильного развития воображения, для равномерного распределения сил ребенка в течение дня. При таком условии у ребенка не остается ни психического, ни физического стремления к пустому, ленивому бродяжничеству, к излишней игре воображения, к случайным встречам и впечатлениям. Те дети, которые провели свое первое детство в условиях правильного и точного режима, обыкновенно и вырастают с симпатией к такому режиму, с привычкой к нему, у них и отношения к людям создаются более упорядоченные.

В таком же значении правильного общего воспитания, отражающегося обязательно и на половой сфере, выступает и спорт. Правильно организованные спортивные упражнения, в особенности коньки, лыжи, лодка, регулярная комнатная гимнастика, приносят очень большую пользу, настолько очевидную и известную, что доказывать эту пользу не нужно.

Все указанные выше воспитательные мероприятия и начала как будто не направлены непосредственно к цели полового воспитания, но они неуклонно ведут к этой цели, так как наилучшим образом содействуют воспитанию характера, организуют психический и физический опыт молодежи. Они и являются самыми могучими средствами полового воспитания.

Только в том случае, если эти начала и методы применяются в семье, становится более облегченным и эффективным и прямое воздействие родителей на детей и юношей при помощи бесед. Если же указанные нами выше условия не соблюдены, если не воспитывается чувство ребенка к отдельным людям и коллективу, если не организован режим и спорт, никакие разговоры, даже самые остроумные и своевременные, не могут принести пользы.

Беседы эти должны возникать обязательно по случаю. Никогда не нужно вести беседы авансом, поучая ребенка вперед, ничего не предъявляя к нему в его поведении. Но в то же время необходимо в этом поведении подмечать мельчайшие случаи уклонений от нормы, чтобы ничего не запустить и не становиться потом перед совершившимся фактом.

Поводом для таких бесед должны быть: свободные циничные разговоры и словечки, повышенный интерес к чужим семейным скандалам, подозрительное и не вполне чистоплотное отношение к любовным парам, легкомысленная дружба с девушками, явно не свободная от простого полового интереса, неуважение к женщине, излишнее увлечение нарядами, ранняя кокетливость, интерес к книгам, которые слишком открыто изображают половые отношения.

В более старшем возрасте беседы эти могут иметь характер убеждения, раскрытия и анализа явления, показа более положительных решений вопроса, указания на пример других юношей и девушек

В более молодом возрасте эти беседы должны быть короче и иногда не лишены тонов прямого запрещения и укора, простого требования более чистоплотного поведения.

Гораздо лучше бесед влияют высказывания родителей, направленные по адресу посторонних лиц, если в их поведении выдвинуты проблемы полового характера. В таких высказываниях родители совершенно свободно могут выразить и чувство резкого осуждения и даже отвращения, могут при этом показать, что от своего сына или дочери они ждут других

образцов поведения и настолько уверены в этом, что даже не говорят о своих детях. В таком случае никогда не нужно говорить: «Никогда так не делайте, это нехорошо», а лучше сказать так: «Я знаю, что ты так не сделаешь,— ты не такой».

ВОСПИТАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ НАВЫКОВ

Сильно ошибаются те родители, которые думают, что настоящее культурное воспитание составляет обязанность школы и общества, а семья в этой области ничего сделать не может.

Приходится иногда наблюдать такие семьи, которые большое внимание уделяют питанию ребенка, его одежде, играм и в то же время уверены, что до школы ребенок должен нагуляться, набрать сил и здоровья, а в школе он уже прикоснется к культуре.

На самом деле семья не только обязана как можно раньше начать культурное воспитание, но имеет для этого в своем распоряжении большие возможности, которые и обязана использовать как можно лучше.

Культурное воспитание в семье — дело очень нетрудное, но это справедливо только в том случае, если родители не думают, что культура нужна только для ребенка, что воспитание культурных навыков составляет только педагогическую их обязанность.

В той семье, где сами родители не читают газет, книг, не бывают в театре или кино, не интересуются выставками, музеями, разумеется, очень трудно культурно воспитывать ребенка. В этом случае, как бы родители ни старались, в их стараниях будет много неискреннего и искусственного, ребенок сразу это увидит и сразу поймет, что это не такое уж важное дело.

И наоборот, в той семье, в которой сами родители живут активной культурной жизнью, где газета и книга составляют необходимую принадлежность быта, где вопросы театра и кино задевают всех за живое, там культурное воспитание будет иметь место даже тогда, когда родители как будто и не думают о нем. Отсюда, конечно, не нужно делать вывода, что воспитание культурных привычек может идти самотеком, что это — самая лучшая форма работы. Самотек и в этом деле, как и во всяком другом, может принести большой вред, понизит качество воспитания, оставит много неясностей и ошибок. Именно самотек бывает причиной таких положений, когда родители начинают разводить руками и спрашивать себя: откуда это взялось? Откуда у мальчика или у девочки такие мысли, такие привычки?

Культурное воспитание будет только в том случае полезно, когда оно организовано сознательно, сопровождается некоторым планом, правильным методом и контролем. Культурное воспитание ребенка должно начинаться очень рано, когда ребенку еще очень далеко до грамотности, когда он только что научился хорошо видеть, слышать и кое-как говорить.

Хорошо рассказанная сказка — это уже начало культурного воспитания. Было бы весьма желательно, если бы на книжной полке каждой семьи был сборник сказок. В последнее время вышло много хороших сборников. Для рассказывания малым детям многие сказки нужно, конечно, сокращать, изменять язык, доводить сказку до полного понимания.

Может быть, и родители знают сказки, слышанные ими еще в молодости.

Выбор сказки имеет большое значение. Прежде всего нужно отбросить те сказки, в которых говорится о нечистой силе, о черте, о бабе-яге, о лешем, водяном, русалке. Такие сказки можно предложить детям только в старшем возрасте, когда они уже хорошо вооружены против древней темной выдумки. Это вооружение позволит им увидеть в сказке только художественную выдумку, скрывающую за образами разных чудовищ вообще нечто враждебное и злое по отношению к человеку. В младшем же возрасте образы представителей нечистой силы могут быть восприняты ребенком как реальные образы, могут направить воображение ребенка в сторону мрачной и пугающей мистики.

Лучшими сказками для малышей всегда будут сказки о животных. В русском сказочном богатстве этих сказок очень много, и они очень хороши. Точно так же и у других народов СССР имеется богатый запас сказок. По мере роста ребенка можно переходить к сказкам о человеческих отношениях.

Много есть интересных повестей об Иванушке-дурачке, но из них нужно выбирать такие, где не выпячивается человеческая глупость, а Иванушка называется дурачком иронически. К этой серии нужно отнести прекрасную сказку Ершова «Конек-горбунок». Более серьезным сказочным отделом является тот, где в сказке уже изображается борьба между богатыми и бедными, где уже отражена классовая борьба. По отношению к этим сказкам мы рекомендуем родителям также некоторую осторожность: не нужно рассказывать сказок мрачных, описывающих гибель хороших людей или детей. Вообще нужно сказать, что предпочитать нужно такую сказку, которая возбуждает энергию, уверенность в своих силах, оптимистический взгляд на жизнь, надежду на победу. Симпатия к угнетенным не должна сопровождаться представлением об их обреченности, последнем отчаянии. Картины печальные, говорящие о кошмарных формах насилия и эксплуатации, могут быть показаны детям только в старшем возрасте.

Очень важное значение для развития детского воображения и широких представлений о жизни имеет рассматривание иллюстраций. Для этого не обязательно выбирать детские журналы, можно воспользоваться любым воспроизведением картины, или гравюры, или фотографии, если они по своему содержанию подходят. Обычно, рассматривая такие картинки, дети много спрашивают, интересуются подробностями, зависимостями, причинами. На эти вопросы всегда необходимо отвечать в такой форме, которая доступна пониманию ребенка. Если при этом задается вопрос, на который действительно нельзя ответить, то нужно так и сказать: ты еще не поймешь, подрастешь — узнаешь. Подобные ответы нисколько не вредны, они приучают ребенка даже в постановке вопросов соразмерять свои силы и обещают ему более интересное и серьезное будущее. Картинки для такого рассматривания можно найти в любом журнале-двухнедельнике и в таких журналах, как «Смена», «Огонек» и др.

В младшем возрасте можно допустить посещение детьми театра и кино только в исключительных случаях и на специальные пьесы, для таких детей предназначенные. Вообще же говоря, лучше в это время воздержаться от театра и кино, так как количество подходящих пьес очень незначительно. Например, пьеса символиста Метерлинка [8] «Синяя птица» не нужна для

малых детей. Очевидно, родители считают: раз написано, что «Синяя птица» — сказка, нужно показать ее детям. На самом деле эта пьеса совершенно недоступна для детей младшего возраста, а в некоторых местах и для детей среднего возраста. В пьесе — сложная и напряженная символика, усложненные характеры вещей и животных, много надуманных и натянутых образов («Ужасы»).

Значительный переломный момент в работе семьи по воспитанию культурных навыков наступает во время обучения грамоте. Обычно этот перелом происходит уже в обстановке детского коллектива, в школе. Этот момент имеет большое значение в жизни ребенка. Ребенок вступает в область книги и печатного слова, иногда вступает неохотно, с трудом преодолевая те технические затруднения, которые ставят перед ним буква и самый процесс чтения Не нужно насиловать детей в этой первой работе по грамотности, но не следует поощрять и некоторую лень, возникающую в борьбе с трудностями.

Книги нужно приобретать самые доступные, напечатанные крупным шрифтом, с большим количеством иллюстраций. Если даже ребенок еще не может прочитать их, то они, во всяком случае, возбуждают у него интерес к чтению и желание преодолеть трудности грамоты.

С обучения грамоте начинается второй отдел детства — отдел, посвященный учебе и приобретению знаний. В это время школа приобретает в жизни ребенка виднейшее место, но это вовсе не значит, что родители могут забыть о своих обязанностях и положиться только на школу. Как раз родительская культработа и общий культурный тон в семье имеют громадное значение для школьной работы ребенка, для качества и энергии его учебы, для установления правильных отношений с учителями, товарищами и всей школьной организацией. Именно в это время приобретают большое значение газета, книга, театр, кино, музей, выставки и другие формы культурного воспитания. Перейдем к рассмотрению каждого из этих установлений в отдельности.

Газета. Когда ребенок еще не грамотен, когда он может только слушать прочитанное, газета уже должна занять прочное место среди его впечатлений. Семья должна выписывать одну из газет. Чтение газеты не должно происходить в отдалении от ребенка, родители не должны просматривать газету каждый для себя. В каждой газете найдется материал, который можно прочитать вслух и поговорить о нем если не специально для ребенка, то обязательно в его присутствии. Будет даже лучше, если вы по поводу прочитанного будете говорить с таким видом, как будто не думаете специально о ребенке. Он все равно будет вас слушать и тем внимательнее, чем безыскуственнее будете вы держаться. В каждой газете вы найдете такой материал: международные события, демонстрация трудящихся в праздник, пограничные эпизоды, стахановские достижения, героические и мужественные поступки отдельных людей, строительство и украшение городов, новые законы.

В дальнейшем, с развитием ребенка и в особенности с того времени, когда он уже и сам научился читать, газета должна приобретать все большее и большее значение. Конечно, хорошо, если можно выписать для ребенка пионерскую газету, но, если этого почему-либо нельзя сделать,

тоже небольшая беда: советские газеты пишутся языком, доступным для всякого грамотного человека, и в них всегда можно найти материал, интересный и для ребенка. Надо при этом стараться, чтобы он и сам читал газету, чтобы она сделалась необходимым элементом его быта. Но обязательно и семейное обсуждение прочитанного или, по крайней мере, разговор будет по поводу его. Никогда это обсуждение не нужно делать формальностью, посвящать ему определенные часы, тем более не нужно посвящать ему много времени. Во время такого разговора не нужно родителям употреблять специальный поучительный тон.

Обсуждение прочитанного должно иметь характер свободной беседы, и будет лучше, если такая беседа возникает как будто нечаянно по поводу того или иного домашнего дела или сказанного кем-нибудь слова. Если таких хороших поводов не найдется, можно просто спросить, что сегодня интересного в газетах.

В старшем возрасте газета должна быть уже совершенно привычным и необходимым признаком советской культурности, активного и живого, близкого и горячего интереса мальчика или девочки к жизни его Родины.

Книга. Знакомство с книгой также должно начинаться с чтения вслух. И в дальнейшем, как бы хорошо ни был грамотен ребенок, чтение вслух должно составлять одно из самых широких мероприятий семьи. Чрезвычайно желательно, чтобы такое чтение сделалось привычным и постоянным праздником среди рабочих будней. При этом если сначала чтецами выступают родители, то в дальнейшем эта работа должна быть передана ребятам. Но как вначале, так и потом очень полезно, если такое чтение происходит не специально для слушателя-ребенка, а в кругу семьи, с расчетом на то, что оно вызовет и коллективный отзыв и обмен мнениями. Только при помощи такого коллективного чтения можно направить читательские вкусы ребенка и выработать в нем привычку критически относиться к прочитанному.

Независимо от чтения вслух необходимо постепенно прививать ребенку и охоту самому посидеть за книжкой. Самостоятельное чтение ребенка направляется преимущественно школой, особенно в старшем возрасте, но и родители могут принести много пользы, если не оставят это чтение без своего внимания. Это внимание должно выражаться в следующем:

а) должен контролироваться самый подбор литературы, так как еще и теперь приходится наблюдать, как наши дети держат в руках книги, неизвестно откуда пришедшие;

б) родители должны знать, как ребенок читает книгу; в особенности нужно бояться бессмысленного проглатывания страницы за страницей, безвольного следования только за внешней интересностью книги, за тем, что называется фабулой;

в) наконец, необходимо приучать ребенка к бережливому отношению к книге.

Многие родители слишком скромны в своем отношении к книге. Они считают, что для этого нужно специально учиться, быть специалистом-книжником. Это неверно. Как показал опыт изучения нашего советского читателя, наши люди умеют прекрасно разбираться в книге, очень часто

нисколько не хуже записных критиков. Во всяком случае, по всем вопросам, относящимся к книгам, можно получить консультацию учителя или библиотекаря, и в такой консультации никто никогда не откажет.

Кино. В наше время кино является самым могучим воспитательным фактором по отношению не только к детям, но и к взрослым. В Советском Союзе каждый кинофильм создается исключительно в государственных киностудиях и даже в случае самой большой художественной неудачи не может принести большого вреда для слушателя-ребенка.

В подавляющем числе наши кинофильмы являются прекрасным и высокохудожественным воспитательным средством. Тем не менее это вовсе не значит, что кино можно предложить детям в неограниченном количестве и без контроля.

Прежде всего родители должны обратить внимание на самое отношение ребенка к кино. Приходится иногда видеть, как кино делается главным содержанием жизни ребенка, когда он из-за кино забывает о своих других обязанностях и о школьной работе, не пропускает ни одной картины, на кино тратит все свои карманные деньги и даже деньги, которые украдкой берет в семье.

Обычно в таком случае можно наблюдать и другие несимпатичные стороны такого увлечения. Ребенок привыкает к пассивному удовольствию, которое часто не идет дальше простого безвольного зрительного впечатления; он «глазеет» и только; художественные впечатления у него пробегают поверхностно, не задевая личности, не вызывая мысли, не ставя перед ним никаких вопросов. Польза такого посещения кино чрезвычайно незначительна, а иногда она обращается в большой вред. Поэтому от родителей и по отношению к кино требуется направляющее внимание, требуется постоянное руководство ребенком.

Мы рекомендуем позволять ребенку бывать в кино не больше двух раз в месяц. До 14—15 лет желательно, чтобы посещение кинотеатра происходило вместе с родителями или со старшими братьями или сестрами. Это нужно не столько для контроля поведения, а для того же, для чего мы советовали совместное чтение. Каждый кинофильм должен хотя бы на несколько минут сделаться предметом обсуждения и высказывания в семье, родители должны добиваться, чтобы и ребенок высказал о нем свое мнение, рассказал, что ему понравилось, что не понравилось, что произвело сильное впечатление. Если при этом родители увидят, что ребенка увлекают только внешние события, занимательность сюжета, история приключений того или другого героя, они должны при помощи одного-двух вопросов навести его на более глубокие и важные стороны кинофильма. Иногда даже не нужно задавать ребенку никаких вопросов, а нужно только в его присутствии высказать свое мнение. В известной мере родители должны и выбирать, на какой фильм более желательно направить ребенка. Почти всегда можно встретить человека, который уже посмотрел картину и кое-что может о ней рассказать. Некоторых картин уже потому нужно избегать, что они трудны по теме, ребенок в них не разберется, в других будет предложена такая тема, которая может вызвать неправильные реакции, в третьих слишком рано для ребенка предлагается тема любви или тема медицины. Разумеется, при выборе картины нужно принимать во вни-

мание и состояние ребенка, его работу в школе, его поведение. В очень редких случаях можно отложить посещение кино, если ребенок вел себя плохо или регулярно не выполняет школьных работ. Но очень часто бывает, что как раз просмотр хорошего кинофильма помогает ребенку восстановить правильное отношение к школе и к работе.

Театр. Все, что относится к кино, может быть отнесено и к театру. Но театр гораздо чаще предлагает темы, непосильные и для интеллекта, и для чувства ребенка. Такие спектакли, как «Отелло» или «Анна Каренина», должны быть признаны абсолютно противопоказанными для среднего возраста. С большой осторожностью нужно рекомендовать и посещение детьми некоторых балетов. В нашем обществе это достигается прежде всего запрещением входа в театры на вечерние спектакли до определенного возраста.

Вопросы выбора театральной пьесы не представляют труда, так как у нас во многих городах есть специальные театры для детей и специальный репертуар. Посещение этих театров представляет собой весьма желательное явление. Пьеса в театре требует от ребенка более серьезного и длительного напряжения внимания, в этом отношении театр гораздо сложнее кино. Уже то, что он подает пьесу с перерывами (антрактами), вызывает и более внимательное отношение зрителя к частностям темы, поддерживает в нем более активный анализ.

Посещение театра требует целого вечера, в известной мере он организует событие в жизни ребенка. Этим обстоятельством родители в особенности должны воспользоваться.

Еще больше, чем кинофильм, театральная пьеса должна сопровождаться обсуждением и обменом мнений в семье.

Музеи и выставки. Почти в каждом городе у нас есть какой-нибудь музей или галерея. В некоторых городах очень много музеев, но родители редко пользуются ими. А между тем музей, выставка, галерея представляют собой очень важное воспитательное средство. Они требуют от ребенка серьезного внимания, развлекательный момент в них очень незначителен, они организуют работу детского интеллекта и вызывают большие и глубокие чувства. Нужно только стараться, чтобы осмотр музея не превратился в такое же «глазенье», относительно которого мы предупреждали, когда говорили о кино. Поэтому никогда не нужно большие музеи осматривать за один раз. Третьяковской галерее нужно обязательно посвятить несколько дней. Музей Революции также нужно осматривать в течение двух-трех дней.

Другие формы культурного воспитания. Мы коснулись только главных форм культурного воспитания, при этом тех, которые организуются Советским государством. Родителям не нужно ничего придумывать в этих областях, они должны только как можно лучше использовать все культурные блага нашей страны.

Если родители полностью используют газету, книгу, кино, театр и музей, то они очень много дадут своим детям и в области знания, и в деле воспитания характера.

Но многие родители могут и прибавить. Формы культурного воспитания в семье гораздо разнообразнее, чем кажется с первого взгляда. Возьмите обыкновенный выходной день, зимний или летний. Прогулка за город, знакомство с природой, с городом, с селом, с людьми, с такими великолепными темами, как реконструкция городов, как жилстроительство, как проведение дорог, как строительство заводов,— все это замечательные темы для наполнения ими дня отдыха. Разумеется, не нужно обращать эти темы в специальные лекции или доклады. Прогулка так и должна остаться прогулкой, она должна быть отдыхом прежде всего, не нужно насиловать ребенка и заставлять его выслушивать ваши поучения. Но во время таких прогулок внимание ребенка останавливается невольно на том, что он видит, и несколько ваших слов, подкрепляющих его впечатления, даже шутливых, какой-нибудь рассказ, представляющий параллель с прошлым, даже рассказ смешной сделают незаметно свое большое дело.

Всеми мерами семья должна поощрять интерес к спорту. Нужно, однако, следить за тем, чтобы этот интерес не сделался интересом наблюдателя-болельщика. Если ваш сын с горячей страстью рвется на все футбольные матчи, знает имена всех рекордсменов и цифровые выражения всех рекордов, но сам не принимает участия ни в одном физкультурном кружке, не катается на коньках, не бегает на лыжах, не знает, что такое волейбол,— польза от такого интереса к спорту очень невелика и часто равняется вреду. Точно так же мало смысла в интересе, проявляемом к шахматам, если ваш ребенок в шахматы не играет. Каждая семья должна стремиться к тому, чтобы ее дети были спортсменами не только по интересу, но и в своем собственном опыте. Конечно, в этом случае всего лучше, если и сами родители принимают участие в спорте. По отношению к пожилым родителям это требование, может быть, уже запоздало, но родители молодые имеют полную возможность втянуться в тот или иной вид спорта, и в таком случае спортивная дорога их детей будет гораздо лучше оборудована.

Здесь уместно несколько слов сказать о том, что если наши отцы отдают известную дань спорту, то наши матери очень редко имеют к нему отношение, а между тем для молодых матерей спорт — очень полезное дело Точно так же и наши девушки гораздо меньше втянуты в спорт, чем мальчики.

Кроме прогулок и спорта в семье возможны такие формы культурного воспитания: устройство домашних спектаклей, выпуск стенгазеты, ведение дневников, организация переписки с друзьями, участие детей в политических кампаниях, участие детей в благоустройстве дома, организация детей во дворе, встреч, игр, прогулок и т. д.

Во всех видах домашнего культурного воспитания нужно отличать не только содержание его, но и формы. В каждой работе нужно добиваться наибольшей активности детей, необходимо воспитывать умение не только смотреть и слушать, но и желать, хотеть, добиваться, стремиться к победе, преодолевать препятствия, втягивать товарищей и младших детей. В то же время такой активный метод должен отличаться вниманием к товарищам, отсутствием какого бы то ни было чванства, хвастовства.

Очень часто бывает, что первый успех в той или другой работе вызывает у ребенка преувеличенное представление о своих силах, пренебреже-

ние к другим, привычку к быстрым победам. В дальнейшем это может отозваться неумением преодолевать длительные препятствия. Поэтому всегда хорошо, если родители нарисуют перед ребенком план на ближайшее будущее, если они заинтересуют его этим планом и будут следить за его выполнением. В такой план может быть введено и чтение книг и газет, и посещение кино, театров и музеев и т. п.

Во всяком случае, родители должны следить внимательно за тем, чтобы в практике культурного воспитания не начинали преобладать только интересы развлечения, убивания времени. Конечно, каждое культурное начинание должно доставлять и радость. Умение соединить эту радость с большой воспитательной пользой и должно составить главное умение родителей. В этом деле от родителей требуется некоторая изобретательность, по своим качествам вовсе не затруднительная.

Даже в читку газет можно ввести много нового и занятного для ребенка. Можно, например, побудить его делать вырезки по определенным вопросам, можно его научить, как сделать домашнюю карту Испании с обозначением фронта. В более старшем возрасте можно заняться составлением альбомов с монтажом газетных вырезок и рисунков из журналов по тому или иному вопросу.

При помощи самых разнообразных методов культурную работу в семье можно сделать очень интересной и важной, имеющей большое значение для воспитания. Но решительно и всегда необходимо, чтобы за любой культурной темой, за любым делом и родители и ребенок видели советский народ и наше социалистическое строительство. Вся эта работа должна иметь постоянное направление от активности культурной к активности политической. Ребенок все больше и больше должен чувствовать себя гражданином нашей страны, должен видеть героические подвиги наших людей, должен видеть ее врагов, должен знать, кому он вместе с другими обязан своей сознательной культурной жизнью.

СЕМЬЯ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

Товарищи, я не совсем понимаю, как можно по этому важнейшему вопросу — воспитание детей, уложившись в какой-нибудь час, затронуть все самое главное. Люди работают над этим вопросом века, и каждый из вас этому вопросу посвящает в известной мере свою жизнь, и я посвятил жизнь этому вопросу. Мне нужно написать книгу для родителей, она задумана в четырех томах; я один том написал, а второй все пишу, пишу. Вы знаете — очень трудная задача — разработка педагогических проблем. А мне, вот, говорят — в течение одного часа все принципы изложить, подсчитать, подчеркнуть, подвести итоги, и все будет хорошо: «Вы, тов. Макаренко, прочтете лекцию, а родители пойдут домой и начнут правильно воспитывать».

Как видите, даже в самой организации лекций по этим вопросам много еще всяких недоумений, потому что, если перечислить только названия тем, касающихся воспитания детей в семье, и то я в час едва ли уложусь Поэтому мне хотелось в этой короткой беседе поговорить о главнейших вопросах, какие нас всех беспокоят, и в этом смысле, в смысле постановки

некоторых основных вопросов воспитания, наша беседа может принести пользу в определении отправных позиций для ваших размышлений в этой важнейшей области. Почему? А вот почему. После того как вышла «Педагогическая поэма», ко мне стали ходить педагоги, молодые люди и люди постарше, различного общественного положения, которые ищут новых советских моральных норм, хотят следовать им в своей жизни и спрашивают меня, как нужно поступить.

Представьте себе, пришел ко мне однажды молодой ученый-геолог и говорит: «Меня командируют для научной работы на Кавказ или в Сибирь,— что мне выбрать?» Я ему ответил: «Поезжайте туда, где наиболее трудная работа». Он уехал на Памир, и недавно я получил от него письмо, в котором он благодарил меня за совет.

Но после «Книги для родителей» стали ходить родители-неудачники. Зачем ко мне пойдет родитель, у которого хорошие дети? А приходят вот какие родители, приходят отец и мать:

— Мы оба члены партии, общественники, я — инженер, она — педагог, и у нас был хороший сын, а теперь ничего с ним сделать не можем. И мать ругает, и из дому уходит, и вещи пропадают. Что нам делать? И воспитываем его хорошо, внимание оказываем, и комната у него отдельная, игрушек всегда было сколько хочешь, и одевали, и обували, и всякие развлечения представляли. А теперь (ему 15 лет): хочешь в кино, театр — иди, хочешь велосипед — вот велосипед. Посмотрите на нас: нормальные люди, никакой плохой наследственности быть не может. Почему такой плохой сын?

— Вы после ребенка постель убираете? — спрашиваю у матери.— Всегда?

— Всегда.

— Ни разу не пришло вам в голову предложить ему самому убрать постель?

Пробую отцу задать вопрос:

— А вы ботинки вашему сыну чистите?

— Чищу.

И я говорю:

— До свидания, и больше не ходите ни к кому. Сядьте на бульваре, на какой-нибудь тихой скамеечке, вспомните, что вы делали с сыном, и спросите, кто виноват, что сын вышел такой, и вы найдете ответ и пути исправления вашего сына.

Действительно, ботинки сыну чистят, каждое утро мать убирает постель. Какой сын может получиться?

Я много возился с ребятами, не то, что с беспризорными, а хуже — из семей избалованных и большей частью из семей интеллигентных и сплошь и рядом из семей ответственных работников. Дети таких родителей, самых лучших семей, какие только могут быть, через три-четыре года будут такими, как я рассказывал. Здесь дело не в каких-то педагогических законах, не в каком-то таланте воспитания, а в здравом смысле. Здравый смысл — это такая обыкновенная штука, которая есть у каждого человека, а у родителей начинает почему-то исчезать.

Второй том «Книги для родителей» я посвящу этому вопросу, почему люди здравомыслящие, которые могут хорошо работать, учиться, даже

получившие образование,— значит, с нормальным разумом и способностями, общественники, которые могут руководить целым учреждением, ведомством, фабрикой или каким-нибудь другим предприятием, которые умеют с очень разнообразными людьми поддерживать нормальные отношения, и товарищеские, и дружеские, и какие угодно,— почему эти люди, столкнувшись со своим собственным сыном, делаются людьми, не способными разобраться в простых вещах? Потому, что они в этом случае теряют тот здравый смысл, тот жизненный опыт, тот самый разум, ту самую мудрость, которую они накопили за свою жизнь. Перед своими детьми они останавливаются как люди «ненормальные», не способные разобраться даже в пустячных вопросах Почему? Оказывается, единственная причина — любовь к собственному ребенку. Любовь — это самое великое чувство, которое вообще творит чудеса, которое творит новых людей, создает величайшие человеческие ценности, которые могут быть созданы только человеческим духом,— это самое чувство делается причиной брака, т. е. причиной создания негодных людей и, естественно, приносящих вред всему обществу, и прежде всего семье.

Если точно обозначить наш вывод, то придется просто и прямо сказать: любовь требует какой-то дозировки, как хинин, как пища. Никто не может съесть 10 килограммов хлеба и гордиться тем, что он так хорошо поел. И любовь требует дозировки, требует меры.

За что бы мы не ухватились в деле воспитания, мы везде придем к этому вопросу — к вопросу меры, а если сказать точнее — к середине. Это слово для нас неприятно звучит. Что такое середина, что такое средний человек? Многие педагоги, которые всегда так «восхищенно» живут и мыслят, указывали мне на это как на мою ошибку: если вы рекомендуете середину, то будете воспитывать среднего человека: ни злого, ни доброго, ни талантливого, ни бесталанного, ни то ни се.

Такие возражения меня не смущали. Я начинал проверять, не ошибаюсь ли я, не воспитаю ли я средних людей, и если я говорю, что в моем педагогическом методе должна быть середина, то не выйдут ли из-под моей воспитательной руки люди средние, люди неинтересные, скучные, могущие благополучно жить, но не способные ни создать великое, ни пережить настоящие высокие человеческие душевные переживания? Я проверил это на деле, и за мои тридцать два года учительской и педагогической деятельности и последние восемь лет в трудовой коммуне им. Дзержинского я пришел к выводу, что этот метод правилен и приложим к семейному воспитанию.

Слово «середина» может быть заменено другим словом, но как принцип это необходимо иметь в виду при воспитании детей. Мы должны создать настоящего человека, способного на великий подвиг, на великие дела и великие чувства, способного, с одной стороны, стать героем нашей эпохи, с другой стороны, вовсе не «шляпу» и не человека, который все может раздать, без всего остаться и хвалиться — вот я какой добрый человек. Даже в нашем идеале, против которого никто не может спорить, присутствует принцип какой-то середины, какой-то меры, какой-то дозы. И я понял, почему слово «середина» меня не смущает. Конечно, если сказать, что «середина» — это смесь белого и черного, тогда — правильно, смешайте черную краску с белой, и получится краска серая. Такая середи-

на как будто бы и убийственна. Но если вы не будете гнаться за словами, а просто подумаете о человеке, то вы сразу увидите, какого человека мы считаем самым лучшим, самым идеальным человеком, таким, какими должны быть и наши дети, и если мы не будем ни в какую сторону уклоняться, если мы не будем увлекаться никакой излишней словесной «философией», мы всегда скажем, какими должны быть наши дети. Каждый скажет: я хочу, чтобы сын был способен на подвиг, чтобы это был настоящий человек с большой душой, с большими страстями, желаниями, стремлениями, и в то же время я хочу, чтобы это не был раззява, который может все раздать, потому что, видите ли, добрый очень, [может] остаться нищим и в нищете оставить жену и детей и растерять от такой доброты даже духовное богатство.

То человеческое счастье, которое завоевала наша Великая пролетарская революция и которое будет увеличиваться с каждым годом,— это счастье должно принадлежать всем, и я — отдельный человек — на это счастье имею право. Я хочу быть героем и совершать подвиги, как можно больше дать государству и обществу, и в то же время я хочу быть счастливым человеком. Такими должны быть наши дети. Они должны отдать себя, когда это нужно, не оглядываясь, не подсчитывая, не имея никакой бухгалтерии действий, или счастья, или горя, а с другой стороны, они должны быть счастливыми.

Я, к сожалению, не вполне проверил, но вот что я вижу: самые лучшие дети бывают у счастливых родителей... Причем счастливые родители — это не значит, что квартира с газом, и ванна, и все удобства. Вовсе нет. Я вижу много людей, у которых квартира в пять комнат и с газом, и с горячей водой, и холодной водой, и две домашние работницы, но неудачные дети. То жена бросила, то муж бросил, то на службе не так, то хочется шестой комнаты или дачи отдельной. И я много вижу счастливых людей, у которых многого не хватает. Это я вижу и в моей собственной жизни, а я очень счастливый человек, и мое счастье не зависело ни от каких материальных благ. Вспомните свои самые прекрасные времена, когда и того, казалось, недостает, и другого еще нет, а есть духовное единение, силы в душе и влечет вперед.

Полная возможность такого ч и с т о г о с ч а с т ь я, необходимость его, обязательность завоеваны нашей революцией и обеспечены советским строем. В единстве нашего народа, в верности партии...— счастье наших людей. Надо быть честным, партийным в своих мыслях и действиях человеком, потому что необходимый аксессуар счастья — это уверенность, что живешь правильно, что за спиной не стоит ни подлость, ни жульничество, ни хитрость, ни подсиживание, ни какая-нибудь другая скверна. Счастье такого открытого, честного человека дает большой процент не только этому человеку, а прежде всего его детям. Поэтому позвольте сказать вам: хотите, чтобы были хорошие дети,— будьте счастливы. Разорвитесь на части, используйте все свои таланты, ваши способности, привлеките ваших друзей, знакомых, но будьте счастливы настоящим человеческим счастьем. А бывает так, что человеку хочется счастья, и он хватает какие-то камни, из которых потом счастье будет строиться. Я и сам одно время так ошибался. Мне казалось, что вот, если я возьму эту штуку, это еще не счастье, а на этой штуке потом счастье построится. Ничего подобного.

Эти камни для фундамента, для того, чтобы потом на этих камнях построить дворец счастья,— эти камни потом очень часто обрушиваются на голову и оказываются просто несчастьем.

Нетрудно представить себе, что у счастливых родителей, которые счастливы своей общественной деятельностью, своей культурой, своей жизнью, которые умеют этим счастьем распоряжаться,— у таких родителей всегда будут хорошие дети, и они всегда их правильно воспитают.

В этом корень этой формулировки, о которой я сказал с самого начала: и в нашем педагогическом действии должна быть середина. Середина лежит между нашей большой, отдающей себя обществу работой и нашим счастьем, тем, что мы берем от общества. Какой бы метод семейного воспитания вы ни взяли, нужно найти меру, и поэтому нужно воспитывать в себе чувство меры

Возьмем самый трудный вопрос (я так вижу, что у людей это считается самым трудным) — это вопрос о дисциплине. Строгость и ласка — это самый проклятый вопрос .

В большинстве случаев люди не умеют нормировать ласку и строгость, а это умение в воспитании совершенно необходимо. Очень часто наблюдается, что люди разбираются в этих вопросах, но думают· это правильно, строгости должна быть норма, ласке должна быть норма, но это нужно тогда, когда ребенку шесть-семь лет, а вот до шести лет можно без нормы. На самом деле главные основы воспитания закладываются до пяти лет, и то, что вы сделали до пяти лет,— это 90 % всего воспитательного процесса, а затем воспитание человека продолжается, обработка человека продолжается, но в общем вы начинаете вкушать ягодки, а цветы, за которыми вы ухаживали, были до пяти лет. И поэтому до пяти лет вопрос о мере строгости и ласки — самый важный вопрос. Даже в первый день жизни вашего ребенка вопрос о норме строгости и ласки, т. е. вопрос о дисциплине и вашей нежности, должен быть поставлен в порядок дня. Мы часто можем наблюдать, что ребенку то очень много позволяют плакать, и он кричит целый день, то совсем не позволяют плакать. Прямо хоть в Америку посылай за нормой строгости и ласки; может быть, американцы нормировали это дело. У нас люди не нормировали этого.

По многим вашим глазам я вижу, что у вас прекрасные дети Но в пять, и в шесть, и в семь лет эта норма, эта золотая середина, какая-то гармония в распределении строгости и ласки должны быть всегда.

Мне на это возражали: вы говорите о мере строгости, а можно воспитать ребенка без всякой строгости. Если вы будете все делать разумно и ласково, так и жизнь проживете и никогда не будете строги с ребенком.

Я под строгостью не понимаю какой-нибудь гнев или какой-нибудь истерический крик. Вовсе нет. Строгость хороша только тогда, когда она не имеет никаких признаков истерики.

И в своей практике я научился быть строгим при очень ласковом тоне. Я мог сказать совершенно вежливо, ласково и спокойно слова, от которых бледнели люди — мои колонисты. Строгость не предполагает обязательно крик или визг. Это лишнее. А вот ваше спокойствие, ваша уверенность, ваше твердое решение, если вы его ласково выразите, оно производит еще большее впечатление. «Пошел вон» — это производит впечатление, а

сказать «будьте добры уйти» — тоже производит впечатление, может быть, даже большее.

Первое правило — это правило какой-то нормы, особенно в вопросе о степени вашего вмешательства в жизнь ребенка. Это чрезвычайно важный вопрос, который в семье часто решается неправильно. Какую долю самостоятельности, свободы нужно предоставить ребенку, в какой мере нужно «водить его за ручку», в какой мере и что можно ему разрешать, и что запрещать, и что предоставить собственной воле?

Мальчик вышел на улицу. Вы кричите: не бегай туда, не ходи сюда. В какой степени это правильно? Если представить себе безмерную свободу для ребенка, это пагубно. Но если ребенок должен обо всем спрашивать, всегда к вам приходить, всегда получать ваше разрешение и поступать, как вы сказали, то у ребенка не остается никакого простора для своей инициативы, для собственной находчивости и собственного риска. Это тоже плохо.

Я сказал слово «риск». Ребенок в семь-восемь лет должен уже в своем поведении иногда и рисковать, и вы должны видеть этот риск, и вы должны допускать известную долю риска, чтобы ребенок был смелым, чтобы он не приучился все под вашу ответственность складывать: мама сказала, папа сказал, они все знают, им и книги в руки, а я буду поступать так, как они скажут. При такой предельной степени вашего вмешательства сын не вырастет настоящим человеком. Иногда из него вырастет безвольный, не способный ни на какое решение, не способный ни на какой риск и дерзания человек, а иногда бывает наоборот, он подчиняется, подчиняется вашему давлению до какого-то предела, но силы, бурлящие и требующие исхода, иногда взрываются, и дело кончается домашним скандалом: «Был хороший мальчик, а потом что-то с ним сделалось». А на самом деле с ним делалось это все время, когда он подчинялся и слушался, но силы, заложенные в нем природой и развивающиеся по мере роста и учебы, производили свое действие, и сначала он тайно начинает сопротивляться, а потом явно. Дать точный рецепт в такой короткой лекции я не могу, да и никогда не смогу. Я пишу об этом второй том «Книги для родителей».

Если вы внимательно присмотритесь к таким явлениям, вы найдете тот предел, дальше которого идти нельзя.

Бывает и другая крайность, тоже часто встречающаяся, когда считают, что ребенок должен проявлять полную инициативу и поступать как хочет, и совсем не обращают внимания на то, как дети живут и что они делают, и они приучаются к бесконтрольной жизни, мышлению и решениям. Многие думают, что в таком случае у ребенка развивается большая воля Как раз нет. Никакой воли не развивается в таком случае потому, что настоящая большая воля — это вовсе не умение чего-то пожелать и добиться. Большая воля — это не только умение чего-то пожелать и добиться, но и умение заставить себя отказаться от чего-то, когда это нужно. Воля — это не просто желание и его удовлетворение, а это и желание и остановка, и желание и отказ одновременно. Если ваш ребенок упражняется только в том, что он свои желания приводит в исполнение, и не упражняется в тормозе, у него не будет большой воли. Без тормоза не может быть машины, и без тормоза не может быть никакой воли.

Мои коммунары очень хорошо были знакомы с этим вопросом. «Почему

ты не затормозил себя, ты знал, что здесь нужно остановиться?» — спрашивал я у них. И требовал в то же время: «Почему ты успокоился, почему ты не решился, ждал, пока я скажу?» Тоже виноват.

В детях нужно вырабатывать умение остановить, задержать себя. Конечно, это не так просто. В своей книге я подробно об этом напишу.

Наряду с этим нужно вырабатывать чрезвычайно важную способность, которую не так трудно выработать: это способность ориентировки. Она проявляется сплошь и рядом в пустяках, в мельчайших деталях. В раннем детстве обращайте внимание вашего ребенка, как нужно ориентироваться. Он что-нибудь говорит. В это время кто-то пришел чужой или, может быть, не совсем чужой, но дополнительный элемент вашего общества, вашей семьи: посетитель, гость, тетя и бабушка. Дети должны знать, что нужно и чего не нужно сейчас говорить (например, не нужно говорить при пожилых людях о старости, так как им это неприятно. Сперва выслушать человека, а потом разговаривать самому и пр.). Умение детей чувствовать, в какой они обстановке, и чувствовать моментально,— это умение чрезвычайно важно воспитывать и нетрудно воспитать. Достаточно остановить внимание на двух-трех случаях и поговорить с сыном или дочерью, как ваш толчок произведет полезное действие. Способность ориентировки очень полезна и приятна и для окружающих, и для того, кто ею обладает и владеет.

Для меня в коммуне это было более трудное дело, чем в семье. В коммуне было много детей, и обстановка была гораздо сложнее. Всегда на людях: приходили и свои, и посторонние, инженеры, рабочие, строители; коммуну постоянно посещали гости, экскурсии и т. д. И то я добивался в этом деле довольно хороших результатов, а в семье таких результатов можно добиться еще быстрее. Это — умение ощущать вокруг себя изменяющуюся обстановку — проявляется везде: мальчик перебегает улицу, он должен видеть, где кто идет или едет; и на работе он должен видеть, где самые опасные и благополучные места. Такая способность ориентировки помогает ему выбрать, где нужно пустить в ход свою смелость и волю, а где нужно пустить тормоз. Все это сегодня поясняю в грубой форме, а на самом деле ориентировка нюансируется, утончается, когда дело доходит до жизни.

Возьмите такой пример. Ваши дети вас любят, и им хочется эту любовь выразить. И вот тут то же: выражение любви — это тот же закон о действии и тормозе. Как неприятно видеть девочек (это у них большей частью бывает) — подруг: одна в восьмом классе одной школы и другая — в восьмом классе другой школы, они виделись два раза в жизни, на даче, а при встрече они уже целуются, они уже стонут от любви друг к другу. Вы думаете, что они на самом деле любят друг друга? Очень часто это воображаемое чувство, игра в чувство, а иногда это уже делается привычной формой такого любовного цинизма, неискреннего выражения чувств.

У нас есть знакомые семьи, где есть дети, вы знаете, как выражают дети любовь к родителям. В некоторых семьях это постоянные лобзания и нежные слова, постоянное проявление чувств, постоянное настолько, что возникает подозрение, есть ли за внешними проявлениями какая-нибудь любовь, или это привычная игра.

В других семьях какой-то холодный тон, как будто бы все живут отдельно. Мальчик пришел, довольно холодно обратился к отцу или к матери,

ушел по своим делам, как будто нет никакой любви. И только в редких приятных случаях вы можете видеть, как при внешне сдержанных отношениях мелькнет любовный взгляд и скроется. Это настоящий сын, который любит отца и мать. Умение воспитывать, с одной стороны, чувство любви откровенное, искреннее, от души, а с другой стороны — сдержанность в проявлении любви, чтобы любовь не подменялась внешней формой, не подменялась лобзаниями,— это чрезвычайно важная способность. На этой способности, на проявлении любви к отцу и матери можно воспитать прекрасную человеческую душу.

Коммунары любили меня так, как можно любить отца, и в то же время я добивался того, чтобы никаких нежных слов, нежных прикосновений не было. Любовь вовсе не страдала от этого. Они учились проявлять свою любовь в естественной, простой и сдержанной форме. Они находили способ проявить любовь ко мне без всяких лобзаний и нежных слов. Я думаю, что вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. Это важно и не только потому, что воспитывает человека внешним образом. Это важно и потому, что сохраняет силу искреннего движения, закладывает тормозы, которые пригодятся в каком угодно деле.

Здесь мы опять подходим к основному принципу: это — норма, чувство меры.

Это же чувство меры проявляется и в такой сложной, трудной области, как вопросы деловых, материальных отношений. Недавно ко мне пришла группа женщин из одного дома. В доме произошла драма. Две семьи дружили, и в той и в другой семье были дети. Мальчика Юру (он учился в седьмом классе) подозревали, что он взял что-то у себя дома без спросу, какую-то вещь или деньги. Друзьям этот случай был известен.

И вот у этих друзей пропала дорогая готовальня. Юра был частым гостем и своим человеком в этой семье. Никого чужого, кто мог бы взять готовальню, в доме не было, кроме этого мальчика. Подозрение пало на него. И эти две семьи, очень культурные, вполне отвечающие за свои поступки люди, как-то вдруг, неожиданно для себя, увлеклись процессом следствия. Им нужно было во что бы то ни стало установить: украл Юра готовальню или не украл. Они три месяца занимались этим делом. Правда, они не вызвали собаку, не вызвали никакой посторонней помощи, но они проверяли, допрашивали, подсылали и находили каких-то свидетелей, вели тайные разговоры и довели Юру до болезни. Наконец они стали требовать:

— Скажи, мы тебя не будем наказывать

Отец бил себя кулаком в грудь.

— Пожалей меня, я хочу знать, вор у меня сын или не вор!

Про мальчика забыли. Отец стал главным объектом, его нужно было спасать от страданий.

Пришли ко мне:

— Что дальше делать? Мы так не можем жить!..

Я с ворами имел много дела, и для меня воровство давно перестало быть самым страшным делом. В коммуне ежедневно общие собрания, на которых разбирались разные проступки. Опоздал на час из отпуска старый коммунар·

— Что это такое? Что за дисциплина? Как ты смел опаздывать? На пять часов под арест!

Все:

— Правильно!

— Виноват. Есть пять часов под арест!

И следующий выходит: украл. Украл три рубля у товарища.

— Ну что же, еще раза два украдет. Можешь идти.

Никакого гнева, знают, привык человек красть. Все прекрасно знают и уверены, что он перестанет красть.

Воровство — это не такая страшная вещь. Это предрассудок, который идет от тех пор, когда собственность была священной и неприкосновенной.

Я попросил привести мальчика ко мне. Я не всегда по глазам вижу, украл он или не украл, но я сказал ему:

— Ты ничего не украл. Готовальни ты не брал и не позволяй больше задавать себе вопросов о готовальне.

А с родителями я поговорил особо:

— Бросьте об этом разговаривать. Готовальни нет, исчезла, кто бы ее ни украл. Вас мучит вопрос, вор у вас сын или не вор. Вы как будто читаете детективный роман, и вам хочется знать, чем кончилось, кто — вор. Отбросьте это любопытство. Дело идет о жизни вашего ребенка. И раньше мальчик что-то крал, и теперь, может быть, он украл. Эта наклонность есть у него, воспитывайте его. Но этот случай забудьте и не мучайте себя и мальчика.

В некоторых случаях как раз чрезвычайно важно, если вы проследите, что ребенок что-то украл, а если вы можете доказать это и чувствуете, что нужно поговорить,— поговорите. Но если у вас ничего нет, кроме подозрения, когда вы не уверены, что он украл, защищайте его от всех посторонних подозрений. Но сами будьте бдительны и усильте внимание к вашему ребенку.

Одна девочка в трудкоммуне, взятая мною из проституток, действительно украла. Я вижу, что украла. Я вижу, что и ребята все уверены в этом, и она смущается. Оставалось мне последнее слово сказать. Я знаю, что она так привыкла красть, что для нее это так обычно, что, если мы скажем ей — как тебе не стыдно, на нее это не произведет впечатления. И я в совете командиров — а это серьезные люди — сказал:

— Чего вы к ней пристали? Я убежден, что она не крала и у вас нет доказательств.

Они кричали, кричали, но мое взяло верх. Отпустили ее.

И что вы думаете? Эта девочка сначала страшно заволновалась, посматривала на меня серьезно, с расстроенным видом. Она тоже человек неглупый. Ведь дело ясное — как я так поверил, и неужели я поверил ей, как я мог так поверить? Я играл или я так глубоко убежден? И когда я должен был давать ответственные поручения, я давал ей.

Так продолжалось месяц. Девочка переживала боль моего доверия. Через месяц зашла ко мне, заплакала:

— Какое вам спасибо, как меня все обвиняли, вы один защищали меня. Все думали, что я украла, а вы один думали, что я не украла.

Я ей тогда сказал:

— Это ты украла, именно — ты, я прекрасно знаю это и знал. Вот теперь ты больше не украдешь. Я никому не скажу, и ты не украла, разговор между нами «замнем».

Конечно, она после этого вовсе не крала.

Такие ходы — это тоже ходы нелживые, они исходят из чувства меры, и они должны найти применение в семье. Не всегда в семье нужно злоупотреблять правдой. Всегда детям нужно говорить правду, в общем это правильный закон, но в некоторых случаях приходится детям говорить неправду. В тех случаях, когда вы знаете, что он вор, но уверенности нет, скройте. А в некоторых случаях, когда вы убеждены и доказательства есть, сыграйте на вашем доверии. Это только чувство меры. Там, где вы касаетесь личности ребенка, там вы не можете выражать ваши чувства, ваше негодование, вашу мысль без меры.

Я уверен, что среди ваших детей нет воров. (*Смех в зале.*) Не видно, чтобы у вас это было. Но в других семьях это очень часто происходит.

И очень часто родители думают: отчего наши дети крадут?

Я убежден, что это самый легкий вопрос.

Так воспитать детей, чтобы они не крали,— это наиболее легкое дело. Гораздо труднее воспитать характер: смелость, тормоз, умение руководить своими чувствами, умение преодолевать препятствия. А воспитать уважение к вещам (не брать) — это легче всего. Если у вас в семье постоянный порядок и отец и мать знают, где что лежит, никогда в вашем доме воровства не будет. А когда вы сами не знаете, где что положили, бросили деньги на шкаф или буфет или положили кошелек под подушку и забыли, у вас дети могут начать красть. Раз в семье вы держите в беспорядке ваши вещи, то ясно, что и ребенок этот беспорядок видит. Он видит, что вся система вещей не находится в центре вашего внимания, и он уверен, что, если он какой-нибудь пустяк из этой беспорядочной системы возьмет, вы не заметите.

Первый случай детского воровства — это не воровство, это «взял без спросу». А потом это делается привычкой — воровством. Если ваш ребенок точно знает, что́ он может взять без спросу, а о чем должен предварительно спросить, то это значит, что ребенок никогда не будет красть. Простая штука, какое-нибудь пирожное, оставшееся от обеда или после приема гостей, которое стоит в буфете, и не заперто, и никто не запрещает его взять. Но если ребенок взял его тайно, взял без спросу, это уже воровство. И если постановлено в доме так, что дети этого пирожного без спросу не возьмут, это хорошо. Хорошо, если они не будут выпрашивать у вас, а просто поставят вас в известность. В таком случае не разовьется и воровство.

Если же вы все запрещаете и пирожное ребенок будет просить с самочувствием человека, которому могут дать, а могут и не дать, и от этого иногда развивается воровство. Если вы позволяете все брать и выносить или если он ничего не может взять в доме, когда у него никакой воли нет, на все должно быть дано разрешение, и в том и в другом случае может развиваться воровство.

Кроме того, очень важно, чтобы в доме были порядок и чистота, отсутствие пыли, отсутствие лишних, изломанных, разбросанных вещей. Это все чрезвычайно важно, гораздо более важно, чем кажется. Если в доме много вещей, которые мешают жить, но которые жалко выбросить, либо потому, что они чего-то стоят, либо потому, что они что-то напоминают, и поэтому торчат и обрывки старых платьев, и ковер, который только по-

тому лежит, что куда вы его денете, то в таких случаях воспитывается беспорядочность, отсутствие ответственности за вещи. Если в вашем доме только необходимые вещи, которые нужны действительно, которые чем-нибудь полезны и приятны, если не торчат старые, истрепанные, изношенные края, тогда воровство развивается с большим трудом. Эта ответственность, выражающаяся в вашем внимании к вещи, которую вы поставили или выбросили, когда она не нужна,— эта ответственность за вещь воспитывается и у ребенка, и принимает форму уважения к вещи, и служит иммунитетом воровства.

Я сказал о самом главном, что я считаю важным в нашей воспитательной работе: это чувство меры в любви и строгости, в ласке и в суровости, в вашем отношении к вещам и хозяйству. Это один из главных принципов, на которых я настаиваю.

Я подчеркиваю, что именно при таком воспитании можно вырастить людей, способных и к большому терпению, без жалоб и без слез, и к большому подвигу, потому что таким воспитанием вы будете вырабатывать волю.

Ответы на вопросы

Вопрос. У всех нас есть наболевшие вопросы, и нам всем интересно поговорить с А. С. Макаренко.

У меня два мальчика. Условия воспитания одинаковые, а ребята разные. Одного не интересуют деньги, а другой не может видеть денег, чтобы не взять. Никакие замки не помогают. Трудовая обстановка в семье, родители живут дружно. Но если оставить варенье, он обязательно съест. Если оставишь кошелек с 30—40 рублями, возьмет последнее.

Парень хороший. У чужих не возьмет, свое отдаст. Не знаешь, как к нему подойти. Отец возмущается, когда об этом говоришь. Мальчику шестнадцать лет, а физически развит, как в восемнадцать. Старший — комсомолец, а этого комсомол не интересует. Очень красив собой. Девочки нравятся ему. Учиться не хочет и учился плохо с первого класса. Переходит из класса в класс на «посредственно». Труд ему ненавистен, но он за все хватается.

— Что, ты хочешь учиться?

— Да.

— Почему же не учишься?

Молчит.

— Не хочешь учиться — иди работать. Чего ты вообще хочешь в жизни.

— Не знаю.

Футбол любит. Приходит домой в три часа ночи.

— Где ты был?

— Где был — там нет.

Чужим не грубит — в семье грубит. И вот это воровство.

Как быть с ним? Отец говорит — он не брал, а я говорю — брал. Отец играет на этом доверии, но никакого толку от этого нет.

Сейчас перешел в девятый класс.

Ответ. Почему вас постигли неудачи в воспитании младшего сына?

На ваш вопрос невозможно дать ответ заглазно. Если бы я познакомился с мальчиком, я мог бы поговорить и дать совет, но, не зная вашей обстановки, не зная ваших ошибок, ошибок в тоне и других, не зная ваших знакомств и быта, не могу взять на себя ответственности дать какой-либо совет.

Но вообще должен сказать — неутешительные факты. В «Книге для родителей» я стараюсь говорить на одну тему: как нужно правильно воспитывать, а как нужно перевоспитывать, я ни в «Книге», ни сегодня не пытался говорить. Для семьи это чрезвычайно трудная вещь. Чтобы перевоспитывать, необходимо изменить весь тон коллектива, в котором он живет; ваш сын в коммуне был бы самым легким мальчиком, поскольку он и грамотный, и нормальный, и красивый, а вы в семье действительно растерялись, что можно с ним сделать. Вы бросаетесь из стороны в сторону, вы то одно попробуете, то другое попробуете. Но я уверен, что если вы позовете меня к себе в гости и если мы с вами побеседуем, то мы придем к какому-нибудь результату. У меня много таких домов, где я бываю в качестве педагога-консультанта. Это и для меня важно: я расширяю сферу наблюдений. Причем прошу не стесняться: вы обращаетесь ко мне, а я оказываю вам какое-то содействие, вы мне поможете, а я вам помогу.

Вопрос. У меня девочка, ей шесть лет. Я хотела бы воспитать из нее смелую хорошую девочку, но, несмотря на все мои усилия, а я избегала запугивания ребенка, все-таки у меня ребенок несмелый, боязливый. Когда ложится спать, всегда спрашивает: «Какие мне будут сниться сны?» Как будто бы она боится снов. Она просыпается, когда видит сны.

Каким образом воспитать смелость в ребенке? Я много старалась, но результатов нет.

Ответ. Вы спрашиваете, как бороться с несмелостью девочки?

Здесь вам нечего бояться. У девочек в шесть лет сплошь и рядом бывает повышенная восприимчивость, нервность. Девочка в шесть-семь лет несмелая, а в одиннадцать станет таким буяном, что не удержите.

Нет ли у вас в семье или по соседству людей, которые рассказывают всякие страхи. Чего она боится?

Я не представляю себе, что это за тип страха. А может быть, это воображение? Иногда это очень сильно развитое воображение.

Здесь врач больше поможет. Вы никаких данных для определения поведения девочки не даете. Не познакомившись с девочкой, было бы несерьезно с моей стороны говорить о ней. Вы разрешите зайти к вам, а сами лучше поговорите с врачом по нервным болезням.

Вопрос. Как быть в таком случае? Дома с мальчиком беседуешь, что можно, чего нельзя. Прививаешь ему хорошие навыки. И отпускаешь его к ребятам, т. е. не ограничиваешь его в том, чтобы он был среди ребят. Хотя знаешь, с какими разными детьми он общается, знаешь, что он может научиться ругаться, знаешь, что ребята разговаривают и о воровских делах. Не отпускать ребенка тоже нельзя, тогда его нужно засадить дома, смотреть за ним и лишить его всяких удовольствий. Отпускать его опасно потому, что от детей в нашем дворе можно ожидать много всяких неприятностей.

Ответ. Вопрос трудный, как оградить ребенка от посторонних вредных влияний. Как-то к нам в Союз приезжал видный французский поли-

тический деятель, побывал он и в нашей коммуне[1]. Коммуна ему очень понравилась. Он плакал, пока оркестр коммунаров играл Бетховена. Он не мог себе представить, что бывшие «уличные мальчики» играют ему Бетховена. Решил познакомиться ближе.

— Все бы хорошо,— сказал он,— но с одним я не согласен: как вы допускаете, что нормальные, хорошие дети воспитываются вместе с бывшими воришками и маленькими бродягами?

Ему я коротко ответил:

— А в жизни как — хорошие люди живут рядом с плохими? Особенно в капиталистическом обществе темные дельцы, мошенники среди честных людей?..

Готовить детей, чтобы они могли жить только в обществе идеальных людей, мы не можем. Такого мальчика воспитаете — он скиснет, как только попадет в общество. Ваш мальчик должен приучаться к обществу самых различных людей. Он должен уметь и ладить с людьми, и сопротивляться, и чем он больше окружен всеми условиями жизни, тем лучше. Изолировать его, не пускать — это может принести большой вред. Он так приучится к семейному инкубатору, что каждый его сможет обмануть и провести. Нужно воспитывать сопротивление. Для этого есть прекрасный способ: это тон вашей семьи. Если в вашей семье настоящий хороший тон, если вы имеете авторитет, если мальчик верит, что его мать самая красивая, самая справедливая, самая аккуратная, самая веселая и в то же время самая серьезная, то не нужно его убеждать, потому что вы для него то высшее существо, авторитет которого — самое главное. А раз вы начинаете уговаривать и убеждать, он думает: ты, значит, не такое высшее существо, раз ты меня убеждаешь. Говорите совершенно просто: «Ты должен знать, что этого делать нельзя». Если он все-таки поступил дурно, потребуйте от него: «Объясни». *Пусть он вам объясняет свое поведение, а не вы ему*. Этот момент распоряжения, не подлежащего сомнению: «Нельзя»,— уже будет первым шагом вашего сына к умению сопротивляться.

Если мальчик, с которым ваш сын играет, плохой, вы не запрещайте сыну с ним играть, но подойдите поближе к этому мальчику, узнайте, чем он нехорош, и узнайте, в чем, когда проявляется это дурное. Сделайте так, чтобы не убеждать этого мальчика, а произведите на него впечатление вашей уверенностью, вашим спокойствием, чтобы сын видел, что вы не трепещете, что и он таким же дурным сделается. Здесь дело не только разума и души, но и глаза, умения помочь своему сыну и чужим детям, если это нужно. И сын уверенно пойдет за вашей силой, тогда вредные влияния не страшны, он будет легко преодолевать их.

Вопрос. У меня мальчик учится в четвертом классе. К родителям относится идеально. Если он заболевает, то не разрешит себе ночью позвать мать:

— Ты устала, я сам встану.

Ребенок дисциплинированный. В школе педагог периодически подсаживает к нему детей недисциплинированных. Я не имела ничего против этого. Но у ребенка развивается какая-то неприятная черта. Он приходит домой и говорит:

— Знаешь, а сегодня мой «п и т о м е ц» получил уже отлично. Так его, вероятно, пересадят, а ко мне Петрова или Иванова подсадят. Надо будет и его вытягивать.

Я не знаю, насколько это полезно для него или вредно и как ему объяснить, что все-таки он не педагог еще, а такой же мальчик.

Другой случай. В семье, которую мне пришлось наблюдать, рос мальчик. Я знаю его с полутора лет. Рос хороший мальчик. Задатки были хорошие. Отец был артистом. Мать — домашняя хозяйка. Отец умирает, мальчику двенадцать лет. Он остается некоторое время таким же хорошим. Сестра — очень хорошая девочка; когда она была маленькой, брат ее очень жалел. Сейчас он не жалеет ни мать, ни сестру. Почему так получилось, что после смерти отца из хорошего мальчика вдруг получился грубый, дерзкий шестнадцатилетний парень? А ведь мать очень любила детей и последнее им отдавала, она и сейчас сама не съест, а сына накормит.

О т в е т. Если мать отказывает себе во всем, отдает сыну даже свою пищу,— это наибольшее преступление. Сын должен матери отдавать пищу, сын должен отказывать себе для матери. А в этой семье, о которой вы рассказали, пусть мать начинает борьбу. Это трудная борьба.

Я сторонник того, чтобы в трамваях дети уступали место взрослым. Это правильно, но по этому вопросу приходится часто спорить с родителями. А я убежденный сторонник того, чтобы в семье все лучшее было прежде всего родителям. Если у вас есть шелк, надо шить платье матери. Если у вас есть сто рублей и стоит вопрос, кому поехать прокатиться по каналу «Волга — Москва» — родителям или детям, то самое лучшее решение — в первую очередь родителям, а потом уже детям. Это вовсе не значит, что вы о детях перестанете беспокоиться. Вы можете о них заботиться, но так, чтобы они были убеждены, что в первую очередь должна быть забота о родителях.

Мне приходилось слышать такие рассуждения. Комсомолка, да еще отличница, говорит матери, когда решается вопрос, кому шить новое платье:

— Да что тебе нужно? Тебе тридцать восемь лет, сколько тебе осталось жить, а я молода, мне нужно жить!

У меня дочери нет, но племянница у меня жила и воспитывалась. Если у жены четыре платья, а у племянницы два, я настаиваю, чтобы жена сшила себе пятое платье, а девочка пусть подождет третьего. Я предложил бы девочкам до шестнадцати лет делать только ситцевые платья. А окончит десятилетку — получай простенькое шелковое. Имей два-три ситцевых платья, а еще сама их зашивай, и гладь, и перешивай, если нравится, и это норма. А если подруге сшили шикарное платье, так и мне нужно — это не годится. Так нужно сделать, чтобы дочь гордилась ситцевым платьем и гордилась тем, что матери уступила.

Что же касается вашего сына, мальчика-«педагога», то раз здесь вмешались школа и учитель, что я могу сделать? Там ведь понимают, что делают, люди ученые.

Я сам поручал своим коммунарам наблюдение за более слабыми. Но это нужно инструментировать иначе. Другая инструментировка должна быть. То есть я не говорил, что ты лучше, а тот хуже, а я говорил:

— Ты того-то не сделал, так я тебе даю нагрузку: повозись с этим отсталым человеком. И непременно добейся хороших результатов, а если не добьешься, будешь отвечать

При такой постановке вопроса, оказывая помощь товарищу, он не чувствует себя педагогом, он исполняет данное ему поручение.

В вашем случае плохо то, что и другим мальчикам в классе не поручают того же, что и вашему сыну. Если одни другим помогают, то никто не будет воображать себя педагогом. Все это зависит от стиля учительской работы. Общего закона здесь придумать нельзя. Вредно, если ваш сын зазнается, очень вредно. Ему нужно сказать: «Учитель немножко ошибся, тебя самого нужно еще подтягивать».

Если учитель делает ошибку — что я могу подсказать? Это очень грубый, дешевый метод.

Выступления по докладу

Тов. Л. Сегодня я с большим нетерпением сюда шла послушать т. Макаренко о воспитании детей, и все то, что сказал тов. Макаренко, полностью совпадает с воспитанием моих ребят. Это, очевидно, потому, что у меня не один ребенок, а трое.

Как понимать родительское счастье? Конечно, оно заключается не только в любви к детям и какой-то особой комфортабельности быта, а в том, чтобы родители работали и дети видели и ценили эту работу.

Мой муж работает, я тоже работаю — общественной работой занимаюсь. Я нахожу моральное удовлетворение в этой работе. Я счастлива, что мне ясна цель воспитания моих ребят.

Как я начала их воспитывать? Почему такое сходство с тем, что сказал т. Макаренко? Действительно, с пеленок, все трое ребят у меня с рождения никогда не были на руках. Ребенок лежит в коляске, его нужно кормить — беру кормлю. Спать с собой никогда не кладу. Сажусь обедать или пить чай, ребенка не беру, в гости с собой никогда не брала. Проснулся ребенок, играет в кроватке. Если заплачет, я выясню причину и устраняю ее. И дети до года совершенно на руках не были. И этот режим строго соблюдался.

Сейчас старшему одиннадцать, второму восемь и третьему четыре года, три мальчика. Своих детей я очень люблю, все для них делаю: хорошо одеваю, кормлю, стараюсь доставить им приятное, хожу с ними в театр, в кино, в лес. А наказание заключается в том, что я лишаю ребенка какого-нибудь удовольствия, если он провинился.

Режим дня у меня точный.

Мы, родители, должны прежде всего воспитывать своих детей, а у нас зачастую бывает так: сегодня режим нарушили, а завтра уже новый распорядок. Это очень отражается на детях. Мне трудно бывает, но я не отклоняюсь от режима дня.

Если я куда-нибудь ухожу, я даю детям указания, что они будут делать без меня, а когда прихожу, то я премирую тех, кто лучше себя вел. Премирую хорошей конфеткой или игрушкой.

Родители должны иметь авторитет. А для этого мы должны свое слово всегда честно, правдиво приводить в исполнение.

Один маленький пример. Я вела общественную работу в школе. Был такой случай. Своих ребят, ребят школы, где учится мальчик, я водила неоднократно в театр. Я шефствовала над одним классом. Мне говорят, что там пять хулиганов. Я спрашиваю:

— Ребята, кто пойдет из вас в театр? Кто будет хорошо вести себя, всех в следующий раз возьму в театр.

Раз я говорю, я должна привести в исполнение.

На следующий раз, когда я прихожу в класс, обращаюсь к одному из тех мальчиков, которые считались хулиганами:

— Ну как, Сироткин, вел себя хорошо?

Он вел себя хорошо.

— Деньги есть?

Вынимает деньги.

Когда вела ребят в театр, мне говорят:

— Он убежит от вас. Каждый педагог говорит, что хулиган, хулиган — никто не сказал ему ласкового слова.

Когда приехали в детский театр, мне говорят — вы его одного не отпускайте. А я ему говорю:

— Иди и гуляй, но только знай свое место.

Когда в антракте я стала подходить к своему месту, я увидела позади себя мальчика: он ходил за мной и смотрел, куда я пойду.

Я на него не обращала внимания, но здраво говорила с ним, и он великолепно встал в пару и хорошо себя вел, а когда мы доехали на трамвае и стали расходиться по домам, он сказал мне:

— До свидания, тетя!

Индивидуальный подход к ребенку и ласка, прежде всего, должны быть.

В отношении своих ребят. Я довольна, что частица того, что сказал тов. Макаренко, отражается в моей жизни. Но мне кажется, я бываю строга.

Нужно ли эту строгость продолжать в таком духе?

М а к а р е н к о. У меня впечатление, что к своим вы очень строги, а к чужим, вероятно, ласковы.

Т о в. Л. Иногда ребенку чего-нибудь хочется, я отказываю, или ему хочется пойти, а я говорю: «Без меня не можешь пойти, не можешь самовольно уходить» и т. д. Может быть, я не представляю такого широкого права. Ему одиннадцать лет.

В отношении воровства. Недавно был такой случай. Я взяла новую прислугу. Когда бабушка высыпала сахар и ребята его не таскали, она удивилась и говорит:

— У той хозяйки дети всегда таскали сахар.

У меня ничего не запирается и нет того, чтобы ограничивать ребят, но если ребенок что берет, он ставит меня в известность: я взял то-то.

С м е с т а. Ваш муж вам помогает или подрывает вашу дисциплину?

Т о в. Л. Мой муж большой авторитет для детей. В длинные беседы он с ними не пускается, когда они провинятся. Недавно был такой случай. В выходной день утром он говорит:

— Ребята, одевайтесь, поедем на лыжах.

А старшему (он провинился):

— Ты на лыжах не поедешь с нами.

Больше ничего не было сказано. Мы собираемся выходить. Сын подходит ко мне:

— Мама, я с вами пойду.

— Я ничего не знаю, спрашивай папу.

Отец сказал: «Нет». Сын просил и плакал, но мы его так и не взяли кататься на лыжах, несмотря на то что это ему полезно. Мы считаем, что свое слово нужно всегда приводить в исполнение.

Макаренко. Это чрезвычайно интересно.

С места. Многие матери, в том числе и я, к чужим детям более ласковы, чем к своим, т. е. к своим строже. И сын делает мне замечание:

— Ты как будто бы того больше любишь.

Я отвечаю:

— У него нет папы и мамы (на этот раз это было так), а у тебя есть мама. Хоть я тебя и поругаю, все-таки я твоя мама.

Макаренко. Потому что я тебя больше люблю, поэтому я строже.

С места. А у меня девочка четырнадцати лет. Она растет замкнутой. У нее нет подруг. Второй год она работает в кружке собаководов, она дрессирует собак. А мы с отцом смотрим на это так: ну что девочка с собаками возится. Когда начинаешь говорить девочке, когда ты кончишь гонять собак, она отвечает: или я собак буду дрессировать, или по задворкам буду гулять. Но отец и я смотрим, что это пустяковое занятие. Мы это очень переживаем.

На туалеты не обращает внимания, лишь бы было чистое. Перешла в седьмой класс, «посредственно» имеет только по русскому письменному. Она хочет быть собаководом, работать по биологии.

Макаренко. Я удивляюсь вашему беспокойству. Такой замечательный случай. До чего неприятна та молодежь, которая ничем не интересуется, лишь бы только вечер провести. Это действительно самый несчастный случай. А если девочка увлекается собаками и заинтересовалась биологией, это шикарно, и пусть увлекается. Собаки — это прекрасные существа, их общество никогда не вредно.

С места. Одна из товарищей, говоря о воспитании своих детей, сказала, что она премирует ребят за хорошие поступки. Правильно ли это?

Макаренко. Я это записал. Что касается премирования шоколадкой, я против этого. В семье одно премирование должно быть: «Ты поступил правильно». Вы можете дать шоколадку независимо от поступков.

Мои коммунары жили богаче, чем многие дети в семье. Они делали фотоаппараты. Мы построили прекрасное здание: паркет, зеркала, прекрасные картины. Вы можете прочитать «Флаги на башнях», печатается в «Красной нови». Этот вопрос о премировании меня всегда занимал. Как это просто — подкупить ребенка: сделаешь это — получишь премию. Я всегда сопротивлялся. Никакой премии. Самая большая премия: «Правильно поступил». Еще бóльшая премия — благодарность в приказе. Это высшая награда, и никто из коммунаров никакой другой награды не получал.

Если какой-нибудь мальчик поступил безобразно, некрасиво, я его наказывал. Как я мог наказывать? Под арест или в наряд, но лишить его пищи или сладкого, не дать чего-нибудь — этого я себе не позволял.

Шоколад всем полагается, и ты получи, как бы ты ни был плох. Ни премирование, ни наказание при помощи сладостей не допустимы.

Это небольшая опасность, но это приучает к бухгалтерии, расчету. До одиннадцати лет эти «бухгалтеры» себя не проявляют, а когда им будет 18—20 лет, вы увидите неприятные последствия. У вас прекрасная норма строгости и ласки, но в шоколадках что-то есть, что надо пересмотреть.

Тов. Л. Я не премирую их каждый день. Мне нужно идти на собрание, они остаются одни. Я им говорю:

— Ребята, будете вести себя хорошо, я вам вкусных вещей принесу.

Макаренко. В этом случае вы поступаете, как старомодная мамаша. Вы такая сильная мать, вы можете без этого обойтись. У вас это, может, вреда не приносит, потому что у вас и без того хорошо, а у кого слабовато, это может быть и вредно.

Тов. Л. Ведь лучших стахановцев на заводе премируют, и дети знают, что и папу премируют. Вот папа получил премию, а почему мне нельзя?

Макаренко. Если вы дадите длительное задание детям на год вперед,— за перевыполнение плана — премия. Но при этом должна быть не конфетка, не шоколадка, не велосипед, а что-нибудь такое, что ему нужно для работы: инструмент или молоток. Тут выбирать не так легко. А это — «будешь хорошо вести — дам конфетку» — я никогда не применял бы.

И часто вы хвалите. А если редко хвалишь, то похвала действует очень сильно. Иногда я приглашал того или другого коммунара официальной запиской: «Прошу прибыть в 11 часов». Когда он приходил, я вставал и говорил в таких случаях: «Ты поступил правильно»,— и это для всей коммуны было событием. Я признал его поступок правильным.

И в семье это легко.

Я остановлюсь вот еще на каком вопросе. Муж и жена. Семья состоит не всегда из двух одинаковых компонентов: иногда жена мягче, муж строже, а иногда наоборот: муж такой сахарный, ласковый, что никакого спасения, а жена зато все в руках держит. Я прихожу к такому заключению: это как-то нужно упорядочить — в семье должны быть две инстанции — низшая и высшая. Кто больше в этой семье уделяет внимания детям? Если жена, то муж должен быть в запасе. Он должен посматривать и по поводу незначительных конфликтов с детьми говорить очень редко. Такой разговор в «высшей инстанции» должен иметь вид маленького «скандала». Когда ребенок немного провинился, лучше отцу не вмешиваться: мать одна разберется. А когда мальчик «перебрал» в своем поведении, тогда можно позвать на помощь «тяжелую артиллерию» — папу. Это необходимо.

А когда одновременно «набрасываются» и отец и мать, это непосильная нагрузка детям. И здесь нужно распределить, кто будет апелляционной инстанцией, кто кассационной, а кто постоянно действующей.

С места. Что вы считаете излишним в семейной обстановке и что не считаете лишним? Если я буду воспитывать ребенка в «голой» обстановке, правильно ли это? Допустим, много вещей не нужно, и все они должны лежать в строго определенном месте. Каждый из нас старается это делать, потому что непорядок в доме — это значит непорядочно воспитывать ребят.

Не скажу, чтобы у меня была скудная обстановка Я сама художница, и у меня висят картины. Завесить всю комнату картинами — это, может быть, негигиенично, и не лучше ли будет, если бы я сняла картины?

Но мой сын попал на квартиру к преподавателю математики. В классе этот преподаватель детям кажется сухим педантом, придирчивым, бездушным человеком. И какое же впечатление произвела на сына (мальчику восемнадцать лет) домашняя обстановка этого преподавателя!

— Я думал, что он сухой, неинтересный человек, а когда я к нему зашел, мне стало так приятно сидеть у него. У него висят хорошие картины, стоят старинные диваны, старинный стол, все это ласкает глаз — не хотелось уходить, а в классе ждешь не дождешься, когда он уйдет.

Другой случай. У меня для мальчиков ширмами выделена комната. Я старалась, чтобы в их комнате не было картин. А недавно, в пушкинский юбилей, один художник подарил нам портрет Пушкина. Я вставила его в раму и повесила у мальчиков в комнате.

— Как приятно — Пушкин! — сказали они.— Нельзя ли еще что-нибудь повесить?

Хорошая обстановка, хорошие вещи облагораживают ребят, а вы сказали — лишних вещей не нужно. Я боюсь, что я не так поняла. Что считать лишними вещами?

Макаренко. На этот вопрос вы сами как художник можете ответить. Лишние вещи — это вещи, которые лишние. Портрет Пушкина нравится, производит впечатление — это не лишняя вещь. Лишняя вещь — это та вещь, которая не нужна, никакого впечатления ни на кого не производит, торчит в комнате. Разве вы не знаете квартир, которые похожи на мебельный магазин. Иным это кажется — роскошь, а на самом деле мебельный склад. Если вы просто завесите вашу комнату картинами, то из них половина будет лишними.

Не должно быть вещей, пришедших в изношенность. Не должно быть книг, которых никто не читает, не должны лежать прошлогодние журналы, не должны стоять диваны, на которых никто не сидит и которые только загромождают комнату. Лишнего, пыльного, истрепанного быть не должно, а вообще красивая богатая обстановка — почему же, это не так плохо. То, что вы повесили мальчикам портрет Пушкина, это прекрасно.

С места. Я педагог. Мне приходится сталкиваться с детьми по линии учебной. Вызываешь родителей, говоришь, что ребенок несистематически готовит уроки. Родитель рвет и мечет Но добиться, чтобы родители следили за дневником ребенка, усаживали регулярно за уроки, не удается Один из важнейших принципов — не действовать наскоками на ребят, а проводить определенный метод воспитания, предъявлять к ребенку требования и постоянно соблюдать их.

У т. Макаренко именно этот принцип. Я была у него в колонии, когда была еще студенткой, и на всю жизнь вынесла яркое впечатление. Я видела, что ребята отлично знают, что они могут делать, чего не могут. Такой образцовый порядок, дающий возможность воспитывать ребят, должен быть в семье. Больше всего мешает эта несистематичность, когда мать то кричит на ребенка, то бьет его, то позволяет ему делать, что угодно. То, что обещания не выполняются, это тоже чрезвычайно вредно влияет.

Макаренко. Я заключительного слова говорить не буду. Этот вопрос закончить никогда нельзя, и мы долго можем об этом разговаривать.

На один только вопрос мне хочется ответить: это насчет материальной обеспеченности и необеспеченности семьи. Насчет карманных денег. Это корректив чрезвычайно важный в семье, когда вы не сами покупаете, а даете детям смету, и в эту смету они должны укладываться. Конечно, деньги нужно давать не в излишнем количестве.

Иногда говорят, что трудно воспитывать детей, когда нет материальной обеспеченности. Я не скажу, чтобы в семьях со скромным материальным достатком было худшее воспитание, чем в богатых. Процент брака в воспитании детей в тех и других семьях примерно одинаковый. Все это зависит от родительской заботы и родительского внимания. Мой коллега правильно заявил, что нужно систематически воспитывать детей, а не то, что раз в месяц воспитывать. Систематическое воспитание очень важно.

Что же касается школы и семьи, то я никогда не вызывал родителей. Я педагог. Шестнадцать лет учительствовал и считал, что если дети у меня воспитываются, я квалифицированный воспитатель, так я детей заставлю вносить положительное влияние в семью [2].

Попробуйте стать на эту точку зрения, и вы увидите, как будет легко, когда вы научите детей чувствовать ответственность за семью. Нужно детей в школе так воспитывать, чтобы они вносили в семью какую-то дополнительную здоровую струю, не то, чтобы перевоспитывали семью, а чтобы они шли в семью как представители государственной школы и несли эти идеи в жизнь.

Вопрос, конечно, еще дискуссионный. До следующего раза. Спасибо за внимание.

ВОСПИТАНИЕ В СЕМЬЕ И ШКОЛЕ

Воспитание детей в семье и школе — это тема такая огромная, что о ней можно говорить не один вечер, и, пожалуй, всего не скажешь. За один вечер мы сможем коснуться только кое-каких главных вопросов. А вот в главном-то я, может быть, и не специалист. Вы спросите, почему? Да вот сами увидите. Я расскажу вам коротко о себе.

Я учитель. Учитель с 17 лет. Первые 16 лет я работал в железнодорожной школе. Я сын рабочего и учительствовал на том заводе, где работал отец. Проработал 16 лет. Это было еще при старом режиме, в старой школе.

Первые 16 лет моей педагогической работы я в таких решающих, труднейших вопросах, как связь семьи со школой, плавал, хотя находился в более благоприятных условиях, чем многие из вас.

Почему? Да потому, что я был учителем, а потом заведующим заводской школой, которая и объединяла детей рабочих одного завода, одного рабочего поселка. И я сам был членом рабочего коллектива, членом рабочей семьи. И мои ученики, и мои родители представляли собой единое небольшое рабочее общество одного завода.

Следовательно, возможности у меня были очень большие. У вас в Москве этих возможностей, пожалуй, меньше, так как вы объединяете детей по признаку их территориального размещения.

Их родители не связаны в единый рабочий коллектив. Вы имеете, может быть, меньше возможностей подойти к семье, чем я. Но зато у вас такое прекрасное условие, как Советская власть. У меня тогда этого условия не было. В то время была старая самодержавная Россия.

После революции судьба отдалила меня от семьи. Шестнадцать лет я работал с ребятами, не имеющими родителей, не имеющими семьи. С родителями я почти и не встречался.

Правда, за последние годы я опять приблизился к семье, но моя основная работа при Советской власти — это работа в учреждениях, в которых жили воспитанники, «принципиально» не признающие семьи.

И если у нас появлялся ребенок, у которого где-то далеко на горизонте были папа и мама, то к такому ребенку относились несколько свысока: ты, дескать, плебейского происхождения, а мы настоящие аристократы улицы.

Если же папа и мама располагались настолько близко, что иногда заезжали даже в коммуну, то их встречали очень нелюбезно и говорили: что вы сюда ездите? Что вам здесь нужно? Мы без вас управляемся хорошо, и ваш сын без вас тоже прекрасно управится, и нечего вам здесь делать.

Были случаи и более трагические.

У меня был один замечательный случай. Произошел он в интересной обстановке.

По поручению какой-то кинематографической организации приехал ко мне кинооператор заснять коммуну им. Дзержинского в Харькове. Юркий старичок, из тех, которые все умеют видеть, все умеют найти, очень разбитной, очень расторопный.

Он пришел в восторг от коммуны. Все ему нравилось. И вот в тот момент, когда я с ним в кабинете о чем-то договаривался, совершенно неожиданно вваливается товарищ довольно культурного вида, но видно, что человек только что из вагона, очень запыленный, и говорит.

— Я приехал из Мелитополя. Я получил сведения о том, что у вас живет мой сын Вася Столяров.

— Да, есть такой.

— Так вот я его отец. Он убежал из дому, я его полгода искал, теперь узнал, что он у вас, приехал за ним.

Человек волнуется, голос у него дрожит.

— Ну что ж, пожалуйста, позовите Васю.

Прибыл Вася. Мальчику лет четырнадцать. Мальчуган полгода пробыл в коммуне. В форме, подтянутый, умеет стоять, умеет смотреть, все как полагается. Пришел, встал, спрашивает:

— Вы меня звали?

— Да, приехал твой отец.

— Отец?

Ну, уж здесь все формы исчезли: бросились друг к другу в объятия, целуются, любовь необычайная: отец любит сына, сын любит отца и т. д.

Кончились объятия и поцелуи. Мальчик привел себя в порядок. Отец говорит:

— Так вы его отпустите со мной?

— Пожалуйста, решает сын. Как он захочет, так и будет. Захочет ехать с вами, пусть едет.

И вот этот самый мальчуган, который только что плакал от радости, покраснел, посерьезнел, смотрит на меня, качает головой и говорит:

— Не поеду.

— Почему, ведь это же твой отец?

— Все равно, не поеду.

Отец побледнел.

— Как не поедешь?

— Не поеду.

— Почему?

— Не поеду — и все.

— Почему ты не хочешь ехать? Это же твой отец?

— Не хочу, не поеду.

Отец начал горячиться:

— Хочешь не хочешь, а я тебя возьму.

Здесь мои командиры вступились:

— Здесь вы никого не можете взять, он коммунар-дзержинец; можете ему поклониться, захочет — поедет, не захочет — не поедет.

Отец упал в кресло. Истерика. Заволновались. Успокаивали его, успокаивали, водой поили. Успокоился он немного, говорит:

— Позовите Васю.

— Нет, теперь не позову.

— Да ведь только попрощаться.

Посылаю своего связиста:

— Спросите, хочет Вася попрощаться с отцом?

Пришел Вася. Опять начали плакать, обниматься, целоваться. Когда все кончилось, Вася спрашивает:

— Мне можно идти?

— Пожалуйста, иди.

Он ушел, а я с отцом еще часа два сидел, смотрел на него. Он сидел в кресле, вздыхал, плакал, успокаивался, опять плакал. Так и уехал без Васи.

Но «драматичнее» всего было в этой истории то, что мой кинооператор пришел от этой сцены в дикий восторг и, совершенно неспособный к переживаниям, он, пока здесь отец с сыном плакали, целовались, обнимались, ухитрился все это заснять и был очень доволен:

— Нашему брату, оператору, на такой случай раз в жизни удается нарваться.

Здесь я хочу заострить вопрос о семье и семейном воспитании. В 1935 г. мне поручили ликвидировать беспризорность и безнадзорность на Украине. И вот здесь на практике я узнал, как работает семья и почему семья поставляет нам малолетних правонарушителей, беспризорных.

Мне пришлось бывать во многих семьях, пришлось познакомиться со многими родителями, пришлось помогать им в тех или иных случаях,

когда они в этой помощи нуждались. Только в это время я ближе подошел к семье, главным образом к той семье, где неудачные дети.

Под влиянием этих своих впечатлений и своей работы я и решил написать свою «Книгу для родителей».

«Книга для родителей» задумана в четырех томах, поэтому в первый том вошло не все. Первый том посвящается вопросам семьи как коллектива. Все остальные вопросы, выходящие из этого круга, не могли в него войти.

Я хотел в первом томе показать, что для успешного воспитания ребенка семья должна быть прежде всего советским коллективом. В тех случаях, когда этот коллектив дает трещину по разным причинам: либо по причине раздора между родителями, либо по причине ухода одного из родителей, либо по такой причине, как отсутствие режима, отсутствие родительского авторитета, и даже по такой причине, которой до сих пор не придавалось должного значения, как единственный ребенок в семье,— условия воспитания становятся более тяжелыми, так как коллектив теряет признаки коллектива. Семья в некоторой своей части перестает как будто быть коллективом.

Только этот вопрос я и сумел разобрать в первом томе.

Вообще, товарищи, с родителями мне редко приходилось встречаться. Но за последние годы — 1932, 1933—1935-й, когда коммуна наша выросла, когда коммуна начала выпускать фотоаппараты «Лейки», стала богатой, перешла на полный хозрасчет и могла давать государству свою продукцию, многие родители начали обращаться с просьбой принять их детей.

Мы не были принципиальными сторонниками родителей, но, как ни вертелись, пришлось все-таки уступить. Начали принимать детей, имеющих семьи, по просьбе родителей.

Обращались к нам очень многие, со всего Союза, но принимали мы только в крайнем случае, когда ребенок был настолько великолепным экземпляром с нашей точки зрения, что мы нуждались в его обществе.

Детей хороших, послушных мы, конечно, принципиально не принимали. Нам нужны были такие, которые обокрали родителей, избивали мать, называли ее всякими черными словами, вообще дети с «сильным» характером.

Я считал себя, хвастливо считал, великим специалистом по перековке всякого рода правонарушителей. Я и думал: «Что такое ребенок, имеющий семью, разве трудно его перевоспитать, это же мелочь». А как посмотрел я на этих ребятишек, имеющих родителей, так и увидел: куда наши правонарушители годятся.

Убийца, развратник, вор, самый отчаянный «путешественник» по сравнению с ребенком, имеющим папу и маму, просто агнец кроткий.

Дети, имеющие семью, большей частью были из хороших семей и очень балованные. Были такие, которые говорили:

— У моего папы «бьюик», у моего папы «Линкольн».

Были такие, которые привыкли ездить только в международных вагонах. И вот эти были самыми трудными.

Беспризорный только на меня рассчитывал, на меня одного смотрел: человек дает мне путевку в жизнь. И хоть я иногда давал эту путевку в жизнь грубо, но он знал, что все-таки это путевка в жизнь.

Ну, а этот ребенок как смотрел на меня?

— Что вы со мной так разговариваете, вы знаете, кто мой папа, вы знаете, кто моя мама?

А в случае чего «смывался» и шел домой.

Так что дети, имеющие семью, нисколько не легче и не проще беспризорных.

Во втором томе говорится о политико-моральном воспитании ребенка в семье и, конечно, в школе, поскольку семью от школы отделять нельзя.

Третий том будет говорить о трудовом воспитании и о выборе профессии.

И наконец, четвертый том посвящается важнейшему вопросу, к сожалению до сих пор не поднятому в педагогике, вопросу о том, как воспитать человека, чтобы он был не только прекрасным работником, не только хорошим гражданином, но чтобы он был еще счастливым человеком.

Не подумайте, пожалуйста, что я хочу научить человека быть счастливым. Научить человека быть счастливым нельзя, но воспитать его так, чтобы он был счастливым, можно.

Это самый трудный вопрос, трудный потому, что над этим вопросом все родители думают. Каждый родитель хочет, чтобы его ребенок был счастливым. Это цель родительской жизни. Для этой цели родители готовы отказаться от собственного счастья, готовы пожертвовать собственным счастьем, лишь бы сын или дочь были счастливы. Очень трудно найти таких родителей, которые не думали бы об этом и не хотели бы этого. А если мы таких находим, так мы их осуждаем.

Вопрос, товарищи, как видите, важный, и вопрос очень трудный, потому что никогда еще не было решено практически, от каких качеств характера, от каких привычек, традиций, развития, убеждений зависит счастье и что такое счастье.

Было бы, конечно, лучше, если бы были написаны все четыре тома «Книги для родителей» и все сразу выпущены. Тогда, пожалуйста, ругайте сколько хотите, дело уже сделано. Я, может быть, по ошибке выпустил сначала первый том, и меня многие упрекали в том, что я не сказал о том-то, не сказал о том-то. Конечно, не сказал, раз у меня в плане еще три тома.

Я коротко рассказал вам, товарищи, о себе, о своей работе в прошлом и о своей будущей работе. Это, так сказать, маленькое вступление. А сейчас переходим к основному вопросу: об отношениях к семье и школе.

Уместно поставить такого рода вопрос: кто воспитывает — семья или школа? И очень соблазнительно ответить коротко: и семья и школа. Так обычно и отвечают.

В таком случае нужно несколько изменить вопрос: кто должен быть ведущим началом, семья или школа? Я сейчас этим вопросом очень занят. Я был во многих семьях, во многих школах. Ко мне приходит много людей, большей частью со всякими «несчастными» случаями. И вот видишь, что единого взгляда на этот вопрос нет. Причем оригинально вот что.

Я почти не слышал, чтобы родители говорили: «Мы должны воспитывать, зачем школа мешает?» Я не слышал, чтобы педагог сказал. «Школа должна воспитывать, зачем семья мешает?»

Обыкновенно говорили так: «Мы — школа, а вы, родители, должны воспитывать детей, почему вы не воспитываете?» Родители же говорят обратное: «Мы отдали детей в школу, пускай школа и воспитывает их, почему она не воспитывает?»

Получается так, что желания захватить власть в свои руки в деле воспитания детей нет ни у семьи, ни у школы. Наоборот, каждый компонент этой пары старается свалить всю тяжесть воспитания на другого.

Это на словах. А на деле получается даже так. Допустим, ученик плохо учится. Учитель вызывает мать или отца (правда, не каждый учитель так делает, но есть такие) и говорит:

— Ваш сын плохо учится, примите меры.

— Есть, принять меры.

Это значит, что педагог думает: в моем распоряжении мало средств воспитания, а вот в распоряжении семьи этих средств больше. Отец или мать пустят в дело эти более сильные средства, и мальчик станет воспитанным, по крайней мере станет учиться.

Отдельные педагоги считают, что семья — это более мощный воспитательный фактор, что семья может сделать больше, чем они.

Я не стану разрешать этот вопрос в ту или иную сторону, не буду говорить отдельно о педагоге и отдельно о семье. Я являюсь сторонником иной точки зрения.

Здесь мне приходится коснуться моих педагогических убеждений, которые очень часто считались ересью, но на которых я тем не менее настаиваю.

Я считаю, что делать ставку на отдельного обособленного учителя, хотя бы даже он был классным руководителем, нельзя. Почему? Потому что это ставка на талант, на способности.

Если мы думаем о воспитании десятков миллионов наших детей — юношей и девушек, то давайте, как и всякие производственники, поинтересуемся: а какая же норма брака допускается?

Ведь на каждом производстве существует определенная норма брака, на некоторых производствах норма брака 0,5 %, на некоторых — 1 %, на некоторых — 2 %. Есть такие производства, например производство оптического стекла, где допускается до 50 % брака.

А вот в нашем производстве какая норма брака? Думали мы об этом когда-нибудь? Из 30 миллионов детей сколько можно забраковать, т. е. воспитать плохо? Давайте об этом подумаем.

Начнем с простой арифметической задачи. Если найдется человек, который скажет, что допустим брак в 10 %, то такого человека мы назовем врагом народа, потому что 10 % от 30 миллионов — это 3 миллиона ребят.

А что значит 3 миллиона ребят забракованных? Это 3 миллиона людей с какими-то отклонениями от нашей советской моральной нормы. Поэтому я говорю: никакого брака, ни одного процента. Кто может мне возразить? Кто может сказать, что допускается какой-то, хотя бы самый ничтожный, брак в деле воспитания детей?

Я категорически утверждаю и всю жизнь говорю: ни одного процента брака, ни одной загубленной жизни.

Давайте же, товарищи, примем за норму — ни одного процента брака в воспитательной работе.

Если мы делаем ставку на отдельного учителя — это значит, что мы не только допускаем 1, 2, 10 %,— словом, энное количество брака, но это значит, что мы вообще снимаем этот вопрос с очереди: сколько выйдет брака, столько и выйдет — в зависимости от того, на сколько способен и трудолюбив учитель.

А сколько у нас малоопытных, неумелых, молодых, неталантливых учителей. Следовательно, мы все эти дела отдаем случаю — как выйдет.

Допустим, что из миллионной армии учителей у нас сто плохих воспитателей. Что же, мы можем, значит, спокойно сказать, что эти сто плохих воспитателей дадут брак? Ничего подобного. Так ставить вопрос нельзя.

Нельзя ставить вопрос о воспитании в зависимости от качества или таланта отдельно взятого учителя. Если мы будем говорить о всесоюзных масштабах, если мы будем думать о воспитании целого поколения, так мы не одиночки-учителя, а представители единой учительской армии, единого советского педагогического общества, ни в коем случае не имеем права сваливать все на одного учителя.

Так, по крайней мере, говорит моя логика, логика гражданина, который хочет отвечать за работу. Так говорит и мой опыт.

Я тоже когда-то начинал с убеждения, что отдельный учитель — это все и что именно он должен воспитывать. Я тоже представлял себе воспитание как какой-то парный процесс, как писали в старых педагогических книгах: учитель, учитель, учитель, ребенок, ребенок, ребенок — и все это в единственном числе. Так и представлял себе: я — учитель, ты — ребенок, мы — один на один, и я тебя воспитываю.

Сейчас я настаиваю на том, что правильной воспитательной организацией, руководящей воспитательной организацией по отношению к отдельному учителю, и по отношению к отдельному ученику, и по отношению к семье должна быть школа как нечто целое, как единый школьный коллектив.

Как только мы примем такой тезис, так на нас наваливается бесчисленное множество вопросов методики школьного воспитания. Едва ли мы во всех этих вопросах сумеем разобраться. Во всяком случае, наметим эти вопросы.

Первый вопрос —о педагогическом коллективе.

Второй вопрос — о детском коллективе, руководимом педагогическим коллективом.

И третий вопрос — педагогический коллектив и семья.

Какой вопрос из этих трех ни возьмите, он разбивается в свою очередь на множество отдельных вопросов. Если мы просидим с вами двадцать вечеров, хватит о чем поговорить.

Возьмем вопрос о педагогическом коллективе. Я в своей практике много пробовал, много сомневался и страдал от этих сомнений и в конце концов пришел к определенной форме педагогического коллектива. Этот вопрос решил так: там, где нет полного единства всех педагогов школы между собой, там, где нет помощи друг другу и большой требовательности друг

к другу, там, где нет умения говорить своему товарищу неприятные вещи и не обижаться, если тебе говорят неприятные вещи, там, где нет умения приказать товарищу (а это трудное умение) и подчиняться товарищу (а это еще более трудно), там нет и не может быть педагогического коллектива.

Между тем нет такой специальности, которой нельзя было бы выучить человека. Он может освоить любую специальность. А специальность учителя — быть воспитателем, педагогом.

Это очень легкое дело Уверяю вас, воспитание человека чрезвычайно легкое, очень хорошее, прекрасное дело. Но при каких условиях? Об этом я скажу дальше.

Не нужно иметь педагогического таланта. Я не обладаю педагогическим талантом и пришел в педагогику случайно, без всякого на то призвания. Отец мой маляр. Он сказал мне: будешь учителем. Рассуждать не приходилось. И я стал учителем. И очень долгое время чувствовал, что у меня плохо идет, неважный я был учитель. И воспитатель был неважный.

Но я научился. Я сделался мастером своего дела. А мастером может сделаться каждый, если ему помогут и если он сам будет работать. И хорошим мастером можно сделаться только в хорошем педагогическом коллективе.

Это, товарищи, как во всякой иной специальности. Ведь никакой институт не выпускает инженера, он дает только звание инженера, а настоящим инженером человек делается через 3—4 года работы на заводе, когда как следует поработает в хорошем заводском коллективе.

Точно так же настоящим учителем-воспитателем можно стать после работы в хорошем педагогическом коллективе через несколько лет.

В последние годы я приглашал к себе каких угодно учителей и прежде всего старался их учить. Я уже стал мастером, а они еще молодые. И я говорил каждому из них: пришел ко мне, ничего не знаешь, учись. И он видел, что я говорю правду.

У меня в коммуне им. Дзержинского был заместителем Татаринов[1].

Я — человек более или менее строгий, могу крикнуть. А он, наоборот, мягкий, как воск. Повысить голос, крикнуть он не мог. Очень способный человек, прекрасный учитель, очень трудолюбивый, к тому же очень хотел стать хорошим воспитателем.

Что же вы думаете? Я уезжал куда-нибудь в командировку на полмесяца и оставлял его в коммуне вместо себя. Приезжаю, спрашиваю:

— Ну, как дела?

— Добре.

Вечером собираются ребята и смеются:

— Чего смеетесь?

— Довольно смешно было.

— А что?

— А он все так же, как вы, делает. Вы говорите: черт вас побери. Он тоже говорит «черт вас побери», только тихоньким голосом.

— Ну, а вы слушались?

— А как же, мы же видим, что он сердится.

Человек не мог повысить голос, но в этом нежном «черт вас побери» он выражал предел своего гнева.

Он стал настоящим мастером-воспитателем.

А почему он таким сделался? Потому что он доверял мне как руководителю коллектива, потому что он работал в коллективе, потому что он не противопоставлял коллективу свой талант, свои какие-то единоличные достижения. Он жил интересами коллектива и жил в коллективе.

Если в школе есть коллектив таких педагогов, для которых успех всей школы стоит на первом месте, а успех его класса стоит на втором месте и затем уже на третьем месте его личный успех как педагога, то в таком коллективе будет настоящая воспитательная работа.

Развивая дальше эту мысль, я настаиваю на придании особого значения главе коллектива. У нас в школах есть директор, есть завуч, комсорг, старший пионервожатый...

В некоторых школах все эти силы, включая, конечно, и учителей, подчиняются руководству, доверяют ему и слушаются его, т. е. в тех случаях, когда есть расхождения, поступают все-таки так, как говорит старший. В некоторых же школах не разберешь, кто руководит: и директор руководит, и завуч руководит, и комсорг руководит, и старший пионервожатый руководит, и не разберешь, кто отвечает, кто кого учит, кто кем действительно руководит.

Я у себя по штату имел завуча, но ни разу его не приглашал. Мне было очень трудно. Я должен был вести и свою работу, и работу завуча. Кроме того, у меня был завод с миллионным промфинпланом, кроме того, у меня было еще общежитие.

Следовательно, я должен был заниматься вопросами быта, столовыми, костюмами и т. д. И все-таки я не имел помощника, а работал один [2]. Все остальные были на одинаковых ролях, в одинаковых отношениях друг с другом. Я был руководством в единственном числе. И я от этого выигрывал.

В тех случаях, когда есть единое руководство, скорее может быть и единый коллектив.

Я не буду дальше рассказывать вам о едином педагогическом коллективе, потому что это увело бы нас очень далеко от темы нашей сегодняшней беседы, но это важнейшее условие правильной воспитательной работы в школе.

Вторым важным условием я считаю единый коллектив учеников школы. Я уже писал в «Правде» о том, что у нас нет школьного коллектива, а есть классный коллектив [3]. Школьный коллектив как-то не создается. Ученики старших классов не знают учеников младших классов. А если и знают, то относятся к этому так: я ученик X класса, я выделен пионервожатым в V класс, и я знаю, что делается в моем V классе.

Это, товарищи, совсем не то. Это не единый школьный коллектив. Школа все-таки разбита на несколько коллективов, и каждый коллектив живет отдельно. Девятый класс знает только себя. Может быть, знает другие девятые классы, но не больше.

Я не представляю себе такой работы. Я не сумел бы работать, если бы у меня не было единого школьного коллектива.

Я не имею права что-нибудь рекомендовать вам, потому что я был в других условиях, может быть, в лучших, чем вы. У меня был коллектив, который не только учился в школе, но и жил здесь же и работал на заводе же. Все всегда были вместе.

Но, товарищи, я наблюдал в других колониях такое положение, когда и живут вместе, и работают вместе, а все-таки единого коллектива нет, а есть отдельные коллективчики. Далеко не во всех колониях созданы единые коллективы Очевидно, нельзя отговариваться тем, что это, мол, колония. И в школе можно создать единый коллектив.

Во всяком случае, если бы мне сейчас дали школу, то я первой своей задачей поставил бы создание единого школьного коллектива.

Что для этого нужно? Я уверен, что для этого нужны единые школьные интересы, единая школьная форма работы, единое школьное самоуправление и, наконец, общение, соприкосновение [членов] этого коллектива

Вопрос о первичном коллективе и общешкольном у нас в методике не разработан, но я считаю этот вопрос важнейшим.

Мой отряд в колонии им. Горького, в коммуне им. Дзержинского был для меня главнейшей заботой Я заботился о том, чтобы этот отряд всегда был цельным, чтобы он не распадался как можно дольше и чтобы этот отряд был обязательно органическим членом целого коллектива коммуны

Если эти две задачи разрешены, то разрешены все вопросы воспитания Они все легко становятся на свои места.

У вас есть такой инструмент, как коллектив школы и коллектив первичный — класс. Коллективы эти расположены близко друг от друга и должны находиться в нормальных взаимоотношениях друг с другом.

Когда есть такой коллектив, тогда вопрос об отношении к семье разрешается гораздо легче.

Конечно, школьный коллектив трудно представить себе без хорошей дисциплины. Возьмем такой чисто технический вопрос, как общее собрание. Общее собрание нужно прежде всего хорошо организовать.

Что нужно прежде всего? Прежде всего нужна точность Общее собрание назначается на 8 часов 30 минут. В 8 часов 29 минут (не 28 минут и не 30 минут, а точно 29 минут) дается сигнал, и ровно в 8 часов 30 минут общее собрание открывается.

Когда это делается один день, это очень трудно, когда это делается месяц — уже легче, а когда это делается годами — это очень легко. Получается традиция. Каждый сознательный, а впоследствии и каждый коммунар смотрит на часы. 25 минут девятого. Он складывает книжки, инструменты и идет в зал, где будет общее собрание, чтобы потом, когда будет сигнал, не бежать бегом. Если сигнал застанет его за работой, ему придется бежать бегом, иначе он опоздает на собрание.

Это входит в привычку. Секретарь совета командиров смотрит на часы и ровно в 8 часов 30 минут говорит: «Объявляю общее собрание открытым». Ни одной минуты мы не потеряли зря.

Регламент определяется просто· одна минута по песочным часам.

— Дай слово.

— Получай

Перевернул песочные часы Песок высыпался. Минутка кончилась На общем собрании о деле нужно говорить одну минуту. Сначала было трудно, а потом привыкли, и получалось просто замечательно. Некоторые даже короче говорили.

Этот, казалось бы, небольшой вопрос имеет огромное значение. Во-первых, мы могли сказать на общем собрании обо всем. Во-вторых, каждый приучался говорить только то, что необходимо.

При таком жестком регламенте люди приучаются говорить очень коротко, не размазывать, не говорить лишних слов. Человек приучается к деловитости.

В некоторых случаях, когда вопрос особо важный или когда вносится особо важное предложение, выступающий говорит:

— Я не могу уложиться в одну минуту.

— Сколько тебе надо?

— Три минуты.

— Много.

— Ну, две минуты.

— Получай две минуты.

Такие собрания занимали у нас самое большее 20 минут. И никто не опаздывал, никто никого не ждал.

Это очень простой и как будто даже не педагогический вопрос — расположение во времени, но он является решающим. Надо выдерживать время, выдерживать точность.

Точность — это первый закон. Точность позволяет иметь и ежедневные общие собрания. А общие собрания — это постоянный контроль коллектива, постоянное знание друг друга, постоянное знание дел друг друга и первичного коллектива.

Такие собрания я считаю полезным практиковать и в школе. Сначала будет скучно. Десятиклассники будут скучать. Почему? Да потому, что обсуждается поведение малыша и ученика среднего класса. Но когда этот малыш один раз промелькнет на собрании, другой раз, третий, десятиклассники его узнают и невольно заинтересуются им. А потом, глядишь, в коридоре увидят его за какой-нибудь шалостью и вспомнят:

«А ведь ты вчера был на общем собрании, отдувался там, а теперь опять летишь, как сумасшедший!»

И малыш поймет, что этот старший был на общем собрании, заметил его и теперь узнал.

Это техника, которая, может быть, кажется нелогичной, но которая возникает сама в том коллективе, где практикуются общие собрания.

Не поймите меня превратно. Я являюсь сторонником некоторой «военизации». Это не муштровка, а та же экономия сил...

Форм много: есть коллективные игры, которые очень увлекают ребят, и другие формы. При такой «военизации» очень легко руководить коллективом и легко ставить и разрешать вопросы вне общих тем.

Коллектив — это единое коллективное мнение, это мнение 500 человек, которое выражается даже не в речах, а в репликах.

А главное: что один сказал, то и все думают. Вы сами знаете, товарищи, что у ребят именно так бывает. У них удивительная общность взглядов.

Один сказал, и все понимают: он не сказал бы так, если бы это противоречило общему мнению. Есть какое-то чутье, какое-то именно общее мнение.

Такое коллективное воздействие дает в руки воспитателю, директору большую силу, и при этом силу чрезвычайно нежную, которая еле-еле заметна.

Я могу вызвать к себе самых отчаянных «дезорганизаторов», как у вас говорят, и сказать:

— Завтра ставлю вопрос на общем собрании.

— Антон Семенович, что угодно, как угодно накажите, только не ставьте вопрос на общем собрании.

А почему боялись общего собрания? Нужно выйти на середину комнаты, стать и отвечать на все стороны. Только и всего. Это не позор, а ответственность перед коллективом.

Организация и воспитание чувства ответственности перед коллективом — это дается трудно, но зато, когда дается,— это очень сильное средство.

При этом разрешается проклятый наболевший вопрос, о котором мы толкуем в наших школах,— не выдавать товарища. Это солидарность, обращенная обратной стороной к педагогу. Солидарность несоветская

И она не может быть уничтожена, если нет общественного мнения единого школьного коллектива, созданного единым педагогическим коллективом.

Никогда не исчезнет это «геройство» — не выдавать товарища, если не будет общественного мнения. Я достаточно времени помучился над этим вопросом. И я увидел, как в правильно организованном, воспитанном коллективе без моих усилий, без педагогической инструментовки, без каких-то особых методов выросла и укрепилась традиция: никто никогда не приходил ко мне тихонько и не говорил шепотом: «Антон Семенович, я вам что-то скажу». Каждый знал, что, если он это сделает, я его с лестницы спущу.

Никаких разговоров на ухо. Вечером на общем собрании кто-нибудь поднимается и говорит: «Произошло то-то и то-то».

И никто никакой обиды на своего товарища не имел за то, что он поднял тот или иной вопрос на общем собрании.

Очень часто говорили так: «Такой-то — мой лучший друг, и тем не менее я заявляю протест в связи с его недостойным поведением».

Никому из товарищей и в голову не приходило обвинять человека, который так прямо и открыто выступал. Но поведение его не пахнет и героизмом, он делает обычное дело — на общем собрании призывает к ответственности своего товарища.

И тогда исчезает отрицательное движение коллектива, когда коллектив становится к педагогам спиной и делает что-то, чего педагоги не видят.

В педагогической литературе не разработан самый важный вопрос: какие формы коллектива должны действовать? Почему-то ученые-педагоги считают, что форма не имеет значения.

Я с этим не согласен. Форма имеет очень большое значение. У нас, например, был такой порядок. Если командир скажет мне что-нибудь о своем товарище в присутствии других товарищей, я могу ему не поверить, другой может сказать, что это неправда, что дело было не так, я могу вызвать свидетелей, допрашивать, расследовать и т. д.

Но если этот же командир говорит то же самое вечером, во время рапортов, когда все стояли смирно и когда я тоже стою смирно, когда все друг другу салютуют, я его не проверяю, я ему верю.

Такой был у нас закон: рапорт не проверяется. Ребята говорили, что в рапорте командир соврать не может.

Торжественная обстановка. Ты рапортуешь. Соврать может только последний мерзавец, последний негодяй.

И мы отнеслись к этому делу так: лучше рискнем и не проверим рапорт, чем допустим, что у нас есть такой негодяй. Если он есть, он сам потом проявит себя.

Следующий закон, который почему-то не используется в школе.

У нас каждый коммунар, только пробыв некоторое время в коллективе, становился настоящим членом этого коллектива, получал значок ФД — Феликс Дзержинский, и с тех пор, как он получал этот значок, ему обязаны были верить на слово, если слово касалось его лично. Если говорил: я там не был, считалось неприличным проверять. Доверие — это первое право.

Правда, в некоторых случаях доверия не оправдывали, обманывали. Тогда мы поднимали настоящий скандал. Товарищи требовали исключения из коммуны за нарушение доверия. Это преступление считалось более важным, более сильным, чем воровство, чем невыход на работу. Твоему слову верят, поэтому ты соврать не можешь. Это закон.

Это тоже, товарищи, инструментовка. И таких форм инструментовки вы в ваших школах можете придумать множество.

Но они будут эффективны только тогда, когда все они будут направлены к созданию единого общественного мнения, единой системы, единой традиции в коллективе. Тогда школьный коллектив делается исключительно мощным средством.

Тогда проясняется и вопрос о семье. Я не могу представить себе, чтобы не было такого коллектива, чтобы его нельзя было создать.

Возьмите, например, вопрос об отношениях старших и младших, десятиклассников и первоклассников. Надо добиться такого положения, чтобы 8—9—10-летний мальчик смотрел на старшего, на ученика десятого класса, как на свое заветное будущее, чтобы он его любил, чтобы он был в него влюблен, именно влюблен, чтобы он видел в нем что-то более высокое, чтобы старший был для него примером.

Тема дружбы младших учеников со старшими — совершенно неизбежная тема, если только вы хотите организовать единый школьный коллектив.

Для организации такой дружбы нужно опять-таки применять специальную инструментовку. Не буду сейчас говорить о ней, потому что это далеко заведет нас. Скажу только, что я на протяжении последних восьми лет добивался такой дружбы.

У каждого старшего ученика обязательно был так называемый корешок. Это, пожалуй, термин беспризорных, но он у нас укоренился. Он был у нас официальным термином. Каждый имел своего корешка в другом классе, в другом цехе, в другом отряде. Тем не менее они всегда были вместе. Это неразлучная пара, это младший и старший братья, причем старший брат крепко держит в руках младшего.

Если младший набедокурил, если он стоит перед общим собранием, то обязательно раздается голос:

— А чей он корешок?

— Володи Козыря

— Пусть Володя Козырь даст объяснение.

И Володя Козырь — комсомолец, ученик X класса, семнадцатилетний парень,— вставал и говорил.

— Прозевал, я его исправлю, не наказывайте.

— Ну иди, шеф за тебя поручился

Такая дружба старших с младшими создает удивительные отношения в коллективе, придает им такую прелесть, какая бывает только в семье, прелесть отношений младших и старших братьев

Корешки ходили всегда компаниями. Человек десять малышей, и около них столько же старших.

Причем, товарищи, надо отметить, что старшие умели любить этих пацанов.

Отношения старших и младших ребят в наших школах, старшего пионервожатого к младшим, отношения часто официальные, они неестественны.

Я добивался очень многого Например, идем мы в поход. Надо сказать, что я со своими ребятами совершил 8 летних походов. Во время походов все идут по взводам, по ротам, по возрасту. Какой-нибудь 14-й взвод далеко отстоит от первого. Там самые маленькие. У них командир

Пришли в лагерь. Разбили палатки. И не было такого случая, чтобы кто-нибудь из старших не сказал: «Антон Семенович, первый взвод займет палатку, а как же корешки будут. Отдельно? Мы хотим с ними вместе».

И мы разрешили такую вещь: последние три взвода, т. е. самые маленькие, не имели отдельной палатки: там, где шефы, там и корешки Они вместе купаются, вместе катаются на лодках, и в кино вместе, и играют вместе. Иногда старшие что-нибудь читают вслух

Никакой школьной воспитательной работы старшие не проводят. Но у них настоящее братство, настоящие братские отношения к малышам. И такое братство сохраняется на всю жизнь. Старшие уезжали потом в вуз, в Москву, и не забывали своих корешков, переписывались с ними. Если старший приезжал в отпуск из вуза, так корешок за три километра бежал встречать его.

Без такой инструментовки не может быть коллектива. Вы заметили, товарищи, что здесь пахнет семьей? Если бы в школе была такая дружба, которую всегда легко организовать, этим можно было бы очень многого достигнуть. Такую дружбу можно создать не силами хорошего педагога, а силами хорошего педагогического коллектива и хорошего руководителя.

Такую дружбу, товарищи, организовать очень легко, и об этом стоит подумать. Когда есть школьный коллектив, педагогический коллектив и детский коллектив, тогда все воспитательные вопросы становятся на свое место. И тогда высоко взвивается школьное знамя, встает вопрос о чести коллектива.

Вопрос о чести коллектива поднимается у нас до сих пор либо очень редко, либо формально — на каких-нибудь заседаниях, во время торжественных заявлений — и не поднимается в быту.

Для организации коллективной чести также нужна инструментовка, и очень важная инструментовка.

Буду говорить об отдельных деталях.

Прежде всего знамя. У нас знамя стояло в кабинете. Бархатный балдахин, под ним знамя. Если нужно было это знамя перенести из одной комнаты в другую, например на время ремонта, мы делали это очень торжественно. Все надевали новые костюмы Все 600 человек выстраивались общим строем. Выходил оркестр в 60 человек. Равнялись. Взводные командиры впереди. Затем раздавалась команда: «Смирно!» И знамя в чехле торжественно переносилось из одной комнаты в другую.

Мы не могли допустить, чтобы знамя переносилось без отдания почестей. Когда мы шли в город, или в поход, или на прогулку, мы шли со знаменем. Совсем другое дело идти со знаменем. Идешь как-то иначе.

А ведь знамя — это только одна из деталей. Но даже с помощью одного знамени сколько можно сделать хорошего, полезного, и как можно все это торжественно обставить.

Например, выборы знаменщика. Знаменщик считался у нас самым почетным человеком в коллективе. Его нельзя наказывать, ему нельзя было объявить выговор. Он был неприкосновенен. Он был примером для остальных во всех отношениях.

Как проходили у нас выборы знаменщиков? Казалось бы, пустяк выбрать человека, который будет носить знамя. Но мы выбирали лучшего из всего коллектива. Знаменщик — это самый симпатичный товарищ, это самый лучший ученик, это самый лучший стахановец.

Знамя служило как бы предлогом для выдвижения человека.

Все это, товарищи, основания для того, чтобы сбить коллектив в единое целое. И таких оснований много. Я не буду говорить обо всех. Упомяну об одном только, которое у нас забыто, но которое, может быть, когда-нибудь будет восстановлено,— это труд.

Я часто встречаюсь с учениками разных классов, и все они жалуются: некогда учить уроки, нет времени.

Я им всегда говорю: «А как же мои коммунары справлялись? У них ведь тоже была десятилетка, как и у вас. Они тоже поступали в вузы, причем для них это было обязательным, необходимым условием».

Кроме учебы они 4 часа в день работали на заводе. Это ведь не шутка, а настоящая заводская работа с нормами да еще со стахановскими методами работы, с двойной и тройной нормой, с определенным процентом брака, с большой ответственностью за порчу и т. д. Выпускали аппараты ФЭД типа «Лейка». Точность до 1 микрона. Шутить нельзя было.

А кроме того, на них лежала уборка всего здания, ежедневное натирание полов, мытье стекол, стирание пыли, уборка всех помещений, не только спален, но и коридоров и кабинетов. Авральная работа ежедневно. Утром по сигналу все 600 человек принимаются за уборку. У каждого свой определенный участок. На уборку полагается 20 минут. А потом еще самоуправление, вечерние общие собрания, комсомольская работа, пионерская работа, спортивная работа, работа кружковая.

Спортивной работе мы придавали большое значение. Она была поставлена у нас очень серьезно. Если ты в первом взводе, ты должен быть ворошиловским стрелком. Если ты не имеешь ворошиловского значка, переходи во второй взвод. А там ты будешь выше всех ростом и тебе будет стыдно.

Во втором взводе все должны иметь значок ГТО. Если не имеешь значка ГТО, переходи в третий взвод. Обязательной была стрелковая работа, обязательными были прыжки с парашютом. Они должны были расти сильными девушками и мужчинами.

Все это требовало времени, и все-таки ребята везде успевали, все делали и еще находили время для отдыха.

Я думаю, что и в наших школах могут быть введены трудовые процессы. Спортивная работа должна быть поставлена обязательно.

Труд для ребят полезен и необходим. Маркс говорил, что с девятилетнего возраста дети могут принимать участие в производительном труде.

Я не понимаю, что такое ребенок десяти лет. Тебе десять лет, ты гражданин Советской республики, и к тебе можно предъявить соответствующие требования [4].

Если бы у меня была школа, я бы, кажется, на части разорвался, но что-нибудь стал бы делать.

Я помню, как мы организовали дело в коммуне им. Дзержинского. Пришел ко мне как-то человек:

— Хотите делать нитки?

— Какие нитки?

— Обыкновенные.

— Давай. А станки какие?

— Да поставим деревянные.

— А где возьмешь?

— Достанем.

— А с деньгами как?

— В кредит.

— А с сырьем как?

— Не беспокойтесь, достанем.

— Ну, давай.

Конечно, начальству я ничего не сказал. Если бы я сказал инспектору, он разошелся бы:

— Почему нитки, какие нитки, какой промфинплан? И т. д.

Поставили мы в подвале станочки. Говорю ребятам:

— Будем зарабатывать деньги, давайте хорошо работать, давайте выпускать хорошие нитки.

Полгода поработали. Потом нам запретили, правда, но мы встали на ноги [5].

Не было денег — устроили оранжереи. И устроить оранжереи очень просто. Выгода же большая [6].

Когда все это делается в коллективе, когда каждый заинтересован в этом, каждый знает, сколько сегодня сделали, за сколько купили и за сколько продали, когда коллектив начинает жить как хозяин, а потом как производственник, потому что у него появляется план, появляется отдел технического контроля, появляются браковщики, цеховые диспетчеры, тогда

коллектив завоевывает себе право гражданства. Когда коллектив так хорошо организован, тогда можно предъявить к нему последнее трудное требование: уметь предъявлять друг к другу определенные требования откровенно, прямо, по-товарищески, в лоб. Делать так и никак не иначе.

Если сделал не так, то почему? Почему неправильно сделал? Нужно предъявлять человеку большие требования. Это необходимое педагогическое принципиальное положение, без которого нельзя воспитывать человека. Если с человека не потребовать многого, от него и не получишь многого.

Убеждение в том, что многое вырастает само из ничего при помощи каких-то химических влияний ваших педагогических взглядов, неправильно.

Многое может вырасти только тогда, когда вы не только про себя педагогически мечтаете, а когда вы по-настоящему требуете. Этого не может сделать не сбитый, не организованный педагогический коллектив. И нельзя организовать его, если нет единого школьного коллектива. А когда имеется единый школьный коллектив, тогда можно требовать многое.

И наконец, последний момент — когда требование встречается детьми не с подавленным настроением, а даже торжественно, когда чем больше вы требуете, тем больше их радуете, потому что тем самым вы высказываете доверие их силам.

Если все эти требования соблюдены, то с таким коллективом можно, я бы сказал, делать чудеса.

У нас в Советской стране колоссальные возможности для того, чтобы очень легко, красиво и радостно воспитывать замечательные коллективы, а следовательно, и замечательных людей.

Надо сказать, что требование часто пугает педагогов. Боятся риска. Во всяком деле есть риск. Никакое дело без риска делать нельзя.

Два слова о педагогическом риске. Я говорил о педагогическом риске на одном из собраний в Ленинграде в октябре [7]. Мне сказали. «Вот вы говорите о риске, а у нас один ученик десятого класса взял да повесился, потому что ему поставили плохой балл. А вы говорите о риске. Ведь если мы будем так много требовать и рисковать, то все перевешаются».

Вы знаете, что я им ответил?

Поставить плохой балл — это вовсе не рискованное действие. Какой здесь риск? И сколько вообще мы совершаем таких нерискованных действий? Ученик не ответил мне. Я ему поставил «плохо». Какой же здесь риск? Он сел мне на шею, я его осторожненько стащил и сказал: «Детка, не садись педагогу на шею». Никакого риска здесь нет. Он мне плюнул в лицо, а я перед ним извинился. Что же здесь рискованного? Ведь не я ему плюнул, а он мне. А я еще извинился перед ним.

Все это нерискованные действия. Одно нерискованное действие, другое, третье, десятое, двадцатое — и создается общая атмосфера нерискованности, такая атмосфера, что многим может захочеться полезть в петлю. Безысходная серая тоска: никто ничего не требует, никто ничего не хочет, каждый беспокоится только о том, как бы чего не вышло и как бы на меня мальчики не обиделись.

Такая атмосфера может привести к очень плохим настроениям и очень плохим результатам.

Если же вы прямо, по-товарищески, открыто будете требовать, то от этого человек никогда не захочет повеситься. Он будет знать, что вы относитесь к нему, как к человеку.

Такая требовательность еще более сколачивает коллектив, еще больше объединяет и учителей и учеников. А как разрешается, товарищи, вопрос об учительском авторитете? Очень часто тот или иной учитель заявляет:

— Вы подорвали мой авторитет, вы при учениках сделали мне замечание, вы объявили мне выговор.

Спрашивается, на чем же базируется авторитет? Неужели на вашей безнаказанности? Неужели на том убеждении, что вы никогда не можете согрешить?

Я ставлю вопрос так: учительский авторитет основывается на ответственности в первую очередь. Учитель должен, не стесняясь, сказать своим ученикам:

— С меня требуют, я отвечаю, я ошибаюсь, я за свою ошибку отвечаю. Вы видели, что я отвечаю?

— Видели.

— С меня требуют, поэтому и я требую с вас.

Нет ничего позорного, если директор объявит выговор учителю. Пусть учитель считает, что он не совсем виноват, но раз директор объявил ему выговор, он должен этим выговором воспользоваться для поднятия своего авторитета. Он должен сказать:

— Да, я ошибся. Я наказан, потому что я отвечаю за свою работу. И вы извольте отвечать за свою работу. Я требую этого от вас.

У меня был Иван Петрович Городич. Это было еще в колонии им. Горького. Он что-то не так сделал в походе. Он дежурил по колонии. Я разозлился. Спрашиваю:

— Кто дежурный? 5 часов ареста!

— Есть 5 часов ареста.

Слышу голос Ивана Петровича, педагога. Мне даже холодно немножко стало. Он снял с себя пояс, отдал дежурному, пришел ко мне в кабинет:

— Я прибыл под арест.

Я сначала хотел было сказать ему «брось». А потом думаю: «Ладно, садись». И просидел пять часов под арестом. Ребята заглядывают в кабинет — Иван Петрович сидит под арестом.

Когда кончился арест, он вышел на улицу. Ну, думаю, что-то будет. Слышу гомерический хохот. Ребята его качают.

— За что?

— За то, что сел под арест и не спорил.

А другой на его месте начал бы. «Как это так, меня, педагога, под арест. Ни за что. Мой авторитет пропадет».

Авторитет, товарищи, нужно создавать самим, пользуясь для этого всякими случаями жизни. В хорошем коллективе авторитет нельзя подорвать. Сам коллектив поддерживает его. Так вот теперь о самом главном, о семье. Семьи бывают хорошие, и семьи бывают плохие. Поручиться за то, что семья воспитывает как следует, нельзя. Говорить, что семья может воспитывать как хочет, мы не можем. Мы должны организовать семейное

воспитание, и организующим началом должна быть школа как представительница государственного воспитания. Школа должна руководить семьей.

Спрашивается, как руководить? Вызвать родителей и сказать: «Примите меры» — это не руководство.

Вызвать родителей, развести руками и сказать: «Ах, как же это так у вас плохо получается» — это тоже не поможет.

Что же касается помочь и как можно помочь? Плохого родителя, т е. родителя, не умеющего воспитывать, всегда можно научить так же, как и педагога можно научить.

Между прочим, товарищи, многие родители, как и педагоги, не умеют разговаривать с ребенком. Нужно поставить голос. К сожалению, в педагогических техникумах и вузах не ставят голоса. Я бы обязательно в каждом вузе и техникуме имел хорошего специалиста, который умеет ставить голоса.

Я попробовал бы провести такое упражнение: вы, товарищи, студенты, и вы будете допрашивать меня тоже, как студента. Допустим, я украл у кого-то 10 рублей. Как вы будете меня допрашивать? Учтите, что вы будете допрашивать меня, а другие будут слушать и потом скажут, правильно вы меня допрашиваете или нет.

И вы, товарищи, увидели бы, что без постановки голоса нельзя правильно спросить. Я сам сначала думал: к чему это? Оказывается, это необходимо. Это очень важно.

У меня вначале и у самого не очень хорошо выходило. В чем, думаю, дело? Обратился к опытному актеру.

— Надо голос поставить.

— Как голос поставить? Я, что ж, петь буду?

— Не петь, а говорить.

Я позанимался с ним некоторое время и понял, какое великое дело постановка голоса. Очень важно, каким тоном говорится. Простая фраза «Можешь идти», но эту простую фразу, эти два слова можно сказать 50 способами Причем в каждый способ вы подпускаете такие нотки, что это будет каплей яду, если это нужно для того, кто должен это почувствовать.

Это очень сложное дело. Если у вас голос не поставлен, вам, конечно, будет трудно Родителям не мешало бы поставить свои голоса.

Родители часто говорят: «Ванечка, убери за собой постель». (Смех)

Ну, скажите, пожалуйста, разве после такого приказания может живой человек убрать постель за собой, даже если бы он и хотел это сделать? (Смех) Некоторые родители и педагоги позволяют себе такую «роскошь», чтобы их голос отражал их настроение. Это совершенно недопустимо. Настроение у вас может быть каким угодно, а голос у вас должен быть настоящим, хорошим, твердым.

Никакого отношения к вашему голосу настроение не имеет. Почему вы знаете, какое у меня сейчас настроение? Может быть, я в горе А может быть, у меня радость какая-нибудь большая. Но я должен говорить так, чтобы меня все слушали. Каждый родитель, каждый педагог, перед тем как разговаривать с ребенком, должен себя немножко так подкрутить, чтобы все настроения исчезли. И это не так трудно.

После того как мы три года прожили в лесу и вокруг нас были бандиты, какие же могут быть настроения? Какую же волю я могу давать моим настроениям? Я привык справляться со своим настроением и убедился, что это очень легко. Нужно делать так, чтобы ваша физиономия, ваши глаза, ваш голос были в некоторых случаях автономными. На душе у вас, может быть, кошки скребут и всякие другие гады, а с внешней стороны все должно быть в полном порядке, в полном параде. Педагог обязан иметь «парад на лице». Желательно, чтобы и родители имели на лице «парад».

Допустим, вы получили неприятное письмо, может быть, даже от любимого человека. Так что же, из-за этого неприятного письма должен пропадать месяц педагогической работы? Из-за какого-то любимого существа, которое, может быть, вообще ничего не стоит, и, может быть, хорошо, что написано такое письмо.

Постановка голоса, мимика, умение встать, умение сесть — все это очень и очень важно для педагога. Каждый пустяк имеет большое значение, и этим пустякам можно научить родителей.

Недавно ко мне пришел один родитель и говорит:

— Я коммунист, рабочий. У меня есть сын. Не слушается. Я ему говорю — не слушается. Второй раз говорю — не слушается. Третий раз говорю — не слушается. Что же мне с ним делать?

Усадил я этого родителя, который пришел ко мне, и начал с ним разговаривать.

— Ну-ка покажите, как вы говорите со своим сыном.

— Да вот так.

— А попробуйте вот так.

— Не выходит.

— Повторите.

Я позанимался с ним полчаса, и он научился отдавать приказание. Дело было только в голосе.

Помощь родителям со стороны школы возможна только тогда, когда школа представляет собой единный целый коллектив, знающий, чего она требует от учеников, и твердо представляющий эти требования.

Это один из способов помощи родителям. Кроме того, есть и другие способы. Нужно изучить семейную жизнь, нужно изучить причины плохого характера. Не буду перечислять здесь все способы помощи семье.

В моей коммуне были дежурные командиры. Это очень трудная обязанность. Дежурный командир целый день правит коммуной. Он распределяет день — и заводской день, и школьный день, и коммунарский день. Он всем руководит, он за все отвечает.

И у нас было такое правило: дежурному командиру обязаны подчиняться все. Никто не имел права идти против дежурного командира. Вообще ребята звали друг друга по имени, но к дежурному командиру обращались всегда: товарищ командир.

И все коммунары строго следили за выполнением этого правила. Если дежурный командир два раза повторял один и тот же приказ, вечером на общем собрании этот вопрос обсуждался.

— Володя Павленко дежурил сегодня, пусть он даст объяснение, почему он два раза отдавал приказание. Почему ты позволяешь себе повторять приказание? Ведь ты подорвешь авторитет дежурного командира.

Было четкое правило: дежурный командир отдает приказание один раз Дежурный командир, 14-летний пацан, говорит 18-летнему комсомольцу:

— Позвать заведующего хозяйством.

Повернулся и пошел сейчас же. Тот отвечает ему уже в спину:

— Есть позвать заведующего хозяйством.

И каждый знал, что, если приказание отдано один раз, его нужно выполнить.

Я несколько отклонился в сторону...

.. У меня была такая встреча с одной матерью. Она жаловалась на то, что ее мальчугана выгоняют из всех школ Мальчик был в такой-то школе, потом был в школе для дефективных детей, потом в школе с особым режимом, потом в лесной школе, потом был в санатории, потом был в психиатрической больнице, потом в колониях НКВД. И отовсюду бежал.

— Я,— говорит,— его раздела, спрятала одежду. Сейчас он сидит у меня в одном белье, и я его никуда не пускаю. Что же мне с ним делать? Я думаю отдать его учеником на наш завод Ему четырнадцать лет

Начал я расспрашивать:

— А в квартире у вас чисто?

— Да нет, особенно... порядка нет.

— А сын что-нибудь делает?

— Нет, ничего не делает.

— А постель за собой убирает?

— Нет, не убирает.

— А вы с ним за город когда-нибудь ездили гулять?

— Нет.

— А в цирке были?

— Ни разу.

— А в кино были?

— Ни разу.

— А подарили ему что-нибудь?

— Да он не заслуживает.

— Так что же вы от него хотите?

— Может быть, отправить его к дяде, в г. Истру?

Тут уж я не вытерпел. «Пощадите. Несчастный ребенок. Вы ему все нервы истрепали. Человек даже со здоровыми нервами не сможет выдержать перемены десяти коллективов в течение каких-нибудь пяти лет».

Человек не может привыкнуть ни к одному коллективу. Сегодня он в одном коллективе, завтра в другом, потом — в третьем, четвертом, человек начинает бродить между коллективами, и из него получается индивидуалист плохого сорта. Этот вопрос очень интересен, и педагог обязан его исследовать

Другой вопрос — беспорядок дома. Пришел я к ребенку домой. Беспорядок ужасающий. Просто бедлам. Три комнаты. Половина мебели поломана За окнами мухи валяются с 1930 г. Кругом толстый слой пыли.

Какой же воспитательный процесс может быть в этой пыли, в этой свалке вещей, которую никто не разбирает, не убирает, о которой никто не заботится.

Если в квартире идеальная чистота, если нет лишних вещей и если вы поддерживаете порядок, у вас ребенок не может быть очень плохим. Внешний порядок, к которому вы приучаете ребенка с самого раннего возраста, формирует его, заставляет его предъявлять к себе большие требования.

К сожалению, такой внешний порядок мне не очень часто приходилось наблюдать в тех семьях, куда меня приглашали. Как же вы можете воспитывать ребенка, живое существо, человека, советского гражданина, если вы не способны организовать десяток неодушевленных предметов в вашей квартире?

Вам за воспитание живого человека и браться тогда нечего. Пригласите наемного воспитателя или отдайте ребенка навсегда из дома Нужно научиться самим организовать вещи, нужно научить этому ребенка, и тогда ребенок скорее станет членом коллектива Вот этому и должна научить школа тех родителей, которые не знают, что делать.

Следующий вопрос. Я выдвигаю такое положение, что настоящая семья должна быть хорошим хозяйственным коллективом. И ребенок с малых лет должен быть членом этого хозяйственного коллектива. Он должен знать, откуда у семьи средства, что покупается, почему это можно купить, а этого нельзя и т. д.

Ребенка надо привлекать к участию в жизни хозяйственного коллектива как можно раньше, с пяти лет. Ребенок должен отвечать за хозяйство своего коллектива. Отвечать не формально, конечно, а удобствами своей жизни и жизни семьи. Если в хозяйстве плохо, то в жизни его тоже худо. Этим вопросом следует заняться.

И наконец, товарищи, последний вопрос, пожалуй, самый трудный — это вопрос о счастье.

Обычно говорят: я — мать и я — отец все отдаем ребенку, жертвуем ему всем, в том числе и собственным счастьем.

Самый ужасный подарок, какой только могут сделать родители своему ребенку. Это такой ужасный подарок, что можно рекомендовать: если вы хотите отравить вашего ребенка, дайте ему выпить в большой дозе вашего собственного счастья, и он отравится.

Надо ставить вопрос так: никаких жертв, никогда, ни за что. Наоборот, пусть ребенок уступает родителям.

Вы знаете манеру некоторых девочек говорить матерям:

— Ты свое отжила, а я еще ничего не видела.

Это говорится матери, которой иногда всего тридцать лет.

— Ты свое отжила, а я еще не жила, потому все мне, а тебе ничего.

Девочка должна подумать:

— У меня вся жизнь впереди, а тебе, мама, меньше осталось.

Поэтому в своем четвертом томе «Книги для родителей» я прямо напишу: новые платья в первую очередь — матерям.

И дети перестанут обижаться, если вы воспитаете их в стремлении приносить счастье родителям. Пусть дети думают о родительском счастье

в первую очередь, а что думают родители — это детей не касается. Мы люди взрослые, мы знаем, о чем мы думаем.

Если у вас есть лишние деньги и вы думаете, кому купить платье — матери или дочери, так я говорю — только матери.

Отец и мать в глазах детей должны иметь право на счастье в первую очередь. Нет никакого смысла ни для матерей, ни для дочерей, ни тем более для государства воспитывать потребителей материнского счастья. Самая ужасная вещь — воспитывать детей на материнском или отцовском счастье.

В нашей коммуне мы тратили 200 тыс. рублей на походы и 40 тыс. на билеты в театр. Не скупились на это. Денег не жалели. Но когда шили костюмы, то у нас было такое правило: малыши получали костюмы от старших. И они знали, что им шить новые костюмы не будут. Малыши могли рассчитывать только на перешитые костюмы. Правда, мы могли бы подождать, пока старшие ребята до конца износят свои костюмы, и потом эти костюмы выбросить. Но мы этого не делали. Старшие поносили немного, и костюмы перешивались для младших.

Что вы дадите девочке в 17—18 лет, если вы в 14 лет нарядили ее в крепдешин?

К чему это? А какой у этой девочки разгон получается? Дальше у нее начинаются такие рассуждения: у меня только одно платье, а у тебя, т. е. у матери,— три платья.

Нужно воспитывать в детях заботу о родителях, воспитывать простое и естественное желание отказаться от собственного удовольствия, пока не будет удовлетворен отец или мать.

У меня взрослый сын. Окончил институт. Инженер. Очень красивый молодой человек Финансы у нас общие. У меня до сих пор не было пальто. Кое-кто рассудил бы так: на что тебе, старику, пальто, ты и так хорош. Сыну пальто нужнее. Он молодой красивый человек, ему нужно с девушкой прогуляться, ему пальто необходимо.

Но я выдержал тон. И он выдержал тон.

— Может быть, ты сошьешь себе пальто?

— Нет, не сошью, пока ты не сошьешь.

И он действительно не сшил себе пальто до тех пор, пока я не приобрел себе пальто. Бегал в стареньком пиджачишке. А когда деньги появились, я сшил пальто себе, а он пусть подождет, хоть он и красивый. Важно, что он пережил заботу обо мне. Ну, а девушки и в простом пиджачке любить будут.

Ну вот, товарищи, пожалуй, на этом я и кончу.

Может быть, будут вопросы?

Вопрос с места. Существует ли сейчас коммуна им. Дзержинского, кто ею руководит и какова ваша связь с этой коммуной сейчас?

Ответ. Коммуна им. Дзержинского жила после меня еще два года, потом была ликвидирована. Почему? Потому, что старшие ушли в вузы, завод, который был там создан, передали соответствующему ведомству. Все коммунары были выпущены с честью.

Связь со своими коммунарами я поддерживаю.

...Надо сказать, что эта связь начинает причинять мне огорчения. Их все-таки много. Их самих я еще помню, но я не могу помнить, кто на

ком женился и у кого сколько ребят. А ведь в письмах приходится писать и об этом.

Вы знаете, товарищи, мне приходится один день в шестидневку тратить на переписку. Это меня очень затрудняет. Правда, я не обижаюсь, ведь у них, кроме меня, никаких родственников нет. К кому же им обратиться? Но мне иногда тяжело бывает от такой массы корреспонденции.

Кто-нибудь из моих бывших воспитанников приезжает, например, в Москву. С поезда прямо ко мне. Иногда на целый месяц. С открытой душой заявляется: «Я, Антон Семенович, к вам на месяц!» Я в ужасе. Мне все-таки жаль жену. Не может же быть она содержательницей постоянной гостиницы. Мне не жаль того, что съедят мои гости, не в этом дело, но хлопоты большие.

— Ну ладно, приехал, так оставайся. Вот, Галя, приехал.

— Кто?

— Да Витька Богданович.

— Ну, здравствуй, Витя.

Через два дня начинаются разговоры:

— Я, пожалуй, в гостиницу поеду.

— Зачем в гостиницу? Живи здесь.

Через три дня опять разговоры:

— Надо, пожалуй, в Ленинград съездить.

— Да зачем тебе ездить, лучше здесь живи.

А когда уезжает, так и расставаться жаль:

— Переезжал бы в Москву, работал бы здесь, ну и жил бы у меня.

Ведь в большинстве своем хорошие люди получались из них. Связь хотя и тяжелая, но для меня это источник большой, настоящей радости. Правда, кое-кто потерялся.

По случаю награждения меня орденом я получил радиограмму с острова Врангеля. Подписано: «Митька Жевелий». Вы его знаете по «Педагогической поэме».

Сегодня получил письмо, тоже поздравительное. Подписано: «Инженер-орденоносец Орисенко (Гуд)»...

Карабанов — начальник колонии. Замечательный человек. Если про себя я говорил, что я мастер, а не талант, то Карабанов в первую очередь талант. Он буквально чудеса делает. Если написать об этом, так, пожалуй, никто не поверит.

Расскажу вам такой случай. В 1937 г. я руководил всеми колониями Украины. Вызвал из Ленинграда Карабанова.

— Бери новую колонию, будешь работать там.

— Хорошо.

Дал я ему старый совхоз, какие-то медздравовские бараки в пяти километрах от Винницы, около шоссе. Ничего там не было. Я решил: Карабанов человек сильный, дал я ему «лучших ребят». Со всей Украины собрал. Собрал настоящих «жуков», которые со мной без мата принципиально не разговаривали. Парню 14—15 лет, но у него в кармане отмычки и водка.

Месяц я продержал их в приемнике. Окружил высоким забором, часовых поставил.

Так эти часовые были несчастными людьми, хотя и со штыками и с на-

ганами. Ребята над ними просто издевались: и плевали им в физиономию, и швыряли чем попало. Что с ними сделаешь? Стрелять ведь в них не будешь. Извелся я, пока Карабанов подготавливал все к приему ребят.

Наконец получаю телеграмму от Карабанова: «Можно привозить». Погрузил я их в арестантские вагоны с решетками, поставил конвой и отправил.

Ночью они прибыли в Винницу. Карабанов подал к станции два грузовика. С соответствующими выражениями уселись в грузовики. Приехали. Постели приготовлены. Накормили их, уложили спать. Все равно, говорят, завтра будем в Виннице. Ночью не видели, куда приехали. Утром проснулись — кругом степи, пусто. И бараки.

Карабанов ушел на село. Ребята заявили: жить здесь не будем, пошли, братва, на вокзал. Поехали в Винницу.

Около них несколько чекистов. Уговаривают их: куда вы, дорогие ребятки, останьтесь. Они ответили им соответствующим образом и пошли пешком, целой ватагой. А чекисты за ними на автомобиле поехали, все уговаривать продолжают.

Прибежал Карабанов:

— Где хлопцы?

Схватил первого попавшегося коня, без седла, поскакал за ними. Видит — идут хлопцы по дороге.

Он спрыгивает с коня. Поскользнулся и упал. Лежит. Те к нему: что такое?

Пробуют поднять. Стонет. Потом говорит: несите меня в колонию. Понесли в колонию. Всей гурьбой пошли. Принесли. Осторожненько опустили его, а он и говорит: да вы меня поставьте. Поставили они его на ноги. А он и говорит: «Ну спасибо, что донесли, не хотелось мне пешком идти».

Ребята буквально обалдели. А он увидел самого курносого и говорит:

— Почему ты такой красивый?

Ребята в еще больший восторг пришли. Карабанов говорит:

— Ну что же, идите в Винницу.

— Ну пойдем.

— А может быть, позавтракаете, а потом пойдете.

— Ладно, отчего не позавтракать.

Позавтракали, да так и застряли там. Через три месяца я приехал к нему туда с ревизией, посмотрел на них. Дисциплина, что надо. Все очень вежливые, приветливые, все читали «Педагогическую поэму».

Я не стал расспрашивать Семена, как он это сделал. А у ребят спросил:

— Ну-ка, скажите, какое у вас главное достижение?

— Наше главное достижение — Семен Афанасьевич. (С м е х.)

Вот это настоящий талант. Не мастер, а именно талант, которому подчиняются самые тяжелые, самые вредные. И из них он делает хороших людей. Мы посылали ему самых трудных, и он делал с ними буквально чудеса.

Сейчас он прислал мне письмо, где пишет: дайте мне какую-нибудь колонию, здесь мне уже надоело, здесь уж слишком благополучно, дайте мне что-нибудь такое, что у всех в печенках сидит. (С м е х.)

В о п р о с с м е с т а. А что вы думаете относительно ремешка или подзатыльника? Допустимо это?

Ответ. К сожалению, меня почему-то считают специалистом по этому вопросу. Основываются на том, что я один раз ударил Задорова Вы помните, вероятно, этот случай в «Педагогической поэме».

И многие говорят: вот вы треснули Задорова — и все пошло хорошо. Значит, нужно трескать

Вопрос спорный. Ударить человека иногда, может быть, полезно, даже взрослого. Есть такие люди, которым следует набить морду Но никто не может сказать заранее, полезно это или нет.

Я противник физических методов воздействия. И раньше был противником. Я ударил Задорова не потому, что своим педагогическим разумом пришел к тому, что это хороший метод. И не потому так благополучно все кончилось, что это был хороший метод, а потому, что Задоров был благородным человеком. Я Задорова избил, а он протянул мне руку и сказал — все будет хорошо. Редкий человек способен на это.

Если бы на его месте был Волохов, он зарезал бы меня Я в этом не сомневаюсь, я думал, что и Задоров может зарезать, но Задоров оказался человеком в высшей степени благородным. Сейчас он работает одним из ведущих инженеров на постройке Куйбышевского узла Это мой настоящий друг. Когда он приезжает ко мне, у меня семейное торжество.

Один этот случай ничего не означает. Может быть, педагог и нарвется на такое благородное существо: треснет его, а тот ему руку пожмет. Все может быть. Но это ничего не доказывает. Вообще физическое наказание как метод я не могу допустить, тем более в семье

В колонии еще можно было сорваться. Там есть какое-то оправдание Там я один стоял перед сотней людей. А как можно сорваться в семье, где всего отец, мать и несчастных два-три ребенка, причем это не бандиты и не беспризорники. Я не видел ни одной семьи, где физическое наказание приносило бы пользу.

Правда, я не говорю о тех случаях, когда мать отшлепает рукой двух-трехлетнего ребенка. Ребенок ничего не поймет даже. А мать не столько накажет его, сколько свой темперамент проявит. Но ударить мальчугана в 12—13 лет — это значит признать свое полное бессилие перед ним Это значит, может быть, навсегда разорвать с ним хорошие отношения.

В коммуне им. Дзержинского ребята никогда не дрались Помню, был такой случай. Возвращались мы из Батуми на пароходе в Крым. Заняли всю верхнюю палубу. Нас очень полюбили. Мы были красиво одеты, у нас был прекрасный оркестр, мы устраивали там концерты. Публике и команде мы очень понравились И вот как-то утром, за завтраком, перед самой Ялтой один старший коммунар ударил своего товарища, более молодого, по голове консервной коробкой. Случай для нас совершенно небывалый. Я был ошеломлен. Что делать? Слышу, играют общий сбор.

— Почему?

— Дежурный командир приказал.

— Зачем?

— Все равно вы прикажете созвать

Хорошо. Собрались.Что делать? Вносится предложение: ссадить в Ялте, расстаться навсегда.

Смотрю, никто не возражает.

Я говорю:

— Да что вы, шутите или серьезно? Да разве это возможно. Ну, ударил, ну, виноват, но нельзя же выкинуть человека из коммуны.

— Чего там разговаривать, голосуй.

— Подождите,— говорю.

Тогда председатель говорит:

— Есть предложение лишить слова Антона Семеновича.

И что же вы думаете — лишили. Я говорю им:

— Мы в походе, я командир, я могу все общее собрание под арест посадить на пять часов, это вам не коммуна, где я с вами разговариваю, как же вы можете лишить меня слова?

— Ну ладно, говорите.

А говорить-то и нечего. Голосуют. Кто за это предложение? Все единогласно. И здесь же выносится другое предложение: кто пойдет провожать, может обратно не возвращаться.

Прибежала делегация от пассажиров и команды. Просят простить этого мальчика.

— Нет, мы знаем, что делаем.

В Ялте ни один не сошел с парохода. Ждали Ялту с нетерпением, хотели посмотреть город, погулять, а здесь ни один с парохода не сошел. Дежурный командир сухо сказал ему:

— Иди.

И пошел.

Приехали мы в Харьков, а он на площади нас встречает. Наши грузятся. Он здесь же вертится. Дежурный командир говорит ему:

— Уйди с площади. Грузиться не будем до тех пор, пока ты будешь здесь.

Ушел. Через три дня пришел ко мне в коммуну. У дверей часовой.

— Не пропущу.

— Ты же всех пропускаешь.

— Всех пропускаю, а тебя не пропущу.

— Ну, вызови тогда Антона Семеновича.

— Не буду вызывать.

Все-таки вызвали меня.

— Что тебе нужно?

— Попросите общее собрание.

— Хорошо.

Просидел он у меня до вечера. Вечером общее собрание. Прошу. Смотрят и молчат. Спрашиваю, кто хочет высказаться? Никто. Да скажите же что-нибудь. Улыбаются. Ну, думаю, наверное, оставят. Прошу голосовать. Председатель голосует: «Кто за предложение Антона Семеновича, прошу поднять руки». Ни одной руки не поднимается. «Кто против?» — Все.

На другой день опять пришел.

— Не может быть, чтобы меня так жестоко наказали. Созовите общее собрание, я хочу, чтобы мне объяснили.

Созывается вечером общее собрание.

— Вот он требует объяснения.

— Хорошо. Говори, Алексеев.

Выступает Алексеев, начинает говорить.

— Ты на пароходе в присутствии всего Советского Союза, так как на пароходе были представители всех городов, в присутствии команды из-за какого-то пустяка ударил товарища по голове. Этого нельзя простить, и никогда мы тебе не простим. После нас будут здесь ребята, и те не простят.

Ушел он. Из старых ребят многие уже вышли из коммуны, много новеньких. И новенькие всегда говорили. «Нужно поступать так, как поступили со Звягинцем». Они Звягинца не видели в глаза, но знали о нем.

Видите, товарищи, как коммунары относились к битью. Педагогической душой я их осуждаю за такую жестокость, а человеческой душой — не осуждаю.

Это, конечно, жестокость, но жестокость вызванная. Конечно, в коллективе допускать побои нельзя. Я лично горячий противник физических методов воздействия.

Вопрос с места. У вас в коммуне были юноши и девушки 17—18 лет. Какие у них были взаимоотношения?

Ответ. Вопрос очень трудный. Рассказывать пришлось бы очень долго. Об этом есть в моей книге. Коротко все-таки скажу. Любовь запретить нельзя, конечно, но разрешать влюбляться и жениться в восемнадцать лет тоже нельзя. Никакого счастья от такого брака не будет. У нас большую роль играло единство коллектива и доверие ко мне. Я мог собрать девушек и читать им лекции о поведении девушки. А потом собирал и юношей. И тех я уж не столько учил, сколько просто требовал: в первую очередь отвечать так-то и так-то, поступать так-то и так-то.

Меня поддерживали комсомольская организация, партийная организация и, конечно, пионерская организация. Поддерживало и общее собрание.

Только благодаря этому у нас было с этим вопросом все благополучно: никаких драм и трагедий не было. Мы знали, например, что Кравченко любит Доню, а Доня любит Кравченко. Они всегда вместе ходили, вместе гуляли, но ничего плохого не было в этом. Они отжили свой срок в коммуне, поступили оба в вуз и уж потом, через три года, поженились. Приехали в коммуну и на совете командиров заявили — мы женимся. Командиры поаплодировали им: вовремя женитесь, пять лет любовь выдерживали.

Вопрос с места. Откуда у вас такое знание психики дошкольников?

Ответ. Своих детей у меня нет, но есть приемные дети. В коммуне у меня был детский сад для детей сотрудников. Я его организовывал, я им руководил. Многих дошкольников хорошо знаю и очень люблю. Опыт небольшой, но все-таки есть.

СОВЕТЫ РОДИТЕЛЯМ

СОВЕТСКАЯ СЕМЬЯ ДОЛЖНА БЫТЬ СЧАСТЛИВОЙ

Советское семейное законодательство говорит с определенной ясностью о дальнейшем укреплении семьи и о том, что партия в советской семье видит ту основную ячейку, где взращивается и воспитывается будущий советский гражданин.

Нашей молодежи обеспечен прочный союз — брак, радость отцовства и материнства, наши семьи должны быть самыми счастливыми и самыми прочными. В брачном союзе советских граждан нет элемента купли и продажи, нет никаких материальных соображений. Это — союз двух любящих людей, союз, заключенный по взаимному влечению, значит, в основной массе он должен быть счастливым.

НИ ФОКУСЫ, НИ СЕКРЕТЫ, НИ ПОЗА НЕ ПОМОГУТ

Среди родителей распространено очень своеобразное заблуждение, многим кажется, что для того, чтобы воспитывать и воспитывать хорошо — а все родители хотят хорошо воспитывать своих детей,— для этого нужно обладать каким-то секретом. Тот воспитывает хорошо и удачно, кто знает этот секрет.

Правда, хорошо или плохо идет воспитание, родители обыкновенно измеряют применительно к себе; если ребенок хорошо к ним относится, значит, воспитание идет правильно. О неправильности разговор начинается обыкновенно тогда, когда дети грубят родителям, не слушаются и вообще — воспитывали одно, а вышло или выходит другое. Более часты случаи, когда спохватываются поздно — уже вышло не то, и тут начинаются поиски секрета и всесильных средств. Причем часты случаи, когда это «не то» измеряется той же меркой: отношение к родителям или родителю, а если мерить на другие мерки, то оказывается, что все остальное довольно качественно и приемлемо. А между тем мерка должна быть другая. Мы старались доказать в нашей книге: отношение к родителям — это столь мощный рычаг воспитания, что когда в этой области неблагополучно, то почти всегда неблагополучно и в других. Не удивительно, что родители беспокоятся и ищут средств, как исправить дело.

Верят в педагогические фокусы и чудеса и в тех случаях, когда идет все хорошо. Один из родителей в дружеской беседе мечтательно говорит: «Другие умеют воспитывать, а я, может быть, и не так делаю. Надо знать, как». Или. «Нет, вы скажите, как сделать, чтобы ребенок не грубил».

Такое отношение к воспитательному процессу напоминает нам поиски секретов черной и белой магии. Действительно, чтобы показать фокус, надо знать секрет фокуса. Вот родители и требуют секрета.

Когда мы говорили кое с кем из родителей, что работаем над книгой о семейном воспитании, нам все в один голос советовали: «Пишите так, чтобы были указания, советы, как делать». Наконец, родителям часто кажется, что достаточно исправить один существенный недостаток — и всё будет хорошо.

Фокусы требуют определенной обстановки, и поэтому таким родителям кажется, что нужна какая-то специальная поза, манера себя держать с ребенком, надо себя «поставить» относительно ребенка (в его глазах) и, главное, сохранять эту позу всегда и неизменно, пока не окончится воспитание. Все эти заблуждения нахватаны из обрывков старых и новых педагогических мыслей и предрассудков и хранятся в памяти как рецепт магического бальзама, безусловно целебного, но применение его требует такого сложного ритуала, что бальзам бездействует, кроме того, и рецепт утерян.

ЗДОРОВАЯ МНОГОДЕТНАЯ СЕМЬЯ

Только семью, в которой есть несколько детей, можно считать совсем здоровой. В такой семье дети составляют, хотя и маленький, но все же коллектив. В такой семье нет концентрации всех чувств на одном ребенке. И хотя правду говорят матери: «Пальцев десять, а какой ни отруби, все равно больно, так и детей всех жалко», но тем не менее гибель одного ребенка или его неудачи в многодетной семье не могут быть такой решающей, такой непоправимой катастрофой.

...Многодетная семья имеет еще одно большое преимущество, если в ней правильно организовано воспитание. Такая семья тесно связывает родителей и делает их брак прочным. Если у родителей есть цель воспитания и план, по которому они действуют, помогая и дополняя друг друга, то у них всегда остается деловая связь, полная глубокого содержания и смысла,— воспитание детей. Хорошо воспитывать детей — это трудное и большое дело, требующее очень много внимания, души и труда. А если вложить труд и душу, то не так легко будет бросить не только жену и детей, но и большое недоконченное дело, тем более, что дело это приносит много радости и удовлетворения, гордости и счастья. Совместная удачная работа по воспитанию детей имеет в каждой семье значение мощных скреп брачных уз, но в семье многодетной это ощущается полнее и многограннее.

В многодетных семьях самым трудным бывает воспитывать мирные, без ссор, отношения детей. У детей вообще достаточно агрессии. Надо организовать в семье не только отношение между равными, но и отношения между слабыми и сильными — маленькими и большими, а это не так просто. А между тем в таких семьях при недостаточном внимании родителей может развиваться сварливость, притеснение слабейших, некоторая эксплуатация более мягких и легких характеров. Надо сказать, что нет ничего пагубнее привычки к ссорам и раздражительности. И то и другое — это только дурная привычка, легко образующаяся и возрастающая в степенях с годами. Привычка, которая у взрослых людей всегда приводит к несчастной семейной жизни. Огромное значение как в закреплении, так и в торможении этой дурной привычки имеет общий тон в семье и отношение родителей друг к другу — это решает. Мы знали одну очень интересную и поучительную в этом отношении семью до революции. Некий Илинский, по профессии учитель, овдовел, у него осталось четверо детей — старшей дочери было девять лет, младшему сыну — полтора года. Илинский много пережил, трудно ему было с малыми детьми, без матери. Потом он создал себе очень своеобразную семью: трое детей его умершей сестры, круглые сироты, жили с одинокой вдовой тетей — старшей сестрой Илинского. Кроме того, было еще двое круглых сирот — родственников жены Илинского. Все это были дети приблизительно одинакового возраста. Вот он и взял всех этих детей и свою сестру к себе. Получилась очень сложная семья, где было девять детей. Дети были из разных семей, с разными традициями и навыками, с разными фамилиями. Илинский и его сестра Елена Ивановна очень любили друг друга и уважали, в их отношениях было то настоящее, искреннее джентльменство, которое необходимо в общежитии. В этой семье между взрослыми никогда не было ссор, так

называемых сцен. Отцу Илинскому было очень нелегко прокормить, одеть и обуть весь этот своеобразный детский дом, а Елена Ивановна много и тяжело работала, обшивая, кормя и воспитывая всю эту девятку. Но ей всегда помогали мальчики и девочки. Девочек было только три и к ним было несколько подчеркнуто-нежное отношение — так относился к ним Илинский. Вся эта разнородная семья жила дружно. Дети, а потом юноши и взрослые нежно и по-братски любили друг друга, и никто никогда не думал, которые дети свои, которые чужие. Не было в этой семье ссор, раздоров, зависти. Члены этой семьи стали впоследствии прекрасными семьянинами, это умение жить без ссор и конфликтов они передавали своим детям. Получилась своеобразная «наследственность» таких качеств. Вот такую «наследственность» положительных характеров и надо создать в каждой советской семье. Ведь очевидно, что в семье Илинского было гораздо больше динамитных свойств, чем в семьях, где живут родные братья и сестры.

Надо сказать, что во многих передовых лучших семьях старого времени была прекрасная и нежная любовь между детьми. Семьи — Ленина, Дзержинского, Куйбышева, Менжинского и многие другие. Особенно в тех, где братья и сестры становились товарищами по общей революционной работе. А в нашей советской семье дети — участники новой творческой жизни и деятельности, и это обеспечивает радостный, подлинно братский стиль их отношений.

СЕМЬЯ, ГДЕ ОДИН РЕБЕНОК

Семейное счастье и его прочность тесно связаны с вопросом о детях. И надо прямо сказать, что бездетные браки всегда менее прочны, чем те, где есть дети. Семьи, где один ребенок, настолько уязвимы, что счастливыми их назвать трудно, даже если в семье мир и любовь. Не только смерть, но и тяжелая болезнь единственного ребенка — это трагедия, окончательная и непоправимая. В таких семьях всегда есть некоторая истеричность в отношении ребенка, и несказанно трудно воспитывать этого «единственного и неповторимого» так, чтобы он не ощущал этой своей исключительности. Наибольшее количество путаницы в воспитании приходится на долю именно этих одиночек. Весь запас родительской любви и энергии, рассчитанный природой на десяток детей, изливается на одного, и ребенок пресыщен до тошноты этой любовью. Часто такие дети на нежные излияния родителей отвечают: «Отстань, мне надоело». И ему, действительно, надоело. В отношении к единственным детям необходимы дозировка и еще более детальный обдуманный план воспитания.

В старых дореволюционных семьях с детьми особенно не нежничали, и многие советские родители почему-то решают, что отсутствие нежности — это тот основной дефект, который был в старой семье, и «от него все качества». Отсюда вывод: чем больше нежности, тем лучше — «кашу маслом не испортишь» — гласит поистине готентоттская пословица. Так думают некоторые родители, а потом они жалуются: «Она меня посылает к черту и говорит всегда грубым голосом. А сколько нежности видела моя дочь! Я никогда не повышала на нее голоса». Оказывается, «масло» тоже вредит в излишнем количестве. Когда в семье один ребенок, родители просто

захлебываются от собственной нежности, и в этих случаях всегда выходит не то, чего они хотят. Часто такие нежные родители так слепы, что не способны видеть, как и что вышло. Вот пример из жизни: умный отец, видный работник, до самозабвения любит сына. Мать менее умна, она любит сына уже до неприличия. Отец перенес очень тяжелую операцию. Приехал из больницы домой. Семья живет на четвертом этаже. У отца в гостях приятель. Обнаруживается, что к ужину нет хлеба. Он просит сына, уже студента, сходить за хлебом, так как отцу нельзя спуститься с лестницы — швы могут разойтись. Сын, который любит и уважает отца, раздраженно говорит: «Я не пойду, ты знаешь, я занимаюсь, и мне некогда». Отец входит в столовую и сочувственно говорит приятелю: «Потревожил мальчишку, а он, бедный, готовится к зачету. Схожу за хлебом».

Приятель не знает, на кого больше злиться — на сына или на отца, и идет за хлебом. А отец даже не замечает хамства сына. Сын перекормлен, и его пичкают дальше. Эта семья считается благополучной, но разве объективно можно назвать ее счастливой, и такая ли семья нам нужна?

Семьи, где один ребенок,— это семьи в большинстве случаев дефектные. Надо очень много ума, такта, прозорливости и большевистской непримиримости и бдительности, чтобы обуздать в себе стихию родительской любви и страха. Страха потерять, обидеть, огорчить, доставить неприятность, страха, в котором властвует инстинкт, а не разум.

Надо понять, что родительский долг, ответственность перед ребенком и обществом, имеют неизмеримо большую человеческую ценность, что именно они нужны в советском родителе.

В этом и есть высшее выражение родительской любви, присущей только человеку. Слепая зоологическая любовь к детям никого не способна умилить в нашем обществе — она неприятна, потому что это чувство антиобщественное. У наших детей оно естественно вызывает раздражение и противодействие.

Тринадцатилетний мальчик сказал матери: «Мамочка, не надо любить меня такой любовью, которая мешает жить и тебе и мне». И в этом вопросе он был мудрее своей матери, и мать это поняла.

В семьях, где один ребенок, воспитание имеет свои специфические трудности, о которых родители должны всегда помнить: нельзя любить слишком. Разум должен господствовать над чувством.

О ДОЛГЕ, ВРЕМЕНИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Родители часто оправдываются тем, что времени нет воспитывать детей и что нервы у них не в порядке, но о нервах особо. Это верно: времени у нас мало, мы очень заняты. Иногда говорят так: если нет времени воспитывать, то не надо рожать детей. Однако раз вы здоровы и женаты — дети будут, и вы обязаны найти время их хорошо воспитать — это ваш гражданский долг. Нам кажется, что все эти оправдания ничего не стоят — не времени мало у таких родителей, а нет чувства ответственности ни перед ребенком, ни перед обществом. С самого рождения смотрят они на ребенка, как на некоторую забаву в часы досуга. Есть время — можно уделить забаве, нет времени, значит забавляться будем в следующий раз. И если кое-кто из родителей серьезно и честно подумает, то вынужден

будет признать, что мы говорим правду, только несколько ее обнажая и делая неприглядиее. А между тем рождение ребенка, кроме родительской радости, должно принести с собой неослабевающее чувство долга и моральной ответственности.

Дело не ограничивается родительской радостью, дело в том, какого вы дадите человека и гражданина нашему социалистическому государству. Вопрос прежде всего идет о вашем гражданском долге, товарищи родители. А если дело идет о долге, то время найдется. При этом мы с полной ответственностью утверждаем на основании многолетнего опыта и наблюдений, что для воспитания ребенка совсем не нужно какого-то особенного времени, и не нужно, главное, много времени. И если родители говорят, что ребенок вышел плох потому, что времени не было его воспитывать, они просто ищут оправданий, как и всякий другой провинившийся человек.

В первые годы жизни физический уход за ребенком требует большого внимания и времени. Но если в эти годы заложены основы правильных отношений родителей и ребенка и воспитание началось, то вместе с ростом ребенка уход за ним и его воспитание требуют количественно меньше времени. Именно количественно, а не качественно. Качественно воспитание с возрастом ребенка становится сложнее. Глубокое заблуждение, что для того чтобы воспитывать и воспитать ребенка, надо будто бы все время быть свободным и посвятить себя только воспитанию ребенка.

Система бонн, гувернанток, даже очень квалифицированных, показала с очевидностью, что если ребенок всегда на глазах, то это еще совсем не определяет правильности его воспитания. Может быть, даже наоборот! Кроме того, это было бы крайне неэкономным использованием квалифицированных сил наших родителей. Наконец, если воспитание идет плохо, то вряд ли оно станет лучше от того, что человек, не умеющий воспитывать, будет исключительно этим делом заниматься.

Наши наблюдения говорят об обратном: в том случае, если родители живут полной жизнью, заняты интересной работой, любят ее, ею увлекаются, относятся к ней с пафосом, если это действительно люди идеи и долга, воспитание ребенка становится проще и эффективнее. Наши советские дети очень рано становятся преданными патриотами, горячо любящими Родину, и очень рано научаются гордиться интересной работой родителей, их занятостью, той пользой, которую они приносят. У совсем маленьких детей это звучит особенно трогательно. Часто детям еще трудно понять, в чем заключается работа родителей, но дети не сомневаются, что родители делают хорошее и нужное дело. Дети всегда очень гордятся, если родители коммунисты. Такой дополнительный аргумент к уважению и авторитету при умелом использовании чрезвычайно облегчает воспитание.

Если все идет благополучно, основные линии нравственного воспитания, намеченные родителями, получают должное развитие, то детям необходимо предоставить определенную свободу и самостоятельность. Но при этом надо зорко следить за ребенком и помочь ему в случае необходимости выпрямить линию или выбраться из затруднения, если такие возможности наметятся. Для этого не надо много времени посвящать ребенку, надо только всегда иметь его в поле своего зрения, помнить о нем, и то, пусть короткое время, которое вы выделяете ребенку,

посвятить только ему, внимательно и по-деловому. Не обязательно это делать каждый день. Надо руководить детьми, а не надоедать им и приставать с поучениями, а это почти неизбежно, если к примеру, все время матери посвящено только воспитанию детей.

В дальнейшем, с возрастом, надо ставить перед ними новые задачи (на них наталкивает жизнь). Все расширяя и раздвигая рамки личной жизни детей, надо подводить их к пониманию таких понятий, как Родина, гражданин, долг и др.

Воспитание требует гораздо больше души, неослабевающего внимания, все растущего чувства ответственности, а не времени. И чем ребенок старше, тем меньше он требует времени, и тем напряженнее ответственность.

НИКАКАЯ ПОЗА НЕВОЗМОЖНА

Надо совершенно отбросить взгляд, что воспитывать могут только посвященные в тайны специальных наук, и поставить воспитание наряду с другими деловыми сферами жизни. Воспитание — дело трудное, но это прежде всего дело, деловая деятельность, доступная каждому взрослому советскому гражданину. И это деятельность, которой он обязан заниматься, какая бы у него ни была основная специальность.

Должен делать хорошо, даже отлично и может делать отлично, если захочет. Должен не «мечтать» по вопросам воспитания, а размышлять, мыслить в этой области и мыслить, как он мыслит в своей специальности. помнить о деталях, ощущая постоянно общие и частные цели и задачи всего нашего Союза. Закон об укреплении семьи четко и ясно ставит перед каждым гражданином задачу и вменяет в обязанность воспитывать детей. Повторяем: воспитание детей — дело трудное, как и всякое дело, которое надо сделать хорошо. Это — большой, напряженный, требующий постоянного внимания труд. Как и всякая другая работа, воспитание требует предельной простоты и искренности, отсутствия какой бы то ни было позы, искусственности и лжи. Воспитывать надо многие годы, и никакая поза просто невозможна Наконец, в воспитание входит и сложный процесс формирования отношений между детьми и родителями, отношений, затрагивающих самые глубокие и интимные чувства. При первом же конфликте, а без них не обойдешься, позирование просто прекратится само собой. Чем больше интеллект родителей и чем безыскусственнее они перед детьми, тем легче воспитание, но при этом всегда надо помнить, что я, родитель, воспитываю, а не меня воспитывают. При этом никогда нельзя как-то особенно угождать детям, чтобы они нас любили. Такая ориентировка на то, чтобы дети обязательно любили, почти всегда ведет к потере представления, кто кого воспитывает. Дети говорят: «Папка, ты мне надоел», «Мамка, не приставай». То есть говорят, как плохой воспитатель, и родители позволяют «плохо себя воспитывать».

Мы знаем случай, когда отца, большого умницу, талантливого конструктора и научного деятеля, дочь называет просто «Валькой» и говорит «Он противный и действует мне на нервы». Это якобы выражение любви дочери 20 лет. Во всяком случае подобное объяснение запутано больше, чем у декадентов, и с нашим советским реализмом ничего общего не имеет. Нам это кажется вульгарной грубостью.

О ДЕТАЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ ВОСПИТАНИЯ

Мы уверены,что не количество времени, посвященное детям, решает вопрос воспитания Дело в том, что родители часто не задумываются всерьез над тем, кого они хотят воспитать из ребенка, какие качества необходимы ему как советскому гражданину и человеку, какой комплекс качеств?

В данном случае необходимо не общее представление: коммунистическая личность, человек-коммунист, активный строитель... Надо расчленить эти понятия и представить себе совершенно конкретно, из каких элементов, деталей состоит тот идеал человека, которого мы хотели бы воспитать в наших детях.

Родители обычно говорят так: «Я знаю, что я хочу воспитать, меня затрудняет вопрос, как воспитывать». А мы думаем, что очень часто родители берут общее понятие (не расчленяя его) и при этом полагают, что если поставить себе цель воспитать человека-коммуниста, то эта общая задача все решает.

В тех случаях, когда родители не дают себе труда решить, сумму каких качеств они хотят воспитать у своих детей, когда нет деталей, то не будет и целого, а если и будет, то родители здесь ни при чем. Жизнь перевоспитывает, и в наших советских условиях это непременно будет, но зачем этот мучительный двойной путь! Должна быть не только цель воспитания, а и программа, и если есть такая программа, детализированная и продуманная, то найдется умение провести ее в жизнь и воспитать то, что нужно.

Мы должны воспитать людей с возможно более богатым опытом многосторонней деятельности, не теряющихся ни при каких обстоятельствах.

Наш советский диапазон необъятен: от роскошного дворца до колхозного поля и льдов Арктики. Везде наш советский человек должен жить культурно и весело. Бытовая и хозяйственная беспомощность и неподготовленность также обедняют личность, как и всякая другая беспомощность. Они приковывают человека к месту: куда ты годишься, если не умеешь быстро и квалифицированно обслужить себя и других.

Наконец, такого человека просто никто не возьмет, ни в поход, ни в экскурсию, ни даже в компаньоны на дачу. В быту такой человек всегда нагрузка, а не помощь,— он ничего не умеет, у него нет привычки сменить товарища, его можно только заставить что-нибудь сделать.

Надо воспитывать умелых людей, и чем больше трудовых навыков, чем они разнообразнее, тем человек ценнее. Вероятно, хозяйственная беспомощность чрезвычайно тягостное самочувствие личности. Чувствовать себя неприспособленным к самой необходимой и простой работе, зависеть от других, быть постоянно обязанным,— вероятно, мучительно и стыдно.

Дети свободных людей — самые счастливые дети в мире. Таких счастливых детей в мире еще не существовало, только пролетарская революция открыла путь этого счастливого шествия детей. Они наши наследники: все величайшие завоевания революции, освобожденной науки и техники, все наши неисчислимые материальные богатства мы передаем им.

Они не только самые счастливые и богатые дети, но должны быть самыми хорошими. Они не должны перенести с собой в свою жизнь никаких пережитков прошлого. Мы обязаны оградить их от наших недостатков, пороков и заблуждений прошлого. Но и дети наши должны расти с сознанием своей великой миссии преемников и продолжателей великого дела.

Дети в капиталистических странах — это один из объектов частного владения. Там власть родителей — это прежде всего власть хозяина, неограниченная и безапелляционная. Родители даже не обязаны любить детей. В десяти заповедях сказано: Чти отца твоего и матерь твою, а об обязанностях родителей ни слова. Или еще говорят: За одного битого двух небитых дают, да и то брать не хотят. Битье в капиталистических странах — это одна из неизбежных составных частей детского вопроса — изгнано и совершенно запрещено законом только у нас.

А кто из нас, выросших в дореволюционных семьях, в детстве слышал о каких-то «правах детей» и «долге перед ними родителей»! Таких понятий просто не существовало — их принесла с собой революция. И прекрасный лозунг: «Дети — цветы жизни» засверкал как утверждение прав детей. Этот лозунг остается поэтическим выражением отношения Советского государства к детям. Что касается юридической стороны, то в проекте нашей Конституции с предельной ясностью и мудростью определены права гражданина Советского Союза, невиданные еще в мире права личности. Там же указаны и обязанности гражданина нашей великой Родины. Следовательно, конституция является утвержденной законом программой личности нашего гражданина. Поэтому наших детей мы должны воспитывать так, чтобы права и обязанности советского человека, провозглашенные конституцией, стали плотью и кровью и были неразделны с их жизнью и сознанием. Только тогда они будут достойными носителями великих идей Ленина.

ВОПРОСЫ ЭТИКИ

В буржуазном обществе есть своя, крепко установившаяся мораль и этика. Она вдалбливается с колыбели семьей, школой, книгой, религией. Идеалы моралистов очень плохо увязываются с буржуазным бытием, но тем не менее для приемлющих буржуазную логику, можно найти ответы по любым вопросам морали и этики.

Наша революция разоблачила и показала несостоятельность буржуазных стремлений к идеалу и морально-этических положений. Нам нужно критически просмотреть все их наследие и создать свою мораль и этику. За двадцать лет нашей советской жизни родились новые и крепкие моральные устои, и жизнь с каждым днем укрепляет и создает новые.

Наша Конституция подводит итоги и закрепляет наши достижения в этой области. Но надо сознаться, что весь этот огромный материал почти не использован как определенная этическая система в воспитании наших детей. У нас нет ни соответствующего предмета в школе, ни даже литературы по вопросам коммунистической морали. Всякий, кому приходилось или приходится работать с детьми и юношами, знает, как жадно ищут они советов в этой области, как каждый день жизни ставит перед

ними моральные проблемы, и они часто не знают, как надо поступить. Работающий с ними ничего не может им предложить, так как книг по этим вопросам нет (Покойный Луначарский считался специалистом в этой области и много прочитал лекций, интересных и остроумных, но они, кажется, не изданы). А между тем детей надо учить поступкам так же, как их учат ходить, кушать и читать. Поэтому требовать от молодежи и особенно от детей, чтобы они морально-этические нормы извлекали из нашей жизни,— это значит предъявлять к ним непосильные требования,— кто увидит, а кто и нет.

Комсомол ставит перед своими членами категорические и точные требования, но не все юноши — комсомольцы, да и комсомольцы иногда путаются по молодости. Надо думать, что в школах еще недостаточно занимаются вопросами систематического морального воспитания и даже образование (именно в этой области) зависит от неизжитых еще до конца педагогических догматов: веры в абсолютное влияние среды и самотек.

Между тем многие трудности работы в школе и воспитания в семье зависят только от того, что учителя, родители и дети не всегда знают, как нужно поступать согласно новой моральной норме.

Можно привести массу примеров: умение жертвовать своими интересами ради других и общих, забота и нежность относительно малых и старых, рыцарское отношение к женщине, отсутствие какой бы то ни было лжи, верность другу, жене, мужу и вообще нужна ли эта верность и как ее сочетать с интересами общественными и государственными?

И действительно, мы еще не занялись отбором нужных нам и вредных, принесенных из прошлого, морально-этических норм, не привели их в порядок, в соответствие с нашими потребностями. Путали в этих вопросах до того, что под сомнение ставились уже такие неоспоримые ценности, как честь, долг, патриотизм, доблесть, нежность и многое другое. А семейные добродетели огулом признавались мещанством и буржуазными пережитками. Много лишнего принесло это в нашу жизнь, немало вскружило сырых голов...

Надо много писать по всем вопросам морали, надо создавать общественное мнение, традиции. Есть совершенно новые вопросы, способные поставить в тупик не только детей и молодежь: личная собственность, отношение к личной и государственной собственности, зажиточная жизнь у нас и в буржуазном обществе, имущество, предоставленное государством в личное пользование: автомобили, дачи, квартиры и прочее...

Разделение труда и отношение к труду умственному и физическому и многие другие вопросы, с которыми приходится сталкиваться воспитателю ежедневно и на которые надо уметь дать ответ молодежи и детям.

При этом очень важно помнить, что наши дети растут и выросли после Октября, эксплуатация человека человеком, классовая борьба, классовый антагонизм для них уже история, которую они изучают, как и другие исторические факты и события. Между тем совершенно необходимо, чтобы классовая ненависть отцов, их революционная непримиримость не ослабевали в детях. Этой классовой ненависти, физическому отвращению к мещанству, какое было у Горького, мы должны научить наших детей, как учат арифметике, воспитать эту ненависть и взращивать ее.

К счастью, надо сказать, что у наших детей легко воспитывать непримиримость, создать мировоззрение, которое нам нужно, создать необходимую в этом деле страсть. И это потому, что наша мораль, наши идеалы находятся в полной гармонии с нашим бытом, общественным и личным, с жизнью.

Совершенствование морально-этического облика нашего советского человека не имеет предела. У нас нет поводов для злобного отношения друг к другу: мы все, граждане Советского Союза, делаем большое и нужное дело — мы единомышленники. С любыми пороками, которые могут обнаружиться, мы ведем открытую общественную борьбу. В нашей жизни нет тайных мест и темных дел, нам нечего скрывать от наших детей — они все могут знать и все знают. Поэтому очень легко воспитывать у наших детей самые возвышенные моральные представления и учить претворять их в жизнь, но надо начинать с первого случая, когда ребенок поступил не так, как он должен поступить. Нельзя упускать времени и успокаивать себя тем, что ребенок еще маленький и не понимает, подрастет —поймет. Ничего он не поймет, если его не учить, а если и поймет, то будет только самоучкой.

Начинать надо очень рано и с самого простого: места в жизни и права ребенка, права окружающих его людей, все равно каких, близких или далеких, умных или, как вам кажется, глупых. Вся эта, субъективная часто, дифференциация придет позже, а прежде всего надо учить отношению к товарищам, к советским людям, отношению чуткому, внимательному и доброжелательному.

ДИАЛЕКТИКА ЧУВСТВ

Ф. Э. Дзержинский в своих замечательных письмах говорит: «Избалованные и изнеженные дети, любые прихоти которых удовлетворяются родителями, вырастают выродившимися слабовольными эгоистами» Над этими словами Феликса Эдмундовича надо крепко задуматься. Наша страна будет богатеть безгранично. Коммунизм —это богатство, которое трудно даже представить себе,— всеобщее богатство Значит, наши внуки будут расти в полном довольстве.

В этих же своих письмах Дзержинский говорит «Я — не аскет. Это лишь диалектика чувств, источники которой — в самой жизни, и, как мне кажется, в жизни пролетариата». Вот эта «диалектика чувств», которой проникнуты все письма о детях Ф. Э. Дзержинского, должна быть воспринята родителями и стать основой анализа их отношения к детям.

Нет никаких сомнений, что избалованность и изнеженность — качества совершенно чуждые нашему обществу, могли бы только повредить нам, и их надо изживать. Если в отдельных случаях мы и наблюдаем семьи, в которых изнеживают и балуют детей, то это следует отнести к области пережитков, вынесенных из старого мира, пережитков тяжелых и вредных, характеризующих буржуазное общество, один из смертных его грехов.

Если в отдельных случаях у нас в семьях изнеживают и балуют детей, то только потому, что не задумываются над этим вопросом.

В таких случаях бездумно перетаскивается в жизнь старое представление о «благосостоянии», «зажиточности», мещанское представление: получше одеть, уложить на мягкую кровать, обязательно шелковое одеяло какой-то особой стежки и т. д. Хочется повторить слова Дзержинского: «Я — не аскет. Это лишь диалектика чувств...»

Дело в конце концов не в одеяле и платьях, дело в идеологии, мироощущении, в том месте, которое занимают все эти вещи в сознании и жизни детей и взрослых. Если глаза ребенка поблескивают особенно, а в голосе и манере тщеславие, когда он говорит: «Наш бьюик» или «папа привез мне замечательные вещи из-за границы», то это дурно, потому что это значит, что ребенок или юноша думает, что обладание этими вещами (собственно ему не принадлежащими) меняет его положение в мире и делает его значительнее, виднее.

Изнеженность и балованность наших детей такая же опасность, как и шкурничество, воровство, ложь. Это враждебные нам качества.

РОДИТЕЛЬСКИЙ АВТОРИТЕТ И АВТОРИТЕТНОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ

В требованиях к детям родители должны научиться безапелляционному авторитетному тону, без лишних разговоров, авторитетному уже потому, что это сказано матерью или отцом. Необходимо воспитывать привычку выполнять распоряжение воспитателей. Это не только делает легким воспитание, но и сберегает нервы ребенка, уменьшает всякий риск нелепых поступков, предупреждает капризы и сохраняет массу детской энергии, которая в другом случае с большим вредом для детей тратится на упрямство, капризы, своеволие и пр.

Конечно, весь тон родительских распоряжений (мы будем говорить именно об этой форме общения, так как кроме распоряжений, есть просьба, разговор, приказание и т. д.) должен быть совершенно спокойный, деловой, серьезный, без тени крика и раздражения. Но здесь не должно быть и ноток просьбы. Если нас спросят, как это делать, то мы можем отослать каждого родителя к его деловой сфере: это надо делать так же точно, как это вы делаете на вашей работе, когда вы отдаете распоряжение вашему подчиненному. Мы хотим именно подчеркнуть — не приказание, а распоряжение. Именно такой характер воспитания имеет еще и то громадное значение, что он устанавливает отношения между детьми и родителями и создает атмосферу взаимного уважения, интереса и серьезности... Это ни в какой степени не противоречит необходимости играть с ребенком, шалить с ним и быть нежным и прочее.

Но даже в этих играх и шалостях нельзя допускать не только грубых, но даже невежливых выходок, назойливости и навязчивости.

Должна быть постоянная взаимная деликатность и, если вы хотите предупредительности и вежливости у ваших двадцатилетних детей, то воспитывайте их с первого года жизни, иначе вы просто ждете чуда, и будете сетовать на судьбу или детей, если чудо не свершится.

С годами требования к развитию интеллекта ребенка и линии его поведения следует углублять и непрерывно расширять.

Участие родителей в развитии личности, формировании характера и интеллекта детей, и та помощь, которую родители оказывают ребенку в этой области, являются основой родительского авторитета. Если ребенок воспитывается в яслях или в детском саду, родители должны держать с воспитателями ребенка постоянную связь.

КОГДА РЕБЕНКУ ОТ 3-х ДО 5-ти

Действительно, первые три года жизни ребенок требует тщательного и кропотливого внимания и ухода: для того чтобы сохранить его физически, необходимо организовать соответствующий уход и найти время для него. Есть все основания считать, что в первые два-три года закладывается фундамент не только физического здоровья ребенка, но и основные линии будущей личности, характера.

Область эта еще недостаточно изучена, так как человеческое дитя очень сложно и мало приспособлено для всякого рода наблюдений, особенно длительных, но близкое знакомство с детьми 9—12 лет говорит, что к этому возрасту имеется уже все разнообразие человеческих характеров и обозначены основные линии возможного развития личности. Конечно, характер 9—12 летнего ребенка нельзя рассматривать как нечто неподвижное и неизменное: характер сложился — и этим все решено. Характер и личность складываются, формируются и изменяются в течение всей жизни человека. Это непрерывный процесс развития или деградации. Поэтому, говоря о детях, скорее, мы имеем в виду тенденции, намечающиеся в этом возрасте, от 3—5 лет. Родители должны активно участвовать в определении характера и направлении этих тенденций.

Надо так же тщательно и с таким же вниманием воспитывать ребенка в эти первые годы, с каким он вскармливается. В воспитательном процессе нет мелочей и нейтральных явлений, в то же время чрезвычайно трудно наверстать упущенное, и ни одного потерянного дня нельзя возвратить.

Если не воспитаны разумные привычки и навыки — значит, воспитаны другие, и надо уже не воспитывать, а перевоспитывать, а это всегда значительно труднее, а иногда и невозможно.

Почему-то кажется, что ребенку все можно, пока он маленький, вероятно, это пережиток старого представления об «ангельских душеньках».

Мы очень любим детей, они милы и очаровательны, но, если к ним подходить материалистически, то в них можно обнаружить много от зоологического примитива зверенышей, требующих коренного усовершенствования. Это существа очень сложно одаренные — умные, сообразительные, хитрые и поэтому требующие особенно тщательного внимания и усовершенствования для того, чтобы они стали людьми. Дети младшего возраста все в какой-то мере жадны, завистливы, драчливы и чрезвычайно агрессивны. Общеизвестная формула кормления: «Нет, никому не дам, кошка, ты не получишь, это съест Вася», и Вася глотает кашу, даже если ему не хочется.

Не будем приводить примеров, они общеизвестны. Правильное воспитани в этом возрасте идет в двух направлениях: надо прививать разумные привычки и выбросить фокусы и предрассудки, вроде сна при свете и

другие нелепые привычки. Основные навыки можно автоматизировать: мыть руки, спать в определенные часы, кушать в определенное время. Мы знаем интересный случай: мальчик 5 лет был первый раз на елке. Елка ему очень понравилась, но у него была привычка засыпать в 8 часов вечера. В начале девятого мальчик исчез. Его нашли за шкафом, он мирно спал.

Дети, приученные к настоящей чистоте, не выносят грязных рук и одежды. Требуют: «Мой ручки и мордочку». Воспитатель в выполнении всех этих требований должен быть методичен и настойчив, и поэтому родители неизбежно должны жертвовать своими интересами ради интересов маленького ребенка.

В этом же возрасте необходимо дать прочные нравственные установки поведения: отношение к взрослым и родителям, бабушке, няне — всегда доброжелательное и нежное. Умение поделиться конфетой, игрушкой и т. д.

К животным — некоторое покровительство, опека, жалость, если они страдают. Отношение к животным в этом возрасте имеет огромное воспитательное значение.

И наконец, понятие дисциплины. Ребенок в младшем возрасте должен беспрекословно слушаться родителей, ибо если он не послушен сейчас, то он совершенно утратит послушание в 6—8 лет.

УЧИТЬ ИГРАТЬ И ДЕЛАТЬ ХОРОШО

Ваня серьезно, спокойно и деловито целыми часами играет с игрушками. Он неистощим в изобретении сюжетов игр.

Тихонько шепчет, разговаривая за всех персонажей — слонов, медведей, солдатиков и проч. Всегда в прекрасном настроении, полон вдохновения и деловито озабочен. Шепчет он на разные голоса и с разными интонациями.

Умение играть самостоятельно и долго чрезвычайно важно, это умение успокаивает нервы, приучает не скучать наедине с собой, сосредоточивает внимание и деловое напряжение, заставляет переживать победы и поражения, сочувствовать неудачникам в создаваемой тут же ребенком игре.

Как правило, дети, не умеющие занять себя игрой, издерганы, нервны, капризны.

Разговор матери: «Вы знаете, ребенок совершенно не интересуется игрушками — купишь ему, он поломает и выбросит». Так поступала с игрушками Лиля. Ей скучно, у нее нет необходимых забот о вещах и предметах, есть привычка к какому-то внешнему глазению. Эта привычка воспитывается в детстве, когда ребенок занять себя не умеет и приучается к бездельному любопытству.

Так развивается потребность в смене внешних впечатлений, не затрагивающих ни ума, ни сердца. Может быть, в таком же порядке эти дети читают книги, и так получается, что книги сами по себе, а они сами по себе. Кино бывает таким же чисто внешним развлечением.

Нельзя приучать ребенка к тому, чтобы он играл только когда есть компания, или еще хуже, чтобы мать или отец играли с ним. Играть он должен сам, но можно помочь ему иногда.

Игра является решающим воспитательным фактором в раннем детстве. Она свойственна всем детям, и если дети не хотят или не умеют играть, то они извращены взрослыми. Научить играть — это очень серьезная воспитательная работа, которой надо посвящать время и внимание.

Не должно быть слез, если игрушка разбилась. На наш взгляд, такая реакция уменьшает сопротивление человека в будущем всяким неизбежным в жизни неприятностям и огорчениям Ребенок должен знать, что да, это неприятность, но слезы не помогут, а надо быть бережливым и осторожным. Совершенно недопустимо равнодушие к испорченной вещи, особенно, если вещь испорчена нарочно

«Вы знаете, он такой любознательный, только подаришь ему игрушку, он сейчас же разломает — хочет знать, что там внутри». Это обычное самоуспокоение родителей, нам всегда противно не научили ребенка извлекать удовольствие и жизненные блага из вещи, а приучили разрушать жестоко и нелепо.

Детей можно разбить на две определенные категории· умеющих играть и беречь, любить свои игрушки и неумеющих ничего этого Это совершенно два различных типа детей: первые — это маленькие люди, вторые — больше похожи на вредных обезьянок. В раннем детстве первые всегда боятся вторых и избегают их. Такой очень резкой противоположностью были в детстве Лева и Ляля Верины. Такими они и остались сейчас, когда им по двадцать лет.

Думаем, что в игре у ребенка создается свой собственный мир, и он растет самобытнее.

Наташу не научили играть, и это наложило свой отпечаток: она, при всех хороших качествах, научилась быть в обществе взрослых, рано переключилась на эту «взросленькую философию» и интересы, но осталась между взрослыми и юными — ни туда, ни сюда. Конечно, не только это решило вопрос, но это тоже имело значение.

Почти всегда люди, выросшие хорошими и здоровыми, умели играть в детстве и находить в игре радость, умели играть самостоятельно.

Интересна сцена с маленьким Ваней: он вырезает картинки ножницами, или переводит, спешит, и получается плохо, начинает нервничать.

Мать говорит: «Ваня, надо делать хорошо, смотри, как у тебя некрасиво, уж если ты делаешь, так делай хорошо. Вот я научу тебя, как надо вырезать».

Снисходительные восторги окружающих к делу, которое, ребенок и сам знает, плохо сделано, несомненно, воспитывает портачей. Надо спокойно, умело показать новый технический прием, которым ребенок не владеет, но с самого малого возраста требовать только хорошей работы. Это не относится к рисунку, в котором ребенок будет всегда технически слаб, но слаб и родитель.

В семьях, где родители умеют рисовать, дети обычно очень рано овладевают рисунком.

При всех занятиях с детьми необходимо сохранять полное спокойствие и веселое настроение — ни тени раздражения ни у взрослых, ни у ребенка. Но всякая работа должна быть серьезным делом, обязательно делом.

Иногда не выходит, потому что ребенок устал, тогда непременно надо дать ему отдохнуть. Часто бывает, что после небольшого отдыха все прекрасно выходит.

УМЕЙТЕ ВЛАДЕТЬ СВОИМИ ЧУВСТВАМИ

Мы думаем, что теория «фокусов» складывается так: сперва родители кто во что горазд проделывают «фокусы» над своими детьми, добиваются известных результатов, а потом требуют «заклинаний», имеющих обратную силу. Нет сомнений, что в тех случаях, где нет вывертов, где родительские старания не направлены сперва на то, чтобы «заслужить» любовь, а потом, чтобы ее «удержать», там дети любят больше, глубже и любовь их сложнее и богаче. Когда мы говорим, что правильное воспитание требует «предельной искренности», то мы совсем не понимаем под этим интимной откровенности родителей с детьми, хотя и это иногда нужно.

Здесь речь о другом: об искренности и простоте извечной позиции детей и родителей. Родители — взрослые люди, опытные, знающие — они воспитывают и руководят, положение детей подчиненное. Опыт показывает, что, как дым, разлетается «уравнительная» позиция родителей, когда дети вырастают и уже всерьез «диктаторствуют». Поэтому уравниловку надо считать лживой, искусственной, так как родители хотят прежде всего себя показать, показать, что они не такие, как все. Общеизвестно, что дети чувствуют тонко и остро и ложь и проявление большого глубокого и искреннего чувства, подъема, будь то радость или страдание. Но проявление сильных чувств не должно быть частым, иначе к ним привыкают. Вообще надо избегать всякой аффектации, слишком бурного проявления при детях чувств, все равно каких.

Всякое состояние аффекта необычно для нормального человека, и дети воспринимают его проявление как-то болезненно. Но привычка к аффектации ведет к неискренности и наигранности внешнего проявления чувств. Иногда это в известной мере имеет место при встречах школьных подруг. Вообще совершенно безоговорочно можно рекомендовать воспитание сдержанности у родителей. Умение владеть своими чувствами — это необходимый элемент общежития. «Плотоядные» и даже страстные поцелуи в самые неподходящие места, расточаемые матерями, следует считать совершенно недопустимыми. Они, несомненно, расслабляют нервную систему детей, рано будят чувственность и ведут к распущенности и к несдержанности, вероятно, и половой. Проверить это трудно, но наблюдения реакций у детей в конкретных случаях говорят за это предположение. Вообще следует сказать, что проявление чувств требует большой культуры. Просто зоологические чувства: страх, злоба, даже радость, не украшенные, неуправляемые и не заторможенные волей, интеллектом и пр., вероятно, должны быть отвратительными. Когда мы видим проявление малозаторможенных чувств, это неприятно. У Брэма есть страшные описания эмоций гориллы.

Красота и глубина человеческих чувств как человеческая специфичность, несомненно, обусловливаются мощностью тормозов, которые накладывает на них личность. Эти тормоза надо воспитывать, они понадобятся во всех случаях жизни.

Прежде всего они обеспечивают необходимую сдержанность родителей и общий спокойный, без аффектации, тон семьи Мы знаем случай, когда мать пять месяцев была на партийной работе и была разлучена со своим четырехлетним сыном. И мать и сын были очень привязаны друг к другу, и оба скучали очень. Когда мать ехала к ребенку, она твердо решила не допустить никакой аффектированной сцены встречи. И хотя ей страшно хотелось схватить ребенка и прижать к груди, она сдержала себя, нежно, спокойно с ним поздоровалась. С самым деловым видом занялась чемоданами и вынула оттуда игрушки, которые привезла ребенку. Мальчик отвык от нее и держался спокойно, хотя несколько суетливо. Ребенок занялся игрушками, часто подбегал с вопросами, мать была нежна, но на руки его не брала. Часа через три мальчик освоился и вскарабкался ей на колени, мать обняла его, и он сейчас же заплакал Но мать уже владела собой и весело заговорила с ребенком. Он перестал плакать, и между ними произошел такой диалог:

«Почему ты так долго не приезжала?» — «Я была на работе».

«Какие длинные эти работы»,— вздохнул мальчик.

Вечер они провели очень весело, мать купала его, и он, радостный и спокойный, лег спать. Вот это и называется беречь нервы ребенка, приучать его к сдержанности — воспитывать. Можно было при встрече разыграть очень сложную мелодраму со слезами и страстными поцелуями. Может быть множество вариантов подобных встреч, но всегда следует разумную целеустремленность воли противопоставлять аффектации.

Такая воля, действующая постоянно и систематически, и есть настоящий родительский долг и сознание ответственности. Всегда владеть своими чувствами и страстями, никогда не терять основную цель и детали — в этом и состоит умение воспитывать.

В приведенном нами примере мать, если хотите, сыграла определенную роль, которую в этот момент она считала наиболее целесообразной; надо кстати сказать, что мать не была педагогом и педвуза не кончала

УМЕТЬ ВИДЕТЬ ДЕТАЛИ: ПОХОДКУ, МИМИКУ, ДВИЖЕНИЕ, ВЫРАЖЕНИЕ ГЛАЗ

Мать эта совсем не обладала выдающимися педагогическими способностями, она только внимательно искала выхода и нашла его.

Такие и подобные игровые приемы возможны только в том случае, если родители авторитетны, если дети верят им безусловно, если родители знают своих детей, умеют видеть и понимать детали: походку, мимику, движение, выражение глаз и, наконец, умеют пожертвовать своей и детской безмятежностью, если этого требуют цели воспитания. При внимательном изучении становятся понятными и очень выразительными детская мимика, и особенно глаза. Кажется даже странным, как ребенок может обмануть!

Лет до семи, а иногда и позже, ребенок не владеет выражением глаз, в детских глазах, видимо, ясно читаются мысли и намерения.

Нам пришлось близко наблюдать яркую демонстрацию сказанного: девочка лет четырех очень внимательно и настойчиво старается завязать шелковую ленту на шершавой голове облезлого мишки. Лента скользит,

но девочка опять и опять ее старается приладить и вся поглощена этим занятием.

Надо сказать, что в воспитательном отношении такая настойчивость очень ценна, и надо дать ребенку время, не мешая ему, исчерпать все свои возможности. Никогда не спешите с предложением помощи, и если ребенок попросит помощи, то лучше покажите ему, как это надо сделать. И опять нужно развязать ленту, и пусть он сам завязывает уже по указанному методу. Как такие сосредоточенные усилия воспитывают волю, работоспособность, усидчивость и т. п., точно определить пока трудно, но здравый смысл подсказывает, что здесь есть прямая зависимость.

Но возвратимся к рассказу.

В комнате много гостей, все больше бездетные родственники, дяди и тети, обожающие девочку. Все они заняты общим разговором. Девочка сидит в уголке спиной ко всем и настойчиво прилаживает ленту уже к животу мишки. Она занята своим делом и увлечена совершенно. Родственники собираются уходить и все подходят прощаться к девочке. Она поглощена своим занятием, небрежно прощается, протягивая пухлую ручонку, и, как только рука освобождается, она сейчас же продолжает свое дело, что-то прилаживает в туалете мишки.

Одна пара, дядя и тетя, другая пара, еще тетя и, наконец, дядя, хороший дядя, которого девочка любит, но ей мешают. Дядя задерживает крохотную ручку и говорит: «До свидания, Ниночка». Ниночка нетерпеливо высвобождает ручку и говорит: «До свидания и, пожалуйста, больше не приходите». Кто-то из присутствующих несколько смущенно восклицает: «Ниночка, зачем ты так?» В серых глазах Ниночки сверкает лукавство и приходит серьезная мысль — надо найти выход. И хотя Ниночка молчит одно мгновение, кинолента мысли в ее глазах ясно видна. «Пусть он не приходит,— говорит она,— потому что у него кашель».

Мать Ниночки, очень умная женщина, совершенно серьезно обращается к ней: «Ладно, Ниночка, занимайся своим делом».

Детские глаза часто красноречивее детского языка, в них можно многое прочесть, но это надо делать также трезво и критически, не в порядке растроганности родительских чувств.

Иногда видишь, как ребенок, разговаривая с родителями, играет глазами, и видно не только детское лукавство, но и простое намерение «надуть». А родители умиленно подмигивают так, чтобы дети не видели, но не видеть нельзя, и дети прекрасно видят и приучаются спекулировать и на растроганности, и на подмигивании. В таком случае у нас не бывает сомнений — будут трудности, кризисы и осложнения — воспитание не пойдет гладко. У родителей бывает иногда выражение, от которого делается неприятно, как от плохой игры актеров, так же насквозь фальшиво это выражение лица: ребенку надо было бы сделать строгое замечание, он развязно городит вздор, а мать даже восклицает: «Вы, слышите, что он говорит! Сашенька, что ты говоришь»,— но на лице ее вместе с некоторой осторожностью написано восхищение и гордость. Эту развязность она принимает за проявление необыкновенного таланта и, хотя она делает замечание «для приличия», но она сама поражена неотразимостью своего ребенка и его «проницательностью».

Это бывает особенно ярко, когда вопрос идет о щекотливых вещах:

«Мама, это его любовница, правда»,— говорит одиннадцатилетний сынок встревая в общий разговор. А у матери выражение, о котором сказано выше. Ребенок же при этом старается придать лицу самое невинное выражение, это по специальному заказу для родителей, но в глазах поблескивают искорки наглости и какой-то привычной фальши. Невольно думаешь: неужели родители всего этого не видят, и неужели так близоруко это великое чувство отцов! И другое: как запакостили при самых добрых намерениях это детское сознание и как его извратили.

В таких семьях воспитанием занимаются от случая к случаю, всегда между делом, все равно каким При этом где-то есть основной стержень, в котором видят все: «Саша, ты должен кушать». Для организации еды находят даже время и делают это, не жалея труда, но Саша, разболтанное, недисциплинированное существо,— разве есть средство в родительском арсенале заставить его кушать? Он и кушает плохо.

В данном случае властвуют бессистемность и случайность, отсутствует внимание к деталям. Если к этому прибавить, что дом всегда полон пришлыми людьми, которые острят, рассказывают анекдоты, иногда полностью, иногда намеками: «Я вам потом расскажу...». Зубоскалят с Сашей, а Саша вертится среди них и берет уроки бесцельного мелькания среди людей, то картина становится полной и ясной — из Сашеньки только с большим трудом может выйти порядочный советский человек, только в том случае, если Саша очень щедро награжден природой.

ВОСПИТАНИЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ТРУДУ

В семье, дома, именно здесь естественнее и проще всего приучить ребенка к труду и создать у него правильное отношение ко всем областям этой сложнейшей проблемы.

И второе, пожалуй, более трудно Разделение труда в социалистическом и коммунистическом обществе —это вопрос, который мы должны разрешить самостоятельно, здесь не у кого учиться. Мы, большевики, не умеем жить утопическими иллюзиями. Мы строим живую жизнь, решаем вопросы, которые она перед нами ставит. В таком же деловом порядке решается вопрос о разделении труда в коммунистическом обществе, и блестящему разрешению этого вопроса мы обязаны помочь правильной подготовкой кадров. Наши дети должны быть работоспособными, трудоспособными, свободными от всяких предрассудков в вопросах труда, и в этой области они должны мыслить диалектически. В советской стране для этого есть все самые неограниченные возможности.

Мы знаем случай, когда мать и отец — коммунисты, очень любящие свою единственную дочь, воспитали ее так, что она совершенно беспомощна в практической жизни и даже ее зубную щетку моет домработница. Конечно, это советская девочка, умная и начитанная, но если отбросить ее образование, то что хотели воспитать родители?

Тургеневскую девушку, окруженную прислугой, которая звонит, чтобы казачок поднял ей упавший носовой платок .. Кстати сказать, эта советская девушка тоже зовет работницу (или мать) из кухни, чтобы та подала ей из буфета ложку. И это не единственный случай. Идеология тургеневской

девушки, конечно, другая, но отношение к физическому труду и к труду «прислуги» у этих девушек странным образом совпадает. И та и другая считают, что заниматься физическим трудом ниже их достоинства и что для этого труда есть специально предназначенные люди, которые обязаны делать за них свою неприятную черную работу. Механика обслуживания тургеневской барышни ясна, у нас воспитанная так девушка тоже имеет удобную формулу: «работница получает деньги, она должна». И этим решается вся проблема.

Мы уверяем наших читателей, что здесь нет и тени преувеличения, а также клеветы на наших ребят и родителей. Проанализируйте поведение своих, особенно единственных детей, но сделайте это с большевистской беспощадностью, и вы убедитесь в этом.

Вот пример. Две коммунистки, Соня и Аня, равные по своему служебному положению, вместе были в командировке в Одессе. Там они задержались больше, чем думали, и необходимо было срочно постирать платье и белье. Найти кого-нибудь, кто бы к утру постирал и погладил, не удалось, а утром надо было выехать в Николаев на пароходе, и просто нельзя было ехать в грязном платье.

Соня, при всех ее прекрасных качествах, не умела пришить пуговицы и прикрепить плечики рубашки. Аня же так делала физическую работу, как выполняла свои партийные, служебные и общественные обязанности.

Вечером, когда Аня вернулась после работы, она просто сказала Соне: «Вот что, я постираю и поглажу все, что нам нужно, а ты ложись спать».

«А чем я могу помочь? — спросила Соня.— Или это не очень много работы, всего два платья и кое-какое белье? Остальное мы в Николаеве отдадим, там у меня есть товарищи». Соня была хороший, честный и сердечный человек. Аню она любила, физически была здоровее и выносливее Ани. И никогда бы не допустила, чтобы Аня написала за нее доклад или даже переписала его начисто. Но ведь Соня не знала, сколько нужно вложить силы и напряжения, чтобы за кого-то постирать и погладить десять штук: в ее трудовом опыте это представление отсутствовало.

Соня собиралась подождать, пока Аня кончит, но мирно заснула, потому что была действительно утомлена. Аня в шесть часов утра закончила работу; хотя и жарка была ночь, но сохло плохо, не ладилось с утюгом. Вещи тоже уложила Аня, потому что Соня и этого не умела делать. В восемь часов они поехали на пристань. Надо сказать, что Соня всегда спрашивала: «Тебе не трудно, милая Анечка?» Но не могла же Аня, хороший человек и товарищ, сказать Соне: «Да, мне очень трудно!» И Аня щадила Соню и говорила: «Нет, я умею это делать, и мне не трудно» Соня верила. Почему умная и хорошая Соня должна быть в таком ложном, таком скверном положении — потребителем чужого труда!

Ведь она ужаснулась бы, если бы ее обвинили в этом.

Среди интеллигенции еще много таких, как Соня, и поэтому «умелость» порой превращается в дополнительную и очень тяжелую нагрузку. А между тем такая «умелость», по существу, большое счастье, надо только, чтобы умелых было побольше.

Когда одной нежной матери мы сказали: «А знаете, ваша дочь обязательно будет жить на даче за счет труда своей двоюродной сестры. Сестра будет убирать, готовить, гладить и мыть посуду, а ваша дочь будет

лежать в лесу или читать книгу». Мать возмутилась: «Нет, моя дочь никогда этого не допустит. Она очень деликатна и чутка».

На деле вышло, что дочь пользовалась трудом своей сестры, пользовалась не потому, что она плохая, а потому, что она даже не видит множества дел, которые приходилось выполнять ее сестре. В данном случае никакая деликатность и утонченность не помогут, да мы и не сомневались, что будет именно так: личность дочери в этой области ущербна, ограничена; она не видит, что, когда и кем делается. Она не замечает, что ее обслуживают,— о какой же деликатности здесь может идти речь.

Усугубляет все это и то, что людям, не знающим физического напряжения, кажется, что работа по хозяйственному обслуживанию для тех, «кто привык и умеет». Между тем такое «неравенство» людей в быту, в общежитии ведет к обидам и раздражениям и с той и с другой стороны. Всей этой путаницы не должно быть в отношениях новых людей — наших детей. В них необходимо воспитывать правильное отношение к труду и возможно большее количество трудовых навыков.

ВОСПИТАНИЕ РАЗУМНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

Что касается богатства, возможности удовлетворения потребностей, то нет сомнения, что в коммунистическом обществе по этому вопросу будет очень глубоко разработанная этическая система.

...Несомненно, что тогда не будет жадности и зависти, не будет никакого тщеславия и хвастовства, а будет простое и естественное самоограничение. Это будет нечто противоположное мещанской страсти к накоплению, тщеславию расфранченного имущего: «По платью встречают, а по уму провожают».

Лозунг: «Каждому по потребностям» предполагает огромную культуру личности, ее совершенную ориентировку и личных и коллективных интересов и полное отсутствие личной жадности. Личная жадность во всех ее проявлениях — одно из самых отвратительных и реакционных свойств. Это — мать семи или девяти смертных грехов. В дореволюционное время передовая дореволюционная молодежь боролась с личной жадностью. В то время были резко противопоставлены две классовые группы «белоподкладочные студенты» — синоним «черной сотни» и «кисейной барышни» — суетности и умственной ограниченности и прогрессивное дореволюционное студенчество, для которого сознательно ограничить себя, ходить бедно одетым, показать свое презрение к мишуре это значило бросить вызов буржуазному обществу. Вопрос был ясен и решался классовой принадлежностью: Горький так всю жизнь и проходил в картузе и в самом скромном костюме, молодость — в сапогах и косоворотке...

Возможности молодежи регулируются заработком родителей или их личным, но если дети малы, а родители могут предоставить многое, должна ли быть граница потребления, и где она, каков ее характер? Старые мотивы самоограничения отпали, нужны ли новые?

Конечно, нужны, тем более, что даже очень хорошие дети на материнское увещевание и рассказы о прошлом отвечают так: «То было при мрачном царизме, когда жизнь была беспросветной и тяжелой, а сейчас жизнь счастливая и радостная, и мы дети — цветы жизни. Родители теперь

живут для детей, и вы можете мне купить и то и другое, а не хотите просто из жадности. Наконец, вы уже старые (этим «старикам» по 36) и вам не надо, вы и так обойдетесь, лучше бы папка мне пошил новое пальто, а не себе костюм». Вероятно, это просто более откровенно высказанная точка зрения многих детей-одиночек. А мать и отец, чтобы показать, с одной стороны, что они не жадные, а с другой, как говорит наша знакомая: «Под слишком сильным напором дочери», которому просто некогда дать отпор, потому что дома не хочется спорить, а хочется отдохнуть,— исполняют все ее прихоти. Да, мы еще упустили два мотива: 1) «дочь должна быть одета не хуже людей» (а кто эти люди, на которых идет ставка?). И кроме того, «она такая хорошенькая в новом пальто». А второе, и самое главное,— полное отсутствие у отца и матери в этом вопросе какой-нибудь определенной точки зрения, которую они противопоставили бы явной демагогии дочери. Матери в данном случае, как и всем другим матерям в подобных случаях, обидно, ибо дочь говорит: «Зачем ты себе сшила, лучши бы мне, я молодая». Получается своеобразное повторение конкуренции городничихи и ее дочери. У З. мать за последние 15 лет «осмелилась» пошить себе крепдешиновое платье, дочь устроила ей скандал, отняла платье, благо фигуры схожие, поехала в нем за город и разорвала его, и мать ни разу не надела платье. «Да, но она ко мне относится не как к матери, а как к подруге, и мне это очень ценно».

Дело с платьем матери кажется подтверждением того, что дочь относится к ней с полной простотой, как подруга. Хороша подруга! То же говорит наша знакомая: «Но она от меня ничего не скрывает, говорит, что думает, требует, чего хочет, значит, не секрет и большого и важного».

Люди в слепой родительской любви и беспринципности смешивают наглую беспардонность с искренностью и дружбой. Матерям кажется, что это небольшие недочеты характеров, они вполне компенсируются правдивостью. Между тем у таких детей — это умная философия необузданного эгоизма, глубоко антисоциальная. Народная мудрость гласит, что «каковы сыновья и дочери, такими же они будут и семьянинами». Вероятно, такое наблюдение имеет свои основания. Вопрос укрепления советской семьи поставлен партией твердо и решительно. Надо воспитать не только гражданина, но и будущего семьянина, а брак и семейная жизнь совершенно невозможны без четкого искреннего простого умения уступить и жертвовать своими интересами так, чтобы другой этого даже и не заметил. Все здесь сказанное совершенно не проповедь аскетизма и самоотречения, а речь идет о здоровой и правильной организации жизни в нашей прекрасной стране, где материальные блага, радости и счастье детей должны быть разделены не в порядке вырывания лучшего куска друг у друга, а умения безболезненно поделить блага жизни.

Надо учить этому умению с самой колыбели, учить даже, если очень хочется в порядке зоологическом именно своему детенышу сунуть все куски в рот, сунуть, не размышляя о последствиях.

Разрешение целого ряда крупнейших проблем при воспитании одного ребенка: умение уступить, пожалеть другого, отказать себе ради другого и позаботиться о младшем и слабейшем — в многодетной семье приходит само собой.

Старшие заботятся, младшие любят и даже благоговеют перед старшими. Весь комплекс сложнейшей симфонии человеческих отношений и чувств должен быть воспитан и воспитывается в многодетней семье потому, что иначе не будет семьи, а будет простое соседство ничем не связанных людей.

Воспитание многих детей имеет свои трудности: не должно быть неравенства детей, любимых и нелюбимых. Дети должны жить мирно, не должно быть привычки к ссорам и спорам. Этого надобно особенно требовать и организовывать мирную жизнь детей. Наконец, материально труднее обеспечить многих детей, они неизбежно будут жить несколько скромнее одиночек. Но именно этого нужно меньше всего бояться

Избытки, избыточное потребление часто роковым образом отзывается на детях. Чересчур любимые, забалованные, закормленные дети всегда в большей или меньшей степени самодуры и эгоисты.

Во многих семьях, где в лучшую сторону резко изменилось материальное положение, старшие и младшие дети разные, и старшие лучше. Мы знаем семью, в которой старшая девочка, теперь девушка, пережила с родителями всю тяжесть гражданской войны, эвакуацию, голод и холод Эта девочка воспитана как советский человек в лучшем смысле этого слова. В ней есть та непередаваемая прелесть непримиримости и убежденности борца, высокого гуманизма, нежности и гордости, которые присущи только нашей лучшей молодежи. По этим качествам можно судить, какой невиданной красоты достигает человеческая личность. Брат младше ее на шесть лет. Он вырос в особняке, «бьюик», дача за городом, лучший санаторий в Крыму. Семью, в которой растут эти дети, можно назвать образцом советской семьи. Родители культурны, умны, живут в непрерывном росте и движении вперед. Они больше 20 лет женаты и не только не растеряли за это долгое время ни одной частицы своего большого, полного поэзии, чувства, но чувства их стали богаче. Это образец супругов и родителей. Они любят детей, это нежные и разумные родители.

Мать детей — большая умница и прекрасный человек. Она так же просто живет в особняке, как и жила когда-то, занимая угол, или жила в теплушке. И так же просто перешла бы в теплушку, если бы это понадобилось. Особняк не стал элементом ее жизни, тем более сознания. Особняк — это жилище, которое не принадлежит ей так же, как когда-то теплушка, но о чистоте и уюте в особняке она заботится, как заботилась и в теплушке. Дочь так же, как и мать, относится ко всему, что у нее есть. Однажды она просто и ласково ответила сверстнице на ее восклицание: «Ах, Ната, тебе было, вероятно, очень трудно. У тебя совсем другие условия жизни. Ты не привыкла!» — «Я ни к чему не привыкла,— ответила Ната.— Наши условия созданы для отца, а у меня будет своя жизнь, может быть, тогда и у меня будут привычки. Пока их у меня нет, и я прекрасно себя чувствую».

У мальчика отношение несколько иное, он не знает другой жизни, он вырос в особняке, и так как он много хворал, то подавали не раз и «бьюик», когда ему надо было ехать. Он еще очень молод, еще мальчик, и то, что он слабого здоровья, создает ему несколько иное отношение родителей, чем было к девочке. И несмотря на то, что родители ограничивают и его, у него есть некоторое смешение представлений, что

принадлежит папе, а что ему, и он говорит: «Наш шофер, машина, вагон», и у него получается другой «стиль», чем у сестры, стиль менее симпатичный.

Однажды он пришел вечером домой очень возбужденный и, даже не раздеваясь, сел в столовой и рассказал: «Мы шли с Алешкой и шалили на улице. Милиционер думал, что мы простые мальчики, подошел к нам и спросил, как наши фамилии. Но когда он узнал фамилии, он проводил нас и только сказал: «Не надо баловаться».

Отца и матери не было дома, мальчик рассказывал это дальней родственнице, которая сочувственно его слушала. Сестра сидела здесь же и читала сосредоточенно и внимательно, но когда услышала фразу «простые мальчики», подняла голову, внимательно дослушала рассказ брата и серьезно спросила: «Значит, вы «не простые» мальчики? А какие же, стеклянные или заводные? Вообще, какие это «простые мальчики?»

Брат менее уверенно стал толковать сестре об отцах и фамилиях. Девушка очень умно объяснила брату, что известной фамилия стала благодаря заслугам отца и что носить эту фамилию большая честь, но что прав детям она никаких не дает, а только увеличивает их ответственность, что дети они такие же, как и все, и никаких преимуществ у них нет.

За эту семью бояться нечего: из мальчика вырастет хороший человек. Уж очень непримиримо относится семья ко всякой изнеженности и баловству.

В правильно организованной семье, даже если есть небольшое количество средств, но ведется четкая линия, правильная разъяснительная работа и воспитана определенная и простая философия в отношении принципов равенства и распределения в нашей Советской стране, в таких случаях дети довольны своей жизнью, гордятся трудом своих родителей и просто и легко переносят лишения. Не хотят менять даже и жестковатую жизнь в своей семье на лучшую в чужой.

Еще легче разумно и просто организовать быт и сознание ребенка, если он не только не терпит лишений, но имеет все необходимое. Мы не можем рекомендовать ни в первом, ни во втором случае аргументацию такого рода: «Научись сперва зарабатывать, а потом требуй», или «вырастет, будет зарабатывать, тогда будет иметь», от этой аргументации несет мещанским бессердечием и черствостью. Наконец, выдвигается сомнительный для советского человека идеал — работать только для того, чтобы «иметь то и другое»...

При такого рода аргументации упускается также одна важнейшая деталь: ни одного года жизни нельзя отложить, и то, что нужно, чего хочется в детстве и в юности, ни при каких средствах не нужно даже в 25 лет, а в данном случае именно предполагается неизменным так быстро изменяющийся возраст и связанные с ним потребности человека. Мыслящих советских детей такая логика убедить не может.

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ БЛАГОДАРНОСТИ И ДОЛГА

Нужно ли воспитывать в детях чувство благодарности к родителям, умение ценить их заботу и любовь, их труд, материальную помощь и чувство долга по отношению к родителям? Умение принести материальные

и личные жертвы, когда это будет нужно родителям? Воспитание есть процесс развития различных навыков, представлений и понятий, от самых простых и вытекающих из сегодняшней жизни ребенка до постепенно усложняющихся понятий гражданина, чести Родины и т. д. Детское чувство долга, благодарности и т. д. со временем расширится и будет перенесено на Родину, партию, любовное и заботливое отношение к людям. Будет перенесено на все, чему гражданин нашей страны обязан своим счастьем.

Умерить эгоизм, личную жадность и зависть — значит облегчить воспитание противоположных чувств.

Конечно, отдельному чудаку-родителю может прийти в голову блажь воспитывать неблагодарного человека, но родитель на это не имеет права.

Благодарность в Советской стране — это очень радостное чувство. Оно относится к высшему разряду человеческих эмоций, украшает и облегчает бытие личности — его удельный вес в «гражданском самочувствии» значителен.

В среде малоквалифицированных рабочих и служащих иногда еще живут уравниловские тенденции, своеобразно преломились представления первых лет революции и неправильное понимание обобществления Эти люди не хотят расти или растут медленно и ворчат: соцстрах мало платит, санатории, дома отдыха — они мало ими пользуются, премию дали не ему, а если и дали, то малую, у этих людей в перечне личных качеств нет намека на чувство благодарности. Что бы ни дало им государство, у них не шевельнется тени благодарности — им мало!

Но наши дети, могут ли они обойтись без чувства благодарности? Отсутствие благодарности всегда соединяется с непомерно возрастающими требованиями, какие бы жертвы ни были принесены — все мало.

У нас еще есть поспешный, но не всегда логичный страх перед старыми терминами и чувствами. И иногда без оснований отбрасывается полезная и необходимая сущность понятия. Только потому, например, что родители до революции тоже требовали благодарности от детей, и это было особой формой порабощения детей, хотя и благодарить-то было не за что. Вот почему и теперь некоторые родители боятся слова «благодарность». А у нас в Советской стране есть за что благодарить и не одних родителей.

УВАЖЕНИЕ

Труднее всего воспитать уважение к интересам окружающих людей, особенно, если это касается посторонних, а иногда и совершенно неизвестных людей.

Ваша квартира на четвертом этаже, ниже живут люди, необходимо научить детей считаться с интересами этих людей, часто для детей безымянных и совершенно неизвестных. Ваш ребенок катается на роликах в комнате. Вы ему говорите: «Сейчас нельзя кататься, там в нижней квартире пришли с работы, и им нужен покой». Ребенок отвечает: «Ну, и черт с ними, а над нами стучат целый день, а иногда и ночью, стучали, когда ты была больна... Мы терпим. Пускай и те терпят». Эта демагогия не должна увеселять. Необходимо противопоставить ей логику гуманизма, чуткости, культуры быта и делать это самым серьезным образом и

до тех пор, пока эти представления не войдут в плоть и кровь ребенка. Только так мы воспитаем настоящую культуру быта. Станет невозможным — радио в два часа ночи только потому, что хочется слушать музыку, а на тех, что за стеной и хотят спать, наплевать. Внимание к интересам других надо воспитывать систематически, не пропуская ни одного случая.

О СРЕДСТВАХ, НА КОТОРЫЕ ЖИВЕТ СЕМЬЯ

..Люди нашей страны работают ради дела и для него, а дело дает средства на жизнь — деньги. Эта служебная роль денег нам ясна, но для того, чтобы иметь деньги, надо работать. Советские люди работают много, и каждый получает по своему труду. Должны ли дети ценить этот труд, понимать, что много работать нелегко и что, кроме удовлетворения и радости труда, есть еще и физическое переутомление, усталость и прочее. Почему-то во многих семьях считается, что неделикатно фиксировать внимание детей на этих вопросах, — «пусть у моих детей будет беззаботное детство». Мы думаем, что у нас совершенно другая установка: у наших детей должно быть радостное детство (в капиталистических странах этого нет), но забот у нашего детства сколько угодно, и в этих заботах должен формироваться гибкий, деятельный советский гражданин.

Наш человек должен отличаться от буржуазного своей динамичностью, готовностью к действию и умению диалектически мыслить. Беззаботности, в старом понимании, в наших детях не надо, и первая их забота — о людях, с которыми они живут и которых любят, — о родителях, о близких.

Забота о них должна иметь простой и ясный мотив: они работают для Родины, для нас, не жалеют сил, мы должны беречь их, мы им за это благодарны. Ни в коем случае нельзя лишать наших детей простых и естественных мотивов. Если говорить о неделикатности, то еще более неделикатно потреблять чужой труд и даже не чувствовать за это благодарности.

Воспитывая детей, мы не имеем права ни на одну минуту упускать из виду, что наше отношение к детям, их отношение к нам, словом, наши взаимные отношения — это не наше личное дело, а дело, имеющее государственное и общественное значение.

Именно поэтому так захватывающе интересно жить в нашей Советской стране, что мы вышли из узкой среды личных дел и личной разобщенности.

Брак, семья, работа, даже чистота постели и платья — все это, казалось бы, узколичное вышло из стен «частных» домов и звучно и мощно резонирует в обществе. И это особенно имеет отношение к нашим детям — здесь упущений не должно быть, должно быть постоянное чувство ответственности не только перед ребенком, собой, но и перед обществом, и не только современным, а перед тем, когда будет жить и действовать сегодняшний наш ребенок. А мы такими великанскими семимильными шагами идем вперед.

Кроме чувства благодарности, у детей должно быть деловое знание бюджета родителей, их материальных возможностей и первоочередности трат. В этом отношении должны быть большая чуткость и такт.

Никогда нельзя говорить с детьми о деньгах раздраженно, в дурном настроении, нельзя воспитывать чувство тягостной зависимости, а в раздражении очень легко потерять линию и наговорить, чего не надо, а так бывает, при непротивленческой тенденции родителей. (Надо сказать, что непротивленчество — это нестойкая позиция, и под влиянием раздражения она разлетается, как дым, и тут-то говорится уже без всяких теорий).

В воспитательном отношении такая система самая пагубная. Такая вспышка детей не пугает и не убеждает, но оскорбляет и вызывает грубость в ответ и совершенно колеблет родительскую позицию и авторитет. Это особенно тягостно и вредно, если дело касается денег, и допускать подобные случаи совершенно нельзя. Такая ссора уничтожает всякую тень стеснительности просящего и устанавливает наглость требования.

У ребенка должна быть воспитана совершенная уверенность, что он имеет все, что нужно, и что нужно — ему купят без просьб, поэтому просить не надо. Раз не покупают, значит нет на это средств.

Вместе с знанием материальных возможностей семьи и чувством уважения к труду родителей создается крепкий тормоз желаниям и требовательности. Ребенок приучается не просить, воспитывается определенное чувство собственного достоинства и гордости.

Дети должны знать цену деньгам и уметь их хранить. И тому и другому их надо научить. Совершенно не надо бояться разговоров о деньгах, это тоже вынесенная из старого мира боязнь, что дети будут любить деньги, что разговоры о деньгах ведут к жадности и скаредности.

Деньги — это одна из сторон нашей хозяйственной и деловой сферы, и в ней дети должны быть ориентированы, как и во всякой другой. Детям следует давать небольшие карманные деньги на определенный срок с тем, чтобы они тратили их по своему желанию и давали отчет в истраченном, можно записывать, куда ушли деньги. Карманные деньги можно давать с 9—10 лет, включая сюда деньги на завтрак При внимательном контроле быстро выяснится характер трат и тенденции интересов ребенка в этой области. Если деньги идут на конфеты и тратятся слишком быстро, надо поговорить с ребенком и поставить ближайшую и доступную перспективу: альбом, марки, открытки, мяч или еще что-нибудь подобное, но не поглощающее всех карманных денег. Карманные деньги хороши в том отношении, что они избавляют детей от мелочных просьб: «дай 50 копеек» и единовременных подачек, когда папа или мама в хорошем настроении.

Такие деньги тратятся обыкновенно без контроля, а карманные деньги имеют смысл только в том случае, если это организованная мера воспитания самостоятельности будущего человека. Что касается трат на сладкое, то в определенном возрасте, лет с 6 до 15, дети обыкновенно много едят сладкого, и у них есть потребность в сахаре. В поваренной книге для детей этому должна быть посвящена особая статья, а в меню должно быть указано, сколько надо давать сахару в сутки и в каком виде. Если дома ребенок мало получает сладостей, то траты на конфеты надо считать законными.

Деньги в семье должны быть достоянием общим, безразлично кто их зарабатывает или получает, распоряжается ими тот, кто ведет все

хозяйство семьи, вернее, кто его организует. Если деньги зарабатывает кто-нибудь из детей — ФЗУ, стипендия, работа,— то такие деньги, даже если в этом нет материальной необходимости, должны идти на общие нужды семьи. Такое использование денег имеет большое воспитательное значение, создает у юноши умение пожертвовать своими интересами для общих и дает ощущение удовлетворения и известную гордость — он тоже помогает семье, его заработок нужен. В то же время это приучает его к очень важному умению тратить на других свой заработок.

В некоторых семьях есть такая установка: взрослые дети, пока не женаты, живут на иждивении родителей, а весь свой заработок они тратят на себя: костюмы, обувь и т. д., и часто чем меньше средств имеет семья, тем тверже соблюдается этот принцип.

Такую установку мы не можем считать правильной. В семье обязательно должно быть разумное равенство, отцу и матери никто не может воспретить пожертвовать для детей своим удовольствием. Но у детей не должно быть даже такого представления, а не то что права, преимущественно пользоваться радостями за счет матери и отца и думать, что родители должны обходиться без этих радостей. Можно доказать на бесчисленных примерах, что такое преимущественное право удовлетворять свои потребности, если оно есть в семье, не делает детей счастливыми, а наоборот. Вывод только один: если семья живет здоровой трудовой жизнью, то вопрос о деньгах ясен и прост и не имеет никаких особенностей и хитростей, и легче всего создать у наших детей правильную установку в этом отношении. Другое дело в капиталистических странах, где деньги — основной товар, сила и самоцель.

ПИТАНИЕ

Вопросы правильного и достаточного питания чрезвычайно важны. Не удивительно, что они так волнуют родителей и что здесь делается столько ошибок и промахов. Собственно, советскому родителю необходима научная и серьезно разработанная врачами и Нарпитом книга норм детского и юношеского питания. В этой книге, обстоятельной и подробной, как «Молоховец», должна быть разработана норма питания и примерное меню для здоровых, слабых и диетных детей. Могла же автор «Молоховец» в свое время разработать реестры обедов, завтраков и ужинов, каждый реестр на 365 дней года. При всей яркой классовости этой книги разработана она очень подробно и добросовестно, все рецепты блюд проверены, и блюдо, приготовленное по этим рецептам, вкусно. Книга, помимо ее буржуазной сущности, устарела в кулинарном и диетическом отношении. Поваренная книга питания детей и юношей, написанная с учетом всех новейших открытий в близких и смежных областях знания, насущно необходима. Блюда должны быть не гастрономного характера, как у «Молоховец», а простые, вкусные, питательные и именно то, что нужно для роста организма с необходимостью учета сезонности блюд. Это избавило бы матерей от всяческой отсебятины, мук творчества, а детей от мук закармливания, перекармливания, ненужной избалованности и тонкости вкуса и дало бы им соответствующую возрасту пищу.

Если говорить об удовлетворении различных потребностей и очередности их в семье: пища, одежда, удовольствия, развлечения, то в пище должно быть приблизительное равенство, кроме тех случаев, когда нужна диета. Ни в коем случае нельзя приучать детей к тому, что они получают лучшие куски, особенно в ущерб матери, и не замечают, что едят мать и отец Это допустимо только в случае болезни и то с соблюдением определенных, я бы сказал, приличий. Очень полезно, чтобы дети отказывались от лакомого и вкусного куска в пользу членов семьи. Тот, с кем хочет поделиться ребенок, не должен отказываться, а непременно должен есть и сам, чтобы упражнение в самоограничении не выразилось в совместной добродетели типа Иудушки Головлева (в нашей транскрипции), а такие есть. Дети обязательно должны помнить, ели ли другие члены семьи и в том числе и домработница, и не должны без особого распоряжения матери или другого распоряжающегося лица съесть последний кусок, последнюю конфету и т. п. Помимо того, что это очень важно в быту семьи, это воспитывает умение без излишних усилий ограничить себя от другого.

Очень важно с самого детства приучить не размазывать по тарелкам, не оставлять недоеденную пищу в тарелке, хлеб и т. п. Между прочим и потому, что это совершенно непроизводительный расход. Кроме того, это определенное неуважение к труду родителей, заработавших, приготовивших и подающих пищу. Наконец, надо воспитывать чувство меры и умения определять, сколько я могу съесть. Необходимо научить есть опрятно, даже красиво, не чавкать и уметь пользоваться вилкой и ножом к шести годам. Накладывать в тарелки малыми порциями, чтобы не оставалось, а если мало — подбавить, когда съест.

«Молоховец» выдержала, кажется, 35 изданий. Книге, которая нужна нам, гарантированы повторные издания, но она должна быть в каждом книжном магазине и достаточно дешева, словом, при всех остальных хороших качествах книга должна стать массовой. Нас этот вопрос интересует со стороны педагогической — питание имеет и эту сторону и достаточно серьезную. В семьях, где много детей, вопрос решается проще; там, где один или два ребенка, обыкновенно налицо «мильон терзаний» для детей и родителей. Детям стараются готовить обязательно «вкусненькое», перекармливают их, слишком изощряют вкус и этим увеличивают повод к капризам. Очень интересно мнение врачей. Их наблюдения говорят, что дети в период смены зубов с 6 до 8 лет едят обыкновенно гораздо хуже, вероятно, имеет значение то, что детям труднее жевать. Надобен подбор более мягкой пищи. Трудно сказать, в какой мере учитывается это родителями, но в это время начинается обыкновенно «трагедия» с едой. Ребенок ест плохо, ему предлагают целый ассортимент блюд, острые — для возбуждения аппетита, изощряют и, вероятно, извращают именно вкусовые потребности и деятельность пищеварения

По этому интересному вопросу должна быть популярная литература. В поваренной книге, о которой мы писали выше, должны быть вводные и пояснительные статьи, должны быть ссылки на ряд других книг по этому вопросу. Действительно, нужны ли детям сельди, кильки, шпроты, пикули и каперсы? Это тем более важно, что у подростков в возрасте от 12 до 16 лет есть потребность в острых вкусовых ощущениях. Всем известна их любовь к недозрелым фруктам, острым маринадам и т. д. Как

здесь быть воспитателю и родителям? Нас в этом вопросе интересует, как уже сказано, педагогическая сторона. Обыкновенно ничто не развивает так капризов, как вопросы, связанные с едой, и эта «трагедия», особенно у детей определенного возраста (приблизительно от 5½ до 14, иногда 16 лет и дальше) в той или иной степени переживается каждой семьей: «не хочет кушать, ест плохо».

Капризы — это, вероятно, особая форма первых попыток противопоставить свою волю воле родителей, особая форма протеста, часто превращающаяся с годами в привычную форму общения с родителями, своеобразный рефлекс на раздражителя. Жалобы родителей, что ребенок капризничает только дома или только с матерью, или у чужих ест все, а дома ничего — частое явление. Ни в какой другой области ребенок не может так полно ощутить свою «силу и власть» над родителями, как именно в еде. Логика родителей ясна. если не будет кушать, заболеет и умрет. Это, конечно, законное и естественное беспокойство, но дети прекрасно используют его: воспитывается изо дня в день привычная своеобразная форма общения детей и родителей. Есть и другая сторона вопроса — отсутствие аппетита ребенок научается рассматривать как свою особенность, выделяющую его из детской массы. если он будет есть, то будет как все. Подсознательно он чувствует, что если будет есть, то это уменьшит внимание к нему, а быть центром внимания любят не только дети. Наконец, уменьшится его власть над родителями. Создается сложнейший условный рефлекс: на простое предложение пищи отвечать «нет», даже если есть хочется. Язык самостоятельно говорит «нет», как же потом сказать «да»? Прекрасный способ извлечения такого вывиха сознания, а не аппетита — это здоровый детский коллектив (ср. коммуна Дзержинского). Вообще, еду надо сделать елементом деловой жизни ребенка, как сон, умывание, самообслуживание и др. Конечно, при сложившемся уже рефлексе нельзя применять житейскую формулу: проголодаешься — будешь есть, «измор» голодом как элемент воспитания вообще недопустим ни в какой форме.

Вероятно, в тех случаях, когда ребенок здоров, надо:

1. Иметь точное представление, сколько ребенок в данном возрасте должен съедать. Обыкновенно, благодаря отсутствию руководства, это определяется инстинктом родителей.

2. Кормить в точно установленное время

3. Уговоры как форма воздействия в данном случае недопустимы, родители должны вообще уменьшить количество слов и особенно, когда дело идет о еде.

4. Если ребенку требуется усиленное питание, то у него должно быть развито умение делать над собой усилие; достигается это всей системой воспитания и не может быть разрешено в порядке отдельного случая.

5. Скорее распоряжение, чем приказание авторитетной матери, обыкновенное деловое распоряжение, которое ребенок должен быть приучен исполнять беспрекословно

6. Наконец, необходимо избегать слишком больших требований. Бывают случаи, когда родители, особенно матери, беспредельно «фаршировали» своих детей. Такая система вызывает отвращение к пище. У самих родителей должно быть поменьше вкусовых капризов.

Академик Павлов говорил: «Если нет аппетита, дайте человеку перед едой ложку хорошего желудочного сока и аппетит будет». Конечно, без врача этого делать нельзя, но если ребенок не ест, то надо обратиться к врачу. Нигде, как в вопросах еды, не надо фиксировать внимание на самом процессе еды, а надо, чтобы было воспитано чувство разумной целесообразности или, вернее, ощущение такой целесообразности.

Без такого чувства получается гипертрофия ритуального отношения при удовлетворении самых простых потребностей человека: «Я так привык, иначе я не могу, того не ем» и т. д. Культура питания имеет огромное будущее в социалистическом обществе, и руководствоваться она будет наукой и принципом целесообразности, а не ритуалом и изощренностью пресыщенного, катарального желудка буржуа. Всякое пищевое «табу» — признак малой культуры, всегда чрезвычайно разобщающий людей, и поэтому консервативный.

Требовательным надо быть только относительно чистоты и гигиены приготовления, посуды, скатертей. В этом отношении очень много самых диких представлений: человек брезгует испробовать незнакомое блюдо, но будет есть из грязной тарелки, на грязной скатерти. Кто-то сказал очень удачную фразу: «Чистоплотный человек обыкновенно не брезглив».

Качество питания в семье часто не зависит от количества средств, дело это надо организовать и уделить ему определенное время. Что касается питания детей, то в наших советских семьях, как правило, родители делают все, чтобы дети были сыты, так что недокорма детей в семье не бывает.

ОДЕЖДА

О воспитательном значении одежды, ее качествах, фасонах и пр. будет сказано дальше. Сейчас поговорим об отношении к этому вопросу детей и родителей. Необходимо с самого детства приучать детей к тому, что у родителей более дорогая и красивая одежда, комната, постель, только этим способом можно противодействовать развитию зависти к тому, что другой хорошо одет, лучше живет. Чувство очень мучительное и вредное, ибо оно просто коверкает прямую и ясную линию жизни. Можно из-за любви к тряпкам и комфорту выйти замуж даже за постылого и проч. (первый попавшийся пример). Совершенно недопустимо, чтобы мать ходила в старых стоптанных ботинках, а дочери или дочерям покупались фасонные туфли, такие, как им хочется, даже в том случае, если дочь зарабатывает. Оправдания вроде того, что она молода и пр., совершенно несостоятельны. Наряжать невесту, чтобы дороже ее продать,— явление, понятное в капиталистическом мире, наряжать, невзирая ни на что (невеста Пушкина. Переписка с тещей). Прелесть и красота наших девушек и юношей не измеряется, к счастью, качеством туфель и туалета, есть другие мерила и показатели.

Что касается платья, обуви и одежды, то дети должны иметь все необходимое, хорошо прилаженное, опрятное, простое и красивое. Но при этом внимание родителей к красоте вещей детского туалета не должно быть подчеркнуто и носить характер фетиша.

Надо приучить прежде всего к удобной одежде. Увлечения бантиками, оборками, мешающими детям играть, сесть на песок, относятся к родительскому или, вернее, к мещанскому тщеславию, а не любви к детям и разумной заботе о них. Когда я вижу родителей с первенцем, годовалые или двухлетние волосики которого стянуты бантом, бант еле держится на маленькой жиденькой метелочке волос (а всякому известно, как больно, когда даже один волос затянут), мне совершенно ясна картина. Ясны детали воспитания этой жертвы родительского жестокого тщеславия: это не ребенок, не будущий человек, это игрушка для забавы, пока он не надоест. Такой ребенок очень рано показывает строптивость нрава и непослушание, он с воплем сдирает ненавистный бант, но неумолимые родители, даже с применением шлепков, восстанавливают бант. Можно с уверенностью сказать, что через пять лет мать где-нибудь в амбулаторной очереди будет рассказывать: «У меня, знаете, очень нервный ребенок и потом, знаете, такой характер, совсем не слушается».

Конечно, разговор варьируется в зависимости от разных свойств рассказчицы, но суть одна. Мы не знаем еще, когда складывается личность, характер в его основных чертах, но такой бант (имя нарицательное), несомненно, имеет влияние на будущий характер.

Итак, у детей должно быть все необходимое, но размер этого необходимого, его качество, лет до 16 должно определяться родителями, матерью

У нас много и остроумно писали об одежде, ее фасонах, необходимости своих собственных «мод» и прочее.

Честное слово, обидно, почему мы должны тянуться за парижскими модами и одеваться так, как это пришло в голову парижской кокетке или денди. Что общего у нас с ними в быту и вкусах? Ведь известно, что моды создаются парижскими фешенебельными кокетками, вероятно, на договорных началах со всякими Покенами и прочими. У них есть якобы «вкус», и «время», и «культура», наконец приоритет давности в этом вопросе. А разве у нас мало культуры? Что касается вкуса и времени, то мы при нашем плановом хозяйстве можем двинуть на это дело лучших художников с бездной вкуса, желаний и со специальным для этого дела временем. Смех и жалость вызывали (сейчас несколько лучше в этом деле) готовые платья в «индпошивах» по «последним парижским журналам», с такими же нелепыми оборками, тюниками и бантами, но со строгим соблюдением режима экономии — не больше двух с половиной метров на платье и особенно из самых лучших бумажных тканей с индустриальными рисунками. Можно подумать, что все это не имеет отношения к нашей книжке о воспитании. Но одежда, ее красота — это один из вопросов нашей новой культуры, а следовательно, и воспитания.

Ведь воспитывались где-то люди, которые в недрах нашего общества раздувают угасающую любовь к моделям Покена и только парижским модным картинкам. По-видимому, это о них говорят: «одеты не хуже людей» По нашим наблюдениям, эти «люди» — бездельные дамочки типа «Эллочки-людоедки», они пропадут от свежего ветра социализма, пропадут без трагедий и жалоб, как осенние мухи. Но сейчас они еще живут и считают себя монополистками в таких вопросах, как «вкус, умение хорошо одеваться, выбрать фасон, хорошая фигура».

Все это прекрасно и нужно: и изящество, и хороший вкус, и красивый фасон — обязательный элемент нашей красивой жизни, но должна ли при всем этом наша девушка походить на парижскую модницу, или у нас есть свои вкусы и идеалы?

Надо очень серьезно задуматься над вопросом, как установить демаркационную линию в сознании и быту детей и юношей, отграничивающую такие противоположные понятия, как красивая, богатая жизнь от мещанского счастья и благополучия. А между тем для конкретного сознания проще и понятнее мещанское счастье. В том его цепкость, что оно очень просто и спокойно. Демаркационная линия должна устанавливаться с первых лет жизни, здесь также нужны разумные средства, а не фетишизм, который сперва насаждают и прививают, а потом плачутся от требований детей.

Единственная дочь 16 лет говорит матери: «Мамочка, ты сшей мне платье из красного крепдешина, только у той портнихи, что берет за фасон 300 рублей».

Мать несколько обескуражена, хотя у дочери десятка полтора шелковых платьев.

Тогда дочь пускает сильно действующее средство: «Не жадничай, мама. Мы должны красиво жить. А вдруг я умру через год, и тогда ты будешь плакать, что не исполнила моей просьбы». Мать, оправдываясь, говорит: «Я понимаю, что это детская демагогия, но во всем этом есть доля истины, действительно, надо красиво жить, и дети наша радость и гордость — они должны счастливо жить; а впрочем, я не знаю, так ли я поступаю».

Девочка 15 лет не пошла на школьный вечер на Октябрьские торжества потому, что не готово было крепдешиновое платье. Семья коммунистов, и мать и отец. Мать говорит: «Это нехорошо, конечно, но ей так хотелось быть нарядной потому, что она любит праздник». А что пожертвовала праздником из-за тряпки, этого не видят. И все это кажется не имеющим значения. А между тем воспитываются совершенно определенные и отвратительные черты тщеславной франтихи, любительницы пустой формы, презрительство относящейся к плохо одетому человеку, какими бы сокровищами ума он ни сверкал. Не только «людоедка», но и «идолопоклонница». Мы, конечно, убеждены, что в наших советских условиях, если эта девочка не круглая дура, то когда она станет женщиной, слетит с нее вся эта дрянная шелуха, но для чего нам под ногами эта шелуха, и так ли уж она невинна?

Форма в школе в этом отношении внесла бы громадное оздоровление, причем должны быть особые мастерские, где будут шить форму для всех одинаковую, а то найдется мать, которая 300 рублей заплатит за фасон.

В школах эта разница одежды в зависимости от возможностей родителей играет огромную роль. В некоторых случаях может образоваться как бы два лагеря: дети обыкновенные и дети родителей, зараженных пустым тщеславием. В таком случае о коллективе не может быть и речи. В детском обществе это выражается очень примитивно. одни важничают и иронизируют, другие завидуют и терпят. В данном случае не соблюдается даже правило: неприлично быть одетым лучше, чем окружающие. Девочки в простоте душевной, наоборот, стараются поразить нарядами. Вероятно, это делает очень толстой и нечувствительной кожу нарядных и истон-

чает кожу ненарядных. Дома вторые плачут, плачут и требуют нарядов, а первые отвечают матерям: «А разве мы виноваты, что у них много детей и они не могут всех одеть». Вывод из всего сказанного: форма необходима, и с ней нельзя тянуть, детей нельзя приучать в нашем пролетарском государстве к излишнему франтовству. Шелка до 18—19 лет совершенно излишни. В этой области должно воспитываться четкое правило товарищества и коллективной этики, как и во всех других. Наконец, зачем предвосхищать события и сокращать количество и продолжительность юношеской радости. Чем можно удивить 18—20-летнего человека, если у него все уже было в 15—16 лет. Всякие излишества ведут к развитию равнодушия, апатии и некоторой разочарованности, не говоря уже о непомерной требовательности. Наконец, в дальнейшем это может стать причиной прямого несчастья, когда в самостоятельной жизни не станет папы и мамы, и потребности эти нельзя будет удовлетворить. Мы, конечно, враги уравниловки и прекрасно понимаем, что разница в оплате труда необходима на определенном этапе перехода к коммунизму, но необходимо воспитывать так, чтобы эта разница ощущалась ребятами как явление закономерное, но временное и преходящее в нашей стране. Но дело даже не в количестве платьев и их качестве, а в отношении к ним, в отсутствии мещанского штампа «по платью встречают, по уму провожают» и в этом роде. В тех семьях, где возможности меньше, есть свои трудности при неправильном воспитании: дети ворчат на «несправедливости», ворчание это по мелочам и не страшно, но оно засоряет психику злобностью, завистью, брюзгливостью.

ЗАБОТА О ЧИСТОТЕ ЖИЛИЩА И ПОРЯДКЕ В НЕМ

Родители и дети должны взять на себя заботу о чистоте жилища и порядке в нем. Конечно, взрослые должны руководить этой работой, помогать детям, но с 13 лет забота об уборке должна лежать на детях. Помимо тех мотивов, что родители зарабатывают средства на жизнь, есть и другие — старшие переутомлены и более озабочены. Все это в хорошо организованной семье дети должны знать, заботиться об отдыхе и покое родителей и взять на себя посильную им помощь: уборка, чистота, приготовить отцу, матери одежду, постель, ванну, убрать после них, приготовить завтрак, вставать раньше. Все это необходимо не только для удобства родителей, хотя и это очень важно и помогло бы сохранить часто очень большие силы, особенно матерей. Но это чрезвычайно важно как элемент нашего социалистического воспитания: единения и братской связи всех трудящихся, помощи друг другу. Наконец, впоследствии в отношении к старикам, забота о них. Отношение к больному, уставшему товарищу. Раненому. Создает привычку детального внимания к людям. Необходимо именно детальное внимание к мелочам.

Матери очень часто жалуются на детей, особенно девочек, что они не замечают их труда, взваливают все на матерей, даже слабых и, конечно, работающих, всю тяжелую и неблагодарную работу: стирку, приготовление обеда, мытье посуды, очереди за мануфактурой или туфлями для дочери, уборку ванной после купанья и мытья головы, причем почему-то считается, что это должна делать мать, обычно в редких случаях отец,

хотя мать работает и обслуживает еще дочь, которая только учится. Тем не менее у дочери лучшая постель: я не говорю уже о платьях и обуви (у матери стоптанная обувь, а дочь имеет несколько пар обуви). В таких случаях обыкновенно с матерью обращение плохое — она не имеет права ни на что в жизни, так складывается психология ребенка, а потом взрослого. Таким образом, мать на положении крепостной, которую плохо содержат. Вариации такого отношения у нас не очень разнообразны, но элементы его распространения значительны. Вероятно, молодежь, которая войдет в жизнь с таким опытом, не будет способствовать укреплению семьи и брака.

Виноваты в этих случаях матери, для которых слепая эгоистическая любовь к ребенку, особенно пока он мал, желание выручить его, неправильное понятие «свобода» ребенка и его «права» (формула: он не просился на свет, я его родила и проч.). Наконец, такое же неправильное понимание «обязанностей родителей» приводит к воспитанию тирана и эксплуататора собственной матери. Такой тип юноши не нашей формации — каким он будет, когда вырастет, сказать трудно, но в юности у него два естества: общественное (часто комсомолец) и домашнее, объективно наглое.

Вина матери в том, что она упустила из виду, что воспитывает гражданина — будущего члена общества, семьи.

ВОСПИТАНИЕ КУЛЬТУРНОГО ОТНОШЕНИЯ К ВЕЩАМ И БЕРЕЖЛИВОСТИ

Независимо от средств у детей надо развивать бережливость, умение как можно дольше сохранить вещь и сохранить ее в наибольшем порядке, чистоте и красоте. Необходимо воспитывать почти автоматический уход за вещами, и мы особенно настаиваем на умении и необходимости сохранять не только чистоту вещи, но и красоту ее, блеск (никеля, брони, меди). Вещь не должна быть погнутой, платье вылинявшим. Стена возле постели не должна быть вытерта, даже если и нет коврика: необходимо кровати отодвигать от стены.

Стены и обои не должны загрязняться, царапаться не только нарочно, но и нечаянно. Подоконники, паркет — все это беречь надо учить с раннего детства.

Необходимо воспитывать умение, не загружая сознания и не сокращая, не суживая способностей к богатой интеллектуальной жизни и деятельности, замечать мелочи и детали, умение обращаться с вещами быстро и ловко. Чем выше культура, тем легче и целесообразнее можно организовать уход за вещами.

Беречь пол, не грязнить его, не царапать, не нести в дом пыли — это не только вопрос красоты, но и гигиены. Надо уметь вытирать ноги, очищать пыль с обуви, платья, вещей, когда входишь в дом. В наших магазинах должны продаваться все виды щеток и половых ковриков для вытирания ног. Когда мы входим в магазин, нас всегда поражает, кому нужно бесчисленное количество безвкусной и грубой мелочи: брошки из целлулоида, дешевые и некрасивые запонки, серьги с подвесками. Весь этот «дрязг», как писал Гоголь, буквально заполняет витрины и прилавки, он никому не нужен, никто его не покупает, но ведь кто-то занят его производ-

ством, а самый простой джутовый, проволочный, из кожаных обрезков коврик для вытирания ног найти трудно. Многие не умеют вытирать ног, приносят пыль, не умеют обращаться с унитазом и раковиной умывальника Бережливое отношение к вещам и умелый уход за ними — это необходимое условие богатой и красивой жизни. Неряха и «марнотрат», как говорят украинцы, никогда не будет жить ни богато, ни красиво. У нашего советского гражданина эти качества имеют огромное значение еще и потому, что личное наше имущество составляет только незначительную часть вещей и предметов, с которыми нашему гражданину приходится иметь дело.

Мы не говорим о работе: завод, лаборатория, школа, вуз, МТС, совхоз, здесь есть целый ряд запретительных мер предохранения от порчи и материальная ответственность за испорченную вещь. Но возьмем квартиру коммунальную или казенную, дачу, санотарий, транспорт. Казалось бы, квартира, если она не требует капитального ремонта, должна из года в год благоустраиваться. Часто наблюдается процесс обратный — квартира разрушается Бывает, что в мягких вагонах, лишь бы не видел проводник, лезут с ногами на мягкие диваны.

Надо воспитывать культуру пользования вещами с самого малого возраста: бережливость и порядок в игрушечном хозяйстве, какого бы они ни были качества и количества.

Бережливое отношение к одежде, платью и обуви, аккуратная и опрятная еда. Причем ко всему этому должно быть самое серьезное и требовательное отношение и родителей и ребенка. Необходимо сразу требовать не только заботы и ухода за вещами, но и хорошего качества этой заботы. Ребенок может убрать по-своему, но добросовестно и аккуратно. Добросовестное и тщательное выполнение — эти качества, по-видимому, складываются с первых лет жизни ребенка, и поэтому необходимо быть требовательными в этой области: пускай делает мало, но по возможности хорошо. Для того чтобы развить аккуратность и бережливость, надо, чтобы ребенок знал, что вещь и ее хорошие качества зависят от вложенного в нее человеческого труда, чтобы это понятие стало реальностью.

Необходимо приучить ребенка к уходу за вещами, им же испачканными. Маленький — начистить ботинки, стереть с них пыль щеткой, убрать перчатки после прогулки, к 12—13 годам — постирать легкое платье, воротнички, обязательно уметь гладить, причем необходимо требовать хорошего качества работы, если родители не могут научить гладить, пусть научит бабушка.

Мы можем привести бесчисленное количество примеров, когда бережное отношение к одежде культивировалось благодаря такому самообслуживанию.

Бережное и умелое обращение с вещами и одеждой имеет огромное значение не только для бюджета семьи и ее благосостояния, но и для воспитания гражданских качеств человека.

Мы знаем семьи, равные по числу членов,— в одних есть культура бережливости и хозяйский глаз, и тогда при меньших средствах они имеют большее количество вещей, лучше одеты и лучше едят. В другом случае, хотя денег больше, живут хуже и меньше имеют, или при равных

затратах быт семьи совершенно разный. В быт семьи включается масса вещей, все это раньше времени изношенное и приведенное в неопрятный вид — ржавые потемневшие ножи и вилки, закопченные чайники, кастрюли, недочищенный алюминий. Особенно быстро приходит в негодность белье и платье: недостиранное, не зашитое вовремя, костюмы и одежда не чищенные, без пуговиц или с разнокалиберными пуговицами.

Отвращение ко всему этому надо воспитывать тщательно и систематически. Даже в том случае, если ребенок не привык к самообслуживанию,— прочная привычка к чистоте и порядку в самостоятельной жизни приводит обыкновенно к тому, что человек и сам не жалеет труда на приборку и чистку.

Особенно важно и трудно воспитывать умение не загрязнять и не загаживать вещей, с которыми имеешь дело: керосинка, примус не должны коптить, не ставить закопченного чайника на стол или клеенку, а потом то и другое надо мыть.

Если бы работники, производящие хозяйственные вещи· керосинки, примусные головки и прочее, всегда помнили, что дурное качество этих вещей удесятеряет работу хозяйки, они больше заботились бы об улучшении качества.

Мы уверены, что воспитание у наших детей умения видеть мелочи сыграет большую роль в улучшении качества продукции. Собственно говоря, наша хозяйственная деятельность состоит из бесчисленного множества мелочей и деталей, которые надо уметь держать в памяти, не распыляя сознания. То, чего недостает нам при освоении массы вещей на производстве, особенно Легпром и Ширпотреб,— это внимание к деталям и мелочной заботе о потребностях и вкусах потребителя. Эта культура у нас только в зачатке, а между тем очень многие постановления партии и правительства требуют от нас именно умения комбинировать детали: режим экономии, внимание к потребителю, забота об удобствах покупки, отдыха, передвижения — все это внимание к деталям, забота о людях, друг о друге. Эти черты приобретают все больше и больше значения и необходимы в нашем государственном строительстве и в нашем быту.

О ЛИЧНОЙ ЖАДНОСТИ И РАВНОДУШИИ

Личная жадность в нашей стране очень легко совпадает с тенденцией контрреволюционной, и это не парадокс: человек, видящий только себя и свое я, требовательное и ненасытное,— это тормоз нашему революционному движению, действиям и деятельности. В процессе воспитания и формирования личности это всегда надо помнить, и личная жадность в нашей стране должна быть сведена и сводится до минимума. Это зоологическое, биологическое, а не социальное чувство должно отсутствовать в нашем человеке. Если внимательно проанализировать наши собственные переживания и чувства, то самыми яркими минутами, несомненно, являются минуты забвения себя и самоотречения: революционный подъем, когда люди легко и просто идут на риск и смерть, пафос труда, художественного творчества, научное горение, наконец, любовь во всем ее разнообразии и богатстве. Надо мудро уметь сочетать заботу о себе, о своем теле и здоровье с умением пожертвовать всем этим, если к этому призовет жизнь,

пожертвовать так же просто и естественно, как простой и естественной была забота о себе. Только такой человек будет по-настоящему счастлив, полезен и увеличит общую сумму счастья на земле.

Один из примеров: вы сидите в вагоне автобуса. Остановка. Человек лет сорока силится подсадить на неудобные ступеньки грузную старуху лет около семидесяти. В автобусе много людей, молодых и здоровых. Все с интересом глазеют на бесплодные попытки, по-видимому, сына подсадить старуху, но все сидят. Один юноша, он уже у выхода, так как ему сходить на следующей остановке, озабоченно оглядывается (честное слово, при этом у него прекрасное лицо, даже если он и некрасив), проталкивается к выходу и подхватывает «бабушку».

Почему ближайший к входу молодой человек не помог этой «бабушке»? Не воспитаны в нем такие ассоциации, или жаль потерять свое «сидячее» место, или просто полное равнодушие к участи случайного соседа? Но это равнодушие обязательно как-то спаяно в единый комплекс с культом собственной личности — один из темных закоулков личной жадности.

ОБЛИК МЕЩАНИНА

Вспоминается один давно, в 1912 году, бывший разговор. Группа студентов, среди которых был народ разный — большевики, студенты без физиономии и один особенно глупый и пошлый, идейный белоподкладочник, но человек бедный. Он был вроде шута в этом обществе. Говорили о социализме, далеком тогда, казалось, и несбыточном, как мечта. Говорили серьезно, а потом стали мечтать, как будем жить при социализме. Все были очень молоды. Вдруг неожиданно этот самый глупый Щупак изрек: «Ого, никогда не думал, что будет когда-нибудь такая жизнь. Дешево, наверно, все будет!» Это «изречение» резко изменило настроение, и все стали шутить Но Щупак с полуоткрытым ртом слушал и принимал всерьез. Среди нас был один выдающийся теперь большевик, студент-химик тогда. Щупак обратился к нему: «Слушайте, Володя, а что будут одевать при социализме?» Его больше всего интересовали вопросы практические. Володя серьезно и удивленно воззрился на него, в глазах мелькнула, не замеченная Щупаком, ирония, и Володя сказал также серьезно: «Будут носить тонкую материю, пропитанную радием».

«И зимой и летом?» — разочарованно спросил Щупак.— «Да, в ней не будет холодно» Все мы захохотали. Щупак долго думал, когда он думал, у него даже пот выступал на лбу, точно он камни ворочал: «Нет, если я доживу до социализма, тогда я куплю себе шубу. Солиднее, знаете, все-таки»

Щупак не шутил, он не способен был шутить, дубовая голова. Всем стало грустно и противно. Где ты, Щупак, может быть, меришь наши просторы, но проку от тебя мало... Что может с тобой сделать революция — даже революция ничего не может сделать!..

Мы дожили до социализма, он оказался неисчерпаемо прекрасным, богатым и захватывающе действенным временем. Он несравненно лучше наших мечтаний, потому что жизнь прекраснее всякой мечты. Но прошло всего 25 лет, и какие-то хвостики и элементики мещанства и мещанствующих щупаков живы еще. Каленым железом мы выжигаем их, но они жи-

вучи, они пустили корни, питаются немецким фашизмом, буржуазной «приличной мерзостью» и делают немало гадостей исподтишка.

Нашему росту они не угрожают, но их нельзя пустить к нашим детям А между тем мы заняты, не все у нас так ответственно думают о своих детях, как это делал Ф. Э. Дзержинский, а у него надо поучиться.

В домашней обстановке многие склонны отдыхать и благодушествовать. дескать, наши дети советские, они поэтому очень хорошие. Маленькие дефекты жизнь поправит. Словом, этакое примиренчество, оптимизм и надежда на самотек. Качество продукции, за неудовлетворительность которой во всякой другой работе не поздоровилось бы, до времени не беспокоит — в «Крокодил» не угодишь.

А под рукой воспитатели, «второстепенные персонажи» семьи — дедушки, бабушки, домработницы. Кстати, существовал еще недавно и такой дедушка — бывший коммивояжер. Он обучал своих внучек и чужих девочек блатным и скабрезным песням, по пошлости не имеющих себе равных. Дедушка этот очень любит Одессу, а песни из Одессы. Вот такие занимательные прародители, маникюрши, шляпочницы, портнихи из бывших людей, домработницы из раскулаченных — все эти носители мещанского мусора, уцелевшие от старого мира, которого на свалку не вывезешь, натаскивают вашим детям всякой дряни. С детьми они «откровенны», нас они боятся и молчат, вероятно, и тот уникальный дедушка не поет сыну шансонеток. И вдруг неожиданно светлое лицо прекрасного нашего ребенка искажается, из него выглянет идиотская рожа мещанина, и вам страшно и противно. И жаль ребенка.

Вот иллюстрация. Девочка в гостях у подруги рассматривает газету, посвященную Дню железнодорожника. На первой странице ряд портретов.

«Вот интересно,— восклицает она,— сколько железнодорожников!» — «Здесь только мелкота всякая, я их не знаю»,— с неудовольствием отмечает гостья.— «А ты только ответственными работниками интересуешься, а их, видишь, не напечатали»,— вмешивается в разговор старший брат подруги.— «Вот и печатали бы ответственных Я их всех знаю, и кого каким орденом наградили»,— без всякого смущения отвечает юная мещанка.

Папы этой девочки мы не знаем. Он, вероятно, хороший железнодорожник, но в воспитании дочери он многое проглядел. Разве это не тупой мещанствующий Щупак гримасничает в шестнадцатилетней комсомолке?

О РАЗДРАЖИТЕЛЬНОСТИ И ГНЕВЕ

О раздражительности надо говорить серьезно Утешительно думать, что раздражение вызывается плохим состоянием нервов: «Ах, вы знаете, у меня такие нервы слабые, я столько пережила, конечно, я раздражительная». Вариант: «Мой ребенок родился, знаете, в такое время, я столько пережила, вот он и нервный — все раздражается». Все это совершенно пустая болтовня старающихся оправдать свои слабости людей. Если даже врачи будут доказывать, что раздражительность происходит от болезненного состояния нервов, то этому нельзя поверить. Значит, здесь что-то недосмотрели, недодумали. И действительно, если бы все «переживания»

матерей в период беременности таким образом отзывались на детях, то какое слабонервное потомство было бы у пролетариев капиталистических стран. Больными были бы дети партийных работников до революции, а также дети, рожденные во время революции и гражданской войны. Но ничего этого нет!

Сын Ф. Э. Дзержинского родился в каторжной тюрьме, да мало ли у нас таких людей с героическим прошлым матерей и отцов! Это, несомненно, обыкновенная «педологического» толка клевета на наших советских детей. Общеизвестно, что на здоровье плода влияют гораздо более глубокие причины: отсутствие или наличие в роду венерических болезней, алкоголизма и других пороков. Что касается «переживаний» матери в период беременности, то здесь есть какая-то близость со знахарством такого типа. если беременная женщина обожжет руку, то на руке новорожденного на том месте будет пятно, или увидит мышь, то на теле ребенка будет волосатое пятно. Понервничает — значит, ребенок будет нервный. Это ложные рассуждения одного типа, потому что в жизни ничего этого нет и быть не может.

К таким же заблуждениям относится убеждение, что человек с переутомленными нервами должен быть раздражительным. Надо сказать, что происходит это не от больных нервов, а от бедного интеллекта, малой культуры и дурной привычки. Где-нибудь в заброшенной прокопченной кухне под визг примусов у человека, который к самому важному, к своему интеллекту, относится безразлично, у человека-одиночки складывается привычка такой именно сварливой формы общения с людьми. Потом эта привычка переносится на работу, вот почему у нас много еще вздорных кондукторш, фармацевтов, конторщиц, регистраторш, почтовых служащих, зав. сберкассами и продавщиц. Заведующий мечется среди шипящих кобр, которых он не умеет заклинать. Но заклинать одну из них умеет некий молодой человек, боком примостившийся у окошечка и явно никакого отношения не имеющий ни к служащим, ни к клиентам. Это заклинатель, а «кобра», огрызаясь на «целый хвост» ожидающих клиентов, сладко улыбается ему и щебечет: «Что вы? Не может быть, это вы шутите!» Соединение какой-то непонятной агрессии в адрес публики и «ангельских улыбочек» молодому человеку поистине неподражаемо. Но пусть молодой человек не обольщается, стоит ему жениться, и он узнает, что такое раздражительность: «кобра» может сломать ему жизнь. Честное слово, непривычному человеку жутко заглянуть в окошко, ведь наверное известно, что ничего доброго и толкового ты не услышишь, а заглянуть надо.

Такие же агрессивные кондукторши иной раз выглядывают из дверей автобусов и трамваев. Они с ненавистью кровных врагов суют вам в руку билет и сдачу и на каждый ваш вопрос вопят: «Двадцать раз говорила» и т. д. С видом давно возненавидевшей вас жены, хотя вы сами женщина и видите ее в первый раз, такая же «нервная» работница магазина бросает на прилавок нужную вам вещь и если вещь вам все-таки не подошла, то нет предела ее раздражению. Что это такое? Разве все эти цветущие молодые и старые женщины с накрашенными губами и маникюром все нервные больные? Глядишь на их ногти почти кроваво-красного цвета, и они кажутся некоторой эмблемой их смешной, если бы это не было очень грустно, «кровожадности и человеконенавистничества».

Разве нервнобольными были в дальние дореволюционные годы и небезызвестные базарные торговки, мещанки, не имеющие себе равных в дрязгах и ссорах?

Ведь это только обычная форма их самочувствия, вытекающего из социального положения и отношения к миру и людям этого класса: «человек человеку волк». Причем здесь нервы? В такой сваре мещанка обретает, вероятно, новую крепость нервов, да и вся свара затевается для укрепления собственной позиции и расстройства чужих нервов. Конечно, такая мещанка плачется, что у нее больные нервы: «Я, как птичка, каждый может напугать»,— говаривала пятипудовая горластая бабища-лавочница.

Раздражительность — это порочная привычка мещанского торгашеского захолустного бытия, и ее преступно протаскивать в нашу прекрасную жизнь. Никакие болезни, страдания и истрепанные нервы не могут оправдать раздражительности, как нельзя оправдать пьянства, воровства, а ведь тоже находятся отговорки: «Тяжело жить, вот я и пью». У нас не тяжело жить — радостно у нас жить и легко, а все эти старые доводы давно пора сдать в архив истории.

Раздражительность — это не только распущенность и отсутствие дисциплины, но и порочность мировоззрения Горький в молодости заболел туберкулезом, у него много лет было затруднено дыхание, он тяжело страдал во время своей последней болезни. А что писали о его последних часах? Почему Горький не злился, не раздражался, разве были у него более здоровые нервы, чем у какой-нибудь «нервной» молодой мамаши? Меньше он пережил?

Все мы знаем, как страдал Ленин и как он переносил свои страдания, а можно себе представить, как переутомлена была у него нервная система.

Можно ли себе представить таких людей раздражительными брюзгами — это звучит как святотатство. Всем известно, что как только им становилось лучше, они сейчас же брались за огромную работу, дело их жизни, трудились выше обыкновенных человеческих сил, что и приблизило их раннюю гибель. Ни одной жалобы, ни одной мысли о себе, о своих страданиях, одна теплота и благодарность к окружающим их людям, бессильным им помочь. У таких великих людей надо учиться не только жить, но и страдать, и даже умирать, ибо это не легко сделать. Глубочайший гуманизм и человеколюбие, постоянное ощущение социальных связей, преданность идее и высочайшее чувство долга и ответственности — предельная и возвышенная красота этих личностей. Мало ли у нас их! Умерших уже, но вечно живых и живущих — это наша гордость, честь и слава!

И каким жалким и ничтожным кажется отец, член партии, работник милиции, который угрожал своему тринадцатилетнему сыну за непослушание. А когда имеющий на это право товарищ, следователь, спросил его: «Как вы дошли до такого безобразия», то этот отец заскулил: «Я человек раненый, много пережил... Переутомление нервов, работа нервная... Я очень вспыльчивый и раздражительный, а сын меня злит». Этот десятки врачебных свидетельств принесет — он нервный и имеет право быть раздражительным...

С полной ответственностью мы утверждаем, что раздражительность не есть следствие болезни нервов. Это порок, как каждый порок, может быть

причиной нервных болезней. От этого порока нетрудно избавиться. Но в этом избавлении не помогут ни бром, ни души Шарко, ни электризация. Помочь может только самодисциплина и раз навсегда глубоко осознанная отвратительная антисоциальность этого порока. На это способен всякий находящийся в здравом уме и твердой памяти гражданин.

Раздражительные люди — это люди, которым не нужны никакие поводы для того, чтобы злиться. Они встают утром ото сна и сейчас же «вкладываются» в привычное для них состояние — они злятся. И достаточно любой зацепки, чтобы их прорвало. Этим прорывом начинается день их привычных реакций дальнейшей злости — и так пока не заснут.

Таким характером обладала героиня Салтыкова-Щедрина мадам Головлева — только это было при крепостном праве, и раздолье ей было полное. Мы уже не говорим о мадам Головлевой, но раздражительные люди и в наше время — люди несчастные: в семейной жизни несчастные сами, делают несчастными других. Их преследуют неудачи. Эти люди не имеют друзей, у них нет семьи, собственные дети их не любят и не могут любить. И эти люди ищут виновников своих несчастий: то пережили они много, то детство было тяжелое, то муж подлец, а дети неблагодарны, а на самом деле они сами единственная причина и источник собственных неудач и несчастья других. А губит их порочная привычка раздражаться по пустякам, привычка к злобной позе.

Между тем, если этот порок, вдруг начавший развиваться, заметить своевременно и раз-другой сдержать себя, а потом следить за собой и просто не позволять себе раздражаться, то раздражительность исчезнет. Это возможно во всех случаях, когда человек не раб своих диких инстинктов.

Но если бы эти «нервные» женщины посмотрели на себя в зеркало в то время, когда они разговаривают с раздражением!

Привычное раздражение какой-то особой судорогой сводит лицо. Таких злых очень легко безошибочно узнаешь. Вы стоите в очереди на автобус. Долгожданный автобус подходит. Кондуктор — хорошенькая молодая женщина, смотрит на очередь, но у нее стеклянные глаза, ничего не видящие, как у Ивана Грозного на картине Репина. Можно не слушать, что она кричит пассажирам... Раздражительный человек всегда безобразен, противен и смешон. Ни один умный человек, дорожащий любовью детей, не предстанет перед ними в таком виде. Раздражительность всегда приводит к полной потере авторитета. Против раздражительности людей, находящихся при исполнении служебных обязанностей, надо издать специальное постановление: после двух замечаний увольнять с работы, ибо это, может быть, и не сознательные, но враги нашего роста, они тормозят наше движение вперед. Они уродуют работу наших прекрасных учреждений.

Родители никогда не должны раздражаться на своих детей. Что касается детей, то необходимо самым внимательным образом следить, чтобы у них не развивался этот роковой порок. Никогда нельзя на детские раздражения отвечать собственным раздражением. Если вы видите, что ваш маленький ребенок раздражен, спокойно возьмите его на руки, дайте ему совершенно успокоиться, приласкайте его и только тогда поговорите с ним о его поступке. Никогда не допускайте в присутствии детей крика двух повздоривших взрослых людей без тормозов. Если вы позволите себе ссориться с детьми, то вы покажете свое бессилие, растерянность, может быть,

даже способность перекричать его — вы неизбежно уроните свой авторитет. Раздраженный человек не эстетичен, и ребенок всегда это видит. Семилетняя очень милая девочка сказала своей очень красивой маме: «Мамочка, ты некрасивая, когда кричишь на меня. Если ты будешь кричать, то будешь, как старухи в сказках».

Дети очень чутки к эстетике, хотя понимание ее у них своеобразное. У мальчика шести лет была старая бабушка, а у бабушки была такая же старенькая приятельница Варвара Ивановна. Обе старухи были очень милы и по-стариковски очаровательны. В присутствии мальчика говорили о красивых женщинах. Мама мальчика, сама очень красивая, воспевала какую-то актрису. Мальчик завтракал, вдруг поднял глаза от тарелки, помолчал несколько секунд, потом сосредоточенно, серьезно сказал: «Самые красивые женщины — бабушка и Варвара Ивановна». Детям обыкновенно кажется красивым все, что они любят. Родители всегда красавцы для любящих детей, и нельзя нарушать эстетику детских переживаний и уродовать себя злостью и раздражением. Это оскорбляет детское чувство — этого нельзя допускать. Надо больше всего бояться у себя и у детей, и у родственников раздражения по пустякам. У детей это с годами превратится в отвратительную вздорность и неуживчивость. У родителей раздражительность по мелочам приводит к неавторитетному, надоедливому приставанию по пустякам и бывает причиной многолетней и закоренелой вражды между родителями и детьми.

Вот иллюстрация: летний вечер. Мать и дочь мирно идут по дачному поселку. Мать несет на руках внука, сына дочери. Мелочная раздраженная вражда между матерью и дочерью длится уже лет 20. При этом они умудряются как-то любить друг друга, любовь их больная и припадочная, но любовь есть. Сегодня у них перемирие: они целый день провели в гостях у тети, родственницы матери, а там они стесняются ссориться, потому что у нее здоровый советский стиль в семье. Тетка их провожает домой. Они проходят мимо пустой стоящей на горке церкви. Дочь, ее зовут Зина, говорит: «Знаешь, тетя, возле этой церкви зимой каждую ночь раздевают». Мать Лидия Ивановна при разговоре не присутствует,— она ушла вперед с ребенком. Но вот она остановилась и раздраженно кричит: «Зинка, ты вечно все преувеличиваешь, один раз раздели, а ты говоришь — всегда». Дочь поднимает брошенную перчатку и перемирие кончилось, их привычные отношения вступили в свои права. Началась нескончаемая канитель счетов и обид. Мать и дочь вечно раздражены и взвинчены друг против друга. Раньше мать раздражалась, а дочь плакала. Теперь матери 55 лет, и плачет больше она.

В отношениях детей и родителей должен быть всегда мирный и дружественно-нежный тон неизменного взаимного уважения. Таким должен быть тон всей семьи. Надо постоянно помнить, что эти милые маленькие дети будут сами мужьями, женами и родителями — будут гражданами нашей великой Родины, и мы не имеем права затруднять им выполнение этих радостных и ответственных обязанностей.

Мы говорили о раздражительности — о мелочной вздорности. Гнев — это нечто совсем другое. Гнев противоположен раздражительности. Гнев бывает силой созидающей. Раздражительность — сила всегда разрушающая, дезорганизующая. Гнев всегда активен — это целевое действие. Раз-

дражительность пассивна и всегда приводит к противоположной цели, чем та, которую предусматривают. В некоторых случаях гнев — могучее воспитательное средство, но пользоваться им надо умело и осторожно...

ВЗЯТЬ БЕЗ СПРОСУ ИЛИ «ВОРОВСТВО»

Родители почему-то часто видят большую принципиальную разницу в двух, на наш взгляд, однородных явлениях: ребенок взял без спросу сахар, конфеты, карандаш, ручку отца или матери, на это не обращают внимания, это в порядке вещей. Но если взял деньги без спросу — это проступок. В таком случае нередко начинается целое следствие и даже в некоторых случаях ребенок является вором. Мы считаем такой подход совершенно неправильным: если в доме нет дисциплины и ребенок — хозяин и может делать, что хочет, и брать, что вздумается, то какая разница между вареньем, конфетами и деньгами? Надо приучить детей к порядку, они одинаково не должны лазить ни по банкам с вареньем, ни по ящикам с деньгами, не спросивши старших. Что бы ни хотел взять ребенок, он должен спросить разрешения...

Говорить о воровстве ребенка можно только в том случае, если установлены действительные случаи воровства. Надо принять все меры, проанализировать причины того, почему он берет без спроса, принять все меры, но слова — вор, воровство не должны быть сказаны. Это не только страшное слово, оскорбительное обвинение, но и признание родительской беспомощности и обреченности ребенка.

Надо воспитывать полное отвращение к воровству. В нашем обществе слово вор — значит враг и воспитать отвращение и презрение к вору очень легко. Номер «Крокодила», процесс в газетах, какой-нибудь первый, ставший известным случай воровства, совершенно не важно, кем он совершен, одна-две беседы на эту тему, и никакого, даже скрытого, намека на то, что это может иметь отношение к нему — к вашему ребенку.

Никакого отношения такие беседы и не могут иметь к вашему ребенку, ибо отвращение к воровству и всякому незаконному присвоению надо воспитывать с того момента, когда ребенок начинает понимать, что ему говорят. К воровству нужно воспитывать такое отношение, как некогда в патриархальных крестьянских семьях: нет большего оскорбления, чем слово вор. Воспитать честность в нашей стране — дело не трудное: самая структура нашего общества, отсутствие эксплуатации, темных афер и награбленных состояний делают эту тему отчетливой и прозрачной. Наши многочисленные и многолетние наблюдения говорят совершенно определенно, что если дети из семьи воруют, то в этом виновата семья, хаотичный быт, безнадзорность, виновата именно семья, а не окружение.

Если в семье есть в этом отношении твердая линия и настоящее отвращение и порицание всякого незаконного присвоения, то и при многодетности и малом бюджете дети совершенно честны.

Но бывают и такие уникальные случаи: мы знали семьи, где заведена такая игра: дети, пользуясь занятостью родителей и обыкновенной рассеянностью, благодаря которой отец и мать не всегда помнят точно, сколь-

ко денег и где они лежат,— «крадут» деньги, т. е. берут их тихонько, прячут, а потом якобы возвращают родителям в трудную минуту, когда денег нет. У детей из этих дружественных семей идет особого рода соревнование при родителях: «нет, я накрала у своей мамы больше, чем ты у своей». Соревнование, по-видимому, на то, чья мать бестолковее. Интересно, что в этом случае каждая из матерей уверена, что ее ребенок только играет и действительно собирает для нее деньги, а другой, чужой ребенок крадет деньги у матери, и если отдает ей для видимости, то только меньшую часть. Но своим ребенком каждая мать в этом отношении совершенно довольна и даже умиляется: «Какие у нас простые и безыскусственные отношения с дочкой. Недавно у меня не было денег, а дочь кричит мне: ведь у меня есть 100 р., я у тебя накрала. Нет, вы скажите, что вы об этом думаете?»

Один из членов этой же компании детей — мальчик украл на заводе пальто, был уличен и повесился. Говорят, от того, что родители не проявили достаточной чуткости, когда с мальчиком случилось такое несчастье, а между тем мальчик украл пальто не то по просьбе товарища, не то из любви к какой-то девочке. Имеет ли воровство мальчика связь с «милой игрой», которая описана выше, мы не знаем,— мальчик был из другой семьи, но что вся эта до болезненности путанная бессмыслица, которую в этих семьях называют воспитанием, может привести к любым катастрофам, в этом нет сомнения.

«НЕПЛАТЕЛЬЩИКИ АЛИМЕНТОВ» И ЖИЗНЬ НА АЛИМЕНТЫ

Наши и иностранные писатели много таланта и писательской интуиции и прозорливости истратили на изображение психологии преступников, мотивов преступлений и пороков, граничащих с преступлением. Взять только одного Достоевского, какие тончайшие нюансы задуманных, совершенных и несовершившихся преступлений. Какая галерея вольных и невольных преступников самого разнообразного характера, начиная со старика Карамазова и кончая «божьей милостью идиотом» — Мышкиным и одержимым Рогожиным.

Пушкин, Толстой, Шекспир, Мопассан, Салтыков-Щедрин вскрывали, каждый по своему, тайны преступников и преступлений.

Вероятно, благодаря созданным литературным типам можно представить себе психологию убийцы, грабителя, тайного убийцы, скупца, потерявшего человеческий облик, вора.

Надо сказать, что большинство писателей старались найти в темной душе преступника тот светлый уголок, оазис, благодаря которому и преступник остается человеком. Часто это бывает любовь к детям. Особенно такие завороты любил Достоевский: у него самые отъявленные подлецы бывают нежнейшими отцами, братьями, сыновьями.

Но мы не можем вспомнить сейчас ни одного произведения, где была бы описана психология отца и матери, добровольно отказавшихся от своих родительских обязанностей, бросивших своих детей на произвол судьбы.

Правда, описывались брошенные «незаконные дети», «тайный плод любви несчастной несла на трепетных руках», но в этих случаях вопрос был предопределен классовым делением общества: барин, бросивший крестьянскую девушку с ребенком, совсем и не считал себя отцом.

Нехлюдов только в порядке «толстовского» просветления почувствовал свою вину перед Катюшей. Ведь без нарочитого авторского замысла Нехлюдов даже забыл бы что такая Катюша существовала.

Особенного внимания, чуткости и такта со стороны матерей требуют случаи, когда дети живут на алименты. Если в здоровой, хорошей семье вопрос о средствах прост и дети должны знать его, то в семье, где живут на алименты, тяжебная сторона этого дела, на наш взгляд, должна быть скрыта от детей.

Матери культурные и малокультурные далеко не всегда соблюдают в этом отношении должную осторожность и не щадят детей. Нам пришлось наблюдать своеобразную игру: мальчику $3^1/_2$ года, девочке 5 лет. Девочка с очень деловым и озабоченным видом, бессознательно прекрасно пародируя мать, говорит: «Володя, ты будто отец и не хочешь давать детям на жизнь, а я с тобой ссорюсь и требую у тебя денег». Володя не возражает, но он еще мал, и игра идет вяло.

Трудно сказать, какие сдвиги и линии детской жизни устанавливает вот эта самая формула: «Папа не хочет давать нам на жизнь», может быть, это одна из простых разговорных форм без особого содержания, такие разговорные формы встречаются в младшем возрасте. Пустая форма уже потому, что она привычна! Кто ответит на этот вопрос?

Но впечатление от такого детского лепета очень тягостное. Если потребовать применить нашу взрослую логику, а ребенок рано или поздно придет к ней, то станет ясно, что жить на деньги, которые надо «вырвать» или «высудить», должно быть, очень не сладко, особенно, если принять во внимание, что дети всегда болезненно ощущают свою беспомощность и зависимость.

Мы не хотим переосложнять этих детских ощущений, но считаем, что дети не должны знать, хочет отец давать им на жизнь или не хочет. Не соблюдая этого, мать хочет получить определенное удовлетворение — дети на ее стороне и осуждают отца.

Во всяком случае алиментные дела — это отношения между взрослыми людьми, из которых дети не могут почерпнуть ничего для себя хорошего и поучительного. Даже совсем неизвестно, поможет ли детям участие в этой родительской тяжбе впоследствии самим быть хорошими отцами и матерями.

Относительно «психики» самих неплательщиков мы говорим особо, это явление требует анализа и изучения. Можно с уверенностью сказать, что всякое участие детей в конфликтах взрослых, особенно близких людей, совершенно недопустимо и, безусловно, вредно, даже если в таком конфликте одни правы, а другие виноваты. Если это конфликт между отцом и матерью, то он создает сложные и непосильные детскому сознанию и мироощущению коллизии. Когда конфликты идут между чужими и родителями, то в таком случае это озлобляет детей и восстанавливает их против людей, воспитывает умение грызться, делать пакости и мечтать о том, чтобы их сделать.

В некоторых случаях неумелая установка при получении алиментных денег приводит к тому, что дети считают эти деньги своими «это не твои деньги, говорят они матери, это мои, или наши детские деньги».

Это иногда бывает, если между детьми и отцом, платящим алименты, существуют плохо организованные «дружеские» отношения. По-видимому, тогда это влияние отца.

Говорить о вредности этой установки не приходится, она очевидна, тем более, что мать обычно в таких случаях работает, и дети считают, что на ее деньги они тоже имеют право. Вообще, какие бы то ни были счеты в семье — деньги твои, мои, всегда говорят о неправильной установке в семье.

ПОЛОВОЕ ВОСПИТАНИЕ

Половое воспитание не представляет особенного труда и требует простоты и бесхитростности воспитателя. Мудрствуя лукаво, можно в данном случае только повредить Всяческие попытки раскрывать перед детьми «тайны» вредны, нелепы, и результатов не достигают

Знаем, единственный, правда, случай, когда родители посадили сына пяти лет в комнату матери-роженицы. Эти чудаки думали, что половой вопрос предстанет перед ребенком освобожденным от таинственности и больше не будет привлекать своей серьезностью и неизвестностью

Глубокая бессмысленность и дикий формализм этого поступка очевидны.

Ведь половой вопрос, половая пытливость у детей, если так можно назвать,— это нечто преходящее, как продукт роста и полового созревания ребенка, а не только внешних впечатлений Поэтому раскрытие «тайны», если бы оно и было возможно, самое полное и реалистическое, не может погасить созревающего в ребенке полового чувства, а казалось бы, наоборот, зрительными впечатлениями и образами должно только усилить развитие более раннего полового раскрытия «тайны»

Наш опыт говорит, что вопросы пола должны быть тайной, кроме, конечно, чисто научного изложения (мы говорим об изучении биологии и физиологии).

Надо с самого раннего детства создавать тормоза, умение владеть собой в этом вопросе, а это значит не говорить об этом и не спрашивать родителей.

Культурная мать рассказала как-то своему сыну историю о том, как мальчик двенадцати лет задавал матери вопросы рискованного свойства о половых отношениях Сын — комсомолец — отвечал ей. «Ну, этот сын не только развращен, но он еще и наглец».

Целомудрие, которое необходимо воспитать у юношей, и уважение к родителям несовместимы с откровенными разговорами о половых отношениях. Такие разговоры должны упрощать, вульгаризировать отношения родителей и детей. Они лишают их необходимой во всяких человеческих отношениях (кроме, может быть, отношений следователя и подследственного) застенчивости, скромности, эстетики внешней и внутренней.

Дети лет до восьми—девяти спрашивают у родителей о том, как родятся дети, откуда берутся Шестилетний мальчик спрашивает мать: «Откуда у

17 5-1140

мамы в животике заводятся детки?» Мать ответила: «А ты знаешь, что из земли вырастают цветы, так и детки вырастают у матери».

Этот ответ совершенно удовлетворил мальчика, и он, успокоенный, занялся прерванной игрой. Две девочки восьми и десяти лет пришли к матери и спросили. «Мама, скажи, как родятся дети, только не рассказывай нам, что сперва яйцо, а из яйца зародыш, это мы знаем. Ты скажи нам, как зародыш попадает к самке?»

Мать, врач, отвечала им примерно так: «Девочки, есть вещи, которые человек может делать и понимать, только достигнув определенного возраста. И как бы я ни старалась растолковать вам многие вещи, касающиеся жизни или работы взрослых, вы все равно не поймете. Для того чтобы понять, надо жить и учиться, а вы мало учились и еще очень мало жили».

Отвечать на подобные вопросы детей очень трудно и ответ зависит от большей или меньшей находчивости родителей, но нам трудно представить себе отца или мать, которые пустятся в откровенные повествования.

Что и как рассказывать в таком случае? Мы думаем, что прямого и непосредственного отношения к половому воспитанию это не имеет и не этим воспитывают. Надо этот огромный действенной силы инстинкт облагородить, связать в самых первичных представлениях ребенка с чем-нибудь более высоким и сложным.

Разговоры о любви «без черемухи» мало разоблаченная болезнь, пошлость, как ее еще назвать, испортившая не один десяток жизней. Она обедняет, делает жизнь нищей, скучной и грубой. Надо, чтобы дети любили своих родителей, ценили и дорожили их любовью. Любили и уважали людей вообще, любили свою Родину и знали бы, что любовь — благо, необходимость, обязательный элемент жизни.

Конечно, наши дети должны уметь и ненавидеть врагов. Только умение любить и ненавидеть помогает отличить добро от зла. Создаются люди активного действия. Надо уметь любить любовь, знать ей цену.

Хорошая лирика Пушкина, Лермонтова и проч., вероятно, необходима для того, чтобы любовь стала не только физиологией, но и эстетикой, и страстью.

Умение любить и ценить любовь близких, благодарность за то, что его любят, уважение к этому чувству очень легко перенести, когда ребенок подрастает, и в область половых влечений, а иногда еще только предчувствий. Юноши и девушки должны знать, что любовь — большое, красивое чувство, что бывает «большая любовь или маленький любвеночек», как говорит Маяковский.

Должны быть воспитаны некоторое благоговейное ожидание большой любви и уверенность, что она обязательно придет, что нельзя растрачивать себя по мелочам. Сильная любовь, верная на всю жизнь, должна быть идеалом нашей молодежи, только такие идеалы дадут крепкую семью.

Как этого достигнуть, как создать такие представления у юношей? Прежде всего, конечно, пример, который дети видят в семье, огромное значение имеет тот опыт, который дети выносят из своей семьи и отношений между родителями. Надо, чтобы родители сами были твердо уверены, что

именно такие идеалы надо воспитывать в юношах Конечно, все это упирается в воспитание характера и воли вообще, и без этого ничего не добьешься. Человек должен уметь любить, волей ограничивая себя от всяких соблазнов. И... если бы мы серьезнее относились к воспитанию идеала целомудрия юношей, то слово «нельзя» стало бы привычным с первых моментов пробуждения полового чувства.

У девушки идеал целомудрия, желание принести свою чистоту в дар тому, кого она любит, воспитывается очень легко, если только на это обращено даже небольшое внимание матери. Женская гордость в лучшем смысле слова и уважение к себе, т. е. именно такие качества, которые отличают свободную женщину социалистического общества от женщины раба, очень легко связать с охраной девственности.

У такой воспитанной девушки не может быть случайных связей и несчастных случаев, ее нельзя обмануть, одурачить. Она не низшее существо, а совершенно равный человек...

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА, ПЕРЕПИСКА

ДЕТСТВО И ЛИТЕРАТУРА

Воспитание нового гражданина происходит у нас везде. Трудно назвать такое место, такой общественный процесс, такое общественное явление, где не происходило бы становление нового человека. Коллективизация нашего села есть, может быть, самый яркий в истории случай активного и целеустремленного перевоспитания масс, одно из самых глубоких и смелых по замыслу педагогических явлений человечества.

Перед нами раскрываются широкие политические перспективы, далеко, впрочем, не мирные и далеко не безоблачные. Впереди у нас не только победы, но и борьба. Для этих побед и для этой борьбы воспитываются люди, они сейчас растут в нашей семье и в нашей школе.

Как же отражает советская литература важнейшие явления в области воспитания будущего гражданина?

В этой статье мы не будем касаться литературы, предназначенной для детского возраста. У нее свои способы освещения жизни. Точно так же мы оставляем в стороне работы советских писателей, касающиеся дореволюционного времени Нас здесь интересует художественная литература, изображающая советские дни.

Можно назвать очень немного произведений художественной литературы, посвященных вопросам воспитания советских детей, но все эти книги говорят о детях-«правонарушителях». Правда, и в этой узкой теме можно всколыхнуть вопросы общего воспитания. Но этого не случилось. В нашей литературе о правонарушителях больше романтики беспризорности, чем педагогики.

Отношение нашего общества к преступнику и беспризорнику ярко отличается от отношения буржуазного общества. Уже одно это — большая и особая тема. Между тем у некоторых авторов описание жизни беспризорников принимает форму любования ими. Здесь — большой простор для дурного вкуса, для дешевого и бездеятельного романтизма, для дешевой сентиментальности. Некоторые наши авторы интересуются не вопросом о формировании характера человека, а только тем, насколько необычайна, остроумна и привлекательна анархическая поза беспризорного.

Разумеется, преступник — явление отрицательное. Никакого удовольствия фигура беспризорника живому и культурному человеку доставить

не может. Она может представлять интерес только с точки зрения педагогической.

Но как раз педагогический момент в нашей литературе отражен очень неудачно. Первой ласточкой этой литературы были «Правонарушители» Сейфуллиной. Педагогическое действие представлено здесь педагогом-чудаком Мартыновым, о котором даже беспризорник Гришка отзывается с осуждением: «Обезьяну эдакую беспокойную в зверинце видал » Этот Мартынов, на каждом шагу дергающийся и кривляющийся, проповедующий своеобразный пантеизм и отрицание семьи, мог, конечно, поразить на некоторое время десяток-другой ошеломленных жизнью беспризорных, но серьезного воспитательного дела поручить ему нельзя, а тем более нельзя видеть в нем какой-либо «прообраз» социалистической педагогики

В таком же жалком состоянии представлена воспитательная работа и в «Республике Шкид» Белых и Пантелеева. Собственно говоря, эта книга есть добросовестно нарисованная картина педагогической неудачи Книга наполнена от начала до конца описаниями весьма несимпатичных приключений «шкиды», от мелкого воровства до избиения педагогов, которые в книге иначе и не называются, как «халдеи» Воспитательный метод руководителя «шкиды» Викниксора и его помощников совершенно ясен. Это — карцер, запертые двери, подозрительные дневники, очень похожие на кондуит. Здесь сказывается полное бессилие педагогического «мастерства» перед небольшой группой сравнительно «легких» и способных ребят. До самой последней страницы проходят перед читателем якобы занятные трюки одичавших воспитанников.

В «Утре» Микитенко есть попытки остановиться на некоторых воспитательных принципах, но слишком много внимания автор уделяет блатному великолепию беспризорного мира. Герои Микитенко доходят до такого парада, что отказываются даже спать на чистых постелях и есть хорошо приготовленный обед Здесь любование беспризорной «красотой» доходит у автора до степени восторга. Педагогические деятели «Утра» не имеют лица. Главный из них, Грипич, с некоторой гордостью утверждает, что даже «ужасный» педологический кабинет (ужасный — значит очень бедный) в его руках — важное оружие Это вовсе не значит, что Микитенко выступает как сторонник педологии. Сия знаменитая наука интересует его так же мало, как и Грипича, но, поскольку роман был задуман на тему педагогическую, вполне прилично было упомянуть и о педологии.

Из указанных «правонарушительских» книг невозможно ни представить себе картину советского воспитания, ни тем более прикоснуться к спорным вопросам нашей педагогики

Что же имеется в нашей литературе о школе и семье как факторах воспитания?

Почти ничего.

Особняком стоит «Дневник Кости Рябцева» Н Огнева. Можно спорить о верности нарисованной здесь картины нашей школы в первые годы нэпа, но нельзя отказать этой книге в живом и здоровом остроумии, в удачно схваченном колорите юношеского общества. В книге педагогика еще беспомощна, школа еще слабо организована и часто вызывает ироническую улыбку.

Дети в произведениях наших писателей, как правило, отсутствуют. Герои наших романов и повестей принципиально бездетны, наше советское общество имеет чрезвычайно взрослый вид

Между тем дети составляют самую красивую, самую звучную и радостную часть этого общества. Изображая советскую жизнь в искусственно созданной тишине бездетности, не рискуем ли мы получить сильно искаженную картину? Взрослые без детского окружения не будут ли просто «ненастоящими» взрослыми?

Детские фигурки только изредка мелькают на страницах наших книг, но роль этим фигуркам назначена чисто служебная. В самом лучшем случае ребенок выступает как украшающая подробность, его значение не превышает значения других предметов авторского натюрморта: платья, мебели.

В книге Юрия Германа «Наши знакомые» есть такой симпатичный мальчик Федя, сынок главной героини Антонины. Он необходим как усложнение и без того сложной жизни героини, он придает некоторым страницам характер непритязательной и милой лирики, но присутствие его не несет с собой никаких проблем, ни воспитательных, ни человеческих. Федя — это эстетический орнамент. Недаром автор заставляет его выражаться интересным и симпатичным слогом. В самые трудные минуты жизни матери Федя больше всего интересуется игрушкой-зайцем, и этот заяц играет в романе роль, пожалуй, не менее значительную, чем сам Федя. Круг приключений Антонины кончен, кончен и роман — ни автор, ни читатель не интересуются, что будет дальше с Федей.

Такую же служебную роль играет и Зямка в «Дороге на океан» Леонова. Как и Федя, Зямка просто «хороший ребенок, специально приготовленный автором для духовного отдыха умирающего Курилова. И этот ребенок, как и прочие литературные ребенки, говорит специальным украшающим языком! «Она бюлье вешает на чурдаке»; но Леонов не довольствуется такой сравнительно пассивной формой детского действия. В предсмертной тревоге Курилова такие разговоры были бы слишком пресны. Поэтому Зямке поручается гораздо более ответственный диалог. Зямка прямо спрашивает Курилова: «— Ты шмерть боишься?»

И в конце романа Зямка утешает Курилова:

«— Может, еще выждоровеешь...»

На этом роль Зямки кончена.

Некоторые авторы пользуются детскими фигурками для своих эгоистических целей, пожалуй, даже чересчур безжалостно. В рассказе Василия Гроссмана «В городе Бердичеве» изображается только что родившая мать, комиссар батальона Вавилова. Красные оставляют город, в него с минуты на минуту должны вступить поляки. Мать примиряется с тем, что ей придется остаться, пока красные снова возьмут город. Но вступают не поляки, а красные курсанты. Их боевая песня на улицах города решает судьбу новорожденного.

«.. Видели, как по улице вслед курсантам бежала женщина в папахе и шинели, на ходу закладывая обойму в большой тусклый маузер».

А «проснувшийся Алеша плакал и бил ножками, стараясь развернуть пеленки».

Мать оставила только что рожденного ребенка в случайной еврейской семье. В рассказе не изображается никаких переживаний матери по такому случаю, может быть, потому, что ребенка этого родил не комиссар батальона Вавилова, а сам автор Василий Гроссман.

Гораздо лучше поступил тот же автор в рассказе «Муж и жена». Рассказ изображает семейную драму, измены и прочее. Автор вполне правильно решил, что раз есть семья, должны быть и дети. Но, чтобы не возиться с ними на страницах книги, он остроумно вписал в первые же абзацы рассказа:

«Верочку Ариша увезла с утра к дедушке».

В дальнейшем о Верочке не вспоминают ни автор, ни ее родители

Эта Верочка Гроссмана может служить моделью бедных советских детей. Авторы отправляют их к дедушкам, чтобы они не мешали взрослым жить, совершать подвиги, иногда совершать и гадости.

Можно еще вспомнить несколько детских фигурок в нашей литературе, но искать в ней воспитательных проблем или хотя бы детских характеров было бы совершенно бесполезно. Даже в вещах, специально посвященных детской личности, дети выступают обязательно в искусственной роли. Такова «Таня» Сейфуллиной, двенадцатилетняя девочка, существо ходульное, резонерствующее, воспринимающее мир «по-взрослому».

Нет, дети, роль которых не идет дальше сюжетного орнамента, это не наши дети. И детские «словечки», книжное детское остроумие, сделанное специально для того, чтобы щекотать чей-нибудь испорченный вкус, нам не нужны. А любовь к таким словечкам у автора иногда доходит до размеров абсолютно неприличных. В рассказе Сейфуллиной «Молодость» умирает девушка.

«...Мать спросила:

— Что дать тебе, доченька, что?

Нина взглянула на мать совершенно сознательно и ответила строго:

— Откуда я знаю? Я умираю в первый раз».

Ведь правда же трудно не улыбнуться этому остроумию не то умирающей девушки, не то здравствующего автора.

Все эти дети — случайные фигурки в нашей литературе. Мы не верим в этих однообразно хороших детей потому, что не видим их жизни и их индивидуальности. И совершенно уже мы не видим в наших книгах советской школы, советских воспитательных проблем и тех трудных педагогических положений, которые на деле так часто занимают и нашу семью и наше общество. Еще меньше мы видим, как в детстве воспитывались действующие в романах герои.

Ни в какой мере мы пока еще не можем выдержать сравнение с нашими классиками, которые так много уделяли внимания детству своих героев. Вспомним картины детства Обломова, Евгения Онегина, Наташи Ростовой, детей из «Пошехонской старины», из романов Тургенева, «Детство» и «Отрочество» Л. Толстого, «Детство» М. Горького и др.

Это печально в особенности потому, что детская жизнь — органическая часть всей нашей жизни. Мы не имеем права забывать о детстве, ибо это значит игнорировать требование художественной правды

Наша художественная литература должна уделить детям большее творческое внимание. В ее изображении советские люди не должны вы-

ступать как бы обреченно-бездетными. Дети — это живая сила общества. Без них оно представляется бескровным и холодным. Изображая наше общество без детей, советская литература обедняет его, дает картину, лишенную богатства красок и подлинной жизненности.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ В МОЕЙ ЖИЗНИ

В удушливые годы перед японской войной в том захолустье, где прошла моя молодость, литературные явления замечались с большим опозданием. В городской библиотеке мы доставали истрепанных, без последних страниц Тургенева и Засодимского[1], а если и попадалось нам что-нибудь поновее, то это обязательно были или граф Салиас, или князь Волконский.

И тем ярче и ослепительнее прорезало нашу мглу непривычно простое и задорное имя: Максим Горький.

В нашу глушь и это имя пришло с опозданием: я прочитал «Песню о Буревестнике» в 1903 г. Впрочем, я был тогда молод и не склонен был особенно тщательно разбираться в хронологии. Для нас, рабочей молодежи, важно было то, что по скучным, безнадежным российским дням вдруг заходил высокий, лохматый, уверенно новый человек Максим Горький. Мы с трудом добывали его книги. Еще с большим трудом мы старались понять, почему «Челкаш» забирает нас за живое. Ведь у нас не было литературных кружков, ведь даже Горький приходил к нам не в постоянном блеске человеческой культуры, как привычное наше явление, а только изредка и вдруг огненной стрелой резал наше серое небо, а после этого становилось еще темнее. Но мы уже не могли забыть об огненной стреле и мучительно старались понять, что мы увидели в мгновенном ее сверкании. Одной из таких молний был и «Челкаш». Трудно сейчас восстановить и описать тогдашнее наше впечатление от «Челкаша». Но нам уже было ясно, что Максим Горький не просто писатель, который написал рассказ для нашего развлечения, пусть и больше: для нашего развития, как тогда любили говорить. Мы чувствовали, что Максим Горький искренней и горячей рукой лезет в нашу душу и выворачивает ее наизнанку. И оказывается, что изнанка нашей души вовсе уже не такая плохая. Ибо с лицевой стороны на нашей душе много накопилось той гадости, которая, как потом оказалось, была крайне необходима для мирного прозябания Российской империи.

Разве мы все не были обречены переживать нищенские идеалы Гаврилы, разве в нашей жизни были какие-нибудь пути, кроме путей приблизительно Гаврилиных? Как-нибудь, на «крепкий грош» пристроиться на обочине жизни, равнодушно «завести коровку» и еще более равнодушно вместе с этой коровкой перебиваться с хлеба на квас... и так всю жизнь, и детям своим с христианским долготерпением и прочими формами идиотизма готовить ту же участь. На этой обочине жизни кишмя кишело такими Гаврилами — их было десятки миллионов.

А самая дорога жизни была предоставлена господам. Они мелькали мимо нас в каретах и колясках, блистали богатством, красивыми платьями и красивыми чувствами, но в общем мы редко видели их, большей

частью видели только их лошадей, их кучеров, мелькающие спицы их экипажей да еще пыль, которую они поднимали. И жизни господ мы не знали, даже жизнь их лакеев и кучеров была для нас далекой, непонятной, «высшей» жизнью, такой же недоступной, как и та дорога, на обочинах которой мы копошились.

Мы привыкли к мысли, что обочина для нас неизбежна, что все проблемы жизни заключаются в том лишнем гроше, который нам удается заработать или выпросить. В общем, это была мерзкая жизнь, и наибольшей мерзостью в ней был конечно так называемый кусок хлеба. Это была та жизнь, которую мы научились по-настоящему ненавидеть только теперь, после Октября, несмотря даже на то, что «кусок хлеба» в первые годы революции часто бывал недоступной роскошью. Мы не умели ненавидеть и господ, мелькавших на дороге жизни, может быть, потому, что верили в их фатальную необходимость.

И вдруг на этой самой фешенебельной, прямой и гладкой дороге замаячил Челкаш. Его не стесняли никакие фатализмы, обычаи и правила, его не связывала никакая мода. «Он был в старых вытертых плисовых штанах, в грязной ситцевой рубахе с разорванным воротом, открывавшим его сухие и угловатые кости, обтянутые коричневой кожей».

И вот этот грязный оборванец, пьяница и вор обратился к нам с короткой речью и... назвал нашу жизнь гнусной. А когда мы швырнули в его голову камнем, он вывернул карманы и бросил нам все наворованные деньги, бросил потому, [что] презирал нас больше денег. И только тогда мы поняли, что наша жизнь действительно гнусная, что вся наша история сплошная мерзость и что пьяницы и воры имеют право называть нас нищими и высокомерно швырять нам наворованные деньги Челкаш прошел мимо нас в блеске неожиданной молнии, и мы знали, что это идет тот, кто носит задорное, гневное и уверенно близкое нам имя: Максим Горький.

Так началось новое мое сознание гражданина. Я не могу отделить его от имени Горького, и вместе со мной так чувствуют многие. На моих глазах задрожали вековые ночи Российской империи и неуверенно запутались вдруг старые испытанные человеческие пути.

И тот же чудесный бродяга, так мило показавший нам гнусность нашей жизни, тот же широконосый Максим Горький делался не только нашим укором, но и нашей радостью, когда весело и страстно сказал:

— Буря. Скоро грянет буря.

И буря действительно грянула. Российская история вдруг пошла вихрем, по-новому закопошились Гаврилы, и уже трудно стало различать, где дорога, а где обочина. Господские экипажи заспешили в разные стороны, заметались за ними волны пыли, а скоро к ним прибавились и дымные волны пожарищ. Тысячами встали новые люди, так мало похожие на Гаврил, и впереди них были великаны, каких еще не знала наша история. Ударил вдруг по нашей земле целым снопом раздирающих молний 1905 год. Очень много интересных вещей полетело вдруг к черту в этой грозе; полетели «обожаемые государи» и «верные наши подданые», могильный покой и затхлость многих медвежьих углов, графы Салиасы и князья Волконские. Как туман, начало расползаться и исчезать квалифицированное невежество Гаврил. Пыльный занавес дворянского вели-

колепия тоже заходил под ветром, и мы увидели, что есть большая человеческая культура и большая история. Мы уже не рылись в библиотечном шкафу, теперь новые книги каким-то чудом научились находить нас, настоящие новые книги, которые звали к борьбе и не боялись бури. И теперь уже близким и родным сделалось для нас по-прежнему задорное, но теперь еще и мудрое имя: Максим Горький.

Все это прошло в дни моей юности. Батько мой был человеком старого стиля, он учил меня на медные деньги, впрочем, других у него и не было. Учили меня книги, в этом деле таким надежным для многих людей сделался пример Максима Горького. в моем культурном и нравственном росте он определил все.

Горький вплотную подошел к нашему человеческому и гражданскому бытию Особенно после 1905 г. его деятельность, его книги и его удивительная жизнь сделались источником наших размышлений и работы над собой.

Ни с чем не сравнимым по своему значению стало «На дне». Я и теперь считаю это произведение величайшим из всего творческого богатства Горького, и меня не поколебали в этом убеждении известные недавние высказывания Алексея Максимовича о своей пьесе. То, что Лука врет и утешает, разуеется, не может служить образцом поведения для нашего времени, но ведь никто никогда Луку и не принимал как пример; сила этого образа вовсе не в нравственной его величине. Едва ли было бы убедительнее, если бы Лука излагал программу социал-демократов большевиков и призывал обитателей ночлежки... к чему, собственно говоря, можно было их призывать? Я продолжаю думать, что «На дне» — совершеннейшая пьеса нового времени во всей мировой литературе. Я воспринял ее как трагедию и до сих пор так ее ощущаю, хотя на сцене ее трагические моменты, вероятно по недоразумению, затушеваны. Лукавый старец Лука с его водянистым бальзамом именно потому, что он ласков и бессилен, страшным образом подчеркивает обреченность, безнадежность всего ночлежного мира и сознательно ощущает ужас этой безнадежности. Лука — образ высокого напряжения, выраженный в исключительной силе противоречия между его мудрым безжалостным знанием и его не менее мудрой жалостной ласковостью. Это противоречие трагическое и само по себе способно оправдать пьесу. Но в пьесе звучит и другая, более трагическая линия, линия разрыва между той же безжалостной обреченностью и душевной человеческой прелестью забытых «в обществе» людей. Великий талант Максима Горького сказался в этой пьесе в нескольких разрезах и везде одинаково великолепен. Он блещет буквально в каждом слове, каждое слово здесь — произведение большого искусства, каждое вызывает и мысль и эмоцию. Я вспоминаю руки Бубнова, руки, которые кажутся такими прекрасными в прошлом, когда они были грязными от работы, и такими жалкими теперь, когда они «просто грязные». Вспоминаю бессильный вопль Клеща: «Пристанища нету!» — и всегда ощущаю этот вопль как мой собственный протест против безобразного, преступного «общества». И то, что Горький показал ночлежку в полном уединении от прочего мира, у меня лично всегда вызывало представление как раз об этом «мире». Я всегда чувствовал за стенами ночлежки этот самый так называемый мир, слышал шум торговли, видел разряженных

бар, болтающих интеллигентов, видел их дворцы и «квартиры»... и тем больше ненавидел все это, чем меньше об этом «мире» говорили жители ночлежки...

Мой товарищ Орлов [2], народный учитель, с которым я был на спектакле, выходя из театра, сказал мне:

— Надо этого старичка уложить в постель, напоить чаем, укрыть хорошенько, пускай отдыхает, а самому пойти громить всю эту .. сволочь ..

— Какую сволочь? — спросил я.

— Да вот всех, кто за это отвечает.

«На дне» прежде всего вызывает мысль об ответственности, иначе говоря, мысль о революции. «Сволочи» ощущаются в пьесе как живые образы. Вероятно, для меня это яснее, чем для многих людей, потому что вся моя последующая жизнь была посвящена тем людям, которые в старом мире обязательно кончали бы в ночлежке. А в новом мире... здесь невозможно никакое сравнение. В новом мире лучшие деятели страны, за которыми идут миллионы, приезжают в коммуну им. Дзержинского, бывшие кандидаты в ночлежку показывают им производственные дворцы, пронизанные солнцем и счастьем спальни, гектары цветников и оранжереи, плутовато-дружески щурят глаза в улыбке и говорят:

— А знаете что, Павел Петрович? Мы эту хризантему вам в машину поставим, честное слово, поставим А только дома вы ее поливайте.

— Убирайтесь вы с вашей хризантемой, есть у меня время поливать ..

— Э, нет,— возмущается уже несколько голосов,— раз вы к нам приехали, так слушайтесь. Понимаете, дисциплина. .

Но так получается теперь, когда ответственность «общества» реализована в приговоре революции А тогда получалось иначе. Предреволюционное мещанство хотело видеть в пьесе только босяков, бытовую картину, транспарант для умиления и точку отправления для житейской мудрости и для молитвы: «Благодарю тебя, господи, что я не такой, как они». Самое слово «босяки» сделалось удобным щитом для закрывания глаз на истинную сущность горьковской трагедии, ибо в этом слове заключается некоторое целительное средство, в нем чувствуется осуждение и отграничение...

Максим Горький сделался для меня не только писателем, но и учителем жизни. А я был просто «народным учителем», и в моей работе нельзя было обойтись без Максима Горького. В железнодорожной школе, где я учительствовал, воздух был несравненно чище, чем в других местах; рабочее, настоящее пролетарское общество крепко держало школу в своих руках, и «Союз русского народа» боялся к ней приближаться. Из этой школы вышло много большевиков.

И для меня и для моих учеников Максим Горький был организатором марксистского мироощущения. Если понимание истории приходило к нам по другим путям, по путям большевистской пропаганды и революционных событий, по путям нашего бытия в особенности, то Горький учил нас ощущать эту историю, заражал нас ненавистью и страстью и еще большим уверенным оптимизмом, большой радостью требования: «Пусть сильнее грянет буря!»

Человеческий и писательский путь Горького был для нас еще и образцом поведения. В Горьком мы видели какие-то кусочки самих себя, может

быть, даже бессознательно мы видели в нем прорыв нашего брата в недоступную для нас до сих пор большую культуру. За ним нужно было броситься всем, чтобы закрепить и расширить победу. И многие бросились, и многие помогли Горькому...

Бросился, конечно, и я. Мне казалось некоторое время, что это можно сделать только в форме литературной работы. В 1914 г. я написал рассказ под названием «Глупый день» и послал Горькому. В рассказе я изобразил действительное событие. поп ревнует жену к учителю, и жена и учитель боятся попа, но попа заставляют служить молебен по случаю открытия «Союза русского народа», и после этого поп чувствует, что он потерял власть над женой, потерял право на ревность и молодая жена приобрела право относиться к нему с презрением. Горький прислал мне собственноручное письмо, которое я и теперь помню слово в слово:

«Рассказ интересен по теме, но написан слабо, драматизм переживаний попа неясен, не написан фон, а диалог неинтересен. Попробуйте написать что-нибудь другое.

М. Горький»

Меня мало утешило признание, что тема интересна. Я увидел, что и для писателя нужна большая техника, нужно что-то знать о фоне, нужно предъявлять какие-то требования к диалогу. И нужен еще талант; очевидно, с талантом у меня слабовато. Но сам Горький научил меня человеческой гордости, и я эту гордость пустил немедленно в дело. Я подумал, что можно, разумеется, «написать что-нибудь другое», но совершенно уже доказано, что ничего путного в этом другом заключаться не будет. Я без особого страдания отбросил писательские мечты, тем более что и свою учительскую деятельность ставил очень высоко. Бороться в прорыве на культурном фронте можно было и в роли учителя. Горький даже порадовал меня своей товарищеской прямотой, которой тоже ведь надо было учиться.

Учительская моя деятельность была более или менее удачна, а после Октября передо мной открылись невиданные перспективы. Мы, педагоги, тогда так опьянели от этих перспектив, что уже и себя не помнили, и, по правде сказать, много напутали в разных увлечениях. К счастью, в 20-м г. мне дали колонию для правонарушителей. Задача, стоявшая передо мной, была так трудна и так неотложна, что путать было некогда. Но и прямых нитей в моих руках не было. Старый опыт колоний малолетних преступников для меня не годился, нового опыта не было, книг тоже не было. Мое положение было очень тяжелым, почти безвыходным.

Я не мог найти никаких «научных» выходов. Я принужден был непосредственно обратиться к своим общим представлениям о человеке, а для меня это значило обратиться к Горькому. Мне, собственно говоря, не нужно было перечитывать его книг, я их хорошо знал, но снова перечитал все от начала до конца. И сейчас советую начинающему воспитателю читать книги Горького. Конечно, они не подскажут метода, не разрешат отдельных «текущих» вопросов, но они дадут большое знание о человеке в огромном диапазоне возможностей, и при этом дадут человека не натуралистического, не списанного с натуры, а человека в великолепном обобщении и, что особенно важно, в обобщении марксистском.

Горьковский человек всегда в обществе, всегда видны его корни, он прежде всего социален, и, если он страдает или несчастен, всегда можно сказать, кто в этом виноват. Но не эти страдания главное. Можно, пожалуй, утверждать, что горьковские герои неохотно страдают,— и для нас, педагогов, это чрезвычайно важно. Я затрудняюсь это объяснить подробно, для этого необходимо специальное исследование. В этом случае решающим является горьковский оптимизм. Ведь он оптимист не только в том смысле, что видит впереди счастливое человечество, не только потому, что в буре находит счастье, но еще и потому, что каждый человек у него хорош. Хорош не в моральном и не в социальном смысле, а в смысле красоты и силы. Даже герои враждебного лагеря, даже самые настоящие «враги» Горьким так показаны, что ясно видны их человеческие силы и лучшие человеческие потенциалы. Горький прекрасно доказал, что капиталистическое общество губительно не только для пролетариев, но и для людей других классов, оно губительно для всех, для всего человечества. В Артамоновых, в Вассе Железновой, в Фоме Гордееве, в Егоре Булычове ясно видны все проклятья капитализма и прекрасные человеческие характеры, развращенные и исковерканные в наживе, в несправедливом властвовании, в неоправданной социальной силе, в нетрудовом опыте.

Видеть хорошее в человеке всегда трудно. В живых будничных движениях людей, тем более в коллективе сколько-нибудь нездоровом, это хорошее видеть почти невозможно, оно слишком прикрыто мелкой повседневной борьбой, оно теряется в текущих конфликтах. Хорошее в человеке приходится всегда проектировать, и педагог это обязан делать. Он обязан подходить к человеку с оптимистической гипотезой, пусть даже и с некоторым риском ошибиться. И вот этому умению проектировать в человеке лучшее, более сильное, более интересное нужно учиться у Горького. Особенно важно, что у Горького это умение далеко не так просто реализуется. Горький умеет видеть в человеке положительные силы, но он никогда не умиляется перед ними, никогда не понижает своего требования к человеку и никогда не остановится перед самым суровым осуждением.

Такое отношение к человеку есть отношение марксистское. Наш социализм, такой еще молодой, лучше всего доказывает это. Уже не подлежит сомнению, что средний моральный и политический уровень гражданина Советского Союза несравненно выше уровня подданного царской России и выше уровня среднего западноевропейского человека... Не подлежит сомнению, что причины этих изменений лежат в самой структуре общества и его деятельности, тем более что какой-нибудь специальной педагогической техники, специальных приемов у нас не выработалось. Переход к советскому строю сопровождался категорическим перенесением внимания личности на вопросы широкого государственного значения . Примеров искать не нужно, достаточно вспомнить японскую агрессию или стахановское движение. Личность в Советском Союзе не растрачивает свои силы в будничных текущих столкновениях, и поэтому виднее ее лучшие человеческие черты. Суть в том, что легче и свободнее реализуются положительные человеческие потенциалы, которые раньше не реализовались. В этом величайшее значение нашей революции и величайшая заслуга Коммунистической партии.

Но сейчас все это понятно и очевидно, а тогда, в 1920 г., это знание у меня только начинало складываться, и, так как элементы социалистической педагогики еще не видны были в жизни, я находил их в мудрости и проникновенности Горького.

Я очень много передумал тогда над Горьким. Это раздумье только в редких случаях приводило меня к формулировкам, я ничего не записывал и ничего не определял. Я просто смотрел и видел.

Я видел, что в сочетании горьковского оптимизма и требовательности есть «мудрость жизни», я чувствовал, с какой страстью Горький находит в человеке героическое, и как он любуется скромностью человеческого героизма, и как вырастает по-новому героическое в человечестве... («Мать»). Я видел, как нетрудно человеку помочь, если подходить к нему без позы и «вплотную», и сколько трагедий рождается в жизни только потому, что «нет человека». Я, наконец, почти физически ощутил всю мерзость и гниль капиталистической накипи на людях.

Я обратился к своим первым воспитанникам и постарался посмотреть на них глазами Горького. Признаюсь откровенно, это мне не сразу удалось; я еще не умел обобщать живые движения, я еще не научился видеть в человеческом поведении основные оси и пружины. В своих поступках и действиях я еще не был «горьковцем», я был им только в своих стремлениях.

Но я уже добивался, чтобы моей колонии дали имя Горького, и добился этого. В этом моменте меня увлекала не только методика горьковского отношения к человеку, меня захватывала больше историческая параллель: революция поручила мне работу «на дне», и, естественно, вспоминалось «дно» Горького. Параллель эта, впрочем, ощущалась недолго. «Дно» принципиально было невозможно в Советской стране, и мои «горьковцы» очень скоро возымели настойчивое намерение не ограничиться простым всплытием наверх, их соблазняли вершины гор, из горьковских героев больше других импонировал им Сокол. Дна, конечно, не было, но остался личный пример Горького, осталось его «Детство», осталась глубокая пролетарская родственность великого писателя и бывших правонарушителей.

В 1925 г. мы написали первое письмо в Сорренто, написали с очень малой надеждой на ответ — мало ли Горькому пишут. Но Горький ответил немедленно, предложил ребятам свою помощь, просил передать ребятам· «Скажите, что они живут в дни великого исторического значения».

Началась регулярная наша переписка. Она продолжалась непрерывно до июля 1928 г., когда Горький приехал в Союз и немедленно посетил колонию.

За эти три года колония выросла в крепкий боевой коллектив, сильно повысилась и его культура, и его общественное значение. Успехи колонии живо радовали Алексея Максимовича. Письма колонистов регулярно отправлялись в Италию в огромных конвертах, потому что Горькому каждый отряд писал отдельно, у каждого отряда были особенные дела, а отрядов было до тридцати. В своих ответах Алексей Максимович касался многих деталей отрядных писем и писал мне: «Очень волнуют меня милые письма колонистов ..»

В это время колония добивалась перевода на новое место Алексей Максимович горячо отзывался на наши планы и всегда предлагал свою помощь. Мы от этой помощи отказывались, так как по-горьковски не хотели обращать Максима Горького в ходатая по нашим маленьким делам, да и колонистам необходимо было надеяться на силы своего коллектива. Наш переезд в Куряж был делом очень трудным и опасным, и Алексей Максимович вместе с нами радовался его благополучному завершению Я привожу полностью его письмо, написанное через 20 дней после «завоевания Куряжа»:

«Сердечно поздравляю Вас и прошу поздравить колонию с переездом на новое место.

Новых сил, душевной бодрости, веры в свое дело желаю всем вам!

Прекрасное дело делаете Вы, превосходные плоды должно дать оно.

Земля эта — поистине наша земля. Это мы сделали ее плодородной, мы украсили ее городами, избороздили дорогами, создали на ней всевозможные чудеса, мы, люди, в прошлом — ничтожные кусочки бесформенной и немой материи, затем — полузвери, а ныне — смелые зачинатели новой жизни.

Будьте здоровы и уважайте друг друга, не забывая, что в каждом человеке скрыта мудрая сила строителя и что нужно ей дать волю развиться и расцвести, чтобы она обогатила землю еще большими чудесами.

Привет. *М. Горький*»

Сорренто, 3.VI.26

Это письмо, как и многие другие письма этого периода, имело для меня как педагога совершенно особое значение. Оно поддерживало меня в неравной борьбе, которая к этому времени разгорелась по поводу метода колонии им. Горького. Эта борьба происходила не только в моей колонии, но здесь она была острее благодаря тому, что в моей работе наиболее ярко звучали противоречия между социально-педагогической и педологической точками зрения. Последняя выступала от имени марксизма, и нужно было много мужества, чтобы этому не верить, чтобы большому авторитету «признанной» науки противопоставить свой сравнительно узкий опыт. А так как опыт протекал в обстановке повседневной «каторги», то нелегко было проверить собственные синтезы. С присущей ему щедростью Горький подсказывал мне широкие социалистические обобщения. После его писем у меня удесятерялись и энергия и вера. Я уже не говорю о том, что письма эти, прочитанные колонистам, делали буквально чудеса, ведь не так просто человеку увидеть в себе самом «мудрые силы строителя»

Великий писатель Максим Горький становился в нашей колонии активным участником нашей борьбы, становился живым человеком в наши ряды. Только в это время я многое до конца понял и до конца сформулировал в своем педагогическом кредо. Но мое глубочайшее уважение и любовь к Горькому, моя тревога о его здоровье не позволяли мне решительно втянуть Алексея Максимовича в мою педагогическую возню с врагами. Я все больше и больше старался, чтобы эта возня по возмож-

ности проходила мимо его нервов. Алексей Максимович каким-то чудом заметил линию моего поведения по отношению к нему. В письме от 17 марта 1927 г. он писал:

«Это напрасно! Знали бы Вы, как мало считаются с этим многие мои корреспонденты и с какими просьбами обращаются ко мне! Один просил выслать ему в Харбин — в Маньчжурию — пианино, другой спрашивает, какая фабрика в Италии вырабатывает лучшие краски, спрашивают, водится ли в Тирренском море белуга, в какой срок вызревают апельсины и т. д. и т. д.».

И в письме от 9 мая 1928 г.:

«Позвольте дружески упрекнуть Вас: напрасно Вы не хотите научить меня, как и чем мог бы я Вам и колонии помочь. Вашу гордость борца за свое дело я также понимаю, очень понимаю! Но ведь дело это как-то связано со мною, и стыдно, неловко мне оставаться пассивным в те дни, когда оно требует помощи»...

Когда Алексей Максимович приехал в июле 1928 г. в колонию и прожил в ней три дня, когда уже был решен вопрос о моем уходе и, следовательно, и вопрос о «педологических» реформах в колонии, я не сказал об этом моему гостю. При нем приехал в колонию один из видных деятелей Наркомпроса и предложил мне сделать «минимальные» уступки в моей системе. Я познакомил его с Алексеем Максимовичем. Они мирно поговорили о ребятах, посидели за стаканом чаю, и посетитель уехал. Провожая его, я просил принять уверения, что никаких, даже минимальных, уступок быть не может.

Эти дни были самыми счастливыми днями и в моей жизни, и в жизни ребят... Я, между прочим, считал, что Алексей Максимович — гость колонистов, а не мой, поэтому постарался, чтобы его общение с колонистами было наиболее тесным и радужным. Но по вечерам, когда ребята отправлялись на покой, мне удавалось побывать с Алексеем Максимовичем в близкой беседе. Беседа касалась, разумеется, тем педагогических. Я был страшно рад, что все коллективные наши находки встретили полное одобрение Алексея Максимовича, в том числе и пресловутая «военизация», за которую еще и сейчас покусывают меня некоторые критики и в которой Алексей Максимович в два дня сумел разглядеть то, что в ней было: небольшую игру, эстетическое прибавление к трудовой жизни, жизни все-таки трудной и довольно бедной. Он понял, что это прибавление украшает жизнь колонистов, и не пожалел об этом.

Горький уехал, а на другой день я оставил колонию. Эта катастрофа для меня не была абсолютной. Я ушел, ощущая в своей душе теплоту моральной поддержки Алексея Максимовича, проверив до конца все свои установки, получив во всем его полное одобрение. Это одобрение было выражено не только в словах, но и в том душевном волнении, с которым Алексей Максимович наблюдал живую жизнь колонии, в том человеческом празднике, который я не мог ощущать иначе, как праздник нового, социалистического общества. И ведь Горький был не один. Мою беспризорную педагогику немедленно «подобрали» смелые и педологически неуязвимые чекисты и не только не дали ей погибнуть, но дали высказаться до конца, предоставив ей участие в блестящей организации коммуны им. Дзержинского.

В эти дни я начал свою «Педагогическую поэму». Я несмело сказал о своей литературной затее Алексею Максимовичу. Он деликатно одобрил мое начинание... Поэма была написана в 1928 г. и... пять лет пролежала в ящике стола, так я боялся представить ее на суд Максима Горького. Во-первых, я помнил свой «Глупый день» и «не написан фон», во-вторых, я не хотел превращаться в глазах Алексея Максимовича из порядочного педагога в неудачного писателя. За эти пять лет я написал небольшую книжонку о коммуне Дзержинского и... тоже побоялся послать ее своему великому другу, а послал в ГИХЛ. Она два с лишним года пролежала в редакции, и вдруг, даже неожиданно для меня, ее напечатали. Я не встретил ее ни в одном магазине, я не прочитал о ней ни одной строчки в журналах или газетах, я не видел ее в руках читателя, вообще эта книжонка как-то незаметно провалилась в небытие Поэтому я был несколько удивлен и обрадован, когда в декабре 1932 г. получил из Сорренто письмо, начинающееся так:

«Вчера прочитал Вашу книжку «Марш тридцатого года». Читал с волнением и радостью. .»

После этого Алексей Максимович уже не отпустил меня Еще около года я сопротивлялся и все боялся представить ему «Педагогическую поэму» — книгу о моей жизни, о моих ошибках и о моей маленькой борьбе. Но он настойчиво требовал:

«Поезжайте куда-нибудь в теплые места и пишите книгу. .»

В теплые места я не поехал — некогда было, но поддержка и настойчивость Алексея Максимовича преодолели мою трусость· осенью 1933 г я привез ему свою книгу — первую часть. Через день я получил полное одобрение, и книга была сдана в очередной номер альманаха «Год XVII». Все остальные части тоже прошли через руки Алексея Максимовича Второй частью он остался менее доволен, ругал меня за некоторые места и настойчиво требовал, чтобы все линии моих педагогических споров были выяснены до конца, а я все еще продолжал побаиваться педологов, даже это слово старался не употреблять в книге. Отправляя к нему в Крым третью часть, я даже просил его выбросить главу «У подошвы Олимпа», но он ответил коротко по этому вопросу:

«У подошвы Олимпа» нельзя исключить...»

Это уже было написано осенью 1935 г.

Так до самых последних дней Максим Горький оставался моим учителем; и как ни долго я учился у него, до последних дней у него было чему учиться. Его культурная и человеческая высота, его непримиримость в борьбе, его гениальное чутье ко всякой фальши, ко всему дешевому, мелкому, чуждому, карикатурному, его ненависть к старому миру... его любовь к человеку — «мудрому строителю жизни» — для многих миллионов живущих и будущих людей должны всегда быть неисчерпаемым образцом.

К сожалению, у нас еще нет настоящего анализа всего творческого богатства Максима Горького. Когда этот анализ будет произведен, человечество поразится глубиной и захватом горьковского исследования о человеке. Его имя будет поставлено в самом первом ряду великих писателей мира, тем более в первом, что он единственный, взявший тему

человека в момент его освобождения, в момент становления его человеком социалистическим.

Моя жизнь прошла под знаком Горького, и поэтому сейчас я по-настоящему первый раз в жизни ощущаю свою сиротливость. В этот момент утраты так особенно трагично переживается моя к нему великая и нежная благодарность. Я уже не могу ее высказать Алексею Максимовичу, тем более горячо и глубоко я благодарен нашей эпохе, нашей революции и нашей Коммунистической партии, создавшим Максима Горького, вынесшим его на ту высоту, без которой его голос не мог быть услышан в мире трудящихся и в мире врагов.

ДЕТИ В СТРАНЕ СОЦИАЛИЗМА

Я работал учителем начальной школы до революции и продолжаю работать с детьми по сей день. Великие перемены произошли за последние двадцать лет в жизни народа, населяющего территорию бывшей Российской империи. Когда начинаешь, в частности, изучать положение детей, то, естественно, возникает желание сравнить цифровые показатели прошлого и настоящего. Но разница между старым и новым так велика, что рассудок теряет способность постигать эти статистические сравнения. Если, например, мы скажем, что количество средних школ в сельских местностях за последние двадцать лет возросло на 19 000 процентов — девятнадцать тысяч!,— то такое статистическое сравнение превосходит возможности нашей фантазии.

Всему миру известно, что царский режим создавал каторгу для маленьких детей. Если в культурном отношении наша страна тогда отставала от других стран, то в отношении детской смертности она не имела себе равных. Причинами этой большой смертности были низкий жизненный уровень подавляющего большинства населения, жестокая эксплуатация рабочих в городах, страшная бедность крестьян в сельских местностях и использование малолетних на непосильной для них работе.

Положение резко изменилось в настоящее время По сравнению с 1913 г. национальный доход Советского Союза возрос в пять раз. В результате ликвидации эксплуататорских классов весь национальный доход стал достоянием народа, уровень жизни которого повышается из года в год. Несмотря на огромный рост промышленного производства и большой спрос на рабочую силу, советский закон запрещает использование труда детей моложе 14 лет В шахтах и на других вредных для здоровья производствах он запрещает также труд подростков моложе 17 лет. Дети в возрасте от 14 до 16 лет допускаются к работе только с разрешения инспектора труда. Они работают четыре часа в день под руководством опытных инструкторов. Вот почему вы никогда не увидите советского подростка, даже в малейшей степени страдающего от усталости. Вы никогда не увидите детей, заморенных непосильным трудом.

Это, конечно, не значит, что в Советском Союзе дети воспитываются безответственными людьми и лодырями. Наоборот, мы предъявляем большие требования нашим детям: мы требуем, чтобы они хорошо учились в школе, мы требуем, чтобы они развивались физически, чтобы они вы-

растали достойными гражданами СССР, чтобы они знали, что происходит в стране, к чему стремится наше общество, в каких областях жизни преуспевает, а в каких еще отстает. Мы даем детям общее и политическое развитие, помогаем им стать активными и сознательно дисциплинированными людьми. Но у нас нет ни малейшей причины применять к иим физическое наказание или причинять им малейшее страдание. Наши дети, чувствуя, какой любовью, вниманием и заботой мы окружаем их на каждом шагу, осознают свои обязанности и, морально убежденные, выполняют эти обязанности, не томясь, а охотно.

Наши дети видят: все, что они делают, необходимо не для удовольствия старших, а для них самих и для всей будущности нашей Родины Советским детям чуждо всякое чувство лести и угодливости Им не приходится унижаться перед начальством, от которого зависит их судьба.

В нашей стране чувство зависимости от другого лица, от хозяина, наиимателя, мастера, чуждо не только детям, но и взрослым — оно у нас давно забыто, отошло в прошлое. Наши дети лучше, чем кто-либо другой, чувствуют свежесть воздуха своего социалистического Отечества. Вот почему они могут свободно учиться, развиваться и готовиться к будущему. Вот почему они уверены в своем будущем, любят свою Родину и стремятся стать достойными гражданами, патриотами СССР.

На примере своих родителей и всех окружающих они видят, что перед ними открыто любое поприще, все пути, что успех целиком зависит от их прилежания и честного усердия в школьных занятиях.

Перед советскими юношами и девушками, кончающими начальную или среднюю школу, открыто столько путей, сколько есть профессий и специальностей, они имеют право и возможность выбрать любую из них. Не существует никаких непреодолимых трудностей, которые препятствовали бы их выбору. Юноши и девушки, желающие поступить в вуз, знают, что они могут поехать в другой город, если нужно, не беспокоясь о жилье и питании, так как каждый вуз имеет общежития, и каждый студент имеет право на стипендию от государства, независимо от того, есть у него родители или нет.

Однако свобода — не единственное достижение, каким пользуются наши дети благодаря условиям, присущим советскому общественному строю. Эти условия стимулируют целеустремленную работу в школе и дают уверенность в будущем.

Уже в первые годы Советской власти Рабоче-Крестьянское правительство мужественно взяло на себя заботу о миллионах беспризорных, появившихся в результате первой мировой войны 1914 г. и вооруженной интервенции 1918—1921 гг. Это бремя молодое Советское государство взяло на себя в тот период, когда оно вело войну на всех рубежах и боролось с экономической разрухой и голодом, охватившим большие районы. Несмотря на все это, Советское правительство уделяло большое внимание детям. В нашей стране было много бездомных беспризорных детей, которые лишились родителей, не имели родственников или опекунов,— детей, шатающихся по улицам городов и деревень

Но и эти дети выросли квалифицированными рабочими и хорошими гражданами. Советское общество не только дало каждому из них кров и пропитание, но и обучило их и подготовило к честной трудовой жизни.

Много лет прошло уже с тех пор, как наша страна покончила с бродяжничанием детей. На наших фабриках и в учреждениях вы часто встретите бывших беспризорных, которые в настоящее время занимают ответственные посты и пользуются уважением своих сотрудников и всего общества.

История борьбы с бродяжничанием детей, которое вызвало столько злорадства и клеветы со стороны наших врагов, доказала, что советское общество не жалеет усилий и средств для благополучия детей и делает это, не унижая ребенка, а соблюдая полное уважение к его личности. Только этим можно объяснить тот замечательный факт, что, несмотря на большие трудности, какие иногда возникали в процессе нашей борьбы на этом фронте, Советское правительство ни разу не прибегло к помощи физических наказаний или детской тюрьмы. Оно предпочитало полагаться на обучение и выбор труда по склонности, этим помогая беспризорным стать достойными гражданами своей страны.

Однако борьба по ликвидации детской беспризорности составляет только небольшую часть той огромной работы с детьми, которую советское общество провело в течение 21 года. Подавляющее большинство населения России в царское время было безграмотным. Считалось само собой разумеющимся, что правящие классы и государственная власть не проявляют никакой заботы о народе, тем более о детях. Детские площадки, детские сады, ясли были неизвестны широкому большинству народа даже по наименованию. Советское общество должно было создавать все это буквально из ничего.

В настоящее время даже в самых отдаленных районах Советского Союза население на своем собственном опыте видит, что первейшей заботой социалистического государства рабочих и крестьян является воспитание детей Построены тысячи школ, созданы алфавиты языков многих народностей, появились новые писатели, подготовлены новые кадры учителей для обучения тех народов, которые до революции не имели письменности и часто не знали даже назначения бумаги. Ясли, детские сады, детские клубы сделались необходимыми элементами советской жизни, и никто в СССР не может себе представить жизни без этих учреждений.

Ко второму пятилетнему плану (1933—1937) для детей было построено 864 Дворца и клуба, 170 детских парков и скверов, 174 детских театра и кино, 760 центров для технического и художественного образования детей. Эти центры посещают более 10 миллионов детей. С 1933 по 1938 г. было построено 20 607 новых школ. В СССР уже введено всеобщее начальное обучение, а по третьему пятилетнему плану (1938—1942) будет введено всеобщее среднее обучение в городах и всеобщее семилетнее обучение в сельских местностях. Эти цифры показывают, какие большие усилия прилагаются, чтобы дать советским детям счастье и цель в жизни.

Поразительным примером являются детские лагеря и разные мероприятия по организации отдыха детей в летние каникулы. По окончании учебного года большинство детей направляется на отдых за город. Детские лагеря организуются государством, профессиональными союзами и промышленными предприятиями. Каждый завод и каждое учреждение в СССР имеют для этого соответствующие возможности и ассигнования. Лагеря организуются в окрестностях каждого города; особенно их много в южных районах Советского Союза — в Крыму и на Кавказе. В 1939 г.

в летних лагерях будет отдыхать 1 400 000 детей. Кроме лагерей стационарного типа существуют и подвижные лагеря.

Я сам, например, со своей детской коммуной совершил семь больших походов по СССР. Располагая палатками, лагерным оборудованием и продуктами, моя коммуна покрыла тысячи километров по железной дороге, по воде и пешком. Мы совершили походы в Крым и на Кавказ, на берег Азовского моря, прошли через Донбасс. Мы плавали по Черному морю и по Волге. Мы разбили свои палатки в Сочи, Ялте, Севастополе и на берегу Донца. Всюду нас тепло принимало местное население, люди показывали нам свои заводы, детские учреждения, клубы. Нет лучшего метода развития и образования молодежи, как эти летние походы

По окончании обучения в средней школе советские юноши и девушки не только приобрели знания, но и обогатили себя впечатлениями от встреч с людьми, от знакомств с их трудом и психологией.

Но и в зимнее время развитие советских детей не ограничивается стенами школы. После занятий в школе они идут в пионерские клубы, которые с каждым годом совершенствуются и превращаются в первоклассные детские учреждения исследовательского типа, центры художественного воспитания детей. Здесь каждый школьник может получить консультацию и найти полезное занятие, если в нем жива искра любознательности и самобытности.

У советских детей удивительная тяга к механике. Среди детей в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет почти невозможно найти кого-либо, кто не заинтересовался бы вопросами техники или не был бы знаком с основными законами наиболее простых машин. Этот жадный интерес к механике и технике удовлетворяют не только клубы, специально организованные для этой цели, но и большое количество технических журналов и книг для детей. Эти ценные пособия служат подготовке технических кадров для молодой промышленности СССР.

В армии и на флоте, в искусстве, литературе и политике молодое советское поколение доказывает на каждом шагу, что внимание, которое уделяется детям в СССР с самого раннего возраста, дает уже богатые плоды.

ЗАЯВЛЕНИЕ В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОРГАНИЗАТОРОВ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Прошу зачислить меня студентом на основное отделение института.

Я родился в 1888 г., сын железнодорожного рабочего. После окончания двухгодичных педагогических курсов в 1905 г был народным учителем. В 1914 г. поступил в Полтавский учительский институт, который и окончил в 1917 г. с золотой медалью В 1917—1919 гг. был заведующим большой железнодорожной школой при Крюковских вагонных мастерских (до 1000 учащихся) Приход деникинцев и разрушение ими школы и ее отдельных трудовых организаций заставили меня в августе 1919 г. переехать в Полтаву. В 1920 г. Полтавским губнаробразом мне было

поручено дело организации и управления колонией для малолетних (несовершеннолетних) правонарушителей.

Два года, проведенные мною в колонии в обществе 5 воспитателей с 80 воспитанниками, среди большого соснового леса, дали мне возможность при самой тяжелой обстановке создать одно из интереснейших учреждений.

В настоящее время колония процветает, но мне бы хотелось огромный опыт двух лет, вызвавший множество вопросов, обработать научным образом. Занятый ежедневно по 16 часов, вдали от научных центров, я не имею возможности сделать это, оставаясь в колонии. Как видно из прилагаемых документов, мне делают очень лестные предложения, но только педагогическая научная работа в Москве представляется мне заслуживающей того, чтобы оставить колонию.

К сожалению, я не хочу подвергать себя риску коллоквиума. Я не знаю, в чем он будет состоять, но напряженная работа последних лет, естественно, не давала мне возможности регулярно восстанавливать в памяти то, что забывается в различных отраслях знания, тем более что на мою долю выпало очень мало непосредственной классной работы в школе по некоторым предметам. Поэтому очень возможно, что на многие вопросы приемной комиссии, касающиеся формальных сторон знания, я не отвечу. Возвратиться же из Москвы ни с чем будет чересчур тяжело: я имею в виду не только самолюбие, но и нужную мне на будущее, хотя бы в той же колонии, энергию. Кроме того, я не обладаю средствами для такой поездки. Поэтому я прошу комиссию принять меня без устного коллоквиума. Для того же, чтобы комиссия имела представление о моей подготовке, посылаю краткое изложение «Вместо коллоквиума».

В качестве удостоверений о моих админ. и организ. способностях, как требуется (Известия ВЦИКа, № 186), прилагаю

1. Удостоверение Полтавского губнаробраза от 24/VIII.
2. Приглашение завдоротделом Южн. д. т. Греся 24/VI.
3. Приглашение месткома и цеховых старост Крюков. вагон. мастерских 4/VII.
4. Вырезку из полтавской газеты «Голос труда» от 15/VII.

Как родившийся в 1888 г. учетной карточки не представляю. Документы об образовании находятся в Харькове и будут доставлены в случае поступления.

Антон Макаренко

В случае принятия меня в институт, прошу сообщить: **Полтава, до востребования. Антону Семеновичу Макаренко.** По тому же адресу, в случае отказа, прошу выслать документы. Марки на ответ прилагаю.

К заявлению А. Макаренко

Вместо коллоквиума

В области предметных дисциплин систематические знания получил я в Учительском институте.

Математикой никогда особенно не интересовался, поэтому арифметика, геометрия, алгебра, тригонометрия и физика мне знакомы только в пределах курса дореволюционного Учительского института. К настоящему дню из тригонометрии помню только общие основания, забыл многие теоремы алгебры и законы физики, с логарифмированием сейчас, пожалуй, не справлюсь.

Природовение. Разумеется, совершенно свободно себя чувствую в области физиологии животных и растений. Анатомические знания слабы. Забыл многие частности из геологии. Астрономию знаю хорошо и занимаюсь практически в Полтавском музее. Впрочем, знания по астрономии и космографии у меня продукт увлечений юношества.

Солидные знания имею в общей биологии. Несколько раз прочитывал всего Дарвина, знаю труды Шмидта и Тимирязева, знаком с новейшими [проявлениями] дарвинизма. Читал Мечникова и кое-что другое.

Химию практически не знаю, забыл многие реакции, но общие положения и новейшая философия химии мне хорошо известны. Читал Менделеева, Морозова, Рамзая. Интересуюсь радиоактивностью.

Географию знаю прекрасно, в особенности промышленную жизнь мира и сравнительную географию. Свободно чувствую себя в области экономической политики, знаком с ее историей и зародышами будущих форм. Все это, разумеется, не из учебников. Очень интересуюсь Австралией и Новой Зеландией.

История — мой любимый предмет. Почти на память знаю Ключевского и Покровского. Несколько раз прочитывал Соловьева Хорошо знаком с монографиями Костомарова и Павлова-Сильванского. Нерусскую историю знаю по трудам Виппера, Аландского, Петрушевского, Кареева. Вообще говоря, вся литература по истории, имеющаяся на русском языке, мне известна. Специально интересуюсь феодализмом во всех его исторических и социологических проявлениях Прекрасно знаком с эпохой Великой французской революции. Гомеровскую Грецию знаю после штудирования Илиады и Одиссеи.

По социологии кроме социологических этюдов указанных исторических писателей знаком со специальными трудами Спенсера, М. Ковалевского и Денграфа, а также с Ф-де Куланжем и де Роберти. Из социологии лучше всего известны исследования о происхождении религии, о феодализме.

В области политической экономии и истории социализма штудировал Туган-Барановского и Железнова. Маркса читал отдельные сочинения, но «Капитал» не читал, кроме как в изложении. Знаком хорошо с трудами Михайловского, Лафарга, Маслова, Ленина..

Логику знаю очень хорошо по Челпанову, Минто и Троицкому.

Читал все, что имеется на русском языке, по психологии. В колонии сам организовал кабинет психологических наблюдений и эксперимента, но глубоко убежден в том, что науку психологию нужно создавать сначала.

Самым ценным, что было до сих пор сделано в психологии, считаю работы Петражицкого. Читал многие его сочинения, но «Очерки теории права» не удалось прочесть.

Индивидуальную психологию считаю не существующей — в этом больше всего убедила меня судьба нашего Лазурского. Независимо от вышеизложенного, люблю психологию, считаю, что ей принадлежит будущее.

С философией знаком очень несистематично. Читал Локка, «Критику чистого разума» [Канта], Шопенгауэра, Штирнера, Ницше и Бергсона. Из русских очень добросовестно изучил Соловьева. О Гегеле знаю по изложениям.

Люблю изящную литературу. Больше всего почитаю Шекспира, Пушкина, Достоевского, Гамсуна. Чувствую огромную силу Толстого, но не люблю, терпеть не могу Диккенса. Из новейшей литературы знаю и понимаю Горького и Ал. Н. Толстого. В области литературных образов много приходилось думать, и поэтому мне удалось самостоятельно установить их оценку и произвести сопоставление. В Полтаве пришлось довольно удачно поработать над составлением вопросника к отдельным произведениям литературы. Я думаю, что обладаю способностями (небольшими) литературного критика.

О своей специальной области — педагогике много читал и много думал. В Учительском институте золотую медаль получил за большое сочинение «Кризис современной педагогики», над которым работал 6 месяцев.

Основными проблемами педагогической науки считаю:

1. Создание научного метода педагогического исследования. В настоящее время считается азбукой, что объектом педагогического исследования является ребенок. Мне это кажется неверным. Объектом иследования со стороны научной педагогики должен считаться педагогический факт (явление).

2. Усиление внимания к детскому коллективу как к органическому целому, для этого необходима перестройка всей психологии школьного работника.

3. Полное отрешение от мысли, что для хорошей школы нужны прежде всего хорошие методы в стенах класса. Для хорошей школы прежде всего нужна научно организованная система всех влияний.

4. Психология должна сделаться не основанием педагогики, а продолжением ее в процессе реализации педагогического закона.

5. Русская трудовая школа должна совершенно заново перестроиться, так как в настоящее время она по идее буржуазна. Основанием русской школы должна сделаться не труд-работа, а труд-забота. Только организация школы как хозяйства сделает ее социалистической.

А. С. Макаренко

О ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВЕ

Хочется найти какие-то особенно выразительные слова, чтобы правильно оценить наши замечательно яркие дни. Трудно это сделать. Может быть, для этого нужно было бы выключить какие-то грандиозные рубильники, чтобы потухли и забылись все злобы наших дней, чтобы можно было стать на широких мировых площадях... слушать новые человеческие гимны.

Но жизнь несется вперед вместе с нами, и в музыке и грохоте ее движения мы слышим слова Конституции Будущие люди позавидуют нам, в этом соединении жизни и революции они увидят все величие, всю красоту и мощь нашего замечательного времени

А я завидую будущим людям, я завидую даже тому школьнику, который в каком-нибудь 2436 году будет читать первые страницы учебника истории...

Я завидую этому школьнику потому, что его детские глаза лучше моих увидят настоящее величие наших дней: для этого школьника десятки поколений ученых, сотни светлых умов освобожденного человечества раскроют и назовут самые глубокие правды, таящиеся в простых словах Основного закона СССР. <.. >

Мы смотрим на Кремль и видим не только основной закон нашего государства, не только названные и подытоженные наши победы, но и сияние новой человеческой философии, тем более ослепительное, что в нем горят не огни человеческой мечты, не призывы к счастью, а строгие чертежи реальности, простые и убедительные линии, непривычно для философии называемые фактами.

Да, мы сейчас больше думаем о счастье, чем когда бы то ни было в истории. Эта тема реально придвинулась к нам, она стала нашей деловой темой — тема о счастье всех людей, тема о человеке, о личности, об обществе. Мы должны быть философами. <...> Тема о счастье стала близкой и родной темой. А сколько десятков веков люди искали счастья, сколько мудрецов положили головы на путях к нему, какие страшные жертвы принесло ему человечество?!

Теперь, при свете Конституции, вдруг стало ясно видно, что такое счастье. Оказывается, это вовсе не трансцендентная категория [1]. Оно легко поддается почти математической формулировке... Оно разрешается в простом сочетании двух величин — личность и общество.

Трудно описать ту безобразную кучу заблуждений, глупости, вранья, мошенничества и сумасбродства, которая до наших дней прикрывалась истрепанной занавеской с надписью «Проблема общества и личности».

Каких трюков, каких фокусов, каких затей не показывали нам из-за этой занавески? И любовь к ближнему, и любовь к дальнему, и сверхчеловеку, и «человека-зверя», и «не противься злому», и «скашивай на нет», и даже «спасайся, кто может!» [2]

Веками мы глазели на это представление, а многие из нас даже веровали. Великаны человечества — Толстой, Достоевский, Гоголь, Верхарн — расшибали себе лбы возле этого балагана.

А ведь существовала только занавеска, в сущности, был только балаган, в котором скрывался вековой обман идеологов эксплуататорского общества. Слова Конституции, как прожектором, осветили это место, и мы увидели бутафорию Так понятно стало. проблема личности может быть разрешена, если в каждом человеке видеть личность Если личность проектируется только в некоторых людях по какому-либо специальному выбору, нет проблемы личности. . Какая проблема личности может быть у каннибалов? Можно ли в таком случае сказать: одна личность съела другую личность? Проблема личности в условиях взаимного поедания звучит весьма трагикомично. А разве лучше с проблемой общества? Те

общественные представления, которые такими обычными и будничными стали у нас, просто не подходят, не вяжутся в условиях мира каннибальского. Попробуйте в любом советском окружении сказать неожиданно: коллектив заводов Круппа. Даже не искушенный в социологии советский гражданин услышит нечто дикое в сопоставлении слов «коллектив» и «Крупп». Мы уже хорошо знаем, что такое коллектив. Это, конечно, не «собрание индивидов, одинаково реагирующих на те или иные раздражители», как учили некоторые чудаки, близко стоящие к недавно скончавшейся педологии. Коллектив — это свободная группа трудящихся, объединенных единой целью, единым действием, организованная, снабженная органами управления, дисциплины и ответственности. Коллектив — это социальный организм в здоровом человеческом обществе[3]. Такой организм невозможно представить в мешанине буржуазного мира. Тем более невозможно представить себе «общество» в нашем понимании этого термина. Кое-как мы еще справляемся с такими представлениями, о которых слышим из-за границы «двор», «свет», «аристократия», «высшие круги», «средние круги», «низшие круги», «простонародье», «чернь». К какому из этих подразделений можно присоединить термин «общество»? В каких комических ансамблях, в каких шутках можно смешать все эти элементы и назвать эту взрывчатую смесь обществом? И тем более, в порядке какого легкомысленного чудачества можно мечтать о счастье для такого «общества» в целом?

А ведь все-таки мечтают люди и на Западе. Мечтают о счастье, говорят о нем и обещают его приготовить в ближайшее время. Даже Генри Форд однажды занялся этим делом, у него это вышло не очень глупо. В одной из своих книг он сказал приблизительно так: при помощи законодательства нельзя принести человечеству счастье; его принесет конструктивное творчество...

Разумеется, мистер Форд швырнул камень в наш огород. Нашу революцию он назвал законодательством, безнадежной попыткой принести счастье людям. Счастье принесет, мол, сам Форд, «замечательный» конструктор на своих собственных «замечательных» заводах. В первую очередь счастье получат, конечно, не рабочие заводов Форда, а покупатели его автомобилей. Автомобиль — это счастье.

Из творчества мистера Форда, однако, ничего путного не вышло. Во время кризиса тысячи личностей разъезжали на прекрасных машинах по прекрасным дорогам и выпрашивали милостыню у других личностей. Автомобиль, даже самый лучший, не принес никому счастья, кроме самого Форда и немногих ему подобных.

Несмотря на эту печальную неудачу, необходимо признать, что мистер Форд был недалек от истины. «Конструктивное творчество» принесло счастье людям. Но это творчество называется революцией и строительством социализма.

В каждой строчке нашей Конституции мы видим работу гениального конструктора, и объектом этого творчества было общество без кавычек. При помощи одного законодательства его невозможно было создать. Можно издать закон, запрещающий безработицу, но только невиданный размах гения может создать в стране такие условия, при которых десятки миллионов трудящихся обязательно получат работу, а безработица будет

навеки уничтожена. Право на отдых не может быть создано законом, если «конструктивно» не созданы сотни и тысячи здравниц.

Конституция — единственный в мировой истории документ, имеющий характер исторического паспорта величайшего создания — нового человеческого общества.

И только с появлением этого общества стало возможно говорить о решении проблемы «общество и личность». Эта проблема решена не в горячей проповеди, не в призывах, не в порядке постановки принципов, а исключительно в процессе грандиозной революционной творческой работы, создавшей конструкцию, продуманную до мелочей и сделанную с точностью до мельчайших величин.

И это общество — настолько новое, настолько принципиально новое явление, что совершенно невозможно никакое сравнение его с буржуазным миром. Детали этого явления недоступны для западных мудрецов, ибо этих деталей никогда не было в их жалком опыте.

К примеру возьмем вопрос о единой и единственной у нас Коммунистической партии. Для нас это так убедительно и просто: только единая партия большевиков, передовой отряд рабочего класса и всех трудящихся, способна к наиболее яркому, эффективному и экономному социалистическому творчеству. Она гениально задумана, гениально организована, счастливо соответствует всей структуре общества.

Западным мудрецам трудно понять такие вещи. Человек, ездивший в своей жизни только на возу, с таким же трудом поймет, как это автомобиль обходится без квача и мазницы. Та сложная смесь лжи, интриги и взаимного поедания, которой смазываются колеса буржуазной демократической телеги, чтобы не слышно было раздирающего скрипа, и которая иронически называется свободой, в нашем обществе не нужна и не может иметь места.

Наше воодушевленное доверие к партии, наш экономический строй создают невиданную еще свободу личности, но это не та свобода, о которой болтают на Западе. Есть «свобода» и свобода. Есть свобода кочевника в степи, свобода умирающего в пустыне, свобода пьяного хулигана в заброшенной деревне и есть свобода гражданина совершенного общества, точно знающего свои пути и пути встречные.

Мы, естественно, предпочитаем последний тип свободы. Ибо коллизия «личность и общество» у нас разрешается не только в свободе, но и в дисциплине.

Как раз дисциплина отличает общество от анархии, как раз дисциплина определяет свободу. «Кто не работает, тот не ест». Эта простая и короткая строчка отражает строгую и крепкую систему социалистической общественной дисциплины, без которой не может быть общества и не может быть свободы личности.

Проблему «общество и личность» буржуазные идеологи связывают с амплитудой колебания личного поступка. Старые законы этого колебания были уже потому порочны, что они были нереальны. Величина колебания в буржуазных конституциях устанавливается для личности, мыслимой идеально, вырванной из общества, абстрагированной. Для такой личности ничто не мешало установить очень широкую амплитуду колебания в области поступка: свобода «употреблять и злоупотреблять»,

свобода трудиться или лежать на боку, свобода пировать или умереть с голоду, свобода жить в лачуге или во дворце. Ничего не жалко, все можно разрешить личности — действительно широчайшие «просторы». Но все это для абстрактной личности. Настоящая, живая, реальная личность, живущая под ярмом буржуазного «общества», в подавляющем большинстве случаев имела очень маленькую и жалкую амплитуду поступка: от страха голодной смерти, с одной стороны, до бессильного гнева — с другой.

В нашем обществе обозначены пределы, дальше которых не может размахнуться личность, какой бы гомерической жадностью она ни обладала. Недра, поля, леса в личную собственность? Нельзя! Они принадлежат всему народу... Ничего не делать? Нельзя! «Кто не работает, тот не ест».. Для эксплуататора, для какого-нибудь такого «сверхчеловека» действительно скучно, податься некуда! Зато для реального, живого гражданина нашей страны, для трудящегося амплитуда колебаний поступка очень велика: от радостного, сознательного, творческого труда в полном единстве с трудом других людей, с одной стороны, до полнокровного, жизненного счастья, не отравленного никакой обособленностью, никакими муками совести,— с другой.

Личность и общество в Советском Союзе потому счастливы, что их отношения сконструированы с гениальным разумом, с высочайшей честностью, с великолепной точностью. И хотя в нашей Конституции нигде не стоит слово «любовь», но за всю историю людей в ней впервые реально поставлено слово «Человек».

ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. С. МАКАРЕНКО С А. М. ГОРЬКИМ

Полтава, Колония им. М. Горького.
8 июля 1925 г.

Дорогой Алексей Максимович!

<...> Выбирая Вас своим шефом, мы руководствовались не простым желанием носить имя известного всему миру лица, а какой-то глубокой родственностью между Вами и нами. Эту родственность мы видим и чувствуем не только в том, что и Ваше детство подобно детству наших ребят, и не только в том, что многие типы в Ваших произведениях — это наши типы, но больше всего в том, что Ваша исключительная вера в человека, нечто единственное во всей всемирной литературе, помогает и нам верить в него. Без такой веры мы не могли бы 5 лет работать без отдыха в колонии. Теперь эта вера стала и верой наших хлопцев, она создает в нашей колонии здоровый, веселый и дружный тон, которому удивляются все, кто у нас бывает. Когда меня спрашивают, какое главное доказательство успешности нашей работы, я указываю: наши мальчики, присланные к нам принудительно, по постановлению судебных органов, носящие позорное клеймо правонарушителя, через несколько месяцев уже гордятся тем, что они колонисты да еще горьковцы. Я бы сказал — пожалуй, че-

ресчур гордятся, задирают носы, важничают и на всех остальных людей смотрят несколько свысока. Всякий воспитанник, пробывший в колонии один год, также и каждый служащий получают от педагогического совета почетное звание колониста. <...>

Наш день — это строгий до минуты трудовой комплекс. Но почему то он у нас всегда проходит со смехом и шутками. Особенно оживляемся мы в дни великих праздников. Между ними мы имеем наши собственные праздники: День первого снопа, когда мы первый раз выезжаем в поле с жнейками, и День первого хлеба, когда выпекается первый хлеб из собственного зерна. На эти праздники к нам приезжает много гостей из села, Полтавы и Харькова. Зато 26 марта[1], в день Вашего рождения, мы не приглашаем никого. Нам всем это страшно нравится. Колония вся украшается флагами и зеленью (сосны у нас свои). В столовой белоснежные скатерти, все в праздничных костюмах, но ни одного чужого человека. Ровно в 12 часов к Вашему портрету торжественно выносится знамя, и вся колония до единого человека усаживается за столы Всегда в этот день у нас печется именинный пирог. Произносятся короткие, но горячие и душевные речи. В этот день мы ежегодно повторяем:

— Пусть каждый колонист докажет, что он достоин носить имя Горького.

Обед заканчивается множеством сладостей — это единственный день, когда мы позволяем себе некоторую роскошь.

Знамя у Вашего портрета стоит до вечера, и возле него меняется почетный караул из воспитанников и воспитателей. На меня, как заведующего, возложена особая честь — нести караул последнему.

Вот и все. Но как раз простота и немногословие делают этот праздник особенно прекрасным. Наши хлопцы, если припоминают что-нибудь, то обыкновенно говорят: «Это было до именин» или «после именин».

Вечером в театре мы все эти 4 года ставим «На дне» Говорят, что хорошо выходит. Пьесу мы знаем почти на память. <...>

А. Макаренко.

Дорогой Алексей Максимович!

<...> Наш педагогический коллектив до сих пор одинок в вопросе о значении деликатности по отношению к нашим воспитанникам. С самого начала мы поставили себе твердым правилом не интересоваться прошлым наших ребят. С точки зрения так называемой педагогики это абсурд: нужно якобы обязательно разобрать по косточкам все похождения мальчика, выудить и назвать все его «преступные» наклонности, добраться до отца с матерью — короче говоря, вывернуть наизнанку всю ту яму, в которой копошился и погибал ребенок. А собравши все эти замечательные сведения, по всем правилам науки строить нового человека.

Все это ведь глупости: никаких правил науки просто нет, а длительная вивисекция над живым человеком обратит его в безобразный труп. Мы стали на иную точку зрения. Сперва нам нужно было употреблять некоторые усилия, чтобы игнорировать преступления юноши, но потом мы так к этому привыкли, что в настоящее время самым искренним образом не интересуемся прошлым. Мне удалось добиться того, что нам даже дел и

характеристик не присылают: прислали к нам хлопца, а что он там натворил: украл или ограбил,— просто никому не интересно. Это привело к поразительному эффекту. Давно уже у нас вывелись разговоры между хлопцами об их уголовных подвигах, всякий новый колонист со стороны всех встречает только один интерес: какой ты товарищ, хозяин, работник? Пафос устремления к будущему совершенно покрыл все отражения ушедших бед. <...>

Мы с большим трудом сбросили с себя официальное название «Колония для несовершеннолетних правонарушителей». Но сбросили для себя только Иногда хорошие люди пишут о нас статьи в газетах и журналах, статьи хвалебные, но их приходится прятать от хлопцев, потому что начинаются они так (по-украински): «Вчора в колонії малолітніх злочинців...»

Даже не правонарушителей, а «злочинців». Убийц и мошенников, когда они сидят в тюрьме, называют «заключенными», т. е. определяют их внешнее положение, а детей почему-то «правонарушителями», т. е. пытаются определить их сущность.

Мы поэтому особенно крепко привязываемся к тем людям, которые к нам относятся, как к обыкновенным людям, которые просто разговаривают с нами, не опасаясь за свой карман. И с особенной злостью мы находим утерянные кошельки и забытые портфели и галантно вручаем владельцам...

Я сам не понимаю хорошо, почему в представлении наших хлопцев наше шефское имя является самым убедительным и неотразимым аргументом против смешивания нас с «преступниками», но это так. Отрывок из недавней речи.

— ...Вы ничего не понимаете, товарищ. Если вы ехали в колонию малолетних преступников, то, значит, не туда попали. Здесь колония Максима Горького.

Ваше имя и Ваша личность для нас для всех лучшее доказательство, что мы тоже люди. В день Вашего рождения у нас серьезно ставится девиз: «Каждый колонист должен доказать, что он достоин носить имя Горького» А теперь, когда мы почувствовали Вас не только как символ, а как живую личность, когда мы все держали в руках лист, который держали и Вы, и когда мы услышали Ваши слова, обращенные к нам, о свободной и счастливой жизни, нам сам черт не брат. Ваше шефство для нас большое счастье, и много, очень много сделано нашими воспитателями только благодаря Вам. <...>

А. Макаренко.

1925 г., август.

Дорогой А. С.,
я очень тронут письмами колонистов и вот отвечаю им, как умею. В самом деле, жалко будет, если эти парни, выйдя за пределы колонии, одиноко разбредутся кто куда и каждый снова начнет бороться за жизнь один на один с нею.

Ваше письмо привело меня в восхищение и тоном его и содержанием. То, что Вы сказали о «деликатности» в отношении к колонистам, и без-

условно правильно и превосходно. Это — действительно система перевоспитания, и лишь такой она может и должна быть всегда, а в наши дни — особенно. Прочь вчерашний день с его грязью и духовной нищетой. Пусть его помнят историки, но он не нужен детям, им он вреден.

Сейчас я не могу писать больше, у меня сидит куча иностранцев, неловко заставлять их ждать. А Вам хочется ответить хоть и немного, но сейчас же, чтоб выразить Вам искреннейшее мое уважение за Ваш умный, прекрасный труд.

Крепко жму руку.

М. Горький

17.VIII.25.
Sorrento.

Полтава, Колония им. М. Горького.
24 ноября 1925 г.

Дорогой Алексей Максимович!

<...> По моему мнению, наше советское воспитание, так, как оно определяется в нашей литературе, и в особенности, как оно сформировалось на практике, не представляет ничего ни революционного, ни советского, ни просто даже разумного. Мы оказались без определенной системы, без строгой линии, а самое главное, без какого бы то ни было воспитания. Наши педагоги просто не знают, что они должны делать, как держать себя, а наши воспитанники просто живут в наших детских домах, т. е. едят, спят, кое-как убирают после себя. Картина очень печальная. В управлениях люди зарылись в чисто материальные планы, в статистику и отчеты, а на фронте кое-как волынят, чтобы благополучно провести день до вечера без скандалов. Нельзя никого винить в этом. Мы перекроили нашу жизнь по новым выкройкам, которые давно были заготовлены, а о воспитании и о его планах никто у нас серьезно не беспокоился...

Наш коллектив, разумеется, не скоро мог решиться заговорить о ревизии нашего соцвоса[2], но на деле уже с 20-го года мы конструировали свою линию, конструировали исключительно в опытном плане... Результаты оказались более удовлетворительными, чем мы ожидали, и в то же время совершенно неожиданными. В Харьковском институте народного образования, где наш опыт особенно пристально рассматривался, есть группа наших противников, которая меня иначе не называет, как «атаманом шайки».

Тем не менее я решился настаивать на правильности нашего пути и представил в Наркомпрос проект[3]. Главною его мыслью является утверждение, что воспитание должно быть организовано как массовое производство, в огромных коллективах, хозяйственно ответственных и самостоятельных, в то же время конструированных без всякой романтики и предвзятых догматов. Мой проект был поддержан фактическим успехом нашей колонии и бросающейся в глаза спаянностью всей нашей общины. Так или иначе, а к настоящему дню мы уже имеем постановление о преобразовании нашей колонии в Центральную для Украины (...)

А. Макаренко

Колония им. М Горького
10 февраля 1926 г.

Дорогой Алексей Максимович!

<...> Нужно создавать новую педагогику, совсем новую. Наш коллектив чувствует себя в силах принять участие в этом создании, и мы уже много сделали за 5½ лет. Но первое, что нам нужно,— это свобода от делопроизводителей, свобода от всякого хлама, которым мы завалены, а потом уже мы легко избавимся и от педагогических предрассудков <...>

А. Макаренко.

Полтава, 8 мая 1926 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Только вчера окончилась страстная борьба за Куряж. Я уже Вам писал, что потерпев поражение в войне за Запорожье, мы поставили вопрос о передаче нам имения б. Куряжского монастыря в 7 верстах от Харькова. В первые же дни вопрос как будто был решен окончательно, но потом нашлись другие претенденты — и заварилась целая каша, потому что «Засватана дівка всім гарна». Харьковская комиссия помощи детям, которой принадлежит нынешняя весьма неудачная колония в Куряже, не хотела передавать колонию нам главным образом потому, что не хотела признать своей неудачи и надеялась в будущем поправить дело. Мы требовали от комиссии 20 000 рублей на ремонт домов, приведенных в негодность. Комиссия соглашалась дать нам 50 000, но с тем условием, чтобы колония по-прежнему называлась «Куряжской колонией имени 7 ноября» и была ответственна перед Помдетом. На общем нашем собрании единогласно было заявлено категорическое требование, чтобы колония называлась «Харьковской колонией им. М. Горького» и подчинялась Наркомпросу. Помдет на это не согласился, и, пользуясь тем, что ставки жалованья Наркомпроса очень малы (воспитатель у нас получает 48 рублей), гораздо ниже ставок Помдета, предложил перейти в Куряж нашему персоналу. Когда наши хлопцы узнали об этом, возмущению не было границ Воспитателей стали подозревать в желании «продать Горького». Нужно сказать, что эти подозрения были неосновательны. Разумеется, каждому лучше жить под Харьковом и получать 90 рублей, но без меня и без наших хлопцев ехать в Куряж на растерзание 200 малыми хулиганами никто бы не решился. Независимо от этого каждому воспитателю имя Ваше дорого, как наше знамя.

В последнем счете мы одержали победу. Договор подписан. Копию Вам посылаю У нас страшный подъем.

В то же время мы переживаем очень большое напряжение. В Куряже все работники снимаются 200 детей, какие там имеются, представляют из себя огромный клубок копошащихся в грязи распущенных подростков, привыкших к пьянству и матерной ругани. Перебросить в Куряж наших 130 хлопцев немедленно — значит создать там сразу два враждебных

лагеря. Наши будут задирать носы и задаваться, куряжане от стыда и старого озлобления будут смотреть на нас как на завоевателей. Поэтому я решил ехать один. Надеюсь, что мне удастся заразить куряжан хоть небольшим пафосом, увлечь моей верой в их человеческую ценность (Вашей верой). Тогда они смогут встретить наших хлопцев с некоторым достоинством, тем более что я постараюсь их организовать и поставить на работу.

Не скрою, я немного побаиваюсь. Мне еще не приходилось сразу нагружать свою волю и нервы такой массой человеческого несчастья, принявшего уже формы застаревших язв.

Завтра я с двумя воспитанниками выезжаю в Куряж принимать колонию. Вам будем сообщать о нашей работе.

Разрешите в этот критический и, может быть, самый интересный момент в жизни нашей колонии приветствовать Вас от имени всей колонии и благодарить за ту энергию и бодрость, которую сообщают нам одно Ваше имя, не говоря уже о живом общении с Вами.

Преданный Вам *А. Макаренко*

А. Макаренко.

Сердечно поздравляю Вас и прошу поздравить колонию с переездом на новое место.

Новых сил, душевной бодрости, веры в свое дело желаю всем вам!

Прекрасное дело делаете Вы, превосходные плоды должно дать оно.

Земля эта — поистине наша земля. Это мы сделали ее плодородной, мы украсили ее городами, избороздили дорогами, создали на ней всевозможные чудеса, мы, люди, в прошлом — ничтожные кусочки бесформенной и немой материи, затем — полузвери, а ныне — смелые зачинатели новой жизни.

Будьте здоровы и уважайте друг друга, не забывая, что в каждом человеке скрыта мудрая сила строителя и что нужно ей дать волю развиться и расцвести, чтобы она обогатила землю еще большими чудесами.

Привет.

Sorrento. 3.VI.26. *М. Горький.*

Балуете Вы меня, Антон Семенович, похвалами Вашими. Ведь я знаю, что для колонии я не делаю ничего, что хоть немного облегчило бы жизнь и работу колонистов. Не делаю, да и не могу ничего делать. Вот разве посылать Вам для библиотеки колонии книги, переводы с иностранных языков, прочитанные мною? Книг таких набралось бы не мало. Хотите? Буду посылать.

Очень волнуют меня милые письма колонистов, с такой радостью читаю я эти каракули, написанные трудовыми руками. Пожалуйста — прочитайте им мой ответ.

Вас я крепко обнимаю, удивительный Вы человечище и как раз из таких, в каких Русь нуждается. Хоть Вы похвал и не любите, но — это от всей души и — между нами.

Будьте здоровы, дорогой дружище.

12 VII 26 Sorrento

А. Пешков.

Харьков, 25 февраля 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

<...> Горьковцы, рассыпавшись по округу, разнесли вокруг «горьковскую» систему. Это и послужило причиной всяких нападок. Ведь у нас обычно так: в десятках и сотнях случаев дело просто гниет и гибнет, растут самые дикие, деморализованные и слабенькие людишки. Все смотрят на это безобразие опустивши руки. Но стоит образоваться одному серьезному, дельному пункту, как все на него набрасываются: прежде всего требуют идеологии, да еще какой-то такой, о которой вообще никто толком ничего не знает. Во всяком случае, простая идеология работы и культуры объявляется каким-то страшным грехом. Во-вторых, стоит случиться одному случайному промаху, как немедленно подымается такой вой и такая истерика, что требуются чрезвычайно крепкие нервы, чтобы все это выдержать.

А как можно говорить об отдельных наших промахах? Законом у нас запрещено учреждать колонии для правонарушителей свыше 60 мальчиков (обязательно без совместного воспитания). Но вот мне все же дали 400. Ко мне их сплошь и рядом привозят в черной карете и сдают из-под револьвера. У меня нет карцера, и я ни одного за 8 лет не возвратил в тюрьму. Почему можно думать, что подросток только потому, что попал в колонию, сразу сделается паинькой?

У нас, правда, нашлись и друзья, но я в сущности не имел ни одной свободной минутки для борьбы. Я поэтому ушел из Управления колониями и теперь кое-как отбиваюсь от всяких кирпичей вдогонку. Горьковской колонии я не бросал, но на прямой работе в колонии работали мои помощники. Их переменилось четверо, и все они не выдержали больше месяца. В довершение всего наши сметы страшно порезали в этом году.

В результате мне приходится с горьковцами начинать чуть ли не новую жизнь. Правда, в колонии осталось ядро стариков около 100 человек и кадр воспитателей. Но отсутствие средств, ветхость монастырских построек, их неприспособленность, наконец, страшно суровая зима — все это страшно усложнило ребячью жизнь, сделало ее настоящим подвигом. Все это далеко выходит за пределы какой угодно педагогики, эти 400 жизней «второстепенной необходимости», как выражается в письме к Вам 26-й отряд.

Рядом с горьковской колонией — коммуна Дзержинского. Дворец, паркет, дубовая мебель, 19 электромоторов, мастерские по последней технике, души, ванны, прекрасное платье, богатые спальни, обильная пища.

И там тоже почти все горьковцы, воспитанные, выдержанные, бодрые, чистые. И воспитатели горьковцы и, наконец, я заведующий. 3 дня в неделю я провожу там, три дня у себя. Бросить дзержинцев не могу, не на кого. Боюсь, что уйду, а мой преемник наделает глупостей, и опять будут есть живьем горьковскую колонию и горьковскую систему.

Сейчас вокруг коммуны Дзержинского завязался интересный узел ГПУ, учреждение замечательной четкости, представило мой воспитательный план на утверждение Наркомпроса (УССР) и потребовало ответа: «Так или не так?»

Одобрить мою «еретическую» укладку Наркомпросу страшно, это значит рекомендовать ее всем; не одобрить — значит, нужно предложить иную, а это значит принять на себя ответственность прежде всего за целостность дворца, душей, ванн и пр.

Сижу и жду. В коммуне благодушная педагогика, уют, тепло, нега, хорошее настроение и маленькая расслабленность. У горьковцев в спальнях обувь примерзает к полу, валится везде штукатурка, в каторгу обратилась топка печей «Горячим» сводным отрядом, сотни новеньких, не могущих пройти по лестнице, чтобы не плюнуть, срывается «мат», светят иногда голые колени — отчаянная борьба за жизнь, за каждую латку, за огрызки ботинок, но зато веселый дружный тон, дисциплина, смех, гремит оркестр — играет «Веселого горьковца», сыпятся язвительные словечки по адресу дзержинцев, ждут весны и с весной того, чего ждут семь лет, с чем уже ушли многие из колонии,— ждут Вашего приезда. Сомнений в том, что Вы к нам заедете, нет ни у одного, вопросы и проблемы только в одном: как Вас принять, как встретить, как пищать от восторга и радости, когда Вы приедете

Я лучше их знаю, как Вы будете нужны в каждом уголке России, и я не уверен даже, имеем ли мы право просить Вас заехать к нам, но несколько строк в 18 томе о нашей колонии все-таки дают и мне некоторую надежду. Мы все сделаем, чтобы к Вашему приезду победить нашу бедность, чтобы не оскорбить Вас никаким неприятным впечатлением Да нам и весна поможет. Дзержинцы также убеждены, что Вы навестите их

Простите, что затруднили Вас нашими письмами.

Все наши педагоги и служащие просили меня передать Вам их любовный привет и гордость, что они горьковцы.

Навсегда преданный Вам

А. Макаренко.

Дорогой т. Макаренко —

горестное письмо Ваше получил вместе со статьей Остроменецкой; читая статью, едва не разревелся от волнения, от радости Какой Вы чудеснейший человек, какая хорошая, человечья сила. Настроение Ваше, тревогу Вашу — я понимаю, это мне знакомо, ведь и у меня растаптывали кое-какие начинания, дорогие душе моей, напр.— «Всемирную литературу». Но — не верю я, что Ваше прекрасное дело может погибнуть, не верю! И — позвольте дружески упрекнуть Вас, напрасно Вы не хотите

научить меня, как и чем мог бы я Вам и колонии помочь. Вашу гордость борца за свое дело я тоже понимаю, очень понимаю! Но ведь дело это как-то связано со мною, и стыдно, неловко мне оставаться пассивным в те дни, когда оно требует помощи.

Мне известно стало, что Вами заявлено требование субсидии в 20 т. Я осведомлен, что деньги эти Вы получите. Книги Вам буду посылать, семь пакетов посылаю вместе с этим письмом, из Москвы вышлю все свои книжки. Было бы хорошо, если б Вы составили список нужных Вам и послали его в Москву, Чистые пруды, Машков пер., 1, кв. 16.

Затем, мне очень хочется подарить ребятам инструменты для духового оркестра и для оркестра балалаечников. Разрешите? Может быть, среди ребят окажутся талантливые музыканты. А я имею возможность приобрести все это очень дешево.

В Россию еду около 25-го мая, у Вас буду во второй половине июня.

Передайте мой сердечный привет ребятам и научите меня сделать что-нибудь приятное для них. Дорогой друг,— я очень хорошо знаю великое значение маленьких радостей, испытанных в детстве.

Крепко жму Вашу талантливую руку, будьте здоровы!

А. Пешков.

9 V 28
Sorrento

Дорогой Антон Семенович —

Ваш уход из колонии поразил и глубоко огорчил меня. Если бы я знал об ультиматуме Арнаутова, я, конечно, действовал бы более энергично. Но у меня было обещание т. Б. в Харькове «не мешать» Вам в работе Вашей. В Москве я тоже говорил о том, чтобы Вас не трогали, и тоже был успокоен обещанием не делать этого. И — все-таки! Очень боюсь, что в это дело замешаны тенденции «националистического» характера.

Пишу в Москву, настаивая на необходимости Вашего возращения в Куряж. В январе будет напечатана моя статья о «беспризорных» и колонии, созданной Вашей энергией. Разрушать такие дела — преступление против Государства, вот так я смотрю на эту историю.

Антон Семенович — Вы энергичный, умный человек. Я знаю, как должно быть больно Вам, но — не падайте духом! Все наладится.

За предложение посвятить мне Вашу «Педагогическую поэму» сердечно благодарю. Где Вы думаете издать ее? Советую — в Москве. [...] Думаете ли Вы иллюстрировать ее снимками? Это надо бы сделать. Не опасайтесь, что этим книга станет дороже.

Крепко обнимаю Вас, дорогой друг, будьте здоровы!

А. Пешков.

6 XII 28
S[orrento]

Передайте привет мой колонистам Дзержинского. А своих видите? Они ведь, наверное, знают, где Вы?

Харьков, 5 октября 1932 г.

Дорогой Алексей Максимович!

<...> После Вашего посещения колонии им. Горького, если Вы помните, я из колонии должен был уйти, так как не хотел поступиться ни одним словом из своих педагогических верований [4]. Вы тогда выступили на мою защиту, но даже Ваше слово не пробило толщу наробразовских предрассудков и завирательной болтовни. Я спас остатки своего дела в коммуне имени Дзержинского, куда вместе со мной перекочевала сотня горьковцев и часть персонала. Они и до сих пор еще называют себя «старыми горьковцами».

Мне кажется, что Вам коммуна им. Дзержинского не совсем понравилась [5]. Вас, вероятно, смутило кажущееся внешнее богатство. Но за этим богатством скрывался хороший рабочий ребячий коллектив, воспитанный в горьковской колонии. За прошедшие с тех пор четыре года дзержинцы многого достигли. давно уже перешли на полную самоокупаемость, открыли у себя рабфак, построили новый во всех отношениях замечательный завод, приняли много новых беспризорных. Сейчас это во всех отношениях интересное учреждение, красивое и культурное, делающее большую и нужную работу. В этом году мы выпустили в вузы двадцать четыре человека.

Я не спускал глаз с горьковской колонии, она пережила много тяжелых дней. В ней несколько раз менялись заведующие, это было плохо. Еще хуже было то, что наробраз провел настоящую победоносную войну против всех остатков «макареновщины», разогнал всех моих помощников, а многие ребята и сами ушли. В результате всех этих мероприятий к весне этого года колония страшно обеднела и упала во всех отношениях: побеги, воровство, пьянство — об этом писались целые страницы в харьковских газетах.

В марте «старые горьковцы» и живущие в коммуне и давно вышедшие в самостоятельную жизнь, врачи, агрономы, педагоги, поставили вопрос о возрождении колонии. Горьковские ребята, а они все знают о старом блеске колонии, встретили эту мысль с настоящим энтузиазмом. Было несколько встреч и общих собраний дзержинцев и горьковцев, побывал и я в колонии. Намечалось объединение двух колоний на началах федерации под моим общим руководством. В наробразе давно исчезли старые противники моей системы, давно уже признаны достижения коммуны Дзержинского, возражений с этой стороны не было. Но не захотели такого объединения мои теперешние шефы. Мне пришлось отказаться от продолжения горьковской истории <...>

А. Макаренко.

Харьков, 54.
Коммуна им. Дзержинского,
А. С. Макаренко.

Дорогой Антон Семенович —

вчера прочитал Вашу книжку «Марш 30-го года». Читал — с волнением и радостью, Вы очень хорошо изобразили коммуну и коммунаров. На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской души. Я Вас искренно поздравляю с этой книгой. Вероятно, немножко напишу о ней.

Колонисты Куряжа не пишут мне. Не знаю о них ничего. Прискорбно — какие хорошие ребята были там.

Крепко жму Вашу руку.

Передайте ребятам привет мой, скажите, что я страшно рад был прочитать, как они живут, как хорошо работают и хорошо, дружески — по-настоящему — относятся друг к другу.

М. Горький.

17.XII.32.
Sorrento.

Дорогой и глубокоуважаемый
Алексей Максимович!

Ваше письмо о моей книге — самое важное событие в моей жизни, к этим словам я ничего уже не могу прибавить, разве только то, что я просто не понимаю, как это можно иметь такую большую душу, как у Вас.

А я о своем писании был очень плохого мнения. Писательский зуд просто оказался сильнее моей воли, а по доброй воле я не писал бы. Ваш отзыв перепутал все мои представления о собственных силах, теперь уже не знаю, что будет дальше. Впрочем, к писательской работе меня привлекает одно — мне кажется, что в нашей литературе (новой) о молодежи не пишут правдиво, а я очень хорошо знаю, какая это прелесть — молодежь, нужно об этой прелести рассказывать. Но это очень трудно, для этого нужен талант и еще.. время. У меня как будто не было ни того, ни другого. Пишу сразу в чистовку, получается неряшливо, а через каждые две строчки меня «пацаны» отрывают, писать приходится все в том же «кабинете» <...>

Куряжскую колонию возродить уже нельзя. В прошлом году дзержинцы поставили вопрос об объединении с Куряжем в «дивизию», но начальство не согласилось. Колония живет плохо, после меня переменилось уже четыре заведующих, глупости там наделаны непоправимые, коллектива нет, проходной двор. Монастырское старье давно нужно было развалить, нужно было строить, богатеть, а там до сих пор штукатурка 1928 года. Нехорошо. Коммуна Дзержинского на днях праздновала свое пятилетие. Ребята постановили передать Куряжу помощь 10 000 рублей, но это чепуха. Там деньги не помогут. Там нужна большая работа, все нужно сначала. А если сначала, так лучше уже на новом месте. Ваше имя в Куряже нужно снять.

Простите за длинное письмо. Ваши слова ребятам я передал на общем собрании. Они горды и сейчас Вам пишут.

Посылаю Вам наш юбилейный сборник.

Спасибо за Ваше внимание и поддержку, если можно за это благодарить.

Преданный Вам *А. Макаренко.*

Харьков, 54.
Коммуна Дзержинского,
1 I.1933 г.

Дорогой Антон Семенович —

я стороною узнал, что Вы начинаете уставать и что Вам необходим отдых. Собственно говоря — мне самому пора бы догадаться о необходимости для Вас отдыха, ибо я в некотором роде шеф Ваш, кое-какие простые вещи должен сам понимать. 12 лет трудились Вы, и результатам трудов нет цены. Да никто и не знает о них, и никто не будет знать, если Вы сами не расскажете. Огромнейшего значения и поразительно удачный педагогический эксперемент Ваш имеет мировое значение, на мой взгляд.

Поезжайте куда-нибудь в теплые места и пишите книгу, дорогой друг мой. Я просил, что [бы] из Москвы Вам выслали денег.

Будьте здоровы, крепко жму руку. Всего доброго!

А. Пешков.

30.I.33.

Дорогой Антон Семенович —

на мой взгляд, «Поэма» очень удалась Вам. Не говоря о значении ее «сюжета», об интереснейшем материале, Вы сумели весьма удачно разработать этот материал и нашли верный, живой, искренний тон рассказа, в котором юмор Ваш — уместен как нельзя более Мне кажется, что рукопись не требует серьезной правки, только нужно указать постепенность количественного роста колонистов, а то о «командирах» говорится много, но армии — не видно.

Рукопись нужно издавать. Много ли еще написано у Вас? Нельзя ли первую часть закончить решением переезда в Куряж?

М. Горький.

[25 сентября 1933, Москва]

Дорогой, родной Алексей Максимович!

Не нахожу слов, чтобы выразить Вам свою благодарность и любовь. Одно знаю хорошо, что ни я, ни моя поэма не стоят того исключительного внимания, которое Вы оказываете нам, и не стоят огромного труда, который Вы нам дарите. <...>

Я очень прошу Вашего внимания к следующему

Моя педагогическая вера педагогика — вещь прежде всего диалектическая — не может быть установлено никаких абсолютно правильных

педагогических мер или систем Всякое догматическое положение, не исходящее из обстоятельств и требований данной минуты, данного этапа, всегда будет порочным.

Единственно, что я хочу утверждать в коммунистическом воспитании единственным и главным инструментом воспитания является живой трудовой коллектив. Поэтому главное усилие организатора должно быть направлено к тому, чтобы создать и сберечь такой коллектив, устроить его, связать, создать тон и традиции, направить.

В первой части «ПП» я хотел показать, как я, неопытный и даже ошибающийся, создавал коллектив из людей заблудших и отсталых. Это мне удалось благодаря основной установке: коллектив должен быть живой; и создавать его могут настоящие живые люди, которые в своем напряжении и сами переделываются.

Во второй части я сознательно не ставил перед собою темы переделки человека. Переделка одного, отдельного человека, обособленного индивида, мне представляется темой второстепенной, так как нам нужно массовое новое воспитание. Во второй части я задался целью изобразить главный инструмент воспитания, коллектив, и показать диалектичность его развития.

Инструментовку коллектива я хотел изобразить в следующих главных чертах

1 Пролетарская классовая направленность — отрицание индивидуального крестьянского хозяйства.

2. Превалирование интересов коллектива над интересами личности.

3. Дисциплина.

4. Бодрость

5. Коллективный труд и хозяйство.

6 Образовательный и культурный процесс.

7. Настоящие живые люди (Калина, Силантий, Мария Кондратьевна).

8. Стремление вперед, обязательное развитие.

9. Традиции, в том числе и внешние.

10. Эстетическое оформление жизни.

Может быть, это все мне плохо удалось, это другое дело.

В третьей части я этот коллектив хочу показать в действии: в массовой переделке уже не отдельных личностей, а в массе — триста куряжан. В третьей части у меня богатый материал для изображения такой переделки и доказательства того, что силами коллектива эта переделка легче и быстрее.

В третьей же части я хочу изобразить и сопротивление отдельных лиц в НКП. Во второй я хотел показать только первые предчувствия, первые дыхания борьбы. Нападение НКП на мою работу было вызвано именно обстоятельствами активной деятельности коллектива горьковцев в Куряже.

В третьей же части я хочу показать, как здоровый коллектив легко размножается «почкованием» (дзержинцы).

Это моя схема. Очень возможно, что я не умел и не умею рассказать все так, чтобы и читателю было ясно. Страшно хорошо, что это обнаруживается сейчас: в третьей части я теперь постараюсь все прояснить, если хватит у меня способности.

Еще раз спасибо Вам, дорогой Алексей Максимович. Ужасно тяжело, что я не увидел Вас, и еще тяжелей, что Вы хвораете.

Желаю Вам здоровья и бодрости

Преданный Вам

А. Макаренко.

Москва, 18.IX.34 г.

[1935 г., февраль]

Дорогой Алексей Максимович!

Ругаете Вы меня или помогаете, а я все равно не умею так написать Вам, чтобы хотя бы на минутку Вы почувствовали всю глубину и теплоту моей благодарности и любви к Вам. И я страшно злюсь на себя и на наш век за то, что теперь люди такие деловые и суровые, что они умеют только возиться с материей, что явления в собственных душах такие для них стали непосильные.

Спасибо, что обругали. Это у Вас так сильно и ласково выходит, что мне может позавидовать любой мой воспитанник. Секрет педагогического воздействия таким образом еще и до сих пор для меня проблема. Во всяком случае, после Вашей проборки мне хочется написать не третью часть «Педагогической поэмы», а третью часть чего-то страшно грандиозного.

Это, однако, не мешает «жалкому лепету оправданий». «Педагогическая поэма» — это поэма всей моей жизни, которая хоть и слабо отражается в моем рассказе, тем не менее представляется мне чем-то «священным». Я не могу писать поэму в сутолоке моей работы в коммуне. Для поэмы мне нужен свободный вечер или какое-нибудь уединение. А пьесы я набрасываю в коммунарском кабинете в трехминутных перерывах между деловыми разговорами, выговорами, заседаниями, удовлетворяя писательский зуд, который так поздно у меня разгорелся в значительной мере благодаря Вашему ко мне вниманию. Теперь я уже не в состоянии пройти безучастно мимо интересных людей и коллизий. А так как мне записывать некогда, то хочется написать скорей, пока не забыл ничего.

Оправдался? Кажется, нет. Поэтому даю Вам слово не писать ничего, пока не окончу «Педагогическую поэму», кстати, конец уже недалеко.

А после «Педагогической поэмы» я мечтаю не о пьесах, а о таком большом деле... Я хочу написать большую, очень большую работу, серьезную книгу о советском воспитании. Если у меня хватит здоровья, я уверен — это будет очень важный и капитальный труд. Я однажды приступил к нему, но увидел, что такую книгу нужно писать в полном отрешении от текущей работы и обязательно «с книгами в руках», просмотрев все высказывания старого опыта, истории, художественной литературы [6]. <...>

Спасибо еще раз за Ваше великое человеческое внимание ко мне и за ласку.

Преданный Вам *А. Макаренко.*

Харьков, 54,
Коммуна им. Дзержинского,
А. С. Макаренко

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

Проблемы школьного советского воспитания (тезисы)

А. С. Макаренко написал тезисы в период подготовки цикла лекций для сотрудников Наркомпроса РСФСР. При устном изложении лекций Макаренко отошел от тезисов и не исчерпал всего их содержания. Между тем тезисы представляют самостоятельный интерес, так как в них поставлены важнейшие вопросы теории советской педагогики: цель воспитания, отношение педагогики к другим наукам и др. Название и нумерация тезисов даны автором. Печатаются по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983 —, т. 4, с. 118—121.

Проблемы школьного советского воспитания (лекции)

В январе 1938 г. А. С. Макаренко прочитал четыре лекции для сотрудников Наркомпроса РСФСР (10, 14, 16 и 20 января). Стенограммы этих лекций уже после смерти автора были обработаны в 1941 г. и опубликованы в «Учительской газете»: 5 и 8 января лекция вторая (Дисциплина, режим, наказания и поощрения), 12 и 17 января лекция третья (Педагогика индивидуального действия) и 2 февраля лекция четвертая (Трудовое воспитание, отношения, стиль, тон в коллективе). Первая лекция (Методы воспитания) была опубликована в журнале «Советская педагогика» (1943, № 5, 6). С некоторыми сокращениями лекции вошли в 5-й том семитомного издания сочинений А. С. Макаренко.

Неоднократно лекции издавались также отдельной книгой. Печатаются по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: в 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983 —, т. 4, с. 123—207.

В этом цикле лекций А. С. Макаренко стремился, опираясь на свой 32-летний педагогический опыт, систематизированно изложить основные положения советской педагогики, базирующейся на марксистско-ленинской методологии. Прежде всего Макаренко опроверг утверждение о том, что он является специалистом по работе с беспризорными, и заявил, что по отношению к беспризорным никаких особенных методов употреблять не нужно и что ему удавалось в очень короткое время доводить беспризорных до состояния нормы и всю дальнейшую работу с ними проводить как с нормальными детьми. Поэтому его выводы могут быть отнесены не только к беспризорным (трудным) детям, но и ко всякому детскому коллективу, ко всякому работнику на фронте воспитания.

А. С. Макаренко выступал против попыток отождествлять воспитание с обучением, вернее, попыток сведения воспитания к обучению. Он настаивал на том, что воспитание является отдельной областью, требующей своеобразной методики, отличной от методики преподавания. Воспитание, по сравнению с другими основными педагогическими категориями (обучением и образованием),— наиболее всеобъемлющая категория, а «методика воспитательной работы имеет свою логику, сравнительно независимую от логики работы образовательной». Методика воспитания и методика образования, считал Макаренко, составляют два «более или менее самостоятельных отдела педагогической науки». Разумеется, они органически взаимосвязаны между собой. Всякая работа по обучению и образованию

является одновременно и воспитательной работой, однако сводить воспитательную работу к обучению и образованию принципиально неверно

Таким образом развенчивалась лженаучная концепция «воспитывающего обучения» реакционного немецкого педагога И. Гербарта, имевшая значительное распространение в дореволюционной России

А. С Макаренко обоснованно и убедительно раскрыл основные понятия марксистско-ленинской педагогики (об отношении методики воспитания и смежных отраслей знания, о цели и средствах коммунистического воспитания, о диалектическом характере педагогической науки, о соотношении индивидуального и коллективного в процессе воспитания, о решающей роли коллектива в системе коммунистического воспитания, о сознательной дисциплине, режиме, наказаниях и поощрениях, о педагогике индивидуального и параллельного действия, о трудовом воспитании на основании вовлечения воспитанников в серьезный производительный труд, об отношении как важнейшей категории коммунистического воспитания, о стиле и тоне коллектива)

[1] Павлов Иван Петрович (1849—1936) — великий русский физиолог, основоположник учения о высшей нервной деятельности С его именем связана целая эпоха в развитии физиологии и ряда смежных дисциплин — 11

[2] А. С. Макаренко имеет в виду тех педагогов-теоретиков, которые путем отвлеченных рассуждений «выводили» средства воспитания из этических норм и представлений — 12.

[3] А. С Макаренко работал с 1905 по 1911 г в Крюковском железнодорожном училище, а с 1911 по 1914 г.— в двухклассном железнодорожном училище на станции Долинской Южной железной дороги Херсонской губернии (теперь Кировоградской области).— 17.

[4] См: Энгельс Ф Может ли Европа разоружаться? — Маркс К, Энгельс Ф Соч. 2-е изд, т. 22, с 396—399 — 23.

[5] Термин «неполная средняя школа» (семилетка) очень широко использовался в 30—40-е годы В настоящее время не употребляется — 23

[6] В годы Великой Отечественной войны многие воспитанники колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского были награждены орденами и медалями.— 24

[7] Мелкобуржуазная педагогическая теория «свободного воспитания» идеализировала ребенка как «первообраз правды, истины и красоты» и предполагала его саморазвитие Направленная против муштры и угнетения детей, против формализма и зубрежки в обучении, эта теория отрицала право взрослых руководить воспитательной работой, объявляя такое руководство насилием над личностью ребенка. Сторонники этой теории (Ж.-Ж Руссо, С. Фор, Э Кей, А Гурлитт, М. Монтессори, Л Н Толстой, К Н Вентцель и др), ратуя за создание новой школы, которая бы воспитывала детей без принуждения и насилия, в конечном счете все сводили к крайнему индивидуализму, к отрицанию учебных планов, программ, учебников, руководящей роли учителя. Одна из ошибочных установок «свободного воспитания» — положение о том, что «дисциплина должна вытекать из сознания». А С. Макаренко подвергает резкой критике эту формулу, убедительно доказывая, что дисциплину нельзя создать одной проповедью, одними разъяснениями, что она «является продуктом всей суммы воспитательного воздействия» — 27

[8] Имеются в виду последние годы работы А. С Макаренко в коммуне им. Ф. Э Дзержинского — 31

[9] В коммуне им. Ф Э Дзержинского право наказания принадлежало не только А. С. Макаренко, но и коллективу воспитанников (в частности, совету командиров). Никто из педагогического и инженерно технического персонала такого права не имел — 44

[10] Логика «параллельного педагогического действия» — одно из принципиально важных открытий А. С Макаренко Она свойственна только системе коммунистического воспитания, в которой воздействие на личность наиболее успешно осуществляется не в условиях «парной педагогики» (воспитатель — воспитанник), а через первичный коллектив. В коммуне им Ф Э Дзержинского первичным коллективом был разновозрастный отряд, который и стал основным путем прикосновения к отдельной личности — 51.

[11] Упоминание А. С. Макаренко о закреплении воспитателей за отрядами — существенный корректив к описанию методики работы в колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского — 54.

[12] А. С. Макаренко в период с 1930 по 1935 г. в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского отказался от освобожденных воспитателей, не имеющих никаких других обязанностей, кроме воспитательных — 57.

[13] Вербицкая А. А. (1861—1928) — сентиментальная, мелодраматическая писательница. Пользовалась большой популярностью в годы реакции, наступившей после революции 1905 г. Главные темы ее книг — вопросы пола и различные любовные перепетии — 59.

[14] Более подробно этот вопрос освещен в статье «Длительность педагогического коллектива» (см.: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 1, с. 102—111.— 60.

[15] Данный прием подробно описан в повести «Флаги на башнях» (глава «Вам письмо») — 63.

[16] Некоторые члены правления коммуны настаивали на том, чтобы коммунары работали 6 часов в день, и требовали соответственно сократить продолжительность занятий в школе. А. С. Макаренко считал необходимым отводить на учебу в школе не менее 6 часов, а продолжительность работы на заводе ограничить 2 часами в день. Было принято компромиссное решение: 4 часа — работа на производстве и 4—5 часов — учеба в школе — 66.

[17] Более подробно этот вопрос А. С. Макаренко освещает в повести «Марш 30 года» и в «Книге для родителей».— 68.

[18] С просьбой о разрешении выдачи воспитанникам карманных денег А. С. Макаренко обращался в Наркомпрос УССР в июне 1924 г. Карманные деньги колонистам выдавались обычно по праздникам.— 68.

[19] На строительство и оборудование коммуны им. Ф. Э. Дзержинского государством была выделена долгосрочная ссуда. В первые годы коммуна существовала не только на полупроцентные отчисления от зарплаты сотрудников политсостава органов и войск ГПУ УССР и из представляемые Коллегией ГПУ УССР средства, но и на средства совхоза «Красные зори», переданного в распоряжение совета по делам коммуны. Материальную помощь оказывали также советские и общественные организации — 69.

[20] А. С. Макаренко считал, что трудовое комунистическое воспитание молодежи можно обеспечить только на основе вовлечения ее в активный производительный труд, построенный на принципах социалистического производства. Данное высказывание отражает борьбу Антона Семеновича с широко распространенным в 20—30-е годы извращением идеи о связи обучения с трудом.— 77.

На пороге третьего десятилетия

Статья впервые опубликована в газете «За коммунистическое просвещение» (1937, 1 сент.) Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 4, с. 49—51.

А. С. Макаренко, указывая на огромные достижения советской школы, в то же время акцентирует внимание общественности на воспитательной работе школы, как на «самом отсталом нашем участке». В статье сформулировано принципиально важное в методологическом отношении положение о том, что «надо по-настоящему обратить педагогику в активную, целеустремленную, политическую науку». Статья не утратила своей актуальности и в наши дни.

[1] Речь идет о комплексной системе обучения. Государственный ученый совет Наркомпроса РСФСР (ГУС) опубликовал схемы комплексных программ еще в конце 1922 г. С 1924/25 учеб. года они вводились как обязательные в 1—2 кл., а в 3—5 кл — с 1925/26 учеб. года. Применение комплексной системы обучения было мотивировано стремлением осуществить связь школы с жизнью и трудом. Однако в процессе реализации этих программ делались попытки увязать в комплекс самые разнообразные явления. Н. К. Крупская писала, что во многих случаях «начали связывать что попало с чем попало и комплексность выливалась часто

в довольно нелепую вещь. Задумана она была как увязка между знаниями, как мост между разными знаниями, а стала связывать что угодно с чем угодно, стали делать массу неверных искусственных увязок» (Крупская Н. К. Пед. соч.: В 10-ти т. М., 1959, т 4, с. 484). Именно на этот формализм и указывает А. С. Макаренко.— 89.

² Бригадно-лабораторный метод как организованная форма обучения применялся в советских школах в 20-х — начале 30-х годов В 20-е годы делались попытки превратить его в универсальный метод обучения. Конец этому был положен постановлением ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе». Бригадно-лабораторная форма обучения широко используется и в настоящее время, в частности, в странах Американского континента.— 90.

Проблемы воспитания в советской школе

Статья впервые опубликована в порядке обсуждения в газете «Правда» (1938, 23 марта). Она вызвала многочисленные отклики педагогов, родителей, партийных работников и других читателей. Часть этих писем хранится в Центральном государственном литературном архиве МВД СССР Печатается по изданию: Макаренко А С Педагогические сочинения В 8-ми т / Сост: М. Д. Виноградова, А. А Фролов М, 1983— , т 4, с 203–207.

Воспитание характера в школе

А. С. Макаренко написал эту статью в ответ на письма читателей, полученные редакцией «Правды» после опубликования статьи «Проблемы воспитания в советской школе». Статья была опубликована в «Правде» — 1938, 6 мая). Печатается по изданию: Макаренко А. С., Педагогические сочинения: В 8 ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов М, 1983— , т 4, с 207—210

¹ В авторской машинописи эта фраза заканчивается словами: «стоящих всегда в близком соседстве с рабом» — 97.

² В авторской машинописи этот абзац дан в следующей редакции «В своей практике я применял такую шкалу мер воздействия, которые, впрочем, всегда и мною и моими воспитанниками называлась попросту наказаниями замечание наедине, замечание перед классом, замечание перед общим собранием школы, наряд, выговор в приказе по школе, арест, выговор перед строем, лишение школьного значка, исключение» (Макаренко А. С. Соч. 2-е изд, М, 1958 т. 5 с. 536) — 98.

³ В авторской машинописи этим словам предшествует следующий текст «Вообще в моем коллективе считалось, что наказание не унижает, а, напротив, доказывает товарищеское отношение к виновному. Поэтому я никогда не вел учета наказаний и никогда не вспоминал прошлых проступков, в воспитательной работе я считаю это необходимым ученик должен отвечать только за последний поступок» (Макаренко А. С. Соч 2 е изд М., 1958, т. 5, с 536) — 98

Некоторые соображения о школе и наших детях

Рукопись датирована 15 X 1935 г Написана она, по всей вероятности, специально для А М. Горького (оригинал хранится в Архиве А М Горького). Впервые опубликована в 1958 г в 7-м томе 2-го изд Сочинений А. С Макаренко (с. 387—392). Многие положения, сформулированные в данных тезисах, сохраняют свою актуальность и сегодня Печатается по изданию. Макаренко А С Педагогические сочинения В 8-ми т / Сост Л Ю. Гордин, А. А. Фролов. М, 1983—, т. 1, с. 213—216.

¹ Имеется в виду постановление ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 25 августа 1932 г, в котором требовалось от администрации школы и педагогов усилить внимание к укреплению

сознательной дисциплины учащихся. С этой целью им предлагалось «повести настойчивую воспитательную работу, борясь с нарушающими порядок в школе проступками учащихся, привлекая к этому делу общественные организации, родителей, комсомольские и пионерские организации, а неисправимых из учащихся хулиганствующих и оскорбляющих учащий персонал, нарушающих распоряжения администрации школы и педагогов и ломающих школьный режим, портящих или расхищающих имущество школы, исключать из школы без права поступления в школу сроком от одного до трех лет» / см.: Народное образование в СССР. М. 1977, с. 163 — 100.

Докладная записка об организации свободной мастерской

Адресована правлению коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Датируется 1928 г. Опубликована впервые в 1958 г. в 7-м томе 2-го изд. Сочинений А. С. Макаренко (с. 414—416). Печатается по изданию: Макаренко А. С., Педагогические сочинения. В 8-ми т. / Сост. Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 1, с. 68—69.

Объяснительная записка к проекту организации трудового детского корпуса

Впервые опубликована в 1952 г. в 7-м т. 1-го изд. Сочинений А. С. Макаренко. Более подробно мнение Макаренко о проекте организации трудового детского корпуса изложено в письме к А. М. Горькому от 14 июня 1934 г. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 1, с. 204—210.

Некоторые выводы из моего педагогического опыта

Этот доклад А. С. Макаренко сделал для учителей школ Ленинграда и Ленинградской области 16 октября 1938 г. в Ленинградском областном Доме учителя. Впервые доклад был опубликован в «Учительской газете» (1940, 15, 18 дек.). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост. М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 4, с. 230—248.

[1] А. С. Макаренко неоднократно отмечал, что принципиальных различий в методике воспитания беспризорных детей и так называемых нормальных детей (из семьи) не существует и не должно быть — 112.

[2] Ломброзо Чезаре (1835—1909) — итальянский психиатр и антрополог, основоположник теории так называемой «прирожденной преступности», согласно которой люди не становятся преступниками под влиянием различных условий, а рождаются ими — 112.

[3] Антинаучная сущность педологии раскрыта в постановлении ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» от 4 июля 1936 г. / см.: Народное образование в СССР. Сб. документов. 1917—1973 гг. М., 1974, с. 173—175 — 113.

[4] Имеется в виду система искусственно подогнанных, словесных доказательств — 113.

[5] Положение А. С. Макаренко о том, что для правильного воспитания в учебно-воспитательном заведении необходимо стремиться к созданию единого коллектива, органически включающего в себя и учащихся и учителей, является принципиально важным положением методики коммунистического воспитания. Макаренко утверждал, что воспитывать нужно не поочередно отдельных учащихся, а целый коллектив, который в свою очередь воспитывает каждую индивидуальность в отдельности (см.: Педагогика индивидуального действия — Макаренко А. С. Соч. 2-е изд. М., 1958, т. 5, с. 163). — 116

[6] А. С. Макаренко имел в виду опубликованные в «Правде» статьи «Проблемы воспитания в советской школе» (1938, 23 марта) и «Воспитание характера в школе» (1938, 6 мая) — 120.

[7] Далее следует беседа двух коммунаров из повести А. С. Макаренко «Флаги на башнях» (ч. III, г. «Отказать»).— 126.

[8] А. С. Макаренко действительно присутствовал на судебном заседании 23 февраля 1938 г. Его записи по этому поводу хранятся в Архиве А. С. Макаренко (Дело № 6д, папка № 7) — 128

[9] Имеется в виду коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, где воспитанники получили образование в объеме десятилетки (десятилетка здесь была организована в 1935 г.) — 128

[10] Имеются в виду эксперименты в области воспитания. Это заявление А. С. Макаренко не относилось к педагогическому эксперименту как методу научного исследования — 128

[11] По-видимому, речь идет о необходимости иметь в учебно-воспитательном заведении учителей и учеников с различным стажем пребывания в нем — 129

О моем опыте

Этот доклад А С Макаренко сделал в Научно практическом институте специальных школ и детских домов Наркомпроса РСФСР 20 октября 1938 г. Впервые доклад напечатан (с сокращениями) в Бюллетене Научно-практического института спецшкол и детдомов (1941, № 2—3), посвященном памяти А. С Макаренко в связи с двухлетием со дня его смерти

Автором доклад не озаглавлен Название «О моем опыте» дано И. Ф Козловым — составителем сборника: Макаренко А С Избр пед произведения М, 1946. Печатается по изданию. Макаренко А. С Педагогические сочинения В 8-ми т. / Сост.· М. Д. Виноградова, А. А Фролов, М, 1983—, т. 4 с 248—266.

[1] Более подробно метод «взрыва» освещен в отрывке «О взрыве», написанном А. С. Макаренко для «Педагогической поэмы», но не вошедшим в окончательный ее текст (см с. 333—335 настоящего тома)

Метод «взрыва» А С. Макаренко использовал, как известно, при перевоспитании подростков, склонных к правонарушениям В обычных условиях воспитания область применения этого метода соответственно сужается — 131.

[2] Ригоризм — чрезмерная строгость, прямолинейность и мелочность в соблюдении нравственных принципов, в поведении.— 139

[3] Впоследствии А С. Макаренко несколько уточнил эту формулу, устранив излишне категорическое противопоставление дисциплины как результата воспитания дисциплине как средству воспитания. Выступая перед студентами и преподавателями Харьковского педагогического института 9 марта 1939 г, Макаренко сказал· «Дисциплина — это прежде всего не средство воспитания, а результат, и уже потом она становится средством» (с. 159 настоящего тома) — 140

[4] Данюшевский Израиль Исаакович (1890—1950) — советский педагог, дефектолог. С 1930 по 1943 г — директор Экспериментального дефектологического института, который в 1936 г реорганизован в Научно-практический институт специальных школ и детских домов Автор статей по вопросам дефектологии и педагогики детских домов.— 143

[5] Макбетовские ведьмы — среди действующих лиц трагедии «Макбет» В. Шекспира важную роль играют три ведьмы, сопровождающие главного героя и выступающие по отношению к нему в роли волшебниц, «вещих сестер» Однако они не только предрекали исход его жестких действий (убийств короля, многих членов его семьи и т. п.), но и по существу подстрекали Макбета к этому, следили за тем, чем все это кончится.— 146.

Мои педагогические воззрения

9 марта 1939 г. А С Макаренко выступил перед студентами и преподавателями Харьковского педагогического института. Стенограмма этого выступления впервые была опубликована в «Научных записках Харьковского государственного педагогического института» (1941). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения В 8-ми т / Сост М Д Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983 —, т. 4, с. 343—364.

[1] А. С. Макаренко отличался чрезвычайной скромностью при оценке своей деятельности. Фактически же его художественные и научно-педагогические труды составили целую эпоху в педагогической науке, заняли достойное место в фундаменте марксистско-ленинской педагогики, направленной на формирование нового человека с коммунистической моралью и идеологией.— 148.

[2] А. М. Горький в письме от 17 декабря 1932 г. писал: «Вчера прочитал Вашу книжку «Марш 30 года». Читал — с волнением и радостью. Вы очень хорошо изобразили коммуну и коммунаров. На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской души. Я Вас искренно поздравляю с этой книгой» (см. с. 550 настоящего тома).— 149.

[3] Речь идет о статье Н. П. Стороженко «Вредные советы родителям о воспитании детей» — Советская педагогика, 1938, № 3.— 150.

[4] Понятие «синтетический образ» означает, что в характере своего героя писатель обобщил черты многих лиц. Некоторые критики требовали от А. С. Макаренко «синтетических образов», не понимая того, что и характер конкретного человека также может быть типичным, а следовательно, и обобщающим. К тому же следует учитывать и то, что герои А. С. Макаренко не являются копиями его сотрудников и воспитанников. При большом сходстве с прототипами они все же содержат типичные черты, являются художественным домыслом автора.— 151.

[5] Воспитанию таких качеств, как выдержка, сдержанность, умение отказать себе в чем-либо, самообладание (т. е. воспитанию «тормозов»), А. С. Макаренко придавал большое значение. Осуждая «дисциплину торможения», он имел в виду педагогов, которые только ограничивают воспитанников и не заботятся о воспитании активности.— 154.

[6] А. С. Макаренко, считая недопустимым напоминать воспитанникам о прошлых проступках, не вел учета наказаний. Однако он твердо придерживался точки зрения о необходимости тщательного учета поведения воспитанников в колонии или коммуне. Он писал: «...даже мелкие проступки воспитанников не должны остаться без реагирования. За правило нужно взять следующее: ни один проступок воспитанников не должен быть незамеченным. В учебно-воспитательной части должна вестись постоянная регистрация всех нарушений дисциплины, традиций, стиля и тона учреждения, даже самых мелких; данные этой регистрации должны итожиться по неделям, по отрядам, бригадам и классам и быть предметом обсуждения в советах коллективов (педагогическом и детском) воспитательного учреждения» (Макаренко А. С. Соч. 2-е изд. М., 1958, т. 5, с. 49).— 161.

[7] Имеется в виду позиция школьного работника (употреблено иронически).— 164.

[8] Детальнее этот вопрос А. С. Макаренко осветил в лекции «Половое воспитание», с которой он выступил по радио в 1937 г. (см.: Макаренко А. С. Соч. 2-е изд., 1957, т. 4, с. 406).— 164.

[9] К. Маркс говорит об этом в «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 195—199).— 167.

[10] О горьковском оптимизме А. С. Макаренко подробно говорит в статье «Максим Горький в моей жизни» (см. с. 520—530 настоящего тома).— 168.

Из опыта работы

С этим докладом А. С. Макаренко выступил в Москве на совещании учителей Ярославской железной дороги 29 марта 1939 г. Это его последнее публичное выступление. Впервые доклад был опубликован в кн.: Макаренко А. С. Пед. соч. М., 1948. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов, 1983—, т. 4, с. 365—375.

[1] В июле 1935 г. А. С. Макаренко был назначен помощником начальника отдела трудовых колоний НКВД УССР.— 170.

[2] Развитие производства в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского позволило в 1931 г. в короткий срок увеличить число воспитанников со 150 до 350. Чтобы не нарушать нормальной работы полной средней школы в коммуне, для старших классов пополнение принимали из детских домов Наркомпроса УССР по конкурсу, после вступительных экзаменов. Прием детей производила на местах выездная комиссия в составе трех преподавателей и представителя совета командиров, выделенных педагогическим коллективом коммуны. Младшие классы пополнялись в обычном порядке сиротами и беспризорными детьми Этот порядок сохранялся и в дальнейшем, когда происходили значительные пополнения коммуны — 171

[3] Имеется в виду статья Ф. Энгельса «Может ли Европа разоружаться?» (1893) На русском языке впервые опубликована в 1936 г — 177.

В статье говорится о необходимости сокращения срока военной службы и *«перенесения центра тяжести военного обучения на воспитание молодежи»* Ф Энгельс доказывает возможность осуществления поставленной задачи. Он писал «Учащиеся легко могут усвоить в школе правила военного построения и передвижения сомкнутым строем. Школьник от природы держится и ходит прямо, в особенности если он занимается гимнастикой. . Передвижениям в составе взвода и роты можно обучить в каждой школе, и притом с легкостью, о которой в армии не имеют представления. То, что для новобранца является ненавистным делом, зачастую непреодолимой трудностью, для школьников — игра и развлечение Умение поддерживать интервал и равнение при движении развернутым строем, а также при поворотах,— то, что так трудно добиться от взрослых новобранцев,— школьники усвоят играючи, если только эти упражнения с ними проводить систематически. Если добрую часть лета затрачивать на походы и тренировки на местности, то это принесет пользу как физическому и духовному развитию школьников, так и военному казначейству». Энгельс считал, что такие военные прогулки можно отлично использовать для того, чтобы научить школьников решать задачи, связанные с полевой службой, и что эти прогулки «в значительной степени содействуют умственному развитию школьников и дают им возможность в сравнительно короткий срок пройти специальную военную подготовку» (Маркс К., Энгельс Ф Соч 2-е изд., т 22, с 396—397)

[4] Приказ начинался фразой «С утра все по нарядам командиров» Далее следовало распределение нарядов на предстоящую работу — 178

[5] Вестибюль, где стоял ночью часовой, был освещен. Спальни коммунаров до 1932 г. располагались на втором этаже того же здания Позднее был пристроен корпус спален, который сообщался с главным зданием — 179.

[6] Для уборки остальных помещений коммуны система жеребьевки сохранялась. Эта система подробно описана в повести «Марш 30 года» (см: Макаренко А. С. Соч. 2-е изд. М, 1957, т. 2, с. 35—36).— 179

Педагоги пожимают плечами

29 декабря 1932 г. коммуна им. Ф. Э. Дзержинского торжественно отпраздновала свой пятилетний юбилей Активное участие в этом празднике приняла выездная бригада газеты «Комсомольская правда», которая подготовила и издала небольшим тиражом сборник «Второе рождение», в котором были опубликованы четыре работы А. С. Макаренко: «Педагоги пожимают плечами», «Перевернутые страницы», «Один день коммуны», «Конституция страны ФЭД». Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 1, с. 136—144

В статье «Педагоги пожимают плечами» А С. Макаренко обобщил опыт своей работы в колонии им. А. М. Горького и в коммуне им. Ф Э Дзержинского. В ней четко сформулированы многие принципиально важные теоретические положения системы коммунистического воспитания, подтвержденные замечательным опытом выдающегося педагога.

[1] Имеются в виду постановления ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 5 сентября 1931 г. и «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 25 августа 1932 г.— 181.

[2] Высказывание А. С. Залужного (см.: Педология и воспитание. М., 1928, с. 76) — 181

[3] А. С. Макаренко имеет в виду опыт работы в колонии им. А. М. Горького, которая вначале располагалась в лесу, в нескольких километрах от г. Полтавы.— 182

[4] Здесь А. С. Макаренко намечает программу воспитания, акцентируя внимание на самых важных чертах советского человека.— 183.

[5] Авгуры — в Древнем Риме члены коллегии жрецов. Авгурами называют людей, которые делают вид, что они посвящены в особые тайны.— 184.

[6] Это положение А. С. Макаренко имеет принципиально важное методологическое значение для марксистско-ленинской педагогики. В последующих работах выдающегося педагога оно получило глубокое обоснование. Выступая 1 марта 1939 г. в лектории Московского университета, Антон Семенович подчеркнул, что «настоящая педагогика — это та, которая повторяет педагогику всего нашего общества», которая строится в соответствии с высокими требованиями нашей партии к человеку и коллективу — 184

[7] Коммуна им. Ф. Э. Дзержинского имела два завода: по производству электросверлилок и пленочных фотоаппаратов. По уровню своего оборудования и качеству выпускаемой продукции они соответствовали самым высоким требованиям того времени — 185

[8] Положение А. С. Макаренко о том, что воспитанника следует рассматривать не только в качестве объекта воспитания, но и как его носителя-субъекта, является существенно важным в системе коммунистического воспитания. Наличие четко организованного коллектива, подлинного самоуправления, включающего всех воспитанников в активный воспитательный процесс,— необходимое условие этой системы — 186.

Доклад на заседании секции социального воспитания Украинского научно-исследовательского института педагогики

Доклад был сделан на заседании секции социального воспитания института 14 марта 1928 г. Это заседание саркастически описано А. С. Макаренко в «Педагогической поэме» (часть III, гл. 14, «Награды»). Впервые доклад опубликован во 2-м изд. Сочинений А. С. Макаренко (М., 1958, т. 5, с. 325—340). Печатается по изданию. Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 1, с. 69—80.

[1] На этом А. С. Макаренко закончил свой доклад. Последующий текст воспроизводит стенограмму его краткого выступления в прениях и заключительного слова.— 194.

План книги «Опыт методики работы детской трудовой колонии»

Этот «Общий план» А. С. Макаренко написал для себя, приступая к созданию книги, в которой он хотел обобщить опыт работы в колонии им. М. Горького и в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Как видно из написанных глав, автор в процессе работы несколько изменил последовательность изложения материала.

Впервые «Общий план» опубликован в кн.: Макаренко А. С. Пед. соч. М., 1948 Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 1, с. 190—193.

Опыт методики работы детской трудовой колонии (Материалы книги)

В 1931 г. А. С. Макаренко начал работать над книгой о методике организации работы детской трудовой колонии (на основе собственного опыта работы в колонии им. М. Горького и в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского). Как видно из плана книги, Макаренко хотел создать пособие, охватывающее все основные проблемы и этапы жизнедеятельности учреждения данного типа.

В 1932 г. были написаны 3 части: предисловие, вступление, включающее подразделы «Цель воспитания», «Коллектив», «Педагогическая логика» и «Организационный период». На этом работа была прервана, так как автор готовил к печати «Педагогическую поэму» и был занят решением сложных задач расширения коммуны им. Ф. Э. Дзержинского.

Впервые эти материалы опубликованы в кн.: Макаренко А. С. Пед соч. М., 1948 Главы «Цель воспитания» и «Педагогическая логика» были одновременно опубликованы также в журн. «Вопросы философии» (1948, № 2). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения. В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983— т. 1, с. 166—190.

[1] Дальнейшее развитие положения А С Макаренко о цели воспитания получили в его статье «Цель воспитания» (см с 283—291 настоящего тома) —203

[2] А. С. Макаренко, говоря о возможности «брака» в существующих условиях воспитания, был решительным сторонником «безбрачного» воспитания Выступая во Фрунзенском районном Доме учителя г. Москвы 8 февраля 1939 г, он говорил «Я категорически утверждаю и всю жизнь говорю ни одного процента брака, ни одной загубленной жизни.

Давайте же, товарищи, примем за норму — ни одного процента брака в воспитательной работе» (Макаренко А С Соч 2-е изд, М, 1957, т 4, с. 488).— 205.

[3] Аркин Ефим Аронович (1873—1948) — советский педагог и врач, автор работ по вопросам гигиены, дошкольной педагогики, воспитания в семье — 210.

[4] А. С. Макаренко имеет здесь в виду постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 25 августа 1931 г.— 214

[5] Дьюи Джон (1859—1952) — американский педагог, психолог и философ идеалист. Разработанная им разновидность прагматизма, названная инструментализмом, послужила основой его педагогики. Он противопоставляет школьной системе, основанной на приобретении и усвоении знаний, обучение «путем делания», когда все знания извлекаются из практической самодеятельности и личного опыта ребенка. Педагогика Дьюи направлена на подготовку практиков-дельцов, умеющих приспосабливаться к жизни, к различным ситуациям, т е делать карьеру в буржуазном обществе. Его установки на борьбу с формализмом школьного обучения в начале 20-х годов пользовались симпатией некоторых педагогов, его высказывания о детях сочувственно цитировались. А. С Макаренко осуждал некритическое отношение к теории Дьюи.

Наторп Пауль (1854—1924) — немецкий буржуазный философ и педагог, неокантианец, один из представителей так называемой социальной педагогики. Он рассматривал воспитание как средство обеспечить «здоровое совместное сосуществование» классов и единственный путь к совершенствованию общества. В начале XX в. среди части русских педагогов популярной была книга Наторпа «Социальная педагогика», изданная на русском языке в 1911 г

Бременцы — в данном случае группа немецких мелкобуржуазных школьных деятелей, организовавших в 1920 г в г Бремене опытно-показательную школу, пропагандировавшую идеи мелкобуржуазной анархистской педагогики В 1921 г эта школа распалась. Говоря о «соленой воде» бременцев, А С. Макаренко подразумевал, по-видимому, их высказывания о «понимающей любви учителя», о «прирожденном разуме ребенка» и т п — 214

[6] А. С. Макаренко резко критиковал традиционную педагогику, утопающую в абстрактных суждениях и игнорирующую технологию педагогического процесса В «Педагогической поэме» он написал, что традиционное педагогическое производство никогда не строилось по технологической логике, а всегда по логике моральной проповеди Макаренко считал это одним из главных недостатков педагогической науки.— 214

[7] А. С. Макаренко неоднократно обращал внимание на типичные ошибки педагогической логики, подробно анализировал их в своих выступлениях перед сотрудниками Наркомпроса РСФСР (см с 9—89 настоящего тома) и в ряде других лекций и выступлений — 216.

[8] Эти положения А С Макаренко имеют особо важное теоретическое и практическое значение для современной педагогической теории и практики.— 217.

[9] Речь идет о коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, в организации которой А. С. Макаренко принимал самое непосредственное и активное участие.— 220.

[10] А. С Макаренко имеет в виду колонию им. М. Горького, ее Куряжский период в 1926 г. (см.: Макаренко А. С. Соч. 2-е изд., М., 1957, т. 1. с 394 и далее).— 221.

[11] Имеются в виду эпизоды из кинокартины «Путевка в жизнь».— 223.

[12] Бокль Генри Томас (1821—1862) — английский историк и социолог-позитивист. Автор книги «История цивилизации Англии». Он связывал развитие сознания непосредственно с условиями географической среды, считая накопление знаний причиной изменения общественно-политического строя.— 223.

[13] С 1930 г. коммуна им. Ф Э. Дзержинского получала от своих мастерских (слесарно-механической, деревообрабатывающей, пошивочной) столь значительные доходы, что это позволило ей перейти на полную самоокупаемость. Введена была зарплата для коммунаров и создан фонд совета командиров. Кроме того, коммуна ежегодно давала государству около 5 млн. рублей чистой прибыли.— 224.

[14] А. С. Макаренко с самого начала организации коммуны считал необходимым создать серьезную производственную базу, однако к ее открытию это было осуществлено только частично — 225.

Тезисы доклада «Организация воспитания трудного детства»

Доклад был сделан А. С Макаренко на Всеукраинской конференции детских городков в 1926 г. Тезисы впервые опубликованы в 1952 г. в 7-м томе 1-го изд. Сочинений А С. Макаренко. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов М., 1983—, т 1, с 53—54

Письмо заведующему Главным управлением социального воспитания НКП УССР

Письмо написано в 1928 г. В нем изложены основные принципиальные положения педагогической системы А. С. Макаренко. Впервые опубликовано в 1952 г. в 7 м томе 1-го изд. Сочинений А. С. Макаренко. Печатается по изданию: Макаренко А. С Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост. Л. Ю. Гордин, А. А Фролов. М., 1983—, т. 1, с. 92—94.

На педагогических ухабах

Впервые опубликована как 12 глава первой части «Педагогической поэмы» в 1935 г. в украинском издании. В русских изданиях при жизни автора опубликована не была. В начале 1951 г. отделом Института мировой литературы АН СССР был разыскан авторский машинописный экземпляр этой главы. Впервые авторский текст был опубликован в 7-м томе 1-го изд. Сочинений А. С. Макаренко (1952) Печатается по изданию: Макаренко А. С. Соч 2-е изд., М., 1957, т 1, с 648—654.

Глава представляет большой теоретический и практический интерес. Особую значимость она приобретает в связи с необходимостью рационального обучения с производительным трудом учащихся, что требуется проводимой в настоящее время школьной реформой.

Очерк о работе Полтавской колонии им. М. Горького

Очерк написан в 1925 г. Впервые опубликован в 7-м томе 1-го изд. Сочинений А. С. Макаренко (1952). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т / Сост: Л. Ю Гордин, А. А. Фролов. М., 1983—. т. 1, с. 44—53.

[1] В авторской машинописи стерто.— 242.

Прекрасный памятник

Статья написана в 1936 г. Впервые опубликована в газете «Правда» (1937, 20 июля) в связи с десятилетием со дня смерти Ф. Э. Дзержинского. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Соч. 2-е изд. М., 1958, т. 5, с. 341—345.

[1] Эти слова Ф. Э. Дзержинский сказал в 1922 г. А. В. Луначарскому, предлагая ему привлечь ВЧК для борьбы с детской беспризорностью. См.: Луначарский А. В. Ф. Э. Дзержинский в Наркомпросе.— Нар. просвещение, 1926, № 7.— 245.

Операционный план педагогической работы трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского

Документ разработан А. С. Макаренко предположительно в самом начале 1928 г. Хранится в Харьковском государственном архиве в фондах Харьковского гороно (ф. р. 4, оп. 1, д. 85, лл. 6—9 об.).

Материал впервые был обнаружен Н. Н. Оксой. Первая детальная публикация о нем дана в брошюре. А. С. Макаренко в Харькове / Сост.: Попова Л. Д., Корнилов В. В., Видченко А. Г., Окса Н. Н. Харьков, 1983, с. 22—28. Комментарий этого материала дан также Ф. И. Науменко (Учит. газ., 1983, 14 июля).

В этом документе А. С. Макаренко впервые систематически изложил принципиальные позиции своей педагогики коллектива, сохраняющие свою актуальность и поныне.

Публикуется по архивной справке с некоторыми редакционными исправлениями.

[1] Аркадия — гористая область в центре Пелопоннеса, ныне частично входит в одноименный ном (мелкая административная единица Греции). В древности население Аркадии, богатой прекрасными пастбищами, занималось преимущественно скотоводством. В переносном смысле Аркадия — это идиллическая страна «аркадских пастушков».— 250

[2] В данном случае в понятие «партийный» А. С. Макаренко, по-видимому, вкладывал смысл «политический», что включало в себя и принадлежность учащихся к политическим общественным организациям (комсомольской, пионерской).— 251.

[3] Янычары — турецкая регулярная пехота, организованная в XIV в. и использовавшаяся турецкими феодалами в их захватнических, грабительских войнах. Янычары, составлявшие замкнутую военную касту, вскоре стали оплотом реакции в Османской империи — 253

[4] 15—20 ноября 1927 г. в Москве состоялась Всероссийская конференция работников детдомов, на которой выступал А. С. Макаренко — 254.

«Конституция» трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского

Данный проект «Конституции» разработан А. С. Макаренко в первый год существования коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Он хранится в Харьковском государственном архиве, в фондах Харьковского гороно (ф. р. 4, оп. 1, д. 85, лл. 6—9 об.). Материал впервые был обнаружен Н. Н. Оксой. Первая детальная публикация о нем дана в брошюре А. С. Макаренко в Харькове / Сост.: Л. Д. Попова, В. В. Корнилов, А. Г. Видденко, Н. Н. Окса. Харьков, 1983, с. 22—28. Комментарий этого материала дан также Ф. И. Науменко / Учит. газ., 1983. 14 июля). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Избранные произведения: В 3-х т. / Редкол.: Н. Д. Ярмаченко (председатель) и др. К., 1984, т. 3, с. 249—255.

Конституция страны ФЭД

«Конституция» коммуны им. Ф. Э. Дзержинского является дальнейшим развитием и углублением традиций колонии им. А. М. Горького, устав которой, именуемый «конституцией», не сохранился. Утверждена правлением коммуны при участии колонистов 4 февраля 1928 г.

Впервые статья опубликована в сборнике «Второе рождение», изданном к пятилетию коммуны им. Ф. Э. Дзержинского (Харьков, 1932). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 1, с. 149—154.

[1] В коммуне существовал порядок, в соответствии с которым для выступающих устанавливался постоянный регламент в одну минуту. За этим строго следили не только руководители собрания, но и все присутствующие, ибо на столе стояли песочные часы, рассчитанные только на одну минуту.

Важной традицией являлось также и то, что на собрании не подводилось черты под списком желающих выступить. Если хоть один из участников собрания желал выступить, председательствующий обязан был предоставить ему слово.— 263.

Докладная записка члену правления коммуны им. Ф. Э. Дзержинского

Написана в декабре 1930 г. Впервые опубликована в 7-м томе 1-го изд. Сочинений А. С. Макаренко (1952). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 1, с. 119—135.

[1] В период с 28 августа 1926 г. по 11 декабря 1927 г. колонию им. М. Горького в Куряже посетило 32 иностранные делегации. В 1928 г. в Нью-Йорке вышла книга Л. Вильсон «Новая школа в новой России», где с большим одобрением описывалась педагогическая практика горьковской колонии. Эта книга была известна А. С. Макаренко — 268.

[2] Имеется в виду буржуазная «Декларация о правах человека и гражданина», принятая учредительным собранием в начале французской буржуазной революции 26 августа 1789 г.— 272.

[3] Погребинский М. С — руководитель трудкоммуны бывших правонарушителей им. ОГПУ № 1 в Болшеве, автор книги «Фабрика людей» (М., 1928) — 274

[4] Имеется в виду последствия неурожая на Украине.— 278.

[5] В написанной А. С. Макаренко хронике «Перевернутые страницы» имеется запись от 3 декабря 1930 г.: «Посещение коммуны красными фронтовиками Германии» (Макаренко А. С. Соч. М., 1953, т. 2, с. 425).— 282.

Цель воспитания

Статья написана в августе 1937 г., впервые напечатана в газете «Известия» (1937, 28 авг.). Вопрос о цели воспитания подробно рассмотрен А. С. Макаренко также в лекции «Методы воспитания» (см. с. 9 настоящего тома). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / / Сост. М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 4, с. 41—49.

[1] Педологи исходили из того, что судьба ребенка предопределена его наследственностью и влиянием какой-то якобы неизменной социальной среды — 283.

[2] Бубнов Андрей Сергеевич (1884—1940) — советский государственный, партийный деятель. С 1929 по 1937 г. был народным комиссаром просвещения РСФСР — 284

[3] Здесь имеется в виду одно из течений буржуазной педагогики конца XIX — начала XX в., все положения которого строились на данных эмпирических наблюдений и специально поставленного эксперимента. В центре внимания экспериментальной педагогики находилось не обучение ребенка, а изучение самого ребенка. Ее представители — немецкие психологи и педагоги В. Лай, Э. Мейман, французский психолог А. Бине, американские психологи и педагоги С. Холл, Э. Торндайк и др.— 284.

[4] Гербарт Иоганн Фридрих (1776—1841) — немецкий педагог, разработал теорию воспитания, которая носила резко выраженный реакционный характер.

Опираясь на идеалистическую философию и психологию, Гербарт пытался доказать, что обучение решает все задачи воспитания. Его концепция «воспитывающего обучения» фактически отождествляла воспитание с обучением, явилась основой так называемой «школы учебы», в которой обучение доминирует над воспитанием. Н. К. Крупская подвергла резкой критике «школу учебы», указав на неприемлемость такого подхода для социалистической школы, в которой, по ее убеждению, воспитание должно доминировать над обучением. Такой позиции придерживался и А. С. Макаренко — 285

[5] Чуждый коммунистической морали характер такой психологии А. С. Макаренко разоблачал также в своих работах по этике (см. с. 312—318 настоящего тома) — 287

[6] А. С. Макаренко считал, что дисциплинированность — это не одно из многих свойств, а проявление всей совокупности качеств, характеризующих личность — 290.

Коммунистическое воспитание и поведение

Лекция была прочитана А. С. Макаренко 1 марта 1939 г. в лектории Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Впервые опубликована в кн.: Макаренко А. С. Пед. соч. М., 1948. Здесь же опубликован и план этой лекции. Печатается с некоторыми сокращениями по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения. В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 4, с. 322—342.

[1] Имеется в виду 20-летний юбилей школы № 1 Ярославской железной дороги, где работал А. К. Волнин, бывший директор Полтавского учительского института, в котором А. С. Макаренко учился в 1914—1917 гг. — 292

[2] Цитируется речь В. И. Ленина на III съезде РКСМ (1920 г.). См.: Ленин В. И. Задачи союзов молодежи. — Полн. собр. соч., т. 41, с. 311 — 296

[3] См.: Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше. — Полн. собр. соч., т. 45, с. 390—298.

[4] Разумеется, А. С. Макаренко не только не оправдывал никаких недостатков личности, но и призывал постоянно совершенствовать положительные качества характера и поведения. — 298

[5] Имеется в виду постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле» (см.: Трудовое законодательство. М., 1945, с. 87). — 305

[6] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Соч. 2-е изд., т. 3, с. 236 — 306.

[7] См.: Маркс К. Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 198. — 308.

[8] С 1946 г. издается ежемесячный журнал «Семья и школа» — 309

[9] В устранении «бытовой бесформенности» школьного коллектива А. С. Макаренко усматривал важнейшее условие повышения эффективности коммунистического воспитания учащихся. Многие школы, следуя его советам о создании разновозрастных отрядов школьников по бытовому принципу, добиваются заметных успехов в коммунистическом воспитании — 310.

О коммунистической этике

Статья написана в феврале 1939 г. после опубликования проекта решений XVIII съезда ВКП(б) о третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1938—1942). Впервые опубликована в кн.: Макаренко А. С. Пед. соч. М.; Л., 1948. Автором статья не озаглавлена.

Печатается по указанному изданию с некоторыми сокращениями.

[1] А. С. Макаренко цитирует в сокращении слова В. И. Ленина (см.: Ленин В. И. Государство и революция.— Полн. собр. соч., т. 33. с. 102).— 318.

Воля, мужество, целеустремленность

Статья написана в феврале — марте 1939 г. для газеты «Рабочая Москва». Впервые опубликована (с некоторыми сокращениями) в кн.: Макаренко А. С. Избр. пед. произведения. М., 1946. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 4, с. 316—320.

Разговор о воспитании

В октябре 1936 г. в Московском областном педагогическом институте был организован диспут по книге «Педагогическая поэма», в котором приняло участие свыше 900 человек. Выступление на диспуте А. С. Макаренко и его заключительное слово впервые были опубликованы в журн. «Советская педагогика» (1952, № 4) в статье Н. А. Сундукова «О некоторых архивных документах Антона Семеновича Макаренко». Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 4, с. 35—36.

[1] В плане книги «Опыт методики работы детской трудовой колонии» эти влияния объединены под общей рубрикой «Внутренние отношения» (см. с. 201 настоящего тома). По свидетельству Г. С. Макаренко, термином «чистое влияние» А. С. Макаренко обозначил непосредственное влияние личности воспитателя в отличие от педагогически организованного влияния.— 325.

Что значит воспитать ребенка?

Текст представляет собой материал к выступлению или проспект задуманной автором работы. Написан после возвращения А. С. Макаренко из Харькова между 13 марта и 1 апреля 1939 г. Впервые опубликован в кн.: Макаренко А. С. Пед. соч., М., 1948. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 4, с. 364—365.

О воспитании

Предположительно фрагмент написан в 1922 г. Впервые опубликован в 1958 г. в 7-м томе 2-го изд. Сочинений А. С. Макаренко. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 1, с. 12—13.

О путях общественного воспитания

Данный фрагмент написан предположительно в 1932 г. Впервые опубликован в «Учительской газете» (1957, 14 марта). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Соч. 2-е изд. М., 1958, т. 7, с. 384—387.

Понятие дисциплины в общей системе воспитания

Тезисы датируются предположительно 1922 г. Впервые опубликованы в 1958 г. в 7-м томе 2-го изд. Сочинений А. С. Макаренко. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 1. с. 11—12.

[1] Норман Мак-Мен — автор книги — «Путь к свободе в школе» (Петроград, 1915). — 331.

Выбор профессии

В 1937 г. А. С. Макаренко был привлечен к консультациям для оканчивающих среднюю школу по вопросу о выборе профессии. Он выступал на собраниях учащихся, проводил индивидуальные беседы. Это, по-видимому, и послужило стимулом для написания статьи.

Статья опубликована на французском языке в ежемесячном иллюстрированном журнале «Revue de Moscou» (1937, № 9) под названием «Путевка в жизнь». На русском языке впервые опубликована в кн: А. С Макаренко Пед соч. М., 1948 Печатается по изданию. Макаренко А С Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М, 1983— , т. 4, с. 38—39.

[1] Педагогический стаж А. С. Макаренко до начала его работы в колонии им. М. Горького составлял около 16 лет — 331

О «взрыве»

Первоначально А. С. Макаренко предусматривал дать этот материал в «Педагогической поэме», однако в окончательный текст «Поэмы» он не вошел.

Фрагмент впервые был опубликован (под другим названием) в «Учительской газете» (1949, 30 марта). Печатается по изданию Макаренко А. С. Соч. 2-е изд. М., 1958, т. 5, с. 507—510

Художественная литература о воспитании детей

21 апреля 1937 г. в Политехническом музее А С Макаренко прочел лекцию, которая была объявлена следующим образом. «Художественная литература о воспитании беспризорных и безнадзорных» Однако по своему содержанию лекция значительно шире поставленной темы и включает анализ ряда принципиальных вопросов педагогической теории (критика педологии, связь педагогической науки с политикой, взаимоотношение между целью и методами воспитания и т д.). Сам Антон Семенович данную лекцию назвал беседой. На ней присутствовали воспитанники А. С. Макаренко, коммунары-дзержинцы Впервые обработанная стенограмма лекции опубликована в сокращении в кн: А. С Макаренко. Пед. соч. М., 1948 Печатается по изданию Макаренко А. С. Избр. пед. соч.: В 2-х т. М., 1977, т. 2. с 209—254

[1] А. С. Макаренко указывает на идейную близость педологии и различных педоцентристских теорий, выводящих не только цели, но и содержание, формы и методы обучения и воспитания из особенностей психического развития ребенка.— 338

[2] Высказывание не означает, что А. С. Макаренко был противником воспитания гармонической личности Вся его деятельность и творческое наследие проникнуты идеей воспитания гармонической личности. Основной целью советской педагогики, по его мнению, «должно быть воспитание цельной коммунистической личности» (Макаренко А С. Соч 2-е изд, М, 1958, т 7, с 175) — 339.

[3] Имеется в виду заседание секции социального воспитания Украинского научно-исследовательского института педагогики 14 марта 1928 г, на котором А.С Макаренко выступил с докладом «Основные положения организации воспитания в коммуне им Ф. Э. Дзержинского» — 339

[4] Более подробное раскрытие этой мысли дал А С. Макаренко в «Педагогической поэме» (см. настоящее изд, т 1, с 423—426).— 339

[5] См. «Педагогическую поэму» (см настоящее изд., т 1, с 325).— 340.

[6] А. С. Макаренко дает преувеличенную оценку данного рассказа — 341.

[7] Калабалин Семен Афанасьевич — один из первых воспитанников в колонии им. М. Горького, в последующем — страстный пропагандист и последователь педагогической системы А. С. Макаренко (в «Педагогической поэме» — Семен Карабанов) — 342.

[8] Имеются в виду слова некоторых персонажей и заведующего колонией Мартынова из книги Л. Сейфуллиной (См.: Сейфуллина Л. Правонарушители. М., 1928, с. 131, 144) — 343.

[9] Деятельность коммуны им. Ф. Э. Дзержинского А. С. Макаренко впоследствии описал в книге «Флаги на башнях».— 348.

[10] Речь шла о бывшем коммунаре Леониде Вацлавовиче Конисевиче, награжденном орденом «Знак Почета» за участие в эвакуации испанских детей из порта Бильбао в 1936 г.— 349.

[11] Прототип Ужикова — Фейгельсон (см.: Макаренко А. С. Типы и прототипы персонажей «Педагогической поэмы» — Соч. 2-е изд., М., 1957, т. 1, с. 683) — 349.

[12] Под этим названием «Педагогическая поэма» была издана в 1936 г. на английском и в 1939 г. на французском языках.— 350.

[13] В архиве А. С. Макаренко сохранились рукописи сценариев «Флаги на башнях», «Настоящий характер» (1938) и сценария без заглавия (1939).— 350.

[14] Имеется в виду колония в Броварах, пригороде Киева, которой А. С. Макаренко заведовал с октября 1936 г. по январь 1937 г. по совместительству с основной работой в должности помощника начальника Отдела трудовых колоний НКВД УССР. Здесь особенно ярко проявилось педагогическое мастерство Макаренко. Применяя систему педагогических методов, выверенную в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, он в течение 15—20 дней превратил деморализованную толпу ребят в прочный коллектив — 352.

[15] Эту награду А. С. Макаренко получил в связи с 5-летним юбилеем коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, торжественно отмеченным 29 декабря 1932 г.— 355.

[16] А. С. Макаренко женился в 1927 г. на Галине Стахиевне Салько, работавшей в то время председателем Харьковской окружной комиссии по делам несовершеннолетних.— 355.

[17] Более подробно А. С. Макаренко говорил о наказаниях в докладе, прочитанном для учителей начальных и средних школ Ленинграда и Ленинградской области 16 октября 1938 г. (см. с. 120—122 настоящего тома).— 355.

[18] Речь идет о персонажах «Педагогической поэмы» Вере Березовской и Наталии Петренко (см. настоящее изд., т. 1, с. 238, 239 и др.).— 355.

[19] Разработанная А. С. Макаренко в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского система расходования коммунарами их заработной платы была также методом воспитания ответственности, хозяйственности и коллективизма. Здесь имеются в виду суммы, которые составлялись из отчисляемых каждым коммунаром процентов от своей зарплаты в фонд совета командиров. Эти деньги находились в распоряжении совета командиров и употреблялись на культурные нужды коллектива, для помощи выпускникам и т. п.— 356.

[20] Сердюк Калина Иванович — с сентября 1920 г. по май 1922 г. был заведующим хозяйством колонии им. М. Горького.— 356.

План лекции «Режим и дисциплина»

По данному плану А. С. Макаренко прочитал лекцию в Наркомпросе РСФСР на тему: «Дисциплина, режим, наказания и поощрения». Впервые план опубликован в кн.: Макаренко А. С. Пед. соч. М., 1948. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения. В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 4, с. 121—122.

План лекции «Коммунистическое воспитание и поведение»

Многие из тем, намеченных в этом плане, А. С. Макаренко развил в статье «О коммунистической этике» и в лекции «Коммунистическое воспитание и поведение», публикуемых в настоящем томе. Впервые план опубликован в кн.: Макаренко А. С. Пед. соч. М., 1948. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Соч. 2-е изд. М., 1958, т. 5, с. 518—520.

Выступление в Высшем коммунистическом институте просвещения

В мае 1936 г А С Макаренко присутствовал на обсуждении «Педагогической поэмы» в Высшем коммунистическом институте просвещения и выступил с заключительным словом Его выступление имеет резко полемический характер, но оно проникнуто настойчивым требованием создать на подлинно научных основах методику и технику коммунистического воспитания Впервые текст опубликован в сборнике А. С Макаренко. Львов 1969, кн 7 Печатается по указанному изданию.

[1] В Н. Шульгин возглавил группу педагогов, которые насаждали и отстаивали антиленинскую теорию «отмирания школы» — 360

[2] А С. Макаренко имеет в виду Руссо как создателя теории анархической педагогики, центральной фигурой которой является воспитатель-одиночка В советской же педагогике воспитатель выступает прежде всего как член педагогического коллектива — 362.

[3] См. В. И Ленин Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) на XI съезде партии — Полн собр соч, т 45, с 110 — 362

[4] Выступая в Московском областном педагогическом институте, А С. Макаренко говорил «Я не отрицаю науку педагогику Глубоко уважаю старых педагогов. Много их читал и многому научился у них, но нам нужно продолжать дело создания воспитательной методики (Макаренко А С Соч 2-е изд, 1958, т 5, с 515—516).— 363.

Лекции о воспитании детей

Лекции были прочитаны А. С. Макаренко по радио в 1937 г в цикле «Педагогическая пропаганда для родителей».

Семь лекций (2—8-я) впервые опубликованы в 1940 г. в «Учительской газете» (15, 20, 22, 24, 29 сентября, 9 и 13 октября). Две лекции одновременно были опубликованы и в газете «Известия» — «Воспитание в труде» 15 сент. и «О родительском авторитете» 19 сент. 1940 г. Первая лекция впервые была опубликована при отдельном издании лекций — А. С. Макаренко Лекции о воспитании детей. М., 1940 Печатается по изданию: Макаренко А С Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост: М Д Виноградова, А А Фролов. М, 1983— , т. 4. с. 59—116.

В «Радиопрограмме» от 2 сентября 1937 г. указывалось «Беседы тов Макаренко имеют целью помочь родителям научиться размышлять над своими семейными делами, научиться видеть особенности своей семьи, научиться делать из своих наблюдений правильные выводы.

Правильным воспитанием может быть только сознательное воспитание Как и всякое дело, воспитание невозможно без некоторых педагогических познаний. Беседы тов. Макаренко имеют целью дать начатки таких познаний Это поможет родителям проверить свой опыт, свою практику, поможет найти в воспитательной работе возможные ошибки» (см: Макаренко А. С. Избр. пед соч: В 2-х т. М., 1977, т. 2, с. 280—281).

[1] Под перевоспитанием А. С. Макаренко понимал не обычное исправление недостатков характера и поведения, а полноценное формирование личности — 364

[2] Этой теме А. С. Макаренко посвятил статью «Выбор профессии» (см с. 331—333 настоящего тома).— 365

[3] А С. Макаренко был твердо убежден, что методы воспитания должны вытекать из цели воспитания Более подробно он осветил этот вопрос в лекции «Художественная литература о воспитании детей» (см с. 336—356 настоящего тома).— 368.

[4] В коммуне им. Ф Э. Дзержинского премирование воспитанников практиковалось редко. Высшей формой поощрения являлось объявление благодарности в приказе перед строем воспитанников — 374.

[5] По данным специалистов в области дошкольного воспитания, грань перехода от индивидуальной игры к групповой подвижна. В современных условиях многие дети уже к трем годам предпочитают групповые игры. А. С. Макаренко

справедливо считал, что индивидуальные и групповые игры дополняют друг друга в развитии личности ребенка — 380.

[6] Частью этой системы могут быть и специальные дисциплинарные упражнения. Более подробно А. С. Макаренко пишет об этом в «Методике организации воспитательного процесса» (раздел «Дисциплина и режим»).— 386.

[7] В «Методике организации воспитательного процесса» А. С. Макаренко определяет четыре признака правильного режима: а) целесообразность, б) точность, в) общность, г) определенность. Под общностью понималось требование обязательности режима для всех (см.: Макаренко А. С. Соч. 2-е изд. М., 1958, т. 5, с. 39—41).— 392

[8] Метерлинк Морис (1862—1949) — бельгийский писатель-символист.— 415.

Семья и воспитание детей

А. С. Макаренко прочитал эту лекцию в редакции журнала «Общественница» 22 июля 1938 г. В сокращенном варианте впервые опубликована в «Учительской газете» (1944, 29 марта), ответы на вопросы — в журнале «Семья и школа» (1948, № 11). Вместе с выступлениями родителей лекция опубликована в приложении к журн. «Советская педагогика» (см.: Макаренко А. С. Избр. пед. соч. В 4-х кн. М., 1949, кн. 1). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост. М. Д. Виноградова, А. А. Фролов, М., 1983— , т. 4, с. 211—229

[1] В августе 1933 г. коммуну им. Ф. Э. Дзержинского посетил премьер-министр Франции Э. Эррио — 433

[2] О методах влияния школы на семью А. С. Макаренко более подробно говорил в лекциях, прочитанных в лектории Московского государственного университета 1 марта 1939 г. и для учителей Ярославской железной дороги 29 марта 1939 г.— 440.

Воспитание в семье и школе

8 февраля 1939 г. А. С. Макаренко выступил с докладом на встрече с учителями во Фрунзенском районном Доме учителя г. Москвы. Часть этого доклада впервые была опубликована в «Учительской газете» (1940, 27 дек.). Печатается по изданию. Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 4, с. 287—314

[1] Татаринов Тимофей Денисович (в «Педагогической поэме» — Киргизов) работал в колонии им. М. Горького воспитателем, затем руководил школой, а в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского до весны 1934 г. был заведующим производственным обучением.— 447.

[2] Не имея штатных заместителей, А. С. Макаренко всегда имел помощников на разных участках работы коллектива из числа лучших педагогов, которые за дополнительную работу получали доплату.— 448

[3] Имеется в виду статья А. С. Макаренко «Проблемы воспитания в советской школе» (см. с. 92 настоящего тома).— 448

[4] Воспитание высокой ответственности за порученное дело — важнейший принцип в системе коммунистического воспитания А. С. Макаренко. Он полагал, что школа должна уделять серьезное внимание организации разносторонней и ответственной деятельности учащихся.— 455

[5] Ниточная мастерская коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, обслуживаемая лишь наемными рабочими, в конце 1930 г. была закрыта из-за несоответствия учебно-воспитательным задачам коммуны — 455.

[6] В колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского очень много внимания уделялось цветоводству. Обилие цветов на территории и в зданиях этих заведений создавало весьма благоприятные условия для эстетического воспитания коллектива.— 455

[7] Речь идет о встрече с учителями в Ленинградском областном Доме учителя 16 октября 1938 г.— 456.

Советы родителям

По времени написания они относятся предположительно к последним годам жизни А. С. Макаренко и являются набросками задуманного им продолжения «Книги для родителей». Соавтором «Советов родителям» следует считать Галину Стахиевну Макаренко, которая готовила многие материалы к «Книге для родителей». «Советы родителям» отобрал из архива и подготовил к печати Е. С. Долгин. Впервые опубликованы издательством «Знание» под названием «Макаренко советует родителям (из архива выдающегося педагога)» в серии «Народный университет. Педагогический факультет» (1970, № 4). Печатается по указанному изданию.

Детство и литература

Статья была опубликована в газете «Правда» (1937, 4 июля). В ней развиваются идеи, высказанные А. С. Макаренко в лекции «Художественная литература о воспитании детей». Печатается по изданию: Макаренко А. С. Избр. пед. соч.: В 2-х т. М., 1977, т. 2, с. 335—340.

Максим Горький в моей жизни

Статья написана в 1936 г., непосредственно после смерти А. М. Горького. Впервые опубликована в альманахе «Год XIX» (1936, кн. 10). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов, М., 1983.— , т. 4, с. 8—18.

[1] Засодимский Павел Владимирович (1843—1912) — русский писатель-народник.— 520.

[2] Орлов — учитель, товарищ А. С. Макаренко по работе в Долинском двухклассном железнодорожном училище.— 523.

Дети в стране социализма

Работа была написана А. С. Макаренко в начале 1939 г. для советского отдела международной выставки в Нью-Йорке. Издана в том же году отдельной брошюрой на английском языке. На русском языке впервые опубликована в 7-м томе 1-го изд. Сочинений А. С. Макаренко (1952). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.. М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 4, с. 277—281.

Заявление в Центральный институт организаторов народного просвещения

Заявление датировано 24 августа 1922 г. Впервые опубликовано в журн. «Исторический архив» (1961, № 2, с. 228—229). Публикации с сокращением: Дементьев А., Токарев Ю. Новые документы о Макаренко.— Нева, 1955, № 8, с. 171—172; Лялин Н. Личное дело студента А. Макаренко: Новые архивные материалы.— Учительская газета, 1955, 3 дек. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 1, с. 8—11.

О личности и обществе

Статья была написана в связи с принятием первого Основного закона реального социализма — Конституции СССР — Чрезвычайным VIII съездом Советов 5 декабря 1936 г. Опубликована в газете «Известия» (1936, 9 дек.). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Соч. 2-е изд. М., 1958, т. 7. с. 11—13 с некоторыми сокращениями.

[1] Трансцендентная категория — в идеалистической философии: недоступная показанию, находящаяся за пределами опыта.— 537.

[2] Речь идет о следующих этических воззрениях: этике христианства («любовь к ближнему»), ницшеанстве (идеи «сверхчеловека», «человека-зверя»), толстовстве («не противься злому»), моральном нигилизме («скашивай на нет»), пессимистическом индивидуализме («спасайся, кто может») — 537.

[3] Данное определение коллектива является значительным вкладом А. С. Макаренко в педагогику и социологию. Правда, зародыши коллектива появляются еще в буржуазном обществе в виде революционных организаций — предвестников будущего, которые, отстаивая интересы трудящихся, ведут с буржуазным миром борьбу. Однако в наиболее точном смысле этого слова коллектив как социально-общественное явление органически связан с социализмом и коммунизмом. Ярким подтверждением этому является принятие Верховным Советом СССР Закона о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями и организациями (1983 г.).— 538.

Из переписки А. С. Макаренко с А. М. Горьким

Впервые опубликована по частям в журн. «Октябрьские всходы» 1928, № 8); альманахе «Год XIX» (1936, кн. 10), в «Педагогической поэме» (М., 1940), в «Учительской газете» (1946, 19 июня) и в «Известиях АПН РСФСР» (1952, вып. 38). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Избр. пед. соч.: В 2-х т. М., 1977, т. 2, с. 149—198 с некоторыми сокращениями.

Переписка А. С. Макаренко с А. М. Горьким представляет особую ценность и значимость как документальный материал, позволяющий воссоздать отдельные периоды жизни колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, в которых закладывался фундамент принципиально новой системы коммунистического воспитания, базирующейся на марксистско-ленинской методологии.

Горьковские оценки педагогического опыта А. С. Макаренко, его новаторской системы воспитания сыграли выдающуюся роль в становлении новой советской педагогики. Они вдохновляли Антона Семеновича на творческий труд, на бескомпромиссную борьбу с традиционными лженаучными педагогическими «теориями» и «концепциями».

[1] Алексей Максимович Горький родился 28 марта 1868 г. В письме дата названа ошибочно — 541.

[2] А. С. Макаренко положительно относится к идее социального воспитания и фактически все делал для ее реализации. Он причислял себя к «подвижникам соцвоса». Однако он выступал против извращения и вульгаризации идеи соцвоса некоторыми педагогами и инспекторами управления социального воспитания Наркомпроса УССР. Борьбу с ними он и имел в виду — 543.

[3] С проектом об организации центральной колонии для правонарушителей на базе колонии им. М. Горького А. С. Макаренко выступил в Наркомпросе 23 сентября 1925 г. Совещание положительно оценило этот проект.— 543.

[4] А. М. Горький посетил Куряжскую колонию 8 июля 1928 г. А. С. Макаренко написал заявление об уходе из колонии 10 мая 1928 г., однако ушел из колонии им. М. Горького 3 сентября 1928 г. (с учетом отпускного времени).— 549.

[5] А. М. Горький посетил коммуну им. Ф. Э. Дзержинского 9 июля 1928 г. Свои впечатления от этого посещения он описал в статье «По Союзу Советов» (Наши достижения, 1929, № 2).— 549.

[6] По всей вероятности, А. С. Макаренко имел в виду начатый им в 1931—1932 гг. труд «Опыт методики работы детской трудовой колонии». Книга осталась незаконченной — 553.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. С. МАКАРЕНКО

1888, *1 марта* *. В г. Белополье Харьковской губернии (теперь Сумской области) в семье маляра железнодорожных мастерских родился А. С. Макаренко.

1895. Поступает в двухклассное училище Министерства народного просвещения с пятилетним курсом обучения.

1901. Семья Семена Григорьевича Макаренко переезжает в г. Крюков, являющийся частью (пригородом) г. Кременчуга Полтавской губернии. А. С. Макаренко блестяще сдает экзамены и поступает во второй класс Кременчугского городского четырехклассного училища.

1904. С отличным аттестатом заканчивает Кременчугское городское четырехклассное училище.

1905. Заканчивает с оценкой «весьма хорошо» одногодичные педагогические курсы при этом же училище. В свидетельстве указывалось: «...удостоен звания учителя начальных училищ с правом преподавания в сельских двухклассных училищах Министерства народного просвещения».

1905, *1 сентября.* Назначен помощником учителя двухклассного железнодорожного училища в г. Крюкове.

1905—1911. Учительствует в Крюковском железнодорожном начальном училище. Преподает русский язык, рисование, черчение. Вспоминая об этих годах, А. С. Макаренко писал: «В железнодорожной школе, где я учительствовал, воздух был несравненно чище, чем в других местах; рабочее, настоящее пролетарское общество крепко держало школу в своих руках и «Союз русского народа» боялся к ней приближаться. Из этой школы вышло много большевиков» (см. с. 523 настоящего тома).

1911—1914. Учительствует в двухклассном училище на станции Долинская Южной железной дороги Херсонской губернии (теперь Кировоградской области). Преподает русский язык, литературу, черчение и рисование. Одновременно работает надзирателем в интернате при училище.

1914, *1 августа.* Поступает в Полтавский учительский институт. Сразу же включается в активную студенческую жизнь. Неоднократно выступал на студенческих конференциях с докладами на педагогические темы. Пишет стихи, рассказы, фельетоны.

1916, *20 сентября.* Призван в армию и прослужил ратником 127-й пешей Воронежской дружины по апрель 1917 г.

1917, *15 июня.* Закончил Полтавский учительский институт с отличными оценками и с золотой медалью за сочинение «Кризис современной педагогики», над которым работал шесть месяцев. Педагогический совет в официальной характеристике отмечал: «Макаренко Антоний — выдающийся воспитанник по своим способностям, знаниям, развитию и трудолюбию, особый интерес проявил к педагогике и гуманитарным наукам, по которым очень много читал и представлял прекрасные сочинения. Будет весьма хорошим преподавателем по всем предметам, в особенности же по истории и русскому

* По 1917 г. включительно даты даны по старому стилю.

языку» (Антон Семенович Макаренко / Сост. П. Г. Лысенко, И. С. Убыйвовк К., 1978, с. 42)

1917, *сентябрь — ноябрь*. Работает учителем образцового училища при Полтавском учительском институте.

Восторженно встречает Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

1918, *январь* — 1919, *май*. Работает инспектором (директором) Крюковского высшего начального железнодорожного училища. Весной 1919 г. в запущенном фруктовом саду и на прилегающей к нему заброшенной земле организует производительный труд воспитанников училища. Ученики по территориальному признаку (с одной улицы или из одного дома) были разделены на отряды садоводов, огородников и цветоводов. Командирами отрядов и их заместителями были педагоги. Функционировало самоуправление учащихся.

А. С. Макаренко создает вечерние курсы для рабочих, на которых преподает русский язык и историю, занимается политическим и культурным просвещением.

Организует при школе драматический коллектив из числа учителей, старших учащихся и родителей. Ставят пьесы: «Вишневый сад» А. П. Чехова, «Без вины виноватые» А. Н. Островского, «Женитьба» Н. В. Гоголя.

1919—1920. А. С. Макаренко заведует 2-м городским начальным училищем в Полтаве. Одновременно работает в аппарате Полтавского губернского отдела народного образования. Принимает активное участие в организации профсоюза работников просвещения, является членом губернского правления профсоюза учителей.

1920, *сентябрь* — 1926, *май*. Работает заведующим колонией в местечке Трибы и в с. Ковалевке под Полтавой. И. А. Соколянский, работавший в то время в Наркомпросе Украины заведующим отделом учреждений «дефективного детства», которому подчинялись и колонии для беспризорных детей, в своих воспоминаниях писал, что А. С. Макаренко пришел в колонию уже сформировавшимся педагогом «в смысле оценок решающих факторов в организации и перестройке детской жизни» (см.: Организация воспитательного процесса в практике А. С. Макаренко / Подгот. А. А. Фролов. Горький, 1976, с. 11).

1921, *28 марта*. Колонии присваивается имя Максима Горького.

1921, *15 апреля*. А. С. Макаренко был вручен мандат делегата Пленума Полтавского Совета рабочих и красноармейских депутатов. Участвовал в работе секции просвещения.

1922. Пишет фрагмент одной из первых дошедших до нас теоретических работ «О воспитании», в котором затронуты такие вопросы: общие законы воспитания и разнообразие их проявлений, единство принципов воспитания «хороших детей» и правонарушителей, воспитание и общественная среда», «чванство иных педагогов», упражняющихся «в балансировании прекрасными идеями» (см.. Макаренко А. С. Соч. М., 1958, т. 7, с. 381—382).

1922, *24 августа*. Подает заявление в Центральный институт организаторов народного просвещения в Москве с просьбой о зачислении его студентом основного отделения. К заявлению прилагает работу «Вместо коллоквиума», где в пяти пунктах впервые сформулированы основные положения педагогики Макаренко.

1922, *14 октября — 27 ноября*. Учится в Центральном институте организаторов народного просвещения.

1922, *27 ноября*. Обеспокоенный тяжелым положением, сложившимся в колонии им. М. Горького, оставляет учебу в институте.

1923, *4 февраля*. В полтавской газете «Голос труда» опубликована статья А. С. Макаренко «Колония имени М. Горького».

В полтавском журнале «Новыми стежками» (1923, № 2 (6—7) опубликована статья А. С. Макаренко «Опыт образовательной работы в Полтавской трудовой колонии им. М. Горького».

1923, *9 августа*. А. С. Макаренко выступает с лекцией о коллективе и личности перед работниками детской колонии им. В. И. Ленина в с. Писаревщине Полтавской губернии. Обосновывает следующие принципиальные положения: воспитывать человека — это значит руководить жизненной практикой

человека. Человек и коллектив — это центральные вопросы пролетарской революционной педагогики... Моральный и умственный рост человека возможен только в коллективе — в жизненной среде.. Не может быть такого положения, чтобы коллектив прогрессировал, а индивиды стояли на месте, и наоборот. Между индивидуумом и коллективом прямое взаимодействие. Воспитатель должен находиться в среде коллектива и руководить движением коллектива, сливая свои силы с силами коллектива». (См · Организация воспитательного процесса в практике А С Макаренко, с 27—28)

1924, *10—15 октября.* Принимает участие в работе Всеукраинского съезда комиссий по делам несовершеннолетних, выступает содокладчиком к основному докладу И А. Соколянского

1925, *8 июля* Пишет первое письмо к А М. Горькому: рассказывает историю колонии, объясняет причины, по которым коллектив избрал великого писателя своим шефом. Завязывается переписка, продолжавшаяся до конца жизни А. М. Горького.

1925, *30 августа.* Колония им М. Горького отпраздновала свое пятилетие Наркомпрос УССР присваивает А С. Макаренко звание «Красного героя труда».

1925. А С. Макаренко пишет «Очерк работы Полтавской колонии им М Горького», подводя итог ее 5 летней деятельности. Освещает принципиальные теоретические и организационно-методические проблемы воспитания

1926, *28—29 мая.* Колония им. М. Горького переезжает в Куряж

1926, *30 сентября — 5 октября.* А С. Макаренко участвует в работе Всеукраинской конференции заведующих детскими городками и колониями в Одессе В 1-м Одесском детском городке выступает с 4-часовым докладом «Организация воспитания трудного детства» С этим же докладом выступает также на Всеукраинском совещании семинаре по педагогике в Харькове (точная дата не установлена)

1927. Женится на Галине Стахиевне Салько, работавшей председателем комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей в Харьковском окружном отделе народного образования.

1927, *июнь* По приглашению чекистов принимает участие в организации коммуны им. Ф. Э. Дзержинского.

1927, *20 октября.* А С Макаренко назначается заведующим Детской трудовой коммуной им Ф. Э. Дзержинского ГПУ УССР

1928, *16 января.* Правление коммуны им Ф Э Дзержинского утверждает план и программу учебно-воспитательной работы коммуны и правила приема, составленные А. С Макаренко

1928, *8—9 июля.* Колонию им М Горького посещает А М Горький

1928, *10 июля.* А М. Горький посещает коммуну им Ф Э Дзержинского

А. С. Макаренко писал. «Эти дни были самыми счастливыми днями и в моей жизни и в жизни ребят Я, между прочим, считал, что Алексей Максимович — гость колонистов, а не мой, поэтому постарался, чтобы его общение с колонистами было наиболее тесным и радужным Но по вечерам, когда ребята отправлялись на покой, мне удавалось побывать с Алексеем Максимовичем в близкой беседе Беседа касалась, разумеется, тем педагогических. Я был страшно рад, что все коллективные наши находки встретили полное одобрение Алексея Максимовича» (см с 528 настоящего тома).

1928, *3 сентября* (дата с учетом очередного отпуска) А С. Макаренко вынужден уйти с должности заведующего колонией им. М Горького Свою педагогическую деятельность он сосредоточивает в коммуне им. Ф. Э Дзержинского.

«Горький уехал, а на другой день я оставил колонию Эта катастрофа для меня не была абсолютной Я ушел, ощущая в своей душе теплоту моральной поддержки Алексея Максимовича, проверив до конца все свои установки, получив во всем его полное одобрение. Это одобрение было выражено не только в словах, но и в том душевном волнении, с которым Алексей Максимович наблюдал живую жизнь колонии, в том человеческом празднике, который я не мог ощущать иначе, как праздник нового, социалистического общества» (см. с. 528 настоящего тома).

В письме к А. М. Горькому А. С. Макаренко писал: «Я из колонии должен был уйти, так как не хотел поступиться ни одним словом из своих педагогических верований» (см. с. 549 настоящего тома).

1930, *октябрь — ноябрь*. А. С. Макаренко пишет книгу «Марш 30 года» о работе коммуны им. Ф. Э. Дзержинского в течение первых трех лет.

1931. Задумывает большую книгу «Опыт методики работы детской трудовой колонии», в которой предполагает изложить выводы из своего опыта. Составляет к ней тезисы.

1932, *март — апрель*. Во время отпуска в Москве пишет повесть «ФД—1».

1932. При участии выездной бригады «Комсомольской правды» к пятилетию коммуны издается сборник «Второе рождение» (Харьков, 1932). А. С. Макаренко пишет для него статью «Педагоги пожимают плечами», подготавливает материалы о жизни коммуны: «Один день коммуны», «Перевернутые страницы».

1932, *29 декабря*. В день празднования пятилетнего юбилея коммуны им. Ф. Э. Дзержинского А. С. Макаренко награжден грамотой ГПУ УССР и именными золотыми часами, а также грамотой Наркомпроса УССР.

1933, *21 октября*. А. С. Макаренко передает А. М. Горькому в Москве рукопись 1-й части «Педагогической поэмы».

1933. Опубликована 1-я часть «Педагогической поэмы» (Альманах «Год ХVII». М., 1933, кн. 3).

1933, *25 сентября*. А. С. Макаренко получил письмо от А. М. Горького, в котором он писал о 1-й части «Педагогической поэмы»: «...на мой взгляд, «Поэма» очень удалась Вам. Не говоря о значении ее «сюжета», об интереснейшем материале, Вы сумели весьма удачно разработать этот материал и нашли верный, живой, искренний тон рассказа, в котором юмор Ваш — уместен как нельзя более... Рукопись нужно издавать» (см. с. 551 настоящего тома).

1933, *сентябрь — октябрь*. Макаренко пишет пьесу «Мажор» и под псевдонимом Андрей Гальченко представляет ее на всесоюзный конкурс пьес. Жюри конкурса принимает пьесу к постановке.

1934, *1 июня*. А. С. Макаренко принят в члены Союза писателей СССР (членский билет № 583).

1934, *август*. А. С. Макаренко заканчивает 2-ю часть «Педагогической поэмы».

1935, *1 мая*. А. С. Макаренко избирают членом Дзержинского районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Харькова.

1935, *1 июля*. Во исполнение постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 1 июня 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» в НКВД УССР создан Отдел трудовых колоний. А. С. Макаренко назначается помощником начальника этого отдела и переезжает в Киев.

1935, *28 сентября*. Заканчивает работу над рукописью «Педагогической поэмы». В письме к А. М. Горькому пишет: «Сегодня авиапочтой выслал Вам третью часть «Педагогической поэмы». Не знаю, конечно, какой она получилась, но писал ее с большим волнением.

Как Вы пожелали в Вашем письме по поводу второй части, я усилил все темы педагогического расхождения с Наркомпросом, это прибавило к основной теме много перцу, но главный оптимистический тон я сохранил.

<...>

Дорогой Алексей Максимович! Большая и непривычная для меня работа «Педагогическая поэма» окончена. Не нахожу слов и не соберу чувств, чтобы благодарить Вас, потому, что вся эта книга исключительно дело Вашего внимания и любви к людям. Без Вашего нажима и прямо невиданной энергии помощи я никогда этой книги не написал бы» (см.: Макаренко А. С. Соч. М., 1958, т. 7, с. 367).

1935, *8 октября*. А. М. Горький писал А. С. Макаренко: «...третья часть «Поэмы» представляется мне еще более ценной, чем первые две.

С большим волнением читал сцену встречи горьковцев с куряжцами, да и вообще очень многое дьявольски волновало.

<...>

Ну — что же? Поздравляю Вас с хорошей книгой, горячо поздравляю» (см.: Макаренко А. С. М., 1958, т. 7, с. 370—371).

1935, *15 октября.* А. С. Макаренко пишет работу «Некоторые соображения о школе и наших детях», направляет ее А М Горькому Предлагает ввести звания народного учителя и заслуженного учителя.

1935. Впервые опубликованы 2-я и 3-я части «Педагогической поэмы» (альманах «Год XVIII», кн. 5 и 8).

А. С. Макаренко пишет статьи: «Народное просвещение в СССР», «Методика организации воспитательного процесса».

1936, *апрель.* Участвует в работе IX съезда комсомола Украины Возглавляет делегацию коммунаров — участников съезда

1936, *май.* Выступает в Высшем коммунистическом институте просвещения на обсуждении «Педагогической поэмы».

1936, *20 июня.* А. С. Макаренко в газете «Більшовик» (№ 143, на укр языке) публикует статью «Большое горе» — первый отклик на смерть своего учителя и друга А М. Горького.

1936, *30 июня.* В «Литературной газете» (№ 30) опубликована статья А С. Макаренко «Близкий, родной, незабываемый», посвященная А. М. Горькому.

1936, *20 июля.* В связи с 10-летием со дня смерти Ф Э Дзержинского А. С Макаренко публикует в «Правде» статью «Прекрасный памятник», посвященную коммуне.

1936, *5 августа.* В «Литературной газете» опубликована статья А. С Макаренко «О лесной школе» (письмо в Совет жен писателей).

1936, *10 октября.* А. С. Макаренко соглашается заведовать колонией в Броварах (близ Киева) по совместительству Работает в ней до отъезда в Москву.

1936. А С Макаренко приступает к работе над повестью «Флаги на башнях», начинает большой роман «Пути поколения» Собирает материал к «Книге для родителей».

1937, *февраль* А. С. Макаренко переезжает на постоянное жительство в Москву.

1937, *1 сентября.* Начало передач по радио лекций А. С. Макаренко для родителей о воспитании детей в семье (всего было передано 8 лекций)

1937, *октябрь.* Журнал «Красная новь» № 7, 8, 9, 10) заканчивает публикацию «Книги для родителей».

1938, *январь.* А. С. Макаренко читает цикл лекций для ответственных работников Наркомпроса РСФСР — «Проблемы школьного советского воспитания»

1938, *23 марта.* «Правда» публикует статью А С Макаренко «Проблемы воспитания в советской школе». Статья вызвала более двух тысяч откликов родителей, партийных и комсомольских работников

А. С. Макаренко в Москве и Крыму пишет повесть «Флаги на башнях», которая публикуется в журнале «Красная новь» (1938, № 6, 7, 8).

1938, *16 октября.* Выступает перед учителями Ленинграда и Ленинградской области с докладом на тему: «Некоторые выводы из моего педагогического опыта».

1938, *20 октября.* Выступает с докладом «О моем опыте» в Научно-практическом институте специальных школ и детских домов Наркомпроса РСФСР.

1939, *1 февраля* А. С Макаренко награжден орденом Трудового Красного Знамени за выдающиеся заслуги в области литературы.

1939, *18 февраля.* А С. Макаренко выступает на праздновании 20-летнего юбилея школы № 1 Ярославской железной дороги.

1939, *февраль.* Пишет статьи «О коммунистической этике», «Воля, мужество, целеустремленность», «Предстоит большая работа над собой».

1939, *1 марта.* В лектории Московского государственного университета читает лекцию на тему «О коммунистическом воспитании и поведении»

1939, *9 марта* Выступает с лекцией в Харьковском педагогическом институте («Мои педагогические воззрения»).

1939, *13 марта.* Приезжает в Дом творчества Союза писателей СССР, расположенный в дачном поселке Голицыно Московской области

1939, *29 марта.* Выступает с докладом об опыте своей работы на совещании учителей Ярославской железной дороги. Это последнее публичное выступление А. С. Макаренко

1939, *1 апреля.* Антон Семенович Макаренко скоропостижно скончался в вагоне пригородного поезда на ст. Голицыно Белорусско-Балтийской железной дороги.

БИБЛИОГРАФИЯ*

Издание произведений А. С. Макаренко**

I. Собрания сочинений

2. Сочинения: В 7-ми т. / Редкол.: И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. М., 1950—1952.

2. Сочинения: В 7-ми т. / Редкол.: И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. 2-е изд. М., 1957—1958.

Т. 1. Педагогическая поэма. 1957. 783 с.

Т. 2. Марш 30 года: Повесть. ФД-1: Повесть. Мажор: Пьеса. Из истории коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. 1957. 528 с.

Т. 3. Флаги на башнях: Повесть. 1957. 496 с.

Т. 4. Книга для родителей. Лекции о воспитании детей. Выступления по вопросам семейного воспитания. 1957. 552 с.

Т. 5. Общие вопросы теории педагогики. Воспитание в советской школе. 1958. 558 с.

Т. 6. Честь: Повесть. Настоящий характер: Лит. сценарий. Командировка: Лит. сценарий. Полемические статьи. 1958. 447 с.

Т. 7. Публицистика. Рассказы и очерки. Статьи о литературе и рецензии. Переписка с А. М. Горьким. 1958. 583 с.

3. Собрание сочинений: В 5-ти т. / Под ред. А. Терновского. М., 1971.

Т. 1. Педагогическая поэма, ч. 1—2. 431 с.

Т. 2. Педагогическая поэма, ч. 3. Марш тридцатого года. 384 с.

Т. 3. Флаги на башнях: Повесть в 3-х ч. Открытое письмо Ф. Левину. 463 с.

Т. 4. Книга для родителей. Рассказы. 432 с.

Т. 5. Честь. Повесть. Статьи о литературе. А. М. Горький и А. С. Макаренко. 510 с.

4. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Редкол.: М. И. Кондаков (гл. ред.), В. М. Коротов, С. В. Михалков. В. С. Хелемендик. М., 1983— .

Т. 1. Педагогические произведения 1922—1936 гг. 368 с., ил.

Т. 2. Марш 30 года: Очерк; ФД-1: Очерк; Мажор: Пьеса; Честь: Повесть. 1983. 512 с.

Т. 3. Педагогическая поэма. 1984. 512 с., ил.

Т. 4. Педагогические произведения 1936—1939 гг. 1984. 400 с., ил.

II. Избранные произведения

1. Избранные педагогические произведения / Сост. И. Ф. Козлов; Под. ред. Е. Н. Медынского, И. Ф. Свадковского. М., 1946. 303 с.

2. Педагогические сочинения. Неопубликованные произведения, статьи и стеногр. выступлений / Сост. А. Г. Тер-Гевондян. М., 1948. 304 с.

---

* В библиографии представлены основные издания произведений А. С. Макаренко, а также основные исследования о его педагогическом наследии.

** Произведения А. С. Макаренко внутри разделов даны в хронологическом порядке.

3. Избранные педагогические сочинения: В 4-х кн. / Сост. И. С. Петрухин; Под ред. И. А. Каирова. Г. С. Макаренко. М., 1949.

Кн. 1. Лекции о воспитании детей. 1949, 163 с.

Кн. 2. Книга для родителей. 1949. 347 с.

Кн. 3. Флаги на башнях. 1949. 475 с.

Кн. 4. Педагогические произведения. 1949. 592 с.

4. Избранные педагогические сочинения: В 2-х т. / Редкол.: В. Н. Столетов и др.; Под ред. И. А. Каирова, В. М. Коротова, Б. Т. Лихачева. М., 1977.

Т. 1. Общие вопросы теории и практики коммунистического воспитания. Методика воспитательной работы. 397 с.

Т. 2. Воспитание детей в семье. Переписка, публицистика, критика. Приложения. 320 с.

5. Избранные произведения. В 3-х т. / Редкол.: Н. Д. Ярмаченко (председатель) и др. К., 1984.

Т. 1. Педагогическое наследие А. С. Макаренко — на службу современной школе: вступительная статья, Педагогическая поэма. 1984, 518 с.

Т. 2. Флаги на башнях; Книга для родителей. 1984, 574 с.

Т. 3. Общие проблемы педагогики. 1984. 576 с.

III. Тематические сборники

1. О воспитании молодежи: Сб. избр. пед. произведений / Под ред. Г. С. Макаренко; Вступ. ст. и примеч. В. Е. Гмурмана. 2-е изд. М., 1951. 396 с.

2. О воспитании в семье / Сост. И. С. Петрухин, Научн. ред. Е. Н. Медынский; Вступ. ст. Е. Н. Медынского, И. С. Петрухина. М., 1955. 320 с.

3. О детской литературе и детском чтении. Ст., рец., письма / Предисл. Ю. Лукина. М., 1955. 184 с.

4. О коммунистическом воспитании. Избр. пед. произведения / Сост.: В. Е. Гмурман, И. С. Петрухин. 2-е изд. Коммент. и примеч. Н. А. Сундукова, В. Е. Гмурмана. М., 1956. 579 с.

5. О литературе: Статьи, выступления, письма / Сост. и авт. предисл. Ю. Б. Лукин. М., 1956. 294 с.

6. Некоторые выводы из педагогического опыта / Сост., авт. ввод. ст. и примеч. В. С. Аранский, А. И. Пискунов. М., 1964. 116 с.

7. Трудовое воспитание / Сост. и авт. вступ. ст. Л. Ю. Гордин. М., 1964. 264 с.

8. Воспитание в советской школе / Сост. В. В. Кумарин. М., 1966. 255 с.

9. Воспитание гражданина: Сб. / Сост. и авт. вступ. ст. М. П. Павлова, Под ред. Л. Ю. Гордина. М., 1968. 373 с.

10. Коллектив и воспитание личности / Сост. и авт. вступ. ст. В. В. Кумарин. М., 1972. 334 с.

11. Трудовое воспитание / Сост. и авт. вступ. ст. Л. Ю. Гордин. Минск, 1977. 256 с.

IV. Сочинения А. С. Макаренко, изданные на украинском языке

1. Вибрані педагогічні твори / За ред. Є. М. Мединського, І. Ф. Свадковського, Вступ. ст. Є. М. Мединського; Упор. І. Ф. Козлов. К., 1947. 282 с.

2. Вибрані твори: У 2-х т. К., 1950.

Т. 1. Педагогічна поема. 534 с.

Т. 2. Прапори на баштах. Книга для батьків. Промови. Статті. 700 с.

3. Твори: В 7-ми т. / Редкол.: І. А. Каїров (гол. ред.), Г. С. Макаренко, Є. М. Мединський. К., 1953—1955.

Т. 1. Педагогічна поема. 1953. 693 с.

Т. 2. Марш 30 року.: Повість. ФД 1: Повість. Мажор: П'єса. 1953. 440 с.

Т. 3. Прапори на баштах: Повість. 1954. 467 с.

Т. 4. Книга для батьків. Лекції про виховання дітей. Виступи з питань сімейного виховання. 1954. 524 с.

Т. 5. Загальні питання теорії педагогіки. Виховання в радянській школі. 1954. 484 с.

Т. 6. Честь. Повість: Справжній характер: Літ. сценарій. Командировка: Літ. сценарій. 1955. 123 с.

Т. 7. Оповідання і нариси. Статті про літературу і рецензії. Листування з О. М. Горьким. 1955. 500 с.

V. Отдельные публикации (по архивным материалам)

1. Макаренко А. С., Конисевич Л. В. Из переписки А. С. Макаренко с Л. В. Конисевичем (1937—1938).— Сов. педагогика. 1949, № 3, с. 50—53.

2. Макаренко А. С. Из переписки А. С. Макаренко с Наркомпросом УССР / Коммент. и публ. Н. Борисенко.— Нар. образование, 1960, № 3, с. 98—100.

3. Макаренко А. С. Реферат / Публ. и коммент. Р. И. Яковлевой.— Ист. архив, 1961, № 2, с. 228—229.

4. Макаренко А. С. Из архива А. С. Макаренко / Публ. отрывков из записных книжек и авт. варианта фрагментов глав «Педагогической поэмы».— Нар. образование, 1962, № 10, с. 105—109.

5. Макаренко А. С. Мысли о воспитании.— Нар. образование, 1963, № 1, с. 78—79.

6. Макаренко А. С. Два письма А. С. Макаренко / Публ. и коммент. В. Е. Гмурмана.— Сов. педагогика, 1965, № 3, с. 97—100.

7. Макаренко А. С. Письмо в редакцию газеты «Коммунист».— Нар. образование, 1963, № 2, с. 92—98.

8. Макаренко советует родителям: (Из архива выдающегося педагога). М., 1970. 76 с.

Литература об А. С. Макаренко

1. Александровская В. П. Доверие как метод педагогического мастерства А. С. Макаренко.— В кн.: Воспитание — дело коллективное. Минск, 1965, с. 61—65.

2. Алексеевич Г. С. А. С. Макаренко о воспитании сознательной дисциплины.— Дет. дом, 1956, № 2, с. 49—62.

3. Алексеевич Г. С. К биографии А. С. Макаренко.— Учен. зап. Новосиб. пед. ин-та, 1955, вып. 11, с. 237—243.

4. Аранский В. С., Пискунов А. И. Выдающийся советский педагог А. С. Макаренко.— Сред. спец. образование, 1963, № 3, с. 61—62.

5. Асеева К. А. А. С. Макаренко о воспитании товарищеских отношений в коллективе.— В кн.: Вопросы развития и формирования личности школьника. Саратов, 1969, с. 112—124.

6. Белоус В. М. Вопросы психологии воспитания в произведениях А. С. Макаренко. Симферополь, 1941. 30 с.

7. Бобровская М. Е. К истории детской трудовой коммуны имени Ф. Э. Дзержинского: Докум. очерк.— Изв. АПН РСФСР, 1952, вып. 38, с. 85—106.

8. Бограчев Я. Л. Вопросы коммунистической этики в научном наследстве А. С. Макаренко.— Вопр. философии, 1949, № 1, с. 244—264.

9. Борисов Г. Е. А. С. Макаренко о воспитании через коллектив.— Учен. зап. Тамбов. гос. пед. ин-та, 1958, вып. 18, с. 126—148.

10. Вейкшан В. А. А. С. Макаренко — выдающийся педагог-новатор.— Сов. педагогика, 1954, № 3, с. 13—21.

11. Виноградова М. Д. А. С. Макаренко о трудовом воспитании в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского.— Сов. педагогика, 1953, № 6, с. 33—44.

12. Виноградова М. Д. Вопросы организации общего образования в школе коммуны им. Ф. Э. Дзержинского.— Изв. АПН РСФСР, 1959, вып. 102, с. 225—313.

13. Виноградова М. Д. Труд и учение в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского.— Нар. образование, 1957, № 3, с. 92—96.

14. Волнующие страницы: (Докум. материалы о работе А. С. Макаренко в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Из сб. «Второе рождение». (Подгот. Е. Долгин, Харьков, 1932).— Воспитание школьников, 1968, № 2, с. 42—45.

15. Волков Г. Н Великий педагог-марксист. (К пятнадцатилетию со дня смерти А. С. Макаренко).— Учен зап. Чуваш. гос пед. ин-та, 1955, вып 2, с. 3—22.

16. Воспоминания о Макаренко Сб. материалов / Сост: Н А Лялин, Н. А. Морозова; Вступ. ст. Н. А Лялина; Коммент Н. А. Морозовой Л, 1960 347 с.

17. Гавриловец К В Проблема воспитания нравственных отношений между людьми в педагогическом наследии А С Макаренко — В кн. Вопросы истории школы и педагогики. Минск, 1972, с. 104—116

18. Гмурман В. Е. А. С Макаренко — выдающийся педагог марксист — Сов педагогика, 1952, № 1, с 21—39.

19. Гмурман В Е. Из бесед о нем — Нар. образование, 1963, № 2 с 98—102; № 10, с. 96—100, 1965, № 3, с 97—100.

20. Гмурман В. Е Изучение трудов А С Макаренко сегодня — Нар образование, 1963, № 3, с. 1—16

21. Гмурман В. Е Педагогическое наследие А С. Макаренко и воспитание в начальной школе.— Нач школа, 1958, № 3 с 17—18.

22. Гмурман В. Е. Творчески разрабатывать педагогическое наследие А С. Макаренко.— Дет. дом, 1958, № 1, с 16

23. Головчинер Г. А. А С Макаренко о воспитании честности и правдивости.— В кн: Вопросы воспитания и обучения. Ульяновск, 1957, вып 2, с. 3—33.

24. Гончаров Н. К Антон Семенович Макаренко (1888—1939).— В кн. Гончаров Н. К. Очерки по истории советской педагогики. К, 1970, с. 221—240

25. Гордин Л Ю. А С Макаренко о системе трудового воспитания К 80-летию со дня рождения А. С. Макаренко — Шк и пр во, 1968, № 3, с 20—25.

26. Гордин Л. Ю. Система трудового воспитания в опыте и воззрениях А С. Макаренко.— В кн: Макаренко А. С. Трудовое воспитание. Минск, 1977, с. 3—38.

27. Гуревич Л. И. Сочетание горьковского оптимизма и требовательности в педагогической деятельности А. С. Макаренко — Сов. педагогика, 1967, № 4, с. 127—132.

28. Долгин Е. С. Опыт А. С Макаренко — в практику школ — Шк и пр во, 1970, № 2, с. 16—24.

29. Дрозд Л. Н. Производительный труд в воспитательной системе А С. Макаренко.— В кн · Воспитание — дело коллективное Минск, 1965, с 66—79

30. Евсеенко П М. А С. Макаренко о педагогическом мастерстве — Сов педагогика, 1950, № 1, с. 11—22.

31. Есипов Б. Н. Организация и воспитание коллектива школьников в свете учения А. С. Макаренко, М, 1956 23 с

32. Жураковский Г. Е. Педагогические идеи А. С Макаренко / Под ред. и с ввод. ст. Ш. И Ганелина М., 1963. 328 с.

33. За боевую макаренковскую линию в педагогике! — Нар. образование, 1963, № 3, с 1—5.

34. Зайцев В. Г. Вдохновляющий пример — Воспитание школьников, 1970, № 4, с. 22—29.

35. Зайцев В. Г. Рассказы о Макаренко. 2-е изд, доп. Мурманск, 1974 71 с.

36. Иваненко О. Д Настоящая жизнь: (Памяти А С. Макаренко) — Дет. лит., 1940, № 5, с. 27—31

37. Іваненко О Д. Сторінки спогадів про великого друга. (До 75-річчя з дня народження А. С. Макаренко) — Рад шк., 1963, № 3, с 17—22.

38 Идеи А. С. Макаренко в современной школе / Под ред. И. А. Каирова и др Воронеж, 1976, 182 с.

39. Использование педагогического наследия А. С. Макаренко в учебных заведениях трудовых резервов Сб. материалов по обмену опытом ремесленных училищ Украинской ССР. М, 1951. 99 с

40. К 75-летию со дня рождения А. С. Макаренко: [Ст] — Шк. и пр-во, 1963, № 3, с. 6—33.

Содерж: Гмурман В. Е. Воодушевляющий пример. Павлова М. П., Фере Н. Э. Производительный труд в педагогической системе А. С. Макаренко. Калабалин С. А. Трудовой долг. Калабалина Г. К. А. С. Макаренко в моей жизни и работе. Терский В. Н. О развитии технического творчества детей в опыте А. С. Макаренко. Перцовский Н. Е. Развивайте педагогическое наследие А. С. Макаренко. Котов И. А. Трудовое воспитание в колонии имени Горького. Дроздюк П. А. Колонисты. Поповиченко Н. Т. Сила коллектива. Фере Н. Э. Наш Антон Семенович.

41. К 80-летию со дня рождения А. С. Макаренко: [Ст.] — Нар. образование, 1968, № 3, с. 81—99.

Содерж: Нежинский Н. П. Зодчий духовного мира. Левшин А. Л. Над раскрытыми томами Макаренко. Волков Б. Н. Педагогика, которая тоньше поэзии. Фролов А. А. Кинодокумент о колонии имени М. Горького. Из воспоминаний об А. С. Макаренко.

42. К 85-летию со дня рождения А. С. Макаренко: [Ст]. — Шк. и пр-во, 1973, № 3, с. 3—19.

Содерж: Плукш П. И. Народный учитель и воспитатель. Долгин Е. С. Вехи жизни. Рогаль Л. И. Использование опыта А. С. Макаренко в трудовом воспитании учащихся.

43. К 90-летию со дня рождения А. С. Макаренко: [Ст.] — Сов. педагогика, 1978, № 3, с. 10—73.

Содерж.: Моиосзон Э. И. А. С. Макаренко и актуальные проблемы теории коммунистического воспитания школьников. Филонов Г. В. Выдающийся вклад в марксистско-ленинскую педагогику. Фролов А. А. Развитие педагогических взглядов А. С. Макаренко в период деятельности коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Новикова Л. И. А. С. Макаренко и его современники (к постановке проблемы). Гордин Л. Ю. Проблема самоуправления воспитанников в наследии А. С. Макаренко и в современной школе. Ярмаченко Н. Д. Педагогическое наследие А. С. Макаренко и некоторые вопросы совершенствования воспитательной работы школы. Виноградова М. Д. А. С. Макаренко об изучении личности воспитанника. Кривонос И. Ф. А. С. Макаренко о педагогическом опыте. Караковский В. А. Коммуна им. Ф. Э. Дзержинского как воспитательная система. Романов А. П. А. С. Макаренко о педагогическом значении клубов в детском коллективе.

44. Каиров И. А. Слово о Макаренко: К семидесятипятилетию со дня рождения. М., 1963. 24 с.

45. Калабалин С. А. Как нас воспитывал А. С. Макаренко.— Семья и школа, 1955, № 4, с. 15—19.

46. Калабалин С. А. Вперед вместе с Макаренко!: (К 75-летию со дня рождения) — Нар. образование, 1963, № 3, с. 56—60.

47. Камышанский Г. В. Наш Антон.— Школа-интернат, 1963, № 2, с. 19—22.

48. Касько Н. І. А. С. Макаренко в Одесі.— Рад. шк., 1958, № 3, с. 41—43.

49. Козлов И. Ф. Единство воспитания и жизни детей / Сост. А. М. Козлова, Под ред. Л. Ю. Гордина, В. М. Коротова. М., 1964. 139 с.

50. Козлов И. Ф. Шестнадцать пламенных лет: (О пед. деятельности А. С. Макаренко в колонии им. М. Горького и в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского) — Нар. образование, 1963, № 3, с. 9—20.

51. Колбановский В. Н. Еще о поэзии педагогики — Красная новь, 1936, № 6, с. 190—201.

52. Колбановский В. Н. А. С. Макаренко о воспитании детей в советской семье — Семья и шк., 1949, № 3, с. 2—5.

53. Колбановский В. Н. Ценная книга о жизни и творчестве А. С. Макаренко — Сов. педагогика, 1951, № 12, с. 98—103.

54. Колбановский В. Н. Предисловие — В кн.: А. С. Макаренко. Книга для родителей. 6-е изд. М., 1956, с. 3—22.

55. Кониисевич Л. В. Большая семья: Зап. воспитанников коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. М., 1980. 95 с. (Библиотечка журн. «Пограничник», 1980, № 4 (88).

56. Коротов В. М Вдохновленный великой революцией (Об А С. Макаренко).— Воспитание школьников, 1968, № 2, с 26—30
57. Коротов В М. Развитие воспитательных функций коллектива. М, 1974. 280 с.
58. Костелянц Б. «Педагогическая поэма» А. С Макаренко. Изд 2 е, доп. Л, 1977. 110 с.
59 Костяшкин Э. Г. По пути Макаренко Из опыта организации производительного труда — Нар. образование, 1963, № 3, с. 36—41.
60. Кубраков Т М По пути Макаренко Алма-Ата, 1982. 87 с
61. Кумарин В. В. Правофланговый советской педагогики (К 75-летию со дня рождения А. С. Макаренко) — Нар. образование, 1963, № 3, с 29—35
62. Кумарин В В Организация школьного коллектива на основе принципов А. С. Макаренко.— Воспитание школьников, 1969, № 4, с 15—20.
63. Кумарин В В. Теория коллектива в трудах А С. Макаренко К, 1979 121 с.
64 Левшин А. Л. Педагогика «завтрашней радости» — Семья и шк, 1969, № 3, с. 2—5.
65. Левшин А Л. «Удивительный Вы человечище». О творческой дружбе М Горького и А. С. Макаренко — Семья и шк, 1968, № 3, с 5—9
66. Легенький Г. И. Опыт А С. Макаренко на широком фронте общественного воспитания.— Воспитание школьников, 1966, № 2, с 59—65.
67. Леухин Б Д. А. С Макаренко о доверии как стимуле воспитания творческой инициативы и общественной активности.— В кн Вопросы теории и истории педагогики. Йошкар-Ола, 1969, с 95—106
68. Лихачев Б А. А. С Макаренко о сущности и функциях воспитательного коллектива.— Воспитание школьников, 1974, № 5, с 20—25.
69. Лукин Д. Б. А С. Макаренко Критико-биограф очерк. М, 1954. 207 с.
70. Лутошкин А. Н Проблемы групповой психологии в педагогической теории А. С. Макаренко.— Вопр. психологии, 1973, № 5, с 66—73
71. Лысенко П. Г. Пропагандисты наследия А. С Макаренко — Воспитание школьников, 1970, № 4, с. 30—31.
72. Ляхов М. І. Полтавський період життя і діяльності А. С. Макаренко.— Рад. школа, 1958, № 3, с ?8—41.
73 Ляхов Н. Н Выдающийся педагог и писатель: К 80-летию со дня рождения А. С. Макаренко — Нач шк, 1968, № 3, с. 8—12.
74. А. С Макаренко. 1888—1963. К 75-летию со дня рождения: Сб./Сост. Л. Д. Гордин. М., 1963 216 с
75. А С. Макаренко Опыт, изучение, применение Материалы конф, посвящ 80-летию со дня рождения 1888—1968 / Редкол: В Е. Гмурман, Л Ю. Гордин, З. С. Кузнецова. М, 1969 215 с
76. А. С. Макаренко: Сб / Отв. ред. Ф. И. Науменко Львов, 1949—1974, кн. 1—9.
77. А. С. Макаренко. Сборник Теория и практика воспитания Документы. Воспоминания: К 90-летию со дня рождения / Редкол: Ф. И. Науменко (отв. ред.) и др Львов, 1978 159 с
78. А. С. Макаренко и современность. Тез Всесоюз. научно-практ. конф, посвящ. 90-летию со дня рождения А. С. Макаренко. 13—14 марта 1978 г. М, 1978. 193 с.
79. А. С. Макаренко — педагог и писатель. Тез. докл и сообщ. респ. науч. конф. «Педагогическое наследие А. С. Макаренко и современные проблемы коммунистического воспитания», посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося советского педагога и писателя. 2—3 марта 1978 Сумы, 1978 324 с
80. Макаренко Г. С. Макаренко А С — организатор детского учреждения — Сов. педагогика, 1943, № 11—12, с 33—37.
81 Макаревич М. В Некоторые вопросы педагогической системы. А С. Макаренко.— В кн.: Воспитание — дело коллективное. Минск, 1965, с 3—22
82. Марейн К. Н. Воспитательная работа в коммуне имени Ф Э Дзержинского. М., 1958, с 5—31.
83. Маслянный В Т Идеи А. С. Макаренко в трудовом воспитании — Шк. и пр во. 1970, № 2, с 24—26

84 Мединский Е. Н. А. С. Макаренко: Жизнь и педагогическое творчество. 2-е изд. М.; Л., 1949. 127 с.
85. Морозова Г. Ф. А. С. Макаренко о воспитании дошкольника в семье — Дошкол. воспитание, 1950, № 5, с 22—30.
86 Ніжинський М П. О. М. Горький і А. С. Макаренко: Стеногр. лекц. К., 1950. 37 с.
87. Ніжинський М. П. Приїзд Горького в дитячу колонію (1928).— Рад. Україна, 1955, № 10, с 140—143.
88. Ніжинський М. П Життя і педагогічна діяльність А. С. Макаренка. 2-е вид. К, 1967. 303 с
89 Нежинский Н. П. А. С. Макаренко и его время.— Сов. педагогика, 1968, № 3, с. 96—103.
90 Нежинский Н. П Выдающийся педагог-новатор: К 85-летию со дня рождения А С. Макаренко.— Сов. педагогика, 1973, № 3, с. 121—126.
91. Нежинский Н. П. А. С. Макаренко и педагогика школы. К., 1976. 260 с.
92. Опыт творческого использования педагогической системы А. С. Макаренко в профтехучилищах. М, 1975. 184 с.
93. Организация воспитательного процесса в практике А. С. Макаренко: Учеб. пособие / Подгот. А. А. Фролов, Под ред. В. А. Сластенина, Н. Э. Фере. Горький, 1976 97 с.
94 Островская Л. Ф. Читая А С. Макаренко.— Дошкол. воспитание, 1970, № 12, с 48—51.
95. Павлова Н. В Физическое воспитание в педагогическом опыте А. С Макаренко — Изв. АПН РСФСР, 1949, вып 23, с. 51—118.
96 Павлова М П., Фере Н. Э. Производительный труд в педагогической системе А С. Макаренко — Шк. и пр-во, 1963, № 3, с. 10—15.
97. Павлова М П. Педагогическая система А. С. Макаренко. 3-е изд., перераб и доп. М, 1972. 352 с.
98. Педагогическое учение А С. Макаренко.— Нач. шк., 1958, № 3, с. 11—12.
99. Педагогическая система А. С. Макаренко и вопросы ее творческого применения современными воспитательными учреждениями: Материалы к симпозиуму. 27—29 марта 1972 г. / Редкол.: В. Е. Гмурман. А. Ю. Гордин, Э. С. Кузнецова. М., 1972. 229 с.
100 Петров Н. В. А. С. Макаренко: Воспоминания.— Изв. АПН РСФСР, 1952, вып 38, с. 136—142.
101. Петрухин И. С. Педагог-новатор.— Нар. образование, 1957, № 11, с. 118—123
102. Петрухин И. С. Некоторые общие проблемы педагогики в трудах А. С. Макаренко — Изв АПН РСФСР, 1959, вып. 102, с. 157—223.
103. Плеханов А. В. А С. Макаренко о формировании нравственно ценных потребностей — Сов. педагогика, 1963, № 3, с 103—112.
104. Плеханов А. В. А. С. Макаренко о причинах и предупреждении детских правонарушений.— Воспитание школьников, 1966, № 2, с. 66—68.
105. Проблемы детского коллектива в русской и советской педагогической мысли / Под ред. А Ю. Гордина, Л. И Новиковой. М., 1973. 319 с.
106 Проценко В. Крюковские встречи.— Нар. образование, 1963, № 3, с. 92—99
107. Пусть в каждую школу войдет Макаренко: Открытое письмо предстоящему учит. съезду — Лит. газ, 1960, 11 июня.
108. Ривес С. М. Педагогическая система А. С. Макаренко и вопросы укрепления дисциплины в школе — В кн: Воспитание сознательной дисциплины в школе. М., 1941, т. 1, с 34—46.
109. Рогаль Л. И. Использование опыта А. С. Макаренко в трудовом воспитании учащихся.— Шк. и пр-во, 1973, № 3, с 12—19
110. Рубинштейн М. М. А С. Макаренко о воспитании нового человека.— Сов. педагогика, 1944, № 2—3, с 5—9.
111. Сидельковский А П. Проблемы отношений в советской педагогике и педагогическое наследие А С Макаренко — Тр. каф. педагогики и психологии Карачаево Черкес. пед. ин-та, Ставрополь, 1971, с. 7—131,

112. Сокольников Ю П. Использование макаренковского метода «взрыва» в индивидуальном воздействии.— Учен. зап. Чуваш. пед. ин-та им. И. Я Яковлева, 1962, вып 14, с 192—208

113. Сонин Д М. А. С Макаренко о воспитании советского патриотизма — Учен. зап. каф. пед. психологии Кировского пед. ин-та им. В И Ленина, 1970, вып 25, с. 5—25

114. Сорокина Н. Т., Евграфова А Д, Невский А. М Проблема стиля в педагогическом наследии А. С Макаренко — Учен зап Горьк пед ин-та им М Горького. Сер обществ. наук, 1970, вып. 76, с 163—172

115. Степанов П М Философские основы педагогических взглядов А С. Макаренко — Учен. зап. Чечен -Ингуш пед ин-та, № 13. Сер фил, 1957, вып. 3. 58 с.

116 Сундуков Н А О некоторых архивных документах Антона Семеновича Макаренко — Сов педагогика, 1952, № 4, с 54—68

117. Сундуков Н. А Переписка А С. Макаренко с М Горьким и его работа над текстом «Педагогической поэмы» — Изв. АПН РСФСР, 1952, вып 38, с. 151—269.

118. Сундуков Н. А. Переписка воспитанников колонии им Горького с А. М. Горьким.— Сов. педагогика, 1954, № 1, с. 118—138.

119. Сытин Г. В Детский коллектив как фактор коммунистического воспитания в педагогическом наследстве А С. Макаренко — Учен. зап Моск обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, 1969 Педагогика, вып 15, с 156—168

120. Татаринов Т. Д. Педагог-творец — Нар. образование, 1965, № 3, с. 103—105.

121. Терский В Н. А. С. Макаренко как человек и руководитель — Нар образование, 1959. № 4, с. 69—71.

122. Терский В Н. Клубные занятия и игры в практике А. С. Макаренко. 2-е изд, перераб. и доп М., 1961. 152 с.

123. Терский В. Н. О развитии технического творчества детей в опыте А С. Макаренко.— Шк. и пр-во, 1963, № 3, с 20—22

124. Тимощук Е. И. А С Макаренко о мотивации групповой деятельности.— Науч. тр. Курск. пед. ин-та, 1975, т. 44 (137), с. 79—87

125. Тер-Гевондян А Г Педагогическая система А. С Макаренко: Стеногр. публ. лекции, прочит. 1 апр 1949 г. в Центр. лектории о-ва «Знание» в Москве. М., 1949. 32 с.

126. Тер-Гевондян А. Г. Идейно-политическая основа педагогических взглядов А. С. Макаренко.— Сов. педагогика, 1949, № 3, с 10—19

127. Толмачев М. И. Советы А. С. Макаренко родителям: В помощь родителям и учителям школы. Тюмень, 1962. 23 с.

128. Удивительный человечище. Воспоминания об А. С. Макаренко. Сб. ст / / Лит. запись А. Каштаньера. Харьков, 1959. 160 с.

129 Фере Н. Э. Мой учитель: Воспоминания об А С. Макаренко. М, 1953. 104 с.

130. Фере Н. Э. Наш Антон Семенович — Шк. и пр во, 1963, № 3, с. 31—33.

131. Фотеева А. И. А С Макаренко о воспитательной роли литературы — Сов. педагогика, 1976, № 1, с. 103—111.

132. Фролов А. А. Ленинские идеи в учении А. С. Макаренко о целях и путях коммунистического воспитания — Учен зап. Горьк. пед ин-та им. М. Горького. Сер. пед. наук, 1972, вып. 147, с. 44—52.

133. Фролов А. А. Становление педагогических взглядов А. С. Макаренко в 20-х годах.— Сов. педагогика, 1976, № 9, с. 103—110

134. Фролов А. А. Разработка А. С. Макаренко методологических и общетеоретических проблем коммунистического воспитания.— Сов педагогика, 1983, № 3, с. 103—107.

135. Фролова О. А. А. С Макаренко о моральном воспитании детей дошкольного возраста.— Дошкол. воспитание, 1958, № 4, с. 7—14.

136. Фролова О. А. А. С Макаренко об ответственности родителей за воспитание детей.— Дошкол. воспитание, 1963, № 3, с. 63—67.

137. Чуковский К. И. Макаренко. В кн.: Чуковский К. Современники. Портреты и этюды М, 1962, с 537—547.
138. Шабалов С М. О педагогической системе А. С. Макаренко.— Шк. и пр-во, 1964, № 4, с. 10—15.
139. Шоргина В И. Физическое воспитание в педагогическом опыте А. С Макаренко — Физкультура в школе, 1963, № 3, с. 19—24.
140. Юрченко Е. З. Из воспоминаний об Антоне Семеновиче Макаренко. Нач. школа, 1944, № 5—6, с. 6—9.
141. Ярмаченко М. Д. Животворне джерело методики комуністичного виховання — У кн.: А. С. Макаренко. Про комуністичне виховання. К., 1978, с. 3—27
142. Ярмаченко Н. Д. Педагогическое наследие А. С. Макаренко — на службу современной школе.— В кн.: А. С. Макаренко. Избр. произведения: В 3-х т К., 1983, т. 1, с 5—34.

Библиографические источники

1 Бобровская М Е. Библиография произведений А. С. Макаренко — Сов педагогика, 1951, № 12, с. 103—107.
2 А С. Макаренко Указ тр. и литературы о жизни и деятельности / Сост.: И М Рудаева, И. М. Турич. М., 1978 80 с.
3 Морозова Н. А. А. С. Макаренко: Семинарий. 2-е изд., перераб. Л., 1961 240 с.
4 Педагогическая библиография (1931—1935). М., 1970.
Макаренко А. С — № 19564, с. 667
5 Педагогическая библиография (1936—1940) М, 1973.
Макаренко А. С.— с. 107, 318, 334, 519; о нем — с. 12. 119, 333.
6 Пискунов А. И. Советская историко-педагогическая литература (1918—1957): Сист. указ. / Под ред. В. З. Смирнова. М, 1960
А С. Макаренко, с 252—255; о нем — с. 225—282.
7. Плотников П. И. Воспитание детского коллектива: (Обзор пед. литературы об использовании пед. наследства А. С. Макаренко).— Сов. педагогика, 1955, № 2, с. 106—115.
8. Хрусталева В. А Литература о А. С. Макаренко (1959—1962).— Нар образование, 1963, № 3, с. 116—119.
9 Хрусталева В. А. А. С. Макаренко: Библиогр. указ / Под ред. Н. А. Зинкевича М., 1955. 16 с.
10. Хрусталева В А А. С. Макаренко. Библиогр. указ. / Под ред. Н. А Сундукова М., 1959. 136 с.
11 Хрусталева В А. Новая литература о А С. Макаренко.— Нар. образование, 1958, № 3, с. 113—116.
12. Цирлина Р. Д Библиографический указатель произведений А. С. Макаренко.— Нач. шк., 1941, № 6, с. 60—61.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВЕТСКОЕ ШКОЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ

ИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОПЫТА

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЭТИКА И ВОСПИТАНИЕ

О СЕМЕЙНОМ ВОСПИТАНИИ

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА, ПЕРЕПИСКА

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

АНТОН СЕМЕНОВИЧ МАКАРЕНКО

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В трех томах

Том третий

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ

Издание второе, исправленное и дополненное

Составитель, автор комментариев и примечаний
Н. Д. Ярмаченко, действительный член АПН СССР

Заведующий редакцией педагогики *М. И. Мухин.* Редактор *В. П. Горпынюк.*
Литредактор *Г. В. Брезницкая.* Художеств. редактор *Г. Е. Почищук.*
Обложка художника *М. М. Вольпова.* Технич. редактор *Л. Б. Ланцмач.*
Корректоры *О. И. Пискун, В. П. Пуха, Л. В. Шуминская.*

Информ. бланк № 5067.

Сдано в набор 21.03.85. Подписано к печати 05.10.85. Формат 60×90/16. Бумага типогр. № 2.
Гарнитура литературная. Способ печати высокий. Условн. лист. 37+1,06 вкл.+0,25 форзац.
Усл. кр.-отт. 39,56. Уч.-изд. лист 47,61+0,81 вкл.+0,11 форзац. Тираж 65 000 экз. Изд. № 30269.
Зак. 5-1140. Цена 2 р. 40 к.

Издательство «Радянська школа». 252053, Киев, Ю. Коцюбинского, 5.

Книжная фабрика имени М. В. Фрунзе. 310057, Харьков 57, Донец-Захаржевского, 6/8.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

В издательстве «Радянська школа» в 1985 году вышла такая литература:

Макаренко А. С. **Теория и практика коммунистического воспитания** / Составитель А. А. Фролов.— К.: Рад. шк., 1985.— 18 л.— Яз. рус.— 1 р. 10 к.

Книга включает статьи А. С. Макаренко, его выступления, докладные записки, отзывы, подготовительные материалы, деловую переписку, письма товарищам и близким, не вошедшие в семитомное издание произведений выдающегося педагога.

Бабанский Ю. К., Победоносцев Г. А. **Комплексный подход к воспитанию учащихся:** В вопросах и ответах.— К.: Рад. шк., 1985—10 л.— Яз. рус.— 65 к.

В книге в форме вопросов и ответов раскрывается понятие комплексного подхода к воспитанию учащихся и его функции. Рассматриваются пути совершенствования управления учебно-воспитательной работой с целью успешной реализации комплексного подхода к воспитанию, а также условия его полного осуществления.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ В 1986 ГОДУ ТАКИЕ ИЗДАНИЯ:

Баженов В. Г. **Педагогически запущенные подростки: Вопросы воспитания.**— К.: Рад. шк., 1986.— 10 л.— Яз. рус.— 30 к.

В книге дается психолого-педагогическая характеристика трудновоспитуемых детей, описывается методика изучения их индивидуальных особенностей, приводятся рекомендации по воспитанию педагогически запущенных подростков.

Сущенко Т. И. **Педагогический процесс во внешкольных учреждениях.**— К.: Рад. шк., 1986.— 10 л.— Яз. рус.— 45 к.

В пособии освещаются вопросы организации, формы и методы внеурочной и внешкольной воспитательной работы с учащимися в Домах пионеров, на станциях юных натуралистов, в спортивных, музыкальных и художественных школах, детских библиотеках и пионерских лагерях.

Доклад в Наркомпросе

Режим и дисциплина

1 Дисциплина – результат воспитательного процесса
Дисциплина должна гордиться
Дисциплина в старом обществе – техника удобства подданных. У нас – нравственно-политическая категория

2. Сознательная дисциплина
а) достижения целей коллектива
б) защита и совершенствование отдельного человека
в) дисциплина коллектива выше интересов члена
г) дисциплина украшает коллектив
д) дисциплина не проявляется только в приятном виде

3 Дисциплина сопровождается сознанием, но не вытекает из сознания, вытекает из опыта

4 Как организуется опыт дисциплины
Как можно больше требования к человеку, как можно больше уважения к нему
Опыт коллективной жизни
Размах колебаний маятника. Опыт сопротивления

5. Требование. Развитие требований
а) требование организатора
б) требование актива
в) требование коллектива
г) требование к самому себе
Непреклонность требования

6. Чего требовать
1) Подчинения коллективу
2 Повиновения

7 Формы требования
а) приглашение
б) разъяснение – тактика
в) принуждение
г) вопросы доверия
д) угроза

(22)

В Парторганизацию
Союза Советских Писателей

Члена ССП
Антона Семеновича
Макаренко

Заявление

Прошу принять меня в число кандидатов в члены ВКП (б)

А. Макаренко

Москва
15 - февраля 1939 г.

